ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ LXI.

1916.

ФЕВРАЛЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1916.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ по народному образованію.

(См. на 3-й стр. обл.).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ LXI.

1916.

ФЕВРАЛЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1916.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный правительствующему сенату.

1. (7-го декабря 1915 года). „Завѣдывающему врачебно-санитарною частью учебныхъ заведеній департамента народнаго просвѣщенія, доктору медицины, дѣйствительному статскому совѣтнику *Незнамову*— Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, сверхъ штата".

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

12. (26-го сентября 1915 года). *О присвоеніи Комратскому реальному училищу Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра I Благословеннаго.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 26-й день сентября 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Комратскому реальному училищу имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра I Благословеннаго.

(*Собр. уз. и расп. прав.*, 10-го декабря 1915 г., № 352, ст. 2590).

13. (10-го октября 1915 года). *О присвоеніи Сосницкому, Черниговской губерніи, второму городскому приходскому училищу Имени Дома Романовыхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день октября 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Сосницкому, Черниговской губерніи, второму городскому приходскому училищу Имени Дома Романовыхъ.

(Тамъ же, ст. 2591).

14. (10-го октября 1915 года). *О присвоеніи 12-ти начальнымъ училищамъ Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи, наименованія „Романовскія" въ ознаменованіе 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день октября 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе 12-ти земскимъ училищамъ Шадринскаго уѣзда: Басмановскому, Бродокалмакскому, Бѣликульскому, Бѣлоярскому, Верхтеченскому, Далматовскому, Каргопольскому, Кривскому, Мѣхонскому, Осѣевскому, Песковскому и Песчанскому наименованія „Романовскія" въ ознаменованіе 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.

(Тамъ же, ст. 2592).

15. (10-го октября 1915 года), *О присвоеніи земскимъ начальнымъ училищамъ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи, Березоточскому, Лукомскому, Матяшевскому и Тишковскому Имени Дома Романовыхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день октября 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе земскимъ начальнымъ училищамъ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи, Березоточскому, Лукомскому, Матяшевскому и Тишковскому Имени Дома Романовыхъ.

(Тамъ же, ст. 2593).

16. (10-го октября 1915 года). *О присвоеніи Бузулукскому, Самарской губерніи, I приходскому училищу наименованія „Романовское" въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день октября 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Бузулукскому, Самарской губерніи, I приходскому училищу наименованія „Романовское" въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.

(Тамъ же, ст. 2594).

17. (10-го октября 1915 года). *О присвоеніи Пителинскому земскому училищу, Раненбургскаго уѣзда, Рязанской губерніи, наименованія „Романовское".*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день октября 1915 года, Высочайше

соизволилъ на присвоеніе Пителинскому земскому училищу, Раненбургскаго уѣзда, Рязанской губерніи, наименованія „Романовское".

(Тамъ же. ст. 2595).

18. (10-го октября 1915 года). *О присвоеніи начальнымъ училищамъ въ 7-ми селеніяхъ Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи, наименованія „Романовскія".*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день октября 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе начальнымъ училищамъ въ селеніяхъ Сердобскаго уѣзда, Шадчинѣ, Драгуновкѣ, Названовскихъ хуторахъ, Алексѣевкѣ, Уваровкѣ, Изнаирѣ и Миткиреѣ наименованія „Романовскія" въ ознаменованіе 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.

(Тамъ же, ст. 2596).

19. (10-го октября 1915 года). *Объ утвержденіи Его Высочества Князя Игоря Константиновича въ званіи почетнаго блюстителя Осташевскаго двухкласснаго министерскаго училища, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день октября 1915 г., Высочайше соизволилъ на утвержденіе Его Высочества Князя Игоря Константиновича въ званіи почетнаго блюстителя Осташевскаго двухкласснаго министерскаго училища, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи.

(Тамъ же, ст. 2597).

20. (10-го октября 1915 года). *Объ учрежденіи при Тотемской учительской семинаріи на средства Тотемскаго уѣзднаго земства двухъ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день октября 1915 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Тотемской учительской семинаріи на средства Тотемскаго уѣзднаго земства двухъ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.

(Тамъ же, ст. 2598).

21. (10-го октября 1915 года). *О присвоеніи наименованія „Романовскихъ" шести стипендіямъ при нѣкоторыхъ высшихъ начальныхъ училищахъ Архангельской губерніи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра

народнаго просвѣщенія, въ 10-й день октября 1915 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе въ ознаменованіе 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ, наименованія „Романовскихъ" шести стипендіямъ при поименованныхъ ниже высшихъ начальныхъ училищахъ Архангельской губерніи, Саломбальскомъ, Шенкурскомъ, Холмогорскомъ, Пинежскомъ и Мезенскомъ.

(Тамъ же, ст. 2599).

22. (10-го октября 1915 года). *О присвоеніи наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ" стипендіямъ, учреждаемымъ при Уржумскомъ, Вятской губерніи, Бійскихъ мужскомъ и женскомъ, Томской губерніи, Каратузскомъ, Енисейской губерніи и Опочецкомъ, Псковской губерніи, высшихъ начальныхъ училищахъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день октября 1915 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ" слѣдующимъ стипендіямъ, учреждаемымъ при высшихъ начальныхъ училищахъ: тремъ стипендіямъ при Уржумскомъ, Вятской губерніи, пяти стипендіямъ при Бійскомъ мужскомъ и столькимъ же при Бійскомъ женскомъ, Томской губерніи, одной стипендіи при Каратузскомъ, Енисейской губерніи и восьми стипендіямъ при Опочецкомъ, Псковской губерніи.

(Тамъ же, ст. 2600).

23. (10-го октября 1915 года). *О присвоеніи наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ" стипендіямъ при нѣкоторыхъ высшихъ начальныхъ училищахъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день октября 1915 года Высочайше соизволилъ на присвоеніе наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ" слѣдующимъ стипендіямъ, учреждаемымъ при высшихъ начальныхъ училищахъ: пяти стипендіямъ при Оршанскомъ, Могилевской губерніи, тремъ—при Арскомъ, Казанской губерніи, двумъ—при Рѣжицкомъ, Витебской губерніи, столькимъ же при Богородскомъ, Московской губерніи, двумъ стипендіямъ при Владимірскомъ I и столькимъ же при Владимірскомъ II училищахъ и стипендіямъ при Ананьевскомъ, Херсонской губерніи, Новоржевскомъ и Островскомъ, Псковской губерніи, и Сенгилеевскомъ, Симбирской губерніи, училищахъ, по одной стипендіи при каждомъ.

(Тамъ же, ст. 2601).

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Въ воздаяніе отличнаго усердія и особыхъ трудовъ нижепоименованныхъ лицъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать кавалерами Императорскихъ и Царскихъ орденовъ: *святаго равноапостольнаго князя Владиміра четвертой степени*: временно-исполняющаго обязанности директора частной гимназіи Рождественскаго въ Москвѣ, отставного коллежскаго совѣтника Ивана *Рождественскаго* и потомственнаго почетнаго гражданина Петра *Капитонова* и *святыя Анны: второй степени*: попечителей училищъ: Спасо-Александровскаго земскаго двухкласснаго Петровскаго уѣзда, отставного статскаго совѣтника Николая *Ермолаева* и начальнаго „Свѣтлана", Малоархангельскаго уѣзда, отставного подполковника барона Владиміра *Пфейлитцера-Франка* и *третьей степени*: попечителя Покровско-Варежскаго, Нижне-Ломовскаго уѣзда, сельскаго начальнаго училища, отставного штабсъ-капитана князя Николая *Кугушева*, учителя начальнаго мужского имени Капцова городского училища, губернскаго секретаря Владиміра *Розанова*, вольнонаемнаго писца канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, коллежскаго регистратора Алексѣя *Родіонова*, потомственныхъ дворянъ: учителя-завѣдывающаго Куколовскимъ одноклассныиъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Александрійскаго уѣзда, Николая фонъ-*Зорга* и учителя Новосельскаго начальнаго училища Сергѣя *Валединскаго*, попечителя Одесскаго начальнаго, № 14—75, училища и казначея общества вспомоществованія недостаточнымъ учащимся въ городскихъ начальныхъ училищахъ Одессы, окончившаго курсъ въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ Николая *Боура*, почетнаго блюстителя Тюменскаго Вознесенскаго городского мужского приходскаго училища, дѣйствительнаго студента Императорскаго Московскаго университета, потомственнаго почетнаго гражданина Федора *Колмогорова*, попечителя Видогощенскаго земскаго училища, Корчевскаго уѣзда, барона Ивана *Корфа*, зубного врача Екатеринбургскаго Алексіевскаго реальнаго училища Александра *Хрущева* и попечителя Жарковскаго земскаго училища, Богородскаго уѣзда, потомственнаго почетнаго гражданина Сергѣя *Милованова* и *святаго Станислава*: *второй степени*—исполняющаго обязанности фельдшера Кронштадтской Императора Александра II гимназіи, отставного титулярнаго совѣтника Николая *Юношева* и *третьей сте-*

пени: предсѣдателя попечительнаго совѣта Московской частной женской гимназіи Гросманъ, отставного надворнаго совѣтника Ивана *Вернера*, дѣлопроизводителя попечительнаго совѣта Харьковской Маріинской женской гимназіи, отставного коллежскаго секретаря Афанасія *Толмачева*, писца канцеляріи Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища, изъ платы по найму, отставного коллежскаго регистратора Александра *Гриневича*, потомственныхъ дворянъ: служащаго по письменной части въ канцеляріи по студенческимъ дѣламъ Императорскаго Петроградскаго университета Іосифа *Бобицкаго*, попечителя Новоселковскаго начальнаго училища, Серпуховскаго уѣзда, Ивана *Вареникова*, члена попечительнаго совѣта Харьковской частной женской гимназіи, состоящей при евангелическо-лютеранской церкви св. Вознесенія, Владиміра *Лютера* и учителей училищъ: Яузскаго второго мужского начальнаго гор. Москвы Алексѣя *Терешкевича* и земскихъ: Толвицкаго, Псковскаго уѣзда, Василія *Мягкова* и Дворецкаго, Валдайскаго уѣзда, Константина *Жилинскаго*, учителя Обычевскаго начальнаго училища, Полтавской губерніи, дворянина Константина *Завадскаго-Краснопольскаго*, преподавателя законовѣдѣнія Царскосельскаго Императора Николая II реальнаго училища, окончившаго Императорскій Петроградскій университетъ съ дипломомъ первой степени Андрея *Лапина*, завѣдывающаго двухкласснымъ училищемъ министерства народнаго просвѣщенія при станціи „Быково" имени Шматковой, Бронницкаго уѣзда, окончившаго курсъ Императорскаго университета св. Владиміра въ Кіевѣ съ дипломомъ первой степени Никифора *Дубинина*, почетнаго блюстителя Калиновскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, инженеръ-строителя, окончившаго курсъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ съ дипломомъ первой степени Георгія *Вѣревскаго*, попечителя Барановскаго начальнаго училища, Жиздринскаго уѣзда, окончившаго курсъ Императорскаго Московскаго университета по юридическому факультету Петра *Третьякова*, члена попечительнаго совѣта Харьковской частной женской гимназіи, состоящей при евангелическо-лютеранской церкви св. Вознесенія, инженеръ-технолога Павла *Трепке*, бывшаго почетнаго блюстителя Копачанскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Бѣжецкаго уѣзда, потомственнаго дворянина Георгія *Рышкана-Дерожинскаго*, мастера-техника иконописнаго отдѣленія Большесольской ремесленной К. А. Попова школы, класснаго художника живописи, сына свободнаго художника Валеріана *Васильева*, потомственныхъ

почетныхъ гражданъ: попечителя Рѣшетихинскаго начальнаго училища, Балахнинскаго уѣзда, Александра *Гурьева* и почетнаго блюстителя школы Астраханской народной монархической партіи Николая *Коровина* и попечителя Власьевскаго начальнаго училища, Зарайскаго уѣзда, личнаго почетнаго гражданина Федора *Кузнецова.*

Государь Императоръ, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на пожалованіе къ 6-му декабря сего года корреспондента Николаевской главной физической обсерваторіи, провизора Ивана *Керстенса* и десятника и старшаго дворника Императорскаго Россійскаго историческаго музея Имени Императора Александра III, крестьянина Максима *Климова,* за отлично-усердную и полезную ихъ дѣятельность перваго — *подаркомъ* отъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени и послѣдняго—*почетнымъ кафтаномъ перваго разряда.*

Нижепоименованныя лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы на 6-е декабря 1915 года *званіемъ почетнаго гражданина: потомственнаго:* личные почетные граждане: вольнотрудящійся Императорской Публичной библіотеки Алексѣй *Николаевъ*, вольнонаемный писецъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Дмитрій *Кукиль*, попечители начальныхъ училищъ: Бориславскаго городского женскаго, Георгій *Сулимъ* и Любышскаго, Жиздринскаго уѣзда, присяжный повѣренный Ѳедоръ *Бреденфельдъ*, почетные блюстители училищъ: Солецкаго приходскаго мужского, Псковской губерніи, Михаилъ *Ванюковъ* и Выксунскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Ардатовскаго уѣзда, Петръ *Вишневсцкій,* исполняющій обязанности мастера механическо-токарной мастерской Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I Александръ *Четверухинъ*, завѣдывающій Высоцкимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ Михаилъ *Васильковъ*, учителя-завѣдывающіе училищами: Зегевольдскимъ евангелическо-лютеранскимъ волостнымъ, Карлъ *Саулитъ*, Голо-Пристанскимъ II народнымъ, Днѣпровскаго уѣзда, Елисей *Никитенко*, земскими одноклассными, Елисаветградскаго уѣзда: Георгіевскимъ, Григорій *Якименко* и Новомиргородскимъ, Дмитрій *Нестеренко*, Пушкинскимъ одноклассныиъ министерства народнаго просвѣщенія, Дорогобужскаго уѣзда, Иванъ *Соколенко*, двухклассными: Хотѣнскимъ, Ко-

зельскаго уѣзда, Егоръ *Лызловъ*, Бизюковскимъ земскимъ, Дорогобужскаго уѣзда, Дорофей *Иващенокъ* и министерства народнаго просвѣщенія: Лысковскимъ, Макарьевскаго уѣзда, Иванъ *Зимнинъ*, Ярцевскимъ фабричнымъ, Духовщинскаго уѣзда, Михаилъ *Поручиковъ*, Озерищенскимъ, Дорогобужскаго уѣзда, Семенъ *Андреевъ* и Кондровскимъ, Медынскаго уѣзда, Александръ *Золотовъ*, учителя училищъ: двухкласснаго при станціи „Козловъ I", Рязанско-Уральской желѣзной дороги, Сергѣй *Красновъ*, начальныхъ: Пустовойтовскаго перваго, Полтавской губерніи, Иванъ *Дроздовъ*, Петровскаго уѣзда: Старо-Захаркинскаго, Михаилъ *Одинцовъ*, Козловскаго перваго, Левъ *Ѳедяшевъ*, Безводнинскаго, Гавріилъ *Зиновьевъ*, Кондольскаго, Иванъ *Шестоперовъ*, Могилевскаго желѣзнодорожнаго, Риго-Орловской желѣзной дороги, Кипріанъ *Кожемяко*, товарищества Московскаго металлическаго завода въ городѣ Москвѣ, Сергѣй *Глазуновъ*, Рогачевскаго второго, Воронежскаго уѣзда, Александръ *Гедовіусъ*, Анучкинскаго сельскаго, Чембарскаго уѣзда, Николай *Платоновъ*, Тынненскаго народнаго одноклассного, Ушицкаго уѣзда, Василій *Бѣлянскій*, Арбоньевскаго перваго, Петроградской губерніи, Александръ *Игнатьевъ*, Хотыницкаго, Ямбургскаго уѣзда, Василій *Виноградовъ*, Уколовскаго перваго, Стефанъ *Наумовъ* и Нахичеванскаго-на-Дону „Георгіевскаго" мужского городского начальнаго, Иванъ *Марьинъ*, бывшій завѣдывающій Коннослободскимъ двухкласснымъ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Пензенскаго уѣзда, Северіанъ *Сутуловъ*, бывшіе учителя училищъ: Велинскаго земскаго начальнаго, Бронницкаго уѣзда, Максимъ *Орловъ*, Кольскаго одноклассного приходскаго, Яковъ *Шошинъ*, Чаусскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Адамъ *Шаволовъ* и Ламского начальнаго, Елецкаго уѣзда, Семенъ *Чижовъ*, вахтеръ главнаго зданія Императорской Академіи Наукъ Тимофей *Зарудній*, секретарь и письмоводитель попечительнаго совѣта Новгородской Николаевской женской гимназіи Николай *Блиновъ*, классный надзиратель, руководитель занятіями воспитанниковъ на пишущихъ машинахъ и учитель счисленія на счетахъ мѣщанскаго мужского училища Московскаго купеческаго общества Павелъ *Дунаевъ*, завѣдывающій Константиновскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія сельскимъ училищемъ, Ковенской губерніи, Александръ *Чесенко*, учителя-завѣдывающіе училищами: Одесскимъ № 1—36 городскимъ начальнымъ, Георгій *Калашниковъ* и Дулевскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія, Покровскаго уѣзда, Степанъ *Комиссаровъ*, учителя учи-

лищъ: Серпуховскаго третьяго мужского городского начальнаго въ гор. Москвѣ, Василій *Елчинъ*, министерства народнаго просвѣщенія: Никольскаго двухклассного, Покровскаго уѣзда, Петръ *Смирновъ* и Калнуйскаго одноклассного сельскаго, Ковенской губ., Константинъ *Простокишинъ*, Вейнскаго земскаго, Гдовскаго уѣзда, Яковъ *Ситкинъ* и начальныхъ: Поневѣжскаго второго городского, Николай *Игнатовичъ*, Волоколамскаго уѣзда: Утишевскаго, Семенъ *Сигаркинъ* и Ивановскаго, Сергѣй *Грузиновъ*, Нарвской суконной мануфактуры: Андрей *Якобсонъ* и Александръ *Мальштейнъ*, Чембарскаго уѣзда: Владикинскаго, Андрей *Ганцевъ*, Алексѣевскаго, Кассіанъ *Игнатьевъ* и Тарховскаго сельскаго, Матвѣй *Лемаевъ* и бывшій учитель-завѣдывающій, нынѣ почетный блюститель Антушевскаго двухклассного министерства народнаго просвѣщенія училища, Бѣлозерскаго уѣзда, Павелъ *Вересовъ*, почетный блюститель Тивдійскаго двухклассного министерства народнаго просвѣщенія училища, Олонецкой губерніи, купецъ Яковъ *Румянцевъ*, писецъ при канцеляріи Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, отставной писарь старшаго разряда Иванъ *Лагутинскій*, механикъ Севастопольской біологической станціи Императорской Академіи Наукъ, минно-машинный квартирмейстеръ первой статьи, Кондратъ *Сѣдовъ*, завѣдывающій Сребрянскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Полтавской губерніи, изъ казаковъ, Алексѣй *Некрашенко* и учителя училищъ: Михаило-Архангельскаго двухкласснаго желѣзнодорожнаго, Петроградскаго уѣзда, изъ питомцевъ Императорскаго воспитательнаго дома, Яковъ *Японцевъ*, Основянскаго начальнаго, Харьковскаго уѣзда, сынъ псаломщика Михаилъ *Тихомировъ*, Велико-Рожанскаго народнаго, Минской губерніи, сынъ псаломщика Иванъ *Лисицкій*, Михайловскаго начальнаго народнаго, Богучарскаго уѣзда, сынъ ученаго управителя Веніаминъ *Ивановъ*, одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Волосовскаго, Каргопольскаго уѣзда, сынъ купца Николай *Агапитовъ*, Галилештскаго сельскаго, Измаильскаго уѣзда, царанинъ Дмитрій *Канасѣвичъ*, Высокопольскаго двухкласснаго, Валковскаго уѣзда, сынъ цехового Иванъ *Левенко*, и Голодовскаго начальнаго народнаго, Моршанскаго уѣзда, сынъ казака Павелъ *Крячко*, изъ мѣщанъ: завѣдывающій Швекшнянскимъ двухкласснымъ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Ковенской губерніи, Константинъ *Михайловъ*, учитель-завѣдывающій Одесскимъ начальнымъ № 30—72 училищемъ, Василій *Горобченко*, учителя училищъ: Никольскаго двухкласснаго

министерства народнаго просвѣщенія, Покровскаго уѣзда, при фабрикѣ Викула Морозова Сергѣй *Зайцевъ* и начальныхъ: Кошуровскаго, Чембарскаго уѣзда, Степанъ *Шапошниковъ* и Старо-Шайговскаго, Инсарскаго уѣзда, Иванъ *Семеновъ*, исполняющій обязанности мастера Новгородской низшей ремесленной школы Петръ *Косцовъ*, учителя училищъ: Мюльграбенскаго мызнаго, Густавъ *Рисбергъ*, Манушкинскаго двухклласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Псковской губерніи, Михаилъ *Пароеновъ* и начальныхъ: Данковскаго, Воронежскаго уѣзда, Иванъ *Радинъ* и Салтыково-Бутскаго, Спасскаго уѣзда, Михаилъ *Малинъ*, почетный блюститель Сѣногубскаго двухклласснаго училища, Петрозаводскаго уѣзда, торгующій по второй гильдіи, крестьянинъ Василій *Лысановъ* и изъ крестьянъ: вольнонаемный писецъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Иванъ *Дончукъ*, руководитель мастерской Петровской ремесленной школы по игрушечному дѣлу въ гор. Тотьмѣ Ааронъ *Михельсонъ*, завѣдывающій одноклассным министерства народнаго просвѣщенія училищемъ при станціи „Пенза“, Сызрано-Вяземской желѣзной дороги, Иванъ *Дюдинъ*, учителя-завѣдывающіе пріютомъ-колоніей Имени Императора Александра II, Петроградской губерніи, Василій *Пикалевъ* и училищами: двухклассными министерства народнаго просвѣщенія: Бѣлозерскаго уѣзда: Шольскимъ—Матвѣй *Комельковъ* и Мегринскимъ—Григорій *Уткинъ* и Витебскимъ желѣзнодорожнымъ—Михаилъ *Матусевичъ* и Каменнымъ при Брянскомъ заводѣ начальнымъ—Николай *Шелыгановъ*, учителя училищъ: двухклласснаго при станціи „Козловъ“, Рязанско-Уральской желѣзной дороги, Сергѣй *Наумовъ*, министерства народнаго просвѣщенія: Большеустьевскаго одноклассснаго, Демянскаго уѣзда, Тимофей *Никитинъ* и Никольскъ-Пестровскаго двухклласснаго, Городищенскаго уѣзда, Иванъ *Роговъ*, начальныхъ: Ивотскаго, Брянскаго уѣзда, Николай *Богомоловъ*, Курдюжскаго, Кирилловскаго уѣзда, Кириллъ *Ивановъ*, второго Марьинскаго, Московской губерніи, Андрей *Потаповъ*, Основинскаго, Харьковскаго уѣзда, Иванъ *Токаревъ* и Расховецкаго II, Щигровскаго уѣзда, Андрей *Константиновъ*, народныхъ: Дубяно-Убесскаго, Ковенской губерніи, Иванъ *Дятковскій* и Минской губерніи: Дерновичскаго—Семенъ *Рудзикъ*, Костешовскаго—Ѳеоктистъ *Шулейко*, Радинскаго—Адамъ *Зенюкъ*, Ратутичскаго—Николай *Линникъ*, Качеричскаго—Евдокимъ *Шагулинъ* и Горбацевичскаго—Антонъ *Крайко*, Таракановскаго начальнаго народнаго, Ковровскаго уѣзда, Алексѣй *Ходулинъ*, земскихъ: Петроградской губерніи: Куттузскаго—Адамъ *Тейдеръ* и Терлевскаго—

Иванъ *Риккиненъ*, Луцкаго, Ямбургскаго уѣзда, Андрей *Барановъ* и Левшинскаго перваго, Каргопольскаго уѣзда, Иванъ *Кореховъ*, бывшіе учителя училищъ: начальныхъ Полтавской губерніи: Засульскаго—Евдокимъ *Руденко* и Харьковецкаго—Левъ *Тистикъ* и Карачевскаго приходскаго—Иванъ *Золотовъ*, попечитель Острѣчинскаго двухклассннаго земскаго училища, Олонецкой губерніи, Иванъ *Поповъ*, завѣдывающіе двухклассными училищами: Преображенскимъ желѣзнодорожнымъ, Лужскаго уѣзда, Иванъ *Прокофьевъ*, Куртамышскимъ, Челябинскаго уѣзда, Константинъ *Павловъ*, Жосельскимъ сельскимъ, Виленской губерніи, Михаилъ *Ивановъ* и Роговскимъ министерства народнаго просвѣщенія сельскимъ, Ковенской губерніи, Антонъ *Ходаренко*, учителя-завѣдывающіе училищами: Кореневскимъ одноклассннымъ, Рыльскаго уѣзда, Евфимъ *Мужецкій*, Одесскимъ начальнымъ № 91—Василій *Козленко* и Диковскимъ земскимъ, Александрійскаго уѣзда, Михаилъ *Куренный*, учителя училищъ: Богородицкаго двухклассннаго, Щигровскаго уѣзда, Петръ *Сердюченко*, Паше-Андреевскаго министерства народнаго просвѣщенія, Новоладожскаго уѣзда, Михаилъ *Ѳомичевъ*, земскихъ: Савиновщинскаго, Гдовскаго уѣзда, Яковъ *Гудовъ*, и Островенскаго, Лужскаго уѣзда, Николай *Смирновъ* и начальныхъ: Нарвской льнопрядильной мануфактуры—Петръ *Реттель* (Ретэлъ) и Свищевскаго, Чембарскаго уѣзда, Аркадій *Архиповъ*, бывшій завѣдывающій Кіево-Соломинскимъ двухклассннымъ сельскимъ училищемъ Николай *Домбровскій* и бывшіе учителя училищъ: Федоровскаго второго земскаго, Елисаветградскаго уѣзда, Романъ *Матросъ* и Барышевскаго начальнаго, Полтавской губерніи, Иванъ *Волошинъ*, и *личнаго*: староста церкви Старобѣльской Александровской мужской гимназіи, купецъ Кириллъ *Марченко*, вольнонаемный писецъ при канцеляріи проректора Императорскаго университета св. Владиміра, отставной писарь старшаго разряда Яковъ *Папировъ*, почетный блюститель Генфалъ-Ефремовскаго и Красноярскаго, Цымлянской станицы, Донской области, одноклассныхъ приходскихъ училищъ, казакъ Иванъ *Колотиловъ*, разсыльный при отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, отставной рядовой Александръ *Дроздовъ*, изъ мѣщанъ: вольнотрудящійся Императорской публичной библіотеки Николай *Кожевниковъ*, вольнонаемный писецъ Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ Сергѣй *Титовъ*, почетный блюститель Сургутскаго двухклассннаго городского приходскаго училища Галактіонъ *Клепиковъ*, почетный блюститель Больше-Лиховидовскаго и Поповскаго на Чиру приходскихъ училищъ

и попечитель Пономаревскаго одноклассного сельскаго училища, Донской области, Иванъ *Левочкинъ*, почетный блюститель Чернышевскаго женскаго училища третьяго разряда, Донской области, Василій *Соболевъ*, учитель пѣнія Ростовскихъ на-Дону городскихъ 11-го мужского, 5-го, 6-го и 17-го женскихъ начальныхъ училищъ Дмитрій *Сычевъ*, кузнецъ при мастерскихъ Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища Василій *Гуляевъ* и слесарь при мастерскихъ того же училища Никтополіонъ *Тимофеевъ*, вахтеръ дома Императорской Академіи Наукъ по 7-й линіи, отставной рядовой Александръ *Гуляевъ* и изъ крестьянъ: исполняющіе обязанности: смотрителя зданій Петроградской первой гимназіи Василій *Скобелевъ* и, изъ платы по найму, помощника классныхъ наставниковъ частнаго реальнаго училища Воскресенскаго въ Москвѣ Александръ *Полонсевичъ*, вахтеръ Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I Лукашъ *Буковскій* (онъ же Жейгуровъ), членъ Петроградскаго эстонскаго общества образованія и призрѣнія сиротъ Георгій *Мяги* и слесарь при мастерскихъ Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища Степанъ *Скрозниковъ*.

Нижепоименованныя лица, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію Всемилостивѣйше пожалованы, на 6-ое мая 1915 года, *серебряною медалью, съ надписью «за усердіе», для ношенія на груди, на Александровской лентѣ*: по Петроградскому учебному округу: начальница частной женской гимназіи Нехорошевой въ Петроградѣ, Лидія *Нехорошева*, учители-завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами, Шенкурскаго уѣзда: Ревдинскимъ, Николай *Сухановъ* и Щеговарскимъ, Александръ *Кулаковъ*, учителя училищъ: одноклассныхъ сельскихъ: Шиженскаго второго, министерства народнаго просвѣщенія, Кемскаго уѣзда, Прокопій *Семушинъ* и Онежскаго уѣзда: Боровскаго общественнаго, Андрей *Вологинъ* и Нименгскаго, Тимофей *Шишовъ*, учительницы училищъ: приходскихъ: Устьсысольскаго мужского: Марія *Бариштакъ* и Марія *Тентюкова* и Устьсысольскаго женскаго, Марія *Богословская*, Устьсысольскаго уѣзда: Ношульскаго одноклассного министерства народнаго просвѣщенія Надежда *Мурогина*, Вильгорскаго двухклассного земскаго начальнаго, Анисья *Старовская*, начальныхъ: Гурганскаго, Анна *Іевлева* и Кайгородскаго, Ольга *Шарапова* и начальныхъ земскихъ: Курьядорскаго, Анна *Спасская*, Ма-

каръ-Кросскаго, Валентина *Суханова*, Новинскаго, Агнія *Суханова* и Ултаевскаго, Анна *Латкина*, завѣдывающіе училищами министерства народнаго просвѣщенія: Никифоровскимъ двухклассным, Устюжнскаго уѣзда, Александръ *Тарасовъ* и Тихвинскаго уѣзда: Петровскимъ, Николай *Солнцевъ* и Яковлевскимъ, Андрей *Чистяковъ*, учители училищъ: министерства народнаго просвѣщенія: Абакановскаго двухкласснаго, Череповецкаго уѣзда, Николай *Земляницынъ* и одноклассныхъ: Дубровскаго, Валдайскаго уѣзда, Николай *Козловскій*, Покровскаго, Череповецкаго уѣзда, Семенъ *Мамончиковъ*, Демянскаго уѣзда: Любницкаго, Петръ *Тихомировъ* и Моисеевскаго, Павелъ *Степановъ*, Ферапонтовскаго, Кирилловскаго уѣзда, Флегонтъ *Логиновъ* и Петровскаго, Тихвинскаго уѣзда, Александръ *Венедиктовъ*, земскихъ: Ламерскаго двухкласснаго, Крестецкаго уѣзда, Василій *Рысаковъ* и одноклассныхъ: Демянскаго уѣзда: Польскаго, Трофимъ *Щербаковъ* и Филиппогорскаго, Андрей *Стальновъ*, Старскаго, Валдайскаго уѣзда, Поликарпъ *Пановъ*, Демянскаго уѣзда: Глѣбовщинскаго, Георгій *Орѣховъ* и Липьевскаго, Иванъ *Соловьевъ*, Окоемовскаго, Череповецкаго уѣзда, Алексѣй *Сандальневъ* и Мигачевскаго, Кирилловскаго уѣзда, Александръ *Бѣляевъ* и начальныхъ, Тихвинскаго уѣзда: Антоновскаго, Андрей *Поздньшевъ* и Дороховскаго, Илларіонъ *Николаевъ*, учительницы училищъ: женскихъ приходскихъ: Валдайскаго двухкласснаго, Олимпіада *Щербова* и Устюжнскаго, Марія *Коронатова*, двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Огибаловскаго, Кирилловскаго уѣзда, Руфина *Ларіонова* и Ручьевскаго, Крестецкаго уѣзда, Елизавета *Молоденкова*, Березнягскаго, министерства народнаго просвѣщенія, Тихвинскаго уѣзда, Марія *Иванова*, двухклассныхъ земскихъ, Череповецкаго уѣзда: Хмелинскаго, Александра *Богаченко*, Чаевскаго, Анна *Чистякова*, Юрьевецкаго, Капитолина *Калачева* и Ягницкаго, Клавдія *Князева*, одноклассныхъ земскихъ: Заборковскаго, Валдайскаго уѣзда, Марія *Верещагина* и Демянскаго уѣзда: Висючеборскаго, Александра *Дудина* и Любенскаго, Анна *Степанова*, земскихъ: Симонихскаго, Валдайскаго уѣзда, Валентина *Швечнова*, Кирилловскаго уѣзда: Бутырскаго, Елизавета *Тотубалина* и Ивановскаго, Елизавета *Звѣзда* и Борковскаго, Старорусскаго уѣзда, Вѣра *Міаковская*, начальныхъ: Стрѣченскаго, Старорусскаго уѣзда, Елена *Мысловская* и Тихвинскаго уѣзда: Березнягскаго, Лидія *Докукина*, Красноборскаго, Ксенія *Знаменская*, Куневичскаго, Марія *Яковлевичъ*, Пудрольскаго, Анна *Антоніевская* и Шарьинскаго, Клавдія *Георгіевская* и Перскаго земскаго, Устюжнскаго уѣзда, Вѣра *Виноградова*,

завѣдывающій Няндомскимъ двухклассным желѣзнодорожнымъ училищемъ, Каргопольскаго уѣзда, Иванъ *Надежинъ*, учительницы училищъ: Петрозаводскаго второго приходскаго, Марія *Григорьева* и Пигижемско-Георгіевскаго земскаго, Пудожскаго уѣзда, Татьяна *Казанская*, учителя училищъ: Бередниковскаго частнаго, Тихвинскаго уѣзда, Петръ *Богдановъ* и Ухтомскаго земскаго начальнаго, Кирилловскаго уѣзда, Алексѣй *Николаевъ*, учительница Кронштадтской женской прогимназіи, Елизавета *Голынская*, учительницы женскихъ гимназій: Кронштадтской Александринской, Клавдія *Моисеева* и Архангельской Маріинской, Лидія *Ахаткина*, учительницы Новоржевской женской прогимназіи: Нина *Сондоевская* и Лидія *Гусева* и учительницы земскихъ училищъ: Великогубскаго двухкласснаго, Петрозаводскаго уѣзда, Елизавета *Солнышкова*, Ракинскаго начальнаго, Устьсысольскаго уѣзда, Елизавета *Попова* и Кочевинскаго, Кирилловскаго уѣзда, Марія *Малиновская*, по Московскому учебному округу: учительницы начальнаго училища при фабрикѣ товарищества Малютина въ с. Раменскомъ, Бронницкаго уѣзда: Аполлинарія *Шабельникова* и Елена *Никольская*, по Харьковскому учебному округу: учителя начальныхъ училищъ: Филенковскаго, Павелъ *Бондарь* и Вольновскаго, Иванъ *Сокольскій*, учительницы начальныхъ училищъ: Братеницкаго одноклассного, Ефросинія *Кремповская*, Губаровскаго, Елена *Соболь*, Мурафовскаго женскаго одноклассного, Надежда *Семейкина*, Полково-Никитовскаго, Екатерина *Бондарь*, Павловскаго, Марія *Коваль* и Барановскаго, Валентина *Бухкалова*, учителя училищъ: Богаевскаго одноклассного, Веніаминъ *Рубинскій* и Ново-Водолажскаго двухкласснаго, Фома *Никитянскій*, учительницы начальныхъ училищъ: Валковскаго второго, Марфа *Сизова*, Велико Бурлуцкаго, Ольга *Радченко* и Бурлучанскаго, Вѣра *Сергѣева*, двухклассныхъ: Печенежскаго перваго, Александра *Коробейникъ*, Заводянскаго второго: Елена *Коновалова* и Феодора *Заикина* и Графско-Сельскаго, Татіана *Берестовая*, Богородичанскаго начальнаго народнаго, Варвара *Радченко*, Бѣлоколодезскаго двухкласснаго: Александра *Агѣева* и Клавдія *Изюмская*, Амбарненскаго начальнаго, Анна *Бѣликова* и Велико-Бурлуцкаго двухкласснаго, Анна *Рыбальченко*, учителя училищъ: Волоховскаго двухкласснаго, Захарій *Поповъ*, Григорьевскаго начальнаго народнаго, Тимофей *Тыринъ* и Ивановскаго двухкласснаго, Павелъ *Скринниковъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Елисѣевскаго, Анна *Кель*, Варваровскаго, Анастасія *Фаворова* и Бугаевскаго двухкласснаго, Марія *Сорнева*, учитель Гниличанскаго второго двухкласснаго начальнаго училища Ми-

хаилъ *Бондаревъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Рубежанскаго второго, Вѣра *Терновская* и двухклассныхъ: Верхне-Салтовскаго, Елена *Родіонова* и Нижне-Салтовскаго, Марія *Луговикова*, учитель Скалоновскаго начальнаго училища Василій *Андрейченко*, учительницы начальныхъ училищъ: Волчанскаго четвертаго женскаго, Софія *Яременко*, Заводянскаго перваго двухклассснаго, Екатерина *Сташевская*, Николаевскаго двухклассснаго, Анастасія *Ковалевская*, Евграфовскаго, Варвара *Гогина* и Романовскаго, Неонила *Ломакина*, учителя начальныхъ училищъ: Никольскаго, Захарій *Захаровъ*, Скрыпаевскаго, Николай *Захарьевъ* и Лебяжскаго, Иванъ *Выходцевъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Гинѣевскаго, Евгенія *Попова*, Андреевскаго, Надежда *Филоновичъ*, Замостянскаго, Александра *Грузинцева*, Шелудковскаго, Александра *Богуславская*, Михайловскаго, Анна *Бочарова*, Славянскаго приходскаго, Наталія *Шелишпанова*, Бунмерскаго, Надежда *Кошлакова*, Алешанскаго, Марія *Щепинская* и Васильевскаго двухклассснаго, Евдокія *Колесинская*, учитель Терновскаго начальнаго училища Федоръ *Никифоровъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Бобровскаго, Вѣра *Добровольская*, Груньскаго, Анна *Сильченко*, четвертаго Лебединскаго приходскаго, Марія *Лавренко* и Боровеньковскаго—Клавдія *Грабилина*, учителя начальныхъ училищъ: Велико-Исторонскаго Владиміръ *Поповъ*, Кекинскаго, Емельянъ *Луневъ* и Верхне-Сыроватскаго, Парфеній *Селезневъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Лебединскаго, Варвара *Золотарева*, Велико-Бобрикскаго, Александра *Литвинова*, Вировскаго, Зинаида *Юскевичъ*, Анновскаго, Анна *Слабко* и Стецковскаго, Марія *Эллинская*, учитель Прорубскаго начальнаго училища Иванъ *Душка*, учительница Гребениковскаго начальнаго училища, Валентина *Вечеровская*, учитель того же училища Александръ *Линицкій*, учительницы начальныхъ училищъ: Николаевскаго второго, Марія *Лезина*, двухклассныхъ желѣзнодорожныхъ: Ворожбанскаго, Екатерина *Пименова* и Бѣлопольскаго, Ольга *Скляренко*, Нижне-Сыроватскаго, Зинаида *Туме*, Климовскаго, Ольга *Балановская*, Больше-Чернетчинскаго, Вѣра *Лызлова*, Николаевскаго перваго, Анна *Изволенская*, Обидовскаго, Ольга *Алексѣенко*, Бѣлопольскаго третьяго, Лариса *Согина*, Кекинскаго, Наталія *Лунева*, Песчанскаго, Марія *Олейникова*, двухклассныхъ: Основянскаго, Лидія *Попова* и Филипповскаго, Валентина *Попова* и Безлюдовскаго, Марія *Петина*, учители начальныхъ училищъ: Безруковскаго, Иванъ *Демченко* и Больше-Цаповскаго, Петръ *Плесковъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Дергачевскаго второго, Александра *Акимова*, Золочев-

скаго женскаго, Лариса *Лыско*, Кадничанскаго Надежда *Грекова*, Мерефянскаго женскаго, Анна *Якубинская*, Немышлянскаго: Евгенія *Веселовская* и Леонила *Труфанова*, Ольшанскихъ: перваго: Евгенія *Ващенко* и Марія *Харина* и второго, Анастасія *Кирѣева*, Основянскаго, Варвара *Сысоева*, Русско-Лозовскаго, Зинаида *Сѣрая*, Синолицевскаго второго, Анастасія *Пересыпкина* и при Харьковскомъ сахаро-рафинадномъ заводѣ, Елизавета *Корцева*, учителя начальныхъ училищъ: Казачье-Лопанскаго двухкласснаго Іоакимъ *Побійпичъ* и Карасевскаго, Алексѣй *Шебатинскій*, учительницы начальныхъ училищъ: Карасевскаго, Евдокія *Шебатинская*, Цыркуновскаго, Анастасія *Базилевичъ*, Липецкаго, Агафія *Савинова*, Трубацкаго, Антонина *Колмакова*, Сокольскаго, Капитолина *Булгакова*, Верхосемскаго, Ольга *Гамова*, Мантуровскаго, Марія *Калошина*, Сухочевскаго, Дарія *Василенко*, Останковскаго, Надежда *Праведникова*, Соколовскаго, Анна *Антипова*, Сергіевскаго: Марія *Одинцова* и Олимпіада *Іосифова*, Кромскаго, Варвара *Головачева*, Ржавскаго, Надежда *Милолюбская*, и Фатежскаго городского приходскаго, Вѣра *Бугаревичъ*, учителя начальныхъ училищъ: Воскресенскаго, Андрей *Ушаковъ*, Полсела-Горяиновскаго, Василій *Саньковъ* и Иванолисицкаго, Александръ *Романовъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Стрѣлецкаго, Марія *Волошина* и Борисовскаго Успенскаго мужского, Клеопатра *Кульминская*, учителя начальныхъ училищъ: Высоковскаго, Павелъ *Головачевъ*, Головчанскаго мужского, Михаилъ *Жеребиловъ* и третьяго Грайворонскаго приходскаго, Дмитрій *Полежаевъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Борисовскаго Успенскаго, Александра *Водяницкая*, Комаровскаго перваго, Марія *Косянчукъ*, Коровяковскаго, Екатерина *Фатѣева*, Звановскаго перваго, Елизавета *Курдюмова*, Путивльскаго приходскаго мужского, Александра *Кардашевская*, Пагаричанскаго, Валентина *Кокорева* и Износковскаго, Анна *Соколова*, учителя начальныхъ училищъ: Иванинскаго, Петръ *Михайловъ*, Обуховскаго, Михаилъ *Широковъ* и двухкласснаго желѣзнодорожнаго при ст. «Курскъ» Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги, Владиміръ *Лаврентьевъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Курскаго перваго желѣзнодорожнаго при ст. «Курскъ», Капитолина *Никифорова*, Ольховскаго, Валентина *Кукулина*, Старогородскаго, Клеопатра *Мухина* и Чубаровскаго, Елизавета *Курятникова*, учительница-завѣдывающая Дубовицкимъ сельскимъ двухкомплектнымъ училищемъ, Анна *Никитина*, учительница Клишинскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Евгенія *Романова*, учитель-завѣдывающій Березовскимъ сельскимъ

двухкомплектнымъ начальнымъ училищемъ, Косма *Языковъ*, учителя начальныхъ училищъ: Свердликовщинскаго, Захарій *Черняевъ*, Ильковскаго, Сильвестръ *Брыльковъ* и Велико-Рыбицкаго, Иванъ *Распоповъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Кукуевскаго, Марія *Мурашкина*, Гончаровскаго, Екатерина *Бурмакина*, Лебедевщинскаго, Параскева *Бирина*, Мало-Рыбицкаго, Екатерина *Горлачева*, Миропольскаго женскаго, Марія *Гузенная* и четвертаго Козловскаго приходскаго женскаго, Екатерина *Колпакова*, учителя Козловскихъ приходскихъ мужскихъ училищъ: шестого, Максимъ *Максимовъ*, пятаго: Іосифъ *Глушковъ* и Григорій *Ивановъ* и Градскоземскаго седьмого, Артемій *Вавилинъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Старо-Тарбѣевскаго, Екатерина *Сухина* и Ярославскаго, Софія *Өедорова*, учителя двухкласснаго мужского училища при ст. „Козловъ" Рязанско-Уральской жел. дор.: Алексѣй *Ивановъ* и Василій *Бѣляевъ*, учительницы училищъ: Градскоземскаго пятаго Козловскаго приходскаго женскаго, Вѣра *Соколова*, начальныхъ народныхъ: Ярославскаго, Марія *Өедорова* и Александровско-Сабуровскаго, Анна *Покровская*, начальница Спасскаго городского одноклассныаго женскаго училища, Варвара *Розова*, учителя начальныхъ училищъ: Никольскаго, Михаилъ *Мымриковъ*, двухкласснаго при ст. „Тамбовъ" Рязанско-Уральской жел. дор., Иванъ *Дмитріевъ* и Ямского мужского, Өедоръ *Карягинъ*, содержательница и учительница частнаго начальнаго училища въ гор. Тамбовѣ, Пелагея *Макарова*, учительница частнаго двухкласснаго училища III разряда Соловьевой въ гор. Тамбовѣ, Валерія *Добровольская*, учителя Тамбовскихъ городскихъ приходскихъ училищъ: восьмого, Алексѣй *Чухонцевъ* и девятаго, Өедоръ *Головановъ*.

Серебряною медалью, съ надписью за „усердіе", для ношенія на груди, на Александровской лентѣ: учительницы училищъ: Тамбовскихъ городскихъ приходскихъ женскихъ: седьмого, *Лѣсникова* и четвертаго, Марія *Гостева*, Ростовскаго земскаго, Елизавета *Звонарева*, начальныхъ: Агишевскаго, Антонина *Шолохова* и Болушевскаго, Марія *Романова* и Ростовскаго на-Дону второго городского женскаго, Ольга *Гусельщикова*, учитель Ростовскаго на-Дону десятаго городского мужского начальнаго училища, Михаилъ *Матвѣевъ*, учительницы училищъ: Ростовскаго на-Дону четырнадцатаго городского мужского начальнаго, Елена *Кошелева*, Макѣевскаго рудничнаго народнаго, Людмила *Хованская*, Краснокутскаго III разряда, Евгенія *Воронкова* и народныхъ: Михайловскаго, Александра *Юдина* и Терновскаго, Антонина *Сватикова*, учителя училищъ: народныхъ: Михайловскаго, Петръ

Юдинъ и Сѣкачевскаго, Леонидъ *Гурьевъ* и сельскихъ начальныхъ: Кевдовершинскаго, Иванъ *Колбичевъ*, Голодяевскаго, Александръ *Алексѣевъ* и Глѣбовскаго, Андрей *Кожевниковъ*, учительница Невѣжкинскаго одноклассного сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Екатерина *Давыдова*, учительницы женскихъ гимназій: Изюмской, Екатерина *Любарская* и Курской Маріинской: Марія *Курдюмова* и Софія *Смирницкая*, классная надзирательница Харьковской Маріинской женской гимназіи Марія *Барсукова* и учитель Ивановскаго второго начальнаго училища, Льговскаго уѣзда, Федоръ *Двойныхъ*; по Оренбургскому учебному округу: начальница Челябинской женской гимназіи Надежда *Вейсъ*, учительница Екатеринбургской первой женской гимназіи, Надежда *Баева*, классныя надзирательницы той же гимназіи: Александра *Сысоева*, Марія *Коровина* и Ольга *Иванова*, учительница Шадринскаго реальнаго училища Агнія *Петрова*, учительницы женскихъ гимназій: Ирбитской: Елизавета *Словцова*, Александра *Овчинникова* и Ольга *Лебедева* и Нижне-Тагильской: Екатерина *Дмитріева* и Марія *Садовская*, учителя начальныхъ училищъ, Ирбитскаго уѣзда: Шогринскаго, Василій *Казанцевъ* и Килачевскаго, Александръ *Груздевъ*, учительницы начальныхъ училищъ того же уѣзда: Крутихинскаго, Анна *Тихонова*, Харьковскаго, Анна *Славнина*, и Скородумскаго, Клавдія *Бѣлоногова*, учитель Чермозскаго мужского одноклассного училища, Соликамскаго уѣзда, Иванъ *Шумковъ*, учительницы: Козмодемьянскаго училища, Соликамскаго уѣзда, Анимаиса *Калашникова*, Екатеринбургской второй женской гимназіи, Лидія *Будрина* и Пермскихъ училищъ: восьмого мужского, Анна *Леонтьева*, девятаго мужского, Августа *Рябинина*, имени Н. В. Гоголя, Таисія *Старкова* и седьмого женскаго, Анна *Эльфманъ* и Екатеринбургской мужской Императора Александра II Освободителя гимназіи, Амалія *Эггертъ* и учителя-завѣдывающіе училищами: Томаръ-Уткульскимъ одноклассным русско-киргизскимъ, Актюбинскаго уѣзда, Сагандыкъ *Доцановъ* и Алексѣевскимъ двухклассным, Кустанайскаго уѣзда, Григорій *Глушковъ*; по Одесскому учебному округу: учителя-завѣдывающіе училищами: народными: Красно-Каменскимъ, Александрійскаго уѣзда, Сергѣй *Гаценко*, Павлоградскаго уѣзда: Лубянскимъ, Ефимъ *Высторопскій* и Николаевскимъ первымъ, Карпъ *Дятко*, Каменскимъ рудничнымъ начальнымъ, Славяносербскаго уѣзда, Матвѣй *Бойко* и земскими начальными: Лозово-Павловскимъ, того же уѣзда, Степанъ *Ковалевъ* и Цезаревскимъ, Тираспольскаго уѣзда, Николай *Пыженковъ*, учителя училищъ: двухклассныхъ министерства народнаго просвѣще-

нія: Васильковскаго, Павлоградскаго уѣзда, Андрей *Кунцевичъ*, Петриковскаго, Новомосковскаго уѣзда, Павелъ *Платоновъ* и при ст. „Лозовая", южныхъ жел. дор., Павлоградскаго уѣзда, Павелъ *Копьевъ*, двухклассныхъ земскихъ начальныхъ: Пересадовскаго, Херсонскаго уѣзда, Михаилъ *Пазюкъ* и Чернухинскаго, Славяносербскаго уѣзда, Николай *Орнатскій*, двухкласснаго начальнаго при заводѣ Гартмана въ гор. Луганскѣ: Федоръ *Бебелло* и Федоръ *Горбачевскій*, одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Кислицкаго, Измаильскаго уѣзда, Михаилъ *Монойловъ* и Мерешенскаго, Кишиневскаго уѣзда, Дмитрій *Паскевичъ* и начальныхъ: Больше-Михайловскаго второго, Александровскаго уѣзда, Феодосій *Гавриленко* и Новомосковскаго уѣзда, Котовскаго, Алексѣй *Барлитъ* и Васильевскаго второго земскаго, Николай *Кирилловъ*, учительницы Кишиневской женской гимназіи, учрежденной Наговской: Елена *Макъ-Гинесъ* и Елена *Гецевичъ*, учительницы-завѣдывающія училищами: Васильевскимъ земскимъ начальнымъ, Славяносербскаго уѣзда, Анастасія *Гергіевская*, Кишиневскимъ восьмымъ приходскимъ однокласснымъ, Софія *Шикирлійская* и Николаевскимъ третьимъ народнымъ, Павлоградскаго уѣзда, Валентина *Скубакова*, учительницы училищъ: двухклассныхъ сельскихъ: Павлоградскаго уѣзда: Вязовскаго, Варвара *Монаенко* и Юрьевскаго, Лидія *Коржъ*, двухкласснаго начальнаго при заводѣ Гартмана въ гор. Луганскѣ: Варвара *Ямпольская* и Алевтина *Кибардина*, Больше-Михайловскаго второго начальнаго, Александровскаго уѣзда, Софія *Гавриленко*, земскихъ начальныхъ: Елизаветовскаго перваго, Новомосковскаго уѣзда, Надежда *Чепурковская*, Пересадовскаго одноклассаго, Херсонскаго уѣзда, Елизавета *Лобкова*, одноклассныхъ приходскихъ: Боюканскаго въ предмѣстьи гор. Кишинева, Антонина *Будакова* и Кишиневскихъ: второго женскаго: Вѣра *Попова* и Надежда *Жуковская*, четвертаго женскаго, Евфросинія *Дудко*, восьмого, Пенелопа *Каридія* и десятаго, Марія *Анкудовичъ*, приходскихъ: Луганскаго второго имени А. С. Пушкина, Александра *Климашова* и Павлоградскаго женскаго, Валентина *Костыря*, Подгороднянскаго второго народнаго, Павлоградскаго уѣзда, Александра *Полыско*, Новогеоргіевскаго женскаго двухкласснаго городского приходскаго, Ольга *Покрасса*, Кишиневскаго приходскаго одноклассаго, Зинаида *Карчевская* и Кишиневскаго перваго женскаго приходскаго одноклассаго: Александра *Джебко* и Анисія *Шальникова*, содержательницы и учительницы частныхъ училищъ 3-го разряда для дѣтей обоего пола: христіанскаго въ гор. Павлоградѣ, Наталія *Казанская* и въ гор. Луганскѣ, Юлія *Цукъ*

и содержатель и учитель частнаго еврейскаго мужского училища 3-го разряда въ гор. Павлоградѣ, Есель *Фруминъ;* по Рижскому учебному округу: учителя волостныхъ училищъ: Туккумскаго уѣзда: Церкстенскаго, Андрей *Бергманъ* и Дегаленскаго, Эрнстъ *Кетте*, Виндавскаго уѣзда: Шлекъ-Амельнскаго, Яковъ *Грюнбергъ* и Роттофскаго II, Фрицъ *Кулантъ*, Баусскаго уѣзда: Мезотенскаго, Карлъ *Медейкъ*, Руэнтальскаго, Янъ *Розенбергъ* и Экаускаго перваго, Янъ *Шитка*, Равенскаго, Газенпотскаго уѣзда, Христофоръ *Рапинъ*, Грикенъ-Гольдингенскаго уѣзда, Ансъ *Якобсонъ* и Цепуритскаго евангелическо-лютеранскаго, Венденскаго уѣзда, Петръ *Шмидтъ*, учителя-завѣдывающіе министерства народнаго просвѣщенія училищами: Грамзденскимъ одноклассныимъ, Газенпотскаго уѣзда, Фрицъ *Ялгетъ* и двухклассными сельскими, Верроскаго уѣзда: Вальгъярвскимъ, Мартинъ *Сіймань*, Оравскимъ, Петръ *Варкель* и Репинскимъ, Августинъ *Петерсонъ*, учитель Ахъяскаго Лянистскаго волостного училища, Юрьевскаго уѣзда, Янъ *Кооскоръ* и учительницы-завѣдывающія Рижскими правительственными начальными училищами: XVIII, XIX, XX и XXI, Надежда *Соколова*, XII, XXV и XXVI, Пелагея *Урядникова* и V, XXIX и XXX Анна *Анисимова;* по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя Тюменскихъ городскихъ приходскихъ училищъ: Потаскуевскаго мужского, Несторъ *Абышевъ* и Успенскаго, Михаилъ *Ганіевскій*, учительницы училищъ: Тюменскаго Вознесенскаго городского приходскаго, Анна *Чернавина*, Кулаковскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія сельскаго, Сусанна *Лузгина* и сельскихъ начальныхъ: Гилевскаго, Зоя *Заборовская* и Липчинскаго, Елизавета *Грѣхова*, учителя-завѣдывающіе училищами: Акмолинскимъ вторымъ мужскимъ городскимъ приходскимъ, Петръ *Токаревъ* и двухклассными сельскими министерства народнаго просвѣщенія: Кривоозернымъ, Павелъ *Медвѣдевъ* и Балкашинскимъ, Сергѣй *Провоторовъ*, учительницы-завѣдывающія городскими приходскими училищами: мужскими: Акмолинскимъ первымъ, Александра *Стрѣлецкая* и Петропавловскимъ четвертымъ, Пелагея *Макарова* и Омскимъ восьмымъ женскимъ, Серафима *Шангина*, учительницы училищъ: городскихъ женскихъ приходскихъ: Омскихъ: Покровскаго, Елена *Сартакова*, Ильинскаго: Анна *Черкашенина* и Зинаида *Радоминова*, Крестовоздвиженскаго, Александра *Клейнштейнъ* и Никольскаго, Евдокія *Потанина* и Павлодарскаго, Екатерина *Краснова* и Николаевскаго однокласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Вѣра *Куринская* и учительница-завѣдывающая Каркаралинскимъ женскимъ городскимъ приходскимъ учили-

щемъ Августа *Белдыцкая*; по Кіевскому учебному округу: завѣдывающій Мальковскимъ двухклассным сельскимъ училищемъ Михаилъ *Волковъ* и учительницы двухклассныхъ училищъ: Войтовскаго приходскаго, Елена *Елисѣева* и сельскихъ: Монастырскаго, Людмила *Волкова* и Андрушевскаго, Анна *Чернодубравская*; по Казанскому учебному округу: учительница Пермяковскаго, Вятской губерніи, училища Вѣра *Ананьева;* по Виленскому учебному округу: учителя одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія училищъ, Ковенскаго уѣзда: Чекижскаго, Михаилъ *Паднюкъ* и Вильчатовскаго, Симонъ *Возняллисъ*, учительница Бруковишскаго народнаго училища, Поневѣжскаго уѣзда, Доротея *Путне*, учителя народныхъ училищъ: Поневѣжскаго уѣзда: Кемянскаго, Іосифъ *Бальчунасъ*, Легайльскаго, Викентій *Кассакайтисъ*, Посвольскаго, Семенъ *Семеновъ* (онъ же Козелъ), Швабишскаго, Августъ-Іоганнъ *Келертъ* и Юсенскаго, Антонъ *Величко*, Александрійскаго, Тельшевскаго уѣзда, Ѳедоръ *Боровскій*, Жейменскаго, Ковенскаго уѣзда, Людвигъ *Буткевичъ*, Тельшевскаго еврейскаго, Соломонъ *Рацеръ*, Баевскаго, Горецкаго уѣзда, Василій *Грищенковъ*, Слуцкаго еврейскаго, Янкель-Беръ *Елинъ* и Василевичскаго, Рѣчицкаго уѣзда, Александръ *Сивко* и учительницы училищъ: народныхъ, Рѣчицкаго уѣзда: Микуличскаго, Александра *Проневичъ* и Липовскаго, Лидія *Опашова* и Копысскаго мужского приходскаго, Анна *Лобова*; по Приамурскому краю: учительницы Никольскъ-Уссурійскихъ городскихъ приходскихъ училищъ: третьяго, Марія *Щербачева*, пятаго, Александра *Елисѣева* и женскаго, Надежда *Колоскова*, учитель Никольскъ-Уссурійскаго V городского приходскаго училища, Петръ *Хохлачевъ*, учительница-завѣдывающая Владивостокскимъ Алексѣевскимъ одноклассным городскимъ женскимъ училищемъ Вѣра *Орлова*, учителя одноклассныхъ приходскихъ училищъ: Майхинскаго, Филиппъ *Бердникъ* и Харитоновскаго, Михаилъ *Цѣплинскій*, учительница Николаевской на-Амурѣ женской гимназіи Наталія *Куликова*, учитель той же гимназіи Дмитрій *Барминъ*, завѣдывающія и содержательницы частной съ правами для учащихся женской прогимназіи въ гор. Харбинѣ: Марія *Оксаковская* и Олимпіада *Около-Кулакъ* и учительница той же гимназіи, Александра *Пфингстенъ*, и по Туркестанскому краю: учитель Тедженскаго русско-туземнаго двухкласснаго училища, Дмитрій *Лисицынъ*, учительницы Асхабадскаго женскаго начальнаго училища: Марія *Астрѣлина* и Евгенія *Зейфертъ* и завѣдывающія приходскими училищами: Полтавскимъ двухклассныамъ, Екатерина *Скатницкая* и Николаевскимъ женскимъ, Анастасія *Блажіевская* и низшимъ част-

нымъ учебнымъ заведеніемъ въ гор. Асхабадѣ, Сусанна *Мамиконянъ*; по Петроградскому учебному округу: учительницы женскихъ гимназій: Бѣлозерской, Александра *Богословская* и Устюжинской, Александра *Орловская*, завѣдывающій Путиловскимъ двухкласснымъ училищемъ, Шлиссельбургскаго уѣзда, Василій *Шарыпинъ*, учителя-завѣдывающіе министерства народнаго просвѣщенія училищами: Новоладожскаго уѣзда: Кобонскимъ двухкласснымъ, Степанъ *Смирновъ* и Колчановскимъ, Алексѣй *Талановъ*, учителя училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Кологривскаго двухкласснаго, Гдовскаго уѣзда, Владиміръ *Майеровъ* и Новоладожскаго уѣзда: Гостинопольскаго, Иванъ *Ефимовъ*, Доможировскаго, Петръ *Тимоѳеевъ* и Усадищенскаго, Павелъ *Секавинъ*, завѣдывающій Шапкинскимъ земскимъ училищемъ, Шлиссельбургскаго уѣзда, Лаврентій *Кононовъ*, учителя земскихъ училищъ: Поличенскаго, Гдовскаго уѣзда, Николай *Потемкинъ*, Новоладожскаго уѣзда: Голтовскаго, Михаилъ *Харьковъ* и Загубскаго, Иванъ *Платоновскій*, Заовражскаго, Гдовскаго уѣзда, Яковъ *Александровъ*, Новоладожскаго уѣзда: Изсадскаго, Николай *Кудряшевъ*, Меминскаго, Петръ *Тупицынъ*, Посадниковскаго, Олимпъ *Платоновскій* и Хваловскаго, Павелъ *Виноградовъ* и Староскворецкаго, Царскосельскаго уѣзда, Исаакъ *Іортика*, учительницы училищъ: Кронштадтскаго двухкласснаго женскаго приходскаго, Пелагея *Александрова* и министерства народнаго просвѣщенія: Сясоскорядковскаго двухкласснаго, Новоладожскаго уѣзда: Евгенія *Семенова*, Доложскаго, Гдовскаго уѣзда, Матрена *Киселева* и Колчановскаго, Новоладожскаго уѣзда, Валентина *Черновская*, завѣдывающая Фарфоровскимъ земскимъ училищемъ, Петроградскаго уѣзда, Ольга *Игнатьева*, учительницы училищъ: Ушаковскаго, Петроградскаго уѣзда, Марія *Солонская* и земскихъ: Гдовскаго уѣзда: Александровскаго, Екатерина *Эймбке* и Засосскаго, Клавдія *Московская* и Новоладожскаго уѣзда: Дудачкинскаго, Римма *Трифонова*, Ледневскаго, Анастасія *Кубецкая*, Мелексенскаго, Парасковья *Муравьева*.

Серебряною медалью, съ надписью за „усердіе“, для ношенія на груди, на Александровской лентѣ: по Петроградскому учебному округу: учительницы училищъ: Новоладожскаго уѣзда: Мотоховскаго, Юлія *Гаврилова*, Мысловскаго, Александра *Моисеева*, Ребровскаго, Евгенія *Лебединская*, Черноушевскаго, Антонина *Горюнова* и Шижнемскаго, Марія *Степанова*, содержательница частнаго учебнаго заведенія 3-го разряда въ Петроградѣ, Эмилія *Эриксонъ*, учители училищъ: министерства народнаго просвѣщенія, Повѣнецкаго уѣзда: Гимольскаго однокласснаго, Василій *Трошинъ* и Святнаволоцкаго, Яковъ *Харито-*

новъ и земскихъ: Лумбушскаго, того же уѣзда, Георгій *Сергѣевъ*, Вохновскаго двухкласснаго, Иванъ *Горностаевъ*, Боровичскаго уѣзда: Медвѣдевскаго, Иванъ *Селяниновъ* и Яковищскаго, Николай *Кузнецовъ* и Кондашскаго, Череповецкаго уѣзда, Иванъ *Заводчиковъ*, учительницы училищъ: земскихъ: Боровичскаго уѣзда: Волосовскаго, Анна *Бѣлякова* и Гребловскаго, Марія *Герасимова* и Козловскаго, Кирилловскаго уѣзда, Марія *Новоденская*, Михалевскаго начальнаго, Тихвинскаго уѣзда, Марія *Максимова*, Череповецкаго уѣзда: Митинскаго земскаго, Анна *Попова* и Нелазскаго, Екатерина *Бѣлизина*, учители училищъ: Островскаго двухкласснаго желѣзнодорожнаго, Герасимъ *Горелъ*, Опочецкаго мужского приходскаго, Александръ *Серебряковъ*, Выборгскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Островскаго уѣзда, Яковъ *Кроминъ*, Сергіевскаго министерства народнаго просвѣщенія, Торопецкаго уѣзда, Владиміръ *Григорьевъ*, земскихъ: Псковскаго уѣзда: Городищенскаго, Александръ *Пауликъ*, Оклюдицкаго, Иванъ *Ефимовъ* и Хотицкаго, Николай *Никитинъ*, Новоржевскаго уѣзда: Высоковскаго, Макарій *Антоновъ* и Духновскаго, Николай *Прокофьевъ* и Островскаго уѣзда: Береднинкаго, Василій *Загорскій* и Кожинскаго, Василій *Арбузовъ*, учительницы училищъ: приходскихъ женскихъ: Новоржевскаго, министерства народнаго просвѣщенія, Елена *Хабарова*, Новоржевскаго городского, Александра *Грудинкина* и Солецкаго, Порховскаго уѣзда, Антонина *Соловьева*, министерства народнаго просвѣщенія: Торопецкаго уѣзда: Вѣнецкаго, Евгенія *Литвинова*, Прилукскаго, Клавдія *Степанова*, и Сивертскаго, Марія *Самуйлова* и земскихъ: Псковскаго уѣзда: Болдинскаго, Зинаида *Жигачева* и Дмитро-Софійскаго, Елена *Горожанская*, Опочецкаго уѣзда, Вѣчевскаго, Анна *Максимова*, Слизневскаго, Александра *Ильинская* и Шейкинскаго, Надежда *Шпаковская*, Островскаго уѣзда: Аграфенино-Забѣлинскаго, Варвара *Пашкова*, Больше-Подъяблонскаго, Елизавета *Петрова*, Бубневскаго, Александра *Назарова*, Бурляевскаго, Марія *Плотникова*, Гривскаго, Ольга *Колиберская*, Дубковскаго, Вѣра *Ильина*, Никитинскаго, Олимпіада *Генделева* и Умерпишевскаго: Александра *Колиберская* и Надежда *Колиберская*, Порховскаго, 7-го начальнаго, Вѣра *Богданова*, земскихъ, Порховскаго уѣзда, Бродковскаго, Татіана *Мочалина* и Ровнянскаго, Зинаида *Семенова* и учительница Череповецкой Маріинской женской гимназіи, Надежда *Друэнъ*; по Московскому учебному округу: учитель Колоссовскаго начальнаго училища, Елецкаго уѣзда, Дмитрій *Корнѣевъ*, учительницы училищъ: Ериловскаго начальнаго, Елецкаго уѣзда, Александра *Андреев-*

ская, Ильинскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ, приходскаго одноклассного, Капитолина *Фонтанова*, начальныхъ, Арзамасскаго уѣзда: Кирилловскаго: Лидія *Домбровская* и Анна *Швецова*, Выѣздно-Слободского женскаго: Анна *Яковлева* и Марія *Шутова* и Красносельскаго: Антонина *Морковина* и Наталія *Нѣмцова*, учитель Холосто-Майданскаго начальнаго училища, Арзамасскаго уѣзда, Федоръ *Троицкій*, учительницы начальныхъ училищъ, Арзамасскаго уѣзда: Селемскаго, Ольга *Мельникова*, Сосповскаго, Анна *Меликова*, Новосельскаго, Вѣра *Мыслетина* и Ломовскаго, Антонина *Монина*, учители училищъ, Арзамасскаго уѣзда, Вечкусовскаго начальнаго, Александръ *Горячкинъ* и двухклассныхъ: Смирновскаго: Василій *Лавровъ* и Вячеславъ *Пупковъ*, Мотовиловскаго, Николай *Мельниковъ* и Озерско-Ямскаго, Николай *Федяковъ*, учительницы училищъ: Арзамасскаго уѣзда: двухклассныхъ: Смирновскаго, Елизавета *Пупкова*, Мотовиловскаго, Анастасія *Мельникова* и Выѣздно-Слободского, Екатерина *Фирфарова* и начальныхъ: Алемаевскаго, Марія *Меликова*, и Вацковскаго, Татіана *Казакова*, учитель Меленинскаго начальнаго училища, Арзамасскаго уѣзда, Өедоръ *Колесовъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Арзамасскаго уѣзда: Меленинскаго, Марія *Колесова*, Чернухинскаго, Лидія *Самсонова* и Шатковскаго, Софія *Корешова* и Московской губерніи: Измайловскаго, Александра *Виноградова*, Богородскаго второго, Марія *Денисова*, Марьинскаго третьяго, Марія *Зайцева*, Хлѣбниковскаго, Вѣра *Карягина*, Витеневскаго, Ираида *Князева*, Марьинскаго четвертаго, Клавдія *Невѣжина*, Богородскаго перваго, Пелагея *Румянцева*, Благушинскаго, Серафима *Сергѣева* и Котово-Мысовскаго, Софія *Чекова*, бывшая учительница Петровско-Хамовническаго мужского городского начальнаго училища, Елизавета *Комарова*, учительница Яузскаго четвертаго мужского городского начальнаго училища, Вѣра *Никитина*, классныя учительницы мужскихъ городскихъ начальныхъ училищъ: Петровско-Сущевскаго, Елизавета *Петрова*, и Срѣтенскаго перваго Пушкинскаго, Лидія *Сперанская*, учительница Андроньевскаго четвертаго мужского городского начальнаго училища Марія *Суворова*, учитель-воспитатель Александровскаго Московскаго ремесленнаго общества смѣшаннаго начальнаго училища въ Москвѣ, Максимъ *Быстровъ*, учитель Голубинскаго начальнаго училища, Серпуховскаго уѣзда, Константинъ *Егоровъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Серпуховскаго уѣзда, Дракинскаго, Ольга *Сорокина*, Михайловскаго, Екатерина *Чуфарова* и Шараповскаго, Юлія *Соколова*, Богородскаго уѣзда: Амеревскаго, Ольга *Друганова*, Воскресенскаго,

Евдокія *Даева* и Грибанинскаго, Анастасія *Суворова*, учитель Душеновскаго училища Константинъ *Голубевъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Богородскаго уѣзда: Кудиновскаго, Ольга *Курапова*, Назарьевскаго, Зинаида *Горохова*, Обуховскаго, Марія *Рождественская*, Порѣевскаго, Александра *Дмитріева*, Петровско-Лосинскаго, Елена *Крылова*, Степуринскаго, Агриппина *Боловина*, Трубинскаго, Екатерина *Муравьева*, Филимоновскаго, Капитолина *Зорина*, Щекавцевскаго, Наталія *Спасская* и Богородскаго городского мужского, Екатерина *Хлѣбникова*, Московскаго уѣзда: Кожуховскаго ближняго, Юлія *Сердюкъ*, Куракинскаго: Августа *Яшке* и Анна *Фигуровская* и Листвянскаго, Марія *Тарасова*, учитель Мытищенскаго четвертаго училища, Московскаго уѣзда, Андрей *Знаменскій*, учительницы начальныхъ училищъ Московскаго уѣзда: Люберецкаго перваго, Вѣра *Бындасова*, Перервинскаго: Анна *Курышева* и Людмила *Соколова*, Перовскаго перваго, Варвара *Афонская*, и Люберецкаго перваго, Еннафа *Провоторова*, учитель Люберецкаго перваго училища, Московскаго уѣзда, Федоръ *Провоторовъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Московскаго уѣзда: Покровско-Дубровскаго, Марія *Мѣшалкина*, Выхинскаго, Александра *Коршева*, Гольяновскаго, Екатерина *Казанская* и Люберецкаго второго, Марія *Арнольдова* и Меленковскаго уѣзда: Борковскаго, Анна *Миловидова*, Максимовскаго, Валентина *Береснева*, Гусевскаго, Ольга *Аббакумова*, Черсевскаго, Евдокія *Антонова*, Больше-Приклонскаго, Зинаида *Беневоленская*, Кононовскаго, Ольга *Ставровская*, Денятинскаго двухкласснаго, Марія *Тихонравова*, Егревскаго, Наталія *Никольская*, и Лехтовскаго, Лидія *Амбодикъ*, учителя начальныхъ училищъ того же уѣзда: Рѣпинскаго, Николай *Дубровинъ*, Дудорскаго, Григорій *Сиротинскій* и Шиморскаго двухкласснаго, Степанъ *Герасимовъ*, учительницы начальныхъ училищъ Покровскаго уѣзда: Никольскаго двухкласснаго Саввы Морозова, Вѣра *Побѣдинская*, Марковскаго, Елизавета *Поспѣлова*, Симоново-Пекшинскаго, Лидія *Наумова*, Покровскаго, Алевтина *Никольская*, Мануйловскаго, Пелагея *Субботина*, двухклассныхъ: Никольскаго, Екатерина *Ильинская*, Никольскаго, Екатерина *Озерецкая*, Никольскаго, Олимпіада *Альбицкая*, Никольскаго, Ольга *Смирнова* и Никольскаго, Ольга *Бѣлова*, Лачужскаго, Елена *Вахлина*, Новскаго, Варвара *Соколова*, Щетиновскаго двухкласснаго, Марія *Острякова*, Костинскаго, Маргарита *Введенская*, Головинскаго, Марія *Лялицкая* и Костинскаго, Екатерина *Орфенова*, учители начальныхъ училищъ, Покровскаго уѣзда: Цѣпелевскаго, Пантелеймонъ *Бородулинъ*, Мохо-

биховскаго, Яковъ *Сиадовъ*, Никольскаго двухкласснаго, Сергѣй *Рождественскій*, Войновскаго, Василій *Красовскій*, Щетиновскаго двухкласснаго, Сергѣй *Остряковъ*, Ваууловскаго, Алексѣй *Соловъевъ*, Никольскаго двухкласснаго, Михаилъ *Побѣдинскій*, Лачужскаго, Александръ *Вахминъ*, Подболотновскаго, Александръ *Юницкій*, Никольскаго двухкласснаго, Николай *Мельниковъ*, Ючмерскаго, Иванъ *Жучихинъ* и Кубыкинскаго двухкласснаго, Константинъ *Сергѣевъ*, бывшій учитель школы грамоты, Меленковскаго уѣзда, при Владимірскомъ благотворительномъ обществѣ Александръ *Сивковъ*, учительница Адамовскаго начальнаго училища, Медынскаго уѣзда, Параскева *Берлова*, учитель Варваровскаго начальнаго училища, того же уѣзда, Петръ *Малининъ*, учительницы начальныхъ училищъ, Медынскаго уѣзда: Ворсобинскаго, Варвара *Маркова*, Дороховскаго, Вѣра *Луганская*, Дубнинскаго, Пелагая *Стефанова*, Ильинскаго, Ольга *Попова*, Носовскаго, Надежда *Попова*, Потаповскаго, Анна *Никольская*, Прудищенскаго, Надежда *Губина*, Пушкинскаго, Марія *Иванова*, Раевскаго, Антонина *Ставровская* и Стройловскаго, Евдокія *Громова*, учителя двухклассныхъ училищъ, того же уѣзда: Мятлевскаго, Василій *Воскресенскій* и Мятлевскаго, Михаилъ *Панкратовъ*, учительницы училищъ: двухклассныхъ: Полотняно-Заводскаго, Медынскаго уѣзда, Параскева *Облеухова*, и Кондровскаго, того же уѣзда, Анастасія *Жукова*, начальныхъ: Троицкаго, Тарусскаго уѣзда, Марія *Георгіевская*, Никольскаго въ память Императора Александра II двухкласснаго, Параскева *Георгіевская* и Мышего-Заводскаго, Тарусскаго уѣзда, Вѣра *Демидова*, учитель Вязовенскаго начальнаго училища, Мещевскаго уѣзда, Семенъ *Мамошинъ*, учительницы училищъ: приходскихъ: Перемышльскаго женскаго одноклассиаго, Анна *Брейтфусъ* и Орловскаго четвертаго мужского: Ксенія *Никольская*, Вѣра *Дементьева* и Марія *Ѳивейская*, начальныхъ, Орловскаго уѣзда: Аггеевскаго, Юлія *Логинова*, Болотовскаго, Александра *Грабилина*, Пятницкаго: Елизавета *Грибакина* и Марія *Успенская* и Станово-Колодезскаго: Анна *Сошникова* и Александра *Сошникова*, учителя Баклановскаго начальнаго училища, того же уѣзда: Иванъ *Ктиторовъ* и Михаилъ *Казаковъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Кокоревскаго, Трубчевскаго уѣзда, Анна *Никитская* и Орловскаго уѣзда: Какуренковскаго, Софія *Струнникова* и Озеровскаго, Серафима *Максимова*, учители начальныхъ училищъ: Глазуновскаго, Мценскаго уѣзда, Павелъ *Казаковъ*, Тургиновскаго, Тверского уѣзда, Петръ *Преображенскій* и Итмановскаго, Сергачскаго уѣзда, Павелъ *Листовъ*, учитель-

ницы начальныхъ училищъ: Тверского уѣзда: Желтуховскаго, Вѣра *Синева*, Неготинскаго, Анна *Ильина*, Вишенскаго, Марія *Лебедева*, Степанковскаго, Людмила *Суслова*, Рагодинскаго, Татьяна *Звѣрева*, Дмитровскаго, Клавдія *Боцманова*, Аннинскаго, Маргарита *Клопская*, Заборовскаго, Наталія *Лебедева*, Морозовскаго фабричнаго, Зиновія *Тюскова*, Краснобскаго, Любовь *Курова*, Неготинскаго, Марія *Былино*, Олбовскаго, Анна *Головина*, Волынцевскаго, Елизавета *Заботина*, Сомовскаго женскаго городского въ гор. Твери, Вѣра *Модестова*, Иванцевскаго, Варвара *Никольская*, Тургиновскаго, Прасковья *Преображенская*, Затверецкаго городского, Зинаида *Суетинова*, Борцынскаго, Марія *Фуртова*, Поминовскаго, Августа *Рослякова*, Пушкинскаго городского, Анна *Иванова*, Больше-Троицкаго, Ѳеофанія *Мощанская*, Бѣле-Архіерейскаго, Ольга *Флоренская*, и Ржевскаго уѣзда: Ракитинскаго, Екатерина *Кондратьева*, Марковскаго, Александра *Сержантова*, Оленинскаго, Татьяна *Миловидова* и Ракитинскаго, Зинаида *Соболева* и Моисеевскаго одноклассного земскаго Дорогобужскаго уѣзда, Марія *Зубакина*, учители земскихъ училищъ, Дорогобужскаго уѣзда: Ромодановскаго двухкласснаго, Василій *Казаковъ* и Бѣленинскаго одноклассного, Николай *Макаровъ*, учительницы одноклассныхъ земскихъ училищъ, Дорогобужскаго уѣзда, Какушкинскаго, Вѣра *Зубакина*, Полежакинскаго, Серафима *Зубакина*, Тушневскаго, Вѣра *Докукина* и Ямского, Агафія *Короткова*, учителя училищъ: одноклассныхъ земскихъ, того же уѣзда, Сковородинскаго, Ѳеодоръ *Кушнеревъ* и Подмошьевскаго, Михаилъ *Леоновъ*, двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія при станціи „Рязань" Московско-Казанской желѣзной дороги Павелъ *Кулаковъ*, начальныхъ, Зарайскаго уѣзда: Высоковскаго, Иванъ *Алексѣевъ* и Троицко-Борковскаго, Александръ *Ельченковъ*, двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Подлѣзно-Слободского, Зарайскаго уѣзда, Иванъ *Рябцевъ* и Марчуковскаго, Ряжскаго уѣзда, Михаилъ *Пановъ* и начальныхъ: Спасскаго уѣзда: Тереховскаго: Дмитрій *Кукинъ* и Красно-Холмскаго, Иванъ *Сырцовъ* и Татищевскаго, Раненбургскаго уѣзда, Петръ *Соколовъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Зарайскаго уѣзда, Сосновскаго, Марія *Кудрина*, Борисово-Околицкаго, Ольга *Логвенова*, Гальцовскаго, Марія *Рябцева*, Кругловскаго, Елизавета *Успенская* и Клепалинскаго, Лидія *Филонова*, Ряжскаго уѣзда: Марчуковскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія Вѣра *Панова*, Курбатовскаго, Екатерина *Подшивалина* и Ямского, Любовь *Юносова*, Спасскаго уѣзда, Ново-Киструсскаго, Серафима *Карпѣльцева* и

Ижевско-Никольскаго, Марія *Сафонцева* и Раненбургскаго уѣзда: Нижне-Якимецкаго, Наталія *Алексина* и Колыбельскаго второго: Параскева *Красавцева*, начальницы женскихъ гимназій: частной Хрѣновской, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Елисавета *Хрѣновская* и Мологской, Софія *Богоявленская*, учительницы женскихъ гимназій: Смоленской второй, Евгенія *Канапосевичъ*, Ростовской Маріинской: Евфросинія *Бычкова*, Ольга *Костюкова*, Александра *Рѣдкина* и Ираида *Цвѣтаева*, при Брянскомъ заводѣ въ Бѣжицѣ: Александра *Чуксина* и Фавста *Кутузова*, Касимовской, Вѣра *Кондратьева*, Тульской первой, Екатерина *Ѳедорова*, Подольской, Надежда *Жильцова*, частной Хрѣновской въ Нижнемъ-Новгородѣ, Вѣра *Холодная*, Евгенія *Раткина*, Софія *Оль*, Надежда *Адріанова* и Меланія *Граціанова*, Мологской, Ревекка-Наталія *Торопова*, Нижегородской Маріинской: Евгенія *Смирнова* и Зинаида *Романова* и Костромской Григоровской: Марія *Морева* и Валентина *Брызгалова*, надзирательница Ростовской Маріинской женской гимназіи Александра *Бычкова*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Касимовской: Олимпіада *Кроткова* и Екатерина *Михальская*, Тульской первой: Ольга *Сорокина*, Елизавета *Покровская* и Клавдія *Введенская*, частной Хрѣновской въ Нижнемъ-Новгородѣ: Елена *Плетнева* и Варвара *Покровская*, Мологской, Марія *Тихомирова* и Марія *Бѣлгородская*, учитель-завѣдывающій Чертенскимъ двухклассными министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Мосальскаго уѣзда, Давидъ *Бушуевъ*, учитель Нефедовскаго начальнаго училища, Серпуховскаго уѣзда, Николай *Зерцаловъ*, учительницы училищъ: начальныхъ, Серпуховскаго уѣзда: Бутурлинскаго: Александра *Бѣлоусова* и Клавдія *Захарова*, Новоселковскаго, Надежда *Любимова* и Бадѣевскаго, Клавдія *Малинковская*, Славковскаго одноклассснаго земскаго, Дорогобужскаго уѣзда, Надежда *Солнцева* и Дорогобужскаго третьяго приходскаго одноклассснаго, Екатерина *Боровикова* и учитель Вержинскаго одноклассснаго земскаго училища, Дорогобужскаго уѣзда, Іоакимъ *Кармановъ*; по Харьковскому учебному округу: учитель Рыбинскаго начальнаго народнаго училища, Моршанскаго уѣзда, Павелъ *Окороковъ*, учительницы училищъ: Рыбинскаго начальнаго, Моршанскаго уѣзда, Елена *Сервилина* и Алгасовскаго одноклассснаго, того же уѣзда, Клавдія *Юсова*, учитель Богородицко-Липовскаго начальнаго народнаго училища, Моршанскаго уѣзда, Василій *Петрушининъ*, учительницы училищъ: Каменскаго женскаго высшаго начальнаго: Софія *Козина* и Клавдія *Мазанкина*, женскихъ 3-го разряда: Новочеркасскаго Пушкинскаго: Пелагія *Го-*

лоднова и Евдокія *Медвѣдева*, Новочеркасскаго, Екатерина *Чернобаева* и Александровскаго, Александра *Бабкова*, Кагальницкаго женскаго начальнаго, Іустинія *Лодянова*, Хомутовскаго женскаго 3-го разряда, Неонила *Голоднова*, Сидорово-Кадамовскаго начальнаго, Елизавета *Лукашевская*, Аксайскаго женскаго 3-го разряда: Евгенія *Базилевская* и Антонина *Нарциссова*, начальныхъ: Александровскъ-Грушевскаго, Татьяна *Попова* и Воронежскаго уѣзда: Брезняговскаго, Инна *Меркулова*, Ивановскаго, Екатерина *Анохина*, Трудолюбовскаго, Анна *Купріянова* и Рябчинскаго второго, Александра *Юркевская*, учители двухклассныхъ училищъ, Воронежскаго уѣзда: Рождественско-Хавскаго, Михаилъ *Дубикинъ* и Верхне-Хавскаго, Василій *Колыбихинъ*, учительница Верхне-Хавскаго двухкласснаго училища, Воронежскаго уѣзда, Марія *Колыбихина*, учителя начальныхъ училищъ, Воронежскаго уѣзда: Рогачевскаго перваго, Семенъ *Поповъ*, Веневитинова-Хавскаго, Григорій *Рыбалкинъ*, Больше-Приваловскаго, Дмитрій *Михайловскій*, Усманскаго перваго, Георгій *Цимбалистъ*, Хлѣбенскаго, Андрей *Мещеряковъ*, Тарасовскаго, Діонисій *Потаповъ* и Перовскаго, Тимофей *Шишацкій*, учительницы начальныхъ училищъ того же уѣзда: Хрѣновскаго, Пелагія *Ефимова*, Коломенскаго, Маріамна *Виноградова*, Козьмодемьянскаго, Анна *Иванова*, Хрѣновскаго, Елена *Корзунъ*, Горенско-Высельскаго, Марія *Егорова*, Усманскаго третьяго, Пелагія *Левашова*, Нижне-Катуховскаго, Ольга *Левашова*, Скрипицинскаго, Варвара *Меркулова*, Запрудскаго перваго, Ольга *Тютюнникова*, Горкинскаго, Марія *Лихачева* и Верейскаго, Антонина *Лубяновская*, учитель Еланскаго-Колѣнскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Новохоперскаго уѣзда, Яковъ *Момровъ*, учительницы начальныхъ училищъ Новохоперскаго уѣзда: Поворинскаго желѣзнодорожнаго, Марія *Булавкина* и Алферовскаго перваго, Лидія *Рѣшетникова*, учитель Песковскаго четвертаго начальнаго училища, Новохоперскаго уѣзда, Михаилъ *Пропадящевъ*, учительницы начальныхъ училищъ того же уѣзда: Макаровскаго третьяго, Елена *Семеновская* и Калмыковскаго второго, Любовь *Смородина*, учителя Макаровскихъ начальныхъ училищъ Новохоперскаго уѣзда: третьяго, Николай *Алексѣевъ* и второго, Никаноръ *Панченко*, учительницы училищъ: Ново-Сотенскаго второго начальнаго, Острогожскаго уѣзда, Александра *Ростовцева*, Бобровскаго городского приходскаго женскаго, Александра *Аметистова* и Старотолучеевскаго начальнаго, Богучарскаго уѣзда, Екатерина *Куколевская*, учители начальныхъ училищъ, Богучарскаго уѣзда: Калачеевскаго третьяго,

Павелъ *Катаржиновъ* и Новокріушанскаго второго, Федоръ *Чеховъ* и учительницы начальныхъ училищъ того же уѣзда: Коренскаго, Александра *Антонова*, Калачеевскаго третьяго, Наталья *Катаржинова*, Старокріушанскаго перваго, Ольга *Исакова* и Дьяченскаго перваго, Онисія *Котлярова*, учитель Хрѣновскаго коннозаводскаго начальнаго училища, Бобровскаго уѣзда, Алексѣй *Падалка*, учительница Харьковской частной женской гимназіи, учрежденной Грегорцевичъ, Зинаида *Страхова*, классная надзирательница Воронежской женской гимназіи, учрежденной Нечаевой, Елена *Чижевская*, учительница Кадомской женской гимназіи Елизавета *Өедосѣева* и классная надзирательница Шацкой женской гимназіи Анна *Сысоева*; по Оренбургскому учебному округу: учительницы: Уфимской второй женской гимназіи Марія *Кобякова*, Екатеринбургскаго Алексѣевскаго реальнаго училища Екатерина *Савватѣева* и Ирбитской Маріинской женской гимназіи: Елизавета *Словцова*, Александра *Овчинникова* и Ольга *Лебедева*; по Одесскому учебному округу: учители-завѣдывающіе училищами: двухклассными: Екатеринославскаго уѣзда: Романковскимъ, Иванъ *Пилипенко* и Суржско-Литовскимъ, Кондратій *Кошко* и Долинскимъ желѣзно-дорожнымъ, Михаилъ *Компанцевъ*, Пологовскимъ желѣзнодорожнымъ, Александровскаго уѣзда, Василій *Замотинъ*, Екатеринославскими мужскими городскими начальными: третьимъ, Иванъ *Широчинъ* и девятымъ, Александръ *Куликъ*, земскими начальными, Екатеринославскаго уѣзда: Каменскимъ вторымъ, Григорій *Озеряновъ* и Мандриковскимъ, Иванъ *Лещенко* и начальными: Александровскаго уѣзда, Ново-Карловскимъ, Федоръ *Хмѣльницкій* и Петровскимъ-Строгановскимъ, Георгій *Подустовъ*, учители училищъ: двухкласснаго при Брянскомъ заводѣ въ гор. Екатеринославѣ, Василій *Сманѣевъ*, Радойскаго одноклассного сельскаго, Бѣжецкаго уѣзда, Александръ *Ковтонюкъ*, Гроссуловскаго двухкласснаго, Тираспольскаго уѣзда, Иванъ *Дьяченко*, Екатеринославскихъ мужскихъ городскихъ начальныхъ: третьяго, Евфимій *Лютый* и десятаго, Николай *Тарасовъ* и Краснопольскаго земскаго начальнаго, Тираспольскаго уѣзда, Николай *Лукашевичъ*, учители земскихъ школъ: Херсонскаго уѣзда: Константиновской: Алексѣй *Андреевскій* и Василій *Овчаренко* и Песковской, Антоній *Петренко*, учителя училищъ: Херсонскаго военно-форштадтскаго Волохинскаго городского начальнаго, Стефанъ *Грековъ* и Армяно-Базарскаго татарскаго начальнаго, Перекопскаго уѣзда, Усеинъ *Оразовъ*, учительница Екатеринославской первой городской женской гимназіи Марія *Волковнякова*, учительницы женскихъ гимназій: Сорок

ской имени Императрицы Елисаветы Алексѣевны Елена *Хаджи-Коли* и Екатеринославской первой городской, Наталія *Низиновская* и Дарья *Подлевская*, надзирательница Сорокской имени Императрицы Елисаветы Алексѣевны женской гимназіи Елена *Черкезъ*, учительницы, завѣдывающія городскими начальными училищами: Екатеринославскими: вторымъ, Марія *Юрченко*, четвертымъ, Лидія *Рытова*, пятымъ, Елена *Кудрявцева*, шестымъ, Серафима *Бурякова*, седьмымъ, Лидія *Семенова*, восьмымъ, Анна *Орлова*, девятымъ, Елена *Андреевская* и десятымъ, Елена *Рябовская*, Одесскимъ Михайло-Семеновскимъ женскимъ приходскимъ, Вѣра *Коминская*.

Серебряною медалью, съ надписью за „усердіе", для ношенія на груди, на Александровской лентѣ: по Одесскому учебному округу: учительницы, завѣдывающія Одесскими городскими начальными училищами: № 26, Анна *Юнгмейстеръ* и № 57, Ксенія *Изнаръ* и Иваново-Богословскимъ начальнымъ, Тираспольскаго уѣзда, Елизавета *Косякова*, учительницы училищъ: двухклассныхъ: Александровскаго желѣзнодорожнаго въ гор. Александровскѣ, Антонина *Краснова*, Бѣлецкаго женскаго городского приходскаго, Людмила *Хомицкая*, Слободзейскаго, Марія *Толстенко* и Тираспольскаго женскаго приходскаго, Вѣра *Гамалѣева*, Братушанскаго одноклассного сельскаго, Бѣлецкаго уѣзда, Анна *Данилова*, Екатеринославскаго седьмого женскаго городского начальнаго, Ольга *Купченко*, Марьинскаго начальнаго народнаго, Перекопскаго уѣзда, Александра *Цымбалъ*, Одесскихъ городскихъ начальныхъ: № 18, Надежда *Гирчичъ* и № 30/72, Евгенія *Соколовская* и Перекопскаго женскаго начальнаго, Антонина *Безпалова*, учительницы земскихъ школъ, Херсонскаго уѣзда: Александровской, Серафима *Грушевская*, Михайло-Ларьевской, Варвара *Погорѣлова* и Оливской, Серафима *Щередина* и учительница Екатеринославскаго перваго римско-католическаго начальнаго училища, Ванда *Водзиновская*; по Рижскому учебному округу: учителя, завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами: Стоденскимъ, Перновскаго уѣзда, Иванъ *Вестманъ* и Дондангенскимъ, Виндавскаго уѣзда, Андрей *Лѣпинь*, учителя волостныхъ училищъ: Екендорфскаго, Туккумскаго уѣзда, Фрицъ *Зоммеръ*, Ней-Ауцкаго, того же уѣзда, Михаилъ *Лѣпинь*, Графентальскаго, Баускаго уѣзда, Атисъ *Матуръ*, Добленскаго уѣзда: Гемауэртгофъ-Беркенскаго, Альбертъ *Страуманъ* и Шведгофскаго, Яковъ *Шауберъ* и Вармастверскаго Эндласкаго, Михаилъ *Ломбахъ*; по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель Михайловскаго одноклассного сельскаго училища, Тарскаго уѣзда,

Алексѣй *Бронниковъ*, учительницы училищъ: городскихъ приходскихъ: Тарскаго второго Спасскаго, Лидія *Боярская* и Тарскаго четвертаго, Александра *Перменева* и одноклассныхъ сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія, Тарскаго уѣзда: Кондратьевскаго, Валентина *Соловьева*, Преображенскаго, Варвара *Носкова* и двадцать перваго подвижного, Параскева *Ботенева*, учителя завѣдывающіе училищами: Покровскимъ Масловскимъ сельскимъ приходскимъ, Атбасарскаго уѣзда, Степанъ *Котлеръ* и двухклассными: русско-киргизскими: Прѣсногорьковскимъ, Петропавловскаго уѣзда, Иванъ *Тененякинъ* и Спасскимъ, Акмолинскаго уѣзда, Василій *Тюмаковъ* и Петровскимъ сельскимъ, Петропавловскаго уѣзда, Сергѣй *Шарипковъ*, учителя училищъ Петропавловскаго уѣзда: Прѣсногорьковскаго двухклассного русско-киргизскаго, Испандіаръ *Кубеевъ* и одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Петровскаго, Алексѣй *Степановъ* и сельскихъ: Новороссійскаго, Николай *Степановъ*, Александровскаго, Артемій *Поняевъ* и Демьяновскаго, Михаилъ *Дѣптаевъ*, учительница-завѣдывающая Омскимъ городскимъ приходскимъ училищемъ Степного попечительства Елизавета *Егорова*, учительница Омскаго Никольскаго мужского городского приходскаго училища Антонина *Гришина*, учительница-завѣдывающая Никольскимъ одноклассьымъ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Акмолинскаго уѣзда, Анастасія *Адріанова*, учитель Каркаралинскаго двухклассного русско-киргизскаго училища Ержанъ *Аймановъ*, учитель-завѣдывающій Знаменскимъ одноклассньмъ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Семипалатинскаго уѣзда, Александръ *Зудовъ*, учительница Семипалатинскаго двухклассного русско-киргизскаго училища Пелагія *Сиротенко* и учительница Кызыль-Адыровской аульной русско-киргизской школы, Семипалатинскаго уѣзда, Дарья *Каргина*; по Кіевскому учебному округу: учитель Вербскаго одноклассного народнаго училища Иванъ *Савчукъ*, завѣдывающій Ковалевскимъ одноклассньмъ начальнымъ училищемъ Николай *Паліенко*, завѣдывающія Кіевскими городскими приходскими училищами: № 53, Марія *Лисицына* и № 4, Θеодосія *Онацкая*, учительницы училищъ: двухклассныхъ: Святошинскаго приходскаго, Марθа *Лихнякевичъ*, Трипольскаго сельскаго, Прасковья *Безпалова* и Святошинскаго приходскаго, Елена *Бригида* и Мало-Карашинскаго одноклассного приходскаго, Елена *Суворова*, учителя начальныхъ училищъ: Васильевскаго, Андрей *Требинъ*, Назаренковскаго, Иларіонъ *Гординскій* и Мармизовскаго, Сергѣй *Олейниковъ*, учитель-завѣдывающій Яготинскимъ двухклассньмъ

сельскимъ училищемъ Сергѣй *Могилевскій*, учителя начальныхъ училищъ: Денисовскаго, Николай *Хало*, Тамаровскаго одноклассаго сельскаго, Михаилъ *Андреевъ*, Варвинскаго перваго, Евдокимъ *Борода* и Зайченскаго, Леонтій *Худякъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Машевскаго, Марія *Маркова*, Мойсевскаго двухклассаго сельскаго, Валентина *Житецкая*, Ново-Сенжаровскаго, Наталія *Онищенко*, Царичанскаго второго, Викторія *Нестеровская*, Журавскаго перваго одноклассаго, Елизавета *Чернявская*, Литвяковскаго, Елена *Кало*, Капустинскаго одноклассаго сельскаго, Ольга *Прохоровичъ*, Демьяновскаго, Екатерина *Иваницкая*, Городищенскаго второго, Елена *Симонова*, Кононовскаго, Анна *Данковская*, Хорольскаго, Людмила *Кирстъ*, Кременчугскаго третьяго городского, Марія *Маслеха*, Елисаветинскаго, Аполлинарія *Запеченко*, Полтавскаго городского имени Н. В. Гоголя, Параскева *Сагарда*, Никольскаго второго, Татьяна *Григоровичъ*, Литвяковскаго, Аѳанасія *Горбоконь* и Любечскаго земскаго женскаго, Любовь *Максименко*, учительницы женскихъ гимназій: Кіевской Жекулиной: Серафима *Волкова* и Елена *Парадизова*, Луцкой Коленко, Марія *Грассевичъ*, Кременецкой Алексиной, Елена *Кальнингъ* и Корольской, Вѣра *Жуковская*, учительница приготовительнаго класса Луцкой женской гимназіи Коленко Елена *Сайковская* и учительница Зѣньковской женской прогимназіи Анастасія *Ткаченко*; по Казанскому учебному округу: начальница Яранской женской гимназіи Александра *Ивановская*, учительницы женскихъ гимназій: Астраханской Шавердовой, Анѳиса *Мергасова*, Аткарской, Марія *Гельманъ*, Казанской третьей: Габріэль *Леруайе*, Юлія *Горстъ* и Татьяна *Греве*, Петровской: Зинаида *Карпова* и Агнія *Каменская*, Саратовской первой, Ольга *Кнушевицкая*, Тетюшской, Анна *Агеева* и Яранской, Елена *Перепелкина*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Казанской третьей, Марія *Егорова-Шувалова* и Уржумской, Ольга *Иванова*, учителя начальныхъ училищъ: Вятской губерніи: двухклассныхъ: Серпурскаго, Іосифъ *Малковъ* и Кичминскаго, Николай *Стефановъ*, Вотско-Гондыревскаго одноклассаго, Александръ *Мещеряковъ*, Николаевскаго, Александръ *Вахрушевъ*, Мустаевскаго, Степанъ *Куклинъ*, Лукомскаго, Александръ *Агапитовъ*, Вотчинскаго, Василій *Лютовъ*, Кикнурскаго двухклассаго, Александръ *Матвѣевъ*, Больше-Устинскаго, Николай *Шабаровъ*, Лужъ-Бѣлякскаго, Михаилъ *Звѣревъ*, Люпереольскаго одноклассаго, Алексѣй *Михеевъ*, Кордемтюрскаго, Алексѣй *Аѳанасьевъ*, Шауръ-Солинскаго, Карпъ *Деревяшкинъ*, Кокуйскаго, Сергѣй *Мухачевъ*, Вехоуслинскаго, Сергѣй *Наумовъ*, Троицко-

3*

Мокинскаго, Дмитрій *Новоселовъ*, Сердешскаго, Василій *Пинегинъ*, Жерновогорскаго, Михаилъ *Шатовъ*, Нагорскаго двухкласснаго, Дмитрій *Ченцовъ*, Пудемскаго двухкласснаго, Ефимъ *Волковъ*, Парзинскаго, Степанъ *Юферевъ*, двухклассныхъ: Ухтымскаго, Михаилъ *Аменицкій*, Зуринскаго, Алексѣй *Смирновъ* и Кстининскаго, Михаилъ *Троновъ*, Казанской губерніи: Алатскаго, Михаилъ *Иларіоновъ*, Кутушскаго, Николай *Шигалевскій*, Старо-Учинскаго, Василій *Захаровъ*, Два-Поля Арташскаго, Мубуракша *Фаттахутдиновъ*, Кукмарскаго двухкласснаго, Яковъ *Тихановъ*, Базарно-Матаковскаго, Родіонъ *Бобровъ*, Русско-Юрткульскаго, Александръ *Миропольскій*, Безднинскаго перваго, Александръ *Шерсновъ*, Старо-Тумбинскаго, Кузьма *Евгеньевъ*, Никольскаго, Александръ *Архангельскій*, Березовскаго, Владиміръ *Бовинъ* и Тобурдановскаго, Дмитрій *Михайловъ*, Самарской губерніи: двухклассныхъ: Липовскаго, Оскаръ *Саксъ*, Остроговскаго, Николай *Корнѣевъ*, Приваленскаго, Дмитрій *Хахалинъ*, Каппентальскаго, Петръ *Дикъ*, Красноярскаго, Борисъ *Кеппинскій*, Иловатскаго, Михаилъ *Ромашевъ* и Абдулинскаго желѣзнодорожнаго: Иванъ *Шимко* и Виталій *Маврицкій*, Матвѣевскаго, Василій *Сушковъ*, Звонаревскаго: Соломонъ *Кремеръ* и Готфридъ *Кремеръ*, Покровскаго двухкласснаго: Ѳедоръ *Маркушинъ-Фроловъ* и Василій *Ѳедоровъ*, Покровскаго, Поліевктъ *Сарычевскій*, Иванъ *Кунтушевъ* и Андрей *Гнѣздило*, Саратовской губерніи: Скрипицинскаго, Сергѣй *Ребенковъ* и Воронцовскаго, Макаръ *Цатенко* и Симбирской губерніи: Подвальскаго, Иванъ *Воронцовъ*, Боевскаго, Дмитрій *Ѳедоровъ*, Михайловскаго, Михаилъ *Тюкинъ* и Верхне-Кокинскаго, Петръ *Тимашевъ*, учительницы начальныхъ училищъ: Вятской губерніи: Крупинскаго, Валентина *Емельянова*, Калеевскаго, Екатерина *Зырина*, Верхне-Пинженерскаго, Марія *Мохова*, Лазаревскаго, Домника *Меринова*, Ведерниковскаго, Ксенія *Пономарева*, Востриковскаго, Юлія *Старцева*, Ишимовскаго, Клавдія *Уракова*, Кущенскаго, Марія *Куклина*, Уржумскаго, Анна *Мышкина*, Захарлшскаго, Людмила *Попова*, Атарскаго, Екатерина *Люминарская*, Коряковскаго двухкласснаго, Валентина *Зыкова*, Петровскаго двухкласснаго, Анастасія *Трапезникова*, Чукшинскаго, Ольга *Дрягина*, Вершинятскаго, Ольга *Дрягина 2-я*, Боровлянскаго, Александра *Селивановская* и Байсинскаго одноклассного, Анна *Курочкина*, запасная учительница Елабужскаго уѣзда, перваго инспекторскаго района, Марія *Сенилова*, учительницы училищъ: Свиногорскаго, Глафира *Селюгина*, одноклассныхъ: Саралинскаго, Александра *Преснякова*, Елабужскаго второго, Александра *Парфенова*, Ново-Макаровскаго, Але-

ксандра *Маркевичъ* и Больше-Сибинскаго, Вѣра *Толстая*, Матвѣевскаго, Надежда *Чалова*, Пониклинскаго, Надежда *Грязева*, Похвистневскаго одноклассснаго желѣзнодорожнаго, Евдокія *Шигалевская*, Генаральскаго, Любовь *Аристотелева*, Покровскаго двухклассснаго, Екатерина *Спиридонова*, Покровскаго: Евгенія *Акимова*, Антонина *Канторская*, Марія *Адріановская*, Елизавета *Тронова*, Лариса *Гіацинтова* и Вѣра *Адріановская*, Саратовской губерніи: Кондальскаго, Марія *Шестоперова*, Дурасовскаго, Таисія *Попова*, Полчаниновскаго, Елизавета *Зотова*, Бузолевскаго, Клавдія *Дробны*, Вшивскаго, Анна *Магнусова*, Ханеневскаго, Анна *Антонинова*, Николаевскаго двухклассснаго, Агнія *Краснова*, Широко-Буеракскаго, Клавдія *Константинова*, Докшинскаго, Евдокія *Пчелякова*, Чутырскаго, Матрена *Раевская*, Воткинскаго второго, Ольга *Осленкина*, Каракулинскаго, Татьяна *Сычугова*, Сарапульскаго, Клавдія *Тронина*, Паркачевскаго, Александра *Чаушанская*, Воткинскаго перваго, Ольга *Чернышева*, Больше-Калмашевскаго, Анна *Щитова*, Вятскаго, Надежда *Кагиникова*, Паздеринскаго, Евдокія *Короткова*, Дебесскаго, Софія *Крайнева*, Петропавловскаго, Екатерина *Курбановская*, Пермяковскаго, Марія *Курбановская*, Сарапульскаго третьяго, Анна *Леньхова*, Воткинскаго третьяго, Надежда *Леонтьева*, Сарапульскаго второго, Анна *Мотова*, Перевозинскаго, Софія *Мышкина*, Тимѣевскаго, Зинаида *Пинегина*, Исаковскаго, Александра *Оленева*, Кундышскаго, Валентина *Бякова*, Ихтинскаго, Марія *Вадиковская*, Успенскаго, Ольга *Волковичъ*, Краинскаго, Лариса *Гусева*, Хорошавинскаго, Анна *Дерябина*, Зыковскаго второго, Марія *Дьяконова*, Красногорскаго, Анна *Кузнецова*, Макаровскаго, Марія *Левагина*, Больше-Шишовскаго, Агриппина *Оленева*, Улешскаго, Аполлинарія *Русова*, Нырoвскаго, Аполлинарія *Рѣшетова*, Сметанинскаго, Александра *Рыбакова*, Турьинскаго, Анна *Селивановская*, Александровскаго перваго, Александра *Дерябина*, Кикнурскаго, Анна *Дьяконова*, Коноваловскаго одноклассснаго, Вѣра *Увицкая*, Михайловскаго, Марія *Анисимова*, Кикнурскаго двухклассснаго, Зинаида *Кувшинская*, Шарангскаго, Августа *Чистякова*, Лужъ-Белякскаго, Марія *Звѣрева*, Яранскаго, Анна *Петелина*, Лѣсниковскаго одноклассснаго, Александра *Чукаева*, Больше-Польскаго, Юлія *Бабинцева*, Мало-Кугунурскаго, Вѣра *Барминова*, Пижанскаго, Александра *Болдырева*, Табашинскаго: Анна *Бояринцева*, и Марія *Бояринцева*, Мало-Кугунурскаго, Любовь *Васнецова*, Яранскаго, Александра *Ведерникова*, Рѣшетниковскаго, Клавдія *Денникова*, Коровинскаго, Любовь *Колчина*, Пиштанскаго, Александра *Корякина*, Больше-Поль-

скаго, Алевтина *Ложкина*, Колянурскаго, Анна *Молчанова*, Кукарскаго перваго, Агнія *Носова*, Пектубаевскаго, Екатерина *Овчинникова*, Зыковскаго перваго, Екатерина *Окунева*, Сережскаго, Софія *Пинегина*, Ахмановскаго, Софія *Попова*, Яранскаго, Екатерина *Попова*, Пижемскаго, Елизавета *Романова*, Ивановскаго, Екатерина *Семенова*, Фокинскаго, Елизавета *Соснина*, Соломинскаго, Людмила *Чистякова*, Бѣлоусовскаго, Марія *Ѳаворская*, Воткинскаго второго, Софія *Остроумова*, Ижевскаго перваго, Сира *Денисова*, Завьяловскаго, Марія *Юферева*, Ижевскаго второго: Агнія *Ѳедулова* и Лидія *Есаулова*, Рогозятскаго, Анѳиса *Домрачева*, Вознесенскаго Вахрушевскаго, Елизавета *Басалаева*, Голяковскаго, Екатерина *Ончукова* и Лекомскаго, Александра *Кудрявцева*, бывшая учительница Горбуновскаго одноклассснаго училища Серафима *Лопатина*, учительницы училищъ: двухклассныхъ: Нагорскаго, Анна *Ченцова*, и Совьинскаго, Елизавета *Кочкина*, Ситниковскаго, Елизавета *Титова*, Мусгихинскаго Лемскаго, Фатинія *Лопатина*, Соловьевскаго, Клавдія *Филатова*, Еловскаго, Екатерина *Пинегина*, Барашковскаго, Наталія *Варзегова*, Кузенскаго, Анна *Федосеева*, Балезинскаго, Анна *Косолапова*, Лозанскаго, Анастасія *Ескина*, Пашинскаго, Наталія *Бякова*, Заболотновскаго, Екатерина *Ходырева*, Поздышевскаго, Серафима *Тукмачева*, Глазовскаго, Клавдія *Перескокова*, Пудемскаго двухклассснаго, Ольга *Шихова*, Сезеневскаго двухклассснаго, Раиса *Попова*, Вятскихъ: II, Екатерина *Авраамова*, VI, Клавдія *Андреева*, VIII, Ольга *Филимонова*, и XIII, Глафира *Красовская*, Пасѣговскаго двухклассснаго: Серафима *Копылова* и Юлія *Лебагина*, Бобинскаго, Агнія *Ардашева*, Бурмакинскаго, Марія *Сучкова*, Вичевшинскаго, Александра *Суторихина*, Вознесенскаго, Клавдія *Веселицкая*, Куменскаго, Екатерина *Бобровская*, Медянскаго, Варвара *Дементьева* и Покровскаго, Антонина *Катаева*, бывшая учительница Усть-Чепецкаго училища, Раиса *Большакова*, учительницы училищъ: Кичминскаго двухклассснаго: Александра *Степанова* и Ольга *Стефанова*, Русско-Шуйскаго, Марія *Иванцева*, Крюковскаго, Екатерина *Кошкина*, Уржумскаго перваго, Наталія *Козлова*, Петровскаго двухклассснаго, Наталія *Гущина*, Ѳедунятскаго, Елизавета *Макарова*, Русско-Турекскаго, Валентина *Тарабукина*, Меляндинскаго, Анна *Полстовалова*, Черезовскаго, Серафима *Иванова*, Помашвяльскаго, Анна *Костирикова*, Сернурскаго двухклассснаго, Анна *Попова* и Савинскаго, Наталія *Отмахова*; Казанской губерніи: Кизическаго, Анна *Николаева*, Гильдеевскаго, Агапія *Фирсова*, Клыковскаго второго, Надежда *Суркова*, Ново-Ца-

ревскаго, Анна *Соловьева*, Никольско-Бужинскаго, Серафима *Рождественская*, Клѣтневскаго, Лидія *Піотровичъ*, Алань-Вексерскаго, Александра *Ефимова*, Арскаго двухклассназо, Марія *Вавилова*, Шемелькинскаго, Марія *Андреева*, Самосыровскаго, Зинаида *Алянская*, Сапугольскаго, Любовь *Михайлова*, Шатро-Касинскаго, Марія *Ягунова*, Четнаевскаго, Лидія *Ласточкина*, Больше-Котрясевскаго, Евдокія *Исаакова*, Козмодемьянскаго, Юлія *Диздерева*, Алешкинскаго, Татьяна *Вадимова*, Красногорскаго, Степанида *Сенатырева*, Букенскаго, Анна *Рѣшетникова*, Отаркинскаго, Кетевана *Милорадова*, Мамадышскаго, Серафима *Йванова*, Княгорскаго, Екатерина *Яковлева*, Покровскаго двухклассназо, Евдокія *Ефимова*, Граханскаго, Елизавета *Мячина*, Щербетскаго, Евдокія *Блинкова*, Тюгульбаевскаго, Глафира *Клечинская*, Маклашеевскаго, Марія *Людкова*, Базяковскаго, Татьяна *Лебедева*, Ѳеддеевскаго, Марія *Никонорова*, Арбузово-Баранскаго, Елена *Маркина*, Верхне-Качеевскаго, Александра *Родіонова*, Красно-Слободскаго, Екатерина *Фонарева*, Гусихинскаго, Елена *Яновичъ* и Юхмачинскаго, Татьяна *Ямбикова*, бывшая учительница Спасскаго училища Вѣра *Улитина*, учительницы училищъ: Шмелевскаго, Раиса *Борисова*, Трехъ-Озерскаго перваго, Ираида *Иванова*, Базарно-Мордовскаго Юрткульскаго, Серафима *Нечаева*, Бездининскихъ: перваго, Калерія *Шерснова* и второго, Елизавета *Ливанова*, Болгарскаго, Елена *Королева*, Гусихинскаго, Елена *Михайлова*, Полянко-Лихачевскаго, Наталія *Агафонова*, Танкѣевскаго, Александра *Беззубова*, Ново-Спасскаго, Евдокія *Тихомирова*, Танкѣевскаго, Дарія *Степанова*, Спасскаго приходскаго мужского, Марія *Бухвалова*, Нижаровскаго, Антонина *Никифорова*, Ивановскаго, Елизавета *Шишкина*, Самарской губерніи: Савинскаго двухклассназо, Параскева *Андреева*, одноклассныхъ: Краснoярскаго перваго, Анна *Бѣляева*, Ахматскаго, Елена *Ковальская*, и Старо-Полтавскаго, Татьяна *Максимова*, Григорьевскаго, Марія *Цвѣткова*, Ишуткинскаго, Надежда *Домбешкина*, двухклассныхъ: Граховскаго: Марія *Тарасова* и Лидія *Тарасова* и Крымско-Слудскаго, Зоя *Ковалдова*, Новогорскаго, Марія *Чижова*, одноклассныхъ: Верхне-Кашпанскаго, Агнія *Голенищева*, Елабужскаго, Вѣра *Ермолина*, Бемышевскаго, Александра *Капачинская*, Козмодемьянскаго, Екатерина. *Шабалина*, Елабужскаго, Зоя *Аницыфрова*, Тихановскаго, Марія *Хрусталева*, Трехсвятскаго, Августа *Хрусталева* и Полянскаго, Софія *Чарушникова*, Христорождественскаго, Клавдія *Ардашева*, Лудорвайскаго, Елизавета *Боталова*, Вотвинскаго, Августа *Василевичъ*, Больше-Пургинскаго, Лидія *Вахрушева*,

Пинязьскаго, Любовь *Дрягина*, Сухановскаго, Евдокія *Зайцева*, Талицкаго, Анна *Зотина*, Сарапульскаго второго, Калерія *Иванова*, Ижевскаго третьяго, Александра *Пупырева*, Каменскаго, Евдокія *Земскова-Соколова*, и Сосновскаго, Елизавета *Піуновская* и Симбирской губерніи: одноклассныхъ: Бекетовскаго, Елизавета *Хитина*, Киватскаго, Антонина *Тихомирова*, Смышлеевскаго, Екатерина *Прибыловская* и Торенгульскаго, Елизавета *Прибыловская*, Коромысловскаго, Елизавета *Сахарова*, Кротковскихъ: перваго, Ольга *Жемчужникова* и второго, Варвара *Кедрова* и Кузоватскаго, Анна *Покровская*; по Виленскому учебному округу: учитель-завѣдывающій Гедройцскимъ двухкласснымъ сельскимъ училищемъ, Виленскаго уѣзда, Владиміръ *Плеповичъ*, учителя народныхъ училищъ Виленскаго уѣзда: Буйвидзскаго, Иванъ *Косякъ* и Михалишскаго, Евгеній *Жабинскій*, учительницы виленскихъ женскихъ приходскихъ училищъ: перваго, Лариса *Соколова*, четвертаго, Любовь *Гречихо*, пятаго, Варвара *Годило-Годлевская*, шестого, Александра *Ульянова* и седьмого, Зинаида *Никитина*, помощники учителей виленскихъ начальныхъ еврейскихъ училищъ: перваго, Хононъ *Бахрахъ*, второго, Аронъ *Гицельтеръ* и третьяго: Борисъ *Зильбербахъ* и Мовша-Лейзеръ *Сеницкій*, учителя народныхъ училищъ: Виленскаго третьяго еврейскаго, Меєръ *Нафтуловичъ*, Трокскаго уѣзда: Ганушишскаго, Андрей *Шершеновичъ*, Ковальскаго, Михаилъ *Евтухъ*, Кошедарскаго, Николай *Наумченковъ*, Маречскаго, Игнатій *Куцъ* и Ротницкаго, Павелъ *Бѣганскій* и Ошмянскаго уѣзда: Германишскаго, Владиміръ *Винчъ*, Забрезскаго, Иванъ *Перовскій* и Лаздунскаго, Евгеній *Грушевскій*, учительница Лошанскаго народнаго училища, Ошмянскаго уѣзда, Лидія *Драницына*, учитель Воложинскаго двухкласснаго сельскаго училища, Трокскаго уѣзда, Иванъ *Веромей*, учитель-завѣдывающій Глубоковскимъ двухкласснымъ сельскимъ училищемъ, Дисненскаго уѣзда, Яковъ *Капциловичъ*, учителя народныхъ училищъ Дисненскаго уѣзда:. Осиногородскаго, Иванъ *Коцелль*, Прозорокскаго, Владиміръ *Пронько*, и Дисненскаго еврейскаго, Айзикъ *Вейнштокъ*, учительница Копторунскаго народнаго училища, Свенцянскаго уѣзда, Ѳеона *Журавская*, учитель Бутилскаго народнаго училища, Лидскаго уѣзда, Иванъ *Жукъ*, учительница Дикушскаго женскаго народнаго училища, Лидскаго уѣзда, Ольга *Казинская*, учителя народныхъ училищъ Лидскаго уѣзда: Конявскаго, Семенъ *Ушкевичъ*, Котовичскаго, Александръ *Пышко*, Солтанишскаго, Михаилъ *Черньшъ*, Кроньковскаго. Василій *Чернявскій*, Бѣлицкаго Петръ *Зайко*, Селец-

каго, Андрей *Тропилло* и Радунскаго двухкласснаго сельскаго, Павелъ *Константиновъ*, учительницы народныхъ училищъ того же уѣзда: Жолудскаго второго, Марія *Ивашкевичъ* и Раковинскаго, Ольга *Строковская*, учитель Холхельскаго народнаго училища, Вилейскаго уѣзда, Михаилъ *Каштеляновъ*, учитель-завѣдывающій Княгининскимъ сельскимъ училищемъ Вилейскаго уѣзда, Василій *Уласовецъ*, учителя народныхъ училищъ: Люцинскаго уѣзда: Поторовскаго, Михаилъ *Ивановъ* и Ляудерскаго, Евстафій *Хруцкій*, и Бушговскаго, Двинскаго уѣзда, Петръ *Саунитъ*, учительница Дагденскаго народнаго училища, Двинскаго уѣзда, Ольга *Лызлова*, учителя-завѣдывающіе: Артейковискимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Полоцкаго уѣзда, Іосифъ *Яскевичъ*, и Двинской талмудъ-торой, Вульфъ *Мееровъ*, учительница Жагорскаго перваго народнаго училища, Шавельскаго уѣзда, Екатерина *Пашковская*, учителя народныхъ училищъ: Шавкянскаго, Шавельскаго уѣзда, Ѳсипъ *Петровскій* и Бернатовскаго, Тельшевскаго уѣзда, Михаилъ *Колинивъ*, завѣдывающій Аптолептскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Новоалександровскаго уѣзда Маркъ *Малявка*, учителя народныхъ училищъ, Новоалександровскаго уѣзда: Браславскаго мужского, Семенъ *Савкинъ*, Опсовскаго, Иванъ *Богомолкинъ* и Адамовскаго, Иванъ *Венсковичъ*, учительницы училищъ: Слободскаго женскаго народнаго, Новоалександровскаго уѣзда, Александра *Архангельская* и Вилкомирскаго однокласснаго женскаго приходскаго, Екатерина *Шавыро*, учителя народныхъ училищъ: Вилкомирскаго уѣзда: Товянскаго мужского, Иванъ *Пекуцько*, Свядосцскаго перваго, Матвѣй *Черневичъ*, Кунинишскаго, Юліанъ *Греймасъ* и Оникштынскаго еврейскаго, Шая *Лякъ*, учительница Поневѣжскаго Маріинскаго женскаго училища, Ольга *Дзялынская*, учителя училищъ: земскихъ Сѣнненскаго уѣзда: Сидорковскаго, Василій *Мииенковъ*, Шиповскаго, Петръ *Савинъ*, Подборицкаго, Іосифъ *Нороленокъ*, Савиничскаго, Михаилъ *Крееръ*, Больше-Ливоничскаго, Епифаній *Якименко* и Капланскаго, Владиміръ *Лапинъ* и Моценскаго народнаго, того же уѣзда, Евфимій *Слезкинъ* и учительница Пустынскаго народнаго училища, Сѣнненскаго уѣзда, Вѣра *Сухобокова*; по Кавказскому учебному округу: учительницы Ставропольской Ольгинской женской гимназіи: Ольга *Машурко*, Анастасія *Гремяченская* и Зинаида *Евсѣева*, классная надзирательница той же гимназіи Александра *Чувалова*, завѣдывающіе училищами: Ставропольскимъ городскимъ Павловскимъ, Андрей *Егоровъ*, Новосе-

мицкимъ двухклассным, Алексѣй *Поповъ*, и одноклассными: Кругло-лѣсскимъ первымъ, Иванъ *Трояковъ*, Казинскимъ первымъ, Николай *Смирновъ*, Канглынскимъ, Александръ *Бычковъ*, и Александровскимъ, *Яковлевъ*, завѣдывающія училищами: Журавскимъ вторымъ, Анна *Енгеева* и городскими одноклассными: Ставропольскимъ имени Абрамова, Лидія *Сипягина* и Ставропольскимъ Александровскимъ, Юлія *Форова* и учительницы училищъ: Ставропольскаго городского Варваринскаго одноклассяаго, Павла *Примѣрова* и Новоселицкаго двухклассяаго, Клавдія *Попова*; по Варшавскому учебному округу: классныя дамы Варшавской третьей женской гимназіи: Ольга *Милютина*, Марія *Могильницкая* и Вѣра *Гадковская* и учительницы той же гимназіи: Марія *Николаева*, Адель-Марія *Рейхель* и Ольга *Могильницкая*; по Приамурскому краю: учительница Благовѣщенской Алексѣевской женской гимназіи Любовь *Быкова*, учитель приходскаго министерства народнаго просвѣщенія училища въ селѣ Павленково, Приморской области, Игнатій *Слесаревъ*, учительницы училищъ: Лееринскаго одноклассяаго Приморской области, Валерія *Ващенко*, Никольскъ-Уссурійскаго III городского приходскаго, Александра *Калинина*, Никольскъ-Уссурійскаго женскаго городского начальнаго, Наталія *Колосова*, Вознесенскаго приходскаго, Приморской области, Александра *Прокопенко* и Благовѣщенскаго имени Некрасова двухклассяаго женскаго, Анна *Твердохлѣбова*, учитель-завѣдывающій Никольскъ-Уссурійскимъ V городскимъ приходскимъ училищемъ Карпъ *Хохлачевъ*, учительница Александровскаго двухклассяаго министерства народнаго просвѣщенія училища Анастасія *Мечейко* и учитель Костюковскаго одноклассяаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Амурской области, Павелъ *Знаменскій*.

Нижепоименованныя лица за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія Всемилостивѣйше пожалованы на 6-е декабря 1915 года *медалями, съ надписью „за усердіе“: для ношенія на шеѣ: золотыми, на лентахъ: Андреевской*: почетный блюститель Ростовскаго на Дону перваго городского двухклассяаго приходскаго училища, потомственный почетный гражданинъ Михаилъ *Горбуновъ*, староста церкви при Елабужской женской гимназіи, второй гильдіи купецъ Константинъ *Соловьевъ*, курьеръ отдѣла промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, запасный унтеръ-офицеръ Михаилъ *Александровъ*, служители: Императорской археографической комиссіи, личный почетный

гражданинъ Іосифъ *Стельмахъ* и Петроградскаго учительскаго института Императора Александра II, крестьянинъ Кириллъ *Ухабовъ*, членъ попечительнаго совѣта Козловской женской гимназіи, потомственный почетный гражданинъ Иванъ *Кудиновъ*, начальница Уфимской второй женской гимназіи Анна *Новикова*, завѣдывающій Виленскимъ вторымъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ Абрамъ *Цунзеръ*, учитель Владыченскаго начальнаго училища, Серпуховскаго уѣзда, Александръ *Державинъ* и курьеръ при Императорской Академіи Наукъ, личный почетный гражданинъ Семенъ *Телицынъ* и *Александровской*: писцы Императорскаго Харьковскаго университета: потомственные почетные граждане: Михаилъ *Серебряковъ* и Иванъ *Илляшевичъ*, члены попечительныхъ совѣтовъ женскихъ гимназій: Елатомской, потомственный почетный гражданинъ Константинъ *Смольяниновъ* и Саратовской первой, личный почетный гражданинъ Дмитрій *Карноуховъ*, попечители начальныхъ училищъ: Ново-Ботовскаго одноклассаго, Челябинскаго уѣзда, первой гильдіи купецъ Ѳеодоръ *Ботовъ* и Колокшинскаго, Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, второй гильдіи купецъ Алексѣй *Щукинъ*, почетный блюститель Великокняжескаго II приходскаго училища, Донской области, мѣщанинъ Иванъ *Яковлевъ*, завѣдывающіе училищами: Тервинскимъ, министерства народнаго просвѣщенія, Тихвинскаго уѣзда, Василій *Смѣлковъ*, двухклассными: Ивановскимъ земскимъ имени Цуриковыхъ, Павелъ *Бенедиктовъ*, Верхне-Салтовскимъ, Харьковской губерніи, Василій *Бабенко*, Жеймельскимъ, Ковенской губерніи, Михаилъ *Хлѣбцевичъ* и Розалинскимъ сельскимъ той же губерніи, Болеславъ *Позднякъ*, учителя-завѣдывающіе двухклассными училищами: Бѣловскимъ, Суджанскаго уѣзда, Ефимъ *Залозный* и сельскими министерства народнаго просвѣщенія: Унцештскимъ, Бѣлецкаго уѣзда, Константинъ *Тарантаевъ* и Казимировичскимъ, Минской губерніи, Романъ *Петровичъ*, учителя училищъ: народныхъ Минской губерніи: Мухоѣдовскаго, Павелъ *Писаревичъ*, Микуличскаго, Александръ *Голобъ* и Суховичскаго, Іуліанъ *Островскій*, земскихъ: Ляковскаго, Крестецкаго уѣзда, Василій *Никифоровъ*, Зимогорскаго, Валдайскаго уѣзда, Яковъ *Лифановъ* и Псковскаго Александровскаго Петровопосадскаго, Василій *Коршуновъ* и двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Льзечскаго, Боровичскаго уѣзда, Николай *Корсаковъ* и Ряховскаго сельскаго, Ковровскаго уѣзда, Павелъ *Бормотовъ*, учительница-завѣдывающая Курскимъ Маріинскимъ двухклассным образцовымъ училищемъ Зинаида *Дагаева*, учительницы училищъ: Псковскаго Александровскаго Петровопосадскаго земскаго, Марія *Строганова* и при-

ходскихъ женскихъ: Псковскаго, Александра *Чунова*, Псковскаго перваго, Лидія *Ладыгина* и Тимскаго, Марія *Полетаева* и служители: департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, запасный унтеръ-офицеръ Василій *Крутовъ* и училищъ: главнаго нѣмецкаго св. Петра въ Петроградѣ: потомственные почетные граждане: Мартинъ *Аузингъ* и Янъ-Ансъ *Звинне* и Курскаго перваго высшаго начальнаго, крестьянинъ Николай *Жемеринкинъ*; по учрежденному Одесскимъ учебнымъ округомъ комитету помощи борцамъ за родину: предсѣдательница, жена гофмейстера Двора Его Величества, тайнаго совѣтника Ольга *Смольянинова*, вице-предсѣдательница, жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвара *Кишенская* и замѣстительница предсѣдательницы и вице-предсѣдательницы, начальница Одесской женской гимназіи, учрежденной Пашковской, потомственная дворянка Екатерина *Пашковская*, предсѣдатель и членъ попечительнаго совѣта Бійской Николаевской женской гимназіи, второй гильдіи купецъ Михаилъ *Притчинъ*, почетныя попечительницы женскихъ гимназій: Екатеринославской первой городской, вдова генералъ-маіора Екатерина *Мессарошъ* и Устюжнской, дочь потомственнаго почетнаго гражданина Александра *Копыльцова*, попечительница Бійской Николаевской женской гимназіи, жена первой гильдіи купца Марія *Ассанова*, начальницы женскихъ гимназій: Одесской второй городской, Марія *Рогали* и Егорьевской, Александра *де-Медемъ*, секретарь общества для содѣйствія матеріальному преуспѣянію Ржевской женской гимназіи, потомственный почетный гражданинъ Михаилъ *Ивановъ*, регентъ церковнаго хора при фабрикѣ Кокорева въ селѣ Тезинѣ, Кинешемскаго уѣзда, личный почетный гражданинъ Андрей *Бѣловъ*, попечительницы училищъ: Валдайскаго двухкласснаго, дворянка Ольга *Кршивицкая*, Бахмутскаго городского начальнаго, дворянка Елена *Шабашева* и Юрьевскаго женскаго приходскаго, жена потомственнаго почетнаго гражданина Пелагея *Ганшина*, завѣдывающій Осинорощинскимъ земскимъ училищемъ, Петроградскаго уѣзда, Дмитрій *Канарейкинъ*, учитель-завѣдывающій первой Гайчульской начальной школой; Александровскаго уѣзда, Андрей *Бѣлый*, учителя-завѣдывающіе училищами: Полоцкимъ еврейскимъ начальнымъ, Іосифъ *Деречинскій* и двухклассными министерства народнаго просвѣщенія: Вознесенскимъ, Тарусскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Кулагинъ*, Никольскимъ, Покровскаго уѣзда, при фабрикѣ Викулы Морозова, Василій *Карабановъ* и желѣзнодорожнымъ при станціи „Тверь", Алексѣй *Чернобровкинъ*, учителя училищъ: Рязанскаго пятаго приходскаго, Павелъ *Ивановъ*, Чирскаго

министерства народнаго просвѣщенія, Псковскаго уѣзда, Григорій *Горскій*, двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Маріинскаго, Гдовскаго уѣзда, Константинъ *Шмаковъ*, Никольскаго, Покровскаго уѣзда, при фабрикѣ Саввы Морозова, Аѳанасій *Палладинъ*, желѣзнодорожнаго при станціи „Тверь", Романъ *Крутовъ* и при станціи „Рязань" Московско-Казанской желѣзной дороги, Дмитрій *Годуновъ*, начальныхъ: двухкласснаго при Псковской учительской семинаріи, Алексѣй *Тепляковъ*, Богородскаго городского мужского, Василій *Щекинъ*, Липитинскаго, Серпуховскаго уѣзда, Сергѣй *Садиковъ*, Козловскаго, Зарайскаго уѣзда, Александръ *Самохинъ*, Обрютинскаго, Рязанскаго уѣзда, Игнатій *Ильинъ* и при Эзельскомъ Св.-Николаевскомъ братствѣ, Лифляндской губерніи, Алексѣй *Адерсъ*, земскихъ: Ульяновичскаго двухкласснаго, Ѳеодоръ *Микульскій*, Ашевскаго, Новоржевскаго уѣзда, Николай *Щукинъ*, Опочецкаго уѣзда, Рождественскаго, Павелъ *Танаевъ* и Черницкаго, Василій *Смирновъ*, Псковскаго уѣзда: Верхне-Островскаго, Петръ *Меньщиковъ* и Воробьевскаго, Иванъ *Малининъ* и Гребневскаго, Богородскаго уѣзда, Ипполитъ *Павловъ*, Криво-Озерскаго земскаго начальнаго, Ананьевскаго уѣзда, Валеріанъ *Делинскій* и народныхъ: Ольkениkскаго, Андрей *Лавриновичъ* и Дагденскаго, Александръ *Лызловъ*, учительница Баровцевскаго народнаго училища, Виленской губерніи, Вѣра *Матвѣева*, курьеръ канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, изъ крестьянъ, Софронъ *Бородинъ*, служители при II отдѣленіи библіотеки Императорской Академіи Наукъ: отставной рядовой, Осипъ *Петровскій* и изъ крестьянъ, Николай *Стотикъ*, ламповщикъ при главномъ зданіи той же Академіи, мѣщанинъ Никифоръ *Григорьевъ* и Вологодская мѣщанка Екатерина *Колесникова*.

Медалями, съ надписью „за усердіе": для ношенія на шеѣ: серебряною, на Владимірской лентѣ: писцы канцеляріи Императорскаго Харьковскаго университета: личный почетный гражданинъ Иванъ *Левченко* и отставной старшій писарь Василій *Квитонъ*, допущенный изъ платы по найму къ исполненію обязанностей препаратора при каѳедрѣ физики Императорскаго Новороссійскаго университета, личный почетный гражданинъ Петръ *Захаровъ*, попечительница Кишиневской женской гимназіи Ромезовой, дворянка Софія *Крупенская*, начальницы женскихъ гимназій: Рижской Ломоносовской, княжна Инна *Мещерская*, Рославльской, Марѳа *Кенигъ*, Маріупольской Остославской, Валентина *Остославская*, Мценской, Александра *Скибневская*, Кишиневской первой, Викторія *Павловская*, Аккерманской, Варвара *Бурля-*

нова, Осташковской, Марія *Александровская* и частныхъ: Двинской Броерской, Полина-Эмилія *Броерская*, Твердовой въ гор. Михайловѣ, Өеодосія *Твердова* и Кіевской Дучинской, Александра *Дучинская*, надзирательницы: женскихъ гимназій: Одесской городской, Елена *Соколова* и Кишиневской первой, Анна *Гезеліусъ* и Кіевскаго женскаго Александринскаго городского двухкласснаго училища, Елизавета *Бѣлоцвѣтова*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Рижской Ломоносовской, Вѣра *Савичъ* и Карачевской, Екатерина *Поздпѣева*, учительницы гимназій: Екатеринбургской мужской Императора Александра II Освободителя, Вѣра *Гельманъ* и Кіевской женской св. княгини Ольги, Вѣра *Геркенъ*, попечительница Ростовскаго на-Дону пятаго городского женскаго училища, жена статскаго совѣтника Пелагея *Козлова*, почетные блюстители училищъ: приходскихъ: Синявскаго перваго, Донской области, казакъ Маркіанъ *Бондаревъ* и Верхне-Митякинскаго, той же области, крестьянинъ Игнатъ *Славышенскій*, Кандскаго двухкласснаго сельскаго, Онежскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій *Агафеловъ* и Баимскаго начальнаго татарскаго, Евпаторійскаго уѣзда, Ибрагимъ-Абдулъ *Кадыръ-оглу*, учителя-завѣдывающіе сельскими министерства народнаго просвѣщенія училищами: Камчикскимъ одноклассмымъ, Аккерманскаго уѣзда, Иванъ *Миховъ* и Глодянскимъ двухклассныиъ, Бѣлецкаго уѣзда, Иванъ *Лупашко*, учители училищъ: Добренскаго еврейскаго колоніальнаго, Херсонскаго уѣзда, Абрамъ *Смоляръ*, Замостянскаго, Иванъ *Пыкинъ*, Мало-Щигорчинскаго, Андрей *Букрѣевъ*, начальныхъ: Мелиховскаго, Жиздринскаго уѣзда, Алексѣй *Смѣцкій*, Ново-Михайловскаго, Новосильскаго уѣзда, Матвѣй *Архангельскій*, Стригуновскаго перваго, Грайворонскаго уѣзда, Николай *Алтуховъ*, Льговскаго уѣзда: Малкинскаго, Павелъ *Милюкинъ*, Афанасьевскаго, Иванъ *Поповъ* и Вишне-Грунскаго, Василій *Истоминъ*, Запсельскаго перваго, Суджанскаго уѣзда, Петръ *Коноплинъ* и Заолешенскаго, Яковъ *Пилипенковъ*, Нижегородскихъ городскихъ начальныхъ: Рождественскаго, Николай *Кармазинскій*, и Предтеченскаго, Иванъ *Макровскій*, земскихъ: Корчевскаго уѣзда: Спировскаго, Алексѣй *Булыгинъ* и Федоровскаго, Григорій *Лаврентьевъ*, Любонскаго, Боровичскаго уѣзда, Александръ *Биттенбиндеръ*, Дермяпинскаго, Череповецкаго уѣзда, Владиміръ *Сокологорскій* и Лажинскаго, Крестецкаго уѣзда, Павелъ *Голубевъ*, Искровскаго земскаго начальнаго, Полтавской губерніи, Иванъ *Спасскій*, Псковскаго приходскаго мужского земскаго, Петръ *Болбуковъ*, Душманскаго одноклассцаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Бѣлецкаго

уѣзда, Лука *Смолюшекъ* и двухклассныхъ: при Петрозаводской учительской семинаріи Михаилъ *Куджіевъ*, Любимовскаго образцоваго, Рыльскаго уѣзда, Петръ *Поповъ*, при станціи „Тамбовъ“ Рязанско-Уральской желѣзной дороги, Павелъ *Никифоровъ*, Аккерманскаго Пушкинскаго приходскаго, Василій *Буруковъ*, Вильгортскаго земскаго начальнаго, Устьсысольскаго уѣзда, Никонъ *Старовскій* и министерства народнаго просвѣщенія: Коротовскаго, Череповецкаго уѣзда, Андрей *Карповъ*, Печерскаго, Псковскаго уѣзда, Иванъ *Бѣляевъ*, Сожинскаго сельскаго, Смоленскаго уѣзда, Петръ *Поповъ* и Разсказовскаго, Иванъ *Михейкинъ*, учительница-завѣдывающая Килакинскимъ сельскимъ начальнымъ двухкомплектнымъ училищемъ, Курской губерніи, Аполлинарія *Молченко*, учительницы училищъ: Николаевскаго начальнаго № 10, Ольга *Подлигайлова*, Харассейско-Бреховскаго сельскаго начальнаго, Курской губерніи, Неонила *Бойкова* и Петрозаводскаго двухкласснаго женскаго приходскаго, Наталія *Гостинчикова*, мастеръ-техникъ электромонтажнаго отдѣленія низшей ремесленной школы при Виленскомъ среднемъ химико-техническомъ училищѣ, личный почетный гражданинъ Николай *Коротенко*, мастеръ, руководящій практическими работами въ учебныхъ мастерскихъ Комисаровскаго техническаго училища, личный почетный гражданинъ Θедоръ *Соколовъ*, курьеръ отдѣла промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, личный почетный гражданинъ Афанасій *Пантелѣевъ*, приспѣшникъ при музеѣ изящныхъ искусствъ Императорскаго Харьковскаго университета, отставной унтеръ-офицеръ Кузьма *Цыбань*, вахтеры: Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I изъ крестьянъ, Егоръ *Марковъ* и Петроградской третьей гимназіи, крестьянинъ Петръ *Акуловъ*, швейцары: Рижскаго политехническаго института, отставной унтеръ-офицеръ Янне *Калнингъ*, Псковской Императора Александра I Благословеннаго гимназіи, изъ мѣщанъ, Виллемъ (Филиппъ) *Кронъ*, Петроградскихъ гимназіи и реальнаго училища Гуревича, изъ крестьянъ, Сергѣй *Кондрашевъ* и Виленскаго реальнаго училища, дворянинъ Іосифъ *Шванскій* и служителя: Императорской археографической комиссіи, крестьянинъ Иванъ *Гомоюровъ*, Императорскаго Петроградскаго университета: изъ крестьянъ: Павелъ *Монаковъ*, Самуилъ *Гузевскій* и Іосифъ *Бобокъ*, Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, изъ крестьянъ: Осипъ *Шахрай* и Филимонъ *Алексѣевъ*, при пансіонѣ Петроградской третьей гимназіи, крестьянинъ Петръ *Григорьевъ*, корреспондентъ Николаевской главной физической обсерваторіи, *жена*

статскаго совѣтника Марія *Бокова*, письмоводитель при инспекціи Императорскаго Московскаго техническаго училища, личный почетный гражданинъ Федоръ *Соколовъ*, служащая при канцеляріи того же училища, дворянка Екатерина *Веніаминова*, писцы: Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, личный почетный гражданинъ Самуилъ *Арановичъ* и канцеляріи Комисаровскаго техническаго училища, мѣщанинъ Николай *Козловъ*, пожизненный почетный членъ Императорскаго Московскаго археологическаго института Имени Императора Николая II, жена итальянскаго подданнаго Александра *Корсини*, предсѣдательница попечительнаго совѣта Ставропольской женской гимназіи св. Александры, жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника Марія *Янушевичъ*, членъ попечительнаго совѣта Урюпинской женской гимназіи, личный почетный гражданинъ Назаръ *Тапилинъ*, воспитательница Варшавской третьей женской гимназіи Марія *Аѳанасьева*, начальницы женскихъ гимназій: Одесскихъ: учрежденной Соколовой, Юлія *Соколова* и Маріинской, Ольга *Мерзлякова*, Екатеринославской, учрежденной Тибленъ, Надежда *Тибленъ*, Кологривской, Ольга *Богаевская*, Порѣчской, Софія *Воняррлярская*, Елабужской, Анна *Дороѳеева*, Устюжнской, Марія *Никольская*, Стародубской, Евгенія *Курковская*, Черниговской „Группы Родителей", Варвара *Адвокатова* и частныхъ: Мансбахъ въ Москвѣ, Фелиція *Мансбахъ* и Харьковской, учрежденной Левковецъ, Варвара *Левковецъ*, учительницы женскихъ гимназій: Хабаровской, Софія *Шмидтъ*, Тульской первой: Елизавета *Сухинина* и Марія *Философова*, Сызранской первой, Анастасія *Дряхлова*, Екатеринославской первой, Любовь *Монова* и Міасской Романовскихъ, Марія *Голудина*, начальницы женскихъ учительскихъ семинарій: Кіевской имени Ушинскаго, Любовь *Гуляева*, Тульской, Лидія *Желябужская*, Костромской, Варвара *Херсонская* и Можайской, Олимпіада *Грибоѣдова*, пожизненный членъ попечительства Никопольскаго приходскаго мужского училища, Екатеринославскаго уѣзда, вдова купца Ксенія *Бабушкина*, почетные блюстители училищъ: Виленскаго народнаго еврейскаго № 6, купецъ Рахміель *Гордонъ*, Великокняжескаго, Сальскаго округа, области Войска Донского, крестьянинъ Тихонъ *Булавка* и двухклассныхъ: Чертонскаго министерства народнаго просвѣщенія, крестьянинъ Иванъ *Сорокинъ*, Владимірскаго приходскаго, Черкасскаго округа, Донской области, крестьянинъ Иванъ *Подкопаевъ* и Ковенскаго еврейскаго начальнаго, потомственный почетный гражданинъ Иссеръ-Беръ *Вольфъ*, попечители училищъ: начальнаго при фабрикѣ Щербаковыхъ въ селѣ

Кохмѣ, Шуйскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Илларіонъ *Щербаковъ* и земскихъ: Богородскаго уѣзда: Купавенскаго, потомственный почетный гражданинъ Владиміръ *Баклановъ*, Кузяевскаго, личный почетный гражданинъ Андрей *Храпуновъ-Новый* и Медвѣже-Озерскаго земскаго, второй гильдіи купецъ Александръ *Сергѣевъ*, попечительница Евлащинскаго сельскаго начальнаго училища, Тарскаго уѣзда, вдова купца Ольга *Калижникова*, вѣроучитель Ачикулакскаго двухкласснаго училища, ногаецъ Ризванъ *Курманіязовъ*, завѣдывающіе двухклассными училищами: Боровскимъ, Даниловскаго уѣзда, Александръ *Яковлевъ*, Ландваровскимъ сельскимъ, Михаилъ *Герштуновичъ* и министерства народнаго просвѣщенія: Ушпольскимъ, Петръ *Крейнесъ*, Понедѣльскимъ сельскимъ, Іосифъ *Розенбергъ* и Солокскимъ сельскимъ, Антонъ *Подерисъ*, учителя-завѣдывающіе училищами: Новомосковскимъ городскимъ № 1 начальнымъ народнымъ Поликарпъ *Шереметьевъ*, двухклассными министерства народнаго просвѣщенія: Крейцбургскимъ, Кириллъ *Раудъ* и Покровскимъ вторымъ, Новоузенскаго уѣзда, Александръ *Виноградовъ*, одноклассными сельскими начальными: Новоузенскаго уѣзда: Покровскимъ третьимъ, Семенъ *Лыскинъ*, Шумейковскимъ, Флегонтъ *Смирновъ* и Квасниковскимъ, Михаилъ *Дроздовъ*, Ижевскимъ четвертымъ мужскимъ начальнымъ, Вятской губерніи, Петръ *Рябовъ* и Рѣшетниковскимъ земскимъ, Алексѣй *Денниковъ*, учителя училищъ: Островскаго при домѣ трудолюбія Валеріанъ *Бойковъ*, Рязанскаго второго приходскаго, Иванъ *Сысоевъ*, Конгакурскаго двухкласснаго, Степанъ *Пироговъ*, двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Совьинскаго, Николай *Скачковъ*, Верхне-Бѣлоомутскаго, Зарайскаго уѣзда, Яковъ *Рыковъ*, Старо-Кленскаго, Раненбургскаго уѣзда, Федоръ *Фокинъ* и Дорогобужскаго уѣзда: Рыбковскаго, Яковъ *Бычковъ* и Озирещенскаго, Семенъ *Андреевъ*, одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Красно-Болотовскаго, Дорогобужскаго уѣзда, Иванъ *Чистяковъ*, Дѣдиновскаго, Зарайскаго уѣзда, Иванъ *Шлыгинъ*, Пушкинскаго, Дорогобужскаго уѣзда, Иванъ *Соколенко* и Видзишскаго сельскаго, Ѳома *Малявка*, начальныхъ: Александровскаго чешскаго, Перекопскаго уѣзда, Иванъ *Главатый*, Запрудскаго перваго, Воронежскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Тютюнниковъ*, Богучарскаго уѣзда: Писаревскаго, Иванъ *Бугаевъ*, Старокріушанскаго перваго, Александръ *Исаковъ*, Смаглѣевскаго, Ѳедоръ *Удодовъ* и Таловскаго перваго, Василій *Дейнекинъ*, Спасско-Заборовскаго, Ряжскаго уѣзда, Сергѣй *Моисеевъ*, Бѣлопесоцкаго, Серпуховскаго уѣзда, Петръ *Теплинскій*, Меленковскаго уѣзда:

Дощатинскаго, Леонидъ *Архангельскій* и Рѣшенскаго, Николай *Соколовъ*, Вожгальскаго мужского, Николай *Люперсольскій*, Псковскаго второго городского, Евфимій *Артемьевъ*, Прилукскаго третьяго городского мужского, Тимофей *Щербина*, Полтавской губерніи: Волчеречскаго, Савва *Ворона* и Бобрикскаго, Константинъ *Бедро*, Аренсбургскаго вспомогательнаго церковнаго евангелическо-лютеранскаго, Александръ-Оттомаръ *Сааръ* (онъ же Сарь) и Безводнинскаго, Петровскаго уѣзда, Гавріилъ *Зиновьевъ*, начальныхъ земскихъ: Привольнянскаго, Херсонскаго уѣзда, Козьма *Стаовскій*, Пилюгинскаго сельскаго, Бугурусланскаго уѣзда, Константинъ *Бражниковъ*, народныхъ: Виленскаго еврейскаго № 11, Абрамъ-Яковъ *Клебанскій*, Дубинкскаго, Иванъ *Морозъ*, Капинскаго, Ѳедотъ *Дроздецкій* и Сереговскаго сельскаго начальнаго народнаго, Яренскаго уѣзда, Арсеній *Губенскій*, учительницы училищъ: двухклассная при заводѣ Гартмана въ гор. Луганскѣ, Анна *Назарова*, Кирилловскаго второго приходскаго, Марія *Ѳоменко*, Перемышльскаго приходскаго женскаго одноклассная, Надежда *Высочинская*, начальныхъ: Полтавской губерніи: Ново-Кочубеевскаго, Ирина *Годзинская* и Павленковскаго, Марія *Сорочинская*, Серпуховскаго перваго женскаго, Марія *Головина*, Заборьевскаго перваго, Серпуховскаго уѣзда, Екатерина *Брыксина* и Богородскаго городского мужского, Варвара *Щекина*, Оникштынскаго женскаго народнаго, Ольга *Богданова* и земскихъ: Быстрецовскаго, Псковскаго уѣзда, Раиса *Бибикова*, Капорскаго, Петергофскаго уѣзда, Варвара *Сергѣева* и Ашевскаго, Новоржевскаго уѣзда, Марія *Щукина*, наборщикъ-метранпажъ типографіи Императорской Академіи Наукъ, личный почетный гражданинъ Филиппъ *Ѳедоровъ*, монтеръ при зданіяхъ Императорской Академіи Наукъ, отставной минный квартирмейстеръ Павелъ *Тетеринъ*, вахтеръ Комисаровскаго техническаго училища, изъ крестьянъ, Петръ *Шкиль*, швейцары: Императорской Академіи Наукъ, отставной рядовой Евстафій *Уткинъ*, Императорскаго Петроградскаго университета, изъ крестьянъ, Харитонъ *Волжанкинъ* и Демидовскаго юридическаго лицея, отставной рядовой Василій *Никоновъ*, приспѣшникъ библіотеки Императорскаго Харьковскаго университета, мѣщанинъ Иванъ *Дмитренко*, служителя: департамента народнаго просвѣщенія, крестьянинъ Петръ *Андреевъ*, музея антропологіи и этнографіи Имени Императора Петра Великаго Императорской Академіи Наукъ, запасный фельдшеръ Павелъ *Филатовъ*, при ботаническомъ музеѣ той же Академіи, отставной рядовой Алексѣй *Александровъ*, канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго

округа: отставной унтеръ-офицеръ Егоръ *Крыловъ* и запасный канониръ Петръ *Цыгановъ*, гимназій: Рыбинской, изъ крестьянъ, Емельянъ *Щукинъ* и Петроградской седьмой, изъ крестьянъ, Федоръ *Тимофеевъ* и училищъ: Новгородскаго реальнаго, изъ мѣщанъ, Василій *Лазаревъ* и Пензенскаго перваго высшаго начальнаго, изъ крестьянъ, Иванъ *Николаевъ* и сидѣлка терапевтической клиники Императорскаго Казанскаго университета Екатерина *Яковлева* и *для ношенія на груди: золотою, на Аннинской лентѣ*: сверхштатный ординаторъ и приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ медицины, дворянка Марія *Станишевская*, врачъ Боюканскаго приходскаго одноклассного училища, дворянка, женщина-лѣкарь, Елена *Козловская*, занимающіеся письмоводствомъ въ канцеляріи попечителя Петроградскаго учебнаго округа, изъ крестьянъ: Ольга *Игнатьева* и Александръ *Козельскій*, служащія по письменной части въ канцеляріи Императорскаго Петроградскаго университета: дворянка Анна *Бруннеръ* и жена коллежскаго секретаря Евдокія *Дмитріева*, исполняющій обязанности эконома пансіона и смотрителя зданій Харьковской первой гимназіи, отставной унтеръ-офицеръ Макаръ *Паршинъ*, предсѣдательница общества вспомоществованія учащимся въ Курганской Александровской женской гимназіи, дворянка Александра *Галицкая*, члены попечительнаго совѣта Ногайской женской гимназіи: мѣщане: Афанасій *Свидло* и Назаръ *Гарбузъ*, начальницы: женскихъ гимназій: Благовѣщенской второй, Марія *Чибисова*, Петрозаводской Маріинской, Ольга *Попова*, Кишиневской, учрежденной фонъ-Гейкингъ, баронесса Юлія фонъ-*Гейкингъ*, Черниговской Заостровской, Нина *Заостровская*, Бѣльской, Марія *Ромейко-Гурко*, Екатеринославской второй городской, Наталія *Андреевская*, Изюмской, Вероника *Лѣскевичъ*, Кишиневской Ремезовой, Зинаида *Ремезова*, Никольской, Александра *Попова*, Томской Маріинской, Надежда *Ржаницына*, Мензелинской, Александра *Никольская*, Либавской, Анна *Любимова*, Юрьевецкой имени А. С. Пушкина, Лидія *Заварина*, Рыбинской Маріинской, Анна *Мыльникова*, Карачевской, Александра *Маккавеева*, Проскуровской Харьюзовой, Наталія *Юганова* и частныхъ: Зябловой въ Петроградѣ, Александра *Зяблова* и Раевской въ Москвѣ, Александра *Раевская* и Кишиневской учительской семинаріи, Анна *Григорова*, учительницы гимназій: Херсонской второй мужской, Эмма *Рудольфъ* и женскихъ: Боровичской, Анна *Воскресенская*, состоящей подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны Ар-

хангельской, Надежда *Иванова*, Кронштадтской Императора Александра II: Ольга *Медвѣдева* и Вильгельмина *Барсова*, Кронштадтской Александринской: Анастасія *Кислицына*, Ольга *Западова*, Софія *Дрешернъ* и Евгенія *Будкевичъ*, Петроградской Императорскаго человѣколюбиваго общества, Людмила *Соколова*, Петроградской Императора Петра Великаго: Селина *Шниквальдъ*, Екатерина *Пульхерова* и Анна *Новикова*, Лохвицкой-Скалонъ въ Петроградѣ: Ольга *Алексѣевская*, Тереза *Фурманъ* и Софія *Керревицъ*, Петрозаводской Маріинской, Анна *Осмоловская*, Богодуховской: Валентина *Замошникова* и Марія *Вознесенская*.

Медалями, съ надписью „за усердіе": для ношенія на груди: золотою, на Аннинской лентѣ: учительницы гимназій: женскихъ: Курской Маріинской: Елена *Бланкенгорнъ* и Марія *Торкіани*, Льговской: Надежда *Демина*, Раиса *Алексѣева* и Анна *Воложанская*, Славянской первой, Анастасія *Чернышева*, Ахтырской: Елена *Орѣхова*, Зинаида *Чемоданова*, Евгенія *Круковичъ* и Евгенія *Ковалевская*, Курганской Александровской: Зинаида *Гиганова* и Таисія *Лукіанова*, Аккерманской, Марія *Кеммрицъ*, Маріупольской Остославской; Іуліанія *Михайленко*, Одесской второй городской, Инна *Борзаковская*, Екатеринославской, учрежденной Тибленъ, Елена *Кагадѣева*, Бахмутской первой Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны, Татьяна *Николаева*, Кишиневской первой, Марія *Стекольщикова*, Оренбургской второй: Александра *Ильинская* и Марія *Орлова*, Рижской Ломоносовской: Юлія *Бахирева*, Юлія *Кошкина*, Александра *Ишерская* и Екатерина *Кюри*, Рижской Садовской, Екатерина *Штингль*, Юрьевецкой: Александра *Соловьева* и Ольга *Иванова*, Юрьевецкой имени А. С. Пушкина, Елизавета *Самарянова*, Тверской Маріинской, Марія *Богачева*, Рославльской: Эмилія *Волкова* и Зинаида *Скоробогатова*, Рыбинской Маріинской, Серафима *Виноградова*, Тульской второй: Зинаида *Гусевичъ* и Людмила *Прокопорская*, Суздальской, Лариса *Архангелова*, Ковельской Пироговой, Серафима *Осѣцкая*, Кіевской второй мужской, Марія *Шаталова*, Нѣжинской Крестинской, Екатерина *Максимовичъ*, Двинской: Наталья *Спекторская* и Елена *Буржинская*, частныхъ: Кіевской Дучинской, Софія *Щербина*, Корсунской въ гор. Ярославлѣ, Марія *Шишмарева*, Мыркиной въ гор. Рыбинскѣ, Надежда *Стоцкая* и Харьковской, учрежденной Домбровской, Лидія *Архангельская*, главная надзирательница Кіевской женской гимназіи св. княгини Ольги, Ольга *Грузевичъ-Нечай*, надзирательницы женскихъ гимназій: Брянской, Александра *Вондоловская*,

Николаевской Маріинской первой, Анна *Губанова*, Кишиневской Наговской: Надежда *Гарницкая* и Александра *Козловская*, и Кишиневской первой: Марія *Чеховичъ* и Софія *Чурбанова*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Курской Маріинской: Ольга *Никифорова*, Софія *Блюмъ* и Екатерина *Роговская*, Торопецкой: Евгенія *Гольмъ* и Зинаида *Голенищева-Кутузова*, Стародубской, Елена *Бошенятова*, Харьковской Маріинской, Вѣра *Гумилевская*, Томской Маріинской, Вѣра *Алексѣева*, Бійской Николаевской, Вѣра *Вячеславова*, Екатеринбургской первой, Ольга *Миткевичъ*, Либавской: Елена *Вольгемутъ*, Зинаида *Яковлева*, Надежда *Лютцау* и Марія *Петерсонъ*, Тверской Маріинской, Марія *Иванова*, Благовѣщенской Алексѣевской, Брониславa *Завадовская*,Тульской второй, Александра *Князева*, Рижской Ломоносовской, Варвара *Лейкина* и частныхъ: Корсунской въ гор. Ярославлѣ, Клавдія *Горицкая* и Кіевской Дучинской, Евгенія *Ботвиновская* и Анна *Волошкевичъ*, начальница и учредительница Пермской частной женской прогимназіи Дрекслеръ-Голынецъ Александра *Дрекслеръ*, учительницы: реальныхъ училищъ: Николаевскаго-на-Амурѣ, Марія *Скибицкая* и Кіевскаго, Антонина *Анненкова* и Великолуцкой женской учительской семинаріи, Вѣра *Грановская*, надзирательница и учительница Гольдингенскаго городского шестиклассного женскаго училища Марта *Кегелеръ*, писцы канцеляріи директора народныхъ училищъ Новгородской губерніи, крестьяне: Николай *Шпагинъ* и Иванъ *Добряковъ*, содержательницы частныхъ учебныхъ заведеній 3-го разряда: въ Петроградѣ: Ольга *Истомина* и Варвара *Иванова* и въ гор. Архангельскѣ, Вѣра *Селезнева*, бывшая содержательница частнаго учебнаго заведенія 3-го разряда въ Петроградѣ Евгенія *Сенчилло*, смотритель Меландовскаго одноклассного сельскаго общественнаго училища, Холмогорскаго уѣзда, крестьянинъ Василій *Рюминъ*, староста церкви при Харьковской 2-й мужской гимназіи, купецъ второй гильдіи Алексѣй *Муравьевъ*, попечители училищъ: Колпаковскаго начальнаго области Войска Донского, крестьянинъ Никифоръ *Яковенко* и Николо-Тропскаго сельскаго начальнаго, Рыбинскаго уѣзда, крестьянинъ Александръ *Комаровъ*, почетные блюстители училищъ: Шехманскаго министерства народнаго просвѣщенія двухклассного, Липецкаго уѣзда, мѣщанинъ Терентій *Савостьяновъ* и Паршинскаго приходскаго и Чернышевскаго женскаго 3-го разряда, 2-го Донского округа, мѣщанинъ Василій *Соболевъ*, попечительницы училищъ: начальныхъ: Борщенскаго, вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Антонина *Евреинова* и Николаевскаго имени М. В. Ломоно-

сова, жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника Юлія *Соболева*, Александрійскаго 1-го городского приходскаго, жена статскаго совѣтника Наталія *Сокальская*, земскихъ начальныхъ: Борковскаго, Старорусскаго уѣзда, жена генералъ-майора Марія *Шабельская* и Вохосемскаго, Мантуровскаго и Трубацкаго, Тимскаго уѣзда, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра *Томилина*, смотрительница Поневѣжскаго Маріинскаго женскаго училища съ профессіональнымъ отдѣленіемъ, дворянка Лидія *Фалѣева*, завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами: Христиновскимъ, Уманскаго уѣзда, Евгеній *Орловъ* и Средникскимъ министерства народнаго просвѣщенія, Ковенской губерніи, Венедиктъ *Гойжевскій*, учителя-завѣдующіе училищами: Вербскимъ народнымъ, Павлоградскаго уѣзда, Михаилъ *Стрѣлинъ* и министерства народнаго просвѣщенія: Кустанайскимъ четвертымъ одноклассымъ мужскимъ, Яковъ *Щербаковъ* и двухклассными: Зайцевскимъ, Крестецкаго уѣзда, Федотъ *Филипповъ*, Кубейскимъ сельскимъ, Аккерманскаго уѣзда, Тимофей *Парута* и Забричанскимъ сельскимъ, Бѣлецкаго уѣзда, Кондратъ *Хомутовъ*, учителя училищъ: Псковскаго латышскаго, Вильгельмъ *Гайки*, Іоганишкельскаго имени Карни сельско-хозяйственнаго, Александръ *Витвинскій*, приходскихъ: Аккерманскаго имени В. А. Жуковскаго одноклассаго, Порфирій *Алексѣевъ* и Фестенскаго евангелическо-лютеранскаго, Венденскаго уѣзда, Фридрихъ *Гривинъ*, начальныхъ: Булатниковскаго, Иванъ *Смысловъ*, Гнѣздиловскаго, Семенъ *Шебановъ*, Льговскаго уѣзда: Фитижскаго, Сергѣй *Лебедевъ*, Сосковскаго, Иванъ *Якубовскій*, Кожлянскаго, Игнатій *Воскобойниковъ* и Захарьковскаго, Максимъ *Никулинъ*, народныхъ: Ковенской губерніи: Плукскаго, Брониславъ *Адомулисъ* и Ольсядскаго, Константинъ *Зубецъ*, земскихъ: Стуковскаго, Крестецкаго уѣзда, Иванъ *Ясновидскій*, Починковскаго, Валдайскаго уѣзда, Никита *Сидоровъ* и Новосельскаго Камышловскаго уѣзда, Александръ *Просвирнинъ*, Дудинскаго начальнаго народнаго, Ковровскаго уѣзда, Иванъ *Великокняжскій*, земскихъ начальныхъ: Бронницкаго, Виталій *Верховскій* и Устьсысольскаго уѣзда: Галактіоновскаго, Митрофанъ *Сюткинъ* и Лоемскаго двухклассаго, Иванъ *Клочковъ*, Васильевскаго сельскаго начальнаго, Николай *Антоновъ*, одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Рютинскаго, Валдайскаго уѣзда, Андрей *Никитинъ* и Стурдзенскаго сельскаго, Бѣлецкаго уѣзда, Феодосій *Штефырца*, двухклассныхъ, Волчанскаго уѣзда: Волчанскаго 1-го, Афанасій *Сомовъ*, Заводянскаго перваго, Семенъ *Крыловъ*, Заводянскаго 2-го, Никита *Коротецкій* и Николаевскаго второго, Семенъ

Ковалевскій и министерства народнаго просвѣщенія: Налючскаго двухклассснаго, Боровичскаго уѣзда, Александръ *Барулинъ* и Привольнянскаго второго, Херсонскаго уѣзда, Иванъ *Драганъ*, завѣдывающія приходскими училищами: Челябинскими: первымъ смѣшаннымъ, Екатерина *Липсбергъ* и третьимъ женскимъ, Валентина *Лузина* и Кіевскими городскими: № 31, Анна *Руднева* и № 51, Софія *Павловская*, учительницы-завѣдывающія училищами: Славянскимъ вторымъ народнымъ начальнымъ, Павлоградскаго уѣзда, Марія *Лобасъ*, Кишиневскими одноклассными приходскими: первымъ женскимъ, Анна *Фалинская* и мужскими: вторымъ, Александра *Финкель*, третьимъ, Елизавета *Адаричъ-Стрѣшенцева* и седьмымъ, Вѣра *Лейбина*, Александровскимъ городскимъ приходскимъ имени Н. В. Гоголя, Анастасія *Теплостанская*, Измаильскимъ Александровскимъ двухклассснымъ приходскимъ женскимъ, Марія *Трещина* и Чучульскимъ одноклассснымъ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія, Бѣлецкаго уѣзда, Надежда *Игнатовичъ*, учительницы училищъ: Гольдингенскаго городского шестиклассснаго женскаго, Елена *Бютнеръ*, приходскихъ: Череповецкаго перваго, Софія *Коровина*, Устюжнскаго третьяго, Анастасія *Троицкая* и Шадскаго городского женскаго, Марія *Григорьева*, начальныхъ: Поздняковскаго, Евдокія *Щелокова*, Жиздринскаго уѣзда: Младенскаго, Любовь *Смирнова*, Мурачевскаго, Елизавета *Нестерова*, Судимирскаго, Юлія *Лаврова*, Уставскаго, Евдокія *Хохловская* и Шаровичскаго, Марія *Золотухина*, Алнерскаго, Мещовскаго уѣзда, Ольга *Иванова* и гор. Твери: перваго Заволжскаго, Марія *Померанцева* и второго женскаго, Серафима *Дешевая*, Кіевскаго городского приходскаго № 54, Наталія *Романовичъ-Славатинская*, начальныхъ: Судогодскаго уѣзда: Большегригоровскаго, Софія *Спиридонова* и Новогординскаго, Надежда *Касаткина*, Красненскаго, Жиздринскаго уѣзда, Наталія *Скорлупкина*, Антроповскаго, Подольскаго уѣзда, Анна *Злобина*, Сухоложскаго, Камышловскаго уѣзда, Александра *Ляпустина*, Александровскаго второго смѣшаннаго городского, Александра *Мещерякова*, Николаевскаго № 13, Екатерина *Смѣшко*, Николаевскаго, Новомосковскаго уѣзда, Марія *Гесбергъ*, Устьсысольскаго уѣзда: Ноштульскаго одноклассснаго, Ольга *Степанова* и Лаберомскаго, Марія *Безносова*, Тихвинскаго уѣзда: Вергишскаго, Анфиса *Скородумова* и Борковскаго, Аглаида *Скуратъ*, Тарадѣевскаго, Шацкаго уѣзда, Анастасія *Сергѣева*, Разсказовскаго, Александра *Леонова*, Разсказовскаго Пушкинскаго, Любовь *Гавриловская*, Бѣловскаго, Суджанскаго уѣзда, Анна *Новикова*, Миропольскаго, Елена *Азбукина* и Фитижскаго, Льгов-

скаго уѣзда, Юлія *Иванова*, городскихъ начальныхъ: Тверского, Вѣра *Гусева* и Затверецкаго, Софія *Унковская*, Ленковскаго народнаго, Хотинскаго уѣзда, Вѣра *Немоловская*, начальныхъ народныхъ, Ковровскаго уѣзда: Лежневскаго женскаго, Лидія *Архангельская*, Ряполовскаго, Александра *Аѳонская*, Санниковскаго, Ольга *Добротворская*, Мѣховицкаго, Марѳа *Доброхотова*, Зѣменковскаго: Ольга *Жукова* и Анна *Кедровская*, Волковоинскаго, Елизавета *Лейбергъ*, Горковскаго, Аполлинарія *Миртова*, Эдемскаго, Надежда *Пузанова* и Мишневскаго, Евдокія *Соколовская*, земскихъ: Казацкаго, Херсонскаго уѣзда, Марфа *Семилѣтъ*, Горскаго, Крестецкаго уѣзда, Ольга *Звѣринская*, Левочскаго, Боровичскаго уѣзда, Елизавета *Синозерская*, Ирдомотскаго, Череповецкаго уѣзда, Аполлинарія *Демидова* и Ертарскаго, Евгенія *Путинцева*, земскихъ начальныхъ: Іоновскаго, Славяносербскаго уѣзда, Олимпіада *Зданевичъ*, Хриповскаго, Евдокія *Раевская*, второго въ гор. Муромѣ, Александра *Юматова*, Зѣньковскаго второго Николаевскаго, Елена *Оранская*, Ѳоминскаго сельскаго начальнаго, Тюменскаго уѣзда, Валентина *Виноградова*, Тараклійскаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Аккерманскаго уѣзда, Василиса *Андоніева*, двухклассныхъ: Каменскаго, Софія *Кухцинская* и Николаевскаго перваго, Волчанскаго уѣзда, Екатерина *Марадудина*, двухклассныхъ земскихъ: Носовскаго, Череповецкаго уѣзда, Капитолина *Стефановская*, Лоемскаго, Устьсысольскаго уѣзда, Александра *Клочкова* и Крестецкаго уѣзда: Сытинскаго—Варвара *Дьяконова* и Вороновскаго Хіонія *Финикова* и Проказовскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Валдайскаго уѣзда, Анна *Кузнецова*, учительницы: школъ: Архангельской воскресной женской—Ольга *Мирославская*, земскихъ: Херсонскаго уѣзда: Новогеоргіевской, Меланія *Богунова* и Себинской второй, Клеопатра *Кубышкина* и при Великолуцкой женской учительской семинаріи, Елизавета *Жондецкая* и частнаго начальнаго училища въ гор. Курскѣ Юлія *Тюрина*, курьеръ канцеляріи попечителя Петроградскаго учебнаго округа, крестьянинъ Игнатій *Зимницкій*, вахтеры: Императорскаго Петроградскаго университета: мѣщанинъ Алексѣй *Шукаловъ* и, изъ крестьянъ, Михаилъ *Жемчуговъ* и Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, изъ крестьянъ, Дмитрій *Львовъ*, швейцары: гимназій: женской при евангелическо-лютеранской церкви св. Вознесенія въ гор. Харьковѣ, отставной унтеръ-офицеръ Андрей *Кауровъ* и Одесской женской Беленъ-де-Баллю, крестьянинъ Карлъ *Худоба* и Петроградскаго реальнаго училища Гельда, изъ мѣщанъ, Емельянъ *Васютовичъ*, служителя Импе-

раторскихъ университетовъ: Петроградскаго, крестьяне: Өедоръ *Воробьевъ*, Василій *Звѣревъ* и Мокѣй *Находкинъ*, Новороссійскаго, изъ крестьянъ, Василій *Мирошниковъ* и Харьковскаго: отставные унтеръ-офицеры: Михаилъ *Снѣжковъ* и Иванъ *Ольховскій* и крестьяне: Петръ *Бѣликовъ* и Терентій *Сухаревъ*, Императорской публичной библіотеки: запасные рядовые: Никифоръ *Колола* и Андрей *Князевъ*, Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, изъ крестьянъ: Алексѣй *Григорьевъ*, Антонъ *Буковскій* и Матвѣй *Грачевъ*, гимназій: Петроградской первой: мѣщанинъ Янъ-Владиславъ *Піотровскій* и крестьяне: Трофимъ *Осиповъ*, Никифоръ *Матвѣевъ* и Степанъ *Кирилловъ*, Харьковской первой, мѣщанинъ Петръ *Каліяновъ* (онъ же Тяпинъ), и Гомельской мужской, крестьянинъ Дмитрій *Моховцовъ*, училищъ: при реформатскихъ церквахъ въ Петроградѣ: мѣщане: Юрій *Поррикъ* и Анджъ *Шульце* и, изъ крестьянъ, Войцехъ *Банґертъ*, реальныхъ: Виленскаго, крестьянинъ Михаилъ *Петруканецъ* и Царскосельскаго Императора Николая II, изъ крестьянъ, Карпъ *Селюненокъ* и при Петроградскомъ учительскомъ институтѣ Императора Александра II, крестьянинъ Яковъ *Дмитріевъ*, буфетчикъ Петроградской третьей гимназіи, мѣщанинъ Александръ *Васильевъ* и дворники Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I: изъ крестьянъ: Филиппъ *Соловьевъ* и Капитонъ *Есичевъ*, жена окружнаго инспектора Одесскаго учебнаго округа, статскаго совѣтника Зильберга, Нина *Зильбергъ*, помощницы директора Петроградскихъ высшихъ женскихъ историко-литературныхъ и юридическихъ курсовъ: жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софія *Раева* и дворянка Елена *Ростъ*, инспекторъ Херсонскаго еврейскаго четырехклассснаго ремесленнаго училища, инженеръ-механикъ Ошеръ *Каценбогинъ*, староста церкви при Воронежскомъ первомъ высшемъ начальномъ училищѣ, мѣщанинъ Василій *Васильевъ*, члены попечительныхъ совѣтовъ женскихъ гимназій: Ростовской-на-Дону частной, учрежденной Любимовой, вдова титулярнаго совѣтника Юлія *Стрѣлкова* и Бійской Николаевской, первой гильдіи купецъ Андрей *Фирсовъ*, почетный попечитель Курскаго перваго высшаго начальнаго училища, купецъ второй гильдіи Петръ *Кобозевъ*, попечительницы женскихъ гимназій: Порѣчской, дворянка Вѣра фонъ-*Вейдлихъ* и Рогачевской частной Анисимовой, жена губернскаго секретаря Екатерина *Дрибенцева*, классныя дамы Варшавскихъ женскихъ гимназій: третьей, Анна *Околовичъ* и частной Кузенковой, Наталія *Власова*.

Объявляется: *Высочайшая благодарность*, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: директору Петроградской гимназіи Императора Александра I Николаю *Дюкову* и дѣлопроизводителю, VI класса, государственнаго и Петроградскаго главнаго архива Якову *Барскову*, за особые труды ихъ въ комиссіи по средней школѣ; *Высочайшее благоволеніе:* статскимъ совѣтникамъ: окружному инспектору Петроградскаго учебнаго округа Василію *Кораблеву*, ординарнымъ профессорамъ: Императорскаго Петроградскаго филологическаго института, Александру *Малеину* и Императорскаго Петроградскаго женскаго педагогическаго института, Валеріану *Половцову*, причисленному къ министерству Степану *Цыбульскому*; преподавателю восточныхъ языковъ Императорскаго Казанскаго университета Николаю *Катанову*; чиновнику особыхъ порученій, VI класса, при министрѣ Александру *Леману*; дѣлопроизводителю VI класса, департамента народнаго просвѣщенія Дмитрію *Георгіевскому*; директору Винницкаго учительскаго института Матвѣю *Запольскому* и учителю Одесскаго реальнаго училища св. Павла Павлу *Ладнову*, изъ нихъ: Кораблеву, Малеину, Половцову и Цыбульскому — за особые труды ихъ въ комиссіи по средней школѣ, Катанову и Ладнову за труды, понесенные при условіяхъ военнаго времени, а Леману, Георгіевскому и Запольскому— за отлично-усердную ихъ службу; члену попечительнаго совѣта музея антропологіи и этнографіи имени Петра Великаго, губернскому секретарю Борису *Игнатьеву*, за труды по названному музею; не имѣющимъ чина: младшему ассистенту при кабинетѣ физической географіи Императорскаго Новороссійскаго университета Николаю *Акимовичу*; инспектору Вороновицкаго высшаго начальнаго училища, Подольской губерніи, Сергѣю *Смолинскому* и учителямъ высшихъ начальныхъ училищъ: Черкасскаго 1-го, Григорію *Гайдаку*, Чигиринскаго, Лонгину *Рвачеву*, Бердичевскаго, Николаю *Макѣенко* и Лысянскаго, Михаилу *Янченко*, изъ нихъ: Акимовичу—за труды, понесенные при условіяхъ военнаго времени, а Смолинскому, Гайдаку, Рвачеву, Макѣенко и Янченко—за отлично-усердную ихъ службу.

Производятся, за отличіе: изъ дѣйствительныхъ статскихъ въ *тайные совѣтники*, членъ совѣта министра, сверхъ штата, Эрнестъ *Радловъ;* изъ статскихъ въ *дѣйствительные статскіе совѣтники:* вице-директоръ департамента общихъ дѣлъ, въ званіи камергера двора Его Императорскаго Величества Аркадій *Даевъ;* дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія Тихонъ *Рождественскій*; инспекторъ отдѣла промышленныхъ училищъ Михаилъ *Миха-*

левскій; окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа Сергѣй *Никитинскій;* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, внѣ штата, Алексѣй *Альбицкій;* ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго: Владиміръ *Гулевичъ*, Петръ *Карузинъ* и Михаилъ *Сперанскій*, Харьковскаго, внѣ штата: Алексѣй *Грузинцевъ*, Владиміръ *Гордонъ* и проректоръ Николай *Паленко*, св. Владиміра, Михаилъ *Катковъ* и Юрьевскаго, Иванъ *Лаппо;* профессоры: Императорскаго Московскаго техническаго училища, Анатолій *Сидоровъ* и институтовъ: Рижскаго политехническаго, заслуженный, Николай *Озмидовъ* и Харьковскаго технологическаго, Императора Александра III, заслуженный, Григорій *Латышевъ*; директоры: гимназій: Вологодской имени Императора Александра I Благословеннаго, Николай *Марковъ*, Рязанской первой, Николай *Шамонинъ*, Козмодемьянской, Николай *Заболотскій*, Саратовской первой, Николай *Сырневъ*, Оренбургской первой, Николай *Морозовъ*, Троицкой, Николай *Андрусевичъ*, Новохоперской, Иванъ *Межлаукъ*, Новочеркасской второй, Николай *Дьяковъ*, Таганрогской, Василій *Шостенко*, Елисаветградской, Тихонъ *Виноградовъ*, Керченской, Владиміръ *Новопашенный*, Одесской четвертой, Евгеній *Безсмертный*, Павлоградской, Павелъ *Вознесенскій*, Сорокской, бывшій, Александръ *Григорьевъ*, Замостской, Тимоѳей *Цисарь*, Константиноградской имени Дома Романовыхъ, Ѳедоръ *Коваржикъ*, Прилукской, Лука *Орда*, Полтавской Императора Александра I Благословеннаго, Михаилъ *Раичъ*, Холмской Цесаревича Алексѣя, Александръ *Еленевскій*, Виленской частной Виноградова, Емельянъ *Правосудовичъ*, Гомельской, Александръ *Занкевичъ*, Минской, Сергѣй *Григорьевъ*, Мстиславской, Іосифъ *Пономаревъ*, Маріампольской, Петръ *Бенедиктовъ*, Сѣдлецкой, Ѳеодоръ *Архангельскій*, Ченстоховской, Михаилъ *Нарбековъ* и Рижской Александровской, Порфирій *Бояриновъ* и Ташкентской первой женской, Михаилъ *Дьяконовъ*, реальныхъ училищъ: Архангельскаго, Иванъ *Яковлевъ*, Устюжнскаго, Василій *Максимовъ*, Каширскаго, Евстафій *Крыловъ*, Смоленскаго второго, Михаилъ *Савкевичъ*, Бугульминскаго, Адамъ *Вальтеръ*, Петровскаго, Павелъ *Смольяниковъ*, Сердобскаго, Иванъ *Сапуновъ*, Слободского, Петръ *Никоновъ*, Уржумскаго, Михаилъ *Богатыревъ* и Нижне-Чирскаго, Валеріанъ *Алякритскій*, училищъ: при реформатской церкви въ Петроградѣ Артуръ *Брокъ*, Московскаго промышленнаго въ память 20-лѣтія царствованія Императора Александра II, Константинъ *Зографъ* и Виленскаго средняго химико-техническаго, Николай *Соболевъ*,

учительскихъ институтовъ: Калужскаго, Сергѣй *Петровскій*, Глуховскаго, Леонидъ *Апостоловъ* и Иркутскаго, Павелъ *Тереховскій*, учительскихъ семинарій: Архангельской, Александръ *Лащенковъ*, Новгородской, Дмитрій *Соболевъ*, русской въ Финляндіи, Павелъ *Лебедевъ*, Кукарской, Александръ *Безсоновъ*, Челябинской, Платонъ *Юркевичъ* и Омской, Алексѣй *Васильевъ* и народныхъ училищъ, губерній: Новгородской, Петръ *Дворянскій*, Смоленской, Егоръ *Орловъ*, Тульской, Николай *Поспѣловъ* и Ковенской, Иванъ *Кукушкинъ*; начальникъ Холмской учебной дирекціи Ѳедоръ *Кораллловъ;* журналистъ департамента общихъ дѣлъ Владиміръ *Дьяковъ*; завѣдывающій Семеновскою земскою метеорологическою обсерваторіею въ Курскѣ Петръ *Поповъ* и почетный попечитель Петроградской второй Императора Александра I гимназіи Константинъ *Дорожкинъ*, изъ нихъ Даевъ съ оставленіемъ въ придворномъ званіи; изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, со старшинствомъ: вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія Николай *Палечекъ*—съ 3-го ноября 1914 г.; помощникъ управляющаго отдѣломъ промышленныхъ училищъ Викторъ *Николасъ*—съ 16-го іюня 1915 г.; чиновникъ особыхъ порученій, V класса, при министрѣ Сергѣй *Удовиченко* — съ 1-го января 1914 г.; адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Ильмари *Бонсдорфъ* — съ 30-го января 1915 г. и сотрудникъ Императорской археографической комиссіи, Владиміръ *Сысоевъ*—съ 1-го января 1915 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, дѣлопроизводитель, VI класса, департамента общихъ дѣлъ Михаилъ *Бычковъ*, со старшинствомъ съ 30-го ноября 1913 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, дѣлопроизводитель, VIII класса, младшаго оклада, департамента народнаго просвѣщенія Василій *Успенскій*; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, со старшинствомъ: чиновникъ особыхъ порученій, VI класса, при министрѣ Семенъ *Эфенди*—съ 1-го ноября 1914 г.; члены-соревнователи попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища: Иванъ *Друри*—съ 17-го ноября 1914 г. и Николай *Троицкій*—съ 1-го іюня 1913 г. и секретарь правленія Императорскаго Томскаго университета Владиміръ *Ансіевъ*—съ 13-го ноября 1914 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, со старшинствомъ: столоначальникъ канцеляріи попечителя Петроградскаго учебнаго округа Леонидъ *Билинскій* — съ 19-го октября 1915 г. и дѣлопроизводитель, VIII класса, старшаго оклада, департамента народнаго просвѣщенія Дмитрій *Кузьменко*, онъ же Кузьминокъ — съ 13-го ноября 1913 г.; въ *кол-*

лежскіе регистраторы: канцелярскіе служители: департамента народнаго просвѣщенія, Владиміръ *Кузнецовскій*, департамента общихъ дѣлъ, Сергѣй *Дѣевъ* и управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, Петръ *Нефедьевъ*.

Награждаются орденами: *Бѣлаго Орла*—членъ совѣта министра, сверхъ штата, тайный совѣтникъ Павелъ *Некрасовъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени: тайные совѣтники: предсѣдатель ученаго комитета министерства Григорій *Левицкій;* членъ совѣта министра, сверхъ штата, Алексѣй *Остроумовъ* и ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ Алексѣй *Соболевскій*.

Св. Анны 1-й степени: тайные совѣтники: попечители учебныхъ округовъ: Одесскаго, бывшій, гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества Владиміръ *Смольяниновъ* и Оренбургскаго, Алексѣй *Деревицкій* и членъ совѣта министра, сверхъ штата, Степанъ *Митусовъ* и ректоръ Императорскаго Харьковскаго университета, заслуженный ординарный профессоръ, внѣ штата, Иванъ *Нетушилъ*; дѣйствительные статскіе совѣтники: товарищъ министра Владиміръ *Шевяковъ*; ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, Сергѣй *Вѣховъ;* попечитель Казанскаго учебнаго округа, Михаилъ *Ломиковскій* и директоръ Уфимской гимназіи Владиміръ *Матвѣевъ*.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: товарищъ министра, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества Александръ *Рачинскій;* директоръ департамента общихъ дѣлъ въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества Николай *Вестманъ*; управляющій отдѣломъ промышленныхъ училищъ Викторъ *Рыковъ*, члены совѣта министра, сверхъ штата: Николай *Бобровниковъ* и въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества Сергѣй *Прутченко*; попечители учебныхъ округовъ: Виленскаго, Николай *Чечулинъ* и Варшавскаго, въ должности шталмейстера Двора Его Императорскаго Величества князь Иванъ *Куракинъ;* директоръ Демидовскаго юридическаго лицея въ Ярославлѣ Владиміръ *Щегловъ;* дѣлопроизводитель, V класса, департамента общихъ дѣлъ Ѳеодоръ *Моисеенко*; окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа Николай *Счастливцевъ;* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Алексѣй *Гиляровъ*; ординарные профессоры: Императорскихъ университетовъ: Московскаго: Николай *Голубовъ* и Николай *Савельевъ*, Новороссійскаго, Николай *Батуевъ*, св. Владиміра, Александръ *Котельниковъ* и Юрьевскаго, Михаилъ *Красноженъ* и Петроградскаго женскаго медицинскаго инсти-

тута, Сергѣй *Кульневъ* и заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища Петръ *Худяковъ*; директоры: гимназій: Императорской Александровской Кіевской, Александръ *Стороженко*, Стрѣльнинской, Іосифъ *Сѣдлатый*, Ржевской, Антонъ *Украинцевъ*, Самарской первой, Александръ *Павловъ*, Витебской, Императора Александра I Благословеннаго, Павелъ *Родкевичъ*, Полоцкой, Алексѣй *Еленевъ*, Пензенской второй, Никифоръ *Коваленко* и Самаркандской, Василій *Крымскій*, реальныхъ училищъ: Новоторжскаго, Михаилъ *Васильевъ*, Тульскаго, Константинъ *Немыцкій* и Астраханскаго, Иванъ *Ленсъ*, Псковскаго учительскаго института, Арсеній *Чихачевъ*, Курской учительской семинаріи, Григорій *Боголюбскій* и народныхъ училищъ губерній: Уфимской, Иванъ *Троицкій* и Виленской, Игнатій *Огіевичъ* и почетный попечитель Людмилинской женской учительской семинаріи въ м. Мринѣ Павелъ *Коробка*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета Петръ *Пусторослевъ;* завѣдывающій врачебно-санитарною частью учебныхъ заведеній министерства Емеліанъ *Незнамовъ*; дѣлопроизводитель V класса, департамента общихъ дѣлъ, Михаилъ *Оленевъ*; членъ, V класса, Императорской археографической комиссіи Борисъ *Тураевъ*; директоры магнитно-метеорологическихъ обсерваторій: въ Екатеринбургѣ, Германъ *Абельсъ* и въ Иркутскѣ, Аркадій *Вознесенскій;* заслуженные ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго: Сергѣй *Глинка*, Николай *Корсаковъ* и внѣ штата, Владиміръ *Мальмбергъ* и св. Владиміра, Григорій *Павлуцкій*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Петроградскаго: Павелъ *Коковцовъ* и Всеволодъ *Удинцевъ*, Московскаго, сверхштатный, Петръ *Поповъ*, Новороссійскаго, исправляющій должность, Владиміръ *Ренненкампфъ* и Варшавскаго, Викентій *Хмѣлевскій*; директоры: гимназій: Петергофской Императора Александра II, Николай *Шубинъ*, Петроградскихъ: первой, Евгеній *Ветнекъ*, Ларинской, Аркадій *Мухинъ* и Императора Петра Великаго, Яковъ *Рудневъ*, Тульской, Алексѣй *Владимірскій*, Вятской первой, Сергѣй *Богатыревъ*, Борисоглѣбской Александровской, Ѳедоръ *Заркевичъ*, Ростовской на-Дону, учрежденной Степановымъ, Николай *Степановъ*, Ирбитской, Константинъ *Бѣлавинъ*, Александрійской, Александръ *Богдановичъ*, Гайсинской, Андрей *Серговскій*, Житомірской первой, Алексѣй *Якимахъ*, Кіевской третьей, Павелъ *Бодянскій*, Азовской, Иванъ *Игнатенко* и Томской первой, Николай *Бакай*, реаль-

ныхъ училищъ: Петроградскаго, Императора Александра II, Иларіонъ *Шафрановскій*, Старорусскаго Алексѣевскаго, Викторъ *Абисовъ*, Ярославскаго, Николай *Соколовъ*, Бузулукскаго, Гурій *Вишневскій*, Сарапульскаго, Николай *Орловъ* и Могилевскаго, Кононъ *Шороховъ*, учительскихъ институтовъ: Казанскаго, Василій *Гаіевъ* и Витебскаго, Клавдій *Тихомировъ*, учительскихъ семинарій: Псковской, Александръ *Введенскій*, Красноярской, Ѳедоръ *Говоровъ*, Тотемской, Вячеславъ *Введенскій* и Суджанской, Евграфъ *Ходуновъ*, народныхъ училищъ губерній: Петроградской, Михаилъ *Дроздовъ* и Московской, Алексѣй *Одинцовъ* и почетные члены Императорскихъ археологическихъ институтовъ: въ Петроградѣ, Павелъ *Яковлевъ* и Московскаго имени Императора Николая II, Александръ *Іозефовичъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, Михаилъ *Черняховскій* и директоры гимназій: Кронштадтской Императора Александра II, Александръ *Яворскій*, Маріупольской, Степанъ *Квитницкій*, Житомірской второй, Иванъ *Виноградовъ* и Асхабадской, Николай *Знаменскій;* статскіе совѣтники: ректоръ Императорскаго Николаевскаго университета и ординарный профессоръ Петръ *Заболотновъ;* директоры: Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, Левъ *Шишко* и Императорскаго Московскаго техническаго училища, Василій *Гриневецкій*; управляющій дѣлами управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ Платонъ *Кривошеинъ*; членъ, V класса, Императорской археографической комиссіи Александръ *Прѣсняковъ;* старшій астрономъ отдѣленія Николаевской главной астрономической обсерваторіи въ Симеизѣ Сергѣй *Бѣлявскій;* ординарные профессоры: Императорскихъ университетовъ: Петроградскаго, Иванъ *Чистяковъ*, Московскаго: Дмитрій *Егоровъ*, Аркадій *Елистратовъ* и Сергѣй *Котляревскій*, Варшавскаго: Анастасій *Сицинскій* и, исправляющій должность, Евгеній *Бобровъ*, Юрьевскаго, Левъ *Шалландъ* и Томскаго: Иванъ *Левашевъ* и Павелъ *Прокошевъ*, Демидовскаго юридическаго лицея, Василій *Мышцынъ*, Харьковскаго ветеринарнаго института Императора Николая I, сверхштатный, Сергѣй *Трофимовъ*, профессора: институтовъ: Харьковскаго технологическаго Императора Александра III: Павелъ *Копняевъ* и Николай *Столяровъ*, Рижскаго политехническаго, Ѳеодоръ *Бухгольцъ;* инспекторъ студентовъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II Иларій *Каминскій;* директоры: гимназій: Гельсингфорсской Александровской,

Владиміръ *Бѣлевичъ*, Астраханской первой, Викторъ *Петровскій*, Пермскихъ: Императора Александра I Благословеннаго, Германъ *Генкель* и второй, Григорій *Орловъ*, Грайворонской, Иванъ *Кирьяковъ*, Козловской, Сергѣй *Николаевъ*, Жмеринской, Иродіонъ *Конахевичъ*, Ровенской, Тимоѳей *Косоноговъ*, Несвижской, Григорій *Паливода*, Тельшевской, Николай *Недоходовскій*, Варшавской четвертой Имени Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, Сергѣй *Никоновъ*, Аренсбургской Алексѣевской, Константинъ *Цариковъ* и Курганской, Леонидъ *Дирдовскій*, реальныхъ училищъ: Новгородскаго, Андрей *Кучинскій*, Тотемскаго, Леонидъ *Дилакторскій*, Кашинскаго Алексѣевскаго, Игнатій *Араловъ*, Кинешемскаго, имени И. А. Коновалова, Иванъ *Крыловъ*, Нолинскаго, Дмитрій *Поповъ*, Сызранскаго, Николай *Рахмановъ*, Новочеркасскаго, Петръ *Сосновскій*, Ростовскаго второго, Петръ *Анощенко*, Усманскаго, Николай *Радкевичъ*, Уральскаго войскового, Эдуардъ *Геллеръ* и Рижскаго частнаго А. Миллера, Николай *Папиловъ*, училищъ: Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго, Александръ *Цареґородцевъ*, Александровскаго, Имени Императора Николая Александровича, механико-техническаго, Діонисій *Поддерегинъ* и Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго, Іосифъ *Сикора*, Минскаго учительскаго института, Дмитрій *Сипѣпуро* и народныхъ училищъ губерній: Нижегородской, Митрофанъ *Григоревскій*, Орловской, Арсеній *Модестовъ*, Оренбургской, Николай *Бѣляевъ* и Минской, Поликарпъ *Соколовъ;* начальникъ Ломжинской учебной дирекціи Николай *Гошкевичъ;* почетный членъ Императорскаго Московскаго археологическаго института Имени Императора Николая II, Николай *Ѳирсовъ;* библіотекарь Императорской публичной библіотеки Александръ *Браудо*, экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго: Сергѣй *Орловъ* и, сверхштатный, Николай *Побѣдинскій*, Харьковскаго: исправляющіе должность: Владиміръ *Савва* и Сергѣй *Сабининъ* и Новороссійскаго, Евгеній *Трифильевъ*; директоръ Охтенскаго низшаго механико-техническаго училища Иванъ *Бунинъ;* инспекторы: Полтавской гимназіи Императора Александра I Благословеннаго, Иванъ *Николаенко* и Петроградскаго реальнаго училища Императора Александра II, Аполлинарій *Глѣбовскій;* исполняющіе обязанности инспектора: гимназій: Петроградской Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Константинъ *Тюлеміевъ*, Ростовской на-Дону, Иванъ *Панчишка*, Луганской, Ѳедоръ *Локоть*, Слуцкой, Андрей *Воскресенскій*, Ломжинской, Георгій *Архангельскій*, Радомской, Иванъ *Старосивильскій* и Сувалкской, Сергѣй *Лихотинскій*, и реальныхъ училищъ:

Моршанскаго, Николай *Павленко*, Маріупольскаго, учрежденнаго Гіацинтовымъ, Александръ *Пастернаковъ*, Севастопольскаго-Константиновскаго, Никифоръ *Скородинскій*, Выборгскаго, Александръ *Редько* и Юрьевскаго, Петръ *Тюленевъ;* инспекторы народныхъ училищъ губерній: Московской, Иванъ *Смирновъ*, Таврической, бывшій, Илья *Корецкій*, Подольской, Иванъ *Ивановъ*, Черниговской, Ипполитъ *Яснопольскій*, Ковенской, Константинъ *Бируля*, Сувалкской, Сергѣй *Эльмановичъ*, Курляндской, Всеволодъ *Карповъ*, Лифляндской, Михаилъ *Третьяковъ* и Тобольской: Владиміръ *Куминовъ* и Елпидифоръ *Соколовъ*; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета Александръ *Крюковъ;* наставникъ студентовъ Императорскаго Петроградскаго историко-филологическаго института Сергѣй *Бобинъ;* учители: гимназій: мужскихъ: Петроградскихъ: первой, Сигизмундъ *Янушевскій*, третьей, Павелъ *Костинъ* и седьмой: Михаилъ *Скудневъ* и Яковъ *Хлапонинъ*, Императорской Николаевской Царскосельской, Густавъ *Воано*, Шуйской Наслѣдника Цесаревича Алексѣя, Алексѣй *Овсянниковъ*, Харьковской второй: Леонидъ *Горкевичъ* и Брониславъ *Краевскій*, Одесской Ришельевской, Николай *Акимовичъ*, Кіевскихъ: второй, Владиміръ *Кротовъ* и четвертой, Евгеній *Кивлицкій*, Клинцовской, Николай *Архангельскій*, Виленской Императора Александра I Благословеннаго, Владиміръ *Ивановъ*, Варшавской пятой, Вячеславъ *Гладкевичъ* и Ташкентской, Петръ *Биркенталь* и женскихъ: Екатеринославской, Зенонъ-Иванъ *Стефанскій* и Томской Маріинской, Антонъ *Кѣцинскій*, реальныхъ училищъ: Новгородскаго, Лука *Зборомирскій*, Петроградскаго третьяго, Николай *Григорьевъ*, Московскаго перваго, Павелъ *Дюккомюнъ*, Выборгскаго, Степанъ *Нерсесіанъ*, Тверского, Камиллъ *Фуксъ*, Елабужскаго, Константинъ *Соколовъ*, Казанскаго перваго, Михаилъ *Алексѣевъ* и Острожскаго женскаго графа Д. Н. Блудова училища, Владиміръ *Коцюбинскій;* наставникъ Полоцкой Кульневской учительской семинаріи Николай *Лосковичъ* и воспитатель пансіона Московской первой гимназіи Дмитрій *Заринъ*; коллежскіе совѣтники: правитель канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа Петръ *Петровъ*; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Арсеній *Старковъ;* инспекторы народныхъ училищъ: Тверской губерніи, Яковъ *Соколовъ* и Приморской области, Иванъ *Пельничкинъ;* старшій помощникъ библіотекаря Императорскаго Московскаго и Румянцевскаго музея Сергѣй *Соколовъ* и учители Варшавской первой гимназіи: Василій *Булашевъ* и Петръ *Добровъ;* надворные совѣтники: директоры:

Императорскаго Московскаго археологическаго института Имени Императора Николая II, Александръ *Успенскій* и Саратовскаго средняго техническаго училища, Викторъ *Маниковскій*; архитекторъ Казанскаго учебнаго округа Степанъ *Бечко-Друзинъ* и наблюдатель магнитно-метеорологической обсерваторіи и приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета Игнатій *Точидловскій*.

Св. Анны 2-й степени: директоръ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳедоръ *Делекторскій;* статскіе совѣтники: ординарные профессоры: Императорскихъ университетовъ: Московскаго: Николай *Каблуковъ*, Викторъ-Иванъ *Поржезинскій*, Алексѣй *Сѣверцовъ* и, сверхштатный, Гавріилъ *Сахаровъ*, Харьковскаго: Мартинъ *Кримбергъ*, Александръ *Погодинъ*, Михаилъ *Соболевъ* и Иванъ (Янъ) *Эндзелинъ*, Новороссійскаго: Сергѣй *Билинскій*, Николай *Кастеринъ*, Александръ *Набокихъ* и Павелъ *Петренко-Критченко*, Варшавскаго, исправляющій должность, Григорій *Писаревскій*, Юрьевскаго: Давидъ *Лавровъ*, Ѳедоръ *Тарановскій*, Константинъ *Сентъ-Илеръ*, Александръ *Яроцкій*, Евгеній *Шепелевскій* и, исправляющій должность, Дмитрій *Кудрявскій* и Томскаго: Николай *Вершининъ*, Сергѣй *Лобановъ* и Степанъ *Мокринскій*, Императорскаго Петроградскаго историко-филологическаго института, Александръ *Бороздинъ* и Петроградскаго женскаго медицинскаго института, Борисъ *Словцовъ;* профессоры: технологическихъ институтовъ: Петроградскаго Императора Николая I, Михаилъ *Евангуловъ*, Харьковскаго, Императора Александра III, Владиміръ *Серебровскій* и Императорскаго Московскаго техническаго училища, Петръ *Лазаревъ;* директоры: гимназій: Петроградской двѣнадцатой, Карлъ *Пеніонжкевичъ*, частной гимназіи Флерова, въ Москвѣ, Александръ *Барковъ*, Лебединской, Николай *Гальковскій*, Одесской, учрежденной Ровняковымъ, Алексѣй *Ровняковъ*, Кіевской восьмой, Іосифъ *Павловичъ*, Быховской, Дмитрій *Очкинъ*, Лидской, Алексѣй *Бѣльковскій*, Варшавской второй, Владиміръ *Девольскій*, Островской, Григорій *Волковъ* и Бійской, Михаилъ *Поляковъ*, реальныхъ училищъ: Костромского, имени царя Михаила Ѳеодоровича, Николай *Соловьевъ*, Ростовскаго на Дону Петровскаго, Авраамъ *Базій*, Харьковскаго частнаго, учрежденнаго Бураковымъ, Григорій *Бураковъ*, и Камышинскаго, Александръ *Тютькинъ*, промышленныхъ училищъ: Костромского, имени Ѳ. В. Чижова, Александръ *Фроловъ* и Красноуфимскаго, Василій *Новиковъ*, Вятскаго учительскаго института, Александръ фонъ-*Вилькенъ*, учительскихъ семинарій: Гатчинской Имени Императора Александра II, Иванъ *Крест-*

никовъ, Епифанской, Владиміръ *Рудневъ*, Аткарской, Василій *Кутеповъ*, Казанской, Василій *Бѣляевъ* и Тобольской, Александръ *Товаровъ*, народныхъ училищъ: губерній: Олонецкой, Александръ *Гончаревскій* и Вятской, Алексѣй *Тиховъ* и Акмолинской и Семипалатинской областей, Михаилъ *Филипповъ*; дѣлопроизводитель, VI класса, отдѣла промышленныхъ училищъ Евгеній *Лопухинъ;* правитель канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа Николай *Бѣльдюгинъ;* экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра, Василій *Таранухинъ*, Новороссійскаго, исправляющій должность, Владиміръ *Ласкаревъ*, Варшавскаго, Анатолій *Семеновъ* и Томскаго, Николай *Топорковъ* и, исправляющій должность, Александръ *Поспѣловъ* и Юрьевскаго ветеринарнаго института, сверхштатный, Леонидъ *Спасскій;* секретарь совѣта Императорскаго Юрьевскаго университета Василій *Вознесенскій;* инспекторы: Новочеркасской имени атамана графа М. И. Платова гимназіи, Борисъ *Ризниковъ* и Петроградскаго четвертаго реальнаго училища, Иванъ *Ковшовъ;* исполняющіе обязанности инспектора: гимназій: Вологодской имени Императора Александра I Благословеннаго, Михаилъ *Сперанскій*, Олонецкой, Императора Александра Благословеннаго, Георгій *Солнышковъ*, Нижегородской второй, Харитонъ *Борисовъ*, Смоленской, Императора Александра I Благословеннаго, Всеволодъ *Кишкинъ*, Пултуской, Дмитрій *Яновскій*, Либавской Николаевской, Иванъ *Попель*, и Ревельской Императора Николая I, Владиміръ *Берсеневъ*, реальныхъ училищъ: Царскосельскаго, Императора Николая II, Дмитрій *Судовскій*, Смоленскаго Александровскаго, Петръ *Катинскій*, Уфимскаго, Петръ *Степановъ*, Воронежскаго, Александръ *Дядьковъ*, Славнинскаго, Иванъ *Вахнинъ*, Усманскаго, Александръ *Ѳаддеевъ*, Ловичскаго, Антонъ *Неговоровъ* и Рижскаго, Алексѣй *Протопоповъ* и Московскаго промышленнаго училища въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, Антонъ *Голдованскій*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Архангельской, Михаилъ *Заякинъ*, Петроградской, Платонъ *Мягковъ*, Псковской, Анатолій *Ильинскій*, Калужской, Александръ *Колечицкій*, Смоленской, Сергѣй *Кулюкинъ*, Тульской, Иванъ *Сходцевъ*, Витебской, Дмитрій *Леонардовъ*, Тамбовской, Алексѣй *Рождественскій*, Калишской, Иванъ *Клементьевъ*, Петроковской, Михаилъ *Павловичъ* и Курляндской, Алексѣй *Стасевичъ;* почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища Алексѣй *Зябловъ*; адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Гавріилъ *Тиховъ*; лекторъ восточнаго института

Густавъ *Рофасть;* учителя: гимназій: мужскихъ: Петроградскихъ: Ларинской, Ипполитъ *Перещако,* двѣнадцатой, Александръ *Нечаевъ* и Императорскаго человѣколюбиваго общества, Владиміръ *Мамай,* Владимірской Сергѣй *Шестаковъ,* Московскихъ: четвертой, Николай *Юшковъ,* шестой, Руфъ *Ржаницынъ,* седьмой въ память Императора Александра III, Николай *Покровскій* и десятой, Алексѣй *Покровскій,* Орловской Алексѣевской, Алексѣй *Корольковъ,* Ярославской, Императора Александра I Благословеннаго, Сергѣй *Ермолаевъ,* Казанской второй: Августъ *Сиверсъ* и Алексѣй *Фроловъ,* Бѣлгородской, Николай *Мильскій,* Пензенской первой, Евгеній *Макаровъ,* Харьковской, Ростиславъ *Пономаревъ,* Одесской второй, Степанъ *Радошевичъ,* Ѳеодосійской, Андрей *Грищенко,* Бѣльской, Фердинандъ *Шпигель,* Житомирской первой, Сергѣй *Заверткинъ,* Зѣньковской, Степанъ *Черногоръ,* Императорской Александровской Кіевской, Илья *Кожинъ,* Велижской, Иванъ *Яблонскій,* Варшавской шестой, Петръ *Несторовскій,* Прагской, Иванъ *Лебедевъ,* Ревельской Александровской, Евгеній *Фротэ* и Рижской городской, Николай *Слетовъ* и женскихъ: Волчанской, Александръ *Самарскій,* Слонимской, Николай *Адамовичъ,* Варшавскихъ: первой: Михаилъ *Баранъ* и Адріанъ *Стефани* и третьей, Сергѣй *Мозолевскій,* Ставропольскихъ Ольгинской и св. Александры, Василій *Журавлевъ* и Красноярской, Дмитрій *Расторгуевъ,* реальныхъ училищъ: Зарайскаго, Алексѣй *Запольскій,* частныхъ въ Москвѣ: Мазинга, Александръ *Самсоновъ* и Никитина, Сергѣй *Манковъ,* Орловскаго Александровскаго, Георгій *Зейтцъ,* Тульскаго, Петръ *Боннэ,* Пензенскаго, Густавъ *Гильдебрандъ,* Екатеринославскаго перваго, Михаилъ *Шкамарда,* Херсонскаго, Константинъ *Пятницкій,* Бѣлостокскаго, Александръ *Наревичъ,* Рижскаго, Императора Петра I, Леонидъ *Невзоровъ* и Иркутскаго, Александръ *Кирилловъ,* Петроградскихъ гимназій и реальныхъ училищъ: Гуревича, Владиміръ *Криксинъ* и К. Мая, Николай *Ядрышевъ* и промышленныхъ училищъ: Казанскаго, Павелъ *Жаковъ* и Красноуфимскаго, Василій *Ивановъ,* наставникъ Петрозаводской учительской семинаріи, Викторъ *Крыловъ* и завѣдывающій инспекторъ Юрбургскимъ высшимъ начальнымъ училищемъ Ковенской губерніи Василій *Олифиренко*; коллежскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Петроградскаго университета Александръ *Жилинъ*; профессоръ Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I Николай *Сперанскій;* директоры: гимназій: Архангельской Ломоносовской, Петръ *Соколовъ,* Бѣлоцерковской, Иванъ *Лихачевъ* и Борисовской, Петръ

Ивановъ, реальныхъ училищъ: Псковскаго Сергіевскаго, Евламшй *Никольскій*, Моршанскаго, Порфирій *Веретенниковъ* и Нижне-Тагильскаго, Дмитрій *Гавриловъ*, Оренбургскаго учительскаго института, Василій *Карповъ* и Благовѣщенской учительской семинаріи, Василій *Некрасовъ*; начальникъ Радомской учебной дирекціи Петръ *Васильевъ;* экстраординарные профессора: Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, Николай *Костяминъ*, Харьковскаго: исправляющіе должность: Алексѣй *Анцыферовъ* и Николай *Евдокимовъ* и Варшавскаго, Эльмаръ *Розенталь;* инспекторъ и профессоръ восточнаго института Николай *Кюнеръ;* исполняющіе обязанности инспектора гимназій: Варшавской седьмой, Николай *Каришневъ*, Ченстоховской, Петръ *Истринъ* и Рижской Императора Николая I, Георгій *Гербаненко*; инспектора народныхъ училищъ губерній: Лифляндской, Иванъ *Дружинскій* и Курляндской, Дмитрій *Ручьевъ;* дѣлопроизводитель VII класса департамента общихъ дѣлъ Митрофанъ *Пацъ-Помарнацкій*; учителя: Петроградской Ларинской гимназіи, Александръ *Садиковъ*, реальныхъ училищъ: Петроградскаго второго, Дмитрій *Михайловъ*, Варшавскаго второго, Цезарій *Утке* и Комисаровскаго техническаго училища, Иванъ *Бухаринъ;* завѣдывающій инспекторъ Одесскимъ вторымъ высшимъ начальнымъ училищемъ „Ефрусси" Өедоръ *Воронцовъ;* учитель-инспекторъ Одесской школы ремесленныхъ учениковъ Цесаревича Алексѣя Григорій *Скугаревъ* и учитель Купинскаго высшаго начальнаго училища Ефимъ *Корушновъ*; надворные совѣтники: директора: Конской частной прогимназіи Скомпскаго, Павелъ *Архангельскій* и народныхъ училищъ Псковской губерніи, Елпидифоръ *Тихоницкій;* исполняющій обязанности инспектора Лодзинской гимназіи Сергѣй *Волковъ;* инспекторъ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи Андрей *Звѣздинъ*; почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища Константинъ *Постольскій;* секретарь совѣта Императорскаго Московскаго университета Сергѣй *Преображенскій*; преподаватель въ техническихъ классахъ Московскаго промышленнаго училища въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II Вильгельмъ *Либерманъ;* завѣдывающіе (инспектора) высшими начальными училищами: Данковскимъ, Сергѣй *Егоровъ*, Мценскимъ, Иванъ *Шелапутинъ*, Саратовскимъ третьимъ, Александръ *Борисовъ*, Царицынскимъ первымъ, Александръ *Коровяковъ*, Борисоглѣбскимъ, Алексѣй *Поповъ*, Одесскими: первымъ, Императора Александра I Благословеннаго, Василій *Парамоновъ* и шестымъ, Ферапонтъ *Кречунъ*, Сквирскимъ, Петръ *Рыжковъ* и Черняев-

скимъ, Константинъ *Кривцовъ* и учителя приготовительныхъ классовъ гимназій: Читинской, Александръ *Даниловъ* и Благовѣщенской, Николай *Рождественскій;* коллежскіе ассесоры: исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета Александръ *Горбуновъ*; дѣлопроизводитель VII класса, департамента народнаго просвѣщенія, Владиміръ *Цвѣтковъ;* учителя: Лодзинской женской гимназіи, Иванъ *Минкевичъ*, Варшавскаго рисовальнаго класса, Фелиціанъ *Ракевичъ* и приготовительныхъ классовъ: Одесской четвертой гимназіи, Никифоръ *Ярошенко* и реальныхъ училищъ: Вольскаго, Леонидъ *Анисимовъ* и Рижскаго, Императора Петра I, Петръ *Говѣйно.*

Св. Анны 3-й степени: статскіе совѣтники: исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета Георгій *Тельбергъ*; директора учительскихъ семинарій: Белебеевской, Александръ *Любимовъ* и Уральской, Павелъ *Катоновъ;* исполняющіе обязанности инспектора гимназій: Одесской, учрежденной Иліади, Владиміръ *Фоминовъ* и Бѣльской, Сергѣй *Михайловскій*; инспектора: Казанской татарской учительской школы, Александръ *Горнъ* и народныхъ училищъ: Пермской губерніи, Павелъ *Крыловъ* и Уральской области, Сергѣй *Середа;* преподаватели технологическихъ институтовъ: Харьковскаго Императора Александра III, Анатолій *Троицкій* и Томскаго Императора Николая II, Степанъ *Гомелля*; ассистенты: Императорскаго Казанскаго университета, Всеволодъ *Первушинъ* и Петроградскаго женскаго медицинскаго института, клиническій, Михаилъ *Никитинъ*; учителя: гимназій: мужскихъ: Петроградской Императора Петра Великаго, Георгій *Бѣльченко*, Московской первой, Василій *Ефремовичъ* и Севастопольской, Константинъ *Кейсерли* и женскихъ: Петроградской, Лохвицкой-Скалонъ, Александръ *Грушинъ*, Тихвинской, Сергѣй *Лебедянскій* и Ташкентской первой, Василій *Лисневскій*, реальныхъ училищъ: Орловскаго Александровскаго, Георгій *Беръ*, Боровичскаго, Меѳодій *Палечекъ*, Вятскаго Александровскаго, Владиміръ *Хлѣбниковъ*, Пензенскаго, Петръ *Первунинъ*, Одесскаго св. Павла, Борисъ *Феерчакъ*, Ровенскаго, Сергѣй *Синегубъ* и Сосновицкаго, Павелъ *Пакалпѣнъ*; и промышленныхъ училищъ: Московскаго въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, Павелъ *Жувена* и Костромского, имени Ѳ. В. Чижова, Владиміръ *Колесовъ* и школы колористовъ, состоящей при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ, Сергѣй *Федоровъ* и руководитель работъ Казанскаго промышленнаго училища Александръ *Першаковъ*; коллежскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Николай *Буш-*

макинъ; директора: гимназій: Бѣжицкой, при Брянскомъ заводѣ, Николай *Синеоковъ*, частной въ гор. Ельцѣ Павловскаго, Андрей *Павловскій* и Ново-Николаевской, Николай *Максинъ* и Шадринской учительской семинаріи Николай *Емельяновъ;* старшій физикъ Николаевской главной физической обсерваторіи Владиміръ *Оболенскій;* экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго: исправляющіе должность: проректоръ Александръ *Овчинниковъ*, Митрофанъ *Бречкевичъ* и Владиміръ *Матвѣевъ*, Харьковскаго: Эдуардъ *Жебровскій* и Яковъ *Постоевъ*, Новороссійскаго, Семенъ *Гогитидзе* и Юрьевскаго: Владиміръ *Рубашкинъ* и Михаилъ *Сириновъ*, Петроградскаго женскаго медицинскаго института, Константинъ *Скробанскій* и Харьковскаго ветеринарнаго института Императора Николая I, сверхштатный, Петръ *Крахтъ-Пальевъ*; адъюнктъ-профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища Иванъ *Тищенко*; директоръ Петроградскаго низшаго техническаго училища судовыхъ машинистовъ Александръ *Евтихіевъ*; исполняющіе обязанности инспектора: гимназій: Рыбинской, Иванъ *Зеленцовъ*, Троицкой, Иванъ *Иримица*, Кишиневской, учрежденной Симаковымъ, Михаилъ *Лещенко*, Кіевской восьмой бывшей „Группы родителей“, Михаилъ *Волотовскій*, Холмской Цесаревича Алексѣя, Александръ *Бариловичъ* и Перновской Императора Александра I Благословеннаго, Владиміръ *Успенскій* и реальныхъ училищъ: Гатчинскаго, Имени Императора Александра II, Валеріанъ *Канделаки*, Белебеевскаго, Александръ *Танкѣевскій*, Кустанайскаго, Алексѣй *Емельяновъ*, Нижне-Тагильскаго, Петръ *Скороходовъ*, Сумскаго, Михаилъ *Прядкинъ*, Комратскаго, Николай *Анохинъ* и Симферопольскаго, Императора Николая II, Леонидъ *Барановскій* и Николаевскаго механико-техническаго училища, Леонидъ *Шлейхеръ;* инспектора народныхъ училищъ губерній: Псковской, Николай *Арсеньевъ*, Нижегородской, Владиміръ *Писаревъ*, Казанской, Сергѣй *Ивановскій*, Самарской, Александръ *Кремлевъ*, Пермской, Василій *Реформатскій*, Уфимской, Алексѣй *Шретеръ*, Гродненской, Сергѣй *Павловичъ*, Варшавской, Александръ *Тетеринъ* и Лифляндской, Владиміръ *Витовскій*; старшій помощникъ библіотекаря Императорскаго россійскаго историческаго музея Имени Императора Александра III Николай *Кашинъ*; проректоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Андрей *Самаринъ*, старшіе ассистенты Императорскаго Петроградскаго университета: баронъ Михаилъ *Вревскій* и Сергѣй *Толкачевъ*; преподаватели Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I: Игнатій *Горленскій* и Вла-

диміръ *Курбатовъ*; инспекторъ-руководитель Андреевской учительской семинаріи Георгій *Красильниковъ*, лаборантъ Императорскаго Николаевскаго университета Дмитрій *Янишевскій;* учителя гимназій: Вологодской Имени Императора Александра I Благословеннаго, Леонидъ *Катрановъ*, Петроградскихъ: первой, Евгеній *Бабанскій*, двѣнадцатой, Бернгардъ *Этрукъ*, Бѣльской, Александръ *Тыкоцкій*, Мологской, Павелъ *Гвоздевъ*, Московской второй, Сергѣй *Доброхотовъ*, Симбирской первой, Василій *Трофимовъ*, Уфимской, Владиміръ *Словохотовъ*, Бѣлоцерковской, Петръ *Корженковъ*, Гайсинской, Алексѣй *Монтели*, Грубешовской, Николай *Александровъ*, Каменецъ-Подольской, Семенъ *Котовъ*, Кіевскихъ: второй, Евгеній *Февралевъ*, шестой, Владиміръ *Бурчакъ*, Черниговской Императора Александра I Благословеннаго, Николай *Колпашниковъ*, Уманской, Петръ *Можайскій*, Виленской Императора Александра I Благословеннаго, Гекторъ *Николь*, Мозырской, Валеріанъ *Волковичъ*, Варшавскихъ: первой, Роландъ *Дворжецкій-Богдановичъ*, второй, Александръ *Соколовъ* и частной генералъ-лейтенанта Васильевскаго, Павелъ *Смирновъ*, Кѣлецкой, Александръ *Александрукъ*, Радомской, Антонъ *Бобейко*, Либавской Николаевской, Станиславъ *Жуковскій*, Перновской Императора Александра I Благословеннаго, Иванъ *Судаковъ*, Ревельской Александровской, Ѳеодоръ *Григорьевъ*, Рижской Александровской, Петръ *Зражевскій* и Читинской, Сергѣй *Кедровъ* и женскихъ: Лужской Маріинской, Иванъ *Покровскій*, Петроградской Гедда, Даніилъ *Александровъ*, Царскосельской, Иванъ *Киселевъ*, Бѣжецкой, Измаилъ *Максаковъ*, частной общества преподавателей въ Москвѣ, Николай *Горожанкинъ* и Пензенской второй, Николай *Сахарукъ*, реальныхъ училищъ: Вологодскаго Александровскаго, Александръ *Усковъ*, Колпинскаго, Сергѣй *Голубинъ*, Петроградскаго Императора Александра II, Павелъ *Казицынъ*, Порховскаго, Александръ *Сергѣевъ*, Псковскаго Сергіевскаго, Александръ *Пирожковъ*, Старорусскаго Алексѣевскаго, Владиміръ *Савиничъ*, Череповецкаго, Михаилъ *Арнавскій*, Бѣлевскаго, имени поэта В. А. Жуковскаго, Сергѣй *Слетовъ*, Иваново-Вознесенскаго, Александръ *Грушке*, Калужскаго, Степанъ *Антоновъ*, Московскаго перваго, Николай *Дубошинъ*, Нижегородскаго Владимірскаго, Владиміръ *Блюмъ*, Смоленскаго второго, Сергѣй *Іоновъ*, Тверского общественнаго, Иванъ *Львовъ*, Тульскаго, Иванъ *Марченко*, Астраханскаго, Михаилъ *Апраксинъ*, Кузнецкаго, Иванъ *Клестовъ*, Каменскаго, Михаилъ *Денисенковъ*, Тамбовскаго, Имени Императора Александра II, Петръ *Бѣлоусовъ*, Виленскаго Имени Его Высочества

Князя Олега Константиновича, Николай *Іевлевъ*, Минскаго, Константинъ *Годыцкій-Цвирко* и Либавскаго, Всеволодъ *Богоявленскій* и учительскихъ институтовъ: Петроградскаго Императора Александра II, Владиміръ *Даниловъ*, Виленскаго, Александръ *Моровскій* и Витебскаго, Дмитрій *Рохлинъ*; воспитатель пансіона Петроградской гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества Владиміръ *Сѣтковъ*; врачи: женскихъ гимназій: Тюменской, Давидъ *НотоРинъ* и Ставропольской третьей, Сергѣй *Гаринъ*, Челябинскаго реальнаго училища, Павелъ *Агаповъ* и высшихъ начальныхъ училищъ: Каргопольскаго, Иванъ *Кантеръ* и Красноярскаго перваго, Моисей *Тонконоговъ* и завѣдывающіе (инспектора) высшими начальными училищами: Муромскимъ вторымъ, Иванъ *Сперанскій*, Нижегородскимъ третьимъ, Иванъ *Михеевъ* и Павловскимъ, Матвѣй *Смирновъ;* надворные совѣтники: директора гимназій: Темниковской, Анатолій *Чикунскій* и Барнаульской, Константинъ *Шинкаренко* и Вышневолоцкаго реальнаго училища Михаилъ *Папаяновъ*, онъ же Папаяни; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Томскаго технологическаго института Императора Николая II Павелъ *Гудковъ;* исполняющіе обязанности инспектора: гимназій: Симбирской второй, Николай *Логутовъ* и Рижской городской, Николай *Кристофель* и реальныхъ училищъ: Псковскаго Сергіевскаго, Владиміръ *Бароновъ*, Казанскаго второго, Андроникъ *Ярославцевъ*, Екатеринбургскаго Алексѣевскаго, Евгеній *Строгинъ*, Уральскаго войскового, Евгеній *Осткевичъ-Рудницкій* и Бердянскаго, Георгій *Жабинъ*; инспектора народныхъ училищъ: губерній: Тверской, Николай *Стрѣльцовъ*, Самарской, Иванъ *Сырневъ* и Екатеринославской, Сергѣй *Гурьевъ* и областей: Уральской, Алексѣй *Благосклоновъ* и Амурской, Николай *Кульвановскій;* преподаватель Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I Леонидъ *Фокинъ*; физикъ отдѣленія станцій III разряда Николаевской главной физической обсерваторіи Владиміръ *Келлерманъ*; ассистенты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Германъ *Мещерскій* и св. Владиміра: старшій, Михаилъ *Перье*, старшій, Борисъ *Сварчевскій* и Николай *Стражеско*; механикъ механическихъ мастерскихъ Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I Константинъ *Курбатовъ;* лаборантъ Императорскаго Московскаго техническаго училища Дмитрій *Виноградовъ*; учителя: гимназій: мужскихъ: Новгородской Императора Александра I, Владиміръ *Ивановъ*, Петроградскихъ: пятой, Иванъ *Сироткинъ*, Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича,

Георгій *Гартенъ* и двѣнадцатой, Александръ *Виноградовъ*; Костромской первой, Василій *Смирновъ*, Московскихъ: четвертой, Александръ *Покровскій*, пятой, Сергѣй *Гвоздевъ* и одиннадцатой: Константинъ *Баевъ* и Борисъ *Спасскій*, Серпуховской Александровской, Александръ *Лукинъ*, Тульской, Викторъ *Студитскій*, Казанской второй, Александръ *Соколовъ*, Царицынской Александровской, Василій *Алексѣевъ*, Екатеринбургской Императора Александра II Освободителя, Иванъ *Акимовъ*, Ирбитской, Иванъ *Сиземскій*, Екатеринославской первой, Иванъ *Щербань*, Глуховской, Иванъ *Литовченко*, Кіевской восьмой, Александръ *Меморскій*, Острожской, Иванъ *Харкевичъ*, Переяславской, Петръ *Смирновъ*, Черниговской Императора Александра I Благословеннаго, Павелъ *Синайскій*, Воронежской первой, Александръ *Глушковъ*, Новочеркасской имени атамана графа М. И. Платова, Михаилъ *Касьяновъ*, Могилевской Императора Александра I Благословеннаго, Григорій *Сакеръ*, Мстиславской, Іосифъ *Кокошинскій*, Варшавской третьей, Вячеславъ *Бахтіенко*, Прагской, Александръ *Альтеровичъ*, Сувалкской, Викторъ-Вацлавъ *Лукомскій*, Митавской, Константинъ *Кулеевъ*, Иркутской, Борисъ *Кубаловъ* и Красноярской, Александръ *Егеръ* и женскихъ: Петроградской Лохвицкой-Скалонъ, Августъ *Леклеръ*, Московской частной, Юргенсонъ, учрежденной Бессъ, Николай *Мильковичъ*, Орловской, Корнилій *Яковина*, Красноуфимской, Дмитрій *Булашевъ*, Славянской первой, Александръ *Иваницкій*, Одесской, учрежденной Соколовой, Василій *Чудновцевъ*, Кіевской частной, Жекулиной, Александръ *Яницкій*, Переяславской, Веніаминъ *Гладилинъ* и Ташкентской первой, Александръ *Панковъ*, реальныхъ училищъ: Псковскаго Сергіевскаго, Николай *Новиковъ*, Царскосельскаго Императора Николая II, Григорій *Котляровъ* и Бажанова въ Москвѣ: Митрофанъ *Пономаренко* и Александръ *Чахмахсазіанцъ*, Скопинскаго, Николай *Андреевъ*, Вольскаго, Сергѣй *Андреевъ*, Казанскаго перваго, Владиміръ *Колокольниковъ*, Орловскаго, Иванъ *Кузнецовъ*, Пермскаго Алексіевскаго, Арведъ *Сарфельсъ*, Харьковскаго перваго, Григорій *Ющенко*, Кишиневскаго, Александръ *Загоруйко*, Винницкаго, Борисъ *Скитскій*, Кіевскаго перваго, Николай *Мазурмовичъ*, Полтавскаго Александровскаго, Викторъ *Евстафьевъ*, Бѣлостокскаго, Гаральдъ-Георгъ Александръ *Капеллини*, Двинскаго, Густавъ *Коскора*, Калишскаго, Иванъ *Честной* и Читинскаго, Гавріилъ *Николаевъ*, Петроградскихъ гимназій и реальнаго училища доктора Видемана, Евгеній *Сахаровъ*, училищъ: Комиссаровскаго техническаго въ Москвѣ: Евгеній *Гопіусъ* и Алексѣй *Гуляевъ* и Ростовскаго

на-Дону соединеннаго средняго механико-химико-техническаго, Викторъ *Вейштордъ* и Александрійской учительской семинаріи, Семенъ *Поляновъ*; наставники учительскихъ семинарій: Казанской, Николай *Ашмаринъ* и Коростышевской, Григорій *Соколовскій*; завѣдывающіе (инспектора) высшими начальными училищами: Валдайскимъ, Семенъ *Федотовъ*, Устюжнскимъ, Павелъ *Алексѣевъ*, Череповецкимъ первымъ, Иванъ *Михайловъ*, Бѣлевскимъ, Дмитрій *Бѣлоруссовъ*, Костромскимъ вторымъ, Александръ *Жеребцовъ*, Лухскимъ, Петръ *Простовъ*, Иорско-Посадскимъ, Павелъ *Вороновъ*, Орловскимъ вторымъ, Александръ *Умовскій*, Пошехонскимъ, Василій *Альбицкій*, Смоленскимъ третьимъ, Иванъ *Падалицынъ*, Старицкимъ, Василій *Бекаревичъ*, Тульскимъ первымъ, Сергѣй *Филатовъ*, Тумскимъ, исправляющій должность, Антонъ *Морозовъ*, Астраханскимъ третьимъ, Дмитрій *Кочуровъ*, Казанскимъ первымъ, Адріанъ *Филипповъ*, Слободо-Николаевскимъ, Астраханской губерніи, Михаилъ *Ермаковъ*, Красноуфимскимъ, Александръ *Бѣляевъ*, Донскимъ первымъ, Николай *Задорожній*, Керенскимъ, Андрей *Невзоровъ*, Миропольскимъ, Александръ *Савельевъ*, Екатеринославскимъ вторымъ, Константинъ *Райчевъ*, Люцинскимъ, Ѳеодоръ *Попретинскій*, Тапскимъ, Степанъ *Фурсъ*, Барнаульскимъ первымъ, Иванъ *Жилинъ*, Бійскимъ Пушкинскимъ, Ѳедоръ *Зыряновъ*, Джаркентскимъ, Ѳедоръ *Фокинъ* и Мервскимъ, Тарасій *Климіевъ*; инспектора ремесленныхъ училищъ: Московскаго городского, имени Григорія Шелапутина, Николай *Лукьяновъ* и Серпуховскаго, исполняющій обязанности завѣдывающаго Серпуховскою низшею ремесленною школою, Александръ *Циперъ* и Тамбовскаго, Ѳедоръ *Котляровъ;* завѣдывающій Александровскимъ техническимъ училищемъ въ Москвѣ, Дмитрій *Щегловъ;* врачъ Благодарненскаго высшаго начальнаго училища, Василій *Петровскій;* лаборантъ Казанскаго ветеринарнаго института, Иванъ *Жемчужниковъ;* завѣдывающій Выѣздно-Слободской низшей ремесленной школой Алексѣй *Винокуровъ;* учитель Ташкентскаго ремесленнаго училища Петръ *Россихинъ;* помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: частной въ Москвѣ, учрежденной Адольфомъ, Владиміръ *Бобылевъ*, Екатеринославской первой, Александръ *Щербатюкъ*, Слуцкой, Петръ *Шпилевскій*, Ломжинской, Степанъ *Дулевичъ* и Ставропольской первой, Алексѣй *Никитинъ* и Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, Николай *Покровскій*, надзиратель Оренбургской киргизской учительской школы Филаретъ *Гумилевскій;* учители: высшихъ начальныхъ училищъ: Саратовскаго второго, Александръ *Альбинскій*, Дмитріевскаго, Павелъ *Коробка*,

Зміевскаго, Яковъ *Сукачевъ*, Нахичеванскаго на-Дону, Александръ *Вѣричевъ*, Обоянскаго: Евгеній *Рыжковъ* и Анатолій *Соловьевъ*, Щигровскаго, Веніаминъ *Поповъ*, Туккумскаго, Андрей *Звайгзне*, Ставропольскаго, Петръ *Алборашвили* и Бійскаго Пушкинскаго, Григорій *Ивановъ*, Каменецкаго женскаго, Александръ *Болдовскій* и приготовительныхъ классовъ: Корочанской Александровской гимназіи, Григорій *Сулима* и Воронежскаго реальнаго училища, Митрофанъ *Дикаревъ* и приватъ-доцентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института Петръ *Осипчукъ;* коллежскіе ассессоры: директоръ Пермской частной гимназіи Циммермана, Владиміръ *Кюнтцель;* экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Николай *Богоразъ;* инспекторъ Хабаровскаго реальнаго училища Адамъ *Островскій;* исполняющіе обязанности инспектора гимназій: Царицынской Александровской, Василій *Лопатинъ* и Ишимской, Яковъ *Бирюковъ;* инспекторъ народныхъ училищъ Люблинской губерніи Сергѣй *Миляшкевичъ;* дѣлопроизводитель VII класса, департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Маматовъ;* исправляющій должность хранителя отдѣленія музея имени П. И. Щукина при Императорскомъ россійскомъ историческомъ музеѣ Имени Императора Александра III, Евгеній *Коршъ;* бухгалтеръ канцеляріи попечителя Петроградскаго учебнаго округа Василій *Поповъ;* секретарь совѣта Императорскаго Томскаго университета Александръ *Кологинъ;* учителя: гимназій: Егорьевской, Александръ *Агринскій*, Костромской первой, Альбертъ *Десторъ*, Саратовской второй, Сергѣй *Савватѣевъ*, Уманской, Ипполитъ *Горденинъ*, Черкасской, Василій *Иваненко*, Варшавской четвертой Имени Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Арсеній *Пиринскій* и Благовѣщенской, Константинъ *Пушкаревъ*, реальныхъ училищъ: Елабужскаго, Григорій *Лазаревъ*, Саратовскаго второго, Александръ *Матушкевичъ* и Троицкосавскаго Алексѣевскаго, Иванъ *Каблуковскій*, среднихъ техническихъ училищъ: Саратовскаго, Брониславъ *Запасникъ* и Воронежскаго, Императора Петра Великаго, Николай *Аварскій* и Выборгской учительской семинаріи, Иванъ *Кабановъ;* дѣлопроизводитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Антонъ *Козей;* наставникъ Рогачевской учительской семинаріи Ѳеодоръ *Парійскій*; завѣдывающіе (инспекторы) высшими начальными училищами: Ухоловскимъ, Иванъ *Столяровъ*, Донскимъ вторымъ, Павелъ *Шиповъ*, Кіевскимъ третьимъ, Самуилъ *Бондаренко*, Городищенскимъ, Михаилъ *Дубковъ*, Копысскимъ, Александръ *Новосвѣтовъ*, Мозырскимъ, Исаакъ *Щука*, Мстиславскимъ, Митрофанъ *Томашевъ* и

Благодарненскимъ, Василій *Ефремовъ*; сверхштатный лаборантъ Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I Александръ *Трифоновъ;* помощникъ смотрителя Императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ, Сергѣй *Урановъ* и инспекторъ студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института Императора Николая I, Иванъ *Остаповъ,* помощникъ учителя ручного труда Московскаго учительскаго института Иванъ *Аксеновъ;* завѣдывающіе низшими ремесленными школами: Краснохолмской, Георгій *Костаревъ* и Липецкой, Дмитрій *Гусакъ;* письмоводитель Сергіево-Посадской гимназіи, Николай *Пивоваровъ*; помощники классныхъ наставниковъ: Варшавской шестой гимназіи, Степанъ *Щибковскій* и реальныхъ училищъ: Петроградскаго третьяго, Александръ *Буссе* и Вольскаго, Аристархъ *Дубровскій* и учителя: высшихъ начальныхъ училищъ: Петроградскаго Охтенскаго перваго, Николай *Годовиковъ,* Спасскаго, Алексѣй *Шлыгинъ,* Новочеркасскаго, Василій *Ребриковъ,* Острожскаго, Павелъ *Столяреңъ,* Ревельскаго, Имени Императора Александра I Благословеннаго, Алексѣй *Таркпеа* и Колыванскаго, Игнатій *Вдовинъ,* приготовительныхъ классовъ: гимназій: Бахмутской Императора Николая Александровича, Михаилъ *Смѣльницкій* и Шавельской, Константинъ *Козловъ* и реальныхъ училищъ: Смоленскаго Александровскаго, Михаилъ *Никольскій* и Пинскаго, Ѳеодоръ *Домополь* и Брянскаго средняго семиклассного техническаго училища, Павелъ *Антроповъ;* титулярные совѣтники: директоръ народныхъ училищъ Забайкальской области Петръ *Олевинскій;* исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета Сергѣй *Солнцевъ*; библіотекарь Императорскаго Николаевскаго университета Иванъ *Буссе*; инспекторъ народныхъ училищъ Закаспійской области Иванъ *Бѣляевъ;* сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета Василій *Маринъ;* окружный архитекторъ Кіевскаго учебнаго округа Василій *Листовничій,* секретарь правленія Императорскаго Николаевскаго университета Сергѣй *Купцовъ*; завѣдывающіе (инспекторы) высшими начальными училищами: Балашовскимъ, Саратовской губерніи, Аркадій *Лапкинъ,* Березненскимъ, Наумъ *Клокъ* и Венденскимъ Императора Александра I Благословеннаго, Сергѣй *Данько*; вычислитель отдѣленія станцій II разряда Николаевской главной физической обсерваторіи Петръ *Сонгайло;* помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа Василій *Пономаревъ*; наставникъ Симбирской чувашской учительской школы Викторъ *Орловъ* и письмоводитель Казанскаго ветеринарнаго института Иванъ

Рознаковскій; коллежскіе секретари: почетный попечитель Миргородской гимназіи Борисъ *Вульфертъ*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра Михаилъ *Митилино;* инспекторъ народныхъ училищъ Витебской губерніи Александръ *Ахлестышевъ;* почетный попечитель Перновскаго высшаго начальнаго училища Карлъ-Вольдемаръ *Норманъ*; дѣлопроизводитель, VIII класса, младшаго оклада, департамента общихъ дѣлъ Александръ *Овчаровъ*; бухгалтеръ канцеляріи Николаевской главной физической обсерваторіи Владиміръ *Гансинъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа Тимоѳей *Воробъевъ*; бухгалтеръ канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа Ѳедоръ *Хомяковъ;* учитель Тверского реальнаго училища Петръ *Богомоловъ*; наблюдатель высшаго оклада магнитно-метеорологической обсерваторіи въ Екатеринбургѣ Михаилъ *Вершининъ*; вычислитель отдѣленія сѣти станцій магнитно-метеорологической обсерваторіи въ Екатеринбургѣ Александръ *Трапезниковъ;* помощникъ завѣдующаго читальнымъ заломъ Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго музея Павелъ *Батюшковъ*; журналистъ и архиваріусъ канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа Иванъ *Заикинъ*; помощники столоначальника канцелярій попечителя учебныхъ округовъ: Одесскаго, Леонтій *Левченко* и Виленскаго, Константинъ *Мусницкій;* письмоводители гимназій: Тобольской, Сергѣй *Клейнеръ* и Благовѣщенской, Евгеній *Гонсовичъ* и учителя: пѣнія учительскихъ семинарій: Житомірской, Іоакимъ *Парфиловъ* и Омской, Яковъ *Россихинъ,* приготовительнаго класса Юрьевской Императора Александра I Благословеннаго гимназіи, Иванъ *Троицкій* и приходскихъ училищъ: Владимірскаго перваго, Иванъ *Георгіевскій* и Переславскаго, Андрей *Бизяевъ*; губернскіе секретари: инспекторъ народныхъ училищъ Черниговской губерніи Владиміръ *Гравировскій;* учитель Нѣжинской женской гимназіи Кушакевичъ Виталій *Павловскій;* наставникъ Винницкой учительской семинаріи Евстафій *Троцюкъ;* завѣдывающій (инспекторъ) Перовскимъ высшимъ начальнымъ училищемъ Василій *Постниковъ*; учитель частной женской гимназіи М. А. Румянцевой въ Москвѣ Тарасъ *Сваричевскій* и учителя-завѣдывающіе приходскими училищами: Владивостокскимъ Николаевскимъ русско - китайскимъ городскимъ, Степанъ *Серебряковъ,* Самаркандскимъ, Артемій *Денякинъ* и Ташкентскимъ Кольцовскимъ, Николай *Ушаровъ;* учитель Петровскаго реальнаго училища, коллежскій регистраторъ Михаилъ *Винокуровъ*; неимѣющіе чина: директора гимназій: Малмыжской, Пантелеймонъ *Вер-*

бицкій и Бѣлецкой, Николай *Воскресенскій* и Ташкентской Романовской второй женской, Михаилъ *Лавровъ*; почетный попечитель Пензенской учительской семинаріи Александръ *Асѣевъ*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета Иванъ *Тимченко*; исполняющіе обязанности инспектора: Городнянской гимназіи, Анатолій *Гораимъ* и Бугульминскаго реальнаго училища, Арсеній *Дроздовъ;* инспекторы народныхъ училищъ: Варшавской губерніи, Владиміръ *Кандаки* и Забайкальской области, Сергѣй *Успенскій*, врачъ департамента общихъ дѣлъ, докторъ медицины Владиміръ *Свѣчниковъ*; учителя: гимназій: мужскихъ: Московской седьмой въ память Императора Александра III, Франсуа *Гроро*, Шавельской, Людвикъ *Володко*, Одесской четвертой, Николай *Пахіопуло* и Рижской, Александръ *Каверзневъ* и женскихъ: Петроградской Стеблинъ-Каменской; Алексѣй *Смирновъ*, Керченской, Алексѣй *Симоновъ*, Одесскаго реальнаго училища, сверхштатный, Георгій *Потапенко* и Глуховскаго учительскаго института, Викторинъ *Голубевъ*, врачъ Городецкой гимназіи Владиміръ *Диздеревъ* и учитель Варшавскаго рисовальнаго класса Милошъ *Котарбинскій*.

Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники: ординарные профессора: Императорскаго университета св. Владиміра: Василій *Добромысловъ*, Василій *Синайскій*, Антонъ *Тржецѣскій* и Василій *Чаговецъ*, историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, Владиміръ *Рѣзановъ* и Томскаго технологическаго института Императора Николая II: Владиміръ *Малѣевъ* и Василій *Пинегинъ;* директора: гимназій: Бѣлозерской, Борисъ *Масловскій* и Витебской частной Неруша, Иванъ *Нерушъ*, реальныхъ училищъ: Чердынскаго, Константинъ *Лебедевъ*, общества приказчиковъ христіанъ въ Одессѣ, Павелъ *Циммерманъ* и Томскаго второго, Даніилъ *Пигулевскій*, Ярославскаго учительскаго института, Николай *Шалфеевъ* и учительскихъ семинарій: Киржачской, Николай *Мальцевъ*, Невельской, Григорій *Русецкій*, Ново-Вилейской, Николай *Ушаковъ*, Рогачевской, Михаилъ *Назаринъ* и Святокрестовской, Михаилъ *Рождественскій;* помощники: юрисконсульта министерства, Владиміръ *Васильевъ* и управляющаго дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, Владиміръ *Панкевичъ*; экстраординарные профессора: Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, Василій *Болдыревъ*, св. Владиміра, Константинъ *Добровольскій* и Юрьевскаго: Александръ *Богоявленскій* и Александръ *Люткевичъ*, Томскаго технологическаго института Императора Николая II: исправляющіе должность: Александръ

Крыловъ и Тихонъ *Тихоновъ*; адъюнктъ-профессора: Императорскаго Московскаго техническаго училища, Василій *Шарвинъ* и Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, Вадимъ *Тиръ*; инспекторъ Саратовской первой гимназіи Филиппъ *Степановъ*; исполняющіе обязанности инспектора: гимназій: Орловской Алексѣевской, Александръ *Свѣтозаровъ*, Тверской, Николай *Масловъ*, Грайворонской, Николай *Деревенскій*, Лебедянской, Владиміръ *Волковъ*, Пензенской второй, Владиміръ *Троицкій*, Бѣлецкой, Евгеній *Лапенскій* и Маріампольской, Михаилъ *Тарасовъ* и реальныхъ училищъ: Ярославскаго, Нилъ *Первухинъ*, Бузулукскаго, Александръ *Васильевъ* и Кишиневскаго, Николай *Пантелѣевъ*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Новгородской, Михаилъ *Пятницкій*, Владимірской, Константинъ *Лебедевъ*, Московской: Михаилъ *Булыгинъ*, Петръ *Ѳедоровъ* и князь Борисъ *Щетининъ*, Орловской, Сергѣй *Бакулинъ*, Самарской, Григорій *Мессонъ*, Курской, Дмитрій *Булгаковъ*, Тамбовской, Михаилъ *Кашковъ*, Харьковской, Антонъ *Сильченковъ*, Бессарабской, Михаилъ *Самоцвѣтовъ*, Екатеринославской, Семенъ *Лузановскій*, Херсонской, Николай *Рождественскій*, Калишской, Николай *Гильченко*, Петроковской, Семенъ *Корчоха*, Ставропольской, Дмитрій *Соколовъ* и Енисейской, Александръ *Богдановъ* и Донской области, Веніаминъ *Доброславскій*; преподаватели Императорскаго Московскаго техническаго училища: Матвѣй *Лукинъ* и Николай *Пафнутьевъ*; учителя гимназій: мужскихъ: Петроградскихъ: первой: Владиміръ *Крогіусъ* и Оттонъ *Зевальдъ*, Императора Александра I, Георгій *Лучинскій*, Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Николай *Державинъ* и десятой: Аѳанасій *Булашевъ* и Николай *Обнорскій*, Калужской Николаевской, Василій *Извѣковъ*, Костромской второй, Владиміръ *Филатовъ*, Московскихъ: третьей, Порфирій *Серегинъ* и шестой, Романъ *Магницкій*, Рыбинской, Александръ *Боде*, Тверской, Владиміръ *Исполатовскій*, Ярославской, Императора Александра I Благословеннаго, Гавріилъ *Сергѣевъ*, Ахтырской, Дмитрій *Милославскій*, Курской, Василій *Новиковъ*, Пензенской частной, учрежденной Пономаревымъ, Александръ *Магницкій*, Старобѣльской Александровской, Митрофанъ *Скляровъ*, Бѣльской, Иванъ *Тетеркинъ*, Одесской четвертой, Николай *Димитріевъ*, Луганской, Владиміръ *Подольскій*, Симферопольской, Константинъ *Мироничъ*, Кіевской седьмой, Николай *Максимовъ*, Прилукской, Семенъ *Шкуратовъ*, Брестской, Ѳеодоръ *Галюнъ*, Витебской, Императора Александра I Благословеннаго, Николай *Басарынъ*, Варшавскихъ: четвертой, Имени

Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Владиміръ *Друнинъ* и восьмой, Иванъ *Игнатовичъ*, Люблинской, Казиміръ-Станиславъ *Тулодзецкій*, Благовѣщенской, Сергѣй *Знаменскій* и Владивостокской, Дмитрій *Дюковъ* и женскихъ: Елисаветинской, Иванъ *Саломонъ*, частныхъ въ Москвѣ: Ржевской, Арсеній *Дмитровскій* и Юргенсонъ, учрежденной Бессъ, Дмитрій *Волковскій*, Гиттерманъ въ Орлѣ, Андрей *Китайцевъ* и Минской, Николай *Ивицкій*, реальныхъ училищъ: Казанскаго второго, Владиміръ *Ивановъ*, Уфимскаго, Иванъ *Порубомскій*, Севастопольскаго Константиновскаго: Григорій *Кастровъ* и Иванъ *Куклинъ*, Кіевскаго перваго, Эдуардъ *Тессейръ*, Черниговскаго, Михаилъ *Гарницкій*, Варшавскихъ: перваго, Николай *Пожитновъ* и второго, Владиміръ *Ижакъ*, Рижскаго городского, Марцелинъ *Шикшнисъ*, Юрьевскаго, Александръ *Шапченко* и училищъ: Костромского промышленнаго, имени Ѳ. В. Чижова, Аполлинарій *Брюхановъ*, Александровскаго, Имени Императора Николая Александровича, средняго семиклассного механико-техническаго, Иванъ *Деревенко*, Охтенскаго низшаго механико-техническаго, Павелъ *Васильевъ* и Николаевскаго механико-техническаго, Владиміръ *Рюминъ* и Псковскаго учительскаго института, Василій *Унтиловъ*; наставники учительскихъ семинарій: Аккерманской, Михаилъ *Овсѣенко* и Туркестанской, Николай *Миркуловичъ*; воспитатель Петроградской гимназіи Императора Александра I Василій *Страховичъ* и руководители работъ: Саратовскаго средняго техническаго училища, Константинъ *Рихтеръ* и въ механическихъ мастерскихъ низшихъ техническихъ училищъ, входящихъ въ составъ Казанскаго промышленнаго училища, Георгій *Володинъ*; коллежскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Николаевскаго университета Александръ *Богомолецъ*; директоры: гимназій, Юрьевецкой, Сергѣй *Иванчиковъ*, Кролевецкой, Ѳеодоръ *Стеценко*, Золотоношской, Андрей *Николаевъ*, Уманской, Михаилъ *Плескій*, Брестской, Павелъ *Дубовой*, Климовичской, Владиміръ *Дьяченко*, Мозырской, Дмитрій *Гнѣздовскій*, Моршанской, Дмитрій *Панадіади*, въ честь Царя Освободителя Императора Александра II въ селѣ Петровскомъ, Ставропольской губерніи, Леонидъ *Стефанѣевъ*, и Семипалатинской, Стефанъ *Сергѣевъ*, реальныхъ училищъ: Холмскаго Владиміръ *Лавровъ*, Читинскаго, Михаилъ *Цвѣтневъ* и Кунгурскаго, Викторъ *Барановскій*, Каменецъ-Подольскаго средняго техническаго училища, Аристархъ *Быковъ* и учительскихъ семинарій: Ольгопольской, Петръ *Березовскій* и Вольмарской, Петръ *Слюсаревскій*; экстраординарные профессора: Импера-

торскихъ университетовъ: Томскаго, Сергѣй *Часовниковъ*, Московскаго, Павелъ *Статкевичъ*, Петроградскаго, Алексѣй *Ивановъ*, Николаевскаго: Владиміръ *Теребинскій* и исправляющій должность, Викторъ *Скворцовъ*, Харьковскаго, исправляющіе должность: Владиміръ *Каринскій* и Борисъ *Поповъ* и Новороссійскаго, исправляющій должность, Александръ *Мулюкинъ* и историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, Павелъ *Тихомировъ*; исполняющіе обязанности инспектора: Одесской пятой гимназіи, Алексѣй *Лагутинскій* и реальныхъ училищъ: Самарскаго, Николай *Перкалевъ*, Саратовскаго перваго Александро-Маріинскаго, Вадимъ *Ливановъ*, Могилевскаго Александровскаго, Михаилъ *Захаровъ* и Каменскаго, Илья *Кузнецовъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Новгородской, Иванъ *Семеновъ*, Петроградской, Карпъ *Шохоль*, Ярославской, Николай *Корзининъ*, Саратовской, Степанъ *Давидовъ*, Пермской, Василій *Бобровъ*, Оренбургской, Павелъ *Гулминскій*, Черниговской, Николай *Орловъ*, Минской, Михаилъ *Преферансовъ* и Волынской, Александръ *Боголѣповъ;* дѣлопроизводители VII класса: департамента народнаго просвѣщенія, Дмитрій *Березовъ* и отдѣла промышленныхъ училищъ, Николай *Крыловъ*; наблюдатель отдѣленія наблюденій и повѣрки инструментовъ Николаевской главной физической обсерваторіи Николай *Траге;* преподаватель, VIII класса, Императорскаго археологическаго института въ Петроградѣ Семенъ *Розановъ*; помощникъ библіотекаря Императорскаго Московскаго университета Алексѣй *Страховъ;* учитель и старшій наблюдатель гимназическихъ классовъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая Михаилъ *Пьвницкій*; учителя: гимназій: мужскихъ: Московскихъ: четвертой, Петръ *Изоевъ* и седьмой въ память Императора Александра III, Михаилъ *Боголѣповъ*, Симбирской первой, Александръ *Цвѣтковъ*, Екатеринбургской Императора Александра II Освободителя, Георгій *Клеръ*, Пермской Императора Александра I Благословеннаго, Александръ *Чебыкинъ*, Кіевской седьмой, Иванъ-Адамъ *Янковскій*, Корочанской Александровской, Степанъ *Высоцкій*, Тамбовской, Николай *Савельевъ* и Варшавскихъ: третьей, Михаилъ *Лучко* и пятой, Михаилъ *Одигитріевскій*, Варшавской женской прогимназіи, Григорій *Гутманъ*, реальныхъ училищъ: Петроградскаго, Императора Александра II, Платонъ *Горючко*, Вольскаго, Бернгардъ *Луббау*, Самарскаго, Вильгельмъ *Тидеманъ* и Новочеркасскаго, Алексѣй *Шишовъ*, Петроградскихъ: гимназіи и реальнаго училища К. Мая, Михаилъ *Гороховъ*, училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ Петро-

градѣ, Альфонсъ *Доббертъ* и учительскихъ институтовъ: Тульскаго, Василій *Яворскій* и Витебскаго, Николай *Зоринъ*; врачи гимназій: Тверской, Алексѣй *Елькинъ* и Иваново-Вознесенской женской, Константинъ *Дементьевъ*; завѣдывающій Вѣрненскимъ Александровскимъ высшимъ начальнымъ училищемъ Елисѣй *Есютинъ* и учитель ручного труда Туркестанской учительской семинаріи Александръ *Воронинъ*; надворные совѣтники: директора: Харьковской гимназіи, учрежденной группой преподавателей Харьковской третьей гимназіи, Николай *Бѣляевъ*, Вологодскаго учительскаго института, Алексѣй *Шараповъ*; исполняющіе обязанности инспектора реальныхъ училищъ: Пермскаго Алексіевскаго, Михаилъ *Кузнецовъ* и Хорольскаго, Николай *Разинкинъ*; инспектора народныхъ училищъ: губерній: Орловской, Николай *Раевскій*, Ковенской, Петръ *Островскихъ*, Черниговской, Василій *Адаменко* и Ставропольской, Анатолій *Ставенко* и областей: Уральской, Иванъ *Рыжовъ* и Приморской, Алексѣй *Филипповъ*; физикъ отдѣленія по изданію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня Николаевской главной физической обсерваторіи Борисъ *Мультановскій*; дѣлопроизводители VII класса: департамента народнаго просвѣщенія, Антонъ *Меленевскій* и управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, Валеріанъ *Поповъ*; инспекторъ-руководитель Петроковской учительской семинаріи Яковъ *Костылевъ*; журналистъ VIII класса, департамента общихъ дѣлъ Александръ *Герасимовъ*; столоначальники канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: Казанскаго, Николай *Ливатовъ*, Одесскаго, Власъ *Рябко* и Рижскаго, Евгеній *Заицъ*; учителя: гимназій: Московскихъ: второй, Вячеславъ *Дейнега* и имени Григорія Шелапутина, Владиміръ *Поповъ*, Харьковской второй, Сергѣй *Никольскій*, реальныхъ училищъ: Самарскаго, Николай *Ѳеоктистовъ* и Ногайскаго, Михаилъ *Жуковъ* и ремесленно-воспитательнаго заведенія имени Н. П. Трапезникова въ Иркутскѣ, Александръ *Журавлевъ*; наставникъ Новочеркасской учительской семинаріи Иванъ *Майборода*; завѣдывающіе (инспектора) высшими начальными училищами: Петергофскимъ, Александръ *Копытовскій*, Петроградскимъ Сампсоніевскимъ, Михаилъ *Петровъ*, Басманнымъ, Василій *Крестовъ*, Веневскимъ, Алексѣй *Спицинъ*, Сапожковскимъ, Григорій *Кабаковъ*, Смоленскимъ первымъ, Никита *Олейниченко*, Тверскимъ первымъ, Иванъ *Субботинъ*, Шуйскимъ первымъ, Александръ *Хрѣновъ*, Юрьевецкимъ, Александръ *Клеминъ*, Вятскимъ первымъ, Александръ *Андреевъ*, Глазовскимъ, Андрей *Казимировъ*, Ижевскимъ, Вятской губерніи, Никифоръ *Морозовъ*, Самарскимъ вторымъ имени В. Г. Бѣлинскаго, Алексѣй *Енга-*

лычевскій, Тетюшскимъ, Петръ *Краденовъ*, Ирбитскимъ, Владиміръ *Мартыновъ*, Воронежскимъ вторымъ, Алексѣй *Цикавый*, Рыльскимъ, Василій *Ефремовъ*, Каменецъ-Подольскимъ, Дометій *Онацкій*, Кіевскимъ вторымъ Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ, Василій *Рознатовскій*, Черкасскимъ вторымъ, Андрей *Овсѣенко*, Бобруйскимъ, Илья *Костюкевичъ*, Рѣжицкимъ, Иванъ *Юшко*, Чечерскимъ, Илья *Рублевскій*, Святокрестовскимъ, Александръ *Лозовой*, Кокандскимъ, Иларіонъ *Ващенко*, Самаркандскимъ, Василій *Чистяковъ*, Иркутскимъ вторымъ, Павелъ *Китенко* и Виндавскимъ, Стефанъ *Малаха*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Вятской первой, Михаилъ *Кашменскій*, Воронежской первой, сверхштатный, Владиміръ *Германовскій* и Омской второй, Василій *Сырцовъ* и Московскаго перваго реальнаго училища, Иванъ *Смирновъ*; помощникъ экзекутора департамента общихъ дѣлъ Константинъ *Садиковъ* и учитель приготовительнаго класса Скобелевской гимназіи Александръ *Сутягинъ;* коллежскіе ассессоры: директоръ Саратовскаго учительскаго института Дмитрій *Марковъ;* бывшій инспекторъ народныхъ училищъ Саратовской губерніи Михаилъ *Ѳедуловъ*; дѣлопроизводители VII класса: департамента общихъ дѣлъ, Владиславъ *Старженецкій-Лаппа* и ученаго комитета, Иванъ *Матвѣевъ*; столоначальникъ канцеляріи Николаевской главной физической обсерваторіи Иванъ *Тахвановъ*; адъюнкты отдѣленій: по изданію еженедѣльнаго и ежемѣсячнаго метеорологическихъ бюллетеней Николаевской главной физической обсерваторіи, Алексѣй *Желтухинъ* и предупрежденій о метеляхъ магнитно-метеорологической обсерваторіи въ Екатеринбургѣ, Алексѣй *Коровинъ;* бухгалтеръ департамента общихъ дѣлъ Ѳедоръ *Шатворьянцъ*; столоначальники канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: Петроградскаго, Иванъ *Новиковъ*, Западно-Сибирскаго, Веніаминъ *Жарковъ* и Московскаго, Николай *Аваевъ;* архитекторъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа Андрей *Крячковъ*; учителя: Черкасской гимназіи, Ѳедоръ *Бакулинъ* и Иркутскаго учительскаго института, Александръ *Ремизовъ*; завѣдывающій (инспекторъ) Кизиль-Арватскимъ высшимъ начальнымъ училищемъ Владиміръ *Доппельбергъ*; завѣдывающій Азовскою ремесленною школою Григорій *Дудкинъ*; сверхштатный помощникъ Николаевской главной физической обсерваторіи Николай *Подгорновъ*; помощникъ классныхъ наставниковъ Верхнеудинскаго реальнаго училища Николай *Кожевниковъ* и учителя: Новочеркасскаго высшаго начальнаго училища, Николай *Васюковъ* и приготовительныхъ классовъ: гимназій: Петергофской Императора Александра II, Николай *Петро-*

выхъ и Гельсингфорсской Александровской, Александръ *Рыбаковъ* и училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ Петроградѣ, Фридрихъ *Гиршковицъ;* завѣдывающій (инспекторъ) Самарскимъ третьимъ имени И. С. Тургенева высшимъ начальнымъ училищемъ, титулярный совѣтникъ Георгій *Выровъ;* коллежскіе секретари: директоръ Николаевскаго учительскаго института Петръ *Ждановъ* и инспекторъ Котельничскаго высшаго начальнаго училища, Вятской губерніи, Ѳедоръ *Зиминъ*; неимѣющіе чина: директоры: Екатеринославскаго перваго реальнаго училища, Николай *Хлодовскій* и Астраханской учительской семинаріи, Ѳедоръ *Плоховъ*; почетный попечитель Императорской Александровской Кіевской гимназіи, Михаилъ *Терещенко* и старшій ассистентъ Императорскаго Московскаго университета Иванъ *Смирновъ.*

Св. Станислава 3-й степени: коллежскіе совѣтники: адъюнктъ-профессоръ Рижскаго политехническаго института Всеволодъ *Келдышъ*; инспекторъ народныхъ училищъ Смоленской губерніи Дмитрій *Мурановъ*; исправляющій должность клиническаго ассистента Петроградскаго женскаго медицинскаго института Николай *Павловъ*; преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго училища Михаилъ *Поливановъ*; приватъ-доцентъ и сверхштатный лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета Владиміръ *Николаевъ*; учителя: гимназій: мужскихъ: Петергофской Императора Александра II, Аполлонъ *Гладковъ*, Ельпинской имени М. И. Глинки, Алексѣй *Крыжановскій*, Иваново-Вознесенской, Пантелеймонъ *Субботинъ*, Рязанской второй, Андрей *Фіалковскій*, Сергіево-Посадской, Александръ *Мишинъ* и Новомосковской, Владиміръ *Токаревъ* и женскихъ въ Москвѣ: Елисаветинской, Алексѣй *Васютинскій* и частной, Ржевской, Иванъ *Розановъ*, Аткарской, Александръ *Самогинъ*, Верхнеднѣпровской, Стефанъ *Руцкій* и Волковысской, Михаилъ *Окуличъ*, реальныхъ училищъ: Шадринскаго, Сергѣй *Павлиновъ* и Митавскаго, Парѳеній *Матвѣевъ* и Несвижской учительской семинаріи, Иванъ *Грачевъ*; врачи: Минской частной гимназіи Зубакина и Фальковича, Іоахимъ (Хаимъ-Борухъ) *Позднякъ* и Псковскаго учительскаго института, Аркадій *Жданко* и инспекторъ Рижскаго городского училища для ремесленниковъ Бруно *Кларкъ*; надворные совѣтники: экстраординарные профессоры Императорскаго Казанскаго университета: Игорь *Завадскій* и, исправляющій должность, Михаилъ *Воинскій*; прозекторъ Императорскаго Николаевскаго университета Иванъ *Васильевъ*; исполняющіе обязанности инспектора: гимназій: Александровской, Василій *Чистяковъ*, Меленков-

ской, Юрій *Брошать* и Жмеринской, Евгеній *Богуславскій* и реальныхъ училищъ: Арзамасскаго, Дмитрій *Лебяжьевъ* и Митавскаго, Гурій *Полянскій*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Костромской, Георгій *Лехницкій*, Смоленской, Александръ *Моревъ*, Саратовской, Григорій *Скворцовъ* и Минской, Александръ *Малаха*; физикъ отдѣленія станцій второго разряда Николаевской главной физической обсерваторіи Николай *Оболенскій*; физикъ магнитнаго отдѣленія Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ Павловскѣ Николай *Трубятчинскій*; преподаватель Восточнаго института Владиміръ *Шапошниковъ*; учителя: гимназій: мужскихъ: Нарвской, Николай *Пархотько*, Петроградскихъ: третьей, сверхштатный, Николай *Ковригинъ*, седьмой, Николай *Малышевъ*, двѣнадцатой, Гавріилъ *Королевъ* и тринадцатой, Іосифъ *Макаревичъ*, Мологской, Борисъ *Поповъ*, Московскихъ: третьей, Николай *Богушевскій* и десятой, Александръ *Гуляевъ*, Нижегородской первой, Сергѣй *Архангельскій*, Рославльской: Евгеній *Алешинъ*, Викторъ *Кузеневъ* и Алексѣй *Силинъ*, Самарской Романовской: Викторъ *Зацѣпинъ* и Евгеній *Станкевичъ*, Троицкой, Эдуардъ *Минцеръ*, Борисоглѣбской Александровской, Евгеній *Коваленко*, Грайворонской, Евгеній *Рубинъ*, Нахичеванской на-Дону, Иванъ *Трухмановъ*, Ростовской на-Дону, Василій *Дороговъ*, Кишиневской первой: Петръ *Пантелѣевъ* и Николай *Поповскій*, Новомосковской, Дмитрій *Ксюнинъ*, Одесской третьей: Владиміръ *Керлеръ* и Григорій *Петровъ*, Севастопольской, Стефанъ *Влайковъ*, Сорокской Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Василій *Богаевскій*, Ѳеодосійской, Петръ *Бедризовъ*, Клинцовской, Анатолій *Соловьевъ*, Виленской частной Виноградова, Иванъ *Жельскій*, Могилевской Императора Александра I Благословеннаго, Михаилъ *Родинъ* и Енисейской, Владиміръ *Афанасьевъ* и женскихъ: Владивостокской Алексѣевской, Григорій *Гацкевичъ*, Вологодской второй, Иванъ *Скородумовъ*, при Брянскомъ заводѣ, въ Бѣжицѣ, Александръ *Равичъ-Щебро*, Калужской, Валентинъ *Морозовъ*, Московской имени В. Б. фонъ-Дервизъ, Иванъ *Богоявленскій*, Одесской, учрежденной фонъ-Гиршъ-Браммъ и Висковатовой, Иванъ *Чевкаръ*, Полтавской Маріинской, Иванъ *Никольскій* и Скобелевской, Андрей *Дубининъ*, реальныхъ училищъ: Владимірскаго, Василій *Тенинъ*, Кинешемскаго, имени И. А. Коновалова, Дмитрій *Киселевъ*, Костромского имени Царя Михаила Ѳеодоровича, Михаилъ *Дурново* и Московскихъ: третьяго, имени Анатолія Шелапутина, Константинъ *Сивковъ* и частнаго, Воскресенскаго: сверхштатный, Аркадій *Абрамовъ* и Василій *Кравцовъ* и

товарищества педагоговъ, Иванъ *Абросимовъ*, Тверского общественнаго, Леонидъ *Кандауровъ*, Кузнецкаго, Михаилъ *Баташевъ*, Чердынскаго, Алексѣй *Сатрапинскій*, Бердянскаго, Михаилъ *Сѣницкій*, Орѣховскаго, Павелъ *Яблонскій*, Винницкаго, Александръ *Бабенко*, Новочеркасскаго, Борисъ *Волковъ* и Ѳедоръ *Полховскій*, Ростовскаго-на Дону „Петровскаго", Рауль *Энтховенъ*, Тамбовскаго, Императора Александра II, Михаилъ *Никифоровъ*, Двинскаго, Карлъ *Клюксинъ* и Никольскъ-Уссурійскаго, Станиславъ *Маркевичъ*, училищъ: Касимовскаго средняго семиклассного техническаго, Василій *Петкевичъ* и средняго механико-техническаго при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, Гавріилъ *Горяиновъ* и Казанскаго учительскаго института, Николай *Парашинъ*, учительскихъ семинарій: Арзамасской, Михаилъ *Баженовъ*, Вейверской, Василій *Мацуевъ* и Солецкой, Петръ *Криворучко* и Московской школы мукомоловъ товарищества А. Эрлангеръ и К°, Михаилъ *Жарковъ;* наставникъ Новоторжской учительской семинаріи Павелъ *Воскресенскій*; воспитатели: Ялтинской гимназіи, Александръ *Шашкинъ* и Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта Московскаго дворянства, Сергѣй *Семеновъ*; завѣдывающіе (инспекторы) высшими начальными училищами: Островскимъ, Степанъ *Смирновъ*, Бѣжецкимъ, Дмитрій *Вихревъ*, Ржевскимъ вторымъ, Александръ *Ченцовъ*, Спасскимъ, Алексѣй *Калинниковъ*, Верхомижемскимъ, Вятской губерніи, Михаилъ *Шулятиковъ*, Нязе-Петровскимъ, Семенъ *Зиновъ*, Пабіяницкимъ, Василій *Матвѣенко* и Миллеровскимъ, Иванъ *Машинка*; инспекторъ Радомскаго ремесленнаго училища Ѳедоръ *Сизорукъ*; преподаватель и руководитель практическихъ занятій въ мастерскихъ Макарьевскаго ремесленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова Левъ *Радзивилловичъ;* завѣдывающій Пороховской низшей ремесленной школой Ѳедоръ *Дмитріевъ;* помощники классныхъ наставниковъ: Варшавской пятой гимназіи, Иванъ *Галайша* и Одесскаго реальнаго училища общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ Одессы, Михаилъ *Гладковскій;* надзиратель Екатерининскаго учительскаго института въ Тамбовѣ Иванъ *Николаевъ* и учителя высшихъ начальныхъ училищъ: Великолуцкаго второго, Петръ *Корниловъ*, Гатчинскаго, Андрей *Гороховъ*, Петергофскаго, Иванъ *Веревкинъ*, Петроградскаго Андреевскаго, Василій *Рожевицъ*, Петроградскаго Никольскаго, Василій *Пугацевичъ*, Алексинскаго, Петръ *Андреевъ* и Виленскаго перваго, Михаилъ *Януковичъ;* коллежскіе ассессоры: исполняющій обязанности инспектора Херсонской второй гимназіи Георгій *Барбанягра;* помощникъ директора Казанской учительской семинаріи

Александръ *Неуныловъ*; ассистенты Императорскихъ университетовъ: Петроградскаго, старшій, Павелъ *Люблинскій*, Московскаго, сверхштатный, Александръ *Касаткинъ*, Казанскаго, старшій, Борисъ *Кротовъ* и Новороссійскаго, младшій, Александръ *Конгинъ*; лаборанты: Петроградскаго женскаго медицинскаго института, Михаилъ *Вишняковъ*, Императорскаго Московскаго техническаго училища, Алексѣй *Зерновъ* и Томскаго технологическаго института Императора Николая II, старшій, Василій *Хрущевъ;* наставникъ студентовъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Сергѣй *Купичъ*; архитекторъ Императорскаго Московскаго техническаго училища Уалентъ *Монастыревъ;* учителя: гимназій: мужскихъ: Бѣжицкой, при Брянскомъ заводѣ, Александръ *Елховскій*, Дорогобужской Алексѣевской, Вячеславъ *Горанскій*, Ельнинской, Леонидъ *Истоминъ*, Костромской первой, Василій *Цвѣтковъ*, Нижегородской первой, Сергѣй *Ивановъ*, Орловской первой, Петръ *Ткачевскій*, Сергіево-Посадской, Алексѣй *Захаровъ*, Смоленской Императора Александра I Благословеннаго, Виталій *Мушкетовъ*, Астраханской второй, Алексѣй *Гориновъ*, Саратовской второй, Иванъ *Климовъ*, Камышловской: Николай *Дмитріевскій* и Александръ *Румянцевъ*, Острогожской, Михаилъ *Тюкаловъ*, Старобѣльской Александровской, Николай *Григорьевъ*, Сумской Александровской, Евгеній *Поповъ*, Чугуевской, Александръ *Жуковскій*, Александровской, Семенъ *Семеновъ*, Ананьевской, Николай *Коровяковъ*, Бердянской: Евгеній *Нагорный* и Павелъ *Эрдели*, Одесскихъ: четвертой, Андрей *Ильинскій* и пятой, Иванъ *Копейкинъ*, Симферопольской, учрежденной Волошенкомъ, Іоганъ-Теодоръ *Папе*, Кіевской шестой, Иванъ *Радзимовскій*, Блинцовской, Михаилъ *Лыковъ*, Митавской, Леонтій *Пуциловъ* и Тобольской, Алексѣй *Кумани* и женскихъ: частной Лысенко въ Ельцѣ, Александръ *Писаревскій*, частныхъ въ Москвѣ: Архиповой, Сергѣй *Яхонтовъ* и Головачевой: Петръ *Лебедевъ* и Евгеній *Сперанскій*, Порѣчской, Веніаминъ *Крашенинниковъ*, Бирской, Григорій *Скарданицкій*, Чембарской, Петръ *Генри* и Одесской, учрежденной Гинкуловой, Николай *Крыжановскій*, реальныхъ училищъ: Старорусскаго Алексѣевскаго, Александръ *Козачковъ*, въ Москвѣ: частнаго, Воскресенскаго, Константинъ *Рашевскій* и св. Филиппа Нэрійскаго, Иванъ *Пустоваловъ*, Новоторжскаго, Михаилъ *Тюриковъ*, Сарапульскаго Алексѣевскаго: Михаилъ *Коровинъ* и Александръ *Никольскій*, Кустанайскаго, Өедоръ *Лебедевъ*, Екатеринославскаго перваго, Николай *Синяверъ*, Одесскаго, Александръ *Подлипскій*, Митавскаго: Владиміръ *Ассуръ* и Владиміръ *Златинскій* и Никольскъ-

Уссурійскаго, Михаилъ *Знаменскій*, Нѣжинскаго низшаго механико- и сельско-хозяйственно-техническаго училища имени А. Ѳ. Кушакевича, Василій *Супруненко*, Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, Василій *Бармашевъ*, учительскихъ институтовъ: Тульскаго, Михаилъ *Ижевскій*, Воронежскаго, Иванъ *Власенко* и Курской учительской семинаріи, Николай *Дудинъ;* наставники учительскихъ семинарій: Архангельской, Иванъ *Елеазаровскій*, Псковской, Василій *Дерибинъ*, Рязанской Александровской, Сергѣй *Гусевъ*, Казанской, Константинъ *Травинъ*, Воронежской, Владиміръ *Лебедевъ* и Благовѣщенской, Василій *Фроловъ*, Челябинской: Дмитрій *Мошковъ* и Константинъ *Титовъ*, Коростышевской, Григорій *Ласкинъ* и Омской, Александръ *Покровскій;* воспитатели пансіоновъ гимназій: Псковской, Императора Александра I Благословеннаго, Владиміръ *Никольскій*, Иркутской, Николай *Шадринъ* и Ялтинской, Дмитрій *Дьяконовъ*; врачи: Одесской женской гимназіи, учрежденной Пашковской, Леонидъ *Дмитренко* и Тотемскаго реальнаго училища, Петръ *Кулепетовъ*; завѣдывающіе (инспекторы) высшими начальными училищами: Мамадышскимъ, Василій *Цыкинъ*, Гельсингфорсскимъ, Сергѣй *Корниловъ*, Мохченскимъ, Миронъ *Вайванцевъ*, Струго-Бѣльскимъ, Николай *Топринъ*, Борисоглѣбскимъ, Сергѣй *Князевъ*, Верховскимъ, Титъ *Чувашевъ*, Вышневолоцкимъ вторымъ, Алексѣй *Вѣрнословъ*, Горбатовскимъ, Александръ *Добролюбовъ*, Карачевскимъ вторымъ, Дмитрій *Оборневъ*, Комаричскимъ, Николай *Гордѣевъ*, Московскимъ первымъ, Михаилъ *Ершовъ*, Рыбинскимъ первымъ, исправляющій должность, Димитрій *Чмутовъ*, Тургайскимъ, Александръ *Слесаревъ*, Мотовиловскимъ, Василій *Дверницкій*, Сосницкимъ, Иванъ *Московченко*, Руднянскимъ, Андрей *Крайко*, Атаманскимъ, Павелъ *Шмелевъ*, Маріенбургскимъ, Антонъ *Грушевскій*, Раппинскимъ, Михаилъ *Соболевъ*, Павлодарскимъ, Ѳедоръ *Овсянниковъ*, Благовѣщенскимъ вторымъ, Ѳедулъ *Максимовъ* и Новокіевскимъ, Михаилъ *Лоховъ*; сверхштатные лаборанты Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I: Александръ *Маковецкій* и Викторъ *Фоминъ;* завѣдывающіе низшими ремесленными школами: Кирилловской, Михаилъ *Петровъ*, Ольховатской, Острогожскаго уѣзда, Василій *Ивановъ* и Средне-Егорлыкской, Петръ *Глазуновъ;* руководитель практическихъ работъ въ мастерскихъ Оренбургскаго ремесленнаго училища Сергѣй *Рылѣевъ;* письмоводитель Ростовскаго на-Дону соединеннаго средняго механико-химико-техническаго училища Павелъ *Смирницкій;* помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Минской частной Зубакина и Фальковича, Иванъ *Зюзке-*

вичъ и Сумской Александровской, Иванъ *Поллакъ* и учителя: высшихъ начальныхъ училищъ: Кронштадтскаго, Михаилъ *Рожинъ*, Петергофскаго, Θеодосій *Поповъ*, Петроградскаго Рождественскаго, Александръ *Епифановъ*, Карачевскаго перваго, Георгій *Ермольевъ*, Астраханскаго четвертаго, Александръ *Перовъ*, Баусскаго, Имени Императора Александра I Благословеннаго, Сергѣй *Нечаевъ*, Кирсановскаго, Тимоѳей *Захарченко*, Таганрогскаго второго, Яковъ *Лукьяновъ* и Петропавловскаго второго, Василій *Кайгородовъ*, приготовительнаго класса Пирятинской гимназіи, Дмитрій *Куликъ* и Тамбовскаго двѣнадцатаго городского приходскаго, Александръ *Викторовъ;* титулярные совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Петроковской губерніи Александръ *Кооvъ*, ассистенты Императорскихъ университетовъ: Петроградскаго, старшій, Левъ *Щерба* и Московскаго, сверхштатный, Маріанъ *Дитрихъ;* исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета Валентинъ *Овчинниковъ;* сверхштатный лаборантъ Петроградскаго женскаго медицинскаго института Петръ *Масляковецъ;* учителя: гимназій: мужскихъ: Стрѣльнинской, Викторъ *Сорока*, Московской пятой, Сергѣй *Усовъ* и Кіевской второй, Петръ *Хакало* и женскихъ: частной, Раевской въ Москвѣ, князь Зурабъ *Павленовъ* и Кишиневской общества распространенія средняго образованія, Θедоръ *Няга*, Сувалкской, Владиміръ *Мининъ* и Шмидтхена и Берзина въ Дуббельнѣ, Иванъ *Берзинъ* и реальныхъ училищъ: Кирилловскаго, Михаилъ *Тевилинъ* и Кунгурскаго, Аркадій *Смагинъ*; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета и врачъ Казанской второй гимназіи Михаилъ *Малиновскій;* наставникъ Ирбитской учительской семинаріи Михаилъ *Успенскій*; завѣдывающіе (инспекторы) высшими начальными училищами: Кудиновскимъ, Маркеллъ *Петровъ*, Спасъ-Ясеновичскимъ, Павелъ *Старовѣровъ*, Хатумскимъ, Василій *Плодухинъ*, Верхне-Троицкимъ, Павелъ *Зоринъ*, Кустанайскимъ, Михаилъ *Игнатьевъ*, Николаевско- Новороссійскимъ, Петръ *Мальцевъ*, Брагинскимъ, Давидъ *Кудловичъ*, Лидскимъ, Павелъ *Трутько*, Каменскимъ, Павелъ *Еремѣевъ*, Зайсанскимъ, Александръ *Худяковъ*, Рыбинскимъ, Владиміръ *Михайловъ*, Новониколаевскимъ, Иванъ *Ивановъ* и Асхабадскимъ, Василій *Соловьевъ*; помощникъ журналиста департамента народнаго просвѣщенія Константинъ *Жемайтисъ*; письмоводители гимназій: Козельской, Николай *Розовъ* и Сумской Александровской, Θедоръ *Переверзевъ;* помощники классныхъ наставниковъ: Миргородской гимназіи, Петръ *Леонтовскій* и реальныхъ училищъ: св. Филиппа Нэрійскаго въ Москвѣ, Константинъ

Варсобинъ, частнаго, Милова въ Нижнемъ-Новгородѣ, Константинъ *Авдентовъ* и Оханскаго, Θедоръ *Желѣзняковъ;* надзиратель Екатерининскаго учительскаго института въ Тамбовѣ Михаилъ *Шумбалинъ*; учитель-смотритель Прасковейскаго двухкласснаго нормальнаго училища Алексѣй *Крыжановскій* и учителя: Екатерининскаго учительскаго института въ Тамбовѣ, Сергѣй *Клипинъ*, пѣнія Оренбургской учительской семинаріи, Иванъ *Кусковъ*, высшихъ начальныхъ училищъ: Нарвскаго, Петръ *Ивановъ*, Царскосельскаго, Михаилъ *Московскій*, Ковровскаго, Михаилъ *Козловъ*, Казанскаго перваго, Сергѣй *Давыдовъ*, Саратовскаго второго, Никита *Евграфовъ*, Бирскаго, Владиміръ *Θедоровъ*, Владиміръ-Волынскаго: Василій *Карханинъ* и Николай *Сагалаевъ*, Кролевецкаго, Михаилъ *Дубенецкій*, Кандавскаго, Владиміръ *Костровъ*, Валковскаго, Иванъ *Масловъ*, Богодуховскаго, Григорій *Александровъ*, Борисоглѣбскаго, Григорій *Абрамцевъ*, Спасскаго, Александръ *Кушниръ-Якименко*, Харьковскаго третьяго, Дмитрій *Божневъ* и Новогрудскаго, Михаилъ *Четырко* и приготовительныхъ классовъ гимназій: Бѣжицкой, при Брянскомъ заводѣ, Игнатій *Благодатскій* и Люблинской, Иванъ *Черепановъ*; коллежскіе секретари: инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Самарской, Сергѣй *Верховскій* и Лифляндской, Сергѣй *Сахаровъ;* лаборантъ физической лабораторіи Императорской Академіи Наукъ Павелъ *Никифоровъ;* старшій ассистентъ Императорскаго Юрьевскаго университета Николай *Сахаровъ*; дѣлопроизводитель, VIII класса, младшаго оклада, отдѣла промышленныхъ училищъ Михаилъ *Поповъ*; младшіе помощники библіотекаря Императорской публичной библіотеки: Василій *Успенскій* и Николай *Цвѣтковъ*; учителя: гимназій: мужскихъ: Вяземской Императора Александра III, Викторъ *Стражевъ* и Чарджуйской Николаевской, исправляющій должность Левъ *Зиминъ* и женскихъ: Вологодской Маріинской, Николай *Куклинъ*, Оренбургской первой, Александръ *Николаевъ*, Осинской, Иванъ *Ивановъ* и Одесской, учрежденной Александровой, Леонъ-Викторъ-Эдвардъ *Марцинковскій* и Сызранскаго реальнаго училища, Николай *Любославовъ*; руководитель практическихъ занятій въ мастерскихъ Сорокскаго средняго семикласснаго сельско-хозяйственно-техническаго училища Виталій *Бочковъ*; наставники учительскихъ семинарій: Черниговской, Дмитрій *Ивановъ*, Выборгской, Дмитрій *Боровковъ* и Усть-Медвѣдицкой, Василій *Бѣлоусовъ*; дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Курляндской губерніи Іоганнъ *Эшманнъ*; завѣдывающіе (инспекторы) высшими начальными училищами: Екатеринопольскимъ, Кіевской губер-

ніи, Илларіонъ *Слынько*, Ачинскимъ, Анатолій *Ташкиновъ*, Печерскимъ, Николай *Игнатьевъ*, Парфентьевскимъ, Владиміръ *Маклашинъ*, Томскимъ третьимъ, Ѳеодоръ *Краевъ* и при станціи Минскъ, Александровской желѣзной дороги, Прохоръ *Фроловъ*; учитель-инспекторъ Жиздринскаго Михайловскаго городского училища, съ двумя дополнительными классами по садоводству и огородничеству Александръ *Паршинъ*; помощникъ дѣлопроизводителя Томскаго технологическаго института Императора Николая II Германъ *Николаевъ*; помощникъ хранителя Императорскаго россійскаго историческаго музея Имени Императора Александра III Георгій *Малицкій*; письмоводители: Ревельской гимназіи Императора Николая I: Генрихъ *Миннемъ* и реальныхъ училищъ: Бѣлевскаго имени поэта В. А. Жуковскаго, Николай *Иноземцевъ*, Вышневолоцскаго, Владиміръ *Лебедевъ*, Московскаго третьяго, имени Анатолія Шелапутина, Иванъ *Горловъ*, Тверского, Александръ *Волковъ* и Могилевскаго Александровскаго, Василій *Тихоновъ*; учитель Воронежской учительской семинаріи Евгеній *Михеевъ*, экономъ пансіона Оренбургской первой гимназіи Григорій *Пьянковъ*; чиновникъ, X класса, Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго музея Владиміръ *Черепининъ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Московской второй, Михаилъ *Вишняковъ*, Нижегородской второй, Иванъ *Раковъ*, Бійской, Ѳеодоръ *Щербаковъ* и Саратовской второй, Леонидъ *Бѣгучевъ*, реальныхъ училищъ: частныхъ въ Москвѣ: Мазинга, Алексѣй *Потемкинъ* и общества преподавателей, Геннадій *Любимовъ*, Ровенскаго, Евгеній *Канторовскій*, Суджанскаго Николаевскаго, Александръ *Волковъ* и Одесскаго, Николай *Кречунеско* и Касимовскаго средняго семикласснаго техническаго училища, Дмитрій *Тютинъ*; учителя: высшихъ начальныхъ училищъ: Вязниковскаго, Вячеславъ *Тарасовъ*, Перемышльскаго, Николай *Соколовъ*, Раненбургскаго, Александръ *Флеровъ*, Уфимскаго второго, Григорій *Томанъ*, Сорокскаго, Александръ *Казка*, Кременецкаго, Стефанъ *Андреевъ*, Могилевскаго перваго, Петръ *Волчковъ* и Маріинскаго, Иванъ *Реутовъ*, Казалинскаго: Алексѣй *Анкирскій* и Тимоѳей *Бородинъ*, Валковскаго, Тарасъ *Гутникъ*, Саранскаго перваго, Николай *Чирковъ*, Харьковскаго третьяго, Петръ *Лобойко* и Хоперскаго, Степанъ *Абашкинъ*, городскихъ при учительскихъ институтахъ училищъ: Ѳеодосійскомъ, Иванъ *Чернышъ*, Уфимскомъ, Петръ *Кильдюшевъ* и Бѣлогородскомъ, Василій *Мазуринъ*; канцелярскій чиновникъ отдѣла промышленныхъ училищъ Александръ *Мѣдениковъ*; учителя: приготовительныхъ классовъ: гимназій: Симбирской первой, Александръ *Тимей*, Полтавской Императора Александра I

Благословеннаго, Петръ *Ивашина-Надтока* и Ставропольской первой, Павелъ *Харламовъ* и реальныхъ училищъ: Вологодскаго Александровскаго, Павелъ *Крикуновъ* и Либавскаго, Александръ *Махаевъ*, онъ же Машичевъ и Минскаго пятаго приходскаго училища, Евстафій *Боровскій* и причисленный къ министерству Сергѣй *Маловъ*; губернскіе секретари: почетный членъ Императорскаго Московскаго археологическаго института Имени Императора Николая II Викторъ *Тимофеевъ*; инспекторъ станцій метеорологической обсерваторіи во Владивостокѣ Александръ *Афонасьевъ*; наставникъ Благовѣщенской учительской семинаріи Алексѣй *Дѣевъ*; дѣлопроизводители: канцеляріи Рязанской дирекціи народныхъ училищъ, Яковъ *Свѣшниковъ* и Радомской учебной дирекціи Адамъ *Назарукъ*; журналистъ, онъ же архиваріусъ, Императорскаго Варшавскаго университета Степанъ *Ходаковскій*; письмоводитель Кинешемскаго реальнаго училища имени И. А. Коновалова Павелъ *Птицынъ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Орловской первой, сверхштатный, Александръ *Преображенскій* и Моршанской, Иванъ *Поповъ* и реальныхъ училищъ: Тверского общественнаго, Викторъ *Путринъ*, Камышинскаго, Иванъ *Себряковъ* и Павловскаго, Владиміръ *Боевъ*; учителя: высшихъ начальныхъ училищъ: Кременецкаго, Захарій *Притула*, Чембарскаго, Василій *Телятниковъ*, Брестскаго перваго, Сергѣй *Шидловскій* и Хабаровскаго Николаевскаго, Германъ *Рязанскій*; канцелярскіе чиновники департаментовъ: народнаго просвѣщенія, Генрихъ *Бордье* и общихъ дѣлъ, Сергѣй *Аристарховъ*; учителя приготовительныхъ классовъ: гимназій: Александровской, Евѳимій *Булгаковъ*, Псковской Императора Александра I Благословеннаго, Антонъ *Петровъ* и Самарской первой, Яковъ *Третьяковъ* и Винницкаго реальнаго училища, Никита *Шаповаловъ*; учителя-завѣдывающіе училищами: приходскими: Архангельскимъ вторымъ одноклассным имени М. В. Ломоносова, Ѳедоръ *Чистяковъ*, 48-мъ Одесскимъ городскимъ, Владиміръ *Франгопуло*, Велико-Устюгскимъ третьимъ, Кириллъ *Цивилевъ*, Купянскимъ первымъ, Григорій *Близно*, Луганскимъ вторымъ имени А. С. Пушкина, Петръ *Климашевъ*, Кіевскимъ № 7, Аѳанасій *Муловъ-Войтовецкій*, Сокольскимъ, Василій *Ѳедотовъ*, Скобелевскимъ первымъ, Александръ *Проценко* и Уджарскимъ, Владиміръ *Ивановъ*, русско-киргизскими: Иргизскимъ двухкласснымъ, Иванъ *Киселевъ*, Тургайскимъ однокласснымъ, Николай *Ивановъ*, городскими начальными: Либавскимъ девятымъ, Христофоръ *Валлисъ*, Рижскими Шварценгофскими соединенными, Иванъ *Лѣпинъ*, Рижскими по Ярославской улицѣ, Илья *Супруновъ*, Фридрихштадтскимъ казенно-

приходскимъ, Кириллъ *Думъ*, Ташкентскимъ седьмымъ русско-туземнымъ, Владиміръ *Сергѣевъ* и Ташкентскимъ русско-татарскимъ, Султанъ Гирей *Акчуринъ* и учителя: училищъ: приходскихъ: Новгородскаго третьяго, Иванъ *Коваленковъ*, Бѣжецкаго, Андрей *Смирновъ*, Ногайскаго, Григорій *Дмитровскій*, Безыменскаго, Усть-Медвѣдицкаго округа, Василій *Поповъ*, Бурацкаго, Михаилъ *Авсеневъ*, Великокняжескаго перваго, Даніилъ *Черепахинъ*, Заполянскаго, Константинъ *Рябовъ*, Кагальницкаго, Петръ *Морозовъ*, Козловскаго третьяго городского, Сергѣй *Поповъ*, Константиновскаго, Михаилъ *Литвиновъ*, Купянскаго второго, Павелъ *Марусовъ*, Моршанскаго городского, Андрей *Яблочкинъ*, Нижнечирскаго, Кириллъ *Караичевъ*, Ново-Александровскаго, Ѳеофилактъ *Голеневъ*, Новочеркасскаго второго, Василій *Валуйскій*, Орловскаго, Георгій *Бѣлоусовъ*, Пензенскаго перваго, Алексѣй *Строгановъ*, Тамбовскихъ: перваго городского, Петръ *Павловъ* и Толмачевскаго второго, Георгій *Янкинъ*, Урюпинскаго, Павелъ *Федоровъ*, Федосеевскаго, Андрей *Васильевъ*, Брестскаго перваго, Григорій *Ковальчукъ*, Вилейскаго, Ѳедоръ *Борисъ*, Гродненскаго перваго, Севастьянъ *Жидокъ*, Жемелянскаго, Ковенской губерніи, Яковъ *Можейко*, Минскаго второго смѣшаннаго, Бонифатій *Давидикъ* и Цитовянскаго, Ковенской губерніи, Прокопій *Козловскій*, Рижскихъ соединенныхъ городскихъ начальныхъ: по Славянской улицѣ, Яковъ *Кульбушъ*, по бульвару Тотлебена, Петръ *Скубинъ* и Тальсенскихъ, Курляндской губерніи, перваго и второго казенно-приходскихъ, Андрей *Тылъ* и Севастопольскаго второго мужского одноклассмаго, Кузьма *Горовой*; коллежскіе регистраторы: почетные попечители высшихъ начальныхъ училищъ: Вятскаго перваго, Козьма *Лаптевъ*, Атбасарскаго, Евграфъ *Бѣловъ* и Ѳеодосійскаго, Исаакъ *Когенъ*; исправляющій должность журналиста и архиваріуса канцеляріи правленія Императорской Академіи Наукъ, Никаноръ *Петровъ*, онъ же Драмовъ; столоначальники канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа: Иванъ *Кузнецовъ* и Василій *Зуйковъ*; дѣлопроизводитель инспекціи народныхъ училищъ Амурской области, Иннокентій *Бусыгинъ*; завѣдывающіе (инспекторы) высшими начальными училищами: Тростянскимъ, Василій *Орловъ* и Россіенскимъ, Владиміръ *Калишевичъ*; сверхштатный помощникъ Николаевской главной физической обсерваторіи, Николай *Андреевъ*; помощники столоначальника канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: Одесскаго, Петръ *Ильинъ* и Московскаго, Павелъ *Василькіоти*; бухгалтеръ Императорскаго Новороссійскаго университета Григорій *Гюбнеръ*; учитель ручного труда Винницкой учительской семинаріи Вла-

диміръ *Юркевичъ*; завѣдывающій Белебеевской низшей ремесленной школой Павелъ *Денисовъ*; письмоводители: гимназій: Орловской Алексѣевской, Петръ *Басовъ*, Аренсбургской Алексѣевской, Михаилъ *Киттъ* и Самаркандской, Георгій *Туранскій* и Изюмскаго реальнаго училища, Павелъ *Воскресенскій*; помощникъ классныхъ наставниковъ Троицкой гимназіи Василій *Рябый*; учителя высшихъ начальныхъ училищъ: Осташковскаго, Сергѣй *Кузнецовъ*, Мохчевскаго, Георгій *Медвѣдевъ*, Шабскаго, Дмитрій *Трайловичъ*, Изяславльскаго, Владиміръ *Діаковскій*, Могилевскаго второго, Андрей *Корнѣевъ*, Никольскъ-Уссурійскаго, Владиміръ *Топорковъ*, Андижанскаго, Александръ *Шапиловъ* и Туркестанскаго, Николай *Проценко*; канцелярскіе чиновники департамента общихъ дѣлъ: Василій *Максимовъ* и Владиміръ *Мейеръ*; учителя-завѣдывающіе: училищами: приходскими: Самарскимъ восьмымъ, Леонтій *Бурдоновъ*, Одесскими 42—43 Пушкинскими, Владиміръ *Аркадьевъ* и 51, Порфирій *Хилковъ*, Бѣлогородскимъ Имени Цесаревича Алексѣя, Александръ *Самойловинъ*, Каменецъ-Подольскимъ Пушкинскимъ городскимъ, Антонъ *Олейникъ*, Кіевскими городскими: № 42, Павелъ *Гловацкій* и № 47, Александръ *Соколовскій*, Красноярскимъ десятымъ, Иннокентій *Петровъ*, Ровенскимъ, Игнатій *Мельниковъ*, Кобринскимъ вторымъ, Климентъ *Сапига*, Мстиславскимъ Имени Царствующаго Дома Романовыхъ, Игнатій *Макаревичъ*, Григорьевскимъ, Приморской области, Зотикъ *Колманскихъ*, Душкинскимъ, Григорій *Гладкихъ*, Красноярскимъ, Василій *Бѣлоусовъ*, Павловскимъ, Родіонъ *Колыханъ*, Успенскимъ, Левъ *Мельникъ*, Скобелевскимъ, Александръ *Давыдовъ* и Дербстовскимъ начальнымъ, Иванъ *Щиринъ-Бродяженко*: учителя приходскихъ училищъ: Галичскаго, Яковъ *Виноградовъ*, Нижегородскаго Ильинскаго, Павелъ *Калининъ*, при Симбирской чувашской учительской школѣ, Иванъ *Степановъ*, Бугурусланскаго перваго, Иванъ *Пѣшковъ*, Кременецкаго второго городского одноклассного, Іустинъ *Качуровскій*, Пинскаго перваго, Адамъ *Ободовскій*, Бѣлгородскаго третьяго, Павелъ *Скрипниковъ*, Ганкинскаго, Вонифатій *Афанасьевъ*, Екатерининскаго, Алексѣй *Бѣловъ*, Пензенскаго второго, Николай *Гавриловъ*, Тамбовскаго третьяго городского, Тихонъ *Мустафинъ*, Азовскаго перваго мѣщанскаго мужского, Владиміръ *Студеникинъ*, Спасскаго двухклассного, Приморской области, Михаилъ *Ѳѣснянскій*, Старо-Дѣвицкаго, Иванъ *Рысенко* и Ташкентскаго Кольцовскаго, Александръ *Другановъ* и завѣдывающій Благовѣщенскимъ одноклассцымъ имени барона Корфа училищемъ Алексѣй *Полонныхъ*; неимѣющіе чина: экстраординарный профессоръ

Императорскаго Варшавскаго университета Владиміръ *Вельминъ;* исполняющіе обязанности инспектора реальныхъ училищъ: Маловишерскаго, Николай *Дмитріевъ* и Бѣжецкаго, Иванъ *Обновленскій,* Московскихъ: третьяго имени Анатолія Шелапутина, Сергѣй *Сережниковъ* и частнаго Урвачева, Алексѣй *Бутягинъ* и Спасскаго, Рязанской губерніи, Александръ *Ширяевъ*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Новгородской, Александръ *Виноградовъ,* Казанской: Борисъ *Бенкинъ* и Михаилъ *Горловъ,* Херсонской, Михаилъ *Меделовичъ* и Петроковской: Алексѣй *Бѣлецкій* и Александръ *Яхонтовъ*; старшіе ассистенты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Константинъ *Кардашевъ,* онъ же Кордашевъ, и Казанскаго, Василій *Доманжо,* метеорологъ-наблюдатель Императорскаго Московскаго университета Сергѣй *Бастамовъ*; исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета Леонидъ *Беркутъ;* младшій этнографъ музея антропологіи и этнографіи Имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ Эдуардъ *Пекарскій;* помощникъ инспектора студентовъ Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, инженеръ-технологъ Ипатій *Дерябкинъ;* младшіе ассистенты Императорскихъ университетовъ: Петроградскаго, Владиміръ *Мясоѣдовъ* и Московскаго, Сергѣй *Богровъ;* сверхштатный лаборантъ Петроградскаго женскаго медицинскаго института Петръ *Глаголевъ;* учителя: Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ, Николай *Корольковъ,* гимназій: мужскихъ: Велико-Устюгской, Георгій *Атабековъ,* Петергофской, Императора Александра II: Константинъ *Жарновецкій* и Борисъ *Переслѣгинъ,* Петроградскихъ: третьей, сверхштатный, Людвигъ *Блумбергъ,* пятой, Вацлавъ *Ростковскій* и девятой Императора Петра Великаго, Всеволодъ *Чихиржинъ,* Брянской: Дмитрій *Масловъ* и Николай *Сисѣцкій,* Дубенской, Григорій *Корнѣенко,* Бѣжицкой, при Брянскомъ заводѣ, Михаилъ *Знаменскій,* Бѣльской, Іосифъ *Декуси,* Владимірской, Андрей *Златовратскій,* Вяземской Императора Александра III, Вацлавъ *Слешинскій,* Елецкой, Павелъ *Щекинъ-Кротовъ,* Калужской Николаевской, Николай *Флеровъ,* Мценской, Василій *Адамовъ* и Андрей *Размадзе,* Московскихъ: первой, Дмитрій *Коноваловъ* и пятой, Андрей *Исаковъ* и частной, учрежденной священникомъ Поповымъ, Дмитрій *Байковъ,* Нижегородской первой, Валерій *Раевскій,* Орловской первой, Сергѣй *Квитка,* Раненбургской, Владиміръ *Хруновъ,* частной Зелятрова въ Рязани, Алексѣй *Зубатовъ,* Смоленской Императора Александра I Благословеннаго, Борисъ *Чистяковъ,* Тверской, Николай

Прохоровъ, Шуйской Наслѣдника Цесаревича Алексѣя, Николай *Рябцовъ*, Ярославской Императора Александра I Благословеннаго, Иванъ *Смирновъ*, Астраханской первой: Владиміръ *Бутягинъ* и Викторъ *Гельманъ*, Вятской первой: Михаилъ *Котовъ* и Ѳеодоръ *Маяковъ*, Казанскихъ: Императорской первой, Василій *Якубовскій*, второй: Михаилъ *Камшиловъ* и Николай *Панафутинъ* и третьей, Иванъ *Добросмысловъ*, Козмодемьянской, Сергѣй *Шумовъ*, Николаевской, Самарской губерніи, Николай *Русановъ*, Самарской Романовской, Михаилъ *Покровскій*, Симбирской второй: Серафимъ *Державинъ* и Викторъ *Гранкинъ*, Хвалынской: Иванъ *Ивановъ*, Николай *Оносовскій* и Борисъ *Охотскій*, Царицынской, Александровской, Николай *Мозеръ*, Пермскихъ: Императора Александра I Благословеннаго, Феликсъ *Трубинъ* и второй, Николай *Васильевъ*, Уфимской: Михаилъ *Зубакинъ* и Александръ *Шерфъ*, Богодуховской, Иванъ *Азбукинъ*, Богучарской, Николай *Ротмистровъ*, Краснослободской, Николай *Темногрудовъ*, Новохоперской, Владиміръ *Николаевъ*, Тамбовской, Александръ *Селецкій*, Харьковскихъ: первой, Леонидъ *Сотниковъ*, второй, Проспѳръ *Тарнавскій*, третьей: Викторъ *Оберемокъ* и Василій *Штангеевъ*, четвертой, Рене-Губертъ-Гилэнъ *Муро* и частной, учрежденной группою преподавателей Харьковской третьей гимназіи: Григорій *Григоръ* и Петръ *Пиневичъ*, Александрійской: Александръ *Голованскій* и Александръ *Осиповъ*, Александровской, Иванъ *Граевскій*, Ананьевской, Андрей *Козицкій*, Екатеринославской второй: Василій *Епанечниковъ* и Яковъ *Логвиновъ*, Измаильской: Иванъ *Ивановъ* и Николай *Кресинъ*, Одесской, учрежденной Ровняковымъ: Анатолій *Альшанскій* и Дмитрій *Буяльскій*, Каменецъ-Подольской: Николай *Мосьвичъ* и Александръ *Ретановъ*, Кіевскихъ: второй, Валеріанъ *Щербаненко* и седьмой, Иванъ *Княгининъ* и частной Стельмашенко, Михаилъ *Карпинскій*, Ковельской, Василій *Петровскій*, Пирятинской, Михаилъ *Чефрановъ*, Стародубской: Александръ *Грассевичъ* и Василій *Стерновъ*, Велижской: Василій *Третьяковъ* и Михаилъ *Энде*, Виленскихъ: Императора Александра I Благословеннаго: Виталій *Беневоленскій* и Алексѣй *Моисеевъ* и второй, Михаилъ *Николаевъ*, Витебской, Императора Александра I Благословеннаго, Николай *Рославскій*, Могилевской, Императора Александра I Благословеннаго: Александръ *Локоть* и Александръ *Саратовскій*, Варшавской второй, Петръ *Доманскій*, Лодзинской, Эдуардъ-Эмиль *Леховскій*, Аренсбургской Алексѣевской, Василій *Кліентовъ*, Ревельскихъ: Александровской, Иванъ *Столейковъ* и Императора Николая I, Викторъ *Шевалье*, Рижскихъ: Александровской, Капитонъ

Васильковъ, Императора Николая I: Иванъ *Дюковъ*, Петръ *Макридинъ* и Дмитрій *Переплетчиковъ*, Юрьевской Императора Александра I Благословеннаго, Леонтій *Абаза*, Курганской, Михаилъ *Сажинъ*, Омской второй, Сергѣй *Дудкинъ*, Томской первой, Иннокентій *Смирновъ*, Иркутской, Василій *Жуковскій*, Благовѣщенской, Александръ *Сулоцкій* и Ташкентской, Даніилъ *Граменицкій* и женскихъ: Вологодской Маріинской, Леонидъ *Гаммеръ*, Петроградскихъ частныхъ: Нехорошевой, Николай *Осиновскій*, Шуйской, Иванъ *Михайловъ*, Выборгской, Михаилъ *Осмоловскій*, Варнавинской имени князя А. П. Трубецкого Дмитрій *Каллистовъ*, Владимірской земской, Николай *Морякинъ*, Дорогобужской, Петръ *Сергіевскій*, Костромской Григоровской, Николай *Третьяковъ*, Московской частной, Румянцевой, Алексѣй *Хмѣлевъ*, Орловской частной, Аблецовой и Байковской, Александръ *Миловзоровъ*, Павловской, Московской губерніи, Борисъ *Липкинъ*, Подольской, Сергѣй *Макарищевъ*, Царицынской Маріинской первой, Александръ *Преображенскій*, Харьковской частной, учрежденной Жолниренко, Павелъ *Туторскій*, Бердянской городской, Викторъ *Юрса*, Екатеринославской, учрежденной Петровой, Михаилъ *Понизовскій*, Измаильской, Викторъ *Адлеръ*, Оргѣевской, Василій *Махо*, Одесской, учрежденной Александровой, Петръ *Налисъ*, Винницкой второй, Михаилъ *Кашинскій*, Кіевскихъ частныхъ: Жеребцовой, Александръ *Щербаковъ*, Евсѣевой, Петръ *Езерскій* и Конопацкой, Георгій *Чирковъ*, Новоградволынской частной, Жуковской, Иванъ *Павловскій*, Полтавской частной Павелко, Георгій *Дуброва*, Ровенской, Николай *Никитинъ*, Гомельской, Вячеславъ *Ангельскій*, Волковыской, Сергѣй *Никольскій*, Варшавскихъ частныхъ: Ганцволь, Евгеній *Кондрацкій*, Гильбертъ, Анатолій *Пороховъ* и Калихевичъ, Тимоѳей *Горскій*, Ловичской, Николай *Звѣревъ*, Люблинской, Григорій *Андріевскій*, Сѣдлецкой, Назарій *Букатевичъ*, Рижской, Тайловой, Сергѣй *Петропавловскій*, Томской Маріинской, Николай *Смолинъ* и Владивостокской первой, Іосифъ *Черненкій*, реальныхъ училищъ: Гатчинскаго, Имени Императора Александра III: Викторъ *Вржесневскій*, Николай *Ершихинъ* и Сергѣй *Мясоѣдовъ*, Кирилловскаго, Василій *Сысоевъ*, Кронштадтскаго, Иванъ *Орѣшинъ*, Новгородскаго, Всеволодъ *Троицкій*, Островскаго, Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича: Николай *Ледеръ* и Николай *Семеновъ*, Петроградскаго, Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, содержимаго

единовѣрческимъ братствомъ при Никольской церкви, Викторъ *Іогансенъ*, Торопецкаго, Михаилъ *Вадковскій*, Царскосельскаго, Императора Николая II, Валеріанъ *Кардашевскій*, Череповецкаго, Амедей *Друэнъ*, Ефремовскаго, Константинъ *Чернявскій*, Зарайскаго, Николай *Рождественскій*, Иваново-Вознесенскаго, Владиміръ *Михайловъ*, Калужскаго, Владиміръ *Ясклевскій*, Московскихъ: при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила, Павелъ *Симагинъ* и частнаго, Ляшука, Владиміръ *Никитинъ*, Нижегородскихъ: Владимірскаго, Алексѣй *Гурьевъ* и частнаго, Милова, Генрихъ *Николэ*, Осташковскаго, Николай *Головъ*, Подольскаго городского, Николай *Дивѣевъ-Грачевъ*, Скопинскаго, Іосифъ *Власенко*, Тверского общественнаго, Алексѣй *Чекалинъ*, Ярославскаго, Алексѣй *Ждановъ*, Астраханскаго, Петръ *Пономаревъ*, Бугульминскаго, Владиміръ *Канаевъ*, Бузулукскаго, Василій *Николаевъ*, Вятскаго-Александровскаго: Матвѣй *Колесниковъ* и Василій *Красковъ*, Саратовскаго перваго, Борисъ *Салищевъ*, Сызранскаго, Николай *Рождественскій*, Царицынскаго: Борисъ *Богославскій*, Петръ *Курлинъ* и Всеволодъ *Соколовъ*, Оренбургскаго, Александръ *Токмаковъ*, Уфимскаго, Александръ *Ревель-Мурозъ*, Шадринскаго, Александръ *Полницкій*, Урюпинскаго: Павелъ *Маляревскій* и Владиміръ *Свѣтозаровъ*, Курскаго, имени князя Голенищева-Кутузова, Василій *Клименковъ*, Славянскаго, Василіанъ *Кисилевскій*, Суджанскаго Николаевскаго, Гербертъ *Гротъ*, Бахмутскаго земскаго: Самуилъ *Джигитъ* и Анатолій *Розановъ*, Екатеринославскаго второго, Александръ *Канонученко-Чоповскій*, Кишиневскаго, Аркадій *Осмоловскій*, Маріупольскаго, учрежденнаго Гіацинтовымъ: Григорій *Ивановъ* и Александръ *Крисковичъ*, Мелитопольскаго, Василій *Глазковъ*, Николаевскаго, Николай *Холопцевъ*, Одесскаго: сверхштатный, Георгій *Потапенко*, общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ Одессы, Иванъ *Малининъ* и св. Павла въ Одессѣ, Викторъ *Шалярдъ*, Кременчугскаго Александровскаго, Петръ *Кравчукъ*, Хорольскаго, Сергѣй *Скобцовъ*, Рогачевскаго, Ѳеодоръ *Околковскій*, Слонимскаго, Дмитрій *Свитчевъ*, Черниговскаго, Веніаминъ *Парадіевъ*, Юрьевскаго, Николай *Модестовъ*, Ново-Николаевскаго, Имени Дома Романовыхъ, Петръ *Чекашевъ*, Верхнеудинскаго, Алексѣй *Романовскій*, Благовѣщенскаго: Владиміръ *Пановъ* и Автономъ *Свищевъ*, Николаевскаго на Амурѣ: Георгій *Бѣлащенко* и Алексѣй *Дѣловъ* и Хабаровскаго: Иванъ *Лопатинъ*, Яковъ *Пушкаревъ* и Валентинъ *Сурминскій*, Петроградскихъ гимназій и реальныхъ училищъ: доктора Видемана: Анатолій *Поповъ* и Викторъ *Радзіевскій*, Штемберга, Михаилъ *Гавриловъ* и Юргенсона, Иванъ *Пташицкій*, училищъ

Брянскаго средняго семиклассafго техническаго, Иванъ *Бѣлинскій* и средняго строительно-техническаго училища, учрежденнаго инженеромъ М. К. Пріоровымъ въ Москвѣ: Иванъ *Богдановъ*, Θедоръ *Калліаниди* и Сергѣй *Крестовниковъ*, Московскаго промышленнаго въ память 25-лѣтія царетвованія Императора Александра II, Романъ *Лариковъ* и Воронежскаго средняго техническаго, Императора Петра Великаго, Θедоръ *Дорошевскій*, учительскихъ институтовъ: Московскаго, сверхштатный, Борисъ *Соколовъ*, Нижегородскаго, Θедоръ *Афонскій*, Тульскаго, Алексѣй *Чистяковъ*, Винницкаго, Поліевктъ *Гришковъ*, Воронежскаго, Константинъ *Марковъ*, Новочеркасскаго, Александръ *Звѣревъ*, Екатеринославскаго: Петръ *Галищукъ* и Константинъ *Домничъ*, Могилевскаго, Михаилъ *Рудневъ* и Юрьевскаго, Владиміръ *Сорокинъ*, учительскихъ семинарій: Алферовской, Петръ *Пѣтуховъ*, Новобугской, Василій *Вьюковъ* и Рогачевской, Константинъ *Зюбко* и Казанской татарской учительской школы, Михаилъ *Васильевъ*; врачъ Елецкой гимназіи Тимоθей *Андреевъ*; наставники учительскихъ семинарій: Алферовской, Владиміръ *Пятницкій*, Карачевской, Василій *Красовитовъ*, Псковской, Константинъ *Вельминъ*, Благовѣщенской, Иванъ *Поповъ*, Оренбургской, Александръ *Каллистовъ*, Новобугской, Семенъ *Кружановъ*, Житомірской, Владиміръ *Правдолюбовъ*, Суражской, Иванъ *Марченко*, Черкасской, Яковъ *Базилевичъ*, Полоцкой Кульневской, Иванъ *Митрошенко*, Волчанской, Константинъ *Капустинъ*, Усть-Медвѣдицкой: Ефремъ *Слѣпцовъ* и Константинъ *Снѣжковъ*, Вольмарской, Александръ *Никольскій* и Благовѣщенской: Михаилъ *Конопкинъ* и Василій *Петровъ* и Никольскъ-Уссурійской женской, Николай *Ефановъ*; воспитатели: пансіоновъ: гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, Николай *Горностаевъ*, гимназій: Псковской, Императора Александра I Благословеннаго, Александръ *Гладкій*, Оренбургской первой, Николай *Чесноковъ*, Одесской Ришельевской, Леонтій *Ушаковъ*, Полтавской, Императора Александра I Благословеннаго, Иванъ *Побѣдоносцевъ* и Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта Московскаго дворянства, Григорій *Емельяновъ*; завѣдывающіе (инспекторы) высшими начальными училищами: Гайсинскимъ, Стефанъ *Скотынюкъ* и Погарскимъ, Василій *Чухрій*; учителя-инспекторы: Ташкентскаго ремесленнаго училища, Николай *Зиминъ* и школъ ремесленныхъ учениковъ: Муромской, Сергѣй *Вѣтровъ* и Балашовской, Саратовской губерніи, Иванъ *Тифловъ*; учитель Ставропольской учительской семинаріи Дмитрій *Мищенко*; руководитель слесарнаго ремесла и преподаватель Варшавскаго ре-

месленнаго училища имени Михаила Конарскаго Сергѣй *Матвѣевъ;* завѣдывающіе низшими ремесленными школами: Старо-Буянской, Самарской губерніи, Иванъ *Слесаревъ*, Кадомской, Аркадій *Бенардаки* и Рождественско-Хавскою, Василій *Ивановъ;* помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Сычевской, Василій *Лотовъ*, Кіевской четвертой, Антонъ *Семилѣтъ*, Уманской, Владиміръ *Саббатовскій,* Прагской, сверхштатный, Александръ *Нарушенцевъ*, онъ же Ярушенцевъ, и реальныхъ училищъ: Кинешемскаго, имени И. А. Коновалова, Сергѣй *Горскій* и Ярославскаго, сверхштатный, Петръ *Петровъ*; учителя: высшихъ начальныхъ училищъ: Новосильскаго, Николай *Злыгоревъ*, Камышинскаго, Аркадій *Ивановъ*, Новозыбковскаго, Авксентій *Михайлецъ*, Волчанскаго, Леонтій *Шиповъ*, Сумскаго, Михаилъ *Костоглодовъ*, Валкскаго: Фолрадъ *Миккельсаръ* и Илья *Соломоновъ*, Маріенбургскаго, Янъ *Заринъ*, Благодарненскаго, Александръ *Володинъ* и Николаевскаго на Амурѣ, Ѳедоръ *Фирсовъ*, городскихъ училищъ при учительскихъ институтахъ: Воронежскомъ, Яковъ *Пановъ* и Витебскомъ, Павелъ *Латышкевичъ* и приготовительныхъ классовъ: гимназій: частной Перова въ Тулѣ, Александръ *Борисоглѣбскій*, Бѣлоцерковской, Константинъ *Банновъ* и Ташкентской, Георгій *Воронкевичъ*.

Удостаиваются награжденія: *подаркомъ съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени:* статскіе совѣтники: инспекторъ Петроградской третьей гимназіи Владиміръ *Клембровскій*; исполняющій обязанности инспектора Витебской Императора Александра I Благословеннаго гимназіи Алексѣй *Глѣбовъ;* учителя гимназій: Одесской четвертой, Александръ *Брандтъ* и Рижской Александровской, Леонидъ *Окновъ* и заслуженный преподаватель Иркутскаго промышленнаго училища Михаилъ *Суликовскій*.

Подаркомъ по чину—дѣлопроизводитель, VII класса, департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Александръ *Бѣликовъ*.

Зачитается: въ дѣйствительную государственную службу время вольнонаемныхъ занятій губернскимъ секретарямъ: старшему помощнику библіотекаря Императорской публичной библіотеки Андрею *Колтоновскому*—въ той же библіотекѣ, съ 8-го января 1904 г. по 30-е сентября 1906 г.; столоначальнику канцеляріи попечителя Петроградскаго учебнаго округа Михаилу *Максимовичу*—въ Императорскомъ Петроградскомъ институтѣ экспериментальной медицины, съ 9-го октября 1900 г. по 15-е декабря 1901 г. и въ канцеляріи попечителя Петроградскаго учебнаго округа, съ 1-го сентября 1907 г. по 25-е іюня 1909 г. и канцелярскому чиновнику управленія пенсіонной кассы

народныхъ учителей и учительницъ Александру *Петрову*—въ канцеляріи главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ, съ 10-го октября 1903 г. по 1-е сентября 1906 г. и въ переселенческомъ управленіи, съ 20-го апрѣля по 1-е іюня 1908 г.; коллежскимъ регистраторамъ: помощнику столоначальника канцеляріи попечителя Петроградскаго учебнаго округа Адольфу *Станкевичу*—въ управленіи службы подвижного состава и тяги Южныхъ желѣзныхъ дорогъ, съ 1-го мая 1903 г. по 1-е мая 1906 г. и канцелярскому чиновнику управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ Сергѣю *Позднякову* — въ управленіи Сѣверо-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, съ 1-го декабря 1899 г. по 1-е декабря 1902 г.; неимѣющимъ чина: лаборанту минералогическаго отдѣленія геологическаго и минералогическаго музея Имени Императора Петра Великаго Императорской Академіи Наукъ Константину *Ненадкевичу*—въ геологическомъ и минералогическомъ музеѣ той же Академіи, съ 1-го февраля 1909 г. по 1-е февраля 1912 г.; помощнику секретаря совѣта Императорскаго Московскаго университета Николаю *Акимову*—при томъ же университетѣ, съ 12-го декабря 1908 и по 12-е декабря 1911 г. и канцелярскимъ служителямъ департаментовъ: народнаго просвѣщенія, Ивану *Сироткину*—въ томъ же департаментѣ, съ 1-го января 1905 по 1-е января 1908 г. и общихъ дѣлъ, Ивану *Гудкову*—въ томъ же департаментѣ, съ 1-го января 1904 по 1-е января 1907 г.; на чинопроизводство, члену - соревнователю попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, гражданскому инженеру, коллежскому секретарю Василію *Ротгольцу*—время состоянія причисленнымъ къ министерству, съ 17-го іюня 1912 по 17-е іюня 1915 года.

По намѣстничеству Его Императорскаго Величества на Кавказѣ. *Производятся* за отличіе, изъ статскихъ въ *дѣйствительные статскіе совѣтники*: директоры: Анапской мужской гимназіи, Степанъ *Антоновъ* и народныхъ училищъ Эриванской губерніи, Владиміръ *Васильевъ*.

Награждаются: орденами: *св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени*: директоръ народныхъ училищъ Кубанской области, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ *Поночовный*; статскіе совѣтники: директоры: мужскихъ гимназій: Романовской, Сергѣй *Цатуровъ*, Бакинской 1-й Императора Александра III, Владиміръ *Покровскій*, Кутаисской, Николай *Горбуновъ* и Лабинской Сергіевской, Петръ *Павловъ*; инспекторъ Ейской мужской прогимназіи Михаилъ *Харламовъ*; предсѣдатель педагогическаго совѣта Екатерининской городской въ городѣ Екатеринодарѣ женской гимназіи Николай *Калаш-*

никовъ; учителя мужскихъ гимназій: Петровской, Дагестанской области, Николай *Сидоровъ*, Владикавказской, Титъ *Кахидзе*, и Екатеринодарской имени В. С. Климова, Иванъ *Вейбертъ* и воспитатель пансіона Темиръ-Харъ-Шуринскаго реальнаго училища Константинъ *Михайловскій*; учитель приготовительнаго класса Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ Николай *Тарасевичъ*; директоръ Бакинскаго Алексѣевскаго средняго механико-строительнаго техническаго училища, поручикъ запаса Дмитрій *Бряновъ*.

Св. Анны 2-й степени: статскіе совѣтники: директоръ Владикавказскаго учительскаго института Владиміръ *Румянцевъ*; инспекторъ Эриванской женской св. Рипсиміи гимназіи Евстафій *Лійцитъ* и учителя: Владикавказскаго 1-го реальнаго училища Николай *Виддиновъ*, гимназій: мужскихъ: Тифлисскихъ: 6-й, Михаилъ *Стасъ* и 4-й, Алексѣй *Валлингъ*, Владикавказской, Александръ *Лебедевъ* и Тифлисской 3-й женской, Николай *Гаусманъ*; коллежскіе совѣтники: директоръ Кабардино-Горскаго Императора Александра III реальнаго училища Николай *Говырннъ* и учитель рисованія Тифлисскаго имени графа И. И. Воронцова-Дашкова реальнаго училища Сергѣй *Украинцевъ*; надворные совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Кутаисской губерніи Степанъ *Гагуа* и учитель приготовительнаго класса Бакинскаго реальнаго училища Минай *Поповъ*; почетный попечитель Екатеринодарской мужской гимназіи имени В. С. Климова, неимѣющій чина Степанъ *Невзоровъ*.

Св. Анны 3-й степени: статскіе совѣтники, учителя: Тифлисскихъ женскихъ гимназій: 1-й Великой Княгини Ольги Θеодоровны, Николай *Соколовъ* и 3-й, Иванъ *Пальмовъ* и Грозненскаго реальнаго училища, Сергѣй *Толкачевъ*; коллежскіе совѣтники: исполняющій обязанности инспектора Горійской мужской гимназіи Владиміръ *Камарашевъ*; предсѣдатель педагогическаго совѣта Екатеринодарской 2-й женской гимназіи Николай *Ждань-Пушкинъ*; учителя: мужскихъ гимназій: Тифлисской 6-й, Павелъ *Θедорченко*; Петровской, Дагестанской области, Илья *Данелія*, Владикавказской, Константинъ *Григорьянцъ* и Екатеринодарской имени В. С. Климова, Александръ *Маринъ* и реальныхъ училищъ: Тифлисскаго имени графа И. И. Воронцова-Дашкова, Василій *Пархомовичъ*, Владикавказскаго 1-го, Николай *Нигровскій*, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, Иванъ *Кожановъ* и Кутаисскаго, Василій *Кротковъ*; воспитатель пансіона Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища Николай *Дрожджинскій* и врачъ Владикавказской Ольгинской женской гимназіи Ной *Гасумянцъ*; надворные совѣтники: инспекторы: Майкопскаго Императора Александра III низшаго меха-

нико-техническаго училища Альбинъ *Роговскій*, народныхъ училищъ: Кубанской области: Левъ *Мальцевъ* и Георгій *Меденикъ* и Бакинской губерніи, Евграфъ *Розинъ*, Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища, Николай *Либерманъ* и мужскихъ гимназій, исполняющіе обязанности: Новороссійской, Александръ *Смирновъ* и Анапской, Иванъ *Кавтарадзе*; завѣдывающій Цагерскимъ высшимъ начальнымъ училищемъ Тимоѳей *Джгушія*; учителя: мужскихъ гимназій: Бакинской 1-й Императора Александра III, Иванъ *Абрамовичъ*, реальныхъ училищъ: Грозненскаго, Андрей *Щуцкій*, Владикавказскаго 1-го, Карлъ *Кельпинъ*, женскихъ гимназій: Тифлисской 2-й Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, Николай *Акинфіевъ* и Батумской, Сергѣй *Кассимовъ*, приготовительныхъ классовъ: мужскихъ гимназій: Бакинской 1-й Императора Александра III, Константинъ *Аваліани*, Кутаисской, Илья *Амаглобели* и Бакинской 3-й, Тимоѳей *Лежневъ* и реальныхъ училищъ: Тифлисскаго имени графа И. И. Воронцова-Дашкова, Александръ *Нацваловъ*, Шушинскаго, Иванъ *Рамбиди*, Карсскаго, Илья *Алихановъ* и Владикавказскаго 2-го, Павелъ *Крешковъ*; исправляющій должность воспитателя пансіона Владикавказскаго 1-го реальнаго училища Николай *Шмидтъ*, помощники классныхъ наставниковъ: мужскихъ гимназій: Пятигорской, Александръ *Шерстюковъ*, Ейской, Иванъ *Дармастукъ* и Бакинской 1-й Императора Александра III, Григорій *Кваліевъ*; помощники воспитателей пансіона Владикавказскаго 1-го реальнаго училища: Петръ *Балталонъ* и Александръ *Дмитріевъ* и учителя высшихъ начальныхъ училищъ: Владикавказскаго Николаевскаго, Степанъ *Ткачевъ* и Тифлисскаго 2-го желѣзнодорожнаго, Михаилъ *Кашинцынъ*; коллежскіе ассессоры, учителя: мужскихъ гимназій: Эриванской, Дмитрій *Бунинъ* и Бакинской 3-й, Леонидъ *Вохминъ* и сверхштатный, Бакинскаго Алексѣевскаго средняго механико-строительнаго техническаго училища, Аршакъ *Теръ-Татевосовъ* и приготовительныхъ классовъ: Тифлисской 4-й мужской гимназіи, Георгій *Матешвили* и Грозненскаго реальнаго училища, Николай *Сыроваткинъ* и Бакинскаго Михайловскаго 2-го высшаго начальнаго училища, Михаилъ *Исаевъ*; титулярные совѣтники: завѣдывающій Воздвиженскимъ высшимъ начальнымъ училищемъ Евфимій *Ножевскій*; письмоводитель, онъ же смотритель, Тифлисской физической обсерваторіи Эдмундъ *Липинскій*; смотритель Горійскаго приходскаго начальнаго училища Моисей *Бабаловъ*; учитель Сигнахскаго высшаго начальнаго училища Веніаминъ *Миріановъ*; канцелярскій чиновникъ канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа Ни-

колай *Коржуковъ* и письмоводитель-бухгалтеръ Майкопскаго низшаго механико-техническаго Императора Александра III училища Өедоръ *Кугатовъ*; учитель Владикавказскаго 2-го реальнаго училища, коллежскій секретарь Андрей *Егоркинъ*; губернскіе секретари: учитель приготовительнаго класса Эриванской мужской гимназіи Николай *Джемарджидзе*; исправляющій должность учителя Карсскаго высшаго начальнаго училища Александръ *Джикаевъ* и смотритель Багманлярскаго русско-татарскаго училища Гасанъ-бекъ *Багировъ*; коллежскіе регистраторы: учитель приготовительнаго класса Владикавказской мужской гимназіи Владиміръ *Фингерманъ* и помощникъ воспитателя пансіона Бакинскаго реальнаго училища Абдулла-бекъ-*Абашидзе*; неимѣющіе чина: инспекторы: Бакинскаго Алексѣевскаго средняго механико-строительнаго техническаго училища, инженеръ-технологъ Дмитрій *Сахновскій* и Кабардиногорскаго Императора Александра III реальнаго училища, Евгеній *Архиповъ* и учитель Тифлисской 3-й мужской гимназіи Николай *Тавдгиридзе*.

Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники: исполняющіе обязанности инспектора: Владикавказской мужской гимназіи, Иванъ *Круповѣсъ* и Дербентскаго реальнаго училища, Владиміръ *Россиковъ*; учителя: мужскихъ гимназій: Тифлисской 2-й Великаго Князя Михаила Николаевича, Михаилъ *Дмитріевъ* и Владикавказской: Василій *Бесѣдинъ* и Александръ *Андреевъ*, Бакинскаго Алексѣевскаго средняго механико-строительнаго техническаго училища, Евгеній *Скибинскій*, реальныхъ училищъ: Георгіевскаго, Владиміръ *Цвѣтницкій* и Владикавказскаго 1-го: Николай *Градовскій* и Василій *Горячкинъ* и Тифлисской 1-й женской Великой Княгини Ольги Өеодоровны гимназіи, Николай *Ильинскій*; предсѣдатель педагогическаго совѣта Тифлисской 4-й женской гимназіи Михаилъ *Коніевъ* и врачъ Георгіевской женской гимназіи Илья *Гюбертъ*; коллежскіе совѣтники: директоры мужскихъ гимназій: Батумской Великаго Князя Михаила Николаевича, Петръ *Зачиняевъ* и Ленкоранской, Иванъ *Медвѣдковъ*; инспекторы: Тифлисской мужской гимназіи, Императора Александра I Благословеннаго, Юлій *Лясоцкій*, Ессентукской мужской прогимназіи, Александръ *Ляшенко*, Владикавказскаго 2-го реальнаго училища, исполняющій обязанности, Николай *Абрамовъ* и народныхъ училищъ Кубанской области, Антонъ *Тетеревятниковъ*; предсѣдатель педагогическаго совѣта Славянской женской гимназіи Константинъ *Михайловъ*; врачи: Тифлисской 1-й женской Великой Княгини Ольги Өеодоровны гимназіи, Іосифъ *Островскій* и Бакинскаго реальнаго училища, Бен-

ціанъ-Вольфъ-Владиміръ *Вейншаль*; учителя: Тифлисской 3-й мужской гимназіи, Василій *Беръ* и Владикавказскаго 1-го реальнаго училища, Леонидъ *Калишевъ* и вѣроучитель суннитскаго исповѣданія Закавказской учительской семинаріи Рашедъ-бекъ *Эфендіевъ*; надворные совѣтники: инспекторъ Новолеушковской мужской прогимназіи Николай *Павловъ*; завѣдывающіе: Шемахинскимъ высшимъ начальнымъ училищемъ, Артемій *Доліевъ* и Екатеринодарскою низшею ремесленною школою, Демьянъ *Савинъ*; учителя: приготовительнаго класса Елисаветпольской мужской гимназіи, Степанъ *Мелкумовъ* и Эриванской учительской семинаріи, Симеонъ *Касрадзе*, и помощникъ классныхъ наставниковъ Елисаветпольской мужской гимназіи Николай *Бежановъ*; коллежскіе ассессоры: предсѣдатель педагогическаго совѣта Потійской женской гимназіи Николай *Каиповъ* и учитель приготовительнаго класса Тифлисской Императора Александра I Благословеннаго мужской гимназіи Семенъ *Гогличидзе*; директоръ Михайловской на станціи Михайлово мужской гимназіи, неимѣющій чина Александръ *Мдивани*.

Св. Станислава 3-й степени: надворные совѣтники: учителя: мужскихъ гимназій: Тифлисской 3-й, Борисъ *Шебусвъ*, Бакинской 2-й, Евсевій *Чихладзе*, Кисловодской, Аполлонъ *Ростенхо*, Новороссійской, Павелъ *Вартминскій*, Горійской, Іосифъ *Кумсіевъ*, реальныхъ училищъ: Ейскаго, Викторъ *Зѣкрачъ*, Шушинскаго: Михаилъ *Чавчіанидзе* и Николай *Васильевъ*, Владикавказскаго 2-го, Сергѣй *Кудрявцевъ* и Шемахинскаго, Николай *Моисеевъ*, Тифлисской 1-й Великой Княгини Ольги Θеодоровны женской гимназіи, Левъ *Бекъ*, приготовительнаго класса мужскихъ гимназій: Екатеринодарской 2-й, Сергѣй *Говоровъ* и Новороссійской, Иванъ *Янченко*, высшихъ начальныхъ училищъ: Моздокскаго, Валеріанъ *Бугуловъ*, Тифлисскаго 1-го, Александръ *Потемковскій* и Тифлисскаго 2-го желѣзнодорожнаго, Вартанъ *Гевенянцъ*; учитель-наставникъ Терской учительской семинаріи Петръ *Неймейеръ* и врачъ Эриванской учительской семинаріи Иванъ *Теръ-Микаелянцъ*; коллежскіе ассессоры: завѣдывающій Закатальскимъ высшимъ начальнымъ училищемъ Сергѣй *Гриневичъ*; учителя: мужскихъ гимназій: Тифлисскихъ: Императора Александра I Благословеннаго, Владиміръ *Письменный* и 4-й, Павелъ *Панченко*, Пашковской мужской прогимназіи, Иванъ *Шлычковъ*, высшихъ начальныхъ училищъ: 2-го Новороссійскаго Имени Императора Александра III, Дмитрій *Годлевскій*, онъ же Годило-Годлевскій, Шушинскаго, Дмитрій *Патрушевъ*, Грозненскаго, Григорій *Губановъ*, Владикавказскаго 2-го, Θедоръ *Куга-*

товъ и Пятигорскаго: Алексѣй *Мѣдяникъ* и Степанъ *Урусовъ* и помощники классныхъ наставниковъ: Бакинской 1-й Императора Александра III мужской гимназіи, Романъ *Шаповаловъ* и Карсскаго реальнаго училища, Трофимій *Каплей*; титулярные совѣтники: завѣдывающіе: Келермесскимъ высшимъ начальнымъ училищемъ Емельянъ *Ночевный* и Брюховецкою низшею ремесленною школою, Мартынъ *Фенъ*; учителя: высшихъ начальныхъ училищъ: Тифлисскихъ: 1-го, Григорій *Микиртумовъ* и 3-го, Георгій *Купрашвили* и Эриванской учительской семинаріи: Дмитрій *Савлучинскій*, Рубенъ *Оганджановъ* и Джабаръ *Мамедовъ*; учитель-техникъ Ейской школы ремесленныхъ учениковъ Александръ *Надѣинъ* и помощники классныхъ наставниковъ: Лабинской Сергіевской мужской гимназіи, Михаилъ *Токаревъ* и сверхштатный, Карсскаго реальнаго училища, Артемій *Таслахчевъ*; коллежскіе секретари: учителя: Ейской Ксеніинской женской гимназіи, Владиміръ *Богусъ*, высшихъ начальныхъ училищъ: Елисаветпольскаго, Джавадъ-бекъ *Джаварлинскій* и Кутаисскаго 1-го, Михаилъ *Шарашидзе*; завѣдывающій магнитнымъ отдѣленіемъ Тифлисской физической обсерваторіи въ урочищѣ Карсани Михаилъ *Ситновъ* и помощники классныхъ наставниковъ: мужскихъ гимназій: Горійской, Георгій *Саларидзе* и Екатеринодарской имени В. С. Климова, сверхштатный, Петръ *Лянной*; дѣлопроизводитель канцеляріи директора народныхъ училищъ Бакинской губерніи и Дагестанской области, губернскій секретарь Ѳаддей *Ткачукъ*; коллежскіе регистраторы: дѣлопроизводитель канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа Павелъ *Калашниковъ*; смотрители нормальныхъ училищъ: Джебраильскаго, Тадеосъ *Теръ-Григорьевъ*, Ардаганскаго, Ксенофонтъ *Андріановъ* и учителя: высшихъ начальныхъ училищъ: Карсскаго, исправляющій должность, Серафимъ *Милиди*, Екатеринодарскаго 2-го Алексѣевскаго, Карпъ *Варламовъ* и Павловскаго, Ксенофонтъ *Дьяченко*; нормальныхъ училищъ: Елисаветпольскаго желѣзнодорожнаго, Багратъ *Жужунадзе* и Герюсинскаго, Сергѣй *Мусасловъ*; почетный попечитель Константиновскаго высшаго начальнаго училища Михаилъ *Степановскій*; помощникъ классныхъ наставниковъ Ессентукской мужской прогимназіи Борисъ *Валаевъ*; письмоводитель Горійской мужской гимназіи Михаилъ *Рязиковъ* и письмоводитель-бухгалтеръ Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища Николай *Воюцъ*; неимѣющіе чина: почетные попечители: Бакинской 2-й мужской гимназіи, Степанъ *Рыльскій* и Сочинскаго высшаго начальнаго училища, Николай *Костаревъ*; исправляющій должность физика Тифлисской обсерва-

торіи, инженеръ-химикъ Николай *Смольниковъ*; учителя: мужскихъ гимназій: Тифлисской Императора Александра I Благословеннаго, Александръ *Войнюшъ*, Лабинской-Сергіевской, Владиміръ *Кустыновичъ*, Екатеринодарскихъ: 2-й, Петръ *Колотинскій*, имени В. С. Климова, Борисъ *Пятницкій*, Ленкоранской, Василій *Пережегинъ*, Бакинской 2-й, Алексѣй *Роговъ* и Армавирской, Константинъ *Иваникъ*, Хонской мужской прогимназіи, Ираклій *Берзеновъ*, реальныхъ училищъ: Тифлисскаго имени графа И. И. Воронцова-Дашкова, Петръ *Мурзинъ*, Ейскаго: Маркъ *Бояновичъ* и Богумилъ *Мужикъ*, Кубанскаго Александровскаго: Семенъ *Назаровъ* и Николай *Чмутовъ*, Кутаисскаго, Николай *Передерей*, Екатеринодарскаго 2-го: Павелъ *Дмитревскій*, Меѳодій *Ивановъ* и Левъ *Мѣщанюкъ*, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго: Александръ *Девидзе* и Евгеній *Котелевицъ*, Владикавказскаго 2-го, Леонидъ *Колесниковъ*, Георгіевскаго, Михаилъ *Прокофьевъ* и Дербентскаго, Василій *Яновскій*, женскихъ гимназій: предсѣдатель педагогическаго совѣта Баталпашинской женской гимназіи, Георгій *Кесаевъ*, Тифлисскихъ: 1-й Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, Людовикъ *Ставинскій* и 3-й, Семенъ *Гзеліевъ*, Владикавказской Ольгинской, Владиміръ *Карповъ*, Ейской Ксеніинской, Михаилъ *Евдокимовъ* и Бакинскаго Алексѣевскаго средняго механико-строительнаго техническаго училища: Леандеръ *Бржостовскій* и Николай *Гейбовичъ*; помощники классныхъ наставниковъ: мужскихъ гимназій: Петровской Дагестанской, Василій *Кривошеевъ* и Армавирской, Левонъ *Айрапетянцъ*, реальныхъ училищъ: Бакинскаго, Еремѣй *Холостовъ* и Екатеринодарскаго 2-го, Борисъ *Разумовскій* и высшихъ начальныхъ училищъ: Бакинскаго Михайловскаго 2-го, Георгій *Крангачевъ*, Ленкоранскаго, Петръ *Мальчевскій* и Марьинскаго: Николай *Борисенко* и Семенъ *Чекуровъ* и смотрители училищъ: Гамборскаго нормальнаго, Азарій *Гашибоязовъ* и Квемочальскаго приходскаго, Григорій *Бабаловъ*.

Зачитается въ дѣйствительную государственную службу учителю Карсской женской гимназіи, неимѣющему чина Александру *Баласанову*—время вольнонаемныхъ занятій въ названной гимназіи съ 1-го октября 1909 по 1-е октября 1912 года.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею ходатайства министра народнаго просвѣщенія о награжденіи пожизненнаго почетнаго попечителя Костромскихъ промышленныхъ училищъ имени Ѳ. В. Чижова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Саввы *Ма-*

монтова, Всемилостивѣйше соизволилъ на объявленіе названному лицу, къ 1-му января 1916 г., *Высочайшей благодарности* за пожертвованія на нужды помянутыхъ училищъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею ходатайства министра народнаго просвѣщенія о награжденіи за отлично-усердную службу и особые труды почетнаго попечителя Петроградской третьей гимназіи, коммерціи совѣтника Василія *Лебедева,* Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему, къ 1-му января 1916 г., *чинъ надворнаго совѣтника,* въ порядкѣ ст. 292 уст. служб. прав., т. III, св. зак., изд. 1896 г.

Производится, за отличіе, изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники,* почетный попечитель Петроградскаго учительскаго института Императора Александра II Григорій *Елисѣевъ.*

Награждается орденомъ св. Анны 3-й степени — дѣлопроизводитель, VIII класса, старшаго оклада, департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Николай *Богоявленскій.*

Медалями, съ надписью „за усердіе": для ношенія на груди: золотою, на Аннинской лентѣ: начальницы женскихъ гимназій: Моршанской, Анна *Сухотина,* Инсарской, Юлія *Казанская,* Воронежской, учрежденной Чернозубовой, Марія *Мерчанская,* Варнавинской, Антонина *Черногубова,* Касимовской, Анастасія *Федоровская,* Хвалынской, Марія фонъ-деръ *Роппъ,* Луцкой Коленко, Анна *Коленко,* Сергіево-посадской, Лидія *Богородская,* Тульской первой, Александра *Рамихъ,* Ростовской Маріинской, Анфуса *Введенская,* Нерехтской Маріинской, Александра *Богородская,* Одесскихъ: имени Видинской, содержимой Мельницкой, Вѣра *Мельницкая,* учрежденной Кандыба, Ольга *Кандыба,* учрежденной Бутовичъ, Нина *Бутовичъ,* учрежденной Горѣевой, Анна *Горѣева,* содержимой Висковатовой, Елена *Висковатова,* учрежденной Малиновской, Александра *Малиновская* и частныхъ: Ростовской на-Дону, учрежденной Любимовой, Софія *Любимова* и Рогачевской Анисимовой, Марія *Анисимова,* учительницы женскихъ гимназій: Одесской Маріинской, Ольга *Яцимирская,* Изюмской, Анна *Любицкая,* Румянцевой въ Москвѣ, Нина *Батюшкова,* Подольской: Зинаида *Куличевская* и Надежда *Вяземская,* Костромской Григоровской: Елизавета *Мичурина,* Лидія *Лермонтова* и Александра *Бѣликова,* Сызранской первой, Надежда *Дохтурова,* Смоленской второй, Наталія *Бѣл-*

ская, Кіевской Евсѣевой, Анна *Грищенко*, Варшавскихъ мужскихъ: третьей, Анна *Гюбщеская* и пятой, Вѣра *Блументаль*, женскихъ: Варшавской третьей, Маргарита *Мединъ*, Ставропольской Ольгинской, Зинаида *Шершавицкая* и Людмила *Горшкова* и Смоленской второй, Анна *Никитина*, Харьковской второй мужской, Марія *Арбекова*, женскихъ: Одесской второй городской, Софія *Марданова*, Уфимской второй, Александра *Васильева*, Екатеринославской, учрежденной Тибленъ, Елена *Кагадѣева*, Міасской, Романовскихъ, Лидія *Фидлеръ*, Смоленской второй, Эмилія *Мирзалисъ*, Тульской первой: Анастасія *Перцева* и Дарія *Трусова*, Кинешемской: Нина *Сурина* и Татьяна *Нацевичъ*, Нерехтской Маріинской: Марія *Трубникова* и Анна *Алексѣева*, Касимовской, Елизавета *Овсянникова*, Елабужской, Марія *Лихачева*, Великолуцкой, Марія *Лихтанская*, Устюжнской, Ольга *Орнатская*, Нарвской, Лидія *Николаева*, Черниговской „Группы родителей", Евгенія *Маслова*, Переславской: Екатерина *Знаменская* и Софія *Воронина*, Хабаровской: Варвара *Малышева* и Дарья *Круговская*, Владивостокской Алексѣевской, Елизавета *Державичъ*, Вытегорской Николаевской, Анна *Медвѣдева* и Харьковскихъ частныхъ: учрежденной Грегорцевичъ, Антонина *Рутковская* и учрежденной Левковецъ, Адель-Вильгельмина-Марія *Бергъ*; классныя надзирательницы и учительницы женскихъ гимназій: Владивостокской Алексѣевской, Екатерина *Встовская* и Марія *Кульчицкая* и Владивостокской первой: Елизавета *Семко* и Лидія фонъ-*Войтъ*; надзирательницы женскихъ гимназій: Нижегородской Маріинской, Софія *Шамонина*, Уманской имени княжны Суздальской, Ольга *Шеина*, Варшавской третьей: Еротіида *Судравская* и Анна *Каширина*, Харьковской частной, учрежденной Грегорцевичъ: Ольга *Пономарева* и Екатерина *Мосусова*, Ростовской Маріинской: Ольга *Ковалева*, Александра *Ковалева* и Любовь *Введенская*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Орловской Николаевской, княгиня Варвара *Долгорукова*, Егорьевской, Екатерина *Баневичъ*, Кинешемской, Софія *Хомутова*, Воронежской, учрежденной Нечаевой, Зинаида *Древингъ*, Чистопольской, Софія *Кацари*, Саратовской первой, Марія *Харизоменова*, Прилукской, Клавдія *Яцкевичъ*, Луцкой Коленко: Екатерина *Засмянко* и Вѣра *Романова*, Великолуцкой, Ольга *Лебединская* и Благовѣщенской Алексѣевской: Дарья *Кошельникова* и Вѣра *Щелкова*, начальница Зѣньковской женской прогимназіи Александра *Никотина*, учительницы Воронежской женской прогимназіи: Марія *Толвинская* и Елена *Скіада*, классная надзирательница той же прогимназіи, Марія *Аристова*, учительницы реальныхъ училищъ: Хаба-

ровскаго, Варвара *Стерлигова* и Петроградскаго третьяго, Наталія *Бѣлецкая*, начальницы: учительскихъ женскихъ семинарій: Рязанской, Анна *Наркович*ъ и Калужской, Ольга *Роппонетъ* и училищъ: Московскаго женскаго городского ремесленнаго имени Григорія Шелапутина, Надежда *Иванова* и Одесскаго городского патріотическаго дѣвичьяго Имени Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, Марія *Лазаревичъ*, учительницы Тульской женской учительской семинаріи: Надежда *Сѣверная* и Екатерина *Пантелѣева*, служащая по найму въ управленіи Варшавскаго учебнаго округа, дворянка Антонина *Гирля*, вольнонаемный писецъ канцеляріи Императорскаго Юрьевскаго университета, крестьянинъ Августъ *Терруке*, по центральному управленію министерства народнаго просвѣщенія: чертежницы строительнаго комитета: дворянки: Антонина *Колпакова* и Юлія *Савельева* и переписчицы на пишущихъ машинахъ: департамента народнаго просвѣщенія: дворянка Александра *Замятнина*, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Татіана *Михѣева*, дочь подполковника Лидія *Шошина*, дочь коллежскаго совѣтника Маріамна *Розенбергъ*, дочь надворнаго совѣтника Марія *Горбаченко*, дочь коллежскаго секретаря Татіана *Кондратьева*, дочь діакона Марія *Флерова* и потомственная почетная гражданка Ольга *Сячинтова* и общихъ дѣлъ: дворянка Еликонида *Стефаницъ*, жена статскаго совѣтника Эмилія *Устрялова*, вдова коллежскаго совѣтника Александра *Яковлева*, жена надворнаго совѣтника Марія *Петерсонъ* и потомственныя почетныя гражданки: Анастасія *Антонова* и Евгенія *Антонова*; отдѣла промышленныхъ училищъ: жена надворнаго совѣтника Глафира *Лавровская*, дочь статскаго совѣтника Ядвига *Скарга*, дочери коллежскихъ совѣтниковъ: Марія *Киль* и Наталія *Розенбергъ*, дочь коллежскаго ассессора Зинаида *Черненкая* и дочь священника Екатерина *Георгіевская*, занимающаяся письмоводствомъ при ученомъ секретарѣ Императорскаго Россійскаго историческаго музея Имени Императора Александра III, дворянка Маргарита *Краснушкина*, писецъ при канцеляріи Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, запасный писарь старшаго разряда Алексѣй *Барбитовъ*, служащая при канцеляріи Императорскаго Московскаго техническаго училища, дворянка Юлія *Домановская*, почетные блюстители училищъ: Полоцкаго еврейскаго начальнаго, Витебской губерніи, личный почетный гражданинъ Беніоминъ *Равлинъ*, приходскихъ: Балабинскаго перваго, Донского округа, купецъ второй гильдіи Михаилъ *Θоминъ*, Альсяпинскаго и Громковскаго, Донской области, казакъ Никодимъ *Комаровъ* и Але-

ксандровскаго одноклассгаго и Чертковскаго двухклассгаго перваго, Донской области, казакъ Викторъ *Зимовейскій*, Баймаклійскаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Измаильскаго уѣзда, житель гор. Рени Викторъ *Шерреръ* и двухклассныхъ: Прасковейскаго казеннаго, крестьянинъ Тимофей *Ярыгинъ* и министерства народнаго просвѣщенія: Сѣдельниковскаго сельскаго, Тарскаго уѣзда, крестьянинъ Михаилъ *Лоскутовъ* и Верхне-Бѣлоомутскаго мужского, Зарайскаго уѣзда, изъ крестьянъ Иванъ *Бѣликовъ*, попечители училищъ: Воскресенскаго земскаго, Богородскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Иванъ *Соловьевъ*, Таклымскаго сельскаго начальнаго, Тарскаго уѣзда, крестьянинъ Павелъ *Дудиковъ* и начальныхъ: Зарайскаго уѣзда: Бутьковскаго, изъ крестьянъ, Алексѣй *Аксеновъ* и Пѣнкинскаго и Новоселковскаго, сынъ чиновника Викторъ *Баліевъ*, Озерковскаго, Чухломскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Ефимовъ* и Выгоничскаго, Трубчевскаго уѣзда, крестьянинъ Семенъ *Пономаревъ*, пожизненный почетный членъ Императорскаго Московскаго археологическаго института Имени Императора Николая II, дочь штабъ-ротмистра Наталія *Рудакова*, почетныя блюстительницы училищъ: Маріинскаго двухклассгаго, Гдовскаго уѣзда, княгиня Надежда *Дондукова-Изъѣдинова*, Сибилевскаго приходскаго, Донской области, дворянка Серафима *Абрамова* и Глуховскаго женскаго одноклассгаго министерства народнаго просвѣщенія, жена потомственнаго почетнаго гражданина Любовь *Морозова*, почетная попечительница Александровскаго женскаго высшаго начальнаго училища въ станицѣ Константиновской, Донской области, жена потомственнаго почетнаго гражданина Александра *Севрюгова*, попечительницы училищъ: Повѣнецкаго двухклассгаго женскаго земскаго, дворянка Надежда *Николаевская* и начальныхъ: Артополотскаго, Полтавской губерніи, дворянка Анна *Яхонтова*, Катунскаго женскаго, Балахнинскаго уѣзда, дворянка Анна *Турчанинова-Семенова* и Кунцевскаго, Московскаго уѣзда, вдова тайнаго совѣтника Надежда *Солдатенкова*, бывшая попечительница Бобрикскаго женскаго начальнаго училища, дворянка Юлія *Масюкова*, пожизненный членъ попечительства Никопольскаго приходскаго мужского училища, Екатеринославскаго уѣзда, дочь купца Марфа *Бабушкина*, завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами: Мидельскимъ, Иванъ *Лукашевичъ* и Езненскимъ Степанъ *Мателенокъ*, учителя-завѣдывающіе училищами: двухклассными: Соболевскимъ министерства народнаго просвѣщенія, Богородскаго уѣзда, Родіонъ *Ѳаддеевъ*, Брянскимъ рудничнымъ, Славяносербскаго уѣзда, Павелъ *Хри-*

стіановскій, Никольскъ-Уссурійскимъ, Александръ *Медвѣдевъ*, Троицкимъ министерства народнаго просвѣщенія, Медынскаго уѣзда, Михаилъ *Пляшкевичъ* и сельскими министерства народнаго просвѣщенія Старо-Левскимъ, Лифляндской губерніи, Густавъ-Августъ *Нурмъ*, Гелламскимъ, Эзельскаго уѣзда, Петръ *Массо* и Александровскимъ первымъ городскимъ смѣшаннымъ, Владиміръ *Дѣдуловъ*, учитель пѣнія Одесскихъ городскихъ начальныхъ училищъ Николай *Новиковъ*, учитель первой Верхне-Никулясской школы, Шлиссельбургскаго уѣзда, Исаакъ *Мононенъ*, учителя училищъ: Медынскаго приходскаго, Михаилъ *Якушевъ*, 1-го Покровскаго министерства народнаго просвѣщенія, Новоузенскаго уѣзда, Алексѣй *Дроздовъ*, двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Муромцевскаго, Тарскаго уѣзда, Степанъ *Земляницынъ* и Кондровскаго, Медынскаго уѣзда, Иванъ *Соколовъ*, одноклассная при станціи „Ряжскъ 2-й", Сызрано-Вяземской желѣзной дороги, Дмитрій *Рубцовъ*, начальныхъ: при Бугурусланской учительской семинаріи, Матвѣй *Федоровъ*, Тверскаго третьяго мужского городского, Ѳеодоръ *Борисовъ*, Полтавской губерніи: Капустинскаго, Яковъ *Приступа* и Бобрикскаго, Петръ *Спичакъ*, Серпуховскаго уѣзда: Туровскаго, Михаилъ *Боголѣповъ* и Угрюмовскаго, Константинъ *Ивановъ*, Ломовскаго, Даниловскаго уѣзда, Иванъ *Князевъ*, Сушковскаго, Зарайскаго уѣзда, Иванъ *Пичугинъ*, Двинскаго четвертаго мужского, Иванъ *Харлапъ*, 2-го Сагуновскаго, Острогожскаго уѣзда, Тихонъ *Поповъ*, Монастырщинскаго, Богучарскаго уѣзда, Александръ *Фроловъ* и Мосальскаго перваго, Воронежскаго уѣзда, Василій *Нѣмцовъ*, земскихъ: Тешковскаго, Псковской губерніи, Яковъ *Федоровъ*, Гридинскаго, Богородскаго уѣзда, Алексѣй *Куроѣдовъ* и Ямского одноклассиаго, Дорогобужскаго уѣзда, Петръ *Ананьевъ*, земскихъ начальныхъ: Корневскаго, Богородскаго уѣзда, Иванъ *Тимоѳеевичевъ* и Бѣльскаго, Медынскаго уѣзда, Петръ *Разинъ*, народныхъ: Шаурскаго, Георгій *Каптуръ*, Комшанскаго, Василій *Гавриловъ* и еврейскихъ: Малятскаго, Моисей *Гуфенбергъ* и Виленскихъ: № 11, Гиршъ *Розинъ* и № 12, Зусьманъ *Копеліовичъ*, помощникъ учителя Виленскаго второго начальнаго еврейскаго училища Шая *Хургинъ*, завѣдывающія: Брянскимъ женскимъ ремесленнымъ училищемъ имени Могилевской, Зоя *Карпѣева*, курсами для приготовленія учительницъ рукодѣлія общества поощренія женскаго професссіональнаго образованія, Марія *Вагнеръ*, Бѣляевскою школою, Шлиссельбургскаго уѣзда, Екатерина *Ѳедорова* и училищами: Ржевскимъ седьмымъ приходскимъ, Надежда *Кнышъ*, Ставропольскими городскими одноклассными: Александровскимъ, Надежда *Гординская*

и въ память 19-го февраля 1861 года: Юлія *Лысякова* и Наталія *Влескова*, Затьмацкимъ Гоголевскимъ городскимъ начальнымъ гор. Твери, Софія *Аменицкая*, учительницы-завѣдывающія училищами: Одесскими начальными: № 37, Лидія *Бабіевская* и № 99, Марія *Маевская*, Одесскимъ городскимъ приходскимъ въ с. Татаркѣ, Александра *Наумова* и женскими приходскими: Новоладожскимъ двухклассным, Ѳеодосія *Димитріева* и Карачевскимъ, Елизавета *Судакова*, учительницы: Торопецкаго частнаго низшаго учебнаго заведенія, Анна *Харинская* и училищъ: министерства народнаго просвѣщенія: Святогорскаго, Опочецкаго уѣзда, Агафія *Модестова* и Псковскаго второго приходскаго: Елизавета *Дмитріева*, приходскихъ: Тарусскаго двухкласснаго женскаго, Лидія *Золотухина*, Спасскаго, Марія *Виноградова*, Островскаго мужского, Марія *Харлова* и женскихъ: Торопецкаго: Елизавета *Харинская* и Елена *Карзова*, Солецкаго, Анна *Матвѣева*, Опочецкаго, Клавдія *Лобанова*, Виленскаго третьяго, Раиса *Томарова*, Ковенскаго третьяго одноклассного, Наталія *Зимницкая* и Полоцкаго двукласснаго, Анастасія *Чухлѣбова*, начальныхъ: Порховскаго пятаго, Ольга *Какурина*, Верхне-Чужбонскаго частнаго имени Владимірскихъ, Бѣлозерскаго уѣзда, Ольга *Горяинова*, Сабуяльскаго, Елизавета *Матвѣева*, Ашланскаго, Елизавета *Жмакина*, Кузнецовскаго, Анна *Селивановская*, Вятскаго VII мужского, Марія *Полкова*, Зашижемскаго, Ольга *Селивановская*, Слободского уѣзда: Кругловскаго, Александра *Кибардина*, Ильинскаго, Елизавета *Вадиковская* и Демьянскаго, Аполлинарія *Косарева*, Горкинскаго, Софія *Державина*, Черкизовскаго перваго, Елизавета *Кедрова*, Семеновскаго перваго, Анна *Большакова*, Марьинскаго четвертаго, Ольга *Виноградова*, Крестовскаго третьяго, Марія *Воронцова*, Серпуховскаго уѣзда: Петрищевскаго, Лидія *Бѣлокурова*, Стремиловскаго второго, Любовь *Лазуткина*, Сохинскаго, Марія *Закатова*, Соймоновскаго, Наталья *Левицкая*, Лукинскаго, Анна *Флоринская*, Солнышевскаго, Анна *Горбатовская* и Кузьменковскаго, Елизавета *Плотникова*, Язвищевскаго, Волоколамскаго уѣзда, Елизавета *Бородина*, Меленковскаго женскаго, Александра *Модина*, при фабрикѣ товарищества мануфактуръ Н. Н. Коншина, Ольга *Поливанова*, Эммаусскаго, Антонина *Соболева*, Рязанскаго уѣзда: Шереметє-Песочинскаго, Марія *Маслова* и Дягилевскаго, Александра *Киркинская*, Зарайскаго уѣзда: Троицко-Зименковскаго, Екатерина *Иванова*, Каринскаго, Людмила *Яковлева* и Горетовскаго, Александра *Спасская*, Бахрушинскаго въ гор. Зарайскѣ, Елена *Чистосердова*, Лакашинскаго, Спасскаго уѣзда, Екатерина

Успенская, Богучарскаго уѣзда: Манинскаго второго, Лариса *Татаренкова*, Дьяченковскаго второго, Марія *Саввина*, Бычковскаго второго, Александра *Мамченко* и Березовскаго второго, Варвара *Романовская*, Воронежскаго уѣзда: Макарьевскаго, Марія *Кириллова*, Московскаго второго, Антонина *Данилова*, Орловскаго второго, Софія *Базилевская*, Рыкинскаго, Наталія *Воронова*, Усманскаго Высельскаго, Татьяна *Синявская*, Горкинскаго, Марія *Петровская*, Хрѣновско-Высельскаго перваго, Пелагея *Вислянская*, Васильевскаго третьяго, Вѣра *Сахарова* и Бирючинскаго, Марія *Говорова*, Острогожскаго уѣзда: Колыбельскаго, Неонила *Мишина*, Ново-Калитвянскаго, Марія *Бѣлоусова*, Ново-Сотенскаго женскаго, Анастасія *Вдовенкова*, Ново-Сотенскаго второго, Анна *Антипова*, Нижне-Карабутскаго, Марфа *Кравченко*, Кулаковскаго, Евдокія *Шмаринова*, Марковскаго, Марія *Кременцова*, Сагуновскаго перваго, Дарья *Попова* и Лушниковскаго, Ольга *Знаменская* и Одесскихъ: № 18, Лидія *Гослинская* и № 1—84, Евгенія *Шеміотъ*, городскихъ начальныхъ: въ гор. Твери, Вѣра *Болотникова*, Богородскаго женскаго, Марія *Богатова* и Сущевскаго пятаго женскаго, въ гор. Москвѣ, Екатерина *Цвѣткова*, народныхъ: Попелянскаго перваго женскаго, Евгенія *Мезина*, Роговскаго женскаго, Ольга *Ходоренко* и Кардонскаго, Марія *Красавицкая*, Ветошкинскаго начальнаго народнаго, Марія *Ухина*, земскихъ: Заборовскаго, Псковскаго уѣзда, Агнія *Харкевичъ*, Желѣзницкаго, Порховскаго уѣзда, Татьяна *Крымакова*, Петроградскаго уѣзда: Шуваловскаго, Елизавета *Широкова* и Мурзинскаго, Павла *Соколова*, Опочецкаго уѣзда: Утретскаго, Елена *Петрова* и Райковскаго, Марія *Затеплинская*, Новоладожскаго уѣзда: Хваловскаго, Вѣра *Ильменская*, Пчевскаго, Марія *Харламова* и Мергинскаго, Марія *Романова*, Липковскаго, Шлиссельбургскаго уѣзда, Людмила *Сѣверова*, Торопецкаго уѣзда: Улинскаго, Вѣра *Алмазова* и Понизовскаго, Елизавета *Парфенова* и Богородскаго уѣзда: Гребневскаго, Вѣра *Павлова*, Щелковскаго, Екатерина *Воскресенская* и Михаило-Архангельскаго, Ольга *Полякова*, земскихъ начальныхъ: Горецкаго, Старорусскаго уѣзда, Ольга *Харламова*, Бордуковскаго, Медынскаго уѣзда, Александра *Говорова* и Богородскаго уѣзда: Казанскаго, Юлія *Савельева*, Фриновскаго, Ольга *Смирнова* и Рудневскаго, Анна *Хотавская*, сельскихъ начальныхъ: Тарусскаго уѣзда: Солопенскаго: Лидія *Извѣкова* и Дарья *Извѣкова* и Сашкинскаго, Анна *Златковская*, Дорогобужскаго Гусинскаго одноклассного, Юлія *Смольянинова*, одноклассныхъ земскихъ: Елабужскаго перваго, Валентина *Тарасова*, Елабужскаго второго, Вѣра *Ложкина* и Селинскаго,

Дорогобужскаго уѣзда, Евгенія *Кушнерева*, одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Дѣдиновскаго, Зарайскаго уѣзда, Вѣра *Сардановская*, при прядильно-ткацкой фабрикѣ товарищества мануфактуръ Н. Н. Коншина въ гор. Серпуховѣ, Юлія *Патрикѣева*, Морозовскаго, Вятской губерніи, Елизавета *Постникова* и Замѣдянскаго, той же губерніи, Марія *Ардашева* и двухклассныхъ: Поповскаго, Саратовскаго уѣзда, Валентина *Узембло*, Омутнинскаго, Елизавета *Кокорина*, Хлѣбниковскаго, Елизавета *Емельянова*, Косолаповскаго, Агнія *Юферева*, Двинскаго съ рукодѣльнымъ классомъ женскаго приходскаго, Варвара *Смѣльская*, при Костромской женской учительской семинаріи, Анна *Иванова*, земскихъ: Граховскаго, Александра *Дернова* и Биллярскаго, Евдокія *Лопатина* и министерства народнаго просвѣщенія: Зарайскаго уѣзда: Подлѣсно-Слободскаго, Людмила *Рябцева*, Выкопанскаго, Зинаида *Павлова* и Дѣдиновскаго женскаго, Марія *Макова*, Кондровскаго, Медынскаго уѣзда, Варвара *Воронецкая* и Руновщинскаго, Полтавской губерніи, Мареа *Синицына*, бывшая учительница Домникскаго народнаго училища Анна *Чернявская*, содержатель низшаго учебнаго заведенія въ Ригѣ, Петръ *Ларіоновъ*, жена коллежскаго секретаря Александра *Снегирева*, потомственный почетный гражданинъ Дмитрій *Гусевъ*, курьеры: Варшавской второй женской гимназіи, изъ крестьянъ Францъ *Доманскій* и Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, запасный рядовой Николай *Архиповъ*, швейцары: Императорскаго Петроградскаго историко-филологическаго института, крестьянинъ Василій *Телятниковъ*, гимназій: Петроградской седьмой, изъ крестьянъ Петръ *Мѣдниковъ*, Рижской Императора Николая I, отставной фельдфебель Андрей *Рубенъ* и Варшавской второй, запасный рядовой Михаилъ *Зламанъ*, Владимірскаго реальнаго училища, отставной унтеръ-офицеръ Григорій *Цыбаевъ* и Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, запасный рядовой Кириллъ *Лукьяненко*, педель Кіевской второй мужской гимназіи, запасный старшій военный писарь Дмитрій *Самилюкъ*, дядьки Петровско-Александровскаго пансіонъ-пріюта московскаго дворянства: крестьяне: Григорій *Ильинъ*, Василій *Платоновъ* и Акимъ *Богомоловъ*, служителя: Императорской Академіи Наукъ, крестьянинъ Василій *Федоровъ*, физіологической лабораторіи той же Академіи, запасный музыкантъ Александръ *Федоровъ*, канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: Московскаго, крестьянинъ Николай *Манюшинъ* и Западно-Сибирскаго, отставной ефрейторъ Петръ *Деминъ*, Императорскихъ университетовъ: Петроградскаго, изъ крестьянъ Григорій

Гвоздевъ, Казанскаго: крестьяне: Сергѣй *Чистовъ* и Валіулла *Габидуллинъ* и Харьковскаго, крестьянинъ *Шунько*, Императорскаго Петроградскаго историко-филологическаго института, крестьянинъ Илья *Закатимовъ*, при Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, отставной рядовой Онуфрій *Куровской*, Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: запасный унтеръ-офицеръ Иванъ *Деркачъ*, отставной унтеръ-офицеръ Павелъ *Балдинъ* и крестьянинъ Ѳедоръ *Павловъ*, Харьковскаго ветеринарнаго института, крестьянинъ Павелъ *Уваровъ*, Императорскаго Россійскаго историческаго музея Имени Императора Александра III: крестьяне: Иванъ *Токаревъ* и Андрей *Алтуховъ*, гимназій: Петроградской седьмой: изъ мѣщанъ Павелъ *Степановъ* и, изъ крестьянъ Павелъ *Артамоновъ*, Петергофской Императора Александра II, изъ крестьянъ, Федоръ *Осиповъ*, Кіевской второй мужской, отставной рядовой Ананій *Дюндикъ* и крестьянинъ Григорій *Стеценко*, Коломенской мужской, отставной рядовой Николай *Арсентьевъ* и Рыбинской изъ крестьянъ Степанъ *Лапинъ* и реальныхъ училищъ: Казанскаго перваго, крестьянинъ Сергѣй *Посаженковъ*, Рижскаго Императора Петра I, крестьянинъ Викентій *Домбровскій* и Моршанскаго: рядовой Егоръ *Заболотниковъ* и ефрейторъ Евгеній *Заболотниковъ*, мастеръ, руководящій практическими работами учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Комисаровскаго техническаго училища, крестьянинъ Михаилъ *Горюновъ*, мастеръ слесарнаго дѣла Московскаго городского реальнаго училища имени Г. Шелапутина на Міусской площади, крестьянинъ Федоръ *Теренинъ*, токарный мастеръ по дереву Бахмутскаго ремесленнаго училища, изъ крестьянъ Прокофій *Бѣлый*, сидѣлка терапевтической клиники Императорскаго Казанскаго университета Екатерина *Макарова*, гардеробщикъ пансіона Кишиневской Императора Александра I Благословеннаго гимназіи, запасный ефрейторъ Константинъ *Тишаковъ*, поваръ Императорскаго Петроградскаго историко-филологическаго института, крестьянинъ Иванъ *Артемьевъ* и дворники Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта московскаго дворянства: крестьяне: Демьянъ *Родинковъ* и Гавріилъ *Григорьевъ* и *серебряною, на Станиславской лентѣ*: вольнонаемный писецъ канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, крестьянинъ Павелъ *Гырдасовъ*, служащіе въ канцеляріи Императорскаго Петроградскаго университета: мѣщанинъ Сергѣй *Санниковъ*, дочь мѣщанина Александра *Бузина* и дочь крестьянина Антонина *Польманъ*, фельдшеръ, изъ платы по найму, Томскаго технологическаго института Импера-

тора Николая II, крестьянинъ Іосифъ *Родзевичъ*, дѣлопроизводитель попечительнаго совѣта Пермской Александровской женской гимназіи, дочь священника Ольга *Тронина*, руководитель работъ почтово-телеграфныхъ курсовъ при Одесскомъ первомъ высшемъ начальномъ училищѣ, изъ крестьянъ Іосифъ *Сивый*, попечительница Петропавловской женской гимназіи, вдова провизора Елена *Эбертъ*, почетный попечитель Семипалатинскаго высшаго женскаго училища, мѣщанинъ Василій *Родіоновъ*, начальница Введенской женской гимназіи Апкальнъ, изъ крестьянъ Христина *Апкальнъ*, помощникъ казначея Императорскаго Московскаго археологическаго института Имени Императора Николая II въ гор. Смоленскѣ личный почетный гражданинъ Павелъ *Смирновъ*, учителя: музыки, изъ платы по найму, Никопольскаго высшаго начальнаго училища, изъ мѣщанъ Іосифъ-Давидъ *Ясновскій* и танцевъ Петроградской восьмой гимназіи, сынъ артиста Императорскихъ театровъ Николай *Гиммельманъ*, писецъ Таганрогской мужской гимназіи, мѣщанинъ Григорій *Ремига*, членъ-казначей попечительнаго совѣта Юрьевецкой женской, имени А. С. Пушкина, гимназіи, купецъ Константинъ *Бобыльковъ*, учительницы женскихъ гимназій: Нехорошевой въ Петроградѣ: мѣщанки: Зельма *Юонъ* и Марія *Мисирова*, Вытегорской Николаевской, Елена *Грунтова*, Харьковской, учрежденной Домбровской, Лидія *Эбергардъ*, Богодуховской, Ольга *Азбукина*, Волчанской, Валентина *Соколова*, Николаевской на Амурѣ, Елена *Осипова*, Курганской Александровской, Татьяна *Меньшикова*, Севастопольской Ахновской: Любовь *Рудакова* и Марія *Ванъ-Кеербергенъ*, Одесской второй городской, Эрна-Паулина *Кренбергъ*, Николаевской Зиновой, Марія *Семенова*, Николаевской Маріинской первой, Агнія *Забоева*, Новомосковской: Фаина *Павлова*, Іустинія *Маймуръ* и Зина *Ходулина*, Кишиневской Ремезовой, Марія *Скуричъ*, Славянской второй, Елизавета *Мартенъ*, Перновской: Надежда *Проскурнина* и Клавдія *Несмѣлова*, Карачевской, Марія *Прохорова*, Тульской второй, Юлія-Луиза-Вильгельмина *Вагнеръ*, Прилукской Федоренко, Ольга *Матвѣевская*, Владивостокской, Людмила *Вальтеръ*, Кронштадтской Александринской, Жанна-Бланшъ *Мазаръ* и частныхъ: Кіевской Дучинской, Екатерина *Козеренко*, Полтавской Ахшарумовой, Евдокія *Терешенкова*, Твердовой въ гор. Михайловѣ, Александра *Вельмина*, Корсунской въ гор. Ярославлѣ, Елизавета *Воскресенская* и Раевской въ Москвѣ, Надежда *Расторгуева*, надзирательницы женскихъ гимназій: Херсонской второй, Александра *Затворницкая*, Николаевской Маріинской первой, Валентина *Волкова*, Александрійской, Софія *Бы-*

линская и Николаевской Зиновой, Серафима *Островская*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Курской Маріинской, Ольга *Гранская*, Харьковской Маріинской: Дарья *Никольская*, Софія *Барсукова* и Марія *Руднева*, Боровичской, Елизавета *Ермолова*, Славянской первой, Екатерина *Марковичъ*, Вытегорской Николаевской, Любовь *Кулова*, Бійской Николаевской, Евдокія *Дробышева*, Курганской Александровской, Анна *Гнѣдашъ*, Аренсбургской: Аделе *Вальднеръ* и Шарлотта *Грубенеръ*, Тверской Маріинской: Александра *Федорова* и Елизавета *Меллеръ*, Тульской второй, Марія *Селиверстова*, Благовѣщенской Алексѣевской, Евгенія *Черепова* и частныхъ: Гиттерманъ въ гор. Орлѣ, Вильгельмина *Китайцева*, Полтавской Ахшарумовой, Варвара *Бабенко*, Харьковской Домбровской, Анна *Хорошавина* и Раевской въ Москвѣ, Клавдія *Токарева*, исполняющая обязанности, изъ платы по найму, учительницы частной женской гимназіи Корсунской въ гор. Ярославлѣ Екатерина *Викулина*, учительница Кронштадтской женской прогимназіи Александра *Тихонова*, вольнонаемный писецъ канцеляріи Виленскаго реальнаго училища, крестьянинъ Петръ *Замѣскій*, учительница Костромского реальнаго училища Александра *Петрова*, почетные блюстители училищъ: приходскихъ: второго Донского округа: Ильменскаго, казакъ Алексѣй *Ивановъ* и Заливскаго, казакъ Терентій *Стекольниковъ*, Донской области: Плѣшаковскаго, казакъ Афанасій *Драчевъ*, Аксайскаго двухкласснаго, нестроевой старшаго разряда, Андрей *Ковалевъ*, Батлаевскаго, гелюпъ-Лиджа *Какушкинъ* и Каменскаго, казакъ Саре *Барманжиновъ*, Заводо-Успенскаго сельскаго приходскаго, Тюменскаго уѣзда, Владиміръ *Ятесъ*, Патрушевскаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія того же уѣзда, крестьянинъ Григорій *Котовщиковъ* и двухклассныхъ: Миропольскаго, Курской губерніи, крестьянинъ Алексѣй *Гончаренко*, Хотиновскаго министерства народнаго просвѣщенія, Валдайскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Андрей *Болотинъ*, Павлоградскаго начальнаго еврейскаго, купецъ первой гильдіи Моисей *Еромицкій* и Владиміро-Александровскаго смѣшаннаго приходскаго, крестьянинъ Иванъ *Горбачевъ*, попечителя училищъ: Красноуфимскаго Кирилло-Меѳодіевскаго одноклассного, мѣщанинъ Виссаріонъ *Ершовъ*, Кекинскаго фабричнаго въ гор. Ростовѣ, потомственный почетный гражданинъ Петръ *Ванчаловъ*, Одесскаго № 48 городского приходскаго, изъ мѣщанъ, Владиміръ *Бурда*, начальныхъ: Вусиновскаго, Московскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Владиміръ *Грачевъ*, Курской губерніи: Морквинскаго, купецъ второй гильдіи Бо-

рисъ *Ткачевъ* и Замостянскаго, крестьянинъ Семенъ *Ерошенко*, Донской области: Мачутанскаго сельскаго, крестьянинъ Сергѣй *Макроусовъ* и Астаховскаго, казакъ Стефанъ *Епифановъ*, земскихъ: Миккельскаго, Петрозаводскаго уѣзда, купецъ второй гильдіи Яковъ *Блиновъ*, Шуйскаго перваго, крестьянинъ Александръ *Щитовъ* и Полетаевскаго, Кунгурскаго уѣзда, крестьянинъ Іосифъ *Предѣлинъ*, Красногоровскаго земскаго начальнаго, Славяносербскаго уѣзда, изъ крестьянъ, Николай *Нестеренко*, Покровскаго сельскаго начальнаго, Тюменскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій *Новыхъ* и двухклассныхъ земскихъ, Рыбинскаго уѣзда: Середневскаго (Георгіевскаго), крестьянинъ Александръ *Сѣверинъ*, Селецкаго, крестьянинъ Дмитрій *Тараторкинъ*, членъ попечительнаго совѣта частной женской гимназіи Ежовой въ Москвѣ, сынъ купца Сергѣй *Базыкинъ*, бывшій членъ попечительнаго совѣта учебныхъ заведеній Нижне-Тагильскаго горнаго округа, мастеровой Петръ *Кожевниковъ*, николаевскій первой гильдіи купецъ Яковъ *Поляковъ*, почетная блюстительница седьмого Оренбургскаго женскаго приходскаго училища, жена первой гильдіи купца Вѣра *Юрова*, бывшая попечительница Карнауховскаго земскаго училища, Кунгурскаго уѣзда, вдова крестьянина Марія *Патласова*, воспитательница Острожскаго женскаго графа Д. Н. Блудова училища, Екатерина *Пухальская*, учительница того же училища, Антонина *Балевичъ*, завѣдывающій Рыковскимъ двухкласснымъ приходскимъ училищемъ, Сахалинской области, Константинъ *Дауркинъ*, учителя училищъ: Владивостокскаго Муравьевъ-Амурскаго смѣшаннаго двухкласснаго городского, Михаилъ *Костинъ*, Жабенскаго одноклассного министерства народнаго просвѣщенія, Валдайскаго уѣзда, Иванъ *Васильевъ* и одноклассныхъ приходскихъ, Хабаровскаго уѣзда: Николо-Александровскаго, Михаилъ *Тайшинъ*, Николаевскаго сельскаго, Сергѣй *Щепетновъ* и Воронежскаго сельскаго, Емельянъ *Чеботаревъ*, завѣдывающіе одноклассными приходскими училищами: Владивостокскимъ вторымъ женскимъ городскимъ, Марія *Ландышева* и Владивостокскимъ мѣщанскимъ смѣшаннымъ, Марія *Костина*, учительницы: Велико-Устюгскихъ женской воскресной школы попечительства о народной трезвости и третьяго женскаго приходскаго училища, Екатерина *Ивановская* и училищъ: Николаевскаго начальнаго № 27, Лидія *Мязговская*, Кирилловскаго начальнаго, Наталія *Верхотина* и женскихъ приходскихъ: Хабаровскаго Иннокентьевскаго городского двухкласснаго, Лида *Рафаилова* и Владивостокскаго Алексѣевскаго одноклассного, Серафима *Емельянова*, мастеръ-техникъ основного отдѣленія

низшей ремесленной школы при Сорокскомъ сельско-хозяйственномъ техническомъ училищѣ, изъ крестьянъ, Константинъ *Смолинскій*, преподаватель музыки Московской школы мукомоловъ, отставной артистъ 1-го разряда, изъ мѣщанъ, Самуилъ-Карлъ *Адольфи*, вольнонаемный псаломщикъ школы Кустанайской Кирилло-Меѳодіевской церкви, мѣщанинъ Григорій *Алекрицкихъ*, педели Кіевской третьей мужской гимназіи: запасный фельдфебель Александръ *Гащукъ* и запасный фейерверкеръ Максимъ *Горенко*, швейцары: Императорскаго Новороссійскаго университета, крестьянинъ Иванъ *Степинъ*, Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, изъ крестьянъ: Ферапонтъ *Воробьевъ* и Ефремъ *Заборотсковъ*, гимназій: второй Харьковской женской, отставной унтеръ-офицеръ Иванъ *Лацюженко* и Слуцкой мужской, отставной рядовой Иларіонъ *Кохановичъ* и училищъ: главнаго нѣмецкаго св. Петра въ Петроградѣ, крестьянинъ Филиппъ *Калинниковъ* и при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ Петроградѣ, крестьянинъ Яковъ *Геръ*, служители: Императорскихъ университетовъ: Петроградскаго, крестьянинъ Василій *Евтухъ*, Харьковскаго: отставной фельдфебель Николай *Половинкинъ*, запасный унтеръ-офицеръ Исидоръ *Шуляченко* и крестьяне: Степанъ *Цыбанъ*, Гавріилъ *Татуйкинъ*, Афанасій *Гриша*, Петръ *Ткачукъ*, Иванъ *Маточка* и Лаврентій *Кустовъ* и Новороссійскаго: мѣщанинъ Моисей *Смолинскій* и крестьяне: Романъ *Фединъ*, Семенъ *Ростекъ*, Тимофей *Плюта*, Леонтій *Петровъ*, Алексѣй *Васенинъ*, Адамъ *Бруй*, Степанъ *Мымриковъ* и Семенъ *Ивановъ*, Петроградскихъ высшихъ женскихъ курсовъ: изъ крестьянъ: Андрей *Васильевъ* (онъ же Воробьевъ), Парфенъ *Васьковъ*, Осипъ *Оло*, Сергѣй *Петровъ* и Василій *Семеновъ* (онъ же Королевъ), Императорской публичной библіотеки: запасный ефрейторъ Алексѣй *Андреевъ*, ратники ополченія: Викторъ *Конюхъ*, Викентій *Колола*, Іосифъ *Калиновскій*, Степанъ *Дмитріевъ*, Андрей *Виноградовъ* и Иванъ *Васильевъ* и крестьянинъ Василій *Степановъ*, Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I: цеховой Николай *Анисимовъ* и, изъ крестьянъ: Никита *Прошкинъ*, Петръ *Петровъ*, Дмитрій *Илюхинъ*, Гурьянъ *Ванновъ*, Иванъ *Ботяковъ*, Афанасій *Митрофановъ*, Антонъ *Земченокъ*, Михаилъ *Шарнасъ* и Юрій *Сильдусъ*, гимназій: Петроградскихъ: первой: крестьяне: Дмитрій *Осиповъ* и Иванъ *Михайловъ*, третьей, крестьянинъ Францъ *Дощинскій*, восьмой, крестьянинъ Дмитрій *Тимофѣевъ* и десятой, крестьянинъ Иванъ *Абрамовъ*, Стрѣльнинской, изъ крестьянъ, Сергѣй *Петровъ*, Архангельской Ломоносовской, изъ крестьянъ, Василій *Суховъ* и Пол-

тавской Императора Александра I, запасный ефрейторъ Гавріилъ *Киченко*, Прилукской, мѣщанинъ Николай *Александровъ*, Кіевской третьей, запасный ефрейторъ Іосифъ *Чурилло*, Слуцкой, мѣщанинъ Семенъ *Володько*, Екатеринбургской мужской Императора Александра II Освободителя, изъ крестьянъ, Александръ *Шемятихинъ*, Одесской второй, поселянинъ Спиридонъ *Продановъ*, Николаевской Маріинской первой, крестьянинъ Гордѣй *Данильченко*, Харьковской первой: крестьяне: Максимъ *Лабинскій* и Трифонъ *Шевцовъ* и Маріинской Донской женской, крестьянинъ Емельянъ *Васильевъ* и отставной рядовой Тимофей *Козелъ*, училищъ: главнаго нѣмецкаго св. Петра въ Петроградѣ: мѣщанинъ Іосифъ *Ржевускій* и крестьянинъ Карлъ *Легздинъ*, при реформатскихъ церквахъ въ Петроградѣ, крестьянинъ Павелъ *Таратинъ*, реальныхъ: Екатеринбургскаго Алексѣевскаго, унтеръ-офицеръ Николай *Истоминъ*, Кіевскаго: запасный писарь унтеръ-офицерскаго званія Арсеній *Ракитскій* и запасный рядовой Прохоръ *Свидзинскій*, Митавскаго, изъ крестьянъ, Янъ *Спуре*, Урюпинскаго, крестьянинъ Семенъ *Никитинъ* и Черниговскаго: казакъ Матвѣй *Петренко* и крестьянинъ Миронъ *Плесунъ*, Ново-Оскольскаго высшаго начальнаго, мѣщанинъ Давидъ *Ковалевъ*, Красноуфимскаго промышленнаго: запасный рядовой Яковъ *Киневъ*, мѣщанинъ Павелъ *Чистяковъ* и крестьяне: Павелъ *Тетюшевъ* и Евлампій *Митюковъ* и Ефремовскаго женскаго приходскаго, запасный бомбардиръ Михаилъ *Насоновъ*, кастелянша при пансіонѣ Петроградской первой гимназіи, жена крестьянина Матрена *Скобелева*, водопроводчикъ Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, изъ крестьянъ Сергѣй *Васильевъ*, старшій мастеръ мастерскихъ школы мукомоловъ, изъ мѣщанъ, Иванъ *Хахаревъ*, подмастерье слесарно-кузнечнаго отдѣленія Усть-Кишертской низшей ремесленной школы, сынъ мастерового Леонидъ *Кошкинъ*, кузнецъ Боровичской низшей ремесленной школы, крестьянинъ Александръ *Ломаковъ*, кочегаръ-слесарь при паровыхъ котлахъ Петроградскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, изъ крестьянъ, Макаръ *Потаповъ*, кочегары при паровыхъ котлахъ тѣхъ же курсовъ: изъ крестьянъ: Иванъ *Фадѣинковъ* и Василій *Артамоновъ*, портной при пансіонѣ Петроградской третьей гимназіи, крестьянинъ Давидъ *Аболъ*, женщина-врачъ Тульской женской учительской семинаріи, дочь коллежскаго совѣтника Антонина *Мелодіева*, почетный попечитель Павловскаго высшаго начальнаго училища, Горбатовскаго уѣзда, изъ крестьянъ Евѳимій *Алиповъ*, предсѣдательница общества попеченія о частной женской гимназіи Смольяниновой въ гор. Костромѣ, жена

купца Елизавета *Сколозубова*, члены попечительныхъ совѣтовъ женскихъ гимназій: Бійской Николаевской, купецъ Николай *Сычевъ*, въ Павловскомъ посадѣ, Московской губерніи, купецъ Θеодоръ *Красновъ*, Бійской Николаевской, жена купеческаго сына Анна *Пискарева*, Ставропольской Ольгинской, вдова купца Евдокія *Иванова* и Нехорошевой въ Петроградѣ, изъ крестьянъ, Тимофей *Рубахинъ*, начальницы женскихъ гимназій: Переславской, Софія *Скуба*, Кіевской Титаренко, Александра *Титаренко* и Рижской Драудзинь, Наталія *Драудзинь*, учительницы женскихъ гимназій: Міасской Романовскихъ: Алевтина *Сергѣева* и Фаина *Ключарева*, Егорьевской, Зинаида *Чистосердова*, Переславской, Ольга *Слободская*, Румянцевой въ Москвѣ, Клавдія *Александрова*, Покровской, Марія *Хохлова*, Нерехтской Маріинской, Антонина *Алексѣева*, Кинешемской: Галина *Коковина*, Анна *Пластинина*, Варвара *Владимирская*, Екатерина *Шулятикова* и Марія *Бенедиктова*, Черниговской „Группы Родителей", Екатерина *Алексѣева*, Кіевскихъ: Евсѣевой, Надежда *Солуха* и Титаренко, Наталія *Акопова* и Ставропольской св. Александры, Валентина *Цынговатова*, Харьковской второй мужской, Болеслава *Стальская*, частныхъ Харьковскихъ женскихъ: учрежденной Левковецъ, Евгенія *Андреева* и учрежденной Грегорцевичъ: Евгенія *Пантелеймонова*, Евгенія *Педашенко* и Марія *Тищенко* и Харьковской первой мужской, Вѣра *Сумская*, учительница и исполняющая обязанности классной надзирательницы Покровской женской гимназіи Антонина *Благовѣщенская*, классная дама Варшавской третьей женской гимназіи Марія *Войналовичъ*, надзирательница Харьковской женской гимназіи, учрежденной Левковецъ, Елизавета *Быкова*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Инсарской, Ольга *Алмазова*, Дмитровской, Марія *Малыхина*, Орловской Николаевской, Анна *Лобова*, Устюжнской, Марія *Львова*, Великолуцкой, Любовь *Рыжкова*, Кіевской Титаренко: Марія *Нещеретъ* и Софія *Яковлева* и Ставропольской Ольгинской, Людмила *Абрамова*, преподаватель закона Божія евангелическо-лютеранскаго исповѣданія Вейсенштейнской женской гимназіи Мартинъ *Краутъ*, учитель пѣнія и музыки, изъ платы по найму, Александровскаго перваго высшаго начальнаго училища Александръ *Федоренко*, учитель пѣнія Моршанской женской гимназіи Стефанъ *Леоновъ*, учительница начальнаго при Тульской женской учительской семинаріи училища Марія *Теребинская*, учительницы Тульской женской учительской семинаріи: Нонна *Глаголева* и Анастасія *Максимова*, по центральному управленію министерства народнаго просвѣщенія: переписчицы на пишу-

щихъ машинахъ: управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ: дочери надворныхъ совѣтниковъ: Ольга *Васильева* и Валентина *Попова*, департаментовъ: народнаго просвѣщенія: потомственная почетная гражданка Ольга *Степанова* и дочь купца Вѣра *Изотова* и общихъ дѣлъ: изъ мѣщанъ: Анна *Спиридонова*, Марія *Карнаухова* и Татьяна *Спиридонова* и отдѣла промышленныхъ училищъ, дочь чиновника Марія *Красикова*, служащія въ канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа: дочь личнаго почетнаго гражданина Евдокія *Кожевникова* и дочь титулярнаго совѣтника Клавдія *Извѣкова*, переписчицы канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа: дочь фельдфебеля Юлія *Шкрабій* и дочь крестьянина Анастасія *Никонова*, служащій въ библіотекѣ Императорскаго Харьковскаго университета, крестьянинъ Андрей *Портной*, служащіе по вольному найму: при фундаментальной библіотекѣ Демидовскаго юридическаго лицея, мѣщанинъ Александръ *Посталовъ* и при канцеляріи того же лицея, мѣщанинъ Иванъ *Голодухинъ*, писцы Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: мѣщанинъ Яковъ *Барбитовъ* и крестьянинъ Александръ *Павловъ*, занимающаяся письмоводствомъ при архивѣ Императорскаго россійскаго историческаго музея имени Императора Александра III, дочь статскаго совѣтника Марія *Голубцова*, писецъ канцеляріи Черниговскаго реальнаго училища, сынъ коллежскаго регистратора Павелъ *Власенко*, занимающаяся письмоводствомъ въ Новгородскомъ реальномъ училищѣ, изъ мѣщанъ, Анфиса *Дербушева*, служащая при канцеляріи механическаго отдѣленія Императорскаго Московскаго техническаго училища, мѣщанка Анна *Панкрашкина*, попечительница Бобровскаго городского приходскаго женскаго училища, Воронежской губерніи, жена купца Анна *Котляренко*, корреспондентъ Николаевской главной физической обсерваторіи, крестьянинъ Яковъ *Кирюхинъ*, фельдшеры: Алферовской учительской семинаріи, крестьянинъ Семенъ *Кирилловъ* и сельско-хозяйственнаго ремесленнаго училища Ѳ. В. Чижова, крестьянинъ Гавріилъ *Старисъ*, завѣдывающіе складомъ изданій и устройствомъ засѣданій Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, крестьянинъ Константинъ *Крыловъ* и столовой пансіона Хабаровскаго реальнаго училища, крестьянинъ Антонъ *Лукашенко*, почетные блюстители училищъ: Платовскаго женскаго 3-го разряда, Донской области, казакъ Ланцынъ *Алювиновъ*, Айгурскаго однокласснаго, изъ туркменъ, Хаджи-Мурза *Абдуллаевъ*, одноклассныхъ сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія: Чокъ-Мейдан-

скаго второго, Бендерскаго уѣзда, изъ крестьянъ, Георгій *Доди* и Гуровскаго, Тарскаго уѣзда, крестьянинъ Яковъ *Васьковъ*, приходскихъ: Донской области: Холодновскаго одноклассного, потомственный почетный гражданинъ Тихонъ *Дмитріевъ*, Платовскаго: бакша Платовскаго хурула Манчуда *Буриновъ* и казакъ Саре *Борманжиновъ*, Потемкинскаго двухклассного, казакъ Евгеній *Потъхинъ*, Власово-Грушевскаго, урядникъ Александръ *Качкопэговъ*, Чунусовскаго, казакъ Бембе *Манжиковъ* и Николаевскаго двухклассного, крестьянинъ Николай *Сизовъ* и Германовскаго двухклассного сельскаго, Кіевской губерніи, сынъ потомственнаго почетнаго гражданина Михаилъ *Савченко*, попечители училищъ: Богородскаго, потомственный почетный гражданинъ Василій *Елагинъ*, Сапожковскихъ мужского и женскаго приходскихъ, изъ крестьянъ, Сергѣй *Перелетовъ*, начальныхъ: Аѳанасьевскаго, Балахнинскаго уѣзда, крестьянинъ Василій *Зайковъ* и Бореевскаго, Чухломскаго уѣзда, крестьянинъ Николай *Куражевъ*, Мородскаго земскаго, Гдовскаго уѣзда, изъ крестьянъ Александръ *Бѣловъ* и Маріинскаго сельскаго, Хоперскаго округа, крестьянинъ Андрей *Зябинъ*, почетныя блюстительницы Болградскихъ женскихъ приходскихъ училищъ: жены жителей Измаильскаго уѣзда: перваго, Марія *Желязкова* и второго, Елизавета *Давидова*, попечительницы начальныхъ училищъ: Варинскаго, Балахнинскаго уѣзда, жена отставного коллежскаго секретаря Маргарита *Теръ-Оганесова* и Павлово-Посадскаго мужского, жена купца Татіана *Ключенкова*, завѣдывающіе училищами: Благовѣщенскимъ приходскимъ имени Ломоносова Владиміръ *Плюснинъ*, одноклассными: Андреевскимъ, Амурской области, Николай *Мякшинъ* и Журавскимъ первымъ, Дмитрій *Кикотъ* и двухклассными Амурской области: Гильчинскимъ, Константинъ *Демидовъ*, Крестовоздвиженскимъ, Иванъ *Иванищевъ*, Богородскимъ, Владиміръ *Паршинъ* и Ивановскимъ, Дмитрій *Гешкаревъ*, учителя-завѣдывающіе двухклассными училищами: Голенковскимъ, Иванъ *Остроумовъ*, приходскими: Осиповскимъ, Владиміръ *Кульбицкій*, Сысоевскимъ, Дмитрій *Ульяновъ* и Уголовскимъ, Григорій *Русаковъ* и Витебскимъ начальнымъ еврейскимъ, Исаакъ *Закинъ*, учителя училищъ: Никольскъ-Уссурійскаго двухклассного желѣзнодорожнаго, Алексѣй *Преловскій*, одноклассныхъ приходскихъ: Новокіевскаго, Гавріилъ *Астафьевъ*, Вознесенскаго, Василій *Прокопенко*, Богатырскаго, Александръ *Попазъ* и Алексѣевскаго, Михаилъ *Филатовъ*, министерства народнаго просвѣщенія: двухклассныхъ: Заянскаго, Гдовскаго уѣзда, Ѳедоръ *Антиповъ* и Пушкинскаго въ гор. Зеѣ, Сергѣй *Емелинъ* и одно-

классчаго при ново-ткацкой фабрикѣ товарищества мануфактуръ Н. Н. Коншина, близъ города Серпухова, Иванъ *Ѳаддеевъ*, учителя пѣнія училищъ: Костромскихъ приходскихъ, Яковъ *Жуковъ* и Спасъ-Запрудненскаго двухклассчаго министерства народнаго просвѣщенія въ гор. Костромѣ, при фабрикѣ Зотовыхъ, Василій *Надеждинъ*, учительницы училищъ: второго городского двухклассчаго министерства народнаго просвѣщенія въ гор. Алексѣевкѣ, Александра *Ковтунъ*, Нѣжинскаго одноклассчаго приходскаго, Марія *Ѳокина*, Крестовскаго перваго женскаго городского начальнаго, Елизавета *Глаголева*, начальныхъ, Серпуховскаго уѣзда: Леоновскаго, Елена *Иванова* и Калянинскаго, Анна *Казанская*, учительницы женскихъ школъ: Больше-Новишкинской, Новгородской губерніи, Елизавета *Орлова* и Перинской, Бѣлозерскаго уѣзда, Анна *Козлова*, машинистъ средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, изъ мѣщанъ, Дмитрій *Сергѣевъ*, мастеръ-техникъ низшей ремесленной школы при Таганрогскомъ техническомъ среднемъ восьмиклассномъ училищѣ, мѣщанинъ Георгій *Лагуновъ*, мастеръ-руководящій практическими работами учениковъ въ учебныхъ мастерскихъ Комисаровскаго техническаго училища, сынъ канцелярскаго служителя Федоръ *Соловьевъ*, литейный мастеръ Бахмутскаго ремесленнаго училища, изъ мѣщанъ, Адоніусъ *Лингеръ*, столярный мастеръ Рязанскаго ремесленнаго училища, изъ мѣщанъ, Александръ *Гвоздевъ*, мастеръ кузнечнаго дѣла Московскаго городского ремесленнаго училища Г. Шелапутина, крестьянинъ Дмитрій *Кураченковъ*, подмастерье столярной мастерской Буйской низшей ремесленной школы имени Макарова, изъ мѣщанъ, Александръ *Малановъ*, курьеры: управленія Варшавскаго учебнаго округа: Владиславъ *Марусинскій* и Ломжинской мужской гимназіи, Иванъ *Каминскій*, дядьки: пансіона Кишиневской Императора Александра I Благословеннаго гимназіи, сынъ личнаго почетнаго гражданина Исай *Бодянъ* и въ отдѣленіи слѣпыхъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, запасный рядовой Максимъ *Наумюкъ*, швейцары: Харьковскаго ветеринарнаго института, крестьянинъ Никонъ *Шевченко*, гимназій: Кіевской второй мужской, отставной рядовой Ѳедоръ *Бугай*, Варшавской мужской Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, крестьянинъ Семенъ *Корнелюкъ* и женскихъ: Екатеринбургской первой, мѣщанинъ Артемій *Кольцовъ*, частной Мансбахъ въ Москвѣ, изъ крестьянъ, Иванъ *Волковъ*, Орловской Николаевской, крестьянинъ Демьянъ *Мельниковъ* и Стародубской, отставной рядовой

казакъ Пантелеймонъ *Горѣлый* и училищъ: Комисаровскаго техническаго, крестьянинъ Степанъ *Жирновъ*, реальныхъ: Псковскаго Сергіевскаго, крестьянинъ Семенъ *Тулуповъ* и Тульскаго, изъ крестьянъ, Осипъ *Мадзяръ*, служителя: при Императорской Академіи Наукъ: запасный ефрейторъ Тимофей *Михайловъ*, мѣщанинъ Семенъ *Пугачевскій*, крестьянинъ Ричардъ *Долгій*, мѣщанинъ Егоръ *Долинскій* и крестьяне: Иванъ *Петровъ*, Василій *Гусевъ*, Антонъ *Прокофьевъ*, Исидоръ *Кеселисъ* и Иванъ *Сергѣевъ*, Императорскихъ университетовъ: Казанскаго: крестьяне: Александръ *Фаддеевъ*, Семенъ *Кузмичевъ*, Глѣбъ *Ѳоминовъ*, Демьянъ *Либусъ*, Павелъ *Садминъ* и Тимофей *Климахинъ* и Харьковскаго: крестьяне: Георгій *Тарасенко* и Даніилъ *Пархоменко*, Императорскаго Петроградскаго историко-филологическаго института, крестьянинъ Алексѣй *Польковъ*, Харьковскаго ветеринарнаго института, мѣщанинъ Григорій *Гунченко*, Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: отставные рядовые: Тихонъ *Жиленковъ*, Кириллъ *Яковлевъ*, Иванъ *Стегаевъ* и Григорій *Гудима*, цеховой Лаврентій *Овчаровъ*, мѣщанинъ Михаилъ *Стеценко* и крестьянинъ Василій *Хохловъ*, гимназій: Рижской Александровской, крестьянинъ Ефимъ *Гайсенокъ*, Юрьевской Императора Александра I Благословеннаго, запасный рядовой Янъ *Эрикъ*, Рыбинской: изъ крестьянъ: Иванъ *Каманинъ* и Арефій *Богдановъ*, мужскихъ: Херсонской первой, отставной ефрейторъ Павелъ *Тарановъ*, Варшавскихъ: второй, крестьянинъ Василій *Селивончукъ*, третьей, отставной рядовой Ѳеодоръ *Ярошенко* и Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, мѣщанинъ Павелъ *Антиповъ*, Кіевской второй: отставной рядовой Моисей *Бассарабъ*, мѣщанинъ Макарій *Чепкій* и отставной рядовой Трофимъ *Брыльковъ*, Стародубской: крестьянинъ Андрей *Дуда* и отставной ефрейторъ Ѳедоръ *Лужковъ*, Нижегородской второй, изъ крестьянъ, Григорій *Малышевъ* и Минской: крестьянинъ Семенъ *Борейко* и мѣщане: Моисей *Петровичъ* и Андрей *Северукъ* и Хабаровской женской, мѣщанинъ Иванъ *Кукинъ*, реальныхъ училищъ: Рижскаго Императора Петра I: крестьяне Іосифъ *Раковскій* и Францъ *Вайткайтисъ*, Казанскаго перваго, крестьянинъ Зиновій *Гоголенковъ*, Тульскаго: изъ крестьянъ: Иванъ *Лихачевъ*, Александръ *Филимоновъ* и Петръ *Никитинъ*, частнаго Шахмагонова въ Калугѣ, запасный рядовой Василій *Акининъ*, Владимірскаго: отставные рядовые: Ѳедоръ *Макаровъ* и Андрей *Александровъ* и Пензенскаго: мѣщане: Алексѣй *Шабановъ* и Яковъ *Крыловъ*, высшихъ начальныхъ училищъ: Петроградскаго Коломенскаго, изъ крестьянъ, Спи-

ридонъ *Мокровъ*, Петроградскаго Выборгскаго, изъ крестьянъ, Иванъ *Ефимовъ*, Нижне - Ломовскаго, отставной унтеръ-офицеръ Даніилъ *Плаксунъ*, Березовскаго, изъ крестьянъ, Яковъ *Коваль*, Одесскихъ: перваго Имени Императора Александра I Благословеннаго, изъ крестьянъ, Моисей *Демченко* и второго Ефрусси: изъ крестьянъ, Эдуардъ *Стасюкенасъ* и, изъ мѣщанъ, Феликсъ *Балюковичъ*, Императорскаго Московскаго техническаго училища, мѣщанинъ Викторъ *Ковальчукъ* и крестьяне: Василій *Кузьминъ*, Григорій *Денисовъ*, Комисаровскаго техническаго училища: крестьяне: Алексѣй *Сергѣевъ* и Михаилъ *Алешкинъ*, Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта московскаго дворянства: крестьяне: Исидоръ *Громыко* и Дмитрій *Саулинъ*, педагогическаго музея Имени Цесаревича Алексѣя въ Кіевѣ, крестьянинъ Никифоръ *Игнатовъ*, Московскаго городского ремесленнаго училища имени Шелапутина: мѣщанинъ Даніилъ *Смирновъ* и крестьянинъ Андрей *Хвостенко*, служительница Петроградскихъ высшихъ женскихъ историко-литературныхъ и юридическихъ курсовъ, вдова мѣщанина Анна *Емельянцева*, рязанскій купецъ Ѳома *Лютермозеръ*, фотографъ при фотографическомъ кабинетѣ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, крестьянинъ Евгеній *Чувакинъ*, поваръ пансіона Кишиневской Императора Александра I Благословеннаго гимназіи, казакъ Самсонъ *Юхименъ*, садовникъ Алферовской учительской семинаріи, крестьянинъ Иванъ *Заралкинъ*, сидѣлка терапевтической клиники Императорскаго Казанскаго университета, крестьянка Прасковья *Малышева*, экономка интерната Хабаровской женской гимназіи, крестьянка Дарья *Моисеева*, полотеры: канцеляріи попечителя Петроградскаго учебнаго округа, крестьянинъ Василій *Герасимовъ* и Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта московскаго дворянства, крестьянинъ Ефимъ *Филипповъ*, истопникъ Владимірскаго реальнаго училища, отставной рядовой Андрей *Ланцухъ*, дворники: управленія Варшавскаго учебнаго округа, крестьянинъ Алексѣй *Вацекъ*, Петроградской седьмой гимназіи, изъ крестьянъ, Федоръ *Семеновъ* и Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, запасный рядовой Александръ *Новацинскій*, десятникъ по строительнымъ работамъ при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ, крестьянинъ Степанъ *Ивановъ*, мѣщанинъ гор. Рязани Александръ *Вавиловъ* и крестьянинъ Солигаличскаго уѣзда Василій *Чистяковъ*.

IV. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(1-го декабря 1915 года, № 86). *Опредѣляются* на службу: окончившіе курсъ наукъ въ Императорскихъ университетахъ съ дипломами: 1-й степени, *Аусей* и 2-й степени, *Орловъ*—директорами: первый реальнаго училища Аусея въ гор. Венденѣ, съ 23-го сентября, а второй—Павловской, Нижегородской губерніи, гимназіи, съ 18-го октября.

Назначается, младшій ученый хранитель минералогическаго отдѣленія геологическаго и минералогическаго музея Имени Императора Петра Великаго Императорской Академіи Наукъ, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Рачковскій*—старшимъ ученымъ хранителемъ геологическаго отдѣленія того же музея, съ 18-го марта.

Утверждается, согласно избранію, неимѣющій чина *Авраамовъ*—почетнымъ попечителемъ средняго строительно-техническаго училища Бѣлоголовова, въ Петроградѣ, на три года.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: преподаватель Ревельской городской торговой школы, статскій совѣтникъ *Каннъ*, съ утвержденіемъ директоромъ Ревельскаго реальнаго училища, согласно избранію; старшій лаборантъ Петроградскаго политехническаго института Императора Петра Великаго, надворный совѣтникъ *Калачевъ*—директоромъ Вяземской Императора Александра III, Смоленскаго земства, гимназіи.

Перемѣщается, помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Любомудровъ*—помощникомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа.

Оставляется за штатомъ, директоръ частной гимназіи Н. П. Евневича въ гор. Смоленскѣ, коллежскій секретарь *Евневичъ*, съ 1-го іюля, по случаю закрытія означенной гимназіи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Тираспольскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Юрьевъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*—бухгалтеръ департамента общихъ дѣлъ *Шатворьянцъ*—съ 5-го октября 1915 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*—помощникъ журналиста департамента общихъ дѣлъ *Селезневъ*—съ 5-го октября 1915 г.; въ

коллежскіе регистраторы: канцелярскіе служители департамента общихъ дѣлъ: *Григорьевъ*—съ 3-го апрѣля 1915 г. и *Гудковъ*—съ 10-го октября 1915 г.

По Петроградскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ, со старшинствомъ, *титулярнаго совѣтника*—врачъ Молвотицкаго двухкласснаго училища министерства *Суворовъ*—съ 1-го марта 1910 г., по степени лѣкаря.

По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, врачъ частной женской гимназіи М. В. Приклонской, въ Москвѣ, *Борисовъ*—съ 30-го сентября 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Прове*—съ 27-го января 1912 г.; бывшій врачъ частной женской гимназіи М. В. Приклонской, въ Москвѣ, нынѣ въ отставкѣ, *Каптеревъ*—съ 22-го мая 1910 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*—учитель Рогожскаго высшаго начальнаго училища *Селезневъ*—съ 9-го октября 1911 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*—письмоводитель Тверского реальнаго училища *Волковъ*—съ 1-го іюля 1912 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*—письмоводитель Калужскаго реальнаго училища *Ремезовъ*—съ 19-го апрѣля 1911 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: бывшій учитель Брянскаго средняго техническаго училища *Комаренко*, онъ же Комарь,—съ 1-го ноября 1897 г.; наставникъ Карачевской учительской семинаріи *Роговъ*—съ 1-го декабря 1910 г.; *коллежскаго секретаря*: учители городскихъ училищъ: 2-го Московскаго, *Малютинъ*—съ 1-го іюля 1903 г. и Ефремовскаго, бывшій, *Адоницкій*—съ 10-го сентября 1902 г.

По Одесскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго ассессора*, наставникъ Аккерманской учительской семинаріи, губернскій секретарь *Ризположенскій*—съ 1-го августа 1909 г.

По Казанскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго ассессора*, наставникъ Казанской учительской семинаріи, коллежскій секретарь *Даулей*—съ 27-го сентября 1903 г.

По Рижскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго ассессора*, бывшій учитель Аренсбургской

Алексѣевской гимназіи, нынѣ въ отставкѣ, *Волковъ*—съ 1-го августа 1907 г.

Опредѣляется на службу, изъ отставныхъ, надворный совѣтникъ *Нечаевъ*—директоромъ гимназіи В. В. Нечаевой въ Москвѣ, съ 26-го сентября.

Назначаются: завѣдывающій врачебно-санитарною частью учебныхъ заведеній департамента народнаго просвѣщенія, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Незнамовъ*—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, сверхъ штата; инспекторъ народныхъ училищъ Орловской губерніи, статскій совѣтникъ *Бакулинъ* и преподаватели женскихъ гимназій: частной, Е. Л. Ивановой въ Москвѣ, статскій совѣтникъ *Брюхоненко*, Тираспольской, статскій совѣтникъ *Ляборинскій* и Шувалово-Озерковской, кандидатъ богословія *Наумовъ*—директорами гимназій: первый—Брянской, второй—общества устройства средняго учебнаго заведенія въ селѣ Всѣхсвятскомъ, Московской губерніи, третій—общества для устройства и содержанія учебныхъ заведеній въ мѣстечкѣ Каховкѣ, Таврической губерніи, и послѣдній—Шувалово-Озерковской, изъ нихъ Брюхоненко съ 24-го ноября; тайный совѣтникъ *Мамантовъ*—почетнымъ попечителемъ частной женской гимназіи О. Д. Дедюлиной въ Петроградѣ, на три года, съ 24-го ноября.

Утверждаются, согласно избранію: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ гражданскаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дормидонтовъ*—вновь ректоромъ того же университета, на три года, съ 10-го октября; ординарный профессоръ Петроградскаго женскаго медицинскаго института, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Верховскій*—вновь директоромъ того же института, на два года, съ 28-го сентября; коллежскій секретарь *Ковалевъ* и купецъ 2-й гильдіи *Красновъ*—почетными попечителями реальныхъ училищъ: Ковалевъ—Елисаветградскаго земскаго, съ 26-го сентября, а Красновъ—Павлопосадскаго, съ 4-го сентября, оба на три года.

Увольняются отъ службы: согласно прошеніямъ: директоръ Брянской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кузнецовъ* и состоящій за штатомъ директоръ частной гимназіи Панова въ гор. Петроковѣ, статскій совѣтникъ *Пановъ*, изъ нихъ послѣдній съ 1-го августа, оба съ мундирами, означенной должности присвоенными; согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Рижскаго городского реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Вестбергъ*.

(17-го декабря 1915 года, № 90). *Назначаются*: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Тираспольскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Ивановъ* — директоромъ того же училища; инженеръ-технологъ *Эфронъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Петроградскаго низшаго химико-техническаго училища, на три года, съ 23-го августа.

Утверждается, согласно избранію, купецъ 1-й гильдіи *Ферманъ*—почетнымъ попечителемъ реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила, въ Москвѣ, на три года, съ 9-го сентября.

Перемѣщается директоръ реальнаго училища Е. А. Миллеръ въ гор. Ригѣ, статскій совѣтникъ *Папиловъ*—директоромъ Валкскаго реальнаго училища.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, почетный попечитель реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила, въ Москвѣ, потомственный почетный гражданинъ *Кентманъ*, съ 9-го сентября.

По Намѣстничеству Его Императорскаго Величества на Кавказѣ. По Кавказскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, въ *коллежскіе регистраторы* письмоводитель Урупскаго реальнаго училища *Хлыстуновъ*—съ 1-го ноября 1914 г.

По Одесскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, врачъ Одесскихъ приходскихъ № 41, № 44, № 46, № 69 и № 70 училищъ *Милевскій*—съ 30-го октября 1914 г.

По Кіевскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго секретаря*, учитель Бѣлоцерковскаго высшаго начальнаго училища *Поливяный*—съ 1-го августа 1910 г.

По Виленскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ со старшинствомъ, *коллежскаго секретаря*, учитель Чечерскаго высшаго начальнаго училища *Ковалевъ*—съ 1-го марта 1910 г.

По Западно-Сибирскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго ассессора*, бывшій учитель Омскаго учительскаго института *Спиридоновъ*—съ 30-го октября 1908 г.

По Варшавскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Астаховъ*—съ 5-го октября 1912 г.; канцелярскій чиновникъ Императорскаго Варшавскаго университета *Новицкій*—съ 28-го сентября 1913 г.

Утверждается въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго ассессора*, учитель Кѣлецкой гимназіи *Фарфоровскій*—съ 10-го сентября 1905 г.

V. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

6. (24-го ноября 1915 года, № 850). *О добавочныхъ урокахъ.*

Начальствами нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ возбуждены ходатайства о порученіи преподавателямъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ 1915—16 учебномъ году добавочныхъ сверхъ установленной закономъ 10-го мая 1912 года нормы уроковъ.

По этому поводу считаю необходимымъ объяснить, что преподавателямъ названныхъ учебныхъ заведеній могутъ быть поручаемы добавочные уроки, но лишь при условіи, чтобы число этихъ уроковъ не превышало для каждаго отдѣльнаго лица пяти въ недѣлю. Если же у даннаго преподавателя дополнительныхъ уроковъ сверхъ узаконеннаго числа окажется болѣе 5-ти, то таковые уроки должны быть поручаемы лицамъ педагогическаго персонала среднихъ учебныхъ заведеній, эвакуированныхъ и по тѣмъ или инымъ причинамъ не функціонирующихъ, при чемъ вознагражденіе симъ послѣднимъ должностнымъ лицамъ должно быть выдаваемо только за тѣ уроки, которые явятся добавочными по отношенію къ урокамъ, которые имъ оплачиваются въ учебномъ заведеніи эвакуированномъ.

7. (26-го ноября 1915 года, № 791). *О частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Въ виду различнаго толкованія примѣчанія 4-го къ ст. 8-й закона 1-го іюля 1914 года объ измѣненіи нѣкоторыхъ узаконеній о мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, содержимыхъ на счетъ частныхъ лицъ, а также земствъ, городовъ, сословій и обществъ, департаментъ народнаго просвѣщенія, по распоряженію его сіятельства г. министра, имѣетъ честь увѣдомить ваше превосходительство для свѣдѣнія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ, что всѣ должностныя лица *вновь открываемыхъ* общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ частными лицами, (а также земствами, городами, сословіями и обществами), назначаются попечителемъ округа *по соглашенію съ содержателемъ даннаго учебнаго заведенія*, директоры же содержимыхъ на означенныя средства мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ *изби-*

раются тѣмъ же порядкомъ (т. е. попечителемъ учебнаго округа *по соглашенію съ содержателями*), но представляются въ общемъ порядкѣ (ст. ст. 1503 и 1724 св. зак., уст. учебн. завед.) на утвержденіе министерства.

8. (27-го ноября 1915 г., № 868). *О преподавательницахъ новыхъ языковъ.*

Принимая во вниманіе, что по закону (ст. 11 закона 10-го мая 1912 г. объ улучшеніи матеріальнаго положенія служащихъ въ среднихъ общеобразовательныхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ и окружныхъ инспекторовъ) лица женскаго пола, имѣющія званіе домашней наставницы или учительницы по новымъ языкамъ, допускаются къ преподаванію сихъ языковъ во всѣхъ классахъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, при чемъ въ отношеніи окладовъ содержанія и правъ на пенсію и единовременныя пособія, эти учительницы приравниваются къ учителямъ съ соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ, министерство народнаго просвѣщенія считаетъ необходимымъ разъяснить для руководства при пріемѣ на одногодичные курсы для подготовленія учителей и учительницъ среднихъ учебныхъ заведеній, что лица женскаго пола, пріобрѣвшія по спеціальному испытанію званіе домашней учительницы по новымъ языкамъ, имѣютъ право поступать на упомянутые одногодичные курсы по отдѣлу новыхъ языковъ, такъ какъ требуемый п. 3 приложенія къ ст. 1463 т. XI св. зак. ч. 1 по продолж. 1912 г. отъ поступающихъ на эти курсы цензъ—„съ образованіемъ не ниже средняго“ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ не ниже средняго образованія по предмету избранной спеціальности.

9. (27-го ноября 1915 года, № 1221). *О степеняхъ магистра и доктора исторіи русскаго права.*

Состоявшееся въ мартѣ сего года въ г. Москвѣ совѣщаніе профессоровъ русской исторіи и исторіи русскаго права Императорскихъ Россійскихъ университетовъ на основаніи соображеній, изложенныхъ въ прилагаемой запискѣ, возбудило ходатайство объ установленіи степеней магистра и доктора исторіи русскаго права.

Ознакомившись съ настоящимъ ходатайствомъ и принявъ во вниманіе, что необходимость учрежденія названныхъ ученыхъ степеней была признана послѣ всесторонняго разсмотрѣнія означеннаго вопроса въ комиссіи по реформѣ высшихъ учебныхъ заведеній еще въ 1902 г.,

я на основаніи ст. 491 т. XI, ч. I св. зак. изд. 1893 г., призналъ цѣлесообразнымъ дополнить утвержденное министромъ народнаго просвѣщенія 4-го января 1864 г. Положеніе объ испытаніяхъ на ученыя степени установленіемъ вышеупомянутыхъ степеней, для пріобрѣтенія которыхъ требуется нижеслѣдующій составъ магистерскаго испытанія: главный предметъ — исторія русскаго права, дополнительный предметъ — государственное право или гражданское или уголовное право по выбору экзаменующагося.

Сообщая объ изложенномъ, для зависящихъ распоряженій, прошу ваше превосходительство обратить вниманіе юридическаго факультета, что по проекту, выработанному въ 1902 г., въ качествѣ дополнительнаго предмета входила еще и русская исторія, поэтому если юридическіе факультеты признаютъ такое дополненіе необходимымъ, то со стороны министерства народнаго просвѣщенія къ сему не встрѣтится препятствій.

Записка о необходимости и неотложности установленія степеней магистра и доктора исторіи русскаго права.

Порядокъ пріобрѣтенія ученыхъ степеней по всѣмъ факультетамъ (кромѣ медицинскаго) и доселѣ нормируется весьма устарѣвшимъ „Положеніемъ объ испытаніяхъ на ученыя степени", утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія въ началѣ 1864 г. (Журналъ Совѣта Мин. Нар. Просвѣщенія 4-го января 1864 г.).

Къ положенію этому присоединены таблицы испытаній на степень магистра, гдѣ по юридическому факультету указаны нижеслѣдующіе семь „разрядовъ наукъ", по коимъ можно пріобрѣтать ученыя степени магистра и доктора: 1) гражданское право, 2) уголовное право, 3) государственное право, 4) полицейское право, 5) финансовое право, 6) международное право и 7) политическая экономія.

Значительно позже, а именно въ февралѣ 1891 г., означенный списокъ „разрядовъ магистровъ" и докторовъ, по наукамъ юридическаго факультета, пополненъ еще однимъ, а именно по распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія установлены были новыя степени *магистра и доктора римскаго права.* Такимъ образомъ и до настоящаго времени *отсутствуютъ степени магистра и доктора исторіи русскаго права,* т. е. той обширной и самостоятельной науки, которая введена въ кругъ предметовъ юридическаго факультета университетскими уставами 1863 и 1884 гг.

Потребность въ установленіи названныхъ сейчасъ ученыхъ степе-

ней магистра и доктора исторіи русскаго права уже давно сознана. Какъ намъ извѣстно, еще въ девяностыхъ годахъ юридическіе факультеты отдѣльныхъ университетовъ,—выражая, въ виду предстоявшихъ проектовъ новаго университетскаго устава, свои desiderata по вопросу о числѣ каѳедръ и вообще устройствѣ учебной части, — заявляли, между прочимъ, также о *необходимости установленія ученыхъ степеней по исторіи русскаго права*. Но, какъ это заявленіе, такъ и другія desiderata, высказанныя отдѣльными юридическими факультетами, и въ томъ числѣ юридическимъ факультетомъ Кіевскаго университета, и въ концѣ девяностыхъ годовъ, и въ началѣ настоящаго столѣтія, остались, подобно нѣсколькимъ проектамъ новаго университетскаго устава, безъ практическаго осуществленія.

Намъ представляется, что нѣтъ никакой надобности ждать составленія и утвержденія въ законодательномъ порядкѣ новаго университетскаго устава, который, подобно уставу 1884 г., можетъ и не коснуться пересмотра устарѣвшаго положенія 1864 года объ испытаніяхъ на ученыя степени, а необходимо немедленно же, тѣмъ или другимъ путемъ, возбудить передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство объ установленіи ученыхъ степеней магистра и доктора исторіи русскаго права, тѣмъ болѣе, что удовлетвореніе этого ходатайства вовсе не требуетъ сложной законодательной процедуры,—какъ это было сдѣлано въ 1891 г. по отношенію къ римскому праву, путемъ соотвѣтствующаго распоряженія г. министра народнаго просвѣщенія.

Намъ далѣе представляется, что для соотвѣтствующаго ходатайства слѣдуетъ воспользоваться настоящимъ моментомъ, когда въ Москвѣ по случаю разрѣшеннаго г. министромъ совѣщанія профессоровъ русской исторіи и исторіи русскаго права собрались представители каѳедры исторіи русскаго права всѣхъ россійскихъ университетовъ, въ коихъ существуетъ юридическій факультетъ.

Что касается всѣмъ намъ хорошо извѣстныхъ мотивовъ для возбужденія проектированнаго ходатайства, то, съ своей стороны, считаемъ не лишнимъ указать, хотя бы вкратцѣ, на главнѣйшіе изъ нихъ.

Прежде всего установленія ученыхъ степеней магистра и доктора исторіи русскаго права требуетъ уже самое *достоинство этой науки*, составляющей нашу спеціальность, *ея объемъ и значеніе въ системѣ юридическаго образованія*. Какъ извѣстно, право подлежитъ изученію и изучается тремя методами: догматическимъ, философскимъ и историческимъ. Относительное достоинство каждаго изъ нихъ испытано

цѣлыми вѣками въ исторіи европейскаго правовѣдѣнія. Со временъ исторической школы, историческій методъ признанъ однимъ изъ важнѣйшихъ. Нынѣ всѣ три примѣняются, по возможности, въ равной мѣрѣ. Право въ его настоящемъ (дѣйствующемъ) видѣ изучается путемъ догматическимъ; право въ его движеніи къ будущему (къ усовершенствованіямъ) является предметомъ философскаго изученія. Право въ прошедшемъ есть *его исторія*. Очевидно, исторія права есть одинъ изъ главныхъ устоевъ правовѣдѣнія и есть наука не только самостоятельная, но и существенная. Она имѣетъ свои особенности, требующія *иныхъ пріемовъ изученія*, чѣмъ прочія юридическія науки. Она есть одна изъ *спеціальныхъ* вѣтвей общей науки исторіи (наравнѣ съ исторіею религіи, литературы и пр.), слѣдовательно, требуетъ знакомства съ общими методологическими пріемами наукъ историческихъ. Отнюдь нельзя допустить мысли, что всякій хорошій знатокъ одной какой либо части дѣйствующаго права (цивилистъ, криминалистъ или публицистъ) уже по этому одному можетъ быть и хорошимъ историкомъ права.

Во-вторыхъ, отсутствіе спеціальныхъ ученыхъ степеней по исторіи русскаго права заставляетъ замѣщать эту каѳедру представителями *другихъ* юридическихъ дисциплинъ, преимущественно же магистрами и докторами государственнаго права, а это послѣднее обстоятельство въ свою очередь сказывается и при томъ неблагопріятно на разработкѣ науки исторіи русскаго права. Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что, со временъ университетскаго устава 1863 г. и по наши дни, каѳедру исторіи русскаго права занимали преимущественно магистры и доктора *государственнаго права*, изъ всѣхъ частей нашей науки наибольшую разработку получила именно исторія русскаго государственнаго права, а сравнительно наименьшую исторія русскаго гражданскаго и уголовнаго права, а равно и исторія процесса. Безъ всякаго сомнѣнія, отмѣченная сейчасъ неравномѣрность научной разработки исторіи отечественнаго права не имѣла бы мѣста, если бы каѳедра исторіи русскаго права замѣщалась лицами, спеціально подготовленными къ ней, т. е. обладающими тѣми учеными степенями, каковыхъ пока нѣтъ и на установленіи которыхъ мы крѣпко настаиваемъ.

Въ-третьихъ, наконецъ, установленіе ученыхъ степеней по исторіи русскаго права настоятельно необходимо и въ интересахъ пополненія кадра будущихъ представителей каѳедры исторіи русскаго права.

Въ настоящее время, благодаря именно отсутствію названныхъ ученыхъ степеней, чрезвычайно затруднительно оставлять молодыхъ

людей при университетахъ въ качествѣ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ исторіи русскаго права. Въ самомъ дѣлѣ, всякій такой стипендіатъ, лишенный возможности пріобрѣсти ученую степень по исторіи русскаго права, долженъ по необходимости избрать для своего будущаго магистерскаго экзамена одну изъ дисциплинъ дѣйствующаго права (обыкновенно государственное или уголовное право) и, благодаря этому, сразу попадаетъ *въ чрезвычайно затруднительное положеніе*, сравнительно съ прочими аспирантами высшихъ ученыхъ степеней: ему приходится нести *двойной трудъ*,—во-первыхъ: подготовляться по одной изъ частей *дѣйствующаго* права, совершенно наравнѣ съ другими специалистами по данной наукѣ, а во-вторыхъ, заниматься своимъ излюбленнымъ предметомъ. Естественно, что эта двойная работа, требующая и большихъ силъ и большаго времени для своего исполненія, и при томъ работа, такъ сказать, раздваивающая вниманіе аспиранта и значительно отвлекающая его отъ избранной имъ науки, отнюдь не можетъ способствовать *привлеченію* молодыхъ людей къ спеціализаціи по исторіи русскаго права въ качествѣ стипендіатовъ по этой каѳедрѣ, тѣмъ болѣе, что указанными затрудненіями по подготовкѣ къ магистерскому экзамену не исчерпывается все неудобство существующаго порядка. Будущему историку права, выдержавшему магистерскій экзаменъ, предстоитъ немало затрудненій также и при выборѣ темы для магистерской и докторской диссертацій. Онъ долженъ непремѣнно представить работу по юридической дисциплинѣ, бывшей предметомъ его магистерскаго испытанія (по госуд., уголовн. или граж. пр.), между тѣмъ какъ въ кругѣ предметовъ его историческаго изученія, избранныхъ имъ и подготовленныхъ, соотвѣствующаго вопроса можетъ не оказаться. Напр., онъ посвящаетъ свою спеціальную работу какому либо памятнику права, содержаніе котораго касается всѣхъ частей права и который имъ изслѣдуется вовсе не со стороны его содержанія, а напр. со стороны его источниковъ, происхожденія и т. д. Магистрантъ долженъ въ такомъ случаѣ отступить отъ своего выбора темы и искать другую, уже по своей экзаменной спеціальности, къ явному вреду для себя и для своей науки.—Нельзя не отмѣтить также, что нынѣшняя постановка дѣла подготовленія спеціалистовъ для замѣщенія каѳедры исторіи русскаго права, независимо отъ указанныхъ трудностей, выпадающихъ на долю будущихъ историковъ права, представляетъ большія неудобства и для ихъ ближайшихъ руководителей, профессоровъ исторіи русскаго права, а вмѣстѣ и для самаго дѣла.

Разъ стипендіатъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ исторіи русскаго права долженъ для своего магистерскаго экзамена избрать *не исторію права*, а какую либо другую юридическую науку, которой, въ сущности,—по крайней мѣрѣ съ формальной стороны,—этотъ экзаменъ и ограничивается, то профессоръ-руководитель по исторіи права принужденъ частью *сокращать* требованія по своей спеціальности, частью *отлагать* выполненіе ихъ на время послѣ магистерскаго экзамена. Очевидно, что всѣ указанныя затрудненія легко устраняются лишь при одномъ условіи,—если будущій историкъ права все время отъ момента оставленія при университетѣ въ качествѣ стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ исторіи русскаго права и до полученія существующихъ ученыхъ степеней будетъ пребывать въ *кругѣ своей науки*; другими словами, если будутъ установлены ученыя степени по каѳедрѣ исторіи русскаго права.

Всѣ вышеизложенныя соображенія съ несомнѣнностью, кажется, доказываютъ, что нынѣшній весьма неудобный и даже ненормальный порядокъ пріобрѣтенія ученыхъ степеней для будущихъ представителей каѳедры исторіи русскаго права долженъ быть незамедлительно отмѣненъ и замѣненъ другимъ, болѣе правильнымъ и соотвѣтствующимъ интересамъ обширной науки исторіи русскаго права, столь важной въ системѣ юридическаго образованія, а именно установленіемъ степеней магистра и доктора исторіи русскаго права.

Установленіе означенныхъ степеней является настоятельной и неотложной необходимостью въ интересахъ какъ самой науки исторіи русскаго права, такъ и тѣхъ, нерѣдко вполнѣ пригодныхъ по талантливости, прилежанію и даже предварительной подготовкѣ, молодыхъ людей, которыхъ нынѣшній порядокъ часто отпугиваетъ отъ университетской службы и каѳедры.

Высказываясь горячо за установленіе ученыхъ степеней по исторіи русскаго права, мы далеки, однако, отъ мысли сдѣлать будущихъ представителей названной каѳедры *больше чистыми историками, чѣмъ юристами*. Напротивъ, въ видахъ сохраненія болѣе тѣсной связи спеціалиста по исторіи русскаго права съ *другими вѣтвями правовѣдѣнія*, мы предложили бы при введеніи ученыхъ степеней по исторіи русскаго права установить слѣдующее правило:

для полученія степени магистра исторіи русскаго права лицо, ищущее оную, должно подвергнуться при факультетѣ испытанію: а) по исторіи русскаго права, какъ по *главному предмету*, и б) по госу-

дарственному, или уголовному, или гражданскому праву (по выбору экзаменующагося), какъ по *вспомогательному* (дополнительному) предмету. 28 марта 1915 г.

Подписали: заслуженный профессоръ Михаилъ Владимирскій-Будановъ, заслуженный профессоръ Александръ Филипповъ, и. д. ординарнаго профессора Университета Св. Владиміра по каѳедрѣ исторіи русскаго права Михаилъ Ясинскій.

10. (30-го ноября 1915 года, № 1022). *О временномъ видоизмѣненіи награды первой степени ученикамъ.*

Однимъ изъ учебно-окружныхъ начальствъ представлено было на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія предположеніе о временномъ видоизмѣненіи награды первой степени ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній, а именно: предположено замѣнить выдачу книгъ одною изъ памятныхъ о настоящей великой войнѣ медалей, съ надписью „Русскій солдатъ—гордость Россіи", „Русскіе—братьямъ полякамъ" и „Русскіе—братьямъ славянамъ", съ тѣмъ, чтобы въ видѣ награды первой степени выдавалось такимъ образомъ по похвальному листу и одной изъ упомянутыхъ медалей.

Находя изложенное предположеніе мѣрою полезною въ учебно-воспитательномъ отношеніи и соотвѣтствующею важности переживаемаго Россіею историческаго момента, министерство народнаго просвѣщенія дало подлежащему учебно-окружному начальству разрѣшеніе на осуществленіе такого предположенія.

О такомъ распоряженіи министерства увѣдомляю ваше превосходительство, рекомендуя упомянутую мѣру къ осуществленію и въ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа.

11. (30-го ноября 1915 года, № 1025). *О порядкѣ утвержденія членовъ родительскихъ комитетовъ.*

Съ цѣлью облегченія условій организаціи повсемѣстно при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ родительскихъ комитетовъ министерство признало возможнымъ и необходимымъ, въ измѣненіе п. 6 циркулярнаго распоряженія министерства отъ 23-го іюня 1911 года за № 20555, отмѣнить порядокъ утвержденія попечителемъ учебнаго округа всѣхъ лицъ, избранныхъ въ составъ родительскаго комитета, сохранивъ таковой лишь для предсѣдателя, какъ лица, облеченнаго большими полномочіями и пользующагося правами почетнаго попечителя средняго учебнаго заведенія, и для его товарищей. Для сего надлежитъ

циркулярное распоряженіе министерства отъ 1-го сентября сего года за № 39896 дополнить слѣдующимъ 6 пунктомъ.

„6. По сформированіи родительскаго комитета и выборѣ предсѣдателя и его товарищей, директоромъ гимназіи (или реальнаго училища, или предсѣдателемъ педагогическаго совѣта женской гимназіи) немедленно представляется попечителю учебнаго округа, вмѣстѣ со всѣмъ дѣлопроизводствомъ по выборамъ для провѣрки правильности производства таковыхъ, подробный именной списокъ всѣхъ входящихъ въ составъ родительскаго комитета лицъ. По истеченіи мѣсячнаго срока со дня отправленія въ округъ списка, если не послѣдуетъ никакихъ возраженій со стороны начальства учебнаго округа, слѣдуетъ выборы считать произведенными правильно, а предсѣдателя и его товарищей утвержденными въ семъ званіи“.

Объ изложенномъ сообщаю вашему превосходительству для руководства въ подлежащихъ случаяхъ и для соотвѣтствующихъ распоряженій по ввѣренному вамъ округу.

12. (5-го декабря 1915 года, № 1198). *Объ испытаніяхъ среди учебнаго года.*

Однимъ изъ учебно-окружныхъ начальствъ представлено было на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія ходатайство педагогическаго совѣта подвѣдомственнаго ему реальнаго училища о разрѣшеніи производить испытанія, указанныя въ циркулярномъ распоряженіи отъ 30-го сентября сего года за № 45344, безъ соблюденія правилъ о выпускныхъ испытаніяхъ, предоставивъ преподавателямъ училища производить эти испытанія такъ же, какъ производятся испытанія лицамъ, поступающимъ въ училище среди учебнаго года, т. е. въ свободные отъ уроковъ часы и при наличіи трехъ только преподавателей.

Удовлетворивъ указанное ходатайство, министерство народнаго просвѣщенія считаетъ нужнымъ увѣдомить о такомъ распоряженіи ваше превосходительство, разрѣшая примѣнить эту мѣру въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго вамъ округа при производствѣ испытаній молодымъ людямъ, желающимъ поступить на военную службу, за курсъ 8 классовъ гимназій и 6 и 7 классовъ реальныхъ училищъ.

13. (6-го декабря 1915 года, № 992). *Объ отсрочкахъ призыва по мобилизаціи.*

Увѣдомляю ваше превосходительство, для свѣдѣнія и руководства, что, въ виду преобладанія въ составѣ воспитанниковъ учительскихъ

институтовъ бывшихъ народныхъ учителей, не имѣющихъ возможности закончить курсъ къ 24-лѣтнему возрасту, по соглашенію министерствъ—военнаго и внутреннихъ дѣлъ признано возможнымъ предоставить тѣмъ нижнимъ чинамъ запаса и ратникамъ 1-го и 2-го разрядовъ, воспитанникамъ этихъ учебныхъ заведеній, которые поступили въ институты съ учительскихъ мѣстъ, отсрочки призыва по мобилизаціи, но не далѣе окончанія того учебнаго года, въ коемъ имъ исполняется 27 лѣтъ отъ роду, и при условіи, чтобы этой льготой воспользовались лишь тѣ изъ означенныхъ лицъ, которыя поступили въ институты еще до начала войны.

Соотвѣтствующія распоряженія по военному вѣдомству сдѣланы.

14. (7-го декабря 1915 года, № 1100). *О лицахъ, представляемыхъ къ утвержденію въ званіи учителя средняго учебнаго заведенія.*

Въ циркулярномъ предложеніи отъ 19-го іюня сего года за № 27943 министерство народнаго просвѣщенія, давая указанія относительно приведенія въ исполненіе Высочайше утвержденнаго 26-го мая журнала совѣта министровъ, между прочимъ, коснулось лицъ, хотя и окончившихъ университетскій курсъ, но не по тому отдѣленію (или даже факультету), которое соотвѣтствуетъ ихъ преподавательской спеціальности, а также окончившихъ курсъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, кромѣ университетовъ и духовныхъ академій.

Признавая возможнымъ утверждать лицъ и изъ этихъ категорій въ званіи учителя средняго учебнаго заведенія, министерство высказало предположеніе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобные вопросы будутъ подлежать обсужденію въ ученомъ комитетѣ. Однако, само собой разумѣется, что это предположеніе отнюдь не должно связывать учебно-окружныя управленія въ представленіи въ министерство народнаго просвѣщенія лицъ, достойныхъ по своимъ педагогическимъ познаніямъ и опыту, къ утвержденію въ званіи учителя средняго учебнаго заведенія.

Объ этомъ считаю долгомъ увѣдомить ваше превосходительство въ дополненіе къ означенному циркуляру за № 27943.

15. (8-го декабря 1915 года, № 1036). *О лицахъ, окончившихъ курсъ Императорскаго педагогическаго института.*

Увѣдомляю ваше превосходительство для свѣдѣнія и руководства, что министерство народнаго просвѣщенія признало возможнымъ предоставить право получать отъ попечителя учебнаго округа свидѣтель-

ство на званіе учительницы среднихъ учебныхъ заведеній всѣмъ окончившимъ полный 4-лѣтній курсъ Императорскаго педагогическаго института и представившимъ удостовѣренія о практическихъ педагогическихъ занятіяхъ въ теченіе 9 полугодій или выполнившимъ требованія педагогическаго стажа на общихъ основаніяхъ.

16. (11-го декабря 1915 года, № 1230). *Объ окончательныхъ испытаніяхъ въ частныхъ гимназіяхъ.*

По дѣйствующимъ правиламъ, учащіеся частныхъ мужскихъ и женскихъ гимназій, съ правами для учащихся, на окончательныхъ испытаніяхъ, при депутатахъ отъ учебнаго округа, подвергаются экзаменамъ и по тѣмъ предметамъ, изученіе коихъ закончено ими въ среднихъ классахъ. Считая такой порядокъ излишне затрудняющимъ учащимся выпускного класса указанныхъ учебныхъ заведеній прохожденіе учебнаго курса, министерство народнаго просвѣщенія признаетъ болѣе соотвѣтственнымъ, чтобы экзамены въ мужскихъ и женскихъ полуправныхъ гимназіяхъ по тѣмъ предметамъ, отмѣтки по которымъ обязательны для полученія учащимися правъ, производились при депутатахъ въ тѣхъ классахъ, гдѣ заканчивается изученіе этихъ предметовъ.

Объ этомъ увѣдомляю ваше превосходительство, для зависящихъ распоряженій.

17. (14-го декабря 1915 года, № 3546). *О привлеченіи учителей и учительницъ низшихъ учебныхъ заведеній къ дѣлу собиранія свѣдѣній о бѣженцахъ.*

Предсѣдатель особаго совѣщанія по устройству бѣженцевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ, что особое совѣщаніе, разсматривая въ засѣданіи 26-го минувшаго ноября предположенія комиссіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Кони, объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ бѣженцевъ, остановилось также на вопросѣ объ организаціи надлежащей регистраціи такихъ лицъ. Признавъ, что дѣло регистраціи бѣженцевъ, по самому свойству своему, требуетъ строгой централизаціи въ какомъ либо учрежденіи, совѣщаніе постановило, что таковымъ учрежденіемъ слѣдуетъ признать комитетъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Татіаны Николаевны для оказанія временной помощи пострадавшимъ отъ военныхъ бѣдствій, который первый занялся этимъ дѣломъ и поставилъ его на правильныхъ основаніяхъ.

Въ виду сего комитетъ, озабочиваясь съ своей стороны надлежащимъ устройствомъ дѣла регистраціи бѣженцевъ на мѣстахъ ихъ водворенія при возможно меньшей затратѣ силъ и средствъ, считаетъ весьма желательнымъ привлечь къ этому дѣлу кромѣ административныхъ лицъ, также и мѣстныя интеллигентныя силы въ лицѣ народныхъ учителей.

Увѣдомляя ваше превосходительство объ изложенномъ, имѣю честь присовокупить, что съ моей стороны не встрѣчается препятствій къ осуществленію предположенія названнаго комитета, въ отношеніи привлеченія къ дѣлу собиранія свѣдѣній о бѣженцахъ учителей и учительницъ низшихъ учебныхъ заведеній.

18. (17-го декабря 1915, № 1390). *Объ условіяхъ пріобрѣтенія званія учителя среднихъ учебныхъ заведеній.*

Въ дополненіе къ циркулярному предложенію отъ 19-го іюня сего года за № 27943 увѣдомляю ваше превосходительство, для зависящихъ распоряженій, что указанныя въ помянутомъ предложеніи условія пріобрѣтенія званія учителя среднихъ учебныхъ заведеній распространяются и на лицъ съ высшимъ образованіемъ, проходившихъ преподавательскій стажъ: 1) во всѣхъ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ; 2) въ частныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ правами для учащихся вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; 3) въ учительскихъ институтахъ, семинаріяхъ и школахъ и 4) въ высшихъ начальныхъ училищахъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Брела, Улисъ.* Школьная грамматика французскаго языка. 2-я часть (синтаксисъ). 2-me édition revue et corrigée. С.-Пб. 1914. Стр. 103. Цѣна 50 коп.“

— „*Бѣлоруссовъ, И.* Учебникъ по русской грамматикѣ. I. Этимологія. Изданіе 26, исправленное. Орелъ. 1916. Стр. 99."

— „*Челпановъ, Г.* Учебникъ психологіи. (Элементарный курсъ философіи. Часть 1-я. Психологія). 13-е изданіе, т-ва «В. В. Думновъ,—наслѣдн. бр. Салаевыхъ». М. и П. 1916. Стр. VIII+224. Цѣна 1 р. 20 коп."

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Ducellier, E.* J'écris sans faute. 1-re partie. Изданіе Н. П. Карбасникова. П. 1915. Стр. 6 + 98. Цѣна 50 коп." (для младшихъ классовъ).

— „*Поварнинъ, С. И.* Логическій задачникъ. (Пособіе при изученіи логики въ объемѣ средней школы). Изд-во О. В. Богдановой. П. 1916. Стр. 99. Цѣна 60 коп." (для мужскихъ гимназій, въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Поддубный, И.* Школьная физическая карта Карпатской Руси. Галичина. Буковина. Угорская Русь." (въ качествѣ класснаго пособія).

— „*Пушкинъ, А. С.* Собраніе сочиненій. Редакція, вступительная статья и примѣчанія *П. О. Морозова.* (Образовательная библіотека издательства «Огни». Серія II. Русскіе классики). П. 1915. Томъ I. Лирическія стихотворенія. Стр. 161+3. Цѣна 40 коп.—Томъ II. Эпическія стихотворенія. Стр. 399. Цѣна 75 коп.—Томъ III. Драматическія произведенія. Стр. 144. Цѣна 30 коп.—Томъ IV. Повѣсти. Стр. 269. Цѣна 45 коп. Цѣна за всѣ 4 тома вмѣстѣ 1 р. 60 коп."

— „*Райскій, Н. Д.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Изданіе 3-е, исправленное, кн. маг. «Новаго времени». Часть I. Одесса. 1914. Стр. 96. Цѣна 25 коп. — Часть II. Одесса. 1915. Стр. 184. Цѣна 50 коп."

— „*Теръ-Степановъ, И. С.* Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Часть I. П. 1915. Стр. VIII+135. Цѣна 75 коп."

— „*Триллинъ, Ф.* Практическій учебникъ французскаго языка. 1-й годъ: «Въ школѣ и дома». 16-ое изданіе. М. 1915. Стр. XVI+152. Цѣна 70 коп.—3-й и 4-й годы: «Общежитіе». 9-е исправленное изданіе. М. 1915. Стр. X+160+120. Цѣна 1 р. 20 коп."

— „*Чернышевъ, В.* Сборникъ статей для изложенія. Книга для чтенія, разсказа, заучиванія наизусть и другихъ упражненій при изученіи русскаго языка. Изданіе 3-е. П. 1915. Стр. VI+175. Цѣна 70 коп." (для приготовительнаго и первыхъ двухъ классовъ).

2. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Архангельская, А.* Дѣтство и приключенія Давида Копперфильда младшаго. Составлено по Диккенсу для дѣтей средняго возраста. Изданіе 5-е, книгоизд-ва «Школа». М. 1915. Стр. 151. Цѣна 65 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Ведерниковъ, П. В.* Очерки изъ исторіи кораблей русскаго военнаго флота. Изданіе Комиссіи по завѣдыванію капиталомъ имени графа С. А. Строганова. П. 1915. Стр. 112.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Голиковъ, В. И.* Методика естествовѣдѣнія въ главнѣйшихъ ея представителяхъ и историческомъ развитіи въ нашей общеобразовательной школѣ—средней и низшей. Изданіе 3-е, книгоизд-ва К. И. Тихомирова. М. 1915. Стр. X+560. Цѣна 1 р. 80 коп.“ (для VIII-го класса женскихъ гимназій, а также для учительскихъ институтовъ и семинарій и для одногодичныхъ педагогическихъ курсовъ при учебныхъ округахъ).

— „*Городцовъ, Андрей.* «Красно Солнышко, князь стольнокіевскій». Сцены изъ народныхъ былинъ для сельскихъ театровъ. Четыре дѣйствія. Изданіе Пермскаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости. Пермь. 1915. Стр. 40. Цѣна 30 коп.“

— „*Долиновъ, А. И.* Практическое руководство къ художественному чтенію. Съ приложеніемъ образцовой хрестоматіи. Часть 1-я. Изданіе Н. П. Карбасникова. П. 1916. Стр. 311. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также для учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Долиновъ, А. И.* Учебникъ выразительнаго чтенія. Элементарный курсъ, съ приложеніемъ образцовой хрестоматіи. Изданіе Н. П. Карбасникова. П. 1916. Стр. 228. Цѣна 1 р.“ (также для учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Дрисдаль, В.* На бурныхъ волнахъ. Повѣсть. Переводъ съ англійскаго *Л.* и *Ж. Караваевыхъ.* (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 310). М. 1915. Стр. 149. Цѣна 1 р.“ (для младшаго и средняго возраста).

— „*Зикингеръ, А.*, и *Ф. Гансбергъ.* Школа труда. Переводъ съ нѣмецкаго *Е. М. Пашуканиса.* Издательство газеты «Школа и жизнь». С.-Пб. 1912. Стр. 80. Цѣна 50 коп.“ (для VIII-го педагогическаго класса женскихъ гимназій, а также для учительскихъ институтовъ).

— „*Корольковъ, К. Н.* Отечественная война 1812 года. Изданіе Комиссіи по завѣдыванію капиталовъ имени графа С. А. Строганова. П. 1915. Стр. 252.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Локкъ, Джонъ.* Мысли о воспитаніи и О воспитаніи разума. Введеніе и примѣчанія *Эв. Даніэля.* Переводъ съ англійскаго *М. А. Энгельгардта.* Издат-во газеты «Школа и жизнь». С.-Пб. 1913. Стр. 324. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Чудный огонекъ жизни. Повѣсть о томъ, какъ слѣпая, глухая и нѣмая окончила университетъ. (Изъ жизни американки Елены Келлеръ). Изданіе 2-е т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 255. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для среднихъ и старшихъ классовъ).

— „*Манасеина, Н.* Царевны. Историческая повѣсть. К-во «Тропинка». П. 1915. Стр. 372. Цѣна 3 р. 50 коп.“ (для младшихъ и среднихъ классовъ).

— „На морѣ и на землѣ. Сборникъ географическихъ разсказовъ. Выпускъ IV. Въ царствѣ винтиковъ, пружинокъ и колесиковъ. По болгарскимъ горамъ. Двѣ недѣли среди самоѣдовъ. Великіе морскіе каналы: Суэцкій и Панамскій. Очерки *Н. Ульянова, И. Вазова, А. Воскресенскаго.* (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 301). М. 1915. Стр. 126. Цѣна 70 коп., въ папкѣ 90 коп.“

— „*Пушкинъ, А. С.* Собраніе сочиненій. Редакція, вступительная статья и примѣчанія *П. О. Морозова.* (Образовательная библіотека. издательства «Огни». Серія II. Русскіе классики). П. 1915. Томъ I. Лирическія стихотворенія. Стр. 161 + 3. Цѣна 40 коп. — Томъ II. Эпическія стихотворенія. Стр. 399. Цѣна 75 коп.—Томъ III. Драматическія произведенія. Стр. 144. Цѣна 30 коп. — Томъ IV. Повѣсти. Стр. 269. Цѣна 45 коп. Цѣна за всѣ 4 тома вмѣстѣ—1 р. 60 коп.“

— „Россійскій Императорскій флотъ и флоты Германіи и Турціи. Подъ ред. *К. Г. Житкова* и *Н. Н. Нордмана.* (Военные флоты). (3-ій годъ изданія). Изданіе т-ва И. Д. Сытина. П. 1915. Стр. 4+239. Цѣна 1 р. 75 коп.“

— „*Руссо, Жанъ Жакъ.* Эмиль или О воспитаніи. Переводъ съ французскаго *М. А. Энгельгардта.* Издат-во газеты «Школа и жизнь». С.-Пб. 1913. Стр. 489. Цѣна 2 р.“ (для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Сенкевичъ, Г.* Избранные разсказы для дѣтей школьнаго

возраста. Переводъ съ польскаго *Владиміра Высоцкаго*. Книгоиздательство писателей. (Народно-школьная библіотека). М. 1915. Стр. 110. Цѣна 60 коп." (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Сенкевичъ, Генрикъ*. Камо грядеши? Повѣсть изъ временъ Нерона. Въ обработкѣ для юношества. М. 1914. Стр. 175. Цѣна 30 коп." (для младшаго и средняго возрастовъ).

— „*Сенкевичъ, Генрикъ*. Меченосцы. Историческая повѣсть въ обработкѣ для юношества. М. 1914. Стр. 52. Цѣна 15 коп." (для младшаго и средняго возрастовъ).

— „*Сизовъ, М. И.* Сонъ. Біологическій очеркъ. Изданіе П. П. Сойкина. (Знаніе для всѣхъ). П. 1915. Стр. 36. Цѣна 50 коп." (для старшаго возраста).

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Поповъ, Николай*. Начальное наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Краткіе разсказы о важнѣйшихъ событіяхъ священной исторіи съ объясненіемъ заповѣдей Божіихъ, съ привосокупленіемъ свѣдѣній о Св. таинствахъ, о праздникахъ и постахъ, и церковныхъ пѣснопѣній, символъ православной вѣры съ объясненіемъ, избранныя молитвы съ наставленіемъ о молитвѣ и объясненіемъ, и ученіе о храмѣ Божіемъ и о божественной литургіи. Изданіе 9-е. Вятка. 1909. Стр. 180+2 карты. Цѣна 30 коп."

— „*Тихомировъ, Д. И.* Книга для церковно-славянскаго чтенія. Часть 1-я. Изданіе 33-ье. М. 1915. Стр. 192. Цѣна 30 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

б) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Архангельская, А.* Дѣтство и приключенія Давида Коппер-

фильда младшаго. Составлено по Диккенсу для дѣтей средняго возраста. Изданіе 5-е, книгоизд-ва «Школа». М. 1915. Стр. 151. Цѣна 65 коп.“

— „*Вагнеръ, П.* Природа и ея жизнь. Очерки изъ жизни родной природы. (Въ школѣ и дома. № 21). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 144. Цѣна 45 коп.“

— „*Ведерниковъ, П. В.* Очерки изъ исторіи кораблей русскаго военнаго флота. Изданіе Комиссіи по завѣдыванію капиталомъ имени графа С. А. Строганова. П. 1915. Стр. 112.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „Въ Севастополѣ и другіе разсказы. Изданіе Комиссіи по завѣдыванію капиталомъ имени графа С. А. Строганова. С.-Пб. 1914. Стр. 96.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.,* и *Я. Егоровъ.* Ясная звѣздочка. Вторая книга для чтенія. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). Изданіе 1915 года, съ исправленіемъ. М. 1915. Стр. 224. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп.“

— „*Городцовъ, Андрей.* «Красно Солнышко, князь стольнокіевскій». Сцены изъ народныхъ былинъ для сельскихъ театровъ. Четыре дѣйствія. Изданіе Пермскаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости. Пермь. 1915. Стр. 40. Цѣна 30 коп.“

— „*Коваленская, А. Г.* Народные разсказы. Дядя Власъ. Изданіе 4-е, книгоизд-ва «Школа». М. 1913. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Корольковъ, К. Н.* Отечественная война 1812 года. Изданіе Комиссіи по завѣдыванію капиталовъ имени графа С. А. Строганова. П. 1915. Стр. 252.“ (для высшихъ начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Критскій, Вл.* Разсказы о растеніяхъ. (Изъ царства природы. Книжка II). Изданіе журнала «Свѣтлячокъ». 1914. Стр. 40. Цѣна 3 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Кругловъ, А. В.* Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изданіе 5-е М. В. Клюкина. М. 1916. Стр. 188. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Кругловъ, А. В.* Совѣсть проснулась. Разсказъ. Изданіе 6-е М. В. Клюкина. М. 1916. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Дурной товарищъ. Разсказъ. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 15. Цѣна 5 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* На линіи. Разсказъ. 2-е изданіе

ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 28. Цѣна 5 коп."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Постойко. Разсказъ. 5-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Скверный день Василія Иваныча. Разсказъ. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Ужасный случай. Изъ скитаній по Уралу. 3-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 29. Цѣна 10 коп."

— „*Мейендорфъ, Е. П.* Турчаночка Кэишъ. Разсказъ для дѣтей. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 69). П. и М. 1915. Стр. 29. Цѣна 20 коп."

— „*Навоевъ, П.* Подвигъ телефониста Алексѣя Макухи. Могилевъ губ. 1915. Стр. 15. Цѣна 5 коп."

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Ѳедька рудокопъ. Повѣсть. 9-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 144. Цѣна 50 коп."

— „Россійскій Императорскій флотъ и флоты Германіи и Турціи. Подъ ред. *К. Г. Житкова* и *Н. Н. Нордмана.* (Военные флоты). (3-ій годъ изданія). Изданіе т-ва И. Д. Сытина. П. 1915. Стр. 4+239. Цѣна 1 р. 75 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Тольчева, Т.* Избраніе въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова. Народная повѣсть. Изданіе 4-е. М. 1913. Стр. 78. Цѣна 15 коп."

2. Допустить *условно* слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Лебедевъ, А. И.* Шагъ за шагомъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Букварь для обученія чтенію и письму. Изданіе 3-е. М. 1915. Стр. 80. Цѣна 15 коп.—Первая книга для чтенія (1-й годъ обученія). М. 1912. Стр. 160+IV. Цѣна 30 коп.—Вторая книга для чтенія. М. 1913. Стр. 184. Цѣна 35 коп. — Третья книга для чтенія. 2-е исправленное изданіе. М. 1915. Стр. 424. Цѣна 80 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были исправлены согласно съ замѣчаніями ученаго комитета).

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— „*В. В. Фармаковскій*. Машиновѣдѣніе. Пгр. Кіевъ. 1915 г.“	Заслуживаетъ вниманія при пополненіи библіотекъ техническихъ училищъ и допущенія въ библіотеки ремесленныхъ учебныхъ заведеній, министерства народнаго просвѣщенія.
— „*В. Спасскій*. Какъ разводить и откармливать свиней. М. 1914 г.“ — „*А. Землякъ*. Бесѣды по сельскому хозяйству. Выпуски 1, 2, 7, 12 и 15. М. 1913 г.“ — „*П. Елагинъ*. Сельскохозяйственный промыселъ—переходъ къ хуторскому хозяйству. М. 1914 г. Цѣна 15 коп.“	Заслуживаютъ допущенія въ библіотеки тѣхъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается сельское хозяйство.
— „*Н. М. Тулайковъ*. Неурожай 1911 г. и задачи агрономіи юго-востока Европейской Россіи. М. 1912 г.“	Заслуживаетъ вниманія при пополненіи библіотекъ сельскохозяйственно-техническихъ учебныхъ заведеній.
— „*Н. К. Минковъ*. Рядовой посѣвъ. М. 1913 г.“	Заслуживаетъ допущенія въ библіотеки сельскохозяйственно-ремесленныхъ учебныхъ заведеній.
— „*С. Глазенапъ*. Таблицы логариѳмовъ съ 5-ю десят. знаками. Изд. 4-е. Пгр. 1915 г. Цѣна 85 коп.“	Заслуживаетъ допущенія, по примѣру 3-го изданія, въ промышленныя учебныя заведенія какъ учебное пособіе при прохожденіи алгебры и тригонометріи.
— „*В. Чихановъ*. Учебникъ ариѳметики (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Изд. 8-е. Минскъ. 1916 г.“	Заслуживаетъ допущенія, по примѣру 7-го изданія, въ качествѣ учебнаго пособія, въ библіотеки низшихъ техническихъ и ремеслен-

ныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— „Еженедѣльникъ Императорскаго общества архитекторовъ-художниковъ. №№ 1 — 52, за 1914—1915 г.“

Заслуживаетъ рекомендаціи министерства, посредствомъ особаго циркуляра, вниманію педагогическихъ совѣтовъ техническихъ учебныхъ заведеній.

— „*Р. Диссельгорстъ.* Строеніе тѣла домашнихъ животныхъ. С.-Пб. 1914 г.“

Заслуживаетъ вниманія при пополненіи библіотекъ сельскохозяйственно - техническихъ учебныхъ заведеній и заслуживаетъ допущенія въ библіотеки сельскохозяйственно - ремесленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— „*Г. И. Швецова.* Руководство кройки и шитья дамскаго и дѣтскаго платья и бѣлья. 1915 г. Цѣна 1 р.“

Заслуживаетъ допущенія въ библіотеки тѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается кройка и шитье.

— „Зодчій, еженедѣльный архитектурный и художественно-техническій журналъ. №№ 1—52, за 1914 г.“

Заслуживаетъ рекомендаціи министерства, посредствомъ особаго циркуляра, вниманію педагогическихъ совѣтовъ техническихъ учебныхъ заведеній.

— „*П. И. Поповъ.* Шоссейно-дорожное дѣло. Руководство для земскихъ дорожныхъ и шоссейныхъ техниковъ. М. 1915 г.“

Заслуживаетъ допущенія въ качествѣ учебнаго пособія, для техническихъ учебныхъ заведеній, въ курсъ коихъ входитъ преподаваніе строительнаго искусства, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы указанныя автору опечатки и грубыя ошибки, вошедшія въ справочную часть книги, были тщательно исправлены, и списокъ опечатокъ и исправленій, на особомъ листкѣ, былъ приложенъ къ каждому экземпляру книги.

— „Труды VI-го съѣзда по холодильному дѣлу. М. 1913 г.“

Заслуживаетъ вниманія при пополненіи библіотекъ промышлен-

ныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— „Журналъ Русскій Фотографическій Вѣстникъ. №№ 1—3, за апрѣль—октябрь 1915 г.“

Заслуживаетъ вниманія при пополненіи библіотекъ техническихъ училищъ и заслуживаетъ допущенія въ библіотеки всѣхъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— „*П. Елагинъ.* Льноводство. М. 1915 г.“

— „*Н. Васильевъ.* Воздѣлываніе люцерны. М. 1914 г.“

Заслуживаютъ вниманія при пополненіи библіотекъ сельскохозяйственно-техническихъ учебныхъ заведеній и заслуживаютъ допущенія въ библіотеки сельскохозяйственно-ремесленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Алабовскій, Михаилъ.* Изъясненіе избранныхъ мѣстъ изъ св. Евангелія съ предварительными свѣдѣніями о Библіи. Кіевъ. 1914. Стр. III+316. Цѣна 1 р. 20 коп.“

— „*Ведерниковъ, П. В.* Очерки изъ исторіи кораблей русскаго военнаго флота. Изданіе Комиссіи по завѣдыванію капиталомъ имени графа С. А. Строганова. П. 1915. Стр. 112.“

— „Въ Севастополѣ и другіе разсказы. Изданіе Комиссіи по завѣдыванію капиталомъ имени графа С. А. Строганова. С.-Пб. 1914. Стр. 96.“

— „*Городцовъ, Андрей.* «Красно Солнышко, князь стольнокіевскій». Сцены изъ народныхъ былинъ для сельскихъ театровъ. Четыре дѣйствія. Изданіе Пермскаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости. Пермь. 1915. Стр. 40. Цѣна 30 коп.“

— „*Елагинъ, П. Н.* Пчеловодство. (Императорскій сельскохозяйственный музей. Сельско-хозяйственныя чтенія народныя и для нижнихъ чиновъ. Программы издаются подъ ред. *П. Н. Елагина*). Стр. 96.“

— „*Карцовъ, А. С.* Какъ выращиваются лучшіе корнеплоды. Культура моркови, петрушки, сельдерея, свеклы, скорцонера, рѣпы, радиса и рѣдьки. Издательство П. П. Сойкина. (Огородная библіотека [на обложкѣ: «Садовая библіотека»]). С.-Пб. 1915. Стр. 36. Цѣна 20 коп.“

— „*Карцовъ, А. С.* Капуста бѣлокочанная, краснокочанная, савойская, брюссельская, цвѣтная и спаржевая. Практическое руководство къ культурѣ различныхъ видовъ капусты; описаніе лучшихъ сортовъ; вредители капусты и борьба съ ними; уборка, сбытъ и потребленіе капусты. Издательство П. П. Сойкина. (Библіотека сельскаго хозяина [на обложкѣ: «Садовая библіотека»]). С-Пб. 1915. Стр. 56. Цѣна 20 коп.“

— „*Карцовъ, А. С.* I. Культура гороха и фасоли. II. Какъ выращивается салатъ. Издательство П. П. Сойкина. (Огородная библіотека [на обложкѣ: «Садовая библіотека»]). П. 1915. Стр. 36. Цѣна 20 коп.“

— „*Кедровъ, Н.* Канонъ великій. Твореніе святаго Андрея Критскаго Іерусалимскаго, чтомый въ первую недѣлю поста. Славянскій текстъ съ русскимъ переводомъ. 2-е изданіе, А. Д. Ступина. М. 1915. Стр. 143. Цѣна 30 коп.“

— „*Корольковъ, К. Н.* Отечественная война 1812 года. Изданіе Комиссіи по завѣдыванію капиталовъ имени графа С. А. Строганова. П. 1915. Стр. 252.“

— „*Кругловъ, А. В.* Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изданіе 5-е М. В. Клюкина. М. 1916. Стр. 188. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* На линіи. Разсказъ. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 28. Цѣна 5 коп.“

— „*Н—евъ, П.* Какъ живется нашимъ плѣннымъ въ Германіи и Австро-Венгріи. П. 1915. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“

— „Россійскій Императорскій флотъ и флоты Германіи и Турціи. Подъ ред. *К. Г. Житкова* и *Н. Н. Нордмана.* (Военные флоты). (3-й годъ изданія). Изданіе т-ва И. Д. Сытина. П. 1915. Стр. 4+239. Цѣна 1 р. 75 коп.“

— „*Толычева, Т.* Избраніе въ цари Михаила Θеодоровича Романова. Народная повѣсть. Изданіе 4-е. М. 1913. Стр. 78. Цѣна 15 коп.“

— „Французскіе разсказы съ фронта. По даннымъ французскаго

правительственнаго органа «Journal officiel». Съ начала войны по конецъ марта 1915 г. Оффиціально разрѣшенный переводъ съ французскаго *Н. М. Лагова.* П. 1915. Стр. 64. Цѣна 25 коп.“

— „Французскіе разсказы съ фронта. Выпускъ II. (Апрѣль—май 1915 г.). Съ оффиціальнаго разрѣшенія по сообщеніямъ французскаго военнаго министерства перевелъ *Н. М. Лаговъ.* П. 1915. Стр. 64. Цѣна 25 коп.“

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ЯЗЫКА ПСКОВСКАГО ШЕСТОДНЕВА 1374 Г.

Послѣ выхода въ свѣтъ моей книги: „Языкъ Пскова и его области въ XV вѣкѣ. С.-Пб. 1909“ въ печати появился рядъ статей, касающихся вопросовъ, затронутыхъ въ этой книгѣ. Мнѣнія изслѣдователей во многомъ оказались противорѣчащими одно другому. Необходимость въ новыхъ матеріалахъ и пересмотрѣ нѣкоторыхъ вопросовъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ виду этого я счелъ небезполезнымъ опубликовать результаты своей работы надъ псковскимъ богослужебнымъ Шестодневомъ 1374 г., памятникомъ до сихъ поръ неизвѣстнымъ въ научной литературѣ [1]). Мнѣ казалось также небезполезнымъ привлечь для сравненія нѣсколько новыхъ діалектологическихъ фактовъ. Въ настоящей работѣ я ограничился разсмотрѣніемъ лишь важнѣйшихъ вопросовъ, для уясненія которыхъ въ Псковскомъ Шестодневѣ 1374 г. находимъ заслуживающій вниманія матеріалъ.

ОЧЕРКЪ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ОСОБЕННОСТЕЙ ПАМЯТНИКА.

Шестодневъ 1374 года представляетъ рукопись, писанную въ небольшую четвертку на 117 пергаменныхъ листахъ [2]). Памятникъ хранится въ Московской Типографской Библіотекѣ подъ № 67. Ру-

[1]) Еще 3 года тому назадъ на этотъ памятникъ любезно указалъ мнѣ А. С. Орловъ. Когда, при ближайшемъ разсмотрѣніи рукописи, въ серединѣ текста мнѣ пришлось натолкнуться на запись, а также отмѣтить рядъ фактовъ, важныхъ для исторіи псковской письменности, и мнѣ представилось интереснымъ внимательно изслѣдовать текстъ памятника,—Московская Типографская Библіотека сочла возможнымъ выслать Шестодневъ въ Императорскій Петроградскій университетъ для моихъ занятій. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ принести А. С. Орлову и управленію Московской Типографской Библіотеки мою искреннюю благодарность.

[2]) Въ рукописи счетъ листовъ показываетъ число ихъ 118. Однако въ этомъ счетѣ вкралась ошибка: 19-ый листъ помѣченъ цифрою 20, что̀ и увеличило далѣе число листовъ на 1.

копись дошла до насъ въ неполномъ видѣ: безъ начала, конца и ряда листовъ въ серединѣ [1]).

Писцы рукописи и отличительныя особенности ихъ текста.

Шестодневъ писанъ среднимъ по величинѣ уставомъ, типичнымъ для XIV вѣка, тремя (или даже, можетъ быть, четырьмя) почерками. Первый почеркъ находимъ на 1—33 об. и на 74-мъ листахъ рукописи, вторымъ почеркомъ написаны листы 34—73, третьимъ—листы 75 об.—111. Послѣдніе листы, 112—117, писаны почеркомъ весьма близкимъ къ первому. Почерки отличаются одинъ отъ другого нѣкоторыми типичными начертаніями отдѣльныхъ буквъ, въ общемъ довольно послѣдовательно проведенными на соотвѣтствующихъ листахъ рукописи [2]). На прилагаемыхъ таблицахъ видны палеографическія особенности письма 2-го (л. 34) и 3-го (л. 75 об. и 95) писцовъ, которымъ принадлежитъ бо́льшая (76½ листовъ изъ 117) и важнѣйшая въ лингвистическомъ отношеніи часть текста. Ср. рѣзкое отличіе въ начертаніи ѵ на л. 34 отъ начертанія той же буквы на л. 75 об. [3]), начертанія на тѣхъ же листахъ буквы ꙁ [4]), буквы ч [5]), а также особую манеру 3-го писца писать буквы ъ, ь, ѣ, ш съ горизонтальной нижней черточкой, *отдѣляющейся* нерѣдко отъ буквы и выступающей иногда съ боковъ буквы,

[1]) Пострадали и нѣкоторые отдѣльные листы: у 74 листа не хватаетъ нижней половины и правой стороны; въ 46 листѣ вырѣзана середина, гдѣ не было обычнаго текста, такъ какъ вырѣзанное мѣсто—ўже, чѣмъ части листа, занятыя текстомъ на обѣихъ страницахъ, а справа и слѣва отъ дыры до полей нѣтъ текста. (Между лл. 76—77 сохранился небольшой отрывочекъ листа съ одною заглавною буквою Т; между 111 и 112 лл. сохранилась узкая полоса пергамена у корешка во всю длину рукописи съ небольшимъ числомъ буквъ).

[2]) Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что всѣ три почерка принадлежатъ не достаточно опытнымъ мастерамъ: начертанія буквъ даже на одной страницѣ не всегда одинаковы, почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ палеографическія наблюденія трудны.

[3]) На л. 34 (снимокъ № 1, строки 2-ая, 3-я, 5-я) у буквы ѵ нижній штрихъ (спускающійся подъ строку) не является продолженіемъ праваго верхняго штриха, а относится правѣе, образуя съ горизонтальной черточкой уголъ. На л. 75 об. (снимокъ № 2, строки 8-ая, 10-ая) ѵ пишется обычнымъ образомъ. (Ср. также строка 1 снимка № 3, л. 95).

[4]) На л. 34 строка 2-ая и на л. 75 об. строка 4-ая (сн. №№ 1 и 2), на л. 95 (сн. № 3) строки 2-ая, 11-ая. (На строкахъ второй снизу и седьмой сверху имѣемъ впрочемъ на снимкѣ № 3 особый типъ ꙁ).

[5]) На л. 34 строки 3-ья, 7-ая ч въ родѣ расщепа, въ то время какъ на л. 75 об. строка 6-ая ч болѣе подходитъ къ чашѣ (ср. также и на снимкѣ № 3, л. 95 строки 3-я, 9-ая, 10-ая, 11-ая).

чего не замѣчаемъ у 2-го писца [1]). Нѣкоторыя отличія находимъ также и въ начертаніи ж, въ манерѣ 3-го писца перечеркивать ɩ въ буквѣ ꙗ, какъ и перечеркивать иногда горизонтальную черточку, соединяющую ɩ и а въ буквѣ ꙗ и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ особенности начертанія выступаютъ рельефно, когда мы изслѣдуемъ весь текстъ каждаго почерка.

Въ отношеніи ороографіи и языка мы замѣчаемъ также нѣкоторыя отличія въ текстахъ, написанныхъ разными писцами. Такъ, напримѣръ, почти исключительно въ текстѣ, писанномъ вторымъ писцомъ, мы находимъ (далеко не рѣдкіе) случаи постановки оу послѣ шипящихъ, исключительно тамъ же мы находимъ въ рядѣ случаевъ жь вм. жьɪ (множьтво и под.), тамъ же мы находимъ и рядъ случаевъ на отвердѣніе ρ. Въ работѣ 2-го и 3-го писцовъ, въ противоположность тексту 1-го писца, находимъ свободное дѣленіе слова при переносѣ. Въ текстѣ 3-го писца, въ противоположность остальной части рукописи, отмѣчена весьма частая замѣна ъ и ь посредствомъ о и є въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти ъ и ь уже исчезли изъ произношенія [2]).

На листахъ, писанныхъ первымъ писцомъ, какъ и на сходныхъ по почерку послѣднихъ листахъ рукописи, нѣтъ ни записи, ни приписокъ; на листахъ, писанныхъ вторымъ писцомъ, небольшая запись на поляхъ и 1 приписка; на листахъ, использованныхъ третьимъ писцомъ, большое количество оригинальныхъ приписокъ на поляхъ и 1 запись въ текстѣ.

Текстъ каждаго писца начинается съ новой части Шестоднева, съ новой страницы послѣ заставки.

Изъ особенностей въ начертаніи буквъ, характерныхъ для всѣхъ писцовъ рукописи, отмѣтимъ лигатуры буквъ: а и у (зау 5 об., 11 и др.), л и ю 8; ц и и (вьчлвцитиса 9 об.); н и н (33 об.); т и к 33 об., 80 об., 100 об. Подобныя лигатуры нерѣдки въ псковскихъ памятникахъ [3]).

Орнаментъ.

Рукопись по внѣшнему виду весьма скромная. Уставъ ея нельзя признать особенно красивымъ; пергаменъ грубой выдѣлки, толстый; на нѣкоторыхъ листахъ приклеены и пришиты небольшія полосы

[1]) См. такой типъ указанныхъ буквъ на снимкѣ № 2 строки 7-ая, 8-ая; на снимкѣ № 3 строки 10-ая и 14-ая (ш), 3-я снизу (в).

[2]) Объ этихъ особенностяхъ см. ниже, стр. 205, 207.

[3]) Языкъ Пскова, стр. 7—8, 45, 64 и др.

пергамена вдоль рукописи, такъ какъ пергамена не хватило на полный листъ (см. л. 55, 23 и др.). Орнаментъ рукописи состоитъ изъ трехъ заставокъ, многочисленныхъ иниціаловъ и маленькихъ рисунковъ на поляхъ. Въ художественномъ отношеніи орнаментъ посредственный. На листахъ 34 (см. снимокъ № 1) и 95 об. находимъ сходныя по внѣшнему виду заставки; контуры ихъ писаны киноварью, а промежутки между лентами плетеній зеленой краскою, во второй же изъ этихъ заставокъ тонкія черточки въ серединѣ лентъ писаны чернилами. На л. 75 об. заставка писана чернилами (боковые прямоугольники) и киноварью (средній прямоугольникъ), см. снимокъ № 2. Сочетаніе чернаго и краснаго цвѣтовъ является характернымъ для этой заставки и нѣкоторыхъ иниціаловъ. На поляхъ листовъ 81 об., 88 об. и 108 об. и въ иниціалахъ л. 11 об. и 89 об. находимъ человѣчьи головы. На л. 99 об. и 108 на поляхъ—рука, держащая чашу. Иниціалы обычно или совершенно просты или содержатъ орнаментъ растительнаго типа и плетенія (см. снимокъ № 2). Иниціалы и заглавныя строки писаны чернилами (контуръ) и киноварью; въ очень многихъ находимъ также свѣтлозеленую краску (см. лл. 33 об., 34, 34 об., 35, 35 об., 36, 36 об., 44 об. и др.). Птицъ, обычныхъ для тератологическаго орнамента, переплетенныхъ ремнями, въ рукописи вовсе нѣтъ.

Записки и приписки.

Мѣсто и время написанія рукописи опредѣляется записью, помѣщенною на 95 листѣ. Она читается такъ:

Въ лѣ҇ · ѕ҃ ноѥ · ѿ҃ ноѥ · п҃в · : ·
л҇ѣ · кюрилъ · стъ҃ни съвьршишь ·
и бл҇ка · ѿлексеи · въ пьсковѣ бъі
лъ · : · и пьсковици · гадаютъ ·
гр҇а · пьскова · приꙗти · на но
боѥ · възнешениѥ · а писалъ
саба · попъ · : · [1])

---

[1]) Во второй Псковской лѣтописи находимъ слѣдующія указанія на факты, содержащіеся въ нашей записи:

1) Подъ 6881 годомъ говорится о пріѣздѣ архіепископа Алексія и освященіи имъ новой церкви Петра и Павла.

2) Подъ 6882 годомъ читаемъ: „Мастеръ церковный Кирилъ постави церковъ камену въ свое имя святаго Кирила архіепископа Іерусалимскаго“.

На нижнемъ полѣ л. 34 киноварью почеркомъ XIV в. написана обрѣзанная снизу и частію стертая запись, отъ которой сохранилось лишь слѣдующее:

„не добр.... початꙑ бꙑша · книгꙑ сиꙗ · писати(сѧ) (на памѧ҃) (Ф)илипа“.

Для исторіи рукописи любопытны двѣ приписки:

1) На оборотной сторонѣ верхней доски переплета приклеена полоска бумаги, на которой написано скорописью XVII вѣка: „кн҃га серекина мит҃ря“.

2) Внизу на поляхъ на 1 л. рукою Скіады отмѣчено „Videtur seculi 14“.

На нижнемъ полѣ л. 70 об. находимъ приписку, сдѣланную, судя по почерку, вторымъ писцомъ рукописи:

„поᲂушати писати новꙑмъ чернилоⷨъ“.

На нижнихъ поляхъ многихъ листовъ рукописи, на которыхъ текстъ писанъ *третьимъ* писцомъ, имѣются любопытныя приписки, написанныя почеркомъ, близкимъ къ почерку третьяго писца, но гораздо болѣе мелкимъ и тонкимъ. Всѣхъ приписокъ 15:

л. 77: поити · на вечерню · на памѧ҃ ст҃го м҃ка (к)ли(мѧнт)а

л. 78: шести оужинатъ ·:·

л. 79: ·в҃· мо҃ поѥхати · питъ въ зрѧковици ·:·

л. 81: поѥхати · на гору · къ ст(ѣ)и бц҃и молитис · о своѥ҃ сп҃сении ·:·

л. 82: поити · на вечерню ·:·

порошата

л. 83: родиша · свиниꙗ · на памѧ҃ варварꙑ ·:·

л. 84: о г(о)р(е) сверბить ·:·

л. 84 об.: полести мꙑтъсѧ · о ст҃ꙑи никола · пожалуи · избави · коростꙑ сеѧ ·

л. 87: чресъ · тꙑнъ · пьють · а на҃ не зовуть (в)олов(и) не летети · а ѿместъки · ту · будут ·

л. 89: оҳъ · с(ве)рбѧ(ть) · м.ди

л. 90: оҳъ · свербить

л. 96: шести оужинатъ ·:·

л. 97: поити в(ъ) гумно · къ страдникомъ

л. 110: оҳъ зноино ·:·

л. 110 об.: (н)а заѵтреню · да поѥхати · в м(о)хъ [1]).

[1]) Всѣ эти 15 приписокъ по общему своему тону напоминаютъ приписки Ирмолоя 1344 (Московск. Синод. Библ. № 932), писаннаго также въ Псковѣ, но другимъ писцомъ. (О припискахъ въ Ирмолоѣ см. у акад. А. И. Соболевскаго. Палеографія,

На л. 75 очень неряшливымъ почеркомъ уже послѣ написанія рукописи сдѣланы двѣ приписки на верхней части оставшейся свободною страницы. Судя по почерку и языку приписокъ, онѣ сдѣланы въ Псковѣ, вѣроятно, въ началѣ XV вѣка.

На нбо срдца имоуща и англьску (по)|добимся чиноу со страхомъ к не об..|му судии припадемъ побѣдноую | возопиюмъ пьснь стъ стъ сть |

Зрѣти тебе не смеють херовими лѣт(и)ть | вопиюще со воскачанииюмь (sic) вийімь. пениюмь. по|бѣдьноую. възопиюмь пѣ· стъі стъ. стъ | Поможи ги рабоу своемоу шнисимоу писати.

Описки.

Описокъ въ рукописи довольно много, однако онѣ не могутъ подорвать довѣріе къ нашему памятнику, какъ къ источнику по исторіи русскаго языка, такъ какъ почти всѣ описки сдѣланы писцами въ строго опредѣленныхъ случаяхъ.

1. У всѣхъ писцовъ рукописи находимъ написаніе, вмѣсто нужной буквы или слога, стоящихъ близко отъ нихъ буквы или слога, отчего такія буквы являются написанными дважды: одинъ разъ въ надлежащемъ мѣстѣ и одинъ разъ ошибочно. Такого рода описокъ порядочно: стратьрпици 1 об.; дарага (а послѣ р поправлено на оу) 4; на волоноѥ заколениѥ 12; свава 24; оубо оубо (= ово убо) 25 об.; мороносичамъ 34, 95 об.; извавителя 39; призвоздиша 57 об.; каму иду 71; рѣзрѣши 88 об.; трорящи 104; тръчвъі 111 и др. Въ виду этого мы можемъ предполагать описки въ слѣдующихъ случаяхъ: моучителава 58 об.; трепещеть во и трясаться 28; цѣломудръінъімь 27 и др.

2. Нерѣдки также пропуски буквъ или частей буквъ, если буква имѣетъ сложное начертаніе (напр. ъі): язъкъі 36 об.; въ пло (= въ плоть) 38; цѣловани (= цѣлованиѥ) 43 об.; пржавова 47 об.; ѥноя (= ѥдиноя) 41; иполнився 41 об.; преводеши 54 об.; вѣрнъхъ 47 об.; ѿ работъ вражия 41 об. и др.

3. Повторенія буквъ встрѣчаются довольно рѣдко: дають 37; ихъъ 58 об.; раразмесьномь 65 об.

Другія описки въ нашей рукописи весьма малочисленны:

стр. 36). По содержанію онѣ вполнѣ оригинальны. Приписка на л. 87 представляетъ особый интересъ въ историко-литературномъ отношеніи, какъ отраженіе живого (разговорнаго) языка, сохранившаго параллелизмъ, свойственный народной поэзіи. Подобные факты даже и въ болѣе позднихъ памятникахъ письменности исключительно рѣдки.

(= бесѣмени) 49 об.; бомужному рожству 2 об. (= безмоужному); присноу блажаються 117 (присно оублажаютьсѧ?)

Нотные знаки.

Любопытною чертою рукописи является наличность въ ней небольшого количества нотныхъ знаковъ, написанныхъ надъ отдѣльными словами или даже иногда надъ нѣсколькими буквами въ словахъ, напр., надъ словами ѩко же 9 об.; надъ словами: всѣх бо тѧ 10; надъ словомъ мирѣ 16 об.; надъ словами огнѧ, призри, избави л. 90, л. 94 и др. (См. на снимкѣ 3-мъ, стр. 5 надъ послѣдними буквами слова оумолите).

Орѳографическія особенности [1]).

1. Переносъ слова съ одной строки на другую въ текстѣ 1-го писца опредѣляется правиломъ оканчивать строку буквами ъ, ь или гласными. Исключенія этотъ писецъ допустилъ лишь въ случаѣ титла: за мл҇|рдие, мл҇|ва 29 об.; чл҇в|колюбьце 27 об. У второго и третьяго писцовъ слово дѣлилось при переносѣ совершенно произвольно (лишь въ качествѣ исключенія отмѣчено: ѿвѣрзъ|лъ 36): словес|ного 36 об.; сл|ава 37; избавл|ѧемьсѧ 39; б|лоуднъи 41; обр|азно 60; приемл|ѧ 69 об.; г|рѣхомъ 78; ч|рѣве 81 об.; м|ьртвьци 102; т|вьрдую 110; ст|радалци 110 об. и мн. др. Въ отношеніи общаго характера переноса словъ текстъ 2-го и 3-го почерка нашего Шестоднева сходенъ съ рядомъ Псковскихъ рукописей: Палеей 1477 г. [2]), Сборникомъ Моск. Син. Библ. № $\frac{68}{270}$ [3]), Сборникомъ Моск. Син. Библ. № $\frac{53}{256}$ [4]), Сборникомъ Моск. Син. Библ. № 154 [5]). Текстъ же перваго писца слѣдуетъ въ отношеніи правила переноса словъ сблизить съ Палеей 1494 г. [6]), Погодинскимъ Спискомъ Псковской лѣтописи и др.

2. Въ нашей рукописи весьма часто отмѣчается пропускъ глухого между словами, изъ которыхъ одно примыкало къ другому въ отношеніи ударенія: възвѣл ны 6; тьмже 12, 13, 13 об., 87 об., 93 об., 95

---

[1]) Орѳографическія особенности, указывающія на степень юго-славянскаго вліянія, разсматриваются ниже въ экскурсѣ: „Отраженіе южно-славянскаго вліянія на Шестодневѣ 1374 г. и другихъ псковскихъ памятникахъ".

[2]) Языкъ Пскова, стр. 45.

[3]) Ib., стр. 98.

[4]) Ib., стр. 113.

[5]) Ib., стр. 64.

[6]) Ib., стр. 8.

и др.; молимѣта 99 об.; вьзрадуемса 100; одьржит ма 101; тьм та 109; избавит ны 95; мороносичам же 95 об.; в мори, в нощи 8 об.; к немоу 12, 13; с правьдными 13 об.; к та 73 об.; 78 об.; безнсльныхъ ми 77; с теми 92 и мн. др.

Отсутствіе ъ въ концѣ предлоговъ-префиксовъ из-, вьз-, без-, объясняемое исконнымъ отсутствіемъ здѣсь глухого, является въ нашей рукописи довольно послѣдовательно проведеннымъ ореографическимъ правиломъ. Лишь какъ исключеніе встрѣчаемъ: безъ ѡча 7 об.; изъ 21 об., 22 об.; неизъглааную 103 об. безъ ѡца 2 об., безъ м(тр)и 2 об.

3. Весьма любопытной ореографической чертой нашей рукописи является употребленіе ь и ъ вм. о и е (ѣ). Употребленіе ь вм. е у всѣхъ писцовъ встрѣчается весьма часто, ъ вм. о отмѣчено нами въ немногихъ случаяхъ.

огньви 13; словьснаа 24 об.; оумрьмъ 25 (рядомъ: оумрѣмъ); посрьдѣ 29 об.; зьмнии 32; тьмь 13, 75 об., 77, 81 (2 р.), 81 об., 85 об. (2 р.) и др.; рчьте (пов.) 10 об.; вьнца 18 об., 19 (ср. вѣнца 19), бес хотьние 23, тьлеса 29 об.; триднььнымъ 71 об.; вьзвьди ма 76 об.; мольбную 86 (рядомъ: молебную); кльвѣта 91 об.; вьрныимъ 102 об. и оч. мн. др. Особенно интересны случаи въ концѣ словъ: очь прдвнѣ (зв.) 53 об.; очь (зв.) 73; члвколюбць (зв.) 102 об.; страшнаго днь 84 об.; кричаше болезнень 109 об.; претерпели есть 108 об.; присноблажими есть 105; приꙗли есть 109 об.; вьзвѣли есть (2 мн.) 111; будеть (2 мн.) 114 об. и др.

англъмъ, члвкъмъ (д. мн.) 4; плъдъ 15; неплъдьнѣи 11 об., львъвъимь образомь 113, облъжьшеса 12 об.; недостоинъмъ (д.) 41 об.; вьевода 79 об.

Сходныя явленія въ другихъ Псковскихъ памятникахъ XIV в. встрѣчаются нерѣдко: не клините (2 мн.), блгословите а не кльнеть; при... ивань федоровици *Запись Пск. Апост.* 1309 — 1312 г.; при старосте. дионисьи. бушцьковиць, горъдъ *Запись Паракл.* 1386 г.

Нѣчто сходное встрѣчаемъ и въ Словѣ о Полку Игоря, извѣстномъ намъ несомнѣнно по Псковскому списку: помняшеть бо речь; уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи; зегзицею незнаемь рано кычетъ. Съ формою „незнаемь" слѣдуетъ сопоставить вышеприведенное изъ Шестоднева „болезнень"; впрочемъ въ „незнаемь" ъ изъ ъ.

Любопытное соотвѣтствіе мы находимъ въ надписяхъ на образѣ XIV в., на которомъ изображено житіе св. Георгія. Здѣсь нами отмѣчено: свьцами, имьние, прьдъ, на кольсь, гьргиа, в котль [1]).

[1]) Образъ и надписи несомнѣнно XIV вѣка сѣверно-русскаго происхожденія (свьцами, мьцьмь). Образъ хранится въ Музеѣ Императора Александра III въ Петроградѣ.

Окончаніе 2 л. мн. ч. на ть вм. те встрѣчается нерѣдко въ Псковской письменности; его мы наблюдаемъ и въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ писцы не знали орѳографическаго правила о замѣнѣ о и е (ѣ) посредствомъ ъ и ь. Въ виду этого случаи на ть вм. те, можетъ быть, должны объясняться въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, памятникахъ инымъ способомъ.

4. Замѣна ъ и ь посредствомъ о и е, гдѣ въ живой рѣчи ъ и ь исчезли, встрѣчается въ исключительныхъ случаяхъ у первыхъ писцовъ и весьма обычна въ текстѣ третьяго писца нашей рукописи: безнебьстенаꙗ 33 об.; цѣвениче дхѹовнаꙗ 73; во мирѣ 77 об.; силена 77, 79; прѣвеченою 79 об.; зачено̆ши 80 об.; очищешеса 81 об.; неподобено 84 об.; непороченаꙗ 88 об. (2 р.), 89; земенъїх 93; неболѣстимаго 93; помощеника 116 об.; възрасло есмь 94 об.; нечисто жило юсмь 94 об.; ѿ всѣх золо 78 об.; молимо въі 96 об., 98; молимо тѧ 99 и мн. др.

Употребленіе о и е вмѣсто исчезнувшихъ въ языкѣ ъ и ь въ текстѣ третьяго писца нашей рукописи не невозможно сопоставить съ разсмотрѣннымъ выше обратнымъ явленіемъ—постановкою ъ и ь вм. о и е. Въ такомъ случаѣ передъ нами орѳографическая мѣна ъ и о, ь и е (ѣ) въ большомъ количествѣ случаевъ. Аналогичный орѳографическій пріемъ писца мы находимъ въ Смоленской грамотѣ 1229 г.: что сѧ дѣютѣ; по веремьнемь; по вѣрьмьнемь; како то боудѣте всемъ вѣдомъ; посль; кнѧзѣ смольнескъіи; на гочкъіи берьго; что бъілъ немирно промьжю смольньска; дъбрии; ажбъі миро былъ и дъ вѣка; на оусток мора и т. п.[1]).

Разсмотрѣнная мѣна произошла, конечно, вслѣдствіе полнаго совпаденія звукового значенія ъ и о, ь и е (ѣ). Она, вѣроятно, особенно развилась въ Россіи, такъ какъ болгарскій языкъ не представлялъ столь благопріятныхъ условій для ея развитія, какъ русскій языкъ, и древне-болгарскія рукописи не содержатъ достаточныхъ фактовъ, чтобы возможно было говорить о сколько-нибудь значительномъ вліяніи болгарской орѳографіи на русскую въ этомъ случаѣ[2]).

---

[1]) А. А. Шахматовъ отмѣчаетъ примѣры смѣшенія ъ и ъ съ *о* и *е* изъ новгородскихъ и двинскихъ грамотъ (Очеркъ, стр. 269 — 270): „Въ особенности часто происходило указанное выше смѣшеніе при машинальной перепискѣ, когда копіистъ... не справлялся всякій разъ съ соотвѣтствующимъ живымъ произношеніемъ". Далѣе цитируется между прочимъ грамота 1229 г. Громадное количество случаевъ смѣшенія у 2-го писца Шестоднева, какъ и въ грамотѣ 1229 г., исключаетъ возможность предполагать машинальность: здѣсь, вѣроятно, особый вполнѣ сознательный орѳографическій пріемъ.

[2]) Если бы въ нашей рукописи не было замѣны *о* и *е* посредствомъ ъ и ь, то возможно было бы объяснять замѣну не произносившихся ъ и ъ черезъ *о* и *е* ис-

5. Въ орѳографическомъ отношеніи любопытно также полное смѣшеніе ѣ и є въ громадномъ количествѣ примѣровъ, и вмѣстѣ частое употребленіе ѣ вм. є. Разсматриваемая рукопись по этой орѳографической особенности сближается съ нѣкоторыми псковскими памятниками: Сборн. Соф. Библ. № 1262, Сб. Синод. Библ. № $\frac{68}{270}$ [1]). Эта особенность правописанія возникла также, нужно думать, на русской почвѣ [2]).

ФОНЕТИКА.

Мѣна буквъ є (ѣ, ь) и а (ѧ, ꙗ) какъ отраженіе звуковыхъ особенностей древне-псковскаго языка.

Мѣна буквъ є (ѣ, ь) и а (ѧ, ꙗ) въ нашей рукописи наблюдается главнымъ образомъ въ конечномъ открытомъ неударяемомъ слогѣ. При этомъ большая часть случаевъ этой мѣны приходится на 3 формы: 1) им.-вин. ед. сущ. ср. р. мягк. склон. (а, ѧ, ꙗ вм. є), 2) род. ед. сущ. муж.-ср. р. мягк. склон. (є вм. ꙗ) и 3) им. мн. ср. р. мягк. скл. (є вм. ꙗ).

ꙗ (а) вм. є:

им.-вин. ед. сущ. ср. р.: очистити моихъ грѣховъ, гн҃и, рукописа[н]иꙗ 5; далъ єси знамениꙗ боꙗщимъ сѧ || тебе, гн҃и, кр҃тъ твои 5 об.—6; имущє дьрзновѣниꙗ 6, имущи дѣрьзновѣниꙗ 24 об.; тъи бо приꙗтъ преже ѿставлениꙗ грѣховъ 27; радуисѧ разрѣшениꙗ пьрвъıꙗ євгъı 28; надѣꙗниꙗ мироу бл҃гоє (б҃це дв҃о) 65; подати ми оставльниꙗ грѣховъ 65; имѣꙗ дьрьзновѣньꙗ къ б҃у 87 об.; (ср. выше: ꙗко имѣꙗ дьрьзновениє къ б҃у 87 об., ср. тоже 87); избави мѧ... омрачьно ср҃ца имущꙗ 90 и др.;

въ той же формѣ членн. прилаг.: заблужьшеꙗ вълкохъıщеноє ѿвцѣ 7 об.; на горшеꙗ съвращаюсꙗ 35;

сравн. степ.: разѣꙗ бо того 117;

ключительно особенностью церковнаго языка, такъ какъ въ древней Руси исчезнувшіе въ живомъ языкѣ ъ и ь пѣлись въ церкви, какъ *о* и *е*. См., напр., Буслаевскій стихирарь XIV вѣка (Н. Каринскій. Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ. Ч. I. Изд. I-е, стр. 112 и снимокъ). Въ этомъ стихирарѣ, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ нотныхъ рукописей, замѣны *о* и *е* посредствомъ ъ и ь не отмѣчено. Само собою понятно, что указанное церковное произношеніе исчезнувшихъ въ языкѣ ъ и ь могло способствовать развитію разсматриваемаго нами орѳографическаго пріема—полному смѣшенію на письмѣ ъ и *о*, ь и *е* (*ѣ*). О нотныхъ знакахъ въ нашей рукописи см. выше, стр. 205.

[1]) Языкъ Пскова, стр. 172.

[2]) Примѣры см. ниже, стр. 241.

3 л. ед. ч. на ша вм. ше: архтгъ... гл҃ша 38; гл҃ша (агглъ) 99; плакашаше (=плакашеся) 61 об. и др.

е вм. ꙗ (а):

род. ед. сущ. муж. ср. р. мягк. склон.: боюся проклятию 11 об.; оуже бо нѣ̑ осуженью (?) 11 об.; гл҃мь радованию 16 об.; изистлѣнию 18, 81 об.; изъистлению 47, изистлению 57; [ср. безъ истлениꙗ 60]; безхотьнию мужьска 23; бѫтьство цртвию 23 об.; потрьбоу любочтию 25; паче смысла и слышанью 39; мрдию источникъ 43 об.; срдце моего 44 об.; терпьнию вашего 47 об.; ѿ бабоулоне (?) 113 об.; ꙗко жизнодавьче и господа 57 об.; спнию источникъ 64 об. (ср. выше: мрдиꙗ источникъ); лучами вїя сиꙗнию 76; истачающю пакъибытью ицѣлѣнию 81; всь есмь повиненъ прещению и осужениꙗ 94; страшнаго осужению 96; дѣснаго ти стоꙗнию 104 об.; въ пристанище спсению безъ волнению к тебе прибегаемъ 107 и др.;

им. мн. ср. рода: вся прегрѣшению 14; дѣꙗнию всѣхъ обличаються 40 об.; идольская хулению 47 об.—48; аплкаꙗ покланѧнию 56;

им. ед. ср. р. на ме вм. мя: въ време 60 об.;

3 мн. аор. на ше вм. ша: приꙗше 63 об., си бо ѿгнаше 67 об.;

возвратн. зал. на се (ше) вм. ся: сло въчлвчьшеесе 97; снемъсяше 67 об.; мариꙗ... плакашаше 61 об. (=плакашеся);

Сравнительно весьма малочисленны случаи мѣны е (ѣ, ь) и ꙗ (а, я) въ другихъ сочетаніяхъ.

Въ ударяемомъ конечномъ открытомъ слогѣ 3 случая не возбуждающихъ сомнѣнія:

им.-вин. ед. ср. р. мѣст.: въ беcеменьное зачатье твоꙗ 54; приклони оухо твоꙗ 117 об.;

им. ед. ср. р. сущ.: бълокохъщеное овцѣ (=овьчя) 7 об.;

сомнительнымъ случаемъ приходится признать: идеже коупно цря и оубожии 64 (можетъ быть слѣдуетъ читать „цéсаре" въ виду с подъ титломъ?).

Случаевъ въ серединѣ слова также весьма мало:

стежахомъ 39, стежавъше 39; плащеницею 39 об.—40; и земля трьпѣщоущи трьсласѧ 71 об. (описка?); твоимъ осиꙗниꙗмь (оп.?) 112 об.;

могутъ объясняться описками: трепещеть бо и трясатьсѧ 28; всячаскаꙗ 46 об. [1]).

---

[1]) Случаи въ родѣ „начальника висяще 71", княжа имуще 51 об. невозможно принимать во вниманіе, такъ какъ смѣшеніе падежей въ причастныхъ формахъ въ нашей рукописи обычно (см. ниже, стр. 247).

Мѣна буквъ а (ꙗ, ѧ) и ѥ (ѣ, ѥ) въ псковскихъ рукописяхъ, впервые замѣченная и обслѣдованная проф. А. И. Соболевскимъ [1]), была разнообразно объясняема изслѣдователями. Большинство изслѣдователей, вслѣдъ за А. И. Соболевскимъ, видѣло въ этой чертѣ отраженіе звуковыхъ особенностей древне-псковскаго говора. Въ этомъ смыслѣ пришлось высказаться и мнѣ въ книгѣ „Языкъ Пскова и его области въ XV в.“ [2]). Въ статьѣ, написанной по поводу этого сочиненія, акад. А. А. Шахматовъ рѣшительно возстаетъ противъ указаннаго мнѣнія [3]). Послѣ заявленія, что онъ „двукратно выступалъ, и оба раза совершенно неудачно, съ попытками объясненія этихъ явленій“ [4]), акад. А. А. Шахматовъ предлагаетъ третью гипотезу. Онъ относитъ мѣну буквъ ѥ и а къ тѣмъ явленіямъ, въ которыхъ „сказались искусственные пріемы графики, по той или иной причинѣ полюбившіеся псковскимъ книжникамъ“ [5]). Эта графическая мѣна, по мысли акад. А. А. Шахматова, явилась благодаря вліянію на псковскую письменность южно-славянской (болгаро-сербской) письменности черезъ посредство южно-русской и западно-русской, при чемъ псковская письменность находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ западно-русскихъ памятниковъ, а эти послѣдніе непосредственно подъ вліяніемъ южно-русскихъ [6]). Лишь окончанія *-ѣя*, *-ая*, (сравн. степ.) да немногіе случаи замѣны *е* черезъ *я* (*а*) могутъ быть, по мнѣнію акад. Шахматова, отраженіемъ особенностей псковскаго говора [7]).

Для доказательства своей мысли акад. А. А. Шахматовъ сопоставляетъ случаи псковской мѣны *е* и *а* съ соотвѣтствующими фактами описываемыхъ имъ инославянскихъ рукописей (преимущ. средне-болгарскихъ), а также нѣкоторыхъ западно-русскихъ и южно-русскихъ.

---

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, II.

[2]) Стр. 152—154.

[3]) Нѣсколько замѣтокъ объ языкѣ Псковскихъ памятниковъ XIV—XV в. (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1909 г., іюль, стр. 136).

[4]) Ibid., стр. 122.

[5]) Ibid., стр. 150, ср. стр. 121.

[6]) Ibid., стр. 130: „Исходя изъ предположенія, что и въ Псковъ тѣмъ или инымъ путемъ проникали особенности среднеболгарскихъ памятниковъ, испытавшихъ на себѣ сербское вліяніе, я ищу именно въ подобныхъ памятникахъ причину отмѣченной сначала А. И. Соболевскимъ, потомъ Н. М. Каринскимъ мѣны *е* (*ѣ*) и *а* (ѧ, ꙗ) въ псковскихъ памятникахъ“. На стр. 161 читаемъ: „Естественно, что и южно-славянское вліяніе проникло въ Западную Русь, а отсюда дальше и въ Псковъ, именно черезъ посредство Галича и Кіева“.

[7]) Ibid., стр. 136 и 137.

Передъ нами возникаютъ слѣдующіе вопросы:

1) Содержатъ ли псковскіе памятники южно-славянское вліяніе въ такой степени, чтобы возможно было предполагать въ нихъ широко развитую мѣну буквъ *е* (ѣ) и *а* (ѧ, ꙗ), какъ графическую черту, возникшую подъ вліяніемъ инославянской письменности?

2) Даетъ ли болгаро-сербская письменность достаточныя соотвѣтствія псковской мѣнѣ указанныхъ буквъ, чтобы возможно было говорить о заимствованіи въ интересующихъ насъ случаяхъ?

3) Представляютъ ли соотвѣтствующія данныя западно-русскіе и южно-русскіе памятники, чтобы возможно было считать ихъ посредниками при передачѣ мѣны *е* (ѣ) и *а* (ѧ, ꙗ) въ псковскія рукописи?

Академикъ А. А. Шахматовъ отвѣчаетъ на эти вопросы утвердительно. О южно-славянскомъ вліяніи онъ пишетъ на стр. 129 своей статьи: „мы знаемъ, что звуковыя измѣненія давали полное основаніе для смѣшенія буквъ ꙗ и ѣ въ болгарскихъ памятникахъ и для смѣшенія ѧ и ѥ въ сербскихъ; мы знаемъ изъ предыдущаго, что псковскіе памятники весьма ярко отражаютъ южно-славянское вліяніе, усвоивши себѣ многіе пріемы южно-славянской графики (ср. арославъ, вм. ярославъ, употребленіе большихъ юсовъ, смѣшеніе *ла*, *лу*, *на*, и т. д. съ *ля*, *лю*, *ня*); считаемъ себя поэтому въ правѣ искать причину мѣны *е* и *я* въ псковскихъ памятникахъ все въ томъ же южно-славянскомъ на нихъ вліяніи". Какъ видимъ, самое право искать причину мѣны *е* и *а* въ южно-славянскомъ вліяніи акад. Шахматовъ основываетъ на опредѣленномъ своемъ представленіи объ отраженіи южно-славянскаго вліянія въ псковскихъ рукописяхъ. Это представленіе оказывается неточнымъ въ отношеніи весьма многихъ рукописей.

Отраженіе южно-славянскаго вліянія на Шестодневъ 1374 г. и другихъ псковскихъ памятникахъ. (Экскурсъ въ область древне-псковской ороографіи).

Акад. А. А. Шахматовъ не отмѣчаетъ рѣзкаго отличія въ ороографіи однихъ псковскихъ памятниковъ отъ другихъ, приписывая псковской письменности факты, указывающіе на яркое юго-славянское вліяніе. Между тѣмъ псковскіе памятники XIV вѣка, вообще говоря, содержатъ южно-славянское вліяніе весьма отличное отъ того, которое наблюдается въ большинствѣ псковскихъ памятниковъ XV в.

Во многихъ, по крайней мѣрѣ, псковскихъ памятникахъ XIV вѣка или вовсе не наблюдаются или исключительны факты, на которые опирается въ своемъ изслѣдованіи акад. А. А. Шахматовъ (ӑрославлѧ; наличность ж; ла, на, вм. лꙗ, нꙗ и пр. под.), а между тѣмъ *въ подобныхъ памятникахъ случаевъ мѣны е и а никакъ не меньше, а иногда и значительно больше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ псковскихъ рукописяхъ, содержащихъ яркое юго-славянское вліяніе.*

Нашъ Шестодневъ представляетъ въ этомъ отношеніи любопытный матеріалъ.

Изслѣдуя вліяніе южно-славянской письменности на графику Шестоднева 1374 года, мы убѣждаемся, что южно-славянскаго вліянія того типа, на который указываетъ акад. А. А. Шахматовъ и который ярко отразился въ памятникахъ русской письменности XV в., въ нашемъ Шестодневѣ нѣтъ. Шестодневъ 1374 г. представляетъ въ разсматриваемомъ отношеніи весьма обрусѣвшій текстъ и напоминаетъ многочисленныя рукописи XIV вѣка, написанныя въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Ж въ нашемъ памятникѣ вовсе не встрѣчается.

Указаній на мѣну юсовъ мы не находимъ. Единственный относящійся сюда примѣръ: и снемь людии обидѧть тѧ 113 об. (=и сънькмѧ людии обиджть тѧ) весьма похожъ на описку. Во всякомъ случаѣ столь исключительный фактъ намъ не даетъ права для какого бы то ни было заключенія.

Въ рукописи послѣдовательно находимъ начертаніе ꙑ; начертаніе ы не встрѣчается.

Написаній ла вм. лꙗ, ꙇа вм. нꙗ, ыа вм. ꙑꙗ въ нашей рукописи вовсе не встрѣчается, какъ нѣтъ и начальнаго а вм. ꙗ въ опредѣленныхъ случаяхъ. Болгарскаго є мы не находимъ; послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ обычно ꙗ.

Правила постановки ꙇ передъ гласными въ рукописи не существуетъ.

Ѕ въ качествѣ буквы не отмѣчено.

Весьма важною ороографическою чертою памятника является также полное отсутствіе сочетанія жд на мѣстѣ обще-славянскаго *dj*. Вмѣсто него послѣдовательно находимъ ж или замѣняющее его въ нашей рукописи ȝ: роженаго 2 об.; заблужьшаго 5 об.; побѣжаємѧ 5 об.; ѡгражениє 8; преже 17 об.; тружающесѧ 18; дажь 17 об.; 99 об.; жиȝителѧ 38; жиȝеть 113 об. и оч. мн. др.

Въ соотвѣтствіе древне-русскимъ написаніямъ ьр, ър, ьл, ъл,

ьрь, ълъ и пр. въ нашей рукописи находимъ слѣдующія сочетанія [1]):

1) ъ и ь передъ плавными: пьрвозданаго 4; оудьржасте 6 об.; върхъ 91; гърдыню 18. Случаевъ очень много, при чемъ громадное большинство ихъ приходится на сочетаніе ьр, сочетанія же *ър*, *ъл*, встрѣчаются весьма рѣдко; случаевъ съ *ъл* вовсе не отмѣчено.

2) о и е (ѣ) передъ плавными: исполнилъ 4 об.; долготьрпеливѣ 11 об.; холмъ 34 об.; молнии 43; молба 101; чермьнемь 14 об.; свѣршена 32; ѿвѣрзлъ 36; вѣрхъ 42; терные 103 об.; первое 112; должени 115; дѣрзновениемъ 34 об.; претерпеша 42 и др. под.

3) о и е (ѣ) передъ плавными и ь (ъ) послѣ плавныхъ: дѣрьзновѣнии 24 об.; оумерьша 39 об.; мерьтвьци 102 об.; долъ|жно 109; оболъкъшеса 48; корьмцию 47. Здѣсь преобладаютъ сочетанія ерь (ѣрь), остальныя же встрѣчаются рѣдко.

4) ь по обѣимъ сторонамъ плавнаго р (ьрь): въ различныхъ падежахъ слова дьрьзновение 84; 84 об.; 87 (2 р.); 87 об. (2 р.); 90 об.; 100; 104; 89 об.; оумьрьщвена 90 об.; вьрьховнии 90 об.; свьрьнено 94; оумьрьша 105; пьрьстомь 110 об.; оусьрьдною 48; ѿвьрьсту 43 об. и др.

Всѣ типы написаній: ер (ѣр), ьр, ерь (ѣрь), ьрь могутъ указывать на одно произношеніе: ер̊. Это слѣдуетъ выводить изъ того факта, что буквы ь, е и ѣ въ большомъ количествѣ случаевъ замѣняютъ одна другую въ нашей рукописи, а ь довольно обычно указываетъ на мягкость предыдущей согласной. Что ь здѣсь играетъ роль знака мягкости, можно видѣть изъ отсутствія написаній ъръ, при частомъ написаніи ьрь.

Церковно-славянскихъ и вообще юго-славянскихъ написаній ръ, ль и пр. мы почти не находимъ. Отмѣченные нами два случая: ѡблъкшеса 31, м|рьтвьци 102, въ виду ихъ исключительности и въ виду того, что въ нашей рукописи описки, состоящія въ опущеніи буквы, не рѣдки [2]), едва ли не слѣдуетъ считать описками.

Случай смрть 43 объясняется случайнымъ пропускомъ титла, ср. смр҃ть 43 и др.

Во всякомъ случаѣ писцы нашей рукописи даже не имѣли представленія объ ороографическомъ правилѣ, состоящемъ въ возможности писать ръ, рь, лъ, ль для выраженія ер, ор, ел, ол.

---

[1]) Въ качествѣ примѣровъ мы выписали изъ рукописи во время чтенія этого памятника 108 случаевъ.

[2]) См. выше, стр. 204 (моурносицами 40; на стршнеи пьри 45).

Указаніе на болѣе или менѣе значительное вліяніе болгарскаго оригинала возможно бы искать лишь въ мѣнѣ ъ и ь:

1) приимьши 37; оумерьша 39 об.; сконьчавьше 42; приимьша 42 об.; истергьша 47 об.; отвѣргьши 50, 69 об.; възревьше 50; зачеиьши 54 об.; приимьше 62 об.; съсавьше 62 об.; попракьша 68.

2) окаинънъии 56 об.; ловъное 57; роуновъна 54; животънъии 57.

3) оутърже ся 23; снемь (= сънъмъ) 47 об.; снемь людии 113 об.

4) крѣпькаꙗ 49 об.; крепько 42 об.; аггльскыꙗ 61; корьмцина 47.

Почти всѣ случаи мѣны ъ и ь падаютъ лишь на текстъ *втораго* писца, вслѣдствіе чего эти случаи не характеристичны для *всей* рукописи.

Но и текстъ 2-го писца въ отношеніи мѣны ъ и ь, повидимому, значительно обрусѣлъ. Писецъ переписалъ нѣсколько случаевъ мѣны изъ оригинала въ церковно-славянскихъ словахъ, такъ какъ не зналъ ихъ произношенія (п. 3); въ остальныхъ же случаяхъ сохранилъ мѣну лишь тамъ, гдѣ въ языкѣ его не было звука (п. 1, 2, 4), при чемъ въ большинствѣ случаевъ и здѣсь онъ, вѣроятно, руководился при постановкѣ ъ и ь твердостью или мягкостью предшествующей согласной, которая, можетъ быть, смягчалась или отвердѣла, послѣ исчезновенія глухого, подъ вліяніемъ слѣдующей согласной (п. 1 и 2).

Смѣшенія твердыхъ слоговъ *ла*, *лу*, *на*, *ну* и пр. съ мягкими *ля*, *лю*, *ня* и пр. нами почти вовсе не было отмѣчено [1]). Однако мы нашли въ нѣсколькихъ словахъ мѣну ъи и и почти исключительно въ текстѣ двухъ первыхъ писцовъ рукописи, а именно: непостъижимаго 4 об.; непостъижьному 44 об., непостъижимъии 55 об.; (ср. непостижимъии 10 об., 11 и др.); праведнихъ 35; верховнихъ аплъ 1. Послѣдніе два случая (въ виду колебанія въ русскихъ діалектахъ: искренный и искренній, зимній и зимный) мы считаемъ не вполнѣ надежными фактами для вопроса о юго-славянскомъ вліяніи. Слово „непостыжный" нерѣдко съ ъи въ русскихъ спискахъ разныхъ вѣковъ. Конечно, это слово вполнѣ могло попасть и изъ южно-славянскаго оригинала. Малочисленность случаевъ мѣны *ы* и *и* и отсутствіе ихъ въ текстѣ 3-го писца указываютъ либо на то, что и въ первоначальномъ оригиналѣ подобныхъ случаевъ было мало, либо на то, что наша

[1]) Случай: мѫтлыную гордъıню низложьше 14 похожъ на описку. Случай ѿ вавоулоне 113 об., можетъ быть, переписанный съ болгарскаго оригинала, конечно, сомнительный и во всякомъ случаѣ не относится къ случаямъ вліянія церковно-славянской или средне-болгарской орѳографіи на правописаніе русскихъ словъ.

Снимокъ № 2. Шестодневъ 1374 г., листъ 75 об. (верхняя половина).

С҃е въскрѣ гла ѧ утрь
Камени запечатану ѿ иудѣи и воиномъ стрегущимъ пр҃тое тѣло твое въскрс̑е третии днь спс҃е дарая всему миру жизнь сего ради силы нб҃ныя въпияху ти жизнодавче слава въскрсению твоему хе слава цр҃твию твоему хе слава смотрению твоему ѥдинѣ млтвѣ :

Снимокъ № 1. Шестодневъ 1374 г., листъ 34 (верхняя половина).

тебноуша · новса подвигнете
прѣчистаныи молите ся · архиереа
молю прпбнаꙗ · мученица же и стра
стотерпьца хвъ · вси с бцею · и
прчем · ха за ны оумолите · да ни
збавит ны · в дн̃ь судныи ·:

Быга покрываемъи навет...а · возложе
имъ испалести · прекрасніи пр
ци · съ учнъ и мистали · съ преподо
бныими оучи · ꙗже свѣдище сила
параклитова · неистреченьмо вси
ꙗлакеть · тьмже молю вы · прѣ
чтьныга ваша памать прѣлъти тѣ
прошаша ѡт поуста кешисленъи
хъ мнѕолѣ ·: и на славу и трьбю

Влѣ ѕ ωп ω ωпв ·: сего же
лѣ · кюрилъ · ет... свершишь
ивлака · ωлексеи · въ пьскове бы
лъ ·: и пьсковици · гадають
гра пьскова · приꙗти напо
вои · възнесения · а писалъ
сава · попъ ·:

Снимокъ № 3. Шестодневъ 1374 г., листъ 95.

рукопись и въ этомъ отношеніи рѣзко измѣнена русскими переписчиками.

Случаи: изистлениѥ 57; изистлениꙗ 43 об.; изистлѣниѥ 18 (при: изъистлениѥ 47; изъистлѣниꙗ 20 об.), конечно, сюда не относятся.

Не содержа, какъ мы видѣли, ряда болгаризмовъ, обычныхъ въ рукописяхъ, на которыхъ отразилось юго-славянское вліяніе XIV—XV вѣковъ, нашъ памятникъ обладаетъ болгаризмами, вошедшими въ русскую орѳографію въ древнѣйшій періодъ русской письменности и присущими вполнѣ обрусѣвшимъ спискамъ, исполненнымъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи въ XIII—XIV вв.

Церк.-славянское *щ* послѣдовательно замѣняетъ русское *ч*, происшедшее изъ **tj*. Это орѳографическое правило, соотвѣтствовавшее церковному произношенію, наши писцы считали для себя настолько обязательнымъ, что третій писецъ единственную свою ошибку въ словѣ „немочьнъꙗ“ 94 об. счелъ нужнымъ исправить (и ч и щ ясно видны въ памятникѣ), а у перваго и у второго писцовъ ошибокъ вовсе нѣтъ, если не считать написанія чюжь 40, которое едва ли сюда относится.

Церковно-славянская форма род. ед. прил. на аго (ꙗго) обычна: роженаго 2 об.; рожьшаго 2 об.; пьрвозданаго 4; непостижимаго 4 об.; заблужьшаго 5 об.; краѥоуголнаго 23; трьсвѣтлаго 87; оканьнаго 87 об., страшнаго 91; трєсвѣтлаго 93 об.; страшнаго 96; десnаго 104 об.; дѣтьскаго 111; отьскаго 5; беспльтнаго 6 об.; оканьнаго 88 об.; прочвѣтъшаго 104 и др. Сравнительно рѣдко приходилось встрѣчать русскую форму на *-ого*: словесного 36 об., вѣрного 52.

Наоборотъ, дат. ед. прил. обыченъ съ окончаніемъ *ому*, *ему*: животворѧщему 3 об.; члвчьскому 4; 5; новому, преславному 20; оукрепльшему 36 об.; проседъшему 38; вышнѣму 39 об.; живоношному 50 об.; трьстому 89; непостижному 44 об. и др. под. Весьма рѣдко находимъ въ этой формѣ окончаніе оуму: доброуму 5 об.; нбноумоу 110, просвѣщьшюму 36.

Формъ простого аориста (ведъ, ведѫ и пр.) и 1-го сигматическаго (привѣсѧ) въ нашемъ памятникѣ не находимъ.

Встрѣчается иногда достигательное наклоненіе: шедше помазатъ 40; взыскатъ 41. Весьма любопытны формы на тъ въ припискахъ, писанныхъ живымъ языкомъ: шести оужинатъ л. 78, 96; поѥхати питъ 79, полести мытъсѧ 84 об. Можетъ возникнуть даже вопросъ о принадлежности подобныхъ формъ живому говору, однако твердыхъ основаній для такого предположенія мы не имѣемъ.

Большая часть отмѣченныхъ сейчасъ нами орѳографическихъ особенностей выступаетъ ярко и во многихъ другихъ псковскихъ памятникахъ XIV вѣка.

Вполнѣ опредѣленны показанія Параклитика 1369 г. (Синод. Библ. № 837). При отсутствіи ѫ, буквъ ѕ, є, ы, сочетаній аа, ıа, ыа и правила постановки ı передъ гласными (какъ исключеніе „немощнıи" 25), мы находимъ въ этомъ памятникѣ послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ послѣдовательно ꙗ, ѥ.

Вмѣсто церковно-славянскихъ сочетаній рѣ, рь, лѣ, ль наблюдаются послѣдовательно проведенные руссизмы: толѣстотѣ 4; свьршаꙗ 4 об.; мертвецехъ 5; дьрьжавною рукою 5; твьрдѣни 5 об.; оутвьрьдисѧ 21; мьрьтва 22; пьрвозданаго 23; дьржаву 24 об.; ѿвьрзохъ 25; вседьржителѧ 27; терпениꙗ 32 об.; долготьрпеливе 36 об.; развергла 47; исполнени 57; оутвьрьжни 73 об.; оумьрьщвение 118 об.; наполнисѧ 118 об., 129 и мн. др.

Постановка ж вм. жд также является вполнѣ послѣдовательной, какъ орѳографическое правило: преже 4, 118 об.; подажь 6; заблужьшаго 21, 21 об.; рожьши 22; наслажено 24; подажь 36; исхожаше 48 об.; стражюща 48 об.; чьрмоною 56 об.; надежю 74; дажь 118; заблужающе 124; подажь 134 и мн. др.—Исключеній мною почти не отмѣчено.

Въ Параклитикѣ 1386 г. (Синодальн. Библ. № 838) мы можемъ отмѣтить слѣдующіе факты.

ѫ отсутствуетъ. ѕ не употребляется въ качествѣ буквы. Постоянно находимъ ъı (ы не встрѣчается). Правила постановки ı передъ гласными мы также не находимъ (ı ставится нерѣдко въ концѣ строки: мı|ръ 126, крепı|мьсѧ 176 и др. или передъ согласными и на концѣ словъ: іс҃е 126, оущедрı 164 и пр. под.).

Вмѣсто сочетаній аа, ıа, еа, находимъ постоянно аꙗ, иꙗ, еꙗ; равнымъ образомъ нѣтъ є, вмѣсто котораго (въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ) ѥ: твоꙗ 7; ωканиѥ моѥ 32; въ ωканьноѥ моꙗ срдце 33; срдце моꙗ 35, 77; прелукавъıꙗ 60; прегрѣшениѥ моꙗ 60; ѥдине 35; ѥго 56 и мн. др.

ж послѣдовательно вмѣсто жд (изъ *dj): вижь 7 об.; заблужьшаго 33 об.; роженаго 34 об.; прохлажающи 35; порожьши 55; порожьше 59; исхожаше 61; рожьшиꙗ 77; невежьства 127; надежа 127; рoженоѥ 137; оружениѥ 139; преже 164; надежею 166; наслажаѥтесѧ 178 и оч. мн. др.

ъ и ь или замѣняющіе ихъ о и е въ опредѣленныхъ случаяхъ послѣдовательно стоятъ передъ плавными; иногда встрѣчаются сочетанія ере, ерь вмѣсто ьр (написаній глухихъ послѣ плавныхъ я почти не отмѣтилъ): зьрцала 7; пьрвѣѥ 7; исполнѧюще 7 об.; пьрваго 32 об.; оумерщ-

вѣнꙑи 32 об.; оутвердивꙑ 33; ѡдержима 33 об.; волкꙑ 33 об.; оутверженнѥ 33, 56; молниѥ 56; чертогоу 57, чертожѣ 58 об.; терновомь 60; чьрмьноѥ 94; черемьнаго 77; дерьзновениѥ 94; вꙑлною 110; терпить 139; волнꙑ 147; вьрхꙑ 167, 168; волка 172 и оч. мн. др. Лишь какъ исключеніе въ этомъ памятникѣ отмѣчено: распрострꙑтама 109 об.

Здѣсь, впрочемъ, находимъ факты, указывающіе и на юго-славянское вліяніе особаго типа: вышеуказанное распрострꙑтама 109 об., сющу 46, всѣлению 57; прообразую (вм. прообразуѩ) 81 об. и др. [1]), но эти факты, вслѣдствіе малочисленности, не могутъ указывать на графическій пріемъ писцовъ, а являются лишь единичными случаями, которые уцѣлѣли въ весьма обрусѣвшемъ спискѣ.

Сходныя особенности мы находимъ также въ отрывкѣ псковскаго Паремейника 1313 и Ирмологіи 1344 г. [2]).

Разсмотрѣнные сейчасъ факты характеризуютъ орѳографію многихъ псковскихъ рукописей, повидимому, за періодъ всего XIV вѣка. По крайней мѣрѣ совершенно аналогичныя особенности мы находимъ съ одной стороны въ Апостолѣ 1307 года [3]), съ другой—въ Сборникѣ Софійской Библіотеки № 1262 [4]), писанномъ типичнымъ русскимъ полууставомъ XIV—XV вв.

Относительно большо̀е количество юго-славянизмовъ нами отмѣчено въ Апостолѣ 1309—1312 г., хотя и его орѳографія носитъ на себѣ печать сильнаго вліянія русскихъ переписчиковъ [5]).

Если сопоставить Шестодневъ 1374 г. въ отношеніи вышеуказанныхъ особенностей съ памятниками псковской письменности XV—XVI и частью даже XVII в., то мы замѣтимъ рѣзкую разницу. Въ громадномъ большинствѣ этихъ послѣднихъ памятниковъ мы находимъ

---

[1]) А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 133.

[2]) Указанія на эти рукописи имѣются въ сочиненіи „Языкъ Пскова“, стр. 144.

[3]) Синод. Библ., № 722. Здѣсь нами отмѣчено постоянное ꙑ; отсутствіе ѫ; обычныя ꙗ, ѥ (иногда и є) послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ (ѥсть 111 об.; ꙗко 72 об.; моѥ 111 об.; ѥго 62 об. и др.); отсутствіе правила о постановкѣ ї передъ гласными (вѣтрї, памфїли 50); постановка гласныхъ передъ плавными въ опредѣленныхъ случаяхъ, какъ орѳографическое правило (наполнивъ сѧ 10; дѣрзновѣньѥ 10 об.; наполни 12 об.; на долзѣ, волхвованьѥмь 8; скорбѧщѥ 60; вѣртьпѣхъ 60; съвѣршени 60; гордость 60; тьрпимъ 72; съдьржитѥ 73; скорбю 75 об., смерть 112 и др.); обычно русское ж (изъ *дј*): чюжахоусѧ 100 об.; насажаѥть 71 об. и др.

[4]) Языкъ Пскова, стр. 131.

[5]) Акад. А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 124: погъıбѣлъ 131, пѧтьдесѧтъ 34, дъждъ 35, кръстъ 46, бьıстъ 29 об.; оупразнитъ 49, будетъ 56 об.; землу 9, луді 14, съмьрть г҃ну 78 об.; дъжду 120 об. и др.

є и отсутствіе ѥ, і передъ гласными, ы (иногда въ чередованіи съ ъі), написанія ыа, іа, аа, еа вм. сочетаній ыꙗ, іꙗ, аꙗ, еꙗ, обычно въ чередованіи съ послѣдними, начальное а вм. ꙗ, сочетанія ръ, рь, лъ, ль на ряду съ ор, ол, ер, ел. Къ этимъ особенностямъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ присоединяются еще слѣдующія: жд на ряду съ ж, ѕ въ качествѣ буквы (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ часто), иногда даже ж [1]), а также изрѣдка явленія, обязанныя своимъ происхожденіемъ мѣнѣ юсовъ (см. Языкъ Пскова, стр. 6 — 7). Перечисленныя особенности не въ одинаковой степени отразились на псковскихъ памятникахъ XV—XVI вв., но все же комбинація ихъ придаетъ орѳографіи памятниковъ яркую окраску и въ общемъ замѣтно отличаетъ ихъ отъ псковскихъ памятниковъ XIV вѣка.

Изслѣдователь южно-славянскаго вліянія съ одной стороны и мѣны е(ѣ) и а(ꙗ, ѧ) съ другой въ псковскихъ памятникахъ XIV—XV вв. долженъ придти къ выводу, что мѣна е и а въ псковскихъ рукописяхъ совершенно не стоитъ въ соотвѣтствіи съ характеромъ и силой южно-славянскаго вліянія. Несмотря на болѣе сильное вліяніе южнославянской орѳографіи на памятники XV в., въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мѣна *е* и *а* рѣдка. Напр., у перваго писца 2-ой части Сборника Моск. Синод. Библ. № $\frac{53}{255}$ на 167 листахъ его работы эта мѣна отмѣчена лишь въ четырехъ случаяхъ послѣ смягченныхъ согласныхъ, хотя орѳографія этой части рукописи содержитъ яркіе болгаризмы (ж, ѕ, глухіе послѣ плавныхъ и пр.). Немногочисленны случаи разсматриваемой мѣны и въ Палеѣ 1477 года, хотя юго-славянское вліяніе въ этой рукописи значительное. Между тѣмъ въ Сборникѣ Соф. Библ. № 1262, который въ отношеніи орѳографіи представляетъ весьма обрусѣвшій текстъ, находимъ около 150 случаевъ мѣны буквъ *е* (ѣ, ь) и *а* (ѧ, ꙗ). То же самое наблюдается и въ памятникахъ XIV в. Въ Апостолѣ 1309—1312 г., который содержитъ, какъ мы видѣли, особенно значительное число фактовъ, указывающихъ на южно-славянское вліяніе [2]), случаевъ мѣны е и а проф. А. И. Соболевскій отмѣтилъ

---

[1]) Акад. А. И. Соболевскій. Трефолой 1446 года (Р. Фил. В. 1888 г.). Н. Каринскій. Языкъ Пскова, стр. 8—10, 46, 47, 64, 65, 78, 79, 98, 99, 113, 120. Акад. А. А. Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ объ языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV—XV в., стр. 115—120.

[2]) Среди этихъ фактовъ и такіе, какъ лудн, дъжду, въ землу, съ призва, погыбѣлъ и др. (А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 124).

лишь 2 на 129 листахъ рукописи [1]), въ то время какъ изъ Параклитика 1369 г., весьма обрусѣвшаго въ отношеніи орѳографіи, акад. А. И. Соболевскій выписалъ 41 случай. Весьма также любопытны, какъ мы видѣли, показанія нашего Шестоднева.

Итакъ изученіе древне-псковской письменности со стороны орѳографіи заставляетъ насъ признать, что объясненіе мѣны е(ѣ) и а(ꙗ, ѧ) въ псковскихъ памятникахъ „искусственнымъ пріемомъ графики", ведущимъ насъ въ значительной степени къ средне-болгарскому вліянію, встрѣчаетъ затрудненія. При подобномъ объясненіи мы совершенно не въ состояніи понять, почему въ Шестодневѣ 1374 г., какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ псковскихъ рукописяхъ, подъ перомъ русскихъ переписчиковъ, согласно русскому произношенію, южно-славянскія сочетанія *ръ*(*рь*), *лъ*(*ль*) послѣдовательно замѣнялись въ опредѣленныхъ случаяхъ русскими сочетаніями *ор*, *ол*, *ер*, *ел* (*ъл*, *ър*, *ьл*, *ьр*), почему русское *ж* также совершенно послѣдовательно замѣнило *жд* болгаро-сербскихъ оригиналовъ, почему явились ꙗ, ѥ вм. южно-слав. *а*, є и пр. под. [2]), и почему на ряду съ этими фактами въ большомъ количествѣ случаевъ распространена мѣна буквъ *е*(ѣ) и *а*(ꙗ, ѧ), если въ языкѣ псковичей не было явленій, которыя бы способствовали подобной графической мѣнѣ въ рукописяхъ. Намъ остается непонятнымъ и то, почему количество случаевъ мѣны *е* и *а* не стоитъ въ зависимости отъ силы юго-славянскаго вліянія на орѳографію данной рукописи.

Намъ остается совершенно также неяснымъ, почему яркая мѣна *е*(*ѣ*) и *а*(ꙗ, ѧ) находится въ памятникахъ, не имѣющихъ написаній въ родѣ „арославъ", большихъ юсовъ, смѣшенія ла, лу, на и т. д. съ ля, лю, ня, т. е. не имѣющихъ вовсе или почти не имѣющихъ тѣхъ именно фактовъ, наличность которыхъ побуждаетъ акад. А. А. Шахматова, по его словамъ, искать причину мѣны *е* и *я* въ южно-славянскомъ вліяніи.

Однако принятіе гипотезы акад. А. А. Шахматова встрѣчаетъ и другія затрудненія. Самый характеръ мѣны *е* (ѣ) и *а* (ѧ, ꙗ) въ псковскихъ памятникахъ—иной, чѣмъ характеръ соотвѣтствующихъ явленій въ южно-славянскихъ рукописяхъ.

Въ Шестодневѣ 1374 года почти всѣ случаи этой мѣны падаютъ,

---

[1]) Очерки, стр. 123.

[2]) Насколько обрусѣлъ текстъ Шестоднева 1374 года, видно, между прочимъ, и изъ фактовъ морфологіи: русская причастная форма всемогая почти совершенно вытѣснила въ немъ древне-церковно-славянскую: всемогꙑи.

какъ мы видѣли, на конечный открытый слогъ и только 3 случая несомнѣнныхъ и 4 сомнительныхъ падаютъ на всѣ другія сочетанія. Половина всѣхъ случаевъ этой мѣны нами отмѣчена въ двухъ падежахъ: 1) им.—вин. ед. ср. р. сущ. на—*ье* (замѣна конечнаго *е* черезъ *ꙗ*) и 2) род. ед. муж.—ср. р. сущ. мягк. скл. (замѣна *ꙗ* черезъ е). Аналогичные факты мы наблюдаемъ въ Сборникѣ Соф. Библ. № 1262, въ которомъ въ тѣхъ же падежныхъ окончаніяхъ мы отмѣтили болѣе 110 случаевъ, что составляетъ болѣе половины всѣхъ случаевъ разсматриваемой мѣны. Вообще въ псковскихъ рукописяхъ наибольшее количество случаевъ мѣны *е* и *а* падаетъ на конечный открытый слогъ и мѣна эта весьма обычна въ указанныхъ выше падежахъ.

Совершенно иную картину наблюдаемъ въ южно-славянской письменности.

Соотвѣтствій псковской замѣнѣ *е* черезъ *а* (*ꙗ*) въ им.—вин. сущ. на *ие* (*ье*) въ южно-славянской письменности акад. А. А. Шахматовъ вовсе не нашелъ, о чемъ онъ и заявляетъ на стр. 135 статьи „Нѣсколько замѣтокъ“ [1]). Матеріалъ, который приводитъ акад. Шахматовъ изъ южно-слав. письменности, какъ соотвѣтствующій обратной замѣнѣ а (*ꙗ*, *ѧ*) черезъ е (ѣ), едва ли возможно признать достаточнымъ. Говоря о самыхъ многочисленныхъ случаяхъ такой замѣны послѣ гласныхъ (слѣдовательно, вмѣстѣ и о род. ед. сущ. на *ие*, *ье*), акад. А. А. Шахматовъ пишетъ: „И въ этихъ случаяхъ *е* восходитъ къ *ѣ* южнослав. оригиналовъ, ср. обычныя въ нихъ написанія, какъ марiѣ, б҃жиѣ закона, прѣжде зачѧтиѣ, слова моѣ, дрѣво спсениѣ и т. д.“. Здѣсь на интересующую насъ форму приводится 3 примѣра безъ указанія, изъ какихъ памятниковъ эти примѣры взяты [2]). При описаніи 12-ти средне-болгарскихъ рукописей, описаніи, въ которомъ авторъ имѣетъ цѣлію исключительно сгруппировать факты, соотвѣтствующіе псковской мѣнѣ *е* (*а*) и *а* (*ѧ*, *ꙗ*), акад. А. А. Шахматовъ приводитъ на род. ед. съ окончаніемъ—иѣ (вм. иꙗ) только 2 случая изъ одного памятника, а вообще на род. ед. мягкаго склоненія 7 случаевъ изъ 6-ти памятниковъ (стр. 130—132).

Въ виду этого мы не можемъ согласиться съ акад. А. А. Шахматовымъ, который далѣе въ разсматриваемой статьѣ рѣшается утвер-

---

[1]) Здѣсь между прочимъ читаемъ: „Не отрицая возможности того, что и здѣсь *я* вмѣсто *е* могло появиться графическимъ путемъ, я считаю болѣе вѣроятнымъ сблизить *ия*, *ья* псковскихъ памятниковъ съ *ия*, *ья* памятниковъ малорусскихъ“.

[2]) Стр. 134. Послѣ согласныхъ въ томъ же падежѣ указаны 2 случая (огнѣ и морѣ) въ двухъ средне-болгарскихъ памятникахъ, стр. 133.

ждать слѣдующее: „Такъ въ особенности для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что написанія съ *е, ѣ* вм. *а* (ꙗ) ведутъ насъ вообще всѣ къ средне-болгарскимъ памятникамъ“ [1]).

Въ западно-русскихъ и южно-русскихъ памятникахъ (принадлежность которыхъ югу или западу Россіи для насъ несомнѣнна) намъ также не приходилось встрѣчать характера мѣны *е* и *а*, *тожественнаго* съ характеромъ мѣны въ псковскихъ рукописяхъ.

Правда, въ средне-болгарскихъ рукописяхъ, а также въ южно-русскихъ и западно-русскихъ спискахъ съ болгарскихъ оригиналовъ, наблюдаются нѣкоторыя явленія, которыя можно поставить въ связь съ псковской мѣной *е* и *а*. Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ Псковъ, какъ и въ нѣкоторые другіе центры Россіи, до XIV в. заносились иногда болгарскія рукописи, которыя содержали мѣну ъ и ь, мѣну ѧ и ѫ, мѣну твердыхъ и мягкихъ слоговъ и пр. (см. Апостолъ 1309—1312 г.), а также замѣну ꙗ (ѧ) черезъ ѣ (є) и пр. Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ русскихъ юго-западныхъ рукописяхъ мы находимъ весьма незначительное количество случаевъ замѣны *е* черезъ ꙗ (ѧ) и ѧ (ꙗ) черезъ *е*. Однако мы должны имѣть въ виду, что подъ перомъ русскихъ переписчиковъ въ псковскихъ спискахъ быстро исчезали или измѣнялись тѣ графическія особенности болгарскихъ и южнорусскихъ оригиналовъ, которыя *не согласовались съ произношеніемъ псковичей-переписчиковъ*. Орѳографія приспособлялась къ псковскому произношенію. Въ виду этого мы поддерживаемъ мнѣніе, что псковская мѣна *е* (ѣ) и *а* (ѧ, ꙗ) является показателемъ существованія въ говорѣ древне-псковской области опредѣленныхъ звуковыхъ явленій [2]). При этомъ мы склонны допустить, что въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ писцы псковскихъ рукописей могли усмотрѣть въ орѳографіи болгарскихъ или списанныхъ съ болгарскихъ русскихъ юго-западныхъ и западныхъ оригиналовъ черты, отчасти пригодныя для графическаго изображенія (правда, весьма неточнаго) опредѣленныхъ псковскихъ зву-

---

[1]) Ib., стр. 135.

[2]) Упоминая о разнообразныхъ объясненіяхъ псковскаго *я* вм. *е* и *ѣ*, акад. А. И. Соболевскій пишетъ: „Послѣднее изъ нихъ—А. А. Шахматова—въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1909 г. № 6. Мы его считаемъ неудачнымъ“ (Русск. Фил. Вѣстн. 1909 г. №№ 3 и 4, стр. 233). Проф. Б. М. Ляпуновъ пишетъ: „Но въ частности, что касается мѣны буквъ *е* и *а* послѣ мягкихъ согласныхъ (съ одной стороны времѣ, воле, съ другой—при царѧ), то мнѣ не совсѣмъ понятно, почему бы мы вмѣстѣ съ А. И. Соболевскимъ и за нимъ Н. М. Каринскимъ не могли объяснять эти случаи и съ точки зрѣнія фонетической“ (Сборникъ отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г., стр. 553).

ковыхъ особенностей. Однако псковичи придали болгарской графикѣ и въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, своеобразный характеръ.

Въ виду того, что намъ до сихъ поръ неизвѣстны памятники псковской письменности до XIV в., а также не изучены въ достаточной степени и говоры, въ которыхъ сохраняются нѣкоторыя древне-псковскія діалектологическія черты, представляется весьма труднымъ опредѣлить, когда произошли и какого рода были тѣ звуковыя измѣненія, которыя привели въ XIV и XV вв. къ разсматриваемымъ сложнымъ графическимъ особенностямъ, но намъ представляется весьма вѣроятнымъ, что въ XIV и XV вв. въ конечномъ открытомъ слогѣ псковичи произносили *е* близко къ *а*, или даже совершенно, какъ *а* [1]).

Вопросъ объ отвердѣніи р въ связи съ данными діалектологіи.

Фактовъ, на основаніи которыхъ возможно бы было сдѣлать предположеніе объ отвердѣніи *р*, въ нашей рукописи не много, при чемъ всѣ сколько-нибудь надежные случаи падаютъ на текстъ второго писца:

цр҃оу 62; пастꙑроу добрꙑи 41 об.; 51 (ср. пастꙑрю доброму 5 об.); бороущихъся 52; боуроу (оп.?) 72 об.; рꙑторъ 41 об. (ср. риторьска 36 об.); цѣломудрꙑнꙑмь 27 (оп.?); любопытно также написаніе ри вм. рꙑ: закривъ 40; ѿкриваеть 115; рибитви 36 об. (при: рꙑбитви 42, 41 об.).

Судя по описаніямъ акад. А. И. Соболевскаго, въ цѣломъ рядѣ другихъ памятниковъ, писанныхъ въ Псковской области въ XIV вѣкѣ, подобныхъ фактовъ еще меньше [2]). Кромѣ того въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIV вѣка, на ряду съ сочетаніемъ ру вм. рю, имѣемъ лу, ну вм. лю, ню и наоборотъ, напримѣръ, въ Типогр. Псал. № 35 на ряду съ „борущамся“ имѣемъ „бєзвєсєлуся“, блюдницю [3]), или въ Паракл. 1386 г. на ряду съ „градѣте“ находимъ „сющю“, „вєслєнюю“ [4]). Въ нашемъ памятникѣ, какъ мы видѣли, мѣны оу и ю послѣ другихъ согласныхъ, кромѣ *р*, почти не отмѣчено, что опредѣленно выдвигаетъ вопросъ объ отвердѣніи этой согласной. Однако отнесеніе этого явленія къ псковскому говору XIV вѣка (въ виду малочисленности соотвѣтствующихъ примѣровъ въ нашей рукописи и вообще въ памятникахъ XIV вѣка, а также книжнаго характера этихъ примѣровъ) возможно *съ*

---

[1]) Проф. Б. М. Ляпуновъ, op. cit., стр. 553. Языкъ Пскова, стр. 152.

[2]) См. Очерки, стр. 120, 126, 127, 130, 133, 137, 154.

[3]) Ib., стр. 137.

[4]) Ib., стр. 133.

увѣренностью лишь въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что въ XV вѣкѣ твердое *р* *несомнѣнно* было распространено въ говорѣ Пскова.

Въ 1909 году, на основаніи разсмотрѣнія ряда псковскихъ памятниковъ XV и слѣд. вѣковъ, мы пришли къ заключенію о существованіи отвердѣвшаго *р* въ псковскихъ говорахъ этой эпохи [1]). Этотъ фактъ имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ даетъ возможность тѣснѣе сближать псковскіе говоры съ бѣлорусскими, а это сближеніе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими соображеніями, приводитъ къ вѣроятному предположенію о колонизаціи западно-руссовъ въ область псковичей. Акад. А. И. Соболевскій, соглашаясь съ нашими заключеніями, пишетъ: „Особенности псковскаго говора XV в., извлеченныя Н. М. Каринскимъ,—отчасти тѣ же, что и особенности псковскаго говора XIV в... Между ними также нерѣдко отвердѣвшее *р*, сближающее псковскій говоръ XV в. съ бѣлорусскими говорами" [2]).

Акад. А. А. Шахматовъ дважды высказался по поводу нашихъ предположеній. Въ первый разъ въ 1909 году онъ, въ противуположность нашему мнѣнію, утверждалъ, что отвердѣніе на письмѣ *р* не содержитъ указанія на псковскую звуковую особенность, а является однимъ изъ искусственныхъ пріемовъ графики, по той или иной причинѣ полюбившихся псковскимъ книжникамъ [3]). Въ 1915 году акад. А. А. Шахматовъ рѣшительно измѣняетъ свое мнѣніе: „Другимъ отличіемъ западныхъ говоровъ отъ восточныхъ", говоритъ онъ: „могло быть твердое произношеніе *р*. Изъ собраннаго Н. М. Каринскимъ матеріала изъ псковскихъ памятниковъ XV в. можно заключить о твердомъ произношеніи исконнаго *р* въ Псковѣ. Правда, графика псковскихъ памятниковъ находилась въ сильной зависимости отъ памятниковъ бѣлорусскихъ, съ одной стороны, южно-славянскихъ—съ другой; твердое *р* могло быть заимствовано какъ изъ той, такъ и изъ другой письменности, ср. хотя бы написанія *лоу*, *ла*, *лъ* и т. п. вмѣсто лю, лѧ, ль, перешедшія въ псковскія рукописи изъ южно-славянскихъ оригиналовъ. Но, во-первыхъ, отвердѣніе *р* можно указать и въ оригинальныхъ псковскихъ памятникахъ, какъ то въ лѣтописяхъ и записяхъ, напримѣръ въ Псковской 1-й лѣт.: манастыры, патрыкѣевичь, старынаѵх (ср. соображенія Н. М. Каринскаго, Языкъ Пскова, стр. 181); во-вторыхъ, видимъ его въ чисто русскихъ словахъ и въ названіяхъ мѣстностей, напримѣръ рыгѣ, рызѣкои въ той же Псковской 1-й лѣт. (ib.,

[1]) Языкъ Пскова, стр. 180—183.

[2]) Русскій Фил. Вѣстн. 1909, № 3—4, стр. 232.

[3]) „Нѣсколько замѣтокъ", стр. 148—150.

стр. 84—85). Можно думать поэтому, что отвердѣніе *р* въ древне-псковскихъ говорахъ однородно съ отвердѣніемъ *р* въ бѣлорусскомъ" [1]).

Въ приведенномъ сейчасъ мнѣніи акад. А. А. Шахматовъ опирается, какъ видимъ, исключительно на факты и соображенія нашей книги, которые имъ имѣлись въ виду и при составленіи статьи „Нѣсколько замѣтокъ" въ 1909 г. Но въ 1909 году почтеннымъ изслѣдователемъ высказаны были критическія замѣчанія по поводу нашего заключенія и приведены соображенія, которыя препятствуютъ, по его мнѣнію, отнести отвердѣніе *р* къ псковскому языку XV в. Эти критическія замѣчанія и соображенія казались вполнѣ убѣдительными проф. Б. М. Ляпунову, который, признавая ихъ силу, не рѣшился приписать говору Пскова твердое *р* [2]). Акад. И. В. Ягичъ, имѣя въ виду эти возраженія, колебался, относить ли матеріалъ псковскихъ памятниковъ, свидѣтельствующій объ отвердѣніи *р* къ псковской области или къ бѣлорусской [3]). Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи [4]) акад. А. А. Шахматовъ не объяснилъ, почему высказанныя имъ въ 1909 году критическія замѣчанія и соображенія недостаточны, чтобы поколебать выводъ о существованіи отвердѣлаго *р* въ древне-псковскомъ говорѣ. Въ виду этого мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть замѣчанія и соображенія, приведенныя въ статьѣ „Нѣсколько замѣтокъ".

Въ этой статьѣ А. А. Шахматовъ находилъ нашъ матеріалъ, вообще говоря, убѣдительнымъ: „Казалось бы, что, дѣйствительно, извлеченныя имъ" (т. е. авторомъ книги „Языкъ Пскова") „изъ псковскихъ памятниковъ данныя достаточны для признанія наличности въ языкѣ писавшихъ ихъ твердаго *р* вмѣсто мягкаго". Онъ находилъ лишь недостаточно убѣдительными факты, выбранные нами изъ Сборника Соф. Библ. № 1262 [5]). Кромѣ того онъ полагалъ, что написанія *ро* вм. ожидаемаго *ре* (берогъ, бероза) ни въ коемъ случаѣ на отвердѣніе *р* не указываютъ [6]). Рѣшительно не соглашаясь съ этими замѣчаніями акад. А. А. Шахматова [7]), мы должны отмѣтить, что,

---

[1]) Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка, стр. 328—329 (Энциклопедія слав. филологіи. В. 11,1).

[2]) Проф. Б. М. Ляпуновъ. Отзывъ о сочиненіи Н. М. Каринскаго. Сборникъ отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г., стр. 541—542, 553.

[3]) Archiv für Slavische Philol., 31, 3. 1910, стр. 456.

[4]) Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка.

[5]) „Нѣсколько замѣтокъ", стр. 138 прим.

[6]) Ib., стр. 149.

[7]) Недовѣріе къ матеріалу Сб. Соф. Библ. № 1262 акад. А. А. Шахматовъ фор-

каковы бы ни были заключенія о матеріалѣ Сборника Соф. Библ. № 1262 и написаніяхъ *ро* вм. *ре*, они, конечно, не могутъ имѣть существеннаго значенія для вопроса объ отвердѣніи *р* въ древнепсковскомъ языкѣ XV в. Признавая матеріалъ, извлеченный нами

мулируетъ такими словами: „авторъ на стр. 136 приводитъ: рибы, рибари, ридаи, риломъ, объясняя эти написанія слѣдствіемъ отвердѣнія *р*, вообще недоказаннаго для этого памятника, ибо оно ограничивается не русскими глагольными формами: градеть, градуща, градуть и т. п. и еще словами зроу, прамо (бруху, серобро признаемъ вслѣдъ за авторомъ описками; створыи, какъ видно изъ контекста, ошибка, вмѣсто створивыи" (стр. 138 прим.). Какъ видимъ, скепсисъ вытекаетъ изъ недостаточности фактовъ. Намъ кажется, что при оцѣнкѣ фактовъ Сборника Соф. Библ. № 1262 акад. А. А. Шахматовъ примѣняетъ не тотъ критерій, какой имъ примѣняется при оцѣнкѣ однородныхъ фактовъ въ другихъ случаяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, акад. А. А. Шахматовъ располагалъ слѣдующими данными для признанія твердаго *р* у писца Сборника № 1262: 1) Сборникъ писанъ въ Псковѣ въ началѣ XV вѣка, 2) другія псковскія рукописи XV в. имѣютъ достаточный матеріалъ для признанія въ нихъ наличности указаній на твердое *р* (если руководиться исключительно показаніями этихъ рукописей), 3) въ Сборникѣ № 1262 мы имѣемъ два примѣра (зру, прамо), которые относятся къ словамъ чисто русскимъ, 4) въ Сборникѣ № 1262 всего около 50 случаевъ, которые всѣ могутъ объясняться, если принять предположеніе объ отвердѣніи *р*, отраженіемъ этого явленія, хотя допускаютъ и иныя объясненія (описками, заимствованіемъ съ болгарскаго и т. п.). Данныя эти А. А. Шахматовъ призналъ недостаточными. При оцѣнкѣ этихъ фактовъ А. А. Шахматовъ рѣшительно призналъ описками примѣры: *бруху*, *серобро*, ссылаясь въ этомъ случаѣ на наши слова, хотя мы выразились осторожно: „Случаи: серобро, бруху и под. можно считать описками". Таковъ строго критическій пріемъ почтеннаго изслѣдователя, когда онъ *опровергаетъ* собранныя нами данныя для доказательства отвердѣнія *р*. Нѣсколько иначе относится акад. А. А. Шахматовъ къ фактамъ рукописей, когда *доказываетъ существованіе мягкаго р* въ опредѣленныхъ случаяхъ. На стр. 149 читаемъ: „Отмѣтимъ еще, что написанія *ро* вмѣсто ожидаемаго *ре* на мѣстѣ произносившагося р'о ни въ коемъ случаѣ не указываютъ на отвердѣніе *р*. Считаю себя въ правѣ читать серобра, з берога, поперокъ, царовна, на беростовѣ и т. д. Синод. № 154 съ мягкимъ, а не твердымъ *р*, въ виду написаній роублювъ, роублова, привозоша; также читаю съ мягкимъ р: с берога, погроб, чероду, богатыровъ, Погод. № 1413, въ виду написаній полононо 157а, истоплоно 160а; тоже въ Новоросс. спискѣ перомогаи, серобро, берогу, смеродъ, б(ог)атыровъ, въ виду не идомъ, озоро, коновъ. Мнѣ непонятно, почему Н. М. Каринскій возражаетъ противъ этого". Итакъ въ рядѣ случаевъ акад. А. А. Шахматовъ читаетъ мягкое *р* именно въ виду написаній: роублювъ, роублова, привозоша, полононо, истоплоно, не идомъ, озоро, коновъ. Всматриваясь въ эти послѣдніе примѣры, мы замѣчаемъ, что большинство изъ нихъ (5 изъ 8) являются похожими на описки, какъ разъ по тому признаку, по которому А. А. Шахматовъ въ приведенномъ ранѣе доказательствѣ рѣшительно счелъ описками бруху, серобро, т. е. вслѣдствіе возможности здѣсь предполагать написаніе рядомъ стоящей буквы вмѣсто нужной. Мало того, въ нѣкоторыхъ изъ примѣровъ А. А. Шахматова предположеніе описки еще болѣе вѣроятно, чѣмъ въ словахъ „бруху" и „серобро", такъ какъ тамъ иногда

изъ памятниковъ XV вѣка, достаточнымъ для доказательства отвердѣнія *р* въ древне-псковскомъ языкѣ, акад. А. А. Шахматовъ не считалъ однако возможнымъ согласиться съ нашимъ выводомъ вслѣдствіе недовѣрія къ показаніямъ нашихъ памятниковъ, если они не согласуются съ данными современныхъ сѣверо-западныхъ говоровъ. Почтенный изслѣдователь пишетъ: „Но меня останавливаетъ отъ этого слѣдующее соображеніе: твердое *р* вмѣсто мягкаго не извѣстно въ современныхъ псковскихъ говорахъ; и больше того—прилегающія къ Псковской области бѣлорусскія мѣстности, уѣзды Витебской губерніи вообще не знаютъ отвердѣнія *р*, которое принадлежитъ преимущественно юго-западной части бѣлорусскаго нарѣчія; сошлюсь при этомъ на указанія Е. Ѳ. Карскаго (Бѣлоруссы II, 382) и на діалектологическую его карту. Рѣшимся ли мы на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ псковскихъ памятниковъ, утверждать, что нѣкогда отвердѣніе *р* заходило дальше на сѣверъ и сѣверо-востокъ, чѣмъ теперь [1])?

имѣются *двѣ* и даже *три* буквы, сходныя съ неправильно написанной буквой, а не *одна*: *озоро*, *полононо*, *истоплоно*. Однако отношеніе въ двухъ разныхъ доказательствахъ къ этимъ однороднымъ фактамъ совершенно различное. Въ первомъ случаѣ А. А. Шахматовъ усиливаетъ, какъ видѣли, наше замѣчаніе о *возможности* видѣть въ этихъ случаяхъ описки, причисляя ихъ къ опискамъ въ *категорической формѣ* (хотя въ той же рукописи встрѣчались надежные примѣры на отвердѣніе *р*: зру, прамо). Во второмъ доказательствѣ акад. А. А. Шахматовъ опирается между прочимъ на однородные по надежности факты, даже не поднимая вопроса о *возможности* предполагать здѣсь описки, приводя иногда (Псковск. лѣтоп. Погод. Сп. № 1413) исключительно эти сомнительныя данныя. Прибавимъ, что случаи въ родѣ „рубловъ" могутъ объясняться при предположеніи графической аналогіи къ род. мн.: отцовъ, вълковъ и пр., и ихъ едва ли возможно сопоставлять съ такими фактами, какъ „идомъ".

Но разсмотримъ доказываемое акад. А. А. Шахматовымъ явленіе по существу: дѣйствительно ли написанія *ро* въ „серобра", „берога" и пр. „*ни въ коемъ случаѣ* не указываютъ на отвердѣніе *р*". Можетъ быть А. А. Шахматовъ выбралъ лишь не достаточно убѣдительные примѣры, и въ рукописяхъ одинаково часто встрѣчаются факты въ родѣ „идомъ", какъ и факты въ родѣ „серобра"? На это предположеніе мы должны отвѣтить отрицательно. Случаи въ родѣ „серобра" въ псковскихъ памятникахъ нерѣдки, случаи же въ родѣ „идомъ" прямо исключительны. Въ виду этого мы полагаемъ, что нерѣдкое написаніе *ро* вм. *ре* въ словахъ въ родѣ „берогъ", если само по себѣ рѣшительно и не доказываетъ существованіе твердаго *р*, то несомнѣнно *можетъ* указывать на это явленіе.

Обращаясь къ Сборнику Соф. Библ. № 1262, который представляетъ особенно обрусѣвшій текстъ, въ которомъ мы отмѣтили два вполнѣ надежныхъ случая и всего до 50 случаевъ, указывающихъ на отвердѣніе *р*, мы должны признать показанія этого памятника въ интересующемъ насъ вопросѣ весьма важными.

[1]) Согласно съ этимъ проф. Б. М. Ляпуновъ пишетъ: Какъ, напримѣръ, объяснить,

Не остережемся ли мы отъ такого поспѣшнаго заключенія, въ виду именно искусственнаго характера правописанія псковскихъ памятниковъ? Я рѣшительно склоняюсь къ тому, что вѣроятнѣе не придавать рѣшающаго значенія соотвѣтствующимъ показаніямъ памятниковъ и въ этомъ случаѣ" [1]). Ниже акад. А. А. Шахматовъ категорически называетъ отвердѣніе на письмѣ *р* искусственнымъ пріемомъ графики [2]).

Приведенное доказательство акад. А. А. Шахматова основано на весьма неточномъ представленіи о сѣверо-западныхъ русскихъ говорахъ. Дѣло въ томъ, что мы имѣемъ указанія на существованіе въ этихъ говорахъ отвердѣвшаго *р* и въ настоящее время.

Въ Опытѣ русской діалектологіи акад. А. И. Соболевскаго читаемъ, что въ смѣшанномъ говорѣ пограничной съ Псковскою губ. мѣстности Себежскаго у. отмѣчено: *хра*сцицель (при цяперь), а въ имѣніи Горoватки того же уѣзда отмѣчено даже частое твердое *р*: прамо, грабу, звяры́, цяперъ (рядомъ: бярёза, цяперь и т. п.) [3]).

М. А. Горская въ мѣстностяхъ около Опочки Псковской губ. (въ селеніяхъ: Большія Рогатки, Малыя Рогатки, Голощапы, Сѣрово, Нефедово, Заводы, Морозово, Хлустово, Загребицы) также отмѣтила нѣсколько случаевъ твердаго *р*: Пръсвятая, мирани (= миряне), пръкрывайти (пр$\frac{е}{и}$крывайте) [4]), перехрапать (=перехряпать). Въ этомъ говорѣ наблюдается аканье (бяда, пяски), сохраненіе *о* въ слогѣ послѣ ударенія, мѣна *у* и *в*, *х* вм. *ф*., цоканье и рядъ другихъ любопытныхъ особенностей, сближающихъ этотъ говоръ съ древне-псковскимъ [5]).

Довольно частое отвердѣніе *р* наблюдала и А. А. Блокъ въ говорѣ крестьянъ Гоголевской волости, Гдовскаго уѣзда. Здѣсь постоянное твердое *р* передъ *и*: прычина, прыѣду и пр. Иногда передъ

при взглядѣ Н. М. Каринскаго твердость *р* въ псковскомъ говорѣ XV в., если сосѣдніе сѣверо-восточные говоры бѣлорусскіе какъ разъ являются мягко-ерыми? (Op. cit., стр. 553).

[1]) Op. cit., стр. 149.

[2]) Ib. 150. Вопроса объ искусственномъ характерѣ псковской графики мы отчасти коснулись выше, при разсмотрѣніи случаевъ мѣны *е* (ѣ, ь) и *а* (ѧ ы) въ нашемъ памятникѣ. Общему вопросу о южно-славянскомъ вліяніи на древне-русскую письменность мы предполагаемъ посвятить особый очеркъ.

[3]) Стр. 74.

[4]) Ср. чередованіе *пре-* и *про* въ псковскихъ рукописяхъ.

[5]) Описаніе г-жи Горской печатается.

у и *а*: румку, грамит. Этотъ говоръ представляетъ смѣсь акающихъ и окающихъ говоровъ и имѣетъ слабые остатки шепелявости [1]).

Прибавимъ сюда и еще одинъ фактъ, свидѣтельствующій, по нашему мнѣнію, объ отвердѣніи *р*.

Акад. Шахматовъ въ статьѣ, озаглавленной „Къ вопросу о польскомъ вліяніи на древне-русскіе говоры" [2]), приводитъ отмѣченную г. Лихтерманомъ форму „жерегла" въ выписи изъ Псковскихъ писцовыхъ книгъ второй половины XVII в. Это *жерегло* въ выписяхъ помѣщается около деревни Раскопель, села Мды. А. Я. Лихтерманъ объяснялъ „жерегло", какъ русло заболоченной рѣчи. Въ „Очеркѣ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка" въ 1915 г. акад. А. А. Шахматовъ на стр. 368 (подъ заголовкомъ: „Важное дополненіе") отмѣчаетъ написанія: „отъ жерегла", отъ „жерагла" въ Псковской писцовой книгѣ № 355, напечатанной въ V т. Сборника Московскаго Архива министерства юстиціи (М. 1913). Въ томъ же дополненіи А. А. Шахматовъ ссылается на запись И. Д. Кузнецова у Псковскаго озера: „*жероглò*—жерло, горло, узкій проливъ: жерогло ризца, глубина на жероглѣ" (ризецъ—вентеръ). [Далѣе отмѣчено: „жаглò—жало, остріе". „Жагло", по замѣчанію А. А. Шахматова въ значеніи „жало пчелы" отмѣчено въ „Словарѣ русскаго языка" для Псковскаго уѣзда и въ значеніи „жало змѣи"—для Лужскаго [3])].

Весною 1913 года мною была устроена экскурсія съ діалектологическою цѣлію въ мѣстности, расположенныя вблизи Чудского озера, при чемъ были изслѣдованы: Мда [Моцкій погостъ [4]), Онда [5])], Ремда, Чудская Рудница Гдовскаго уѣзда и собраны свѣдѣнія о говорѣ нѣкоторыхъ другихъ окрестныхъ селеній [6]). То Жерегло, о ко-

---

[1]) Работа г-жи Блокъ печатается.

[2]) Русск. Фил. Вѣстн., 1913 г., № 1, стр. 6—7.

[3]) Послѣдніе факты приводятся для объясненія *г* передъ *л*. А. И. Соболевскій мнѣ сообщилъ фамилію Жагловъ (Новгород. докум. 1694 г. Акты Юридич., стр. 280—281), ср. польск. żądło, кашеб. żągło, др.-ц.-сл. жѧло. Ср. соврем. фамилія Жегловъ. Ср. въ Тихвинск. у. „Жегловъ Дворъ" (Р. Ф. В., 1909 г., № 3, стр. 288). Ср. также А. И. Соболевскій. Важныя особенности стараго псковского говора (Р. Ф. В., 1909, № 3—4, стр. 232); А. А Шахматовъ. Очеркъ, стр. 101—102.

[4]) Изъ „*мъдьскъи погостъ", какъ и „мда" изъ „*мъда".

[5]) „Онда" изъ „мъда" съ приставнымъ *о* (какъ въ „оржаной"), съ выпаденіемъ ъ и переходомъ *м* въ *н* передъ *д*.

[6]) Въ экскурсіи принимали участіе, кромѣ автора настоящей статьи, руководительница практическими занятіями по древне-церковно-славянскому и русскому языку въ Импер. женск. педагог. институтѣ А. В. Пруссакъ, оставленная при ин-

торомъ говорятъ писцовыя книги и которое отмѣтилъ И. Д. Кузнецовъ, представляетъ собою въ настоящее время каналъ или узкій длинный проливъ. Такъ же, какъ и въ старину, въ этомъ Жереглѣ ловятъ рыбу и происходятъ споры о мѣстахъ рыбной ловли между сосѣдними селеніями. Рядомъ съ большимъ „Жерегломъ“ находится малое, уже почти пересохшее. Названіе это лишь въ устахъ болѣе образованныхъ людей звучитъ „Жерегло́“. Что же касается до крестьянъ, съ которыми намъ приходилось говорить, мѣстнаго коммерсанта и даже нѣкоторыхъ учительницъ, прошедшихъ среднюю школу, имѣющихъ тѣсное общеніе съ народомъ, то отъ нихъ постоянно приходилось слышать это слово въ формѣ: „Жерагло́“, какъ оно написано въ писцовой книгѣ № 355. Признавая вмѣстѣ съ акад. А. А. Шахматовымъ, что прарусская форма этого слова была „жерело“, мы должны допустить здѣсь аканье и отвердѣвшее *р* [1]). Въ говорѣ этой мѣстности твердаго *р* экскурсіей отмѣчено не было. Оно сохранилось, какъ видимъ въ спеціальномъ терминѣ. Привожу разсказъ о „Жераглѣ“ старушки изъ Мды въ приблизительной фонетической транскрипціи.

„Йсстър̑и в̑екоф э́то̆˙ Жерагло́. Ну э́то̆˙ Жерӑгло́ н̑е о́пасно˙jӧ оно́; пъстӑjа́нно в jом хот лод̑е́jныj. Нет, не ъпӑси́тел̑но ͺэто˙ Жерагло. Глыбо́коjӧ оно́ выцышшы̑нноͺо˙, з̑е́млеj вы́ложенноͺо̆ в зал̑иф-ы-шыро́коjӧ оно́: сӗр̑о́ткъи лод̑jи хо́д̑а, даже вод̑а, лотк̑и дроф по сот̑н̑и сӑжен̑і˙j на паруса́х. (бӗс парусо́ф н̑ӓл̑з̑а)... А ма́л̑ї˙н̑коjӧ Жерагло сафсим сухоjо̆-оно; ма́хон̑ко-оно ша̀ха два; эу˙ по этых пор, ша́ха два́— боле ни́т: вы́съхшы сафсим jоно́“.

Для насъ представляетъ особый интересъ, что случаи твердаго *р* наблюдаются въ такихъ говорахъ, которые *до сихъ поръ сохраняютъ рядъ особенностей, роднящихъ ихъ съ древне-псковскими говорами*. Предлагаемъ здѣсь краткое описаніе говора селенія Мды Гдовскаго уѣзда, сопоставляя нѣкоторыя его особенности съ особенностями древне-псковскихъ говоровъ, извѣстныхъ намъ по памятникамъ XIV—XVI вв. [2]).

ститутѣ по русскому языкознанію Е. Д. Хомутова и окончившая институтъ Е. І. Шендзиковская.

[1]) Предполагать, что это слово заимствовано съ польскаго языка, мы не считаемъ возможнымъ, такъ какъ несомнѣнныхъ данныхъ въ пользу такого предположенія мы не имѣемъ, а принимая аканье и твердое *р* для древне-псковскаго языка, мы удовлетворительно объяснимъ *ра* изъ древняго *ре*.

[2]) Болѣе подробное описаніе этого говора въ связи съ другими говорами будетъ

Описаніе говора Мды (діалектологическій экскурсъ).

Гласные.

1. Отчетливое сохраненіе гласнаго *о* (происходящаго изъ древнихъ *о* или *ъ*) въ неударяемыхъ слогахъ встрѣчается въ различныхъ положеніяхъ по отношенію къ ударенію: розбе́йте, королём; молода́я, топер, пороботала, духо́вной, ба́тюшко, прида́ново, ра́досной и др. под.

2. Весьма нерѣдко замѣчалось *о* изъ *е* на концѣ словъ и передъ твердыми согласными въ неударяемыхъ слогахъ: бягитё, пихни́тё, погасти́тё, абмывалё, здоровьё, жалованьё, какъ *жо*, ницово, ёно, пёхну, здоровьём, в ёво, *жона́*. Въ ударяемыхъ слогахъ *о* изъ *е* наблюдалось въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и въ обще-русскомъ языкѣ. Въ древне-псковской письменности находимъ частое *о* вм. *е* послѣ шипящихъ въ неударяемыхъ слогахъ: полшосты вєрсты, жжонею, щока, под Оршои и пр. под. [1]).

3. *И* вм. *ѣ* въ ударяемыхъ слогахъ находимъ лишь въ очень ограниченномъ количествѣ случаевъ: у пасли́, обри́зат, вязди́, ко мни́, оп теби́, пасли́, с оби́дни, на том Жирагли́, *нит*. Случаи въ неударяемыхъ слогахъ, конечно, возможно разсматривать лишь вмѣстѣ съ переходомъ *е* въ *и* въ томъ же положеніи. Въ псковскихъ памятникахъ XV в. довольно много случаевъ замѣны *ѣ* черезъ *и* [2]).

4. Не лишена интереса форма сˮет (=сядь). Другихъ примѣровъ на переходъ *я* въ *е* отмѣчено не было. Одинъ разъ отмѣчено было: вясть вм. вести. Сближать эти случаи съ нѣкоторыми примѣрами древне-псковской мѣны *е* и *а*, мы бы воздержались.

5. Переходъ *о* въ *а* въ неударяемыхъ слогахъ совершенно обыченъ въ различныхъ положеніяхъ по отношенію къ ударенію: табой, паляк, вайну́, п*а* арміи, Ліани́ту (Леониду), ка́ фрянцу́зу, яны́ та, салаве́й, старану́, бе́лава, пацо́тнава, бе́ламу, ади́н, ста́рай, го́ря лю́тая, мане́рам. Изъ мѣны буквъ *а* и *о* въ псковскихъ памятникахъ XV в. возможно заключить, что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ псковскихъ говорахъ XV в. *о* приближалось къ *а* не только въ ближайшихъ къ ударенію слогахъ, но и во второмъ слогѣ передъ и за уда-

---

опубликовано въ приготовляемой къ печати книгѣ: „Къ діалектологіи Петроградской и Псковской губерній".

[1]) Языкъ Пскова, стр. 69; 82 и др.

[2]) Акад. А. И. Соболевскій. „Лекціи", стр. 35. Языкъ Пскова, стр. 68, 81, 92, 102 и др.

реніемъ [1]). Нѣкоторыя данныя представляютъ и памятники XIV в., а въ числѣ ихъ и нашъ Шестодневъ [2]).

6. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (особенно часто въ говорѣ молодыхъ и бывалыхъ людей) находимъ гласные неполнаго образованія: гъвори́ (3 ед.), со слъбады, р*и*бяти́шкам, цатыри', къралём, пъгаваривал, стала́', эт*а*' и др.

7. Неударяемое старое *е* лишь иногда сохраняется: н*е* жалѣй, ф казенном дом*ѣ* (у того же лица сейчасъ же: в дом*и*), аттул*е*, јево, слезо́ю, тре́бу*е*, т*е*бя и пр.

8. Въ громадномъ числѣ случаевъ записано *я* (*а*) вм. *е*: м*я*ня́ю, н*я* знам, кр*я*стьяны, приб*я*гаю, пл*я*цам, разъ*я*жжа́л, хл*я*бам, гн*я*зда́; в*я*ду́, н*я*су, в*я*рсты, л*я*жы, *я*ны, д*ир**я*ве́ньки, Пит*я*рбурх, с*я*бѣ, сл*я*пни́; ве́ц*а*ру, падаі́ш*а*, палож*а*ны, поч*а*му, посади́т*я*, хатит*я*, пар*я*нь, имѣнь*я* (им. ед.) и др. под. Случаи мѣны *е* (ѣ) и *а* (ѧ) въ псковскихъ памятникахъ въ неударяемыхъ слогахъ частію должны быть сопоставлены съ приведенными здѣсь фактами.

9. *е* (*ѣ*) весьма часто, особенно у молодыхъ, замѣняется черезъ *и* въ неударяемыхъ слогахъ: д*и*ряве́нскій, Лианиту, жала*и*ш, узна*и*т, п*и*р*и*водиш, н*и* однага́, б*и*ряги, п*и*рястал, т*и*бя, н*и*въст, уци́т*и*іша, при*д*ме́т. Аналогичное явленіе необходимо предполагать и для псковскихъ памятниковъ XV в. [3]).

Какъ видимъ, переходъ *е* въ *а* или *и* не находится въ зависимости отъ мягкости или твердости послѣдующей согласной, отъ качества гласной слѣдующаго слога или отъ положенія по отношенію къ ударенію. Можно лишь указать, что въ слогахъ передъ удареніемъ *изъ двухъ неударяемыхъ е*, какъ будто, *первое* „е" чаще давало *и*, а второе *а*: дирявеи́скія, виряги́, Питярбурх, пирясталъ и др., хотя отмѣчались и у лицъ часто говорящихъ *я* вм. *е* факты въ родѣ: п*и*р*и*во́диш.

10. *У* вм. *о* рѣдко: упасли́, ку мнѣ.

11. Стяженіе гласныхъ довольно обычно: Микал*а*вна, зо́кном (=за окномъ), парміи (по арміи), ба*т* (=баять), спуж*а*м, ня зн*а*м и др. под.

---

[1]) Акад. А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 147. Языкъ Пскова, стр. 151: сварачало, снаху, да дубравы, тое лѣта и пр.

[2]) См. ниже, стр. 242.

[3]) Акад. А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 148. Языкъ Пскова, стр. 156 сл. Признавая аканье въ языкѣ древняго Пскова, мы должны признать и приближеніе звука *е* къ звуку *и* въ рядѣ случаевъ, даже независимо отъ сопоставленія съ описываемымъ говоромъ (ср. А. И. Соболевскій. Лекціи, стр. 78—79).

Согласные.

1. Отъ описанія гласныхъ переходимъ къ описанію согласныхъ указаніемъ на частую мѣну *у* и *в* въ началѣ слова, при чемъ *у* иногда бываетъ очень краткое, иногда неслоговое: усё, ўси́, ўсю, в яво, в меня, в нас, вмер и пр. Въ Псковской области въ XV в. это явленіе, судя по памятникамъ, было широко распространено [1]).

2. Звукъ *г* въ нашемъ говорѣ обычно взрывной; однако и γ встрѣчается въ порядочномъ числѣ случаевъ: а) довольно послѣдовательно въ словахъ: γоспот̑, γасудар̑, блаγодарит̑, коγда, тоγда, б) спорадически въ отдѣльныхъ словахъ въ говорѣ отдѣльныхъ лицъ: Еγорья, γляди́, ничаγо; ср. также: шахоф (=шаговъ).

3. Длительное (двойное) *ш* и *ж*—полумягки или тверды: крешшоный, тёшша, пушшай, ве́шшу (=вещь), прошшай, разъяжжая, дожжык. Не невозможно предполагать, что твердые шипящіе здѣсь поздняго происхожденія; для XIV—XV вв., судя по даннымъ памятниковъ, слѣдуетъ предполагать ихъ мягкость [2]).

4. Мѣна *ц* и *ч* весьма обычна. Обычно мы находимъ *ц* (твердое) вм. *ч* и много рѣже *ч* (полумягкое) вм. *ц*: проц, Андреица, ницово, майцышка, доцка, посицас, целовѣк, церес, цысавой; Спичинс̈кій (житель Спицинской волости), Рудничи (Рудницы—названіе деревни). Въ рѣдкихъ случаяхъ отмѣчалось мягкое *ц*: *цяс*. Это явленіе особенно широко отразилось въ псковскихъ памятникахъ XIV—XV вв. [3]).

5. Шепелявость *с* и *з* отмѣчалась неоднократно, при чемъ эти *с* и *з* по большей части были мягки: нош͑ит, по́ш͑ли, пуш͑ка́й, с̈липянёцки, фс̈ё, пѣс̈ни, вӟясти, хаӟяина, полиӟат̑, ӟят̑, зд̈ѣс̑, вос̈мой, с̈мѣю, с̈ебѣ, думаес̈. Иногда слышалась мѣна свистящихъ съ шипящими, а не средній звукъ между *ш* и *с*, *ж* и *з*: шо́штый, гараж (=гораздъ), пазалѣла. Изъ псковскихъ памятниковъ мы почерпаемъ свидѣтельство, что шепелявость была шире распространена въ XIV—XV в., чѣмъ въ настоящее время [4]).

6. Изрѣдка пришлось слышать твердые согласные вмѣсто мягкихъ: нэт, силно, ӟят, сидѣт (неопр.), собэ. Примѣровъ слишкомъ мало, чтобы возможно было рѣшиться сдѣлать какіе либо выводы.

Отвердѣніе *р*, кромѣ вышеуказаннаго „жерагло", засвидѣтель-

[1]) Языкъ Пскова, стр. 176 и сл.

[2]) См. ниже, стр. 238.

[3]) См. ниже главу о произношеніи шипящихъ и свистящихъ.

[4]) См. ниже ту же, стр. 238, главу.

ствовано также: скрыпку, скрыпацку (ср. любопытные случаи мягкости *р*: сахарёк, разгоряйся, фрянцус) [1]).

7. Одна изъ участницъ экскурсіи слышала псковское *г* передъ *л*: кузму-то я привегла.

8. Изъ мелкихъ явленій въ области согласныхъ отмѣчено: ба*й*ня, сёмый, *х*то, О*н*да (изъ О*м*да), ярма*н*ка; онна́, ронная; *ш*то. Любопытна мягкость согласной передъ суфф. **ьск*, а равно и мягкость *с* въ этомъ суффиксѣ: диряве*й*скій, Ондаскій, царскай, и др. под.

Морфологія.

1. Форма род. ед. ж. рода на *ы* вытѣснила формы на *ѣ* дат. и мѣстн. падежой: вызбы, па вады, на улицы, ф комнаты, к зимы и др. под. Изрѣдка эту форму находимъ даже въ мѣстн. муж. рода: на городы, на двары, что показываетъ нѣкоторую потерю чутья къ роду именъ существительныхъ. Въ псковской письменности XV в. аналогичные факты нерѣдки въ склоненіи женскаго рода, при чемъ наблюдается мѣна формъ на ы и ѣ [2]).

2. Имен. мн. на *ы* и *а* въ муж. родѣ: в меня глазы јесте; фси бугра̀, фси путя́.

3. Дат. вм. тв. во множ. числѣ обыченъ: с робятам, за дравам, з дѣвушкам, загадаю картам.

4. Часты нечленныя и стяженныя формы мѣстоименій и прилагательныхъ: хорбша покул спи, каку јéй гастинину харошу, другу пѣснь, бальшы суды, бальшу телѣгу, которо твоё дѣло?; мила барышня и пр. под.

5. Им. ед. прил. имѣетъ окончанія: *ой, ай, ъй, ый*: дом нбв*ой*, девят*ой* гот, хрестбв*ой* холоп; крёстов*ай* карол, рбнн*ай* батюшка, сём*ъй*, царск*ый*. Только разъ пришлось слышать форму на *ей*: хто так*ей*. Ср. ту же форму въ древне-псковской письменности: котореи (Палея 1477 г.), новеи (Сб. Синод. Библ. № 154), краснеи, староп (Погод. Сп. Псков. лѣтоп.), Опоцкей (Сб. Синод. № 154), великей (Погод. Сп. Пск. лѣт.), женскей (Палея 1494 г.) [3]).

6. Им. мн. оканчивается на *ыя, іи*: бѣлыи, фси дѣла твои пириводныи, глазы синіи и др.

7. Въ род. ед., кромѣ обычной формы на *во* и *ва* (фсёво̀, сваёво,

---

[1]) Случаи отвердѣнія *р* передъ *и* (ы) нерѣдки и на сѣверѣ Россіи.

[2]) Языкъ Пскова, стр. 189—190.

[3]) Ib., стр. 189. Формы им. ед. прил. на—эй обычны на югѣ Псковск. губ.: сядэй, большэй (дер. Костино Опочскаго уѣзда) и др.

бѣлаво, придáново, рóднава) имѣемъ неизвѣстную въ русскихъ акающихъ говорахъ и рѣдкую въ окающихъ форму съ *г* взрывнымъ: *ягá*, ни однагà, э̀тага. Изъ окающихъ говоровъ *г* взрывное извѣстно на сѣверѣ—особенно въ Архангельской губерніи (напр., въ Пинежскомъ уѣздѣ). Въ Петроградской и Псковской губерніяхъ подобныя формы до сихъ поръ отмѣчены не были.

8. Им. ед. мѣст. 1-го лица—*ны*: ны патрудимса, ны чужыхъ, людей слушаём и др. [1]). 3-е лицо мѣст.: ён, ёна, ёно, яны.

9. Любопытны слѣдующія формы мѣстоименій: *фси* дѣла, со фсих, фсим; твор. цим һоспо҇т тебя надѣлил, цым һоспо҇т надѣля́. Ср. въ псковскихъ памятникахъ XV в.: тым, самым, всих, всим.

10. Дѣепричастіе на *-вшы* и *-мшы* нерѣдко употребляется въ смыслѣ личнаго глагола: взёмшы, вляпа*фшы*, радимшы, умыфшы и др. под.

11. Весьма замѣчательны формы причастій на *л'е* (съ *л* мягкимъ), употребляющіяся для муж. и жен. рода единств. и множ. числа: я пошл̑е (говорила баба), мы поѣхал̑е́, барин уш̑ле́. Эга форма, для им. ед. муж. р., хорошо извѣстна въ сѣверно-русской письменности съ XII вѣка, ср. вꙁдале Варламе (Хутынская грамота). Въ псковской письменности встрѣчается та же форма: „А какъ прочь еда кнѧзь великои и поима с собою новгородскиꙗ бояръ ѕ и мардоу с собою побегле на Москвоу (Псков. лѣтоп. по Погод. Списку); и велиле сими часы велико кнѧзь... наеꙁгати 185 об. (Тамъ же) [2]). Въ им. мн. въ псковскихъ лѣтописяхъ окончаніе—*ли*. На русской діалектологической территоріи никѣмъ форма им. ед. на *л'е* до сихъ поръ отмѣчена не была, почему возникло сомнѣніе въ ея произношеніи [3]), которое въ настоящее время слѣдуетъ считать устраненнымъ. Им. мн. на—*л'е* былъ отмѣченъ неоднократно и между прочимъ въ акающихъ-цокающихъ говорахъ Бронницкаго уѣзда [4]).

12. 3 л. ед. и мн. числа нерѣдко не имѣетъ конечнаго *т*: онъ спи, гуля́е, играе, буде, галава бали, уйдё, крадё, выбираё, знаё, е (= есть); они пою, картофку коплю, повяду, вóзмя, пакрóя, вы́растя, хóдя, знáю и т. п.

13. Любопытны формы 3 ед.: јéсте, дáсте, продасте.

---

[1]) Такое употребленіе мѣстоименія *ны* распространено также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по рѣкѣ Наровѣ, напр., въ Крестоольгинскомъ приходѣ.

[2]) Языкъ Пскова, стр. 87.

[3]) Акад. А. А. Шахматовъ предполагалъ здѣсь твердое *л* (Русск. Филолог. Вѣстн. 1912 г. № 1, стр. 5).

[4]) Каринскій. О говорахъ восточной половины Бронницкаго уѣзда, стр. 14.

Разсматривая памятники псковской письменности XV вѣка, мы должны были предположить, что псковскіе говоры этой эпохи не представляли единства: въ рукописяхъ мы находимъ и написаніе „створитя“ и написаніе „створити“; есме и есмо; фефила и хахилевъ и др. под. [1]). Очень многое станетъ понятно въ рукописяхъ, если мы сдѣлаемъ предположеніе о смѣшанномъ характерѣ псковскихъ говоровъ уже, по крайней мѣрѣ, со 2-й половины XIV вѣка.

Описываемый говоръ даетъ прекрасную иллюстрацію къ показаніямъ древне-псковскихъ памятниковъ. Говоръ Мды и окрестностей несомнѣнно смѣшанный. Однако элементы, изъ которыхъ онъ составленъ, много разнообразнѣе, а слѣдовательно, и анализъ говора представляется весьма труднымъ. Кромѣ сѣверно-русской основы (цокающаго окающаго шепелеватаго говора, содержащаго формы: ѣхале, онога и пр.) въ соединеніи съ южными (бѣлорусскими) элементами (аканье, твердое *р*, мѣна *у* и *в* и пр.) въ нашемъ говорѣ слѣдуетъ выдѣлять болѣе позднее вліяніе сосѣднихъ велико-русскихъ говоровъ и вліяніе обще-русскаго языка. Эти послѣднія вліянія ослабили въ значительной мѣрѣ бѣлорусскія черты и придали говору еще болѣе смѣшанный характеръ. Въ *одних и тѣхъ же* фонетическихъ сочетаніяхъ, *въ одномъ и томъ же* положеніи по отношенію къ ударенію, иногда даже *у одного и того же* лица мы находимъ *разные* гласные въ неударяемыхъ слогахъ: миня и меня, нивест и нявѣсту, слъбады и слабады, э́то и эта (ср. р.), хрестовой и крестов*ай* и пр. под. То же находимъ и по отношенію къ другимъ особенностямъ: ничаγо, яво и яга; сёбъ и себѣ; хрестов*ой*, которой, такой и такей и др. под. Цѣлый рядъ особенностей бѣлорусскаго типа не могъ въ достаточной мѣрѣ удержаться въ говорѣ: исчезло *х* вм. *ф*. [2]), остались лишь слѣды γ, исчезла форма „есмо“ и пр.

Этимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснять и исчезновеніе отвердѣвшаго *р*: лишь незначительные остатки этого явленія (жерагло) можно наблюдать въ селѣ „Мда“ и окрестностяхъ. Болѣе сохранилось случаевъ отвердѣвшаго *р* въ нѣкоторыхъ другихъ говорахъ Петроградской и Псковской губерній, которые, въ смѣшеніи съ сосѣдними говорами, также сохраняютъ остатки древне-псковскаго языка.

Приведенные факты современныхъ говоровъ устраняютъ единственное возраженіе противъ принятія твердаго *р* въ древне-псковскомъ

---

[1]) Языкъ Пскова, стр. 201.

[2]) Въ Опочскомъ у. мы встрѣчаемъ *х* вм. *ф*: кохій (дер. Костино) и др.

языкѣ, которое опиралось на данныя діалектологіи. Они рѣшительно убѣждаютъ насъ, что въ древне-псковскихъ говорахъ на рубежѣ XIV—XV вв. (Сборникъ Соф. Библ. № 1262), а тѣмъ болѣе въ XV в., несомнѣнно было отвердѣніе *р*. Въ виду этого мы можемъ предполагать, что и соотвѣтствующіе факты псковскихъ памятниковъ XIV в., въ томъ числѣ и Шестоднева 1374 г., могутъ указывать на это явленіе.

Нѣкоторое сомнѣніе въ цѣнности матеріала, извлеченнаго изъ Шестоднева 1374 г., можетъ возникнуть отъ того обстоятельства, что почти всѣ случаи постановки твердыхъ гласныхъ послѣ *р* въ нашемъ Шестодневѣ падаютъ на текстъ второго писца, а въ этомъ текстѣ мы находимъ случаи написанія *оу* послѣ шипящихъ [1]). Однако, если мы и признаемъ сочетанія *шоу*, *щоу*, *чоу* заимствованными въ Шестодневѣ 1374 г. изъ южно-славянскаго оригинала [2]), все же эти факты не могутъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ того, что написанія *роу*, *ры* вм. *рю*, *ри* являются *исключительно* графическимъ заимствованіемъ. Вѣдь сочетанія буквъ *шоу*, *жоу* мы находимъ во многихъ памятникахъ московской и новгородской письменности, напр., XV—XVI вѣка, и тѣмъ не менѣе въ нихъ нѣтъ случаевъ въ родѣ „цароу", если только ихъ орѳографія и въ другихъ отношеніяхъ не носитъ на себѣ яркихъ слѣдовъ вліянія южно-славянскихъ образцовъ. Не имѣемъ мы случаевъ въ родѣ „цароу" и въ нѣкоторыхъ памятникахъ XII—XIII вв., въ которыхъ находимъ *оу* послѣ шипящихъ (см. напр., въ Словѣ Ипполита объ антихристѣ: чоудьнъ 22 об.; одежоу 12, 14 об. и др.). Мы не отрицаемъ возможности перенесенія хотя бы нѣкоторыхъ отмѣченныхъ нами въ Шестодневѣ 1374 г. случаевъ съ твердымъ *р* изъ южно-слав. оригинала, но самое это перенесеніе и сохраненіе при цѣломъ рядѣ переписокъ разсматриваемой особенности какъ въ нашемъ Шестодневѣ, такъ и въ другихъ псковскихъ текстахъ XIV в., свидѣтельствуютъ о соотвѣтствующей особенности въ говорѣ псковскихъ переписчиковъ.

Однако наличность случаевъ въ родѣ „цароу" почти исключительно въ текстѣ *одного* писца Шестоднева 1374 и незначительное количество случаевъ такого рода вообще въ псковскихъ памятникахъ XIV вѣка, заставляютъ насъ предполагать, что во всякомъ случаѣ разсматриваемое явленіе въ Псковской области до конца XIV в. не

---

[1]) См. ниже въ главѣ „О произношеніи свистящихъ и шипящихъ", стр. 238.

[2]) Это представляется намъ вѣроятнымъ.

могло быть яркимъ: можетъ быть, оно распространялось въ эту эпоху не на всей Псковской территоріи, можетъ быть, и звукъ *р* къ тому же отвердѣлъ еще не вполнѣ. Иначе рѣзкое отличіе въ этомъ отношеніи памятниковъ XIV в. отъ памятниковъ XV в. намъ представляется совершенно непонятнымъ.

О произношеніи свистящихъ и шипящихъ.

Мѣна *ц* и *ч* нами отмѣчена въ 144 случаяхъ. Писецъ видимо не различалъ звуковъ *ц* и *ч*, и буквы *ц* и *ч* служили ему для изображенія одного мягкаго звука, можетъ быть "ч" [1]).

ц вм. *ч*: млацаше 1; вьчлвцитися 9 об.; Шлуцьшася 9 об.; сих члвць 23; концину 25; руцко 33; концають са 70 об.; пртца 38 об.; члколювце (зв.) 72 и мн. др.

ч вм. *ц*: съ Шчмь 20; моуроносичамъ 40; Шричаюся 41; конча землъ-им 42; прочвѣте 44; перкенечь (сущ.) 44 об.; творча 59 об.; мьздоимча 96; пропов'ѣдничи (сущ.) 85 об.; попечися (повел.) 71 и мн. др.

Полное соотвѣтствіе этому находимъ и въ другихъ памятникахъ древне-псковской письменности [2]).

Случаевъ мѣны *ж* и *з*, *ш* и *с* нами отмѣчено 163. Принимая во вниманіе, что рукопись наша содержитъ всего 117 листовъ небольшого формата, писанныхъ при томъ далеко не мелкимъ почеркомъ, слѣдуетъ признать это количество случаевъ мѣны весьма значительнымъ.

ж вм. з: кожни 5 об., 7; ждѣ 14 об.; съжижеть 117; прожабающаго 17 об.; вжатъ вш 25 об.; жизитела 38; слежащи 107; оужникомъ 9; ижидете (пов.) 61 и мн. др.

з вм. ж: прилезно 53 об.; 58; 84; 85 и др.; комуздо 101; подвизна 117; зижни 65; позретъ 63 и др.

ш вм. с: прошаще 101; оупашенъимъ 6 об.; вьга свободиша 43; низложиша (= низложися) адъ 43; искусилъ нъи еши 51 об.; проша 81 об.; прекрашно 82; принешите 101; муроношичамъ 103 об.; въ вѣшх миръ 106 об.; тъшащами 80 и мн. др.

---

[1]) Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что точное опредѣленіе во всѣхъ случаяхъ произношенія *ц* и *ч* затруднительно. Дѣло въ томъ, что, если въ *большинствѣ случаевъ* *ц* и *ч* совпадали въ говорѣ нашего писца въ одномъ звукѣ, писецъ этотъ не могъ различать значенія буквъ *ц* и *ч*, при этомъ результатъ получился бы одинъ, совпали ли *ц* и *ч* въ его говорѣ въ звукѣ мягкомъ *ц'* (или *ч'*) или *ц*. (Ср. выше — Описаніе говора „Мды").

[2]) Проф. А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 120, 123, 125, 128, 132 и др.— Языкъ Пскова, стр. 178.

с вм. ш: съгрѣсихомъ 36; съгрѣшьсмя 43 об.; баржеси 43 об.; 49; васимъ 53; припадаеси 62; оуспесно 104 об.; оустраситься 117 об. и мн. др.

Писецъ нашей рукописи, какъ и многіе другіе писцы псковскихъ рукописей [1]), повидимому, не отличалъ ж отъ з и ш отъ с. Кромѣ большого количества случаевъ указанной мѣны, объ этомъ свидѣтельствуетъ отсутствіе какой бы то ни было закономѣрности въ постановкѣ *з* и *ж*, *ш* и *с*. При постановкѣ *ж* или *з*, *ш* или *с* писецъ нашей рукописи совершенно не считался съ традиціонною орѳографіей, вслѣдствіе чего въ рукописи мы находимъ такія написанія: жизнителю 64; зижни 65; жизеть 113 об.; явисяш 10 об. (= явишася); снемъсяше (= снемъшеся) 67 об. и др. под. У писца лишь было нѣкоторое тяготѣніе къ буквѣ *ж*, вслѣдствіе чего *з* онъ весьма часто замѣнялъ черезъ *ж*, обратная же замѣна происходила значительно рѣже.

Въ виду указанныхъ фактовъ, а также приведенныхъ выше діалектическихъ данныхъ, возможно предположить, что буквы ж и з изображали одинъ звукъ, какъ и буквами ш и с обозначался также одинъ звукъ.

Звукъ, изображаемый на письмѣ буквами ж и з, былъ, нужно думать, мягкимъ ж съ свистящимъ оттѣнкомъ или шепелявымъ мягкимъ з (ж̑з); звукъ, изображаемый нашимъ писцомъ посредствомъ буквъ ш и с, долженъ былъ звучать, какъ шепелявое мягкое с, или ш съ свистящимъ оттѣнкомъ (ш̑с) [2]).

Не невозможно предположить, что свистящіе-шипящіе въ говорахъ нашихъ писцовъ были мягки. Особенно это касается звука ж. Объ этомъ свидѣтельствуетъ: 1) Довольно послѣдовательная постановка ю послѣ шипящихъ и ц: оуврачюють 5 об.; чюдеси 20; вижю 21; трепещють 35 об., 36; заступницю 39; о҇чю 100 (если и находимъ: створьшоу 71; стѣшоу 64; рожьшоу 60; пла(чо)ущоуся 61; идоущоу, льгчащоуся 71 об.; трьпѣщоущи 71 об.; члвчоу 65; побѣжающоу 60 об., то эти случаи принадлежатъ лишь тексту 2-го писца и, можетъ быть, объясняются вліяніемъ оригинала, такъ какъ у того же 2-го писца находимъ нерѣдко и *ю*: свѣщю 63; трепѣщють 35 об.; княжю 67 и даже

---

[1]) Акад. А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 149 и въ описаніяхъ памятниковъ.— Языкъ Пскова, стр. 178.

[2]) Шепелявость въ говорахъ Псковской и Петроградской губерній отмѣчалась неоднократно. См. проф. А. И. Соболевскій, Опытъ русской діалектологіи, стр. 30, акад. А. А. Шахматовъ, Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка, стр. 328. Ср. вышеприведенные факты изъ описаній говора „Мды“, говора Гоголевской волости, говора Опочскаго уѣзда.

ѧ: раждащю 43); 2) постановка въ небольшомъ числѣ случаевъ ѧ послѣ буквы ж: ражащю 43; оужасошасѧ 40; прожабло 29 об.; кнажа 41 об.; 52 об.; прожабе 64 об.; сльжащє 76 об.; 107; пружаюсѧ 4 об. и др.; ср. также: побѣдотворцѧ 67 об. [1]).

Послѣ ш, ч, ц, щ вполнѣ послѣдовательно, правда, стоитъ а, какъ оно стоитъ, по большей части, и послѣ ж. Однако мы не считаемъ возможнымъ придавать этому факту звукового значенія: а послѣ шипящихъ и ц вообще является обычнымъ ороографическимъ правиломъ древне-русскихъ писцовъ. Наоборотъ, мы имѣемъ основаніе предполагать здѣсь чисто ороографическую особенность. Нашъ писецъ *вполнѣ* послѣдовательно пишетъ послѣ с (въ сочетаніи сѧ) ѧ, а послѣ ш (въ сочетаніи ша)—а. Между тѣмъ мѣна сочетаній ша и сѧ происходитъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ или частяхъ словъ, почему не можетъ быть и вопроса о различномъ произношеніи этихъ сочетаній: ср. явисѧша (= явишасѧ) 10 об., свободиша (= свободисѧ) 43, положиша (= положисѧ) 55 об. и вздружисѧ (3 ед. стр.) 63; или: раздрушисѧ (3 л. мн. дѣйств. зал.) 30 и наоучиша (3 л. мн. дѣйств. зал.) 42 и др. под.

Не могутъ быть признаны противорѣчащими нашему заключенію о мягкости шипящихъ-свистящихъ и написанія нашей рукописи: ѿвьржзлх 32; бжжгрѣмѣ 31 об.; подвижашасѧ 63, оудѣша 105, въ которыхъ, повидимому, твердыя з и с замѣнены черезъ ж и ш. Дѣлать какой либо выводъ о произношеніи этихъ з и с мы считали бы неосторожнымъ. Такъ какъ писецъ вообще смотрѣлъ на буквы з и ж, какъ на два знака, имѣющіе одно значеніе ж̑з, и на ш и с—какъ на знаки для ш̑с, то, если даже и сохранялись въ его выговорѣ твердые *з* и *с*, онъ ихъ могъ изображать (конечно, весьма неточно) лишь тѣми же буквами *з* и *ж*, *ш* и *с*. Любопытно все же сравнить съ такими фактами, какъ бжжгрѣмѣ, оудеша, вышеприведенныя при описаніи говора Мды произношенія: полиз̑ат, пазалѣла, гараж (=гораздъ) [2]).

Приближеніемъ звука ж къ звуку з, кажется, можно объяснить написанія: невѣжьтвии 68; божьтвьною 37; божьтва 39 об.; множьтво 40 об.; мужьки 48 и др. [3]). Обще-русское „божьство" нашъ писецъ долженъ былъ произносить бож̑зш̑ство, при чемъ ж̑з отличалось отъ слѣдующаго ш̑с только звучностью. Отсюда черезъ ассимиляцію воз-

---

[1]) См. акад. А. А. Шахматовъ, „Нѣсколько замѣтокъ", стр. 110.

[2]) См. выше, стр. 232.

[3]) Въ виду многочисленности случаевъ считаю невозможнымъ объяснять ихъ опиской (пропускомъ с подъ титломъ или буквы с въ строкѣ).

можны двѣ формы „бож̂ство, или „бош̂ство", первоначально, по крайней мѣрѣ, съ длительнымъ ж̂ (или ш). При наличности въ оригиналѣ формы „божьство" нашъ писецъ не только первую форму, но и вторую могъ передать при списываніи черезъ „божьтво". Сходно можно объяснить и написаніе вємчкам 50 об. [1]).

Мы уже видѣли, что звукъ, изображаемый нашимъ писцомъ черезъ щ, вѣроятно, былъ мягкимъ. Есть основаніе догадываться о характерѣ этого звука. Такъ какъ древне-русское *щ* звучало, повидимому, по большей части, какъ ш̂ч̂, иногда же какъ длительное мягкое *ш*, то, принимая во вниманіе, что писецъ нашей рукописи *ш* мягкое произносилъ шепеляво какъ *ш*ˢ, а ч̂, какъ ч̂, мы теоретически уже можемъ предположить, что *щ* въ его говорѣ звучало или какъ ш̂ч̂ или какъ ш̂ш̂. Это предположеніе подтверждается замѣною въ нашей рукописи шц черезъ щ: створи дєржавꙋ мѫщєю своєю л. 44 об. (ср. Шестодневъ Синод. Библ. № 707: створи державоу мѫшцєю своєю л. 19 об.). Въ приведенномъ словѣ сочетаніе *шц* звучало въ говорѣ писца, какъ ш̂ц̂ или послѣ ассимиляціи—ш̂ш̂. Въ обоихъ случаяхъ оно могло совпадать съ вышеуказаннымъ произношеніемъ въ Псковѣ обще-русскаго *щ*, почему и оказалось возможнымъ написаніе „мѫщєю". Не слѣдуетъ-ли сюда же отнести и написаніе щєртога л. 17? [2]).

Предыдущее разсужденіе о произношеніи шипящихъ-свистящихъ допускаетъ сдѣлать догадку, что въ говорѣ писцовъ нашей рукописи (особенно 2-го писца) *щ*, *шц*, *сц*, *сч* совпали въ звукѣ ш̂ш̂ [4]) или сочетаніи ш̂ц̂ (напр., въ словахъ: щьдротъ 3 об., ищьртога 17, скоропишца 89 об., мыщею 47 об. и др.). Отъ совпаденія звуковъ ш̂ и с̂, з̂ и ж̂, ц̂ и ч̂ и сейчасъ приведенныхъ сочетаній говоръ писцовъ нашей рукописи, какъ и говоръ нѣкоторыхъ другихъ писцовъ псковскихъ рукописей XIV—XV в., долженъ былъ имѣть своеобразную окраску вслѣдствіе обилія шепелявыхъ звуковъ.

Нѣкоторые остатки такого рода шепелявости мы находимъ въ

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ предполагать произношеніе „вє̂ач̂кам" или „вє̂ач̂ĉкам; послѣднее—съ слабо выраженнымъ ĉ.

[2]) Ср. нщєлѣхомъ Сборн. Соф. Библ. № 1262, л. 7 об. Впрочемъ эти факты можно объяснять и иначе, см. акад. А. И. Соболевскій, Лингвистическія и археологическія наблюденія, вып. II, стр. 46.

[3]) О древне-русскомъ произношеніи *щ* см. проф. А. И. Соболевскій, Лекціи [4], стр. 136.

[4]) *жс* также могло звучать, какъ ш̂ш или даже ш̂ (множтво и пр.).

современныхъ говорахъ Псковской губерніи. Напр., въ говорѣ крестьянъ Гайки и Костино Воронецкой волости Опочецкаго уѣзда мною отмѣчено между прочимъ: jéсш, ѣзжзжю, пѣсшня, косшсша (=косца), даже: Косшсшино (= Костино, *названіе деревни*); твердыя *с* и *з* здѣсь не шепелявы: покос, зарас, заец и пр. [1]). Любопытно наблюденіе И. И. Замотина въ Новоторжскомъ у.: сци (= щи), сцитина (= щетина) [2]).

Совпаденіе ѣ и е въ одномъ звукѣ е.

Мѣна ѣ и є настолько обычна въ рукописи, что не подлежитъ никакому сомнѣнію совпаденіе звуковъ *е* и *ѣ* въ одномъ звукѣ, конечно, въ звукѣ *е*. Буквы ѣ и є мѣняются въ нашемъ памятникѣ въ различныхъ фонетическихъ условіяхъ.

На концѣ словъ подъ удареніемъ и въ неударяемыхъ слогахъ: всѣ (ед. ч. ср. р.) 2; хр҃тѣ (зв.) 3 об.; принесѣ (аор.) 7 об. и др.; іс҃ѣ (зв.) 6; оставистѣ 6 об.; долготьрпѣливѣ (зв.) 11, 11 об.; цвѣтѣ (зв.) 27 об.; снидѣ (аор.) 39 об.; градѣ, покровѣ (зв.) 59 об.; по рож҃тве 54 об.; въ свѣте 7, 31 об.; въ гробе 34 об., 40 и др. под.

Передъ твердыми согласными: въ звѣл нъі 6; огнѣмь 7; трѣхъ 9 об.; рѣбра 99 об.; словѣсного 31 об., одѣсную 38; всѣмогаи 3 об.; юклевѣтаите 5; всѣму мироу 9, 11 об.; всѣгда 49; оуязвѣно 87 об. и др. под.; невесту 37 об. тело 39 об.; ѿ века 55 об. въспеваемъ 57 об.; крепостию 22; прибегающе 8 об., 33 об. и др. под.

Передъ мягкими согласными; крѣтиком 8; вѣрѣм 10 об.; бурѣю 15: погрѣбени 10 об.; правѣдьникъ 13 об.; весемѣни 14 об.; възвѣсели 51 об.; словѣси 54 об.; телѣсьхъ 13; 13 об.; неразделно 16 об.; не смею 85; съгресихъ 46 и др. под. [3]).

Въ современныхъ говорахъ, сохраняющихъ особенности древнепсковскія, въ большинствѣ случаевъ *ѣ* совпало съ *е* и лишь въ немногихъ случаяхъ наблюдалось *и* вм. *ѣ* [4]).

---

[1]) Описаніе этого говора будетъ опубликовано вмѣстѣ съ описаніями другихъ говоровъ Псковской и Петроградской губ.

[2]) Акад. А. А. Шахматовъ. Очеркъ, стр. 328.

[3]) Совершенно иной типъ замѣны *ѣ* черезъ *е* и обратно наблюдаемъ въ московскихъ памятникахъ. Л. Л. Васильевъ, Къ исторіи звука *ѣ* въ московскомъ говорѣ XIV—XVI вв. Изв. 1905, № 2.

[4]) Въ Шестодневѣ 1374 г. *и* вм. *ѣ* не отмѣчено. Въ другихъ псковскихъ памятникахъ это явленіе рѣдко. Проф. А. И. Соболевскій, Лекціи[4], стр. 35, Языкъ Пскова, стр. 172. Ср. выше, стр. 230.

Аканье.

Яркихъ примѣровъ, которые бы свидѣтельствовали о приближеніи *о* къ *а* въ неударяемыхъ слогахъ, Шестодневъ 1374 г. не даетъ. Однако *нѣкоторыя* указанія на это явленіе мы несомнѣнно получаемъ изъ слѣдующихъ фактовъ:

образовати не смеюще· мꙑсленоꙗ твоꙗ коиньства 61; единасущна и силена 79; единасущнаꙗ 92 (ср. выше: ѥдиносущнаꙗ); праславимъ 65 об.; арх҃нгли херовимъ страшна хвалу въсꙑлають 92 об. (ср. лица закрывають страшно херовимъ и серафимъ 101); ср. также: главословимꙑи 3 об. и словословимъ 29 об.

Въ другихъ псковскихъ памятникахъ XIV в. находимъ небольшое количество аналогичныхъ случаевъ [1]). Въ памятникахъ XV в. аканье отразилось ярко [2]).

Въ современныхъ говорахъ Псковской и юго-западной части Петроградской губерніи, гдѣ сохраняется шепелявость, находимъ элементы сильнаго аканья, см. между прочимъ вышеописанный говоръ Мды.

Рефлексы древнихъ ъ и ь [3]).

Вмѣсто ꙑ передъ j находимъ ъ въ: мъꙗше 41 [4]), при наличности ꙑ въ: омꙑи 89 об. Въ виду того, что въ нашемъ памятникѣ иногда въ качествѣ описокъ встрѣчается ъ вм. ꙑ [5]), мы воздержимся отъ какого либо заключенія. Частое ъ вм. ꙑ въ указанномъ положеніи въ нѣкоторыхъ другихъ псковскихъ памятникахъ, на которыхъ ярко отразились черты псковскаго говора, гораздо болѣе показательно [6]): оно

---

[1]) Проф. А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 147.

[2]) Языкъ Пскова, стр. 150—152.

[3]) Ороографическая мѣна ъ и ь съ *о* и *е*, указанная выше въ главѣ „Очеркъ палеографическихъ особенностей памятника“, свидѣтельствуетъ о полномъ исчезновеніи ъ и ь въ псковскомъ произношеніи. Не разбирая этого вопроса, здѣсь мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ судьбы ъ и ь въ говорѣ нашихъ писцовъ.

[4]) Случай покрꙑи | 33—сомнительный: здѣсь мы, можетъ быть, имѣемъ дѣло съ лигатурою ꙑ и и, возможною на концѣ строки.

[5]) См. выше, стр. 204.

[6]) См. Языкъ Пскова, напр. стр. 135. Акад. А. А. Шахматовъ въ цитованномъ выше сочиненіи „Нѣсколько замѣтокъ“ (стр. 107), по поводу нашего замѣчанія: „Случай съ ꙑ вм. *о* (=ъ) въ помꙑю едва ли не болгаризмъ“ (Языкъ Пскова, стр. 116) говоритъ: „Авторъ упустилъ изъ вниманія, что мꙑю, помꙑю, было и древне-русскою формой; ср. совр. малор. мию, бѣлор. мꙑю“. Авторъ сочиненія „Языкъ Пскова“ не только не упустилъ изъ вниманія, что въ древне-рускихъ говорахъ была форма

свидѣтельствуетъ, что уже на рубежѣ XIV и XV вв. въ псковскихъ говорахъ несомнѣнно встрѣчалось здѣсь *о*.

Для вопроса о произношеніи слова «вьсь» (им. ед.) нашъ памятникъ даетъ матеріалъ, сходный съ извлеченнымъ нами изъ псковскихъ памятниковъ XV в.:

всь (*безъ титла*) 15, 24 (2 р.), 36 об., 64, 67 об., 73 об.; 94 об. и др.; одинъ разъ замѣчаемъ *е* вм. перваго ъ: въ вѣшь миръ 106 об. Форму всь, вѣроятно, произносили съ *е* на концѣ, ср. страшнаго дн҃ь 84 об., гдѣ ъ несомнѣнно обозначаетъ *е*. Форма „весь“ возникла, нужно думать, подъ вліяніемъ аналогіи. Въ Погод. Спискѣ Пск. лѣтоп. находимъ три формы: вcь, весь, все.

Мелкія явленія въ области гласныхъ.

Форма „ркоухомъ“ 14 сближаетъ нашъ памятникъ съ другими псковскими памятниками, въ которыхъ весьма часто въ этомъ глаголѣ находимъ ь (или отсутствіе звука) вм. е [1]), отмѣченнаго во многихъ русскихъ рукописяхъ и рукописяхъ церковно-славянскихъ (проф. Б. М. Ляпуновъ, op. cit., стр. 538—540).

Не безынтересно отпаденіе ѧ въ свершишь (= свьршисѧ) (*записъ*). Аналогичный фактъ встрѣчается въ Прологѣ 1383 г. того же лѣ҃ взѧшь тотари маскву (*записъ*). Эти факты являются любопытной параллелью къ соотвѣтствующей формѣ Слова о полку Игоря: и рассушясь стрѣлами по полю (изд. 1880 г., стр. 10).

Отмѣтимъ передачу греч. υ: кюпарисъ 47; моуроносича 50; мюроносица 50 об.; моуроносича(мъ) 40, 56; мюроношичамъ 103 об.; моурносицами 40; моуро 40; ѿ вакоулоне 113 об.

мъю, но онъ, собирая спеціальный матеріалъ по вышеуказанному вопросу, знаетъ, что въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ памятникахъ, уже съ XI в., чередуются написанія съ ъı и ъ. Авторъ знаетъ также, что въ современныхъ псковскихъ говорахъ находимъ въ этомъ случаѣ *о* (изъ ъ). Авторъ освѣдомленъ и о томъ, что въ нѣкоторыхъ древне-псковскихъ памятникахъ, отражающихъ ярко діалектическія черты, очень часто находимъ мъю, кръю и пр. (см. Сборникъ Соф. Биб. № 1262. Языкъ Пскова, стр. 135). Именно въ виду этихъ фактовъ авторъ сочиненія „Языкъ Пскова“ не рѣшился относить случай съ ъı вм. ъ на счетъ говоровъ русскаго книжника, заявивъ: „Случай съ ъı вм. ъ въ помъıи 36 едва ли не болгаризмъ“. Но и здѣсь авторъ выразился осторожно, предполагая все же возможность для нѣкоторыхъ древне-псковскихъ говоровъ произношеніе съ ъı, а также зная о широкомъ распространеніи ъı въ указанныхъ случаяхъ вообще въ древне-русскомъ языкѣ.

[1]) Языкъ Пскова, стр. 169.

Сѣверное жг.

Сѣверное жг въ соотвѣтствіи др.-ц. сл. жд отмѣчено неоднократно: пригвожена 5 об.; дожгѧ 54; дожгь 64 об.; пригвожгенъ 109; пригвожг|нъ — 110. Опредѣлить точное произношеніе сочетанія жг весьма затруднительно. Во всякомъ случаѣ *г* здѣсь рѣзко отличалось отъ ј (или неслогового *и*) въ *я*, ѣхать, югъ, льетъ и пр. под.

Мелкія явленія въ области согласныхъ.

Опущеніе согласныхъ находимъ въ слѣдующихъ случаяхъ: бъзратися 43; възрати 97 об. Явленіе это широко распространено въ древнерусской письменности, напр., оно обычно въ Лаврентьевской лѣтописи; оно часто и въ псковской письменности XV в. [1]).

Есть указанія на значительную мягкость согласнаго; възмь|лю 14 [2]); иерлмьле 29.

Ни мѣны *у* и *в* ни мѣны *х* и *ф* нами въ Шестодневѣ отмѣчено не было.

МОРФОЛОГІЯ.

Въ морфологіи писцы нашей рукописи въ цѣломъ рядѣ случаевъ также проявили особенности своего говора.

Весьма любопытна форма: въ пѣниихъ 20 об., можетъ быть, указывающая, что и въ Псковской области было измѣненіе окончаній дат.-твор.-мѣст. мн. ч. отъ основъ на *ъ*, *ь*, *о*, *е* и *согл.* по аналогіи съ основами на *а* [3]). Ср. въ Сборн. Соф. Библ. № 1262: въ еуалиахъ 30 об. і. [4]).

Не лишено интереса и употребленіе им. ед. вмѣсто вин. ж. р. при личномъ глаголѣ: бжтвеною мя ризою покрыи | твоя мть чтая посли 33.

[1]) Языкъ Пскова, стр. 188.

[2]) Во многихъ памятникахъ ь является знакомъ мягкости. Въ тѣхъ рукописяхъ, въ которыхъ существуетъ правило оканчивать строку гласной или глухимъ, выборъ ъ или ь на концѣ строки нерѣдко ставится въ зависимость отъ качества (мягкости или твердости) предыдущаго согласнаго. Это и даетъ возможность опредѣлять мягкость и твердость согласныхъ. (См. Н. Каринскій, Погодинскій Апостолъ 1391 г. Р. Ф. В. 1896, т. 36, стр. 186). Ср. также нѣкоторые случаи смѣшенія ъ и ь въ нашей рукописи (стр. 214), а равно написанія *еръ* (стр. 213).

[3]) Въ древнѣйшихъ псковскихъ памятникахъ форма эта не была отмѣчена. А. И. Соболевскій. Лекціи⁴, стр. 177. См. его же Очерки.

[4]) Впрочемъ при наличности мѣны е и ѧ(а) и возможности формы „еуангелиехъ“ (изъ старой еуангелиихъ) приводимые факты не вполнѣ доказательны.

Акад. А. А. Шахматовъ полагаетъ [1]), что замѣна вин. именительнымъ обычна въ древне-русскомъ яз., если вин. падежъ отдѣленъ отъ глагола другимъ, не прямымъ дополненіемъ. Но онъ отрицаетъ возможность объяснять, какъ русскія явленія, формы въ родѣ: „обрете роса", а въ особенности „въ ширена" въ Палеѣ 1494 г., имѣя въ виду яркіе болгаризмы въ этомъ памятникѣ. Шестодневъ 1374 г. не содержитъ, какъ мы видѣли, яркихъ болгаризмовъ, почему и разсматриваемую форму въ немъ не невозможно принять за русскую. Кромѣ приведенныхъ въ сочиненіи „Языкъ Пскова" фактовъ [2]), прибавлю любопытный примѣръ, отмѣченный въ пѣснѣ, которая была записана на берегу Псковскаго озера, гдѣ до сихъ поръ сохраняются остатки стараго псковскаго говора: А мяня маладуха съ сабой повяли. Montmitonnet. Spécimcnt du parler russe de Lioubovka-Kolpino (district de Pskov) [3]).

Формы звательнаго падежа въ нашемъ памятникѣ выдержаны довольно хорошо:

высото 7 об.; небѣсто 8 об., 20; горо 26; влдко 41 об. и мн. др.; свѣще неоугасимаа 8 об.; влчцѣ 8, 8 об. и др.

прстолѣ 8 об.; творце 11, 77; цвѣтѣ 27 об.; градѣ и покровѣ 59 об.; храме 33; прце 80; Петре 94 и др.

сну мои 21

долготьрпѣливѣ 11 об.; едине многомилостивѣ 40 об.; очь првнѣ 53 об.; едине млтвѣ 99, 99 об.; живодавче щедре 105; Петрѣ блжне 94 и др. под. Въ женскомъ родѣ зват. пад. прил. замѣняется именительнымъ.

Въ именахъ существительныхъ случаи употребленія имен. вм. зват. встрѣчаются обычно въ тѣхъ случаяхъ, когда эта форма является приложеніемъ къ формѣ зват. пад.: слава тобѣ хе апслмъ похвала 24, Бце всѣхъ црце праковѣрнымъ похвала 8.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ эти формы зват. пад. находились и въ южно-славянскомъ оригиналѣ, къ которому восходитъ наша рукопись. Однако столь точное слѣдованіе оригиналу въ данномъ случаѣ, при уклоненіяхъ отъ него въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ [4]), весьма знаменательно. Въ другихъ псковскихъ памятникахъ мы также находимъ факты, подтверждающіе вѣроятность пред-

[1]) „Нѣсколько замѣтокъ" etc., стр. 145.

[2]) Стр. 190.

[3]) Mémoires de la société de linguistique de Paris, t. XIII. Paris, 1905, p. 268.

[4]) См. ниже, стр. 60, характерное вытѣсненіе формой „вседержи" формы „вседержителю".

положенія о томъ, что формы звательнаго падежа, по крайней мѣрѣ, въ остаткахъ сохранялись въ живомъ говорѣ псковичей XIV в. [1]. Широкое распространеніе формъ звательнаго падежа въ бѣлорусскихъ говорахъ, въ виду вѣроятнаго вліянія бѣлорусскаго нарѣчія на древне-псковское также не лишено значенія.

Впрочемъ и въ великорусскихъ говорахъ, по авторитетному мнѣнію проф. А. И. Соболевскаго, древнія формы отъ нѣкоторыхъ словъ въ XIV в. были еще въ полномъ употребленіи [2]. Если средне-русскіе и сѣверно-русскіе памятники приводятъ А. И. Соболевскаго къ такому выводу, то матеріалъ псковскихъ памятниковъ допускаетъ говорить объ этомъ еще болѣе рѣшительно.

Нѣкоторые падежи двойственнаго числа, повидимому, уже были мало извѣстны псковскимъ писцамъ XIV в., и они старались осмыслить формы двойств. числа своихъ оригиналовъ: роукою своею дѣло 53 об. [3].

Въ двухъ случаяхъ мы имѣемъ указанія на смѣшеніе твор. и вин. ед. сущ. и прил. ж. рода: тмоу бо и льсть разрушисте вѣроую 72—72 об.; глубину грѣховною 88. Каждый новый памятникъ псковской письменности съ подобными фактами, особенно не содержащій яркаго южно-славянскаго вліянія, заставляетъ насъ съ осторожностью относиться къ гипотезѣ, объясняющей мѣну *оу* и *о* въ твор. и вин. ж. р. *исключительно* юго-славянскимъ вліяніемъ [4].

Случаи род. ед. и вин. мн. мягк. склоненія ѥ (ѣ) вм. церковнослав. ѧ въ существ., прил. и мѣстоименіяхъ не многочисленны: ѿ сѣти вражиѥ 30, ѿ дѣцѣ 32 об., обрати ѥ (*в. мн.*) къ покаянию 57 и др. Эти формы могутъ объясняться и псковскою замѣною ѧ (ıа) черезъ е, особенно если предполагать совпаденіе *е* и *а* (послѣ смягченной согласной) въ одномъ звукѣ.

Формы нечленныхъ прилагательныхъ весьма часты: великомъ даромъ 20 об.; недостоинымъ 41 об. (дат. мн.); оумиленномъ гласѣ 78 об.; напа-

---

[1]) Языкъ Пскова, стр. 189.

[2]) Акад. А. И. Соболевскій. Лекціи [4], стр. 191.

[3]) Случай двую разбойнику 71 об., повидимому, объясняется тѣмъ, что форма *дву* писцу не была извѣстна, но ему была извѣстна форма *двою*, до сихъ поръ сохраняющаяся въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ; предположивъ въ оригиналѣ описку, пропускъ *ю*, писецъ поставилъ *ю*, но *у* на *о* не подправилъ. Менѣе вѣроятно предполагать контаминацію изъ формъ *дву* и *двою*.

[4]) Не нужно забывать, что въ памятникахъ сильно обрусѣвшихъ въ отношеніи языка особенно стойко сохраняются тѣ черты болгарскихъ оригиналовъ, которыя имѣютъ соотвѣтствіе въ говорѣ русскихъ переписчиковъ.

стьнами болезньми 84 об.; напастьнами стр҃ами 84 об.; оумиленомъ гл҃мь 85; бж҃твьнами зарѧми 86 об.; неизрѣченьна прѣстола 86 об.; огнѧ вечна и люта ѿвѣта 86; тмъı многъı 85 об.; трьсвѣтлами зарѧми 89; премногами си щедротами 90; напастьми многами 92 об.; оумиленомь гл҃мь 92 об.; грѣховнами стр҃ами 93 об.; прч҃тнами мл҃твами 94 об.; вѣчна нѣтлѣньна 96 об.; льстьми вражьıами 104; сластьми житиискамн 105; бл҃нымъ (стртмъ) 106 об.; животноу сладость 107 об.; козньми вражьıами 107 об.; оч҃ьмь пьрьстомь 110 об.; стртмъ хвамъ 111; недостоинами оустнами 65 об.; разразмесьномь съвъкоуплениемь 65 об. и др.

Формы эти, конечно, находились и въ древне-болгарскомъ оригиналѣ, къ которому восходитъ наша рукопись. Однако весьма любопытно сохраненіе въ такомъ большомъ количествѣ этихъ формъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ настоящее время въ сѣверно-русскихъ говорахъ мы находимъ большое количество соотвѣтствующихъ формъ (преимущ. имен. ед.), которыя отчасти, вѣроятно, являются остатками нечленнаго склоненія прилагательныхъ.

Потеря склоненія причастій ярко отразилась въ рукописи: приѣне ѡч҃е, врзнѧ вѣры възьмше ...7; слава просѣдъшемү истеве слава свобожьше нъı 38; понесъ (= понесъши) 38; тѧ въ истину соущи 49 об.; приклони оухо твоıа въпиюще (въпиющю?) 117 об. и др. под.

Причастіе въ живой рѣчи, видимо, уже обратилось въ эпоху писцовъ нашей рукописи въ дѣепричастіе.

Весьма интересно частое употребленіе причастной русской формы „всемогай“: 3 об.; 4 об.; 5, 6, 15 об., 24, 48, 55 об., 84 об. (2 р.), 89 об. (2 р.) и др. Др.-ц.-сл.: всемогъıй исключительно рѣдко: 15 об.

Мѣстоименіе сь встрѣчается въ удвоенной формѣ сьсь 23 (2 р.). Эта форма обычна и въ псковскихъ памятникахъ XV в. (Языкъ Пскова, стр. 192).

Изъ особенностей спряженія обращаетъ наше вниманіе форма есмѣ (възкранѧеми есмѣ 23 об.), одна изъ яркихъ діалектическихъ древне-псковскихъ особенностей, сближающая говоръ Пскова съ древне-новгородскимъ, но особенно въ Псковѣ употребляемая [1]). Конечно, вліяніемъ др.-ц.-слав. оригинала слѣдуетъ объяснять форму есмъı 115. Формы молимо тѧ 99, молимо въı 96 об. въ нашей рукописи, содержащей большое количество случаевъ замѣны ъ черезъ *о* [2]), едва ли могутъ доказывать существованіе окончанія *мо* въ говорѣ писца.

[1]) Языкъ Пскова, стр. 193—195.

[2]) См. выше, стр. 207. Ср. также Языкъ Пскова, стр. 197, 149.

Одинъ разъ встрѣчаемъ неопредѣленное наклоненіе на *тъ*, что, конечно, свидѣтельствуетъ о морфологической особенности говора переписчика: твоѭ м҇лть ч҇лвколюбче б҇лко дать молю 82 об.

Новыя морфологическія образованія въ повелительномъ наклоненіи отмѣчены нѣсколько разъ: възпиѥмъ (2 р.) 2; възрадуѥмса и возвеселимса 100 об.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Древне-псковскія рукописи, какъ и вообще памятники древне-русскаго языка и письма, въ отношеніи южно-славянскаго вліянія слѣдуетъ дѣлить на 2 группы: 1) рукописи, содержащія такого рода элементы южно-славянскаго вліянія, которые проникли въ русскую письменность въ домонгольскій періодъ, и 2) рукописи, на которыхъ отразилось южно-славянское вліяніе XIV—XV вв. Псковскія рукописи первой группы относятся преимущественно къ XIV вѣку. Онѣ не представляютъ непосредственныхъ списковъ съ южно-славянскихъ оригиналовъ, и ихъ орѳографія, по большей части, весьма обрусѣла подъ перомъ псковскихъ переписчиковъ. Лишь въ немногихъ изъ нихъ (напр., Апостолѣ 1309—12 г.) наблюдаются нѣкоторыя черты болгарской графики, не соотвѣтствующія древне-псковскому произношенію (*лу*, *ну* вм. *лю*, *ню*, случаи мѣны *у* и *я*), но и въ такихъ рукописяхъ подобные факты не многочисленны, и общій характеръ орѳографіи этихъ памятниковъ весьма напоминаетъ общій характеръ орѳографіи другихъ русскихъ рукописей XIV в. Вторая группа рукописей преимущественно содержитъ памятники XV—XVI в. Здѣсь мы находимъ яркое южно-славянское вліяніе: особыя начертанія буквъ, нерѣдкое отсутствіе йотаціи *а* послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ, болгарское *жд*, глухіе послѣ плавныхъ въ опредѣленныхъ случаяхъ, сильное смѣшеніе ъ и ь и многое другое. Шестодневъ 1374 года принадлежитъ къ первой группѣ памятниковъ и къ разряду весьма обрусѣвшихъ въ отношеніи орѳографіи рукописей [1]).

Русскіе переписчики Шестоднева, руководясь своимъ произношеніемъ, измѣнили въ разсматриваемомъ памятникѣ не только характеръ изображенія звуковъ (*жд* на *ж*; *ръ*, *лъ* на *ъл*, *ъл*, *ор*, *ол* и пр.), но даже иногда довольно послѣдовательно и формы (они писали, напр., почти

---

[1]) Для опредѣленія мѣста написанія южно-славянскаго оригинала нашего Шестоднева любопытны слова и выраженія: съпиши сонъ ленострнъли 45 об.; храбри х҇вн 53; всемогай б҇же (г҇и); грѣховъ оулучити простъню 85 об.; ц҇рквнам опона 102.

постоянно *всемогаи* вм. *всемогыи*). Вслѣдствіе такого отношенія переписчиковъ къ оригиналу Шестодневъ 1374 г. содержитъ весьма много данныхъ для заключенія о языкѣ псковичей того времени. Однако не всѣ особенности языка отразились на Шестодневѣ одинаково. Въ однихъ случаяхъ мы находимъ *яркіе и многочисленные* факты письма, указывающіе на опредѣленныя звуковыя особенности. Въ другихъ случаяхъ такіе факты *малочисленны и недостаточно ярки.*

Въ общемъ псковскій Шестодневъ 1374 года согласуется въ своихъ показаніяхъ съ другими псковскими памятниками XIV в., а также представляетъ нѣкоторыя новыя данныя.

Матеріалъ Шестоднева вполнѣ подтверждаетъ заключеніе о существованіи цѣлаго ряда шепелеватыхъ звуковъ въ языкѣ псковичей XIV вѣка. Въ нашемъ памятникѣ мы находимъ въ этомъ отношеніи и нѣчто особенное (въ текстѣ 2-го писца): мыщею (вм. мышцею), божьтва, множьтво и пр. Шепелеватые свистящіе были, вѣроятно, мягки или полумягки (см. написаніе ѧ послѣ шипящихъ).

Писцы Шестоднева, какъ и другихъ псковскихъ рукописей, отразили, вѣроятно, *звуковыя* явленія въ мѣнѣ *е* (*ѣ*) и *а* (ѧ, ꙗ). Противъ объясненія этой мѣны графическими причинами говоритъ: 1) оригинальный характеръ псковской мѣны, рѣзко отличающійся отъ соотвѣтствующихъ явленій южно-славянской письменности и 2) распространеніе разсматриваемаго явленія совершенно независимо отъ силы юго-славянскаго вліянія на ороографію памятниковъ.

Графическая мѣна *ъ* и *о*, а также *ь*, *е* и *ѣ* въ нашемъ памятникѣ служитъ вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ совпаденія звука *ъ* съ звукомъ *о* и звуковъ *ь*, *е*, *ѣ* въ звукѣ *е* (конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда *ъ* и *ь* не исчезли изъ произношенія).

Шестодневъ 1374 года представляетъ рядъ примѣровъ на сѣверно-русское сочетаніе *жг*. Показанія нашего памятника, содержащаго вообще яркую діалектологическую окраску, сходятся съ показаніями Соф. Сборника № 1262, въ которомъ псковскія особенности выступаютъ не менѣе опредѣленно. Въ виду этого мы не рѣшились бы поддерживать гипотезу о возможности заимствованія этой черты псковскими переписчиками изъ новгородскихъ памятниковъ [1]).

Изслѣдуемый памятникъ заключаетъ *весьма большое число* характерныхъ примѣровъ, доказывающихъ существованіе приведенныхъ

---

[1]) Акад. А. А. Шахматовъ, Очеркъ, стр. 327.

выше псковскихъ діалектическихъ особенностей въ XIV в. Весьма многочисленные примѣры на указанныя особенности отмѣчены и во многихъ другихъ псковскихъ памятникахъ XIV вѣка [1]).

Совсѣмъ иныя показанія даетъ нашъ памятникъ въ отношеніи другихъ фонетическихъ особенностей: мы отмѣтили незначительное число примѣровъ на твердое *р* и аканье; мы вовсе не видѣли фактовъ, которые бы указывали на мѣну *у* и *в* и замѣну *ф* черезъ *х* въ говорѣ писцовъ нашей рукописи. И въ этомъ отношеніи мы находимъ соотвѣтствіе нашего памятника съ другими псковскими памятниками XIV вѣка. Псковскіе памятники этого столѣтія имѣютъ лишь нѣкоторое количество случаевъ замѣны *в* черезъ *у*, но обратной замѣны *у* черезъ *в* и сочетаній *ув*, *уво* не содержатъ. Случаи, отражающіе аканье, въ нихъ малочисленны. Въ нихъ почти нѣтъ надежныхъ случаевъ, указывающихъ на отвердѣніе *р*, нѣтъ случаевъ замѣны *ф* черезъ *х* [2]). Въ памятникахъ XV вѣка всѣ эти особенности отразились въ очень многихъ характерныхъ написаніяхъ [3]). (Написанія ро, роу, ры вм. рє, рю, ра и пр. указываютъ на звуковую черту).

Въ виду того, что Шестодневъ 1374 г. отражаетъ ярко діалектическія черты, приведенные факты подтверждаютъ догадку о развитіи нѣкоторыхъ діалектическихъ псковскихъ особенностей лишь въ XIV в. и о широкомъ распространеніи ихъ лишь къ XV вѣку [4]). Такъ какъ эти черты сближаютъ псковскій говоръ съ бѣлорусскими, то особенно вѣроятной представляется гипотеза о вліяніи языка бѣлоруссовъ на языкъ псковскій и о колонизаціи бѣлоруссовъ въ область древняго Пскова [5]).

Такъ какъ рукописи вообще содержатъ весьма смѣшанный матеріалъ (старыя орѳографическія черты оригиналовъ и внесенныя писцами новыя діалектологическія особенности), такъ какъ разные писцы далеко не одинаково измѣняли оригиналъ въ угоду своему произношенію, то весьма трудно опредѣлить, по даннымъ памятниковъ, является ли данный говоръ смѣшаннымъ или соотвѣтствующія графическія явленія произошли отъ другихъ причинъ. Мы все же должны указать, что въ Шестодневѣ 1374 года почти исключительно въ текстѣ вто-

---

[1]) Проф. А. И. Соболевскій, Очерки, стр. 144 слл. Языкъ Пскова, стр. 199.

[2]) Языкъ Пскова, стр. 200—201.

[3]) Ib.

[4]) Языкъ Пскова, глава III, стр. 201.

[5]) Ib., стр. 205.

рого писца находимъ примѣры на отвердѣвшее *р* и у него же только указанія на особые случаи шепелявости (мыщею, множьтво и под.). Въ другихъ псковскихъ памятникахъ мы отмѣчали: „хахиловича“ при „фефилатова“, „створитя“ (Сб. Син. Библ. № 68/270) при обычномъ „створити“, форму „есмо“ при „есме“ и пр. под. [1]). Во всякомъ случаѣ самая комбинація діалектическихъ особенностей псковскихъ говоровъ XIV—XV в. наводитъ на мысль о смѣшанномъ характерѣ этихъ говоровъ.

Нѣкоторые современные намъ говоры, раздающіеся въ предѣлахъ древне-псковской территоріи, во многомъ подтверждаютъ діалектологическія показанія древне-псковскихъ памятниковъ XIV — XVI вв. Еще Даль отмѣтилъ бѣлорусскія черты въ Псковской губерніи. О Псковской и Тверской губ. онъ пишетъ: „тамъ попадаются „передѣлки на польскій и бѣлорусскій лады“ (Словарь, I, стр. V). Акад. А. И. Соболевскій даетъ аналогичную характеристику псковскихъ говоровъ: „Вотъ наши свѣдѣнія о говорахъ Псковской губ., соединяющихъ въ себѣ черты акающихъ и окающихъ великорусскихъ говоровъ съ чертами бѣлорусскаго нарѣчія“ [3]). Нѣкоторые говоры Псковской губерніи, а также Гдовскаго у. Петроградской губ. представляютъ, какъ мы видѣли, многія особенности, вполнѣ соотвѣтствующія тѣмъ, которыя мы предполагаемъ на основаніи памятниковъ въ древнепсковскомъ языкѣ. Говоры эти ярко смѣшанные. Въ нихъ мы отмѣчали отчетливое произношеніе *о*, *ё* изъ *е*, аканье, шепелявость, цоканье; мѣстами твердое *р*, мѣну *у* и *в*, замѣну *ф* черезъ *х*, формы: „такей“, „сядэй“, „я пойле“, „баринъ ушле“ и пр. (см. выше, стр. 235).

Однако современные говоры замѣтно отличаются отъ древне-псковскихъ. Особенно сильныя измѣненія произошли подъ вліяніемъ другихъ сосѣднихъ великорусскихъ говоровъ, а также подъ вліяніемъ обще-русскаго языка (языка образованнаго русскаго общества). Древнепсковскія черты въ этихъ говорахъ встрѣчаются спорадически въ смѣшеніи съ разнообразными особенностями, которыя появились благодаря указаннымъ вліяніямъ.

П. Карпнскій.

---

[1]) Языкъ Пскова, стр. 201—202.

[2]) Толковый словарь, I, стр. V.

[3]) Опытъ русской діалектологіи, стр. 29.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Образцы текста Шестоднева 1374 г.[1]).

Тебе ради боѿ҃ць пр҃ркъ дв҃дъ· пѣ҃но· ѡ те
бе провъзгласи· величиꙗ ти сътворьшю.
предъста ц҃рце ѡдеснꙋю тебе. тебе бо м҃трь
ходатаицю животꙋ показа безъ ѿ҃ча и
с тебе въч҃лвчити сѧ изволи б҃ъ· да свои
пакꙑ съжижеть образъ истлѣвъшии
страстьми. и заблꙋжьшеꙗ вълкоухꙑ
щеноѥ ѿвц҃ѣ ѡбрѣтъ на рамꙋ въспри
имъ и къ ѿ҃цю принесѣ· и къ своѥмꙋ хо
тению и съ нб҃нꙑми съвъкꙋпить сила
ми. и сп҃ть бц҃ею мира х҃ъ имѣꙗи велию
мл҃ть ·: Радꙋисѧ д҃шьнаꙗ ц҃ркꙑ б҃иꙗ.
дв҃о обрадованаꙗ. радꙋисѧ агньца.
бл҃гвенаꙗ ижнеꙗже проиде съдѣтель
всѣхъ. радꙋисѧ земноѥ носило и нб҃на
ꙗ вꙑсото. ѥюже познана бꙑ҃ сила ст҃ꙑ
ꙗ тр҃цѧ. како тѧ възвѣличимъ м҃ти
безневьстнаꙗ. како же въсхвалимъ
тѧ ꙗко б҃ꙑ м҃ти ѥманꙋилꙋ. ѥго же хѣ
рꙋвими зрѣти не могꙋть· тꙑ же нии
зареченьно въ чрѣвѣ своѥмь понесѣ.
того моли пр҃чта сп҃ти сѧ д҃шамъ наш҃ ·:· (л. 7 об.—8).

Тꙑ създа мѧ г҃и. и положи на мнѣ
рꙋкꙋ твою заповѣда и р҃е. възе мь
лю пакꙑ поити ми. настави мѧ
на правꙑи пꙋть твои. и ѿдажь ми
всѧ прегрѣшениѥ. и достоина мѧ
створи ц҃ртвию твоѥмоу (14).

Въ чермьнемь мори. браконеискоу
сьнꙑꙗ невѣстꙑ. ѡбразъ дрѣвле
написасѧ тъгда моиси раздѣлите
ль водѣ. ждѣ же гаврилъ слꙋжитель

[1]) Здѣсь мы публикуемъ наши выборки наиболѣе характерныхъ въ отношеніи языка и орѳографіи частей текста изслѣдуемаго памятника.

чюдеси. тъгда по·глубинѣ шьство
вавъ немокрьно из҃ль. нꙑнѣ же х҃а
роди бесемѣни д҃ва. море по при
шьствии изл҃вѣ пребꙑс҃ непроходно
непорочнаꙗ же по ржс҃твѣ ѥммануи
левѣ. пребы҃ неистлѣньна сꙑи и пре
же сꙑи. ꙗвлии сѧ ꙗко чл҃къ помилу (sic) на҃ ·:· (14 об.).

Бц҃ю мр҃ию. вси въ пѣниꙗхъ досто
ино прославимъ. ѥꙗ бо ради вси
изъистлѣниꙗ избꙑхомъ г҃и сла҃ то҃ ·:· (20 об.).

Что не брѣгостѣ камени краѥоуголна
го. ѡ безаконьнии июдѣи. сьсь ѥсть
ѥго же положи б҃ъ въ сиѡнѣ. иже ѿ ка
мени источивꙑи въ пустꙑни воду
и намъ истачаꙗ изъ ребръ бесмр҃тиѥ.
сьсь ѥсть камень иже ѿ горꙑ дв҃чкꙑꙗ
оутьржесѧ бес хотьниѥ мужьска.
сн҃ъ чл҃вць градꙑи на облацѣхъ
нб҃нꙑхъ. къ ветхому дн҃ьми (28).

Оуже не възбранѧѥми ѥсмѣ. дрѣ
ва животьнаго. оупованиѥ иму
ще кр҃тъ твои г҃и слава тобѣ ·:—

На кр҃тѣ пригвоздисѧ лоза исти
ньнаꙗ. ѡбуимъше ꙗзꙑци ра
и съ разбойникомь. си слава
цр҃вьнаꙗ се бл҃тьство цр҃твиѥ.
пострадавꙑи на҃ ради г҃и сла҃ тоб ·:—

Дрѣво животноѥ кр҃тъ твои ꙗви
сѧ г҃и. смр҃ть бо ѥго ради оупра ||
знисѧ. и вьсь миръ тѣмь просвѣти
сѧ всемогаи г҃и слава тобѣ ·:—(23 об.—24).

Смр҃ть твоꙗ г҃и. бесмр҃тию бꙑ҃ хо
датаи. аще бо въ гробѣ не бꙑ тꙑ
полежалъ. не бꙑ раи ѿвьржълъ сѧ
пакꙑ. тѣм же преставльнꙑꙗ
ѿ насъ покои ꙗ г҃и ·:—(32).

Влⷭ҇чце влⷭ҇чце влⷭ҇чце. єгда постави
ть мѧ нага. сн҃ъ твои судити ми
тъгда же ми помози. и ѿ огнѧ҃ и
збави. бж҃твьною мѧ ризою покрꙑи
твоꙗ мт҃ь чт҃аꙗ посли. ѿ мт҃и дв҃це
прⷭ҇таꙗ гж҃е рабꙑ своꙗ. оущедри по
милуи ꙗко єдина прчⷭ҇таꙗ ·: —(33).

Ицѣли мѧ г҃и и целею. сп҃ мѧ и сп҃су сѧ.
всегда бо покаꙗти сѧ ӧбещаю сѧ
и на горшеꙗ съвращаю сꙗ. тем же
молю тѧ рожьшаго сѧ ѿ дв҃ꙑ. испра
ви мѧ г҃и. и помилуи мѧ ·: —(34 об.—35).

Сп҃си г҃и люди своꙗ. и бл҃гви достоꙗ
ниꙗ своꙗ. победу кнѧзю нашему.
на супостатꙑ даꙗ. и своꙗ съхра
нѧꙗ крⷭ҇томь люди ·: —(35 об.)

Крⷭ҇та твоѥго древу поклонимъ сѧ.
чл҃вколюбце ꙗко на томь пригво
здисѧ. животъ всѣхъ. раи ѿвѣрзъ
лъ єси сп҃се. вѣрою пришедъшю к то
бе разбоинику. и пищи сподобисѧ
испокѣдаꙗ тѧ. помѧни мѧ г҃и. и при
ими мѧ ꙗко и оного въпиюща. съ
грѣсихомъ вси. мрⷭ҇дмь своимъ не пр
ѣзри насъ ·: —(36).

Помилуи мѧ реⷱ҇ двдъ азъ же ти въ
пию. съгрѣсихъ г҃и. грѣхꙑ моꙗ по
каꙗниѥмь ѿмꙑвъ и помилуи мѧ ·: —

омилуи (sic) [1]) мѧ б҃е. помилꙋ мѧ двдъ въ
пиꙗше. ӧ двою грѣху ӧ тмахъ азъ прегре
шении припадаю ти. онъ постелю
слезами мꙑꙗше. азъ капли ни є
ноꙗ (sic) не поущаю и ѿричаю сѧ и молю
сѧ помилуи мѧ б҃е. по вѣличии мт҃и твоѥи ·: —

[1]) Писецъ здѣсь забылъ поставить начальную киноварную букву.

Житье свое въ беззаконии жихъ. доу
шю и тело помышлении ми осквѣ
рнихъ. Ги но прошю моли яко же в
лоудныи въпию съгрѣсихъ предъ
тобою бладко. яко члвколюбечь оу
щедри и спси мя •:—(41).

Просвѣщь земныя кртомь. и при
звавъ грѣшныя на покаяние.
не Шлучи мене стада твоего пастꙑ
роу добрыи. но възыщи мене бладк
о блоудящаго и стѣмь стадѣ тво
емь причти. яко единъ благъ
члвколюбечь •:—(41 об.).

Скоро вари дажь.
не поработимъся врази бо хуля
ть и претять намъ хе бе нашь.
погоуби кртомь своимь бороущихъ
ся с нами. да навыкноуть како
можеть правовѣрныхъ (sic) вѣра. млтв
ми бце едине члвколюбечь •:—(51 об.—52).

Оудиви ся осифъ. паче естьвьнаго (sic)
зря. и внимаше въ оумъ роуновъ
на дожгя. въ бесеменьное зача
тье твоя бце. купину огнѣмь
неопалевьшю. жезлъ аронь про
чветъшии и послоушьствуя. яко о
бручникъ. и хранитель сщнхъ.
въпияше дваяя раждаеть и по ро
жтве пакы двою пребоудеть •:—(54—54 об.).

Помышляю днь страшныи. и пла
чю ся дѣяные лоукавыхъ ка
ко Швѣщаю бесмртьномоу црю.
кыимъ ли дрьрьзновениемь въ
зрю на соудью блоудныи азъ но
млтвыи оче сне. единочадыи
и дше стыи помилуи насъ •:—(62).

Пр҇ⷭ҇таꙗ бц҃е въ бѣкꙑ зижни моꙗ.
не оставі мене. въ чл҃вчоу помо
щь не предажь мене. но сама помо
жи ми и сп҃ма ·:—(65).

Трц҃е ѥдино бж҃тво. неразмесьномь
съвъкоуплениѥмь. праслабимъ.
анг҃лкоую пѣ҃ възопиѥмъ ти.
ст҃ъ. ст҃ъ. ст҃ъ ѥс ·:—(65 об.).

Разроуши кр҃тмь своимь смр҃ть.
ѿвѣрже разбоинікоу раи. му
роносицамъ плачь преложи.
и ап҃лмъ пропобедати велѧше.
ꙗко въскр҃се х҃ъ б҃ъ. даꙗ. всемоу ми
роу велию мл҃ть ·:—(65 об.—66).

Пламень огньнꙑи. анг҃лꙑ твоꙗ г҃и.
сътвори. И тꙑ намъ теплꙑꙗ засту
пникꙑ. и дх҃ꙑ пакꙑ скоропишь
ца показа. всемоган. г҃и слава тобе ·:—

Спси нꙑ бл҃ко млт҃вами ст҃ми анг҃лъ тво
ихъ. и омꙑи на҃ соблазньнꙑꙗ скве
рнꙑ. и грѣхꙑ вса очисти. всемо
ган г҃и слава тобе ·:—(89 об.).

Плотьскꙑи анг҃лъ пр҃тча гн҃ь. избави
млт҃вами си ·:· Ст҃ии мч҃нци хв҃и.
просите очищениѥ. вс҃е намъ ѿ грѣ҃.
наши҃ молимо вꙑ ·:—Вси молимъ.
тѧ бц҃е вѣрнии. избабление проша҃.
ѿ грѣ҃. цр҃твиꙗ нб҃наго ·:· (98).

Ꙗко луца таинꙑꙗ. притекоша въ
вѣшь миръ. бж҃твьнаго разума.
просвѣщени гн҃и ап҃ли ·:—

Мч҃ци. огньви приближающесѧ. б
ж҃твьноую росу. васъ прохлажаю
щю. ѿ б҃а въсприꙗсте мч҃нци ·:· (106 об.).

Ѡпрестолна с҃на и слова. Ѿ ч҃тꙑꙗ крови
твоюꙗ. ч҃таꙗ. приꙗла юси плоть м҃р
тьвноу. ꙗко да бесм҃ртно. створить.
существо. чл҃чьскою. тьм та долꙃ
жно вси оублажаюмꙑ ·: в пꙃ ·: гл҃а . ҃з.
Исцѣлмꙗ адамовоу болезнь. юже по
дꙑ вражьимь свѣтомь. вꙑзнешеса.
на дрѣвѣ вс҃е црю. и болезнь претѣ
рпьлꙑ юси. рукама и ногама. при
гвожгенꙑ. тьмь твои юсм(ꙑ). и мно
гою долготерпение твою ·: —(109).

ЧТО ТАКОЕ РЕФОРМАЦІЯ?

Историко-психологическій этюдъ.

1.

Выясненіе сущности крупныхъ духовныхъ движеній, напр. реформаціи или гуманизма, представляется всегда чрезвычайно труднымъ. Каждое изъ подобныхъ историческихъ явленій заключаетъ въ себѣ массу разнообразныхъ фактовъ и, кромѣ того, неразрывно соединяется съ цѣлою массою фактовъ изъ области другихъ историческихъ рядовъ. Когда мы говоримъ о сущности того или иного явленія, мы имѣемъ въ виду, во-первыхъ, такіе признаки, которые свойственны всѣмъ фактамъ, входящимъ въ его составъ, и, во-вторыхъ, тѣ, которые одновременно въ своей совокупности образуютъ отличіе даннаго явленія отъ другихъ, хотя бы тѣснѣйшимъ образомъ переплетенныхъ съ нимъ въ единствѣ историческаго процесса. Второе особенно существенно, ибо не всѣ общіе признаки, какъ бы характерны они вообще ни были, образуютъ новое и оригинальное въ содержаніи изучаемаго явленія. Это новое и оригинальное опредѣляется совокупностью его специфическихъ признаковъ, которые, комбинируясь съ остальными, образуютъ общее содержаніе его.

Подобный отборъ общихъ и специфическихъ признаковъ часто въ сильнѣйшей степени зависитъ отъ сознательныхъ и полусознательныхъ, но всегда предвзятыхъ точекъ зрѣнія, подсказываемыхъ намъ тѣми или иными философскими, историческими, религіозными и т. п. симпатіями. Чѣмъ крупнѣе изучаемое явленіе, чѣмъ ближе и тѣснѣе его связь съ настоящимъ, тѣмъ труднѣе отдѣлаться отъ вліянія этихъ апріорныхъ идейныхъ симпатій. Думается даже, что полное отрѣшеніе отъ нихъ невозможно. Въ виду этого точная формулировка исход-

ной точки зрѣнія при постановкѣ историческихъ проблемъ представляется безусловно необходимой. Пусть въ ней будетъ много субъективнаго, научно вполнѣ, такъ сказать *ad oculos*, недоказуемаго, все же выясненіе ея въ самомъ началѣ изслѣдованія приноситъ свою несомнѣнную пользу: оно обязываетъ самого автора и тѣмъ самымъ въ дальнѣйшемъ ходѣ разсужденія предохраняетъ отъ произвольныхъ колебаній и неясностей мысли.

Прилагая сказанное къ поставленной нами темѣ, необходимо въ первую же голову подчеркнуть, что реформація въ ея цѣломъ и единствѣ представляетъ изъ себя явленіе духовной, въ частности религіозной жизни. Поэтому и опредѣленіе ея сущности слѣдуетъ искать исключительно въ духовно-религіозной плоскости, а не въ тѣхъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ фактахъ, которые были тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ ней, вліяли на ея ходъ, рѣшали ея судьбу въ различныхъ странахъ и все же не были ея внутреннимъ двигательнымъ началомъ.

Конечно, подобное положеніе предполагаетъ, какъ свою основу, еще и другое, а именно, что религіозная жизнь никоимъ образомъ не можетъ быть разсматриваема исключительно какъ отраженіе соціально-экономическаго или какого-нибудь другого ряда явленій, а обладаетъ извѣстной внутренней самостоятельностью, внутреннею необходимостью своего развитія, внутренней діалектикой, по выраженію Трёльча [1]). Другими словами, объектомъ нашего изслѣдованія должна быть религіозная психологія реформаціи, а двигательныя пружины этой психологіи и будутъ ея сущностью. Вотъ почему я свой этюдъ и называю историко-психологическимъ. Совершенно не скрываю отъ себя, что опредѣленная только что исходная точка—субъективна, и могу только повторить то, что уже разъ высказалъ въ своемъ отзывѣ на книгу Трёльча: „подобная концепція представляетъ изъ себя одну изъ тѣхъ гипотезъ, которыя не могутъ опровергнуть другихъ, ибо всѣ онѣ въ концѣ концовъ строятся на опредѣленномъ впечатлѣніи отъ всей жизненной работы надъ историческими фактами, на впечатлѣніи, а не на безусловномъ доказательствѣ“.

Психологія реформаціи, какъ всякаго религіознаго движенія, получаетъ свою наиболѣе сознательную формулировку, какъ бы кри-

---

[1]) Ср. *Troeltsch.* Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen. Tübingen, 1912, стр. 25, 31. См. мой отзывъ объ этой книгѣ въ „*Научномъ историческомъ журналѣ*“, 1913. Томъ I, вып. 1, стр. 91—99.

сталлизуется, въ тезисахъ религіозныхъ ученій и въ твореніяхъ отдѣльныхъ вождей-реформаторовъ. Историкъ заинтересованъ этимъ матеріаломъ лишь съ указанной точки зрѣнія, какъ рядомъ данныхъ, переводящихъ часто смутныя стремленія и желанія религіозной психологіи на ясный языкъ принципіальныхъ требованій [1]).

При этомъ, однако, нельзя упускать изъ виду, что и въ тезисахъ религіозныхъ ученій и въ произведеніяхъ отдѣльныхъ реформаторовъ очень часто, если не всегда, сплетаются въ весьма сложную сѣть 2 элемента: съ одной стороны идеи и требованія, съ логическою необходимостью вытекающія изъ положеній, признанныхъ за основныя самими реформаторами, съ другой—рядъ особенностей, которыя или не связаны логически съ основными посылками или даже стоятъ съ ними въ противорѣчіи, представляя собою продуктъ непослѣдовательности самихъ реформаторовъ.

Различеніе этихъ двухъ элементовъ тѣмъ болѣе важно, что до сихъ поръ въ исторической литературѣ при опредѣленіи сущности реформаціи слишкомъ часто исходятъ изъ ея лютеранско-реформатскаго теченія, совершенно оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, чтб въ этомъ теченіи съ логическою необходимостью выводимо изъ основныхъ принциповъ самихъ реформаторовъ, и чтб является результатомъ или компромисса съ тѣми или иными посторонними силами, или же связанности самихъ реформаторовъ элементами стараго религіознаго міровоззрѣнія, несовмѣстимаго съ ихъ же основными посылками [2]).

Естественно, что явленія второго изъ указанныхъ рядовъ могутъ быть весьма характерными для лютеранской или кальвинистской церкви и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не представляютъ собою явленій, характерныхъ

[1]) Къ сожалѣнію, какъ разъ въ этомъ пунктѣ историческое изученіе реформаціи до сихъ поръ еще не успѣло освободиться отъ вліянія вѣроисповѣдныхъ симпатій и антипатій и затемняется оцѣнкой религіозныхъ ученій съ точки зрѣнія ихъ абсолютной истинности. Даже такой колоссъ въ области исторіи христіанской религіи, какъ Адольфъ Гарнакъ, не свободенъ отъ этого упрека, поскольку въ своей знаменитой „Dogmengeschichte" онъ стоитъ на признаніи абсолютной истинности ученія о спасеніи одною вѣрою: III, 434, 685, 4-ое изданіе. Для Harnack'а—реформація представляетъ собою „правильный и настоящій исходъ исторіи догматики", а реформація = ученію о спасеніи вѣрою одною.

[2]) Похвальное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ старый трудъ *Hagen*'а Deutschlands religiöse und litterarische Verhältnisse im Reformationszeitalter. Hagen совершенно опредѣленно отличаетъ принципы реформаціи и ученія протестантскихъ церквей. O. c., III, предисловіе.

для реформаціи, какъ таковой. Вѣдь не исчерпывается же реформація лишь однимъ лютеранско-реформатскимъ теченіемъ? Историкъ, желающій опредѣлить ея сущность, не можетъ пройти мимо огромнаго по своей силѣ и распространенности сектантскаго движенія и весьма характерныхъ также стремленій такъ называемаго христіанскаго гуманизма [1]).

Говоря о необходимыхъ выводахъ изъ основныхъ положеній реформаторовъ, мы не должны забывать, что многіе изъ этихъ выводовъ были сдѣланы гораздо позже самой реформаціи и продолжаютъ выясняться до нашихъ дней въ исторіи протестантскихъ церквей и въ развитіи европейскаго религіозно-философскаго мышленія. Такимъ образомъ, опредѣляя сущность реформаціи, мы принуждены для подкрѣпленія нашихъ соображеній обращаться и къ этому матеріалу. Конечно, нѣтъ необходимости изучать его во всей его исторической детальности. Важны здѣсь не детали, а основныя направленія, которыя могутъ дать иллюстрацію къ положеніямъ, съ очевидностью вытекающимъ изъ основныхъ идей реформаторовъ. Этимъ способомъ уже будетъ достаточно доказано, что данный выводъ представляетъ изъ себя не только логическую конструкцію, но и историческую реальность. Въ рамкахъ небольшого этюда можно при этомъ и не разсматривать вопроса, почему и какъ въ данное время и въ дан-

[1]) Односторонностью построенія въ указанномъ смыслѣ грѣшитъ выше цитированный трудъ Трёльча: „Die Soziallehren der christlichen Kirchen“. Трёльчъ на основаніи ученія лишь одного Лютера утверждаетъ, что реформація сохранила старое понятіе церкви, какъ института, облеченнаго объективными благостными дарами, и этимъ самымъ отграничила себя отъ секты. Спрашивается, куда же отнести въ такомъ случаѣ всю сектантскую реформацію? Можетъ быть она представляетъ изъ себя какую-то совершенно особую реформацію, ничего общаго не имѣющую съ лютеранской? Подобная мысль, однако, нуждалась бы въ особомъ доказательствѣ, да врядъ ли самъ Трёльчъ сталъ бы ее защищать. Кромѣ того, основныя положенія Лютера о „спасеніи одною вѣрою“, о правѣ каждаго христіанина, какъ священника въ духовномъ смыслѣ, толковать Библію, логически не только не связаны съ подобнымъ пониманіемъ церкви, какъ благостнаго объективнаго института, но какъ разъ, наоборотъ, въ своемъ развитіи должны привести къ торжеству религіознаго субъективизма, дѣлающаго невозможнымъ и построеніе общеобязательнаго ученія, и созданіе общеобязательнаго церковнаго строя. Вѣдь именно на этомъ и вырастаютъ современные намъ конфликты въ протестантскихъ церквахъ. *Troeltsch*, o. c., pag. 448 ssq.

Въ ту же односторонность впалъ и *Wernle*: Renaissance und Reformation. Tübingen 1912, p. 101 и *Harnack*: Dogmengeschichte III, p. 682 ssq., 4-ое изданіе, однако Harnack прекрасно понялъ противорѣчіе основныхъ принциповъ реформаціи и историческаго церковно-протестантскаго ученія.

номъ мѣстѣ былъ сдѣланъ этотъ выводъ, и удовлетвориться установленіемъ самого факта.

Такимъ образомъ выясненіе сущности реформаціи съ необходимостью требуетъ обращенія къ двоякому матеріалу: во-первыхъ, нельзя останавливаться лишь на лютеранско-реформатскомъ теченіи, а слѣдуетъ привлекать и всѣ остальныя движенія реформаціи, въ частности сектантское во всѣхъ его главныхъ развѣтвленіяхъ [1]), и, во-вторыхъ, матеріалъ собственно реформаціонной эпохи, т. е. первой половины XVI вѣка, слѣдуетъ пополнять данными изъ болѣе поздней исторіи протестантскихъ церквей и религіозно-философской мысли протестантскаго міра.

При этомъ, однако, необходимо сдѣлать еще одну въ высшей степени важную оговорку. Реформація и хронологически, и практически ближайшимъ образомъ связана съ гуманизмомъ. Вопросъ объ ихъ взаимоотношеніи давно уже поэтому интересовалъ ученыхъ, и какъ разъ въ самое послѣднее время ему были посвящены спеціальныя изысканія [2]). Особенно интересно и важно было опредѣлить позицію такъ называемаго христіанскаго гуманизма, его различія и сходства съ реформаціею. При этомъ часто исходили изъ представленія, будто

---

[1]) Въ этомъ отношеніи нѣкоторые старые историки ставили вопросъ значительно шире, чѣмъ Трёльчъ и Верне. Такъ, напр., *Schenkel* въ своемъ огромномъ трудѣ „Das Wesen des Protestantismus“, Schaffhausen 1846—1851, выставилъ слѣдующій основной тезисъ: „Um das Wesen des Protestantismus in seiner Vollständigkeit darzustellen darf keine bedeutende religiöse Erscheinung der Reformationszeit ausgeschlossen werden, mag dieselbe orthodox (rechtgläubig) oder als heterodox und häretisch (irrgläubig und ketzerisch) gegolten haben“. Band I, pag. 12. Къ несчастью Schenkel увлекся своей научно-недоказуемой идеей, что реформація есть раскрытіе истинной сущности христіанства (pag. 7), и діалектической гегеліанской схемой построенія (Вступленіе, passim). Еще шире ставитъ вопросъ *Hagen* въ своей знаменитой книгѣ „Deutschlands religiöse und litterarische Verhältnisse im Reformationszeitalter“, 2-ое изд. 1868 г. Hagen объединяетъ подъ названіемъ „neue Richtung“ всѣ элементы религіозной, гуманистической и народной оппозиціи противъ католической церкви. Hagen совершенно свободенъ отъ богословско-гегеліанской предвзятости, но онъ не видитъ, или, вѣрнѣе говоря, не останавливается на принципіальныхъ различіяхъ гуманистической и протестантской религіозныхъ стихій. А какъ разъ на это намъ придется обратить особое вниманіе.

[2]) *Troeltsch*: Renaissance und Reformation. Historische Zeitschrift.
Wernle: Renaissance und Reformation. 1902.
„ Die Renaissance des Christentums im XVI Jahrhundert.
Schmidt: Renaissance und Reformation. Preussische Jahrbücher, 140.
Imbart de la Tour: Les origines de la reforme, II, livre 3.
А. Вульфіусъ: Возрожденіе и реформація. Историческій журналъ, № 3.

бы гуманизмъ и реформація какія-то два обособленныхъ другъ отъ друга теченія, закрѣпленныя въ опредѣленныхъ произведеніяхъ, очерченныя опредѣленнымъ кругомъ лицъ и чуть ли не ограниченныя опредѣленными хронологическими рамками. При этомъ, однако, оказывалось, что въ міровоззрѣніи того или иного представителя гуманизма ясно выступали элементы, которые только что были объявлены характерными для реформаціи, и наоборотъ, и эти элементы часто были настолько ярки, что порождали колебаніе, къ какому же теченію отнести даннаго мыслителя?

Затрудненіе это было неизбѣжнымъ результатомъ самого исходнаго представленія гуманизма и реформаціи, какъ двухъ теченій. Вѣдь въ дѣйствительности конца XV и начала XVI вѣка нѣтъ никакихъ двухъ теченій, а лишь единство духовной жизни, въ которомъ можно лишь улавливать разнообразныя психологическія стихіи, въ частности религіозныя стихіи. Эти стихіи то остаются въ плоскости чистаго настроенія и эмоціональнаго переживанія, то поднимаются до принципіально формулированныхъ требованій. При этомъ въ психикѣ одного и того же человѣка нерѣдко дѣйствуетъ не одна, а нѣсколько подобныхъ стихій. Если одна изъ нихъ явно преобладаетъ, то мы такое лицо вмѣстѣ съ другими, у которыхъ наблюдается то же преобладаніе, условно относимъ къ отдѣльной группѣ или особому теченію, однако съ яснымъ сознаніемъ того, что преобладающая стихія этой группы можетъ встрѣтиться и въ другой, гдѣ преобладаніе принадлежитъ иной стихіи. Отсюда получается выводъ, что, говоря о различіи и сходствѣ христіанскаго гуманизма и реформаціи, мы имѣемъ въ виду сходство и различіе преобладающихъ въ нихъ стихій, первенствующаго элемента религіозной психологіи, а не сходство и различіе какихъ-то двухъ теченій. Поэтому вопросъ о томъ, куда отнести того или другого писателя, дѣлается совершенно второстепеннымъ, а тотъ фактъ, что лица, условно названныя гуманистами, иногда говорятъ и пишутъ совершенно такъ же, какъ лица, условно названныя реформаторами, нисколько не мѣшаетъ устанавливать глубочайшія различія между реформаціей и гуманизмомъ, какъ психологическими стихіями.

Все изложенное относится, конечно, не только къ различенію гуманизма и реформаціи, но вообще всѣхъ хронологически совпадающихъ и по своей природѣ близкихъ другъ къ другу духовныхъ движеній, между прочимъ и къ отдѣльнымъ, такъ назыв. теченіямъ самой реформаціи.

2.

Непосредственнымъ и, такъ сказать, внѣшнимъ образомъ осязательнымъ результатомъ реформаціи было разрушеніе церковнаго единства Западной Европы, появленіе многихъ церквей вмѣсто единой церкви [1]). Уже этотъ результатъ имѣетъ такое огромное значеніе, что имъ можно опредѣлять ту внѣшнюю грань, которая охватываетъ собою всѣ теченія реформаціи, т. е., въ собственномъ смыслѣ слова къ этимъ теченіямъ слѣдуетъ отнести лишь тѣ, которыя болѣе или менѣе сознательно шли на разрывъ со старою церковью. Однако этотъ признакъ разрыва со старымъ церковнымъ авторитетомъ самъ по себѣ, при всей своей важности, далеко не исчерпываетъ всего содержанія реформаціи; онъ ничего еще не даетъ въ смыслѣ познанія основныхъ психологическихъ мотивовъ своего совершенія и кромѣ того свойственъ и всѣмъ сектамъ средневѣковья, т. е. не представляетъ изъ себя специфическаго свойства лишь одной реформаціи. Только католикъ, разсуждающій обо всемъ съ точки зрѣнія непогрѣшимости своей церкви, въ фактѣ разрыва съ ней видитъ уже нѣчто такое чудовищное и неслыханное, что всѣ остальные вопросы отпадаютъ, какъ маловажные, сами собой. Историкъ же, не ослѣпленный вѣроисповѣдными симпатіями и антипатіями, долженъ идти дальше и постараться выяснить самые психологическіе мотивы разрыва.

Вопросъ лишь въ томъ, возможно ли вообще найти такіе общіе мотивы во всѣхъ религіозныхъ теченіяхъ, приведшихъ къ распаду церковнаго единства, т. е. имѣется ли кромѣ внѣшняго признака объединенія ихъ подъ однимъ терминомъ реформація (разрывъ съ католическою церковью) еще и внутреннее обоснованіе подобнаго объединенія.

Думается, что такое внутреннее основаніе дѣйствительно можно найти: ученіе лютеранъ о спасеніи одною вѣрою, кальвинистская доктрина предопредѣленія, предполагающая всегда чувство собственнаго избранничества у ея проповѣдниковъ [2]), „откровеніе“ мистиче-

---

[1]) Я соглашаюсь съ Гарнакомъ противъ Трёльча, что одного этого факта совершенно достаточно, чтобы видѣть въ реформаціи начало новой эпохи въ исторіи церкви и религіознаго мышленія, а не конецъ старой. *Harnack*: Dogmengeschichte III, 690 стр.

[2]) Психологически немыслимо, чтобы апостолы предопредѣленія сами не вѣрили въ свое собственное спасеніе.

скихъ группъ, «внутреннее слово» Севастьяна Франка, „искра Божья“ и „любовь“, о которыхъ говорилъ Іоаннъ Денкъ, все это въ существѣ дѣла приводитъ къ одному и тому же результату: центръ тяжести религіи переносится на внутреннее душевное переживаніе, на нѣкоторый внутренній актъ, который Hegler очень удачно охарактеризовалъ, какъ „Verinnerlichung der Religion“—какъ внутреннее осмысленіе религіи [1]).

Конечно, нельзя никоимъ образомъ утверждать, что это внутрен-

---

[1]) *Hegler*: Geist und Schrift bei Sebastian Frank 1892, стр. 14. Freiburg im Breisgau. Изъ всѣхъ религіозныхъ теченій, порвавшихъ въ эпоху реформаціи съ католическою церковью, особое положеніе занимаетъ социніанство. Характерный для него отличительный признакъ—принципъ разумности въ приложеніи къ религіи—никоимъ образомъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ осмысленіе религіи внутреннимъ *душевнымъ переживаніемъ*. Принципъ этотъ основанъ отчасти на тенденціяхъ номиналистической схоластики, отчасти же на научно-критическихъ интересахъ гуманизма, т. е. вырастаетъ изъ запросовъ научно-интеллектуальныхъ, а не религіозно-эмоціональныхъ. Гарнакъ поэтому видитъ въ социніанствѣ особый исходъ въ исторіи христіанской догматики. Съ точки зрѣнія догмы Гарнакъ безусловно правъ. Однако, принципъ разумности, хотя и представляетъ собою специфическій признакъ социніанства, вовсе не исчерпываетъ всего его религіознаго содержанія. Принципъ разумности является скорѣе средствомъ для доказательства и объясненія религіозныхъ постулатовъ, вырастающихъ на другой почвѣ, а именно на глубочайшемъ увлеченіи идеаломъ евангельской жизни. Для социніанъ евангеліе представляется какъ сумма этическихъ правилъ, предъявленныхъ намъ къ исполненію. Т. е. и для нихъ центръ тяжести религіи покоится на внутреннемъ актѣ напряженія нравственной воли, напряженія, необходимо очень сильнаго въ виду трудности исполненія евангельскаго идеала.

Насколько это пониманіе христіанства, которое удобнѣе всего назвать „евангелизмомъ“, выше или ниже ученія о спасеніи одною вѣрою, для историка—вопросъ совершенно праздный. Затѣмъ необходимо подчеркнуть, что „евангелизмъ“ совершенно невозможно считать специфическою чертою средневѣкового католицизма. Евангелизмъ такое же внѣисторическое явленіе въ исторіи христіанства, какъ мистика въ исторіи религіи вообще. Онъ встрѣчается во всѣ эпохи христіанской церкви, какъ проявленіе одного изъ главныхъ элементовъ христіанской вѣры. Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что именно социніане считали религію чѣмъ-то, абсолютно не поддающимся внѣшнему принужденію, а поэтому ярче и полнѣе другихъ формулировали требованіе вѣротерпимости въ своихъ катехизисахъ. Такимъ образомъ и у социніанъ религія внутренне осмыслена евангелизмомъ, перемѣщающимъ центръ тяжести ея на внутренній актъ, т. е. напряженіе нравственной воли.

Ср. Harnack: Dogmengeschichte 4-ое изд. III, стр. 682 и 765 sqq. Принципъ „внутренняго осмысленія религіи“, какъ главнаго принципа реформаціи, прекрасно понялъ уже Hagen o. c. II p. 2, 255 sqq. Hagen выражаетъ эту мысль лишь въ иной формѣ. Для него сущность реформаціи равняется „Religion als fromme Gesinnung + Liebe“ l. c.

нее переживаніе или внутреннее осмысленіе религіи у всѣхъ группъ было однороднымъ, напротивъ, слѣдуетъ признать между ними весьма глубокія различія, напр. между группами почти лишенными мистическаго элемента и группами, въ которыхъ именно этотъ элементъ играетъ главную роль; тѣмъ не менѣе, однако, какъ бы ни понималось и ни переживалось то, что мы назвали внутреннимъ осмысленіемъ религіи, остается вездѣ основной фактъ: всему внѣшнему, объективному построенію религіи, всѣмъ внѣшнимъ авторитетамъ противополагается содержаніе индивидуальной религіозной совѣсти, какъ самое важное, цѣнное, ничѣмъ не замѣнимое и, въ существѣ дѣла, исчерпывающее весь смыслъ религіи.

При этомъ внутреннее осмысленіе религіи, признаваемое нами за общій и характерный элементъ для всѣхъ реформаціонныхъ группъ, совершенно опредѣленно отличается отъ подобныхъ же тенденцій въ католической церкви, гуманизмѣ и сектантствѣ средневѣковья. Никто вѣдь не станетъ отрицать, что въ католической мистикѣ средневѣковья, въ францисканствѣ и сходныхъ явленіяхъ мы имѣемъ передъ собою тоже элементъ перенесенія центра тяжести религіи на нѣкоторое внутреннее переживаніе, однако здѣсь это перенесеніе совершается всегда такъ сказать salvo jure ecclesiae, т. е. подъ условіемъ одновременнаго глубокаго преклоненія передъ традиціоннымъ строемъ церкви, передъ ея культомъ и ученіемъ.

Между тѣмъ реформаціонныя группы, всѣ безъ исключенія ставятъ вопросъ совершенно иначе. Внутреннее осмысленіе религіи совершается ими въ сознательномъ противорѣчіи съ традиціоннымъ строемъ церкви и съ традиціоннымъ церковнымъ ученіемъ. Отсюда непреодолимое стремленіе измѣнить ихъ въ большей или меньшей степени вплоть до признанія всякаго строя и всякой фиксаціи религіознаго переживанія какимъ бы то ни было ученіемъ за нарушеніе самаго цѣннаго въ религіи, за невыносимое угнетеніе совѣсти. Въ послѣднемъ смыслѣ особенно опредѣленно высказывался Севастьянъ Франкъ [1]).

Сходнымъ образомъ строится различіе между реформаціонными группами и религіозными тенденціями гуманизма. Кажется, въ настоящее время окончательно можно считать установленнымъ, что ре-

---

[1]) См. *Hegler*. Geist und Schrift bei Sebastian Frank. pag. 252 ff. Ср. предисловіе Lehman'a къ изданію Paradoxa 1909. pag. XIV, ср. Paradoxa 47—50. Ср. также Denk: „Ordnung Gottes und der Kreaturen Werk". *Keller*: Ein Apostel der Wiedertaufe p. 91, 92, 208—209, 229.

лигіозный элементъ занимаетъ большое мѣсто въ психологіи и въ кругѣ научныхъ интересовъ гуманистовъ. „Христіанскій гуманизмъ" представляется явленіемъ sui generis, заслуживающимъ не меньше, если не больше, вниманія, чѣмъ свѣтскія тенденціи гуманизма съ ихъ борьбою за свободу научнаго изысканія и раболѣпнымъ увлеченіемъ античными образцами [1]).

Христіанскій гуманизмъ въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ несомнѣнно зашелъ очень далеко въ смыслѣ перемѣщенія центра тяжести религіи на внутренніе мотивы. Въ особенности характерна въ этомъ отношеніи дѣятельность Эразма, нашедшаго истинное содержаніе философіи Христа въ идеалахъ нагорной проповѣди или даже въ принципѣ вѣры въ духѣ апостола Павла [2]) и при этомъ въ ясно подчеркнутомъ противоположеніи слишкомъ сильно развившейся обрядовой сторонѣ. Но христіанскій гуманизмъ шелъ еще дальше, переходя иногда въ религіозное стремленіе, уже освобожденное отъ специфически христіанской оріентировки. Я имѣю въ виду такіе факты, какъ пантеистически окрашенныя воззрѣнія Муціана Руфа, для котораго всѣ религіи были лишь исканіемъ одного Бога, лишь подъ разными названіями. Въ существѣ дѣла подобный же взглядъ лежитъ въ основѣ попытокъ флорентинскихъ платониковъ, попытокъ, направленныхъ къ примиренію христіанства съ разнообразными элементами древнихъ философіи и религіи. Само собою разумѣется, что подобныя попытки лишь тогда имѣютъ смыслъ, когда онѣ строятся на твердомъ убѣжденіи, что въ философскихъ системахъ и религіяхъ древности содержится чаянье истиннаго Бога, элементы истиннаго богопознанія [3]).

---

[1]) См. лучшее общее обозрѣніе христіанскаго гуманизма у *Imbart de la Tour*: Les origines de la réforme t. II. livre 3-ème, *Hermelink*: Die religiösen Bestrebungen der deutschen Humanisten, *Troeltsch*: Renaissance und Reformation H. L. Band и *Wernle*: Die Renaissance des Christentums im XVI, I. Связь гуманизма съ направленіемъ схоластики, извѣстнымъ подъ названіемъ „via antiqua", раскрыта въ многочисленныхъ спеціальныхъ монографіяхъ *Bauch*'а и у *Hermelink*: Die theologische Fakultät in Tübingen.

[2]) По этому поводу разногласіе между Wernle, o. c. и Hermelink, Die religiösen Bestrebungen.

[3]) Ср. по поводу Муціана его письмо Генриху Фаснахтъ по прозванію Урбанусъ, относящееся ко второй половинѣ 1505 года: „Est unus deus et una dea, sed sunt multa uti numina ita et nomina, exempli gratia: Iuppiter, Sol, Apollo, Moses, Christus, Luna, Ceres, Proserpina, Tellus, Maria. Sed hec cave enuncies. Sunt enim occultanda silentio tanquam Eleusinarum dearum mysteria etc." Изданіе Gillert,

Но и тамъ, гдѣ христіанскій гуманизмъ вполнѣ оставался на почвѣ историческаго христіанства, онъ иногда подвергалъ критическому разсмотрѣнію такія ученія господствующей церкви, какъ Троичность Божества или составъ канона. Правда, это дѣлалось очень осторожно, но все же тонкое чутье монаховъ инквизиторовъ прекрасно подмѣчало эту подпольную работу гуманистовъ, подкапывавшую устои церкви. Отсюда ихъ непримиримая вражда къ такимъ людямъ, какъ Эразмъ Роттердамскій, вражда, оставшаяся непоколебленной даже тогда, когда онъ формально порвалъ съ вождемъ реформаціи и выступилъ открыто противъ него [1]).

Однако при всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ гуманисты въ огромномъ большинствѣ и не думали о разрывѣ съ католическою церковью. Объясняется это не только тѣмъ, что многіе изъ нихъ считали ея ученіе и устройство абсолютно правильными,—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, въ особенности по отношенію къ группамъ Эразма и Муціана Руфа,—а иногда совершенно иными мотивами. Всякая внѣшняя фиксація христіанства въ догматахъ и культовыхъ обрядахъ казалась многимъ гуманистамъ *условной формулой и условной формой*. Вопросъ поэтому заключался лишь въ томъ, стоило ли ломать, чуть ли не до основанія, традиціонную форму и традиціонныя формулы церкви? Вѣдь, съ одной стороны, можно было надѣяться во многомъ ихъ исправить, не ломая самой церкви, такъ какъ сама эта церковь въ лицѣ многочисленныхъ своихъ представителей всячески поощряла распространеніе гуманистическаго просвѣщенія и

Halle 1890, I № 15, pag. 23. Относительно необходимости скрывать истинныя мнѣнія ср. письмо къ нему же отъ 29/VII 1505. I, № 3 p. 6. Та же мысль въ нѣсколько иной формѣ въ письмѣ къ Урбану и Спалатину, Gillert № 95 pag. 137: „Tibi vero, Spalatine, proponimus non enigma de sacris literis sed apertam interrogationem de studiis prophanis: Si Christus est via, veritas et vita, quid tot seculorum homines ante nativitatem illius egerunt? Erraveruntne crebris et densis ignorantiae tenebris obsepti, an salutis et veri participes fuerunt? Ego perjudicio quodam te adjuvabo. Non incepit Christi religio cum illius incarnatione, sed fuit ante omnia secula, ut prima Christi nativitas. Quid enim aliud est verus Cristus, Christus, verus Dei filius quam, ut Paulus inquit, sapientia Dei, quae non solam affuit Iudaeis iu angusta Syriae regione, sed Grecis et Italis et Germanis, quamquam vario ritu religiones observarentur“. *Hagen:* Die litterar. und relig. Verhältnisse I, 327, ошибочно приписалъ письмо лишь одному адресату—Спалатину.

[1]) Относительно сомнѣній Эразма въ цѣломъ рядѣ ученій, признанныхъ церковью, большой матерьялъ подобранъ въ книгѣ Thudichum'a: Papstum und Kirchenreform: §§ 78, 94, 95, 96, см. также литературу о немъ, указанную въ Archiv für Reformationsgeschichte VII, 231 и *Hagen.* o. c. III, 246 sq. особенно 248.

основаннаго на немъ новаго богословія, а съ другой стороны, реформація въ новыхъ церквахъ приводила, правда, къ новымъ, но все-таки тоже условнымъ фиксаціямъ религіознаго переживанія и при этомъ несомнѣнно часто разрушительно вліяла на расцвѣтъ гуманистической образованности и школъ [1]).

Были и другіе гуманисты, которые совершенно искренно продолжали вѣрить въ незыблемость церковнаго авторитета и безусловную истинность церковныхъ догматовъ. Къ нимъ, напр., слѣдуетъ отнести Рудольфа Агриколу и Якова Вимфелинга. Они очень близко стоятъ къ тѣмъ истинно католическимъ богословамъ, которые, несмотря даже на свое боевое церковное настроеніе, все же цѣнили и понимали пользу и значеніе гуманистическаго образованія; самыми характерными представителями ихъ могутъ считаться знаменитый соперникъ Лютера на диспутѣ въ Лейпцигѣ, докторъ богословія Іоаннъ Эккъ, и другой, не менѣе извѣстный противникъ виттенбергскаго реформатора—Эмзеръ [2]).

Третью группу гуманистовъ образуютъ люди, индифферентные къ религіи. Къ нимъ принадлежатъ такіе корифеи германскаго гуманизма, какъ Цельтесъ, Бебель, Кротъ Рубіанъ и въ сущности самъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Очевидно, что для нихъ вообще не существовало мотива разрыва съ церковью, покуда она не мѣшала и даже, наоборотъ, часто помогала ихъ работѣ. Лишь Гуттенъ дошелъ до разрыва, но не по религіознымъ мотивамъ, а въ силу своего боевого патріотизма.

Въ концѣ концовъ лишь очень немногіе гуманисты рѣшились на разрывъ съ церковью, хотя почти всѣ одно время увлекались Лютеромъ.

Въ этомъ безсиліи или нежеланіи гуманистовъ довести свои религіозныя исканія до отдѣленія отъ стараго церковнаго авторитета и

---

[1]) Совершенно безразлично, насколько подобное соединеніе реформаціи съ упадкомъ научнаго образованія въ XVI в., какъ причины и слѣдствія, объективно вѣрно. Важно лишь то, что Эразмъ и его единомышленники, поставленные лицомъ къ лицу съ фактомъ этого упадка, совпавшаго по времени и мѣсту съ реформаціей, не могли судить иначе, не будучи ослѣплены личностью и дѣятельностью Лютера. Относительно научнаго упадка ср. *Hagen* o. c. III, pag. 26 ff. и 192 ff. и огромный матеріалъ у *Döllinger*, Die Reformation I, 433—451. II, 55, 170, 325, 349, 584—623.

[2]) См. *Hagen*, Die litterar. und religiös. Verhältnisse im Reformationszeitalter, 2-ое изданіе, томъ I, стр. 215/216. Hagen даетъ здѣсь очень интересную выдержку изъ рѣчи Экка, произнесенной въ 1511-мъ году. Эккъ восхваляетъ свое время за процвѣтаніе гуманистическихъ наукъ.

заключается самое замѣтное отличіе гуманизма отъ реформаціи всѣхъ ея оттѣнковъ. Но существуютъ еще весьма существенные элементы болѣе внутренняго расхожденія, опредѣляемые какъ разъ характеромъ религіозныхъ исканій того и другого движенія.

Въ христіанскомъ гуманизмѣ теченіе, представленное Эразмомъ и Муціаномъ, несомнѣнно слѣдуетъ считать наиболѣе характернымъ и важнымъ, и не только потому, что къ нему принадлежатъ наиболѣе крупныя фигуры: кромѣ Эразма и Муціана, весь кружокъ епископа города Мо-Бриссонэ, флорентійскіе платоники, Муръ и Колетъ въ Англіи [1]).

Гораздо важнѣе другое обстоятельство: у всѣхъ гуманистовъ, при всей искренности и даже глубинѣ ихъ религіозныхъ переживаній, проблемы религіи строились какъ бы научнымъ образомъ. Научная дѣятельность, въ частности изученіе древней литературы, для нихъ всѣхъ была необходимымъ условіемъ правильнаго религіознаго познанія.

Они всѣ полагали, что религію можно изучать, какъ объектъ разумнаго разсмотрѣнія, что поэтому и древніе писатели, хотя и не просвѣщенные откровеніемъ, уже во многомъ достигли правильныхъ воззрѣній. Религія изъ элемента ирраціональнаго переживанія превращалась какъ бы въ элементъ раціональнаго познанія, дѣлалась интеллектуальной, въ особенности тогда, когда центръ тяжести ея передвигался въ область этики, гдѣ дѣйствительно формулы христіанства часто совпадали съ достиженіями лучшихъ античныхъ писателей. Искренняя преданность поэтому церковному авторитету и всему традиціонному строю, встрѣчающаяся, какъ указано выше, у нѣкоторыхъ гуманистовъ, представляется какою-то непослѣдовательностью мысли и связанностью чувства. Нельзя вѣдь соединить органически принципъ научнаго изученія, какъ путь религіознаго познанія, съ принципомъ откровенія.

Въ связи съ изложеннымъ становится вполнѣ понятною и высокая оцѣнка гуманистами человѣческаго разума и человѣческой воли, столь ярко проявившаяся и въ рѣчи Пико де ла Мирандола „о достоинствѣ человѣка", и въ трактатѣ Эразма „о свободной волѣ" и во многихъ другихъ произведеніяхъ. Высокая оцѣнка человѣка и его природныхъ способностей: разума и воли, абсолютно не характерна ни для одного теченія реформаціи. Конечно, между отдѣльными ея группами

[1]) См. *Imbart de la Tour*: Les origines de la réforme, II, livre 3-me passim.

были колебанія и въ этомъ вопросѣ, но въ общемъ для всѣхъ нихъ гораздо характернѣе представленіе о грѣховности человѣка, какъ исходной точкѣ религіознаго обновленія, чѣмъ о достоинствѣ человѣка и его силахъ [1]).

Ближе всѣхъ изъ реформаціонныхъ теченій стоитъ къ гуманизму въ этомъ отношеніи социніанство [2]). Его дѣйствительно можно разсматривать какъ дальнѣйшую эволюцію религіозной стихіи гуманизма, хотя и не ея одной, а потому оно менѣе цѣнно при опредѣленіи *оригинальности* религіозной стихіи реформаціи, чѣмъ другія группы [3]).

Высокая оцѣнка человѣческаго разума и воли и научное построеніе религіозныхъ исканій интересны еще и съ другой стороны. Они вносятъ съ собою въ религіозную жизнь нѣкоторый объективный авторитетъ, поскольку законы разумнаго мышленія и пріемы научнаго изслѣдованія обязательны для всѣхъ. Религіозная психологія пріобрѣтаетъ такимъ образомъ въ сознаніи достоинства человѣка и незыблемости добытаго путемъ правильныхъ научныхъ пріемовъ знанія нѣкоторую прочную объективную опору и основу. И въ этомъ, какъ будетъ показано ниже, религіозная стихія реформаціи, поскольку она дѣйствительно вышла на новый и оригинальный путь, рѣзко отличается отъ религіозной психологіи гуманизма. Теперь однако, забѣгая впередъ, уже можно подчеркнуть, что для насъ совершенно непріемлемъ тотъ взглядъ, который считаетъ раціонализмъ не только вообще признакомъ протестантизма, но чуть ли не самымъ важнымъ и оригинальнымъ признакомъ его.

Остается еще разсмотрѣть отношеніе къ реформаціи сектантскихъ движеній предшествующей ей эпохи, которыя раздѣляютъ съ ней сознательно и принципіально отрицательное отношеніе къ католической церкви. Какъ извѣстно, почти всѣ эти сектантскія движенія строятся на апостольскомъ идеалѣ, на идеѣ „imitatio Christi"; это ихъ всепроникающій и всеосмысляющій принципъ. Нѣсколько иную позицію занимаетъ лишь мистическая группа. Мистика, однако, тамъ, гдѣ она приводила къ принципіальному разрыву съ церковью, или

---

[1]) Я даже не исключаю Денка и Франка. Подробнѣе объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

[2]) См. прим. на стр. 265.

[3]) Примѣръ социніанства подтверждаетъ и поясняетъ высказанную нами выше мысль, что, говоря о гуманизмѣ и реформаціи, мы не столько имѣемъ въ виду 2 совершенно ограниченныхъ опредѣленными лицами и произведеніями теченія, а психологическія стихіи.

превращалась въ какую-то совершенно внѣхристіанскую пантеистическую философію, напр., у братьевъ свободнаго духа, или же истолковывала объективные факты Священной Исторіи, какъ, напр., рожденіе, смерть и воскресеніе Христа, какъ переживанія индивидуальной психологіи (ортлибы), или же, развиваясь въ сторону экстаза, упиралась въ ученіе объ обожествленіи человѣческой души.

Первое изъ указанныхъ направленій мистики уже выводитъ насъ изъ исторіи религіозныхъ движеній въ сторону исторіи философіи, историческое значеніе въ смыслѣ вліянія на широкіе круги населенія имѣютъ лишь 2-е и 3-е направленія. Дѣйствительно отголоски подобныхъ же тенденцій мы находимъ и у нѣкоторыхъ мистиковъ эпохи реформаціи, напр., у Франка, въ общемъ же, однако, религіозная психологія мистиковъ эпохи реформаціи стоитъ гораздо ближе къ религіозному типу Таулера и Сузо, расходясь съ ними лишь въ оцѣнкѣ церковнаго авторитета. Но и въ томъ и другомъ случаѣ въ мистикѣ эпохи реформаціи, на ряду съ новымъ, вскрываются тенденціи, приближающія ее къ средневѣковымъ ея предшественникамъ. О новомъ рѣчь будетъ ниже, что же касается остальнаго, то, конечно, не въ немъ искать специфическаго и оригинальнаго мотива реформаціи.

Какъ ни интересны и ни характерны тенденціи мистическаго сектантства средневѣковья, все же не въ нихъ, а въ апостольскихъ сектахъ лежитъ центръ тяжести сектантской исторіи этой эпохи (въ катарахъ и вальденсахъ, въ виклифитахъ и гуситахъ, въ еретическихъ зилотахъ-францисканцахъ).

Всѣмъ перечисленнымъ группамъ свойственъ одинъ общій и вмѣстѣ съ тѣмъ главный признакъ: для всѣхъ нихъ Евангеліе представляется объективно даннымъ закономъ истинно христіанской жизни. Примѣръ Христа и апостоловъ всѣми ими признается, какъ непогрѣшимое мѣрило религіозныхъ цѣнностей. Съ этой точки зрѣнія невозможно расхожденіе въ толкованіи Евангелія, ибо невозможно различно понимать объективную видимость образа жизни Христа и его учениковъ. Различія и расхожденія, конечно, возможны и даже неизбѣжны тогда, когда приступаешь къ толкованію словъ Спасителя, апостоловъ и евангелистовъ, однако, руководимыя идеаломъ „imitationis Christi“ секты настолько сильно увлечены и преисполнены фактами и дѣяніями Христа и апостоловъ, что пониманіе словъ и ученія заранѣе предопредѣлено въ сторону подтвержденія идеала „imitationis Christi“.

Вотъ почему ни у вальденсовъ, ни у виклифитовъ, ни у еретическихъ францисканцевъ, ни даже у катаровъ пониманіе Евангелія,

какъ объективно обязательнаго закона жизни, не только не приводитъ къ какимъ бы то ни было разновидностямъ, но болѣе того, не возникаетъ даже вопроса о возможности разноголосицы и колебанія въ этомъ пунктѣ. А разъ эта сторона дѣла окончательно выяснена и опредѣлена, то сами собою отпадаютъ вопросы о составѣ библейскаго канона, о сравнительной оцѣнкѣ отдѣльныхъ частей Евангелія и т. д. Конечно, Новый Завѣтъ кажется болѣе цѣннымъ, чѣмъ Ветхій, катары даже на основаніи своихъ дуалистическихъ принциповъ отвергали Ветхій Завѣтъ, какъ откровеніе Бога Зла, но все это, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ критическимъ отношеніемъ къ составу канона.

Такимъ образомъ апостольскія секты средневѣковья нашли объективный фундаментъ для своихъ религіозныхъ исканій въ библейскомъ или евангельскомъ законѣ, установленномъ жизнью Христа и апостоловъ. Виклифъ даже полагалъ, что Библія, какъ сосудъ этого закона, абсолютно достаточна и для построенія всѣхъ земныхъ—государственныхъ, общественныхъ, семейныхъ и тому подобныхъ — отношеній.

Насколько этотъ евангелизмъ представляетъ изъ себя специфически средневѣковое явленіе—вопросъ спорный. Большинство протестантскихъ ученыхъ оцѣниваютъ его именно такъ. Но, пожалуй, вѣрнѣе видѣть въ немъ явленіе, такое же общее для всѣхъ эпохъ исторіи христіанства, какъ мистика для всѣхъ религій вообще.

Насъ сейчасъ однако „евангелизмъ“ апостольскихъ сектъ интересуетъ совсѣмъ съ другой стороны: онъ несомнѣнно является могущественнымъ мотивомъ религіозной жизни и въ эпоху реформаціи. Онъ, напримѣръ, очень сильно звучитъ въ цѣломъ рядѣ группъ перекрещенцевъ и въ пуританизмѣ кальвинистскихъ церквей. Поэтому его необходимо слѣдуетъ причислить къ важнымъ признакамъ реформаціи, однако, не въ немъ опять-таки скрыта ея специфическая особенность, къ выясненію которой намъ и остается теперь перейти.

3.

„Внутреннее осмысленіе религіи“, выставленное нами выше, какъ общій внутренній признакъ всѣхъ реформаціонныхъ движеній, оказывается, свойственно и нѣкоторымъ теченіямъ въ самой католической церкви (церковная мистика и церковное францисканство), и христіанскому гуманизму и средневѣковому сектантству. Но во всѣхъ трехъ случаяхъ оно соединяется еще съ другимъ въ высшей степени важ-

нымъ моментомъ — съ обоснованіемъ религіи на объективномъ фундаментѣ или, по крайней мѣрѣ, съ подкрѣпленіемъ религіознаго переживанія объективно-обязательными авторитетами.

Для церковной мистики и церковнаго францисканства такимъ объективнымъ, безусловно обязательнымъ критеріемъ является авторитетъ самой традиціонной церкви, для гуманистовъ—требованія разума и пріемовъ и методовъ научной работы, для сектантовъ — законъ евангельской жизни.

Лишь одна еретическая мистика выходила на путь полнаго отверженія всѣхъ внѣшне-объективныхъ опоръ для религіознаго переживанія, упираясь однимъ своимъ концомъ въ пантеистическую философію, а другимъ въ ученіе объ обожествленіи человѣческой души. Въ первомъ случаѣ она вырастала за рамки религіи, понимаемой какъ историческій факторъ, непосредственно вліяющій на широкіе круги населенія, во второмъ случаѣ обожествленіе индивидуальной души, поднимая религіозное самосознаніе субъекта чрезвычайно высоко надъ нормальнымъ строемъ религіозной психологіи, растворяя такъ сказать Бога въ индивидуальной психикѣ, упраздняло даже самую потребность въ какихъ бы то ни было объективныхъ укрѣпленіяхъ и фундаментахъ для религіи.

Всѣ перечисленныя тенденціи несомнѣнно играли большую роль и въ развитіи реформаціоннаго движенія. Однако, за вычетомъ ихъ всѣхъ въ немъ остается еще нѣкоторый остатокъ, нѣкоторое специфическое ядро, которое полнѣе всего раскрывается въ двухъ группахъ, въ той, которая объединяется ученіемъ о спасеніи одною вѣрою, и въ той, которая основывается на идеѣ „внутренняго слова". Основные принципы первой группы свое наиболѣе оригинальное и яркое выраженіе несомнѣнно получили въ произведеніяхъ Лютера, принципы второй группы — въ писаніяхъ Іоанна Денка, Севастьяна Франка и отчасти Швенкфельда.

О различіяхъ обѣихъ группъ мы скажемъ ниже, здѣсь же постараемся опредѣлить общее—объединяющее ихъ.

Обѣ группы исходятъ изъ весьма низкой оцѣнки человѣческой природы и человѣческой воли, оцѣнки, объясняющейся глубочайшимъ переживаніемъ человѣческой грѣховности и испорченности. Этотъ тезисъ по отношенію къ Лютеру и его группѣ не нуждается въ подтвержденіи, настолько ученіе о полной испорченности человѣческой природы первороднымъ грѣхомъ и о спасеніи исключительно благодатью и предъ избраніемъ является краеугольнымъ камнемъ всей си-

стемы. Вѣдь даже сама единоспасающая вѣра является не заслугою человѣка, а свободнымъ даромъ божественной благодати.

Нѣсколько иначе дѣло обстоитъ съ группою, представленною Денкомъ и Франкомъ. Денкъ и Франкъ и примыкающіе къ нимъ элементы несомнѣнно человѣческую душу и волю оцѣнивали болѣе высоко, чѣмъ Лютеръ, и даже говорили иногда о свободѣ человѣческой воли. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи это различіе оказывается весьма эфемернымъ.

Та свобода воли, о которой говорилъ Денкъ, не что иное, какъ способность допускать въ себѣ дѣйствіе Бога, а самостоятельно творить лишь одно зло. Творить же добро мы совершенно неспособны[1]).

Сходную мысль выражаетъ и Франкъ, когда говоритъ о томъ, что свобода воли есть лишь свобода внутренняго выбора, а не свобода воплощенія избраннаго въ добромъ дѣйствіи, или о томъ, что сама по себѣ свободная воля фактически связана грѣхопаденіемъ Адама и поэтому свободно можетъ творить лишь одно зло[2]).

Съ этой точки весьма характерно сравненіе человѣческой воли въ отношеніи къ добру съ пилой: „Вообще человѣкъ безъ Бога можетъ сдѣлать то же самое, что пила безъ пилящаго“ [3]).

Полное свое освѣщеніе весь этотъ ходъ мыслей получаетъ тогда, когда припомнить, что допущеніе въ насъ дѣйствія Бога съ точки зрѣнія и Денка и Франка не что иное, какъ отказъ отъ собственной свободной воли и полное самопогруженіе въ волю Божью, ибо собственная воля всегда есть величайшее зло[4]).

Другими словами предъ нами давно уже знакомый средневѣковой мистикѣ мотивъ „Gelassenheit“, „самооставленія“ ради успокоенія въ лонѣ Божества. Во всякомъ же случаѣ отсюда ясно, что свободная воля, какъ активная сила, всегда является корнемъ всякаго зла[5]).

---

[1]) *Keller*: Ein Apostel der. Wiedertaufe. Leipzig 1880 pag. 88, 128, 234.

[2]) *Hegler*: Geist und Schrift bei Sebastian Frank, pag. 141 и слѣд. особенно pag. 143, 144 и 145.

[3]) Paradoxa, изданіе Циглера. Іена 1909, pag. 80. Или: „Wie nun die Axt sich in ihrem Meister rühmen kann, dass sie dieses oder jenes Holz gespalten habe, also können wir es in Gott, dass wir dieses Gute getan haben, welches doch aus Gnaden uns Gott zurechnet, als haben wir's getan, als wenn ein Schulmeister einem Kind die Hand leitet und es nachmals lobt, es habe eine gute Schrift gemacht“. Ibidem.

[4]) „Darum, говоритъ Франкъ, wird bei Tauler und der teutschen Theologie (знаменитый мистическій трактатъ 14-го вѣка) unser eigner freier Wille allein Sünde genannt, die in der Hölle brenne und uns von Gott scheide“. Ibidem, pag. 69.

[5]) Вотъ почему я не могу вполнѣ согласиться съ Hegler'омъ, который утвер-

Мистическій мотивъ „Gelassenheit" до того часто фигурируетъ въ трудахъ Денка и Франка и вообще писателей ихъ типа, что совершенно не нуждается въ особомъ подтвержденіи цитатами.

Но можетъ быть помимо воли въ людяхъ есть какое-нибудь прирожденное ядро добра? A priori это уже кажется сомнительнымъ, разъ активная воля человѣка способна лишь на зло и является причиною грѣха. Однако и Денкъ и Франкъ, особенно первый, говорили о подобномъ ядрѣ, о „свѣточѣ и искрѣ Божіей въ душѣ", о „внутреннемъ словѣ, о непогрѣшимомъ голосѣ совѣсти". Біографъ Денка—Келлеръ и поторопился поэтому объявить, что Денкъ оптимистически смотритъ на природу человѣка, и что именно въ этомъ его главное расхожденіе съ Лютеромъ [1]).

Однако, опять-таки, при ближайшемъ разсмотрѣніи это доброе ядро въ человѣкѣ, эта искра Божья, вовсе не является интегральною частью человѣческой природы, а искрою Божественнаго духа, чуждаго природѣ человѣка въ ея испорченномъ первороднымъ грѣ-

ждаетъ, что при всѣхъ своихъ колебаніяхъ въ данномъ вопросѣ, Франкъ стоялъ ближе къ гуманистамъ, чѣмъ къ Лютеру. O. c. pag. 145 sq. Конечно, еще разъ повторяемъ, у него и у всей его группы нѣтъ безусловнаго отрицанія свободы воли, но въ результатѣ все различіе между Лютеромъ и имъ сводится къ слѣдующей параллели:

Лютеръ: Воля человѣка была свободной и доброй. Совершился первородный грѣхъ, воля стала абсолютно испорченной и неспособной и несвободной въ дѣлѣ спасенія.

Франкъ: Воля человѣка была свободна, совершился первородный грѣхъ, воля испортилась настолько, что лишь пассивно можетъ способствовать дѣлу спасенія, отказываясь сама отъ себя ради предоставленія полнаго простора для дѣйствія Божьей воли.

Такимъ образомъ точка соприкосновенія съ Лютеромъ въ томъ, что въ дѣлѣ спасенія мы не играемъ никакой активной роли, а съ гуманистами лишь въ томъ, что воля вообще называется свободной; однако эта свобода гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ представленіи гуманистовъ, ибо по существу сводится лишь къ способности къ самоотреченію.

Вотъ что важно установить, сравнительная же оцѣнка близости Франка и Денка къ Лютеру и гуманистамъ въ сущности дѣло праздное. Кромѣ того, слѣдуетъ подчеркнуть, что пессимистическое отношеніе къ человѣческой волѣ вполнѣ совмѣстимо съ признаніемъ ея свободы, въ смыслѣ свободы творенія зла. Такимъ образомъ если даже вмѣстѣ съ Шенкелемъ (Wesen des Protestantismus II p. 97) и признать противорѣчіе между Франкомъ, допускающимъ извѣстную свободу воли, и Лютеромъ, отрицающимъ ее даже въ смыслѣ сотворенія зла, то все же оба сходятся въ ея отрицательной оцѣнкѣ.

[1]) *Keller* o. c. pag. 78 ssq. и вообще вся V глава.

хомъ состояніи, а отсюда и понятно требованіе постоянной борьбы съ собственною природою, побѣды надъ самимъ собою и природою. Другими словами, доброе ядро въ насъ создается въ борьбѣ съ нами самими свободнымъ ирраціональнымъ дѣйствіемъ Божества, которое Денкъ и Франкъ любятъ изображать, пользуясь образами и терминами средневѣковой мистики [1]).

Близость подобной концепціи къ воззрѣніямъ Лютера, Цвингли и Кальвина дѣлается еще очевиднѣе, когда припомнишь, что всѣ три великихъ реформатора утверждали, что человѣкъ вышелъ изъ рукъ Божьихъ совершеннымъ и добрымъ, и лишь затѣмъ это его первоначальное совершенство было искажено первороднымъ грѣхомъ, однако не настолько, чтобы въ человѣкѣ вообще исчезъ всякій слѣдъ его прежняго до-грѣховнаго состоянія и вообще всякое сходство съ Божествомъ [2]).

Пессимистическая оцѣнка человѣческой воли и природы въ ея состояніи послѣ грѣхопаденія дѣлаетъ невозможнымъ увлеченіе идеей человѣка, столь ярко проявлявшееся въ гуманизмѣ. Одинаково низко оцѣнивается и человѣческій разумъ какъ представителями группы,

---

[1]) *Keller*: O. c. pag. 56/57, 60, 79, 81, 87, 111, 130, 170, 188, 191, 203 etc. У Франка эта борьба съ самимъ собою нанесена на фонъ грандіозной антитезы Бога и міра, Духа и плоти, при чемъ человѣкъ въ своей земной опредѣленности оцѣнивается въ высшей степени пессимистически: „Darum haben auch alle Menschenkinder Einen Reim, dass sie eitel, lügenhaftig, schalkhaftig, Heuchler und unnütze Buben alle auf einen Haufen sind, kein Aufrichtiger unter ihnen allen, auch nicht einer. Deshalb wer einen natürlichen Menschen siehet, der siehet sie alle“. Paradoxa, изданіе *Ziegler* p. 126. Ср. № 66—77 passim. Ср. *Hegler*. O. c. pag. 121—127.

[2]) Воззрѣніе о полной испорченности человѣка первороднымъ грѣхомъ въ томъ смыслѣ, что грѣхъ сдѣлался истинною субстанціей человѣка съ абсолютнымъ упраздненіемъ всѣхъ слѣдовъ его прежней богоподобности былъ развитъ лишь Флаціемъ (Flacius Illyricus). Лютеръ, Цвингли и въ особенности Кальвинъ придерживались болѣе умѣренной точки зрѣнія, допуская сохраненіе какой-то связи Бога и человѣка и послѣ грѣхопаденія и отвергая грѣхъ, какъ субстанцію человѣка при всей испорченности его существа, См. по этому поводу *Schenkel*: Wesen des Protestantismus II, pag. 1—60 passim, особенно pag. 24, 32, 39—42, 57.

Понятіе первороднаго грѣха встрѣчается и у Франка и приводитъ и его къ пессимистической оцѣнкѣ человѣческой природы послѣ грѣхопаденія. *Schenkel* o. c. II p. 61—72. *Hegler* o. c. pag. 128.

Для насъ лишь важно выяснить самый фактъ пессимистическаго отношенія Франка къ человѣку, объясняющагося изъ его концепціи первороднаго грѣха. Само же содержаніе этой концепціи для насъ безразлично. Конечно, оно сильно разнилось отъ представленія о грѣхѣ Лютера, Цвингли и Кальвина.

учившей о спасеніи одною вѣрою, такъ и группы, опиравшейся на идею внутренняго слова.

Отношеніе Лютера, Цвингли и Кальвина къ разуму не вызываетъ въ ученой литературѣ разногласія. Слишкомъ ясно и опредѣленно у всѣхъ трехъ, въ особенности у Лютера, выступаетъ мысль, что въ дѣлѣ познанія религіозныхъ истинъ разумъ можетъ играть лишь служебную роль при растолкованіи уже установленныхъ вѣрою основоположеній. Тамъ же, гдѣ на основаніи требованій разума желаютъ критиковать эти основоположенія, разумъ дѣлается для реформаторовъ объектомъ ненависти и безпощадныхъ нападокъ; и въ этомъ отношеніи наиболѣе рѣзко и безцеремонно высказывался Лютеръ, этимъ и объясняется его негодованіе по поводу построенія религіозно-богословскихъ исканій на авторитетѣ „слѣпого и сумасшедшаго язычника Аристотеля“ [1]).

Ирраціональность элемента вѣры покоится не только на томъ, что главные представители ученія о спасеніи одною вѣрою (Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ и всѣ ихъ ученики) ставили ея объектомъ сверхразумные, а иногда и противоразумные догматы, а также еще и на другомъ моментѣ.

Вѣра, въ особенности для Лютера, является не только актомъ интеллектуальнаго признанія истинности событій священной исторіи и церковныхъ догматовъ, а глубочайшимъ психологическимъ переживаніемъ, полнымъ обновленіемъ души, преисполненіемъ ея совершенно новою жизнью, словомъ эмоціей, которая такъ же мало поддается словесному выраженію, какъ и мистическое чувство экстаза или сліянія съ Божествомъ. Вѣра въ этомъ смыслѣ съ необходимостью порождаетъ добрыя дѣла, т. е. является вѣрою „живой въ любви“ [2]).

---

[1]) Интересующихся отсылаю къ книгѣ *Schenkel*. O. c. I § 10 и къ труду *Beard*: Die Reformation in ihrem Verhältniss zum modernen Denken und Wissen, Berlin 1884, весь отдѣлъ V pag. 145—182.

[2]) Подчеркивая столь сильно эмоціональный элементъ вѣры, я совершенно, однако, согласенъ съ *Otto Ritschl*'емъ, что и интеллектуальный ея элементъ—признаніе истинности догматовъ и фактовъ священной исторіи. находимыхъ въ Писаніи—никогда не отступалъ у Лютера на задній планъ. Dogmengeschichte des Protestantismus, Leipzig 1908 I pag. 80, 81. Впослѣдствіи онъ тоже занялъ первое мѣсто въ сознаніи Лютера. О значеніи этого элемента мы скажемъ ниже. Одинаково можно съ Ричлемъ согласиться и въ томъ, что ученіе Лютера о вѣрѣ вовсе не было результатомъ какого-то внезапнаго откровенія, а длительнаго процесса изученія Писанія; это нисколько не противорѣчитъ ея эмоціональному элементу, o. c. II p. 13. Самъ

Если наиболѣе характерными трудами Лютера съ точки зрѣнія принципіальной ясности слѣдуетъ считать всѣ тѣ, которые онъ писалъ до разочарованія, постигшаго его подъ впечатлѣніемъ соціальныхъ возмущеній и религіознаго радикализма, то пониманіе вѣры въ смыслѣ перерождающей насъ эмоціональной силы, влекущей за собою дѣла любви, слѣдуетъ признать основнымъ въ его религіозномъ сознаніи [1]).

Пониманіе вѣры, какъ живой силы религіозной эмоціи, встрѣчается и у Цвингли и у Кальвина [2]).

Ричль допускаетъ это, говоря, что въ результатѣ этого изученія Лютеръ почувствовалъ себя „prorsus renatus". Ibidem.

[1]) Если имѣть въ виду невыразимость подобной вѣры въ точныхъ словесныхъ формулахъ, то совершенно непонятно, какъ можно отвергать подобное толкованіе или умалять его значеніе, основываясь на педантично-придирчивомъ анализѣ именно словъ Лютера. Въ этомъ повиненъ, напр., Schenkel. O. c. II pag. 211 ssq. вообще § 20. Но и слова Лютера часто не оставляютъ никакого сомнѣнія, въ особенности слова его основныхъ трактатовъ 1520 г. Ср. „*Von der Freiheit eines Christenmenschen*": Zum zehnten: „Nun sind diese und alle Gottesworte heilig wahrhaftig gerecht, friedsam, frei und aller Güte voll; darum wer ihnen mit rechtem Glauben anhängt, die Seele wird mit ihnen vereinigt so ganz und gar, dass alle Tugenden des Wortes auch der Seele eigen werden, und also durch den Glauben die Seele von dem Gotteswort heilig, gerecht, wahrhaftig, friedsam, frei und aller Güte voll, ein wahrhaftig Kind Gottes wird etc... Wie das Wort ist, so wird auch die Seele von ihm, gleich als das Eisen glutrot wird wie das Feuer aus der Vereinigung mit dem Feuer".

Zum dreiundzwanzigsten: „Darum sind zwei Sprüche wahr: „Gute, fromme Werke machen nimmermehr einen guten frommen Mann, sondern ein guter frommer Mann macht gute fromme Werke". „Böse Werke machen nimmermehr einen guten frommen Mann, sondern ein böser Mann macht böse Werke". Also dass allwege die Person zuvor gut und fromm sein muss vor allen guten Werken, und gute Werke folgen und ausgehen von der frommen, guten Person".

Von der babylonischen Gefangenschaft: „Verbum Dei omnium primum est, quod sequitur fides, fidem charitas. Charitas deinde facit omne bonum opus, quia non operatur malum, immo est plenitudo legis". W. A. 6 pag. 514. „Ex quibus vides ad Missam digne habendam aliud non requiri quam fidem, quae huic promissioni fideliter nitatur... Ad hanc fidem mox sequetur sua sponte dulcissimus affectus cordis, quo dilatatur et impinguatur spiritus hominis (haec est charitas, per Spiritum Sanctum in fide Christi donata) ut in Christum, tam largum et benignum testatorem rapiatur fiatque penitus alius et novus homo". Ibidem, pag. 515. ...„fides autem non est opus, sed magistra et vita operum". Ibidem, pag. 520 ...„Credentes autem oramus et quodlibet opus bonum facimus", pag. 522, ibidem. Cp. pag. 530, 10—19.

Тѣ же мысли Лютеръ выразилъ еще въ 1539 году въ трудѣ „Von den Concilien und Kirchen" editio Buchwald und Kawerau II pag. 107, 139. Ср. также цитаты, приведенныя *Harnack*'омъ: Dogmengeschichte 4-ое изд. III, 825 Anm. 1, 2.

[2]) *Schenkel*, o. c. II, 299—302, 355 ff. § 26, 30. Шенкель неправъ, усматривая

Такимъ образомъ, мы вполнѣ можемъ принять тезисъ Шенкеля, что „раціонализмъ представляетъ собою широкое противорѣчіе съ протестантскимъ богословіемъ“ [1]).

Этотъ тезисъ еще болѣе правиленъ по отношенію къ тѣмъ, кто въ центрѣ своего религіознаго самоопредѣленія ставилъ ученіе о „внутреннемъ словѣ“. Вѣдь, внутреннее слово въ существѣ своемъ есть мистическая категорія религіознаго представленія, правда не въ смыслѣ экстаза, вырывающаго человѣка изъ нормальнаго состоянія, а въ смыслѣ постоянно дѣйствующей въ душѣ силы общенія Бога и человѣка. Отсюда понятно, что описаніе этого общенія всегда и у всѣхъ происходитъ съ помощью образовъ, заимствованныхъ у мистиковъ— „рожденіе Христа въ душѣ“, „рѣчь Бога въ душѣ“, „обожествленіе души“ etc. Швенкфельдъ даже создалъ новый образъ—„погруженіе въ душу обожествленной плоти Христа“ [2]).

Конечно, совершенно излишне доказывать ирраціональность мистическаго переживанія, слѣдуетъ лишь отмѣтить, что у Франка, Денка и Швенкфельда мы находимъ отрицательные отзывы о разумѣ и его роли въ дѣлѣ религіи, какъ и у Лютера, Цвингли и Кальвина [3]).

Пессимистическая въ общемъ оцѣнка человѣка и сознательный отказъ отъ разума, какъ средства достиженія основныхъ религіозныхъ истинъ, другими словами принципіально ирраціональное построеніе религіи рѣзко отличаютъ разбираемыя нами два теченія реформаціи отъ христіанскаго гуманизма [4]).

какое-то глубокое различіе между Цвингли и Лютеромъ, такъ какъ онъ совершенно неправильно подчеркнулъ у Лютера интеллектуальный элементъ вѣры, что было бы правильно лишь въ отношеніи поздняго развитія Лютера.

[1]) *Schenkel*, O. c. I, pag. 104.

[2]) *Schenkel*, o. c. I, 345, II, § 37 pag. 433—434; *Keller*, o. c. passim. *Hegler*, o. c. passim и особенно тонкій анализъ: pag. 90 ssq.

[3]) Относительно Франка см. *Hegler*: o. c. pag. 111 sq. Hegler прекрасно изобразилъ второстепенную и служебную роль разума. *Schenkel*, o. c. I, 137 ssq. Относительно Швенкфельда Schenkel o. c. I, 142 ssq. Относительно Денка *Keller* o. c. pag. 53, 68 ssq. У Денка отрицательное отношеніе къ разуму выступаетъ менѣе ярко; ему приписывалось отрицаніе божественности Іисуса Христа, но, какъ доказываетъ *Keller* (o. c. pag. 41), совершенно неосновательно. Соотвѣтствующая подобному взгляду дедукція *Hagen*'а (o. c. III pag. 282 и предшеств.) неубѣдительна; во всякомъ случаѣ и онъ не привелъ ни одной строчки, которая бы говорила объ отрицаніи божественности Іисуса Христа на основаніи требованій разума.

[4]) Еще разъ подчеркиваемъ: колебанія были возможны и въ дѣйствительности бывали и тамъ, и здѣсь; наше утвержденіе претендуетъ на правильность лишь въ смыслѣ опредѣленія господствующей психологической стихіи въ обоихъ движеніяхъ.

Обѣ реформаціонныя группы отказывались такимъ образомъ отъ того пути, на которомъ христіанскій гуманизмъ искалъ утвержденія объективнаго характера религіи, т. е. отъ пути исканія религіозной истины, какъ научной истины съ помощью раціональныхъ и для всѣхъ обязательныхъ пріемовъ научнаго изслѣдованія.

Еще въ большемъ можетъ быть противорѣчіи, чѣмъ съ авторитетомъ разума, религія, какъ ирраціональное переживаніе внутренняго чувства, находится съ фиксированными внѣшними формами церкви и культа.

Въ этомъ вопросѣ открывается возможность двоякаго рѣшенія: одно опредѣляется полнѣйшимъ индифферентизмомъ ко всѣмъ внѣшнимъ формамъ, но одновременно готовностью подчиняться внѣшнимъ образомъ имъ, иногда даже пользуясь ими, какъ условнымъ средствомъ религіознаго возбужденія. Именно на этой точкѣ зрѣнія стояли средневѣковые мистики, напр. Румманъ Меревинъ, Таулеръ, Сузо и другіе.

Второе рѣшеніе нѣсколько иное: индифферентизмъ переходитъ во враждебное отношеніе къ внѣшней фиксаціи религіи, при чемъ эта враждебность можетъ дойти до принципіально абсолютнаго отрицанія всякой внѣшней нормировки, какъ безусловно затемняющей истинный свѣтъ религіи, или же ограничиться болѣе умѣренною точкою зрѣнія: нѣкоторые реформаторы удовлетворяются рѣшительнымъ освобожденіемъ себя самихъ отъ объективной фиксаціи религіи, допуская необходимость ея для другихъ, и наконецъ мы встрѣчаемъ и такихъ представителей реформаціи, которые, отрѣшась отъ всего строя внѣшняго благочестія католической церкви, все же считаютъ неизбѣжнымъ и необходимымъ построеніе новыхъ формъ, болѣе соотвѣтствующихъ религіозному идеалу.

Конечно, при этомъ и эти новыя формы будутъ лишь второстепеннымъ и условнымъ моментомъ религіозной жизни.

Всѣмъ указаннымъ 3 разновидностямъ второго рѣшенія вопроса объ отношеніи внутренняго переживанія религіи и внѣшнихъ формъ церкви и культа свойственны такимъ образомъ: во-1-хъ, безусловное отрѣшеніе отъ католическаго благочестія и, во-2-хъ, признаніе вообще всѣхъ формъ благочестія условными и лишенными объективной цѣнности, независимой отъ внутренняго принципа.

Дальше всѣхъ въ отрицаніи церкви, опредѣленной эмпирическими формами церковнаго благочестія, пошелъ Севастьянъ Франкъ, который готовъ допустить ихъ лишь какъ временное средство для тѣхъ,

кто еще не дошелъ до истиннаго пониманія христіанства. Всѣ эти формы лишь символы; кто проникъ до сути, для того эти символы и ненужны и вредны, ибо затемняютъ религіозное сознаніе. „Въ наше время, писалъ Франкъ, появились главнымъ образомъ три вѣры, привлекшія много сторонниковъ: лютеранская, цвингліанская и баптистская, четвертая уже намѣчается: а именно желаютъ упразднить, какъ нѣчто ненужное, всѣ внѣшнія проповѣди, церемоніи, таинства, церковную дисциплину (Bann), должность (Beruf) и установить совершенно невидимую церковь, объединенную духомъ и вѣрою среди всѣхъ народовъ, руководимую лишь вѣчнымъ невидимымъ Словомъ Божьимъ безъ всякихъ внѣшнихъ средствъ“ [1]).

Менѣе рѣзко высказывался Денкъ. Конечно и онъ самъ для себя не нуждался въ церемоніяхъ, но онъ готовъ былъ допустить ихъ желательность для другихъ и въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Эколомпадію подчеркнулъ всю безполезность и вредность споровъ изъ-за внѣшностей.

По свидѣтельству Франка онъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что принялъ второе крещеніе и тѣмъ самымъ далъ поводъ думать, будто бы онъ считаетъ его важнымъ и даже необходимымъ [2]).

И для Лютера внѣшнія формы играли второстепенную роль. Этимъ и объясняется его осторожность и сдержанность въ вопросѣ о проведеніи новыхъ формъ культа въ Виттенбергѣ [3]).

Тѣмъ не менѣе, если культъ и система внѣшняго благочестія и не имѣютъ такъ сказать принципіальнаго значенія, то все же тѣ или иныя историческія формы ихъ могутъ казаться абсолютно непріемлемыми. Въ этомъ смыслѣ Лютеръ и выступаетъ противъ культа и системы внѣшняго благочестія католической церкви. Даже болѣе, никто такъ ясно и рѣзко, какъ онъ, не подчеркнулъ этой ихъ абсолютной непріемлемости. Денкъ, Франкъ и люди, стоявшіе близко къ нимъ, тоже,

---

[1]) *Chronica und Beschreibung der Türkei.* Цитирую по *Hegler* o. c. pag. 49—50. Ср. Paradoxa (изд. Diegler) pag. 83, 110, № 89 (Tempel, Bilder, Feste, Opfer und Zeremonien gehören nicht ins Neue Testament). Ср. pag. 117: „Daraus folgt, dass ein äusserliches Priestertum oder Königreich, Tempel, Gottesdienst, Notzwang, Beschneidung im Reiche Christi nicht mehr sein kann.“ Кто вновь выдвигаетъ подобныя формы, отходитъ отъ истины.

[2]) См. по этому поводу *Keller* o. c. pag. 221 ssq. passim.

[3]) Основной мотивъ его выступленія противъ Карлштадта и инціаторовъ виттенбергскихъ безпорядковъ 1521 г. именно состоитъ въ подчеркиваніи второстепенности этихъ вопросовъ. Ср. *Barge*-Karlstadt I, 439. *K. Müller*, Luther und Karlstadt, pag. 103 ssq. *Barge:* Frühprotestantisches Gemeindechristentum, p. 195—207.

какъ уже указано выше, отрѣшились отъ нихъ, однако Денкъ былъ готовъ допустить ихъ для другихъ людей, а Франкъ относился къ нимъ не болѣе враждебно, чѣмъ ко всѣмъ другимъ культамъ и системамъ благочестія. Вотъ почему именно въ трудахъ Лютера наиболѣе ярко вскрывается переломъ религіозной психологіи въ этомъ пунктѣ. Именно слѣдуя за нимъ, удобнѣе всего прослѣдить, какое опустошеніе въ составѣ католической религіозности произвела реформація. Дѣйствительно, уже въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „An den christlichen Adel" Лютеръ не только отвергъ культъ святыхъ, въ томъ числѣ и Дѣвы Маріи, и связанное съ нимъ почитаніе иконъ, не только принципъ монашества и целибата, какъ болѣе высокой формы жизни, не только такіе религіозные акты, какъ паломничество, но и болѣе глубокіе элементы благочестія, въ частности обѣты, т. е. систему самообязательствъ передъ Богомъ и всякое сношеніе и единеніе живыхъ съ умершими (заупокойныя мессы и молитвы за усопшихъ).

Если вспомнить, какую массу поэзіи и художественности культъ святыхъ и Дѣвы Маріи вносилъ съ собой въ религіозную жизнь католиковъ, если признать обѣты важнымъ психологическимъ подспорьемъ при исполненіи религіозно-этическихъ обязательствъ, если признать, что мысль о полномъ разрывѣ связи съ любимыми умершими нестерпима или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени мучительна для человѣка, то отрицаніе всѣхъ этихъ элементовъ дѣйствительно заслуживаетъ названія „опустошенія" религіозной жизни [1]).

Но Лютеръ шелъ еще дальше. Исходя изъ исключительно внутренняго момента вѣры, онъ въ существѣ дѣла отвергъ и всѣ таинства. Даже какъ будто сохраненныя имъ таинства евхаристіи и крещенія превращались лишь въ знаки или символы, лишь постольку имѣющіе значеніе, поскольку они являлись автентическими доказательствами Божьей благодати, даруемой въ силу вѣры. „Не можетъ быть истиннымъ, писалъ Лютеръ, чтобы въ таинствахъ содержалась дѣйствующая сила оправданія или чтобы сами таинства были дѣйствующими (активными) символами благодати. Подобное утверждается лишь на счетъ вѣры и изъ незнанія божественнаго обѣщанія, таинства лишь въ томъ смыслѣ можно назвать дѣйствующими, что они несо-

[1]) Еще дальше, чѣмъ Лютеръ въ безпощадномъ отношеніи къ католической системѣ благочестія пошелъ Кальвинъ. Примѣры см. *Kampfschulte:* Johann Kalvin, seine Kirche und sein Staat I, pag. 453—465, II, pag. 289—290, 360.

мнѣннѣйшимъ и самымъ дѣйствительнымъ образомъ сообщаютъ благодать, когда присутствуетъ при этомъ несомнѣнная вѣра" [1]).

Другими словами, не таинства даютъ вѣру, а вѣра дѣлаетъ ихъ дѣйствительно цѣнными. Поэтому истинно вѣрующему можно обойтись и безъ таинствъ. Таинства, такимъ образомъ, сохраняются лишь подъ угломъ зрѣнія полезности, а не необходимости [2]). И эта точка зрѣнія, если ее сопоставить съ громадною ролью таинствъ въ католицизмѣ, значительно содѣйствуетъ опустошенію психики отъ всѣхъ объективныхъ элементовъ религіи.

Анализъ объекта единоспасающей вѣры, которая должна собою замѣнить все, что такимъ образомъ оказывается упраздненнымъ, дѣлаетъ это опустошеніе особенно яснымъ и отчетливымъ. Объектомъ вѣры является искупительная смерть Христа, засвидѣтельствованная Словомъ Божьимъ. Такимъ образомъ вѣра въ Слово „conditio sine qua non" для вѣры въ заслугу Христа. Вопросъ о „Словѣ" получаетъ поэтому фундаментальную важность. Вѣдь сама по себѣ формула—„вѣра въ искупительную смерть Христа"—допускаетъ такую массу возможныхъ толкованій [3]), настолько обща, что фиксація ея лишь возможна на почвѣ того или иного пониманія самого искупительнаго процесса изъ „Слова". Можетъ быть Слово способно дать *объективно* обязательный матерьялъ для объективнаго, для всѣхъ обязательнаго представленія объ искупительномъ процессѣ? Такимъ образомъ можетъ быть субъективная стихія вѣры получитъ объективную цѣль? На поставленные вопросы приходится отвѣчать безусловно отрицательно. Ни внѣшній составъ Слова, ни способъ пониманія его неопредѣлимы съ точки зрѣнія принциповъ Лютера объективнымъ, общеобязательнымъ образомъ. Внѣшній составъ Слова или библейскій канонъ потому уже не могъ быть обязательнымъ для Лютера, что представлялъ собою результатъ традиціи первыхъ 3-хъ вѣковъ христіанства, а традицію Лютеръ принципіально, какъ извѣстно, отвергалъ, въ полномъ, впрочемъ, согласіи съ другими реформаторами. Дѣйствительно въ вопросѣ о каноническомъ составѣ Слова Лютеръ не при-

---

[1]) De captivitate Babylonica W. A. 6, pag. 533.

[2]) См. по этому вопросу: *Schenkel* o. c. I, pag. 396—399 и *Karl Müller*, Kirchengeschichte II, pag. 236.

[3]) Можно, напримѣръ, этотъ процессъ абсолютно спиритуализировать, какъ фактъ нашей психологіи, при чемъ объективныя событія исторіи страстей Господнихъ сохранятъ лишь значеніе символа. Такъ, напр. смотрѣли на вопросъ „ортлибы", а въ эпоху реформаціи въ эту сторону склонялся Франкъ.

шелъ къ окончательному рѣшенію въ теченіе всей своей жизни, отвергая каноничность тѣхъ частей Писанія, которыя, какъ казалось, шли въ разрѣзъ съ его ученіемъ о единоспасающей вѣрѣ, напр. посланіе апостола Іакова, посланіе къ Евреямъ, Апокалипсисъ [1]). Отрицаніе традиціи дѣлаетъ абсолютно невозможнымъ установленіе объективно обязательнаго библейскаго канона. Лютеръ, однако, пошелъ еще дальше: принципіальнымъ провозглашеніемъ права толкованія Библіи за каждымъ христіаниномъ, какъ въ духовномъ отношеніи священникомъ, онъ совершенно, въ корнѣ упразднилъ возможность объективно обязательнаго способа пониманія ея. Конечно, онъ наивно полагалъ, что всѣ вѣрующіе придутъ къ одному пониманію, ибо Слово Божье въ своихъ главныхъ частяхъ ясно и понятно [2]); однако подобное предположеніе не только логически необязательно, но и фактически невѣрно, какъ доказываетъ сплошь вся церковная исторія вообще и протестантская въ частности. Если къ этому припомнить, что вѣра сама по себѣ, согласно ученію Лютера, порождается Словомъ въ чтеніи и проповѣди, то получается какой-то circulus vitiosus: Слово порождаетъ вѣру, а вѣра въ свою очередь лишь одна дѣлаетъ способнымъ къ правильному пониманію Слова. Спрашивается, какую же вѣру порождаетъ проповѣдь Слова, разъ истинное пониманіе содержанія Слова въ свою очередь является лишь слѣдствіемъ вѣры? *Выходъ изъ этого запутаннаго положенія былъ лишь возможенъ въ плоскости ученія о внутреннемъ Словѣ.* Лишь вписанное намъ въ сердце внутренне Слово Божье дѣлаетъ насъ способными истиннымъ образомъ понимать внѣшнее слово или Библію. При этомъ совершенно безразлично, въ какихъ категоріяхъ мыслится этотъ процессъ вписыванья внутренняго Слова [3]). Важно лишь то, что оно имѣетъ пріори-

---

[1]) Ср. *Otto Ritschl*, o. c.: Denn für Luther war und blieb die Frage nach der Bestimmung des Umfangs des biblischen Kanons ein Problem, das er noch nicht als gelöst ansah, und um dessen Lösung er sich bis in seine letzten Lebensjahre hinein immer wieder abmühte" I, pag. 70 и ssq. *Schenkel* o. c. I pag. 53. *Beard* o. c. pag. 125, 126. *Harnack*: Dogmengeschichte 4-ое изданіе III, 683 примѣч.

Интересно, что Лютеръ не только колебался въ вопросѣ о составѣ канона, но весьма былъ далекъ отъ ученія о буквальной инспираціи Библіи, допуская сравнительную оцѣнку ея частей въ смыслѣ бóльшей и меньшей инспирированности. Ср. *Ritschl* o. c. I, глава 6-ая pag. 69 ssq. *Schenkel* o. c. I pag. 53 ssq.

[2]) *Otto Ritschl*: o. c. pag. 84 ssq.

[3]) Мы уже выше указывали, что этотъ процессъ у всѣхъ сторонниковъ ученія „о внутреннемъ словѣ" изображается, какъ нѣкоторое мистическое переживаніе откровенія Божьяго, какъ постоянно дѣйствующей силы. Иногда это внутреннее слово

теть передъ Словомъ внѣшнимъ, а такъ какъ во всякомъ случаѣ этотъ процессъ глубоко субъективенъ и не поддается по своему существу объективной формулировкѣ, то перемѣщеніе проблемы на плоскость внутренняго Слова означало полное и принципіальное признаніе субъективнаго характера Слова, какъ источника истины. Внутреннее слово не поддается научному учету, оно, какъ уже выше указано, представляетъ собою высшую точку ирраціонализаціи религіи. Признаніе пріоритета внутренняго Слова надъ внѣшнимъ напрашивалось съ такою силою и даже необходимостью, что борьба съ нимъ представлялась чрезвычайно затруднительной. Необычайная даже для того времени рѣзкость и грубость, проявленная Лютеромъ въ этомъ спорѣ, лишь доказываютъ, насколько это ученіе его безпокоило и мучило [1]). Но каковы бы ни были расхожденія реформаторовъ въ этомъ вопросѣ, выводъ получался въ концѣ концовъ одинъ и тотъ же. Отрицаніе традиціи и признаніе за каждымъ вѣрующимъ права толкованія не менѣе разрушительно дѣйствовали на объективное значеніе Писанія, чѣмъ ученіе о пріоритетѣ Слова внутренняго. Другими словами, ни Лютеръ, ни сторонники ученія о внутреннемъ

сближается съ понятіемъ совѣсти, опредѣляемой любовью къ Богу и ближнимъ, особенно у Денка.

Кромѣ Денка и Франка представителями ученія о внутреннемъ словѣ являются Швенкфельдъ, Гетцеръ, Карлштадтъ и даже отчасти Цвингли и особенно Эколомпадій и многіе другіе. *Schenkel* o. c., pag. 119 ssq. и весь § 14: *Hagen* o. c. III 97, 268 (относительно Фюрера), 269—313 passim.

Barge. Karlstadt. I, 306—307 примѣч. II, 24 ssq.

[1]) Различіе при этомъ вовсе ужъ не такъ велико и можетъ быть выражено въ слѣдующей параллели: *Лютеръ*:—Богъ даруетъ намъ посредствомъ своего внѣшняго Слова или Библіи вѣру, а вѣра дѣлаетъ насъ въ свою очередь способными понимать это Слово должнымъ образомъ.

Франкъ, *Денкъ* и *др*.: Богъ вписываетъ въ наше сердце внутреннее Слово свое, а оно въ свою очередь раскрываетъ передъ нами истинный смыслъ Слова внѣшняго или Библіи. Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ истинное пониманіе Библіи зависитъ отъ сообщенія намъ Богомъ какой-то особой силы (вѣра, внутреннее Слово), различіе же заключается въ томъ, что Лютеръ ставилъ возбужденіе въ насъ вѣры въ зависимость отъ внѣшняго Слова, которое такимъ образомъ признавалось въ своей совокупности уже за истинное. Отсюда, однако, возникалъ невольно двоякій вопросъ: во-1-хъ, откуда же берется вѣра въ самое истинность внѣшняго Слова, предшествующая вѣрѣ въ его содержаніе, и во-2-хъ, на какія именно библейскія книги распространяется это апріорное понятіе истинности? На первый вопросъ Лютеръ вообще не отвѣчалъ, а на второй, какъ указано выше, весьма сбивчиво и неувѣренно. Отсюда и безнадежность его конструкціи и трудность его положенія въ борьбѣ съ ученіемъ о пріоритетѣ Слова внутренняго.

Словѣ не могли сдѣлать Писаніе объективно-обязательной нормой религіозной жизни, поскольку они оставались вѣрными своимъ принципамъ. Если поэтому пессимистическое отношеніе къ разуму и отрицательное отношеніе къ научному построенію религіи отдѣляютъ ихъ отъ религіозной стихіи гуманизма, то разрушеніе Св. Писанія, какъ объективной нормы, проводитъ рѣзкую грань между ними и апостольскимъ сектантствомъ.

Съ выясненнымъ отношеніемъ къ Св. Писанію связывается еще одно въ высшей степени важное слѣдствіе, а именно невозможность построить понятіе объективно существующей церкви. Всѣ реформаторы сходились въ признаніи невидимости церкви, но невидимость ея еще не тожественна съ отрицаніемъ ея объективнаго характера, какъ благодатнаго института, одареннаго особыми силами, облегчающими дѣло спасенія.

Дѣйствительно, послѣ отверженія всей системы внѣшняго благочестія традиціонной церкви, въ томъ числѣ и таинствъ, единственною благодатною силою объективной церкви оставалось лишь Слово. Но и Слово оказывалось неопредѣлимымъ, и въ своемъ внѣшнемъ составѣ, и въ смыслѣ общеобязательнаго пониманія содержанія, а попытка сдѣлать изъ внѣшняго Слова какое-то орудіе Бога для возбужденія вѣры приводила, какъ указано выше, къ полной путаницѣ и противорѣчію.

Такимъ образомъ съ паденіемъ объективнаго значенія и характера Слова падала послѣдняя цѣнность, которая могла бы придать смыслъ существованію объективной церкви, т. е., проще говоря, подобная церковь дѣлалась не нужной за полной безплодностью [1].

Итакъ церковь, какъ одаренный благодатными силами внѣшній институтъ, не существуетъ. Вопросъ о ея видимости или невидимости отпадаетъ поэтому самъ собою.

---

[1]) *Schenkel* o. c. III pag. 120—147 прекрасно изложилъ неудовлетворительность конструкціи Лютеромъ понятія церкви. Шенкель лишь не отличаетъ понятія невидимости отъ отрицанія объективности церкви. Конструкція Лютера была бы удовлетворительна лишь по отношенію къ невидимости, но не къ отсутствію объективности. Какъ извѣстно, Лютеръ постарался связать понятіе церкви съ понятіемъ проповѣди Слова и дарованіемъ таинствъ. Тамъ, гдѣ существуетъ то и другое, тамъ мы съ увѣренностью можемъ сказать, что есть церковь. Т. е. проповѣдь и Слово факты, доказывающіе ея объективное, хотя бы и невидимое существованіе. Такимъ образомъ центръ тяжести лежитъ не на невидимости, а на объективности существованія церкви.

Если поэтому реформаторы говорятъ о невидимой церкви, то въ логической связи ихъ системы это можетъ имѣть лишь одинъ смыслъ— а именно, что эта церковь не учрежденіе, хотя бы и невидимое, но все же необходимое, напр. для облегченія дѣла спасенія, а лишь совокупность истинно вѣрующихъ или просвѣщенныхъ свѣтомъ внутренняго Слова лицъ. Чисто духовное единство этой совокупности, конечно, абсолютно невидимо и кромѣ того абсолютно безполезно въ смыслѣ облегченія спасенія или дарованія какихъ бы то ни было другихъ объективныхъ выгодъ [1]). Мы можемъ подвести итоги: специфическая особенность религіозной стихіи реформаціи вскрылась передъ нами какъ абсолютное и принципіальное отрицаніе всѣхъ объективныхъ, общеобязательныхъ основъ и опоръ религіозной жизни. Ни культъ святыхъ, ни церемоніи, ни система самообязательствъ (обѣтовъ), ни Слово, какъ объективно установленный критерій, ни таинства, какъ помогающіе намъ своею вещною силою акты, ни объективная церковь, хотя бы и невидимая, но облегчающая намъ спасеніе, ни разумъ, какъ основа и руководитель въ научномъ построеніи религіи, ничего не можетъ помочь человѣку или поддержать его передъ лицомъ Бога. Даже вѣра, спасающая человѣка, не зависитъ отъ него самого, а является свободнымъ даромъ, „милостію“ Бога, равно какъ и вписаніе внутренняго Слова возможно лишь тогда, когда человѣкъ, отказавшись отъ собственной воли, всецѣло положится на дѣйствіе Божественнаго духа.

Въ полномъ одиночествѣ стоитъ человѣкъ передъ Богомъ и въ существѣ дѣла въ полной безпомощности. Къ подобному положенію, какъ нельзя больше, подходитъ идея Предопредѣленія, окончательно превращающая человѣка въ игрушку божественнаго произвола и столь излюбленная Лютеромъ, Цвингли и Кальвиномъ. Специфическая религія реформаціи есть религія одиночества между Богомъ и человѣкомъ. Нельзя конечно отказать этой концепціи религіи въ извѣстной грандіозности, можно даже признать ее въ высшей

---

[1]) Такое понятіе невидимой церкви яснѣе всего выразилъ Франкъ въ предисловіи къ „Paradoxa“: „Die Kirche ist ja nicht etwa ein besonderer Haufen und eine mit Fingern zuzeigende Sekte, gebunden an ein Element, eine Zeit, eine Person und Stätte, sondern ein geistlicher und unsichtbarer Leib aller Glieder Christi aus Gott geboren, und in einem Sinn, Geist und Glauben, aber nicht in einer Stadt oder etwa an einem Ort äusserlich versammelt, dass man sie sehen und mit Fingern zeigen könnte, sondern (eine Gemeinschaft), die wir glauben und nicht anders sehen, als mit gleich geistlichen Augen des Gemüts des inneren Menschen etc. pag. 9, изданіе Lehmann.

степени „духовною“, свободной отъ матеріализующихъ элементовъ. Особенно одаренные въ религіозномъ смыслѣ субъекты могутъ поэтому находить въ ней извѣстное удовлетвореніе и вѣрить въ то, что по всей землѣ разсѣяны такіе же, какъ они, отдѣльные люди, познавшіе тайну полнаго одиночества истинно религіознаго человѣка. Однако этотъ полный и принципіальный субъективизмъ лишаетъ религію ея организующей силы надъ психологіей массы, религія перестаетъ быть элементомъ историческаго развитія народовъ. Поскольку же этотъ субъективизмъ отрѣшается и отъ попытокъ раціональнаго обоснованія религіи, религія выходитъ и изъ рамокъ философскаго мышленія и превращается въ невыразимыя переживанія мистическаго характера, растворяется въ чувствѣ и съ утомительною монотонностью начинаетъ повторять мотивы средневѣковой мистики. Конечно, на подобной точкѣ дѣло не могло остановиться: жизнь требовала отъ реформаціи именно организаціи религіозной жизни массъ, а мысль отдѣльнаго субъекта невольно искала за предѣлами невыразимаго ощущенія внутренняго Слова и ирраціональной вѣры какой-нибудь общей всѣмъ людямъ основы религіознаго міровоззрѣнія.

Реформація такимъ образомъ сходила съ плоскости чистаго субъективизма и искала исхода въ двухъ направленіяхъ: во-1-хъ, въ сторону устройства религіознаго бытія народа, другими словами въ установленіи новыхъ церквей, и, во-2-хъ, въ сторону философскаго обоснованія религіозной стихіи, т. е. въ сторону развитія религіозной философіи, доискивающейся общихъ всѣмъ людямъ элементовъ, на которыхъ можно было бы построить нѣкоторое объективно обязательное религіозное міровоззрѣніе.

Первый исходъ есть исходъ отступленія на старыя позиціи, второй—представляетъ собою выходъ изъ религіи въ философію, открывающую рядъ новыхъ горизонтовъ, но окончательно преподнимающую религію на такую высоту, до которой огромному большинству не подняться.

4.

Исходъ реформаціи въ сторону устройства религіозной жизни массы шелъ въ двухъ направленіяхъ: одно усиливало идею объективной церкви, другое — идею Слова, какъ системы для всѣхъ обязательныхъ непреложныхъ правилъ. Первое сближало реформацію вновь съ католицизмомъ, второе—съ апостольскимъ сектантствомъ средневѣковья. Первое особенно ярко выступаетъ у людей группы Лютера,

Цвингли и Кальвина, второе у тѣхъ, кто примыкалъ къ ученію о внутреннемъ словѣ.

Дѣйствительно первымъ шагомъ Лютера на указанномъ пути было безусловное признаніе библейскаго канона за несомнѣнное Слово Божье, внѣ котораго нѣтъ и не можетъ быть вѣры. Впослѣдствіи это признаніе приведетъ къ ученію о буквальной инспираціи Св. Писанія, т. е. къ взгляду, по которому каждая буква Писанія какъ бы продиктована Богомъ, а поэтому всѣ части Писанія абсолютно равноцѣнны [1]). Затѣмъ къ этому еще присоединится признаніе и трехъ символовъ вѣры—апостольскаго, никейскаго и константинопольскаго.

Такимъ образомъ будетъ установленъ абсолютный объективный критерій религіозныхъ истинъ, а рядомъ съ нимъ переродится и ученіе о таинствахъ: изъ условныхъ знаковъ и символовъ они превратятся, по крайней мѣрѣ у Лютера и Кальвина, въ акты, способные сообщить нѣкоторое объективное благо магическаго характера, необходимое для спасенія.

Таинства и Слово въ указанномъ пониманіи и будутъ тѣми благодатными дарами, которыми облечена церковь. Церковь превращается въ объективный институтъ. Распоряженіе же этими благостными силами окончательно закрѣпляется за поставленными въ строго опредѣленномъ порядкѣ пасторами. И рѣчи нѣтъ больше о свободѣ толкованія Писанія, право толкованія превращается въ прерогативу особо и спеціально подготовленныхъ лицъ, равно какъ и сообщеніе таинствъ, въ особенности таинства Евхаристіи, а на этой почвѣ растетъ новое іерархическое сознаніе, пасторы обособляются отъ простыхъ міранъ въ особую касту, въ которой какъ бы видимо кристаллизуется объективно существующая церковь [2]).

Все это развитіе я назвалъ отступленіемъ, можно пойти еще дальше и охарактеризовать его, какъ извращеніе основныхъ исходныхъ принциповъ реформаціи. Дѣйствительно, вмѣсто всеобщаго священства всѣхъ вѣрующихъ передъ нами въ практикѣ жизни новая іерархія, а идеалъ всеобщаго священства отходитъ въ туманную даль теоріи, не связанной съ жизненною реальностью. Вмѣсто ученія о Словѣ, какъ единственномъ критеріи истины, мы видимъ провозглашеніе этимъ критеріемъ опредѣленнаго состава и пониманія этого Слова, на ряду съ принципомъ единоспасающей вѣры, принципъ необ-

[1]) *Otto Ritschl* o. c. I pag. 122—174 passim. *Schenkel* o. c. I, pag. 61—67 passim.

[2]) См. *Hagen* o. c. III, pag. 160 ssq.

ходимости для спасенія объективныхъ благостныхъ даровъ церкви — проповѣди внѣшняго Слова и таинствъ.

Мы не будемъ спорить противъ утвержденія, что подобное развитіе было и неизбѣжно и даже, можетъ быть, полезнымъ для борьбы съ организованною силою католицизма. Однако подобное признаніе его, какъ исторически необходимой и полезной формы въ опредѣленныхъ условіяхъ мѣста и времени, нисколько не обязываетъ насъ признать его абсолютную религіозную цѣнность или психологическую и логическую состоятельность и послѣдовательность. Безпрерывные, участившіеся въ особенности въ послѣднее время внутренніе конфликты въ офиціальныхъ протестантскихъ церквахъ всѣ выростаютъ именно на почвѣ протеста противъ абсолютности объективныхъ религіозныхъ нормъ во имя полной религіозной свободы субъекта. Принципъ реформаціи борется съ ея исторической фиксаціей [1]).

Представленіе о церкви, какъ объективномъ, одаренномъ благодатными силами институтѣ, руководимой пасторами, какъ единственно призванными къ проповѣди и совершенію таинствъ лицами, несомнѣнно сближаетъ реформацію съ католицизмомъ. Возможно было, какъ указано выше, еще и другое представленіе о церкви, объективирующее религію не менѣе, чѣмъ только что разобранное. Оно развивается въ связи съ ученіемъ о внутреннемъ словѣ. Внутреннее слово, вписанное Богомъ въ душу человѣка, перерождаетъ его въ нравственномъ отношеніи, а это перерожденіе по необходимости должно проявиться и въ новомъ построеніи жизни, въ любви къ ближнимъ и къ Богу. Тамъ гдѣ нѣтъ новой жизни, нѣтъ и перерожденія, т. е. нѣтъ въ сердцѣ внутренняго Слова. Это взаимоотношеніе внутренняго Слова и новой жизни красною нитью проходитъ черезъ всѣ труды Франка, Денка, Швенкфельда, Бюндерлина и др.

Новое же построеніе жизни у нихъ всѣхъ, конечно, было оріентировано идеаломъ евангельской этики, а отсюда былъ лишь одинъ шагъ до требованія буквальнаго исполненія евангельскихъ предписаній и дальше библейскихъ предписаній вообще, т. е. и закона Моисея. Общая мысль объ оріентировкѣ евангельскимъ идеаломъ превращалась въ требованіе исполненія точныхъ объективныхъ законовъ. Вновь возрождалось пониманіе Слова, какъ закона Христа, старый сектантскій апостольскій идеалъ. Въ этомъ законничествѣ можно было дойти и

[1]) См. по этому поводу *Harnack*: Dogmengeschichte изд. 4-ое III р. 685: „.... muss man auch zugestehen, dass die völlig conserwative Stellung der Reformation zum alten Dogma, nicht dem Principe angehört, sondern der Geschichte“.

доходили до смѣхотворнаго педантизма въ опредѣленіи свойствъ одежды, пищи и внѣшняго жизненнаго обихода. Примѣры сохранены, хотя и навѣрно въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ, Буллингеромъ въ его знаменитой исторіи анабаптистовъ.

Люди, въ точности исполняющіе требованія библейскаго закона, и образуютъ общину или церковь святыхъ. Поскольку всѣ они себя чувствуютъ истинными избранниками Божьими, они себя отдѣляютъ отъ грѣховнаго міра, и въ ихъ собственныхъ глазахъ понятіе церкви совпадаетъ съ понятіемъ ихъ общины, и церковь такимъ образомъ пріобрѣтаетъ новую видимость, конечно, не въ смыслѣ іерархическаго или благодатнаго учрежденія, а въ смыслѣ совокупности возрожденныхъ къ новой жизни людей, истинныхъ дѣтей Божьихъ.

До какихъ крайностей могло довести подобное объективированіе религіи, намъ показываетъ царство новаго Сіона въ Мюнстерѣ. Абсолютное же требованіе перекрещенства, какъ безусловно необходимаго для спасенія обряда, встрѣчающееся у многихъ сектантовъ этого типа, ясно говоритъ о томъ, что на ряду съ пониманіемъ Библіи, какъ объективнаго закона, религія получала еще и другую объективную опору въ опредѣленномъ обрядѣ.

Подобная точка зрѣнія на перекрещенство напоминаетъ пониманіе таинства въ оффиціальной лютеранской церкви. Вообще же между идеей сектантской церкви и идеей церкви, принятой оффиціальнымъ лютеранствомъ и оффиціальною реформатскою церковью, существуетъ, конечно, большое различіе. Требованіе абсолютнаго осуществленія библейскаго закона ставитъ сектантскую церковь въ непримиримое противорѣчіе съ развитіемъ земной культуры, между тѣмъ какъ лютеранство, считающее это требованіе невыполнимымъ, гораздо болѣе способно приспособиться къ этому развитію. Въ этомъ, на ряду съ союзомъ со свѣтскою властью, и нужно искать причины торжества лютеранской и кальвинистской церквей надъ сектантствомъ въ эпоху реформаціи.

Это несоотвѣтствіе церковнаго идеала сектантства съ требованіями развивающейся земной цивилизаціи нисколько, однако, не мѣшаетъ признать огромную организующую силу сектантскаго идеала общины избранниковъ Божьихъ въ смыслѣ вліянія на народную массу. Въ особенности въ моментъ напряженія соціальныхъ и политическихъ противорѣчій всѣ тѣ, кто считаетъ себя обездоленнымъ, охотно обращаются къ этому идеалу, какъ способному сообщить религіозную санкцію соціальнымъ и политическимъ требованіямъ. Стоитъ лишь

вспомнить исторію первой англійской революціи. Но и въ наше время этотъ идеалъ не потерялъ своей притягательной силы и играетъ огромную роль въ развитіи баптистскихъ толковъ.

Высказанный нами въ началѣ нашего изысканія тезисъ, что евангелизмъ представляетъ собою явленіе, повторяющееся чуть ли не во всѣ эпохи христіанской исторіи, получаетъ свое полное подтвержденіе. Все-таки, однако, въ конечномъ результатѣ историческая роль офиціальной лютеранской и реформатской церквей значительно шире, чѣмъ историческое вліяніе сектантскихъ общинъ.

Если такимъ образомъ въ рамкахъ перваго исхода реформаціи, т. е. направленнаго къ организаціи религіозной жизни массы, группа, примыкавшая къ ученію о спасеніи вѣрою одною, сыграла главную роль, то во 2-мъ исходѣ, ведущемъ къ сліянію религіи и философіи, историческія линіи восходятъ къ представителямъ ученія о внутреннемъ Словѣ.

Объяснить этотъ фактъ не трудно. Вѣра всегда предполагаетъ нѣчто, во что вѣришь. Объектъ вѣры и субъектъ вѣры представляются всегда раздѣленными, а если объектомъ является Богъ, то отсюда получается непреодолимый дуализмъ вѣрующаго человѣка и Бога; отсюда безусловно нѣтъ выхода къ пантеизму или пантеистической мистикѣ, а такъ какъ самый по себѣ актъ вѣры раціонально не опредѣлимъ и не поддается изображенію, то изъ ученія о единоспасающей вѣрѣ нѣтъ выхода въ сторону философіи вообще и религіозной философіи въ частности. Кромѣ того вѣра, какъ актъ, возбуждаемый въ насъ Богомъ (въ этомъ сходятся всѣ сторонники ученія о единоспасающей вѣрѣ), не можетъ быть разсматриваема, какъ свойство человѣческой души, а поэтому даже въ томъ случаѣ, если бы возможно было раскрыть и выразить ея сущность, мы все же не пришли бы къ общеобязательной для всѣхъ исходной точкѣ.

Совершенно иначе дѣло обстоитъ съ ученіемъ о внутреннемъ Словѣ. Оно, во-1-хъ, разсматривается, какъ дѣйствующее во всѣхъ людяхъ—различіе лишь въ силѣ дѣйствія, и, во-2-хъ, понимаемое, какъ непосредственная манифестація Бога въ душѣ, оно можетъ привести и приводило къ ученію объ обожествленіи души и человѣка (Vergottung), какъ уже въ средневѣковой мистикѣ, такъ и въ эпоху реформаціи. Этотъ мотивъ даже столь избитъ, что не нуждается въ особомъ подтвержденіи цитатами. Отъ идеи же обожествленія человѣческой души лишь одинъ шагъ до представленія ея полнаго сліянія съ Богомъ, а отсюда до пантеистическихъ выводовъ.

Этотъ пантеизмъ достигнетъ своей полноты, когда и вся природа будетъ поставлена подъ уголъ зрѣнія манифестаціи Божества, и дѣйствительно подобный мотивъ уже въ высшей степени ярко звучитъ у Севастіана Франка и, можетъ быть, еще ярче у Якова Бёме. Такимъ образомъ туманное и въ высшей степени неопредѣленное переживаніе внутренняго Слова переходило въ пантеистическое міроощущеніе, которое въ свою очередь допускало дальнѣйшую раціоналистически научную обработку и аргументацію. Пантеистическое міровоззрѣніе представляется, такимъ образомъ, первымъ, конечно не необходимымъ, а возможнымъ, исходомъ реформаціи въ сторону философіи. Возможность же этого исхода исторически доказывается пантеистическими тенденціями и предвосхищеніями Франка и особенно Якова Бёме. Этимъ, конечно, не отрицается тотъ фактъ, что на нихъ вліяли не только мотивы ихъ религіознаго переживанія, но и непосредственное знакомство съ пантеистическими тенденціями платоновской и платонизирующей философіи.

Другіе возможные исходы реформаціи отъ ученія о внутреннемъ Словѣ въ сторону философіи основаны на томъ фактѣ, что это Слово понимается, какъ вписанное всѣмъ людямъ въ душу. Отсюда съ легкостью можно было придти къ выводу, что это Слово есть божественное свойство души, какъ таковой. Это свойство затѣмъ можно было опредѣлить или какъ разумъ, или какъ нравственную совѣсть, или какъ комбинацію того и другого.

Въ первомъ случаѣ путь велъ прямо къ раціоналистической критикѣ всего церковно-догматическаго аппарата. Слабые зачатки ея мы имѣемъ въ антитринитаризмѣ. Во второмъ случаѣ объективную, общеобязательную основу для религіи можно было найти въ незыблемомъ нравственномъ законѣ, прирожденномъ всѣмъ людямъ. Въ третьемъ получалась возможность провести раціоналистическое осмысленіе и выясненіе религіи, какъ постулата нравственнаго чувства. Конечно, еще разъ повторяемъ, мы нисколько не желаемъ утверждать, что философскія системы, впослѣдствіи развившія указанные мотивы, выросли исключительно на религіозныхъ мотивахъ реформаціи, напримѣръ, система Канта, мы только желаемъ подчеркнуть возможность выхода въ эту сторону, т. е. другими словами извѣстную психологическую и идеологическую тенденцію, которая вліяла и на Канта, конечно на ряду съ другими. Думается, что врядъ ли можно въ этомъ смыслѣ отрицать отраженіе психологіи религіозныхъ переживаній реформаціи на Кантѣ или на Руссо. Конечно, точное фактическое подтвержденіе этой

связи могло бы быть установлено лишь спеціальными изысканіями, но самъ по себѣ несомнѣнный фактъ заинтересованности Канта и Руссо реформаціей говоритъ уже очень много.

Наконецъ необходимо отмѣтить возможность еще одного исхода реформаціи въ сторону философіи. Идея обожествленности человѣческой души въ комбинаціи съ признаніемъ разума объективнымъ критеріемъ могла привести къ совершенно инымъ, чѣмъ намѣченные выше, результатамъ. Во-первыхъ, на почвѣ обожествленности необычайно могла вырасти оцѣнка достоинства человѣка, его самосознаніе, какъ безусловной цѣнности, а съ другой раціоналистическая критика могла разбить объективную идею Бога. На мѣсто Бога тогда становился человѣкъ, какъ абсолютная цѣль, какъ абсолютный смыслъ всего бытія. Что эта тенденція подходитъ къ философіи Штирнера и Ницше, оспаривать трудно. Однако, насколько дѣйствительно этотъ исходъ реформаціонной стихіи вліялъ на нихъ, доказать, пока что, невозможно.

Реформація представляется съ внѣшней стороны, какъ движеніе, разбившее окончательно церковное единство христіанскаго Запада, и ея историческое значеніе опредѣляется въ первую голову этимъ фактомъ съ его безчисленными послѣдствіями во всѣхъ областяхъ жизни.

Внутреннимъ стимуломъ этого движенія было желаніе внутренне осмыслить религію, при чемъ, однако, это осмысленіе велось въ сторону полнаго и принципіальнаго отрицанія общеобязательныхъ объективныхъ элементовъ и опоръ религіозной жизни, т. е. въ сторону абсолютнаго субъективизма религіи. Поэтому всякія попытки внѣшней фиксаціи религіи переставали быть необходимыми и становились лишь условно допустимыми, теряли качество обязательности, сохраняя иногда лишь признакъ желательности съ той или иной практической точки зрѣнія.

Въ такомъ видѣ реформація превращала религію въ религію одиночества между Богомъ и человѣкомъ и дѣлала ее неспособной играть роль организующей силы въ жизни массы.

Организующую въ этомъ смыслѣ силу религіи реформація, правда, возстановила, но лишь въ извращеніе своего основного принципа, поскольку она вновь стала настаивать на опредѣленныхъ внѣшнихъ фиксаціяхъ религіозной жизни, какъ абсолютно необходимыхъ.

Сила религіозной стихіи реформаціи, съ другой стороны, влекла на путь философскаго осмысленія самого этого переживанія и этимъ

самымъ расширяла принципъ реформаціи, по существу чисто религіозный, элементомъ научнаго мышленія.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что реформація оказала оплодотворяющее вліяніе на развитіе философіи.

Конечно, съ отрицаніемъ обязательности и необходимости внѣшней фиксаціи религіознаго переживанія логически связанъ постулатъ полной свободы совѣсти, поэтому нельзя также отрицать, что историческое обоснованіе его покоится именно въ реформаціи.

Несмотря на всѣ отклоненія и извращенія, полный религіозный субъективизмъ до сихъ поръ является активною силою въ протестантскомъ мірѣ, постоянно напоминающей объ условности и измѣнчивости всѣхъ внѣшнихъ закрѣпленій религіи. Отсюда постоянные внутренніе конфликты въ протестантскихъ церквахъ.

А. Вульфіусъ.

ГЕТЕ И ЯКОБИ.

Дюссельдорфскому философу-моралисту Фридриху Гейнриху Якоби суждено было сыграть немаловажную роль въ жизни Гете: съ одной стороны едва ли подлежитъ сомнѣнію, что среди сверстниковъ молодого Гете въ 1770-тыхъ годахъ Якоби былъ рядомъ съ Гердеромъ самымъ значительнымъ и просвѣщеннымъ, съ другой же стороны дружба его съ Гете весьма ярко иллюстрируетъ отношенія великаго поэта къ людямъ, въ частности къ друзьямъ, какъ въ эпоху бурныхъ стремленій молодости, такъ и въ зрѣлые годы замкнутости отъ внѣшняго міра. Въ смыслѣ оцѣнки отношеній несравненнаго „художника жизни“ къ выдающимся современникамъ, быть можетъ, одна лишь переписка Гете съ цюрихскимъ прекраснодушнымъ проповѣдникомъ Лафатеромъ является столь же показательнымъ документомъ, какъ исторія зарожденія, расцвѣта, охлажденія и возрожденія дружбы его съ умнымъ и тонко образованнымъ, но нерѣшительнымъ и не чуждымъ слащавой чувствительности Якоби.

Фридрихъ-Гейнрихъ Якоби [1]) род. 25-го января 1743 года. Уже съ дѣтства онъ былъ, какъ онъ самъ признается, „мечтателемъ, фантазеромъ, мистикомъ“, ломалъ голову надъ религіозными пробле-

[1]) Подробная біографія Якоби еще не написана. Свѣдѣнія о его жизни имѣются въ предисловіи къ „Fr. H. Jacobi's auserlesener Briefwechsel“, herausg. von Fr. Roth, I, p. VII—XXX, въ книгѣ L. Deycks: „Fr. H. J. im Verhältniss zu seinen Zeitgenossen“, Frankf. 1848 и въ статьѣ Prantl'я въ Allgem. dt. Biographie. Большія же монографіи Eb. Zirngiebl: „Fr. H. J., Leben, Dichten und Denken“, Wien 1867 и F. A. Schmid: „F. H. J. Eine Darstellung seiner Persönlichkeit und seiner Philosophie“, Heidelb., 1908 посвящены почти исключительно изложенію и разбору философіи и богословскихъ взглядовъ Якоби. Переписка Якоби доступна въ вышеуказанномъ изданіи Рота, а также въ сборникѣ „Aus F. H. Jacobis Nachlass“, herausg. von Rud. Zoeppritz, Leipz. 1869.

мами и усердно молился, доходя порой до состояній мистическаго экстаза; такъ напримѣръ, представленіе о вѣчности настолько потрясло организмъ мальчика, что при мысли о ней онъ падалъ въ обморокъ и доходилъ до размышленій о самоубійствѣ [1]). Развивался Якоби весьма медленно, къ неподдѣльному огорченію отца, упрекавшаго его въ лѣности и ставившаго ему въ примѣръ подвижнаго и способнаго старшаго брата Іоганна Георга. Воспитаніе, полученное Фридрихомъ, было довольно поверхностно, и чтобы завершить его, шестнадцатилѣтній піэтистъ отправился въ Женеву, бывшую въ тѣ годы центромъ французскаго энциклопедизма, очутившись такимъ образомъ въ лагерѣ ярыхъ матеріалистовъ. Здѣсь онъ сталъ поневолѣ втягиваться въ кипучую интеллектуальную жизнь города Руссо, Вольтера и Лесажа, и послѣдній сдѣлался отеческимъ руководителемъ его занятій, тѣмъ самымъ положивъ начало „новой эпохѣ его жизни" [2]). Извѣдавъ въ Женевѣ матеріалистической науки, Якоби пріобрѣлъ свойственныя ему въ зрѣлые годы гибкость мысли и тонкость діалектическихъ пріемовъ, что однако ему не мѣшало относиться къ выводамъ науки съ нескрываемымъ подозрѣніемъ. Науку онъ отожествлялъ съ матеріализмомъ и былъ серьезно убѣжденъ въ томъ, что ея данныя не только не согласуются съ проявленіями жизни, но явно имъ противорѣчатъ.

Изъ женевскаго пребыванія Якоби вынесъ ту двойственность своего міросозерцанія, которая уже не покидала его во всю его жизнь и отчасти обусловила собой его разладъ съ Гете: онъ постоянно колебался между крайностями атеизма и теизма, между просвѣщеннымъ раціонализмомъ и мистицизмомъ, не находя въ себѣ того гармоничнаго духа, который помогъ бы ему найти равнодѣйствующую между столь противорѣчивыми теченіями умственной жизни тогдашней Германіи, охарактеризованной имъ въ письмѣ къ Лафатеру: „Мы живемъ въ замѣчательную эпоху; никогда еще важнѣйшіе вопросы не разсматривались со столь различныхъ сторонъ" [3]). Душа Якоби, дѣйствительно, вмѣщала въ себѣ эти крайности эпохи бурныхъ стремленій, но онъ самъ не переживалъ столь остро ихъ терзаній, какъ напр. Гете или Ленцъ. Его впечатлительный и утонченный духъ былъ такъ же чуждъ причудливыхъ прихотей эксцентричнаго [4]) Ленца

[1]) *Fr. H. Jacobi's Werke* (Leipzig, 1812—25), IV, 2, p. 67 sq.

[2]) *Eb. Zirngiebl*: Fr. H. J., 1867, p. 7.

[3]) *Fr. H. J—s* auserlesener Briefwechsel, herausg. v. Fr. Roth, 1825, I, p. 328.

[4]) Whimsical, какъ назвалъ его Гете въ Dichtung und Wahrheit.

или мощныхъ вспышекъ неукротимаго темперамента Гете, какъ и грубыхъ пріемовъ и эффектовъ Вагнера и Клингера [1]), а тѣмъ болѣе—каррикатурнаго опрощенія какого-нибудь Кауфмана [2]). Но зато Якоби и не увлекалъ за собою читателей, какъ это дѣлали восторженными своими писаніями Гердеръ, Лафатеръ, Гете, Ленцъ и другіе представители сей славной эпохи. Онъ былъ близокъ всѣмъ направленіямъ той эпохи, какъ и Лафатеръ, но на подобіе Лафатера онъ всѣ свои исканія сводилъ къ „интуитивному уразумѣнію" Божества, удаляясь въ этомъ отношеніи отъ большинства своихъ сверстниковъ. И несмотря на благородное служеніе истинѣ, выгодно отличавшее Якоби отъ Лафатера, онъ тѣмъ не менѣе не былъ чуждъ нѣсколько фанатичнаго прозелитизма, вслѣдствіе чего тоже могло наступить охлажденіе между нимъ и Гете, не потерпѣвшимъ, напр., чтобы фанатикъ Лафатеръ обратилъ его свободный геній на свой „путь истины". И могъ ли Гете, „дышавшій съ природой одною жизнью", отнестись равнодушно къ взглядамъ Якоби на природу, подобнымъ слѣдующимъ, изложеннымъ имъ въ статьѣ „Von den göttlichen Dingen" [3]):... „Природа никогда не порождаетъ того, что происходитъ только отъ Бога и предполагаетъ наличность свободы: добродѣтель, безсмертіе. Человѣкъ являетъ въ себѣ Бога, подымаясь своимъ духомъ *надъ природой* и противопоставляя себя ей на основаніи этого духа какъ *независимая отъ природы* и неодолимая сила, сражающаяся съ ней, побѣждающая и порабощающая ее". Но о натянутости отношеній Гете и Якоби рѣчь будетъ впереди.

Жизнь Якоби складывалась для него весьма счастливо: будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, онъ женился по выбору отца на богатой голландкѣ Бетти Клермонтъ и зажилъ съ нею неомрачаемой

---

[1]) О Ленцѣ и Клингерѣ, а также о Wagner'ѣ существуютъ монографіи Эр. Шмидта (Berl. 1878 и 1879[2]); Клингеру посвященъ кромѣ того трехтомный трудъ М. Ригера (Darmstadt, 1880 сл.), а Ленцу крупное изслѣдованіе московскаго ученаго М. Н. Розанова: Поэтъ періода „бурныхъ стремленій" Я. Ленцъ, Москва, безъ обозначенія года, стр. 500 + 57. Вышло нѣм. изд. въ перев. Gütschow'a (Leipz. 1909).

[2]) О послѣднемъ см. H. Düntzer: „Chr. Kaufmann, der Apostel der Geniezeit", Leipz. 1882. Сатирическій романъ „Plimplamplasko der hohe Geist", въ которомъ осмѣяны Кауфманъ и ему подобные выродки эпохи бури и натиска, изданъ въ приложеніи къ монографіи A. Langmesser: „Jakob Sarasin, der Freund Lavaters, Klingers, Lenzens", Zürich, 1899 и новымъ изданіемъ въ 1913 г., съ вступительной статьей Henning'a (Hamburg, E. Behrens).

[3]) F. H. J—s Werke (Leipz. 1812—25), III, 424.

никакими недоразумѣніями жизнью въ богатомъ имѣніи Pempelfort близъ Дюссельдорфа. Жизнерадостная женщина создала вокругъ своего супруга атмосферу уюта и семейнаго счастья, немало способствовавшую превращенію Пемпельфорта въ замѣчательный уголокъ германской культуры. Гете отдаетъ дань уваженія этой симпатичной женщинѣ въ своей автобіографіи [1]): „Въ ней не было и слѣда сентиментальности; великолѣпная голландка, обладавшая правильнымъ чутьемъ и даромъ привѣтливой рѣчи, напоминала собою типъ Рубенсовскихъ женщинъ, однако, безъ отпечатка излишней чувственности". А Гейнзе, жившій съ іюня мѣсяца 1774 г. въ Дюссельдорфѣ и Пемпельфортѣ, въ восторженныхъ словахъ отзывается о ней въ письмѣ къ своему „Herzensvater Gleim": „Бетти—о любезнѣйшій отецъ Глеймъ, что̀ представляетъ вся наша мудрость и вся поэзія по сравненію съ ея лицомъ, на которомъ улыбаются вѣчный миръ, невинность и блаженство! При взглядѣ ея нѣжныхъ ласковыхъ очей забываешь небо и землю, Римъ и Смирну, Этну и всѣ острова Архипелага,—и Фрицъ Якоби достоинъ ея любви" [2]).

Въ гостепріимный Пемпельфортъ стали стекаться знаменитые современники и современницы Якоби, радушно принимаемые хозяевами, поддерживавшими сношенія со всѣми почти представителями нѣмецкой литературы второй половины XVIII вѣка. „Пемпельфортъ являлся пріятнѣйшимъ и привѣтливѣйшимъ мѣстопребываніемъ, гдѣ постоянно собирался кружокъ просвѣщенныхъ и симпатичныхъ людей въ просторномъ жиломъ домѣ, къ которому примыкали тѣнистые сады" [3]). Пемпельфортъ сдѣлался такимъ же центромъ умственной жизни, какимъ въ разное время XVIII вѣка были Гальберштадтъ, мѣстопребываніе безобиднаго анакреонтика Глейма, Эренбрейтштейнъ съ салономъ автора чувствительнаго романа „Das Fräulein von Sternheim" Софіи Ларошъ, бабушки Клеменса и Беттины Брентано, или же впослѣдствіи Страсбургъ, пріютившій въ 70-хъ годахъ въ старинныхъ стѣнахъ своихъ Гердера и буйный кружокъ сильныхъ геніевъ (Kraftgenies), въ особенно же яркой степени Веймаръ, незначительный городокъ Тюрингіи, которому выпала доля быть „и малымъ, и великимъ, какъ Виѳлеемъ въ Іудеѣ", наконецъ, въ Іенѣ со-

---

[1]) G—s sämtliche Werke, Jubiläums-Ausg., Cotta, Bd. 24, p. 212.

[2]) *Wilhelm Heinse*: Sämtl. Werke, herausg. v. C. Schüddekopf. Bd. IX (Briefe), 1904 (Insel-Verlag), p. 212.

[3]) G—s sämtl. Werke, Jubil.-Ausg., Cotta, 24, p. 219. Ср. статью Manthey Zorn: „F. H. Jacobis home at Pempelfort", Modern Philology 5, № 1.

стоялось задорное выступленіе старшихъ романтиковъ противъ признанныхъ истинъ и авторитетовъ 1790-хъ годовъ.

Среди гостей Пемпельфорта и лицъ, состоявшихъ въ перепискѣ съ его хозяевами, можно назвать и Лессинга, и „сѣвернаго мага“ Гамана [1]), и покровителя молодыхъ поэтовъ Глейма, и Гердера, и Виланда, и Лафатера, и бурнаго и талантливаго Гейнзе, и ревностную католичку княгиню Голицыну [2]), и обожаемую всѣми прекрасными душами Софію Ларошъ, и пріятельницу Лессинга Элизу Реймарусъ [3]). Непринужденный обмѣнъ мыслей оживлялъ какъ переписку, такъ и непосредственное общеніе съ даровитыми обитателями знаменитой усадьбы въ долинѣ Рейна. Въ этихъ отношеніяхъ знаменитыхъ носителей и носительницъ тогдашней нѣмецкой культуры сказывается въ самомъ привлекательномъ видѣ расцвѣтъ неогуманизма, явившагося на смѣну безудержнымъ вспышкамъ „бури и натиска“.

Рядомъ съ Фридрихомъ-Гейнрихомъ Якоби во главѣ семейства стоялъ старшій братъ его Іоганнъ Георгъ (род. въ 1740 г.), отличавшійся въ дѣтствѣ болѣе подвижнымъ умомъ и бойкимъ характеромъ, чѣмъ медлительный и задумчивый Фрицъ, и потому считавшійся среди родныхъ болѣе способнымъ и значительнымъ, чѣмъ младшій братъ. Развитіе Іоганна Георга Якоби не сопровождалось мучительными процессами самоанализа и уединеннымъ волненьемъ жаркихъ думъ; онъ сумѣлъ раньше брата пожать дешевые лавры заряднаго поэта, но мало-по-малу пальма первенства въ области литературнаго творчества стала переходить къ болѣе даровитому и глубокомысленному младшему брату, впрочемъ, безъ ущерба для

---

[1]) Переписка Гамана съ Ф. Г. Якоби (съ 1782 до 1788 г. — года смерти Гамана) содержитъ въ себѣ интереснѣйшія данныя о міросозерцаніи, интересахъ и занятіяхъ кенигсбергскаго пророка, являясь такимъ образомъ значительнѣйшимъ документомъ къ его біографіи, на ряду съ перепиской его съ Гердеромъ. Изд. въ F. H. Jacobi's Werke, IV-ter Bd., 3-te Abtlg., 1819, и полнѣе—въ „Johann G. Hamanns, des Magus im Norden, Leben und Schriften“, von C. H. Gildemeister, томъ V. Религіозные вопросы и знаменитая полемика Якоби о сущности философіи Спинозы составляютъ главное содержаніе этой замѣчательной переписки „милаго сердцу отца“ Гамана съ „дорогимъ братомъ Іонаѳаномъ“ Якоби, какъ они постоянно называютъ другъ друга въ этихъ письмахъ.

[2]) Рожденная графиня фонъ-Шметтау. Благодаря ея вліянію перешелъ въ католичество графъ Фридрихъ Штольбергъ; Гаманъ, цѣнившій ея мистическую набожность, скончался въ ея домѣ въ Мюнстерѣ (въ 1788 году).

[3]) Большинство сохранившихся писемъ изд. въ вышеуказанныхъ двухъ сборникахъ F. Roth'a и R. Zoepprіtz'a.

ихъ неизмѣнно дружескихъ отношеній. Вліяніе клики Клотца въ Галле, къ которой примкнулъ было на время Іоганнъ Георгъ, не сказалось на его ровномъ характерѣ столь губительно, какъ на чувственной и неустойчивой фигурѣ Бюргера. Молодой Якоби долго колебался въ выборѣ призванія: ни богословіе, ни юриспруденція не удовлетворяли его эстетическихъ наклонностей, и онъ съ 1762 г. окончательно посвятилъ себя занятіямъ литературой. Знакомство съ Глеймомъ, перешедшее вскорѣ въ нѣжную дружбу, выяснило молодому поэту доступную ему ограниченную область поэзіи, которую онъ и сталъ культивировать въ многочисленныхъ посредственныхъ стихотвореніяхъ: умѣренное наслажденіе жизнью, постоянно сдерживаемое въ извѣстныхъ рамкахъ девизомъ ne quid nimis, соединеніе радости съ добродѣтелью и восторженный культъ нѣжной дружбы были незатѣйливымъ содержаніемъ какъ міровоззрѣнія, такъ и анакреонтической поэзіи Глейма и І. Г. Якоби. Въ стихотворныхъ и прозаическихъ посланіяхъ въ игривомъ тонѣ они оба недурно подражали французскимъ писателямъ эпохи рококо Грессе (Gresset), Шольё (Chaulieu) и Грекуру (Grécourt), о чемъ свидѣтельствуетъ любопытный памятникъ дружбы [1]) двухъ поэтовъ, соединяющій въ себѣ граціозность легкаго пасторальнаго жанра съ нѣжной чувствительностью Ричардсоновскихъ романовъ. Къ этимъ письмамъ [2]) нельзя прилагать современной мѣрки: ихъ слѣдуетъ разсматривать какъ одно изъ звеньевъ среди проявленій эпохи чувствительности, являвшейся реакціей и протестомъ противъ преобладанія раціонализма въ религіи, поэзіи и бытѣ, совершенно исключающаго область чувства и душевныхъ запросовъ. Каждое письмо одного изъ друзей находитъ восторженный откликъ въ душѣ другого; такъ І. Г. Якоби пишетъ Глейму 13-го сентября 1767 г. [3]): „Четыре письма! Четыре нѣжныхъ любезныхъ письма, какихъ не писалъ еще ни одинъ поэтъ, ни одинъ другъ, ни одна возлюбленная. Что за сокровище! О, мой милѣйшій, мой любезнѣйшій Глеймъ. Какъ же можно отвѣчать на такія письма? Я хотѣлъ бы обнять Васъ, тысячу разъ обнимать Васъ, и взглядъ, столь же нѣжный, какъ тотъ, который кинулъ нѣкогда Клейстъ на

---

[1]) „Briefe des Herrn J. G. Jacobi“ и „Briefe der Herren Gleim und Jacobi“ (1768), издававшіеся впослѣдствіи въ одномъ томикѣ.

[2]) См. характеристику этой переписки и подобныхъ явленій въ монографіи. V. Tornius: „Die Empfindsamen in Darmstadt“, Leipz., Klinkhardt u. Biermann (безъ года), p. 19 sq.

[3]) Изданіе означенной переписки 1778 г., II, стр. 25.

своего Глейма, открылъ бы передъ Вами всѣ чувства моего сердца". Или Якоби молитъ Амура [1]): „О, отправься тихонько къ моему другу, и если онъ, погруженный въ чтеніе и писаніе бумагъ, не пожелаетъ тебя увидѣть, то влѣзь на громаднѣйшую кипу ихъ, взмахни крыльями, какъ птичка Хлои, пренебрегаемая ею, и если онъ все-таки не услышитъ тебя, то схвати его лиру и пригрози ему, что ты ее разстроишь... Затѣмъ, Амуръ, назови ему печальнымъ голосомъ мое имя... Нарисуй напротивъ его ложа образъ его друга въ тоскующей позѣ, съ чертами покинутой возлюбленной, чтобы, просыпаясь, онъ видѣлъ, какъ я несчастенъ!.. Ахъ Амуръ, дорогой Амуръ, развѣ мои посланьица и мои пѣсенки не нравятся ему болѣе? Тогда я перестану пѣть, тогда ужъ не любы мнѣ болѣе ни лира моя, ни пѣсни Грессе и Шолье, которыя я доселѣ дерзалъ напѣвать".

Конечно, подобная игра эротическими пріемами въ дружескомъ союзѣ 47-лѣтняго мужчины съ 27-лѣтнимъ и преувеличенная экзальтація въ описаніи ихъ дружескихъ чувствъ нравились отнюдь не всѣмъ современникамъ; мы увидимъ, что онѣ способствовали поддержанію въ Гете отрицательнаго отношенія къ братьямъ и ихъ кружку. Суровому осужденію эти письма подверглись со стороны признаннаго главы нѣмецкой поэзіи Клопштока, укоризненно писавшаго фленсбургской красавицѣ Цециліи Амброзіусъ (21-го іюня 1768 г.) [2]): „Неужели эти бездѣлушки могли вамъ серьезно понравиться? Итакъ вамъ понравилось все это безобразіе съ пресловутымъ Амуромъ!..." И годъ спустя молодой Гердеръ довольно прозрачно намекнулъ на письма въ „Kritische Wälder" [3]): „Когда въ нашихъ элегіяхъ и одахъ порхаетъ Амуръ со своимъ колчаномъ, когда у грековъ и римлянъ нами заимствуется цѣлая номенклатура любовныхъ выраженій, которыми пересыпаются даже письма, обмѣниваемыя мужчинами, то подобное балагурство не только погрѣшаетъ противъ человѣческаго достоинства, но и противъ простого здраваго смысла, превращаясь въ приторный вздоръ" [4]). На Якоби особенно сильное впечатлѣніе произвели кри-

[1]) Ibid., p. 55, 56.

[2]) „Briefe von und an Klopstock", mit erläuternden Anmerkungen herausg. von J. M. Lappenberg, Braunschweig 1867, p. 209.

[3]) Herders Werke, III-ter Tl., 2-te Abteilung, изд. Kürschners Nationalliteratur, p. 31, 32.

[4]) Отличную характеристику поэзіи и писемъ І. Г. Я. можно найти въ „Ungedruckte Briefe von und an J. G. J.", herausg. v. Ernst Martin, Quellen u. Forsch., II, 1874. Не безъ ироніи объ этой поэзіи отзывается и Клингеръ въ 1-ой сценѣ

тики, отмѣчающія безнравственность его писемъ и пѣсенъ, а также вредъ, причиняемый ими христіанской религіи, и онъ перешелъ на невинно-пасторальные мотивы, настроивъ свою лиру на набожно морализирующій ладъ. Съ 1774-го по 1776-ый годъ онъ издавалъ въ ближайшемъ сотрудничествѣ съ Гейнзе дамскій журналъ „Iris", предназначенный для поднятія эстетическаго вкуса и нравственнаго уровня читательницъ.

Тѣмъ временемъ сложный процессъ умственнаго развитія младшаго брата протекалъ въ иномъ направленіи. Въ Женевѣ Фр. Якоби не только ознакомился съ методами матеріалистической науки и съ раціоналистической діалектикой, но и съ вдохновенной проповѣдью Руссо. „Слѣдуетъ идти вслѣдъ за природой и съ тѣмъ пыломъ и той силой воспринимать даваемыя ею простыя и чистыя ощущенія, какія она же вселила въ наши сердца" [1]), пишетъ онъ Софіи Ларошъ въ 1771 году. Ученіе Руссо могло лишь углубить душевную жизнь Якоби, а также и ту пропасть, которая отдѣляла область воспріятій и понятій, создаваемыхъ мышленіемъ, отъ области душевныхъ переживаній, и человѣку постоянно приходится выбирать между этими двумя, взаимно исключающими другъ друга противоположностями: „Свѣтъ сіяетъ въ моемъ сердцѣ, но когда я его переношу въ разсудокъ, то онъ гаснетъ. Какая же изъ двухъ очевидностей (Klarheiten) истинна? Очевидность ли разума, являющая намъ опредѣленные образы, но за ними одну лишь бездонную пропасть? Или же очевидность сердца, озаряющая обѣтованный путь въ горнія высоты, но не дающая намъ опредѣленнаго познанія?" [2]) И въ скорбномъ недоумѣніи онъ спрашиваетъ себя: „Можетъ ли вообще человѣческій духъ постигнуть и охватить истину, если въ немъ обѣ очевидности не соединяются въ *одинъ* свѣтъ? И развѣ осуществленіе подобнаго соединенія мыслимо иначе какъ посредствомъ чуда?" Итакъ, мы видимъ, что пытливый умъ Фр. Якоби дошелъ до того тупика, къ которому всегда приводятъ теоретическія размышленія о противоположныхъ стремленіяхъ человѣческой природы: онъ безнадежно взываетъ къ ultima ratio, къ сверхъестественному улаженію спорныхъ мучительныхъ вопросовъ при помощи чуда. Но въ универсальныхъ личностяхъ осуществляется подобное сочетаніе противоположныхъ началъ, а потому

драмы „Das leidende Weib", гдѣ одинъ изъ молодыхъ эстетовъ восхваляетъ „игривую грацію нѣжной прелестной музы въ пѣсняхъ Якоби" (см. изд. Hendel. стр. 15).

[1]) Auserlesener Briefwechsel, herausg. v. Fr. Roth, 1825, I, p. 44.

[2]) Fr. H. J—s Werke, I. Bd., 1812.

знакомство съ молодымъ Гете было для Фр. Якоби настоящимъ откровенiемъ: здѣсь онъ увидѣлъ тотъ синтезъ пытливыхъ исканiй ума и могучихъ порывовъ сердца, котораго алкала мятущаяся душа его. Не будучи въ состоянiи добиться подобнаго гармоничнаго синтеза, онъ, подходя къ перепутью, всегда выбиралъ путь душевныхъ стремленiй и того инстинктивнаго чутья, руководительству котораго довѣрялся и его другъ Гаманъ, съ сожалѣньемъ и не безъ скрытаго недовѣрiя взирая на путь рацiоналистической науки, приводившей человѣка къ „бездонной пропасти", къ нигилизму. И потому онъ не признаетъ возможности добыванiя посредствомъ науки иныхъ данныхъ кромѣ абсолютнаго отрицанiя; съ этой точки зрѣнiя онъ относился къ философiи Канта, Фихте, Шеллинга. И все вновь его тревожитъ вопросъ: какимъ образомъ можно сочетать нравственные постулаты свободнаго „я" съ требованiями человѣческой природы, подчиненной мiровымъ законамъ? „Не мудрствованiемъ человѣкъ въ состоянiи добиться добродѣтели, мудрости, блаженства: онъ долженъ быть движимымъ въ высь и самъ стремиться вверхъ..." [1]) Человѣкъ долженъ служить чести, ибо служенiе чести состоитъ въ томъ, чтобы мы были тѣмъ, чѣмъ мы кажемся, не нарушая ни одного принятаго нами закона произвольно или тайно: *истина* должна быть свята и ненарушима" [2]).

Провозглашенiемъ суверенныхъ правъ душевныхъ запросовъ надъ рацiоналистическими постулатами разсудка жизнепониманiе Фр. Якоби приблизилось къ мiросозерцанiю молодыхъ представителей эпохи „бури и натиска". И въ этомъ отношенiи Якоби остался тѣмъ же всю жизнь, отводя области чувства первенствующее мѣсто въ своей философiи. Рука объ руку съ Гете онъ могъ идти лишь постольку, поскольку послѣднiй отдавалъ дань увлеченiя „бурѣ и натиску". Когда впослѣдствiи Якоби сталъ рѣзче проводить грань между природой и человѣкомъ, рекомендуя послѣднему становиться *надъ* природой и даже идти *противъ* нея, а Гете продолжалъ проповѣдывать довѣрчивое отношенiе къ руководительницѣ и вседержительницѣ природѣ, то ихъ дружба, конечно, должна была потерпѣть нѣкоторое охлажденiе. Фр. Якоби обладалъ большой потребностью въ горячей любви и беззавѣтной дружбѣ: его мягкое любвеобильное сердце не умѣло таить въ себѣ ровныя или подогрѣтыя чувства, отдаваясь цѣликомъ увле-

---

1) Fr. H. J—s Werke, IV^{a}, 1819, p. 230

2) Ibid., p. 245.

ченію дружбой. Такъ онъ могъ писать въ 1773 г. Софіи Ларошъ [1]: „Мои размышленія о васъ, мои чувства къ вамъ такого рода, что я не желаю себѣ ничего болѣе цѣннаго, чѣмъ сознаніе, что я разъ въ жизни былъ такъ же любимъ, какъ я люблю васъ". Очень можетъ быть, что Фр. Якоби воспринялъ изъ этихъ восторженныхъ отношеній къ Софіи Ларошъ то возвышенное понятіе о дружбѣ, которое проходитъ красною нитью въ его романахъ „Allwill" и „Woldemar". Душа его принадлежитъ ей, ибо знакомство съ ней произвело цѣлый переворотъ въ его образѣ мыслей [2]). Подобнымъ же энтузіазмомъ проникнуты недолговременныя, но пылкія отношенія къ Виланду, сердечному другу Софіи Ларошъ, достигшія вскорѣ же послѣ первой встрѣчи кульминаціонной точки; однако ближайшее знакомство съ личностью и нравственнымъ credo Виланда быстро охладило пылъ Фр. Якоби. Этому знакомству способствовало главнымъ образомъ совмѣстное съ Виландомъ изданіе „Меркурія" (Der Merkur) [3]), весьма скоро обнаружившее существенныя разногласія между обоими издателями [4]), какъ это явствуетъ изъ вышеуказанныхъ писемъ ихъ обоихъ. Разсерженный Виландъ предлагалъ даже молодому другу разойтись въ мирѣ: „Авраамъ и Лотъ тоже были братьями, какъ и мы; но когда они замѣтили, что отношенія ихъ могутъ дойти до отношеній подобныхъ нашимъ теперешнимъ, то они благоразумно порѣшили разойтись полюбовно" [5]). На этотъ разъ добродушный Виландъ постарался вновь наладить отношенія, которыя испортились затѣмъ опять въ 1777 г., когда Виландъ напечаталъ разсужденіе „О божественномъ правѣ начальства" [6]).

---

[1]) Auserlesener Briefw., I, 147.

[2]) Auserlesener Briefw., I, 141.

[3]) Впослѣдствіи этотъ журналъ перешелъ въ исключительное вѣдѣніе Виланда и сталъ издаваться подъ названіемъ „Teutscher Merkur".

[4]) Ср. напр. письмо Виланда отъ 16-го іюля 1773 г.: Auserles. Briefw. I, 116 sq.; письмо Якоби отъ 8-го августа 1773 г.: ibid., 121 sq.; письмо Виланда отъ 14-го августа 1773 г.: ibid., I, 131.

[5]) Ibid., I, p. 137.

[6]) Гете даетъ слѣдующую характеристику писемъ Виланда, по выходѣ въ свѣтъ изданнаго F. Roth'омъ „Fr. H. J—s auserlesener Briefw.", въ 1827 г., въ разговорѣ съ Эккерманомъ: „Виландъ по обыкновенію и въ этихъ письмахъ является привѣтливымъ человѣкомъ и чувствуетъ себя какъ дома. Не придерживаясь никакихъ опредѣленныхъ мнѣній, онъ обладалъ способностью входить въ чужія убѣжденія. Онъ былъ подобенъ тростнику, колыхавшемуся отъ вѣтра противоположныхъ мнѣній, но все же крѣпко державшемуся на своихъ тонкихъ корешкахъ". Joh. P. Eckermann, Gespräche mit Goethe, herausg. v. L. Geiger (Leipzig, Hesse), p. 191.

Якоби, умѣвшій довольно рѣшительно отстаивать свои убѣжденія и не чуждый рѣзкости въ полемическихъ пріемахъ, отличался въ зрѣлые годы той свѣтскостью и выдержкой въ обращеніи съ людьми, которая устраняла съ ихъ стороны излишнюю фамильярность или личные выпады. Молодому Гете нравились изящество манеръ и благородная осанка стройнаго, всегда безукоризненно одѣтаго Фр. Якоби; въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ старикъ Гете слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ его образъ: „Якоби былъ собственно говоря прирожденнымъ дипломатомъ, красивымъ человѣкомъ со стройнымъ станомъ, весьма изящныхъ манеръ, и оказался бы вполнѣ на мѣстѣ, если бы его назначили посланникомъ. Для того чтобы стать поэтомъ или философомъ, ему кой-чего недоставало“ [1]).

Сохранилось много свидѣтельствъ [2]) о томъ впечатлѣніи, которое производилъ Якоби на современниковъ. Благочестивый Юнгъ-Штиллингъ, протеже Гете, издавшаго его автобіографію, такъ характеризуетъ дюссельдорфскаго философа-моралиста въ 1774 г.: „Отъ его живого темперамента сыпались искры остроумія, а его высоко развитое философское чутье заставляло его сообразовывать сужденія съ мѣриломъ приличія, свѣта и права“ [3]). А четыре года спустя одинъ изъ представителей веймарскаго кружка, Ф. Г. Эйнзидель, пишетъ своему другу К. Л. Кнебелю: „Совѣтникъ Якоби—одинъ изъ любезнѣйшихъ, благороднѣйшихъ людей, какихъ мнѣ приходилось видѣть, весьма привлекательной внѣшности и изящнаго поведенія,—съ братомъ его, поэтомъ, ты вѣдь знакомъ“ [4]).

Молодой Гете не воспользовался представившимися случаями познакомиться съ кружкомъ Якоби: слащавая сверхъ-чувствительная поэзія старшаго Якоби, не постѣснявшагося предать гласности свои кокетливыя признанія въ любви и дружбѣ къ пожилому Глейму, а также дружескія отношенія пемпельфортскихъ обитателей къ Виланду, бывшему въ то время мишенью для весьма ядовитой сатиры бурныхъ геніевъ, не могли, конечно, вызвать особыя симпатіи со стороны признаннаго вождя молодого поколѣнія. Творецъ „Гётца-фонъ-Берлихингена“ соединялъ въ своей душѣ бурный пылъ неукротимаго генія, находящаго въ одномъ безпредѣльномъ предѣлъ своимъ стремленіямъ,

---

[1]) Eckermann, op. cit., p. 190.

[2]) Cp. Ad. Holtzmann: „Über Eduard Allwills Briefsammlung“, Jena, p. 4 sq.

[3]) Jung-Stillings Werke, I, p. 323.

[4]) „K. L. von Knebel's literarischer Nachlass und Briefwechsel“, herausg. v. Varnhagen von Ense und Mundt, Leipz. 1840, I, p. 233.

съ нѣжной чувствительностью дармштадтскихъ прекраснодушныхъ представительницъ кружка „святыхъ“ [1]). Двадцатичетырехлѣтній Гете шагнулъ въ своемъ умственномъ и поэтическомъ развитіи значительно дальше тѣхъ условныхъ рамокъ, въ которыхъ вращались философія и эстетика обоихъ Якоби. Отдавъ дань уваженія всеобщему увлеченію галантной поэзіей въ духѣ французскаго рококо и игривыми мотивами пастушьяго жанра, онъ по возвращеніи изъ Лейпцига, выздоравливая послѣ тяжелой болѣзни въ отцовскомъ домѣ во Франкфуртѣ, углубился въ чтеніе книгъ религіознаго содержанія, размышляя надъ пытливыми исканіями человѣчества въ области религіозныхъ проблемъ и давая тѣмъ самымъ „прекрасной душѣ“ Сусанны Клеттенбергъ [2]) поводъ смутно таить въ себѣ надежду на присоединеніе 20-лѣтняго Вольфганга къ міровоззрѣнію благочестивыхъ гернгутеровъ. Съ другой стороны Гете искалъ отвѣтовъ на мучившіе его вопросы въ твореніяхъ алхимиковъ, Теофраста Парацельза [3]), въ таинственномъ „Opus mago-cabbalisticum“ Веллинга и въ бредовыхъ видѣніяхъ Сведенборга, но, разумѣется, тщетно: его проницательный, „орлиный“ взоръ не удовольствовался туманными перспективами и мистическими восторгами; уже 26-го августа 1770 г., въ письмѣ къ Сусаннѣ фонъ-Клеттенбергъ [4]) онъ сознается въ полномъ разочарованіи въ піэтизмѣ, а жизнь въ Страсбургѣ [5]) произвела въ немъ такой нравственный и умственный переломъ, что онъ уже прекратилъ впослѣдствіи всякія попытки раскрыть тайны природы посредствомъ Соломонова ключа или алхимической кухни. Въ Страсбургѣ Гете позналъ въ себѣ близость къ національной жизни, восторгаясь средневѣковымъ искусствомъ и черпая, подъ вліяніемъ Гердера, изъ вѣчно юнаго и свѣжаго, но

---

[1]) Къ этому кружку принадлежали главнымъ образомъ три воспѣтыя Гете дѣвушки: Каролина Флаксландъ, невѣста Гердера („Психея“), Луиза фонъ-Циглеръ („Лила“), которую Каролина прочила въ невѣсты Гете, и Генріэтта фонъ-Руссильонъ („Уранія“). Въ теченіе 1772 и 1773 гг. Гете появлялся по временамъ въ Дармштадтѣ и получилъ кличку „странника“ изъ-за постоянныхъ своихъ пѣшеходныхъ странствій, коими онъ старался заглушать рвущееся наружу душевное безпокойство.

[2]) Бывшей въ дружбѣ и перепискѣ съ „возлюбленнымъ братомъ“ Лафатеромъ. О ней вышла книга H. Funck'a: „Die schöne Seele“. Bekenntnisse, Schriften und Briefe von Susanna Katharina von Klettenberg, Leipzig, Insel-Verlag, 1911.

[3]) Ср. монографію Agnes Bartscherer: „Paracelsus, Paracelsisten und Goethes Faust“, а также двѣ первыя статьи въ ея сборникѣ: „Zur Kenntniss des jungen Goethe“, Dortmund, 1912.

[4]) „Der junge Goethe“, herausg. v. M. Morris, Insel-Verlag, II, p. 11.

[5]) Лучшая характеристика Гете Страсбургскаго періода дана Эрихомъ Шмидтомъ въ новомъ изданіи его „Charakteristiken“ (Weidmann).

дотолѣ неиспользованнаго поэтами источника народной поэзіи, а любовное увлеченіе дочерью сельскаго пастора [1]) заставило его извѣдать радости и страданія юношеской страсти. Душевная жизнь поэта подверглась вліянію господствовавшей въ началѣ 1770-тыхъ годовъ чувствительности, и съ одной стороны мы видимъ въ немъ творца драмы кипучей дѣятельности и строптиваго своеволія независимаго и благороднаго рыцаря Гетца, съ другой стороны его дармштадтскіе гимны-элегіи и вѣнецъ нѣмецкаго сентиментализма „Страданія молодого Вертера" свидѣтельствуютъ о той дани, которую воздавалъ его геній доминирующему направленію той эпохи. Поклонникъ Гомера, Пиндара, Шекспира и Руссо, съ душой, носившей въ себѣ „сто міровъ" (von hundert Welten trächtig), молодой Гете, а также его сверстники, стали въ открытую оппозицію всему искусственному и условному въ жизни и поэзіи, не щадя въ своихъ рѣзкихъ памфлетахъ ни пасторально настроеннаго Глейма, ни морализирующихъ друзей его Якоби, ни фривольнаго Виланда.

Такимъ предсталъ молодой Гете передъ братьями Якоби въ іюлѣ 1774 года, превозмогши свою антипатію къ нимъ—сподвижникамъ Виланда. Не сразу рѣшился онъ протянуть имъ руку. Въ своей автобіографіи Гете вспоминаетъ о шуткахъ, вызванныхъ дружеской перепиской Глейма и І. Г. Якоби. „Вслѣдствіе этого возникла нѣкоторая натянутость отношеній между верхнимъ и нижнимъ Рейномъ, но столь незначительная, что посредничество друзей могло бы съ легкостью ее устранить, для каковой роли женщины оказались весьма пригодными. Уже Софія Ларошъ [2]) внушила намъ самое лестное представленіе объ обоихъ благородныхъ братьяхъ; demoiselle Фальмеръ [3]), переселившаяся изъ Дюссельдорфа во Франкфуртъ, близкая родственница кружка Якоби, свидѣтельствовала искренней задушевностью своей и несомнѣннымъ образованіемъ о достоинствахъ общества, въ которомъ она выросла. Понемногу она сумѣла пристыдить насъ за рѣзкость верхне-нѣмецкой манеры („grelle oberdeutsche Manier") и прі-

---

[1]) Новѣйшее изслѣдованіе о Гете и Фридерикѣ принадлежитъ Ad. Metz'y: „Friederike Brion". Eine neue Darstellung der „Geschichte in Sesenheim". München, Beck, 1911.

[2]) Ср. особенно „Fritz Schlossers Nachlass", herausg. v. Frese, 1876 и „Aus F. H. Jacobis Nachlass", herausg. v. R. Zoeppritz, 1869, passim.

[3]) Она приходилась теткой обоимъ братьямъ Якоби, будучи однако годомъ моложе Фридриха, съ которымъ ее связывали узы тѣсной дружбы. Письма Гете къ ней изданы впервые Ulrichs'омъ: „G—s Briefe an Johanna Falmer", 1875.

учила насъ къ деликатности, давъ намъ почувствовать, что и мы въ ней нуждаемся" [1]).

Въ письмѣ къ Виланду, въ 1775 г., Фр. Якоби шутливо напоминаетъ своему пожилому другу о прежнемъ опасливомъ отношеніи ихъ къ Гете: „Сначала мы оба видѣли въ немъ яраго волка, нападавшаго по ночамъ на порядочныхъ людей и опрокидывавшаго ихъ въ грязь. Мерзкое животное! восклицали мы, и притомъ я гораздо громче васъ" [2]). И нельзя отрицать того факта, что они съ своей точки зрѣнія были, пожалуй, правы, называя Гете столь нелестными эпитетами.

Съ Іоганной Фальмеръ, сводной сестрой матери братьевъ Якоби, Гете, очевидно, познакомился зимой 1772—1773 г. во Франкфуртѣ (куда она переѣхала съ матерью въ іюнѣ 1772 г., когда Гете проживалъ въ Ветцларѣ), ибо въ мартѣ мѣсяцѣ 1773 г. онъ уже пишетъ ей письма [3]). Эти письма Гете къ молодой особѣ поражаютъ насъ непринужденной откровенностью содержанія и чуждымъ рамокъ благонравія слогомъ „оригинальныхъ геніевъ". Но ни ей, ни симпатичной женѣ Фр. Якоби, „Бетти", прожившей весну 1773 г. во Франкфуртѣ, не удавалось сначала сблизить Гете съ дюссельдорфскими поэтами, хотя онъ велъ съ обѣими женщинами дѣятельную переписку. Кестнеру онъ пишетъ въ Ветцларъ 15-го сентября 1773 г.: „Жена совѣтника Якоби была здѣсь, весьма любезная славная женщина; я прекрасно уживался съ нею, но избѣгалъ всякихъ объясненій и прикидывался, какъ будто у нея нѣтъ ни мужа, ни зятя. Вѣроятно, она приложила бы старанія къ посредничеству между нами, а я не желаю ихъ дружбы. Пусть они заставятъ меня ихъ уважать, какъ я теперь ихъ презираю, и тогда я хочу и долженъ ихъ полюбить" [4]).

Что Гете вовсе не скрывалъ своихъ враждебныхъ отношеній къ Дюссельдорфу, доказываютъ какъ его письма къ І. Фальмеръ, такъ и нѣкоторые отзывы современниковъ о немъ. Поэтъ Шенборнъ, остановившійся, проѣздомъ изъ Копенгагена въ Алжиръ, во Франкфуртѣ, пишетъ автору „Шлезвигскихъ литературныхъ писемъ" и „Уголино", Герстенбергу, что Гете—„непримиримый врагъ Виланда и его братіи. Онъ прочелъ мнѣ нѣсколько фарсовъ, сочиненныхъ имъ на него

---

[1]) Dichtung und Wahrheit, III-ter Teil, 14-tes Buch. Cotta, Jubiläumsausgabe, Bd. 24, p. 211.

[2]) Auserles. Briefwechsel, I, p. 210.

[3]) Ср. „Der junge Goethe", herausg. von M. Morris, Bd. III, p. 33 (первое письмо).

[4]) Der junge Goethe, III, p. 55.

[Виланда] и Якоби, въ которыхъ оба угощаются цѣлыми зарядами сатиры" [1]). И съ непонятной для насъ яростью Гете обрушивается на злополучныхъ братьевъ Якоби за то, что они черезъ посредство г-жи Ларошъ обратились къ сестрѣ его Корнеліи Шлоссеръ, а также къ Іоганну Христіану и Лоттѣ Кестнеръ съ просьбой о подпискѣ на издаваемый (съ 1774 г.) журналъ для дамъ „Iris". „Я полагаю", пишетъ онъ Софіи Ларошъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1774 г. [2]) съ юношеской горячностью, „что Вамъ не слѣдовало бы налагать эту контрибуцію на Вашихъ друзей въ пользу чужого человѣка, съ которымъ Вы никогда не имѣли и не будете имѣть ничего общаго, и дерзость котораго, проявляемая имъ въ попрошайничествѣ, непростительна". Съ такой запальчивостью судилъ юный Гете о замѣчательныхъ современникахъ, джентльменство которыхъ не подлежало и въ тѣ времена никакому сомнѣнію.

Затѣянная въ 1772—73-хъ годахъ кампанія молодыхъ поэтовъ противъ Виланда должна была коснуться и братьевъ Якоби, считавшихся его трабантами и единомышленниками. Уже члены Геттингенскаго союза поэтовъ обвиняли Виланда въ умышленной порчѣ нравовъ общества и противопоставляли ему свѣтлую личность Клопштока, высоко державшаго знамя поэта-пророка, не потворствовавшаго низменнымъ вкусамъ толпы и утонченной галломаніи читающей публики. Гаманъ относился отрицательно [3]) къ „поэту музъ и грацій", Гердеръ и Герстенбергъ [4]) порицали его за неудачный переводъ драмъ Шекспира. Въ 1773 г. Гете выпустилъ свой фарсъ „Das Jahrmarktsfest von Plundersweilern", а въ 1774 г., въ мартѣ мѣсяцѣ, уступая настоятельнымъ просьбамъ Ленца [5]), далъ свое согласіе на напечатаніе лучшей нѣмецкой литературной сатиры XVIII вѣка „Götter, Helden und Wieland", о чемъ онъ оповѣщаетъ Іоганну

[1]) Ibid., p. 389.

[2]) Der junge Goethe, Bd. IV, p. 9.

[3]) Ср. капитальное сочиненіе Rud. Unger'a: „Hamann und die Aufklärung", Diederichs, Jena 1911, vol. I, p. 218, 221, 222.

[4]) О проникновеніи Шекспира въ нѣмецкую литературу см. превосходное введеніе Al. von Weilen'a къ изданію „Briefe über Merkwürdigkeiten der Litteratur" (= „Schleswigsche Litteraturbriefe") H. W. von Gerstenberg, Deutsche Literaturdenkm. des XVIII и XIX. Jhrh., 29/30, Stuttg. 1890, p. VIII sq.

[5]) Объ отношеніяхъ Ленца къ Виланду, перешедшихъ изъ нескрываемо враждебныхъ въ самыя дружескія, см. монографію о немъ проф. М. Н. Розанова и вступленіе Эр. Шмидта къ „Vertheidigung des Herrn Wieland gegen die Wolken" Ленца, изд. Deutsche Litteraturdenkm., № 121, 1902.

Фальмеръ въ письмѣ [1]), написанномъ въ томъ же году; въ этомъ фарсѣ древне-греческіе боги и герои такъ же ополчаются противъ манерности въ ихъ изображеніи въ твореніяхъ Виланда, какъ съ другой стороны въ драмѣ Ленца „Der neue Menoza" (1774) принцъ Танди, пріѣхавшій изъ далекой Кумбы въ Европу учиться, рѣзко осуждаетъ безсиліе и фривольность Виландова жизнепониманія [2]), предпочитая европейской культурѣ, порождающей явленія, подобныя поэзіи Виланда, простую, неиспорченную цивилизаціей жизнь далекой родины. Правда, въ „фарсѣ" Гете личность I. Г. Якоби задѣта лишь слегка, такъ сказать попутно, о Фридрихѣ же вообще не упоминается, но мы тѣмъ не менѣе поймемъ ту опасливую мнительность, съ которой братья продолжали относиться къ „ярому волку" во Франкфуртѣ. Эта мнительность поддерживалась неосторожными отзывами Гете, не скрывавшаго своихъ антипатій, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что имъ была сочинена сатира „Das Unglück der Jacobis" [3]), впрочемъ, не опубликованная имъ. Съ одной стороны Фр. Якоби могъ назвать Гете въ письмѣ къ Виланду (6-го ноября 1773 г.) [4]) „dieser wunderbare Kopf", съ другой стороны онъ предупреждаетъ Виланда, что отъ „Гете... нельзя ожидать много хорошаго, такъ какъ онъ есть и остается необузданный и неукротимый человѣкъ" [5]).

Насталъ наконецъ моментъ личной встрѣчи Гете съ однимъ изъ его благороднѣйшихъ современниковъ, о которомъ онъ впослѣдствіи, когда жизненные пути ихъ разошлись, готовъ былъ признать [6]), что „все направленіе" его личности — „одно изъ чистѣйшихъ, какія онъ когда либо встрѣчалъ" въ жизни. Встрѣча произошла не въ Кельнѣ, какъ Гете пишетъ въ своей автобіографіи, а въ Эльберфельдѣ, гдѣ

---

[1]) Der junge Goethe, Bd. IV, p. 12.

[2]) I. M. R. Lenz, Gesammelte Schriften, herausg. v. Fr. Blei; Georg Müller, München, 1909—1913, Bd. II, p. 262. Въ 1775 г. появились „Prometheus, Deukalion und die Rezensenten" H. L. Wagner'a, „Menalk und Mopsus", „Eloge de feu Monsieur Wieland", „Pandaemonium Germanicum" Ленца, „Das leidende Weib" Клингера. Въ началѣ 1776 г. оппозиція противъ Виланда со стороны представителей Sturm u. Drang'a улеглась: Гете, Ленцъ, Клингеръ успѣли лично познакомиться съ нимъ.

[3]) Ср. Der junge Goethe, B. IV, p. 77, 81. Сохранились два рисунка Гете, опубликованные M. Morris'омъ въ „Der junge Goethe", Bd. III, 4-тый и 5-тый рисунокъ.

[4]) Fr. H. J-s auserles. Briefw. I, p. 151.

[5]) Goethe—Jahrbuch, 2, 378 и Der junge Goethe, IV, 78.

[6]) Briefw. zw. Goethe u. F. H. J., herausg. v. M. Jacobi, 1846, p. 221.

настигъ Гете путешествовавшаго Якоби; самъ Гете сопровождалъ въ іюлѣ 1774 г. двухъ „пророковъ", восторженнаго приверженца мистическаго преклоненія передъ Божествомъ Лафатера и упрямаго, грубоватаго реформатора-педагога Базедова, въ ихъ тріумфальномъ путешествіи по Рейну [1]).

Гете не послѣдовалъ заранѣе обдуманному намѣренію, когда онъ, покинувъ своихъ спутниковъ, отправился сначала въ Дюссельдорфъ, а затѣмъ въ Эльберфельдъ, въ поискахъ Фр. Якоби. „Какъ прекрасно, какъ великолѣпно", пишетъ онъ Бетти Якоби [2]), „что Васъ не было въ Дюссельдорфѣ, что я исполнилъ безхитростное велѣніе сердца. Безо всякихъ представленій, вступленій и извиненій; просто упалъ съ неба передъ Фрицемъ Якоби! И вотъ онъ и я, я и онъ!"

Лучшее описаніе этихъ замѣчательныхъ дней сохранилось въ письмѣ Гейнзе къ Кламеру Шмидту, 13 окт. 1774 г. [3]): „Представьте себѣ слѣдующее: случайно оказались въ одной комнатѣ, во-первыхъ, Гете, буйный авторъ Боговъ, героевъ и Виланда, Гейнзе, авторъ Петронія и Лаидіонъ, провидецъ вѣчности Лафатеръ, затѣмъ величайшій піэтистъ нашей мѣстности Газенкампъ, затѣмъ докторъ Юнгъ, тоже піэтистъ, затѣмъ Дешенмахеръ, тоже знаменитый піэтистъ, и затѣмъ мой Фрицъ Якоби, наконецъ художникъ, пріятель Гете, и еще шесть дамъ и господъ, также піэтистовъ, пришедшихъ увидѣть насъ въ сборѣ; и вотъ Вы бы должны были послушать, какъ Гете защищалъ Мессіаду Клопштока противъ нападокъ Газенкампа, а также «грамоту» [4]) Гердера; и услышали бы, какъ онъ меня хвалилъ, и увидѣли бы, какъ онъ нѣжно поцѣловалъ Лафатера, и увидѣли бы по этому поводу изумленіе на всѣхъ лицахъ; и увидѣли бы всѣхъ насъ мирно засѣдающими за стаканомъ вина; а когда мы вышли, чтобы осѣдлать коней, то Лафатеръ успѣлъ уже устроить нѣчто въ родѣ молебна. И все это случилось въ Эльберфельдѣ. Гете, Фр. Якоби и я поѣхали затѣмъ въ Дюссельдорфъ, и Гете остался два дня у насъ, а затѣмъ мы его проводили до Бенсберга, итальянскаго замка, изобилующаго картинами, на высокой горѣ"...

---

[1]) Кромѣ повѣствованія Гете въ „Dichtung und Wahrheit" см. также изданную H. Funck и E. Schmidt переписку Гете и Лафатера въ Schriften der Goethe—Gesellschaft, 16. Bd., 1901, гдѣ перепечатанъ дневникъ Л., посвященный путешествію, стр. 279—319.

[2]) Der junge Goethe, IV, p. 94.

[3]) W. Heinse: Sämtliche Werke, herausg. v. C. Schüddekopf, Bd. IX, Insel-Verl. 1904, p. 229, 230.

[4]) „Die älteste Urkunde des menschlichen Geschlechts".

Оттуда всѣ друзья отправились въ Кельнъ и восторгались созерцаніемъ образцовъ германскаго средневѣковаго искусства. А въ гостинницѣ „Гете декламировалъ намъ въ сумеркахъ древне-шотландскія баллады, преисполненныя истиннаго чувства природы, содержащія появленіе духовъ и призраковъ, съ неподражаемымъ мастерствомъ, такъ что при послѣдней мы не на шутку вздрогнули"... [1]).

Старикъ Гете съ любовнымъ вниманіемъ повѣствуетъ о незабвенныхъ бесѣдахъ, которыя велись между нимъ и Фр. Якоби. „Мысли, сообщаемыя мнѣ Якоби, непосредственно проистекали изъ его чувства, и я былъ задѣтъ за живое, когда онъ, безгранично довѣряясь мнѣ, не скрылъ отъ меня глубочайшихъ запросовъ души... Къ счастью, и я поработалъ надъ собой въ этой области, хоть я и не былъ просвѣщенъ въ ней, но я воспринялъ жизнь и образъ мышленія необыкновеннаго человѣка, правда въ неполномъ видѣ и исподволь, но все же чувствуя на себѣ его несомнѣнное вліяніе. Этотъ умъ, повліявшій такъ сильно на меня и на все направленіе моего мышленія, былъ не кто иной, какъ Спиноза... Я нашелъ здѣсь успокоеніе своихъ страстей; казалось, передо мной раскрывался широкій просторъ и свободный видъ на міры чувственный и нравственный. Но что меня особенно привлекало въ немъ, это было безграничное безкорыстіе, сквозившее въ каждой фразѣ его сочиненій... Быть безкорыстнымъ во всемъ, безкорыстнѣе же всего въ любви и дружбѣ, стало моимъ высшимъ наслажденіемъ, девизомъ и стараніемъ" [2]). Очевидно, молодой Гете интересовался во время путешествія философіей Спинозы, такъ какъ и у Лафатера мы находимъ соотвѣтственныя замѣчанія въ дневникѣ, посвященномъ путешествію: „Гете мнѣ много разсказывалъ о Спинозѣ и его писаніяхъ. Онъ утверждалъ, что никто не выражался о природѣ Божества такъ близко къ изреченіямъ Спасителя, какъ онъ. Всѣ новѣйшіе деисты, впрочемъ, только ограбили его идеи. Онъ былъ крайне справедливымъ, искреннимъ, бѣднымъ человѣкомъ" [3]) и т. д.

Можно себѣ представить, что подобные разговоры на темы, глубоко затрагивающія сущность вѣры и нравственности, волновали молодого Якоби, съ юныхъ лѣтъ отдававшагося разрѣшенію мучительныхъ загадокъ и проблемъ богоискательства. Гете былъ тронутъ той проникновенной серьезностью, съ которой Якоби относился къ тревожив-

---

[1]) Der junge Goethe, IV, p. 116, 117. Въ своей автобіографіи Гете называетъ баллады, произведшія столь сильное впечатлѣніе на слушателей.

[2]) Jubiläumsausgabe, Cotta, Bd. 24, p. 216, 217.

[3]) Schriften der Goethe-Gesellsch., Bd. 16, 1901, p. 291.

шимъ его душу вопросамъ. „Его природа работала надъ разрѣшеніемъ самыхъ глубокихъ проблемъ, и потому онъ сердечно отнесся къ моему довѣрію... Но то, что онъ мнѣ сообщилъ о своемъ душевномъ состояніи, я не могъ постигнуть, тѣмъ болѣе что я самъ не уяснилъ себѣ своего собственнаго. Но онъ, значительно опередивъ меня въ философскомъ мышленіи, даже въ пониманіи Спинозы, старался направлять и прояснять мое смутное стремленіе. Такое чистое духовное родство было для меня ново и возбудило во мнѣ страстную жажду дальнѣйшихъ собесѣдованій. Ночью, когда мы уже разошлись по нашимъ спальнямъ, я вновь вернулся къ нему. Лунный свѣтъ трепеталъ надъ широкимъ Рейномъ, а мы, стоя у окна, наслаждались неизсякаемымъ обмѣномъ мыслей, безпрестанно обновлявшимся и свѣжимъ въ ту прекрасную пору развитія“... [1]).

Гете нашелъ, наконецъ, родственную душу даровитаго человѣка и съ жаромъ неудовлетворенности воспользовался представившимся ему случаемъ дѣлиться съ нимъ сокровенными мыслями о бытіи и Божествѣ. Р. Мейеръ [2]) утверждаетъ, что между знакомствомъ Гете съ Гердеромъ и его дружбой съ Шиллеромъ великій поэтъ ни съ кѣмъ не былъ въ столь близкихъ дружескихъ отношеніяхъ, какъ съ Фр. Якоби, достигшимъ „высшей ступени нѣмецкаго просвѣщенія тѣхъ дней“. Глубокое сочувствіе идеямъ философіи Спинозы не покидало обоихъ писателей и въ послѣдующіе годы. Якоби сослался на отзывъ Лессинга о Спинозѣ, что вызвало полемику съ Мендельсономъ [3]), задумавшимъ защищать память покойнаго друга отъ „поползновеній“ метафизика Якоби сослаться на авторитетъ Лессинга при обоснованіи своихъ антираціоналистическихъ разсужденій. Эта полемика доказала, во всякомъ случаѣ, непрекращающіяся занятія Якоби философіей Спинозы [4]). Съ другой стороны и Гете, какъ извѣстно, продолжалъ увлекаться ею, и даже расцвѣтъ философіи Канта въ 1780-хъ и 1790-хъ годахъ не могъ вытѣснить изъ его міросозерцанія

---

[1]) Jubiläumsausg., Cotta, Bd. 24, p. 217, 218.

[2]) Goethe und seine Freunde im Briefwechsel, herausg. von R. M. Meyer, Berlin, Bondi 1909, Bd. I, p. 269, 270.

[3]) Всѣ полемическія статьи, а также та часть діалоговъ Гердера о „Богѣ“ (Gott), которая содержитъ его взгляды на Спинозу, изданы Ф. Маутнеромъ въ его собраніи Bibliothek der Philosophen, Bd. II, Georg Müller, München 1912.

[4]) Подробное изложеніе полемики мы находимъ въ книгѣ Eb. Zirngiebl: F. H. J-s Leben, Dichten und Denken, Wien 1867, A, Kap. V, p. 49—70. Интересенъ пространный отзывъ Гердера о Якоби и Мендельсонѣ: „Herders Briefe an J. G. Hamann“, herausg. v. O. Hoffmann, Berl. 1889, p. 221.

взглядовъ Спинозы, этого „theissimus и даже christianissimus philosophus“, какъ Гете выразился въ письмѣ къ Якоби 9-го мая 1785 г. Онъ читалъ произведенія Спинозы вмѣстѣ съ Шарлоттой Штейнъ, его пантеистическое отношеніе къ природѣ свидѣтельствуетъ о вліяніи Спинозы, углубленномъ и расширенномъ универсальностью Гете, а отвѣтъ Фауста на вопросъ наивной Гретхенъ о вѣрѣ въ Бога носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды этого вліянія.

Въ восторженныхъ письмахъ Якоби излилъ свою радость по поводу встрѣчи съ Гете, свое восхищеніе обаятельной личностью его [1]). „Гете—тотъ человѣкъ, въ которомъ нуждалось мое сердце, который способенъ выдержать весь любовный пылъ моей души. Мой характеръ пріобрѣтетъ наконецъ истинную твердость, ибо міросозерцаніе Гете придало моимъ лучшимъ идеямъ, моимъ лучшимъ ощущеніямъ—одинокимъ, отвергнутымъ—неоспоримую достовѣрность. Этотъ человѣкъ самостоятеленъ съ ногъ до головы“. А Виланду онъ пишетъ [2]): „Чѣмъ больше я размышляю, тѣмъ живѣе я сознаю невозможность написать тому, кто не видѣлъ и не слышалъ Гете, что либо понятное объ этомъ замѣчательномъ созданіи Господа Бога“.

Конецъ 1774 и начало 1775 г. могутъ считаться временемъ самаго яркаго расцвѣта вдохновенной дружбы Якоби и Гете, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя письма, отправлявшіяся изъ Дюссельдорфа и Пемпельфорта во Франкфуртъ и наоборотъ. Въ нихъ мы находимъ богатый запасъ постоянныхъ оборотовъ и образчиковъ чувствительности, присущей сентиментальной перепискѣ 1770 годовъ. „Получивъ твое письмо, дорогой Фрицъ, я замечтался и мысленно ношусь вокругъ тебя. Ты почувствовалъ, какой это для меня восторгъ—быть предметомъ твоей любви. О, какъ это прекрасно! Каждый вѣритъ, что получаетъ отъ другого больше, чѣмъ даетъ онъ самъ! О любовь! любовь“ [3])!... Гете чувствуетъ постоянную потребность дѣлиться своими переживаніями со своимъ другомъ. „Я бы желалъ“, пишетъ онъ ему, „сидѣть вотъ этакъ противъ тебя да еще одного, у меня на душѣ тысяча всякихъ вопросовъ“ [4]).

Фр. Якоби отвѣчалъ ему взаимностью. Его письма, особенно послѣ

---

[1]) Къ Софіи Ларошъ, 10-го августа 1774 г.: Auserles. Briefw., I, p. 174; Der junge Goethe, IV, p. 118.

[2]) 27-го августа 1774 г., Auserles. Briefw., I, p. 178, 179; Der junge Goethe, IV, p. 118.

[3]) Der junge Goethe, Bd. IV, p. 129.

[4]) Der junge Goethe, Bd. IV, p. 132.

перваго мѣсяца переписки, производятъ впечатлѣніе, что онъ болѣе нуждался въ постоянномъ общеніи съ „божественнымъ юношей“, нежели Гете въ откровенномъ обмѣнѣ чувствъ и мнѣній именно съ Якоби. „Мы отпразднуемъ твой день рожденія и тутъ, и тамъ, на лонѣ природы, вездѣ. Бетти и наши дѣвицы тоже желаютъ принять участіе въ празднованіи. Во имя твое мы соберемся подъ сводомъ небесъ. Еслибъ ты зналъ, какъ часто мы собираемся во имя твое! Тысячу благодарностей и одинъ поцѣлуй, дорогой мой, за силуэтъ Лафатера“ [1]).

Можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ отозвались члены этого кружка на появленіе „Страданій молодого Вертера“, этого шедевра чувствительной поэзіи: вѣдь онъ отвѣчалъ завѣтнымъ стремленіямъ всѣхъ прекрасныхъ душъ тогдашней Германіи. Глубокій самоанализъ героя, доходящій до болѣзненности, упоеніе нѣжными чувствами любви и дружбы, тяготѣніе къ мрачной поэзіи и къ меланхоличнымъ напѣвамъ Оссіана, идеи соціальной оппозиціи бюргерства высшимъ сословіямъ, наконецъ гибкій, выразительный языкъ и прочувствованныя картины природы,—все это сводило съ ума не только нѣмецкое, но и французское общество послѣдней четверти XVIII в.. Когда Фр. Якоби получилъ въ октябрѣ 1774 г. экземпляръ романа, онъ пригласилъ къ себѣ брата и Гейнзе и сталъ имъ читать вслухъ. Особенно сильно реагировалъ на чтеніе Гейнзе. „Тотчасъ же послѣ первыхъ страницъ онъ преобразился. Смыслъ, сила воображенія, самый слогъ написаннаго были иными, чѣмъ онъ себѣ представлялъ. Онъ выражалъ восхищеніе, радость... Бѣдный Ростъ [2]) былъ въ изступленіи, лицо его пылало, глаза увлажнились, грудь порывисто вздымалась; удивленіе и восторъ наполнили его душу. «Это божественное произведеніе выше всего, что Гете доселѣ сотворилъ; оно преисполнено силы и жизни» [3])... И въ томъ же черновикѣ письма къ Гете находятся слова религіознаго экстаза: „Я выходилъ молиться Всевышнему; я молилъ и славилъ сладостными благодатными слезами Того, Кто создалъ тебя, твой міръ, а во мнѣ — пламенное могучее воспріятіе этого міра“. Вообще все это письмо Якоби проникнуто безграничнымъ чувствомъ любви и преданности другу, а съ другой стороны можетъ служить типичнымъ образцомъ чувствительной корреспонденціи. Якоби такъ же подчинился гипнотизирующему обаянію

---

[1]) Der junge Goethe, VI, p. 378.

[2]) Псевдонимъ Гейнзе.

[3]) Der junge Goethe, VI, 386, 387.

„царя духовъ", какъ спустя полтора года Виландъ, точно такъ же писавшій друзьямъ своимъ [1]) восторженныя письма послѣ перваго знакомства съ Гете объ этомъ „божественномъ юношѣ". „Дорогой мой, я трепещу отъ влеченія къ Тебѣ, охватившаго меня всего", пишетъ Якоби 25-го марта 1775 г. [2]).

Чаша взаимной любви переполнилась; экспансивное чувство безпредѣльной жажды сообщенія внутренняго міра другъ другу не могло держаться на столь головокружительной высотѣ. Особенно безпокойный духъ молодого Гете не довольствовался этой дружбой, переходя къ новымъ союзамъ, ища новыхъ людей, новыхъ впечатлѣній. Но 1775 годъ еще почти весь прошелъ подъ знакомъ этой нѣжной дружбы; начало года Якоби провелъ у своего друга во Франкфуртѣ. Чувствительность его писемъ достигаетъ апогея въ краткой запискѣ 10-го марта, въ которой онъ пишетъ Гете объ обуревавшихъ его чувствахъ, когда онъ вновь посѣтилъ тѣ мѣста и очутился „среди тѣхъ стѣнъ и дверей", гдѣ онъ полюбилъ его: „Боже, что за потокъ слезъ полился изъ глазъ моихъ! Какъ сладостно и какъ скорбно стало на душѣ!"

Страсть къ Лили Шёнеманъ, обуявшая Гете въ февралѣ 1775 г., оттѣснила, однако, на второй планъ дружескія связи поэта: въ его жизни началась такъ называемая „Lili-Epoche", какъ эта эпоха называется Фр. Якоби въ письмѣ къ Мерку [3]). Отнынѣ вплоть до 1784 г., слѣдовательно почти десять лѣтъ Гете и Якоби не видѣлись. Можно себѣ представить, что столь долговременная разлука должна была дѣйствовать охлаждающе на пылъ дружбы, по силѣ своей подобной нѣжной страсти двухъ возлюбленныхъ. Позднѣе Гете жаловался въ письмахъ къ Шарлоттѣ Штейнъ, что она слишкомъ рѣдко и мало бываетъ съ нимъ и что одно лишь присутствіе ея успокаиваетъ его, въ ея же отсутствіи ему „мало проку" отъ нея. Но разлука могла внести лишь нѣкоторое охлажденіе въ отношенія обоихъ поэтовъ; послѣдовавшая же въ скоромъ времени размолвка имѣла другія причины, активнаго характера, обусловливаемыя различіемъ обѣихъ натуръ.

Въ исторіи этой размолвки можно прослѣдить четыре фазиса, ко-

---

[1]) Напр. Лафатеру, Фр. Якоби и извѣстному врачу, автору трактата „Объ одиночествѣ" Циммерману.

[2]) Der junge Goethe, VI. Bd., p. 437.

[3]) Briefe von und an J. H. Merck, herausg. von K. Wagner, 1838 (2-е собраніе), p. 123; J. H. Mercks Schriften u. Briefwechsel, herausg. v. K. Wolff, Leipzig Insel, 1909, Bd. II, p. 109.

торые и предстоитъ намъ разсмотрѣть: появленіе въ печати „Стеллы" Гете, „Альвиля" Якоби („Iris", 4-й томъ, сентябрь 1775 г., Teutscher Mercur, апрѣль, іюль, декабрь 1776 г.), „Вольдемара" Якоби (1779) и, наконецъ, учиненное Гете въ Эттерсбургскомъ паркѣ близъ Веймара „распятіе" „Вольдемара".

Что касается „Стеллы" какъ причины разногласія между друзьями, то изслѣдователи отношеній между ними дѣлятся на двѣ группы. Одни полагаютъ, что на Якоби произвело тяжелое впечатлѣніе использованіе въ драмѣ Гете щекотливаго положенія его между двумя женщинами [1]); другіе придерживаются того мнѣнія, что Якоби былъ разочарованъ въ постановкѣ и разрѣшеніи вопросовъ нравственности [2]) въ „Стеллѣ", какъ съ другой стороны, онъ высказывалъ свое удовольствіе по поводу суроваго отношенія поэта къ слабохарактернымъ Вейслингену и Клавиго [3]) въ прежнихъ драмахъ. Болѣе осторожные критики и біографы [4]) Гете утверждаютъ, что самъ Гете былъ не чуждъ колебаній между привязанностью къ одной женщинѣ и зарождающейся любовью къ другой; съ другой же стороны отношенія Фр. Якоби къ Бетти и къ Іоганнѣ Фальмеръ, рядомъ съ которой онъ провелъ почти все дѣтство и юность, могли быть отдаленнымъ поводомъ къ концепціи малопривлекательнаго образа Фернандо, любящаго одновременно и жену Цецилію, и жизнерадостную Стеллу. Надо полагать, что послѣдній, такъ сказать, компромиссный взглядъ имѣетъ больше другихъ почву подъ собою. Гете, самъ признававшій всѣ свои произведенія „фрагментами одной великой исповѣди", конечно, черпалъ изъ собственныхъ переживаній, создавая свою драму; но съ другой стороны онъ пишетъ Якоби [5]): „Пришли мнѣ Стеллу обратно!—Еслибъ ты зналъ, какъ я люблю ее, *ради тебя* люблю!"

---

[1]) Напр. W. Scherer: „Aufsätze uber Goethe", 1900², p. 136; A. Metz: Goethes Stella, Preuss. Jahrb., 1906, Bd. 126, p. 57; Fr. Muncker въ Cotta'sche Jubiläumsausg., Bd. XI, p. XXIII; отчасти и Max Morris въ Der junge Goethe, Bd. VI, p. 338 и 460—463.

[2]) Напр. A. Holtzmann: „Uber Ed. Allwills Briefsamml.", Jena, 1878, p. 11—13; Frida David: „F. H. J—s Woldemar in verschied. Fassungen", Probefahrlin., herausg. v. A. Köster, Leipz. 1913, p. 15.

[3]) Ср., напр. письмо къ Виланду, 27-го августа 1774 г., Auserles. Briefw., I, p. 180—182.

[4]) Напр. R. M. Meyer въ біогр. Гете, изд. „Geisteshelden", 1898, p. 167; Loiseau: „L'evolution morale de Goethe", Paris Alcan 1911, p. 259; къ этому же взгляду приходитъ, собственно говоря, и M. Моррисъ.

[5]) Der junge Goethe, Bd. V, p. 26.

Очевидно, однако Якоби не скрывалъ отъ Гете отрицательнаго отношенія къ проблематичной драмѣ его, какъ онъ не скрывалъ впослѣдствіи отрицательнаго отношенія къ „Вильгельму Мейстеру". Гете никогда не терпѣлъ надъ собой ничьей морализующей опеки: его свободный геній не признавалъ надъ собой власти моральныхъ тенденцій, откуда и отъ кого бы онѣ ни исходили. Такимъ образомъ онъ освободился отъ чуждаго его природѣ вліянія Клопштока, Лафатера, графини Штольбергъ-Бернсторфъ и др., мнившихъ склонить его на свою сторону увѣщаніями и нравоученіями, какъ и въ драмѣ его „Эгмонтъ" герой не поддается уговорамъ Вильгельма Оранскаго, такъ какъ суть ихъ не свойственна его природѣ. Фр. Якоби въ этомъ отношеніи былъ похожъ на Лафатера: оба были проникнуты миссіей обращенія на путь истинной вѣры заблудшихъ друзей, Лафатеръ съ фанатичнымъ рвеніемъ „пророка", Якоби съ глубокимъ убѣжденіемъ ищущаго спасенія просвѣщеннаго человѣка. Оба искали во всѣхъ произведеніяхъ божественное откровеніе и прилагали къ нимъ мѣрку морализующихъ проповѣдниковъ. Эта черта съ годами скорѣе усилилась въ Якоби, чѣмъ сгладилась. Какъ о Стеллѣ въ 1775 г., такъ онъ судилъ и объ „Ученическихъ годахъ Вильгельма Мейстера" спустя двадцать лѣтъ.

Сужденіе Шиллера объ этой особенности Фр. Якоби настолько вѣско какъ въ смыслѣ оцѣнки со стороны великаго поэта-философа отношенія Якоби къ искусству, въ частности къ поэзіи, такъ и въ смыслѣ изложенія взглядовъ Шиллера на задачи художника вообще: „Критика Якоби нисколько не удивила меня, ибо личность подобная ему такъ же неминуемо должна оскорбляться безжалостной правдивостью вашихъ изображеній природы, какъ ваша личность должна давать ему поводы для этихъ обидъ. Якоби принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые въ изображеніяхъ поэта ищутъ только свои идеи и считаютъ то, что *должно быть*, выше, нежели то, что̀ *есть*; причина спора стало быть простая въ самыхъ принципахъ, и потому я считаю взаимное пониманіе совершенно невозможнымъ. Лишь только кто-нибудь даетъ мнѣ почувствовать, что въ произведеніяхъ поэзіи ему нѣчто иное дороже, чѣмъ внутренняя правдивость и необходимость, то я отказываюсь отъ него. Если бы онъ могъ вамъ доказать, что безнравственность вашихъ изображеній проистекаетъ не изъ природы объекта, и что вашъ способъ изображенія объекта происходитъ лишь отъ васъ какъ субъекта, то вы, дѣйствительно, должны бы были за это держать отвѣтъ, но не потому, что вы погрѣшили передъ этическимъ

форумомъ, а передъ эстетическимъ. Но я хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ онъ докажетъ мнѣ это“ [1]). И самъ Якоби признается въ письмѣ къ Г. Форстеру, 13-го ноября 1779 г.: „Мы сочиняемъ людей, такъ что намъ самимъ въ концѣ концовъ кажется, будто гдѣ-то можно ихъ найти живыми, а настоящихъ людей мы представляемъ себѣ чѣмъ-то въ родѣ химеръ, порожденій нашего мозга“ [2]).

„Die Gegenwart macht alles“, писалъ Гете Шарлоттѣ Штейнъ; и въ данномъ случаѣ примѣнимо это истинно-гетевское изреченіе. „Когда прошло очарованіе отъ присутствія друга, а общеніе на долгіе годы сводилось къ одной перепискѣ, то Гете понемногу сталъ ощущать все болѣе и болѣе недостатки Якоби съ возрастающимъ раздраженіемъ (Irritation) и пересталъ достойнымъ образомъ оцѣнивать замѣчательные дары природы, ниспосланные небомъ этому во многихъ отношеніяхъ одностороннему, но воистину весьма значительному человѣку, способному обогатить даже Гете“ [3]).

Помимо долговременной разлуки и появленія „Стеллы“ причиной охлажденія явился романъ Якоби „*Eduard Allwills Papiere*“ (въ позднѣйшихъ изданіяхъ названный Якоби „Ed. Allwills Briefsammlung“). Въ сентябрѣ 1775 г. первыя письма появились въ „Iris“ (т. 4); затѣмъ тѣ же письма, но съ дополненіями, вышли въ „Teutscher Merkur“, 1776, апрѣль; 1776, іюль; 1776, декабрь. Впослѣдствіи романъ вошелъ въ собраніе сочиненій Якоби и подвергся нѣкоторой обработкѣ и значительному пополненію новыми письмами [4]). Здѣсь насъ интересуетъ первоначальная редакція, появившаяся въ вышеназванныхъ журналахъ.

Идея романа возникла не безъ содѣйствія Гете. Въ своихъ мемуарахъ онъ припоминаетъ, что онъ „настоятельно увѣщевалъ Якоби изобразить въ выпукломъ видѣ все то, что̀ его волнуетъ и трогаетъ. Это было то средство, которое меня вырывало изъ столькихъ заблужденій, и я надѣялся, что оно и ему придется кстати“. Якоби послѣдовалъ совѣту друга и принялся за работу; въ прекрасномъ письмѣ отъ 26-го августа 1774 г., проникнутомъ вѣяніями природы

---

[1]) Schillers u. Goethes Briefwechsel, 1-го марта 1795 г. (изд. Diederichs—Jena, 1910, томъ I, p. 65).

[2]) Aus Fr. H. J—s Nachlass, herausg. von R. Zoeppritz, 2 Bde, Leipz. 1869; Bd. I, p. 21.

[3]) *Houston St. Chamberlain:* Goethe, München Bruckmann 1912, p. 123.

[4]) Генезисъ романа во всѣхъ его редакціяхъ наглядно изложенъ въ „Über Ed. Allwills Briefsammlung“, von Ad. Holtzmann, Jena, 1878, p. 23—33.

и утонченной культуры, онъ пишетъ Гете [1]): „Я набросалъ планъ романа въ письмахъ, по твоему совѣту, и уже началъ разрабатывать его“.

Въ краткомъ „вступленіи“ [2]) Якоби даетъ какъ бы диспозицію романа.

„Силли (Sylli), рожденная фонъ-Вальбергъ, происходила изъ древняго патриціанскаго рода въ К. Когда ей было пятнадцать лѣтъ, она лишилась матери, оставившей дочери въ наслѣдство нѣчто большее, нежели одни земныя чувства, и до такой степени дышавшей одной съ ней жизнью, что въ сердцахъ обѣихъ пылала несказанная любовь другъ къ другу. Ея отецъ, мучимый несчастной страстью до безумія, два года спустя похоронилъ себя въ цистерціанскомъ монастырѣ, гдѣ онъ еще жилъ, когда послѣдующія письма были писаны. Силли попала съ братомъ подъ опеку и въ такое тревожное положеніе, что ея душа, казалось, была истерзана невзгодами судьбы.

Ей было около двадцати одного года, когда ее вновь увидѣлъ одинъ изъ товарищей ея дѣтства и нѣжныхъ дѣвическихъ лѣтъ Августъ Клердонъ, воспылавшій сильнѣйшей любовью къ ней, стремительный человѣкъ большихъ дарованій, но непостояннаго характера. Союзъ былъ осуществленъ, и Силли отправилась въ Э., гдѣ ея супругъ занималъ важную должность. Вслѣдъ затѣмъ братъ его, Гейнрихъ Клердонъ, былъ назначенъ административнымъ чиновникомъ (Regierungsrat) въ К. Оба были уроженцами Швейцаріи, но еще будучи дѣтьми переселились въ Германію.

Силли предчувствовала, что Августъ во многихъ отношеніяхъ сдѣлаетъ ее несчастной; но черты истиннаго величія въ духовномъ обликѣ молодого человѣка ее увлекали. Три года спустя онъ умеръ, опутанный предпринятой противъ него коварной тяжбой, угрожавшей ему совершеннымъ разстройствомъ внѣшнихъ благъ жизни. Его вдова, имѣвшая лишь небольшое собственное состояніе, которому также угрожала опасность, вынуждена была продолжать веденіе этого процесса противъ негодяевъ, поддерживаемая корыстными людьми, и потому оставалась въ Э., нелюбимомъ ею и тѣмъ болѣе ненавистномъ ей,

---

[1]) Briefe G—s u. J—s, herausg. v. M. Jacobi, 1846, p. 37; Der junge Goethe, Bd. VI, p. 379.

[2]) Романъ цитируется по находящемуся въ рукахъ автора статьи экземпляру: „Eduard Allwills Briefsammlung“ herausg. v. Fr. H. Jacobi. Ausgabe letzter Hand. Leipzig, bei Gerhard Fleischer, 1826. Однако цитаты приводятся лишь изъ тѣхъ писемъ, которыя входили въ первоначальную редакцію романа.

что вся душа ея стремилась въ К., гдѣ жили всѣ тѣ, кто былъ ей дорогъ на землѣ. Единственный ребенокъ, рожденный ею, послѣдовалъ за отцомъ. Ей было приблизительно двадцать восемь лѣтъ, когда она писала письма этого собранія.

Амалія, упоминаемая сразу же во второмъ письмѣ, является женой Клердона. Ленора и Клерхенъ фонъ-Вальбергъ были двоюродными сестрами Силли. Всѣ эти лица прожили въ разное время много лѣтъ вмѣстѣ, и любили и считали себя братьями и сестрами, тѣсно связанные внѣшними, но еще болѣе внутренними отношеніями. Предупреждать читателя заранѣе о личности Эдуарда Альвиля представляется излишнимъ" [1]).

Въ этомъ романѣ отразились всѣ черты, присущія эпохѣ расцвѣта чувствительности и культа самоанализа; бурныя стремленія молодого поколѣнія воплотились въ немъ, такъ сказать, со стороны проникновеннаго углубленія душевной жизни и признанія суверенныхъ правъ нравственныхъ требованій надъ исканіями ума или самодовлѣющимъ аморализмомъ мощной личности. Однако ходячіе принципы повседневной морали отвергаются Якоби въ этомъ романѣ: протестъ противъ ея требованій замѣтенъ и въ письмѣ Силли Клердону, и въ поступкахъ не знающаго стѣсненій Альвиля. Силли сурово осуждаетъ чисто внѣшнюю обрядовую сторону церковнаго ученія [2]); Альвиль, характеръ котораго не пользуется исключительными симпатіями автора, безусловно, однако, дѣйствуетъ въ унисонъ съ его соціальными взглядами, помогая крестьянину вывезти телѣгу изъ трясины и жестоко отчитывая графа Батуффа за его насмѣшку надъ подобнымъ альтруизмомъ [3]). Эта оппозиція противъ чрезмѣрнаго подчеркиванія соціальныхъ перегородокъ рѣяла въ воздухѣ и нашла свое выраженіе, между прочимъ, и въ „Страданіяхъ молодого Вертера" Гете (1774 г.), гдѣ герой точно такъ же возстаетъ противъ сословныхъ предразсудковъ и помогаетъ служанкѣ поднять ведро изъ колодца.

Если прослѣдить по роману Якоби основныя черты характера и личныя переживанія Эдуарда Альвиля, то нетрудно убѣдиться, что часть ихъ можетъ быть отнесена на долю установившагося въ 70-тыхъ годахъ литературнаго типа, часть находитъ себѣ объясненіе въ жизни и характерѣ какъ самого автора, такъ и Гете.

[1]) Allwill, p. 3—5.
[2]) Allwill, p. 7, 8.
[3]) Allwill, p. 38—41.

Оказывается, что недюжинная натура Альвиля съ дѣтскихъ лѣтъ плохо укладывалась въ рамки обычной психологіи; на 6-томъ году онъ уже отличался строптивымъ характеромъ, не подчиняясь отцовской волѣ [1]); четырнадцати же лѣтъ онъ былъ піэтистомъ, погруженнымъ въ созерцаніе Божества [2]). Будучи двадцатичетырехлѣтнимъ юношей, онъ слѣдуетъ однимъ влеченіямъ своего сердца, одинаково покорный какъ бурнымъ проявленіямъ своего темперамента, такъ и нѣжнымъ движеніямъ впечатлительной души, оставаясь во всѣхъ случаяхъ дитятей природы [3]). „Меня спасало мое сердце", пишетъ онъ Луціи, любившей его когда-то, „и потому я и впредь буду повиноваться ему и прислушиваться къ его голосу. Внимать этому голосу, понимать его—да будетъ моей мудростію; мужественно слѣдовать его велѣніямъ—моей добродѣтелью!" [4]) Отсюда проистекаютъ многочисленныя противорѣчія въ его природѣ, бросающія его отъ одной крайности въ другую и не дающія покоя его мятежной душѣ [5]). Въ немъ сочетались „необузданная чувственность и стоическая выдержка; женственная нѣжность, крайнее легкомысліе съ холодной рѣшимостью и непоколебимой вѣрностью; кровожадность тигра съ овечьимъ смиреніемъ; онъ вездѣсущъ—и ни къ чему не привязанъ; онъ все, и все-таки никогда не бываетъ чѣмъ-нибудь" [6]).

Онъ постоянно отдается своимъ влеченіямъ весь; „завтра, быть можетъ честолюбію, или превосходному человѣку, или искусству, или новой возлюбленной" [7]). Обладая громадной силой воображенія, онъ живетъ аффектами, не налагая на нихъ никакой узды [8]). И притомъ его нельзя не назвать великодушнымъ, благороднымъ юношей: такимъ онъ явился и бѣдной Луціи, плѣнивъ ея невинную душу и погубивъ эту довѣрившуюся ему дѣвушку, не вынесшую неукротимыхъ порывовъ его титанической натуры [9]). И потому даже добрая жизнерадостная Амалія [10]), жена Клердона, воздавая должное

---

[1]) Allwill, p. 28—32.

[2]) Allwill, p. 33.

[3]) Allwill, p. 187, 192.

[4]) Allwill, p. 189.

[5]) Allwill, p. 68, 204.

[6]) Allwill, p. 202.

[7]) Allwill, p. 212.

[8]) Allwill, p. 177.

[9]) Allwill, p. 98.

[10]) Якоби надѣлилъ ее чертами, свойственными счастливой натурѣ жены его, Бетти.

благородству Альвиля и довѣряя ему во многихъ отношеніяхъ, все-таки заявляетъ, что въ другихъ отношеніяхъ она не питаетъ къ нему довѣрія, такъ какъ въ немъ есть извѣстная безсовѣстность („Ruchlosigkeit“) [1]. Недаромъ увядающая отъ его тлетворной демонической любви Луція восклицаетъ: „О еслибъ я могла удалить каждое прелестное невинное созданіе съ рокового пути твоего соблазна!“ [2]) А съ другой стороны самъ Альвиль въ письмѣ къ своему другу Клеменсу фонъ-Вальбергу сурово осуждаетъ искусителей женскихъ сердецъ [3]); онъ сожалѣетъ однако, что до сихъ поръ онъ относился ко всему въ жизни слишкомъ серьезно, приходя къ заключенію, что вслѣдствіе этого онъ не разъ бывалъ на краю гибели [4]). Нынѣ же романъ съ Наннхенъ не доставляетъ ему стольких душевныхъ потрясеній, какъ прежнія любовныя осложненія: „все это приключеніе со всѣми случайностями и принадлежностями, шашнями, чарами, подвигами и чудесами мнѣ въ настоящій моментъ кажется не многимъ интереснѣе бабушкиной сказки“ [5]). Альвиль сознается, что онъ прежде постоянно впадалъ въ ошибку, всячески стараясь придать любимой дѣвушкѣ черты идеальнаго образа, порожденнаго его фантазіей [6]). Теперь онъ избѣгаетъ-де повторенія этой ошибки, „наслаждаясь малыми пирами любви“, ...„пируя при восковыхъ свѣчахъ веселѣе, нежели при яркомъ солнечномъ свѣтѣ“ [7]). Оправданіе пренебрежительнаго отношенія къ любви онъ находитъ въ неоспоримомъ, по его мнѣнію, фактѣ, что „прекрасный полъ не способенъ питать истинную любовь“ [8]).

Такихъ людей Силли называетъ прямо таки „опасными“, ибо „ихъ себялюбіе безмѣрно и жестоко“; они „неспособны на самопожертвованіе, такъ какъ въ нихъ отсутствуютъ стимулы и побужденія нравственности“ [9]). Та же Силли ссылается на отзывъ Клеменса объ Альвилѣ, почти вполнѣ совпадающій съ мнѣніемъ самого Якоби о Гете: „Клеменсъ называетъ его *одержимымъ* (einen Besessenen), которому почти никогда не слѣдуетъ разрѣшать дѣйствовать произ-

---

[1]) Allwill, p. 46.
[2]) Allwill, p. 211.
[3]) Allwill, p. 64.
[4]) Allwill, p. 60.
[5]) Allwill, p. 62, 63.
[6]) Allwill, p. 36, 37.
[7]) Allwill, ibid.
[8]) Allwill, p. 66.
[9]) Allwill, p. 180.

вольно" [1]). То же самое писалъ Якоби Виланду о Гете 27-го августа 1774 г.: „Гете геніаленъ, по выраженію Гейнзе, съ ногъ до головы; онъ *одержимый*, прибавлю я, которому ни въ какомъ почти случаѣ не разрѣшается дѣйствовать по своему произволу" [2]). И едва ли Виландъ скрылъ отъ Гете, познакомившись съ нимъ, то мнѣніе, которое господствовало о немъ въ кружкѣ Якоби. А Гете весьма чувствительно относился къ упрекамъ въ безнравственности или въ безсовѣстномъ отношеніи къ ближнимъ, въ особенности же къ женщинамъ. Правда, онъ вначалѣ отзывался одобрительно о замыслѣ романа, порицая лишь дробленіе сюжета на множество составныхъ частей, причинявшее ущербъ цѣлостности произведенія [3]).

И еще 14-го іюля 1776 г. Виландъ сообщаетъ Якоби о похвалѣ, произнесенной Гете по поводу романа „Изъ бумагъ Эдуарда Альвиля" [4]). „Прими благодарность отъ имени всѣхъ добрыхъ людей, особенно за идеальный образъ, при созданіи котораго тебѣ позировала твоя божественная жена, и за все чудесное, чтò ты—первый изъ писателей—написалъ о супружеской любви добродѣтельныхъ женщинъ. Все это, собственно говоря, слово Божіе, какъ выражается Гете". Бѣдный Якоби тщетно ожидалъ услышать отъ самого Гете слова ласковой похвалы: „Внѣ моего дома", писалъ онъ Виланду 21-го іюня 1776 г. [5]), „ты—единственный, отъ котораго я узнаю иногда сужденіе о своихъ работахъ; я живу здѣсь какъ бы внѣ Германіи".

Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года появились въ „Меркуріи" послѣднія письма изъ собранія Альвиля, между ними обличительное письмо Луціи о „геніальныхъ" представителяхъ бури и натиска и объ опасности ихъ для невинныхъ дѣвушекъ, вѣроятно, весьма непріятно подѣйствовавшее на Гете, почувствовавшаго себя, не безъ основанія, задѣтымъ этими нападками. Охлажденіе его къ Якоби отъ этого только усилилось, и на вопросъ послѣдняго Виландъ могъ только лаконически отвѣтить: „Что Гете сказалъ о послѣднихъ трехъ письмахъ?—Ничего!" [6]) Отнынѣ между бывшими друзьями воцарилось почти полное молчаніе, продолжавшееся до 1782 г. [7]).

---

[1]) Allwill, p. 99.

[2]) Auserlesener Briefw. I, p. 178, 179.

[3]) Cp. Briefe von und an J. H. Merck, herausg. von K. Wagner, 2-te Sammlung, 1838, p. 64.

[4]) Auserlesener Briefw., I, p. 243.

[5]) Auserlesener Briefw., I, p. 244.

[6]) Aus F. H. J—s Nachlass, herausg. v. R. Zoeppritz, Leipz. 1869, I, p. 17.

[7]) О роли романа въ отношеніяхъ Гете и Якоби ср. кромѣ вышеозначенной мо-

Къ достоинствамъ романа безусловно принадлежитъ то обстоятельство, что онъ въ образцовомъ видѣ отражаетъ въ себѣ всѣ черты чувствительныхъ романовъ, вѣнцомъ которыхъ является „Вертеръ".

Природа служитъ фономъ для переживаній героевъ и героинь романа, одухотворяемая чувствительнымъ авторомъ и оттѣняющая тѣ или иныя событія. „Природа простодушна и невинна", пишетъ Эд. Альвиль, „и если мы отъ нея приемемъ все то, что̀ она нашептываетъ намъ, то удѣломъ намъ будетъ такое благополучіе, какимъ никто не пользуется подъ луной" [1]).

Восторженная чувствительность доходитъ порой до экстаза, и безмѣрному выраженію ея способствуетъ самая форма романа, состоящаго сплошь изъ писемъ. Всѣ лица, переписывающіяся другъ съ другомъ, анализируютъ свои чувства, погружаясь то съ умильнымъ наслажденіемъ въ разборъ своихъ и чужихъ мыслей, чувствъ и даже жестовъ, то съ болѣзненнымъ сладострастіемъ переживая вновь минуты былого счастья, былыхъ встрѣчъ. И даже юныя дѣвицы прекрасно умѣютъ давать оцѣнку своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ. Такъ Луція, заявляющая Альвилю о своей невинности, кичится ею и съ злорадствомъ упрекаетъ Альвиля въ утратѣ ея [2]): „Великій человѣкъ, простите мою необдуманность: я забыла, что вы—герой, что я—только незначительная, невинная дѣвушка, и что невинность должна казаться герою чѣмъ-то ненужнымъ и негоднымъ; я забыла, что богоподобный человѣкъ насмѣхается надъ невинностью, что божественный попираетъ ее ногами и шествуетъ черезъ нее, гордо поднявъ голову" [3]).

Культъ письма, господствовавшій во второй половинѣ XVIII в., порождалъ преувеличенно бережное и нѣжное отношеніе къ пространнымъ посланіямъ многочисленныхъ друзей. Отличными образцами подобныхъ корреспонденцій могутъ служить письма Глейма и Якоби,

нографіи A. Holtzmann'a, диссертацію H. Schwartz'a: Fr. H. Jacobis „Allwill", Halle 1911, гл. 3-ья: Jacobi, Goethe u. Allwill, p. 31—49, и J. Kühn: Der junge Goethe im Spiegel der Dichtung seiner Zeit, Heidelberg, Beiträge zur neueren Literaturg., Heft 1, 1912, p. 98—108.

[1]) Allwill, p. 187. Ср. также стр. 10, 26, 27, 109, 110, 166, 168, 187, 192. О роли природы въ Вертерѣ ср. монографію Эр. Шмидта: Richardson, Rousseau und Goethe, 1875.

[2]) Allwill, p. 200, 201.

[3]) Другіе образчики самоанализа см. напр. на стр. 18, 25, 100, 164, 170, 171.

Глейма и Гейнзе, Гердера и Каролины Флаксландъ, Лафатера и его друзей, Мартина Миллера, первыя письма Гете и Якоби и друг.; извѣстно, что надворный совѣтникъ Лейксенрингъ, пользовавшійся незаслуженной популярностью въ сентиментальномъ кружкѣ дармштадтскихъ барышень [1]), странствовалъ со своей шкатулкой, наполненной чувствительными письмами извѣстныхъ современниковъ и современницъ, и читалъ ихъ вслухъ „прекраснымъ душамъ" въ разныхъ углахъ Германіи.

И въ „Альвилѣ" письма являются общимъ достояніемъ: родные и знакомые дѣлятся ими и пересылаютъ ихъ другъ другу. Наприм. письма Силли всегда возбуждаютъ общій энтузіазмъ и перечитываются всѣми лицами, интересующимися ими. „Мы всѣ побѣжали въ скрытую бесѣдку. Ну, Клердонъ, скорѣе!—восклицали мы, прыгая вокругъ него. Мы обступили его, расположившись вокругъ него на садовой скамейкѣ. Клердонъ постоялъ еще мгновеніе, а затѣмъ и онъ сѣлъ рядомъ съ нами и вынулъ свой бумажникъ. Мы превратились въ слухъ и зрѣніе: таинственная тишина воцарилась среди насъ, озаряемая дружбой и лаской. Два часа длилось чтеніе писемъ. Какъ мы провели эти два часа — пусть объ этомъ разскажетъ тебѣ кто можетъ, дорогая моя Силли!..." [2]).

Анализъ чувствъ стоитъ на первомъ планѣ: повѣствованіе отдѣльныхъ событій или дѣйствій занимаетъ незначительное мѣсто и только служитъ иллюстраціей и подтвержденіемъ душевныхъ переживаній или взглядовъ героевъ и героинь романа. Таковы описанія посѣщеній Силли у больной женщины, помощи, оказанной Альвиломъ крестьянину, наконецъ, семейной жизни Клердона. Нужно однако признаться, что картины семейнаго счастья, внушенныя автору его собственнымъ домашнимъ уютомъ, принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ разсматриваемаго нами произведенія. Выше была приведена выдержка изъ письма Виланда, констатировавшаго фактъ, что образъ Амаліи былъ срисованъ съ жизнерадостной и веселой подруги Якоби. Въ отвѣтъ на догадку Виланда Якоби дѣлаетъ цѣнное признаніе: да, онъ не отрицаетъ того, что Бетти позировала ему при созданіи „идеала" женственности; но онъ „протестуетъ противъ дальнѣйшаго пріурочиванія" остальныхъ образовъ, какъ „въ прошломъ, такъ и въ

---

[1]) Извѣстный апостолъ чувствительности, осмѣянный Гете въ сатирѣ „Pater Brey". О немъ см. R. Haym: Herder, I, p. 455, 529 и вышеназванную книгу V. Tornius, p. 157—177.

[2]) Allwill, p. 52, 53.

будущемъ“ [1]). А между тѣмъ современники, читая романъ и говоря объ Альвилѣ, украдкой кивали въ сторону Гете, отожествляя его съ молодымъ Альвилемъ, поставившимъ себя внѣ рамокъ общепринятаго кодекса морали. И слѣдуетъ только подумать о тѣхъ сплетняхъ, которыя распространялись по Германіи завистниками Гете по поводу веселой жизни, царившей при дворѣ молодого веймарскаго герцога, и вспомнить о многочисленныхъ укоризненныхъ письмахъ, получаемыхъ молодымъ поэтомъ, чтобы понять овладѣвшее имъ при чтеніи послѣднихъ „бумагъ“ Альвиля непріятное чувство личной обиды, способствовавшее охлажденію пылкой дружбы и отрицательному отношенію къ литературной дѣятельности Якоби со стороны Гете.

Черты Sturm и Drang'а въ „Allwill'ѣ“ не ограничиваются вышеприведенными. Самая форма обращенія героевъ другъ къ другу свидѣтельствуетъ о ихъ принадлежности къ данной литературной эпохѣ: Альвиль называетъ друга Клеменса „братомъ“ [2]), какъ и молодой Гете называлъ въ своихъ письмахъ Гердера, Лафатера, Бюргера и др. „братьями“. Слогу молодыхъ „геніевъ“ были весьма свойственны гиперболическія фигуры; ими пользуется и Якоби [3]). Упомянутая въ библіи борьба Якова съ Господомъ, должно быть, плѣнила воображеніе молодыхъ поэтовъ, ибо этимъ образомъ пользовался какъ Гете въ письмѣ къ Гердеру [4]), такъ и Якоби, въ письмѣ Клердона къ Силли [5]). Вожделѣнія бурныхъ геніевъ возносились высоко и не останавливались передъ царицей Олимпа: какъ Танталъ [6]) Ленца вздыхаетъ по божественной супругѣ Зевса и Діосъ Клингера [7]) осчастливленъ любовью Юноны, такъ и въ романѣ Якоби представитель бури и натиска требуетъ любви этой богини, не довольствуясь утѣхами земныхъ страстей [8]).

Якоби, очевидно, не могъ избѣгнуть всеобщаго увлеченія физіогномикой, господствовавшаго въ 1770-тыхъ годахъ. По крайней мѣрѣ отзывъ Силли объ отталкивающихъ чертахъ лица Gierigstein'а могъ бы быть цѣликомъ помѣщенъ въ „Физіогномическихъ фрагментахъ“ Ла-

[1]) F. H. J—s auserles. Briefw., I, p. 245.
[2]) Напр. Allwill, p. 60.
[3]) Напр. Allwill, p. 35, 54.
[4]) Der junge Goethe, Bd. II, 117.
[5]) Allwill, p. 54.
[6]) „Tantalus“.
[7]) „Der verbannte Göttersohn“.
[8]) Allwill, p. 35.

фатера [1]). „На примѣрѣ этого Гиригштейна я къ ужасу своему убѣдилась, что за обликъ появляется наружу, когда старость высушиваетъ маску низкаго человѣка, а ровная округленность ланитъ уже не покрываетъ болѣе чертъ его лица. Тогда выступаютъ окаменѣвшіе жилы и мускулы. Окоченѣвшее безобразіе является напоказъ: тутъ трепещетъ обнаженный ротъ, холодный, непріятный; тамъ моргаютъ мутные глаза, взоръ которыхъ пребываетъ въ выраженіи злобы; тамъ торчитъ омертвѣвшій носъ, возвѣщающій городскіе новости и скандалы; склоняется покатый безсильный лобъ, изборожденный морщинами страха и мнительности".

Какъ воплощеніе извѣстной части душевныхъ стремленій и замысловъ бури и натиска, „Альвиль" былъ принятъ читающей публикой довольно доброжелательно. Отъ Ленца до Фридриха Шлегеля появилось много одобрительныхъ отзывовъ о немъ. Фридрихъ Шлегель въ письмѣ къ брату называетъ его произведеніемъ, „душа котораго идеальна, а единственное содержаніе—разумъ" [2]). Но основной тенденціей романа можно счесть попытку Якоби изобразить въ непривлекательномъ видѣ аморализмъ представителей бури и натиска; главнымъ образомъ это отрицательное отношеніе автора сказалось въ послѣднемъ письмѣ Луціи къ Альвилю. Однако врядъ ли Якоби правильно изобразилъ и оцѣнилъ этику бурныхъ стремленій. Его герои, какъ Альвиль, такъ позднѣе и Вольдемаръ, болѣзненно взвинчиваютъ свои чувства, сладострастно и цѣликомъ отдаваясь имъ, не съ цѣлью претворенія ихъ въ дѣйствія, а какъ бы упиваясь ими. Такъ поступилъ и Вертеръ, но онъ дошелъ до самоуничтоженія, между тѣмъ какъ герои Якоби, безконечно анализируя свои мысли и наслаждаясь одними душевными переживаніями, не приходятъ къ столь простому и логичному выходу изъ создавшагося положенія, а проводятъ всю свою жизнь въ созерцаніи, культивированіи своихъ и чужихъ чувствъ [3]).

И язвительный Гердеръ былъ, пожалуй, правъ, когда писалъ Гаману о его другѣ: [4]) „Онъ погонщикъ Іисуса Христа, мыслящій и страдающій постоянной головной болью, потому что онъ соединяетъ

---

[1]) Allwill, p. 96.

[2]) Briefe Fr. Schlegels, herausg. v. O. Walzel, p. 126.

[3]) Ср. *A. Schier*: Die Liebe in der Frühromantik, въ Beiträge zur deutschen Literaturwissenschaft, herausg. v. E. Elster, № 20, Marburg, 1913, p. 20 sq.

[4]) Herders Briefe an S. G. Hamann, herausg. v. O. Hoffmann, Berlin, 1889, p. 223.

образъ жизни богача, не знающаго работъ и заботъ, съ метафизикой, которая такъ же мало можетъ доставить душевный покой, какъ труды и заботы. Для его же блага я желалъ бы ему такой должности, которая заставила бы его забыть самого себя, или какой-нибудь обширной и продолжительной работы, надъ которой онъ долженъ бы основательно повозиться и тѣмъ самымъ отвлечься въъ сторону, имѣя передъ глазами ясную и опредѣленную цѣль".

Ю. Форсманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

П. Миндалевъ. Моленіе Даніила Заточника и связанные съ нимъ памятники. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Казань. Типо-литографія Императорскаго университета. 1914 г. стр. 346+XXXVI.

Книга г. Миндалова распадается на 4 отдѣла: I. Изданія Слова Даніила Заточника и обзоръ литературы вопроса (стр. 11—86), II. Моленіе Д. З. по Академическому списку (ред. XII в.), съ параллельными мѣстами по списку (спискамъ?) Чудовскому и Ундольскаго (стр. 87—121), III. Анализъ текста обѣихъ редакцій Слова Д. З. (стр. 123—236), IV. Памятники, связанные съ Моленіемъ Д. З. (стр. 237—346).

Изъ соотношенія главъ и страницъ видно, что вторая половина вопроса темы занимаетъ лишь третью часть книги. Между тѣмъ по сложности и запутанности второй вопросъ—о связанныхъ памятникахъ,—болѣе обширный и болѣе методологически важный въ дѣлѣ рѣшенія поднятыхъ около Моленія вопросовъ. Изученіе памятниковъ, связанныхъ съ М. Д. З., въ настоящее время стоитъ въ большинствѣ случаевъ въ своей первичной формѣ, что признаетъ и самъ г. Миндалевъ со словъ г. Бедржицкаго (см. Бедржицкій, стр. 359, Миндалевъ—338). Но признавая это, г. Миндалевъ рѣшается на сотнѣ страничекъ разрѣшить всѣ эти сложные и запутанные вопросы о взаимоотношеніи Моленія и связанныхъ памятниковъ. Трудно, конечно, ждать, чтобы изслѣдователь могъ въ спеціальномъ трудѣ, посвященномъ Моленію и „связаннымъ“ съ нимъ памятникамъ дать при условіяхъ отведеннаго мѣста хотя бы „*пересмотръ*“ (понимаю это слово въ его научномъ значеніи) всѣхъ этихъ вопросовъ, не говоря уже о томъ, чтобы надѣяться на постановку вопроса „на новую почву путемъ детальнаго анализа..... тѣхъ источниковъ, которыми каждая (ред. М. Д. З.) изъ нихъ пользовалась“ (стр. 86).

Заголовокъ книги можетъ ввести въ нѣкоторое заблужденіе и съ точки зрѣнія формулировки темы. Тема формулирована: „Моленіе Д. З. и связанные съ нимъ памятники“. Для объясненія термина „связанные памятники“ обратимся къ самой книжкѣ. На стр. 10-й читаемъ: „такимъ образомъ пересмотръ вопроса о М. Д. З., въ частности *объ его источникахъ* и отношеніи *къ современнымъ ему памятникамъ* древне-русской письменности...“ и т. д. Вопросъ, слѣд., ставится широко—объ отношеніи къ источникамъ и современнымъ М-ю памятникамъ, но эта постановка все же уже темы;—тема не ограничивается только современными М-ю памятниками. На стр. 86-й читаемъ: „предъ изслѣдователемъ.... стоятъ двѣ задачи.... 2, поставить вопросъ на новую почву путемъ детальнаго анализа текста и *тѣхъ источниковъ*, которыми каждая (редакція) изъ нихъ пользовалась“. Здѣсь задача суживается лишь областью источниковъ. Заголовокъ 4-го отдѣла 1-й главы опять насъ вводитъ въ заблужденіе: „Общій обзоръ памятниковъ, *связанныхъ* съ Моленіемъ“ (стр. 238), но это только заголовокъ. Глава начинается: „Литературные и историческіе *источники*“... (стр. 238). На стр. 243-й: „Указанными памятниками *источники* Моленія далеко не исчерпываются“. О пониманіи „связанныхъ“ памятниковъ въ смыслѣ источниковъ мы найдемъ указанія на стр. 244, 280, 302, 329. И въ самомъ изслѣдованіи—во 2-й его части — авторъ говоритъ лишь объ источникахъ, на нихъ и обращаетъ вниманіе. Такимъ образомъ заголовокъ книги не соотвѣтствуетъ ея содержанію. А различное содержаніе термина „связанные“, что мы находимъ въ приведенныхъ выше цитатахъ изъ книги г. Миндалева, говоритъ за то, что авторъ книги не уяснилъ себѣ съ достаточной опредѣленностью своей задачи, не продумалъ, давая заголовокъ книгѣ, предѣловъ своей работы.

Но даже и въ этихъ узкихъ предѣлахъ, какіе мы находимъ въ книгѣ, едва ли заголовокъ соотвѣтствуетъ содержанію: на сотнѣ страницъ рѣшать вопросъ даже объ источникахъ М. Д. З. слишкомъ трудно. И дѣйствительно, никто не назоветъ изслѣдованіемъ объ источникахъ ихъ простое перечисленіе, въ то же время обозначая ихъ, какъ „главные“ источники заимствованій М. Д. З. (стр. 238). Едва ли можно назвать научнымъ рѣшеніемъ вопроса о заимствованіяхъ заявленіе изслѣдователя послѣ двухъ-трехъ сопоставленій: „Впрочемъ, надо что-нибудь оставить и на долю личнаго творчества автора Моленія“ (стр. 240).

Что касается заголовка книги въ его настоящемъ видѣ, то ду-

мается, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ lapsus'овъ, которыхъ въ книгѣ очень много, что прямо поражаетъ при чтеніи *„историко-литературнаго изслѣдованія"*. Стр. XXXV—XXXVI „Приложеній" заключаютъ въ себѣ рядъ опечатокъ. Здѣсь приведены 41 опечатка. Между ними есть не только пропуски словъ и фразъ, но и такіе, которые могутъ повлечь за собой крупныя недоразумѣнія, какъ, напримѣръ, опечатка на стр. 223, стр. 13, гдѣ перепутаны изводы памятника. Но это все же исправленныя погрѣшности. Было бы ошибкой, однако, думать, что ими только дѣло и ограничивается. Въ корректурномъ отношеніи книга издана ниже всякой критики. Нѣтъ страницы, гдѣ не чувствовалась бы необходимость новой корректуры. На нѣкоторыхъ страницахъ такихъ промаховъ нѣсколько.

Я не буду указывать на опечатки, корректурные недосмотры внѣшняго характера—это уже дѣло совѣсти автора. Я остановлюсь только на тѣхъ промахахъ, которые выходятъ изъ предѣловъ корректурныхъ недосмотровъ и могутъ оказать вліяніе на смыслъ, или же граничатъ съ безграмотностью.

Укажу на появленіе въ выводахъ имени князя „Владимира Ярославича" (стр. 340); укажу, наприм., на стр. 67, гдѣ первая точка состоитъ изъ однихъ придаточныхъ причастныхъ предложеній. Нерѣдко мы встрѣтимъ такія выраженія: „Изводъ XIII в. знакомъ былъ съ Моленіемъ въ видѣ, даваемомъ А Т К, или въ ихъ оригиналѣ, который (?) онъ (?) снова переработалъ" (стр. 212). „Слѣдуетъ, кажется, читать личный намекъ" (стр. 240). „Но по самому Даніилу это освобожденіе" (стр. 48). „Указавъ на высоконравственный взглядъ на женитьбу" (стр. 54). „Слово распадается на двѣ половины, изъ которыхъ въ первой, въ виду Иродіады, виновницы"... (стр. 63). „Въ самыхъ трогательныхъ чертахъ изображаетъ доброту женщины, противопоставляя ее первой (Иродіадѣ) и въ ней (Иродіадѣ?) указывая женщинѣ образецъ ея (Иродіады?) послушанія и подражанія" (стр. 63). „А такіе типы, не говоря уже о библейскихъ Иродіадахъ (?), какъ леди Макбетъ Шекспира" (стр. 64). „Самъ Е. В. Пѣтуховъ въ вопросѣ о редакціяхъ Моленія примыкаетъ къ г. Гуссову и ак. Истрину, признавая его (?) возникшимъ".... (стр. 84); „Адресуя свое посланіе къ Юрію..... во владѣніяхъ котораго находилось село Боголюбово......, любимое.... мѣстопребываніе сына Юрьева Андрея, авторъ имѣлъ нѣкоторое основаніе упомянуть объ семъ (?), какъ видно — довольно извѣстномъ въ свое время" (стр. 148—49). „Еще разъ оправдываетъ предпочтеніе ему предъ спискомъ" (стр. 203).

Указанными примѣрами далеко не исчерпывается дѣйствительность. Въ дальнѣйшемъ мнѣ еще придется касаться этой стороны „историко-литературнаго изслѣдованія“. Для характеристики же стиля вообще можно остановиться на слѣдующей тирадѣ (буду цитировать съ соблюденіемъ орѳографіи):

„Такимъ образомъ, всѣ указанные авторы, отмѣчая тѣсную связь Моленія съ Пчелою, въ томъ или другомъ ея видѣ, въ то же время о характерѣ этой связи опредѣленно высказаться не рѣшаются. Позднѣе, проф. Е. Ѳ. Будде, говоря, что „р. Пчела выдаетъ свой подражательный, но не переводный, характеръ, а во многихъ мѣстахъ она и оригинальна: есть много мѣстъ, много изреченій въ ней, которыя касаются русской жизни и нравовъ“, изъ обозрѣнія состава русскихъ Пчелъ, насколько онѣ могли имѣть отношеніе къ Моленію Даніила Заточника, приходитъ къ мысли, что „первоначальная редакція Слова служила матеріаломъ для Пчелы, а позднѣйшія редакціи Слова сами пользовались Пчелой.......“ (стр. 245). Трудно, кажется, болѣе неуклюже составить періодъ. Я беру одинъ только примѣръ, но онъ является типичнымъ для изслѣдованія, особенно это нужно сказать о главѣ I (для примѣра сейчасъ укажу стр. 40-ю).

Подобной же небрежностью отличается и отношеніе изслѣдователя къ цитируемымъ имъ мѣстамъ изъ трудовъ его предшественниковъ. Небрежностью отличаются и библіографическія указанія. Приведу пока нѣсколько примѣровъ, такъ какъ на этой сторонѣ остановлюсь при разсмотрѣніи историческаго очерка.

И здѣсь я не буду касаться пропуска словъ въ цитатахъ, какъ, напр., „разрозненныхъ источниковъ“ (Гуссовъ стр. 33, Миндалевъ стр. 69) вм. изслѣдователи — послѣдователи (Гуссовъ стр. 1, Миндалевъ—65) и др.; я остановлюсь въ данномъ случаѣ на такихъ фактахъ:

Цитируя слова акад. Истрина, Миндалевъ пишетъ: „литература кіевская.... была, по сравненію съ московской, литературой безъидейною“ (стр. 5, см. Истринъ. *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1905 г. ч. 350, стр. 239).

Академику Истрину вообще посчастливилось въ трудѣ г. Миндалева. Его мнѣнія приводятся въ такомъ видѣ, что иногда можно только удивляться, какъ такую мысль могъ сказать академикъ Истринъ. Сообщая выводы ак. Истрина, г. Миндалевъ указываетъ: „4—.... позднѣйшая редакція Пчелы заимство*вана* изъ позднѣйшей редакціи Моленія, или..... обѣ редакціи заимство*ваны* независимо другъ отъ друга изъ

одного источника“ (стр. 78. См. Истринъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* ч. 350, стр. 426 и отд. отт. статьи „Былъ ли дѣйствительно заточенъ“.... стр. 42). Нельзя, конечно, думать, что г. Миндалевъ, выпустившій спеціальную работу о М. Д. З., не прочиталъ внимательно статьи акад. Истрина. Объясненіе этого можно найти только въ крайней небрежности.

Въ области библіографическихъ указаній книги остановлюсь на ссылкѣ на статью Д. В. Айналова, которая напечатана не въ XII томѣ „Извѣстій“, а въ XIII—и не на стр. 352—360, а съ 352 по 365 (см. Минд. 82), тѣмъ болѣе, что самъ г. Миндалевъ на стр. 296 ссылается на 364 стр. этой статьи. Цитируется взглядъ С. Шевырева (стр. 20 и дал.). Ссылка на ч. II М. 1846 г. 2-е изд. М. 1860 г. 3-е изд. С.-Пб. 1887 г. стр. 115—123 (стр. 20 прим. 4-е). Взглядъ Шевырева передается, очевидно, по первому изданію (1846 г.), ибо на стр. 22 читаемъ: „Въ послѣдующихъ изданіяхъ (второмъ и третьемъ)“.... Но напрасно кто сталъ бы искать въ первомъ изданіи приведеннаго мнѣнія на указанныхъ страницахъ. Д. З-ку посвящены стр. 210—222.

Всѣ указанные факты—въ плоскости внѣшней разработки изслѣдованія и не касаются его существа. Но эта сторона дѣла уже характеризуетъ отношеніе автора къ работѣ, объясняетъ и такіе факты, какъ самое заглавіе книги. Съ другой стороны эти факты уже показываютъ, что довѣрять работѣ нельзя. Ею пользоваться можно только по тщательномъ исправленіи, т. е. легче будетъ обратиться къ тѣмъ пособіямъ, которыя здѣсь использованы, чѣмъ къ самой работѣ. Имѣетъ все это и чисто моральное значеніе, если принять во вниманіе тѣ требованія, какія предъявляетъ изслѣдователь къ своимъ предшественникамъ. Имъ ставится въ книгѣ г. Миндалева упрекъ въ ошибочныхъ указаніяхъ. Такой упрекъ сдѣланъ г. Бедржицкому за ошибочное указаніе номера *Журн. Мин. Народн. Просв.* со статьею Модестова (стр. 85). Тотъ же упрекъ дѣлаетъ изслѣдователь проф. Шляпкину (стр. 60), Щурату (ibid). Вообще г. Миндалевъ точности указаній придаетъ большое значеніе, но постольку, поскольку это касается другихъ, но не его самого. Къ себѣ этихъ требованій онъ не предъявляетъ.

Я остановился въ началѣ своихъ замѣтокъ о книгѣ г. Миндалева на внѣшней ея сторонѣ, хотя обычно это дѣлается въ заключеніи. Но я нахожу для себя оправданіе въ томъ, что отношеніе къ внѣшней сторонѣ работы у г. Миндалева отражается и на ея внутреннемъ

строѣ. Не пріучивъ себя къ строгому и точному отношенію къ внѣшности работы, онъ проявляетъ ту же небрежность и въ области научнаго изслѣдованія. И здѣсь для него на первомъ планѣ скорость и быстрота, легкость отношенія, непродуманность, какъ и во внѣшнемъ строѣ,—та же научная распущенность, если можно такъ выразиться, которая ярко сказалась на обработкѣ книги.

Приступая къ своей работѣ, авторъ задавался довольно скромной задачей—„пересмотра вопроса о Моленіи Д. З., въ частности объ его источникахъ и отношеніи къ современнымъ ему памятникамъ древнерусской письменности" (стр. 10). Этотъ „пересмотръ вопроса" вызванъ тѣмъ, что „новыя работы о Моленіи (авторъ имѣетъ въ виду работы Щурата, Лященка, Гуссова, Истрина—1896—1903 гг.) едва ли можно считать сказавшими послѣднее слово въ вопросѣ" (стр. 8). Къ этому приводятъ изслѣдователя два соображенія—одно несамостоятельное, подсказанное Бедржицкимъ, сыгравшимъ своей замѣткой, очевидно, крупную роль въ исторіи появленія книги Миндалева,—объ отсутствіи у новыхъ изслѣдователей методологическаго опыта предшественниковъ (Бедржицкій 356—59). Другое—болѣе элементарно выражающее ту же мысль—о методологическихъ ошибкахъ, повліявшихъ на результаты изслѣдованій (Минд. стр. 8). Для подтвержденія перваго положенія у г. Миндалева нѣтъ иллюстраціи, какъ нѣтъ ихъ и у Бедржицкаго. Второе положеніе г. Миндалевымъ иллюстрируется нѣсколько распространеннымъ примѣромъ Бедржицкаго (Бедр. стр. 357).

Исходя изъ этихъ соображеній—главнымъ образомъ изъ перваго (см. стр. 85, 238),—авторъ хочетъ исправить ошибку и свое изслѣдованіе обосновать на данныхъ опыта, заимствованнаго у предшественниковъ. Слѣд. работа г. Миндалева методологически будетъ выше, чѣмъ ранѣе появившіяся. Съ цѣлью указать общій ходъ работы предшественниковъ изслѣдователь первую главу посвящаетъ обзору данныхъ литературы вопроса.

Эта глава носитъ заголовокъ: „*Изданія Слова Даніила Заточника и обзоръ литературы вопроса*" (стр. 11—86).

Обзоры литературы, какъ уже установилось въ научныхъ изслѣдованіяхъ, могутъ быть двоякаго характера. Обзоръ или преслѣдуетъ исчерпывающую библіографическую полноту вопроса, необходимую для справокъ, — или, не преслѣдуя библіографической полноты, обзоръ имѣетъ въ виду дать картину исторіи разработки вопроса, смѣну мнѣній, методовъ разработки.

Ни того, ни другого не находимъ мы у г. Миндалева. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что г. Миндалевъ желаетъ дать полный обзоръ литературы. Мы встрѣчаемся здѣсь съ учебниками Зеленецкаго (стр. 13), Глаголева (ibid.), съ переводомъ „Слова" архим. Гавріила (стр. 13—19), не имѣющимъ никакого значенія; съ литографированнымъ курсомъ—и то въ спискѣ—лекцій Н. С. Тихонравова, изданнымъ очень неисправно (стр. 39 и прим. 2-е); приводится мнѣніе Келтуялы (стр. 81—82). Указаны и такія книги, гдѣ только упоминается „Слово"—напр. Жданова „Рус. былевой эпосъ" (стр. 52). Но съ этой точки зрѣнія обзоръ г. Миндалева не вполнѣ удовлетворителенъ. Напрасно онъ упрекаетъ Бедржицкаго въ мелочности его указаній (стр. 84—85), ибо нѣкоторыя изъ указанныхъ Бедржицкимъ книгъ могли бы конкурировать съ указаніями самого г. Миндалева. Кромѣ того можно было бы прибавить сюда и переизданіе памятника Аристовымъ (указано Шляпкинымъ, стр. 32), изданіе Сперанскимъ передѣлки памятника, не вошедшее въ обзоръ. Стараясь о полнотѣ, можно было бы упомянуть о переводѣ памятника, сдѣланномъ Н. П. Хрущевымъ. Можно было бы увеличить обзоръ и литографированными курсами лекцій, напр., Жданова, Архангельскаго и др. Можно бы привести взглядъ на памятникъ Бороздина въ его исторіи рус. литературы, указать на статьи Лященки и Сперанскаго въ Энциклоп. словаряхъ. Вообще, стоя на этой точкѣ зрѣнія, можно увеличить литературу вопроса вдвое, тѣмъ болѣе, что путь уже намѣченъ. Тогда бы мы имѣли полный обзоръ литературы, а не случайный наборъ именъ, какъ это видимъ у г. Миндалева. Тогда бы и требованіе къ обзору было иное, чѣмъ теперь. Не возникало бы вопроса о причинахъ появленія въ обзорѣ учебниковъ Зеленецкаго, Глаголева, копіи съ литогр. лекцій 1878—79 гг. и т. д. Съ другой стороны, эти вставки, давая полноту, не были бы ненужными, какъ сейчасъ, и не мѣшали бы ясности изложенія вопроса.

Съ этой точки зрѣнія можно встать всецѣло на сторону того метода изложенія литературы вопроса, какой данъ былъ въ свое время проф. Шляпкинымъ, гдѣ мы найдемъ, дѣйствительно, исторію разработки вопроса. Если уже для г. Миндалева такъ нужна была эта часть работы, то лучшее, что онъ могъ бы сдѣлать — подновить обзоры проф. Шляпкина и г. Лященка (а частью и Жданова) указаніемъ новыхъ работъ, вышедшихъ послѣ этихъ обзоровъ. Но и только.

Для удобства разсмотрѣнія этой главы можно раздѣлить ее на 2 части: 1, стр. 11—55—до изданія Шляпкина, гдѣ изложеніе идетъ

параллельно Шляпкину и даже по Шляпкину (М. стр. 53—54, Шл. 25 — 26) и 2, — позднѣйшая литература, вышедшая послѣ труда проф. Шляпкина.

Сравненіе первой половины изложенія исторіи вопроса у г. Миндалева съ изложеніемъ проф. Шляпкина ведетъ не къ выгодѣ перваго. Отдѣльные промахи, ошибки частнаго характера были уже указаны раньше. Теперь я укажу на слѣдующее: проф. И. Шляпкинъ въ своемъ изложеніи отдѣляетъ обзоръ изданій, чему посвящено предисловіе (стр. 1 — 2), отъ обзора изслѣдованій вопроса. Мнѣнія изслѣдователей приводятся in extracto. Свои замѣчанія по поводу отдѣльныхъ мнѣній проф. Шляпкинъ строго отдѣляетъ. Мысли изслѣдователей даются въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Способъ изложенія мнѣній даетъ возможность судить о методахъ работы и результатахъ ея. Цѣннымъ является и то, что проф. Шляпкинъ, вопреки мнѣнію г. Бедржицкаго, что повторяетъ за нимъ и Миндалевъ, въ отношеніи вопроса объ источникахъ Слова использовалъ опытъ своихъ предшественниковъ (таблица сопоставленій, стр. 40—41 и „источники", стр. 71—81).

Иное совершенно находимъ у г. Миндалева. Заполненный ненужными вставками обзоръ получилъ бо́льшій объемъ. Мнѣнія излагаются въ свободномъ переложеніи и при свободномъ отношеніи къ тексту. Авторъ, излагая мнѣніе другого, перемѣшиваетъ его съ собственными замѣчаніями, отчего ходъ мысли изслѣдователя, его методъ совершенно ускользаетъ отъ вниманія читателя (см., напр., мнѣніе Безсонова, стр. 22—32; объ изд. памятника И. Срезневскимъ,— стр. 35 и др.). А между тѣмъ эта, именно, сторона, въ виду поставленныхъ г. Миндалевымъ для себя задачъ, должна была бы быть на первомъ планѣ, ибо онъ пришелъ къ мысли объ изученіи памятника въ силу недовольства методомъ предшественниковъ своихъ. Системы какой либо въ изложеніи вопроса у г. Миндалева нѣтъ. Есть только намеки на эту систему. Авторъ, очевидно, хотѣлъ дать что-то такое систематическое, думалъ раздѣлить свой обзоръ на этапы. Это можно думать на основаніи такой фразы: „Лучшей работой этого періода статья Шевырева (стр. 20). Но почему это лучшая работа, какого періода—что это за періодъ, гдѣ его грани, какіе еще можно установить періоды,—объ этомъ изъ книги г. Миндалева мы ничего не узнаемъ. И чтобы разобраться во всемъ этомъ, необходимо при чтеніи книги г. Миндалева держать открытымъ и трудъ проф. Шляпкина. Только съ этой помощью и можно читать новое изслѣдованіе. И это

тѣмъ болѣе, что есть и связь новаго изслѣдованія съ трудомъ проф. Шляпкина. Я упомяну стр. 53—54, упомяну цитату на стр. 36 прим. 1, гдѣ ошибочное указаніе проф. Шляпкина повторено и г. Миндалевымъ. Иногда это ведетъ лишь къ переиначиванію отдѣльныхъ выраженій. Такъ, у Шляпкина читаемъ: „Иного взгляда на отношеніе Слова и Пчелы держался А. В. Горскій“ (стр. 21). У Миндалева: „Иначе смотритъ на взаимоотношеніе Пчелы и Слова прот. А. В. Горскій“ (стр. 34).

„Послѣ-Шляпкинскій“ періодъ разработки вопроса въ изложеніи г. Миндалева поражаетъ и безсистемностью, и некритичностью, а слишкомъ субъективное изложеніе мнѣній заставляетъ по необходимости относиться съ недовѣріемъ къ приводимымъ мнѣніямъ. Приведу нѣсколько фактовъ. Излагая мнѣніе акад. Истрина на взаимоотношеніе Пчелы и Слова, Миндалевъ указываетъ, что въ данномъ случаѣ акад. Истринъ имѣетъ въ виду мысли проф. Владимирова (стр. 77), но при изложеніи мнѣнія проф. Владимирова этотъ вопросъ не выдѣляется (стр. 70). Напротивъ, можно было ожидать опроверженія другихъ мыслей проф. Владимирова (напр. о поэмѣ Мих. Глики), но никакъ не о Пчелѣ. Совершенно не удержана хронологія трудовъ и мнѣній акад. Истрина. А это было бы важно. Необходимо было бы также отмѣтить, что статья Лященко въ Трудахъ X Арх. Съѣзда появилась въ 1899 г. (стр. 60 и прим. 3). Мнѣніе Лященка внѣшнимъ образомъ не отдѣлено отъ мнѣнія Щурата (стр. 60) и т. д.

Отмѣчу и другую сторону—не всегда точное представленіе о значеніи мнѣній того или другого ученаго. Труду Сперанскаго отведено ½ страницы, а вопросъ о взаимоотношеніи Пчелы и Моленія, затронутый этимъ трудомъ, для г. Миндалева кардинальный, не говоря уже о значеніи выводовъ Сперанскаго. Особенно это ярко бросается въ глаза, если примемъ во вниманіе, что столько же, если не больше, отводится и мнѣнію изъ учебника Келтуялы. Мнѣнію Щурата отведено 1½ стр., статьямъ Лященко — 3 стр. Больше уже отводится мѣста замѣткѣ проф. Е. Ѳ. Будде. Надо сказать, что это единственная статья,—изложенная по методу проф. Шляпкина, т. е. безъ какихъ либо замѣчаній г. Миндалева и даже безъ указанія и безъ упоминанія отзыва объ этой статьѣ акад. Истрина. А это имѣло бы значеніе: тогда, можетъ быть, г. Миндалеву стало понятно то, по поводу чего онъ недоумѣваетъ въ концѣ стр. 73-й. Но особенно рѣзко сказалось неумѣнье г. Миндалева оріентироваться въ опредѣленіи значенія работъ предшественниковъ въ

оцѣнкѣ послѣдней работы — Бедржицкаго. О ней сказано: „послѣдней по времени болѣе или менѣе значительной работой о М. Д. З. является статья г. Бедржицкаго“ (стр. 84). Прежде всего это бѣглая журнальная замѣтка, какъ она и значится въ оглавленіи (стр. III). Своимъ подзаголовкомъ авторъ самъ указываетъ, что самостоятельнаго значенія она не имѣетъ—она вызвана учебникомъ Келтуялы (стр. 355). Въ зависимости отъ этого и ея содержаніе. Самъ же г. Миндалевъ при оцѣнкѣ этой замѣтки указываетъ больше недостатковъ ея, чѣмъ достоинствъ. Но въ сознаніи Миндалева она все же вырастаетъ въ значительную работу. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что г. Бедржицкій для г. Миндалева явился своего рода акушеромъ, давъ г. Миндалеву отправную точку зрѣнія для работы (см. Минд. стр. 8 и 238). Можетъ быть, не будь этой замѣтки, не было бы и работы г. Миндалева?

Благодаря такому изложенію исторіи разработки памятника и выводы получились неожиданные. Авторъ совершенно неожиданно, такъ какъ изъ историческаго обзора этого не видно, приходитъ къ заключенію о необходимости переизданія Акад. списка памятника, — но почему лишь Акад. списокъ необходимо издать, а другіе не надо, — этого мы не найдемъ. Это одинъ выводъ. Другой выводъ, тоже неясно представленный въ посылкахъ,—„поставить вопросъ на новую почву путемъ детальнаго анализа текста обѣихъ редакцій Моленія и тѣхъ источниковъ, которыми каждая изъ нихъ пользовалась“ (стр. 86). Что это за „новая почва“—рѣшить трудно. Не совсѣмъ ясно и формулированъ результатъ—имѣетъ ли въ виду авторъ и детальный анализъ *текста* источниковъ, или касается ихъ только, какъ таковыхъ? Наконецъ возможенъ и такой вопросъ—всѣ остальныя недоумѣнія, возникшія около этого памятника, уже не требуютъ разрѣшенія?

При указанномъ выше характерѣ исторической части труда трудно, конечно, выяснить, что сдѣлано предшественниками г. Миндалева въ области изданія памятника. Общей провѣрки этихъ изданій нѣтъ, даже нѣтъ перечисленія всѣхъ извѣстныхъ списковъ памятника. Нѣтъ указанія на изданіе памятника М. Н. Сперанскимъ и др. При указаніи вошедшихъ въ изслѣдованіе списковъ г. Миндалевъ ограничивается лишь указаніемъ, но насколько изданы списки хорошо, объ этомъ мы не знаемъ. Только лишь объ изданіи Сахарова, но и то съ чужихъ словъ, г. Миндалевъ говоритъ нѣсколько, отмѣтивъ, что Сахаровъ выдалъ перепечатку за новый списокъ (стр. 19. Но г. Мин-

далеву неизвѣстно, что впервые, какъ оказывается, это было замѣчено И. Н. Ждановымъ — стр. 274). И это естественно: когда издатель не сообщаетъ состава сборника и рукописи, откуда берется памятникъ, то подобныя явленія всегда возможны. Въ настоящее время подобнаго, конечно, случиться не можетъ. Найдемъ также указанія на неудовлетворительность изданія Д. Толстымъ передѣлки памятника (стр. 20), благодаря переизданію Назаревскаго. Нѣсколько критическихъ замѣчаній можно отмѣтить въ книгѣ и объ изданіи Шляпкина. Объ остальныхъ спискахъ,—а ихъ большинство—не сказано ничего.

Больше всего замѣчаній по адресу изданія Шляпкина. Миндалева это изданіе не удовлетворяетъ въ силу того, что много ошибокъ: 1) надстрочныхъ знакахъ, 2) орѳографическихъ и 3) есть пропуски словъ и фразъ. Сюда можно прибавить еще упрекъ, который г. Миндалевъ посылаетъ по адресу Щурата за сохраненіе ошибочнаго обозначенія листовъ сборника С.-Петербургской Духовной Академіи (стр. 59 — 60). Вотъ все, что г. Миндалевъ предъявляетъ къ изданію въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ.

Конечно, отнестись къ новоизданному тексту только въ предѣлахъ этихъ требованій нельзя—они слишкомъ элементарны. Это тѣ требованія, которыя могутъ относиться ко всякой работѣ, даже ученической,—но и тамъ это далеко не все.

Въ настоящее время изданія памятниковъ методически обставлены болѣе солидными, болѣе сложными требованіями. И уже есть своего рода vade mecum изданія памятниковъ, критики ихъ текста, что вошло въ курсы палеографіи (напр. Шляпкина). Ихъ мы встрѣтимъ также въ курсѣ методологіи исторіи русской литературы акад. В. Н. Перетца, гдѣ г. Миндалевъ и могъ бы познакомиться съ методами изданія, ибо это кругъ тѣхъ требованій, которыя долженъ знать каждый кончающій студентъ (литогр. курсъ 1912 г. стр. 312 и дал. Курсъ, изд. въ 1914 г. стр. 246 и дал. См. также: Бугославскій. Нѣсколько замѣчаній къ теоріи и практикѣ критики текста. Черниговъ 1913 г.).

Перехожу къ изданію г. Миндалева. Переизданію удѣлены въ трудѣ стр. 87—119. Этому переизданію г. Миндалевъ придаетъ большое значеніе. Для него „предъ изслѣдователемъ настоящаго времени стоятъ двѣ задачи“: и первая: „переизданіе Академическаго списка“ (стр. 86). Путь, которымъ г. Миндалевъ пришелъ къ такому заключенію, остается неизвѣстнымъ, такъ какъ провѣрки другихъ списковъ нѣтъ. Но это оставимъ.

Первый вопросъ, неизбѣжно возникающій—что это за Академическій списокъ, гдѣ онъ находится, почему называется Академическимъ?—Отвѣта въ предыдущемъ нѣтъ (см. стр. 55—58). Въ самомъ переизданіи тоже нѣтъ никакихъ о спискѣ свѣдѣній. Лишь уже послѣ, на стр. 126, въ слѣдующемъ отдѣлѣ, о немъ даются, но очень скудныя свѣдѣнія: „Академическій (собственно Кирилло-Бѣлозерскій, нынѣ СПб. Духовной Академіи, сб. № 43/1120)“ (стр. 126). Но и это съ чужихъ словъ—со словъ проф. Шляпкина, гдѣ буквально найдемъ то же самое (стр. 2). У Шляпкина даже указаны и листы сборника, чего у г. Миндалева нѣтъ.

Страннымъ является, что издатель не упомянулъ,—что это за рукопись, гдѣ находится списокъ, тѣмъ болѣе, что въ печати еще нѣтъ описанія этой части библіотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Не указано при переизданіи, какого характера сборникъ, какія въ немъ произведенія, какія произведенія окружаютъ самый памятникъ, а, вѣдь, все это могло быть использовано въ изслѣдованіи. Но здѣсь, очевидно, опытъ предшественниковъ прошелъ мимо издателя. Онъ не обратилъ вниманія, какъ изданъ памятникъ Порфирьевымъ, Барсовымъ, Покровскимъ, Сперанскимъ, не обратилъ вниманія, какъ использовалъ описанія сборниковъ Гуссовъ (стр. 15), Сперанскій. И если уже не помогъ опытъ предшественниковъ, то не мѣшало бы знать курсъ методологіи В. Перетца. Не описана также и внѣшняя сторона сборника—характеръ письма, бумага, знаки. А это все необходимо въ изданіи, претендующемъ на научность. Г. Миндалевъ укоряетъ проф. Шляпкина за ошибочное обозначеніе листовъ сборника, укоряетъ въ томъ же Щурата, цитировавшаго по изданію Шляпкина. Но въ новомъ изданіи нѣтъ не только указанія, какая глава сборника заключаетъ въ себѣ памятникъ (въ сборникѣ есть дѣленіе по главамъ), но даже не указано, какіе листы сборника заняты Моленіемъ Д. З. А между тѣмъ важно не только это, а и распредѣленіе памятника по листамъ сборника, что было сдѣлано Шляпкинымъ.

При изданіи текста г. Миндалевъ придаетъ особо важное значеніе соблюденію надстрочныхъ знаковъ. Это, конечно, важно, если имѣть въ виду детальное палеографическое изученіе памятника. Надстрочные знаки иногда могутъ дать нити для опредѣленія заимствованій, источниковъ. И если бы г. Миндалевъ продѣлалъ эту работу надъ изученіемъ надстрочныхъ знаковъ, то, можетъ быть, дѣйствительно, далъ бы нѣкоторые новые факты. Тѣмъ болѣе этотъ путь былъ намѣченъ

проф. Шляпкинымъ (стр. 40). Но слѣдовъ такого изученія памятника въ изслѣдованіи г. Миндалева нѣтъ.

Касаясь самаго изданія, прежде всего остановлюсь на словахъ издателя: „рукопись приходитъ въ ветхость и уже замѣчаются нѣкоторые дефекты“ (стр. 86). Но въ чемъ заключаются эти дефекты, на основаніи новаго изданія сказать нельзя. Въ изданіи г. Миндалева, напротивъ, слѣдовъ этихъ дефектовъ незамѣтно. А между тѣмъ, дѣйствительно, рукопись имѣетъ дефекты. Есть страницы, гдѣ чернила пропитали бумагу насквозь, есть мѣста прожженныя, верхнія и нижнія строчки листа, гдѣ касаются при перелистываніи пальцами, потерлись. Такъ, листъ 280 об. и 281 находятся въ такомъ положеніи и буквы „с“ въ выраженіи „рац сплодо“ (Минд. 99 § 40) уже нѣтъ. Нѣтъ ея и въ изданіи проф. Шляпкина (стр. 11), но у г. Миндалева она откуда-то появляется (рук. 280 об. 2-я стр. снизу). Тоже на л. 281 „егда лежиши“ (М. 100—41; Шл. стр. 13). Но уже буквы „а“ въ рукописи нѣтъ: это мѣсто прожжено. Слова, приведенныя у Шляпкина: „Звѣрь а главы“ (М. 104, 49), послѣднія на л. 281, настолько стерлись, что прочитать ихъ нельзя. Очевидно, г. Миндалевъ приводитъ ихъ по изданію Шляпкина, но безъ оговорки (стр. 15). Тоже и слова: „а старъ смыслъ“ (М. 108—57, рук. 281 об. Шл. 19). Слова: „ни кая ся“ (М. 115—72, 15—тоже у Шляпкина стр. 27),—въ рукописи эти слова, какъ начальныя на листѣ и строчкѣ (л. 283 об. 1-я стр. сверху), стерлись, отъ нихъ остались только нижнія части и прочитать ихъ нельзя. „Мене продадятъ“ (М. 117—72, 19, Шл. стр. 29)—но въ рукописи буквъ „пр“ уже нѣтъ. Это мѣсто прожжено (л. 283 об.). Тоже и слова „бывалъ“ (М. 118—76, Шл. 29), „продолжена“ (М. 118—77, Шл. 29). Въ рукописи можно прочитать „бывает“ (л. 284, стр. 3), „про на“ (л. 284, стр. 5).

О подобныхъ дефектахъ рукописи въ новомъ изданіи ничего не сказано. Издатель не упоминаетъ, откуда онъ беретъ данныя для реконструкціи. Можно лишь предположить, что въ данномъ случаѣ издатель воспользовался изданіемъ проф. Шляпкина.

Что касается самаго текста, то въ новомъ изданіи онъ далеко не безупреченъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно не только не замѣняетъ, но и ухудшаетъ изданіе Шляпкина. Примѣры: „в причах“ (Минд. 90—3). Въ рук. „въ притчах“ (л. 279. У Шляпкина вѣрно стр. 3). „на ныриши“ (М. 90—8. Тоже у Шляпкина, стр. 5). Въ рукописи ясно: „на ныришти“ (л. 279 об. стр. 10). „За бжано“ (М. 103—48). Въ рук. „бъжано“ (л. 281, 4-я стр. снизу; у Шляпкина вѣрно, стр. 15).

„полкі" (М. 104—49, тоже у Шляпкина, стр. 15). Въ рукописи полки (л. 281 об. 1-я стр.) „возрастъ" (М. 108—57. Тоже у Шляпкина стр. 19). Въ рук. „възрастъ" (л. 282 1-я стр.). въплакае" (М. 110₁—67. Тоже у Шл. стр. 21), въ рукоп.: „въплакле" (л. 282, 9 стр. снизу). „Злообразнж" (М. 113—72. Тоже у Шл. стр. 23). Въ рук.: злобразнж (л. 282 об.) и т. д.

Приведу еще примѣры для характеристики изданія: въстани слава моя. въстани" (М. 89. Шл. 3). „рыдая.аки адамъ" (М. 95). Въ рукописи здѣсь не точки, а запятыя (л. 279, 280) и др. Префиксы предъ словами въ рукописи пишутся вмѣстѣ, а не отдѣльно. Напр. „вгжсле" (стр. 89), йсхвирая (стр. 117), „поднозе" (стр. 119), вразамъ (стр. 89). Въ началѣ словъ въ большинствѣ случаевъ пишется „ѡ", а не „о" (напр. стр. 107, 116). Совершенно невѣрно у г. Миндалева передается „ѕ", вмѣсто „з". Въ этомъ отношеніи у проф. Шляпкина написанія передаются ближе къ рукописи. Появляются у г. Миндалева заглавныя буквы въ началѣ §§-въ, чего въ рукописи нѣтъ (л. 379, Шл. 4), напр.: §§ 16, 17, 56, 61, 72 (рук. 280, 281 об. 282) и др.

Въ области надстрочныхъ знаковъ: въ заголовкѣ: „Заточенника"— въ рук. ударенія нѣтъ (л. 279, Шл. 3). „ханаонсныи" (л. 279 об.). Въ рук. тоже безъ ударенія. Очевидно, здѣсь за удареніе г. Миндалевъ принялъ спускающійся на это слово хвостикъ буквы „з" верхней строчки. Но слово кóя (л. 281) у г. Миндалева уже безъ ударенія (102) и т. д.

Примѣровъ достаточно для характеристики изданія. Но они не исчерпываютъ всего матеріала, даваемаго новымъ изданіемъ. Приводя ихъ, я стою на точкѣ зрѣнія новаго издателя, указавшаго подобные промахи, какъ существенные, въ изданіи Шляпкина (Минд. 56, 1, 2). Указывая у другихъ промахи, издателю самому слѣдовало бы избѣгать ихъ. Въ новомъ переизданіи текста необходимо исправить ошибки предшествующаго. Но этого не находимъ. Если же принять во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ у г. Миндалева нѣтъ исправленій изданнаго текста, а появляются и новыя ошибки, то придется признать, что переизданіе не только не лучше изданія проф. Шляпкина, а во многихъ частяхъ ему уступаетъ и во всякомъ случаѣ замѣнить его не можетъ.

Вызываютъ недоумѣніе и тексты другихъ списковъ памятника (Чуд. Унд.), изъ коихъ указаны параллели къ Академическому списку. По какому изданію воспроизводится ихъ текстъ, а, можетъ быть, по рукописи? — объ этомъ ничего не сказано. Мы знаемъ, къ чему ве-

дутъ подобные пріемы изданія. Примѣръ Сахарова былъ предъ глазами г. Миндалева, но это не остановило новаго издателя. Приходится удивляться, какъ пріемы до-научныхъ временъ воскрешаются нынѣ. Неужели это результатъ того накопленія опыта предшественниковъ, что ставитъ себѣ въ заслугу г. Миндалевъ? Если это такъ, то приходится сожалѣть, что стремленіе поучиться у предшественниковъ въ концѣ концовъ приводитъ къ впитыванію отрицательныхъ сторонъ.

Таковы пріемы изданія. Къ сожалѣнію, это уже не первый опытъ г. Миндалева. То же его постигло и при изданіи текста житія Меркурія, какъ указано было г. Бѣлецкимъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1914 г. кн. XII, стр. № 370).

Третья глава изслѣдованія посвящена „анализу текста обѣихъ редакцій Слова Д. З.“ (стр. 123 и XXXII). Съ этой главы начинается собственно изслѣдованіе памятника. Авторъ въ своемъ изслѣдованіи идетъ хронологически, начиная съ анализа такъ называемой редакціи XII вѣка (стр. 124—162), анализируетъ редакцію XIII в. (стр. 163—187) и заключаетъ это сравнительнымъ анализомъ текста того и другого извода (стр. 188—235).

Оговариваюсь, что имѣю въ виду методологическую сторону, не касаясь существа затрагиваемыхъ вопросовъ.

Въ началѣ статьи о редакціи XII вѣка авторъ предпосылаетъ нѣсколько общихъ мыслей, могущихъ ввести въ заблужденіе и поставить вопросъ, точно ли выводы дѣлаются на основѣ анализа текста,—не подгоняется ли анализъ къ высказаннымъ мыслямъ?

Самый анализъ раздѣляется на двѣ категоріи фактовъ—обозрѣніе текста списковъ извода XII в. (стр. 125—139) и „содержаніе, мѣсто и время составленія извода XII в.“ (139—162).

Перечисливъ по Шляпкину (стр. 1—2; Минд. 125—126) списки „Слова“, добавивъ перечисленіе изданнымъ Ѳ. И. Покровскимъ спискомъ, г. Миндалевъ устанавливаетъ двѣ группы этихъ списковъ на основѣ прибавленія, которое существуетъ въ спискѣ Толстовскомъ,—который и раньше выдѣлялся изъ общаго числа. Выдѣляетъ Толст. списокъ въ особую категорію, напр., Лященко (стр. 291), но по другимъ болѣе вѣскимъ соображеніямъ, а не на основаніи позднѣйшаго прибавленія, что указалъ еще Ор. Миллеръ и Модестовъ (171). Такимъ образомъ эта группировка основана на слишкомъ незначительныхъ, маловажныхъ основаніяхъ. (См. Бугославскій, стр. 12). Посмотримъ, что изъ этого выходитъ: Толстовскій списокъ восходитъ къ одному основному тексту; списки 2-й группы (Ак., Коп.) восходятъ—

или къ двумъ близко родственнымъ спискамъ, или, быть можетъ, къ одному общему (стр. 126). Но и это можетъ быть измѣнено: Копенгагенскій списокъ ближе къ Толстовскому (стр. 126).

Эта полная неразбериха отразилась и на помѣщенной вслѣдъ за этимъ таблицѣ „главнѣйшихъ отличій списковъ 2-й гр. (Акад. Коп.) отъ Толстовскаго"... Это заглавіе можетъ только привести къ недоразумѣнію, такъ какъ указаны не только отличія К. и А. отъ Т., но и отличія и Т. А. отъ К. (б. I, 2, и др.) и К. отъ А. Т. (I отр.) и даже каждаго другъ отъ друга (63). Если принять во вниманіе, что разночтенія К. и Т. въ литературѣ существуютъ: они указаны еще Срезневскимъ, что составляетъ особенность его изданія,—хотя объ этомъ г. Миндалевъ не упоминаетъ,—цѣнность этихъ сопоставленій была бы лишь въ системѣ, а не въ самомъ физическомъ матеріалѣ, а систематизаціи, именно, у г. Миндалева нѣтъ.

Далѣе изслѣдователь переходитъ къ рѣшенію вопроса объ оригиналахъ списковъ на основѣ фактическаго матеріала. Мы находимъ попутныя замѣчанія относительно 24 пунктовъ изъ 40 и заключеніе, что „указанныя" въ этихъ рубрикахъ „отличія списковъ не могутъ быть случайными и наводятъ на предположеніе о двухъ оригиналахъ, къ которымъ восходитъ съ одной стороны Толст. списокъ, а съ другой—Акад. и Коп. списки" (стр. 133), а „пунктъ 8 рубрики „А", помимо того, говоритъ о сравнительно болѣе раннемъ происхожденіи оригинала Акад. и Коп. списковъ" (ibid.). Къ этому авторъ приходитъ на томъ основаніи, что слова „а не отъ своего разума" и дал., несомнѣнно, являются позднѣйшей вставкой (ibid.). По мнѣнію изслѣдователя, ссылка на Божій промыселъ могла явиться только позднѣе, „когда М. Д. З. уже приняло характеръ чисто литературнаго произведенія нравственно-назидательнаго содержанія". Но почему это „несомнѣнно"? Почему ссылка на Божій промыселъ могла имѣть мѣсто въ литературномъ памятникѣ,—изслѣдователь не говоритъ. А между тѣмъ самъ авторъ чрезъ нѣсколько страницъ говоритъ: Даніилъ, „который, обращаясь къ князю съ моленіемъ, имѣлъ нужду въ ссылкахъ на Писаніе, какъ на авторитетъ" (стр. 146).

Къ анализу изслѣдователь привлекаетъ и передѣлку Моленія, изданную Покровскимъ, использовавъ для сравненія примѣчанія Покровскаго. Эти сопоставленія (10) даютъ право утверждать, что уже сказано и Покровскимъ (стр. 328), о близости передѣлки къ ред. XII в. Но дальнѣйшее рѣшеніе вопроса о близости передѣлки къ спискамъ принадлежитъ всецѣло г. Миндалеву: „въ большинствѣ случаевъ

текстъ передѣлки (изъ 10—9. Л. И.) ближе къ Акад. списку, хотя есть случаи, правда единичные (изъ 10 — 6 + 1 = 7. Л. И.) большей близости къ Коп. и Толст.“ (стр. 136). Но насколько всѣ эти сопоставленія, дѣйствительно, могутъ дать матеріалъ для заключенія, хотя бы и такого неопредѣленнаго,—судить нельзя: анализа этихъ сопоставленій нѣтъ. Эту методологическую недостаточность, очевидно, чувствовалъ самъ авторъ, признавшій, что „все это далеко недостаточныя и случайныя указанія“ (137). Но это его не остановило. Онъ уже утверждаетъ „о большей древности и близости списковъ 2-й группы къ подлиннику“ (137). И сначала, было, склоненъ думать, что изъ этихъ списковъ древнѣе Коп. въ силу его большей сжатости (при чемъ очень неудачно ссылается на Срезневскаго), но потомъ отказывается отъ этого,—и сжатость, недостатокъ окончанія „склоненъ“ относить къ небрежности переписчика, очевидно, смѣшивая понятія „сжатости“ и „пропуска словъ“,—и уже, въ концѣ концовъ, какимъ-то путемъ убѣждается въ большей близости къ первоначальному тексту Акад. списка, но объ этомъ мы уже узнаемъ изъ выводовъ (стр. 161).

Такимъ же характеромъ отличается и „анализъ“ редакціи XIII в. (стр. 163—187). Сначала изслѣдователь даетъ обзоръ списковъ. Обзоръ такой же, какъ и редакціи XII в., т. е. безъ всякихъ внѣшнихъ указаній относительно рукописей, хотя описанія ихъ существуютъ. Этотъ обзоръ даетъ право автору высказать соображенія о значеніи количества списковъ (163), будто авторъ использовалъ всѣ извѣстные списки (см. Библ. Лѣтоп. 1914, I, стр. 19) и будто всѣ списки Моленія приведены въ извѣстность. *Намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что въ одной изъ неописанныхъ рукописей Соловецкаго монастыря, хранящихся въ Имп. Каз. дух. акад., въ настоящее время найденъ списокъ Моленія Даніила Заточника, каковой въ скоромъ времени и будетъ обнародованъ.*

Обозрѣвая тексты списковъ редакціи XIII в., изслѣдователь заранѣе оговаривается, что исчерпывающаго анализа текста онъ не даетъ: „попробуемъ прослѣдить *нѣкоторыя* изъ отличій текста обоихъ списковъ“ (164). Но что это за нѣкоторыя отличія, по какому принципу онъ ихъ выбралъ?—на эти вопросы отвѣта нѣтъ. А между тѣмъ на основѣ „нѣкоторыхъ“ отличій авторъ дѣлаетъ заключенія: „и постараемся сдѣлать изъ нихъ (изъ нѣкоторыхъ?) тѣ или другіе выводы о взаимоотношеніи обоихъ списковъ и объ ихъ отношеніи къ оригиналу“ (стр. 165). Конечно, при этомъ признаніи методическихъ недочетовъ выводы теряютъ свое значеніе.

Самый анализъ ведется тѣмъ же способомъ предположеній, на основѣ которыхъ можно строить какіе угодно выводы, т. е., лучше сказать, этими предположеніями можно факты подгонять къ какимъ угодно положеніямъ. Такъ, изслѣдователь находитъ „подновленіе текста въ Чуд. сп.“ (172); рѣшаетъ, что тѣ или иныя мѣста болѣе правильны въ Чуд. сп. (172—18), другія — въ Унд. (172—20); укоряетъ переписчиковъ въ непониманіи (173), во внесеніи излишнихъ подробностей (173—24), въ отсутствіи логическаго вывода (173—24) и т. д. И все это на основѣ очень часто встрѣчающихся въ лексиконѣ автора словъ: „возможно“, „повидимому“, „мнѣ кажется“. Для примѣра: „§ 26 Ч., 30—У. заключаетъ указаніе на то, что Ч. сп. сдѣланъ съ неразборчиваго *оригинала* (?) и, при томъ, нѣсколько *измѣнившаго начальную фразу* (?), если *только это не было сдѣлано писцомъ Чуд. сп.*“ (174). Или: „§ 38 въ Чуд. сп. читается, *повидимому*, ближе къ первоначальному тексту“ (стр. 176). Но уже дальше это „повидимому“ становится фактомъ: „§ 39 точно также менѣе испорченъ въ Чуд. сп.“ (176). Или: „2-я половина §-а имѣетъ нѣкоторыя отличія: въ то время какъ спис. Унд. говоритъ... Чуд. распространяетъ эту мысль, нѣсколько ее видоизмѣняя: для этого онъ пользуется выраженіями 55 §, *если только дѣло не было наоборотъ*“ (стр. 177). Или: „она (передѣлка Толстого), повидимому, иногда близка къ изводу XII в.; показать эту *близость съ полною очевидностью нельзя, но все же замѣтить ее можно*“ (стр. 178). Въ остальномъ изслѣдователь больше придерживается такихъ пріемовъ: „Большею древностію дышатъ и разночтенія...“ (стр. 134).

Эти примѣры можно увеличивать до предѣловъ изслѣдованія Миндалева. И всѣ они даютъ ему право сдѣлать очень характерное заключеніе: „все это, *кажется мнѣ*[1]), ясныя указанія на то, что въ сп. Унд. и Чуд. мы имѣемъ дѣло далеко не съ первоначальнымъ текстомъ, а съ его переработкой подъ рукой весьма неискуснаго амплификатора“ (178).

Таковъ же и сравнительный „анализъ“ текстовъ Моленія въ изводахъ XII и XIII в.в. (стр. 188 — 234): „можно предполагать“ (188—5), „можно думать“ (189—8), „строй фразы правиленъ въ У. Ч.“ (§ 9), „вѣроятнѣе предположить“ (§ 9), „повидимому“ (§ 11), „есть основанія думать“ (190—11). Особенно характерны въ этомъ отношеніи сопоставленія съ житіемъ Ѳеодосія, гдѣ этому методу данъ

---

[1]) Курсивъ вездѣ мой Л. И.

полный просторъ, такъ какъ эти сопоставленія принадлежатъ исключительно нашему изслѣдователю (190 — 194), хотя самая идея сопоставить житіе съ Моленіемъ, очевидно, навѣяна Модестовымъ (174 стр.).

Какъ результатъ подобнаго „анализа", авторъ даетъ и схему (229) предполагаемыхъ списковъ. Но принимая во вниманіе характеръ анализа, отсутствіе хронологіи послѣдовательныхъ переработокъ, произвольность догадокъ, бездоказательность положеній, трудно принять эту схему. На самомъ дѣлѣ—почему тѣ или иныя черты отнесены къ данной передѣлкѣ, другія—къ 2-й, слѣдующія—къ 3-ей. Все это находитъ объясненіе въ одномъ: „мнѣ думается", „повидимому". На этомъ основаніи можно, конечно, додуматься до вдвое-втрое большаго количества передѣлокъ—и съ одинаковымъ успѣхомъ.

Говорить здѣсь о фактичности и убѣдительности изслѣдованія не приходится. Всѣ утвержденія ничѣмъ не подтверждаются, — всѣ они субъективны. И этотъ субъективизмъ особенно удивителенъ въ настоящее время, когда мы имѣемъ въ изслѣдованіяхъ Шахматова, Сперанскаго, Истрина точный методъ анализа текста. Но въ данномъ случаѣ изслѣдователь мало, очевидно, использовалъ методъ предшественниковъ, не воспринявъ того, чѣмъ цѣнны позднѣйшіе труды по исторіи древней литературы. Предъ нимъ былъ одинъ образецъ—трудъ Безсонова. Его методъ и воспринятъ былъ новымъ изслѣдователемъ чрезъ 60 лѣтъ. Новый изслѣдователь и методъ Безсонова воспринялъ въ его отрицательныхъ чертахъ—въ излишнемъ субъективизмѣ, не понявъ сущности его. Съ другой стороны,—новый изслѣдователь упустилъ изъ виду и то, что современная наука уже отказалась отъ этого метода анализа и осудила его—и даже по отношенію къ работамъ о Моленіи. Я разумѣю статью акад. Истрина. По этому методу можно объяснять что угодно и какъ угодно,—но „все это можетъ быть объяснено и при обратномъ положеніи" (22). И по адресу новаго изслѣдованія можно сказать словами акад. Истрина, что все это показываетъ намъ, что „и въ наше время возможно появленіе работъ, основанныхъ на старомъ матеріалѣ и на старыхъ разсужденіяхъ....... со смѣлостью пускаться въ разсужденія и дѣлать рядъ выводовъ въ вопросахъ, требующихъ и надлежащаго опыта и внимательнаго труда" (32).

„Проанализировавъ" такимъ образомъ текстъ, изслѣдователь анализируетъ и содержаніе памятника въ редакціяхъ XII в. (стр. 139—162) и XIII в. (стр. 179—187). Но въ этомъ отношеніи авторъ ме-

нѣе самостоятеленъ. Планъ извода XII в. передается по Жданову (Жд. 318 — 323), но съ оговоркой, каковой нѣтъ у Жданова, что „въ дошедшихъ до насъ спискахъ, даже Ак. и Коп., нельзя видѣть дѣйствительно точнаго отраженія или воспроизведенія подлинника Слова: цѣлый рядъ повтореній, безъ нужды распространяющихъ мысль автора, явныя перестановки и перебивки текста, нападки на женъ, превратившіяся въ цѣлое слово о злыхъ женахъ, и др. данныя убѣдительно говорятъ за то, что оригиналъ, отъ котораго ведутъ свое начало списки извода XII в. уже значительно переработалъ основной текстъ подлиннаго слова Даніила“ (стр. 141 — 142). Выводъ, и нѣсколько неожиданный самъ по себѣ,—характеренъ и въ томъ отношеніи, что авторъ судитъ объ „основномъ текстѣ подлиннаго слова“, объ оригиналѣ списковъ извода XII в., не имѣя и не реконструируя ихъ. Секрета объ этихъ неизвѣстныхъ величинахъ онъ не открываетъ. Не открываетъ онъ секрета и реставраціи этихъ текстовъ. Остается неизвѣстнымъ, имѣя въ виду пріемы изслѣдованія, какимъ образомъ г. Миндалевъ знаетъ и о планѣ оригиналовъ, когда самые оригиналы не реконструированы. Съ этой точки зрѣнія, гдѣ маштабъ для опредѣленія этихъ повтореній, перестановокъ, о чемъ говоритъ авторъ? — Опять тѣ же „повидимому“. Такъ въ изслѣдованіи говорится:

„Непослѣдовательность мысли, *повидимому*, была замѣчена уже оригиналомъ, отъ котораго ведутъ свое начало дошедшіе до насъ списки извода XII в.“ (стр. 143).

или:

„но, что особенно пострадало при перепискѣ и передѣлкахъ, такъ это отказъ (?) Даніила отъ возможности выйти изъ нищеты путемъ женитьбы на богатой“ (ibid.)

или:

„*повидимому*, оригиналъ былъ переработанъ рукой духовнаго лица, привыкшаго къ обращенію со словомъ къ братіи“ (а Вл. Мономахъ?) (145).

Для характеристики устойчивости положеній автора приведу еще рядъ примѣровъ, далеко не исчерпывающихъ всего:

„Такъ, *мнѣ кажется*, было и въ подлинникѣ“ (145).

„Это, *я думаю*, позднѣйшая вставка“ (145).

„Какъ *ни слабы* эти намеки на личность редактора, въ совокупности они все-таки, *какъ мнѣ кажется*, достаточно говорятъ, что онъ былъ церковникъ“ (146 см. стр. 147 и 162), хотя послѣ авторъ ска-

жетъ: „Въ дѣйствительности же, фактическія данныя, извлекаемыя изъ текстовъ извода XII в., настолько сбивчивы, что личность автора остается крайне неопредѣленной“ (стр. 179).

„Слова Андрея..... врядъ ли были умѣстны (*если только это не позднѣйшая вставка*) въ Моленіи“ (155).

То же самое и въ изслѣдованіи редакціи XIII в. съ тою только разницею, что здѣсь авторъ, не имѣя подъ руками Ждановскаго плана, и самъ не можетъ его дать. Но приписываетъ это недостаткамъ и порчѣ редакціи. Интересны эти основанія. Авторъ отказывается дать планъ редакціи XIII в., хотя, какъ извѣстно, Гуссовъ (стр. 6—10) далъ очень удовлетворительный планъ редакціи XIII в. Изслѣдователь говоритъ, что планъ въ изводѣ XIII в. „характеризуется крайней непослѣдовательностью, сбивчивостью и постоянными отступленіями; позднѣйшія перестановки при переработкѣ основного текста иногда ясно бросаются въ глаза“ (стр. 181), т. е. другими словами, и этотъ изводъ такой же, какъ и изводъ XII в. (см. выше). Но результаты оказываются различны: въ одномъ случаѣ (XII в.) планъ не вызываетъ затрудненія, а въ другомъ — затрудненія на лицо? Разгадку даетъ трудъ Жданова, по которому и составлена эта глава о ред. XIII в.

Вмѣсто плана Слова по ред. XIII в. авторъ на стр. 181—184 передаетъ содержаніе Слова по имъ же самимъ установленнымъ параграфамъ. Формулировка мыслей въ этой передачѣ отличается крайней пестротой, отсутствіемъ однообразія и, я бы сказалъ, неумѣньемъ правильно формулировать свою мысль. Встрѣчаются такія выраженія: „Поддержка въ словахъ Св. Писанія“ (§ 1—15), „Милосердіе и щедроты князя, отдаленіе отъ него автора“ (§ 16—17). „Просьба къ князю о вниманіи къ положеніи автора“ (ibid.). „Отсутствіе для автора счастья въ родномъ городѣ“ (§ 33). „Богатство князя, возможность для него (?) помощи неимущимъ“ (стр. 43).

Подобныя выраженія могутъ навести на мысль, что мы имѣемъ предъ собой неумѣлый и неудачный переводъ съ неизвѣстнаго оригинала. Конечно, если такъ формулировать содержаніе произведенія, то въ любомъ произведеніи Пушкина, Тургенева мы не найдемъ ничего хорошаго, не говоря уже о томъ, что планъ при этомъ составить, дѣйствительно, нельзя.

На основаніи такихъ положеній, предпосылокъ, изслѣдователь приходитъ къ опредѣленнымъ заключеніямъ, какими заканчиваетъ онъ каждую главу. Эти заключенія не являются новостью: въ изслѣ-

дованіи нѣтъ оригинальной мысли, изслѣдователь повторяетъ только „зады". Для примѣра приведу слѣдующее. Авторъ пишетъ: „Изводъ XIII вѣка обращенъ къ переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу". Такъ какъ „Ярославъ княжилъ не въ одномъ Переяславлѣ, какъ думаетъ Лященко и всѣ другіе изслѣдователи, а въ двухъ"... и т. д. (186 — 187). Можно подумать, что такое заключеніе — плодъ изслѣдованія г. Миндалева, но это будетъ ошибкой. Всѣ эти данныя изслѣдователь беретъ у Гуссова, и такимъ образомъ говорить о всѣхъ изслѣдователяхъ не приходится. (См. Гуссовъ, стр. 26—27, Минд. 179, 187).

Окончательные выводы, какъ результатъ „анализа текста", формулированы изслѣдователемъ на стр. 231 — 232. Здѣсь мы находимъ 9 положеній. И надо отдать справедливость, въ этихъ положеніяхъ авторъ всталъ на болѣе правильный путь. Онъ не положился на собственный „анализъ" текста памятника, а взялъ въ качествѣ выводовъ положенія своихъ предшественниковъ. Такая „осторожность" въ выводахъ, несомнѣнно, заслуга изслѣдователя. Такъ, изъ 9 его положеній, напр., 1-е—Безсонова, 3-е находимъ еще у Срезневскаго, Миллера, Порфирьева, Жданова, 4-е у Лященко, 5-е Жданова, Миллера, Срезневскаго, Порфирьева, Лященко; 6-е — Калайдовича, Лященко; 7-е—Гуссова, Жданова; 8-е—Сперанскаго, Григорьева; 9-е—Жданова и т. д.

Такимъ образомъ въ результатѣ всего анализа авторъ приходитъ къ заключеніямъ уже не новымъ, а извѣстнымъ очень давно. И это естественно при томъ методѣ, какой находимъ у г. Миндалева. Излишній субъективизмъ, недостаточность анализа (даже отсутствіе его), предвзятость исходныхъ пунктовъ,—все это лишило автора возможности идти самостоятельнымъ путемъ. Желая использовать опытъ своихъ предшественниковъ, авторъ не разобрался въ цѣнности произведенной раньше его работы. Увлекшись похвалами безсоновской статьѣ, онъ слѣдуетъ Безсонову въ методѣ, не замѣтилъ того цѣннаго, что было у Безсонова. Я не сторонникъ Безсоновскихъ изслѣдованій, но надо отдать ему справедливость, что онъ въ своихъ выводахъ былъ болѣе фактиченъ и остороженъ при всей субъективности анализа. Кромѣ того онъ обладалъ нѣкоторой долей изслѣдовательскаго остроумія, которая скрадывала недостатки его метода и давала ему возможность въ своихъ заключеніяхъ высказывать иногда совершенно правильныя положенія. Этимъ послѣднимъ качествомъ авторъ нашего изслѣдованія совершенно не обладаетъ. И въ отношеніи изслѣдователя

къ Жданову замѣчается много своеобразнаго. Очень цѣнная его статья о М. Д. З. важна, именно, въ той своей части, которую совершенно не использовалъ г. Миндалевъ, взявшій изъ этой статьи наиболѣе слабые отдѣлы—о редакціяхъ Слова.

Вторая часть изслѣдованія посвящена „памятникамъ, связаннымъ съ Моленіемъ Даніила Заточника“ (стр. 237—346+XXX). Изученіе Моленія Даніила Заточника въ связи съ такими памятниками въ „историко-литературномъ изслѣдованіи“ является важнымъ и необходимымъ моментомъ. Но надо сказать, что отдѣлъ, посвященный въ книгѣ г. Миндалева этому вопросу, не соотвѣтствуетъ его важности.

Стр. 238—243 заключаютъ въ себѣ общій обзоръ памятниковъ, связанныхъ съ М. Д. З. Изъ этого обзора мы узнаемъ о цѣломъ рядѣ памятниковъ, которые могли послужить источниками Слова. Изслѣдователь, недовольный своими предшественниками, — но недовольный не самъ по себѣ, а чрезъ Бедржицкаго (стр. 238), указываетъ словами Бедржицкаго, что въ этомъ отношеніи „нѣтъ накопленія опыта и не выяснены и хронологическія отношенія между заимствованіями, считающимися прослѣженными“. Какъ пользуется опытомъ предшественниковъ авторъ, мы уже отчасти видѣли. По данной же главѣ судить очень трудно: она является простымъ перечисленіемъ книгъ, послужившихъ источниками. Приходится обратиться къ „Приложенію“ (стр. 1—XXX), гдѣ изслѣдователь далъ рядъ сопоставленій.

Но здѣсь поражаетъ одна черта: изслѣдователь—ни въ книгѣ, ни въ „Приложеніи“—нигдѣ не оговорился, какое отношеніе имѣетъ „Приложеніе“ къ его труду, нѣтъ даже въ текстѣ изслѣдованія и ссылокъ на него. Само же „Приложеніе“ безъ всякаго объясняющаго подзаголовка. Кромѣ того въ „Приложеніи“ нѣтъ указанія на предшественниковъ работы, а сильнымъ и серьезнымъ предшественникомъ былъ проф. Шляпкинъ,—данными его изслѣдованія авторъ пользуется.

Вторая черта изслѣдованія этой части источниковъ—книгъ Св. Писанія — это отсутствіе выясненія хронологическихъ отношеній между заимствованіями, считающимися прослѣженными, да и вообще отсутствіе методологическихъ пріемовъ въ дѣлѣ установленія заимствованій изъ Св. Писанія. Уже Шляпкинъ указалъ на важность хронологіи заимствованій изъ Св. Писанія (стр. 40). Современная методологія предъявляетъ и опредѣленныя требованія для выясне-

нія характера заимствованій изъ Библіи. (Д. Н. Егоровъ. Славяно-Германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. т. I. Матеріалъ и методъ. Москва 1915 г. стр. 123 и дал.). Таковые пріемы изслѣдованія уже примѣняются и къ новой русской литературѣ. (И. И. Солосинъ. Отраженіе языка и образовъ Св. Писанія и книгъ богослужебныхъ въ стихотвореніяхъ Ломоносова. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XVIII, кн. 2-я (1913 г.) стр. 238—293). Но изслѣдователь совершенно игнорируетъ методологическіе пріемы въ этомъ направленіи. Онъ даетъ лишь рядъ сопоставленій, не изучая ни внѣшней ихъ стороны, что, можетъ быть, судя по указанію проф. Шляпкина, могло бы дать и болѣе точную хронологію памятника,—ни ихъ характера, а это можетъ повести къ ряду недоумѣній. Приведу для иллюстраціи: указывая на необходимость широкаго изученія источниковъ, авторъ руководствуется въ данномъ случаѣ выраженіемъ Моленія „какъ пчела",—слѣд. Д. З. собиралъ мудрость изъ многихъ книгъ (стр. 238). Это соображеніе не ново (напр. Ждановъ стр. 296 и дал.). Но это выраженіе является ли результатомъ сознательнаго отношенія къ самому себѣ автора Моленія, „самоцѣлью",—или лишь простымъ украшеніемъ рѣчи (Егоровъ стр. 133)? На основаніи п. 4 стр. 239 можно заключить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со вторымъ типомъ. Но изслѣдователь подобныхъ вопросовъ не касается. А между тѣмъ Св. Писаніе самый важный источникъ,—важный не только въ смыслѣ установленія пріемовъ писателя при пользованіи источниками, но и въ смыслѣ точности результатовъ при обслѣдованіи вопросовъ памятника, тѣмъ болѣе такого, какъ Моленіе Даніила Заточника.

Нѣсколько болѣе вниманія удѣляетъ изслѣдователь другимъ источникамъ: Изборникамъ Святослава, согласно указаніямъ Модестова (172) и Жданова (302, 304); Посланію Климента Смолятича, но въ этомъ случаѣ нѣтъ сопоставленій, и самъ авторъ заявляетъ, что знакомства съ нимъ „нельзя положительно утверждать, но нельзя и совершенно отрицать" (стр. 241); похвалѣ Ѳеодосія, явившейся по какому-то недоразумѣнію и др. Но напрасно кто сталъ бы искать во всемъ этомъ чего либо устойчиваго и опредѣленнаго.

Стр. 244—279 посвящены вопросу о взаимоотношеніяхъ М. Д. З. и Пчелы, — вопросу, уже документально изученному предшественниками, особенно Сперанскимъ.

Съ такимъ же успѣхомъ, какъ и о Пчелѣ, авторъ трактуетъ о

Физіологѣ (стр. 280—301) и о повѣсти объ Акирѣ (302—328). Наконецъ послѣдняя глава посвящена вопросу объ отношеніи Моленія къ лѣтописямъ (стр. 329—339).

Самое изслѣдованіе этихъ вопросовъ объ отношеніи Моленія къ источникамъ идетъ по тому же методу предположеній. Здѣсь мы встрѣчаемся со всѣми характерными чертами метода изслѣдованія. Приведу примѣры:

„Книжное происхожденіе приведенныхъ афоризмовъ *чувствуется* (намекъ на тоже, пожалуй, можно видѣть...)“ стр. 271—XI.

„Непосредственнымъ источникомъ, *кажется*, слѣдуетъ признать Экклесіастъ, а не Пчелу...“ стр. 272—XIII.

„Наводитъ на мысль, не были ли нѣкоторыя дополненія первичнаго текста (?) въ общемъ для А. Т. К. и У. Ч. оригиналѣ внесены на поля, и не попали ли они въ текстъ уже при дальнѣйшей его обработкѣ“ (стр. 272—XIII).

„Сравненіе приведенныхъ параллелей..... показываетъ, что источникомъ Моленія въ данномъ случаѣ могли быть Пчелы. Но слѣдуетъ отмѣтить, что мысли этого параграфа врядъ ли умѣстны въ устахъ автора Моленія (протографа), которое, повидимому, заканчивается ранѣе“ (стр. 276—XVII).

Послѣднее положеніе особенно характерно, такъ какъ далѣе (стр. 276) указывается, что въ этомъ случаѣ заимствованіе изъ Пчелы несомнѣнное. На основаніи этихъ и подобныхъ положеній изслѣдователь приходитъ къ заключенію: „знакомство съ Пчелою, слѣдовательно, *у передѣлывателей* Моленія отрицать нельзя, но пользованіе ею было умѣренное... Она (Пчела) послужила источникомъ уже *для общаго обоимъ изводамъ оригинала*, такъ что время появленія на Руси Пчелы слѣдуетъ относить къ концу XII вѣка, когда могъ сложиться этотъ оригиналъ“ (279). Съ этимъ заключеніемъ можно согласиться—хотя и есть сомнѣніе въ правильности логической: то передѣлыватели, то общій оригиналъ,—если его принять въ окончательной формулировкѣ проф. Сперанскаго (Сп. стр. 315, 329),—т. е. въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка. Но если принять во вниманіе тѣ обоснованія, которыя находимъ у г. Миндалева для сужденія объ оригиналѣ М. Д. З., то его ограниченіе вывода Сперанскаго не имѣетъ подъ собой почвы.

Приведу еще рядъ соображеній г. Миндалева, но по другому поводу—по вопросу о Физіологѣ, какъ источникѣ.

Г. Миндалевъ совершенно при рѣшеніи этого вопроса игнорируетъ

Палею. Онъ ограничивается заявленіемъ, что въ М. и Пал. нѣтъ точекъ соприкосновенія (?) и говоритъ, напримѣръ:

„Это сказаніе о Змѣѣ есть и въ Т. Пал.; но по указанной мною причинѣ (?) знакомство съ нею автора передѣлки *я исключаю*" (стр. 295—296).

Ограничиваясь сопоставленіями отдѣльныхъ словъ безъ ихъ анализа,—изслѣдователь приходитъ къ заключенію, вопреки Истрину и самому себѣ (по поводу мнѣнія Соболевскаго, стр. 287), о существованіи Физіолога до Моленія.

Или дальше: касаясь повѣсти объ Акирѣ, какъ источникѣ Моленія, изслѣдователь заявляетъ:

„Болѣе подробную дату даетъ изслѣдованіе двухъ поученій нашей повѣсти".

Но прибавляетъ: *„которыми спеціально,* по недостатку времени, *заняться не могъ*" (стр. 304).

Признавая это, все же изслѣдователь затрагиваетъ сложные вопросы вліянія Повѣсти на Моленіе. Но и здѣсь характеръ его посылокъ прежній:

„Давно уже доказывали, что славянскій переводъ сдѣланъ съ греческаго, но всѣ доводы, приводившіеся въ пользу этого, *я считаю недоказательными*" (стр. 305).

Или: „образъ пущенной въ небо стрѣлы для Повѣсти является кореннымъ, и авторъ извода XIII вѣка *могъ воспользоваться имъ* отсюда, *хотя онъ* могъ *быть взятъ и изъ бытовой дѣйствительности*" (стр. 323).

Въ остальномъ вездѣ господствуетъ „повидимому". И здѣсь особенно ярко выступаютъ результаты этихъ пріемовъ. Предположенія изслѣдователя доходятъ до крайнихъ предѣловъ, когда факты не укладываются въ рамки готовыхъ положеній. Если нельзя предположить о существованіи Физіолога раньше Моленія, то остается одно—предположить существованіе какого-то „естественно-историческаго трактата" (стр. 296), создать какой-то неизвѣстный памятникъ *„повидимому"* сербскаго происхожденія (стр. 241), наконецъ предположить, что была „особая редакція повѣсти объ Акирѣ, до насъ не дошедшая" (стр. 308). Конечно, съ этой точки зрѣнія недоказанныя предположенія объ оригиналѣ и не дошедшихъ передѣлкахъ Моленія — все это покажется довольно невиннымъ. И такія положенія, какія мы находимъ въ главѣ о лѣтописи (стр. 329—339), опять-таки покажутся все же правдоподобными:

„Догадка Безсонова о позднѣйшемъ появленіи имени Ростислава получаетъ нѣкоторое подтвержденіе въ Коп. сп., гдѣ слова Андрея приписываются уже Ярославу... хотя, быть можетъ, это имя и явилось въ Коп. сп. результатомъ небрежности его переписчика; вѣрнѣе, причина тому въ томъ обстоятельствѣ, что переписчикъ Коп. сп-а, отстоя далеко отъ домонгольскаго періода, когда сложился нашъ памятникъ... счелъ...“ и т. д. (стр. 335—336).

Я беру въ данномъ случаѣ это выраженіе съ точки зрѣнія тѣхъ предположеній, до которыхъ можетъ дойти фантазія, независимо отъ самой формулировки, въ которой, конечно, можетъ разобраться только авторъ.

Насколько цѣнны выводы, построенные на подобныхъ положеніяхъ и методическихъ пріемахъ, судить самъ не берусь. Въ этомъ отношеніи самъ изслѣдователь произнесъ уже себѣ приговоръ въ одномъ изъ примѣчаній. Въ примѣчаніи на стр. 338 онъ указываетъ, что § 34 онъ считалъ взятымъ изъ Пчелы (стр. 209—211, 256—257), но теперь готовъ признать, что въ данномъ случаѣ и лѣтопись могла повліять. Лучшей характеристики устойчивости данныхъ изслѣдованія дать нельзя. Думается, что и другія его положенія въ концѣ концовъ раздѣлятъ эту судьбу.

Подведу итоги.

Изслѣдованіе, очевидно, составлялось наспѣхъ, безъ продуманія всего матеріала, о чемъ говоритъ стр. 235—съ одной стороны, а съ другой — мозаичность главы о Повѣсти объ Акирѣ, гдѣ ясно, что въ началѣ главы авторъ имѣлъ въ виду лишь этюды Григорьева о Повѣсти, а къ концу главы онъ познакомился и съ его трудомъ въ цѣломъ (327). Это тѣмъ болѣе досадно, что подобное отношеніе мы видимъ въ изслѣдованіи сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ одного изъ интересныхъ памятниковъ древней литературы. И въ этомъ отношеніи придется признать, что изслѣдователь не соразмѣрилъ своихъ силъ съ трудностью и сложностью вопроса. Въ изслѣдованіи ясно выступаетъ неумѣнье автора:

продумать работу въ цѣломъ, объединить ее одной идеей изслѣдованія;

критически отнестись къ литературѣ вопроса и къ опыту своихъ предшественниковъ, въ силу чего этотъ опытъ лишь сказывается во внѣшнемъ заимствованіи чужихъ мыслей;

примѣнить методы современнаго научнаго изслѣдованія, что и отражается въ изслѣдованіи въ стремленіи воскресить оставленные и осужденные пріемы;

издавать памятники согласно требованіямъ научнаго изданія, даже въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, какія находимъ въ университетскихъ чтеніяхъ для студентовъ;

наконецъ—ясно и правильно излагать свои мысли.

Это повліяло на то, что результаты работы г. Миндалева такъ ничтожны и не выходятъ изъ предѣловъ тѣхъ выводовъ, какіе сдѣланы до него, но болѣе обстоятельно, болѣе документально.

Авторъ исходилъ въ своей работѣ изъ факта своей неудовлетворенности всѣми предшествующими изслѣдованіями памятника. Но въ методологическомъ отношеніи г. Миндалеву не удалось не только опередить своихъ предшественниковъ, но и встать наравнѣ съ ними. Въ трудѣ г. Миндалева мы находимъ упреки по адресу Шляпкина, Гуссова. Но работа и изданіе проф. Шляпкина не можетъ быть замѣнено новымъ изслѣдованіемъ. То же самое и по отношенію къ работѣ Гуссова. Выводы послѣдняго остались непоколебленными. Напротивъ ихъ цѣнность выступаетъ на темномъ фонѣ изслѣдованія г. Миндалева еще ярче, рельефнѣе; оттѣняется и внутренняя цѣнность его труда и выводовъ. А надо принять во вниманіе, что работа Гуссова, въ своихъ главныхъ выводахъ, была студенческой работой для полученія зачета шести семестровъ.

Л. Ильинскій.

Новгородскій Домъ Св. Софіи и его вотчина[1]).

V.

Своеобразіе Софійскаго Дома, какъ крупнаго вотчинника, особенно рѣзко должно было выступать въ организаціи служилыхъ людей Новгородскаго владыки и въ ихъ поземельномъ устройствѣ. Б. Д. Грековъ отлично понялъ значеніе этого вопроса для своей темы и разработалъ его съ чрезвычайной тщательностью. Тѣмъ не менѣе и обширная IX глава его изслѣдованія можетъ вызвать рядъ существенныхъ замѣчаній и возраженій. Ихъ вызываетъ, прежде всего, общее построеніе данной темы: въ немъ нѣтъ необходимой система-

---

[1]) *Окончаніе.* См. январьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1916 годъ.

тичности, опредѣленной руководящей нити. Центральное мѣсто занимаетъ подробное изслѣдованіе помѣстнаго землевладѣнія на софійскихъ земляхъ; всѣ же остальные вопросы о составѣ и организаціи софійскихъ служилыхъ людей изслѣдованы какъ-то попутно, по ихъ внѣшней связи съ вопросомъ о помѣстной организаціи. На стр. 523 читаемъ: „остается еще разсмотрѣть нѣсколько вопросовъ, имѣющихъ тѣсную связь съ помѣстной системой въ Софійскомъ Домѣ, дополняющихъ въ значительной мѣрѣ то, что мы успѣли сказать объ этой системѣ выше. Не безразличенъ для изслѣдователя софійскаго помѣстья вопросъ о числѣ и происхожденіи дѣтей боярскихъ софійскихъ, а также о степени вмѣшательства во внутреннюю жизнь служилыхъ людей софійскихъ московскаго центральнаго правительства". Конечно, такіе вопросы, какъ происхожденіе и число служилыхъ софійскихъ людей, порядокъ и характеръ ихъ службы, суть вопросы самостоятельной цѣнности, имѣющіе значеніе не только въ качествѣ вводныхъ и дополнительныхъ экскурсовъ къ изслѣдованію софійской помѣстной системы.

Между тѣмъ у самого автора мы находимъ очень яркую, даже преувеличенно яркую, точку зрѣнія, съ которой исторія служилаго населенія софійской вотчины могла быть разсмотрѣна въ надлежащей перспективѣ и получить болѣе законченный и отчетливый видъ. На стр. 482 находимъ такую общую характеристику: „несмотря на разницу въ положеніи и въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, всѣ эти слуги новгородскаго владыки (за малыми исключеніями), богатые и бѣдные, знатные и скромные, представляли одну сорганизованную массу, пропитанную въ значительной мѣрѣ одной идеологіей, вытекающей изъ сознанія зависимости и защиты отъ св. Софіи и ея верховнаго служителя—владыки. Чѣмъ солидарнѣе эти двѣ силы, подчиняющая и служащая, защищающая и покровительствуемая, тѣмъ грознѣе ихъ сочетаніе и тѣмъ больше опасеній могутъ онѣ вызывать въ Москвѣ, естественно стремящейся къ уничтоженію всякихъ силъ, способныхъ конкурировать съ нею". Эта выразительная характеристика стоитъ, однако, внѣ опредѣленной исторической перспективы. Всегда ли служилая организація Софійскаго Дома представляла такую опасную для центральной государственной власти силу? Когда и при какихъ условіяхъ эта сила росла и крѣпла, когда и при какихъ условіяхъ она падала и разлагалась? Таковы существенные вопросы, естественно возникающіе съ точки зрѣнія самого автора, но имъ опредѣленно не поставленные и не освѣщенные въ надлежащей пер-

спективѣ. Въ результатѣ получился рядъ болѣе или менѣе подробныхъ и яркихъ характеристикъ отдѣльныхъ сторонъ служилой организаціи Софійскаго Дома, но не получилось *исторіи* этой организаціи. Заранѣе же слѣдовало предполагать, что она не останется неподвижной въ теченіе долгаго времени, обнимаемаго изслѣдованіемъ Б. Д. Грекова, но претерпитъ рядъ существенныхъ измѣненій въ зависимости отъ общаго положенія Софійскаго Дома, какъ церковно-административнаго центра и крупнаго вотчинника.

Во времена политической независимости Великаго Новгорода, въ пору высшаго расцвѣта государственнаго авторитета владыки, служилая организація, на которую опиралась и духовная и свѣтская власть этого владыки, была близкимъ подобіемъ служилой организаціи крупнаго удѣльнаго княжества. Владыку окружали бояре, въ средѣ которыхъ могли быть „мужіе благородныхъ свѣтлыхъ родовъ"; многочисленныя должности по епархіальному и вотчинному управленію занимались „дѣтьми боярскими и разными слугами дворными" владыки; въ областяхъ сидѣли владычни намѣстники, о которыхъ, кстати сказать, Б. Д. Грековъ не упоминаетъ вовсе; на войнѣ подъ стягомъ владыки выступалъ особый полкъ. Б. Д. Грековъ тщательно собралъ древнѣйшія скудныя свѣдѣнія о служилыхъ людяхъ новгородскаго владыки, но разбросалъ эти свѣдѣнія по страницамъ своей книги безъ опредѣленной системы и руководящей нити, которая, казалось бы, совершенно отчетливо выяснялась изъ его собственнаго представленія о служилой организаціи Софійскаго Дома, какъ политической силѣ, грозной для московскаго правительства даже въ срединѣ XVII вѣка. Отвѣчаетъ ли дѣйствительности такое представленіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ установить надлежащую перспективу въ освѣщеніи судебъ служилой организаціи Софійскаго Дома и оцѣнку ея значенія въ разные моменты исторіи Софійскаго Дома, какъ крупнаго вотчинника.

Двѣ главныя группы слугъ новгородскаго владыки могли поддерживать въ своей средѣ традицію былой новгородской вольности и питать то оппозиціонное настроеніе, вспышку котораго г. Грековъ усмотрѣлъ при митрополитѣ Кипріанѣ; это были, во-первыхъ, митрополичьи бояре и, во-вторыхъ, рядовые слуги—дѣти боярскіе. Опираясь на группу богатыхъ и вліятельныхъ бояръ, крупныхъ землевладѣльцевъ, и на сплоченную массу дѣтей боярскихъ, новгородскій владыка въ глазахъ московской власти могъ, дѣйствительно, представляться какъ бы крупнымъ удѣльнымъ владѣтелемъ, съ независимымъ поло-

женіемъ котораго эта власть въ концѣ XV вѣка уже не могла мириться. И когда московскій государь сокрушалъ политическую независимость Великаго Новгорода, его удары были направлены не только противъ республиканскихъ вольностей послѣдняго, но также противъ тѣхъ элементовъ удѣльнаго строя, на которые опиралось могущество крупнѣйшихъ новгородскихъ землевладѣльцевъ, бояръ и владыки, и которые были одинаково несовмѣстимы съ интересами московской власти.

Вопросъ и заключается для насъ теперь въ томъ, могла ли служилая и землевладѣльческая организація бояръ и дѣтей боярскихъ новгородскаго владыки питать въ немъ и окружающей его средѣ духъ политической независимости даже въ срединѣ XVII вѣка, какъ это изображаетъ Б. Д. Грековъ?

Немногія данныя, сохранившіяся о „боярахъ" новгородскаго владыки, т. е. о высшемъ слоѣ его вольныхъ слугъ, можетъ быть, служившихъ ему, подобно княжескимъ боярамъ, со своихъ вотчинъ, показываютъ, что эта опора владычней власти была рѣшительно сломлена какъ чрезвычайными мѣрами (замѣна бояръ новгородцевъ при владыкѣ Макаріи боярами великаго князя), такъ и общей реформой Стоглаваго собора. Постановленіями послѣдняго и личный подборъ владычнихъ бояръ и дѣятельность ихъ подчинена была такимъ условіямъ, которыя исключали возможность для этой группы софіянъ быть очагомъ оппозиціи противъ московской власти. Въ XVI столѣтіи бояре новгородскаго владыки служатъ одновременнно и московскому государю, притомъ въ болѣе низкихъ чинахъ, какъ то основательно предположилъ Н. Ѳ. Каптеревъ [1]). И землевладѣльческое положеніе этихъ бояръ обезпечивается пожалованіемъ не только владыки, но и царя, какъ показываетъ извѣстная помѣстная грамота архіепископа Леонида боярину В. Г. Ѳомину. Характерно, наконецъ, что на должности „стряпчаго", этого „премьера софійской конституціи", по выраженію Б. Д. Грекова, обычно появляются въ XVII вѣкѣ не бояре, а рядовые дѣти боярскіе, выдвинувшіеся своими способностями и довѣріемъ владыки. Такъ постепенно растворялся въ общей массѣ софіянъ тотъ верхній слой слугъ новгородскаго владыки, бояръ, наличность котораго сообщала ему внѣшній блескъ крупнаго удѣльнаго владѣтеля.

Если бояре новгородскаго владыки сошли со сцены безшумно,

---

[1]) Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси (М. 1874), стр. 73.

безъ видимой борьбы и сопротивленія, и въ матеріалахъ позднѣйшихъ временъ, вновь изученныхъ Б. Д. Грековымъ, не нашлось новыхъ крупныхъ фактовъ, прибавляющихъ что либо существенно новое къ давно извѣстнымъ уже скуднымъ и блѣднымъ даннымъ, то тѣмъ болѣе ярко выступаетъ подъ перомъ нашего автора роль основной массы софіянъ, дѣтей боярскихъ. Можно ли, однако, согласиться съ такимъ представленіемъ объ этой группѣ слугъ новгородскаго владыки, какъ о силѣ, вызывавшей въ Москвѣ сколько-нибудь серьезныя опасенія?

Б. Д. Грековъ лишь попутно коснулся вопроса о численности софійскихъ дѣтей боярскихъ и, кажется, не исчерпалъ всѣхъ, имѣвшихся въ его распоряженіи, данныхъ. Наиболѣе полный и точный списокъ софійскихъ дѣтей боярскихъ взятъ изъ дѣла о разборѣ и опредѣленіи на военную службу всѣхъ вообще архіерейскихъ дѣтей боярскихъ въ 1721 г. Это былъ собственно послѣдній моментъ существованія архіерейскихъ слугъ въ ихъ древней организаціи; и тогда всѣхъ дѣтей боярскихъ новгородскаго владыки, годныхъ къ службѣ, помѣстныхъ и безпомѣстныхъ, насчитано было 304 человѣка (стр. 524).

Для XVII вѣка авторъ нашелъ „полный“ перечень всѣхъ софійскихъ помѣстій въ писцовой книгѣ старца Аѳанасія и сына боярскаго Василія Тяполкова 1653 г. Всего въ этой книгѣ переписано 56 помѣстій (стр. 524). Сопоставляя эту цифру съ данными другого документа 1661 г., свидѣтельствующаго, что въ срединѣ XVII в. софійскимъ дѣтямъ боярскимъ роздано было 46 помѣстій (изъ нихъ 5 было общихъ при двухъ совладѣльцахъ), а также съ цифрами 1721 г., Б. Д. Грековъ приходитъ къ заключенію, что „число помѣстій, какъ и число служилыхъ людей, не было вполнѣ постояннымъ: оно колебалось въ зависимости отъ различныхъ условій, вліявшихъ въ данный моментъ на положеніе дѣтей боярскихъ въ Софійскомъ Домѣ“ (стр. 524). Это общее заключеніе, конечно, правильно; но данныя, взятыя изъ книги старца Аѳанасія 1653 г., не точны и не полны. Б. Д. Грековъ взялъ изъ этой книги въ данномъ случаѣ только помѣщенный въ оглавленіи перечень описанныхъ въ книгѣ отдѣльныхъ владѣній; среди нихъ помѣщены двѣ дворцовыхъ волости; такимъ образомъ помѣстій описано въ книгѣ старца Аѳанасія 54, а не 56. По этому числу помѣстій, однако, нельзя заключать о числѣ владѣвшихъ ими служилыхъ людей. Нашъ авторъ почему-то не взялъ изъ той же книги вполнѣ точнаго подсчета численности служилыхъ людей. Всего

софійскихъ дѣтей боярскихъ, чьи помѣстья описаны въ книгѣ старца Аѳанасія, вмѣстѣ съ дѣтьми старше 15 лѣтъ, 127 человѣкъ; дѣтей ниже 15 лѣтъ у нихъ 83; всего 209 человѣкъ [1]). Невѣрно, далѣе, указаніе автора, что книга старца Аѳанасія 1653 г. содержитъ „полный перечень *всѣхъ* софійскихъ помѣстій". Въ дѣйствительности въ данной книгѣ описаны помѣстныя земли лишь одной Обонѣжской пятины; между тѣмъ софійскіе дѣти боярскіе не помѣщались и въ другихъ областяхъ. Но при этомъ нужно принять во вниманіе, что, судя по сохранившимся сборникамъ жалованныхъ владычнихъ грамотъ на помѣстья, главная масса софійскихъ дѣтей боярскихъ сосредоточивалась именно въ Обонѣжской пятинѣ, въ которой сохранились, послѣ всѣхъ конфискацій, наибольшіе остатки софійскихъ вотчинъ. Въ другихъ пятинахъ и областяхъ сохранялись въ XVII вѣкѣ лишь небольшіе куски софійскихъ земель, и свѣдѣнія объ испомѣщенныхъ на нихъ дѣтяхъ боярскихъ сравнительно рѣдки. Не сдѣлаемъ, поэтому, большой ошибки, если предположимъ, что число софійскихъ дѣтей боярскихъ въ срединѣ XVII вѣка едва ли превышало 300 человѣкъ. Несомнѣнно далѣе, что численность слугъ новгородскаго владыки за два столѣтія, отъ паденія Великаго Новгорода до реформы 1721 г., постепенно сокращалась. Время отъ времени владыкѣ приходилось „пересматривать и перебирать" своихъ слугъ и у тѣхъ, которые „по обиходу" оказывались излишними и отъ службы софійской отставлялись, отнимать помѣстья, какъ это было сдѣлано при владыкѣ Варлаамѣ въ 1592 году. Какъ бы то ни было, если цифру 1721 г. мы увеличимъ для первой половины XVII-го и далѣе для XVI вѣка въ 2—3 раза, то во всякомъ случаѣ получится такое число софійскихъ дѣтей боярскихъ, которое едва ли само по себѣ могло представлять въ глазахъ центральной московской власти сколько-нибудь опасную силу.

Но дѣло не въ численности этой силы, а въ ея свойствахъ. Б. Д. Грековъ неоднократно подчеркиваетъ „организованность", „сплоченность", „независимость" софійскихъ дѣтей боярскихъ, вѣрность ихъ „своеобразной идеологіи", воспитанной традиціями новгородской вольности. Вотъ эти-то свойства и сообщали коренной массѣ слугъ новгородскаго владыки значеніе „элемента, подрывавшаго централизаціонныя тенденціи Москвы", мѣшавшаго ей обратить Домъ Св. Софіи въ политически безличный и послушный органъ церковнаго управленія.

---

[1]) Актовыя книги Императорской Археографической Комиссіи, № 56, л. 318 об

Но дѣйствительно ли организованность, сплоченность и независимость софійскихъ дѣтей боярскихъ была такъ развита и обезпечена, какъ это представляется нашему автору?

Организованность и сплоченность софійскихъ дѣтей боярскихъ была обусловлена ихъ службой, во-первыхъ, владыкѣ и, во-вторыхъ, государству. По мѣрѣ того, какъ изъ сонма слугъ новгородскаго владыки исчезалъ верхній слой „мужей благородныхъ свѣтлыхъ родовъ“, всѣ вообще должности при Софійскомъ Домѣ, замѣщавшіяся свѣтскими лицами, стали удѣломъ низшаго слоя слугъ, дѣтей боярскихъ, не исключая наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ должностей стряпчаго, приказнаго или дворецкаго, „премьера софійской конституціи“. Происходило нѣчто подобное тому, что было въ государственномъ центрѣ: рядовое дворянство вытѣсняло боярскую аристократію. Но, ставъ основнымъ ядромъ служилой организаціи Софійскаго Дома, заполнивъ собою всѣ, открытыя свѣтскимъ людямъ, ступени софійской службы, дѣти боярскіе новгородскаго владыки все же не могли пріобрѣсти того независимаго и вліятельнаго положенія, которое дѣлало бы ихъ въ глазахъ московскаго правительства силой, способной противостоять „централизаціонной тенденціи Москвы“.

Тенденція эта ясна и послѣдовательна. Домъ Св. Софіи, выступавшій нѣкогда высшимъ церковно-политическимъ органомъ независимаго государства, долженъ былъ теперь, въ XVI—XVII вѣкахъ, превратиться въ рядовой органъ общаго епархіальнаго управленія и стать въ тѣсную зависимость отъ центральной государственной власти. Соотвѣтственно этому превращенію должна была существенно измѣниться и служилая организація Софійскаго Дома: изъ нея должны были постепенно исчезнуть элементы, необходимые новгородскому владыкѣ, когда онъ стоялъ во главѣ независимаго государства, и сохраниться лишь тѣ, которыми обслуживалась сравнительно узкая сфера обыденнаго епархіальнаго и хозяйственнаго управленія. Но и въ этой сферѣ значеніе и роль свѣтскихъ слугъ владыки съ теченіемъ времени падали и уменьшались. Изложивъ постановленія соборовъ XVI—XVII вѣковъ о духовной и свѣтской подсудности въ епархіяхъ, Б. Д. Грековъ оспариваетъ мнѣніе Каптерева, что „послѣ соборовъ 1667 и 1675 годовъ, устранившихъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ отъ всякаго участія въ епархіальныхъ дѣлахъ, они еще продолжали нѣкоторое время существовать въ качествѣ придворныхъ служилыхъ людей архіерея“ (стр. 140). Въ частности, въ Новгородскомъ Софійскомъ Домѣ, рѣшительно утверждаетъ нашъ авторъ, „свѣтскіе чи-

новники никогда не были низведены на низшія незначительныя роли съ устраненіемъ отъ дѣлъ по управленію епархіей и суда. Послѣ 1675 года были нововведенія, конечно, и здѣсь, но радикальныхъ перемѣнъ въ ходѣ управленія и въ составѣ администраціи Софійскаго Дома никакихъ не произошло" (стр. 144). На это слѣдуетъ замѣтить, прежде всего, что Б. Д. Грековъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на одну очень важную и, дѣйствительно, радикальную мѣру,—уничтоженіе должностей десятинниковъ. Какъ видно изъ царской жалованной грамоты новгородскому митрополиту Макарію 1622—1623 гг., эти должности замѣщались софійскими дѣтьми боярскими, которымъ предоставлялось „дань церковная, софѣйская казна, подъѣздъ и десятина, и благословенная, и новичныя и перехожія гривны, и вѣнечная пошлина сбирати по прежнему по книгамъ". Для участія въ судѣ и всякой управѣ надъ всѣмъ причтомъ церковнымъ владычные приказные люди и десятинники должны были жить „во всѣхъ городѣхъ, во весь годъ безъ съѣзду или какъ укажетъ богомолецъ нашъ Макарій митрополитъ" [1]). Но судъ и расправа десятинниковъ сопровождались повсюду великими злоупотребленіями и насильствами надъ беззащитнымъ духовенствомъ. Уже Стоглавый соборъ принялъ нѣкоторыя мѣры къ обузданію произвола десятинниковъ, а по смыслу постановленій собора 1675 г. „мірскіе люди", т. е. свѣтскіе слуги архіереевъ были устранены отъ денежныхъ сборовъ, церковныхъ даней и всякихъ архіерейскихъ доходовъ, и должны были отправлять лишь экстренныя, полицейскія порученія; ихъ надлежало „посылать на непослушниковъ и непокорниковъ, идѣже таковіи духовнаго чину обрящутся противницы и архіерейскому повелѣнію непослушники". Между тѣмъ въ Новгородской митрополіи еще за два года до собора 1675 г. сборъ церковныхъ доходовъ былъ переданъ отъ десятинниковъ поповскимъ старостамъ, а десятинничьи доходы, по распоряженію владыки Іоакима, сосредоточены были въ Казенномъ приказѣ Софійскаго дома, откуда должны были выдаваться „Софійскаго дому приказнымъ и дѣтемъ боярскимъ съ росписокою въ жалованье на два годы, кто чѣмъ пожалованъ будетъ".

Б. Д. Грековъ лишь мелькомъ упомянулъ о десятинничьихъ округахъ и о десятинничьихъ дворахъ, но совсѣмъ не коснулся вопроса о значеніи десятинничьихъ должностей для организаціи служилыхъ людей новгородскаго владыки. Какъ уже замѣтилъ Каптеревъ, въ

---

[1]) А. А. Э., III, №№ 123, 139.

постановленіяхъ Стоглаваго собора о десятинникахъ можно видѣть нѣкоторую параллель съ мѣропріятіями Грознаго относительно намѣстниковъ въ сферѣ свѣтскаго управленія. Отправленіе десятинничьихъ должностей, дѣйствительно, близко напоминало древнюю систему кормленій, какъ средство содержанія служилыхъ людей. Не зная подробностей десятинной организаціи въ Новгородской митрополіи, точнаго числа десятинъ и количества служилыхъ людей, занимавшихъ десятинничьи должности, нельзя составить себѣ и приблизительнаго представленія о размѣрахъ матеріальнаго обезпеченія, какое доставляла слугамъ новгородскаго владыки десятинничья служба. Одинъ фактъ, только что приведенный, заставляетъ предполагать, что десятинничьи доходы были не малые. Владыка Іоакимъ, упраздняя въ 1673 г. десятинниковъ, не отмѣнилъ ихъ доходовъ, но обратилъ ихъ въ общій рессурсъ Софійской казны для раздачи жалованья всѣмъ вообще софійскимъ приказнымъ и дѣтямъ боярскимъ.

Какъ бы то ни было, упраздненіе десятинниковъ сильно сузило сферу участія владычнихъ дѣтей боярскихъ въ епархіальномъ управленіи. Съ послѣдней четверти XVII вѣка имъ оставалась въ этой области лишь служба на приказныхъ должностяхъ въ центральномъ софійскомъ управленіи. Но такихъ должностей было очень немного, какъ это видно изъ обстоятельнаго изслѣдованія личнаго состава софійскихъ приказовъ. Дворецкій-приказный, стряпчій, нѣсколько дьяковъ—вотъ весь выборъ собственно „приказныхъ", высшихъ должностей по софійскому управленію, занятіе которыхъ доставляло немногимъ избранникамъ изъ владычнихъ слугъ и дѣйствительное вліяніе на дѣла и разныя жизненныя блага. Но служба по центральному управленію не могла, во всякомъ случаѣ, являться широкой основой для организаціи и сплоченія всей массы софійскихъ дѣтей боярскихъ.

Такой основой могла быть только служба придворная и военная. Какъ правильно отмѣчено Б. Д. Грековымъ, дворъ новгородскаго владыки въ XII—XIV вѣкахъ, по личному составу, представлялъ полное подобіе двору боярскому и княжескому. Но въ XVI—XVII столѣтіяхъ сохранились лишь обломки этого стараго владычняго двора; одни чины совсѣмъ исчезли, какъ, напримѣръ, стольникъ; другіе перешли въ руки духовныхъ лицъ, „старцевъ", какъ чашникъ, конюшій. Изъ старыхъ вліятельныхъ придворныхъ чиновъ, всегда замѣщавшихся свѣтскими людьми, сохранился, въ сущности, одинъ дворецкій, но характеръ и его должности измѣнился, что̀ сказалось въ характерной перемѣнѣ названія: дворецкій-приказный.

Оставался еще одинъ видъ службы, искони составлявшій постоянную, общую обязанность служилаго класса, именуемаго дѣтьми боярскими,—служба военная. Софійскіе дѣти боярскіе XVI—XVII вѣковъ, очевидно,—потомки тѣхъ „молодцовъ владычняго двора", которые въ XV вѣкѣ выступали надъ стягомъ владыки, какъ особая военная сила. Послѣ паденія новгородской независимости положеніе владычняго двора въ данномъ отношеніи претерпѣло самое существенное измѣненіе: владычніе молодцы стали военными слугами московскаго государя и были втянуты въ общегосударственную военную организацію. Въ распоряженіи Б. Д. Грекова оказались очень скудныя и отрывочныя данныя, не позволяющія нарисовать подробную картину государственной военной службы дѣтей боярскихъ новгородскаго владыки и ея отношенія къ спеціальной софійской службѣ. Можетъ быть, для позднѣйшаго времени, XVII в., необходимый матеріалъ нашелся бы въ дѣлахъ Новгородскаго стола Разряднаго приказа. Но мы, конечно, не будемъ упрекать г. Грекова, такъ много потрудившагося надъ сырымъ и мало благодарнымъ архивнымъ матеріаломъ, за то, что онъ не обратился еще къ новому, неизданному матеріалу, который потребовалъ бы особаго и обширнаго спеціальнаго изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что софійскіе дѣти боярскіе несли государеву службу на тѣхъ же основаніяхъ и въ тѣхъ же условіяхъ, что и общая масса государевыхъ служилыхъ людей. Когда въ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ софійскимъ дѣтямъ боярскимъ удавалось освобождаться отъ тягостей государственной военной службы, то это зависѣло не отъ власти и права владыки, а отъ милости государя.

Конечный результатъ вѣковыхъ измѣненій въ составѣ и складѣ дѣятельности свѣтскаго двора новгородскаго владыки отчетливо обрисовался на смотру 1721 года, когда произведенъ былъ разборъ всѣхъ вообще архіерейскихъ слугъ, кто годенъ въ государственную службу, кто могъ быть оставленъ „для домовыхъ дѣлъ" владыкъ. Необходимо нѣсколько рѣзче, чѣмъ это сдѣлалъ Б. Д. Грековъ, подчеркнуть нѣкоторыя черты въ положеніи двора новгородскаго владыки въ этотъ послѣдній моментъ. Изъ архивнаго дѣла о смотрѣ 1721 г. Б. Д. Грековъ воспользовался только данными „Списка домовымъ служителямъ Новгородскаго владыки, явившимся на смотръ Сената 17-го апрѣля". Въ этомъ спискѣ значится: 8 стряпчихъ, 1 провіантмейстеръ, 1 походный комиссаръ, 1 яселничій, 2 лакея, 2 пажа, а остальные—просто дворяне; изъ нихъ оказалось годныхъ

въ службу 73, къ домовымъ дѣламъ 86, старыхъ, увѣчныхъ, плохихъ 24 [1]).

Болѣе показательна другая вѣдомость, „у какихъ дѣлъ до смотра обрѣтались новгородскіе архіерейскіе дворяне". Эта вѣдомость сообщаетъ нѣсколько иныя данныя. Въ ней числятся: 2 стряпчихъ, одинъ въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ, 8 домовыхъ вотчинныхъ дѣлъ комиссаровъ, 1 домовый провіантмейстеръ, на обязанности котораго лежалъ сборъ и расходъ всякаго хлѣба съ домовыхъ вотчинъ и присмотръ за домовыми вотчинами, 2 лакея, 2 пажа. Изъ простыхъ дворянъ 59 человѣкъ, жившихъ въ Новгородѣ, по распоряженіямъ разныхъ коллегій и командъ, высылались къ разнымъ государевымъ дѣламъ: къ фуражному дѣлу, корабельному и каменному строенію, къ сбору рекрутъ, провіанта, подводъ, къ разнымъ денежнымъ сборамъ. Дворянъ, жившихъ въ уѣздахъ Новгородскомъ и Олонецкомъ и исполнявшихъ такія же обязанности, насчитано 69 человѣкъ [2]).

Такъ къ моменту послѣдней рѣшительной реформы ясно опредѣлились тѣ черты упадка двора новгородскаго владыки, которыя замѣчались уже съ очень давнихъ временъ. Постепенно сокращалось число свѣтскихъ слугъ, участвовавшихъ въ высшей сферѣ софійской администраціи, и къ 1721 году оставалось лишь двое стряпчихъ, которыхъ можно отнести къ высшимъ чинамъ этой старой администраціи. Весьма ограниченнымъ оказалось, далѣе, число „домовыхъ служителей", управлявшихъ софійскими вотчинами и обслуживавшихъ личныя хозяйственныя потребности владыки. Наконецъ, рядовая масса архіерейскихъ дворянъ, какъ теперь стали называться софійскіе дѣти боярскіе, находилась въ полномъ распоряженіи свѣтской государственной власти, разныхъ коллегій и командъ. По оцѣнкѣ этой власти, производившей смотръ 1721 года, служебная годность всѣхъ вообще домовыхъ слугъ новгородскаго владыки оказалась очень невысокаго качества. Всѣ взятые въ государственную службу архіерейскіе дворяне (половина всѣхъ явившихся на смотръ) были опредѣлены не болѣе, какъ „въ драгунскую науку". Тотъ смотръ показалъ, что владыка пересталъ быть для своихъ слугъ надежной защитой отъ государственной власти. Всякій, кто ждалъ себѣ бѣды отъ предстоящаго смотра, уклонялся отъ него на собственный рискъ и страхъ: одни „въ слышаніи указа расписались, а на смотръ не

[1]) Архивъ Св. Синода, № 445 (1721 г.).

[2]) Ibidem, л. 271 и слѣд.

явились", другіе оказались „въ домѣхъ неизъѣханы", т. е. попрятались, третьи „заслыша о высылкѣ указъ, бѣжали". Когда, наконецъ, какъ еще увидимъ ниже, на уклонившихся отъ смотра обрушился царскій гнѣвъ и повелѣно было конфисковать ихъ помѣстья, Софійскій Домъ сталъ хлопотать не объ интересахъ своихъ пострадавшихъ слугъ, а о своихъ собственныхъ, доказывая, что всѣ помѣстныя земли этихъ слугъ суть его, Софійскаго Дома, исконная собственность.

Необходимо было войти въ нѣкоторыя подробности служилой организаціи Софійскаго Дома, чтобы оцѣнить ту сторону даннаго вопроса, которая въ изслѣдованіи Б. Д. Грекова получила нѣсколько неправильное, на нашъ взглядъ, освѣщеніе. Изучая организацію служилыхъ людей новгородскаго владыки въ отрывочныхъ экскурсахъ, безъ опредѣленной исторической перспективы, г. Грековъ впалъ въ преувеличенную оцѣнку, если такъ можно выразиться, политической устойчивости этой организаціи: Софійскій дворъ, организація феодальнаго характера, изображенъ, еще въ срединѣ XVII вѣка, однимъ изъ послѣднихъ уголковъ, гдѣ жилъ духъ былой новгородской вольности и оппозиціи централизаціоннымъ стремленіямъ Москвы. Такъ могло бы быть, если бы сочетаніе всѣхъ главныхъ элементовъ софійской служилой организаціи было значительно болѣе прочнымъ и постояннымъ, чѣмъ то наблюдается въ дѣйствительности. Между тѣмъ, въ теченіе двухъ приблизительно столѣтій, отъ паденія независимости Вел. Новгорода до реформъ Петра Вел., передъ нами процессъ неизмѣннаго упадка и разложенія двора новгородскаго владыки. Остается разобрать два эпизода, въ которыхъ, по изображенію Б. Д. Грекова, живо и ярко выразились тенденціи, господствовавшія среди организованной, сплоченной и независимо настроенной массы софіянъ.

Первый эпизодъ имѣлъ мѣсто при владыкѣ Варлаамѣ въ 1592 году. Въ этомъ владыкѣ „москвичѣ" нашъ авторъ видитъ реформатора, поставившаго своею цѣлью „перестроить Софійскій Домъ заново во что бы то ни стало, въ духѣ сокращенія новгородскихъ вольностей и уничтоженія автономности Софійскаго Дома" (стр. 94—98). Однако, матеріалъ для сужденія объ этой реформѣ владыки Варлаама, по признанію самого автора, весьма недостаточенъ: „владыка Варлаамъ что-то несомнѣнно сдѣлалъ; что именно, мы не знаемъ". Единственный документъ, изъ котораго можно извлечь нѣкоторые отдѣльные штрихи, по крайней мѣрѣ, реформаторскихъ намѣреній Варлаама,—это отвѣтъ царя на жалобы владыки на непорядки, обнаруженные

имъ въ Софійскомъ Домѣ. Вотчина св. Софіи разорена, жаловался митрополитъ, „дѣтей боярскихъ много, не по обиходу, помѣстныхъ и безпомѣстныхъ, опроче церковныхъ и всякихъ дворовыхъ служебниковъ, ихъ столько держать не сойдется и жаловать нечѣмъ"; приказные люди „живутъ своимъ обычаемъ" и не слушаютъ приказаній владыки; „лучшая земля за дѣтьми боярскими за софійскими и за дьяки и за подъячими въ помѣстьѣ и съ угодьями". Отвѣтъ царя гласилъ: „какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ велѣлъ дѣтей боярскихъ пересмотрѣть и перебралъ, которые въ Дому Софѣи Премудрости Божіи пригодятца жить, тѣхъ держалъ, и помѣстья имъ велѣлъ подавать, кого ты чѣмъ пожалуешь... то все мы на тебя положили... А которые къ Дому Софѣи Премудрости Божіи дѣти боярскіе худы и не пригодятся, и ты бъ ихъ отставилъ, а лучшіе мѣста, которые нынѣ въ помѣстьяхъ розданы, поималъ на себя и устроилъ села и пашни на себя" (стр. 476—477).

Въ этой перепискѣ митрополита Варлаама съ царемъ открывается, по представленію Б. Д. Грекова, одинъ изъ самыхъ острыхъ вопросовъ софійской служилой организаціи. Проводникъ централизаціонной политики Москвы, владыка Варлаамъ встрѣтилъ въ лицѣ софійскихъ дѣтей боярскихъ организованную и своевольную массу, передъ которой ему стало „страшно" и оппозиція которой дѣлала его „положеніе тяжелымъ и въ роли реформатора совершенно безнадежнымъ". Владыкѣ необходимо уменьшить число дѣтей боярскихъ и „ослабить ихъ организацію". Не надѣясь справиться съ опасной силой собственными средствами, владыка обращается къ самому царю съ просьбою „указъ учинить"; но царь не оказалъ владыкѣ никакой особой помощи и предоставилъ ему управляться съ непорядками Софійскаго Дома своими собственными средствами: „то все мы на тебя положили". Какихъ результатовъ достигъ послѣ того Варлаамъ, въ точности неизвѣстно.

Намъ представляется смыслъ предпринятой митрополитомъ Варламомъ „реформы" гораздо болѣе простымъ, не имѣющимъ того принципіальнаго политическаго значенія, какое находитъ здѣсь Б. Д. Грековъ. По прямому смыслу изложеннаго выше документа—царскаго отвѣта на жалобы митрополита Варлаама—единственнымъ и достаточнымъ основаніемъ для уменьшенія численности софійскихъ дѣтей боярскихъ было несоотвѣтствіе ея „обиходу" Софійскаго Дома. Эта мѣра была продиктована не страхомъ передъ мнимой опасностью со стороны служилой массы, недружелюбно настроенной противъ вла-

дыки „москвича“, а простымъ хозяйственнымъ разсчетомъ держать такое число исправныхъ слугъ, какое отвѣчало дѣйствительнымъ потребностямъ Софійскаго Дома. Въ этомъ смыслѣ произведенное митрополитомъ Варлаамомъ сокращеніе числа софійскихъ дѣтей боярскихъ было необходимымъ и, вѣроятно, не разъ повторявшимся моментомъ, въ процессѣ постепеннаго упадка двора новгородскаго владыки, давно утратившаго подобіе княжескаго двора удѣльныхъ временъ. Но, по представленію Б. Д. Грекова, владыкѣ необходимо было не только сократить число своихъ слугъ, но и „ослабить ихъ организацію“. Это ослабленіе достигалось, прежде всего, отнятіемъ помѣстій у дѣтей боярскихъ, признанныхъ негодными для софійской службы, а затѣмъ особыми мѣрами, изъ которыхъ нашъ авторъ предположительно выдвигаетъ только одну: замѣну должности дворецкаго „приказнымъ“. Почему эта послѣдняя мѣра была направлена къ „ослабленію организаціи“ софійскихъ дѣтей боярскихъ, признаемся, намъ не совсѣмъ понятно. Жаловался, наконецъ, владыка Варлаамъ на отсутствіе дисциплины среди „приказныхъ, живущихъ своимъ обычаемъ“. Полагаемъ, что это своеволіе и самоуправство софійскихъ чиновниковъ есть довольно обычная и естественная черта всякаго приказнаго строя и видѣть въ ней въ данномъ случаѣ, безъ особыхъ на то доказательствъ, проявленіе духа оппозиціи противъ московской политики едва ли есть основаніе.

Такъ, по нашему пониманію, задачей, стоявшей передъ владыкой Варлаамомъ и откровенно изложенной имъ въ перепискѣ съ царемъ, была не реформа существующей служилой организаціи Софійскаго Дома, не ломка ея основъ, но сокращеніе внѣшнихъ рамокъ этой организаціи въ соотвѣтствіи съ новыми, все болѣе трудными, условіями „обихода“ Софійскаго Дома. Къ концу XVI вѣка это былъ обиходъ еще крупнаго, но уже сильно оскудѣвшаго и утратившаго былое значеніе и авторитетъ вотчинника. Отмѣченные митрополитомъ Варлаамомъ непорядки—излишнее число негодныхъ для софійской службы дѣтей боярскихъ, принадлежность имъ большого количества помѣстной земли, которая съ большей пользой могла бы эксплоатироваться непосредственно самимъ Софійскимъ Домомъ, распущенность и своеволіе „приказныхъ“—едва ли свидѣтельствовали о скрытой въ нѣдрахъ софійской служилой организаціи политической силѣ. Скорѣе наоборотъ, это были признаки глубокаго переживаемаго данной организаціей кризиса: сложность и широкіе размѣры стараго двора новгородскаго владыки не отвѣчали теперь скромному и стѣсненному его

положенію. Встрѣтилъ ли, наконецъ, владыка Варлаамъ въ своихъ попыткахъ упорядочить положеніе Софійскаго Дома какое-нибудь противодѣйствіе со стороны софіянъ, источники о томъ намъ не говорятъ.

Эпоха Смутнаго времени „поманила Новгородъ, уже потерявшій необходимую доблесть вольнаго гражданства, къ старой свободѣ, еще не забытой“ (стр. 108). За это время „корни централизаціи, посаженные Стоглавымъ соборомъ и укрѣпленные митрополитомъ Варлаамомъ, сильно порасшатались. Второй послѣ Исидора митрополитъ Кипріанъ чувствуетъ себя совсѣмъ независимымъ отъ Москвы, держитъ себя по отношенію къ ней даже вызывающимъ образомъ“ (стр. 104). Б. Д. Грековъ хорошо и образно изложилъ рядъ эпизодовъ изъ внутренней жизни и московскихъ отношеній Софійскаго Дома при митрополитѣ Кипріанѣ, пользуясь извѣстнымъ доносомъ на этого владыку „О неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ Новгородскаго митрополита Кипріана“ [1]). Въ одномъ изъ этихъ эпизодовъ особенно ярко выразилось настроеніе софійскихъ служилыхъ людей, ихъ „старыя традиціи“, сходившіяся съ личными вкусами владыки Кипріана, человѣка строптиваго и не любившаго склоняться передъ московскою властью. Когда въ 1620-хъ годахъ митрополичьи служилые люди и населеніе митрополичьихъ слободъ привлечены были къ спѣшнымъ землянымъ работамъ по укрѣпленію Новгорода, то часть работы, падавшая на митрополичьихъ людей, поведена была крайне медленно и небрежно. Царскихъ сотниковъ стрѣлецкихъ, наблюдавшихъ за работой, митрополичьи дѣти боярскіе лаяли и безчестили и митрополичьимъ именемъ грозили имъ „кости выломать“. Самъ митрополитъ встрѣтилъ царскаго дворянина, явившагося въ митрополичьи слободы для переписи плотниковъ, словами: „до моихъ-де тебѣ слободъ дѣла нѣтъ, у меня-де на дворѣ своего дѣла много“. Отмѣчая, какъ проявленія личнаго темперамента строптиваго владыки совпадали съ настроеніемъ его слугъ, Б. Д. Грековъ упустилъ еще одинъ любопытный фактъ, сообщаемый въ томъ же доносѣ на митрополита Кипріана. Заносчиваго владыку въ его выходкахъ противъ московской власти поддерживали „совѣтники“ изъ лучшихъ посадскихъ людей, называемые прямо по именамъ: Богданъ Шоринъ, Андрей Харламовъ, Андрей Васильевъ съ товарищи. Именно эти „митрополичьи совѣтники“ питали гордость владыки, называя его „ко всякой рѣчи, гдѣ лучитца“, *государь митрополитъ*.

[1]) Чтенія въ Москов. Общ. Ист. и древн., 1886, кн. I.

Такъ, если уже искать въ поведеніи Софійскаго Дома при митрополитѣ Кипріанѣ нѣчто большее, чѣмъ проявленія личнаго своеволія и заносчивости владыки, а именно принципіально оппозиціонное настроеніе противъ московскаго режима, то средой, питавшей такое настроеніе и сознательно поддерживавшей владыку, были не столько его собственные слуги, сколько независимые представители высшаго слоя посадскаго населенія Вел. Новгорода. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, оставляетъ разсказъ хорошо освѣдомленнаго автора доноса на митрополита Кипріана.

VI.

Какъ было указано выше, изслѣдованіе всѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ служилой организаціи Софійскаго Дома группируется въ трудѣ Б. Д. Грекова вокругъ одной главной темы—о помѣстной системѣ на софійскихъ земляхъ. Для этой послѣдней темы въ рукахъ автора оказался довольно обильный, хотя односторонній, матеріалъ въ видѣ нѣсколькихъ сборниковъ жалованныхъ помѣстныхъ грамотъ новгородскихъ владыкъ, сборниковъ, уже извѣстныхъ по основнымъ изданіямъ археографической комиссіи.

Первой и наиболѣе заманчивой задачей для нашего автора было отыскать корни софійской помѣстной системы въ глубокой новгородской древности, до земельныхъ реформъ XVI вѣка. Но существующіе источники не даютъ никакихъ точныхъ данныхъ для сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія этой задачи, и нашъ авторъ, перебравъ существующія въ наукѣ мнѣнія о происхожденіи помѣстнаго землевладѣнія, вынужденъ сознаться въ своемъ безсиліи „перебросить мостъ отъ XVI вѣка къ XV, отъ Московскаго періода къ старому Новгородскому“ (стр. 472). Всѣ попытки такъ или иначе истолковать крайне скудныя, неясныя и отрывочныя показанія источниковъ не ведутъ дальше того общаго предположенія, что въ Софійскомъ Домѣ съ древнихъ временъ, внѣ воздѣйствія со стороны Москвы, практиковалось „жалованье за службу въ видѣ пользованія недвижимымъ имуществомъ“ и что это жалованье можно уподобить позднѣйшему помѣстью. Б. Д. Грекову, какъ и его предшественникамъ въ разысканіяхъ по данному вопросу, недостаетъ преемства терминовъ, путемъ котораго можно было бы установить связь позднѣйшей помѣстной системы съ тѣми или другими древнѣйшими формами условнаго землевладѣнія.

Какъ бы то ни было, сборники жалованныхъ помѣстныхъ грамотъ

новгородскихъ владыкъ дали возможность нашему автору изучить лишь позднѣйшія формы помѣстнаго землевладѣнія на софійскихъ земляхъ, съ конца XVI вѣка, когда это землевладѣніе должно было испытать уже сильное вліяніе государственной помѣстной системы. Б. Д. Грековъ и ведетъ свое изученіе софійскаго помѣстнаго землевладѣнія по аналогіи съ государственнымъ, отмѣчая отдѣльные пункты сходства и различія. Но полученныя при этомъ частичныя наблюденія не сведены къ одному общему выводу, который возможно было бы получить, если примѣнить къ изученію даннаго вопроса нѣсколько иную точку зрѣнія, иначе поставить самый вопросъ.

Какъ признаетъ нашъ авторъ, „помѣстье образовалось одновременно и подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же условій и тамъ и здѣсь, и у государя великаго князя (въ государствѣ) и въ частной вотчинѣ св. Софіи Новгородской, и у Тверского владыки, и у другихъ владыкъ, т. е. во всякой крупной вотчинѣ, церковной и свѣтской безразлично“ (стр. 465). Зародившееся въ условіяхъ соціальнаго и экономическаго строя крупной вотчины, первоначальное помѣстье носило характеръ частнаго добровольнаго соглашенія между вотчинникомъ и его слугой. Такимъ архаическимъ помѣщикомъ былъ извѣстный Борисъ Ворковъ, владѣвшій въ Ростовской области селомъ Богородицкимъ подъ условіемъ службы сначала великому князю Ивану Калитѣ, потомъ одному изъ его сыновей.

Со второй половины XVI вѣка складывается государственная помѣстная система, основанная на принципѣ обязательной службы и принудительной массовой организаціи обширныхъ разрядовъ населенія. Таково принципіальное различіе двухъ основныхъ періодовъ въ исторіи помѣстнаго землевладѣнія: періодъ первый характеризуется принципомъ личнаго вольнаго соглашенія, въ обоюдныхъ интересахъ, государя вотчинника и слуги; періодъ второй—принципомъ массовой принудительной организаціи во имя высшихъ государственныхъ интересовъ. Исторія крупной вотчины, какъ вотчина Софійскаго Дома, и даетъ возможность поставить такой вопросъ: какъ развилось въ этой вотчинѣ первоначальное помѣстье, сохранялись ли до позднихъ временъ его древнѣйшія черты или въ эти времена оно являлось лишь точной копіей съ государственной помѣстной системы?

Б. Д. Грековъ начинаетъ разсмотрѣніе софійской помѣстной системы съ процесса „верстанья“ служилыхъ людей помѣстными окладами (стр. 482—484). Это софійское верстанье представляетъ, по его мнѣнію, полную аналогію государственному верстанью. Путемъ вер-

станья софійскіе дѣти боярскіе „опредѣлялись на службу и верстаніемъ же уравнивались соотношенія между ихъ окладами и службой. И здѣсь (въ Софійскомъ Домѣ) опредѣленныхъ сроковъ верстанія не было, но, кажется, было другое условіе, отсутствовавшее въ государственной практикѣ — повсемѣстность и всеобщность: Софійская администрація, если и дѣлаетъ единичныя поверстанія, то всегда предполагаетъ общее и повсемѣстное верстаніе, которое должно будетъ принять къ свѣдѣнію и эти единичныя досрочныя верстанія. Повидимому, иначе понять имѣющіяся въ нашихъ рукахъ данныя о верстаніи въ Софійскомъ Домѣ нельзя“ (стр. 486). Эти данныя, дѣйствительно, слишкомъ скудны и неясны, чтобы по нимъ можно было совершенно точно опредѣлить характеръ верстанья въ Софійскомъ Домѣ. Какъ заявляетъ самъ авторъ, „верстальныхъ записей Софійскаго Дома въ нашемъ распоряженіи не имѣется совсѣмъ и о подробностяхъ верстанія извѣстно намъ очень мало“. Въ многочисленныхъ жалованныхъ помѣстныхъ грамотахъ отдѣльнымъ служилымъ людямъ удалось найти только въ двухъ краткое и не вполнѣ ясное упоминаніе о какомъ-то общемъ верстаньѣ софійскихъ дѣтей боярскихъ. Владыка Александръ, жалуя двухъ своихъ служилыхъ людей новыми помѣстными участками, въ придачу къ старымъ, указываетъ, что эти дѣти боярскіе должны положить передъ нимъ, владыкой, свои жалованныя грамоты, „какъ нашимъ дѣтемъ боярскимъ наше жалованье, верстанье помѣстное будетъ“ или „какъ своихъ дѣтей боярскихъ своимъ жалованьемъ помѣстнымъ учнемъ верстати“ (стр. 484). Изъ этого обѣщанія одного только владыки Александра произвести какое-то общее поверстаніе софійскихъ дѣтей боярскихъ помѣстьями еще нельзя сдѣлать заключенія, что въ Софійскомъ Домѣ существовало постоянное и твердое правило о періодическихъ общихъ и повсемѣстныхъ верстаньяхъ всѣхъ софійскихъ дѣтей боярскихъ въ противоположность государственной практикѣ, которая такихъ всеобщихъ и повсемѣстныхъ верстаній не знала. Понимая государственное верстанье, какъ отнесеніе цѣлыхъ группъ служилаго населенія или отдѣльныхъ служилыхъ людей къ опредѣленнымъ нормамъ служебной годности и обезпечивающимъ эту годность помѣстнымъ окладамъ, можно признать, что въ государственной помѣстной системѣ не было повсемѣстныхъ и всеобщихъ верстаній въ томъ смыслѣ, чтобы вся масса служилыхъ людей одновременно и на всемъ пространствѣ государства подвергалась верстанію. Это было бы и невозможно, да и не нужно при томъ порядкѣ, какой существовалъ въ дѣйствительности, когда

каждая служилая группа и каждый отдѣльный служилый человѣкъ подвергались верстаніямъ и переверстаніямъ по мѣрѣ надобности, по требованію измѣняющихся условій службы. Но что мы знаемъ о порядкахъ верстанія въ Софійскомъ Домѣ? Пока у насъ нѣтъ документовъ, содержащихъ прямыя указанія на порядокъ софійскаго верстанія, пока въ массѣ жалованныхъ помѣстныхъ грамотъ новгородскихъ владыкъ не отмѣчено ни одного указанія на то, что пожалованье помѣстья состоялось въ силу акта „верстанія" въ техническомъ смыслѣ этого слова, до тѣхъ поръ слово верстаніе въ грамотахъ владыки Александра мы можемъ понимать только въ общемъ смыслѣ „надѣленія" софійскихъ дѣтей боярскихъ помѣстьями, какое намѣревался произвести названный владыка. Выраженія „верстать", „поверстаться" употреблялись, дѣйствительно, въ Софійскомъ Домѣ и въ такомъ общемъ смыслѣ „надѣлять", „раздѣляться". Такъ иногда владыка предписывалъ дѣтямъ боярскимъ, совладѣльцамъ одного помѣстья, „*поверстаться* самимъ межъ собою полюбовно по половинамъ" [1]). Какъ бы то ни было, однако, на основаніи единичнаго намѣренія владыки Александра поверстать, т. е. вообще надѣлить своихъ дѣтей боярскихъ помѣстьями никакъ нельзя дѣлать какихъ либо общихъ сравненій между софійской и государственной помѣстными системами.

Правильно понять значеніе термина „верстанье" можно только въ соотвѣтствіи съ другимъ терминомъ—„окладъ". Взятый изъ государственнаго права, этотъ терминъ, говоритъ Б. Д. Грековъ, былъ въ употребленіи въ Домѣ св. Софіи. „И здѣсь онъ значилъ то же, что и тамъ, т. е. былъ выраженіемъ идеальнаго размѣра помѣстья, фактически не всегда осуществляясь или рѣдко его превышая" (стр. 484—485). Никакого различія въ употребленіи термина „окладъ" въ государственной помѣстной системѣ, съ одной стороны, и въ софійской—съ другой, Б. Д. Грековъ не отмѣчаетъ. На нашъ взглядъ, этотъ вопросъ вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Надо вспомнить, прежде всего, что въ практикѣ государственной помѣстной системы терминъ „окладъ" имѣлъ двоякое, точнѣе сказать, двустороннее значеніе. Во-первыхъ, онъ означалъ размѣръ земельнаго обезпеченія, какимъ надѣлялся каждый отдѣльный служилый человѣкъ, соотвѣтственно его личной служебной годности. Съ этой точки зрѣнія помѣстные оклады могли безконечно измѣняться въ зависимости отъ измѣненій

[1]) Сборникъ № 63, лл. 55, 57.

служебныхъ качествъ отдѣльныхъ служилыхъ людей. Но эти отдѣльные служилые люди сводились въ группы и разряды, верстались по „чинамъ“ и „статьямъ“, для которыхъ устанавливались общіе, болѣе или менѣе постоянные оклады. Такъ возникло другое значеніе термина „окладъ“, какъ общей групповой нормы, обезпечивающей общій идеальный уровень службы цѣлыхъ разрядовъ служилаго класса. Посмотримъ теперь, въ какомъ смыслѣ употреблялся терминъ „окладъ“ въ Софійскомъ Домѣ. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ крайней скудостью источниковъ. Было бы важно выяснить, прежде всего, дѣлились ли софійскіе дѣти боярскіе, подобно государевымъ служилымъ людямъ, на разряды или группы, которымъ присвоены были общія нормы помѣстныхъ окладовъ. Такое дѣленіе удостовѣряется, повидимому, заголовкомъ одного документа: „Новгородскаго митрополичьяго дому имена дьякамъ и первой и второй и третьей статьи домовыхъ дѣлъ стряпчимъ и дѣтямъ боярскимъ“ (стр. 485). Но самый документъ не сохранился и больше ничего неизвѣстно о дѣленіи софійскихъ дѣтей боярскихъ на статьи. „Нигдѣ не приходилось намъ встрѣчать, удостовѣряетъ самъ Б. Д. Грековъ, точнаго опредѣленія размѣровъ ни средняго оклада, ни высшаго, которые могли бы соотвѣтствовать служилымъ людямъ второй и первой статьи. Больше, чѣмъ вѣроятно, что такихъ опредѣленій совсѣмъ и не было: и здѣсь, какъ и относительно минимальныхъ окладовъ, диктовала свои требованія практика жизни“ (стр. 496). Лишь путемъ наблюденій надъ сотнями случаевъ отдѣльныхъ испомѣщеній авторъ приходитъ къ заключенію, что низшимъ размѣромъ помѣстнаго оклада софійскаго служилаго человѣка были 2 обжи, среднимъ 7 обежъ; высшій размѣръ доходилъ до 15—20 обежъ. Такимъ образомъ, въ практикѣ софійской помѣстной системы терминъ „окладъ“ обычно употреблялся въ смыслѣ не общей идеальной нормы, выражающей служебную годность цѣлой группы служилыхъ людей, а индивидуальнаго размѣра помѣстнаго обезпеченія каждаго отдѣльнаго человѣка. Вслѣдствіе этого въ софійской помѣстной практикѣ, повидимому, не было такого принципіальнаго различія между понятіями „оклада“ и „дачи“, какъ въ государственной системѣ. Б. Д. Грековъ передаетъ нѣсколько примѣровъ служебной карьеры софійскихъ дѣтей боярскихъ; изъ этихъ примѣровъ видно, что повышеніе помѣстныхъ окладовъ того или другого служилаго человѣка идетъ не путемъ поверстанія его изъ низшихъ въ высшія „статьи“, а путемъ фактическихъ прибавокъ помѣстной земли, такъ что въ концѣ концовъ высшій, достигнутый служи-

лымъ человѣкомъ, помѣстный окладъ есть сумма помѣстныхъ пожалованій, въ смыслѣ „дачъ" (стр. 491, 492—494). Въ дополненіе къ разсказаннымъ Б. Д. Грековымъ примѣрамъ отмѣтимъ еще случай, повторяющійся въ нѣсколькихъ жалованныхъ грамотахъ, когда „новый окладъ" служилаго человѣка получается посредствомъ фактической придачи новаго помѣстнаго участка къ „старому помѣстью" [1]). Во всѣхъ такихъ случаяхъ терминъ „новый окладъ" понимается въ смыслѣ послѣдняго въ данный моментъ, фактически полученнаго служилымъ человѣкомъ размѣра помѣстной земли.

Въ той же массѣ отдѣльныхъ помѣстныхъ жалованныхъ грамотъ, въ которой г. Грековъ не нашелъ ни одного указанія на существованіе общихъ нормъ помѣстныхъ окладовъ, соотвѣтствующихъ дѣленію софійскихъ дѣтей боярскихъ на статьи, онъ встрѣтилъ рядъ случаевъ несоотвѣтствія „оклада" и „дачи". Это явленіе весьма характерное для государственной помѣстной системы: высота помѣстныхъ окладовъ, какъ общихъ идеальныхъ нормъ обезпеченія цѣлыхъ группъ служилыхъ людей, все возраставшихъ въ своей численности, не находила себѣ соотвѣтствующаго помѣстнаго фонда. Но въ Софійскомъ Домѣ не было опредѣленной „системы" помѣстныхъ окладовъ, и количество служилыхъ людей опредѣлялось здѣсь количествомъ земли. Чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что въ софійской помѣстной практикѣ также встрѣчались случаи несоотвѣтствія „оклада" и „дачи"? Б. Д. Грековъ сдѣлалъ наблюденіе, дающее на этотъ вопросъ достаточно удовлетворительный отвѣтъ: „каждый помѣщикъ стремился получить свою дачу въ одномъ мѣстѣ, чтобы не приходилось разбрасываться и eo ipso дѣлать лишнія хозяйственныя затраты" (стр. 488). Затрудненія же, съ которыми сопряжено было полученіе, въ точныхъ рамкахъ назначеннаго оклада, округленной и хозяйственно цѣлостной „дачи", и вызывали несоотвѣтствія ея окладу.

Стремленіе софійскихъ служилыхъ людей къ хозяйственной цѣлостности и округленности своихъ помѣстныхъ владѣній, стремленіе, не встрѣчавшее принципіальнаго противодѣйствія со стороны власти, привело, по наблюденію Б. Д. Грекова, къ любопытному результату: „несмотря на перемѣны владѣльцевъ помѣстій со всѣми послѣдствіями (сокращеніе размѣровъ, дробленіе, прибавки къ старому), на частые случаи раздѣловъ, мѣны, на различныя иногда причудливыя сочетанія отдѣльныхъ частей составныхъ помѣстій,—помѣстье, какъ извѣст-

---

[1]) Сборникъ № 63, лл. 70, 71, 73 об.; 99, 119.

ная территорія, быть можетъ, не всегда точно измѣренная и опредѣлимая, продолжаетъ существовать и считаться замкнутой земельной единицей, исторически созданной и идеально пріуроченной къ давно умершему своему хозяину“ (стр. 515). Это наблюденіе подтверждается отдѣльными примѣрами. Такъ, сынъ боярскій дьякъ Илья Мясной получилъ два помѣстныхъ участка, принадлежавшихъ ранѣе другимъ лицамъ, и жалованная грамота Мясному говоритъ не объ одномъ его помѣстьѣ, а о двухъ: „два помѣстья, поясняетъ г. Грековъ, продолжаютъ свое территоріальное самостоятельное существованіе изстари, несмотря на то, что юридическая судьба соединила ихъ вмѣстѣ подъ властью дьяка Мясного“. Другой примѣръ. Сынъ боярскій Первой Софоновъ получилъ помѣстье, составленное изъ 3 частей, взятыхъ изъ отдѣльныхъ помѣстій; жалованная грамота исчисляетъ *во всѣхъ трехъ помѣстьяхъ* 11 обежъ. Наконецъ, авторъ приводитъ примѣръ одного помѣстья въ Городищенскомъ погостѣ на Черной рѣчкѣ, размѣромъ въ 10½ обежъ, которое традиціонно передавалось высшимъ представителямъ администраціи Софійскаго Дома. „Несомнѣнно, заключаетъ г. Грековъ, помѣстье это сохраняло, насколько это возможно вообще, и опредѣленное качество на протяженіи извѣстнаго промежутка времени, не дробясь и не разрастаясь въ слишкомъ замѣтной степени. Такихъ примѣровъ перехода помѣстья въ опредѣленномъ видѣ и размѣрахъ отъ одного помѣщика къ другому съ извѣстнымъ окладомъ можно привести много“ (стр. 515—516). Эти послѣдніе примѣры намъ неизвѣстны; но тѣ, которые приведены выше, еще не доказываютъ вполнѣ того, что утверждаетъ нашъ авторъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что источники употребляютъ терминъ „помѣстье“ и въ смыслѣ всей совокупности владѣній, составляющихъ окладъ служилаго человѣка, и въ смыслѣ отдѣльнаго помѣстнаго участка, части цѣльнаго оклада. О какомъ же помѣстьѣ можно говорить, какъ „о замкнутой земельной единицѣ, исторически созданной и идеально пріуроченной къ давно умершему своему хозяину“? Изъ приведенныхъ выше примѣровъ видно, что дьякъ Илья Мясной и сынъ боярскій Первой Софоновъ получили въ помѣстье въ цѣломъ не „замкнутыя, исторически создавшіяся единицы“; ихъ помѣстья созданы ad hoc изъ помѣстныхъ участковъ разныхъ владѣльцевъ; послѣ Ильи Мясного и Первого Софонова ихъ помѣстья могли также распасться на свои составныя части, а послѣднія—войти въ иныхъ комбинаціяхъ въ оклады новыхъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ выводъ г. Грекова слѣдуетъ значительно ограни-

чить; можно говорить о „замкнутости“ не цѣлаго помѣстнаго владѣнія, наполняющаго окладъ служилаго человѣка, а отдѣльныхъ, составляющихъ его участковъ. Надо, однако, и здѣсь оговориться, что приведенныхъ Б. Д. Грековымъ примѣровъ слишкомъ недостаточно; подобныя явленія требуютъ для своего изученія массоваго матеріала, а такого матеріала г. Грековъ намъ не показалъ. Но, если признать правильнымъ сдѣланное имъ наблюденіе, что отдѣльные помѣстные участки софійскихъ служилыхъ людей обыкновенно сохраняли свою территоріальную замкнутость и, входя въ оклады служилыхъ людей, не сливались съ другими участками въ одно цѣлое, то слѣдовало объяснить причину этого явленія и точнѣе указать его значеніе для софійскаго землевладѣнія, чего нашъ авторъ не сдѣлалъ. Освѣщеніе этихъ вопросовъ можно искать въ общемъ характерѣ мобилизаціи софійскаго землевладѣнія какъ помѣстнаго, такъ и дворцоваго. Эта мобилизація въ Софійской вотчинѣ была, повидимому, такой же постоянной и напряженной, какъ и въ государствѣ: дворцовыя земли владыки раздавались въ помѣстья, помѣстныя земли снова возвращались во дворецъ, и этотъ переходъ населенныхъ земель изъ одного разряда въ другой не могъ не порождать весьма неблагопріятныхъ послѣдствій для экономическаго и административнаго порядка на софійскихъ земляхъ. Дворцовое землевладѣніе Софійскаго Дома устраивалось по типу волостной организаціи. Какъ вообще на сѣверѣ Россіи, такъ въ Софійской вотчинѣ въ частности, волость была не только административной единицей, но и до извѣстной степени цѣлостнымъ экономическимъ организмомъ, скристализованнымъ въ свою очередь изъ болѣе мелкихъ хозяйственныхъ соединеній — селъ, деревень, починковъ съ разными угодьями. Раздача дворцовыхъ волостей въ помѣстья должна была дробить эти волости на ихъ мелкія составныя части, отдѣльныя хозяйственныя единицы, такъ какъ въ Софійскомъ Домѣ преобладало мелкое помѣстное землевладѣніе, и обычно софійскій помѣщикъ пополнялъ свой окладъ по мелочамъ, отдѣльными мелкими хозяйственными единицами, сохранявшими свою хозяйственную цѣльность при переходѣ изъ рукъ въ руки, изъ дворца въ помѣстный фондъ и обратно.

Итакъ, тѣ немногіе факты, на которыхъ г. Грековъ основываетъ свое заключеніе о „замкнутости“ помѣстій, какъ характерной чертѣ софійскаго землевладѣнія, сами по себѣ еще недостаточны. Они только наводятъ на болѣе общій вопросъ о характерѣ мобилизаціи софійскаго землевладѣнія, дворцоваго и помѣстнаго, и о послѣдствіяхъ,

къ какимъ вела эта мобилизація въ территоріальной и хозяйственной структурѣ софійскихъ земель. Но такой общій вопросъ можетъ быть подвергнутъ изслѣдованію только на массовомъ матеріалѣ, единичные случаи доказательной силы не имѣютъ.

Перейдемъ къ послѣднему важному вопросу въ исторіи софійскаго землевладѣнія, вопросу о характерѣ и объемѣ личныхъ правъ софійскаго служилаго человѣка на его помѣстную землю. Въ XVI—XVII столѣтіяхъ въ сферѣ государственнаго служилаго землевладѣнія быстро развивался, какъ извѣстно, процессъ сближенія помѣстій съ вотчинами. Представляла ли аналогичный процессъ исторія софійскаго помѣстнаго землевладѣнія? Первоначальной и самой характерной чертой помѣстнаго владѣнія является его условность: владѣетъ помѣстьемъ лишь тотъ, кто служитъ и пока служитъ. Этотъ основной принципъ помѣстнаго владѣнія въ Софійскомъ Домѣ находилъ себѣ двоякое выраженіе: помѣстье отбиралось отъ человѣка, не могущаго или не желающаго служить, или самъ служилый человѣкъ, по собственной инииціативѣ, отказывался отъ помѣстья, не желая служить или находя свое помѣстье по тѣмъ или инымъ причинамъ недостаточнымъ для службы. Этотъ послѣдній фактъ добровольнаго отказа софійскаго служилаго человѣка, по тѣмъ или инымъ мотивамъ, отъ помѣстья заслуживаетъ, съ нашей точки зрѣнія, особеннаго вниманія. Въ немъ отразилась одна изъ характерныхъ чертъ древнѣйшаго помѣстнаго владѣнія, основаннаго на добровольномъ соглашеніи служилаго человѣка съ господиномъ; таково было положеніе извѣстнаго Бориски Воркова по духовной Ивана Калиты: „аже иметь сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ, не иметь ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимутъ“. Позднѣйшая государственная помѣстная система, съ половины XVI вѣка, поставила помѣстное владѣніе на новое основаніе обязательной службы. Служилый человѣкъ уже не договаривается лично съ государемъ, подобно вольному слугѣ удѣльныхъ временъ, о службѣ за извѣстное земельное обезпеченіе; онъ „верстается“ въ опредѣленную служилую группу и, получая присвоенный группѣ земельный окладъ, несетъ соотвѣтственную обязательную службу. Поэтому въ государственной помѣстной системѣ нѣтъ мѣста добровольному отказу служилаго человѣка отъ помѣстья, а вмѣстѣ и отъ службы. Фактъ такого добровольнаго отказа софійскихъ служилыхъ людей отъ помѣстій, соединяемаго иногда съ отказомъ отъ службы, можно разсматривать, какъ одну изъ характерныхъ чертъ древнѣйшаго помѣстнаго права, основаннаго на принципѣ

личнаго соглашенія служилаго человѣка съ государемъ. Эта черта исчезла въ государственной помѣстной системѣ, но сохранилась въ практикѣ крупной церковной вотчины Софійскаго Дома.

Какъ въ государствѣ, такъ и въ Софійскомъ домѣ первоначальное условное право служилаго человѣка на помѣстье, какъ на средство обезпеченія дѣйствительной службы, постепенно осложнялось добавочными правами, совокупность которыхъ влекла помѣстье къ сближенію съ вотчиной. Подобно государевымъ служилымъ людямъ софійскіе дѣти, ихъ вдовы и дѣти боярскіе получали помѣстные участки въ пенсію „на прожитокъ“, при жизни „сдавали“ свои помѣстья сыновьямъ или „припускали“ послѣднихъ къ своему владѣнію, вообще обнаруживали стремленіе распоряжаться такъ или иначе помѣстьемъ въ своихъ личныхъ и семейныхъ интересахъ. Собранные и анализированные г. Грековымъ факты вполнѣ удостовѣряютъ, что въ Софійскомъ домѣ въ XVI—XV вѣкахъ, какъ и въ государствѣ, наблюдаются „симптомы, угрожающіе самому существу помѣстной системы—тенденція къ превращенію помѣстья въ наслѣдственное передаваемое въ роду имущество“ (стр. 503—515). Къ какому же результату привела эта тенденція? Произошло ли въ Софійскомъ домѣ что либо подобное тому освоенію помѣстій въ вотчины, какъ это случилось въ государствѣ? Б. Д. Грековъ оставилъ безъ вниманія послѣдній, весьма интересный моментъ, въ исторіи помѣстнаго землевладѣнія въ Софійскомъ домѣ, хотя источникъ, освѣщающій этотъ моментъ, и былъ ему хорошо извѣстенъ. Имѣемъ въ виду дѣло о смотрѣ „синодальной команды царедворцевъ и дворянъ“ по указу 30-го іюля 1721 г. Новгородскій владыка, какъ оказалось при этомъ, изъ всѣхъ архіереевъ располагалъ наибольшимъ числомъ слугъ. На смотръ Сената явилось 150 человѣкъ, 15 человѣкъ оказалось „въ домѣхъ неизъѣханы“, 17—„въ слышаніи указа расписались, а на смотръ не явились“, 8—„заслышавъ объ указѣ сбѣжали“ и 1 не явился по неизвѣстной причинѣ. Вотъ на этихъ-то неявившихся на смотръ архіерейскихъ дворянъ должна была обрушиться жестокая кара—„конечное движимыхъ и недвижимыхъ имѣній лишеніе“. Но „недвижимыя имѣнія“ софійскихъ дѣтей боярскихъ состояли за ними на помѣстномъ правѣ, по жалованью владыкъ, и дѣйствительнымъ собственникомъ этихъ имѣній былъ архіерейскій домъ. Слѣдовательно, грозившая неявившимся на смотръ софіянамъ кара должна была ударить не только по нимъ, но и по самому Софійскому Дому, если бы помѣстныя земли его дворянъ на общемъ осно-

ваніи были отписаны на государя. Софійскія власти рѣшили предупредить столь непріятный оборотъ дѣла и въ іюнѣ 1722 г. комиссаръ Софійскаго Дома Тарасъ Тишинъ донесъ св. Синоду, что „оное помянутыхъ нѣтчиковъ недвижимое имѣніе, которое не ихъ собственное, но архіерейскаго дому древнее и весьма крѣпостное, за вышеозначенную ихъ противность велѣно отписать къ его архіерейскому дому“. Комиссаръ Тишинъ просилъ разрѣшенія Синода отписать къ архіерейскому дому также и „движимое имѣніе (нѣтчиковъ), яко отъ онаго недвижимаго притяжанное и отъ его архіерейскаго дому полученное“. Синодъ снесся по этому дѣлу съ Сенатомъ и вскорѣ получилъ отъ послѣдняго отвѣтъ, снова встревожившій и обидѣвшій софійскую власть. Сенатъ предписывалъ: все вообще недвижимое имѣніе нѣтчиковъ „отписать на Его Императорское Величество изъ Синода“, въ который и собирать съ тѣхъ имѣній всякіе доходы, затѣмъ составить опись порознь собственному имуществу нѣтчиковъ и полученному отъ архіерейскаго дома и доложить въ концѣ концовъ все дѣло Государю. Тогда уже выступилъ самъ архіепископъ новгородскій Ѳеодосій, нашедшій, что распоряженіе Сената „его дому не безъ обиды есть“. Въ своемъ доношеніи Синоду, отъ 16-го ноября 1722 г., онъ пытался новыми аргументами оправдать прежнее рѣшеніе о недвижимыхъ имѣніяхъ нѣтчиковъ. Отнять у архіерейскаго дома имѣнія его слугъ, не явившихся на смотръ, несправедливо, такъ какъ эти нѣтчики „не отъ постороннихъ какихъ доносителей показаны“, но добросовѣстно обнаружены самимъ архіерейскимъ домомъ, „якобы самолично приведены“. Императорскимъ указомъ „приводцамъ тѣхъ нѣтчиковъ“ обѣщана въ награжденіе половина нѣтчиковыхъ имѣній, а между тѣмъ рѣшеніемъ Сената Софійскій Домъ и своего древняго домоваго недвижимаго имѣнія за чужую вину лишается. Это имѣніе, заканчивалъ свои доводы Ѳеодосій, „ничѣмъ не винно, ибо оное у помянутыхъ дворянъ во владѣньѣ по прежней изъ дому дачи по то время быть было должно и было, доколѣ они въ преступленіи не явилися, а когда въ преступленіе впали, тогда за то они и штрафуются, а помянутое домовое имѣніе, яко невинное и яко крѣпостное домовое, какъ къ дому возвратиться должно“. Св. Синодъ, естественно, внялъ доводамъ своего вице-президента и вновь постановилъ: недвижимое имѣніе нѣтчиковъ полученное ими отъ архіерейскаго дома, т. е. помѣстныя земли, вернуть въ домъ Св. Софіи, собственное ихъ имѣніе

отписать на государя и самихъ лично штрафовать по указу [1]). На этомъ собственно и закончилась исторія софійскаго помѣстнаго землевладѣнія. Софійское помѣстье въ данную эпоху не превратилось, подобно государственному, въ вотчину архіерейскаго дворянина и осталось „весьма крѣпостнымъ“ достояніемъ, собственностью архіерейскаго дома.

Говоря о „помѣстной системѣ“ въ Софійскомъ домѣ, по аналогіи съ помѣстной системой государственной, Б. Д. Грековъ неоднократно подчеркиваетъ „запутанности помѣстныхъ отношеній въ Софійскомъ Домѣ“ (стр. 487). „Даже опытные чиновники въ Домѣ Св. Софіи часто не справляются съ задачей испомѣщенія“ (стр. 495). Авторъ не встрѣтилъ въ памятникахъ Софійскаго Дома и какого либо „Уложенія“ о помѣстьяхъ: „ни изъ чего не видно, чтобы какой-нибудь законъ регулировалъ помѣстныя отношенія въ Новгородскомъ Софійскомъ Домѣ“ (стр. 490). Но тогда слѣдуетъ ли вообще говорить о помѣстной „системѣ“ въ Софійскомъ Домѣ по точной аналогіи съ помѣстной системой въ государствѣ, гдѣ существовало подробно разработанное законодательство по этому предмету?

Отсутствіе въ Софійскомъ Домѣ какого либо „уложенія“ о помѣстьяхъ и то, чтó авторъ называетъ „запутанностью“ въ помѣстной практикѣ этого дома, является, по нашему пониманію, характерной чертой, ведущей свое начало отъ удѣльной древности. Тамъ помѣстное владѣніе зарождалось въ княжеской или частновладѣльческой вотчинѣ, свѣтской и духовной, на основѣ личнаго соглашенія государя съ его слугой о службѣ съ земли. На такой же основѣ развивалось и софійское помѣстье XVI—XVII вѣковъ. Испомѣщеніе софійскихъ служилыхъ людей осуществлялось всегда въ формѣ личнаго „пожалованія“ владыкой каждому отдѣльному человѣку помѣстнаго участка подъ условіемъ опредѣленной службы. Если въ помѣстномъ обиходѣ Софійскаго Дома и встрѣчаются термины, взятые изъ государственной помѣстной системы,—„верстанье“, „окладъ“,—то этихъ немногихъ и бѣглыхъ упоминаній еще не достаточно, чтобы доказать существованіе въ Софійскомъ Домѣ системы верстанія и испомѣщенія, сложившейся въ государствѣ съ половины XVI вѣка и основанной на началахъ обязательной групповой службы. Въ частной крупной вотчинѣ, какою была вотчина Софійскаго Дома, служилая организація до позднѣйшихъ временъ, въ XVI—XVII столѣтіяхъ, держалась

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. синода, т. I, № 445.

на старыхъ корняхъ непосредственнаго личнаго общенія между государемъ—вотчинникомъ и его слугами. Всѣ служебныя обязанности и связанныя съ ними имущественныя отношенія въ частной вотчинѣ опредѣлялись личнымъ усмотрѣніемъ государя, его „жалованіемъ", направленнымъ непосредственно на отдѣльныя личности. Въ государствѣ уже не могло быть такихъ непосредственныхъ личныхъ отношеній между служилыми людьми, среднихъ и низшихъ классовъ, и верховной властью. Личность служилаго человѣка тонула въ групповой организаціи, съ которой непосредственно и имѣла дѣло верховная власть и ея органы. Отвергнувъ старые принципы удѣльной службы, государственная власть должна была выработать законодательнымъ путемъ новыя нормы обязательной службы съ земли уже не для отдѣльныхъ лицъ, а для цѣлыхъ организованныхъ группъ служилыхъ людей, группъ многочисленныхъ и сложныхъ по составу. Такой необходимости не было для частнаго, хотя бы и крупнаго, вотчинника, державшаго весь распорядокъ и всѣ служебныя отношенія въ зависимости отъ своего личнаго усмотрѣнія—„жалованія". Такъ можетъ быть объяснено отсутствіе какого либо „уложенія" о помѣстьяхъ въ Софійскомъ Домѣ, крупной вотчинѣ, хранившей преданія древнихъ временъ. Равнымъ образомъ и то, что г. Грековъ называетъ „запутанностью" въ дѣлѣ испомѣщенія софійскихъ служилыхъ людей, получитъ свое объясненіе съ точки зрѣнія основного различія помѣстныхъ отношеній въ государствѣ и въ частной вотчинѣ. Запутанность помѣстныхъ отношеній въ государствѣ являлась результатомъ стихійныхъ или сознательныхъ отступленій отъ общихъ нормъ узаконенной системы. Въ Софійскомъ Домѣ, гдѣ „законодателемъ была сама жизнь", гдѣ устройство служилыхъ людей опредѣлялось не какимъ либо „уложеніемъ", а личнымъ усмотрѣніемъ владыки и разнообразными условіями практической жизни, „запутанность" помѣстныхъ отношеній имѣла иной смыслъ и значеніе. Она выражалась не столько въ нарушеніяхъ, безсознательныхъ или злонамѣренныхъ, общихъ нормъ установленной системы, а въ случайныхъ столкновеніяхъ интересовъ отдѣльныхъ служилыхъ людей, столкновеніяхъ, которыя разрѣшались опять-таки, правильно или неправильно, личнымъ усмотрѣніемъ владыки или подчиненныхъ ему органовъ власти.

На предшествующихъ страницахъ мы разбирали трудъ Б. Д. Грекова въ томъ порядкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, какой представлялся намъ естественно вытекающимъ изъ самаго существа поставленной

авторомъ темы. Слѣдуя этому порядку, мы предпочитаемъ отложить разборъ вопросовъ объ органахъ Софійской администраціи, центральныхъ и областныхъ, до полнаго окончанія труда г. Грекова, до появленія 2-й его части, посвященной софійскому хозяйству и финансамъ. Лишь на почвѣ предварительнаго выясненія задачъ и организаціи этого хозяйства и тягла можетъ обрисоваться, по нашему мнѣнію, съ достаточной полнотой и опредѣленностью весь внутренній строй софійской администраціи и характеръ ея функцій. Б. Д. Грековъ поступилъ иначе. Подробное изображеніе хозяйственно-административныхъ и судебныхъ учрежденій и должностей Софійскаго Дома онъ поставилъ на первое мѣсто, въ первыхъ главахъ своего труда, посвященныхъ „морфологіи", по его выраженію, Софійскаго Дома. Держась такого плана, изучая строй и функціи извѣстныхъ учрежденій раньше, чѣмъ изучены тѣ сложные интересы и отношенія, для управленія которыми созидались эти учрежденія, авторъ далъ въ результатѣ скорѣе внѣшнюю систематизацію собраннаго имъ новаго матеріала, чѣмъ исчерпывающую и законченную характеристику самихъ учрежденій.

Особенно блѣдной и скудной по содержанію оказалась картина областныхъ учрежденій Софійскаго Дома; и причиной тому надо признать не только скудость матеріала, но и недостатокъ самой постановки вопроса. Набросавъ кратко схему управленія Новгородской епархіей и Софійской вотчиной, г. Грековъ вовсе не оцѣнилъ значенія вопроса объ управленіи десятинниковъ,—вопроса, важнаго не только въ исторіи служилой организаціи Софійскаго Дома. Вопросъ объ органахъ областной вотчинной администраціи отнесенъ въ главу о сельскомъ населеніи. Послѣ этого глава объ областныхъ учрежденіяхъ (V-я) осталась бы совсѣмъ безъ содержанія, если бы въ нее не былъ включенъ этюдъ о Софійскомъ дворѣ въ Москвѣ и о должности софійскаго московскаго стряпчаго. Здѣсь находимъ не мало любопытныхъ данныхъ для исторіи какъ внутренняго быта Софійскаго Дома, такъ и его отношеній къ московскому правительству. Но все-таки Софійскій дворъ въ Москвѣ, съ особымъ стряпчимъ во главѣ, былъ не органомъ областного управленія, въ строгомъ смыслѣ, а учрежденіемъ совершенно особаго рода, которое мы назвали бы дипломатическимъ представительствомъ Новгородскаго владыки при центральномъ московскомъ правительствѣ.

Болѣе обильнымъ матеріаломъ располагалъ Б. Д. Грековъ для изученія центральныхъ учрежденій и должностей Софійскаго Дома,

хозяйственно-административныхъ и судебныхъ. Въ большей своей части это совершенно новый, архивный матеріалъ, впервые изслѣдованный нашимъ авторомъ. Въ общемъ онъ представилъ весьма обстоятельную и живую картину сложнаго механизма софійскаго управленія: сначала многочисленныхъ хозяйственныхъ и административныхъ установленій, непосредственно обслуживавшихъ матеріальныя потребности новгородскаго владыки и составлявшихъ, въ тѣсномъ смыслѣ, его домъ, а затѣмъ спеціальныхъ органовъ епархіальнаго и вотчиннаго управленія, софійскихъ приказовъ. Несмотря на сухость чисто дѣлового, актоваго матаріала, г. Грековъ умѣетъ извлекать изъ него живыя краски для изображенія софійскихъ порядковъ и дѣльцовъ. Въ нѣкоторыхъ характеристикахъ, можно прямо сказать, авторъ достигаетъ художественной изобразительности; такова, напримѣръ, характеристика дьяка суднаго приказа Гаврилы Аѳанасьева и его дѣятельности при митрополитѣ Кипріанѣ (стр. 105 и слѣд.).

Какъ всякое самостоятельное научное изслѣдованіе, трудъ г. Грекова вызываетъ рядъ болѣе или менѣе существенныхъ замѣчаній и возраженій. Но неизбѣжные недостатки этого труда, какіе можетъ отмѣтить спеціальная критика, отнюдь не умаляютъ его крупныхъ научныхъ достоинствъ. Тема выбрана и поставлена авторомъ совершенно самостоятельно. Разработка обширнаго сырого архивнаго матеріала обнаруживаетъ въ нашемъ авторѣ не только весьма трудолюбиваго, добросовѣстнаго, но и способнаго изслѣдователя, не теряющагося въ грудѣ сырого матеріала и умѣло ставящаго научные вопросы. Всѣ выводы и наблюденія автора всегда тщательно аргументированы и нѣкоторые изъ нихъ могутъ имѣть значеніе не только для данной темы, но и для болѣе общей проблемы о крупномъ землевладѣніи въ древней Руси. Наконецъ, большимъ достоинствомъ разбираемаго труда является живое и образное изложеніе.

С. Рождественскій.

De cive Гоббса и его русскій переводъ.

Томасъ Гоббсъ. Философскія основанія ученія о гражданинѣ. Переводъ съ латинскаго *В. Погосскаго.* Съ предислов. проф. С. А. Котляревскаго. Цѣна 2 рубля. (Стр. 269).

Трактатъ Гоббса *De cive* принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ произведеній англійскаго мыслителя, и во многихъ отношеніяхъ его,

несомнѣнно, должно поставить выше „Левіаѳана“. Здѣсь впервые имъ были высказаны принципы, которые отчасти развивались, но отчасти и *затемнялись* въ „Левіаѳанѣ“; здѣсь онъ вполнѣ свободенъ отъ того многословія, которому и онъ отдалъ нѣкоторую дань въ „Левіаѳанѣ“, и которое такъ характерно для англійской публицистики XVII столѣтія; наконецъ, здѣсь онъ свободнѣе въ выраженіи нѣкоторыхъ основныхъ своихъ взглядовъ. Вѣдь, *De cive* относится къ тому времени, когда борьба между Карломъ I и революціей еще далеко не была рѣшена, а „Левіаѳанъ“ вышелъ въ свѣтъ, когда историческая власть уже лежала во прахѣ, и грозный, выдвинутый революціей диктаторъ правилъ страною. Гоббсъ никогда не гнался за мученическимъ вѣнцомъ, и, поэтому, послѣ 1649 года сталъ кое въ чемъ осмотрительнѣе. Въ *De cive* мы встрѣчаемъ необычайную энергію мысли и, мѣстами, чисто юношескій задоръ въ изложеніи, хотя авторъ былъ уже пожилымъ человѣкомъ, когда писалъ этотъ трактатъ. Убѣжденіе, что безпредѣльное повиновеніе верховной власти и только оно одно можетъ спасти общество отъ всѣхъ ужасовъ рецидива былой анархіи, той первозданной анархіи, при которой немыслимо не только благополучіе, не только *jucunditas* въ жизни, но и самая жизнь; явное предпочтеніе абсолютной монархіи всякой иной формѣ правленія; рѣшительное отвращеніе къ демократіи—всѣ яркія черты политической доктрины Гоббса уже даны въ этомъ трактатѣ. Мы находимъ здѣсь и характерный отводъ религіозныхъ аргументовъ всюду, гдѣ эти аргументы не согласуются съ основнымъ строемъ мышленія автора: „Христосъ не затѣмъ приходилъ въ этотъ міръ, чтобы учить логикѣ“ (XVII, 12: nullae autem in hanc rem datae regulae a Christo; neque enim venit in hunc mundum ut doceret logicam). Словомъ, если бы Гоббсъ умеръ, написавши *De cive*, мы уже знали бы почти всего Гоббса.

Нельзя не привѣтствовать, поэтому, попытки г. Погосскаго дать полный русскій переводъ этого трактата. Его переводу предпослана сжатая вводная статья С. А. Котляревскаго, въ которой дается характеристика философскихъ и государственно-правовыхъ взглядовъ Гоббса. Проф. Котляревскій находитъ у Гоббса „замѣчательную систему политическаго матеріализма, построенную на основаніи матеріализма философскаго“. Здѣсь я касаться этой статьи не буду и не приведу изъ нея никакихъ выдержекъ, не затрону ни тѣхъ мыслей, съ которыми возможно спорить, ни тѣхъ, съ которыми должно безусловно согласиться. Мнѣ придется вернуться къ этой статьѣ въ иной

связи, въ критическомъ обзорѣ новѣйшей литературы по исторіи англійскихъ соціально-экономическихъ и государственно-правовыхъ доктринъ XVI—XVII вв., который я подготовляю.

Здѣсь же буду говорить только о переводѣ, данномъ г. Погосскимъ. Въ общемъ, переводъ этотъ обличаетъ много затраченнаго труда и стараній со стороны автора, и онъ, несомнѣнно, принесетъ свою долю пользы въ дѣлѣ ознакомленія русскихъ читателей съ идеями Гоббса. Но онъ не лишенъ и нѣкоторыхъ серьезныхъ ошибокъ и неточностей.

Переводъ этотъ г. Погосскій сдѣлалъ съ изданія 1647 года, а затѣмъ „провѣрилъ" текстъ по изданіямъ 1657 и 1668 гг. Зачѣмъ онъ такъ поступилъ? Не проще ли было обратиться прямо къ одному изъ идентичныхъ текстовъ 1657 или 1668 гг.? Вѣдь знаетъ же онъ, что эти изданія полнѣе изданія 1647 года, именно, что во *всѣхъ* изданіяхъ *De cive*, кромѣ изданій 1642 и 1647 гг., есть интересныя письма Петра Гассенди и Марина Мерсенна къ Сорберію, прямо относящіяся къ этому трактату. Не затѣмъ же онъ взялъ какъ разъ одно изъ двухъ изданій, гдѣ этихъ писемъ еще не было, чтобы имѣть чисто внѣшнее основаніе не перевести ихъ? Далѣе. Г. Погосскій пишетъ: „Пунктуація въ изданіяхъ Гоббса настолько хаотична, что переводчику во многихъ случаяхъ приходится на свой страхъ производить дѣленіе на періоды... изданія 1657 и 1668 гг. не оказываютъ и здѣсь никакой помощи". Почему же онъ не взялъ, кромѣ этихъ изданій, еще и новѣйшаго (1839 г.) изданія Молесуорта (T. Hobbes, Opera philosophica quae latine scripsit omnia, II)? Это — очень тщательное, провѣренное изданіе, и Молесуортъ предложилъ весьма удачную и обоснованную пунктуацію. Въ этомъ отношеніи его изданіе могло бы оказаться весьма цѣннымъ подспорьемъ. Но г. Погосскій даже не упоминаетъ объ изданіи Молесуорта.

Отмѣчу лишь нѣкоторыя неправильности, неточности и ошибки, бросающіяся въ глаза при чтеніи русскаго перевода.

Въ первыхъ строкахъ обращенія къ герцогу Девонширскому читаемъ въ русскомъ переводѣ: „несправедливые римляне... произнесли, что всѣ цари..." и т. д. Въ подлинникѣ сказано: „populi romani... regibus iniqui... vox erat"... т. е. рѣчь идетъ о „римскомъ народѣ, *несправедливомъ къ царямъ*", такъ что въ русскомъ переводѣ пропущено слово, дающее весьма важный оттѣнокъ мысли Гоббса. На стр. 4 русскаго перевода значится: „если она (книга) тебѣ понравится, т. е. покажется нервной, полезной, необычной"... Въ подлин-

никѣ находимъ: „si arrideat, id est, si nervosus, si utilis, si non vulgaris sit"... Слово *nervosus* значитъ *сильный, убѣдительный*, а вовсе не „нервный", въ данномъ случаѣ. На стр. 8: „говорятъ, что... Сократъ... считалъ ее одну достойной своего изученія". Въ подлинникѣ: ...„*ingenio* suo dignam judicaret", т. е.: считалъ ее одну достойною своего *ума*, своего *дарованія*. На стр. 10: „...верховную власть... чтили даже какъ велѣніе божества". Въ подлинникѣ: „...tanquam divinitatem quandam visibilem venerabantur", т. е. „чтили какъ нѣкое видимое божество". На стр. 14 читаемъ: „я взялся за трудъ по философіи духа и собралъ ея первичные элементы". Въ подлинникѣ совсѣмъ другое: dabam operam philosophiae animi causa ejusque in omni genere elementa prima congerebam, т. е. „я трудился *по склонности* къ философіи", или по стремленію къ философіи,—здѣсь, вѣдь, выражается мысль, что автора побуждалъ къ труду свойственный ему философскій духъ, это — прямой отвѣтъ на вопросъ о *причинѣ*, побудившей его писать (см. строчкой выше: causam jam... acciptote), а у русскаго переводчика получился какой-то „трудъ по философіи духа". И дальше переводчикъ, продолжая оставаться въ заблужденіи, говоритъ: ...„собралъ *ея* (т. е. этой „философіи духа") первичные элементы",—тогда какъ въ подлинникѣ слово *ejus*, относится, конечно, къ *opera*.

На стр. 20: ...„естественный законъ гласитъ, что нужно искать мира, въ соотвѣтствіи съ которымъ можетъ засіять какая-нибудь надежда". Въ подлинникѣ совсѣмъ другое: ...„quaerendam est pacem quatenus habendae ejus spes aliqua affulserit", т. е.: „нужно искать мира, поскольку свѣтитъ какая-нибудь надежда найти его". На стр. 44 читаемъ: „понятія правое и неправое, точно такъ же, какъ справедливость и несправедливость равнозначущи, потому что они значатъ одно, когда они примѣняются къ лицамъ и другое, когда они примѣняются къ дѣйствіямъ". Но если такъ, то значитъ эти понятія именно *не* равнозначущи? Заглядываемъ въ подлинникъ и находимъ: „nomina haec justum et injustum, sicut et justitia et injustitia *aequivoca* sunt". Aequivoca значитъ тутъ *двусмысленны*, а вовсе не „равнозначущи". На стр. 45 находимъ неправильность, искажающую мысль автора: „Распредѣлительная справедливость наблюдается тогда, когда въ силу положенія и заслугъ каждому приписывается, соразмѣрно съ заслугами, *болѣе знатному больше и менѣе знатному меньше*"... Въ подлинникѣ сказано: болѣе *достойному* больше, менѣе *достойному* меньше (majus ei qui dignior, minus ei qui minus

dignus). На стр. 47: ...„человѣкъ ..., *благодаря оскорбительности его замашекъ*, не подлежащій исправленію...". Въ подлинникѣ находимъ: „вслѣдствіе *упорства своихъ страстей*", или: своихъ чувствъ, своихъ желаній (prae affectuum contumacia). На стр. 48: „Цицеронъ, однако, противопоставляетъ выгодѣ жестокость, какъ относящуюся къ этому самому закону". Здѣсь вполнѣ и безнадежно утрачивается смыслъ подлинника, такъ какъ Гоббсъ говоритъ, въ дѣйствительности, слѣдующее: „Имѣя въ виду этотъ самый законъ, Цицеронъ противопоставляетъ (человѣка) *удобнаго* (для другихъ) — неучтивому" (или: грубому, дикому). Вотъ его фраза: „Cicero tamen *commodo* opponit *inhumanum*, tanquam ad hanc ipsam legem adspectans". Если ужъ переводчикъ хотѣлъ иначе перевести слово *commodus*, онъ могъ бы говорить о *человѣкѣ, выгодномъ* для другихъ, *полезномъ* для другихъ, но никакъ не о „*выгодѣ*", что же касается *inhumanus*, то здѣсь ни въ какомъ случаѣ нельзя было выбрать перваго значенія этого слова (жестокій, безчеловѣчный), но непремѣнно второе (грубый, неучтивый, неуживчивый, дикій): весь контекстъ этого опредѣленно требуетъ. И ужъ ни подъ какимъ предлогомъ нельзя было говорить о „жестокости", да еще относить *къ ней* слова: „ad hanc ipsam legem adspectans", которыя прямо относятся къ слову *Цицеронъ!* Замѣчу, кстати, что для понятія „жестокость" Гоббсъ (въ § 11 той же главы) употребляетъ слово *crudelitas*. На стр. 70: ...„необходимо, чтобы число сплотившихся вокругъ общаго дѣла было бы такимъ, что присоединеніе немногихъ людей къ врагамъ дѣлалось, тѣмъ самымъ, рѣшающимъ моментомъ побѣды". Въ подлинникѣ какъ разъ обратное: ut paucorum hominum ad hostes accessio *non* sit ipsis conspicui momenti ad victoriam. На стр. 72 читаемъ: „Люди въ высшей степени тяготятся общественными дѣлами и для занятія ими считаютъ необходимымъ располагать полнѣйшимъ досугомъ"... На самомъ дѣлѣ Гоббсъ говоритъ нѣчто совсѣмъ иное, не имѣющее ровно ничего общаго съ приведенною выдержкою: „Наиболѣе тягостны (безпокойны) для государства тѣ люди, которые больше всего могутъ оставаться праздными" (homines autem maxime reipublicae molesti sunt, quibus maxime licet esse otiosis). И въ дальнѣйшей части фразы подчеркивается эта мысль указаніемъ на то, что люди только тогда начинаютъ бороться за общественныя почести, когда уже освободятся отъ заботы о кускѣ хлѣба (и, слѣдовательно, будутъ въ состояніи „оставаться праздными"). На стр. 94 словами „лучшіе люди" неправильно переведено слово *optimates* (употребленное Гоббсомъ при описаніи аристократическаго

образа правленія). Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ эта ошибка уже не повторяется. На стр. 121 читаемъ: „въ догосударственномъ состояніи“,—тогда какъ Гоббсъ говоритъ о *внѣ*-государственномъ состояніи (extra statum civitatis); этотъ терминъ и шире, и, въ то же время, опредѣлительнѣе. На стр. 122 слово *divitiae* неправильно передано словомъ *блаженство*, тогда какъ слѣдуетъ перевести *богатство*, *изобиліе*. На стр. 132 читаемъ: „*рѣшеніе дѣлъ — актъ*“, тогда какъ въ подлинникѣ говорится совершенно точно объ *управленіи* (administratio gubernandi actus est). На стр. 133—134 находимъ непонятную фразу: „Да и не такъ ужъ легко найти примѣръ подданнаго, лишеннаго его государемъ жизни или имущества безъ вины съ его стороны, *въ силу одной лишь доступности власти*“. У Гоббса находимъ совсѣмъ другое: per solam licentiam imperii, т. е. „*только по произволу власти*“. На стр. 142 находимъ ошибку, радикально извращающую весь смыслъ гоббсовской аргументаціи, да еще въ одномъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ трактата. Въ русскомъ переводѣ читаемъ: „Третье мятежное ученіе, происходящее изъ того же корня, гласитъ, что тираноубійство дозволено. Нѣкоторые писатели даже теперь, а въ древности всѣ софисты: Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, Сенека, Плутархъ и остальные греческіе и римскіе благожелатели монархіи считали его не только дозволеннымъ, но даже заслуживающимъ похвалы“. Въ подлинникѣ перечисленные писатели называются благожелателями вовсе не „монархіи“, а напротивъ, греческой и римской *анархіи* (...ab omnibus sophistis Platone, Aristotele, Cicerone, Seneca, Plutarcho, caeterisque Graecae et Romanae anarchiae fautoribus...). Какимъ образомъ изъ *благожелателей анархіи* получились „благожелатели монархіи“?

На стр. 148 читаемъ: „И несправедлива жалоба тѣхъ, кто приписываетъ свою бѣдность публичнымъ сборамъ, какъ если бы они утверждали, что лишились имущества, *благодаря прощенію ихъ долговъ*“. Въ подлинникѣ—какъ разъ обратное: „вслѣдствіе *уплаты* долговъ“ (propter solutionem debitorum),—въ русскомъ же переводѣ изъ-за неправильной передачи слова solutio утратился всякій смыслъ. На стр. 149 умъ называется „средствомъ къ установленію мира“, это неточно, у Гоббса выражается мысль, что мудрость *повелѣваетъ* стремиться къ миру (... ut pacis dictatricem....). На стр. 152 переводчикъ пропустилъ въ своемъ переводѣ самое важное слово, безъ котораго все мѣсто теряетъ свое значеніе. Гоббсъ говоритъ объ управленіи государствомъ посредствомъ министровъ, назначаемыхъ государемъ, при чемъ сравниваетъ государя съ Творцомъ, а министровъ съ „*вто-*

ричными" (производными) причинами явленій (... Deus, primus omnium motor, effectus naturales producit per ordinem causarum secundarum). А переводчикъ пишетъ: ... Господь, первый двигатель всего, производитъ естественныя послѣдствія путемъ вытекающихъ другъ изъ друга причинностей",—и такимъ образомъ, оставляя безъ перевода слово *secundarum*, уничтожаетъ всю эту антитезу („primus motor" и „causae secundae"). Кстати, *causae* нельзя переводить словомъ: *причинности* (причинность = *causalitas* и означаетъ совсѣмъ не то, что слово *причина*).

На стр. 157 читаемъ: „Заблужденія .... проникаютъ въ умы ..... *благодаря легкому усвоенію привычныхъ мнѣній, изъ ежедневной проповѣди лишенныхъ знанія людей*". Въ подлинникѣ *ничего подобнаго*: a sermonibus quotidianis hominum propter rei familiaris laxitatem studiis vacantium, т. е.: изъ ежедневныхъ рѣчей тѣхъ людей, которые, имѣя досугъ отъ домашнихъ своихъ дѣлъ, занимаются науками (или чтеніемъ). Переводчикъ не принялъ во вниманіе, что *vacare* съ дательнымъ падежемъ (alicui rei) значитъ, именно, *заниматься* чѣмъ либо,—а слова: rei famliaris laxitatem онъ и вовсе оставилъ почему-то безъ перевода. Вслѣдствіе этого для читателя русскаго перевода совсѣмъ пропала одна изъ любимѣйшихъ мыслей Гоббса,—что для спокойствія государства могутъ быть неудобны тѣ люди, которые избавлены отъ борьбы за кусокъ хлѣба и поэтому располагаютъ слишкомъ большимъ досугомъ. Неизвѣстно также,—это даже таинственно,—откуда здѣсь взялись слова перевода: „легкое усвоеніе привычныхъ мнѣній"? Въ подлинникѣ ничего даже отдаленно похожаго нѣтъ,—и по существу даже *не можетъ* быть: вѣдь, Гоббсъ именно говоритъ о смутьянахъ, жаждущихъ *перемѣнъ*! При чемъ же тутъ „привычныя мнѣнія"? Что касается слова *studia*, то здѣсь его можно было бы перевести словомъ *чтеніе*, такъ какъ въ § 10 предшествующей главы Гоббсъ съ порицаніемъ говоритъ именно о досужихъ *читателяхъ* (hos enim.... ad historicorum, oratorum, politicorum, aliorumque librorum facilem lectionem otium cogit); можно перевести и словомъ *науки*, но ни въ коемъ случаѣ не *знанія*, здѣсь это совсѣмъ не подходитъ.—На стр. 168 читаемъ: „Естественный законъ—это тотъ, который Господь открылъ людямъ черезъ Свой вѣчный голосъ, звучащій въ насъ самихъ, черезъ естественный разумъ". Здѣсь опять переводчикъ пропустилъ самое главное! Гоббсъ говоритъ: naturalis ea est quam omnibus hominibus patefecit per verbum suum aeternum *ipsis innatum....*", т. е. „естественный законъ, который Богъ открылъ всѣмъ людямъ чрезъ вѣчный

глаголъ Свой, *имъ* (людямъ) *врожденный*". Вѣдь, цѣлая полоса философской мысли XVII столѣтія связана со споромъ о *врожденности* тѣхъ или иныхъ началъ, какъ же можно произвольно замѣнять *ipsis innatum* ничего не дающими словами: „звучащій въ насъ самихъ"!

На стр. 174: „Неписанные законы это тѣ, на обнародованіе которыхъ указываетъ только голосъ природы....". Въ подлинникѣ говорится именно о томъ, что эти законы *не* нуждаются ни въ какомъ обнародованіи (non scripta est ea, quae *non alia indiget promulgatione praeter vocem naturae* etc.). На страницѣ 186 читаемъ: „И нашъ Спаситель, увѣщевая Павла, который въ то время былъ врагомъ церкви, *не переть противу рожна*" и т. д. Въ подлинникѣ употреблено гораздо болѣе подходящее къ случаю выраженіе, приведены слова, намекающія на *пастыря* и пасомыхъ (... ne contra stimulum calcitraret,—чтобы не „упирался", не сопротивлялся пастушеской трости). „Переть противу рожна" въ данномъ случаѣ вполнѣ неумѣстный „руссизмъ". На стр. 199 читаемъ: „.... тамъ, гдѣ Господь правитъ на основаніи одного только естественнаго разума"... Въ подлинникѣ: *regnante Deo* per solam rationem naturalem, т. е. *такъ какъ* Богъ правитъ и т. д. Въ переводѣ получилось, будто Богъ въ однихъ мѣстахъ правитъ на основаніи естественнаго разума, а въ другихъ какъ-то иначе. На стр. 223 читаемъ: „Хотя царство Божіе, которое Христосъ долженъ былъ установить путемъ всеобщаго союза" etc. Въ подлинникѣ *foedere novo*, т. е. путемъ *новаго соглашенія*, новаго договора, а вовсе не „всеобщаго союза"; слово „всеобщій"—отсутствуетъ въ подлинникѣ, а слово *foedus* по всему смыслу этой (и предшествующей главы) должно перевести словомъ договоръ, соглашеніе, но отнюдь не „союзъ".

На стр. 236 читаемъ: „Понятіе церкви первоначально означаетъ то же, что и латинская contio или собраніе гражданъ, подобно тому какъ клирникъ называется также и contionatus, т. е. принадлежащій къ собранію". Во-первыхъ, слова „клирникъ"—нѣтъ,—есть клирикъ; во-вторыхъ, слово подлинника *ecclesiastes* лучше передается здѣсь русскимъ церковно-служитель, въ-третьихъ, къ удивленію читателя, приводя тутъ *латинское слово въ оригиналѣ*, переводчикъ пишетъ не то, что онъ находитъ въ подлинникѣ: у Гоббса сказано *concionator*, а вовсе не „contionatus"; въ-четвертыхъ, слово это значитъ отнюдь не „принадлежащій къ собранію", какъ читаемъ въ переводѣ, а *говорящій на собраніи*, обращающійся съ рѣчью къ собранію (и Гоббсъ совершенно правильно пишетъ: ... concionator, id est qui ad conven-

tum *loquitur*: это вовсе не значитъ только „принадлежащій къ собранію"! Переводчикъ невѣрно перевелъ фразу, а вышло, будто ошибся Гоббсъ въ своемъ опредѣленіи!).

Я замѣтилъ еще не мало неправильностей и неточностей, больше, чѣмъ отмѣтилъ здѣсь. Не буду ихъ приводить, чтобы не удлинять рецензіи, и безъ того растянувшейся. Какой выводъ можно сдѣлать? Колеблютъ ли приведенные примѣры ошибокъ и промаховъ ту общую оцѣнку перевода, которую я далъ выше? Нисколько. Всякій, знакомый со стилистическими трудностями, которыя почти на каждой страницѣ приходилось превозмогать переводчику *De cive*, всякій, знающій Гоббса не по наслышкѣ и не по „исторіямъ политическихъ ученій", прочтя эту книгу, не колеблясь, скажетъ, что заслуга за переводчикомъ, безспорно, есть. Онъ удачно справился съ десятками самыхъ запутанныхъ и затруднительныхъ мѣстъ; стараясь быть точнымъ, онъ, въ то же время, далъ переводъ, довольно легко читаемый, литературный. Имъ сдѣлано трудное дѣло.

Но для второго изданія онъ, навѣрно, обратитъ вниманіе на тѣ замѣчанія, которыя тутъ высказаны. Переводчикъ согласится, что моя критика не является придирками къ мелочамъ (чѣмъ столь легко и столь безплодно можно заниматься usque ad infinitum, разбирая любой трудный переводъ), — но что я старался указать на неправильное пониманіе имъ нѣкоторыхъ важныхъ мѣстъ трактата. Многаго я тутъ и не коснулся вовсе (неувѣренности и, иногда, путаницы въ передачѣ терминовъ въ родѣ: factum, dictum, volitum, erratum, peccatum, sententia, mandatum, praeceptum etc.): нельзя было слишкомъ злоупотреблять гостепріимствомъ редакціи ученаго журнала. Во всякомъ случаѣ, послѣ появленія этого перевода Гоббсъ сталъ доступнѣе русскому читателю.

Е. В. Тарле.

---

1) *Алкей и Сафо.* Собраніе пѣсенъ и лирическихъ отрывковъ въ переводѣ размѣрами подлинниковъ *Вячеслава Иванова* со вступительнымъ очеркомъ его же. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1914. Цѣна 1 р. 25 к. 2) *Архилохъ.* Стихотворенія и фрагменты. Перевелъ съ греческаго размѣрами подлинника *В. Вересаевъ.* Съ вступительною статьею переводчика. (Древне-эллинскіе поэты. Выпускъ I). Москва 1915. Складъ при „Книгоиздательствѣ писателей". Цѣна 75 к. 3) *Сафо.* Стихотворенія и фрагменты. Перевелъ съ греческаго размѣрами подлинника *В. Вересаевъ.* Съ вступительною статьею переводчика. (Древне-эллинскіе поэты. Выпускъ II). Москва 1915. Цѣна 75 к.

Книга Вячеслава Иванова, вышедшая весной 1915 года обновлен-

нымъ и дополненнымъ изданіемъ [1]), и переводы В. В. Вересаева, являющіеся первыми выпусками задуманной имъ серіи переводовъ древне-эллинскихъ поэтовъ [2]),—явленія отрадныя въ нашей переводной литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнныя.

Расположеніе матеріала у Вяч. Иванова и В. В. Вересаева въ общемъ одно и то же: вступительный очеркъ, переводы отрывковъ, расположенныхъ группами по содержанію, примѣчанія, указатели. Въ подходѣ къ матеріалу, въ основныхъ взглядахъ на задачу переводчика, въ расположеніи и пониманіи отдѣльныхъ отрывковъ, въ передачѣ поэтическихъ формъ и образовъ,—словомъ, въ вопросахъ поэзіи и филологіи переводчики, однако, настолько разнятся между собою, что наиболѣе удобнымъ способомъ разбора ихъ перевода будетъ отдѣльное разсмотрѣніе каждаго изъ нихъ.

Въ новомъ изданіи книги Вяч. Иванова [3]) добавлены воспроизведеніе [4]) извѣстнаго рисунка на мюнхенскомъ кратерѣ съ изображеніемъ Алкея и Сапфо (противъ стр. 204) и „Новые пѣсни и лирическіе отрывки Алкея и Сафо, по текстамъ оксиринхскихъ папирусовъ, обнародованнымъ во время печатанія книги" (стр. 205—231). Кромѣ того Вяч. Ивановъ прибавилъ три отрывка Сапфо (CXII—CXIV, стр. 233—237), переведя ихъ по возстановленіямъ Виламовица [5]). Приложенныя къ переводу примѣчанія переработаны заново и значительно расширены. Эти примѣчанія ясно показываютъ, что переводчикъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ новѣйшей литературѣ, касающейся греческихъ лириковъ и ихъ новыхъ папирусныхъ отрывковъ. Въ краткомъ послѣсловіи Вяч. Ивановъ даетъ отчетъ и о своемъ пониманіи задачи переводчика. „Верховная цѣль поэтическаго перевода, говоритъ онъ, — создать музыкальный эквивалентъ подлинника. Таковымъ можетъ быть только переложеніе..... «Буква

---

[1]) На заглавномъ листѣ ничего не отмѣчено. Дополненія касаются новыхъ отрывковъ въ X томѣ папирусовъ изъ Оксиринха (см. ниже).

[2]) Третій выпускъ долженъ содержать гомеровскіе гимны.

[3]) О первомъ изданіи см. отзывы въ *„Гермесъ"*, 1914, стр. 460 сл. и въ *„Вѣстникъ Европы"*, 1915, февраль, стр. 389 сл.

[4]) Не совсѣмъ удачное; лира Сапфо, выходящая за край рисунка, нарушаетъ его цѣльность.

[5]) См. примѣчанія CXII, CXIII, CXIV на стр. 241. Кромѣ того XII стихотвореніе Алкея (стр. 49) печатается въ новой, исправленной редакціи.

Строка „Зевсъ-отецъ"... (XXXVIII, стр. 212) дѣйствительно является началомъ стихотворенія; см. теперь Pap. Oxy. XI (1915), введеніе къ новымъ отрывкамъ Алкея (1360).

умерщвляетъ»; но, жертвуя дословною близостью подстрочной передачи, перелагатель-поэтъ долженъ возмѣстить ее вѣрностью истолкованія" (стр. 242).

Итакъ, переводъ Вяч. Иванова—переводъ художественный; филологическая вѣрность *мыслямъ* оригинала—только средство къ достиженію этой цѣли. Этой цѣли переводчикъ достигъ. Книга его представляетъ законченное цѣлое; съ точки зрѣнія художественной внѣшности она почти безупречна. Стремясь къ цѣльности впечатлѣнія, переводчикъ не далъ объяснительныхъ примѣчаній: все то, что напечатано на страницѣ 239 и слѣдующихъ, предназначено для знатока, а не для любителя. Всѣ тѣ объясненія, которыя Вяч. Ивановъ считалъ необходимымъ или нужнымъ дать читателю, онъ вработалъ во введеніе и въ самый переводъ отрывковъ; этимъ объясняется, напр., почему въ переводъ XLI стихотворенія Алкея (стр. 215) попалъ текстъ схолія къ данному мѣсту (Pap. Oxy. X, 1234, fr. 2 col. I, строки 14 и 15 текста и схолій рядомъ съ ними). Къ объясненіямъ же слѣдуетъ отнести и заглавія стихотвореній, нерѣдко встрѣчающіяся въ книгѣ Вяч. Иванова.

Такой пріемъ мы считаемъ правильнымъ и при стремленіи къ художественной цѣльности вполнѣ умѣстнымъ, лишь были бы точно и вѣрно переданы мысли подлинника. Такъ какъ переводчикъ, однако, иногда, на нашъ взглядъ, не вполнѣ точно передалъ мысли подлинника, то мы остановимся на тѣхъ отрывкахъ, гдѣ онъ по тѣмъ или инымъ причинамъ расходится съ текстомъ Алкея или Сапфо.

Алкей. V (стр. 41) и VIII (стр. 45). Въ переводѣ есть рѣзкости (буйная дурь, издохъ Мирсилъ), которыхъ въ подлинникѣ нѣтъ [1]).

X (стр. 47). Жаль, что Вяч. Ивановъ не привлекъ для возсозданія этого стихотворенія новыхъ папирусныхъ отрывковъ, находящихся въ эбердинскомъ и берлинскомъ музеяхъ; въ Supplementum lyricum оно поставлено на первомъ мѣстѣ; въ примѣчаніяхъ приведена литература. Кромѣ указанныхъ тамъ статей эти папирусы переизданы у Эдмондса, The new fragments of Alcaeus, Sappho, and Corinna, Кэмбриджъ 1909, стр. 7—8. Онъ даетъ текстъ съ дополненіями и примѣчаніями и приводитъ не указанную или пропущенную въ Suppl. lyr. литературу. Первая строфа X переведена Вяч. Ивановымъ не по сохранившемуся тексту Алкея, а по гадательному возстановленію

[1]) „Буйная дурь" встрѣчается, правда, у Пушкина. Ср. вступительный очеркъ, стр. 18.

Бергка, которое теперь, послѣ находки берлинскаго папируса, отпадаетъ.

XIII (стр. 53). Переводъ отдаляется отъ подлинника [1]); мы кромѣ того не согласны съ Бергкомъ (fr. 55), соединяющимъ два отрывка, приводимые Гефестiономъ (ст. 1) и Аристотелемъ (ст. 2), такъ какъ они взяты изъ различныхъ стихотворенiй; это ясно показываетъ размѣръ, „двѣнадцатисложный алкеевскiй" въ первой строкѣ (Гефестiонъ, pag. 80) и обычный алкеевскiй во второй (θέλω τι ϝεῖπην, ἀλλά με κωλύει | αἴδως; Аристотель, Aus rhet. I 9=ed. Roemer, стр. 47, 1367ª, 8 сл.).

XVI (стр. 56—57). Жаль, что Вяч. Ивановъ не принялъ исправленiя Виламовица, доказавшаго съ несомнѣнностью, что Бергкъ вставилъ въ 39 отрывокъ Алкея нѣсколько строкъ Сапфо (v. 3 fin., 4, 5). Строфы 3, 4 и 5 перевода Вяч. Иванова слѣдовало бы поэтому отнести къ отрывкамъ стихотворенiй Сапфо (Wilamowitz, Lesefrüchte XCIII, въ 39 томѣ Hermes'a, стр. 127 сл.=Sappho und Simonides, стр. 61 сл.).

XXIV (стр. 65). Прекрасные стихи, передающiе, однако, лишь приблизительно то, что стоитъ въ подлинникѣ. Кромѣ того изъ отрывка сдѣлано цѣлое стихотворенiе.

XXVI (стр. 67). Жаль, что не использованъ новый папирусъ, сохранившiй начальныя слова цѣлаго ряда строкъ (Pap. Oxy. X, 1233, fr. 32).

XXVII (стр. 71). На неточности въ переводѣ этого отрывка указалъ уже В. Вересаевъ (ук. рец., стр. 392), пожалуй недостаточно оцѣнившiй художественныя достоинства перевода и слишкомъ рѣзко подчеркнувшiй его дополненiя (стихи 4 и 5, а не 4—6).

XXXV (стр. 209). Мы не можемъ согласиться съ Вяч. Ивановымъ въ пониманiи третьей строфы. Сентиментально-идиллическихъ чертъ нѣтъ въ подлинникѣ; трагедiю Θетиды, выданной за смертнаго мужа (эту сторону миθа хорошо знали), какъ-то не подходитъ назвать чистой любовью. Виламовицъ, на котораго ссылается переводчикъ [2]), правильно указываетъ на тонкую и искусную стилизацiю даннаго стихотворенiя; съ привнесенiемъ идиллическихъ чертъ эта стилизацiя у Вяч. Иванова нарушается.

XXXVI (стр. 210). Въ подлинникѣ слѣдуетъ еще строфа, правда,

---

[1]) На это указалъ и В. Вересаевъ, ук. соч., стр. 390.

[2]) Ссылка, на стр. 240, наверху, дана неточная. Слѣдуетъ читать N. Jahrb., *XVII* Jahrgang, *1914*.

плохо сохранившаяся; въ переводѣ мысль закончена. Это касается и слѣдующаго отр. XXXVII (стр. 211).

XXXIX (стр. 213). Послѣднія двѣ строки дополнены переводчикомъ; написалъ бы ихъ такъ Алкей, остается подъ вопросомъ. Заглавіе („На Питтака") можетъ навести на мысль, что говорится о знаменитомъ эсимнетѣ Митилены; на самомъ же дѣлѣ рѣчь идетъ объ отцѣ Питтака.

XLIII (стр. 217). Первый и послѣдній стихъ добавлены переводчикомъ. Виламовицъ (ук. соч., стр. 233) не рѣшился угадать конецъ стихотворенія.

Сапфо. I (стр. 83—84) ὤκεες στροῦθοι мы затрудняемся передать „стая голубокъ". Въ текстѣ, въ послѣдней строкѣ шестой строфы, сохранилось οὐκ ἐθέλοισα. Мы считаемъ, что Виламовицъ окончательно выяснилъ, что Сапфо говоритъ о своей ученицѣ, которая не чувствуетъ къ ней привязанности, а не о возлюбленномъ, не отвѣчающемъ ей на ея любовь [1]).

V (стр. 89 и 90). Намъ кажется, что Виламовицъ правъ, указывая на неумѣстность пониманія конца стихотворенія, какъ изображенія пира [2]).

XIII (стр. 101). В. Вересаевъ (стр. 394) правъ, считая слово Δίκα именемъ одной изъ подругъ-воспитанницъ Сапфо.

XLI (стр. 132). Папирусъ изъ Оксиринха показалъ, что отрывки Bergk 12 и 15 являются частями одного стихотворенія. Жаль, что переводчикъ не воспользовался этимъ папирусомъ (Pap. Oxy. X, 1231 fr. 16). На неточность перевода указалъ уже В. Вересаевъ (стр. 393).

XLIII (стр. 137). Съ этимъ условнымъ (прим., стр. 240) сочетаніемъ различныхъ отрывковъ мы не можемъ согласиться; fr. 16 Bergk приводится схоліастомъ къ 10 стиху первой пиѳійской оды Пиндара, съ яснымъ указаніемъ, что Сапфо въ приводимомъ отрывкѣ говоритъ о голубяхъ.

XLVII (стр. 141). Въ отрывкѣ 70 Bgk мы видимъ выговоръ или упрекъ дѣвушкѣ, не умѣющей носить нарядное платье [3]).

LXXII (стр. 168). По поводу этого отрывка, упраздненнаго новымъ папирусомъ (см. прим., стр. 241), хотѣлось бы исправить опе-

---

[1]) U. v. Wilamowitz, Sappho und Simonides. Berlin 1913, стр. 42 сл.

[2]) Ук. соч., стр. 51—52.

[3]) Ср. и Wil., ук. соч., стр. 51.

чатку [1]): новый отрывокъ (свадьба Гектора и Андромахи) значится не какъ LXXIIa, а какъ LXXXa, и соотвѣтственно съ этимъ поставленъ въ примѣчаніяхъ и въ указателѣ не на томъ мѣстѣ. Отрывокъ же LXXX (стр. 176, B. 101, H. 32) по содержанію не связанъ съ новой эпиѳаламой, хотя написанъ тоже эолійскимъ пентаметромъ.

CVI (стр. 224). Дориха, извѣстная по Геродоту гетера изъ Навкратиса, снова вовлекла въ свои сѣти Харакса, брата Сапфо. Съ горечью говоритъ она объ этомъ: „а они хвалились извѣстіемъ, что Дориха во второй разъ вступила въ желанную связь". Намъ кажется, что Вяч. Ивановъ не вполнѣ правильно толкуетъ этотъ отрывокъ. По нашему въ подлинникѣ нѣтъ той нѣжности къ Дорихѣ, которая чувствуется въ переводѣ Вяч. Иванова.

LXXXa (стр. 230—231). Стихъ „Въ царскихъ, опричь, колымагахъ Пріамовы дочери" мы не можемъ назвать удачнымъ.

Если, такимъ образомъ, переводъ Вяч. Иванова—художественный и поэтическій, и единственный его недостатокъ — подчасъ нѣсколько субъективное дополненіе или округленіе сохранившихся отрывковъ, благодаря которому не всегда съ достаточной отчетливостью передается подлинная мысль Алкея или Сапфо—въ этомъ же поэтически-возвышенномъ, но нѣсколько субъективномъ тонѣ выдержано и введеніе, — то главнымъ достоинствомъ переводовъ В. В. Вересаева является ихъ скромная документальность.

Изъ двухъ переводовъ, Архилоха и Сапфо, В. В. Вересаеву на нашъ взглядъ наиболѣе удался Архилохъ; въ переводѣ его отрывковъ нерѣдко чувствуется та же стремительность и тотъ пылъ, который такъ захватываетъ при чтеніи подлинника. Особымъ достоинствомъ переводовъ В. В. Вересаева являются объяснительныя примѣчанія, приводимыя вмѣстѣ съ переводомъ; нерѣдко переводчикъ приводитъ все гнѣздо, сохранившее данный отрывокъ: полную цитату автора, приводящаго тотъ или иной отрывокъ Архилоха и особенно Сапфо.

Въ краткомъ введеніи, занимающемъ мѣсто предисловія къ Архилоху, В. В. Вересаевъ рисуетъ безотрадную картину, представляющуюся тому, кто знакомится съ обломками древнеэллинской лирики. И въ дальнѣйшемъ, въ своихъ переводахъ, онъ сохраняетъ отрывки въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ. Читатель видитъ предъ

[1]) Отмѣтимъ кстати опечатку въ указателѣ (стр. 245). Отрывокъ Сапфо CXII стоитъ у Бергка среди adespota подъ номеромъ 104A (а не 124a).

собой прекрасные обломки былой пышной красоты и за всѣми этими незначительными обрывками чувствуетъ ту тяжелую утрату, которая насъ лишила столькихъ прекрасныхъ и истинно-человѣческихъ твореній.

Послѣ живого и яркаго очерка жизни и поэтической дѣятельности Архилоха слѣдуетъ переводъ его отрывковъ, къ которому мы имѣемъ добавить лишь немногое.

17 (стр. 35) Примѣчанія (*) мы не помѣстили бы.

29 (стр. 48) Для объясненія странной прически можно привести чернофигурный вазовый рисунокъ Экзекія (Furtwängler — Reichhold, 2 серія (1905—1906) табл. 64, Баумгартенъ, Поландъ, Вагнеръ, Эллинская культура, русскій перев. (1906) стр. 101, рис. 85).

48 (стр. 65) Мы считаемъ болѣе правильнымъ писать имя византійскаго писателя Цецисъ.

52 (стр. 69) и *99* (стр. 113) Посидаонъ лучше писать съ однимъ с.

57 (стр. 76), строка четвертая. Слова „очень“ нѣтъ въ подлинникѣ.

90 (108) Второй стихъ неудаченъ. — ◡◡ — ◡◡ — „Батусіадъ вмѣстѣ съ нимъ“.

Рядъ отрывковъ Архилоха не переведенъ изъ-за допускаемой имъ вольности выраженій; но и помимо нихъ нѣсколько отрывковъ Архилоха, къ сожалѣнію, не переведены В. В. Вересаевымъ. Цитируемъ по Бергку.

40. „Вотъ какой заборъ тянется вокругъ двора“.

45. „... хорошій трезубецъ и хорошаго кормчаго“.

46. „... вору, ночью рыскающему по городу“.

89. Очень жаль, что В. В. Вересаевъ пропустилъ этотъ интересный отрывокъ басни; онъ вѣдь столь тщательно собралъ отрывки, которые относятся (или могутъ относиться) къ баснѣ объ орлѣ и лисицѣ. Къ баснѣ же можетъ относиться и fr. 110 „не попадись орлу!“

119. И этотъ отрывокъ съ извѣстнымъ припѣвомъ τήνελλα καλλίνικε слѣдовало бы перевести.

131. „Нѣтъ у тебя желчи въ печени“.

132. „А тогда въ наибольшемъ почетѣ ноги“, т. е. если тебѣ досаждаетъ болтунъ, убѣги. Этотъ отрывокъ приводится Плутархомъ, περὶ ἀδολεσχίας 503 A (Bernardakis, vol. III, стр. 304, строка 9).

133. „Да, его обучаютъ критскимъ законамъ“. Жаль, что В. В. Вересаевъ не перевелъ 3 отрывка Архилоха въ Supplementum lyricum;

мы имѣли бы тогда единственный, первый, полный переводъ всего архилоховскаго наслѣдія.

Въ указателяхъ мы замѣтили нѣкоторыя неточности: во второмъ (стр. 124) пропущены Бергкъ 42 = переводъ 83 и Б. 120 = перев. 71, а въ третьемъ (тамъ же) пропущенъ Гиллеръ-Крузіусъ 17—18 = перев. 25.

Сапфо В. В. Вересаева удовлетворяетъ насъ не въ такой мѣрѣ, какъ Архилохъ. Иногда кажется, что переводчику не подъ силу поэтическая передача стиховъ Сапфо. Въ большей мѣрѣ, чѣмъ у Архилоха, приходится жалѣть о томъ, что В. В. Вересаевъ перевелъ не всѣ отрывки. Наконецъ, иногда проскальзываютъ недоразумѣнія въ родѣ „соперницъ“ Сапфо (стр. 19 и 43), восходящія къ старой, отжившей точкѣ зрѣнія на С., хотя В. В. Вересаевъ въ своемъ введеніи ясно и вполнѣ опредѣленно становится на новую, правильную точку зрѣнія и съ достаточной полнотой очерчиваетъ жизнь и дѣятельность знаменитой гражданки города Митилены. Многіе отрывки онъ переводитъ гораздо ближе къ подлиннику, чѣмъ Вяч. Ивановъ, нерѣдко съ документальной точностью. Недостаткомъ мы считаемъ отсутствіе переводовъ новыхъ оксиринхскихъ папирусовъ, вышедшихъ весной прошлаго (1914) года. Они явились бы цѣннымъ дополненіемъ къ поэтическому ихъ претворенію въ книгѣ Вяч. Иванова. Опечатки во введеніи исправлены на вложенномъ листкѣ; корректура указателей, однако, оставляетъ желать лучшаго (см. ниже).

2 (стр. 23) Не переведенъ конецъ ἀλλὰ πᾶν τολματόν.

26 (стр. 26) „дурочки“ нѣтъ въ подлинникѣ [1]).

39 (стр. 54) „Музъ“ нѣтъ въ подлинникѣ.

43 (стр. 56) Насколько пріятно видѣть два перевода того же отрывка, соотвѣтствующіе двумъ различнымъ толкованіямъ его (*30*, стр. 47, *98*, стр. 109), настолько же не отрадно видѣть въ данномъ мѣстѣ столь неудачный пріемъ, какъ предоставленіе на выборъ болѣе точнаго и менѣе точнаго перевода. Мы предпочли бы, чтобъ В. В. Вересаевъ привелъ только второй переводъ.

46 (стр. 60) Слѣдовало бы указать, что переводъ данъ по возстановленію до-бергковскихъ издателей.

---

[1]) Конечно, задача переводчика, издающаго свой переводъ вторымъ, въ достаточной мѣрѣ затруднительна; такъ какъ В. В. Вересаевъ, однако, стремится къ возможной близости къ оригиналу, мы сочли долгомъ уваженія къ его труду съ наибольшей тщательностью провѣрить его переводы.

56 (стр. 69) Па́нормъ вм. болѣе обычнаго Пано́рмъ намъ кажется неудачнымъ.

62 и *63* (стр. 74) слѣдовало бы дать подъ однимъ номеромъ (хотя бы 62—63); Пейто въ переводѣ fr. 57 А Бергка взято изъ его же fr. 135; „вѣчной" Афродиты въ подлинникѣ нѣтъ.

68 (стр. 79) „На прогулкѣ" нѣтъ въ подлинникѣ.

77 (стр. 88) Аѳиней, приводящій эти слова С., говоритъ, что они сказаны съ легкой насмѣшкой.

83 (стр. 93 и 94) Въ примѣчаніи, вмѣсто пересказа, было бы лучше привести въ переводѣ fr. 138 Bergk; цѣльность книги, ея документальность, отъ этого выиграли бы.

85 (стр. 97) Пропущено подлежащее, „я".

100 (стр. 110) Въ подлинникѣ половина элегическаго пентаметра, въ переводѣ трохеи (— ⏑ — ⏑ — ⏑ —).

104 (стр. 114) Переводъ этого отрывка приходится назвать неудачнымъ.

Жаль, что В. В. Вересаевъ не перевелъ всѣхъ отрывковъ Сапфо, приводимыхъ Бергкомъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ счастливую мысль включить въ свою книгу и свидѣтельства древнихъ, приводящихъ то или иное выраженіе Сапфо. Объ этомъ второмъ приходится жалѣть особенно, потому что кромѣ В. В. Вересаева никто изъ переводчиковъ Сапфо не обратилъ вниманія на нихъ, для полноты же нашего представленія о ней они даютъ немало.

Въ первомъ указателѣ (стр. 123) 3 отрывокъ Вересаева переведенъ по пятому, а не по третьему отрывку Supplementum lyricum; въ леммѣ 64 слѣдуетъ зачеркнуть Б 3 и оставить Б 60. Во второмъ указателѣ (стр. 124) 18 отрывку Бергка соотвѣтствуетъ 66 стр. перевода, а не 16; кромѣ того пропущена лемма 137 Б = 46 стр. перевода.

Въ третьемъ указателѣ леммѣ 65 соотвѣтствуетъ 68 отрывокъ перевода, а не 88, 102 Г = 109 перев., а не 108, 103 b Г = 81 перев., а не 31.

Если мы, такимъ образомъ, установили, что съ воззрѣніемъ на задачу переводчика и ея исполненіемъ Вяч. Ивановымъ и В. В. Вересаевымъ мы вполнѣ согласны и расходимся лишь въ отдѣльныхъ мелкихъ вопросахъ, не имѣющихъ коренного значенія, то въ вопросѣ распредѣленія отрывковъ по группамъ мы не согласны съ обоими переводчиками. Такъ какъ этотъ вопросъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе при разборѣ перевода и на объективную оцѣнку его

вліять не долженъ, то мы и выдѣлили его изъ остального матеріала рецензіи.

Мы считаемъ, что оба переводчика отнеслись къ распредѣленію отрывковъ по разнымъ главамъ своихъ книгъ не достаточно объективно, полагаясь больше на свое чувство, чѣмъ на указанія литературнаго преданія.

Что касается Алкея, то извѣстно, что въ каждой книгѣ были стихи, написанные различными стихотворными размѣрами; при отрывочности нашего преданія у насъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы опредѣлить содержаніе отдѣльныхъ „книгъ“ Алкея. Поэтому относительно его отрывковъ неопредѣленность должна остаться, пока счастливыя папирусныя находки не дадутъ намъ новаго матеріала.

Такъ какъ намъ пока невозможно прослѣдить судьбу лириковъ дальше вглубь вѣковъ, чѣмъ до временъ ученыхъ изданій александрійцевъ, то казалось бы пока наиболѣе правильнымъ распредѣлять отрывки Сапфо по книгамъ, согласно дѣленію александрійцевъ. Такъ какъ для ряда книгъ (I, II, III, IV, V) установлено [1]), что онѣ содержали только стихотворенія опредѣленнаго „размѣра“, то было бы, съ чисто объективной точки зрѣнія, наиболѣе правильнымъ распредѣлять отрывки и въ переводѣ [2]) по этимъ книгамъ, поскольку на это указываютъ отдѣльныя свидѣтельства древности и стихотворные размѣры, остальные же отрывки слѣдовало бы объединять въ группы, по стихотворнымъ размѣрамъ же, по аналогіи съ остальными, опредѣленными книгами и, кромѣ того, по тому соображенію, что эолійскіе лирики, въ частности и Сапфо, столь тонко чувствовавшая стиль различныхъ ритмовъ, при выраженіи однородныхъ чувствъ скорѣе всего могла воспользоваться однородными же ритмами. Отрывки Архилоха, знаменитаго въ древности своимъ чувствомъ стильности, равнымъ образомъ слѣдовало бы группировать по примѣняемымъ имъ размѣрамъ, поскольку литературное преданіе не даетъ иныхъ указаній.

Цѣнность перевода Вяч. Иванова заключается въ его поэтическомъ совершенствѣ и художественной цѣльности; единственный его недостатокъ—слишкомъ субъективныя дополненія, создающія нерѣдко впечатлѣніе цѣльности и законченности тамъ, гдѣ сохранились лишь обрывки.

---

[1]) Wilamowitz, Textgeschichte der griechischen Lyriker, стр. 71 сл.

[2]) Ни Бергкъ, ни Гиллеръ-Крузіусъ, какъ извѣстно, не распредѣлили отрывковъ по книгамъ александрійской традиціи.

Главное достоинство переводовъ В. В. Вересаева—ихъ скромная документальность; недостатокъ переводовъ—отсутствіе ряда отрывковъ, лишающее книги В. В. Вересаева права называться полными переводами всего наслѣдія Архилоха и Сапфо.

Э. Диль.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ОЧЕРКИ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ПРОШЛАГО ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ [1]).

II. Два учебныхъ заведенія.

Знакомство съ судьбой провинціальныхъ учебныхъ заведеній въ извѣстной степени поучительно, хотя бы съ точки зрѣнія постепеннаго упроченія тѣхъ началъ, которыми опредѣляется жизнь средняго учебнаго заведенія. Сравнительно несложная обстановка этой жизни дѣлаетъ болѣе яснымъ вліяніе различныхъ факторовъ воспитанія, даетъ возможность уловить тѣ моменты, когда рельефнѣе обнаруживается ихъ созидательная работа. Постепенное развитіе педагогическихъ элементовъ особенно поучительно у насъ, такъ какъ средняя школа болѣе, чѣмъ гдѣ либо, принуждена считаться съ различными вліяніями и пережитками. Этимъ, можетъ быть, и обусловливается медленность развитія школы, ея малая идейная устойчивость.

Особенно поучительно наблюдать жизнь средней школы тамъ, гдѣ ей приходится развивать свою дѣятельность среди инородческаго населенія. Здѣсь школа исполняетъ болѣе отвѣтственную и важную миссію—насажденіе новаго міровоззрѣнія, проведеніе болѣе широкихъ началъ, опирающихся на выработанныя нашей литературой и общимъ складомъ духовной жизни нормы. Эта миссія школы имѣетъ цѣлью пробужденіе интересовъ болѣе высокаго и сложнаго типа.

Въ глухомъ углу сѣверо-западнаго края, Ковенской губерніи, вліяніе правильно организованной средней школы начинаетъ обнаруживаться во второй половинѣ прошлаго столѣтія съ утвержденіемъ тамъ русскаго вліянія, организаціей народной школы, приливомъ рус-

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1913. Май.

скихъ интеллигентныхъ силъ. Указанныя явленія опредѣляютъ ея характеръ, какъ демократизующей силы, что придало ей извѣстную устойчивость и живучесть. Пишущему эти строки пришлось пройти эту школу въ одинъ изъ первыхъ фазисовъ ея развитія, въ семидесятыхъ годахъ, когда еще были свѣжи сложившіяся традиціи, когда самая школа переживала свою весну, не была чужда своего рода педагогическаго романтизма и связаннаго съ нимъ подъема силъ.

Необходимо нѣсколько остановиться на бытовыхъ особенностяхъ мѣстной жизни, которыя представляли немало своеобразныхъ чертъ. Съ такими особенностями не приходится имѣть дѣла школѣ во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ она находитъ опору и въ однородномъ составѣ населенія и въ близкомъ ей языкѣ учащихся, который на окраинахъ долженъ завоевывать себѣ право на существованіе.

Трудности, которыя на первыхъ порахъ приходилось преодолѣвать средней школѣ въ литовскомъ краѣ, обусловливались недовѣріемъ, возбуждаемымъ въ средѣ, еще недавно воспитывавшей свое молодое поколѣніе при иныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ иной культуры. Раскрыть свое во всякомъ случаѣ небѣдное содержаніе наша средняя школа могла лишь постепенно. Ей приходилось дѣлать свое дѣло исподволь, съ извѣстной опаской за его успѣшность. Нужно было немало усилій, чтобы придать дѣятельности школы извѣстную устойчивость, не столько въ формальномъ, сколько въ идейномъ отношеніи, чтобы поддержать въ глазахъ общества ея престижъ. Все это могло быть достигнуто только въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Два средне-учебныхъ заведенія являются, такъ сказать, авангардомъ русской школы въ сѣверо-западномъ краѣ, форпостами русскаго вліянія въ Литвѣ. Это Шавельская гимназія и Поневѣжское реальное училище. Оба расположены въ сѣверной части Ковенской губерніи въ смежныхъ уѣздахъ. Первое учебное заведеніе насчитываетъ около 70 лѣтъ, второе слишкомъ 30 лѣтъ. Судьба ихъ во многомъ сходна. Заброшенныя вглубь Литвы, удаленныя отъ оживленныхъ духовныхъ центровъ, они жили замкнуто. Ихъ педагоги имѣли мало общенія съ болѣе бойкими культурными пунктами, многіе по цѣлымъ годамъ не покидали насиженныхъ мѣстъ даже въ каникулярное время. Это обстоятельство слѣдуетъ учесть, какъ одно изъ болѣе важныхъ, при выясненіи особенностей этой школы.

Жизнь въ небольшихъ городкахъ слѣдуетъ признать полезной для духовнаго развитія въ томъ отношеніи, что она не даетъ притока слишкомъ разнообразныхъ, пестрыхъ впечатлѣній, лишнихъ и

вредныхъ разсѣяній. Для натуръ устойчивыхъ, не утратившихъ охоты и способности къ усидчивому труду, она не лишена своего рода привлекательности. Помимо того, что здѣсь можно стоять ближе къ поучительнымъ низамъ жизни, съ ихъ здоровой, трудовой струей, здѣсь не нужно разбрасываться, гоняться за непосильнымъ и тяжелымъ заработкомъ, создавать себѣ искусственные интересы, безъ чего не обходится жизнь въ большомъ городѣ.

Связь педагога со школой и семьей въ провинціи гораздо тѣснѣе, взаимныя ихъ отношенія интимнѣе; самая индивидуальность педагога выступаетъ ярче и авторитетнѣе въ глазахъ учащейся молодежи. Наконецъ, педагогическая корпорація въ провинціи болѣе сплочена, чѣмъ въ большихъ городахъ, гдѣ дѣло не обходится безъ частой смѣны учителей. Все это слѣдуетъ признать благопріятнымъ для выработки прочныхъ школьныхъ традицій.

Эти явленія наблюдались въ указанныхъ выше учебныхъ заведеніяхъ. Одно изъ нихъ, старѣйшее, въ теченіе полувѣка перемѣнило до 12 директоровъ, но несмотря на это, преемственность педагогической традиціи, болѣе симпатичнаго типа, сохранилась въ ней настолько, что воспитала цѣлое поколѣніе способныхъ педагоговъ. Многіе изъ послѣднихъ занимали потомъ мѣста директоровъ въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ, Вильна, Ковно, Могилевъ, даже Новочеркасскъ, не говоря о болѣе незначительныхъ городахъ западнаго края (Брестъ, Слуцкъ, Пинскъ и др.).

Трое изъ шавельскихъ педагоговъ были окружными инспекторами, одинъ въ западной Сибири, а одинъ, А. Г. Дѣдовъ, былъ главноуправляющимъ учебною частью въ западной Сибири. Изъ бывшихъ преподавателей Шавельской гимназіи наиболѣе виднымъ является Арс. О. Турцевичъ, бывшій потомъ много лѣтъ преподавателемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Вильны. Онъ извѣстенъ какъ редакторъ сборниковъ актовъ Виленскаго Центральнаго Архива. Ему же принадлежитъ довольно ходкій учебникъ по русской исторіи и хрестоматія по исторіи Западной Россіи, единственный трудъ въ этомъ родѣ.

Конечно, такого рода факты являются показателями внутренней живучести учебнаго заведенія. Упомянутыя лица не могли не вносить въ жизнь провинціальной школы такихъ теченій, которыя оказались пригодными и при другихъ болѣе широкихъ условіяхъ школьной жизни. Эти директора и педагоги, можно сказать, сорганизовали гимназію, внесли въ нее духъ живой идейной работоспособности, особенно плодотворной тамъ, гдѣ приходилось прокладывать пути для

будущаго, взрывать непочатую новь. Насаждать знанія, проводить здравые педагогическіе принципы въ средѣ малокультурной, инородческой, на половину крестьянской,—въ гимназіи процентъ крестьянскихъ дѣтей былъ довольно значителенъ,—которой русскій литературный языкъ былъ совершенно незнакомъ, было дѣло нелегкое, требовавшее такта, терпѣнія, настойчивости и того, въ чемъ принято видѣть проявленіе нѣкотораго педагогическаго творчества. Гимназія удачно справлялась съ этой нелегкой задачей. Немалую роль играла и извѣстная интеллигентность учебнаго персонала. Живымъ доказательствомъ послѣдней является прекрасная фундаментальная библіотека, заключавшая въ концѣ семидесятыхъ годовъ много цѣнныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ знаній. Между прочимъ въ ней находились въ полномъ комплектѣ изданія 2-го отдѣленія Академіи Наукъ и лучшіе толстые журналы. Какъ наглядная иллюстрація этой стороны жизни учебнаго заведенія, можетъ быть указана дѣятельность одного изъ директоровъ гимназіи М. В. Фурсова, образованнаго, вполнѣ общественнаго человѣка, живо интересовавшагося теченіями умственной жизни тѣхъ годовъ. Желая воспитательно вліять на преподавательскій персоналъ, въ цѣляхъ ослабленія вліянія разныхъ нежелательныхъ теченій, клубныхъ и иныхъ, директоръ организовалъ субботнія собранія педагоговъ, на которыхъ каждый сообщалъ или читалъ что-нибудь интересное изъ области своей спеціальности. Это, конечно, не могло не сближать между собою членовъ учебной корпораціи, тѣмъ болѣе, что собранія происходили въ квартирахъ педагоговъ, при семейной обстановкѣ и обязательно при самомъ скромномъ угощеніи, напоминавшемъ вечерніе рауты небогатыхъ тружениковъ печати. Самъ хорошій ораторъ, остроумный собесѣдникъ, находчивый острякъ, Фурсовъ вносилъ много оживленія въ эти собранія и былъ, можно сказать, ихъ душою. Той же цѣли служили весенніе и зимніе пикники въ свободные дни, вносившіе свѣжую струю общественности, особенно для молодыхъ, безсемейныхъ педагоговъ, обреченныхъ жить въ уѣздной глуши внѣ культурныхъ развлеченій. Званіемъ педагога Фурсовъ дорожилъ и ставилъ его высоко, при непремѣнномъ условіи извѣстной интеллигентности, которая, по его взгляду, передавалась учащимся и составляла одинъ изъ краеугольныхъ камней воспитанія. Самъ Фурсовъ въ этомъ отношеніи напоминалъ педагоговъ, воспитанныхъ на традиціяхъ Грановскаго и Пирогова. Его уроки были интересны живыми переливами мысли и чувства, проникнуты интеллектуальностью, исключавшей всякій слѣдъ того, что такъ удачно названо

Чеховымъ человѣкомъ въ футлярѣ. Даже, замѣняя кого-нибудь изъ отсутствующихъ преподавателей, что, къ слову сказать, онъ дѣлалъ весьма охотно,—Фурсовъ старался подойти къ юной душѣ съ той стороны, которая ближе раскрывала ея индивидуальныя черты. Такіе случайные уроки превращались въ живыя бесѣды, послѣ которыхъ для молодежи, даже слишкомъ зеленой, но въ основѣ пытливой и любознательной, становилось яснымъ многое, надъ чѣмъ она въ тиши домашнихъ вечеровъ или въ бесѣдахъ съ болѣе развитыми товарищами ломала голову. Для самого Фурсова эти уроки-бесѣды, конечно, имѣли значеніе своего рода педагогическихъ опытовъ, а также пробы своихъ логическихъ и діалектическихъ пріемовъ, которымъ онъ придавалъ значеніе въ преподаваніи. Онъ видѣлъ въ нихъ одно изъ средствъ духовно подчинить ученика школѣ, привязать къ ней.

Въ стремленіи внести въ жизнь педагоговъ и учащихся свѣтлые блики, смягчить однообразный сѣрый фонъ скучнаго повседневнаго прозябанія, чуждаго освѣжающей духовной струи, несомнѣнно было много почтеннаго, идейнаго, особенно, если мы примемъ во вниманіе, что Фурсовъ этимъ самымъ подрѣзывалъ крылья личной карьерѣ. Такой человѣкъ, конечно, былъ бы на мѣстѣ не только въ какихъ-нибудь глухихъ Шавляхъ, но и въ любомъ губернскомъ городѣ, не исключая Вильны. Но для высокаго поста требовался соотвѣтственный формальный антуражъ, съ которымъ Фурсовъ не могъ, вѣрнѣе, не хотѣлъ считаться. Приросши къ новой, непочатой почвѣ, онъ хотѣлъ быть своего рода сѣятелемъ, и въ интимныхъ бесѣдахъ съ близкими людьми развивалъ детали довольно симпатичной программы, разсчитанной на возвышеніе престижа русскаго просвѣщенія въ инородческомъ краѣ. Въ жизнь школы онъ считалъ необходимымъ вносить искры свѣта, лучшія художественныя переживанія родной литературы и гуманитарной мысли.

Одна черта дорисовываетъ личность этого во всякомъ случаѣ незауряднаго человѣка—его участливость къ судьбѣ и интересамъ педагога. При неизбѣжныхъ подчасъ размолвкахъ и треніяхъ среди учащей молодежи Фурсовъ проявлялъ не только необходимый тактъ, но и большую сердечность. Онъ и его жена всячески старались съ тактомъ интеллигентныхъ людей устранять вліянія не только острыя, но даже просто натянутыя отношенія между отдѣльными членами учебной корпораціи. Въ гармоніи и единствѣ педагогической корпораціи Фурсовъ видѣлъ залогъ педагогическаго успѣха, и въ этомъ былъ глубоко правъ.

Воспитаніе молодежи въ духѣ просвѣщенія онъ понималъ какъ развитіе тѣхъ нравственныхъ устоевъ, которые даетъ юношеству благонамѣренная и интеллигентная семья. Въ этомъ смыслѣ онъ придавалъ большое значеніе религіозному воспитанію, которое въ этой мѣстности съ ея исключительно набожнымъ католическимъ населеніемъ играло первенствующую роль. Умный педагогъ умѣлъ извлечь изъ этого полезное для школы. Внимательное отношеніе Фурсова къ вопросамъ вѣры и совѣсти, умѣніе внести въ нихъ широкія примиряющія начала давало свои плоды. Не помнится случаевъ антагонизма между учащимися разныхъ исповѣданій. Духовная атмосфера гимназіи была проникнута такими хорошими тенденціями, которыя исключали все острое, полемическое. Въ отношеніи къ православнымъ ученикамъ Фурсовъ проявлялъ большую заботливость, понимая, что среди сѣрой малокультурной обстановки для нихъ является вдвойнѣ отраднымъ всякое напоминаніе о духовной связи съ культурной Россіей, съ ея крупными центрами, симпатичнымъ населеніемъ. Все выработанное великими откровеніями Пушкина, Лермонтова и Гоголя, какъ завѣтъ народности, проводилось въ школьное преподаваніе. Это чистое, высокое обрусеніе, не задѣвавшее никакихъ щекотливыхъ переживаній, не могло не подчинить своему обаянію не только дѣтей родного народа, но и инородцевъ глухой окраины. Подобная живая интерпретація художественныхъ образовъ проводилась Фурсовымъ почти какъ педагогическій постулатъ. Вспоминается одна картинка подобнаго рода, свободный урокъ русскаго языка, который замѣщалъ директоръ. Ему пришлось имѣть дѣло съ третьеклассниками и трактовать о стихотвореніи Пушкина «Пиръ Петра I». Нужно было видѣть восторгъ и изумленіе малышей, когда въ живой и увлекательной бесѣдѣ директора передъ ними встала эта грандіозная историческая личность. Вся эта работа была продѣлана такъ доступно дѣтскому пониманію, такъ искусно и тонко, что по прошествіи сорока слишкомъ лѣтъ отрадно остановиться на этихъ первыхъ умственныхъ посѣвахъ. Зерна, заброшенныя въ юную душу просто и чутко, давали незримые хорошіе ростки.

Фурсовъ не особенно долго пробылъ въ Шавельской гимназіи. Онъ умеръ въ отставкѣ въ Могилевѣ, гдѣ работалъ не безъ пользы въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ. Послѣдніе годы его жизни прошли уединенно и незамѣтно. Давали себя чувствовать старческій возрастъ и тяготы жизни, баловнемъ которой онъ никогда не былъ.

Минуя Максимова, ближайшаго предшественника Фурсова, оста-

вившаго по себѣ память добраго, мягкаго и благороднаго человѣка, и болѣе отдаленнаго его предшественника Чашникова, о которомъ благодарные ученики вспоминали въ печати съ теплымъ чувствомъ, какъ о безкорыстномъ человѣкѣ и благодѣтелѣ своихъ бывшихъ питомцевъ въ тяжелые годы необезпеченнаго студенчества, остановимся на ближайшемъ преемникѣ Фурсова М. М. Изюмовѣ. Это былъ типичный представитель старой школы. Воспитанникъ главнаго педагогическаго института, филологъ по призванію, онъ не покидалъ любимой науки и въ преклонные годы своего директорства въ ущербъ даже болѣе близкимъ въ школѣ отраслямъ знанія, каково напримѣръ изученіе писателей и исторія литературы. Знанія въ послѣдней у него были довольно старомодны. Важное дѣло реальнаго толкованія отечественныхъ писателей производилось по старому Плетневскому масштабу, внѣ живыхъ и содержательныхъ комментаріевъ, способныхъ возбудить въ учащейся молодежи интересъ къ чтенію авторовъ. Отъ уроковъ Изюмова не вѣяло живымъ духомъ, не было даже той проникновенности чувства, которая въ средней школѣ для юныхъ формирующихся умовъ съ пользою замѣняетъ багажъ формальныхъ теоретическихъ знаній.

Таковы же бывали и темы для сочиненій. Въ развитіи ихъ выступала опредѣленная, сухая схема, построенная по даннымъ формальной логики, ревностнымъ почитателемъ которой былъ Изюмовъ, но которая была непосильна неокрѣпшимъ умамъ гимназистовъ. Подобный схематизмъ стѣснялъ живую, конкретную мысль, ослаблялъ интересъ къ изучаемому и не могъ способствовать достиженію ближайшихъ учебныхъ цѣлей.

Впрочемъ, при всѣхъ этихъ недочетахъ въ преподаваніи Изюмова была одна хорошая черта, которая въ извѣстной степени искупала и гнетъ формализма и слишкомъ примитивные пріемы преподаванія. Мы имѣемъ въ виду его горячую любовь къ филологіи, въ которой онъ видѣлъ своего рода альфу и омегу образованности. Ему не были чужды Фикъ и Миклошичъ, Срезневскій и Буслаевъ. Онъ работалъ надъ словаремъ сравнительной филологіи, который и напечаталъ. Гораздо позже, уже послѣ смерти Изюмова, объ этомъ трудѣ съ похвалою отозвался одинъ изъ спеціалистовъ на страницахъ „Вѣстника Европы“. Эти научныя симпатіи не могли не внушать болѣе чуткимъ и развитымъ изъ учащейся молодежи извѣстнаго уваженія къ труженику директору и смягчали въ ея глазахъ диссонансы и угловатости его во всякомъ случаѣ симпатичной личности.

Такое же чувство вызывало уже въ гораздо большей части гимназистовъ уваженіе, питаемое Изюмовымъ къ личности и статьямъ Бѣлинскаго. Старикъ-директоръ видѣлъ въ этомъ отверженцѣ гр. Д. Толстого живую культурную силу и не обинуясь указывалъ на урокахъ въ старшихъ классахъ достоинства и значеніе выдающихся статей Бѣлинскаго. Въ тѣ времена, когда не только не было такого обилія литографій, какъ теперь, но даже хорошихъ учебныхъ пособій, Бѣлинскій являлся для молодежи живой воспитательной силой. Его идеи молодежь черпала непосредственно изъ самаго ихъ источника, который тогда не былъ заслоненъ спеціальными изслѣдованіями, малодоступными для молодежи въ своей основѣ, но тѣмъ не менѣе привлекательными хотя бы въ силу новизны и подражанія. Не одна свѣтлая идея проникала въ молодые умы. Бѣлинскій открывалъ дорогу Грановскому, С. Соловьеву, Шлоссеру, Гервинусу и другимъ гуманистамъ, не говоря уже объ излюбленномъ молодежью Боклѣ, котораго усердно читали, хотя и не всегда отчетливо понимали. За этотъ духовный толчокъ многіе впослѣдствіи были благодарны Изюмову.

Но была въ личности Изюмова еще одна сторона, которая дѣлала изъ него педагога въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Мы разумѣемъ его доброту, сердечную отзывчивость и любовь къ молодежи. Онъ былъ, можно сказать, лучшимъ ея другомъ, старался облегчить трудъ ученика, отстаивалъ его на экзаменахъ. Исходя изъ мысли, что для сложившагося юноши притягательную силу имѣютъ предметы его будущей спеціальности въ университетѣ, Изюмовъ добивался на выпускныхъ экзаменахъ снисхожденія для тѣхъ учениковъ, которые оказывались сильными въ языкахъ и гуманитарныхъ предметахъ или, наоборотъ, въ математикѣ недостаточно устойчивыми, разумно разсуждая, что каждый изберетъ излюбленный факультетъ. Такимъ путемъ немало юношей оказывались пригодными для университета, и устранялся тотъ трагизмъ, который влечетъ за собою формальная фильтрація учащагося юношества. И за это цѣнила своего директора молодежь.

Вообще въ Изюмовѣ было много того, что съ хорошей стороны отличало людей стараго вѣка. Невольно вспоминаются лучшія страницы „Семейной хроники“ Аксакова, всѣ эти Багровы съ ихъ внѣшнею суровостью и скрытою въ глубинѣ души добротою, искреннею религіозностью, простымъ, трезвымъ взглядомъ на вещи. Этими свойствами, вплоть до строгой религіозности древняго уставщика, отличался Изюмовъ. Онъ обладалъ тѣмъ даромъ или талантомъ молитвы,

по выраженію одного изъ мѣстныхъ педагоговъ, который раскрываетъ въ человѣкѣ много свѣтлаго и хорошаго. Онъ набожно выстаивалъ длинныя великопостныя службы, съ интересомъ опытнаго уставщика слѣдилъ за всякимъ читаемымъ или пѣтымъ словомъ. Эта черта вызывала къ нему уваженіе даже учениковъ иновѣрцевъ.

Какъ многіе старые люди, Изюмовъ бывалъ крутъ и грозенъ, конечно, больше на словахъ въ случаяхъ,—впрочемъ, тогда довольно рѣдкихъ—невоспитанности, рѣзкости, строптивости учениковъ. Хотя учащаяся молодежь тѣхъ годовъ очень мало грѣшила въ этомъ отношеніи, но Изюмовъ бдительно стоялъ на стражѣ своего заведенія и, въ частности, личности учителя, которую онъ ставилъ высоко. Онъ приглашалъ провинившагося къ себѣ въ кабинетъ, и тутъ доставалось послѣднему. Изюмовъ держался системы кавказскаго ветерана Бакланова не карать, а пугать; эта система сразу отрезвляла дерзкаго или зазнавшагося юнца. Директоръ не скупился на угрозы, вплоть до предложенія взять документы и уходить изъ гимназіи.

Впрочемъ, подобные случаи бывали весьма рѣдки. Изюмовъ усердно посѣщалъ классы, слѣдилъ за преподаваніемъ въ отношеніи равномѣрности послѣдняго и облегченія учениковъ. Онъ не замыкался въ неприступномъ формализмѣ или же квіэтизмѣ провинціальной синекуры, каковой является директорство, по взгляду иныхъ. Онъ хорошо зналъ умственное развитіе и склонности абитуріентовъ своей гимназіи.

Конечно, указанныя черты Изюмова не могли не возвышать его личности. Недаромъ одинъ изъ литовскихъ зарубежныхъ органовъ печати отозвался о немъ, какъ о хорошемъ русскомъ человѣкѣ.

Такимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Умѣнье проникнуть въ душу молодежи, поддержать въ ней уваженіе къ знанію и нравственной личности человѣка дѣлали годы его директорства тѣмъ періодомъ, который оставилъ свѣтлый слѣдъ въ жизни гимназіи и отразился благопріятно въ смыслѣ выработки традицій, не скоро исчезающихъ изъ жизненнаго обихода.

Эти двѣ личности являются наиболѣе типичными въ жизни гимназіи. Дѣятельность остальныхъ директоровъ, хотя между ними были люди, съ честью поддерживавшіе воспитательныя традиціи, не имѣетъ такого значенія для выработки того, что называется духомъ учебнаго заведенія, тѣмъ болѣе, что въ 80-хъ годахъ начинаются иныя вѣянія въ школѣ.

Необходимо коснуться и учительскаго персонала, поскольку послѣдній отражалъ тѣ или другія стороны жизни гимназіи. Передъ

нами проходитъ длинный рядъ педагоговъ самыхъ разнообразныхъ типовъ. Тутъ и суровый, неукротимый грекъ С—уй, способный восторгаться героизмомъ какого-нибудь Клеарха и готовый, какъ гоголевскій учитель исторіи, ломать стулья для науки, и сердечный болѣзненный латинистъ Сухоруковъ, рано умершій и любимый учениками, и другой латинистъ Ч., метеоромъ промелькнувшій въ жизни гимназіи, у котораго уроки превращались въ бесѣды съ отдѣльными учениками. Свыше двадцати лѣтъ преподавателемъ латинскаго языка былъ В. Б. Франкенъ, вносившій въ свое преподаваніе слишкомъ много формальнаго элемента. Преобладаніе формальныхъ грамматическихъ изученій—Франкенъ не разставался съ бѣднымъ по содержанію учебникомъ Кюнера—не могло развить въ ученикахъ любви къ языку, равно какъ не давало имъ обстоятельныхъ свѣдѣній изъ области римской литературы и культуры. Какъ истый нѣмецъ по воспитанію — по происхожденію онъ былъ латышъ — Франкенъ нѣсколько свысока относился ко всему славянскому, а отчасти и къ русскому, чего не могли не замѣчать ученики. Впрочемъ, его любили за справедливость, мягкость и доброту, которой иные и злоупотребляли. Къ своему дѣлу учитель относился добросовѣстно и даже съ любовью, терпѣливо толкуя ученикамъ условія послѣдовательности временъ, употребленія подчинительныхъ союзовъ и проч.

Это теченіе смѣнилось другимъ, когда преподаваніе древнихъ языковъ попало въ руки болѣе даровитыхъ и подготовленныхъ учителей. Изъ нихъ одинъ, Якушевичъ, бывшій потомъ директоромъ въ Брестѣ, Шавляхъ и Слуцкѣ, обладалъ солидными познаніями въ античныхъ языкахъ, такъ что могъ свободно переводить съ греческаго на латинскій и наоборотъ, чѣмъ повергалъ въ немалое изумленіе упомянутаго дерптскаго латиниста. Другой преподаватель древнихъ языковъ К—хъ, не менѣе даровитый, но болѣе лѣнивый, поражалъ учениковъ не только пониманіемъ духа языка, но и способностью придавать переводамъ съ греческаго на русскій тонкость и изящество. Съ однообразнымъ и бѣднымъ, хотя и правильнымъ русскимъ языкомъ дерптскаго филолога нельзя было сравнивать живую, образную рѣчь этого учителя.

Молодежь не питала отвращенія къ формальному классицизму и мирилась съ нимъ, какъ съ неизбѣжнымъ явленіемъ. Хотя иные изъ любознательныхъ юношей и сѣтовали, что эта формальная сторона изученія, далеко не всегда облегчаемая со стороны преподаванія, отнимала слишкомъ много времени, столь дорогого въ цѣляхъ само-

образованія, которымъ они усердно занимались, но въ концѣ концовъ и эти недовольные примирялись. Разнообразное чтеніе, по преимуществу историческое, влекло многихъ къ античному міру. Необходимыя книги нетрудно было доставать изъ фундаментальной библіотеки гимназіи, благодаря предупредительности историка-библіотекаря и преподавателей, въ родѣ Н. П. Сперанскаго, о которомъ скажемъ ниже. Привычка молодежи собираться у товарищей, сообща читать и совмѣстно обсуждать прочитанное, являлась живымъ стимуломъ для усвоенія многаго изъ области античной культуры. Не одна свѣтлая страница Моммзена, Каррьера не оставалась закрытой для учащихся, благодаря указаніямъ болѣе любознательныхъ товарищей, охотно дѣлившихся прочитаннымъ съ тѣми, кто проявлялъ малую личную иниціативу въ этомъ отношеніи.

За древними языками слѣдовала математика. Эта наука давалась тогда много труднѣе, чѣмъ теперь. Не было ни строго методическихъ руководствъ, ни систематически разработанныхъ задачниковъ. Малининъ и Давидовъ—вотъ, можно сказать, единственные источники, изъ которыхъ почерпалась математическая премудрость. Въ настоящее время гимназисты младшихъ классовъ получаютъ болѣе или менѣе правильную методическую подготовку для послѣдующаго изученія сложныхъ отдѣловъ математики. Въ описываемое нами время этого не было. О задачахъ разныхъ типовъ, облегчающихъ усвоеніе математики, не было и помину. Учащимся приходилось упорнымъ трудомъ брать то, что, казалось, должна была давать имъ школа, сберегая ихъ неокрѣпшія силы. Среди учащихся была развита самопомощь. Къ ней, помимо ближайшихъ практическихъ цѣлей, побуждала и особая строгость учителя математики Горбацевича, типичнаго представителя школьной ферулы. Въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ она тяготѣла надъ гимназіей. Учитель былъ крайне требователенъ, рѣзокъ въ обращеніи, мало входилъ въ положеніе учениковъ, мало считался съ ихъ временемъ и силами. Его авторитетъ, какъ стараго и опытнаго учителя, былъ настолько проченъ, что не только въ гимназіи, но даже въ управленіи учебнаго округа никому не приходило въ голову считаться съ этими во всякомъ случаѣ не педагогическими явленіями и пріемами, математика подавила всѣ другіе предметы. Впрочемъ, нужно сказать, что и выучка, даваемая этимъ учителемъ, была весьма устойчивой, и его гимназисты оказывались дѣльными студентами въ университетахъ и спеціальныхъ заведеніяхъ.

Изъ преподавателей свѣжихъ вѣяній съ чувствомъ благодарности вспоминается Н. П. Сперанскій, человѣкъ европейски образованный, читавшій свободно по-нѣмецки и по-французски, побывавшій за границей. Сынъ посольскаго священника, Сперанскій получилъ хорошее образованіе, которое онъ завершилъ въ Петербургскомъ университетѣ. Ему улыбалась ученая карьера, но обстоятельства толкнули его на тернистый путь педагогіи. Обладая недюжиннымъ умомъ, способностью къ тонкому анализу, даромъ слова, онъ выдѣлялся какъ преподаватель. Въ преподаваніи Сперанскаго было много симпатичныхъ чертъ: онъ горячо любилъ свой предметъ, широко понималъ его. Въ разъясненіи уроковъ исторіи литературы Сперанскій не шелъ особенно далеко, но внутренняя сторона литературнаго явленія всегда выяснялась имъ доступно, по временамъ изящно. Закрѣплять въ сознаніи учащихся наиболѣе важные образцы въ ихъ деталяхъ путемъ выбора и анализа лучшихъ мѣстъ Сперанскій не стремился, ограничиваясь старыми схемами. При этомъ нужно замѣтить, что оптимистъ - учитель переоцѣнивалъ и умственное развитіе и любознательность учениковъ. Онъ передъ началомъ учебныхъ занятій давалъ длинные списки пособій и даже ученыхъ трудовъ по русской литературѣ, пригодныхъ скорѣе для студентовъ, чѣмъ для малоразвитыхъ гимназистовъ. Болѣе развитые ученики, конечно, были ему за это благодарны, но большинство относилось къ дѣлу довольно индифферентно. Въ интерпретаціяхъ изъ области античной литературы у Сперанскаго было много живого и интереснаго. Вообще онъ училъ говорить и думать. Это особенно нужно сказать объ урокахъ по теоріи словесности. Обычно этотъ малоблагодарный предметъ представляетъ причудливую амальгаму разнаго рода свѣдѣній, недостаточно связанныхъ одной общей идеей. Сперанскій умѣлъ оживить и нѣсколько углубить его, внося нѣкоторыя положенія изъ области эстетики, иллюстрируя ихъ образцами изъ русской и всеобщей литературы, особенно нѣмецкой, которую онъ зналъ хорошо. Отрывки изъ Гете и Шиллера, разъясненные толково и съ любовью, не могли не оказать облагораживающаго вліянія на молодые умы высокими образами и живымъ гуманнымъ чувствомъ. Нужно отмѣтить большую начитанность Сперанскаго и въ античной литературѣ, которой онъ любилъ касаться попутно на урокахъ и при разборѣ ученическихъ сочиненій, темы для которыхъ нерѣдко избирались имъ и изъ этой области. Не одна свѣтлая мысль о значеніи античнаго міра была проведена Сперанскимъ на его интересныхъ урокахъ, не одно явленіе

въ жизни древнихъ было иллюстрировано имъ помощью историческихъ и литературныхъ фактовъ.

Вліяніе этого учителя было благотворно. Оно расширяло духовный кругозоръ, вносило жизнь въ преподаваніе, пріучало къ болѣе серьезной умственной работѣ. Оно отражалось на болѣе даровитыхъ и любознательныхъ юношахъ. Въ студенческіе годы не одинъ изъ прежнихъ гимназистовъ вспоминалъ съ благодарностью время пребыванія въ провинціальной гимназіи съ ея простыми и благожелательными тенденціями. Вліяніе школы ощущалось еще въ одномъ отношеніи: она пріучала своихъ питомцевъ къ широкой терпимости. Въ сферѣ, гдѣ сталкивались и національности и религіи, широкое и свободное преподаваніе убивало въ корнѣ проявленія нетерпимости и исключительности, не ослабляя въ то же время религіознаго чувства и любви къ своему языку и народности. Этимъ можно объяснить, что гимназія пріобрѣла себѣ симпатіи и мѣстнаго общества и окрестнаго населенія. Въ ней все было направлено къ тому, чтобы воспитать въ юношѣ лучшія стороны ума и сердца. Въ гимназію охотно поступали дѣти мѣстныхъ крестьянъ-литовцевъ. Изъ Шавельской гимназіи вышло нѣсколько изслѣдователей литовскаго фольклора.

Выше было указано на стремленіе гимназистовъ къ самообразованію. Отдѣльныхъ болѣе или менѣе организованныхъ кружковъ не было, но составлялись группы товарищей, обмѣнивавшихся книгами, запросами, обсуждавшихъ на досугѣ многое изъ прочитаннаго. Этимъ путемъ распространялись такіе авторы, какъ Маколей, Дреперъ, Каррьеръ, Шлоссеръ, Костомаровъ и др. Вліяніе преподаванія отражалось благотворно и здѣсь. Увлеченіе Боклемъ или такими вещами, какъ „Исторія общечеловѣческой культуры“ Кольба, книги І. Шерра, „Исторія крестьянской войны въ Германіи“ Циммермана, уступило мѣсто болѣе выдержаннымъ и объективнымъ взглядамъ и сочиненіямъ. Особенную пользу принесъ въ этомъ отношеніи Каррьеръ. Его капитальная книга „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры“ проливала свѣтъ на наиболѣе важные моменты историческаго прошлаго, художественно и объективно освѣщая послѣднее.

Въ меньшей степени было распространено чтеніе авторовъ. Любимѣйшимъ изъ нихъ былъ Тургеневъ, привлекавшій своимъ идеализмомъ, тонкой, благоуханной психологіей, нѣжностью колорита, задушевностью тона. Преподаваніе того времени не входило въ детальный разборъ лучшихъ произведеній родной литературы, ограничиваясь общими схемами и характеристиками. Запасъ прочитаннаго въ сред-

нихъ классахъ былъ очень невеликъ. Античный грамматизмъ налагалъ свой отпечатокъ и на преподаваніе отечественнаго языка въ ущербъ болѣе живымъ, близкимъ учащимся элементамъ. Достаточно указать, что преподаваніе грамматики велось по учебнику К. Говорова, одному изъ первыхъ по времени грамматическихъ руководствъ. Живые элементы языка въ этой сухой книжкѣ были представлены слабо, и возбудить интереса къ изученію языка она не могла. Не было и доступныхъ для дѣтскаго пониманія хрестоматій. Приходилось довольствоваться тяжелымъ и громоздкимъ Перевлѣсскимъ, пользованіе которымъ въ гимназіи, состоящей изъ инородцевъ, едва ли могло принести много пользы.

Другой гуманитарный предметъ — исторія нашла прекраснаго преподавателя въ лицѣ А. Ал. Попова, впослѣдствіи окружного инспектора въ Вильнѣ, а затѣмъ директора Кіевской второй гимназіи. Не одинъ филологъ, питомецъ гимназіи, съ благодарностью вспомнитъ объ этомъ рѣдкомъ учителѣ, достигавшемъ завидныхъ результатовъ. Преподавая исторію въ третьемъ классѣ, Поповъ велъ дѣло такъ успѣшно, что ученики выносили отчетливое знаніе курса и любовь къ предмету. Достигалъ онъ этого какъ живымъ интересомъ, который онъ возбуждалъ своими объясненіями, и одновременно точною и цѣлесообразною требовательносью. У него урокъ проходилъ живо, классъ работалъ интенсивно. Онъ вызывалъ къ каѳедрѣ трехъ человѣкъ, назначалъ каждому вопросы. Ученики отвѣчали по очереди. Въ то же время двое другихъ писали на доскѣ хронологію, при чемъ преподаватель провѣрялъ ихъ знанія по курсу. Не довольствуясь этимъ, онъ вызывалъ для отвѣтовъ по хронологіи еще одного или двухъ учениковъ. Такимъ образомъ у него, за рѣдкими исключеніями, не было неуспѣвающихъ.

Въ объясненіе уроковъ, строго методичное и изящное по формѣ, онъ влагалъ не только зрѣлость мысли, но и большую любовь къ предмету. Передъ учениками проходили стройныя картины прошлаго, въ хорошемъ изложеніи преподавателя и поучительныя и доступныя юному пониманію. Въ старшихъ классахъ Поповъ дѣлалъ цѣнныя дополненія къ учебнику, касавшіяся преимущественно культурной исторіи, которой онъ придавалъ особенное значеніе. Достоинства преподавательскаго метода Попова обнаруживались и въ курсѣ географіи. Соединить въ одно цѣлое довольно пестрыя свѣдѣнія, составляющія курсъ этого предмета, установить связь между его частями вещь нелегкая, но Поповъ и здѣсь достигалъ хорошихъ результа-

товъ. Точность и занимательность разсказа, закрѣпленіе и расширеніе пройденнаго путемъ повторенія и частыхъ спросовъ давали ту концентрацію, которая такъ необходима на первыхъ ступеняхъ обученія. Видное мѣсто отводилъ Поповъ и черченію картъ. Эта сторона преподаванія была у него поставлена вполнѣ раціонально, даже при отсутствіи вошедшихъ потомъ въ школьный обиходъ готовыхъ географическихъ контуровъ.

Приведенные выше факты даютъ общую характеристику условій, опредѣлившихъ духовную физіономію гимназіи.

Шавельская гимназія въ описываемое нами время насчитывала болѣе четверти вѣка своего существованія. Въ такой промежутокъ времени учебное заведеніе можетъ быть достаточно устойчивымъ въ отношеніи своей внутренней жизни. Другое дѣло — первоначальная организація школы. Первые шаги всегда трудны, особенно въ дѣлѣ организаціи учебныхъ заведеній, которымъ такъ или иначе приходится считаться съ окружающей средой.

Другое учебное заведеніе, возникшее позже, въ мѣстности болѣе глухой, чѣмъ Шавли, въ уѣздномъ городкѣ, на половину выгорѣвшемъ за годъ до основанія реальнаго училища, развивалось довольно медленно; оно постепенно приспособлялось къ мѣстнымъ условіямъ, довольно неблагопріятнымъ. Начать съ того, что городокъ лежалъ въ сторонѣ отъ путей къ Вильнѣ, Либавѣ, Ригѣ, что жизнь въ немъ была чисто патріархальной, лишенной умственныхъ интересовъ — въ городѣ не было даже порядочной книжной лавки, ни общественнаго собранія, гдѣ можно было бы читать журналы. При такомъ низкомъ уровнѣ духовной жизни нелегко было молодому педагогу сохранить вынесенныя изъ университета стремленія, не дать имъ заглохнуть въ глуши, при полномъ отсутствіи и образовательныхъ средствъ и интеллигентнаго общества. Такъ какъ учебное дѣло только налаживалось, вращалось въ элементарныхъ формахъ обученія низшихъ классовъ, то, естественно, приходилось создавать нормы для жизни новаго учебнаго заведенія. Въ этомъ отношеніи оказалась чрезвычайно полезной помощь окружного инспектора С. Н. Грузова. Открытое по его инпціативѣ реальное училище нуждалось въ хорошемъ руководствѣ особенно потому, что было расположено въ мѣстности довольно глухой. Достоинства Грузова, какъ человѣка, его тактъ, терпимость и безпристрастіе, послѣ первой же ревизіи училища привлекли на сторону послѣдняго многихъ скептиковъ, не вѣрившихъ въ прочность новаго учебнаго заведенія. Первые шаги его организаціи представляли нѣ-

которыя черты, заслуживавшія вниманія. И личность перваго директора Н. А. Зюзюкина и подборъ учителей, среди которыхъ преобладала свѣжая молодежь, способствовали тому, что новое реальное училище было свободно отъ обычной школьной рутины, отъ погони за чисто внѣшними успѣхами. Зюзюкинъ, несмотря на свои немолодые годы, живой и пылкій человѣкъ, можетъ быть, не удовлетворялъ многимъ требованіямъ педагогики, но какъ человѣкъ стоялъ высоко. Училище было для него роднымъ дѣтищемъ. Отношеніе къ учащимся было отеческое, къ преподавателямъ товарищеское. Будучи долго преподавателемъ въ Виленскомъ учительскомъ институтѣ, онъ успѣлъ сродниться съ учащимися и изучить ихъ нерѣдко своеобразную психологію. Природная доброта облегчала ему веденіе педагогическаго дѣла, давала возможность избѣгать многихъ изъ тѣхъ формальныхъ осложненій, которыя вообще тяжело отражаются въ жизни учебнаго заведенія. Онъ стремился пробуждать любознательность учащихся, будить пытливость ума. Хотя иныя начинанія этого стараго идеалиста и не оправдывались на практикѣ, но бывшіе ученики въ болѣе поздніе годы были ему благодарны за эти попытки насадить разумное, доброе, вѣчное въ тѣ годы, когда душа воспріимчивѣе и мягче. Религіозный, чуждый ханжества и узкой нетерпимости, онъ и съ этой стороны вызывалъ уваженіе къ себѣ въ учащихся. Всѣ цѣнили въ немъ гуманнаго педагога и отзывчиваго человѣка. Въ дѣлѣ организаціи школы, установленія ея традиціи, Зюзюкинъ сыгралъ хорошую роль. Онъ велъ дѣло педагогически честно, просто, стремился пробудить въ школѣ живыя силы. Къ молодымъ учителямъ онъ относился доброжелательно, оцѣнивая и ихъ способности, и работоспособность, и хорошія университетскія традиціи. Такой человѣкъ тѣмъ болѣе былъ нуженъ этой школѣ, что учащіеся въ значительномъ числѣ были дѣти изъ среднихъ и низшихъ классовъ—четвертую часть училища составляли крестьянскія дѣти,—для которыхъ воспитательныя тенденціи имѣли особенное значеніе. Онѣ не только тѣснѣе сближали ихъ со школою, но и благопріятно вліяли на свѣжую натуру этихъ юношей. Въ этомъ отношеніи Зюзюкинъ былъ особенно чутокъ. Когда устраивались ученическіе спектакли, онъ самъ руководилъ ихъ постановкою, ревниво устраняя всякое стороннее вмѣшательство даже знающихъ людей. Очевидно, ему была дорога эта непосредственная связь между нимъ и учащимися въ такомъ дѣлѣ, которое имѣло мало общаго со школьной учебой и потому вызывало въ учащихся болѣе цѣнныя психическія эмоціи.

Зюзюкинъ недолго (слишкомъ три года) завѣдывалъ учебнымъ заведеніемъ. При немъ послѣднее не завершило еще своей организаціи. Онъ умеръ, можно сказать, наканунѣ его полноправія. Старику не пришлось сдѣлать перваго выпуска, не пришлось порадоваться окончанію школы его питомцами, воспитанію которыхъ онъ отдавалъ немало труда и своихъ старческихъ силъ.

Безъ сомнѣнія, въ дѣятельности Зюзюкина были и тѣневыя стороны. Онъ былъ скорѣе человѣкомъ чувства, чѣмъ широкаго, свѣтлаго ума; недоставало ему и педагогической иниціативы. Съ этой стороны весьма полезна была помощь С. Н. Грузова, вдумчивыя и обстоятельныя указанія котораго вносили нѣчто свѣжее и идеальное въ жизнь молодого учебнаго заведенія.

Изъ среды преподавателей выдѣлялся законоучитель, протоіерей С. Л. Зосимовичъ. Мы имѣли случай коснуться этой личности въ отдѣльной статьѣ („Русская Старина“ 1911 г., іюль). Это въ полномъ смыслѣ слова былъ одинъ изъ людей Іосифа Сѣмашки. Прекрасный проповѣдникъ, незаурядный стилистъ, онъ умѣлъ живымъ и образнымъ преподаваніемъ возбудить глубокій интересъ въ учащихся. Особенно хороши были у него уроки церковной исторіи. Учебныя программы, составляемыя Зосимовичемъ, высоко цѣнились учебнымъ округомъ, и онъ считался однимъ изъ лучшихъ законоучителей. На своихъ сослуживцевъ Зосимовичъ оказывалъ благотворное вліяніе. Къ нему часто обращались за совѣтами служебнаго и житейскаго свойства, и онъ охотно дѣлился своимъ опытомъ. Послѣдній у него былъ великъ. Ему приходилось пережить и передумать многое въ теченіе тридцатилѣтней службы. Въ силу общительности и идейнаго склада натуры Зосимовичъ умѣлъ извлекать изъ печатной страницы, живой бесѣды, бытовыхъ и житейскихъ наблюденій много поучительнаго. Этотъ старикъ былъ юнъ душою и зрѣлъ умомъ. Постоянная работа ума обновляла и освѣжала его взгляды, расширяла духовный кругозоръ. Въ жизни реальнаго училища его вліяніе, какъ личности, было значительно, но по положенію преподаваемаго имъ предмета не могло быть столь значительнымъ, какъ въ мѣстной учительской семинаріи, въ которой онъ тоже занималъ должность законоучителя. Тамъ онъ былъ душою учебнаго дѣла, служа ему не только образцовымъ преподаваніемъ, но также перомъ. Много сложныхъ протоколовъ, серьезныхъ бумагъ, проектовъ редактировано или же цѣликомъ написано имъ. Ему приходилось бороться съ упорной болѣзнью— невралгіей лица, но и она не могла ослабить живого стремленія къ

дѣятельности. Лежа больнымъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль, онъ не могъ оставаться празднымъ и исписывалъ цѣлые листы разнаго рода соображеніями и замѣтками, касавшимися или педагогическихъ вопросовъ или же болѣе важныхъ общественныхъ событій. По его словамъ, такія записи облегчали его, смягчая тяжесть наплывавшихъ думъ и переживаній, которыя не могли не волновать этого отзывчиваго и впечатлительнаго человѣка. Въ нихъ сказывалась работа пытливой мысли.

Большое значеніе имѣла и терпимость Зосимовича къ чужимъ взглядамъ и широкое пониманіе имъ сущности религіи. Онъ менѣе всего былъ профессіоналомъ въ этой области. И тутъ сказалось вліяніе традицій Сѣмашки. И умъ и чувство одинаково руководили имъ въ дѣлахъ вѣры. Свѣтлое и широкое пониманіе христіанства вызывало къ нему уваженіе мѣстной нерусской интеллигенціи и даже католическихъ духовныхъ лицъ. По своимъ общественнымъ взглядамъ онъ приближался къ типу священника-гражданина, что выгодно отличало его въ произносимыхъ имъ проповѣдяхъ. Интересны были бесѣды Зосимовича о недавнихъ судьбахъ сѣверо-западнаго края, очевидцемъ которыхъ ему пришлось быть. Въ изображеніи и оцѣнкѣ ихъ былъ виденъ человѣкъ недюжиннаго ума, умѣвшій безпристрастно и тонко разбираться въ событіяхъ. Чувство альтруизма и справедливости помогало ему устранять все, что противорѣчило религіознымъ и этическимъ началамъ, хотя и прикрывалось высокими лозунгами и словами; оно ставило его взгляды выше всего узко національнаго и злободневнаго. Въ нихъ было много того, въ чемъ нельзя было не видѣть вліянія сердечности, любви къ людямъ.

Преемникъ Зосимовича былъ протоіерей Вл. Ѳ. Мочульскій, бывшій впослѣдствіи законоучителемъ Виленскаго реальнаго училища. Въ Вильнѣ Мочульскій выдвинулся, какъ прекрасный проповѣдникъ и отзывчивый, идейный священникъ. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ настоятелемъ одного изъ виленскихъ приходовъ. Онъ былъ душою прихода, авторитетнымъ организаторомъ и близкимъ человѣкомъ для тѣхъ, кто нуждался въ матеріальной или духовной помощи. Смерть Мочульскаго (въ мартѣ 1912 г.) была отмѣчена трогательнымъ выраженіемъ общественнаго сочувствія и мѣстной печатью. Вліяніе его какъ законоучителя было несомнѣнно благотворно. Въ противоположность Зосимовичу, онъ былъ не столько человѣкомъ жизни, сколько чувства, симпатичнымъ идеалистомъ. Не отличаясь особой широтой ума, онъ тѣмъ не менѣе былъ вполнѣ интеллигентнымъ священни-

комъ, много читалъ, любилъ изящную литературу, особенно тѣ ея отрасли, въ которыхъ онъ находилъ отзвуки своимъ переживаніямъ и взглядамъ. Серьезное пониманіе обязанностей человѣка онъ полагалъ въ основу обученія, не выдвигая ни національныхъ, ни догматическихъ элементовъ, хотя былъ и набожнымъ и горячо любящимъ родину человѣкомъ. Наружностью Мочульскій очень походилъ на Іоанна Кронштадтскаго, и въ его натурѣ было много сроднаго всероссійскому пастырю. Культъ нравственнаго человѣка, просвѣтленнаго исканіемъ вѣры, стремленіе къ созерцательности, почитаніе молитвы, какъ обновляющаго душу источника, — все налагало на личность и воззрѣнія Мочульскаго симпатичный отпечатокъ. Въ преподаваніи онъ не ограничивался рамками учебной программы, но стремился возбудить интересъ къ изучаемому, давая для чтенія книги или же читая наиболѣе интересныя и поучительныя мѣста на урокахъ. Цѣнной стороной въ преподаваніи Мочульскаго было вліяніе его свѣтлой личности, исключавшее всякую школьную рутину. Законоучитель умѣло пользовался настроенностью учащихся, внося въ преподаваніе элементы, близкіе къ наиболѣе чистымъ переживаніямъ человѣка. Въ этомъ была тайна его вліянія. Терпимость его была не раціональная, а скорѣе этическаго свойства, что влекло къ нему многихъ. Въ отношеніи сослуживцевъ онъ былъ простымъ отзывчивымъ человѣкомъ, готовымъ подѣлиться хорошею мыслью, помочь и поддержать нравственно.

Служба Мочульскаго совпадала со вторымъ періодомъ въ жизни реальнаго училища, съ директорствомъ А. С. Лебедева. Эта личность не можетъ быть обойдена въ исторіи молодого учебнаго заведенія. Она заслуживаетъ вниманія по своимъ педагогическимъ и другимъ взглядамъ.

Лебедевъ въ теченіе двадцати лѣтъ завѣдывалъ реальнымъ училищемъ. На его долю выпала болѣе сложная и отвѣтственная работа—поставить учебное заведеніе на такой уровень, чтобы оно могло оправдать свое назначеніе. И ему удалось достигнуть этого въ первое же пятилѣтіе своей службы. Сократилось, правда, число параллельныхъ классовъ, но зато возвысился типъ ученика; отпали элементы, роднившіе среднеучебное заведеніе съ городскимъ училищемъ. Не понижался общій уровень успѣшности, а ученики старшихъ классовъ пріобрѣли тѣ свойства, которыя цѣнили въ среднеучебномъ заведеніи. Лебедевъ внимательно слѣдилъ за успѣхами учениковъ. Онъ придавалъ значеніе не внѣшней, формальной успѣшности, а умственному развитію учениковъ. На засѣданіяхъ педагогическаго совѣта,

которыя велись имъ съ большимъ умѣніемъ и тактомъ, успѣхи учениковъ характеризовались, помимо балловой оцѣнки, съ ихъ внутренней стороны, при чемъ директоръ часто вносилъ тонкія и удачныя замѣчанія. Онъ зналъ большинство учащихся, что было нетрудно при общемъ числѣ учениковъ, превышавшемъ 200 человѣкъ. Какъ и всегда, общій режимъ училища зависѣлъ отъ директора. Самъ чрезвычайно сдержанный, методичный, врагъ всякой рѣзкости, онъ никогда не только не возвышалъ, но и не повышалъ голоса. Лебедевъ обращалъ большое вниманіе на развитіе въ молодыхъ людяхъ выдержки, внутренней воспитанности, серьезности. Рѣзкія и вредныя для учебнаго дѣла проявленія индивидуальности онъ преслѣдовалъ, и развязнымъ молодымъ людямъ, готовымъ внести въ жизнь школы чуждую ученію струю, отъ чего много страдаетъ ученіе въ большихъ городахъ, не было мѣста въ Поневѣжскомъ реальномъ училищѣ. Пріѣзжіе юноши авантюристы не находили себѣ почвы среди спокойныхъ работящихъ учениковъ, составлявшихъ значительное большинство, при отвѣтственной оцѣнкѣ своихъ познаній оказывались несостоятельными, такъ что имъ приходилось искать другихъ горизонтовъ. По словамъ директора, такой пришлый элементъ вносилъ въ мирную и патріархальную жизнь школы, большинство питомцевъ которой не было избаловано жизненными условіями, нежелательныя начала.

Какъ преподаватель, Лебедевъ былъ далеко не выдающимся, скорѣе заурядныймъ, но онъ былъ хорошимъ организаторомъ и образованнымъ человѣкомъ. Не получивъ широкаго образованія — по спеціальности онъ былъ лѣсоводъ — Лебедевъ интересовался явленіями отечественной литературы, общественной жизни и съ охотой читалъ историческія сочиненія. Просвѣщенный взглядъ ставилъ его выше служебныхъ соображеній, не идущихъ дальше циркуляровъ и предписаній. Они были ему не по душѣ, стѣсняя болѣе широкую идейную иниціативу. При рѣшеніи чисто педагогическихъ вопросовъ, онъ по возможности не считался съ ними. Зато, гдѣ нужно было провести живую, ясную мысль, Лебедевъ былъ на высотѣ положенія. Въ случаяхъ неизбѣжныхъ недоразумѣній съ управленіемъ округа, особенно при окружномъ инспекторѣ В. В. Морозовѣ, Лебедевъ проявлялъ большое чувство собственнаго достоинства, отстаивая свои взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ односторонними распоряженіями. Это было для него тѣмъ легче, что подобныя распоряженія задѣвали такихъ опытныхъ преподавателей, какъ Зосимовичъ. Одно изъ объясненій законоучителя, состоявшаго болѣе 25 лѣтъ на педагогической службѣ, въ

корнѣ подрѣзало неосновательныя нападки Морозова. Дѣло шло о взглядѣ на церковную унію, изъ которой окружной инспекторъ по какому-то необъяснимому капризу хотѣлъ исключить высшее духовенство, несмотря на наличность такихъ видныхъ дѣятелей, какъ Терлецкій, Поцѣй и Рутскій. Небольшое, но краснорѣчивое объясненіе Зосимовича, помимо правильнаго освѣщенія фактовъ, выдѣлялось и широкою точкою зрѣнія въ отношеніи характеристики религіозныхъ воззрѣній народа. Вообще Лебедевъ всецѣло проникался интересами учебнаго дѣла. Ему чуждо было все, что такъ или иначе напоминало карьеризмъ. Гдѣ бы другой пошелъ на компромиссъ, умылъ руки, онъ поступалъ какъ требовалъ отъ него долгъ человѣка, какъ подсказывала совѣсть. Лебедевъ справедливо гордился этимъ. Когда тотъ же Морозовъ по совершенно случайному и неосновательному поводу сдѣлалъ упрекъ учебной корпораціи въ недостаточно дѣятельномъ проведеніи русскихъ началъ, Лебедевъ, исключительно благодаря своей энергіи, добился реабилитаціи своего педагогическаго персонала; при этомъ онъ поставилъ вопросъ ребромъ, выразивъ готовность выйти въ отставку, если его объясненіе не будетъ уважено.

Толерантный и просвѣщенный, онъ служилъ родной школѣ съ пользою и успѣхомъ. Онъ прекрасно понималъ, что русское вліяніе должно проникать мирно и постепенно, безъ чего оно не можетъ быть прочно. Особенно цѣнилъ онъ вліяніе художественной русской литературы. Послѣдняя своею гуманностью, широтою воззрѣній и эстетическими достоинствами должна была оказать благотворное вліяніе на непредубѣжденные умы и сердца. Лебедевъ шелъ навстрѣчу стремленіямъ преподаванія поставить это дѣло прочно, внося въ изученіе языка наиболѣе цѣнные отрывки и мѣста изъ классическихъ произведеній русской литературы. Реальное училище получило благодарность отъ учебнаго округа за такую организацію учебнаго дѣла, которая благопріятно повліяла на расширеніе домашняго чтенія учениковъ. Конечно, подобные педагогическіе пріемы легче и ближе содѣйствовали усиленію русскаго вліянія.

Одной изъ цѣлесообразныхъ мѣръ для подъема развитія учащихся Лебедевъ считалъ практическое знаніе русскаго языка, мало распространеннаго среди польскаго и литовскаго населенія. Подъ его руководствомъ были выработаны нормы для пополненія лексическаго запаса у учащихся, пріученія послѣднихъ къ сознательному усвоенію русской рѣчи. Тутъ приходили на помощь пріемы, примѣненные при изученіи иностранныхъ языковъ. На урокахъ грамматики, преподаваніе

которой неизбѣжно отличалось практическимъ характеромъ, учащіеся знакомились съ цѣлыми группами рѣченій и оборотовъ. Этотъ пріемъ оказался вполнѣ цѣлесообразнымъ и заслужилъ одобреніе одного изъ опытныхъ педагоговъ Виленскаго учебнаго округа, директора Шавельской гимназіи О. В. Шолковича, автора учебниковъ по русскому языку. Шолковичъ призналъ его вполнѣ пригоднымъ для инородческой школы, въ которой самъ долго преподавалъ.

Математика и физика стояли въ реальномъ училищѣ на значительной высотѣ. Это объясняется наличностью даровитыхъ преподавателей, изъ которыхъ одинъ В. В. Подаревъ впослѣдствіи сталъ профессоромъ. Преподаватель физики А. Г. Лавровъ, любитель своего дѣла, организовалъ прекрасный физическій кабинетъ, для чего былъ спеціально командированъ въ Москву. Помѣщенные въ большихъ свѣтлыхъ комнатахъ, въ изящныхъ стеклянныхъ шкафахъ, физическіе приборы импонировали своею внушительною внѣшностью.

Коридоры зданія были увѣшаны естественно-историческими картинами лейпцигскихъ фирмъ; тутъ же помѣщались этнографическіе бюсты. Изящно былъ украшенъ актовый залъ училища. Такое убранство лишало зданіе казеннаго облика. Самая архитектура и внутреннее расположеніе зданія, съ просторнымъ свѣтлымъ вестибюлемъ довершали общее впечатлѣніе. Все было гармонично и изящно.

На пополненіе библіотеки, особенно основной, Лебедевъ обращалъ серьезное вниманіе. Онъ понималъ ея значеніе въ городкѣ, совершенно лишенномъ развлеченій интеллектуальнаго характера. Въ этомъ виденъ былъ просвѣщенный педагогъ, понимавшій духовные интересы сослуживцевъ. Подборъ книгъ былъ разнообразенъ и могъ удовлетворить даже требовательнаго спеціалиста. По полученіи книгъ Лебедевъ бралъ ихъ предварительно къ себѣ, знакомился съ ними и, по мѣрѣ ознакомленія, сдавалъ въ библіотеку. Любознательность побуждала его отдавать чтенію свои досуги. Чутко относился онъ и къ явленіямъ литературы и общественной жизни. Юбилейныя чествованія писателей разсматривались имъ не сквозь обычную офиціальную призму, а именно какъ праздникъ интеллигенціи. Такія чествованія отличались болѣе интимнымъ, скажемъ, идейнымъ характеромъ. Они были разсчитаны на то, чтобы для учащихся опредѣленнѣе выступала и личность и воспитательное значеніе чествуемаго писателя. Въ этомъ смыслѣ имѣло мѣсто чествованіе памяти Бѣлинскаго, въ день пятидесятилѣтія его смерти, 26-го мая 1898 года. Этотъ день, не праздновавшійся офиціально, совпалъ съ днемъ экзамена по русскому языку

въ VI классѣ. Передъ экзаменомъ директоръ устроилъ, такъ сказать, приватное чествованіе нашего критика. Рѣчь преподавателя онъ предварилъ обращеніемъ къ ученикамъ, при чемъ въ теплыхъ словахъ указалъ на гуманизирующее значеніе критики Бѣлинскаго. Отъ учебнаго персонала въ Пензу была послана привѣтственная телеграмма.

Не будучи особенно передовымъ, скорѣе умѣренныхъ взглядовъ, Лебедевъ тѣмъ не менѣе не ронялъ достоинства образованнаго человѣка. Недостатокъ систематическихъ свѣдѣній въ гуманитарныхъ отрасляхъ знанія, которыя онъ цѣнилъ высоко, онъ стремился восполнить чтеніемъ и бесѣдами. Онъ охотно прислушивался къ бесѣдамъ преподавателя словесности съ историкомъ, дѣлившихся впечатлѣніями отъ прочитанныхъ книгъ и журналовъ. Самъ онъ любилъ и понималъ значеніе просвѣтительныхъ стремленій и, гдѣ могъ, проводилъ ихъ. Вспоминается, между прочимъ, его дѣльная, обстоятельная записка объ организаціи ученическихъ экскурсій. Обычно эта сторона воспитанія не свободна у насъ отъ колебаній и случайностей; издаваемыя учебными заведеніями описанія и отчеты объ экскурсіяхъ не могутъ не производить впечатлѣнія извѣстной калейдоскопичности, объясняемой смѣшеніемъ разнородныхъ элементовъ экскурсіи. Лебедевъ въ своей запискѣ выдвинулъ рядъ основныхъ положеній, которыя должны были тѣснѣе связать экскурсіи съ преподаваніемъ гуманитарныхъ предметовъ, служить, такъ сказать, базою географіи и исторіи въ освѣщеніи ея школою, въ наглядной и конкретной репродукціи наиболѣе типичныхъ сторонъ въ жизни и прошломъ родины. Не искать далекаго и случайнаго, а систематически знакомиться съ близкимъ и дорогимъ,—вотъ девизъ педагога въ примѣненіи къ экскурсіи. У него былъ намѣченъ цѣлый рядъ образовательныхъ поѣздокъ для постепеннаго ознакомленія учащихся съ обѣими столицами, Поволжьемъ, югомъ, какъ наиболѣе поучительными мѣстами родной земли. Экскурсіи должны быть такъ разсчитаны, чтобы оставить въ сознаніи учениковъ прочные слѣды, наглядно рисуя разнообразіе жизни и природы, духовное богатство и мощь родины. При этомъ, понятно, отпадали случайныя детали, ослаблялась сторона дорожныхъ приключеній и т. п. Все важное, достопамятное должно было обозначиться рельефнѣе, особенно, если принять во вниманіе, что проектъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ предварительное изученіе посѣщаемаго мѣста или края при помощи необходимыхъ пособій и книгъ. Эта сторона у Лебедева была поставлена широко, равно какъ и составленіе описанія экскурсій; послѣднія должны были отличаться отъ обычныхъ

полуфельетонныхъ изложеній и воспоминаній. Составленіе отчета являлось совмѣстнымъ трудомъ руководителей экскурсіи и наиболѣе сознательныхъ ея участниковъ изъ числа учениковъ. Заслуживаетъ сочувствія и идея ознакомленія съ результатами экскурсіи болѣе широкаго круга учащихся.

Другой случай далъ Лебедеву возможность высказать свои взгляды на физическое воспитаніе учащихся. И на этотъ разъ вопросъ былъ поставленъ широко и разработанъ обстоятельно, даже въ деталяхъ. Все необходимое для укрѣпленія здоровья учащихся, отъ устройства подъемныхъ оконъ до подробностей изъ области гигіенической профилактики, было изложено въ строгой системѣ. Можно было думать, что эта область была спеціальностью Лебедева, а между тѣмъ въ ней онъ былъ только умный и прозорливый диллетантъ. Чѣмъ-то живымъ и свѣжимъ вѣяло отъ этихъ страницъ объемистаго служебнаго протокола, столь непохожаго на обычную дѣловую переписку. Чувствовалось біеніе интеллектуальнаго пульса, рисовались хорошія перспективы школьной жизни, какой изображали послѣднюю просвѣщенные педагоги.

Въ часы досуга Лебедевъ любилъ живую бесѣду. Въ его изображеніи многое любопытное вставало въ истинномъ свѣтѣ. Избѣгая рѣзкихъ осужденій и нападокъ, онъ умѣлъ очень тонко и слегка иронически очертить факты пережитаго, особенно по своей педагогической службѣ. Его разсказы, обработанные и систематизированные, дали бы не одну интересную страницу для характеристики мѣстнаго педагогическаго прошлаго. Лица и событія выступали у него ярко и объективно.

Скромная, но плодотворная дѣятельность Лебедева закончилась въ Могилевѣ, гдѣ онъ пробылъ всего нѣсколько мѣсяцевъ директоромъ мѣстнаго реальнаго училища и гдѣ скончался.

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность обоихъ учебныхъ заведеній въ одинъ изъ наиболѣе видныхъ ея моментовъ. Можно сказать, что они оба сослужили нѣкоторую службу дѣлу русскаго просвѣщенія, способствуя сближенію лежащаго въ сторонѣ края съ русской культурой. И въ общую работу просвѣтительныхъ силъ западнорусской школы оба заведенія внесли скромную лепту какъ своими принципами, такъ и дѣятельностью отдѣльныхъ педагоговъ, изъ коихъ инымъ пришлось впослѣдствіи работать въ болѣе крупныхъ центрахъ просвѣщенія.

А. Круковскій.

ТЕОРІЯ ЗНАНІЯ СЛАВЯНОФИЛОВЪ [1]).

I.

У первыхъ славянофиловъ, а также у Вл. Соловьева въ ранній періодъ его литературной дѣятельности, легко подмѣтить общія черты во взглядахъ на природу человѣческаго знанія. И. Кирѣевскій высказалъ этотъ взглядъ, А. Хомяковъ развилъ его болѣе детально, а Вл. Соловьевъ попытался создать стройную систему на основѣ высказанныхъ взглядовъ, хотя и не успѣлъ завершить начатаго имъ дѣла.

И. Кирѣевскій въ статьѣ „О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи" противополагаетъ отвлеченно-логическую способность цѣльному мышленію; западная философія, по его мнѣнію, представляетъ систему отвлеченнаго мышленія, систему разсудочную, въ то время какъ восточная философія, особенно русская, долженствующая возникнуть, будетъ построена на началахъ цѣльнаго мышленія. „Всѣ ложные выводы раціональнаго мышленія зависятъ только отъ его притязанія на высшее и полное познаніе истины. Если бы оно сознало свою ограниченность и видѣло въ себѣ одно изъ орудій, которыми познается истина, а не единственное орудіе познаванія, тогда и выводы свои оно представило бы какъ условные

[1]) Спеціальной работы о теоріи знанія славянофиловъ нѣтъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ можно найти въ статьѣ И. Панова „Славянофильство какъ философское ученіе" (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, часть 212), въ обширномъ трудѣ проф. Завитневича о Хомяковѣ, въ работѣ Н. Колюпанова „Очеркъ философской системы славянофиловъ" (въ „Русскомъ Обозрѣніи") и, наконецъ, въ статьяхъ Г. Максимовича о славянофилахъ, напечатанныхъ въ „Кіевскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ". Вопроса о зависимости взглядовъ Кирѣевскаго и Хомякова отъ Шеллинга и Гегеля мы здѣсь касаться не будемъ.

и относящіеся единственно къ его ограниченной точкѣ зрѣнія, и ожидало бы другихъ высшихъ и истиннѣйшихъ выводовъ отъ другого высшаго и истиннѣйшаго способа мышленія".—Этотъ высшій источникъ знанія, по мнѣнію Кирѣевскаго, есть вѣра. „Для цѣльности разума необходимо высшее духовное зрѣніе, которое пріобрѣтается не кажущейся ученостью, но внутренней цѣльностью бытія". Необходимо „возвысить разумъ до того уровня, на которомъ онъ могъ бы сочувствовать вѣрѣ". Такимъ образомъ главная задача философіи заключается въ согласованіи вѣры и разума, религіи и науки. „Что за вѣра, которая не совмѣстима съ разумомъ?" говоритъ Кирѣевскій.

Однако, въ чемъ состоитъ вѣра и каково ея отношеніе къ знанію, это у Кирѣевскаго не выяснено: съ одной стороны онъ говоритъ, что „вѣра не слѣпое понятіе, которое потому только въ состояніи вѣры, что не развито естественнымъ разумомъ, и которое разумъ долженъ возвысить на степень знанія, разложивъ его на составныя части и показавъ такимъ образомъ, что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, чего бы и безъ Божественнаго откровенія нельзя было найти въ сознаніи естественнаго разума", а съ другой, въ „Отрывкахъ" онъ ставитъ вопросъ: „какую степень знанія составляетъ вѣра?" Впрочемъ, въ тѣхъ же „Отрывкахъ" встрѣчаются мысли, показывающія, что Кирѣевскій на вѣру смотритъ не какъ на степень знанія, а какъ на „живую потребность искупленія и безусловную за него благодарность". Очень вѣрно говоритъ онъ: „человѣкъ—это его вѣра".

Философія для Кирѣевскаго есть „общій итогъ и общее основаніе всѣхъ наукъ и проводникъ мысли между ними и вѣрою". Но вѣру Кирѣевскій отожествляетъ въ этомъ случаѣ съ православно-церковнымъ ученіемъ. „Въ томъ и заключается, говоритъ онъ, главное отличіе православнаго мышленія, что оно ищетъ не отдѣльныя понятія устроить сообразно требованіямъ вѣры, но самый разумъ поднять выше своего обыкновеннаго уровня, — стремится самый источникъ разумѣнія, самый способъ мышленія возвысить до сочувственнаго согласія съ вѣрою".

Отмѣтимъ еще одну черту Кирѣевскаго: „Православно-вѣрующій", нашедшій путемъ высшаго духовнаго зрѣнія внутреннюю цѣльность бытія, ищетъ истиннаго Богомыслія тамъ, гдѣ думаетъ встрѣтить вмѣстѣ и чистую цѣльную жизнь, которая ручается ему за цѣльность разума; — переводя эти патетическія слова на обыкновенную рѣчь, придется сказать, что философія для Кирѣевскаго не есть только теорія, но и согласованная съ теоріей практика или жизнь.

А. Хомяковъ въ своихъ статьяхъ („По поводу отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ И. В. Кирѣевскаго" и въ двухъ „Письмахъ о философіи къ Ю. Ѳ. Самарину") развиваетъ тѣ же мысли, которыя мы только что изложили. Онъ пользуется и терминологіей Кирѣевскаго, но старается точнѣе опредѣлить термины, напримѣръ, цѣльное мышленіе. И для Хомякова главная задача философіи заключается въ согласованіи вѣры и разума. Онъ точно также какъ Кирѣевскій противополагаетъ отвлеченное разсудочное познаніе мышленію разума. Недостатокъ разсудочнаго познанія заключается въ томъ, что оно не обнимаетъ дѣйствительности познаваемаго: познаваемое не содержитъ первоначала въ полнотѣ его силъ и, слѣдовательно, тѣмъ менѣе можетъ оно передать его знанію даже въ отвлеченности. Разсудку недоступна воля, воля принадлежитъ области допредметной, воля никогда не переходитъ въ познаваемый образъ. Будучи дѣйствительностью, сущностью человѣка, не познаваемой разсудкомъ, воля познается инымъ органомъ; но волѣ принадлежитъ еще и особое мѣсто въ человѣческомъ духѣ, равное разсудку. Воля устанавливаетъ различіе между воображаемымъ и дѣйствительнымъ предметомъ; конечно, все познаваемое находится въ нашемъ сознаніи, т. е. оно есть или фантастическое представленіе или дѣйствительное воспріятіе реальнаго предмета, и въ нашемъ сознаніи именно воля устанавливаетъ это различіе между фантастическими представленіями и образами реальными или, какъ выражается Хомяковъ, между тѣмъ, что есть „я и отъ меня", и тѣмъ, что есть „я и не отъ меня".

Кромѣ воли, распредѣляющей познаніе, и логической способности или разсудка, опредѣляющаго отношенія между предметами и создающаго отвлеченный законъ, въ нашемъ познаніи долженъ существовать органъ, говорящій о дѣйствительности, т. е. о волѣ, которую Хомяковъ опредѣляетъ какъ свободу въ положительномъ проявленіи силы. Этотъ органъ Хомяковъ называетъ вѣрою, непосредственнымъ или внутреннимъ знаніемъ. Вѣра „сама себя и своихъ законовъ не доказываетъ, она въ себѣ не сомнѣвается, въ непроявленномъ она чувствуетъ возможность проявленія, а въ проявленномъ она узнаетъ вѣрность и законность проявленія, въ отношеніи къ первоначалу. Она не похищаетъ области разсудка, но снабжаетъ разсудокъ всѣми данными для его дѣйствія. Вѣра есть живое и неотразимое знаніе".

Итакъ, цѣльное мышленіе или разумъ, въ противоположность отвлеченному мышленію разсудка, состоитъ изъ трехъ элементовъ. Изъ нихъ вѣра даетъ живое содержаніе разуму, воля раздѣляетъ

область фантастическихъ представленій отъ области предметнаго міра, а разсудокъ находитъ въ содержаніи знанія отвлеченный законъ. Такой цѣльный разумъ согласованъ съ законами разумно сущаго. Полнѣйшее развитіе внутренняго знанія и „разумной зрячести" было названо вѣрою по преимуществу. Вѣрѣ или разумной зрячести доступно постиженіе цѣлости сущаго не только міра вещественнаго, но и міра духовнаго, согласованнаго съ всемірными законами. Дѣйствительнымъ источникомъ духовнаго міра и его постиженія является любовь. Поэтому общеніе любви не только полезно, но и необходимо для постиженія истины, и постиженіе истины въ ней зиждется и безъ нея невозможно.

Вѣра въ этомъ второмъ значеніи, отожествляющемъ ее съ цѣльнымъ разумомъ, „не похищаетъ области разсудка, но своею самостоятельностью охраняетъ область разсудка и въ то же время обогащаетъ его анализъ безконечнымъ богатствомъ данныхъ, пріобрѣтенныхъ ясновидѣніемъ".

Изложенное, по мнѣнію Хомякова, представляетъ лишь истолкованіе мыслей Кирѣевскаго. Въ дѣйствительности же, ученіе Хомякова, согласное съ воззрѣніями Кирѣевскаго, представляетъ нѣкоторое пополненіе и развитіе ихъ. Въ письмахъ къ Ю. Самарину Хомяковъ излагаетъ свои мысли совершенно независимо отъ Кирѣевскаго, но эти мысли касаются главнымъ образомъ онтологіи, а не теоріи знанія. Хомяковъ старается опредѣлить значеніе понятій пространства, времени, сущаго и свободы. Все же и въ этихъ письмахъ мы находимъ нѣсколько чертъ, которыя слѣдуетъ отмѣтить. „Воля", говоритъ Хомяковъ, „это послѣднее слово для сознанія, такъ какъ оно первое для дѣйствительности. Воля разума—и разума въ его полнотѣ—уже заключаетъ въ себѣ существованіе допредметнаго сознанія, той первой степени мысленнаго бытія, которая не переходитъ и не можетъ перейти въ явленіе, всегда предшествуя ему". Поэтому въ явленіяхъ нѣтъ свободы, она присуща „волѣ разума". Воля же сама не узнается ни изъ какого опыта, и ни въ какое явленіе не переходитъ. Разумъ не можетъ сомнѣваться въ своей творческой дѣятельности — волѣ, какъ и въ своей отражательной воспріимчивости—вѣрѣ, или въ окончательномъ сознаніи—разсудкѣ". „Свободная воля есть такое требованіе разума, отъ вѣры въ которое онъ не можетъ отказаться".

Въ приведенныхъ мысляхъ Хомякова слѣдуетъ отмѣтить, что онъ волю, какъ нѣчто не переходящее въ явленія, признаетъ свободною, и что вѣру онъ опредѣляетъ какъ способность воспріимчивую, т. е.

смотритъ на нее нѣсколько иначе, чѣмъ смотрѣлъ, когда толковалъ мысли Кирѣевскаго.

Мысли Хомякова представляютъ довольно цѣльный эскизъ. Въ этихъ мысляхъ очень много замѣчательнаго, чего нельзя обойти молчаніемъ.

Слѣдуетъ отмѣтить весьма вѣрную мысль, что мы не имѣемъ образа воли. Хомяковъ не обобщилъ этой мысли, т. е. не сказалъ, что и чувства и акты мысли точно также не могутъ быть представлены въ образахъ. Если же сдѣлать обобщеніе и сказать, что вся внутренняя жизнь не представима, не можетъ быть выражена въ образахъ, то этимъ самымъ будетъ указанъ признакъ, отличающій внутреннюю психическую жизнь отъ внѣшнихъ физическихъ явленій. Признакъ пространственности, приписываемый внѣшнему міру, есть признакъ производный; источникъ его заключается въ томъ, что явленія внѣшняго міра представляются въ образахъ и противополагаются, какъ предметы, находящіеся въ пространствѣ, нашему сознанію.

Въ томъ, что говоритъ Хомяковъ о вѣрѣ, есть нѣкоторое отличіе отъ Кирѣевскаго; во-первыхъ, Хомяковъ различаетъ двоякое значеніе вѣры, и, во-вторыхъ, онъ точнѣе опредѣляетъ значеніе вѣры какъ элемента цѣльнаго мышленія. Вѣра, противоположная логическому мышленію, входящая въ составъ цѣльнаго знанія, даетъ содержаніе знанію, логическое мышленіе придаетъ этому содержанію обработку, находитъ въ немъ отвлеченный законъ. Итакъ вѣра отличается отъ разсудка какъ содержаніе отъ формы. Не совсѣмъ удачно Хомяковъ называетъ вѣру „воспріимчивой способностью“, ибо это можетъ вызвать представленіе о вѣрѣ, какъ о пассивномъ началѣ, но если вѣра даетъ разсудку содержаніе, то она, конечно, не можетъ быть пассивной, и воспріимчивость вѣры должно понимать въ томъ смыслѣ, что содержаніе знанія, хотя и создается вѣрою для нашего сознанія, но соотвѣтствуетъ дѣйствительной реальности, такъ какъ законы духовнаго бытія согласуются съ всеобщими міровыми законами. Вѣра, такимъ образомъ, создаетъ міръ образовъ или явленій и ставитъ его передъ сознаніемъ, но вѣра имѣетъ еще и иную функцію; въ качествѣ непосредственнаго знанія или „живознанія“ вѣра схватываетъ не явленія только, но и дѣйствительность, которая оказывается принадлежащей волѣ, не проявляющейся въ образахъ, т. е. въ мірѣ явленій. Отъ этого пониманія вѣры, какъ созидающей міръ образовъ (воспріимчивой способности)

и, во-вторыхъ, какъ непосредственнаго знанія, Хомяковъ повидимому отличаетъ еще и иное значеніе вѣры, при которомъ вѣра отожествляется съ цѣльнымъ мышленіемъ или „зрячестью разума". „Это полнѣйшее развитіе внутренняго знанія и разумной зрячести", говоритъ онъ, „было названо вѣрою по преимуществу и опредѣлено съ изумительной строгостью величайшимъ изъ Богоозаренныхъ мыслителей церкви" и т. д. Но здѣсь мы не имѣемъ дѣла съ новой, третьей функціей вѣры, а въ дѣйствительности лишь съ инымъ названіемъ той же самой функціи непосредственнаго знанія, направленной только на иной объектъ: подобно тому какъ вѣра схватываетъ въ субъектѣ дѣйствительную реальность его, т. е. волю, такъ и въ объективномъ мірѣ вѣра непосредственно постигаетъ сущность бытія, вслѣдствіе полнаго согласія „всесущаго разума" съ духовнымъ міромъ человѣка. Вслѣдствіе этого Хомяковъ и Кирѣевскій могутъ смотрѣть на вѣру, какъ на основу истинъ, данныхъ откровеніемъ.

Признаніе непосредственнаго знанія какъ источника знанія о дѣйствительности заключаетъ въ себѣ мистическій элементъ, ибо всякое знаніе всегда опосредствовано. Сказать, что существуетъ непосредственное знаніе, значитъ признать, что въ знаніи есть элементъ непонятный для него, не доступный логическому анализу. Въ такомъ утвержденіи и заключается мистическій элементъ; у Хомякова и Кирѣевскаго онъ ослабляется тѣмъ, что оба видятъ въ вѣрѣ, дающей содержаніе знанію, хотя и отличное отъ логическаго разсудка начало, но не противоположное ему, не исключающее разсудка, ибо оба мыслителя признаютъ, что содержаніе знанія должно быть оправдано передъ логическимъ разсудкомъ.

Мистическій характеръ знанія подчеркивается Хомяковымъ съ особенной силой, когда онъ говоритъ, что источникъ духовной жизни заключается въ любви и что истинное познаніе безъ любви невозможно. Это, какъ извѣстно, излюбленная тема мистиковъ.

Обратимся теперь къ Вл. Соловьеву. Въ раннихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ природѣ знанія, Вл. Соловьевъ всецѣло стоитъ на почвѣ взглядовъ Кирѣевскаго и Хомякова; впослѣдствіи онъ отказался отъ одного весьма существеннаго пункта [1]), высказаннаго Хомяковымъ; но нѣтъ никакихъ основаній думать, что онъ отошелъ

---

[1]) А именно, онъ пересталъ думать, что во внутреннемъ опытѣ мы схватываемъ сущность нашего я.

вполнѣ отъ взглядовъ Кирѣевскаго и Хомякова на природу познанія: вся концепція Вл. Соловьева, его воззрѣнія на задачи философіи, на роль вѣры и т. д., оставались всегда въ полномъ согласіи съ выше изложенными нами взглядами. Уже заглавія двухъ раннихъ сочиненій Вл. Соловьева „Философскія начала цѣльнаго знанія" и „Критика отвлеченныхъ началъ" указываютъ на то, что и Соловьевъ противополагаетъ цѣльное знаніе логическому отвлеченному мышленію. Онъ точно также, какъ первые славянофилы, смотритъ и на роль западной философіи. Хомяковъ говоритъ, что „циклъ раціоналистической философіи совершонъ", и Соловьевъ утверждаетъ, что „философія въ смыслѣ отвлеченнаго познанія окончила свое развитіе и перешла безвозвратно въ міръ прошлаго". Для Соловьева, точно также и для его предшественниковъ, задача философіи состоитъ въ согласованіи вѣры и знанія, религіи и науки. Два противоположныхъ начала, нуждающіяся въ примиреніи, Соловьевъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „есть два рода мышленія или чистаго представленія: производительное или цѣльное, принадлежащее первоначальному уму (а также и нашему, поскольку онъ становится причастнымъ перваго) и мышленіе рефлективное или отвлеченное, свойственное нашему уму въ его самоутвержденіи" (I, 351) [1].

Человѣческое знаніе выражается въ трехъ формахъ, имѣющихъ въ виду истинность матерьяльную, формальную (логическую) и абсолютную; этимъ тремъ видамъ знанія соотвѣтствуетъ наука, философія и теологія. Настоящая истина должна опредѣляться независимымъ отъ внѣшней реальности и отъ нашего разума абсолютнымъ первоначаломъ всего существующаго, что и составляетъ предметъ теологіи. Только это начало сообщаетъ настоящій смыслъ и значеніе какъ идеямъ философіи, такъ и фактамъ науки; безъ чего первыя являются пустою формою, а вторыя — безразличнымъ матеріаломъ (т. I, стр. 237). Теологія въ гармоническомъ соединеніи съ философіей и наукой образуетъ свободную теософію или цѣльное знаніе. Свободная теософія есть органическій синтезъ теологіи, философіи и опытной науки (т. I, стр. 265). Въ сочиненіи „Философскія начала цѣльнаго знанія" Вл. Соловьевъ разсматриваетъ свободную теософію какъ философскую систему (т. I, стр. 265) и старается показать, что истинная философія только и можетъ быть цѣльнымъ знаніемъ или свободной теософіей. Эмпиризмъ и раціонализмъ—два основныхъ на-

---

[1]) Всѣ цитаты сдѣланы по первому изданію „Собранія сочиненій".

правленія философіи—сами себя опровергаютъ по своимъ логическимъ заключеніямъ, и если бы признать, что только эти два направленія существуютъ въ философіи, то пришлось бы отказаться вообще отъ познанія и стать на точку зрѣнія безусловнаго скептицизма (т. I, стр. 277). Но необходимо признать, что истинно-сущее имѣетъ собственную абсолютную дѣйствительность, совершенно независимую отъ реальности вещественнаго міра, также какъ и отъ нашего мышленія, а напротивъ сообщающую этому міру его реальность, а нашему мышленію его идеальное содержаніе. Такое воззрѣніе на природу философскаго познанія называется мистицизмомъ. Такимъ образомъ свободная теологія какъ философская система необходимо является мистицизмомъ. Предметъ мистической философіи есть не міръ явленій, сводимыхъ къ нашимъ ощущеніямъ, и не міръ идей, сводимыхъ къ нашимъ мыслямъ, а *живая дѣйствительность* существъ въ ихъ внутреннихъ жизненныхъ отношеніяхъ (т. I, стр. 278).

Мистическое знаніе необходимо для философіи, но только какъ ея основа; само по себѣ это знаніе еще не образуетъ системы истинной философіи или цѣльнаго знанія. Ему необходимо, во-первыхъ, подвергнуться рефлексіи разсудка, т. е. получить оправданіе логическаго мышленія, во-вторыхъ, получить подтвержденіе со стороны эмпирическихъ фактовъ. Отношеніе трехъ направленій въ системѣ цѣльнаго знанія таково: мистицизмъ опредѣляетъ верховное начало и послѣднюю цѣль философскаго знанія, эмпиризмъ служитъ внѣшнимъ базисомъ, а раціонализмъ является посредникомъ или общей связью всей системы.

Остановимся пока на указанныхъ мысляхъ, высказанныхъ Вл. Соловьевымъ въ „Философскихъ началахъ цѣльнаго знанія". Полное согласіе ихъ въ основныхъ пунктахъ со взглядами Кирѣевскаго и Хомякова вполнѣ ясно. Соловьевъ придалъ только иную окраску, ввелъ иныя названія для обозначенія тѣхъ же понятій. Если мы вмѣсто „мистическаго знанія" будемъ употреблять терминъ „вѣра" [1]), то сходство взглядовъ трехъ мыслителей окажется полнымъ. Вѣра или мистическое знаніе является примирительницей науки и философіи; она даетъ познаніе живой дѣйствительности, а не только міра явленій. Данныя вѣры нуждаются, однако, въ оправданіи разсудкомъ, логическимъ мышленіемъ; наконецъ, свободная теософія или цѣльное

[1]) На такую подстановку мы имѣемъ полное право, ибо самъ Вл. Соловьевъ отожествляетъ мистическое знаніе съ вѣрою. См. т. II, стр. 314.

знаніе стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ жизнью и требуетъ цѣльной жизни, т. е. полнаго согласованія знанія и практики (т. I, стр. 262).

Въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“ Вл. Соловьевъ подробно показываетъ несостоятельность эмпирической и раціоналистической философіи и необходимость допущенія мистическаго знанія. Критика двухъ направленій философіи — раціонализма и эмпиризма — блистательно проведенная нашимъ философомъ, представляетъ лишь развитіе тѣхъ принциповъ, съ которыми мы знакомы изъ предшествовавшаго изложенія. Но есть въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“ одна глава (гл. 45-я), на которой слѣдуетъ остановиться. Въ этой главѣ Вл. Соловьевъ разсматриваетъ основные элементы всякаго предметнаго познанія. „Предметъ, говоритъ онъ, существуетъ для насъ троякимъ образомъ: во-первыхъ, какъ относительно реальный въ своемъ фактическомъ дѣйствіи на насъ или въ его дѣйствительномъ явленіи; во-вторыхъ, какъ относительно идеальный въ его мыслимыхъ отношеніяхъ ко всему и, наконецъ, въ-третьихъ, какъ безусловный и сущій. Мы *ощущаемъ* извѣстное дѣйствіе предмета, *мыслимъ* его общіе признаки и *увѣрены* въ его собственномъ или безусловномъ существованіи“. Послѣднее не дано мнѣ ни въ моихъ ощущеніяхъ, ни въ моихъ мысляхъ и составляетъ предметъ особаго третьяго рода познанія, который правильнѣе всего назвать вѣрою. Въ чувственномъ опытѣ и раціональномъ мышленіи познающій субъектъ только граничитъ съ предметомъ, а не соединяется съ нимъ внутренне, вслѣдствіе чего такое познаніе и не можетъ быть истиннымъ объективнымъ познаніемъ; послѣднее предполагаетъ между познающимъ и познаваемымъ такое отношеніе, въ которомъ они соединены другъ съ другомъ существенною и внутреннею связью въ самыхъ основахъ своего существа, въ томъ, что есть безусловное въ обоихъ. Вѣра и есть свидѣтельство нашей свободы отъ всего и вмѣстѣ выраженіе нашей внутренней связи со всѣмъ. Если бы не было внутренней связи нашего субъекта съ предметомъ, которая въ нашемъ сознаніи отражается какъ безусловная и непоколебимая увѣренность въ бытіи этого предмета, тогда намъ не къ чему было бы относить нашихъ ощущеній и мыслей, тогда они были бы только субъективными состояніями нашего сознанія.

Увѣренность въ безусловномъ существованіи предмета необходимо вызываетъ вопросъ: *что* онъ есть? Но ни чувственный опытъ, ни логическое мышленіе не извѣщаютъ насъ о логической сущности предмета, поэтому необходимо предположить такое взаимоотношеніе между

познаваемымъ и субъектомъ, въ которомъ субъектъ воспринималъ бы не тѣ или другія качества, а его сущность или идею. Взаимодѣйствіе между идеальною сущностью нашего субъекта и идеальною сущностью всѣхъ предметовъ мы называемъ *воображеніемъ*. Поскольку идея предмета не зависитъ отъ частныхъ и случайныхъ ощущеній нашихъ чувствъ и отъ отвлекающаго дѣйствія нашего разсудка, постольку собственная сущность предмета *воображается* въ нашемъ умѣ. Это воображеніе хотя и родственно тому, которое мы называемъ обыкновенно воображеніемъ или фантазіей, но въ дѣйствительности представляетъ основу или корень фантазіи: нашъ субъектъ, прежде всякаго актуальнаго сознанія, стоитъ въ опредѣленномъ взаимодѣйствіи съ предметами и носитъ въ себѣ образъ каждаго предмета. Безъ этого невозможно было бы и чувственное познаніе. Такъ какъ наши ощущенія не могутъ составлять объективнаго образа, въ коемъ для насъ существуетъ предметъ, то этотъ образъ первѣе всякихъ ощущеній, и ощущеніе предполагаетъ, что наше сознаніе налагаетъ образъ предмета на разрозненныя ощущенія. Хаосъ внѣшнихъ впечатлѣній организуется нашимъ умомъ черезъ отнесеніе ихъ къ одному образу. Этотъ актъ нашего сознанія воплощаетъ идею въ ощущеніяхъ. Это есть *творческій актъ* нашего духа, превращающій измѣнчивую и нестройную толпу ощущеній въ единый и стройный образъ предмета.

Итакъ, предметное познаніе состоитъ изъ трехъ элементовъ—вѣры, воображенія и творчества. Но если припомнить, что познать вполнѣ одинъ предметъ, значитъ познать все, то ясно, что указанные три элемента мы найдемъ во всякомъ познаніи. Внутренняя связь субъекта со всѣмъ существующимъ выражается въ тройственномъ актѣ вѣры, воображенія и творчества; внѣшнее же отношеніе субъекта къ познаваемому выражается въ нашемъ чувственномъ опытѣ и раціональномъ мышленіи. Человѣкъ получаетъ свое истинное содержаніе отъ мистическаго или божественнаго начала, или, иначе говоря, философія получаетъ свое содержаніе отъ теологіи, т. е. знанія существеннаго всеединства. Для истиннаго знанія необходимъ синтезъ мистическаго и природнаго началъ. Наука и философія безъ внутренней связи съ мистическимъ знаніемъ лишены истины и сами себя подрываютъ, теологія же безъ связи съ философіей и наукой, хотя и обладаетъ истиннымъ содержаніемъ, но лишена полноты и дѣйствительности. Синтезъ философіи, теологіи и науки и есть свободная теософія.

Въ послѣдней главѣ „Критики отвлеченныхъ началъ“ Соловьевъ

возвращается къ той мысли, которая настойчиво проводилась въ „Философскихъ началахъ цѣльнаго знанія", а именно, что необходимъ синтезъ теологіи, философіи и науки и что истинное знаніе дается лишь теологіей, философія же и наука служатъ основаніемъ того, что дано мистическимъ знаніемъ.

Это та же мысль, которую проводили Кирѣевскій и Хомяковъ, выраженная только полнѣе. Три элемента знанія, указываемые Соловьевымъ — вѣра, воображеніе и творчество — въ извѣстной мѣрѣ соотвѣтствуютъ тремъ элементамъ, указаннымъ Хомяковымъ. Роль вѣры у обоихъ мыслителей тожественна — оба видятъ въ вѣрѣ актъ постановки объекта. Вѣра, по Хомякову, даетъ содержаніе, по мысли Соловьева она свидѣтельствуетъ о существованіи объекта. Ощущеніе само по себѣ представляетъ лишь субъективное состояніе нашего сознанія, разсудокъ говоритъ лишь объ отношеніяхъ между предметами, но самый предметъ, о которомъ свидѣтельствуютъ ощущенія и разсудокъ, дается лишь вѣрою; такимъ образомъ для обоихъ мыслителей вѣра даетъ объектъ или, иначе говоря, есть актъ постановки объекта. Замѣтимъ тутъ же, что оба мыслителя не обобщили своего пониманія вѣры, и отнесли его только къ предметному знанію. Очевидно однако, что правильная мысль—вѣра есть постановка объекта— въ одинаковой мѣрѣ относится и къ умственному объекту; цѣль или идеалъ точно такъ же ставится вѣрою передъ сознаніемъ, какъ ставится ею и предметъ внѣшняго міра. Вѣра или мистическое знаніе называется обоими мыслителями также и непосредственнымъ знаніемъ или интеллектуальнымъ созерцаніемъ (т. I, стр. 290, 213 и passim). Непосредственное знаніе даетъ человѣку не явленія, а самую дѣйствительность или сущность; самосознаніе даетъ непосредственное знаніе о нашемъ субъектѣ, о его сущности, а также о существѣ другихъ людей. Возможность непосредственнаго знанія о сущности природы субъекта и чужихъ я объясняется обоими мыслителями тѣмъ, что всеединое сущее обнаруживается во всемъ, что между законами физическаго и духовнаго міра есть согласіе, что познаніе вообще было бы невозможно, если бы не было глубокой связи и гармоніи между субъектомъ и объектомъ. Наконецъ, оба мыслителя согласны въ томъ, что вѣра, дающая содержаніе, нуждается въ оправданіи ея эмпирическими фактами и логическимъ разсудкомъ.

Итакъ въ самомъ существенномъ пунктѣ мы видимъ полное согласіе, и не важно то, что въ опредѣленіи роли двухъ другихъ элементовъ познанія Хомяковъ и Соловьевъ нѣсколько расходятся.

Мысль, высказанная Хомяковымъ, что любовь есть истинное знаніе, встрѣчается и у Вл. Соловьева, и развита имъ довольно подробно; любовь есть путь къ познанію истины, и въ любви мы находимъ тѣ же ступени, что и въ предметномъ познаніи. Дѣло любви основывается на вѣрѣ; предметъ, на который обращена любовь, идеализуется, и эта идеализація есть дѣло воображенія, наконецъ, любовь, какъ творческій актъ, создаетъ и возстановляетъ образъ Божій въ матерьяльномъ мірѣ.

Основная мысль первыхъ славянофиловъ и Вл. Соловьева стоитъ не одиноко въ русской философіи. Мы встрѣчаемъ ее и у нѣкоторыхъ представителей философіи въ духовныхъ академіяхъ, напримѣръ, у В. Д. Кудрявцева-Платонова, В. Несмѣлова, П. Соколова. Весь вопросъ вертится около возможности оправданія вѣры или непосредственнаго знанія какъ источника знанія. Мы нарочно не указывали на родственныя теченія въ западной философіи, но самъ Кудрявцевъ-Платоновъ указываетъ на Якоби, какъ на мыслителя, съ особенной ясностью раскрывшаго способность познанія міра сверхчувственнаго. Мысль Кудрявцева-Платонова очень проста. Онъ говоритъ, что религія не можетъ быть вполнѣ самодѣятельнымъ произведеніемъ человѣка; для объясненія ея возникновенія необходимо допустить непосредственное дѣйствіе на нашъ духъ, а такое воздѣйствіе предполагаетъ способность усвоенія откровенія. Такую способность Кудрявцевъ-Платоновъ усматриваетъ въ умѣ, который онъ противополагаетъ разсудку, какъ способности рефлексіи. Если мышленіе предполагаетъ первоначальныя впечатлѣнія отъ предметовъ, то умъ, какъ способность, направленная къ сверхчувственному, долженъ быть способностью воспріятія этого сверхчувственнаго. Актъ ума не есть мышленіе, а простое воспріятіе или ощущеніе. Человѣкъ стоитъ на границѣ двухъ міровъ, одной стороной онъ обращенъ къ міру чувственному, другою къ сверхчувственному, познаваемому внутреннимъ чувствомъ. Если непосредственное познаніе чувственнаго міра мы называемъ воззрѣніемъ, то идеальное воззрѣніе мы можемъ назвать непосредственнымъ созерцаніемъ. Слово непосредственное обозначаетъ, что познаніе происходитъ безъ помощи разсудочныхъ операцій. Первоначальное познаніе Бога есть непосредственное познаніе и получается вслѣдствіе ощущенія нами дѣйствій Божества. Но въ этомъ ощущеніи мы не имѣемъ полнаго и точнаго познанія природы Божества. Такое познаніе недоступно человѣку. Однако, религіозная идея, хотя и получаетъ свое начало въ умѣ, не можетъ

остаться принадлежностью одной этой способности непосредственнаго созерцанія, но должна переходить въ сферу разсудка. Знаніе непосредственное не есть высшая и совершеннѣйшая форма знанія. Разсудокъ долженъ возвести непосредственныя ощущенія и впечатлѣнія къ свѣту понятія. Только мышленіе даетъ настоящее познаніе предмета.

Мы не станемъ приводить интересныхъ соображеній В. Несмѣлова о непосредственномъ знаніи и П. Соколова о психологіи вѣры; они по существу вращаются въ томъ же кругѣ идей, хотя и дополняютъ нѣкоторыя черты.

Итакъ, мы въ правѣ заключить, что направленіе философіи, въ которомъ по преимуществу можно видѣть оригинальное русское мышленіе въ области гносеологіи, проводитъ настойчиво мысль о томъ, что вѣру слѣдуетъ разсматривать какъ самостоятельный источникъ знанія и что, по существу, вѣра есть непосредственное знаніе.

Мысли, которыя мы здѣсь изложили, безъ сомнѣнія, не новы; онѣ характерны для одного изъ направленій восточной христіанской мистики. Родоначальникомъ этого направленія является Климентъ Александрійскій, виднымъ представителемъ этого направленія — Діонисій Ареопагитъ. Климентъ противополагаетъ знаніе вѣрѣ, но подъ знаніемъ Климентъ разумѣетъ созерцаніе, интуицію, схватывающую сущность вещей. У Климента же мы встрѣчаемся съ мыслью, что любовь есть важнѣйшее условіе истиннаго знанія.

Недостаточно высказать опредѣленную мысль, нужно сдѣлать ее пріемлемой, т. е. оправдать ее передъ разумомъ. Находимъ ли мы у приведенныхъ мыслителей оправданіе ихъ основного положенія? Возможно ли вообще подобное оправданіе? Не значитъ ли оправдать вѣру, какъ источникъ знанія, превратить ее въ знаніе и тѣмъ самымъ уничтожить ея основной характеръ.

Э. Радловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СРЕДИ УЧАЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ.

Очерки изъ жизни и дѣятельности начальныхъ народныхъ училищъ [1]).

IV.

Въ исторіи русскаго начальнаго народнаго образованія трудно указать время болѣе счастливаго оживленія общихъ въ отношеніи къ школамъ настроеній и чувствъ, чѣмъ наши минувшіе шестидесятые и семидесятые годы, когда только что создавалась народно-школьная жизнь и полагались первыя еще основанія для ихъ возможно правильной и успѣшной дѣятельности. На всемъ чувствовалось тогда отраженіе эпохи великихъ реформъ и счастливаго пробужденія всей нашей страны къ новой, и болѣе сознательной, разумной и болѣе свободной во всѣхъ отношеніяхъ жизни и дѣятельности. Особенно благотворно отражалось все это на отношеніи общества къ дѣлу воспитанія и обученія маленькихъ крестьянскихъ дѣтей, о которыхъ какъ-то вдругъ всѣ вспомнили теперь и съ какимъ-то особеннымъ участіемъ къ нимъ заговорили. Маленькія начальныя народныя училища, едва лишь успѣвшія вступить въ свою дѣятельность, сдѣлались теперь предметомъ общей о нихъ заботливости. Въ порывѣ общаго увлеченія съ какою-то особенной чисто задушевной теплотой отнеслись къ нимъ тогда и всѣ лучшіе представители нашей научно-педагогической и спеціально-художественной письменности. Остановившись на этой совершенно новой для того времени средѣ, они дали обществу цѣлый рядъ произведеній, въ значительной своей части посвященныхъ вопросамъ воспитанія и обученія дѣтей и представляющихъ собой

[1]) *Окончаніе.* См. январьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1916 годъ.

если и не самыя уже совершенныя произведенія въ серіи ихъ работъ, то, во всякомъ случаѣ, болѣе нѣжныя, живыя, согрѣтыя какимъ-то особенно теплымъ въ отношеніи къ дѣтямъ чувствомъ и настроеніемъ.

Да и кто же, въ самомъ дѣлѣ, не знаетъ того, какъ много и искренно потрудился въ свое время для учащихся въ школѣ дѣтей нашъ знаменитый художникъ-мыслитель, Л. Н. Толстой,—этотъ истинный другъ дѣтей и начальной народной школы. Желая войти въ непосредственно живое соприкосновеніе съ учащимися въ школѣ мальчиками и дѣвочками и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто практически провѣрить свои теоретическіе на этотъ предметъ взгляды и сужденія, Л. Н. Толстой началъ и самъ заниматься съ дѣтьми своей школы, заботливо провѣряя на пути этихъ занятій каждый пріемъ своего преподаванія, каждую новую въ этомъ дѣлѣ ступень, каждую частность. Въ интересахъ тѣхъ же своихъ школьныхъ друзей, Л. Н. Толстой остановился также и на теоретическомъ обсужденіи и разрѣшеніи цѣлаго ряда вопросовъ, относившихся до болѣе правильной постановки дѣла начальнаго народнаго обученія. Для своихъ же маленькихъ школьныхъ друзей онъ составилъ и 4 книги для класснаго чтенія, очень хорошо и своеобразно изложенныхъ, необыкновенно близко примѣненныхъ къ степени пониманія крестьянскихъ дѣтей, къ кругу ихъ дѣтскихъ наблюденій и проникнутыхъ при томъ какимъ-то особеннымъ непринужденно-простымъ чувствомъ и настроеніемъ. Нужно ли уже и говорить о томъ, какъ долженъ былъ вліять его живой и необыкновенно внушительный въ этомъ направленіи примѣръ на всю болѣе мыслящую и болѣе интеллигентную часть тогдашняго общества.

На живое вниманіе и сердечную любовь къ дѣтямъ настойчиво вызывалъ всѣхъ и Ѳ. М. Достоевскій. Къ изображенію дѣтскихъ типовъ и характеровъ онъ обращался вообще очень часто. Особенно же много картинъ изъ дѣтской жизни дано было имъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, гдѣ цѣлая книга III тома („Мальчики“) составляетъ такое художественно-обособленное въ цѣломъ произведеніи и вообще очень видное мѣсто. Какія прекрасныя и искренно прочувствованныя картины изъ жизни крестьянскихъ дѣтей даны намъ также и нашимъ знаменитымъ мастеромъ слова, И. С. Тургеневымъ, въ его „Бѣжиномъ Лугѣ“, въ этомъ чудесномъ гимнѣ дѣтской чистоты, простоты и наивности.

Еще больше симпатіи къ учащимся крестьянскимъ мальчикамъ и

дѣвочкамъ, ко всему быту крестьянъ, а также и къ чарующимъ красотамъ тихой сельской природы разлито было тогда и въ поэтическихъ произведеніяхъ всѣхъ лучшихъ нашихъ художниковъ-поэтовъ времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Объ этомъ съ большой для всѣхъ убѣдительностію говорятъ, между прочимъ, и всѣ сборники стихотвореній, изданныхъ въ послѣднія 40—50 лѣтъ для дѣтей вообще и въ частности для крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Какая разлита здѣсь нѣжность, теплота, ласка къ дѣтямъ, живое къ нимъ участіе. Особенно чувствуется это на страницахъ тѣхъ сборниковъ и всѣхъ вообще книгъ для дѣтскаго чтенія, которыя составлены были лицами, хорошо понимавшими дѣтей, любившими ихъ, умѣвшими входить въ ихъ наивныя чувства и настроенности. Здѣсь повсюду почти вы встрѣтите имена нашихъ лучшихъ поэтовъ,—встрѣтите имена Я. П. Полонскаго съ его очаровательнымъ по нѣжности чувства и настроенія стихотвореніемъ „Солнце и Мѣсяцъ"; всегда мягкаго и нѣжнаго ко всему Никитина съ цѣлымъ рядомъ его прекрасныхъ стихотвореній, посвященныхъ деревнѣ и простой крестьянской средѣ, каковы: „Зимняя Ночь въ Деревнѣ", „Заботы Матери", „Веселое Деревенское Утро"; встрѣтите, далѣе, и нашего самородка-поэта, А. В. Кольцова, съ его живыми изъ крестьянской жизни картинами: „Ну, тащися Сивка", „Что ты спишь, мужичекъ" и т. п.

Какую, далѣе, свѣтлую идиллію и какой все оживляющій элементъ внесъ въ жизнь и нравственное настроеніе крестьянскихъ дѣтей и нашъ знаменитый пѣвецъ народныхъ радостей и народной печали, Н. А. Некрасовъ. Въ его прекрасныхъ стихотвореніяхъ: „Сельская Церковь" (изъ Рыцаря на часъ), „Соловьи", „Несжатая Полоса", и особенно въ живыхъ картинахъ его большого стихотворенія „Крестьянскія дѣти" слышится столько любви и участія къ крестьянскимъ дѣтямъ и ко всей окружающей ихъ средѣ, что такимъ же искреннимъ чувствомъ къ нимъ невольно должны были проникаться и всѣ тѣ, которымъ хоть вскользь удавалось ознакомиться съ этими милыми произведеніями. Да и кто же, въ самомъ дѣлѣ, всмотрѣвшись въ крестьянскихъ дѣтей, могъ бы не раздѣлить словъ Некрасова, какъ бы невольно прозвучавшихъ въ обращеніи къ дѣтямъ въ этомъ послѣднемъ его произведеніи: „О, милые плуты! Кто часто ихъ видѣлъ, тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей. Все сѣрые, каріе, синіе глазки—смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты; въ нихъ столько покоя, свободы и ласки, въ нихъ столько святой доброты!.."

Глубокую симпатію къ сельскому быту вообще и въ частности къ крестьянскимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ должны были разливать въ обществѣ и такія прекрасныя стихотворенія, какъ „Возвращеніе изъ Школы“ и „Бабушка и Внучекъ“, Плещеева; какъ „Въ Деревнѣ“ и „Ночная Богомолица“, А. В. Круглова; какъ „Полдень“ Аксакова, „Нива“ Жадовской, „Дѣтство“ Сурикова, „Въ Школу“ Михайлова и т. п. Кто же не знаетъ, наконецъ, и прекрасной изъ дѣтской жизни картинки: „Посмотри, въ избѣ, мерцая, свѣтитъ огонекъ“, созданной А. Н. Майковымъ и посвященной первымъ днямъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Достаточно только разъ прочитать эти лирически-нѣжныя строки, чтобы идеальный образъ маленькой деревенской крошки-грамотницы навсегда уже запечатлѣлся въ памяти читателя и далъ самое счастливое направленіе движеніямъ его чувствъ, его сердца.

Столько же милаго и граціознаго въ отношеніи къ дѣтямъ и къ окружающей ихъ сельской природѣ разбросано и во многихъ другихъ произведеніяхъ нашей родной поэзіи. Всѣ они проникнуты и согрѣты какимъ-то необыкновенно живымъ сочувствіемъ нашихъ лучшихъ людей къ скромной долѣ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ—этихъ, дѣйствительно, живыхъ полевыхъ цвѣтовъ, растущихъ среди зелени своихъ полей и своего лѣса безъ всякаго почти за ними ухода и наблюденія, но отражающихъ иногда въ себѣ рѣдкую на все отзывчивость ума и плѣнительную теплоту сердца. Крестьянскія дѣти были теперь какъ бы въ первый разъ открыты для всего русскаго общества съ милыми чертами своихъ лицъ, съ своей безконечной наивностью, простотой и съ полнымъ въ отношеніи ко всему и ко всѣмъ довольствомъ.—Естественно, что они и привлекли къ себѣ теперь живое расположеніе всѣхъ классовъ русскаго общества и особенно тѣхъ учрежденій и лицъ, которыя находились въ непосредственномъ соприкосновеніи съ деревенской средой, съ новымъ, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, устройствомъ ихъ быта и положенія.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, особенно же въ минувшіе семидесятые и восьмидесятые годы, начала создаваться мало по малу и наша спеціально-педагогическая печать. Въ это время появилось нѣсколько новыхъ періодическихъ изданій, посвященныхъ вопросамъ обученія и воспитанія дѣтей, и между ними много такихъ, которыя, при довольно широкомъ распространеніи въ обществѣ, останавливались почти исключительно на вопросахъ начальнаго народнаго

образованія, на обученіи крестьянскихъ дѣтей въ маленькихъ сельскихъ школахъ. Особенно усердно поработали въ этомъ направленіи три болѣе раннихъ, по времени своего появленія въ свѣтъ, періодическихъ изданій, это: „Учитель“ Паульсона, „Народная Школа“ Мѣдникова и „Семья и Школа“ Ю. Симашко.

„Учитель“ Паульсона основанъ былъ въ достопамятный годъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, пользовался въ свое время очень широкимъ распространеніемъ среди учащихъ лицъ и вообще среди болѣе просвѣщенной части русскаго общества, и просуществовалъ до 1870 года. Журналъ этотъ давалъ руководящія статьи для учителей и воспитателей по всѣмъ отраслямъ педагогическаго дѣла, а также и для родителей по вопросамъ домашняго образованія.

„Народная Школа“ основана была Мѣдниковымъ въ 1869 году, просуществовала подъ послѣдовательно измѣнявшейся редакціей Мѣдникова, Евтушевскаго и Пятковскаго ровно 20 лѣтъ и имѣла своей задачей прежде всего доставлять учащимъ лицамъ педагогическій и общеобразовательный матеріалъ, а затѣмъ знакомить и всѣ классы общества съ современнымъ положеніемъ въ странѣ начальнаго народнаго образованія.

Той же общей цѣли служила и „Семья и Школа“ Ю. Симашко, ежемѣсячный педагогическій журналъ, основанный въ 1871 году. Особенное значеніе придавалъ этотъ журналъ широкому разнообразію предлагаемаго дѣтямъ для усвоенія учебнаго матеріала, которымъ они могли бы свободно пользоваться по своему вкусу и расположенію, т. е. то читать, писать или рисовать, то заниматься играми, когда и къ чему влечетъ ихъ сердце. Этому серьезному журналу, издаваемому съ 1876 года К. Д. Краевичемъ, а затѣмъ съ 1882 года уже Модзалевскимъ, принадлежало одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской педагогической литературѣ.

Нужно ли уже говорить здѣсь о томъ, какъ дѣятельно служили всѣ эти періодическія изданія нашей начальной народной школѣ, насколько приковывали они къ ней вниманіе всего русскаго общества, въ какой полнотѣ выясняли ему ея широкое для цѣлой страны значеніе и какъ создавали, наконецъ, вокругъ школы такую среду, въ которой всѣмъ какъ-то особенно легко и пріятно чувствовалось.

Около этого же времени вошло въ повсемѣстное по школамъ распространеніе и знаменитое „Родное Слово“ Ушинскаго, разсчитанное на трехлѣтній курсъ элементарно-школьнаго обученія и содержащее

въ себѣ все болѣе необходимое для дѣтей, проходящихъ въ своемъ обученіи чрезъ эти первыя лишь ступени. Прекраснымъ дополненіемъ къ этимъ замѣчательнымъ книгамъ служилъ тогда въ нѣкоторыхъ школахъ и „Дѣтскій Міръ“ того же Ушинскаго, содержащій въ себѣ болѣе полный уже по всѣмъ отраслямъ знанія учебный матеріалъ, которымъ вполнѣ уже могли удовлетворяться всѣ запросы и требованія крестьянскаго населенія. Но этимъ матеріаломъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки пользовались тогда главнымъ образомъ на высшихъ уже ступеняхъ своего обученія: въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ М. Н. П. и въ городскихъ училищахъ по Положенію 1872 года. Начальныя же народныя училища удовлетворялись тогда почти исключительно однимъ лишь „Роднымъ Словомъ“ Ушинскаго и при томъ въ такой законченности и полнотѣ, что бо́льшаго для дѣтей элементарно-школьнаго возраста можно было пока и не требовать.

Но выдающееся достоинство этого замѣчательнаго педагогическаго труда заключалось, конечно, не въ количествѣ только собраннаго здѣсь учебнаго матеріала, не въ простотѣ и общедоступности изложенія его, не въ близости этого матеріала къ маленькому кругу дѣтскихъ наблюденій, настроеній и чувствъ, а въ какой-то особенно задушевной искренности и теплотѣ, которыми, можно сказать, насквозь проникнуты каждый вошедшій сюда разсказъ, каждое стихотвореніе, какъ бы сами по себѣ, по своему внѣшнему содержанію они ни были просты и незначительны. Когда дѣти прочитывали эти разсказы на урокахъ класснаго чтенія, то въ общемъ настроеніи ихъ и даже въ тонѣ ихъ голоса всегда почти чувствовалось то, что въ каждомъ прочитываемомъ ими разсказѣ они видѣли какъ бы себя самихъ, переживали свои собственныя чувства и настроенности, вмѣстѣ съ участвующими въ разсказахъ лицами радовались ихъ радости, глубоко сочувствовали имъ въ горестяхъ и печаляхъ. Чужая жизнь становилась для нихъ въ это время какъ бы ихъ собственной жизнію; чужія чувства, тревоги и волненія какъ бы живыми настроеніями ихъ собственнаго ума, движеніями ихъ сердца. Здѣсь все какъ-то внутренно сближалось между собой, объединялось, сплеталось въ какую-то общую жизненно-живую ткань, въ тѣсно сплоченный міръ живыхъ дѣтскихъ наблюденій, впечатлѣній, дѣтски-довѣрчивыхъ чувствъ, доступныхъ дѣтямъ радостей и печалей. И кто знаетъ, можетъ быть именно этимъ счастливымъ сближеніемъ настроеній и чувствъ, вложенныхъ въ разсказы „Родного Слова“, съ чувствами и настроеніями учащихся

въ школѣ дѣтей и объясняется то чарующее вліяніе, какое производили на всѣхъ учащихся прекрасныя книжки этого руководства. Всецѣло подчиняясь этому обаятельному вліянію и отвѣчая на вложенныя въ „Родное Слово“ настроенія и чувства своими собственными чувствами, они переносили затѣмъ все это на своихъ учителей и учительницъ, на всѣ свои школьныя занятія, на неприхотливую обстановку своихъ классныхъ комнатъ, на все, что они видѣли здѣсь, слышали, усваивали, понимали. „Родное Слово“ облагораживало ихъ вкусъ ко всему, расширяло область ихъ пониманія, смягчало ихъ сердце и вообще настолько увлекало ихъ своимъ содержаніемъ, что школа становилась для нихъ чѣмъ-то особенно привлекательнымъ, близкимъ, дорогимъ, къ чему дѣти влеклись почти уже неудержимо. И это чувствовалось во всѣхъ почти училищахъ Карсунскаго уѣзда, особенно же въ тѣхъ болѣе счастливыхъ школахъ, гдѣ съ настроеніемъ находящагося на рукахъ дѣтей руководства сливалось настроеніе и самихъ учащихъ лицъ, сельскихъ учителей и учительницъ. Въ такихъ школахъ все уже проникалось какою-то особенной всѣхъ оживляющей теплотой, довѣрчиво взаимнымъ другъ къ другу участіемъ, чѣмъ-то невыразимо мягкимъ и живымъ, сливавшимъ въ одну общую безконечно дружную семью и учащихся дѣтей и всѣхъ учащихъ. Хорошая учебная книга дѣлала въ этомъ случаѣ то, что дѣлали обыкновенно и всѣ лучшіе наши оо. законоучители, учителя и учительницы: она привлекала въ школу дѣтей, дѣлала для нихъ необыкновенно пріятными всѣ ихъ классныя занятія, согрѣвала ихъ какимъ-то особеннымъ внутреннимъ свѣтомъ и тепломъ и заставляла всему предпочитать дни и часы, проведенные ими въ своихъ маленькихъ сельскихъ школахъ, среди учителей и учительницъ. И это, конечно, очень естественно. Въ сторону тепла и свѣта невольно наклоняется не одно только то, что зеленѣетъ и цвѣтетъ, лаская наше зрѣніе. Къ теплу и свѣту столько же неудержимо стремится и все живущее здѣсь на землѣ, въ особенности же веселые всходы нашихъ будущихъ національныхъ силъ, наши дѣти...

На достиженіе школьными дѣтьми возможно бо́льшихъ успѣховъ въ ихъ классныхъ занятіяхъ и на воспитаніе въ дѣтяхъ неизмѣнно добраго отношенія къ ихъ школамъ, къ ихъ учителямъ и учительницамъ очень благотворно вліяли также и многіе изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ - дворянъ, стоявшихъ очень близко къ мѣстному крестьянскому населенію и хорошо понимавшихъ всѣ его нужды и требованія. Призванные Высочайшей волей, въ составѣ цѣлаго со-

словія, къ послѣдовательному учрежденію, поддержанію и возможно лучшему обезпеченію начальныхъ народныхъ школъ, они отвѣтили на этотъ Высочайшій призывъ и своимъ нравственнымъ на школы вліяніемъ и еще чаще матеріальными на ихъ устройство и содержаніе пожертвованіями, гдѣ представлялась въ таковыхъ особенная необходимость. Изъ среды мѣстныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ больше всѣхъ другихъ послужили въ этомъ отношеніи населенію Карсунскаго уѣзда, а слѣдовательно всѣмъ учащимъ въ этихъ училищахъ и всѣмъ учащимся, слѣдующія лица: Е. И. Морозова, попечительница Бекетовскаго сельскаго училища, устроившая для него прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ и очень помѣстительный собственный домъ; В. Е. Родіонова, все время отдававшая подъ свое Сосновское сельское училище одинъ изъ своихъ домовъ, находившійся въ прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ и очень здоровой мѣстности; В. Н. Поливановъ, нынѣ Симбирскій губернскій предводитель дворянства, всегда дѣятельно помогавшій своему Акшуатскому сельскому училищу — и нравственно, и матеріально; большое дворянское гнѣздо Родіоновыхъ, отцы и дѣти, на заботливомъ попеченіи которыхъ находились тогда Вешкаймевское и Ермоловское сельскія училища; генералъ Н. Д. Селиверстовъ, содержавшій исключительно на свои средства маленькое начальное народное училище при своей очень большой мануфактурѣ, находившейся въ южной части уѣзда, близъ села Румянцева.

Но еще задушевнѣй и теплѣй относился къ маленькимъ сельскимъ училищамъ своего участка землевладѣлецъ Карсунскаго уѣзда и участковый мировой судья, Н. А. Анненковъ. Онъ состоялъ тогда помощникомъ уѣзднаго предводителя дворянства по наблюденію за начальными народными училищами, и въ этомъ почетномъ званіи былъ очень внимателенъ ко всѣмъ учащимъ и учащимся, очень простъ въ обращеніи съ ними и сердечно ко всѣмъ близокъ. Особенно много потрудился онъ тогда надъ устройствомъ новаго помѣщенія для своего Кріушинскаго сельскаго училища. Широко пользуясь своимъ вліяніемъ на мѣстныхъ крестьянъ, онъ устроилъ для него такой домъ, которымъ Карсунскій уѣздъ и теперь еще можетъ по справедливости гордиться, какъ своимъ лучшимъ для учащихся дѣтей пріобрѣтеніемъ.

Живое участіе къ начальнымъ народнымъ училищамъ, къ учащимъ въ нихъ лицамъ и ко всѣмъ учащимся, хотя и выраженное не всегда и не вездѣ равномѣрно, можно было наблюдать тогда и во всѣхъ почти землевладѣльческихъ усадьбахъ уѣзда. Начальная народная

школа была въ то время еще очень юнымъ и далеко не окрѣпшимъ учрежденіемъ и потому невольно располагала всѣхъ на живое къ себѣ участіе. Но, конечно, въ прошлыхъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ средства многихъ помѣстныхъ дворянъ Карсунскаго уѣзда были уже значительно надломлены, вслѣдствіе чего съ матеріальной стороны очень многіе землевладѣльцы и не могли уже быть настолько полезными для школъ, насколько бы они того желали. Тѣмъ не менѣе, общая теплота ихъ отношеній къ школамъ уѣзда и къ группамъ учащихся въ школахъ дѣтей всегда и всѣми неизмѣнно чувствовалась и, несомнѣнно, воодушевляла и подкрѣпляла всѣхъ въ ихъ общей дружной работѣ.

Очень живо относилось тогда къ своимъ начальнымъ народнымъ училищамъ и Карсунское уѣздное земство. Оно и само находилось въ то время въ первомъ еще періодѣ своей дѣятельности, очень высоко держало свое знамя, всегда почти обнаруживало живую на все отзывчивость и, естественно, больше и ближе всего интересовалось широкой и возможно правильной постановкой въ уѣздѣ дѣла начальнаго народнаго образованія. Земство, повидимому, очень хорошо сознавало и чувствовало то, что, по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, крестьянское населеніе русскихъ селъ и деревень могло совершенно правильно и успѣшно сорганизоваться для широкой и вполнѣ плодотворной общественной жизни и дѣятельности не какимъ либо инымъ путемъ, какъ только путемъ приложенія къ устроенію своей жизни всѣхъ своихъ способностей и силъ, хорошо развитыхъ предварительнымъ школьнымъ образованіемъ. И такой широкій взглядъ на дѣло чувствовался тогда во всей почти дѣятельности Карсунскаго уѣзднаго земства и особенно въ томъ, что относилось въ этомъ дѣлѣ къ вопросамъ начальнаго народнаго образованія. Какія прекрасныя и полныя огня рѣчи произносились тогда въ Карсунскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи по всѣмъ вопросамъ, относящимся до обезпеченія общаго благосостоянія крестьянъ, и какъ были единодушны эти рѣчи при обсужденіи вопросовъ, относившихся до лучшей постановки въ уѣздѣ дѣла начальнаго народнаго образованія. И теперь еще, какъ живыя, встаютъ предо мной внушительныя фигуры такихъ горячихъ земскихъ дѣятелей, какими были въ то время А. П. и Д. П. Родіоновы, Я. Ф. Данилевскій и Н. П. Маркъяновичъ, всегда почти грозно гремѣвшіе на очередныхъ земскихъ собраніяхъ съ своей земской трибуны и старавшіеся вносить въ каждый мѣстно-земскій вопросъ очень широкое общественное освѣщеніе.

Нельзя сказать того, чтобы благородному достоинству этихъ рѣчей всегда и во всемъ соотвѣтствовали и матеріальные ихъ результаты. И въ этотъ живой періодъ расцвѣта земской дѣятельности начальныя народныя училища уѣзда въ огромномъ своемъ большинствѣ продолжали еще довольствоваться очень небольшими сравнительно матеріальными средствами на удовлетвореніе всѣхъ своихъ нуждъ и требованій. Но все же живая волна широкаго земскаго къ школамъ сочувствія свободно доносилась тогда и до разбросанныхъ по всему уѣзду сельскихъ школъ и неизмѣнно поддерживала и освѣжала въ нихъ то настроеніе, какимъ онѣ тогда, казалось, такъ счастливо для всѣхъ и такъ пріятно жили...

Трудно указать тѣ разнообразные направленія и пути, по какимъ доходило до сельскихъ школъ все то, что дѣлалось для нихъ въ Карсунскомъ уѣздѣ и что говорилось о нихъ на очередныхъ собраніяхъ земскихъ дѣятелей. Все это какъ бы носилось тогда въ оживленной атмосферѣ общаго настроенія, переживаемаго населеніемъ цѣлаго уѣзда, и чувствовалось всѣми учащими лицами и учащимися дѣтьми почти мимовольно. Такъ неощутимо передается иногда на очень большія разстоянія и всѣхъ невольно увлекаетъ всякая счастливая мысль, брошенная въ обращеніе общества, всякая живая радость...

Нужно ли уже говорить здѣсь о томъ, какъ отзывались на все это учащія въ школахъ лица и всѣ учащіеся. Живое вниманіе общества ко всякому полезному для него дѣлу и начинанію всегда какъ-то особенно хорошо настраиваетъ тѣхъ, которые непосредственно соприкасаются съ этимъ дѣломъ, служатъ ему, заботятся о возможно лучшей его постановкѣ. Но особенно дорого было такое живое участіе общества для всѣхъ служащихъ въ училищахъ Карсунскаго уѣзда, для учителей и учительницъ. Они разбросаны были по разнымъ болѣе или менѣе отдаленнымъ одинъ отъ другого уголкамъ обширнаго Карсунскаго уѣзда; проводили здѣсь большую часть года почти исключительно среди мало развитого крестьянскаго населенія и учащихся въ школѣ дѣтей; довольствовались тогда въ своемъ содержаніи болѣе чѣмъ очень скромными матеріальными средствами, не превышавшими обыкновенно 12, 15 и самое большее 20 рублей въ мѣсяцъ; лишены были, вслѣдствіе этого, всякой почти возможности выписывать для себя на свои личныя средства хотя бы по самому маленькому и недорого стоящему періодическому изданію, за чтеніемъ котораго можно было бы пріятно отдохнуть въ часы досуга;

не имѣли при томъ предъ собой и никакихъ почти перспективъ, надеждой на достиженіе которыхъ могла бы хоть сколько нибудь скрашиваться непривѣтливость ихъ настоящей жизни. Естественно, что учителя и учительницы Карсунскаго уѣзда не могли при такихъ условіяхъ не цѣнить во всей полнотѣ той живой нравственной поддержки, какую они повсюду встрѣчали въ общемъ благожелательномъ отношеніи къ нимъ всѣхъ группъ мѣстнаго общества. На живое участіе къ нимъ они, за самыми немногими лишь исключеніями, всегда почти отвѣчали неизмѣнно отзывчивой любовью къ учащимся у нихъ дѣтямъ, живой готовностью во всемъ помогать имъ, скрашивать, насколько возможно, ихъ простую и неприхотливую жизнь, всегда почти очень однообразную, а иногда даже и полную лишеній. На благожелательную заботливость Карсунскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и мѣстнаго уѣзднаго земства объ общемъ, хотя и очень небольшомъ, возвышеніи по уѣзду ихъ матеріальныхъ средствъ они всегда почти отвѣчали возможно полнымъ напряженіемъ своихъ школьныхъ занятій и болѣе цѣлесообразнымъ, по мѣрѣ силъ каждаго, примѣненіемъ ихъ къ своебразнымъ условіямъ какъ самой школы, такъ и той крестьянской среды, въ интересахъ которой они должны были выполнять свое очень скромное, но въ то же время и очень большое дѣло. На заботливое обезпеченіе училищъ новыми и большею частію хорошо устроенными домами учителя и учительницы уѣзда отвѣчали обыкновенно большею продолжительностію своей службы на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, сравнительно большимъ ознакомленіемъ съ особенностями быта и матеріальнаго положенія мѣстныхъ крестьянъ и, что еще важнѣе, гораздо большей и постепенно возрастающей во всѣхъ отношеніяхъ нравственной близостію къ учащимся у нихъ крестьянскимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ.

Все это въ общей сложности создавало въ школахъ и около школъ такое настроеніе, которое, по крайней мѣрѣ, всѣхъ болѣе призванныхъ къ своему дѣлу учителей и учительницъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяло. И, конечно, нельзя было въ этомъ отношеніи и ожидать отъ учителей чего либо другого, менѣе для всѣхъ благопріятнаго. Каждый человѣкъ невольно сродняется съ тѣмъ, что окружаетъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и часто совершенно новую для него мѣстность и среду, гдѣ прошли болѣе счастливые годы его жизни и дѣятельности, начинаетъ считать иногда какъ бы своей уже второй родиной. Такъ было это и съ весьма многими учителями и учительницами обширнаго Карсунскаго уѣзда.

„Ubi bene, ibi patria“, говорили еще старые римляне. И это изреченіе, понимаемое, конечно, не въ одномъ только буквальномъ смыслѣ, очень правильно. Условія хорошо настроенной жизни и дѣятельности всегда и всѣмъ даютъ полное во всемъ удовлетвореніе, и чѣмъ лучше и пріятнѣе чувствуется въ данной средѣ, тѣмъ скорѣе всѣ сродняются съ ней и во всемъ къ ней привыкаютъ.

Доброе въ отношеніи къ школамъ общее настроеніе, широко наблюдавшееся тогда по всему уѣзду, живо передавалось также и учащимся въ школахъ дѣтямъ, хотя и принималось ими большею частію совершенно безсознательно, живыми ощущеніями одного только чувства ихъ, всегда и на все безконечно отзывчиваго. Дѣти чувствовали все это по настроенію своихъ учителей и учительницъ, съ которыми имъ приходилось проводить свое учебное время, а также и по неизмѣнно привѣтливому обращенію съ ними тѣхъ немногихъ лицъ, которымъ время отъ времени приходилось посѣщать ихъ маленькія училища и входить въ непосредственное съ ними соприкосновеніе. Объ этомъ же, несомнѣнно, говорило имъ и неизмѣнно доброе отношеніе въ школѣ ихъ отцовъ и матерей, большею частью умѣвшихъ совершенно правильно опредѣлять значеніе для крестьянской семьи каждаго грамотнаго въ ней человѣка, и потому всегда почти очень хорошо относившихся ко всему, что такъ или иначе касалось школы, учащихъ въ ней лицъ и всѣхъ учащихся. При такомъ положеніи дѣла учащіеся мальчики и дѣвочки чувствовали себя всегда очень непринужденно, легко и на все, что видѣли и слышали въ школѣ, всегда почти отвѣчали чувствами самой живой ко всему расположенности. Оживляющая теплота школьнаго настроенія согрѣвала ихъ, оживляла, развивала ихъ пониманіе, расширяла и смягчала ихъ чувства. Все это сплеталось для дѣтей изъ цѣлаго ряда новыхъ и совершенно неиспытанныхъ еще ими настроеній и чувствъ, наполняло ихъ здоровымъ ощущеніемъ полнаго во всемъ нравственнаго удовлетворенія и давало совершенно новый смыслъ ихъ дѣтской жизни. Общее очарованіе, какое вносила школа въ жизнь дѣтей уже сама по себѣ, какъ учрежденіе одинаково всѣмъ близкое и дорогое, становилось еще болѣе свѣтлымъ для дѣтей отъ безконечнаго разнообразія тѣхъ новыхъ и живыхъ впечатлѣній, какія безпрерывно получали они здѣсь на своихъ классныхъ урокахъ, послѣдовательно переходя на нихъ отъ одного предмета обученія къ другому, отъ однихъ настроеній къ другимъ, отъ серьезныхъ умственныхъ занятій на классныхъ урокахъ къ пріятному послѣ нихъ отдыху за разными

вокругъ своего училища играми и развлеченіями. Легко понять, какія ощущенія добра и свѣта проникали при этихъ условіяхъ въ настроеніе учащихся дѣтей и какъ имъ хотѣлось тогда, наперерывъ другъ предъ другомъ, побольше оставаться въ своихъ училищахъ въ обществѣ учащихъ лицъ побольше читать съ ними, считать, писать, чтобы ни одна уже минута учебнаго времени не могла пройти для нихъ безслѣдно. Легко понять, какъ пріятно было при такихъ условіяхъ и учащимъ лицамъ заниматься съ дѣтьми по предметамъ элементарно-школьнаго обученія и послѣдовательно вести свои школы къ полному въ предѣлахъ возможнаго успѣху. Не этимъ ли обезпечивался въ извѣстной мѣрѣ и тотъ сравнительно благопріятный успѣхъ, какого такъ счастливо достигали училища Карсунскаго уѣзда въ минувшіе восьмидесятые годы, о чемъ и представлялся уже случай съ удовольствіемъ упомянуть здѣсь во второй главѣ нашихъ воспоминаній.

Очень можетъ быть, что учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ располагали здѣсь къ дѣятельному соревнованію въ школьныхъ занятіяхъ и тѣ маленькія поощренія, какія время отъ времени оказывались имъ за ихъ усердное отношеніе къ занятіямъ и за достигаемые ими успѣхи. Въ этомъ отношеніи могли косвенно вліять на учащихся дѣтей, между прочимъ, и тѣ обычныя награды книгами и похвальными листами, какія ежегодно выдавались въ уѣздѣ учащимся мальчикамъ и дѣвочкамъ, оканчивающимъ курсъ начальной народной школы. Распредѣленіе этихъ наградъ между отдѣльными учениками и ученицами всегда строго соображалось съ успѣхами ихъ въ занятіяхъ, и лучшимъ ученикамъ всегда отдавалось при этомъ очень большое предпочтеніе предъ всѣми другими. Въ это же время всѣмъ безъ исключенія оканчивающимъ курсъ ученія выдавались отъ училищнаго совѣта и маленькія книжки св. Евангелія, напечатанныя и переплетенныя очень изящно. Конечно, нѣкотораго соревнованія въ стремленіи къ полученію этихъ наградъ не чужды были ученики и начальныхъ народныхъ училищъ, почему очень многіе изъ нихъ прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы при окончаніи курса своего обученія непремѣнно оказаться въ составѣ самыхъ лучшихъ учениковъ и получить самую лучшую уже на ряду съ ними награду. Все это тѣмъ болѣе плѣняло и завлекало дѣтей, что наградныя книги всегда почти подбирались для нихъ въ строгомъ примѣненіи къ ихъ развитію и возрасту, были болѣе, чѣмъ на половину, богато украшены хорошо выполненными рисунками и по своему внутреннему содержанію всегда почти очень

близко касались окружающей дѣтей сельской природы и столько близкаго имъ по непосредственному наблюденію неприхотливаго во всемъ обихода крестьянской жизни и дѣятельности. А близкое и родное всегда безконечно близко всѣмъ и въ особенности крестьянскимъ дѣтямъ, никогда еще не покидавшимъ своего родного уголка и не видавшимъ пока ничего другого, болѣе красиваго и увлекательнаго.

Нерѣдко раздавались также учащимся дѣтямъ маленькія книжки для чтенія и въ продолженіе учебнаго года. Это совпадало большею частью съ очереднымъ посѣщеніемъ мною сельскихъ школъ уѣзда для ознакомленія съ состояніемъ въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла. Для крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, привыкшихъ довольствоваться всегда очень немногимъ и никогда и ничѣмъ не избалованныхъ въ ихъ домашнемъ быту, дорого было всякое вниманіе къ нимъ, въ чемъ бы оно ни выражалось, каждый привезенный исключительно для нихъ предметъ, какъ бы самъ по себѣ онъ ни былъ незатѣйливъ, простъ и незначителенъ. Особенно же пріятно было дѣтямъ получать книжки для чтенія, которыми они и сами живо интересовались и увлекательнымъ иногда содержаніемъ которыхъ могли долго занимать потомъ своихъ близкихъ родныхъ въ долгіе зимніе вечера и ночи. Дѣти какъ бы инстинктивно угадывали то, что каждая новая для нихъ книжка всегда скажетъ имъ что̀ нибудь новое и интересное, отвѣтитъ на какую либо затаенную ихъ мысль, что̀ либо новое уяснитъ имъ, раскроетъ, а можетъ быть унесетъ ихъ и въ какую либо сказочную даль, полную иногда самыхъ свѣтлыхъ грёзъ и очарованій. Съ кѣмъ же, скажите, легче и непринужденнѣе всего могли бы подѣлиться тогда учащіеся мальчики и дѣвочки этимъ очарованіемъ, какъ не съ своими ближайшими родными, въ вечернемъ свѣтѣ и теплѣ своего маленькаго домика. И вотъ, живая и необыкновенно нѣжная изъ дѣтской жизни картинка, такъ счастливо созданная въ свое время А. Н. Майковымъ въ стихотвореніи „19-го февраля 1861 года“, должна была со всею точностью воспроизводиться тогда, можетъ быть, въ цѣлыхъ тысячахъ крестьянскихъ домовъ, вездѣ оставляя впечатлѣніе пробуждающейся для крестьянъ зари новыхъ дней и столько доступнаго и для нихъ счастливаго душевнаго мира и спокойствія.

Да и чѣмъ же другимъ могла хоть немного скрашиваться тогда наша неприхотливая крестьянская жизнь, становиться болѣе интересной во всѣхъ отношеніяхъ, разнообразной, болѣе богатой впечатлѣніями? Только ясный міръ живыхъ дѣтскихъ настроеній и чувствъ

неизмѣнно расширялся тогда чрезъ школу во всѣ стороны и всюду вносилъ отблески своего тихаго и спокойнаго свѣта, всегда почти безконечно нѣжнаго и ласкающаго. Жаль, что многое лучшее въ этомъ отношеніи иногда очень скоро заглушалось потомъ въ крестьянской средѣ наслоеніями совершенно другого порядка, большею частью буквально противоположнаго. И это очень понятно. Первые всходы нашего элементарно-школьнаго обученія всегда были очень нѣжны и ничему почти не могли оказывать долгаго и упорнаго сопротивленія. И вотъ, подъ натискомъ большею частью очень суровой дѣйствительности часто совсѣмъ уже гибло то, что, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, могло бы вливать въ крестьянскую жизнь неизсякаемый источникъ здоровыхъ нравственныхъ силъ и полнаго во всемъ обновленія. Да, ученику начальной народной школы трудно было во всей цѣлости сохранять и проводить въ жизнь то, что успѣвала дать ему школа за немногіе годы его обученія, и въ этомъ, несомнѣнно, заключается глубокій трагизмъ того положенія, какое приходится и теперь еще переживать нашей начальной народной школѣ...

Но все же хорошая книга для чтенія никогда и нигдѣ не теряла своего значенія. Въ особенности же она дорога и необходима была для начальныхъ народныхъ школъ, выполнявшихъ свое скромное дѣло большею частью въ очень глухихъ мѣстностяхъ уѣзда, куда ни откуда уже не проникали лучи какого либо другого болѣе яркаго и болѣе живительнаго свѣта. Поэтому, къ возможно широкому, путемъ школы, распространенію среди народа полезныхъ и назидательныхъ книгъ для чтенія всегда и всѣ относились съ полнымъ пониманіемъ значенія этой мѣры и съ самой справедливой ея оцѣнкой.

Но по многимъ чисто педагогическимъ соображеніямъ всего живѣе относились къ этому доброму дѣлу, конечно, наши сельскіе учителя и учительницы. Имъ хотѣлось того, чтобы путемъ безостановочнаго, по возможности, примѣненія этой мѣры прежде всего хоть немножко обласканы были на пути своихъ классныхъ занятій учащіеся у нихъ мальчики и дѣвочки, которымъ, дѣйствительно, никогда и ничто не приносило такой живой и свѣтлой радости, какъ полученныя ими отъ кого либо въ свою собственность хорошія и вполнѣ доступныя ихъ пониманію книжки. Съ другой стороны учителя и учительницы сельскихъ училищъ, не могли не желать того, чтобы именно чрезъ учащихся въ школѣ дѣтей, т. е. самымъ ближайшимъ и самымъ удобнымъ путемъ, могла со всею легкостью доходить и для

всей взрослой части крестьянскаго населенія всякая существенно полезная для него книга, которая своимъ дѣловымъ или нравственно-наставительнымъ содержаніемъ могла бы хоть нѣсколько расширить и прояснить то, что въ недостаточно развитомъ чувствѣ и пониманіи простого народа представлялось болѣе неопредѣленнымъ, смутнымъ и, несомнѣнно, очень отрицательно вліяющимъ на всю практическую жизнь крестьянъ и на всю ихъ дѣятельность.

Но стремясь къ достиженію этой прекрасной цѣли, для народа столько благожелательной, лучшіе учителя и учительницы уѣзда всегда очень живо заботились и о томъ, чтобы, при широкомъ распространеніи въ народѣ книгъ для чтенія чрезъ посредство учащихся въ школѣ дѣтей, никто изъ нихъ и никогда не лишенъ былъ удовольствія непосредственно получить въ свою собственность ту или другую книжку, дабы не чувствовать себя въ этомъ отношеніи какъ бы обойденнымъ предъ другими дѣтьми, забытымъ, недостойнымъ вниманія, выраженнаго другимъ учащимся. „У насъ всѣ дѣти хороши“, говорили въ этомъ случаѣ болѣе чуткіе ко всему учителя и учительницы, „и всѣ очень усердно относятся къ своимъ занятіямъ въ предѣлахъ своихъ силъ и дарованій. Поэтому, всѣ они одинако заслуживаютъ и поощренія за свои труды и менѣе одаренные изъ нихъ, можетъ быть, даже бо̀льшаго, чѣмъ всѣ другіе“.

Къ такому сердечно участливому отношенію учащихъ лицъ къ своимъ маленькимъ ученикамъ и ученицамъ нельзя, разумѣется, не отнестись съ полнымъ и самымъ живымъ сочувствіемъ. Способныхъ и отлично успѣвающихъ учениковъ нужно, конечно, нѣсколько отличать отъ всѣхъ другихъ и по заслугамъ награждать за ихъ выдающіеся успѣхи. Но, можетъ быть, еще больше нужно обращать вниманія и всячески поддерживать тѣхъ дѣтей, которыя и при своихъ не особенно выдающихся способностяхъ дѣлаютъ все возможное для того, чтобы своимъ усерднымъ и настойчивымъ трудомъ восполнять нѣкоторые недостатки своихъ природныхъ дарованій и въ предѣлахъ своихъ способностей достаточно твердо усваивать то доброе и хорошее, что̀ за три года школьнаго обученія успѣваетъ давать имъ ихъ маленькая начальная народная школа. На этотъ предметъ, впрочемъ, нельзя, кажется, и смотрѣть съ какой либо другой стороны, болѣе или менѣе съ этимъ несогласованной. Хорошія природныя дарованія не составляютъ заслуги тѣхъ дѣтей, которыя ими обладаютъ. Все это они всецѣло получаютъ отъ своихъ родителей. Достиженіе же дѣтьми хорошихъ успѣховъ и при сравнительно слабыхъ способно-

стяхъ есть уже, дѣйствительно, ихъ заслуга, и это больше всего должно оцѣниваться во всякой хорошо устроенной школѣ и всѣми мѣрами поощряться.

Таковы были общія чувства и настроенности въ группахъ учащихъ и учащихся въ начальныхъ училищахъ Карсунскаго уѣзда. Въ этой большею частью необыкновенно дружной и дѣятельной средѣ легко было находить полное для себя нравственное удовлетвореніе и тѣмъ лицамъ, на долю которыхъ выпалъ счастливый жребій внести частицу и своего собственнаго труда въ великое дѣло начальнаго народнаго образованія.

А. Красевъ.

НАЧАЛО НАЦІОНАЛЬНОСТЕЙ ВЪ РУССКОМЪ И НѢМЕЦКОМЪ ОСВѢЩЕНІИ [1]).

Что такое „національность"? Ближайшимъ образомъ національный союзъ опредѣляется отрицательными признаками. Это есть союзъ, не обусловливаемый исключительно единствомъ ни государства, ни происхожденія, ни языка, ни религіи. Государство можетъ быть національнымъ, какъ напримѣръ Италія или Франція, и антинаціональнымъ, какъ Турція или Австрія. За симъ, говорить о происхожденіи, какъ объ условіи національнаго единства, можетъ только тотъ, кто не обращаетъ вниманія на исторію образованія европейскихъ народовъ. Начиная съ того времени, какъ первобытный европеецъ охотился за мамонтомъ и пещернымъ медвѣдемъ, и до современной эпохи, во всѣхъ странахъ Европы, даже такихъ, гдѣ нынѣ господствуетъ наиболѣе полное единство національнаго сознанія, происходило непрерывное смѣшеніе человѣческихъ породъ. Совершенно неправильно поэтому говорить о какой-то французской, нѣмецкой или русской *породѣ* людей, какъ о чемъ-то связанномъ единствомъ происхожденія. Если и наблюдается въ нихъ извѣстное внѣшнее единство національнаго типа, то оно является слѣдствіемъ или продолжительнаго единообразнаго скрещиванія, т. е. фактомъ производнымъ, а не первоначальнымъ, или одинаковыхъ привычекъ жизни, одежды и т. п. Странно, напримѣръ, говорить о различіи германской, славянской, венгерской крови, когда несомнѣнно, что множество нѣмцевъ суть онѣмеченные славяне, а многіе венгры болѣе славяне по происхожденію, чѣмъ многіе русскіе жители великорусскихъ губерній. Равнымъ обра-

---

[1]) *I. I. Ruedorffer*, Grundzüge der Weltpolitik in der Gegenwart. Stuttgart und Berlin. 1914.

зомъ и *языкъ* далеко не всегда знаменуетъ собою національность. Двуязычіе бельгійцевъ не препятствуетъ имъ сознавать себя единою народностью и вмѣстѣ защищать свою независимость отъ нѣмецкаго нашествія. Швейцарцы говорятъ на трехъ языкахъ—нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ. Во Франціи бретонцы сознаютъ себя французами, а эльзасцы, несмотря на свое нѣмецкое нарѣчіе, льнутъ къ національному единству съ французами. Съ другой стороны жители Соединенныхъ Штатовъ отдѣлились отъ одноязычныхъ съ ними англичанъ въ особый народъ. Притомъ нужно имѣть въ виду, что одноязычность многочисленнаго народа есть большею частью единство языка образованія, прикрывающее собою нерѣдко такое различіе мѣстныхъ говоровъ, при которомъ жители разныхъ мѣстностей затрудняются понимать другъ друга: такое явленіе замѣчается въ Италіи, Германіи, Франціи.

То же самое слѣдуетъ сказать о *религіи*. Мы постоянно видимъ, что сила національнаго единенія превозмогаетъ различія вѣроисповѣданій, а съ другой стороны,—что единство вѣры не въ состояніи преодолѣть національныхъ различій. Такъ въ Германіи католическая партія (партія центра) представляетъ собою значительную политическую силу, съ которою правительству приходится серьезно считаться. Однако во всѣхъ вопросахъ, затрогивающихъ національные интересы (увеличеніе флота, войска и т. п.), центръ поддерживаетъ правительство; равнымъ образомъ ни въ чемъ не видно, чтобы между нѣмецкими и польскими католиками Германіи существовала какая либо близость. Принадлежность грековъ и болгаръ къ православію не только не уменьшала ихъ взаимной ненависти, но давала ей даже новую пищу, такъ какъ осложняла ихъ національную вражду стремленіемъ болгаръ къ созданію собственнаго епископата, независимаго отъ константинопольскаго патріарха. Между православнымъ русскимъ и русскимъ сектантомъ, конечно, болѣе близости, чѣмъ между первымъ и грекомъ или румыномъ.

Государство, порода, языкъ, религія становятся орудіями народнаго единенія или разъединенія лишь тогда, когда съ ними въ сознаніи народа соединяются дорогіе для людей связывающіе или разъединяющіе ихъ духовные интересы. Эти интересы *создаются исторіей*, связующимъ или разъединяющимъ дѣйствіемъ которой и образуется національность. Національное единство есть порожденіе не единичныхъ помянутыхъ выше фактовъ, но культурно-историческихъ вліяній, духовно связующихъ ту или иную совокупность людей. Опре-

дѣлить *однимъ* признакомъ, чтó такое національность, такъ же невозможно, какъ невозможно въ области естествознанія опредѣлить однимъ признакомъ, чтó такое *видъ*. Цвѣтъ, размѣръ, форма и число органовъ имѣютъ въ установленіи животныхъ и растительныхъ видовъ весьма различное значеніе, иногда существенное, иногда ничтожное. Поэтому зоологи и ботаники давно оставили попытки характеризовать понятіе вида такими единичными признаками и остановились въ концѣ концовъ на одномъ основаніи для признанія видового единства: *къ одному и тому же виду причисляются тѣ недѣлимыя, которыя даютъ при скрещиваніи между собою плодовитое потомство*. Такъ и народное единство познается по его плодамъ, но какъ единство духовное, по *духовнымъ плодамъ*, по духовной, сознательной близости людей, порождающей собою общіе и дорогіе имъ культурные результаты.

Но хотя ни одинъ изъ перечисленныхъ признаковъ самъ по себѣ не опредѣляетъ еще существованія національности, однако между ними есть одинъ, *безъ* котораго національность должна быть признана несуществующею. Нація или народъ есть нѣкоторое *общество*. Какъ животное общественное, человѣкъ уже на низшихъ ступеняхъ своего развитія образуетъ общественные союзы съ другими человѣческими существами. Но всѣ эти союзы имѣютъ характеръ временный и непрочный, пока они не скрѣпляются *единствомъ государства*. Въ исторіи человѣчества образованію національнаго единства всегда предшествуетъ единство государства. Хотя это единство первоначально достигается черезъ насиліе, но оно все же создаетъ для извѣстной части человѣчества нѣкоторую общую *судьбу*, сближаетъ ее общими предпріятіями и опасностями, вызываетъ въ ней общіе матеріальные, а затѣмъ и духовные интересы. Правда, государственное единство еще не всегда приводитъ къ единству національному. Возникая насильственно и расширяясь путемъ завоеванія, государственный союзъ въ большинствѣ случаевъ не можетъ совлечь съ себя насильственнаго характера и потому насиліемъ же сокрушается или, если даже избѣгаетъ гибели, то остается существовать въ видѣ бездушнаго конгломерата. Лишь въ высшихъ, наиболѣе одаренныхъ частяхъ человѣчества, и то лишь постепенно и съ задержками государство можетъ превратиться изъ *механическаго* въ *органическое* цѣлое, въ союзъ *одухотворенный*, связанный не давленіемъ власти, а добровольнымъ рѣшеніемъ гражданъ. Такое *одухотвореніе государства* и есть *національность*. *Прогрессъ національности есть прогрессъ одухотворенія государства*, и конечнымъ, нынѣ еще далеко не достигну-

тымъ идеаломъ этого прогресса должно явиться вполнѣ свободное исполненіе людьми тѣхъ государственныхъ функцій, которыя ранѣе того исполнялись ими по принужденію.

Признаніе государства за conditio sine qua non національности даетъ ключъ къ разрѣшенію весьма существенныхъ вопросовъ о томъ, имѣетъ ли та или другая совокупность людей основаніе считать себя національностью. Ни единство происхожденія (племенное), ни единство языка или религіи не создаютъ еще для нѣкоторой части человѣчества національныхъ правъ, если она не связана *дѣйствительнымъ* или *потенціальнымъ* государственнымъ единствомъ. Признакъ дѣйствительнаго существованія государства не требуетъ дальнѣйшаго разбора, такъ какъ этотъ признакъ прямо удостовѣряется фактомъ. Потенціальность же или возможность государства свидѣтельствуется *исторіею,* которая одна удостовѣряетъ въ томъ, что государство *было,* и что въ сознаніи народа живетъ стремленіе къ его возстановленію; или если даже государства не было, что въ населеніи предыдущею его исторіею развита достаточная привычка къ политическому самоуправленію (какъ то имѣло мѣсто въ англійскихъ колоніяхъ, образовавшихъ впослѣдствіи Соединенные Штаты). Такъ напримѣръ различныя вкрапленныя въ составъ русскаго народа мелкія инородческія племена не суть національности, хотя бы они и дорожили сохраненіемъ своего языка и своей вѣры, такъ какъ если у нихъ и было нѣкоторое подобіе государствъ, то это подобіе совершенно покрыто историческою давностью. Вопросъ о томъ, можно ли считать малороссовъ особою національностью, долженъ быть рѣшенъ не на основаніи лингвистическихъ соображеній о томъ, есть ли малорусскій языкъ особый языкъ или только нарѣчіе, такъ какъ имѣется много примѣровъ существованія разныхъ народностей, весьма близкихъ или даже тожественныхъ по языку. Вѣдь и голландцы говорятъ на одномъ изъ сѣверо-германскихъ нарѣчій, а португальскій языкъ есть нарѣчіе, тожественное съ тѣмъ, на которомъ говорятъ жители испанскихъ провинцій Галиціи и Астуріи. Засимъ тожественные по языку жители Англіи и Соединенныхъ Штатовъ раздѣлились на двѣ разныя націи. Поэтому и національное право малороссовъ должно быть доказываемо не лингвистически, а исторически, путемъ изслѣдованія того, существовало ли малорусское государство [1]) и есть ли въ малорусскомъ народѣ стремленіе и способность къ его возстановленію.

---

[1]) Нужно имѣть при этомъ въ виду, что фактъ бывшаго будто бы малорусскаго

Примѣромъ неправильнаго употребленія термина „національность“ служитъ примѣненіе этого термина къ *евреямъ*. Какъ бы ни отличались евреи отъ коренного населенія обитаемыхъ ими мѣстностей по религіи или (мѣстами) по языку, они не составляютъ особой національности, такъ какъ какія либо мечтанія *о еврейскомъ государствѣ* очевидно неосуществимы. Поэтому невозможность для евреевъ пріобщиться къ чужой національности и слиться съ нею есть вѣчная непоправимая трагическая судьба еврейскаго племени.

Насколько тщетна попытка создать національное государство изъ племени, не имѣющаго привычекъ государственной жизни, доказываетъ неудача недавняго предпріятія образованія независимаго албанскаго государства. Національность создается лишь исторіею, и искусственное нарушеніе хода послѣдней приводитъ только къ политической каррикатурѣ.

Какъ дѣйствительное или потенціальное одухотворенное государство, національный союзъ есть союзъ *общественный*; и этимъ *національность* отличается отъ *человѣчества вообще*, которое представляетъ собою лишь безформенную собирательную массу, лишенную общественной организаціи. Выше было указано на то, что національность также невозможно опредѣлить однимъ какимъ-нибудь признакомъ, какъ это невозможно сдѣлать относительно животнаго или растительнаго вида. Но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, что національность есть *видъ* въ *родѣ* человѣчества. Ошибка Данилевскаго въ его книгѣ „Россія и Европа“ состояла именно въ томъ, что онъ понималъ отношеніе человѣчества къ націи, какъ отношеніе рода къ виду, и общаго къ частному. Родъ и видъ суть классификаціонныя группы, недѣлимыя которыхъ ничѣмъ реально не связаны, нація же есть *общество, органическая единица. Общество* животныхъ есть не видъ нѣкотораго рода, но *стадо, табунъ, свора, птичій дворъ;* и въ такомъ обществѣ могутъ сожительствовать животныя разныхъ видовъ. Видъ „дургамской коровы“ [1]) не указываетъ ни на какое совмѣстное сожительство недѣлимыхъ этого вида; съ другой стороны въ

государства никакъ нельзя удостовѣрять ссылкою на малорусское казачество. Казаки и въ Россіи, и въ Польшѣ были не государствомъ, а лишь *сословіемъ*. Сверхъ того область малорусскаго казачества обнимаетъ собою лишь меньшую часть территоріи, населенной малорусскимъ племенемъ.

[1]) Я называю „дургамскую корову“ видомъ не въ смыслѣ зоологическомъ; зоологія считаетъ ее разновидностью. Терминъ „видъ“ имѣетъ здѣсь лишь логическое значеніе, какъ частная группа въ составѣ общей родовой группы „коровы“.

стадѣ коровъ коровы дургамскія могутъ сожительствовать съ холмогорскими, а въ случаѣ нужды коровы могутъ даже пастись вмѣстѣ съ овцами.

Именно потому что Данилевскій считалъ „націю" *видомъ* въ *родѣ* человѣчества, ему не удалось надлежащимъ образомъ выяснить отношеніе національныхъ интересовъ къ обще-человѣческимъ. Онъ тщетно пытается доказать, что интересъ *частнаго* можетъ стать выше интереса *общаго*. Но постановка вопроса существенно измѣняется, если понимать націю, какъ *общество*, а человѣчество, какъ *неопредѣленную собирательную группу*. При такомъ пониманіи является сравненіе уже не частнаго съ общимъ, а *опредѣленнаго* съ *неопредѣленнымъ*; и становится совершенно понятнымъ не только, что опредѣленное предпочтительнѣе неопредѣленнаго, но даже, что приносить пользу неопредѣленному можно лишь черезъ опредѣленное, что служить человѣчеству можно лишь черезъ служеніе какому либо общественному союзу. Противорѣчія между національнымъ и обще-человѣческимъ при этомъ вовсе не оказывается, ибо національность есть та форма, въ которой человѣчество получаетъ опредѣленную организацію.

Противорѣчіе существуетъ не между началами національности и человѣчества—вообще, но между началомъ національности и тѣмъ искаженіемъ общечеловѣческаго начала, которое именуется *космополитизмомъ*. Самый терминъ „космополитизмъ" указываетъ на то, что тутъ понятіе человѣчества проникается *политическимъ* оттѣнкомъ, т. е. что возникаетъ представленіе о нѣкоторомъ общечеловѣческомъ *обществѣ*, служеніе которому поставляется выше, чѣмъ служеніе своему народу. Реально такого общечеловѣческаго общества не существуетъ; но существуютъ извѣстные *космополитическіе идеалы*, стремленіе къ которымъ можетъ дѣйствительно идти въ разрѣзъ съ національными цѣлями. Простѣйшій и наивный видъ космополитическаго идеала состоитъ въ мечтаніи о возможности *сліянія человѣчества въ единый государственный союзъ*, въ которомъ исчезнетъ различіе національностей. Этотъ космополитизмъ заслуживаетъ названія „наивнаго" по своей простодушной оторванности отъ реальной житейской почвы. Національность, какъ сказано, есть одухотвореніе государства; идеалъ этого одухотворенія есть превращеніе насильственнаго политическаго единенія людей въ единеніе добровольное, свободное, непринудительное исполненіе людьми своихъ государственныхъ обязанностей. Этотъ идеалъ осуществимъ въ той мѣрѣ, въ какой возможно достиженіе

равенства людей—не по дарованіямъ, матеріальному или общественному положенію,—но *по ихъ политическому развитію*, по ихъ самодисциплинированію, какъ гражданъ одного государственнаго цѣлаго. Такое самодисциплинированіе есть то же, что развитіе въ себѣ сознанія и привычекъ истинной свободы, сознанія своихъ правъ и обязанностей и твердой рѣшимости соблюдать ихъ. Поэтому одухотвореніе государства, превращеніе его въ государство національное осуществимо лишь въ той мѣрѣ, въ какой осуществимъ такой истинно-свободный союзъ самодисциплинированныхъ недѣлимыхъ. Но ступень приближенія къ этому идеалу въ разныхъ частяхъ человѣчества будетъ всегда различна, что зависитъ не только отъ культурной отсталости однихъ народовъ отъ другихъ, но и отъ разной степени природной способности къ самодисциплинированію въ тѣхъ породахъ, изъ которыхъ состоятъ разныя народности. Поэтому общечеловѣческій государственный союзъ всегда будетъ претыкаться на такія различія въ его частяхъ, которыя препятствуютъ ихъ полному духовному общенію. Свободное развитіе національныхъ стремленій будетъ приводить скорѣе къ дробленію народностей, чѣмъ къ ихъ соединенію, т. е. разнородныя въ національномъ смыслѣ части государствъ будутъ склонны отдѣляться въ самостоятельныя народности, какъ это мы видимъ на примѣрахъ отдѣленія Соединенныхъ Штатовъ отъ Англіи и Норвегіи отъ Швеціи. Притомъ кромѣ различія въ степени духовности разные народы представляютъ собою и качественныя различія, обусловленныя ихъ исторіею и препятствующія ихъ духовному сближенію.

Сознаніе неосуществимости общечеловѣческаго государства приводитъ къ тому виду космополитизма, который, не мечтая о государственномъ единеніи народностей, смотритъ на человѣчество, какъ на *культурный союзъ*, цѣли котораго должны быть выше національныхъ цѣлей. Этотъ космополитизмъ можетъ быть названъ *отрицательнымъ* по отношенію къ государству, такъ какъ онъ направляется не къ образованію новыхъ государственныхъ союзовъ, а къ разслабленію существующихъ. Философія, наука, искусство, промышленность, торговля, говорятъ намъ, хотя и выростаютъ на національной почвѣ, но по задачѣ своей космополитичны, такъ какъ плодами ихъ пользуется все человѣчество, и такъ какъ онѣ связываютъ людей разныхъ національностей. Что существуютъ между людьми культурныя связи внѣнаціональныя, это неоспоримо. Но вопросъ состоитъ въ томъ, *что* для человѣка должно быть выше—эти ли общечеловѣческія культурные интересы или интересъ благосостоянія его народа. При столкно-

веніи этихъ интересовъ съ интересомъ національнымъ, чѣмъ долженъ жертвовать человѣкъ, своимъ народомъ или своими философіею, наукою, искусствомъ, промышленностью, торговлею? Философъ, ученый, художникъ, промышленникъ, купецъ не долженъ ли быть *прежде всего* сыномъ своего отечества, а *потомъ уже* философомъ, ученымъ, художникомъ, промышленникомъ, купцомъ?

Обычное сознаніе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, и оно въ этомъ случаѣ право. Во-первыхъ, нужно имѣть въ виду, что ни наука, ни искусство, ни промышленность, ни торговля не могутъ быть цѣлями *всякаго* человѣка, такъ какъ не всякій есть ученый, художникъ, промышленникъ, купецъ; членомъ же національнаго союза, если онъ существуетъ, бываетъ всякій. Стало быть первыя цѣли относятся къ послѣдней, какъ спеціальныя къ общей, и уже въ этомъ заключается преимущество послѣдней надъ первыми. Во-вторыхъ, сами наука, искусство, промышленность, торговля выростаютъ подъ условіемъ національно-государственной охраны, которая обезпечиваетъ имъ безопасность и средства. Поэтому, въ-третьихъ, объ общемъ, *хроническомъ* противоположеніи національныхъ интересовъ интересамъ науки, искусства, промышленности и торговли не можетъ быть и рѣчи; можетъ быть рѣчь лишь о временной заминкѣ ихъ въ случаѣ войны. Но война не есть хроническое отношеніе между культурными народами; когда она оканчивается, то и культурныя связи между ними возстановляются. Поэтому для *постояннаго* противоположенія національности культурному космополитизму вовсе нѣтъ почвы; если же такое противоположеніе возникаетъ, какъ явленіе временное, то обязанность національнаго самосохраненія законно выступаетъ на первый планъ.

Въ виду сказаннаго, противоположеніе вышеупомянутыхъ общечеловѣческихъ культурныхъ цѣлей требованіямъ національности должно считаться не болѣе, чѣмъ непродуманною фразою; эти цѣли реализуются именно въ національномъ союзѣ и внѣ его лишаются почвы для своего нормальнаго расцвѣта. Но есть *два* общечеловѣческихъ фактора, въ которыхъ нерѣдко находитъ себѣ прибѣжище современный космополитизмъ: это *церковь* и *соціализмъ*. Что касается церкви, то фактически она едва ли не въ большинствѣ случаевъ являлась не врагомъ, а скрѣпою національности, какъ напримѣръ православная церковь въ Россіи или въ значительной мѣрѣ протестантство въ германскихъ странахъ, особенно въ Англіи. Но защитники верховенства церковнаго начала указываютъ на то, что такое положеніе церкви

зависитъ отъ того, что она есть *недостаточно церковь*, что она не въ должной мѣрѣ владѣетъ сознаніемъ людей и потому вступила въ компромиссъ съ государствомъ. По взгляду этихъ защитниковъ церковь, какъ хранительница высшихъ интересовъ людей, должна и въ обществѣ занимать высшее положеніе, господствовать надъ государствомъ, а потому, какъ союзъ международный, и надъ національностью. Но если такова идея истинной церкви, то позволительно спросить, по какой причинѣ эта идея не достигла, въ христіанскомъ по крайней мѣрѣ мірѣ, своей реализаціи, т. е. по какой причинѣ христіанскій міръ не сталъ міромъ *теократическимъ*. Ссылаться въ этомъ случаѣ на то, что водвореніе теократіи есть идеалъ, достижимый лишь путемъ постепеннаго историческаго развитія, нѣтъ основанія, такъ какъ исторія обнаруживаетъ напротивъ всюду крушеніе теократическихъ тенденцій. Начало теократіи было провозглашено за господствующее въ средніе вѣка римскимъ католицизмомъ. Но осуществленія такого господства и тогда не было. И тогда оставался, во-первыхъ, востокъ, не подвластный католицизму и чуждый теократіи. Во-вторыхъ, въ самомъ католическомъ мірѣ дѣло повсюду сводилось къ компромиссу между духовною и свѣтскою властями, къ *дѣйствительнымъ* уступкамъ первой въ пользу послѣдней. А за симъ, когда отъ католичества отдѣлился протестантскій міръ, да и въ самомъ католическомъ мірѣ католицизмъ сталъ терять внутренній авторитетъ, то о господствѣ духовной власти надъ свѣтскою не могло уже быть болѣе и рѣчи.

Современные защитники теократіи не мечтаютъ уже поэтому о *внѣшнемъ* подчиненіи государства церкви; такое подчиненіе они справедливо признаютъ вредоноснымъ для самой церкви, такъ какъ оно проникало бы ее несвойственнымъ ея духу характеромъ насильственности. Теократія понимается ими теперь, какъ внутреннее проникновеніе государственной политики духомъ христіанства. Но и это пониманіе теократіи, при кажущейся своей возвышенности, не согласуется съ требованіями культурнаго развитія. По глубокому своему смыслу ученіе христіанства есть ученіе *моральное*, а не *политическое*, т. е. служащее руководствомъ для отношеній *человѣка* къ *человѣку*, а не *человѣка* къ *государству*. Что религіозныя и государственныя обязанности человѣка различны, видно изъ словъ Евангелія объ отданіи Божьяго Богу, а кесарева кесарю. За симъ въ Евангеліи нѣтъ ни единаго слова, изъ котораго можно было бы вывести хотя какія либо указанія на государственное устройство и управленіе. Нѣтъ такихъ указаній и въ послѣдующихъ ученіяхъ церкви, но христіанину вмѣ-

няется въ обязанность лишь покорность установленной власти, какова бы она ни была. И именно вслѣдствіе такого отрѣшенія своего отъ политики христіанство и открываетъ просторъ для прогресса человѣческой культуры; ибо государственный союзъ есть нѣчто развивающееся, и потому закрѣпленіе какой либо его формы религіознымъ авторитетомъ было бы такою же остановкою прогресса государства, какъ религіозное закрѣпленіе извѣстной ступени науки, искусства, промышленности остановкою ихъ прогресса. Этимъ отличается христіанство отъ мусульманства, которое подчинило религіознымъ указаніямъ государственный и общественный строй и тѣмъ самымъ въ концѣ концовъ привело его къ застою.

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, почему возникающія по временамъ попытки подчинить государственную жизнь требованіямъ христіанской морали противны не только задачамъ государства, но и задачамъ самой церкви, какъ *общества*. Ибо, какъ *общества*, и церковь, и государство направляютъ дѣйствія человѣка къ нѣкоторому *цѣлому*, моральныя же требованія христіанства гласятъ лишь объ обязанностяхъ человѣка къ человѣку. Выставляя, какъ единственное начало, *любовь къ ближнему*, эти попытки разрушаютъ и церковный, и государственный союзъ. Церковь скрѣпляется не любовью къ ближнему *вообще;* изъ состава этихъ ближнихъ она выдѣляетъ *единовѣрцевъ*, т. е. лицъ, связанныхъ единствомъ догматовъ и церковнаго управленія, а на долю ближняго вообще оставляетъ только *излишекъ* того, что остается неиспользованнымъ для единовѣрцевъ. „Всякій преступающій ученіе Христово и не пребывающій въ немъ, не имѣетъ Бога; пребывающій въ ученіи Христовомъ имѣетъ и Отца, и Сына. Кто приходитъ къ вамъ и не приноситъ сего ученія, того *не принимайте въ домъ и не привѣтствуйте его*" (Втор. соборн. посл. Іоанна Богосл. 9, 10). „Какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ? Или *какое соучастіе* вѣрнаго съ невѣрнымъ?" (Втор. посл. къ Коринѳ. гл. VI, 15). „И такъ, доколѣ есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ, а *наипаче своимъ по вѣрѣ*" (Посл. къ Галат. гл. VI, 10). Изъ этихъ авторитетныхъ для христіанина словъ очевидно явствуетъ, что *преимущество любви* принадлежитъ единовѣрцамъ. Превращая начало христіанства исключительно въ начало любви къ ближнему вообще, мы такимъ образомъ уничтожаемъ церковь, какъ союзъ единовѣрія, какъ общество, распыляемъ ее въ нѣчто неопредѣленное, какъ это и дѣлаетъ, напримѣръ, Толстой. Такой же результатъ получается при этомъ и для государства. Главное условіе существованія государства

состоитъ въ томъ, что его интересы возвышаются надъ интересами каждаго входящаго въ его составъ недѣлимаго, что для сохраненія своего государства каждый обязанъ жертвовать и имуществомъ, и жизнью. При грубомъ, механическомъ строѣ государства эта обязанность налагается на подданныхъ внѣшнею властью; въ національномъ же государствѣ она должна опираться на добровольное согласіе гражданъ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ сущность этой обязанности сводится къ тому, что любовь къ ближнему подчиняется требованію государственной пользы, что даже погибель ближняго находитъ себѣ оправданіе, если она для государства необходима. Христіанское правило: люби ближняго, какъ самого себя, сохраняетъ при этомъ свою силу. Но такъ какъ для человѣка есть нѣчто, что онъ долженъ любить *болѣе*, чѣмъ самого себя, именно его *отечество,* то любовь къ отечеству должна подчинять себѣ въ сознаніи человѣка любовь къ ближнему. Существованіе государства, какъ и существованіе церкви, одинаково требуетъ слѣдовательно подчиненія моральныхъ соображеній соображеніямъ общественнымъ.

Итакъ теократическая тенденція въ концѣ концовъ уничтожаетъ сама себя, индивидуалистически распыляя и государство, и церковь и погружая ихъ въ безформенную неопредѣленность. Посмотримъ теперь, каковъ мыслимый результатъ тѣхъ космополитическихъ тенденцій, которыя группируются подъ знамя *соціализма*. Соціализмъ стремится замѣнить группировку *національную* группировкою *классовою,* водворить международное объединеніе пролетаріата въ его борьбѣ съ капитализмомъ. Истинная, реальная связь людей, по мнѣнію современныхъ соціалистовъ, есть связь матеріальныхъ интересовъ, которые тожественны у рабочихъ всѣхъ странъ и потому должны болѣе сближать пролетаріевъ разныхъ націй, чѣмъ пролетаріевъ данной страны съ ихъ соотечественниками-капиталистами. Логически послѣдовательное развитіе этого положенія должно состоять въ отрицаніи патріотизма, въ отказѣ отъ участія въ защитѣ своего отечества въ случаяхъ какихъ либо международныхъ столкновеній. Событія послѣдняго времени показываютъ однако, что соціалистическая теорія находитъ себѣ мало подтвержденія на практикѣ, такъ какъ рабочіе всѣхъ странъ, нынѣ вступившихъ въ борьбу, съ величайшимъ жаромъ и одушевленіемъ взялись за оружіе въ защиту своихъ государствъ. Ясно, что въ сознаніи тѣхъ частей человѣчества, которыя всего болѣе должны быть заинтересованы въ успѣхахъ классовой борьбы, духовная связь по національности оказывается, по крайней мѣрѣ въ

настоящее время, сильнѣе матеріальной связи по классовымъ интересамъ. Нѣтъ основанія ожидать, чтобы и въ будущемъ было иначе. Международное единство классовыхъ интересовъ, будутъ ли то интересы капиталистовъ или рабочихъ, есть въ сущности иллюзія. Какъ англійскій капиталистъ нисколько не заинтересованъ въ благосостояніи русскаго капиталиста, такъ и англійскій рабочій нисколько не заинтересованъ въ благосостояніи русскаго рабочаго. Современная капиталистическая конкуренція приводитъ не къ международному миру, а къ непрерывной международной борьбѣ, выражающейся въ усиленіи протекціонизма и въ стремленіи вытѣснить иноземныхъ торговцевъ съ международнаго рынка. Поэтому говорить о классовыхъ интересахъ капиталистовъ, какъ объ объединяющемъ космополитическомъ факторѣ, по меньшей мѣрѣ странно. Если капиталъ и космополитиченъ въ томъ смыслѣ, что погоня за высокимъ барышемъ пренебрегаетъ границами національностей, то результатомъ этой погони является все же не миръ, а борьба, борьба гораздо болѣе злая и упорная, чѣмъ борьба національностей; ибо послѣдняя сама собою прекращается послѣ справедливаго размежеванія національныхъ областей, а первая безконечна и безысходна. Что же касается за симъ рабочаго класса, то всѣ возгласы о международномъ единеніи пролетаріевъ имѣютъ значеніе лишь риторическихъ фигуръ. На дѣлѣ всюду, гдѣ реально сталкиваются интересы рабочихъ разныхъ націй, именно между ними-то и возникаетъ злостное соперничество, являющееся естественнымъ результатомъ того, что притокъ рабочихъ изъ менѣе культурныхъ и болѣе бѣдныхъ странъ понижаетъ заработокъ мѣстныхъ рабочихъ. Это явленіе замѣчается въ Америкѣ, въ Южной Африкѣ, у насъ на дальнемъ востокѣ. Вездѣ усматривается, что рабочіе болѣе культурныхъ странъ заинтересованы въ томъ, чтобы предложеніе труда было какъ можно строже замкнуто въ національныя границы, ибо существованіе этихъ границъ обезпечиваетъ сказаннымъ рабочимъ высоту заработной платы. О какомъ же международномъ единствѣ классовыхъ интересовъ можно говорить при такихъ условіяхъ?

Замѣна національныхъ интересовъ классовыми есть то же, что подчиненіе духовныхъ цѣлей общежитія цѣлямъ матеріальнымъ. Если бы такое подчиненіе осуществилось, то его результатомъ былъ бы не всеобщій миръ, а борьба всѣхъ противъ всѣхъ, крушеніе всѣхъ завѣтныхъ культурныхъ преданій и паденіе основанныхъ на нихъ науки и искусства. Въ основаніи такого матеріалистическаго воззрѣнія на

задачи культуры лежитъ такъ называемый *историческій матеріализмъ*, пытающійся доказать, что все движеніе исторіи опредѣляется прямо или косвенно экономическими причинами. Односторонность и натянутость этого пониманія исторіи уже выяснились нынѣ для всѣхъ безпристрастныхъ ученыхъ, такъ что останавливаться долѣе на этой темѣ нѣтъ повода.

Изложенное выше пониманіе начала національности небезъинтересно сопоставить съ тѣмъ его пониманіемъ, которое содержится въ вышедшей въ 1914 г. книгѣ нѣмца Рюдорффера „Основы міровой политики въ настоящее время". Книга эта появилась до начала войны и не содержитъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на ея близость. Нельзя сказать также, чтобы эта книга была проникнута одностороннимъ нѣмецкимъ шовинизмомъ или содержала въ себѣ вызовъ по адресу Россіи. Тѣмъ не менѣе эта книга въ значительной степени проливаетъ свѣтъ на внутренній источникъ современной великой распри, заключающійся въ самыхъ основахъ нѣмецкаго національнаго міровоззрѣнія.

Согласно всему тому, что было сказано выше, задача національной политики состоитъ въ созданіи надлежащихъ условій для *самосохраненія національности*. Задачѣ этой нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что національное государство есть не всегда государство существующее, но нерѣдко государство возстановляющееся, а иногда и возникающее вновь; ибо во всѣхъ этихъ случаяхъ требуются условія для его будущаго самосохраненія. Самосохраненіе это не только пассивное, но и активное, т. е. оно направляется не только къ обезпеченію даннаго состоянія общества, но и къ приспособленію его къ будущимъ случайностямъ. Чѣмъ выше по развитію какое либо цѣлое, будетъ ли то единичный организмъ или общественный союзъ, тѣмъ болѣе въ немъ активный характеръ самосохраненія преобладаетъ надъ пассивнымъ. Устрица самосохраняется тѣмъ, что прячется въ раковину, человѣкъ тѣмъ, что развиваетъ умъ и волю для борьбы со всевозможными окружающими вліяніями. Такъ и государство, чѣмъ выше ступень развитія, на которой оно стоитъ, тѣмъ болѣе направляетъ свои усилія къ достиженію такой внѣшней мощи и внутренней культурности, которыя ограждали бы его не только на данное время и противъ данныхъ опасностей, но создавали бы въ немъ силы для приспособленія къ возможно-отдаленному и разнообразному будущему. Истинное понятіе національнаго самосохраненія есть, слѣдовательно, понятіе дѣятельнаго приспособленія къ возможно

широкому кругу условій народнаго существованія. Если однимъ изъ средствъ такого приспособленія оказывается распря между государствами, то первоисточникомъ послѣдней является не начало національности, а его *нарушеніе*, зависящее отъ того, что это начало проясняется въ сознаніи людей лишь постепенно, путемъ борьбы противъ механическаго, насильственнаго строя государства. Пока національное сознаніе еще слабо, государственный союзъ можетъ быть образованъ лишь насильственно. Этимъ насильственнымъ путемъ механически склеиваются государства, которыя, будучи образованы путемъ насилія, продолжаютъ существовать въ видѣ внѣшне соединенныхъ конгломератовъ и даже расширяются или пытаются расшириться далѣе черезъ завоеваніе новыхъ инородныхъ частей. Было время, когда большинство европейскихъ государствъ имѣло характеръ такихъ конгломератовъ. Одинъ изъ этихъ конгломератовъ — польское государство—подвергся крушенію во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Еще ранѣе началось постепенное крушеніе турецкаго конгломерата, который—что касается его европейскихъ и африканскихъ частей,—нынѣ почти уже распался, такъ какъ въ Европѣ остался, и то только пока, лишь небольшой, хотя очень важный участокъ въ турецкомъ владѣніи. Остался не разбитымъ въ главномъ своемъ составѣ только австрійскій конгломератъ, хотя и ему пришлось поступиться инородными ему итальянскими частями. Нынѣ возникаетъ надежда на крушеніе и турецкаго, и австрійскаго конгломератовъ, и осуществленіе этой надежды ознаменуетъ собою расцвѣтъ новой національной жизни для Европы и водвореніе въ ней прочнаго мира.

Отсюда видно, что торжество начала національности есть въ конечномъ результатѣ торжество начала мирнаго сожитія народовъ. Проникаясь тѣмъ сознаніемъ, что лучшею спайкою государственнаго союза служитъ единство національности, т. е. основаннаго на исторіи единства культурныхъ интересовъ, люди постепенно будутъ проникаться убѣжденіемъ, что завоевательная по отношенію къ другимъ народамъ политика есть великій грѣхъ не только противъ нихъ, но и противъ своего народа, такъ какъ ея послѣдствіемъ является превращеніе прочнаго, обезпечивающаго миръ союза, въ союзъ непрочный и приводящій къ постоянному раздору. Правда, пройдетъ не мало времени, пока сгладятся слѣды прежняго грубо-насильственнаго космополитизма. Нѣкоторыя явленія современной европейской жизни указываютъ даже на то, что завоевательная политика только перемѣщаетъ нынѣ область своего распространенія, такъ какъ европей-

ское завоеваніе усиленно направляется теперь на необозримыя пространства Африки и отчасти Азіи. Этотъ процессъ исканія и эксплуатаціи колоній приводитъ ко многимъ прискорбнымъ явленіямъ насилія надъ низшими и менѣе культурными племенами и отражается на самихъ завоевателяхъ огрубѣніемъ ихъ нравовъ и усиленіемъ среди нихъ господства матеріальныхъ интересовъ. Но во всякомъ случаѣ этотъ процессъ совершается внѣ странъ высшей культуры, да и жертвы его во множествѣ случаевъ едва ли къ ней способны, и потому вторженіе въ ихъ среду европейцевъ приводитъ лишь къ замѣнѣ своихъ тиранновъ чужими.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что противъ такого взгляда на начало національности, какъ на источникъ всемірнаго умиротворенія, раздаются голоса именно изъ той страны, которая является нынѣ представительницею завоевательной политики. Упомянутый выше авторъ находитъ, что понятіе самосохраненія „не исчерпываетъ собою стремленія къ жизни и искажаетъ его сущность; изъ него никоимъ образомъ не можетъ проистекать пониманіе постановки человѣческихъ цѣлей, какъ индивидуальныхъ, такъ и соціальныхъ. *Само* не есть нѣчто, что можетъ быть сохранено, оно есть лишь постольку, поскольку оно раскрываетъ себя. Оно ***становится*** постольку, поскольку оно постоянно обновляется, и погибаетъ, если оно остается постояннымъ. Его смыслъ состоитъ не въ сохраненіи, но въ обнаруженіи, въ безконечной волѣ къ росту и къ расширенію безъ конца, къ отдаленнымъ, недостижимымъ, невозможнымъ цѣлямъ. Нѣтъ ничего въ природѣ, что желало бы только сохранить себя. Все живое всегда стремится далѣе того, что оно есть въ настоящемъ, дабы быть бо́льшимъ въ будущемъ. Если нѣчто останавливается на чемъ либо, то это есть лишь признакъ неспособности и слабости и сознаніе въ безсиліи достигнуть бо́льшаго. Усталые люди и усталые народы могутъ смириться и заботиться лишь о сохраненіи того, чѣмъ они обладаютъ; но это не смыслъ жизни, а лишь признакъ того, что жизнь ихъ оставила или начинаетъ оставлять. Природа поступаетъ иначе. Ея требованіе расти и становиться безгранично, ея лоно постоянно создаетъ вновь постоянно новое; надъ всѣмъ тѣмъ, что остается неподвижнымъ, она безжалостно проходитъ мимо. Она всегда на сторонѣ сильной воли, и всѣ ея благодѣянія связаны съ возрастаніемъ“ (стр. 10—11). Но если смыслъ національности состоитъ въ безконечномъ расширеніи, то выходитъ, что начало національности есть начало непрерывной борьбы. „Всѣ народы и націи безъ сомнѣнія хотятъ расшириться

экстенсивно и расти въ ширину; они отъ вѣка ведутъ борьбу за силу и пространство“ (стр. 12). „Всѣ націи, какъ націи, высокомѣрны, нетерпимы и односторонни; и это тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ онѣ болѣе суть націи“ (стр. 20). Поэтому „изъ самой сущности стремленія къ жизни проистекаетъ соперничество народныхъ идеаловъ, которое есть не только мирная, происходящая совмѣстно конкуренція, но вѣчная, неизбѣжная и оправдываемая необходимостью борьба. При этомъ условіи въ основѣ взаимоотношеній между народами лежитъ вѣчная и абсолютная вражда; и та вражда, которую мы замѣчаемъ повсемѣстно, и которая не хочетъ исчезнуть изъ политической жизни, что̀ бы ни говорили и какъ бы ни боролись противъ нея пацифисты, проистекаетъ не изъ несовершенства человѣческихъ учрежденій или порчи человѣческой природы, а изъ сущности міра и изъ источниковъ самой жизни; она есть не нѣчто случайное, преходящее и подлежащее прекращенію, а нѣчто необходимое, могущее, быть можетъ, быть отсроченнымъ и отодвинутымъ назадъ, но затѣмъ вновь возникающее и пріобрѣтающее свое право, покуда существуютъ люди и народы. При этомъ условіи въ основѣ всякой фактической дружбы народовъ лежитъ скрытая гдѣ либо идеальная вражда. Дружба народовъ можетъ въ такомъ случаѣ имѣть лишь двоякій характеръ: быть или отсрочкою вражды, или совмѣстною враждою противъ кого либо третьяго, слѣдовательно имѣетъ свой источникъ въ предшествующихъ сочетаніяхъ (силъ) и съ измѣненіемъ ихъ должна становиться враждою“ (стр. 22—24).

„Въ природѣ націонализма, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 76), лежитъ стремленіе постоянно ставить свои цѣли шире и никогда не останавливаться. Онъ по своему понятію ненасытимъ. Національнаго единства для него недостаточно. Онъ хочетъ безъ перерыва распространять и расширять послѣднее“.

Ясное дѣло, что этотъ взглядъ на національность зависитъ отъ узкаго пониманія начала самосохраненія. Поскольку говорится о *само*сохраненіи, предполагается очевидно самосохраняющійся *субъектъ*, а не та или иная временная совокупность его состояній; послѣдняя не только можетъ, но и должна измѣняться, такъ какъ субъекту именно для цѣли самосохраненія приходится дѣятельно приспособляться къ измѣненію условій его существованія. Именно этого постояннаго сохраненія субъекта, въ данномъ случаѣ націи, при смѣнѣ его состояній нѣмецкій авторъ и не принимаетъ во вниманіе. Онъ смотритъ на націю, какъ на нѣчто, стремящееся къ постоянному

расширенію, къ „отдаленнымъ, недостижимымъ, невозможнымъ цѣлямъ“. Но если цѣль стремленія невозможна и недостижима, то самое стремленіе къ ней безсмысленно. Идеалъ всякой человѣческой дѣятельности мыслится, какъ такая цѣль, къ осуществленію которой человѣкъ *постепенно приближается*, а не какъ такая, которая вѣчно остается въ прежней отрѣшенности и отдаленности отъ дѣйствительности. Въ такомъ и только въ такомъ постепенномъ осуществленіи идеала и состоитъ всякій прогрессъ; и если въ концѣ концовъ достиженіе идеала остается неполнымъ, то все же разстояніе его отъ дѣйствительности мыслится постепенно уменьшающимся. Говоримъ ли мы о прогрессѣ науки, или техники, или нравственности, мы всегда предполагаемъ, что ученія науки *все болѣе и болѣе* согласуются съ идеаломъ истины, поведеніе людей—съ идеаломъ добра, человѣческая изобрѣтательность—съ идеаломъ господства надъ природою. Но если мы просто признаемъ истину, добро или господство надъ природою цѣлями недостижимыми, то ни науки, ни нравственности, ни техники не окажется.

Такимъ же образомъ и идеалъ національности не есть нѣчто недостижимое, невозможное, но нѣчто постепенно осуществляющееся. Національность самосохраняется въ своемъ самоосуществленіи въ видѣ одухотвореннаго государственнаго союза. Полнота такого осуществленія быть можетъ и невозможна, но возможно постепенное приближеніе къ нему, и въ этомъ приближеніи состоитъ прогрессъ національности. А чѣмъ государство будетъ становиться одухотвореннѣе внутри, тѣмъ въ большей степени и его отношенія къ другимъ государствамъ будутъ болѣе проникаться началами миролюбія, такъ какъ всякое внѣшнее насиліе отражается и внутри государства усиленіемъ грубости и жестокости, и такъ какъ всякое завоеваніе вводитъ въ составъ государства части не духовно, а механически съ нимъ связанныя. Поэтому торжество начала національности есть торжество всеобщаго и прочнаго мира. Элементъ борьбы, состязанія силъ всегда останется дѣйствовать въ жизни какъ единичнаго организма, такъ и союзовъ органическихъ существъ. Лишь борьбою упрочивается устойчивость и сила жизни. Но по мѣрѣ постепеннаго одухотворенія жизни жестокость и безпощадность этой борьбы должны постепенно ослабѣвать, и послѣдствія ея для побѣжденныхъ—становиться менѣе губительными.

Находя идеалъ національности въ постоянномъ и въ сущности безцѣльномъ расширеніи, нѣмецкій авторъ не въ состояніи установить

и правильнаго отношенія начала національности къ началу космополитизма. Такъ какъ каждая нація стремится по его мнѣнію къ постоянному расширенію на счетъ другихъ, то идеалъ такого расширенія долженъ мыслиться, какъ поглощеніе всего человѣчества одною націею, осилившею всѣ прочія. Возможно, что этотъ результатъ и не будетъ вполнѣ достигнутъ, но во всякомъ случаѣ единственно съ его достиженіемъ можетъ, съ точки зрѣнія Рюдорффера, прекратиться международная борьба, ибо пока онъ не будетъ достигнутъ, эта борьба неизбѣжно будетъ продолжаться. Но если такъ, то прогрессъ національнаго развитія приводитъ къ результату космополитическому, къ тому, что „человѣчество понимается, какъ дальнѣйшая ступень развитія націи, какъ конечный пунктъ органическаго роста нѣкотораго живого организма, долженствующаго развиться до нея" (стр. 24). Смыслъ начала національности получается при этомъ такой, что „человѣчество должно считаться послѣднею цѣлью національнаго стремленія, отправною точкою и границею того роста, посредствомъ котораго нація должна хотѣть сама распространиться по всей землѣ и стать организаціею человѣчества" (стр. 25). Такимъ образомъ выходитъ, что національность есть лишь средство для достиженія космополитическаго результата, состоящаго въ томъ, что нація, обнявъ собою все человѣчество, отожествится съ послѣднимъ. Начало человѣчества возвышается слѣдовательно нѣмецкимъ авторомъ надъ началомъ національности и возвышается при томъ въ формѣ грубаго космополитизма, мечтающаго о завоеваніи или объ истребленіи одною націею всѣхъ прочихъ націй [1]). При такомъ пониманіи начала національности оно, конечно, не можетъ считаться высшимъ началомъ сравнительно съ началомъ общечеловѣчности, такъ какъ при этомъ пониманіи истиннаго одухотворенія государства не можетъ быть, и людямъ естественно искать спасенія отъ союза, полагающаго своею цѣлью борьбу и завоеванія, въ какихъ либо иныхъ болѣе одухотворенныхъ и согласныхъ съ достоинствомъ человѣка союзахъ.

Понимая національность, какъ стремленіе постоянно расшириться за свои предѣлы, Рюдорфферъ, — несмотря на многія мѣткія замѣчанія касательно современнаго международнаго положенія,—не въ

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ явное противорѣчіе, въ которое впадаетъ авторъ при установленіи цѣли національнаго развитія. Онъ указываетъ на эту цѣль, какъ на недостижимую, невозможную. Но въ объединеніи всего человѣчества подъ властью одной національности нѣтъ ничего принципіально невозможнаго. Можетъ быть такое сочетаніе силъ, при которомъ и эта цѣль окажется вполнѣ достижимою.

состояніи, какъ слѣдуетъ, разобраться въ вопросѣ о національныхъ задачахъ различныхъ европейскихъ государствъ. Въ опредѣленіи этихъ задачъ ему постоянно приходится впадать въ противорѣчіе съ своею собственною теоріею національности, какъ стремленія къ постоянному расширенію. Онъ начинаетъ со странъ Балканскаго полуострова и указываетъ на то, что побѣда Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и Греціи надъ Турціею была побѣдою національнаго начала надъ антинаціональнымъ. Въ этой побѣдѣ проявилась „воля къ жизни, способность къ жизни національныхъ государствъ съ одной стороны и неспособность къ жизни, необходимое паденіе не построенной на національной основѣ европейской Турціи съ другой стороны“ (стр. 61). Но если безграничное расширеніе есть цѣль всякой націи, то не видно, почему турецкой имперіи должно быть отказано въ наименованіи національнаго государства. Турецкій народъ обнаружилъ такую способность расширенія за свои границы, равную которой трудно указать въ какомъ либо иномъ государствѣ, кромѣ римскаго. Въ самыхъ азіатскихъ своихъ владѣніяхъ турки составляютъ меньшинство; между тѣмъ это меньшинство завоевало Балканскій полуостровъ, весь сѣверъ Африки, владѣло Венгріею и южною Россіею. Съ точки зрѣнія Рюдорффера Турція должна считаться поэтому въ высшей степени національнымъ государствомъ. Очевидно, что здѣсь получается такая путаница понятій, разобраться въ которой можно, только совершенно отказавшись отъ теоріи безграничнаго расширенія и ставъ на точку зрѣнія національнаго самосохраненія. Съ этой точки зрѣнія завоевательный успѣхъ за *законными* этническими предѣлами долженъ считаться не прогрессомъ, а регрессомъ національности. Пока эллины боролись съ варварами за свою независимость, они исполняли національную задачу; нельзя отрицать, что и объединеніе Греціи подъ македонскою гегемоніею было дѣломъ—хотя неполнаго—національнаго объединенія. Но завоеваніе востока привело Элладу къ расточенію національныхъ силъ и къ перенесенію центровъ эллинской культуры въ инородныя области, гдѣ эллинизмъ легъ на населеніе лишь тонкимъ наноснымъ слоемъ, а коренной эллинскій типъ превратился черезъ скрещиваніе въ типъ половинчатаго метиса. И въ Римѣ недаромъ старики сомнительно покачивали головой, когда молодежь передъ началомъ пуническихъ войнъ стремилась вмѣшаться во внѣитальянскія дѣла; въ этомъ колебаніи инстинктивно выразилось предчувствіе того, что путь завоеванія будетъ путемъ къ разложенію италійской народности, которое и въ дѣйствительности впослѣдствіи шло

шагъ за шагомъ съ распространеніемъ римскаго владычества. Ни въ чемъ не проявляется рѣзче различіе того націонализма, который мечтаетъ о расширеніи націи, отъ того, девизомъ котораго служитъ ея самосохраненіе, какъ въ оцѣнкѣ плодовъ завоевательной политики.

Расширеніе національности даетъ прочные плоды лишь въ томъ случаѣ, если завоеваніе сопровождается ассимиляціею побѣжденныхъ народностей съ побѣдителями. Въ турецкомъ государствѣ эта ассимилирующая сила была слаба. Но если она бываетъ и велика, какъ то имѣло, напримѣръ, мѣсто въ римскомъ государствѣ, то во всякомъ случаѣ ей всегда поставленъ предѣлъ. Если и можно безъ значительныхъ натяжекъ говорить о сліяніи Галліи и Испаніи въ одну націю съ италійцами, то это сліяніе было уже гораздо слабѣе въ Африкѣ, и его вовсе не было на востокѣ, который и подъ властію Рима оставался покрытъ поверхностнымъ слоемъ эллинизаціи. Стало быть въ конечномъ результатѣ безграничное расширеніе націи во всякомъ случаѣ осуждено на неуспѣхъ. Слѣдуетъ прибавить къ тому, что въ новое время по мѣрѣ усиленія національнаго сознанія совершается возрожденіе многихъ подвластныхъ націй, примѣромъ котораго являются народности Австро-Венгріи. Поэтому говорить въ настоящее время о возможности безграничнаго расширенія націи довольно рискованно. Нынѣ слѣдуетъ скорѣе ожидать возрожденія повидимому уже угасшихъ въ своей жизни націй, чѣмъ сліянія существующихъ націй во едино. Слѣдовательно если даже согласиться съ тѣмъ, что смыслъ національности состоитъ въ стремленіи къ безграничному расширенію, то надлежитъ понимать это расширеніе лишь какъ процессъ образованія чисто-внѣшнихъ аггрегатовъ; и пока эти аггрегаты не разбиты, считать ихъ государствами національными.

При такомъ взглядѣ, вполнѣ послѣдовательно вытекающемъ изъ признанія задачею національнаго государства стремленіе къ безконечному расширенію, не видно, почему, напримѣръ, слѣдуетъ считать Австро-Венгрію въ большей мѣрѣ антинаціональнымъ государствомъ, чѣмъ, положимъ, Францію и Италію. Напротивъ, несомнѣнно, что въ своей исторіи австрійская нація обнаружила болѣе способности расширяться за свои предѣлы, чѣмъ націи французская или итальянская, и что первая стало быть лучше вторыхъ исполнила свою національную задачу. Если нынѣ австро-венгерскій аггрегатъ разбивается, то это крушеніе съ разсматриваемой точки зрѣнія такъ же мало должно считаться торжествомъ начала національности, какъ и крушеніе турецкаго аггрегата; ибо весьма сомнительно, чтобы государ-

ства, которыя возникли и возникнутъ на развалинахъ оттоманской имперіи и имперіи Габсбурговъ, проявили равную съ этими имперіями силу расширенія. Гораздо вѣроятнѣе, что эти государства останутся прочно заключенными въ своихъ предѣлахъ. При пониманіи начала національности, какъ начала самосохраненія, это будетъ торжествомъ національнаго начала; а при пониманіи его, какъ начала безграничнаго расширенія, это будетъ паденіемъ національнаго начала.

Что касается Россіи, то въ примѣненіи къ ней особенно явно обнаруживается различіе между двумя противоположными пониманіями начала національности. Есть такой видъ русскаго національзма, который мечтаетъ для Россіи объ участи „третьяго Рима", т. е. о насиліи ея надъ всѣмъ міромъ. Такое перенесеніе на современность идеаловъ грубаго варварскаго времени едва ли требуетъ опроверженія. Другая, болѣе умѣренная завоевательная теорія отожествляетъ русскій національзмъ съ панславизмомъ. Такъ поступаетъ и нѣмецкій авторъ. Да и нѣтъ ничего удивительнаго въ такомъ смѣшеніи понятій со стороны иностранца, такъ какъ онъ въ этомъ случаѣ только вторитъ многочисленнымъ голосамъ русской интеллигенціи. Отношеніе къ славянскому вопросу вообще есть лучшая проба для различенія истины и лжи въ понятіи русской національности. Если національность есть одухотвореніе государства, и если поэтому истинно-національное стремленіе должно основываться на *исторической* почвѣ существующаго или существовавшаго или по крайней мѣрѣ имѣющаго историческія основы *возможности* государства, то ложь панславизма очевидна. Никакого общеславянскаго государства никогда не было. Засимъ, конечно, возможно присоединеніе славянскихъ областей къ Россіи путемъ завоеванія также, какъ возможно присоединеніе къ ней и не-славянскихъ областей; но такое завоеваніе, поскольку оно препятствовало бы задачѣ одухотворенія русскаго государства, т. е. духовному объединенію его населенія, безъ сомнѣнія не согласуется съ цѣлями истинно-національной политики. Культурное сближеніе славянъ будетъ совершаться гораздо успѣшнѣе въ томъ случаѣ, если они сохранятъ свои политически независимые національные центры, чѣмъ въ томъ случаѣ, если они будутъ насильственно объединены. А что это объединеніе можетъ быть только насильственнымъ, ясно указываетъ самъ Рюдорфферъ: „Панславизмъ русскихъ, говоритъ онъ (стр. 71 и сл.), должно различать отъ панславизма нерусскихъ славянъ. Для русскихъ онъ есть идея русскаго руководства всѣми славянами. Они всѣ суть дѣти великой матери Россіи, кото-

рая должна ихъ защищать, но также и направлять. Поэтому русскій панславизмъ есть не что иное, какъ русскій націонализмъ, проявляющій въ первомъ свою расширяющую силу. Онъ имѣетъ въ виду только распространеніе русскаго владычества на нерусскихъ славянъ; братство, о которомъ онъ говоритъ, есть присоединеніе къ Россіи. Русская идея расширяется въ славянскую, но не первая должна перейти во вторую, а вторая въ первую. Иное дѣло панславизмъ нерусскихъ славянъ. Для нихъ онъ есть не что иное, какъ право и притязаніе на русскую помощь". Но такая разнородность цѣлей обоихъ видовъ панславизма образуетъ ли благопріятныя условія для общеславянскаго государства? Русской національности очевидно нѣтъ никакого основанія расширяться въ какую-то несуществующую славянскую національность. Съ другой стороны ни чехи, ни сербы, ни болгары не проявляютъ ни малѣйшаго желанія превратиться въ русскихъ, и всякая попытка ихъ обрусенія была бы источникомъ величайшихъ затрудненій для Россіи и величайшихъ страданій для нихъ. Что же касается помощи со стороны Россіи, то Россія достаточно сильна, чтобы оказывать такую помощь во всей той мѣрѣ, какая согласна съ русскими интересами. Благодаря Россіи балканскіе славяне достигли своего теперешняго положенія. Совершающійся нынѣ разгромъ Австро-Венгріи дастъ національную независимость и тамошнимъ славянамъ, а русскихъ и польскихъ единоплеменниковъ соединитъ съ Россіею и Польшею. Стремиться къ большему было бы несогласно съ требованіями истиннаго націонализма.

Правда, общеславянское объединеніе обычно представляютъ себѣ не какъ насильственный актъ завоеванія, а какъ имѣющую добровольно возникнуть федерацію славянскихъ націй, въ которой Россіи будетъ, конечно, принадлежать первенствующее положеніе, но въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ сохранится самобытность каждаго славянскаго народа. Однако позволительно спросить, для чего нужна такая федерація? Для культурнаго сближенія она очевидно не нужна. Не нужна и для внѣшней самозащиты. Если славянскіе народы будутъ правильно соображать свои интересы, то они и такъ всегда будутъ на сторонѣ Россіи; если же, какъ это имѣетъ теперь мѣсто въ Болгаріи, какой либо изъ нихъ подчинится враждебнымъ Россіи вѣяніямъ, то какой интересъ для Россіи вводить враждебные элементы въ составъ своего политическаго организма и тратить свои силы на ихъ насильственное обузданіе? Довольно съ нея польскаго и финляндскаго вопросовъ. При томъ такая федерація не имѣетъ для себя никакой

исторической аналогіи. Всякая существующая нынѣ федерація есть произведеніе исторіи, которая можетъ спаять федеративными узами даже разноплеменные народы, какъ то видно на примѣрѣ Швейцаріи. Но общеславянская федерація была бы чисто книжнымъ, доктринерскимъ порожденіемъ. Единственною ея скрѣпою было бы несомнѣнно существующее сродство славянскихъ языковъ. Но вѣдь и латинскіе языки между собою и германскіе между собою сходны; однако не возникаетъ же ни общелатинской, ни общегерманской федераціи, а французы, итальянцы, испанцы съ одной стороны, нѣмцы, голландцы, шведы, датчане, норвежцы, англичане съ другой довольствуются объединеніемъ въ предѣлахъ своей національности, національности дѣйствительной, а не вымышленной.

Изложеннаго выше достаточно для пониманія того, въ чемъ истинный націонализмъ отличается отъ ложнаго. Первый есть *сохраненіе своего*, второй—*захватъ чужого*. Съ точки зрѣнія истиннаго націонализма право національности въ сферѣ международныхъ отношеній столько же священно, сколько въ области частныхъ отношеній священно право личности и собственности; и потому нарушеніе права національности путемъ завоеванія есть *тяжкое преступленіе*, соотвѣтствующее *увѣчью* и *грабежу* въ области личныхъ отношеній. И чѣмъ результатъ современной великой распри будетъ болѣе свободенъ отъ грѣха завоеванія, тѣмъ болѣе потоки проливаемой нынѣ крови подвинутъ человѣчество къ состоянію прочнаго мира, основаннаго на правильномъ разграниченіи національныхъ областей.

Сохраненіе своего въ широкомъ значеніи этого слова означаетъ и возвращеніе того, что было незаконно отнято. Поэтому возсоединеніе съ Россіею и Польшею отторгнутыхъ отъ нихъ исконныхъ русскихъ и польскихъ областей, конечно, вполнѣ согласуется съ требованіями начала національности. Совершивши этотъ актъ возсоединенія, Россія только загладитъ грѣхъ минувшаго завоеванія, въ которомъ она была къ сожалѣнію участницею и попустительницею. Но засимъ возникаетъ вопросъ, чѣмъ можетъ быть оправдано ожидаемое присоединеніе къ Россіи Константинополя? Національнаго права на него Россія, конечно, не имѣетъ, и потому такое присоединеніе является безспорно захватомъ чужого. По этому поводу позволительно привести слѣдующія соображенія.

Ни по историческимъ основаніямъ, ни по составу населенія Константинополь не можетъ считаться законнымъ достояніемъ какой либо изъ существующихъ націй. Принадлежность его Турціи основана на

насиліи и потому совершенно законно будетъ прекращена силою же. Такъ какъ онъ былъ столицею Византійской имперіи, а въ послѣдней господство принадлежало греческой культурѣ, то наиболѣе близкимъ предположеніемъ является отдача его грекамъ. Но дѣло въ томъ, что Византія не была государствомъ національнымъ. Она была такимъ же конгломератомъ народностей, какъ Австрія или Турція, и потому для возстановленія ея въ прежнемъ составѣ нѣтъ никакого національнаго основанія. Чего въ правѣ добиваться Греція въ случаѣ предстоящаго раздѣленія турецкихъ областей, должно быть опредѣлено на основаніи этническаго состава этихъ областей. При томъ рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, приметъ ли Греція участіе въ войнѣ противъ Турціи и ея союзниковъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ проливать кровь своихъ сыновъ ради греческихъ національныхъ идеаловъ державамъ четверного согласія, конечно, нѣтъ смысла. Обращаясь же къ вопросу объ этническомъ составѣ константинопольскаго населенія, можно, насколько то позволяетъ неточность статистическихъ данныхъ, признать за вѣроятное, что, при самомъ благопріятномъ для грековъ разсчетѣ, они составляютъ немного болѣе одной трети этого населенія; изъ остальныхъ двухъ третей главную массу составляютъ мусульмане, именуемые вообще турками, и армяне. При такомъ составѣ населенія Константинополь можетъ считаться городомъ международнымъ, который, какъ res nullius, принадлежитъ первому завладѣвшему имъ. Поэтому союзныя державы въ случаѣ захвата ими Константинополя, въ правѣ отдать его тому государству, которому онъ наиболѣе нуженъ, и владѣніе котораго имъ наиболѣе согласуется съ международными интересами. Такимъ государствомъ естественно является Россія, такъ какъ обладаніе Константинополемъ (съ чѣмъ, конечно, связано обладаніе вообще Босфоромъ и Дарданеллами) открываетъ для нея выходъ изъ Чернаго моря и вмѣстѣ обезпечиваетъ безопасность ея юга, а съ другой стороны создаетъ благопріятныя для общеевропейской торговли условія вывоза русскаго хлѣба. Не будь этихъ условій, присоединеніе Константинополя было бы для Россіи лишь лишнею тяготою, такъ какъ оно безъ нужды усложняло бы и безъ того нелегкое дѣло національнаго сліянія разноплеменнаго русскаго населенія.

Путь исторіи не только тяжелъ самъ по себѣ, но его тягота усиливается еще тѣмъ, что на его протяженіи приходится исправлять грубыя ошибки прежней политики. И потому, сохраняя полную надежду на благопріятное разрѣшеніе для Россіи и ея союзниковъ

предпринятой ими великой задачи, нельзя не испытать скорбнаго чувства при мысли о томъ, въ какой степени сама Россія и ея теперешніе союзники прежними своими дѣйствіями усложнили и затруднили это разрѣшеніе. Но теперь не время ни для безплодныхъ сожалѣній о прошломъ, ни для упрековъ. Будемъ только помнить о томъ, что для Россіи настоящая война есть не просто результатъ столкновенія грубыхъ стихійныхъ силъ, но великая задача, которая должна быть разрѣшена согласно началу національности.

Н. Г. Дебольскій.

ГР. Л. Н. ТОЛСТОЙ, КАКЪ ХУДОЖНИКЪ.

Опытъ эстетической критики [1]).

I.

Я избираю темою моего опыта бесѣду о гр. Л. Н. Толстомъ, *какъ художникѣ*, и потому совсѣмъ не имѣю въ виду касаться его учительской дѣятельности послѣдняго времени, къ которой, къ тому же, отношусь совершенно отрицательно. Я предпочитаю остановиться на художественной сторонѣ произведеній гр. Толстого потому, что сторона эта, составляя главную его силу, доселѣ, на мой взглядъ, остается наименѣе разъясненною, хотя въ теченіе полустолѣтія великій писатель постоянно приковывалъ къ себѣ вниманіе критиковъ и заставлялъ ихъ много говорить о себѣ. Надъ оцѣнкою его произведеній пробовали свои силы представители разныхъ критическихъ толковъ, начиная съ Дружинина, Ап. Григорьева и Писарева и оканчивая Страховымъ, Михайловскимъ и Овсянико-Куликовскимъ. Но эта обширная критическая литература, пополнившаяся въ послѣднія десятилѣтія статьями западныхъ критиковъ, менѣе всего интересовалась собственно художественными достоинствами обсуждавшихся произведеній и являлась не столько эстетическою критикою, сколько объясненіемъ ихъ смысла съ точки зрѣнія міросозерцанія художника, которое подвергалось внимательному разбору. Съ особою силою и наглядностью этотъ

---

[1]) Первая часть предлагаемаго опыта была прочитана, въ качествѣ публичной лекціи, въ Москвѣ, въ аудиторіи Историческаго музея, болѣе четверти вѣка тому назадъ (22-го марта 1890 г.) и нынѣ, съ небольшими измѣненіями, печатается впервые. Этимъ объясняются нѣкоторыя особенности ея изложенія. Вторая часть, тогда же задуманная, написана лишь весною 1914 г. Неожиданно надвинувшаяся война съ Германіей, Австро-Венгріей и Турціей помѣшала, однако, тогда же напечатать мой опытъ.

пріемъ сказался въ книгахъ Громеки и Булгакова, которые, заимствовавъ основныя мысли въ авторской исповѣди писателя, приложили ихъ къ сочувственному истолкованію его созданій.

Понятно, что, становясь на подобную точку зрѣнія, сужденія критиковъ, въ зависимости отъ ихъ убѣжденій и симпатій, должны были рѣзко разойтись между собою. Это и произошло въ дѣйствительности. Одни изъ критиковъ, находя міросозерцаніе писателя не только ложнымъ, но вреднымъ и опаснымъ, относились съ рѣшительнымъ осужденіемъ къ его произведеніямъ,—тѣмъ бо̀льшимъ, чѣмъ бо̀льшее впечатлѣніе производили они на читателя. Наоборотъ, другіе критики, раздѣляя идеи и стремленія автора, не находили достаточно сильныхъ выраженій, чтобы восхвалять и превозносить его. Выходило такъ, что подвергался суду, порицался или одобрялся, не беллетристъ-писатель, а человѣкъ извѣстныхъ убѣжденій, не художникъ, а мыслитель. Правда, естественно было не упускать изъ виду этой стороны дѣла; но ей придано было слишкомъ исключительное и одностороннее значеніе. Правда и то, что оба лагеря,—и порицатели, и поклонники,—съ одинаковымъ безпристрастіемъ утверждали, что въ гр. Толстомъ, независимо отъ его воззрѣній, мы имѣемъ дѣло съ исключительною художественной силой, а въ его произведеніяхъ—съ созданіями рѣдкой красоты и прелести; но эта сторона дѣла только указывалась, но не разъяснялась, только отмѣчалась, но не подвергалась оцѣнкѣ. Въ чемъ состоятъ сила художника, красота и прелесть его созданій,—оставалось темнымъ, ибо критики довольствовались въ этомъ отношеніи нагроможденіемъ восторженно лестныхъ эпитетовъ по адресу автора, не открывая читателю секрета своихъ восторговъ. Замѣтнымъ исключеніемъ отсюда являются лишь прекрасныя работы Ап. Григорьева, Страхова и Овсянико-Куликовскаго, которыя, однако, далеко не исчерпываютъ вопроса и даже не всегда вѣрно ставятъ его, хотя и отмѣчаютъ въ немъ важныя стороны.

Такимъ образомъ, благодаря одностороннему направленію, усвоенному нашею критикой, мы до сихъ поръ не имѣемъ сколько-нибудь полной эстетической оцѣнки великаго писателя,—тѣхъ особенностей его творчества, которыми прежде всего и больше всего опредѣляются достоинство и значеніе его произведеній: какъ художникъ, гр. Толстой остается величиною неизмѣренною, чрезвычайные размѣры которой чувствуются, тѣмъ не менѣе, каждымъ читателемъ.

Не мнѣ, конечно, измѣрить и опредѣлить эти размѣры: гр. Толстой, какъ художникъ, явленіе слишкомъ большое и крупное, чтобы взять

на себя столь трудную задачу. И я далекъ отъ такой самонадѣянной затѣи. Моя задача скромнѣе. Мнѣ хотѣлось бы выяснить лишь нѣкоторыя выпуклыя черты творчества художника, характеризующія, по моему мнѣнію, важныя особенности его удивительнаго таланта. При этомъ я просилъ бы моихъ благосклонныхъ читателей не спѣшить съ своими заключеніями и дать мнѣ возможность высказать мою мысль сполна, прежде чѣмъ произносить тотъ или другой судъ надъ нею.

Я начну свой критическій анализъ творчества гр. Толстого съ утвержденія, которое многимъ покажется, быть можетъ, совершенно непріемлемымъ: такъ оно расходится съ общепризнанными пріемами оцѣнки художественныхъ произведеній.

Думаютъ обыкновенно, что задача писателя-художника состоитъ въ изображеніи людскихъ типовъ, воплощающихъ отличительные признаки той или иной категоріи отдѣльныхъ лицъ, и чѣмъ лучше рѣшаетъ онъ эту задачу, чѣмъ живѣе и рельефнѣе его образы,—тѣмъ ярче его талантъ, тѣмъ выше его созданія.

Съ нѣкоторою оговоркою, я совершенно раздѣляю эти положенія, и, тѣмъ не менѣе, подходя къ гр. Толстому съ указанною мѣркою, нахожу, наперекоръ обычному мнѣнію, что у него нѣтъ людскихъ типовъ въ истинномъ и точномъ значеніи этихъ словъ или, по крайней мѣрѣ,—что онъ лишь въ малой мѣрѣ и слабо удовлетворяетъ этому требованію, хотя и не перестаетъ быть, вслѣдствіе того, великимъ и несравненнымъ художникомъ.

Я долженъ, впрочемъ, тотчасъ же оговориться: въ вопросахъ искусства нельзя ставить безусловныхъ утвержденій или отрицаній, и когда я говорю, что у гр. Толстого нѣтъ типическихъ фигуръ, я хочу сказать этимъ лишь то, что типическое, какъ таковое, отходитъ у него на задній планъ и замѣняется чѣмъ-то инымъ, что наиболѣе важные, продуманные и удавшіеся образы не представляютъ у него типовъ, хотя и нельзя сказать того же о нѣкоторыхъ второстепенныхъ лицахъ. Долоховъ и капитанъ Тушинъ въ „Войнѣ и мирѣ" или Стива Облонскій въ „Аннѣ Карениной"—фигуры, отчетливо выступающія и достаточно типическія; но, вѣдь, эти фигуры настолько просты и элементарны по своему душевному складу, что изображеніе ихъ удается не въ меньшей мѣрѣ художникамъ второй и даже третьей руки. Діаконъ Ахиллъ въ „Соборянахъ" Лѣскова или Ольга Ранцева въ романахъ Маркевича нарисованы, въ смыслѣ типичности, не хуже, а лучше Долохова или Облонскаго; между тѣмъ, эти рисунки вышли изъ-подъ пера Лѣскова и Маркевича,—писателей, безспорно, дарови-

тыхъ, но, конечно, не Толстовскаго ранга и значенія. Позволю себѣ повторить, что для изображенія натуръ несложныхъ, опредѣляемыхъ немногими характерными чертами, нѣтъ надобности въ большомъ талантѣ, чтобы изображенія ихъ удались, и еще невелика похвала великому художнику, если про него скажутъ, что онъ удачно справляется съ задачами этого рода.

Но обратитесь къ крупнымъ созданіямъ гр. Толстого; возьмите, напримѣръ, два благоухающихъ женскихъ образа—Наташу Ростову и Анну Каренину, и ничего типическаго вы не найдете въ нихъ. Есть что то живое, яркое, поражающее своею яркостью въ этихъ образахъ, но не типическое,—до того не типическое, что вы съ трудомъ проводите границу между Наташей и Анной, и эту границу вы находите не столько потому, что въ изображаемыхъ лицахъ есть какія-либо обособляющія ихъ черты, сколько потому, что различная судьба накладываетъ на нихъ разный отпечатокъ. Или возьмите Пьера Безухова и Левина, и результатъ получится тотъ же: это—почти одно и то же лицо, поставленное въ двухъ различныхъ романахъ въ совершенно различныя положенія. Переберите, наконецъ, большинство лицъ, которыхъ художникъ выводитъ предъ нами въ своихъ произведеніяхъ, начиная съ „Дѣтства и отрочества“ и кончая, пожалуй, „Крейцеровой сонатой“ и „Воскресеніемъ“, и мнѣ кажется, что, оставаясь безпристрастными, вы согласитесь со мною, что эти лица, какъ живые люди, съ ихъ оригинальными, особенными чертами, нарисованы блѣдно, неопредѣленно и неясно.

Что это, дѣйствительно, такъ, я приглашаю васъ произвести весьма простой умственный опытъ надъ собою. Обратитесь для сравненія къ какому-нибудь другому писателю, который владѣетъ секретомъ изображать людей типическихъ; возьмите, напримѣръ, Грибоѣдова въ его „Горе отъ ума“ или Гоголя въ его „Мертвыхъ душахъ“, „Ревизорѣ“, „Женитьбѣ“. Фамусовъ, Скалозубъ, Молчалинъ, Собакевичъ, Ноздревъ, Маниловъ, Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій, Кочкаревъ и Подколесинъ—цѣлая галлерея законченныхъ образовъ, вырисованныхъ до послѣдней черточки, со всѣми отличительными признаками, какіе наложены на нихъ жизнью. Попробуйте закрыть глаза и сосредоточить вниманіе на этихъ образахъ, и они стоятъ передъ вами, какъ наяву: вы чувствуете и видите ихъ тутъ, передъ собою, въ непосредственной близости. Это, дѣйствительно,—типы, цѣликомъ выхваченные изъ окружающей жизни и поставленные художникомъ передъ вашимъ духовнымъ взоромъ. Поэтому, между прочимъ, они и

стали для насъ именами нарицательными; поэтому, мы постоянно узнаемъ среди своихъ знакомыхъ Молчалиныхъ и Репетиловыхъ, Ноздревыхъ и Хлестаковыхъ: въ нихъ выпукло отразилась окружающая жизнь въ тѣхъ своеобразныхъ формахъ, въ которыя она отливается. Ничего подобнаго нѣтъ у гр. Толстого: его Наташа, Анна, Левинъ, Безуховъ не имѣютъ въ себѣ ничего типическаго; ихъ индивидуальныя очертанія шатки, неясны, обозначены едва уловимыми штрихами, такъ что читатель чувствуетъ въ нихъ живыхъ людей, но не видитъ, не представляетъ ихъ отчетливо и наглядно.

Но что же значитъ все это? Отсутствіе типическихъ образовъ у гр. Толстого не указываетъ ли на слабость его художественнаго творчества, недостатокъ силы его таланта? Непосредственное впечатлѣніе отъ чтенія беллетристическихъ сочиненій гр. Толстого подсказываетъ отвѣтъ отрицательный: они производятъ на читателя впечатлѣніе глубокое и неотразимое. Невольно чувствуется, что это та самая слабость, которая, по пріемамъ творчества, сближаетъ нашего художника съ величайшими геніями всемірной литературы и высоко возноситъ его надъ толпою писателей даже большихъ дарованій. Отсюда естественно заключить, что не вина гр. Толстого, что онъ не подходитъ подъ усвоенныя нами мѣрки эстетической оцѣнки и не укладывается въ ходячія формулы, опредѣляющія задачи художественнаго творчества. Вѣрнѣе думать, что мѣрки эти недостаточны и формулы узки и что, слѣдовательно, вина лежитъ не въ художникѣ, а въ цѣнителяхъ. Попробуемъ же поправить свою вину и стать въ болѣе справедливое отношеніе къ писателю.

Съ этою цѣлью я долженъ коснуться нѣкоторыхъ общихъ положеній теоріи искусства вообще. Мнѣ кажется это тѣмъ необходимѣе, что въ наше время взгляды на искусство являютъ большой разбродъ мнѣній и порою страдаютъ нѣкоторою неясностью, чтобы не сказать шаткостью. Мнѣ нужно, поэтому, установить точку зрѣнія на дѣло, которая дала бы возможность подойти къ оцѣнкѣ писателя съ надлежащей стороны и болѣе или менѣе правильно опредѣлить его рѣдкія достоинства. Напередъ попрошу извиненія у моихъ читателей, если, по ходу изложенія, мнѣ придется коснуться при этомъ положеній общеизвѣстныхъ.

Немного, думается мнѣ, найдется теперь послѣдовательныхъ защитниковъ такъ называемаго протоколизма въ искусствѣ, явившагося крайнимъ выраженіемъ натуралистическаго направленія и еще сравнительно недавно имѣвшаго легіоны адептовъ и поклонниковъ. Теперь

всѣ болѣе или менѣе убѣждены въ томъ, что индивидуальное, какъ таковое, не можетъ быть предметомъ искусства, которое призвано создавать общіе образы. На всѣ лады повторяютъ теперь, что фотографированіе жизни не составляетъ художественной работы и протоколы дѣйствительныхъ событій не замѣняютъ художественныхъ созданій. Намъ могутъ дать весьма вѣрныя копіи съ Луки или Карпа, но мы не заинтересуемся этими копіями, если только оригиналы ихъ случайно не совмѣщаютъ въ себѣ родовыхъ признаковъ какой либо группы лицъ. Но если намъ изобразятъ Хлестакова или Ноздрева, Фамусова или Молчалина,—мы напряженно всматриваемся въ эти фигуры, мы анализируемъ и оцѣниваемъ ихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, ибо эти Хлестаковы и Ноздревы, Фамусовы и Молчалины разсѣяны вокругъ насъ, безпрестанно попадаются намъ на глаза, живутъ и сталкиваются съ нами. Поэтому, общій образъ, обнимающій собою множество отдѣльныхъ явленій и отражающій ихъ въ себѣ,— вотъ настоящая задача искусства, которую оно, сознательно или безотчетно, преслѣдовало всегда; напротивъ, все частное, исключительное и только индивидуальное никогда не интересовало и не могло интересовать его.

И въ этомъ отношеніи искусство выдерживаетъ полную аналогію съ наукой. Какъ въ этой послѣдней отдѣльные факты имѣютъ значеніе и цѣну лишь матеріала для построенія научныхъ обобщеній, составляющихъ послѣднюю цѣль кропотливой и трудной работы надъ отдѣльными явленіями; такъ точно въ искусствѣ индивидуальное и частное составляютъ только матеріалъ, предметъ наблюденія, дающій возможность художнику рисовать общіе образы. И какъ въ наукѣ обобщеніе даетъ намъ возможность осмотрѣться въ сложномъ мірѣ отдѣльныхъ фактовъ и уяснить ихъ себѣ; такъ въ искусствѣ общій образъ проливаетъ свѣтъ въ окружающій насъ міръ разнородныхъ индивидуальностей и помогаетъ намъ уяснить ихъ духовное содержаніе. Но недаромъ наука имѣетъ дѣло съ обобщеніями, а искусство — съ образами; первая работаетъ надъ понятіями, а второе— надъ конкретными фигурами, которыхъ оно хочетъ сдѣлать живыми и рельефными. Здѣсь оканчивается аналогія между наукою и искусствомъ и начинаются глубокія различія между ними. Путь обобщенія свойственъ той и другой области и составляетъ центральную задачу ихъ обѣихъ; но путь этотъ тамъ и здѣсь различенъ, пріемы обобщенія неодинаковы.

Чтобы наглядно пояснить это различіе, позволю себѣ обратиться

къ частному случаю. Главная и вѣчная тема искусства, оперирующаго при посредствѣ рѣчи,—душа человѣческая во всемъ разнообразіи и богатствѣ ея проявленій; тою же темою занята и психологія. Но какъ различно разрабатываютъ они эту тему! Если психологія, въ отдѣлѣ ученія о волненіяхъ, останавливается, напр., на чувствѣ ревности, она описываетъ его общими чертами, разлагаетъ на составные его элементы, указываетъ на участіе и роль въ немъ основныхъ душевныхъ силъ, изучаетъ условія возникновенія его и развитія и т. д. Если та же страсть привлекаетъ къ себѣ вниманіе художника, онъ представляетъ вамъ выразительныя фигуры Отелло или Позднышева, не высказывая при этомъ никакихъ общихъ положеній, но воплощая изображаемое чувство въ пластическія формы: вы сами можете разсматривать и разбирать его, ибо оно демонстрируется передъ вами во всей своей полнотѣ и законченности.

Обобщая различія въ пріемахъ научной и художественной работы, приходится сказать, что наука отвлекаетъ общія стороны явленій и оперируетъ съ ними въ области абстрактной мысли, искусство претворяетъ ихъ въ конкретныя фигуры; первая переводитъ ихъ въ сухія логическія формулы, второе воплощаетъ въ живые образы.

Но, оставляя почву сравненія и переходя въ область искусства, спросимъ: какъ оно справляется съ своею задачею? какъ пишетъ свои образы?

Я уже сказалъ выше, что главною и вѣчною темою искусства служитъ душа человѣческая во всемъ разнообразіи ея проявленій, со всѣми переливами ея чувствованій и страстей, отъ тихихъ и робкихъ волненій сердца до самыхъ глубокихъ его потрясеній, отъ высокаго духовнаго подвига до самаго ужаснаго нравственнаго паденія. И есть два различныхъ и своеобразныхъ пріема изображать человѣческую душу, а параллельно—и двѣ различныхъ группы художниковъ. Само собою понятно, что различіе въ пріемахъ творчества и обусловливаемое имъ различіе художниковъ отчетливо выражается лишь въ типическихъ представителяхъ этихъ группъ. Понятно также, что, какъ и повсюду, эти группы рядомъ переходныхъ звеньевъ постепенно сближаются и сливаются между собою настолько, что про иныхъ представителей искусства трудно сказать, къ которой же группѣ они принадлежатъ. Но переходныя явленія въ искусствѣ, какъ и повсюду, не должны мѣшать установленію отличительныхъ группъ, какъ незамѣтный переходъ отъ темноты къ свѣту не мѣшаетъ намъ, однако, различать ночь и день.

Коротко выражая основное различіе въ пріемахъ художественнаго творчества, можно было бы сказать, что, изображая человѣческую душу, одни художники, которыхъ я назвалъ бы *художниками объективнаго направленія*, даютъ рѣшительный перевѣсъ задачѣ изображенія *типическихъ фигуръ*, тогда какъ другіе—*художники субъективнаго направленія*,—съ особою силою подчеркиваютъ *типическія переживанія* изображаемыхъ ими лицъ. Но эти короткія опредѣленія требуютъ дальнѣйшихъ поясненій.

Останавливаясь на *художникахъ объективнаго направленія* и характеризуя ихъ, слѣдуетъ сказать, что въ формы временныя и мѣстныя воплощаютъ они внутреннюю жизнь души человѣческой. Временное и мѣстное выступаетъ у нихъ на первый планъ и отмѣчается ими съ особливой любовью. Они изображаютъ человѣческую душу въ тѣхъ своеобразныхъ обнаруженіяхъ, которыя обусловливаются народностью, сословіемъ или даже тѣмъ или инымъ общественнымъ классомъ. Передъ вами отчетливо выступаютъ французъ, англичанинъ, русскій, дворянинъ, купецъ или чиновникъ. Усердно, тщательно и детально выписываются на общемъ фонѣ души человѣческой тѣ или другія оригинальныя черты, отличающія данную группу людей даннаго времени. Типическое и характерное, отличительное и особенное выдвигается впередъ и только оттѣняется общечеловѣческимъ. Оттого-то изображаемыя фигуры выходятъ необыкновенно опредѣленными и законченными, въ которыхъ вырисовано все до подробностей. Образы получаются выпуклые, рельефные, такъ сказать,—выступающіе изъ полотна. Вы чувствуете сзади нихъ общечеловѣческую душу съ ея вѣчными стремленіями и порывами, съ ея неизмѣнными влеченіями, пристрастіями и антипатіями, но все это является подъ чертами, преображенными мѣстомъ, временемъ и средою, т. е. подъ чертами типическихъ фигуръ.

Представителями этой группы художниковъ я назвалъ бы въ западной литературѣ Сервантеса или Диккенса, въ нашей—Грибоѣдова и, еще въ большей мѣрѣ, Гоголя. Въ яркомъ образѣ Донъ-Кихота Сервантесъ предлагаетъ читателю типическаго представителя угасающей эпохи рыцарства со всѣми колоритными ея красками. Въ длинной галлереѣ своихъ чудныхъ рисунковъ Диккенсъ изображаетъ намъ современныхъ англичанъ различныхъ общественныхъ классовъ и въ различныхъ условіяхъ жизни. Но тамъ и здѣсь за выпуклыми, типическими чертами созданныхъ образовъ свѣтится общечеловѣческая душа, превращающая ихъ въ понятные, близкіе и

родные намъ образы: въ нихъ теплятся, вспыхиваютъ или горятъ тѣ же чувства, что и въ насъ, хотя внѣшнія формы душевной жизни ни мало не походятъ на наши.

Моя мысль,—думаю,—станетъ еще яснѣе, если мы обратимся къ созданіямъ родной литературы. Когда Грибоѣдовъ въ своей великой комедіи выводитъ передъ нами великолѣпные художественные типы Фамусова и Молчалина, Репетилова и Загорѣцкаго,—вы видите передъ собою живыхъ представителей дореформенной дворянской Москвы: они стоятъ передъ вами, какъ изваянные, со всѣми особенностями тогдашняго склада людей. Но тутъ же вы понимаете, что Фамусовы и Молчалины, Репетиловы и Загорѣцкіе еще живы, еще здравствуютъ и окружаютъ васъ; но они приняли теперь иныя формы, думаютъ иныя думы и говорятъ иныя рѣчи. Когда Гоголь своею мастерскою кистью пишетъ тонкіе профили „старосвѣтскихъ помѣщиковъ",—какъ живая, воскресаетъ передъ вами идиллическая жизнь кроткихъ хозяевъ крѣпостной деревни, съ ея монотонною размѣренностью и беззвучіемъ; но подъ своеобразными чертами Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны художникъ задѣваетъ такія струны, которыя чутко отзываются въ вашемъ сердцѣ. Когда въ „Ревизорѣ" Гоголь рисуетъ картину уѣзднаго города дореформенной Россіи,—этотъ городъ встаетъ въ вашемъ воображеніи со всѣми особенностями своихъ нравовъ, свычаевъ и обычаевъ, и вамъ ясно, что въ иной странѣ и въ иное время вы не найдете такого города. Когда, наконецъ, въ „Женитьбѣ" Гоголь съ неподражаемымъ мастерствомъ изображаетъ мелкую чиновничью среду,—вы хорошо видите, что это—среда петербургскихъ чиновниковъ, теперь, быть можетъ, уже не существующая. Но всюду вы чувствуете у Гоголя, что рисуемые имъ своеобразные люди только облекаютъ въ своеобразную форму то, что и сейчасъ вы постоянно встрѣчаете;—что почтмейстеръ Шпекинъ, такъ самоотверженно и оригинально отдающійся своимъ литературнымъ вкусамъ, очень напоминаетъ знакомаго, съ которымъ вы только что встрѣтились и говорили;—что Кочкаревъ, рисующій себѣ картины будущаго семейнаго счастья, очень похожъ на васъ, когда вы отдаетесь мечтамъ объ этомъ предметѣ. Знакомый вашъ и вы сами иначе выражаете ваши мысли и чувства, но сущность остается та же самая.

Таковы отличительныя особенности художниковъ разсматриваемой группы. Это—художники типовъ по преимуществу: общечеловѣческое содержаніе, лежащее въ основѣ ихъ образовъ, принимаетъ мѣстную

историческую окраску и выражается въ точно очерченныхъ бытовыхъ фигурахъ. Эти фигуры плотно приросли къ своей почвѣ, неотдѣлимы отъ нея, составляютъ ея органическій продуктъ. При изображеніи ихъ вся сила художественнаго творчества полагается въ то, чтобы рельефно выставить и подчеркнуть характерное, особенное, типическое той среды, которую изображаетъ художникъ. Воплощеніе общечеловѣческаго содержанія въ мѣткія и отличительныя черты этой среды, сообщающія рисуемому образу яркій жизненный отпечатокъ, составляетъ важнѣйшую особенность и вмѣстѣ труднѣйшую задачу художниковъ этой группы.

Трудность задачи и опасности, лежащія на пути ея разрѣшенія, заключаются въ томъ, что вмѣсто художественнаго обобщенія легко впасть въ индивидуализированіе, вмѣсто творческаго образа дать фотографію дѣйствительности, вмѣсто характерной фигуры предложить портретъ, вмѣсто типа нарисовать Луку или Карпа, которые ни для кого не интересны. Это обыкновенно и случается съ ремесленниками въ искусствѣ, которые замѣняютъ талантъ пріобрѣтенною техникой писательства и въ своихъ писаніяхъ обыкновенно выводятъ своихъ знакомыхъ, приставляя изъ приличія, по рецепту Агафьи Тихоновны, „губы Никифора Ивановича къ носу Ивана Кузьмича".

Перехожу къ характеристикѣ другой группы—*художниковъ субъективнаго направленія*, которые задачею своего творчества ставятъ изображеніе внутреннихъ типическихъ переживаній, какъ эти переживанія сказываются не въ русскомъ или англичанинѣ, не въ дворянинѣ или купцѣ, а въ каждомъ человѣкѣ вообще. Въ отличіе отъ художниковъ первой группы, они не отмѣчаютъ своеобразныхъ особенностей, налагаемыхъ на человѣка историческою обстановкою; они мало интересуются тѣми проявленіями душевной жизни, какія она принимаетъ подъ вліяніемъ бытовыхъ условій. Ихъ задача—вѣчныя и неизмѣнныя стороны нашего внутренняго міра, жизнь нашего сердца, которое любитъ или ненавидитъ, радуется или страдаетъ, рвется къ небу, къ осуществленію идеаловъ, или пресмыкается на землѣ, привязанное къ житейскимъ интересамъ и погруженное въ шумъ и гамъ окружающей жизни. Въ какія конкретныя, бытовыя формы выливаются наша любовь и ненависть, радость и горе—для нихъ дѣло второстепенное и побочное; на первомъ планѣ стоитъ общее содержаніе чувства, его внутренняя природа, его, такъ сказать, сердцевина, а не внѣшняя оболочка. Поэтому, зорко и внимательно слѣдятъ они за совершающимися въ человѣческой

душѣ процессами, правдиво и ярко изображаютъ отдѣльныя стадіи душевной жизни, ея приливы и отливы, перемѣны настроеній, чувствъ и страстей. Темою ихъ изображенія является, стало быть, не тотъ или другой типъ людей, а потому характерное и типическое въ этомъ смыслѣ отходитъ на задній планъ и заслоняется картиною внутренней жизни. Съ этой точки зрѣнія они рисуютъ не типы людей, а *типы душевныхъ переживаній*; ихъ герои отличаются другъ отъ друга не столько тѣмъ, что представляютъ собою разныхъ людей, сколько тѣмъ, что изображаютъ разныя положенія.

Но они—художники прежде всего. Поэтому, свои картины душевной жизни они должны воплощать въ конкретные образы, отмѣчать ихъ такими чертами, которыя индивидуализировали бы изображаемыя состоянія и переводили ихъ въ живыя фигуры. Съ этою цѣлью они вынуждаются силою вещей ставить своихъ героевъ въ историческую обстановку и въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ вносить въ нихъ бытовыя черты. Но они дѣлаютъ это лишь настолько, чтобы оживить свои образы, одѣть ихъ плотью, а не рисовать данный бытъ; больше того, — какъ бы инстинктивно сторонясь бытовыхъ признаковъ, они хлопочутъ оживить свои фигуры не столько чертами той или другой жизни, сколько чертами темперамента и характера, какъ природныхъ данныхъ. Въ результатѣ получается картинное изображеніе душевной жизни дѣйствующихъ лицъ, но самыя лица остаются недостаточно очерченными; они обозначаются, такъ сказать, пунктиромъ,—настолько, чтобы въ нихъ чувствовалась конкретная и живая фигура, но не болѣе.

Представителями этой группы художниковъ я назвалъ бы въ западной литературѣ Гёте и, еще болѣе, Шекспира, у насъ — Ѳ. М. Достоевскаго и гр. Л. Н. Толстого. Возьмите, напримѣръ, Фауста. Въ лицѣ Вагнера вы, несомнѣнно, имѣете передъ собою зачатки типа ограниченнаго схоластика; но мѣстное и особенное отходитъ въ немъ на второй планъ: въ его лицѣ нарисованъ вообще типъ тупого ученаго самодовольства, упивающагося своею книжною и мертвою ученостью. Но если въ Вагнерѣ есть зачатки типа, то уже ничего подобнаго нѣтъ въ Фаустѣ: это — просто человѣкъ, одаренный глубокимъ умомъ и горячимъ сердцемъ, который бьется надъ разрѣшеніемъ вѣчныхъ загадокъ жизни и послушно отдается ея побѣдному зову. Правда, на него наброшены нѣкоторыя черты средневѣковаго ученаго; но эти черты настолько внѣшни и блѣдны, что выразительной фигуры, типа, изъ Фауста никакъ не выходитъ.

Еще благодарнѣе для поясненія моей мысли Шекспиръ. Въ Яго, напримѣръ, есть, конечно, характерныя особенности; въ Полоніи отчетливо рисуется льстивый и лукавый царедворецъ; наконецъ, Фальстафъ представляется тонко выписанною, законченною фигурой, которая такъ и просится на полотно. Но возьмите главныхъ героевъ Шекспировскихъ драмъ, — Отелло, Гамлета, Макбета, Лира, — и передъ вами уже совсѣмъ не типы, а въ лучшемъ случаѣ развѣ темпераменты и характеры, которыми художникъ индивидуализируетъ различныя душевныя картины. Вы чувствуете близкое родство всѣхъ этихъ образовъ между собою. Во всѣхъ нихъ заключена одна и та же могучая душа, которая развиваетъ и обнаруживаетъ передъ вами разныя свои стороны: въ Отелло она ревнуетъ, въ Гамлетѣ тяжко страдаетъ потерею вѣры въ людей и жизнь, въ Макбетѣ отравлена ядомъ кроваваго преступленія, въ Лирѣ потрясена людскою низостью и коварствомъ. Глубоко, въ послѣднихъ основахъ, затронута и обнажена здѣсь внутренняя жизнь человѣка, въ живыхъ и могучихъ фигурахъ она воплощается; но очерченныхъ типовъ здѣсь нѣтъ.

Общечеловѣческія движенія души — вотъ величайшая задача художниковъ этого рода, счастливое разрѣшеніе которой удается лишь исключительнымъ талантамъ, ибо на пути этого разрѣшенія встрѣчаются великія трудности. Главная трудность заключается въ томъ, что, стремясь вложить въ живыя лица общее содержаніе души человѣческой, художникъ рискуетъ дать вмѣсто конкретнаго образа главу психологическаго анализа, принявшаго несвойственную ему форму выраженія, вмѣсто живой фигуры — общее мѣсто, вмѣсто думающей и чувствующей души—ходячую идею. И насколько велика такая опасность,—можно судить по тому, что даже художники первой руки не всегда умѣютъ избѣжать ее: тотъ же Грибоѣдовъ, который неподражаемо справляется съ изображеніемъ людей типическихъ, даетъ намъ въ Чацкомъ именно ходячую идею, а не живое лицо.

Таковы двѣ различныхъ по задачамъ и пріемамъ творчества группы художниковъ. Если вы спросите меня, которая же изъ этихъ группъ выше въ художественномъ отношеніи, я затруднился бы отвѣтомъ: каждая въ своемъ родѣ. Но если бы отъ меня настойчиво потребовали отвѣта точнаго и опредѣленнаго, я высказался бы за художниковъ второй группы и вотъ по какимъ основаніямъ. Избѣгая всего временнаго и мѣстнаго, отрѣшаясь, насколько возможно, отъ всего историческаго, бытового, условнаго и преходящаго, художники субъективнаго направленія создаютъ образы неувядающей красоты и прелести,

понятные всякому народу, родные и близкіе всякой живой и чувствующей душѣ. Время безслѣдно проносится надъ ними, не туманитъ и не темнитъ картинъ, которыя продолжаютъ сохранять свѣжесть и блескъ своихъ красокъ.

Иная судьба художниковъ объективнаго направленія. Историческія и бытовыя черты, которыя они вкладываютъ въ свои созданія, съ теченіемъ времени отходятъ, блекнутъ, стираются и исчезаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ блѣднѣютъ и тускнѣютъ когда-то яркіе образы. Все временное и мѣстное, что придавало ясность и точность рисунку, становится впослѣдствіи мало понятнымъ, какъ далекое прошлое, канувшее въ вѣчность. Является нужда въ комментаріяхъ: чтобы понять и почувствовать изображаемую картину, нужно возсоздать себѣ жизнь, которую она изображаетъ, ибо краски, положенныя на нее, условны. Въ томъ же положеніи, въ какомъ находятся потомки къ картинамъ этого рода, стоятъ иностранцы, мало знакомые или совсѣмъ незнакомые съ чертами изображаемой дѣйствительности. Поэтому, произведенія художниковъ этой группы обыкновенно хорошо разумѣются и высоко цѣнятся современниками и соплеменниками. Позднѣйшія поколѣнія, а еще болѣе другіе народы, поставлены въ невыгодное къ нимъ положеніе и не всегда могутъ давать себѣ ясный отчетъ въ ихъ достоинствахъ. Недаромъ Гоголя, напримѣръ, плохо знаютъ и мало цѣнятъ на Западѣ: онъ слишкомъ русскій писатель, чтобы быть доступнымъ иностранцу, не знающему нашего быта. Еще въ большей мѣрѣ слѣдуетъ сказать то же объ Островскомъ: его превосходные типы Титъ Титычей и Подхалюзиныхъ представляютъ собою продукты столь исключительной среды, что, безъ знакомства съ послѣднею, они кажутся совершенно загадочными.

Изложенныя общія соображенія даютъ,—мнѣ кажется,—возможность ближе опредѣлить и вѣрнѣе оцѣнить несравненныя достоинства произведеній гр. Л. Н. Толстого и выяснить существенную сторону его необыкновеннаго таланта. Я отнесъ его выше къ художникамъ субъективнаго направленія, рисующимъ не типы людей, а типы душевныхъ переживаній, не бытовыя и характерныя фигуры, а душевную жизнь человѣка. Если моя характеристика художниковъ этой группы вѣрна, если, далѣе, я не дѣлаю ошибки, относя къ ихъ числу гр. Толстого, то однимъ этимъ отнесеніемъ опредѣляется болѣе или менѣе точно основной характеръ его творчества: къ нему прилагаются всѣ тѣ черты, которыя составляютъ отличительные признаки художниковъ названной группы. Поэтому, мнѣ остается показать,

какъ эти черты отражаются и какими особенностями сказываются въ немъ.

Выше, въ своемъ мѣстѣ, я уже указывалъ на то, что въ произведеніяхъ гр. Толстого, начиная съ первыхъ его опытовъ и кончая послѣдними работами, дѣйствующія лица, за немногими исключеніями, въ общемъ и цѣломъ очерчены блѣдно и слабо, — настолько лишь, чтобы оживить изображаемую душевную картину и воплотить ее въ конкретный образъ. Но за-то тѣмъ съ бо̀льшею отчетливостью и яркостью выступаетъ изъ-подъ этихъ очертаній внутренняя жизнь его героевъ. Авторъ съ удивительною силою, вѣрностью и правдивостью обнажаетъ передъ читателемъ душу каждаго описываемаго имъ лица, слѣдитъ за ея измѣненіями, рисуетъ постепенный ходъ ея развитія, даетъ тонкое и мѣткое изображеніе фазисовъ, переживаемыхъ ею. Какъ въ зеркалѣ, отчетливо, ясно и наглядно отражается подъ его волшебнымъ перомъ внутренняя жизнь человѣка. При этомъ рисунокъ его всегда простой и твердый: онъ не теряется въ мелочахъ и подробностяхъ, а рукою мастера проводитъ кардинальныя линіи, отбрасывая все второстепенное и несущественное, способное заслонить главное и важное. Подробности и мелочи вносятся имъ лишь для того, чтобы рѣзче обозначить и выдѣлить основное душевное движеніе, изображаемое тамъ или здѣсь.

Всѣми этими чертами гр. Толстой сближается съ наиболѣе крупными представителями художниковъ его группы. Но вотъ въ чемъ его рѣдкая особенность, въ которой онъ находитъ немного соперниковъ. Онъ выбираетъ своихъ героевъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, нормальныхъ людей и, въ крайнемъ случаѣ, лишь чуть-чуть поднимаетъ ихъ надъ толпою нѣсколько бо̀льшею полнотою душевныхъ силъ. У него нѣтъ натуръ исключительныхъ и титаническихъ, у которыхъ могучимъ потокомъ несется внутренняя жизнь и принимаетъ рѣзкія и поражающія очертанія; у него нѣтъ Фаустовъ, Гамлетовъ, Отелло или Макбетовъ, въ которыхъ ярко горитъ мысль, высоко поднимается чувство и бурно вскипаетъ страсть. Его герои — самые простые средніе люди, какихъ мы встрѣчаемъ ежедневно, какихъ можемъ всегда найти въ окружающемъ обществѣ, ибо въ лучшемъ случаѣ они лишь нѣсколько глубже мыслятъ и чувствуютъ, чѣмъ рядовые его члены. Даже касаясь людей исключительныхъ, — Наполеона, Кутузова, — гр. Толстой подходитъ къ нимъ съ будничной стороны и рисуетъ ихъ скромными тонами повседневныхъ переживаній. Точно также онъ обычно не создаетъ своимъ героямъ какихъ-

нибудь особенныхъ, чрезвычайныхъ положеній, а въ большинствѣ случаевъ избираетъ для нихъ самую обыкновенную житейскую обстановку, какая попадается на каждомъ шагу. И вотъ въ этой-то простой жизни среднихъ людей онъ умѣетъ находить живыя, полныя глубокаго смысла и значенія картины внутренняго міра человѣка. То, что для обыкновеннаго наблюдателя мелькаетъ и проходитъ безслѣдно, подъ художественнымъ рѣзцомъ гр. Толстого получаетъ рельефныя и выразительныя формы. На самомъ простомъ фонѣ изображаемой жизни, при отсутствіи въ ней пестрыхъ и яркихъ красокъ, онъ умѣстъ такъ комбинировать сѣрые тоны дѣйствительности, что рисунокъ получается отчетливый, законченный и полный значенія. И какое богатство сторонъ внутренней жизни, какую полноту чувства умѣетъ онъ открыть въ самой простой душѣ! Рисуя людей обыкновенныхъ, онъ, кажется, не оставилъ ни одной душевной струны, которая такъ или иначе не прозвучала бы въ его созданіяхъ!...

Чтобы оправдать свои утвержденія, я долженъ перейти теперь къ анализу отдѣльныхъ произведеній гр. Толстого. Но ихъ такъ много, что мнѣ поневолѣ приходится остановиться лишь на нѣкоторыхъ. Кромѣ того, среди работъ писателя его великая поэма „Война и миръ", о которой мнѣ предстоитъ говорить позднѣе и по другому поводу, является столь сложною по замыслу и выполненію, что ее одной нѣтъ возможности исчерпать въ небольшомъ критическомъ этюдѣ. Для моей цѣли это, впрочемъ, и не нужно. Достаточно, если я коснусь не только отдѣльныхъ произведеній автора, но даже лишь отдѣльныхъ лицъ въ этихъ произведеніяхъ.

Минуя раннія работы гр. Толстого, не останавливаясь даже на его „Дѣтствѣ и отрочествѣ", — произведеніи, которое одно могло бы служить прекрасною иллюстраціей къ моимъ положеніямъ,—я прежде всего скажу нѣсколько словъ о первомъ по времени романѣ писателя „Семейное счастье", въ которомъ талантъ его обнаруживается уже достаточно полно, со всѣми его оригинальными сторонами.

Въ этомъ романѣ, какъ припомнитъ читатель, разсказывается самая обыкновенная исторія самыхъ обыкновенныхъ людей. Романъ не богатъ событіями, и фабула въ немъ почти отсутствуетъ; онъ весь состоитъ изъ вседневныхъ сценъ, въ которыхъ нѣтъ ничего выдающагося и колоритнаго. Но, несмотря на то, романъ производитъ глубокое впечатлѣніе.

Герой романа, Сергѣй Михайловичъ, — человѣкъ вполнѣ сложившійся, перебродившій и отстоявшійся. Ему 36 лѣтъ, и горячая пора

молодости, съ ея волненіями, тревогами и порывами, стоитъ уже позади. Онъ вышелъ изъ прежней жизни добрымъ, простымъ и нравственнымъ человѣкомъ и вынесъ изъ нея искреннее убѣжденіе, что на свѣтѣ есть лишь одно истинное счастье — жить для другихъ. Его идеалъ — тихая семейная жизнь въ деревнѣ, съ нѣжною заботой о своей подругѣ, съ вѣчною и ровною любовью другъ къ другу, съ возможностью дѣлать добро окружающимъ, потомъ трудъ, приносящій видимую пользу, тамъ отдыхъ отъ труда, природа, книги, музыка... Будущее рисуется ему ясно, просто и скромно, озаренное и согрѣтое симпатіями близкихъ людей. И онъ недалекъ, повидимому, отъ осуществленія своего идеала.

Онъ — опекунъ молодой дѣвушки, Маши, героини романа, съ отцомъ которой, теперь уже умершимъ, его связывала интимная дружба. Дѣвушка растетъ и развивается на его глазахъ и подъ его вліяніемъ. Трогательная забота и постоянное вниманіе опекуна вызываетъ въ ней чувство теплой привязанности къ нему, потребность чаще видѣться съ нимъ, желаніе сохранить и, если можно, усилить расположеніе его къ себѣ. И вотъ съ этою цѣлью она мало-по-малу входитъ въ кругъ его интересовъ, проникается его взглядами, сродняется съ его чувствами. Въ своихъ мечтахъ о будущемъ она уже не отдѣляетъ себя отъ него. Между нею и нимъ устанавливается полная духовная гармонія на основѣ теплой взаимной привязанности, которая, естественно, вспыхиваетъ потомъ въ милой дѣвушкѣ огнемъ чистой и беззавѣтной любви. Радостно, безъ колебаній и сомнѣній, съ крѣпкою вѣрою въ свѣтлое будущее, соглашается она стать женою Сергѣя Михайловича и по его программѣ рисуетъ себѣ идеалъ будущей семейной жизни.

Казалось бы, налицо всѣ условія счастья, а между тѣмъ оно не дается.

Прошло два мѣсяца послѣ свадьбы. Сергѣй Михайловичъ остается все тѣмъ же добрымъ, любящимъ и внимательнымъ другомъ, но попрежнему ровнымъ, спокойнымъ и погруженнымъ въ свои дѣла и заботы. Его глубокая и прочная привязанность течетъ плавно и тихо въ своихъ берегахъ; она не бурлитъ, не искрится въ радужныхъ брызгахъ и пѣнѣ, а выражается въ сильномъ и тихомъ чувствѣ. И Маша не удовлетворена: ея молодое сердце проситъ волненій, тревогъ, трепета и блеска внутренней жизни. Она не встрѣчаетъ въ мужѣ отзвука на капризные запросы своего сердца, начинаетъ испытывать духовное одиночество и приступы безотчетной тоски и тяго-

титься монотоннымъ теченіемъ жизни, повторяющейся съ утомительнымъ однообразіемъ. Между Машей и мужемъ обозначается нѣкоторый разладъ, который чѣмъ дальше, тѣмъ больше сказывается и обостряется. Онъ видитъ это; но что же можетъ онъ сдѣлать?

Думая пособить горю, Сергѣй Михайловичъ везетъ Машу въ Петербургъ. Здѣсь она, не знающая ни людей, ни жизни, попадаетъ въ блестящую свѣтскую среду, которая встрѣчаетъ ее похвалами, лестью и вниманіемъ. И она всецѣло погружается въ эту среду, увлеченная новыми интересами, новыми людьми и новою жизнью. Отуманенная и очарованная, она безотчетно отвертывается отъ своего прошлаго, съ его скромными, но свѣтлыми планами семейной жизни, непримѣтно для себя все болѣе и болѣе отдаляется духовно отъ своего мужа и вся отдается соблазнамъ и очарованіямъ новой обстановки. Со всѣхъ сторонъ слышитъ она рѣчи, которыя кружатъ ей голову, и ей начинаетъ казаться, что всѣ любятъ ее и что, стало быть, она стоитъ любви, что, быть можетъ, была даже „нѣкоторая заслуга“ въ ея любви къ мужу. Ей приходитъ въ голову, что теперь, освободившись отъ его моральнаго вліянія, она не только сравнялась съ нимъ, но даже стала выше его; но за-то,—думалось ей,—она стала любить его глубже и самостоятельнѣе. Недовольство, духовное одиночество, начало тоски, закрадывавшіяся въ ея душу въ деревнѣ, исчезли безслѣдно, словно по волшебству.

Но чѣмъ лучше чувствовала себя Маша, тѣмъ тяжелѣе становилось Сергѣю Михайловичу, который съ тревогой замѣчалъ, какъ съ каждымъ днемъ слабѣютъ и порываются нѣжныя нити, связывавшія ихъ прежде. Долго терпѣлъ и перемогался онъ, подавляя въ себѣ волновавшія его чувства; но, наконецъ, не выдержалъ и, придравшись къ пустому случаю, высказалъ женѣ рядъ горькихъ и обидныхъ упрековъ. Этотъ крикъ наболѣвшей души Маша приняла за проявленіе супружеской власти надъ нею. „А, такъ вотъ она власть мужа,—поддразнивала она себя,—оскорблять и унижать женщину, которая ни въ чемъ не виновата. Вотъ въ чемъ права мужа, но я не подчинюсь имъ“. Говорить болѣе, очевидно, было не для чего. Мужъ и жена замкнулись въ себѣ и еще дальше отошли другъ отъ друга. Отношенія между ними стали натянутыми, притворными и фальшивыми: прежняя форма ихъ поддерживалась и сохранялась, но прежній духъ отлетѣлъ. Была уже не одна общая жизнь, а двѣ параллельныхъ жизни, не встрѣчавшіяся болѣе и чуждыя другъ другу.

Такъ прошло три года. Лѣтомъ Сергѣй Михайловичъ поѣхалъ съ

женою за границу, на воды. Тамъ Маша вела попрежнему разсѣянный образъ жизни, который успѣла полюбить и съ которымъ свыклась. Но, избалованная успѣхами среди свѣтской толпы, тамъ же испытала она и первую неудачу, больно задѣвшую ея самолюбіе: пріѣзжая леди затмила ее своей красотою и оттѣснила на второй планъ. Случайный поцѣлуй случайнаго поклонника - итальянца довершилъ ударъ. Поцѣлуй залилъ краской стыда ея щеки и отозвался острымъ укоромъ въ сердцѣ, смѣшаннымъ съ горькой досадой на себя, на мужа, на окружающихъ. Проснулось и чувство раскаянія, которое, однако, не устранило разлада и фальши во взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ. Они попрежнему оставались внутренне чуждыми и далекими другъ другу, хотя внѣшне продолжали тянуть лямку согласной семейной жизни. Понимая, что уже не воскресить прежней беззавѣтной любви и душевной общности, Сергѣй Михайловичъ, послѣ долгой работы надъ собою, смирился и успокоился. „Всѣмъ намъ, а особенно вамъ, женщинамъ, — говорилъ онъ женѣ въ минуту откровеннаго объясненія, положившаго основу новыхъ отношеній между ними,—надо прожить самимъ весь вздоръ жизни, для того чтобы вернуться къ самой жизни, а другому вѣрить нельзя“. Въ свою очередь Маша, сознавъ свою вину и досадуя на себя, винила въ то же время мужа и теперь уже за то, что онъ далъ ей волю, не остановилъ, не употребилъ, наконецъ, власти, когда она, неопытная, вступала на скользкій путь. Въ ней возникла живая потребность вернуть прежнее чувство и возстановить прежнія отношенія; но, увы, все прежнее отошло въ область невозвратно минувшаго. Оно стало только дорогимъ воспоминаніемъ, привѣтно свѣтившимъ сквозь дымъ и чадъ послѣдующей жизни. И Машѣ также пришлось смириться и унять свое волнующееся сердце. Зато, на мѣсто прежняго, стало развиваться въ ней новое чувство, глубокое и ровное, къ дѣтямъ и отцу ея дѣтей, которое „положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни“.

Таково въ немногихъ словахъ незатѣйливое содержаніе романа. Если всмотрѣться ближе въ его героевъ, то, конечно, они представляются читателю живыми людьми; иначе не было бы вовсе художественнаго произведенія. Однако, они, какъ конкретные образы, нарисованы легкими, едва примѣтными штрихами,—настолько лишь, чтобы сдѣлать ихъ именно живыми людьми, а не двигающимися идеями. Но, взамѣнъ того, внутренняя жизнь этихъ людей выступаетъ необыкновенно рельефно. Разсказъ, который ведется отъ лица героини

романа, заставляетъ васъ присутствовать при первомъ пробужденіи дѣвственнаго чувства, шагъ за шагомъ отмѣчаетъ его постепенное наростаніе и осложненіе, его расцвѣтъ, отклоненія въ сторону, внутреннюю борьбу, разладъ съ собою и окружающимъ;—рисуетъ, далѣе, медленное потуханіе этого чувства, сопровождаемое капризными вспышками, и, наконецъ, переходъ его въ тихую и прочную привязанность другого характера. Въ лицѣ героя, поскольку онъ отражается въ разсказѣ жены, художникъ вводитъ васъ въ духовный міръ уже зрѣлаго человѣка и показываетъ, какъ въ немъ, на почвѣ сердечной заботливости о ребенкѣ, дочери умершаго друга, возникаетъ потомъ глубокая любовь къ молодой дѣвушкѣ, какія волненія, радости и тревоги заставляетъ его испытывать эта любовь и какіе слѣды оставляетъ она на немъ. Взаимныя отношенія этихъ двухъ душъ выслѣжены въ самыхъ глубокихъ корняхъ и выражены съ чарующею ясностью и простотою. Въ то же время вы чувствуете, что это—души не какія-нибудь особенныя, а самыя обыкновенныя, что въ нихъ творится то же самое, что̀ происходитъ во всѣхъ насъ при подобныхъ условіяхъ. Въ рамкахъ скромной по колориту картины, въ будничныхъ краскахъ вседневной жизни, художникъ даетъ мастерское изображеніе нашей души въ одинъ изъ знаменательныхъ періодовъ ея общечеловѣческихъ переживаній.

Отъ «Семейнаго счастья» прямо перехожу къ «Аннѣ Карениной»,—роману, который, послѣ «Войны и мира», занимаетъ первое мѣсто среди произведеній гр. Толстого и является однимъ изъ лучшихъ образцовъ русской беллетристической литературы.

Предполагая, что впечатлѣнія этого удивительнаго романа еще достаточно свѣжи въ памяти читателя, я ограничусь самымъ бѣглымъ анализомъ только его героини.

Библейскій эпиграфъ, избранный авторомъ: „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ", прекрасно выражаетъ основную мысль романа. Его героиня, Анна Каренина,—замужняя, свѣтская женщина, въ которой счастливо соединяются красота, обаяніе, умъ и глубокое чувство. Не находя отвѣта на запросы своей души въ пожиломъ, сухомъ и педантическомъ мужѣ, поглощенномъ службою и своими служебными успѣхами, она даритъ свое сердце Вронскому, человѣку своего круга, не безъ большихъ внутреннихъ достоинствъ. Ея любовь къ нему, подкравшаяся незамѣтно для нея самой, быстро принимаетъ характеръ настоящей страсти, не знающей границъ, и въ безумномъ порывѣ она отдается ему...

Съ этой минуты участь ея рѣшена. Молодая, полная жизни Анна уже приготовила свою погибель: она совершила шагъ, который последовательно и неотвратимо приведетъ ее потомъ подъ колеса вагоновъ. Надъ ней уже пронеслось дыханіе смерти, и во всемъ остальномъ романѣ художникъ изображаетъ намъ процессъ долгой и мучительной агоніи, въ теченіе которой молодая жизнь упорно борется съ внутреннимъ подтачивающимъ ее недугомъ и хватается за всякую соломинку, сулящую ей спасеніе. Картина страдающей души получается тѣмъ болѣе потрясающая, что художникъ какъ бы намѣренно устраняетъ все внѣшнее, что̀ могло бы поддерживать и усиливать страданіе: онъ ставитъ свою героиню въ такія условія, при которыхъ, казалось бы, должны закрыться ея сердечныя раны. И однакоже онѣ не закрываются, а чѣмъ дальше, тѣмъ острѣе и больнѣе чувствуются.

Страданія Анны начинаются тотчасъ же вслѣдъ за ея роковымъ шагомъ. Она оплачиваетъ его глубокимъ внутреннимъ потрясеніемъ. Болѣзненно чувствуя унизительную фальшь и ложь своего новаго положенія, она мучительно сознаетъ свою вину передъ мужемъ и сердцемъ понимаетъ, что на обломкахъ разрушенной ею семьи не построить ей своего личнаго счастья. И она начинаетъ испытывать неудержимую злобу къ мужу, для нея самой непонятную, но тѣмъ болѣе острую и ѣдкую, чѣмъ правѣе и корректнѣе является онъ въ отношеніяхъ къ ней. Когда, во время скачекъ, волненіе Анны, вызванное паденіемъ Вронскаго, выдаетъ ее, она въ упоръ, въ лицо, выкрикиваетъ мужу, прикидывающемуся непонимающимъ создавшагося положенія: „Нѣтъ, вы не ошиблись, вы не ошиблись. Я была и не могу не быть въ отчаяніи. Я слушаю васъ и думаю о немъ. Я люблю его, я его любовница; я не могу переносить, я боюсь, я ненавижу васъ... Дѣлайте со мной, что хотите!“.

Въ отвѣтѣ на этотъ злобный крикъ отчаянія мужъ, обдумавъ происшедшее, черезъ нѣсколько дней объявляетъ ей, что онъ попрежнему будетъ притворяться ничего не вѣдающимъ, лишь бы свѣтъ не узналъ ея тайны и не позорилъ его имени. Съ этою цѣлью онъ требуетъ отъ жены одного: не принимать Вронскаго и не встрѣчаться съ нимъ. И вотъ одинокая, униженная и убитая, Анна молча и тяжко страдаетъ, пока страданія ея не прерываются болѣзнью, принимающею опасное теченіе. Сознавая опасность, она хватается за мысль о смерти, какъ за желанный исходъ; но молодыя силы берутъ верхъ надъ тяжелымъ недугомъ.

Оправившись, Анна, изболѣвшаяся душою и утомленная фальшивымъ положеніемъ, рѣшается, наконецъ, оставить мужа и ѣдетъ съ Вронскимъ въ Италію: тамъ,—думалось ей,—вдали отъ людей и среды, въ которой она такъ измучилась, она отдохнетъ нравственно и заживетъ новою жизнью съ любимымъ и дорогимъ человѣкомъ. Но, бѣдная, она не подозрѣвала, что источникъ ея мученій въ ней самой и что ей не уйти отъ себя. Италія, которая сулила ей покой и радости, обманываетъ ея надежды, и она вновь возвращается въ Петербургъ. Мелкія униженія и оскорбленія, какія выпадаютъ здѣсь на долю отъ людей прежняго круга, жалятъ ея больное сердце, гонятъ изъ столицы и заставляютъ поселиться въ деревнѣ.

Тѣмъ временемъ ея страсть къ Вронскому все растетъ и растетъ. Она гордится тѣмъ, что отказывается отъ удобствъ, сулимыхъ разводомъ, въ которомъ Каренинъ готовъ принять вину на себя. Она не хочетъ этого развода, чтобы не наносить новаго оскорбленія мужу, чтобы виноватой не принимать отъ него милости, чтобы, наконецъ,— и это главное,—не пала тѣнь подозрѣнія на безкорыстный характеръ ея отношеній къ Вронскому, которыя становятся постоянною темою ея тревожныхъ и горькихъ думъ.

Чувствуя, что единственное земное благо, какое осталось у нея, заключается въ его любви, она порывисто хватается и крѣпко держится за нее, боязливо озираясь по сторонамъ, какъ бы кто не похитилъ этого послѣдняго сокровища, привязывающаго ее къ жизни. Она начинаетъ тревожиться и ревновать безъ повода, безъ причины, безъ смысла, и ежечасно, ежеминутно отравлять своей ревнивой любовью жизнь любимаго человѣка. Зная, что Вронскій ради нея отказался отъ блестящей карьеры, она мучается мыслью, что не съумѣетъ вознаградить его своею любовью и наполнить содержаніемъ его жизнь. Въ то же время всякую попытку съ его стороны заняться какимъ-нибудь дѣломъ она принимаетъ за признакъ скуки, сожалѣнія о случившемся и раскаянія въ немъ. Словомъ, она совсѣмъ выбивается изъ колеи, теряетъ почву подъ ногами и своими руками разбиваетъ то, что̀ для нея всего дороже на землѣ.

Вронскій, отдавшійся Аннѣ всей душой, изнемогаетъ, страдая подъ тяжестью ея больной любви, и, чтобы не совсѣмъ подчиниться ревнивой тираніи, временами пробуетъ противиться ей. Такъ дѣло доходитъ до того, что, не переставая любить другъ друга, они становятся въ непріязненныя, почти враждебныя отношенія. Возникаютъ ежедневныя столкновенія, взаимныя неудовольствія, раздражительныя

объясненія. Положеніе осложняется еще болѣе вслѣдствіе перемѣны намѣренія Каренина, отказывающаго въ разводѣ, о которомъ теперь проситъ уже сама Анна, уступая желанію Вронскаго и подавляя личное самолюбіе.

Съ полученіемъ отказа романъ Анны и Вронскаго, незамѣтно для нихъ самихъ, быстро движется къ своей трагической развязкѣ. Страсть Анны становится съ каждымъ днемъ себялюбивѣе, исключительнѣе и требовательнѣе, а любовь Вронскаго ей кажется все болѣе потухающей. „И помочь этому нельзя“,—рѣшаетъ Анна. „У меня все въ немъ одномъ, и я требую, чтобы онъ весь больше и больше отдавался мнѣ. А онъ все больше и больше хочетъ уйти отъ меня. Мы именно шли навстрѣчу до связи, а потомъ неудержимо расходимся въ разныя стороны. И измѣнить этого нельзя. Онъ говоритъ мнѣ, что я безсмысленно ревнива, и я сама говорила себѣ, что я безсмысленно ревнива; но это неправда. Я не ревнива, а недовольна“. „Развѣ я не знаю, что онъ не сталъ бы обманывать меня, что онъ не имѣетъ видовъ на Сорокину, что онъ не влюбленъ въ Кити, что онъ не измѣнитъ мнѣ? Я все это знаю, но мнѣ отъ этого не легче. Если онъ, не любя меня, изъ *долга* будетъ добръ, нѣженъ ко мнѣ, а того не будетъ, чего я хочу,—да это хуже въ тысячи разъ даже, чѣмъ злоба! Это—адъ! А это-то и есть. Онъ уже давно не любитъ меня. А гдѣ кончается любовь, тамъ начинается ненависть“...

Въ свою очередь Вронскій теряетъ силы переносить все возрастающія притязанія. Онъ уѣзжаетъ къ матери, не съ тѣмъ, чтобы разстаться съ Анной, а чтобы отдохнуть, очнуться отъ ревнивой духоты своего дома. Но Анна все истолковываетъ по-своему. Встревоженная, она пишетъ ему записку; не дождавшись отвѣта, сама ѣдетъ къ нему навстрѣчу, на вокзалъ, откуда шлетъ телеграмму, и ждетъ поѣзда, къ которому онъ долженъ подъѣхать. Поѣздъ приходитъ, а его нѣтъ. Прибывшій кучеръ подаетъ записку, которой Вронскій извѣщаетъ, что вернется домой вечеромъ. Сухой тонъ записки принимается теперь ею, какъ рѣшительное и послѣднее доказательство, что онъ не любитъ ее. Значитъ, потеряно все, что привязывало къ землѣ; значитъ утрачено то послѣднее, чѣмъ она жила....

Вотъ въ самомъ общемъ и грубомъ очеркѣ схема романа Анны. Бѣгло пробѣгая его, я не коснулся многихъ и важныхъ подробностей, дополняющихъ картину ея душевной жизни. Чтобы не удлинять изложенія, я пропустилъ даже великолѣпныя страницы, посвященныя отношеніямъ героини къ своимъ дѣтямъ,—страницы, такъ

тонко и мѣтко дорисовывающія драму, которая разыгрывается въ ея душѣ. Поступаясь всѣмъ этимъ ради краткости, я прямо обращусь къ вопросу: что же собственно представляетъ собою Анна, какъ художественный образъ?

Едва ли кто рѣшится утверждать, что Анна—отчетливо выписанное и точно охарактеризованное лицо, такъ что вы сразу выдѣлите и отличите ее въ толпѣ другихъ лицъ. Правда, она—не тѣнь, а живая фигура, но фигура, лишенная опредѣленныхъ обособляющихъ ее очертаній. Она—никакъ не типъ, даже—не характеръ; она—просто женщина, одаренная умомъ и любящимъ сердцемъ. Но, неясная и неопредѣленная, какъ конкретное лицо, Анна необыкновенно выразительна, пластична и ярка, какъ индивидуализированная душевная картина. Въ ней нѣтъ типа какой-либо женщины, но подъ легкими внѣшними контурами героини романа воплощенъ типъ женскаго сердца, охваченнаго страстью и страдающаго. Движеніе зародившейся страсти, съ момента ея возникновенія и вплоть до трагической развязки, освѣщено во всѣхъ капризныхъ и прихотливыхъ изгибахъ и очерчено твердыми и законченными линіями. Вы какъ будто видите, какъ вспыхиваетъ, ширится и разгорается пожаромъ эта страсть, какъ пожираетъ она бѣдную Анну и какъ ея золотое сердце замираетъ въ послѣднихъ трепетныхъ содроганіяхъ жгучаго чувства. Въ то же время для васъ ясно, что въ Аннѣ нѣтъ ничего исключительнаго и особеннаго: она — только представительница своего пола, чуть-чуть возвышающаяся надъ общимъ уровнемъ своимъ умомъ и, еще болѣе, своимъ глубокимъ и нѣжнымъ сердцемъ. Такъ же, какъ она, чувствуетъ всякая женщина, поставленная въ ея положеніе, хотя, конечно, не всякая такъ сильно и безповоротно. Въ общемъ въ Аннѣ дается картина родовая, генерическая, мастерски переведенная художникомъ въ живой образъ.

Оставляя въ сторонѣ многія произведенія гр. Толстого, я хотѣлъ бы въ заключеніе остановиться на „Смерти Ивана Ильича“ и „Крейцеровой сонатѣ“, какъ разсказахъ, наглядно подтверждающихъ защищаемыя мною положенія. Однако, въ виду размѣра, какой принимаетъ мое изложеніе, ограничусь только немногими бѣглыми замѣчаніями.

Въ „Смерти Ивана Ильича“ подчеркнуто изображенъ самый заурядный образованный человѣкъ, какихъ тысячи. Подобно этимъ тысячамъ, онъ весь погруженъ въ мелочныя и важныя практическія заботы и хлопоты: онъ живетъ ими и отдаетъ имъ весь скромный

запасъ своихъ духовныхъ силъ. Ему и въ голову не приходитъ, что, помимо нуждъ житейскихъ, существуютъ глубокіе запросы духа и что кромѣ физическаго голода человѣкъ можетъ испытывать голодъ духовный. И вотъ къ такому-то заурядному Ивану Ильичу подкрадывается, незамѣтно для него, тяжелая, смертельная болѣзнь. Мало-по-малу онъ начинаетъ замѣчать, что болѣзнь усиливается, опасность растетъ, близится смерть. По мѣрѣ ея приближенія житейскія думы и заботы улегаются и стихаютъ. Онъ уже начинаетъ понимать относительную и условную цѣну всего земного, и не только понимаетъ, но живо, до боли живо, чувствуетъ это, ибо настоящее, дѣйствительное, серьезное уже стоитъ передъ нимъ и смотритъ ему въ глаза. Въ немъ просыпаются тѣ стороны души, которыя дремали до сихъ поръ, возникаютъ важные и большіе вопросы, надъ которыми онъ никогда не задумывался ранѣе. Что-то таинственное и страшное своей таинственностью надвигается на него, охватываетъ и уноситъ его, недоумѣвающаго, пораженнаго, раздавленнаго... А кругомъ вновь начинается суета и сутолока жизни.

Не касаясь дидактической стороны разсказа, опять приходится сказать, что въ Иванѣ Ильичѣ мы имѣемъ дѣло съ живымъ лицомъ; но, какъ въ большинствѣ случаевъ у гр. Толстого, это—не опредѣленный человѣкъ, обрисованный своеобразными чертами; это рельефно выраженное внутреннее состояніе рядового представителя общества, взятаго въ трагическій моментъ расплаты съ жизнью; это — картина смерти нравственно нищей души.

„Крейцерова соната“ раздѣляется на двѣ разныхъ по пріемамъ выполненія части. Первая часть облечена въ форму разсужденія, вложеннаго въ уста героя разсказа, Позднышева. Напрасно стали бы мы прилагать художественные масштабы къ оцѣнкѣ этой части, такъ какъ она преслѣдуетъ не художественныя, а иныя цѣли. Здѣсь можно соглашаться съ авторомъ, можно спорить съ нимъ, но видѣть въ немъ художника затруднительно.

Совсѣмъ иной характеръ носитъ вторая часть, въ которой Позднышевъ отъ разсужденія переходитъ къ повѣствованію объ ужасномъ событіи, имѣвшемъ мѣсто въ его личной жизни. Тутъ художникъ вступаетъ въ свои права и развертываетъ свой талантъ во всей его силѣ, съ тѣми отличительными особенностями, какими онъ сказался въ лучшихъ произведеніяхъ прежней поры.

Въ „Сонатѣ“ разсказывается, какъ мужъ начинаетъ ревновать свою жену, какъ его ревность постепенно усиливается, достигаетъ

крайняго напряженія и доводитъ до кроваваго преступленія. Можно, пожалуй, не безъ основанія находить, что пробужденіе ревности недостаточно мотивировано; но если брать эту страсть, какъ данную, какъ уже проснувшуюся и дѣлающую свое разрушительное дѣло,— трудно не согласиться, что ея развитіе и роковой исходъ изображены съ поразительною силою. Съ той самой минуты, какъ появляется скрипачъ въ домѣ Позднышева и вызываетъ въ немъ первые подступы подозрительнаго, ревниваго чувства, художникъ образно отмѣчаетъ всѣ переходы этого чувства, всѣ характерныя ступени, которыя оно проходитъ, пока, наконецъ, не доводитъ несчастнаго ревнивца до безумнаго шага. Сцена въ кабинетѣ съ женою, пребываніе въ городѣ, куда уѣзжаетъ Позднышевъ по дѣламъ, обратный путь въ тарантасѣ и въ вагонѣ и всѣ дальнѣйшія сцены, предшествующія убійству и непосредственно слѣдующія за нимъ, нарисованы рукою истиннаго мастера, который съ простотою разсказа умѣетъ соединить удивительную яркость изображенія.

Что же такое Позднышевъ въ смыслѣ художественнаго образа? О, разумѣется, это—не Отелло. Въ немъ нѣтъ ничего крупнаго, изъ ряда выходящаго вонъ и превышающаго ростъ обыкновеннаго человѣка. Это опять совершенно простое лицо, какія встрѣчаются часто; но въ этомъ простомъ лицѣ художникъ обнажаетъ типическія черты страсти, которую онъ описываетъ. И не только Позднышевъ простое лицо, но, какъ образъ, весьма блѣдное и тусклое; опять и опять ясна, выразительна, мѣтко схвачена и сильно нарисована картина внутреннихъ переживаній ревнующаго человѣка, вставленная въ рамки фигуры, лишь настолько обозначенной, чтобы она казалась живою.

Полагаю, что для моей цѣли анализъ другихъ произведеній гр. Толстого былъ бы излишенъ и повелъ бы лишь къ невольному повторенію однихъ и тѣхъ же выводовъ, что въ значительной мѣрѣ уже сказалось на предыдущемъ изложеніи. Сколько бы мы ни перебирали беллетристическихъ работъ писателя, мы не найдемъ у него яркихъ типическихъ образовъ, какихъ такъ много у писателей объективнаго направленія. Но его произведенія полны мастерскихъ изображеній нашей души въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, что даетъ основаніе видѣть въ немъ художника внутреннихъ переживаній попреимуществу. Этою чертою своего творчества онъ сближается съ величайшими представителями всемірной литературы: подобно имъ, онъ предлагаетъ читателю не бытовые типы людей даннаго времени

и мѣста, а типы общечеловѣческихъ движеній души, воплощенные въ живые образы; но уже въ отличіе отъ нихъ, эти образы представляютъ у него людей обыкновенныхъ, а не героевъ или титановъ.

Н. Звѣревъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ *).

*Избранныя басни И. А. Крылова съ объяснительными статьями *Константина Бархина*. (Родные писатели. Серія пособій по русскому языку и словесности. Выпускъ I). Изд. книгоизд-ва „Порядокъ". Одесса, 1914, XVI+112 стр. Цѣна 35 к.

Съ внѣшней стороны изданіе это производитъ хорошее впечатлѣніе какъ своимъ шрифтомъ, такъ и бумагой. Цѣль автора—предложить учащимся классическія произведенія русскихъ писателей (въ настоящемъ выпускѣ избранныя Басни Крылова) съ комментаріями—также слѣдуетъ привѣтствовать.

Однако достоинства книги ограничиваются немногимъ, кромѣ сейчасъ указаннаго. Правда, многія замѣчанія и разъясненія автора нужно признать правильными, тѣмъ не менѣе въ общемъ, по самому характеру обширнаго комментарія и характеру отдѣльныхъ замѣчаній, произведеніе г. Бархина едва ли окажется въ достаточной мѣрѣ полезнымъ для учащихся.

Комментарій къ литературнымъ произведеніямъ долженъ уяснять учащимся лишь непонятное въ данномъ произведеніи, разсматривая это произведеніе въ цѣломъ и въ частяхъ. Самое опасное злоупотреблять комментаріемъ, выясняя то, что понятно изъ контекста, представляя случайныя параллели изъ другихъ произведеній въ отрывкахъ. Такой комментарій принесетъ вредъ: художественная сторона произведенія отойдетъ на второй планъ, цѣнность художественнаго впечатлѣнія исчезнетъ.

Къ такимъ не вполнѣ удачнымъ комментаріямъ принадлежатъ

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

разъясненія разсматриваемой книжки. Авторъ долженъ бы былъ имѣть въ виду, что Крыловъ въ отношеніи языка въ общемъ не можетъ считаться устарѣвшимъ, что комментарій къ Крылову не является тѣмъ, чѣмъ можетъ явиться комментарій къ Цицерону для русскихъ учащихся, комментарій къ Слову о полку Игоря и даже, чѣмъ можетъ явиться комментарій къ Лафонтену для французскихъ учениковъ, на который авторъ ссылается въ предисловіи.

Обратимся къ фактамъ.

На стр. 7-ой, комментируя ст. 15—17 басни „Лягушка и волъ“ [1]), авторъ, объяснивъ слова *мѣщанинъ, именитый гражданинъ* и *сошка мелкая* пишетъ: „Ст. 1—17 представляютъ такую группировку:

Городскіе обыватели:

I. Мѣщанинъ	именитый гражданинъ

Дворяне, помѣщики:

II. Сошка мелкая (мѣлкопомѣстный (sic) дворянинъ)	знатный дворянинъ“.

На стр. 8-ой и 9-ой къ стиху: „Сосѣдка перестань срамиться“ (слова Шавки) авторъ поясняетъ, что срамъ—стыдъ. Здѣсь онъ по поводу словъ Шавки, вспоминаетъ слова великаго князя Святослава, „Да не посрамимъ земли Русскія, но ляжемъ, братіе, костьми ту: мертвіи бо срама не имутъ“.

На стр. 13, по поводу словъ басни: „Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ“, авторъ даетъ такой комментарій: „*Лишь бисеръ да жемчугъ*—всѣ предметы обихода у богачей очень изысканные и цѣнные. Въ церковно-славянскомъ языкѣ „бисеръ“ и „жемчугъ“—равнозначущія слова, но въ русскомъ языкѣ „бисеръ“ означаетъ стеклянные разноцвѣтные шарики для низанья; „жемчугомъ“ же называются естественные шарики (зерна), образовавшіеся въ морскихъ раковинахъ“. Какое понятіе можетъ получить о жемчугѣ ученикъ изъ приведеннаго объясненія?! Я уже не говорю о томъ, что извѣстенъ и рѣчной жемчугъ.

На стр. 26, въ словахъ: „Ушица, ей же ей, на славу сварена!“, авторъ переводитъ выраженіе *ей же ей*—словомъ клянусь. Затѣмъ по поводу

---

[1])
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

указанныхъ словъ басни „Демьянова Уха“, вспоминаетъ Репетилова изъ комедіи „Горе отъ ума“ и пишетъ:

„Ей, ей!..
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ
И (sic) разразитъ меня Господь“...

На слѣд. 27 стр. авторъ предлагаетъ съ „Демьяновой ухой“ сравнить обѣды у помѣщика Пѣтуха и приводитъ соотвѣтствующее мѣсто изъ „Мертвыхъ Душъ“.

На стр. 33, гдѣ комментируется слово „чинно“ въ стихѣ „послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ“ авторъ вспоминаетъ примѣры чиннаго дѣйствія:

„Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ;
Позади его стоятъ стольники;
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники“.

На стр. 46—47 авторъ считаетъ нужнымъ объяснить слово *рожа* въ стихѣ: „Что это тамъ за рожа?“ „Рожа—очень некрасивый, безобразный человѣкъ. «Рожа... мерзость—мерзостью» (Гоголь).

Глаза, словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ:
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ;
Ай, рожа, ай, страшная рожа!“

Какъ будто здѣсь *рожа* имѣетъ значеніе „безобразное лицо“, а не „безобразный человѣкъ“!

На стр. 67 авторъ слышитъ звукоподражаніе въ стихахъ: „За льдиной льдина вслѣдъ плывётъ“ или „И шелъ колыхаясь какъ въ море (!) челнокъ, Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ“.

Боюсь утомить читателя приведеніемъ большаго количества примѣровъ. Прибавлю лишь, что въ книжкѣ корректура продержана недостаточно внимательно и что цитаты приводятся безъ достаточной свѣрки съ оригиналами.

На стр. 26 читаемъ:

„И разразитъ меня Господь“...

У Грибоѣдова:

„Да разразитъ меня Господь“.

На стр. 45:

Пѣсня Еремушкѣ.

Нужно читать:

Пѣсня Еремушки.

На стр. 68: „И шелъ, колыхаясь какъ въ море челнокъ“, напечатано безъ запятыхъ, отдѣляющихъ придаточное предложеніе; „въ море“ напечатано съ *е* на концѣ.

Н. Каринскій.

С. И. Шохоръ-Троцкій.* **Методика ариѳметики для учителей начальныхъ школъ, въ двухъ частяхъ. Изданіе 8-е, заново переработанное и значительно дополненное, съ иллюстраціями и чертежами въ текстѣ. Часть I. Ариѳметика изустныхъ вычисленій, преимущественно надъ числами первой сотни. М. 1915. Стр. VIII+316. Цѣна 1 руб. 10 коп.

Составитель книги „въ многолѣтней посильной своей кабинетной и практической, въ школахъ разнаго рода, работѣ надъ вопросами обученія математикѣ вообще и ариѳметикѣ въ частности“ стремился главнымъ образомъ къ „воплощенію въ школьномъ дѣлѣ въ Россіи высшихъ педагогическихъ идей и идеаловъ“ (стр. V, VI). „Я никогда“, пишетъ онъ: „не работалъ для того, чтобы книги мои имѣли шансы на особенно широкое распространеніе“ (стр. VI). Потому, вѣроятно, и „Методика“ его потребовала новаго изданія спустя лишь 12 лѣтъ послѣ предшествующаго (7-е изд., С.-Пб. 1903), несмотря на то, что г. Шохоръ-Троцкій руководилъ въ разное время „многочисленными педагогическими курсами“ (стр. 132) и насчитываетъ „многихъ друзей“ своей методы „изъ среды начальныхъ учителей и учительницъ“ (стр. 100).

Книга теперь, по словамъ автора, „совершенно переработана, значительно дополнена и почти цѣликомъ заново написана“; но, дескать, „перечислять всѣ отступленія этого изданія отъ предыдущихъ было бы излишне“ (стр. V). О характерѣ этихъ отступленій могутъ дать понятіе слѣдующія строки, въ коихъ особо-крупнымъ шрифтомъ авторъ изложилъ свою программу курса начальной школы, начиная со 2-го года: „Въ первое полугодіе второго года слѣдуетъ пройти *часть* нумераціи, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе *нѣкоторыхъ чиселъ первой сотни* и примѣненіе этихъ дѣйствій къ случаямъ, *опять-таки* очевиднымъ. Во второе полугодіе того же года должно знакомить съ именованными числами и снабдить нѣкоторымъ навыкомъ въ рѣшеніи сложныхъ (но не замысловатыхъ) ариѳметическихъ

задачъ. Наконецъ, въ теченіе третьяго и четвертаго годовъ обученія пройденное надо болѣе или менѣе систематизовать, внеся въ него ученіе о дробяхъ и примѣненія этого ученія къ рѣшенію задачъ на тройныя правила, на правило процентовъ, а также нѣкоторые элементы геометрическаго и элементарно-алгебраическаго содержанія, *и т. п.*" (стр. 100). По справкѣ же съ 7-мъ изданіемъ оказывается, что это просто „переработка" § 3 на стр. 60, состоящая въ томъ, что „любыя многозначныя числа" замѣнены „нѣкоторыми числами первой сотни", а вмѣсто отрицанія „не" написано „опять-таки"; но вслѣдствіе такой замѣны изъ курса начальной школы совсѣмъ исключены теперь дѣйствія надъ многозначными числами и даже курсъ первой сотни ограниченъ „нѣкоторыми числами" ея. На слѣдующей страницѣ, впрочемъ, мы читаемъ уже совсѣмъ другое, а именно, что во второй годъ проходится „ариѳметика чиселъ первой сотни", въ третій годъ — „ариѳметика чиселъ многозначныхъ и, наконецъ, въ четвертый — все то, что можно охарактеризовать, какъ дополненіе этого курса навыками въ области дробей обыкновенныхъ и десятичныхъ и въ области задачъ, извѣстныхъ подъ именемъ такъ называемыхъ «тройныхъ» правилъ" (стр. 101). Но какъ читателю согласовать этотъ болѣе мелкій шрифтъ съ приведеннымъ выше крупнымъ?

А насколько книга „почти заново написана", можно судить хотя бы по перепечаткѣ съ 7-го изданія свѣдѣній объ устройствѣ *не существующихъ уже нынѣ* городскихъ по положенію 1872 г. училищъ (стр. 103; ср. стр. 61 въ изд. 1903 г.).

Дополненій сдѣлано немало. Такъ, „мысли и взгляды весьма авторитетныхъ ученыхъ и педагоговъ", напечатанныя подъ заглавіемъ: „Вмѣсто введенія", занимаютъ теперь 18 страницъ, вмѣсто 9-ти, и изъ новыхъ именъ, кромѣ обязательныхъ за послѣдніе годы Лая, Лэзана, Лоджа и др., появились еще впервые имена Л. Н. Толстого (стр. 13, 14) и П. А. Крапоткина (стр. 17). Это въ началѣ книги; а въ концѣ есть совсѣмъ новая глава: „О выразительности рѣчи, жестѣ и ритмѣ при обученіи ариѳметикѣ" (стр. 287—316), въ которой „нѣкоторые параграфы цѣликомъ написаны г-жею Черносвитовой-Хижняковой"; „во всѣхъ остальныхъ параграфахъ" той же главы авторъ „воспользовался многими ея совѣтами", и „всѣ діаграммы въ этой главѣ изготовлены тоже согласно ея указаніямъ" (стр. 287); неизвѣстно лишь, она ли, или кто другая, позировала для 12 снимковъ, помѣщенныхъ на стр. 299—300. Въ книгѣ, впрочемъ, теперь имѣется множество снимковъ и съ другихъ лицъ: есть про-

филь одного мальчика, съ кускомъ мѣла въ рукѣ (стр. 240), 4 фотографіи двухъ дѣвочекъ, съ клочками бумаги въ рукахъ (стр. 128, 129, 245), а по большей части—воспроизведенія особъ уже зрѣлаго возраста; и такъ какъ книга назначается не для учащихся, то авторъ не всегда соблюдалъ требованіе, по которому иллюстраціями „должны быть прививаемы облагораживающія человѣка чувства эстетическаго порядка“ (стр. 62). Фотографіи главнымъ образомъ имѣютъ цѣлью поясненіе нѣкоторыхъ „лабораторныхъ занятій“; такъ, три снимка на стр. 55—56 показываютъ, какимъ образомъ надо „четвертушку бумаги сложить аккуратно вдоль два раза“, дабы сдѣлать изъ нея бумажную линейку. Два снимка на стр. 37 должны бы разъяснить связываніе безъ узловъ пучка изъ десяти палочекъ, т. е., какъ именно „закладываютъ одинъ конецъ (нитки) внутрь пучка, а другой протягиваютъ въ промежутки между палочками“, но на самомъ дѣлѣ ничего не разъясняютъ. Шесть снимковъ на стр. 169—170 изображаютъ различные моменты одного изъ геометрическихъ способовъ дѣленія отрѣзка на 5 равныхъ частей; удивительно однако, какъ сама позировавшая не замѣтила, что дѣленіями, обозначенными цифрою 5, пользоваться ей не приходится, а стало быть они *совсѣмъ не нужны*. Одинъ снимокъ на стр. 56 и четыре на стр. 187—188 иллюстрируютъ понятіе объ „*ариѳметической антропометріи*“; а 4 снимка, безъ поясненій, на стр. 239 показываютъ, вѣроятно, какъ надо улыбаться и вообще мѣнять выраженіе лица при дѣйствіяхъ съ палочками. Особенно же интересны три женскихъ группы на стр. 184 и четыре таковыхъ же на стр. 249—250, изображающія „*нумерацію въ лицахъ*“, каковая, по словамъ автора, „очень интересуетъ дѣтей“ и выполняется по слѣдующей программѣ:

„Умѣемъ ли мы написать сорокъ пять, шестьдесятъ, пятьдесятъ пять?—Конечно, умѣемъ!—Прошу двоихъ изъ васъ пойти къ доскѣ, стать рядышкомъ лицомъ къ намъ, спиною къ доскѣ.—Я буду говорить числа, а вы обозначайте пальцами то, что я скажу: одинъ изъ васъ ведетъ счетъ единицамъ, а другой—десяткамъ, десятки слѣва, единицы—справа отъ насъ!—Считаемъ, а вы показывайте: девяносто! девяносто одинъ! девяносто два!... девяносто девять!—А послѣ девяносто девяти что идетъ?—Не девяносто десять, а сто.—Какъ же вы это вдвоемъ обозначите?—Единицъ отдѣльныхъ нѣтъ!—А десятковъ сколько?—Десятковъ—десять!—Это одна сотня.—Поди еще кто-нибудь къ доскѣ!—Стань рядомъ съ десятками!—Десять десятковъ—одна сотня! — Десятковъ отдѣльныхъ нѣтъ; единицъ отдѣльныхъ

нѣтъ!—Есть только одна сотня, и больше ничего.—Вы двое (десятникъ и единичникъ) покажите «ничего» (руки сложите у пояса), а ты (сотникъ) покажи одну сотню" (стр. 251—252). „Какъ вы обозначите девятьсотъ девяносто девять?—Прибавь, единичникъ, еще одинъ палецъ!—Неладно выходитъ: всѣ десять пальцевъ пошли въ дѣло!—Сложи, единичникъ, руки «на нуль»! Десятникъ, а ты прибавь къ своимъ десяткамъ одинъ десятокъ! — Опять неладно: десять десятковъ — сотня. — Сложи и десятникъ руки на нуль! — Сотникъ, а ты прибавь сотню къ своимъ сотнямъ!—Получишь десять сотенъ!—Десять сотенъ—тысяча.—Поди еще четвертый къ доскѣ!—Это будетъ тысячникъ" и т. д. (стр. 279).

Изъ болѣе мелкихъ дополненій можно указать, пожалуй, нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о нулѣ и единицѣ: „Нуль, какъ число, иногда называютъ *модулемъ сложенія*, а единицу — *модулемъ умноженія*", а „такъ какъ модуль примѣняется въ математикѣ въ нѣсколькихъ (при томъ различныхъ) случаяхъ, то нѣкоторые предлагаютъ единицу называть *идемпотентомъ умноженія*, а нуль, какъ число — *идемпотентомъ сложенія*" (стр. 197).

Мнѣ думается, однако, что даже и указанныя дополненія, несмотря на занимательность ихъ, едва ли значительно увеличатъ число читателей книги; ибо они не только не устраняютъ, а скорѣе подчеркиваютъ основной ея недостатокъ, т. е., не установившіеся еще взгляды составителя и не очень близкое знакомство его съ нашею школою.

Правда, теперь г. Шохоръ-Троцкій долженъ былъ, хоть и мелкимъ шрифтомъ, „признать, что бездушная дисциплина (вѣрнѣе—муштровка), которою проникнутъ весь строй нѣмецкой школы,... школѣ русской чужда и ненужна" (см. выноску на стр. VI); но, вѣдь, объ этомъ у насъ писалось еще *полстолѣтія* тому назадъ [1]. И все-таки, когда автору понадобилось возражать противъ „изученія чиселъ", у него не оказалось своихъ словъ, а пришлось дѣлать выписки изъ Книллинга на счетъ „нелѣпости, безобразія и странности" такого изученія (стр. 112). Названному „старшему учителю" возражалъ однако, и не безъ основанія, Лай, и слѣдовательно, если уже кому желательно жить однимъ нѣмецкимъ умомъ, то надо бы считаться съ доводами и сего „доктора", столь же высоко цѣнящаго себя, какъ и Книллингъ.

---

[1]) См. напр., неподражаемую картинку обученія по „Фишъ-буху" въ „Педагогическихъ статьяхъ (1862 г.)" Л. Н. Толстого.

Авторъ, впрочемъ, очень любитъ и русскій языкъ: въ настоящемъ изданіи, напр., у него появились новыя слова: „сподрядъ“ (стр. 97, 191), „коли“ (стр. 214, 258, 259) въ смыслѣ „если“; но онъ все еще говоритъ *„на-цѣло безъ остатка“* (стр. 236, 253), не подозрѣвая, что употреблявшееся въ нашихъ старыхъ учебникахъ слово „нáцѣло“ (см. напр. Ариѳметику Буняковскаго, С.-Пб. 1849) равносильно словамъ: „нáчисто“, „безъ всякаго остатка“, и считая, вѣроятно, его сокращеніемъ словъ „на цѣлое число“. Услыхалъ онъ отъ своего знакомаго И. Н. Кавуна, что „въ Малороссіи слово «рівнобіжный» употребляется для обозначенія параллельности“, и ввелъ теперь терминъ *„равнобѣжныя* прямыя“ (стр. 277).

При обученіи каждому предмету всего болѣе затрудняетъ первый годъ занятій, но онъ же опредѣляетъ и дальнѣйшую успѣшность таковыхъ. Между тѣмъ г. Шохоръ-Троцкій все еще не можетъ установить даже объемъ курса этого года. 12 лѣтъ тому назадъ ему казалось, что въ первый годъ *„можно и должно“* пройти не только всѣ дѣйствія надъ числами первой сотни, но также нумерацію и первыя два дѣйствія надъ „цѣлыми *числами перваго класса* (?)“ (7 изд., стр. 60). Теперь, на стр. 99, онъ сначала пишетъ, что въ первый годъ обученія *„только при особо благопріятныхъ условіяхъ* учащимся можно усвоить сколько-нибудь удовлетворительно четыре дѣйствія надъ числами первой сотни“. Нѣсколькими же строками ниже онъ перепечатываетъ изъ 7-го изданія (со вставкою лишь частицы „бы“): *„Первая сотня во всякомъ случаѣ* должна *бы* быть къ концу перваго года въ полномъ распоряженіи учащагося... *Школа недающая этого въ теченіе перваго года не можетъ считать достигнутые ею результаты удовлетворительными“* (ср. 7-е изд., стр. 60). Къ сказанноему добавляетъ еще: „У автора этой книги много основаній утверждать, что въ первый годъ обученія учащіеся русской начальной школы въ состояніи усвоить *весьма значительный* ариѳметическій матеріалъ“ (стр. 99—100). Но вслѣдъ за тѣмъ, на стр. 101, ему „приходится признать, что въ первый годъ обученія можетъ быть усвоено учащимся *незначительно* больше, чѣмъ то, что можно охарактеризовать словами: ариѳметика 4-хъ дѣйствій надъ числами первыхъ двухъ десятковъ“. А еще черезъ три страницы онъ пишетъ: *„Власть надъ числами первыхъ двухъ десятковъ—конечная цѣль курса перваго года обученія“* (стр. 114). Но на стр. 190 мы снова читаемъ: „Опытъ автора этой книги въ двухъ начальныхъ школахъ, а равно и опытъ нѣкоторыхъ друзей методы цѣлесообразныхъ задачъ пока-

зали, что въ первый годъ обученія учащіеся въ состояніи *осилить къ концу года почти всю ариѳметику первой сотни*". Какое же все-таки окончательное мнѣніе автора по столь важному вопросу?

Г. Шохоръ-Троцкій, съ одной стороны, считаетъ долгомъ объяснить учителямъ, что „учебный предметъ имѣетъ въ виду учениковъ"; что „учебному предмету учатъ учителя"; что „учебные предметы опредѣляются учебными программами" и т. д. (стр. 19); а съ другой стороны—пишетъ напр.: „*Начинать ли съ письменной нумераціи трехзначныхъ чиселъ, а потомъ перейти къ счету*, или, наоборотъ, начать со счета, а потомъ перейти къ нумераціи трехзначныхъ чиселъ—*дѣло вкуса* учителя" (стр. 249). Неужели—только „вкуса"?

А насколько авторъ знакомъ со школой, видно напр. изъ того, что, по его мнѣнію, „учащіеся не скоро преодолѣваютъ" дѣленіе съ остаткомъ (стр. 181), когда дѣленіе безъ остатка имъ хорошо извѣстно; и далѣе онъ повторяетъ: „Упражненія въ дѣленіи съ остаткомъ требуютъ большой настойчивости отъ учителя и многочисленныхъ упражненій—отъ учащихся" (стр. 234). А на стр. 182 восклицаетъ: „Надо удивляться, что учащіеся прямо чутьемъ научаются угадывать" въ этомъ случаѣ частное; но надо было бы удивляться обратному.

Представляется автору, будто „ознакомленіе съ обозначеніемъ десятка должно отнести къ числу затруднительнѣйшихъ ступеней курса" (стр. 132), и онъ придумываетъ особыя упражненія съ кружкой и палочками (см. 4 рисунка на стр. 139—140), заканчивающіяся вопросомъ: „Какъ записать десять?" Ученикъ же долженъ отвѣтить: „Записать одинъ десятокъ и пустую кружку" (стр. 140)!

Школьниковъ, по мнѣнію автора, надо еще „пріучить къ мысли, что есть случаи, когда требуется прибавить и больше одной единицы" (стр. 142); „должно убѣдить дѣтей, что сложеніе однозначныхъ чиселъ иногда требуется", убѣдить въ „возможности такихъ задачъ" (стр. 151); „дѣти должны усвоить себѣ возможность сложенія нѣсколькихъ цѣлыхъ чиселъ" (стр. 154) и т. д. Это какія-то особенныя дѣти, которыя „въ самомъ раннемъ возрастѣ... обращаются къ родителямъ и старшимъ съ просьбами такого рода: *дай бóльшую половину* и т. п." (стр. 166). Для нихъ, можетъ быть, и годится разсматриваемая методика, съ рекомендуемыми вопросами:

„Бываетъ ли такъ, что мы не знаемъ точно (въ точности), сколько кому лѣтъ, не знаемъ точно, что стоитъ фунтъ какого-нибудь товара, билетъ для проѣзда по желѣзной дорогѣ, какъ велико разстоя-

ніе между двумя деревнями и т. п., но знаемъ это приблизительно? Сколько мнѣ лѣтъ, кто знаетъ?“ (стр. 237).

„Бываетъ ли такъ, что либо часть, либо число частей больше десяти? Повторите мой вопросъ!“.. (стр. 258).

Можетъ быть, „научить (такихъ) дѣтей искусству дирижировать ариѳметическимъ хоромъ не только не вредно, но даже полезно“, и они „охотно маршируютъ подъ звуки таблицы умноженія“ (стр. 307). У насъ же въ школѣ надо учить попроще.

В. Соллертинскій.

*1) *Glauser, Ch., et Tournier, A.* Новый курсъ французскаго языка, для высшихъ коммерческихъ заведеній и старшихъ классовъ коммерческихъ и реальныхъ училищъ. Изданіе авторовъ. 1-я Часть. Этимологія. Кіевъ, 1914. Стр. II+62+78. Цѣна 90 коп. 2) *То же.* 2-ая часть. Синтаксисъ. Кіевъ, 1914. Стр. 177. Цѣна 1 р. 5 коп. 3) *То же.* 3-ья часть. Хрестоматія. Кіевъ, 1914. Стр. IV+340 + 1 карта + 2 ненум. Цѣна 1 р. 20 коп.

„Первая часть“ распадается на два отдѣла, одинъ изъ которыхъ, на стр. 1—62, посвященъ изложенію фонетики и морфологіи, а другой, на стр. 1—53, проводитъ на отрывкахъ коммерческаго содержанія дополнительныя морфологическія свѣдѣнія. Кончается эта „Часть I-я, Этимологія“, вокабулами, на стр. 55—71.

Къ части I-ой. Физіологическую фонетику, при всей ея важности, и неумѣстно и поздно преподавать въ старшихъ классахъ коммерческихъ учебныхъ заведеній: старшекласснику-реалисту или коммерсанту, очевидно, не до процесса производства отдѣльныхъ звуковъ M, N, P, T, и пр.... Практически онъ умѣетъ чуть не отъ роду произносить эти звуки, а объ опущеніи задняго неба, смыканіи губъ и раскрытіи зубного ряда—нечего ему и толковать, какъ это дѣлается здѣсь на страницахъ 1 и слѣдующихъ. Да и по существу, изложенную здѣсь физіологію я считаю не соотвѣтствующей дѣйствительности: систематически разбирать ее не буду, а удовольствуюсь нѣсколькими замѣчаніями.

Стр. 1. Указаніе, къ согласному звуку B (франц.): „съ среднимъ открытіемъ губъ, звонкія“, а къ согласному звуку P (франц.): „съ большимъ открытіемъ губъ, глухія“, а къ согласному звуку M: „со слабымъ открытіемъ губъ“, доказываютъ непониманіе сути этихъ звуковъ. Практически, впрочемъ, загадочно, какъ можно такіе слоги, какъ *peu*, *tu*, произнести съ большимъ открытіемъ губъ.

Зачѣмъ толковать такъ много по поводу такихъ слоговъ, какъ

ma, me, mi, pa, pe, pi,... и пр., которые ни для кого затрудненія не представляютъ?

На стр. 2 сказано: „дифтонги *ai*, *ei*, *au*, *eu*, *ou*,“ ...Между тѣмъ дифтонгъ—сочетаніе двухъ звуковъ. А здѣсь—одинъ только звукъ, какъ впрочемъ указывается тутъ же: *au* = *O*, *ai* = E, и пр...

Здѣсь, какъ и дальше, говорится о звукахъ, „произносимыхъ.... съ закрытымъ ртомъ“. Такихъ звуковъ, по-французски, да и, кажется, во многихъ еще языкахъ, нѣтъ вовсе.

Сказано еще тутъ же: „долгая открытая гласная: *mât*, *mais*“. Это не вѣрно: *mât* не долго открыто, а коротко закрыто. Открыто—не *mât*, а *mal*. Долго (т. е. протяжно) — не *mât*, а *mâle*. Что же касается *mais*, то оно, правда, открыто, но не долго: долгимъ, т. е. протяжнымъ, будетъ *mère*, или *maître*, и пр.....

Сказано еще тутъ же: „краткая закрытая гласная: *ma*, *met*.“ Не вѣрно: эти два слога—оба открыты.

На той же страницѣ, § 3, перечислены пять „носовыхъ звуковъ *an*, *en*, *in*, *on*, *un*.“ Пяти носовыхъ звуковъ тутъ нѣтъ: есть пять носовыхъ *буквенныхъ* сочетаній, или группъ *буквъ*; а *звуковъ* носовыхъ насчитывается всего четыре.

И дальше тутъ же: „Каждая носовая гласная соотвѣтствуетъ не носовой“. Нѣтъ! потому, что носовыхъ насчитывается всего 4, а не носовыхъ имѣется нѣсколько больше.

Кстати, не говоря о носовыхъ, сколько всего неносовыхъ гласныхъ звуковъ, во всей фонетикѣ здѣсь не выяснено.

Болѣе удовлетворителенъ § 7 о звукѣ E, за исключеніемъ сказаннаго о „закрытомъ ртѣ“. Къ списку словъ *me*, *te*, *le*, *se*, *que*, *ne*, необходимо прибавить *je*, *de* и *ce*.

Этотъ фонетическій отдѣлъ вообще нельзя считать удачнымъ; да и впрочемъ, повторяю, врядъ ли такая спеціальная фонетика является необходимостью въ книгѣ, предназначенной для абитуріентовъ коммерсантовъ и реалистовъ.

Въ слѣдующей за фонетикой части (стр. 11—62) подъ заглавіемъ: „Изученіе частей простого предложенія“, имѣется много лишняго, или не вызываемаго особой надобностью или же не совсѣмъ соотвѣтствующаго дѣйствительности.

Напр., на стр. 33, подъ § 48, статья „Отглагольныя выраженія“—цѣликомъ неудачна. Тутъ истолковывается между прочимъ выраженіе *avoir droit*. Если сказать, что оно значитъ „имѣть право“,—что совершенно очевидно и для посредственнаго ученика,—то этимъ, ка-

жется, все будетъ исчерпано. Но вотъ тутъ этого, самаго простого, рѣшенія нѣтъ, а ради возможности установить какую-то теорію объ „отглагольныхъ выраженіяхъ“ данное выраженіе истолковывается при помощи глагола *revendiquer*, что, во-первыхъ, не совсѣмъ точно, а во-вторыхъ, главное, значительно осложняетъ дѣло, такъ какъ глаголъ *revendiquer* и труднѣе выраженія *avoir droit*, и вообще неизвѣстенъ учащимся: приводя это слово въ словарикѣ къ своей 3-ьей части, авторы сами признаютъ его, судя по примѣчанію на оборотѣ заглавнаго листа упомянутой 3-ьей части,—словомъ „научнымъ или рѣдкимъ“. То же самое можно сказать о выраженіяхъ avoir faim, avoir soif: несмотря на отступленіе ихъ строя отъ русскаго, они довольно ясны и для не-французовъ, а всякія побочныя разсужденія о нихъ а также и вывѣшиваніе на нихъ ярлычка „отглагольныя выраженія“ мало прибавятъ голому объясненію „имѣть (т. е. чувствовать) голодъ“, „быть голоднымъ“ и пр... Что же касается такого международнаго, можно сказать, выраженія, какъ „nous sommes heureux de vous voir“=„мы рады васъ видѣть“, то приходится только недоумѣвать, какія тутъ объясненія и теоріи нужны! — § 48 является цѣликомъ лишнимъ.

Въ слѣдующемъ § 49 заключается тоже довольно много необдуманнаго. Сказано:

„Если въ предложеніи нѣтъ прямого дополненія, то подлежащее можетъ стоять послѣ глагола; предложеніе начинается тогда обстоятельственнымъ словомъ“.—Въ приведенномъ авторами примѣрѣ, да! Но, вообще, отнюдь не обязательно. Бываетъ, во-первыхъ, что прямого дополненія нѣтъ, а подлежащее послѣ глагола стоять не можетъ; это даже самый простой случай: la terre tourne, mon père m'a écrit, и пр.... Во-вторыхъ, подлежащее можетъ (а иногда и должно) стоять послѣ глагола даже тогда, когда прямое дополненіе есть: „Allumait-il le poêle? Que préfère ton ami? Les livres que lit mon fils“, и пр.....—На чемъ основано упомянутое правило, загадочно!

Такого же рода возраженія вызываетъ конецъ того же § 49, наверху стр. 35.

Вообще вся часть на страницахъ 11—62 требуетъ основательнаго пересмотра и разгруженія.

Вслѣдъ за страницей 62, отдѣлъ III, носящій отчасти характеръ хрестоматіи благодаря обилію текстовъ и упражненій, содержимыхъ въ немъ, посвященъ главнымъ образомъ усвоенію глагольныхъ формъ. При своемъ исключительно вещественномъ составѣ, этотъ отдѣлъ не

вызываетъ особыхъ возраженій. Нельзя однако не признать существеннымъ его недостаткомъ,—какъ впрочемъ и чуть не всѣхъ руководствъ по спряженію,—то обстоятельство, что приспособленій для наведенія справокъ нѣтъ.

Кромѣ того, достаточна ли тутъ полнота? Авторы придерживаются дѣленія на 3 только спряженія, 1 aimer, 2 finir и 3—прочіе глаголы. Этого нововведенія нельзя не привѣтствовать: отпадаетъ такимъ образомъ самообманъ лицъ, вызубрившихъ глаголы *recevoir* и *rendre*, и воображающихъ, благодаря этому, будто они знаютъ французское спряженіе.—Но упомянутаго благого почина мало: необходима еще наличность всѣхъ глаголовъ 3-ьяго спряженія, напр., кромѣ *écrire*, еще и сложные *inscrire*, *décrire*, *prescrire* и пр....., кромѣ *recevoir*, еще *concevoir*, *décevoir*, и пр...., кромѣ *rompre*, еще *corrompre*, *interrompre*,..., рядомъ съ *conduire*, еще *déduire*, *induire*, и пр., и пр... Кромѣ того, нуженъ общій алфавитный указатель, безъ котораго книга сводится къ простому пособію для прохожденія курса, т. е. для зубренія.

Къ части II. Вторая книжка, подъ заглавіемъ „Вторая часть. Синтаксисъ“ состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: на страницахъ 1—70, упражненія по синтаксису на текстахъ, отрывкахъ и разговорахъ, а на страницахъ 72—134, теорія синтаксиса.

Первый отдѣлъ замѣчаній не вызываетъ. Что же касается теоріи синтаксиса, то нельзя не признать ее сильно перегруженной и черезчуръ мелочной, а тѣмъ болѣе для коммерсантовъ и реалистовъ. Напримѣръ, ни для кого вообще, да и не только для однихъ коммерсантовъ и реалистовъ, нѣтъ надобности толковать на цѣлыхъ 5 страницахъ о предложеніяхъ: утвердительномъ, отрицательномъ, вопросительномъ, повелительномъ, восклицательномъ, эллиптическомъ, субъективномъ, объективномъ, и пр..... Всѣ эти свѣдѣнія,—въ сущности весьма элементарныя, да и уже извѣстныя, во-первыхъ, по младшимъ классамъ, а во-вторыхъ, по родному языку,—здѣсь страшно осложняются. Что можетъ быть проще, напримѣръ, чѣмъ понятіе объ отрицательности: оно, кажется, и при обученіи родному языку, не нуждается въ разъясненіяхъ, настолько оно инстинктивно. А здѣсь эта простѣйшая вещь, отрицаніе, получаетъ слѣдующее „разъясненіе“: „Предложеніе имѣетъ отрицательный смыслъ, когда представленіе обозначается посредствомъ противоположенія“.

И такого матеріала—довольно много по всему отдѣлу о теоретическомъ синтаксисѣ. Этотъ отдѣлъ необходимо значительно сокра-

тить, при чемъ тѣ небезполезныя свѣдѣнія, которыя разбросаны на 60-ти страницахъ, весьма удобно, думается мнѣ, умѣстятся на какихъ-нибудь 20—25 страницахъ.

Къ части III-ьей. „Третья часть. Хрестоматія", представляя сборникъ текстовъ, вполнѣ удачно составленныхъ или подобранныхъ, не вызываетъ никакихъ замѣчаній, какъ хрестоматія.

Она состоитъ изъ 5-ти отдѣловъ, а именно:

I. Стр. 1—70, Литературная часть.

II. Стр. 71—150, Историческая и географическая часть.

III. Стр. 151—208, Юридическая, экономическая и финансовая часть.

IV. Стр. 209—259, Научная часть (=физико-естественная).

V. Стр. 260—316, коммерческая и техническая часть.

Подъ конецъ приведены: на стр. 317—329, — образчики французскихъ торговыхъ публикацій, на стр. 331—333, перечень сочиненій, изъ которыхъ почерпнуты тексты, на стр. 334—340, лексиконъ французско-русскій, а въ самомъ концѣ, карта Франціи и планъ Парижа.

По поводу упомянутаго французско-русскаго лексикона, сдѣлаю нижеслѣдующія замѣчанія.

О немъ сказано на оборотѣ заглавнаго листа: „Приложенный къ этой книгѣ словарикъ содержитъ въ себѣ одни лишь техническія, научныя или рѣдкія слова и выраженія, не встрѣчающіяся въ обычныхъ словаряхъ. Эти слова и выраженія въ текстѣ отмѣчены звѣздочкой".

Въ самомъ же дѣлѣ, въ словарикъ попали,—при большинствѣ словъ, конечно, техническихъ, научныхъ или рѣдкихъ,—и такія слова и выраженія, впрочемъ немногочисленныя, которыя принадлежатъ общему языку, и знаніе которыхъ, хотя они вообще почему-то неизвѣстны, нужно считать необходимымъ всякому лицу, читающему по-французски; за такими словами и выраженіями, лицо, достигшее 15—16-лѣтняго возраста и обучавшееся французскому языку, хоть годъ—другой, не должно прибѣгать къ словарю.

Эти слова и выраженія хорошо было бы въ такомъ спеціальномъ словарикѣ выдѣлить, напр., прописью, съ тѣмъ, чтобы учащіеся не думали, что они представляютъ роскошь въ родѣ *grain*, *шквалъ*, или *liseron*, *вьюнокъ*.

Прилагаю *полный* списокъ этимъ важнымъ словамъ и выраженіямъ, выведенный изъ словарика же:

aboutir, заканчиваться.
assurer, обезпечивать.
autorité, власть.
conscience, 1) сознаніе, 2) совѣсть.
créature, созданіе (на стр. 112—ставленникъ).
[à cet] égard, въ этомъ отношеніи.
entendre, понимать.
exercer [un culte, un droit].
force est de....
juger, считать.
législation, законодательство.
se livrer à..., предаваться...
manière de voir, взглядъ.
[ne pas] manquer de..., не преминуть.
participer (подъ succession), участвовать.
fait, фактъ.
il en est de même, дѣло обстоитъ такъ же.
être en mesure de..., имѣть возможность.
être sur le point de....
être porté à...., быть склоннымъ...
porter sur..., касаться.
reconnaître, признавать.
ressortir, выдѣляться [не *выдѣляться*].
faire preuve de...., выказывать.
revendiquer, требовать.
en quelque sorte, въ нѣк. родѣ.
suspendre, пріостанавливать.
en tant que, въ качествѣ (чего).
être tenu de, быть обязаннымъ.
tenir de...., получить отъ (кого).
en vue de...., въ видахъ....
point de vue, точка зрѣнія.

Спѣшу впрочемъ оговориться, что словарь вѣрно составленъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ немногочисленныхъ мѣстъ, нижеслѣдующій перечень которыхъ можно считать исчерпывающимъ:

Стр. 335. *Cure*. Выраженіе *n'avoir cure* — безъ отрицанія не употребительно.

Стр. 339. *Fait*. Недоумѣваетъ читатель передъ толкованіемъ: „fait, n. m., относительно". *Fait* значитъ *фактъ*; а *относительно* будетъ (къ стр. 110): *pour le fait de....*

Стр. 336. *Fil*. Недоумѣваетъ читатель передъ толкованіемъ: „fil, n. m., (— de l'épée) переколоть". *Fil* (de l'épée) значитъ *остріе*, а *переколоть* будетъ: *passer au fil de l'épée*.

Стр. 337. Слово *lisse* или *lice* написано черезъ *ss* въ словарикѣ, а черезъ *c* въ текстѣ, стр. 206.

Стр. 338. *Pour*. Сказано: „Pour, prép., (— être moins), хотя менѣе". Перевести такъ можно, а такъ объяснять — нельзя! Кромѣ того, въ текстѣ (стр. 109) звѣздочкой помѣчено слово *moins*, вмѣсто слова *pour*.

Стр. 339. *Tenir*. Толкованіе „tenir — обязывать" — сбивчиво. Нужно точнѣе: „être tenu de.... = быть обязаннымъ...."

Стр. 340. Подъ *tout*, читаемъ недоумѣвающе: „tout, adv., — прила-

гат. que сослаг. накл. = несмотря на то". Для лицъ несвѣдущихъ,— гіероглифы, и только.

Словарикъ, какъ сказано, — вѣрно составленъ, но обращено ли въ немъ вниманіе на всѣ мѣста и слова текста, требующія объясненій, — это другой вопросъ. Въ этомъ отношеніи наблюдается, какъ будто, нѣкоторая неравномѣрность. Напр., на стр. 72, помѣчено звѣздочкой слово *investi* (не находящееся, кстати сказать, въ словарикѣ), а внизу стр. 73, звѣздочки нѣтъ. На стр. 115, выраженіе *tout... que....* въ значеніи *какъ..... ни.....* — помѣчено звѣздочкой, а на стр. 158, выраженіе *pour..... que....* въ томъ же значеніи *какъ..... ни.....* остается безъ объясненія. На стр. 154, выраженіе *il en est de même* — помѣчено звѣздочкой и объяснено, а раньше, на стр. 94, то же выраженіе прошло незамѣченнымъ.

А. Ларондъ.

Годо, Л. К. Примѣрные вопросы по грамматикѣ французскаго языка для экзаменовъ 5 и 7 классовъ мужскихъ гимназій и всѣхъ классовъ реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій М. Н. П., а также коммерческихъ училищъ, гдѣ производятся экзамены. Изд. 2-е, исправленное. Полтава, 1914. Стр. II+2 нен.+54. Ц. 80 к.

Вышеозаглавленная книга представляетъ сборникъ грамматическихъ правилъ и примѣровъ, подобранныхъ изъ числа тѣхъ, которыхъ, по мнѣнію автора (см. Предисловіе), „всегда можно требовать на экзаменахъ", и распредѣленныхъ по билетамъ.

Какъ съ распредѣленіемъ, такъ и съ подборомъ матеріала согласиться нельзя.

Многіе экзамены страдаютъ въ своемъ принципѣ тѣмъ недостаткомъ, что, вмѣсто того, чтобы заключаться въ разумномъ и методическомъ испытаніи познаній экзаменующагося, они сводятся къ простой случайной декораціи, въ видѣ готовыхъ отвѣтовъ, безсознательно даваемыхъ наизусть на готовые вопросы, заранѣе болѣе или менѣе извѣстные.

Не способствуетъ ли въ значительной мѣрѣ билетная система извращенію, въ указанномъ смыслѣ, понятія объ экзаменѣ, — здѣсь не мѣсто объ этомъ судить вообще. Но, какъ бы то ни было, билетная система не имѣетъ смысла, когда она примѣняется къ такой дисциплинѣ, какъ грамматика иностраннаго языка, которая носитъ характеръ не самостоятельнаго предмета, а исключительно служебнаго, вспомогательнаго къ изученію даннаго языка.

Къ тому же, по существу, содержимое билетовъ заключается чуть

не исключительно въ формулахъ правилъ, а умѣнье формулировать правило доказываетъ только, что формула взята памятью, не обезпечивая при этомъ умѣнья примѣнять самое правило: большей частью, въ самомъ дѣлѣ, правило, заученное наизусть, ученикъ сумѣетъ примѣнить—наизусть же, конечно,—къ однимъ только примѣрамъ, заученнымъ, опять-таки, наизусть: такое умѣнье является чисто показнымъ.

Не только во внѣшнемъ отношеніи распредѣленія и формы матеріала, но и въ отношеніи подбора его, книга оставляетъ многаго желать. Въ ней нагромождены всякія мелочи, попадающіяся въ однѣхъ только грамматикахъ французскаго языка, равно и всѣ крупнѣйшія несообразности средневѣковаго схоластическаго ученья, весьма типичнымъ примѣромъ которыхъ послужитъ содержимое страницы 34-ой.

Дѣло идетъ о синтаксическомъ разборѣ, веденномъ тутъ въ духѣ пресловутаго схоластическаго „логическаго" разбора, и дрессирующемъ учащихся признавать каждый глаголъ, въ родѣ, напр., *parler*, не глаголомъ, а сочетаніемъ единственнаго, яко бы, во всемъ языкѣ *глагола* être съ настоящимъ причастіемъ *parlant* въ роли сказуемаго. Все это чистая фантазія, но, главное, фантазія, лишенная смысла, такъ какъ сочетанія въ родѣ *être parlant*, или *nous fûmes voyant* представляютъ лишь непонятный наборъ словъ [1]).

Выпишемъ оттуда же (стр. 34) образчикъ „синтаксическаго разбора". Дана фраза: *les côtes de cette île se présentaient à nos yeux comme un amphithéâtre*. О послѣднихъ словахъ *comme un amphithéâtre*—сказано:

„*Comme un amphithéâtre*; придаточное предложеніе неполное, должно было быть: *comme un amphithéâtre se présente;* оно соединено съ другимъ предложеніемъ посредствомъ слова *comme*. Подлежащее—*un amphithéâtre* простое и нераспространенное; глаголъ—*est*; сказуемое—*présentant* простое и распространенное съ пояснительнымъ словомъ *se* выпущеннымъ".

Зачѣмъ прибавлять къ тексту слова *se présente*?

Какая польза введеннаго тутъ понятія о распространенности или нераспространенности подлежащаго или сказуемаго? Какое можетъ быть примѣненіе этого понятія?

Что такое „пояснительное слово, выпущенное"?

---

[1]) Признано ли русской грамматикой, что форма *видѣли* — собственно не глаголъ, а сочетаніе глагола *были* со сказуемымъ *видящіе*? Такая безсмыслица составляетъ, кажется, достояніе однѣхъ лишь французскихъ грамматикъ.

Такое ученье, само по себѣ противорѣчащее здравому смыслу и недоступное ничьему разумѣнію, къ тому же не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и представляетъ эту дѣйствительность, т. е. строй французской рѣчи, въ совершенно извращенномъ видѣ. Оно, въ отношеніи изученія иностраннаго языка, — по меньшей мѣрѣ безполезно и ложно, а въ общеобразовательномъ отношеніи, можетъ быть, не совсѣмъ безвредно.

Помимо указанныхъ недостатковъ по существу, изложеніе ведется вообще небрежно, часто затемняя описываемое языковое явленіе, при чемъ сбивчивость изложенія иногда усугубляется еще неудачной типографской обстановкой.

На стр. 12, напр., внизу читаемъ:

„Мѣстоименіе *dont* замѣняется формами *de qui*, *duquel* и т. д. только въ томъ случаѣ, когда зависящее отъ него существительное опредѣленнаго предложенія употребляется съ предлогомъ *de*“.

Имѣются тутъ въ виду, очевидно, обороты въ родѣ слѣдующаго:

La personne du fils de laquelle je parle est arrivée.

Лицо, о сынѣ котораго я говорю, пріѣхало.

Говоримъ „очевидно“, хотя, за отсутствіемъ подходящаго примѣра въ книгѣ, для учащагося, не имѣющаго на глазахъ вещественнаго матеріала явленія, подразумѣваемаго въ правилѣ, дѣло будетъ вѣроятно совсѣмъ не „очевидно“, и ему врядъ ли удастся разобраться.

Тогда существительное, выдаваемое въ правилѣ за „зависящее отъ него“ (т. е. отъ относительнаго мѣстоименія,—въ данномъ случаѣ *de laquelle*), будетъ *fils*. А въ этомъ уже не разобраться не только учащемуся, но и никому рѣшительно. Дѣло въ томъ, что тутъ не существительное зависитъ отъ мѣстоименія, а наоборотъ, мѣстоименіе зависитъ отъ существительнаго, будучи дополненіемъ къ нему: *de laquelle,* вѣдь,—дополненіе къ *fils*.

Это же существительное *fils* правильно ли названо „существительнымъ опредѣленнаго предложенія“? Оно вѣдь принадлежитъ къ предложенію *du fils de laquelle je parle*, а въ какомъ отношеніи можно назвать это предложеніе „опредѣленнымъ“?

Такимъ образомъ, при формулировкѣ правила, въ существительномъ *fils* должно быть признано не „зависящее отъ него (т. е. отъ мѣстоименія) существительное опредѣленнаго предложенія“, а „существительное, дополненіемъ къ которому оно является“. Впрочемъ все это—очень сложно, и яснѣе всего, кажется, данное простенькое правило можно формулировать такъ:

„Дополненіемъ къ существительному, которому предшествуетъ предлогъ, *dont* быть не можетъ, а замѣняется тогда черезъ *de qui*, *duquel*, и пр.“

Прибавимъ еще, что предлогъ *de*—тутъ ни при чемъ въ частности, а дѣло касается вообще всѣхъ предлоговъ.

Сѣтовали мы выше на то, что въ строй рѣчи не вникаютъ, а просто берутъ памятью формулы правилъ. Нельзя, однако, не согласиться, что несчастному учащемуся, которому преподаются безобразныя, лишенныя смысла наставленія, въ родѣ только что разобраннаго, одно лишь и остается, по необходимости, сдѣлать: заучить ихъ наизусть! Нельзя же вникнуть въ нихъ!

Наконецъ путаница внизу стр. 12 усугубляется еще тѣмъ типографскимъ недочетомъ, что за разсмотрѣннымъ выше правиломъ о *dont* слѣдуетъ, при отсутствіи, какъ было сказано, подходящаго къ нему примѣра, какой-то примѣръ на то же слово *dont*, идущій, должно быть, къ другому правилу, но, во всякомъ случаѣ, стоящій тутъ не на мѣстѣ и могущій только ввести учащагося въ заблужденіе.

Разсмотрѣнное сочиненіе, несмотря на помѣтку „изданіе 2-ое, исправленное“, ничѣмъ ощутительнымъ не отличается отъ перваго, литографированнаго изданія 1914 же года. Авторъ, какъ часто бываетъ, просто перепечаталъ свой трудъ, не удосужившись перечитать и передумать его.

Изъ предисловія 2-го изданія узнаемъ, что 1-ое изданіе „разошлось въ теченіе шести мѣсяцевъ“. Когда подобныхъ книгъ цѣлыя изданія распродаются въ полгода,—нечего удивляться низкому уровню познаній учащейся молодежи по французскому языку!

А. Ларондъ.

**В. Максимовъ*. Жизнь и творчество великихъ русскихъ писателей. Элементарный курсъ. Съ портретами писателей. Книгоиздательство Сотрудникъ. Петроградъ—Кіевъ, 1916. 211 стр. Цѣна безъ переплета 1 р. 20 к.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякій учебникъ только тогда приноситъ пользу учащимся, когда авторъ умѣетъ ясно и точно излагать установленные наукою факты. Посмотримъ, какъ излагаетъ историко-литературныя явленія г. Максимовъ.

Разсказывая о народной поэзіи, г. Максимовъ упоминаетъ о Колядѣ и Купалѣ (3), но не разъясняетъ происхожденія и смысла этихъ словъ; кромѣ того, онъ категорически утверждаетъ, что до насъ совсѣмъ не дошли купальскія пѣсни (3), хотя ихъ можно найти въ

хрестоматіяхъ О. Миллера, Галахова, Саводника и др. („Купала нашъ, Купала! Дай намъ котлы золота!“ и т. д.).

Въ отдѣлѣ о былевомъ эпосѣ не объяснены слова: „богатырь“ (6), „скоморохъ“ (7), „братчина“ (11), „ушкуйникъ“ (11—12). Гоненія на скомороховъ отнесены къ 16-му вѣку (7), хотя они начались значительно раньше (*И. Ждановъ.* Сочиненія. С.-Пб. 1904. т. I, 338—339). Вольга названъ „олицетвореніемъ княжеской власти“ (8), но почему-то не сопоставленъ съ Олегомъ. Передано содержаніе пѣсни „Гнѣвъ Ивана Грознаго на сына“ (13—14), и не отмѣчена ея историческая неточность.

Безъ объясненія остались „чудовищная Стратимъ птица“ и „Индрикъ звѣрь“ изъ стиха о Голубиной книгѣ (15).

Въ отдѣлѣ о древней письменности указана статья „О чтеніи книгъ“, помѣщенная въ Святославовомъ изборникѣ 1076 г. (22), и нѣтъ ни слова о поученіяхъ Ксенофонта и Өеодоры, хотя они имѣютъ ближайшее отношеніе къ поученію Владимира Мономаха.

Характеристика древне-русской проповѣди является односторонней, такъ какъ, помимо искусственныхъ, отразившихъ на себѣ вліяніе византійскаго краснорѣчія проповѣдей Иларіона и Кирилла Туровскаго (24), были простыя и безыскусственныя поученія Луки Жидяты и Өеодосія Печерскаго.

Не названъ по имени отецъ Владимира Мономаха Всеволодъ (27), и не сказано, въ какомъ вѣкѣ жилъ епископъ Серапіонъ Владимирскій (34).

Выясняется отношеніе „Слова о Полку Игоревѣ“ къ народной поэзіи (31), и обойдена молчаніемъ его связь съ древней письменностью [1]).

Домострой приписанъ Сильвестру (35) неудачно, такъ какъ до сихъ поръ высказываются противоположныя мнѣнія о томъ, есть ли это произведеніе памятникъ личнаго или коллективнаго творчества и какое участіе въ его составленіи принималъ Сильвестръ.

Царевна Наталья Алексѣевна изображена вообще любительницей литературы и писательницей (37), между тѣмъ какъ слѣдовало опредѣленнѣе подчеркнуть ея увлеченіе именно театромъ.

Невразумительна фраза: „по его (Симеона Полоцкаго) *ходатайству* была открыта Московская Академія“ (37). Вмѣсто этого нужно было разсказать о проектѣ царскаго привилія на учрежденіе сла-

---

[1]) Книжныя выраженія и пріемы автора.

вяно-греко-латинской академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ,—проектѣ, который помѣченъ 1682 годомъ и, повидимому, *первоначально* былъ составленъ Симеономъ, не успѣвшимъ при жизни осуществить свою идею.

Оцѣнка французскаго классицизма сдѣлана не вполнѣ удовлетворительно: „они (ложноклассики), уподобляясь древнимъ *пѣвцамъ*, начинали свои произведенія словами «пою», упоминали о лирѣ, о музахъ, въ которыхъ не вѣрили, своихъ героевъ старались изобразить похожими на Ахиллеса, Гектора, Агамемнона" и т. д. (40). Все это не даетъ *полной* оцѣнки классицизма: рѣчь идетъ, очевидно, объ *однихъ лирическихъ* произведеніяхъ.

Въ біографіи Ломоносова повторена старая легенда о бѣгствѣ его изъ родительскаго дома, хотя самъ г. Максимовъ признаетъ эту легенду недостовѣрной (41), а возвращеніе нашего ученаго изъ-за границы въ Россію отнесено къ 1739 году вмѣсто 1741 (43).

Рожденіе Фонвизина пріурочено къ 1744 году (50) вмѣсто 1745. Послѣдняя цифра принята акад. И. Н. Ждановымъ и цѣлымъ рядомъ составителей учебниковъ (Саводникъ, Шалыгинъ и др.).

Державинъ не могъ поступить въ Казанскую гимназію въ 1758 году (57), такъ какъ послѣдняя была открыта лишь 21-го января 1759 г.

Во второй части учебника, посвященной писателямъ 19-го вѣка, г. Максимовъ пытается дать опредѣленіе романтизма и дѣлаетъ это не очень успѣшно. Не будучи въ силахъ провести грань между сентиментализмомъ и романтизмомъ, онъ знакомитъ читателя съ особенностями сентиментальнаго направленія и весьма поверхностно касается романтизма. Къ чистымъ романтикамъ онъ причисляетъ Шиллера, и едва ли правильно. Безспорно, этотъ поэтъ оказалъ воздѣйствіе на Тика, А. В. Шлегеля, о чемъ писалъ еще Гаймъ; безспорно, можно прослѣдить, хотя бы по книгѣ Spenlé, связь между творчествомъ Шиллера и Новалиса,—но отъ этого далеко до мнѣнія г. Максимова. Неправильно и отнесеніе Карамзина къ писателямъ сентиментально-*романтическимъ* (65).

„Ундина" и „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" Жуковскаго названы почему-то балладами (80) вопреки мнѣнію автора, считавшаго ихъ повѣстями, а о его переводахъ Шиллеровскихъ балладъ высказаны неправильныя сужденія. Во-первыхъ, у Жуковскаго нѣтъ произведенія „Торжество Цереры" (81), а есть „Жалоба Цереры" и „Торжество побѣдителей". Во-вторыхъ, никакъ нельзя утверждать, что переводъ баллады „Поликратовъ перстень" „наиболѣе удался" Жуков-

скому. Извѣстно, что послѣднiй оставилъ безъ вниманiя намекъ на зависть боговъ, „мстившихъ за избытокъ блаженства". Восклицанiе Амазиса, устрашеннаго счастiемъ Поликрата: „Боги желаютъ твоей гибели" (Die Götter wollen dein Verderben), передано слѣдующимъ стихомъ: „На смерть ты обреченъ *судьбою*". Детальное сопоставленiе оригинала съ переводомъ показываетъ, что Жуковскiй „обезличилъ все стихотворенiе" и что „Поликратовъ перстень"—одно изъ *слабыхъ* его произведенiй (*В. Чешихинъ*. Жуковскiй, какъ переводчикъ Шиллера. Рига, 1895, стр. 150).—Затѣмъ, Жуковскiй признанъ романтикомъ (82), хотя пора бы отрѣшиться отъ этого воззрѣнiя и принять формулу покойнаго академика Веселовскаго, что нашъ поэтъ—сентименталистъ - карамзинецъ (В. А. Жуковскiй. Чтенiе. Спб. 1902, стр. 1—2).

Крыловъ перебирается въ Петербургъ для поступленiя въ казенную палату не въ 1772, а въ 1782 г. и находитъ свое истинное призванiе не 38, а 20 лѣтъ отъ роду, такъ какъ первыя его басни напечатаны въ *Утреннихъ Часахъ* 1788 г. (84—85).

Въ главѣ о Пушкинѣ не указано значенiе байронизма (109), и недостаточно разъяснены причины боярскаго и народнаго недовольства въ драмѣ „Борисъ Годуновъ" (123). (*И. Ждановъ*. Сочиненiя. Спб. 1907, т. II, стр. 133: „бояре помнили своихъ властныхъ предковъ, народъ помнилъ Юрьевъ день"). Любопытно также замѣчанiе, что послѣ 1831 г. художественное дарованiе Пушкина временами *ослабѣвало* (105). Это говорится про тѣ годы, когда были созданы знаменитыя сказки, „Капитанская дочка", „Дубровскiй", „Русалка", „Мѣдный Всадникъ", „Сцены изъ рыцарскихъ временъ" и рядъ прекрасныхъ лирическихъ стихотворенiй.

Толкуя значенiе II тома „Мертвыхъ Душъ" (138), г. Максимовъ не упомянулъ о желанiи Гоголя возродить пошлыхъ героевъ I тома, что̀ ясно вытекаетъ изъ письма къ Н. М. Языкову отъ 26-го декабря 1844 („Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время"): „О, если бы ты могъ сказать ему (читателю) то, что̀ долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома «Мертвыхъ Душъ»".

Въ бiографiи Тургенева помѣщенъ слишкомъ рѣзкiй отзывъ о матери писателя Варварѣ Петровнѣ (171). Деспотичная отъ природы, она не была однако столь жестокой, какой ее представляютъ, и опубликованныя недавно ея письма къ Ивану Сергѣевичу свидѣтельствуютъ, что ей не были чужды „нѣжныя материнскiя чувства" (Тургеневскiй сборникъ. Спб. 1915, стр. 24—48).

Наконецъ, въ учебникѣ замѣтна склонность автора сгущать мрачныя краски при изображеніи русской дѣйствительности, и разсѣяно не мало суровыхъ замѣчаній о государственномъ строѣ и общественной жизни конца XVIII и первой половины XIX вѣка. Въ царствованія Елисаветы и Екатерины II, по словамъ г. Максимова, на ученыхъ и литераторовъ „смотрѣли, какъ на шутовъ, предназначенныхъ потѣшать знатныхъ людей“ (44). При Николаѣ I это положеніе не улучшилось. Возстаніе декабристовъ (о которыхъ г. Максимовъ любитъ говорить при всякомъ удобномъ случаѣ—77, 104 и др.) породило „въ правительствѣ подозрительное и недовѣрчивое отношеніе къ обществу, изъ среды котораго вышли декабристы. Вслѣдствіе этого въ Россіи установилась такая система управленія, при которой общество было устранено отъ всякаго почти участія не только въ вопросахъ государственныхъ, но и въ узкой области мѣстнаго управленія“ (125—126). Излишними показались мнѣ разсказъ о притѣсненіяхъ, которыя чинилъ Пушкину гр. Бенкендорфъ (104), ссылки на „безправіе“ русской жизни (170) и цитата изъ „Севастопольскихъ разсказовъ“ Л. Толстого, гдѣ отмѣчено противорѣчіе между войной и христіанскимъ ученіемъ (206).

Слогъ г. Максимова не вездѣ хорошъ; попадаются выраженія: „былины... *окрестьянились*“ (7); „оно (общество) жило, по преимуществу, *интересами* растительнаго, *не озаряемаго никакой разумной и высокой цѣлію прозябанія*“ (126); „животно-хитрый“ (137) и т. п.

П. Козминъ.

ПОПРАВКИ.

Въ январьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ статьѣ о книжкѣ г. Чернышева вкрались слѣдующія опечатки.

Стран.:	*Строка*:	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ читать*:
104	8	улучшенія	изученія
107	16	иногда	тогда
108	8	передъ ъ, *е*	передъ *о*, *е*
„	20	словъ	лицъ
„	29	тѣхъ	послѣ
„	32	ц. с.	и.-l.
„	33	и лишь	а лишь
109	8	громаднымъ	громоздкимъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О ГРАФИЧЕСКОМЪ ИЗОБРАЖЕНІИ СТАТИСТИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ.

Новыя положенія, высказанныя въ циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія отъ 1-го іюля 1914 г., знаменуютъ коренной переворотъ въ постановкѣ у насъ преподаванія географіи.

Въ этомъ циркулярѣ впервые выдвинутъ былъ на должное мѣсто важнѣйшій отдѣлъ географіи—географія культурно-экономическая, т. е. *единственная изъ всѣхъ дисциплинъ средней школы, которая знакомитъ учащагося съ современною жизнью и дѣятельностью человѣка.* Что культурно-экономическая географія [1]), при надлежащей постановкѣ ея, имѣетъ громадное образовательное и воспитательное значеніе—несомнѣнно. Вѣдь одна изъ главныхъ задачъ ея—указать на производительныя силы отдѣльныхъ народовъ и установить, какъ послѣдніе пользуются этими силами для развитія своего матеріальнаго благо-

[1]) Подъ *культурно-экономической географіею* мы понимаемъ ученіе, которое, исходя изъ данныхъ демографіи, разсматриваетъ конкретныя проявленія духовной и матеріальной культуры человѣка въ разныхъ частяхъ земного шара. Этотъ отдѣлъ географіи раздѣляется на двѣ главныя части—на демографо-соціальную и на экономическую. *Демографо-соціальная часть* разсматриваетъ разселеніе на землѣ человѣка, численность населенія, его движеніе и плотность, раздѣленіе людей по расамъ, языкамъ, религіи, занятіямъ, общественному и политическому строю и просвѣщенію. *Экономическая часть* этого ученія обнимаетъ добывающую и обрабатывающую промышленность, пути сообщенія и средства сношеній, а также торговлю, разсматриваемые какъ съ точки зрѣнія народнаго хозяйства отдѣльныхъ народовъ и странъ, такъ и міровой хозяйства. И въ той, и въ другой части долженъ быть примѣняемъ *сравнительный статистическій методъ*, дающій наиболѣе опредѣленное понятіе о живой дѣйствительности.

состоянія. Что такія указанія крайне необходимы, особенно для насъ, доказала намъ хотя бы настоящая война, раскрывшая многія стороны нашей матеріальной зависимости отъ иностранцевъ, возникшей, главнымъ образомъ, вслѣдствіе полнаго игнорированія нами нѣкоторыхъ важныхъ для насъ отраслей экономической дѣятельности и далеко недостаточнаго использованія нашихъ производительныхъ силъ. Несомнѣнно, что именно школа всѣми силами должна способствовать ознакомленію подрастающей молодежи съ нашими производительными силами и нашей хозяйственной дѣятельностью, сравнивая ихъ съ производительными силами и экономическою дѣятельностью иностранныхъ государствъ. Это необходимо не только для того, чтобы увеличить запасъ нашихъ знаній о родной землѣ, но и ради чисто практической цѣли: такая работа откроетъ новые горизонты нашей учащейся молодежи и укажетъ ей на тѣ отрасли производительной дѣятельности, гдѣ молодыя силы могутъ найти себѣ примѣненіе и принести существенную пользу родной землѣ.

Особенно важно, чтобы культурно-экономическая географія Россіи преподавалась въ выпускномъ классѣ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ въ этомъ классѣ, на практикѣ, для большинства учащихся рѣшается вопросъ о томъ, какой отрасли наукъ слѣдуетъ посвятить остальные учебные годы. Нужно надѣяться, что, если преподаваніе культурно-экономической географіи будетъ поставлено правильно, и если учащимся станетъ извѣстно, въ какихъ именно областяхъ производительной дѣятельности ощущается наибольшая потребность въ молодыхъ силахъ, то наиболѣе энергичные изъ учащихся будутъ стараться найти примѣненіе своимъ силамъ именно тамъ, гдѣ въ нихъ ощущается нужда, и не станутъ, по рутинѣ, стремиться къ нѣкоторымъ излюбленнымъ факультетамъ—напр. юридическому—и тѣмъ увеличивать число лицъ, не находящихъ примѣненія своимъ знаніямъ. Великая заслуга вышеуказаннаго циркуляра министерства народнаго просвѣщенія заключается въ томъ, что имъ введено въ курсъ 8-го класса мужскихъ гимназій „Обозрѣніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами“, въ которомъ широкое мѣсто предоставлено культурно-экономической географіи [1]).

Мы придаемъ громадное значеніе циркуляру 1-го іюля 1914 г.

[1]) Весьма отрадно отмѣтить въ указанномъ циркулярѣ также новое постановленіе, въ силу котораго курсъ географіи 6 и 7 классовъ мужскихъ гимназій „сводится *исключительно* къ культурно-экономической характеристикѣ Европы и внѣевропейскихъ странъ“.

также и потому, что въ немъ впервые офиціально признано неоднократно защищавшееся нами положеніе, что „*при характеристикѣ культурно-экономическаго состоянія странъ неизбѣжно пользованіе цифровыми данными*". Въ этихъ словахъ высказанъ новый взглядъ на цифровой матеріалъ, рѣзко противоположный тому, который выражался въ прежнихъ офиціальныхъ программахъ географіи. Нельзя не припомнить, что въ объяснительной запискѣ къ учебному плану географіи, утвержденному министромъ народнаго просвѣщенія 20-го іюля 1890 г., читалось прямо противоположное указаніе, а именно, что „ученики не должны быть обременяемы *никакими* статистическими данными, которыя часто мѣняются". Нами, какъ сказано, всегда защищалось *діаметрально* противоположное мнѣніе: мы были и остаемся того убѣжденія, что *именно потому*, что статистическія данныя мѣняются, они *обязательно* должны быть сообщаемы учащимся. Вѣдь эти данныя, въ большинствѣ случаевъ,—*единственный масштабъ для оцѣнки* соціальныхъ и экономическихъ фактовъ, и безъ изученія статистическихъ данныхъ не обойдется никто изъ тѣхъ, кто пожелаетъ дать себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ въ томъ, что происходитъ въ текущей жизни. Въ доказательство того, насколько въ практической жизни настоятельно необходимы какъ изученіе цифровыхъ данныхъ, такъ и умѣнье ими пользоваться, и насколько игнорированіе ихъ пагубно по своимъ послѣдствіямъ для всего нашего народнаго хозяйства, мы приведемъ здѣсь два характерныхъ примѣра.

Извѣстно, что, благодаря скудости статистическихъ данныхъ о Сибири и, отчасти, изъ-за неумѣнія пользоваться имѣющимися цифровыми данными, допущена была непростительная ошибка при первоначальной постройкѣ Великаго Сибирскаго пути: путь этотъ былъ построенъ по такому типу, который совершенно не соотвѣтствовалъ желѣзнодорожному грузообороту [1]), такъ что уже въ 1899 г. пришлось дополнительно ассигновать болѣе 94 милліоновъ руб. на усиленіе провозоспособности магистрали.

Другой поразительный примѣръ непониманія значенія цифровыхъ данныхъ представляетъ вопросъ объ орошеніи нашихъ богатѣйшихъ лессовыхъ отложеній въ Туркестанѣ.

Извѣстно, какую роль играетъ хлопокъ въ нашей обрабатывающей

---

[1]) Дѣйствительный грузооборотъ во много разъ (по нѣкоторымъ даннымъ—въ 10 разъ) превысилъ предполагавшійся при постройкѣ пути.

промышленности, и извѣстно также, что часть (и при томъ очень большая) потребнаго хлопка привозится къ намъ изъ-за границы, за что нами уплачиваются иностранцамъ громадныя суммы (если считать вмѣстѣ съ пошлиною, то потребители хлопка уплатили за привозный хлопокъ свыше 951 милліона руб., т. е. почти милліардъ руб. за одно десятилѣтіе 1901—1910 гг.). Между тѣмъ у насъ имѣется полная возможность добывать свой хлопокъ не только въ достаточномъ количествѣ, но даже чуть ли не въ избыткѣ. Для этого надо только использовать имѣющійся у насъ въ настоящее время въ Туркестанѣ водный запасъ, достаточный для орошенія свыше 3-хъ милліоновъ десятинъ земли, вполнѣ пригодной для культуры хлопка. Существующая, такимъ образомъ, возможность освободиться отъ иностранной зависимости по хлопку не использована въ должной мѣрѣ, главнымъ образомъ, изъ за игнорированія цифровыхъ данныхъ. Правда, устройство правильнаго орошенія стоитъ сравнительно дорого (въ среднемъ ок. 200 р. за десятину), но нельзя забывать, что цѣна десятины орошенной земли въ хлопковомъ раіонѣ поднимается до 3000 руб. и даже выше, при доходности до 150 р. въ годъ [1]). Что же сдѣлано въ Туркестанѣ за первое пятнадцатилѣтіе нынѣшняго вѣка? Главная законченная работа—это орошеніе малой части такъ называемой Голодной степи (всего около 60—80 тыс. десятинъ), при ассигнованіи всего около 7 милліоновъ руб. Такимъ образомъ богатѣйшій фондъ для переселенія до сихъ поръ не использованъ, и русскіе потребители хлопка спокойно продолжаютъ платить тяжелую дань иностранцамъ вмѣсто того, чтобы разъ навсегда освободиться отъ всякой зависимости, сдѣлавъ единовременную затрату, производительность которой легко усматривается изъ простого ариѳметическаго разсчета.

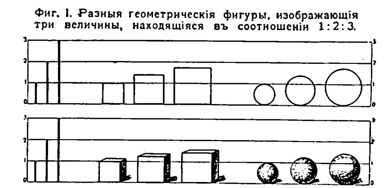
Двухъ этихъ примѣровъ, намъ кажется, достаточно, чтобы усмотрѣть, насколько изученіе цифровыхъ данныхъ и развитіе умѣнія пользоваться ими необходимы для всякаго образованнаго человѣка; отсюда вытекаетъ, что необходимо уже въ школѣ пріучать дѣтей къ обращенію съ цифровымъ матеріаломъ. Однако, пользованіе этимъ матеріаломъ, въ виду обширности и разнообразія его—дѣло трудное, и нужно всячески изыскивать средства къ облегченію этой работы. Главнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли является *графическое изображеніе цифровыхъ данныхъ*. Постараемся здѣсь разъяснить

---

[1]) См. статью А. А. Скорнякова „Искусственное орошеніе въ Азіатской Россіи“ въ изд. переселенческаго управленія „Азіатская Россія“.

значеніе и преимущества этого способа изученія цифрового матеріала.

Цифры пріобрѣтаютъ настоящее свое значеніе только при сравненіи ихъ между собою, при сопоставленіи ихъ для опредѣленія ихъ *соотношеній*. Соотношенія эти нагляднѣе и рѣзче всего выражаются графически мѣрами длины, при изображеніи же ихъ мѣрами поверхности и, въ особенности, мѣрами объема эти соотношенія *скрадываются*, какъ видно изъ нижеслѣдующей фигуры I. На этой фигурѣ



Фиг. I. Разныя геометрическія фигуры, изображающія три величины, находящіяся въ соотношеніи 1:2:3.

безъ затрудненія усматривается, какъ легко опредѣлить на глазъ соотношеніе трехъ величинъ при представленіи ихъ въ видѣ линій соотвѣтствующей длины и какъ трудно это сдѣлать, если эти соотношенія выражены помощью квадратовъ и круговъ и, въ особенности,— кубовъ и шаровъ. Поэтому, такъ какъ *основная задача графическихъ изображеній цифровыхъ данныхъ—дать яркую, бросающуюся въ глаза картину соотношеній тѣхъ или иныхъ величинъ*, слѣдуетъ *всячески избѣгать изображенія цифровыхъ данныхъ помощью фигуръ плоскости и объема*. Насколько графическія изображенія помощью этихъ фигуръ представляютъ только *мнимую наглядность* и ведутъ къ крайне отрицательнымъ результатамъ, объ этомъ будетъ сказано ниже.

Проще всего для указанной нами цѣли было бы пользоваться прямыми линіями, но сплошь и рядомъ бываютъ случаи, когда удобнѣе всего прибѣгать къ узкимъ полосамъ - прямоугольникамъ, которые широко примѣняются извѣстнымъ статистикомъ географомъ Бартоломью [1]). Такіе полосы-прямоугольники, при незначительной ширинѣ основаній сравнительно съ высотою (или же наоборотъ—при небольшой, по сравненію съ длиною, высотѣ), являясь какъ бы только утолщен-

[1]) См. его капитальный трудъ „Atlas of the world's commerce“, на который мы не разъ указывали какъ на чрезвычайно цѣнное по содержанію и образцово исполненное пособіе при изученіи міроваго хозяйства.

ными линіями, особенно удобны въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ показано на фиг. II, сравниваются нѣсколько величинъ, изъ которыхъ

Фиг. II. Добыча нефти разными странами за 1912 г. въ милліонахъ пудовъ.

однѣ очень малы (напр. единицы), а другія—значительно отъ нихъ разнятся (напр. сотни и тысячи). Въ такихъ случаяхъ величины, слишкомъ большія для изображенія ихъ на чертежѣ одною непрерывною линіею, могутъ изображаться въ видѣ комплекса нѣсколькихъ прямоугольниковъ, плотно поставленныхъ рядомъ [1]).

Нельзя не указать еще одинъ частный случай, гдѣ примѣненіе полосъ-прямоугольниковъ особенно полезно: это—при изображеніи процентныхъ отношеній. Помѣщенная ниже фиг. III даетъ это изобра-

Фиг. III. Племенной составъ Россіи въ процентахъ.

женіе на чертежѣ а), въ противоположность чертежу в), которымъ воспроизведено обычное изображеніе процентныхъ отношеній—секторами круга. Сравнивая чертежи а) и в), нельзя не замѣтить, насколько ярче въ первомъ изъ нихъ выступаютъ соотношенія между %% отдѣльныхъ народностей, чѣмъ на чертежѣ в), гдѣ эти соотно-

[1]) Что на одномъ и томъ же чертежѣ ширина всѣхъ полосъ-прямоугольниковъ должна быть одинаковой—само собою разумѣется.

шенія очень трудно уловимы на глазъ. Чертежъ же б) помѣщенъ здѣсь съ тѣмъ, чтобы указать на самый легкій и быстрый способъ изображенія процентныхъ отношеній (путемъ отсчитыванія на миллиметровой бумагѣ по линіи въ 100—или число кратное отъ 100—миллиметровъ данныхъ процентовъ) [1]). Нельзя, однако, не замѣтить, что способомъ, указаннымъ на чертежѣ б), можно достигнуть извѣстной наглядности только въ томъ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло со сравнительно большими %%.

Кромѣ того, бываютъ случаи, когда необходимо сопоставлять рядъ величинъ одной категоріи съ величинами другого порядка (напр., когда идетъ рѣчь о плотности населенія [2]), урожайности и т. п.). Для графическаго изображенія соотношеній такихъ величинъ мы предлагаемъ пользоваться такими чертежами, какіе изображены на прилагаемыхъ фиг. IV и V, такъ какъ подобные чертежи, занимая мало

Фиг. IV.
Плотность населенія на 1 □ верстѣ.

Бельгія	286,8
Нидерланды	207,5
Соед. Королевство	165,3
Германія	134,6
Австро-Венгрія	86,5
Франція	84,0
ЕВРОП. РОССІЯ	29,8
Швеція	14,4
Норвегія	8,4

Фиг. V.
Урожай пшеницы съ десятины (въ пудахъ).

РОССІЯ	42,4
Италія	60,4
Франція	90,4
Германія	134,0
Соед. Корол.	152,8
Бельгія	165,0

мѣста, являются наиболѣе удобными для быстраго усвоенія соотношеній сравниваемыхъ величинъ.

Бываютъ, однако, случаи, когда ни линіи, ни замѣняющіе ихъ полосы-прямоугольники не даютъ ясной картины тѣхъ или иныхъ статистическихъ явленій. Это—тѣ случаи, когда какіе либо факты сравни-

[1]) О техникѣ составленія предлагаемыхъ нами чертежей мы говорить болѣе не будемъ, и лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ, отсылаемъ къ составленной нами „Тетради для черченія діаграммъ и графиковъ" (Петроградъ, 1914 г.), содержащей краткое руководство по техникѣ графическихъ изображеній, а также и по чтенію послѣднихъ.

[2]) Довольно распространеннымъ является изображеніе плотности населенія при помощи ряда квадратовъ со вписанными въ нихъ точками, число которыхъ находится въ соотношеніи съ плотностью населенія, Такое представленіе плотности, намъ думается, мало цѣлесообразно: помимо того, что требуется больше времени на изображеніе плотности населенія, чѣмъ по предлагаемому нами способу, соотношенія величинъ труднѣе поддаются учету.

ваются по относительному ихъ развитію во времени. Тутъ необходимо пользоваться системою координатъ, такъ называемыми *„кривыми“ графиковъ* [1]). Вспомогательныя кривыя линіи, соединяющія крайнія точки линій, изображающихъ величину тѣхъ или иныхъ фактовъ, сильно подчеркивая разность величинъ разсматриваемыхъ явленій, прямо незамѣнимы; если не злоупотреблять числомъ ихъ, онѣ даютъ настолько яркую картину данныхъ явленій, что достаточно одного взгляда, чтобы сразу же распознать главныя черты и основной характеръ разсматриваемыхъ явленій, а также и массу деталей, неуловимыхъ, какъ мы увидимъ ниже, при изображеніи статистическихъ данныхъ другими способами.

Итакъ, мы признаемъ, что для графическихъ изображеній статистическихъ данныхъ (не пріуроченныхъ къ географической картѣ) [2]) *вполнѣ достаточны линіи, полосы-прямоугольники и кривыя графиковъ.* Иначе смотрятъ на это дѣло другіе статистики. Находя, повидимому, что приведенные нами три способа изображенія статистическихъ данныхъ слишкомъ однообразны, они вводятъ для оживленія графическихъ изображеній рядъ новыхъ средствъ, вплоть до воспроизведенія самыхъ предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Насколько *вредны* послѣдствія такого стремленія, во что бы ни стало, „разнообразить“ и „оживлять“ графическое изображеніе статистическихъ данныхъ, мы увидимъ изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ одного изданія, въ которомъ „разнообразіе“ и „оживленіе“ этихъ изображеній доведено до крайняго предѣла. Мы имѣемъ въ виду изданный департаментомъ земледѣлія трудъ—„Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи“, изъ котораго нами взяты фиг. VI, VIII, X и XI. На фиг. VI и VIII мы видимъ, какъ одно и то же явленіе—вывозъ хлѣбовъ

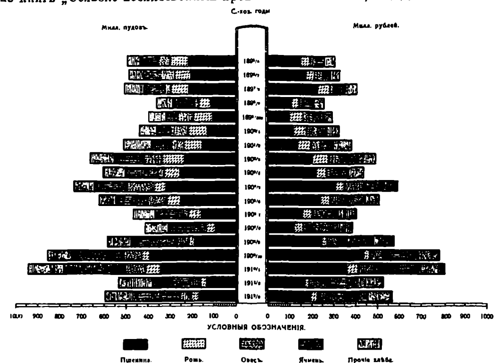
---

[1]) Эти, такъ сказать, „статистическія“ кривыя, представляя собою ломаныя линіи, разумѣется, ничего общаго не имѣютъ съ тѣми кривыми, о которыхъ говорится въ математикѣ.

[2]) О картограммахъ, гдѣ изображенія статистическихъ данныхъ наносятся на соотвѣтствующія мѣста географическихъ картъ, мы говорить не станемъ, такъ какъ несложная техника ихъ составленія твердо установилась. Не будемъ мы говорить и о картахъ-діаграммахъ, на которыхъ діаграммы стараются пріурочить къ опредѣленному географическому мѣсту, такъ какъ мы считаемъ такія изображенія непрактичными: если желаютъ пріурочить діаграммы къ данному географическому мѣсту, то ихъ обыкновенно дѣлаютъ слишкомъ малыми, отчего онѣ становятся малоразборчивыми; иногда же ихъ дѣлаютъ слишкомъ большими, вслѣдствіе чего онѣ далеко выходятъ за предѣлы тѣхъ мѣстъ, къ которымъ онѣ относятся, и тогда вносится путаница тамъ, гдѣ ясность—первое условіе.

Фиг. VI.

Вывозъ изъ Россіи всѣхъ зерн. хлѣбовъ за періодъ 1895/6—1912/13 с.-хоз. гг. (по книгѣ „Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи", изд. Деп. Земледѣлія).



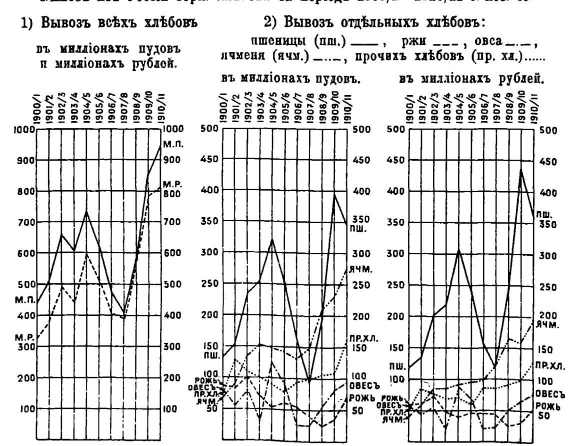
Фиг. VII.

Вывозъ изъ Россіи зерн. хлѣбовъ за періодъ 1900/1—1910/11 с.-хоз. гг.

1) Вывозъ всѣхъ хлѣбовъ въ милліонахъ пудовъ и милліонахъ рублей.

2) Вывозъ отдѣльныхъ хлѣбовъ: пшеницы (пш.) ——, ржи - - -, овса —·—, ячменя (ячм.) —··—, прочихъ хлѣбовъ (пр. хл.)......

въ милліонахъ пудовъ. въ милліонахъ рублей.



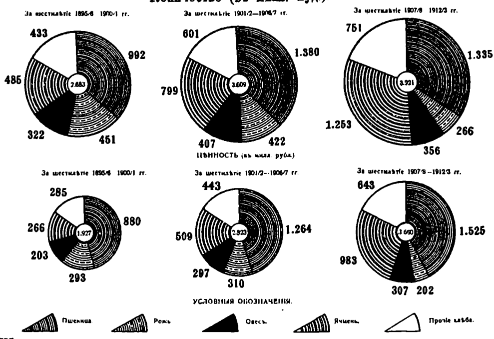
Прим. Цифры шкалы 1-го графика обозначаютъ двѣ величины: милліоны пудовъ и милліоны рублей.

Фиг. VIII.

Вывозъ изъ Россіи зерновыхъ хлѣбовъ за отдѣльныя шестилѣтія періода 1895/6—1912/13 с.-хоз. годовъ.

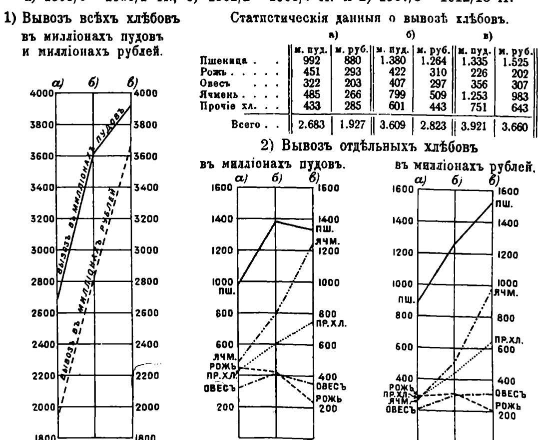
(по книгѣ „Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи", изд. Деп. Земледѣлія).

Количество (въ милл. пуд.).



Фиг. IX.

Вывозъ изъ Россіи зерновыхъ хлѣбовъ за отдѣльныя шестилѣтія:
а) 1895/6—1900/1 гг., б) 1901/2—1906/7 гг. и в) 1907/8—1912/13 гг.



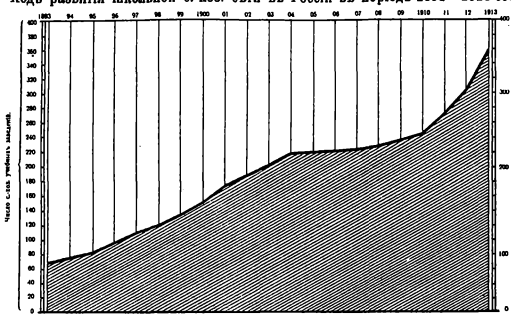
Статистическія данныя о вывозѣ хлѣбовъ.

	а) м. пуд.	а) м. руб.	б) м. пуд.	б) м. руб.	в) м. пуд.	в) м. руб.
Пшеница	992	880	1.380	1.264	1.335	1.525
Рожь	451	293	422	310	226	202
Овесъ	322	203	407	297	356	307
Ячмень	485	266	799	509	1.253	983
Прочіе хл.	433	285	601	443	751	643
Всего	2.683	1.927	3.609	2.823	3.921	3.660

Прим. Цифры шкалы 1-го графика обозначаютъ двѣ величины: милліоны пудовъ и милліоны рублей.

Фиг. X.

Ходъ развитія школьной с.-хоз. сѣти въ Россіи въ періодъ 1893 – 1913 гг.

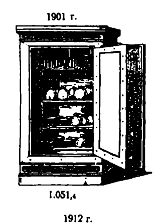


Фиг. XI.

Ростъ затратъ Департамента Земледѣлія на содержаніе с.-хоз. учебныхъ заведеній за 1895, 1901, 1907 и 1912 гг. въ 1000-хъ рублей.

1895 г.

656,3

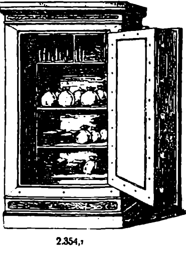


1901 г.

1.051,4

1907 г.

1.397,1



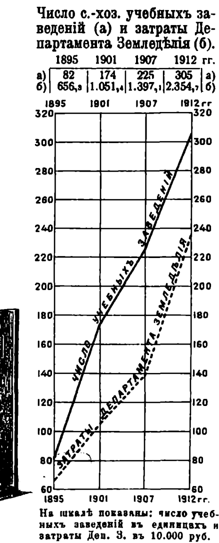
1912 г.

2.354,7

Фиг. XII.

Число с.-хоз. учебныхъ заведеній (а) и затраты Департамента Земледѣлія (б).

	1895	1901	1907	1912 гг.	
а)	82	174	225	305	а)
б)	656,3	1.051,4	1.397,1	2.354,7	б)



На шкалѣ показаны: число учебныхъ заведеній въ единицахъ и затраты Деп. З. въ 10.000 руб.

за рядъ лѣтъ—явленіе, которое прекрасно могло бы быть выражено графиками, изображается, повидимому для разнообразія, двумя способами: прямоугольниками (на фиг. VI) и кругами и ихъ секторами (на фиг. VIII). Кромѣ того, графическія изображенія фиг. VI и VIII разнятся между собою еще въ слѣдующемъ. На фиг. VI вывозъ хлѣбовъ изображенъ по отдѣльнымъ годамъ за восемнадцатилѣтіе 1895—1896—1912—1913 гг. исключительно графически, безъ цифровыхъ данныхъ о вѣсѣ и цѣнности хлѣбовъ, а на фиг. VIII—вывозъ тѣхъ же хлѣбовъ данъ по тремъ шестилѣтіямъ того же періода, но не только съ графическимъ изображеніемъ этого вывоза, но и съ сообщеніемъ цифровыхъ данныхъ [1]) о вывозѣ хлѣбовъ, при томъ какъ по вѣсу, такъ и по цѣнности ихъ.

Разсмотримъ, прежде всего, фигуру VI. Несомнѣнно, очень интересно было бы узнать, въ какихъ соотношеніяхъ находились за данный періодъ вѣсъ и цѣнность всѣхъ хлѣбовъ. Усмотрѣть это „на взглядъ“ на фигурѣ V почти невозможно, и чтобы получить хотя бы приблизительное представленіе о соотношеніяхъ вѣса и цѣнности, приходится прибѣгнуть къ кропотливому труду измѣренія циркулемъ длины прямоугольниковъ по лѣвую и правую сторону столбца годовъ; такимъ образомъ получатся искомыя соотношенія за отдѣльные годы, но отнюдь еще не полная картина измѣненій этихъ соотношеній. Для этой послѣдней цѣли надо предпринимать новую кропотливую работу: скалькировать, напр., прямоугольники цѣнности всѣхъ хлѣбовъ и наложить полученный калькъ на прямоугольники вѣса всѣхъ хлѣбовъ. Еще труднѣе составить себѣ по фиг. VI болѣе или менѣе ясное представленіе о ходѣ развитія вывоза отдѣльныхъ хлѣбовъ. Можно, конечно, указанными нами путями, составить себѣ кое какое понятіе о вывозѣ, по вѣсу и цѣнности, пшеницы, такъ какъ прямоугольники, изображающіе этотъ вывозъ, расположены въ томъ же порядкѣ, какъ и прямоугольники вывоза всѣхъ хлѣбовъ (и въ томъ, и въ другомъ случаѣ прямоугольники опираются на стороны столбца годовъ), но какъ поступить съ остальными хлѣбами, прямоугольники которыхъ такъ разбросаны по всѣмъ направленіямъ? Мы затрудняемся дать какой либо отвѣтъ на этотъ вопросъ, но намъ все же думается, что рѣшеніе его потребуетъ большой затраты малопроизводительнаго труда. Изъ всего сказаннаго нельзя не вывести заключенія, что діаграмма

[1]) На подлинникѣ даются какъ абсолютныя, такъ и процентныя цифры вывоза отдѣльныхъ хлѣбовъ. Послѣдція цифры мы исключили изъ нашей уменьшенной фотографической копіи, чтобы не слишкомъ затемнять фигуру VIII.

фиг. VI представляетъ только *мнимую наглядность*. *Дѣйствительная* наглядность получится только въ томъ случаѣ, если примѣнить къ данной задачѣ *единственный*, по нашему крайнему разумѣнію, достигающій цѣли графическій пріемъ для изображенія относительнаго развитія во времени тѣхъ или иныхъ явленій, т. е.—графикъ. Это мы видимъ на составленной нами фиг. VII [1]). На этой фигурѣ сразу бросается въ глаза тотъ крайне любопытный фактъ, что съ 1900/1 по 1905/6 гг. развитіе цѣнности и вѣса всѣхъ хлѣбовъ шло почти равномѣрно, но что съ 1907/8 по 1909/10 гг. цѣнность хлѣбовъ сравнительно съ вѣсомъ ихъ сильно повышается.

Ранѣе, чѣмъ продолжить сравненіе фиг. VI и VII, мы должны особо отмѣтить два обстоятельства.

Во-первыхъ, на фиг. VII нами примѣненъ пока мало распространенный графическій пріемъ: придавая цифрамъ шкалы *двойное* значеніе, мы помѣщаемъ на одномъ и томъ же графикѣ кривыя вывоза хлѣба какъ по вѣсу, такъ и по цѣнности. Этотъ пріемъ, который мы считаемъ весьма полезнымъ для *скораго* и *отчетливаго* уразумѣнія соотношеній разныхъ величинъ, мы находимъ возможнымъ примѣнять даже въ тѣхъ случахъ, когда рѣчь идетъ о предметахъ разныхъ категорій. Такъ, напр., на графикѣ фиг. XII мы изображаемъ какъ число учебныхъ заведеній (въ единицахъ), такъ и затраты на ихъ содержаніе (въ 10.000 руб.).

Во-вторыхъ, мы считаемъ настоятельно необходимымъ, чтобы графики сопровождались пояснительными статистическими таблицами. Необходимость эта ясно обнаруживается изъ разсмотрѣнія 1-го графика фиг. VII: на этомъ графикѣ линіи кривыхъ, изображающихъ вывозъ всѣхъ хлѣбовъ по вѣсу и по цѣнности, такъ сливаются у ординаты 1908/9 г. [2]), что нельзя рѣшить весьма интересный вопросъ о томъ, что же именно произошло въ 1908/9 г.: поднялась ли цѣнность всѣхъ хлѣбовъ до 1 руб. за пудъ, или цѣнность эта была выше или ниже 1 руб. за пудъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать только абсолютныя цифры вывоза. Вотъ почему *рядомъ съ графикомъ должна быть помѣщена соотвѣтствующая статистическая таблица*, содер-

---

[1]) На фиг. VII мы даемъ свѣдѣнія о вывозѣ хлѣбовъ не за весь періодъ 1895/6—1912/13 гг., а только за 1900/1—1910/11 гг., такъ какъ цифровыхъ данныхъ за эти годы совершенно достаточно для характеристики развитія вывоза хлѣбовъ.

[2]) Въ данномъ случаѣ пришлось сдѣлать нашъ графикъ столь малаго размѣра, что, даже при тщательномъ исполненіи оригинала, недочеты стали неизбѣжными.

жащая *округленныя* и посему *легко сравниваемыя* между собою цифры, какъ, напр., помѣщенная ниже [1]).

Статистическія данныя о вывозѣ хлѣбовъ за 1900/1 по 1910/11 с.-хоз. гг.

а) въ милліонахъ пудовъ и б) въ милліонахъ рублей.

	1900/1		1901/2		1902/3		1903/4		1904/5		1905/6		1906/7		1907/8		1908/9		1909/10		1910/11	
	а)	б)	а)	б)	а)	б)	а)	б)	а)	б)	а)	б)	а)	б)	а)	б)	а)	б)	а)	б)	а)	б)
Пшеница	131,7	117,3	153,3	134,3	235,6	203,6	255,8	220,7	320,5	308,4	252,6	241,3	161,7	154,9	94,0	117,3	191,8	244,9	394,0	436,8	347,3	361,8
Рожь . .	85,6	58,3	83,7	58,2	100,6	72,3	69,6	47,8	53,0	39,2	59,6	45,7	55,3	45,1	40,3	43,1	25,1	25,3	35,9	29,9	67,9	51,0
Овесъ . .	81,0	55,2	55,7	45,3	80,5	55,2	29,0	19,3	125,3	66,6	90,6	68,4	26,3	21,2	24,9	22,0	55,7	50,1	83,1	64,3	95,6	75,8
Ячмень .	66,5	41,1	90,3	58,8	136,2	84,0	151,0	83,3	146,8	90,2	142,1	94,0	132,2	98,2	149,2	121,3	208,0	165,0	230,1	157,6	274,4	196,1
Проч. хл.	76,0	63,2	128,2	84,2	109,1	76,3	99,0	67,0	90,2	70,0	77,0	60,4	95,1	84,0	99,1	84,1	106,3	91,0	108,3	97,0	161,2	126,6
Всего .	440,9	825,0	511,2	381,4	662,1	491,4	605,6	438,2	735,6	595,2	622,9	510,8	470,1	403,4	407,3	368,2	586,4	576,9	852,3	785,[illegible]	946,4	810,9

Изъ этой таблицы мы узнаемъ, что вывозъ всѣхъ хлѣбовъ выразился въ 1908/9 г. въ слѣдующихъ цифрахъ: 586,4 тыс. пудовъ и 576,9 тыс. руб., слѣдовательно цѣнность всѣхъ хлѣбовъ не достигла 1 руб. за пудъ, но очень близко подошла къ этой цифрѣ (она составляла 98,4 коп за пудъ).

Какъ мы выше видѣли, если можно составить себѣ по діаграммѣ фиг. VI нѣкоторое представленіе о колебаніяхъ въ вывозѣ всѣхъ хлѣбовъ вообще, а также и пшеницы въ особенности, то это очень трудно сдѣлать по отношенію къ вывозу остальныхъ хлѣбовъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло, если обратиться къ нашимъ графикамъ фиг. VII. При разсмотрѣніи этихъ графиковъ не можетъ не броситься, сразу же, въ глаза ходъ развитія вывоза отдѣльныхъ хлѣбовъ, по вѣсу и по цѣнности: на чертежѣ ясно выступаетъ сравнительное значеніе этихъ хлѣбовъ въ нашей внѣшней торговлѣ, и по нему не трудно составить себѣ общее представленіе о соотношеніяхъ между вѣсомъ и цѣнностью отдѣльныхъ хлѣбовъ за отдѣльные годы. Такъ, напр., на совершенно однородныхъ и потому легко сравнимыхъ между собою графикахъ фиг. VII нетрудно усмотрѣть одно весьма любопытное явленіе, которое нельзя вычитать изъ діаграммы VI, а именно, что въ 1910/11 г. произошло рѣзкое измѣненіе въ вывозѣ пшеницы и ячменя. Вывозъ первой сильно упалъ и по вѣсу и по цѣнности, въ то время какъ вывозъ ячменя значительно повысился, какъ по вѣсу, такъ и по цѣнности. Но, если на графикахъ фиг. VII, представляющихъ вывозъ отдѣльныхъ хлѣбовъ, ярко выступаютъ общія черты вывоза пшеницы и ячменя, то рѣшить по этимъ графикамъ вопросъ

[1]) Эта таблица не помѣщена на графикѣ VII только изъ-за неимѣнія для того мѣста. Цифры таблицы заимствованы не изъ книги „Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи“, дающей, къ сожалѣнію, сравнительно очень мало абсолютныхъ цифровыхъ данныхъ, а изъ другого изданія Г. У. З. и З. (Сборникъ статистико-экономическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству за 1914 г.).

о томъ, *насколько*, по вѣсу и по цѣнности, повысился или понизился вывозъ этихъ хлѣбовъ — работа кропотливая. Тутъ насъ выручаетъ наша статистическая таблица о вывозѣ хлѣбовъ, по которой можно, напр., вычислить, что вывозъ пшеницы по вѣсу понизился на 13,7%, а по цѣнности — на 20,9%, между тѣмъ какъ вывозъ ячменя, наоборотъ, увеличился на 19,3% по вѣсу и на 24,4% по цѣнности.

Если трудно оріентироваться въ діаграммѣ департамента земледѣлія, изображенной на фиг. VI, то еще труднѣе сдѣлать это по отношенію къ фигурѣ VIII. На этой діаграммѣ вывозъ хлѣбовъ по тремъ шестилѣтіямъ изображенъ кругами и секторами круговъ, т. е. такими геометрическими фигурами, которыя, какъ мы видѣли на фиг. 1, *скрадываютъ дѣйствительныя величины* разсматриваемыхъ данныхъ и поэтому даютъ только смутное представленіе о нихъ. Правда, на фиг. VIII внутри круговъ даны абсолютныя цифры вывоза *всѣхъ* хлѣбовъ, а по окружности каждаго круга абсолютныя цифры вывоза *отдѣльныхъ* хлѣбовъ, но эти послѣднія цифры такъ разбросаны, что едва ли можно пользоваться ими иначе, какъ предварительно выписавъ ихъ въ должномъ порядкѣ на отдѣльной статистической таблицѣ (это мы сдѣлали на статистической таблицѣ фиг. IX). Но всѣ эти цифровыя данныя являются только *вспомогательными* средствами для болѣе точнаго опредѣленія данныхъ графическаго изображенія; намъ же, прежде всего, нужно *ясное графическое изображеніе* разсматриваемыхъ явленій, чего намъ фиг. VIII не даетъ. Такое изображеніе могутъ въ настоящемъ случаѣ дать только графики, какъ видно изъ чертежей фиг. IX. Тутъ мы сразу узнаемъ то, что развѣ только съ большимъ трудомъ можно извлечь изъ діаграммы фиг. VIII. Такъ, напр., на первомъ чертежѣ фиг. IX мы сразу ясно видимъ, какъ сильно возросъ вывозъ всѣхъ хлѣбовъ съ 1-го по 3-е шестилѣтіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, можемъ дать себѣ отчетъ о соотношеніяхъ, существовавшихъ между вѣсомъ и цѣнностью вывоза. Съ другой стороны, какъ ярко выступаетъ на графикахъ вывоза отдѣльныхъ хлѣбовъ фиг. IX ходъ развитія вывоза пшеницы и ячменя и, въ частности, какъ характерны линіи кривыхъ паденія, по вѣсу, и сильнаго повышенія, по цѣнности, вывоза пшеницы. Все это не видно или только смутно видно на діаграммахъ департамента земледѣлія, воспроизведенныхъ на фиг. VIII. Мы можемъ усмотрѣть изъ этой фигуры, что вывозъ всѣхъ хлѣбовъ, по вѣсу и цѣнности, прогрессируетъ, но мы не видимъ, въ какой мѣрѣ этотъ прогрессъ совершается (что такъ ясно на первомъ гра-

фикѣ фиг. IX), а объ установленіи на взглядъ соотношеній между вывозомъ по вѣсу и вывозомъ по цѣнности не можетъ быть и рѣчи. Далѣе, по вывозу отдѣльныхъ хлѣбовъ на фиг. VIII видно только преобладаніе пшеницы и ячменя надъ другими хлѣбами, но и здѣсь очень трудно, если и не невозможно, прослѣдить, въ какой мѣрѣ это преобладаніе проявляется; установить же на взглядъ какія либо болѣе или менѣе опредѣленныя соотношенія между вывозомъ по вѣсу и по цѣнности—нѣтъ никакой возможности.

Такимъ образомъ фиг. VIII наглядно показываетъ, насколько вредно пользоваться при изображеніи цифровыхъ данныхъ кругами и въ особенности секторами круговъ. О томъ, что графическое представленіе цифровыхъ данныхъ съ помощью перспективнаго изображенія самыхъ предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, еще вреднѣе, будетъ рѣчь ниже.

Обратимся теперь къ фиг. X и XI, въ которыхъ изданіе „Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи“ даетъ графическое изображеніе развитія сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. На фиг. X изображенъ ходъ развитія школьной сѣти съ 1893 по 1913 гг., гдѣ, наконецъ, примѣняется графикъ [1]), на фигурѣ же XI—представленъ ростъ затратъ на эти заведенія департамента земледѣлія, но не за весь періодъ 1893—1913 гг. а только за 1895, 1901, 1907 и 1912 гг. На этой послѣдней фигурѣ мы видимъ аллегорическое изображеніе затратъ въ видѣ четырехъ несгораемыхъ шкаповъ, черезъ открытыя дверцы которыхъ видны какіе-то столбики, мѣшечки и бумаги, при чемъ шкапы по внѣшнему виду, а также и по содержанію своему совершенно однородны за всѣ 4 упомянутые года и отличаются только своими размѣрами. На этихъ размѣрахъ слѣдуетъ остановиться особо. Шкапы эти изображены въ перспективѣ и, слѣдовательно, надо бы думать, что они представлены въ мѣрахъ объема. Между тѣмъ одного измѣренія сравнительной высоты этихъ 4-хъ шкаповъ достаточно, чтобы убѣдиться, что при черченіи ихъ имѣлась въ виду только видимая на бумагѣ площадь ихъ, а не объемъ. Между тѣмъ на стр. 116 того же изданія департамента земледѣлія, на которой изображены

---

[1]) Графикъ этотъ страдаетъ крупнымъ недостаткомъ: на немъ не проведены, почему-то, линіи абсциссъ, отчего данныя его становятся неясными. Такъ на немъ ясно не видно, въ какомъ именно году число учебныхъ заведеній достигло цифры 100, 200, 300 учебныхъ заведеній. Подобная незаконченность графиковъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ названнаго изданія.

статистическія данныя въ видѣ кубовъ различной величины, также въ перспективѣ, былъ принятъ во вниманіе, какъ показываетъ измѣреніе кубовъ, ихъ объемъ. Очевидно, что такое неодинаковое въ разныхъ случаяхъ отношеніе къ значенію рисунка предмета, изображеннаго въ перспективѣ, ведетъ къ самымъ отрицательнымъ послѣдствіямъ: читатель остается въ невѣдѣніи, къ какимъ измѣреніямъ относятся рисунки.

Мало понятное аллегорическое изображеніе затратъ, введенное, повидимому, для „разнообразія" и „оживленія" графическихъ изображеній изданія департамента земледѣлія, едва ли, впрочемъ, допустимо и по другимъ причинамъ. *Занимая много лишняго мѣста*, такія изображенія шкаповъ оказываются для лицъ, знающихъ графическій языкъ, значительно менѣе наглядными, чѣмъ кривая, которая на гораздо меньшемъ пространствѣ могла бы дать полныя свѣдѣнія о затратахъ за весь періодъ 1893—1913 гг. Если же соединить на одномъ графикѣ, какъ это мы дѣлаемъ на фиг. XII, кривую затратъ и кривую сельско-хозяйственной школьной сѣти, то изъ такого графика можно быстро и легко вывести такія заключенія, которыя нельзя сдѣлать сопоставляя то, что изображено на фиг. X и XI. Такъ, напр., изъ нашего графика (фиг. XII) съ перваго взгляда ясно, что, какъ это ни странно, ходъ развитія школьной сѣти шелъ не въ одинаковомъ темпѣ съ возрастаніемъ затратъ: затраты, сравнительно съ числомъ школъ, то понижаются, то, наоборотъ, подымаются. Этого чрезвычайно любопытнаго явленія [1]) никакъ нельзя вычитать изъ чертежей X и XI. Но сколько *непроизводительнаго труда*, сколько *излишнихъ затратъ* [2]) было понесено для изображенія четырехъ шкаповъ, въ

[1]) Было бы, конечно, весьма любопытно прослѣдить за ходомъ развитія какъ школьной сѣти, такъ и затратъ на нее по каждому году періода 1893—1913 г., но, къ сожалѣнію, этихъ свѣдѣній изданіе „Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи" не даетъ, сообщая только цифры затратъ 1895, 1901, 1907 и 1912 гг. Точно также было бы весьма любопытно прослѣдить за размѣрами затратъ за данное время на высшія, среднія и низшія сельско-хозяйственныя учебныя заведенія, но объ этомъ названное изданіе даетъ только кое какія, разрозненыя свѣдѣнія.

[2]) Изображенія четырехъ шкаповъ могутъ быть получены двумя способами: или исполненіемъ чертежникомъ четырехъ шкаповъ данной величины, или же фотографическимъ уменьшеніемъ (или увеличеніемъ) оригинала одного шкапа. И то, и другое исполненіе изображеній требуетъ немало труда и денежныхъ затратъ. Такъ, напр., для полученія изображенія на фигурѣ XI пришлось бы 4 раза фотографировать въ разныхъ размѣрахъ оригинальный чертежъ шкапа, а для полученія на стр. 24 названнаго изданія департамента земледѣлія изображеній 17-ти вагоновъ разной вели-

то время, когда то, что они изображаютъ, можетъ, и при томъ гораздо яснѣе, быть выражено нѣсколькими прямыми линіями графика.

Итакъ, стремленіе департамента земледѣлія внести, во что бы то ни стало, разнообразіе въ графическія изображенія статистическихъ данныхъ приводитъ къ тому, что многіе крайне интересные факты становятся неясными или же совершенно незамѣтными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не обратить вниманія на одинъ, весьма существенный вредъ, который приноситъ это разнообразіе въ графическихъ изображеніяхъ, именно *изъ-за этого разнообразія становится весьма затруднительнымъ, если не невозможнымъ, сравненіе между собою разныхъ, изображенныхъ графически фактовъ.*

Съ другой стороны, мы видимъ, какъ самыя простыя средства— линіи, полосы-прямоугольники и графики — даютъ такія яркія, врѣзывающіяся въ память картины цифровыхъ соотношеній, которыя другими графическими средствами *не могутъ* быть получены. Въ доказательство этого нашего мнѣнія, приведемъ здѣсь еще одинъ примѣръ.

На прилагаемыхъ фигурахъ XIII и XIV мы сопоставляемъ ходъ развитія за 1-е десятилѣтіе XX вѣка ряда проявленій экономической дѣятельности Россіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки сравнительно съ ростомъ населенія этихъ державъ. На графикахъ этихъ фигуръ, дополненныхъ статистическими таблицами, мы ясно, и при томъ на небольшомъ пространствѣ, видимъ изображенными существенныя различія между экономической дѣятельностью Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. Прежде всего, мы усматриваемъ, что, хотя за данный періодъ ростъ населенія въ Россіи былъ сильнѣе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, за то въ такихъ крайне важныхъ отрасляхъ экономической дѣятельности, какъ выплавка чугуна и добыча нефти, мы поразительно отстали отъ Штатовъ. Особенно ярко наша отсталость выражается по отношенію къ добычѣ нефти: добыча этого важнѣйшаго продукта у насъ представляетъ картину ужаснаго паде-

---

чины, служащихъ образными выраженіями перевозки сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій по желѣзнымъ дорогамъ, потребовалось, повидимому, 17 отдѣльныхъ фотографій оригинальнаго чертежа и т. д. Слѣдуетъ только удивляться тому, что департаментъ земледѣлія рѣшился на выполненіе такихъ непроизводительныхъ операцій, когда преслѣдуемая изображеніями цѣль—дать наглядное изображеніе статистическихъ данныхъ—могла бы быть гораздо легче достигнута простымъ нанесеніемъ кривой на сѣтку координатъ.

нія, въ то время, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ она достигла поразительнаго роста. По статистическимъ таблицамъ на тѣхъ же фиг. XIII и XIV мы видимъ, что въ 1901 г. мы опережали Соединенные Штаты (702,7 милл. пудовъ противъ 559,1 м. п.), а въ 1910 г. Соединенные Штаты добыли почти втрое больше нефти, чѣмъ мы (1.688,6 м. п. противъ 591,1 м. п.). Изъ тѣхъ же таблицъ можно легко вычитать, что если у насъ въ 1901 г. на жителя приходилось болѣе 5 пудовъ нефти, то въ 1910 г. ея пришлось уже менѣе 4 пудовъ, между тѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1901 г. приходилось на жителя болѣе 7 пудовъ, а въ 1910 г., благодаря интенсивной эксплуатаціи всѣхъ имѣющихся источниковъ нефти—более 19 пудовъ, иными словами обезпеченіе населенія нефтью упало у насъ приблизительно на одну пятую, а въ Соединенныхъ Штатахъ возрасло приблизительно въ два съ половиною раза.

Не останавливаясь долѣе на многихъ другихъ, весьма любопытныхъ фактахъ, которые можно вычитать изъ тѣхъ же фигуръ XIII и XIV, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить одну особенность ихъ. На 8-ми графикахъ фиг. XIII и XIV нанесены кривыя не только роста тѣхъ или иныхъ экономическихъ явленій, но на каждой изъ нихъ отмѣченъ также и ростъ населенія, что даетъ возможность судить о томъ, насколько за тотъ или другой годъ населеніе было обезпечено тѣмъ или инымъ продуктомъ горнозаводской промышленности и насколько ростъ сѣти желѣзныхъ дорогъ и оборотовъ внѣшней торговли соотвѣтствовалъ росту населенія. *Это сопоставленіе экономическихъ фактовъ съ численностью населенія чрезвычайно важно, такъ какъ въ данномъ случаѣ численность населенія является настоящимъ мѣриломъ значенія экономическихъ фактовъ и даетъ возможность судить о прогрессѣ или регрессѣ въ той или иной экономической области того или другого народа.* Между тѣмъ подобное сопоставленіе, по крайнему нашему разумѣнію, другими способами графическаго изображенія—кромѣ графиковъ—*невозможно*; всѣ другіе способы не даютъ, такимъ образомъ, возможности достигнуть указаннаго чрезвычайно важнаго результата.

Итакъ мы видѣли, что примѣненіе предлагаемыхъ нами простыхъ средствъ графическаго изображенія даетъ *яркія* и *дѣйствительно наглядныя* (а не мнимо-наглядныя) картины цифровыхъ соотношеній. Но примѣненіе этихъ простыхъ средствъ имѣетъ еще слѣдующія, весьма существенныя преимущества.

1. Когда рѣчь идетъ о составленіи ряда чертежей, посвященныхъ

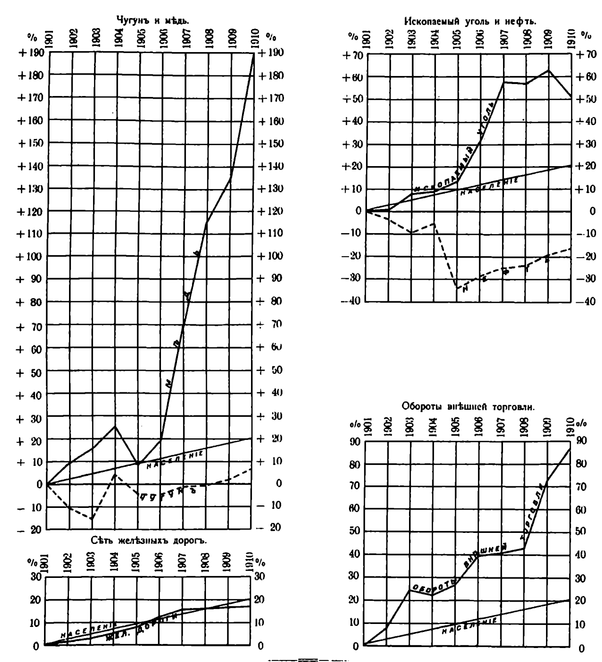
Фиг. XIII.

Графики по сравнительной статистикѣ

Россіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки за 1-е десятилѣтіе XX вѣка.

I. Россія *

Сравненіе за 1901—1910 гг. выплавки чугуна и добычи мѣди, ископаемаго угля и нефти, а также сѣти желѣзныхъ дорогъ и оборотовъ внѣшней торговли съ ростомъ за тѣ же годы населенія въ процентахъ къ даннымъ 1901 г.



Статистическія данныя о Россіи за 1901—1910 гг.

Населеніе въ милліонахъ человѣкъ, выплавка чугуна и добыча мѣди, ископаемаго угля и нефти въ милліонахъ пудовъ, сѣть желѣзныхъ дорогъ въ 1000-хъ верстъ и обороты внѣшней торговли въ милліонахъ рублей.

Годы	Населеніе	Чугунъ	Мѣдь	Ископ. уголь	Нефть	Сѣть ж. дор.	Обор. вн. торг.	Годы
1901	136,6	173,1	0,6	1.009,0	702,7	52,6	1.355,0	1901
1902	139,4	154,9	0,5	1.005,2	678,1	53,6	1.459,6	1902
1903	141,4	150,4	0,6	1.090,9	635,6	54,4	1.682,9	1903
1904	144,0	180,4	0,6	1.197,1	664,7	55,6	1.657,8	1904
1905	146,4	165,5	0,5	1.139,7	461,2	57,0	1.712,4	1905
1906	149,1	165,0	0,6	1.326,[illegible]	498,7	59,2	1.895,6	1906
1907	152,5	171,2	0,9	1.587,8	527,6	60,9	1.900,4	1907
1908	157,1	172,0	1,0	1.581,4	533,4	61,3	1.911,0	1908
1909	160,7	176,1	1,1	1.637,6	568,0	61,4	2.334,0	1909
1910	163,9	185,1	1,4	1.524,7	587,7	61,6	2.533,[illegible]	1910

* Данныя о Россійской Имперіи, безъ Финляндіи.

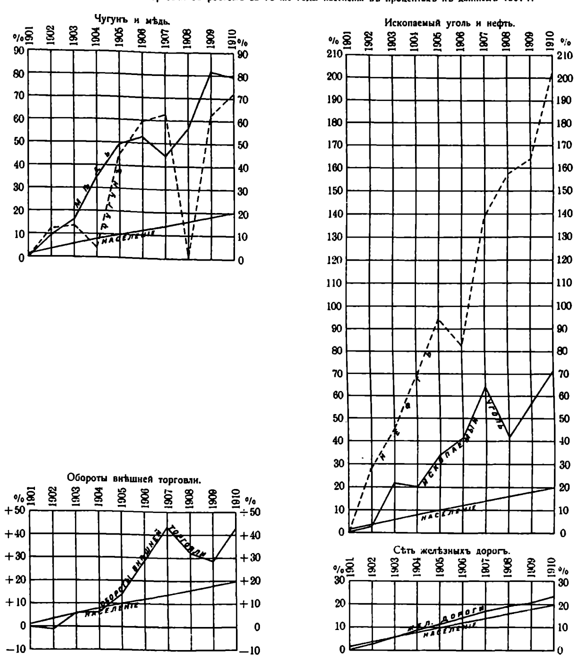
Фиг. XIV.

Графики по сравнительной статистикѣ

Россіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки за 1-е десятилѣтіе XX вѣка.

II. Соединенные Штаты Сѣверной Америки *

Сравненіе за 1901—1910 гг. выплавки чугуна и добычи мѣди, ископаемаго угля и нефти, а также сѣти желѣзныхъ дорогъ и оборотовъ внѣшней торговли съ ростомъ за тѣ же годы населенія въ процентахъ къ даннымъ 1901 г.



Статистическія данныя о Соед. Штатахъ Сѣв. Америки за 1901—1910 гг.

Населеніе въ милліонахъ человѣкъ, выплавка чугуна и добыча мѣди, ископаемаго угля и нефти въ милліонахъ пудовъ, сѣть желѣзныхъ дорогъ въ 1000-хъ верстъ и обороты внѣшней торговли въ милліонахъ рублей.

Годы	Населеніе	Чугунъ	Мѣдь	Ископ. уголь	Нефть	Сѣть ж. дор.	Обор. вн. торг.	Годы
1901	77,6	984,9	16,7	16.504,2	559,1	305,2	4.491,1	1901
1902	79,2	1.105,4	18,3	16.970,7	715,3	312,7	4.440,7	1902
1903	80,8	1.117,1	19,3	20.108,7	809,6	322,8	4.753,3	1903
1904	82,6	1.023,3	22,5	19.797,0	943,5	332,1	4.765,1	1904
1905	84,1	1.426,1	25,0	22.109,0	1.085,6	339,7	5.122,9	1905
1906	85,7	1.569,7	25,4	23.305,0	1.019,3	348,1	5.772,7	1906
1907	87,3	1.509,1	24,1	27.030,5	1.338,5	357,6	6.442,2	1907
1908	88,9	988,5	26,1	23.399,8	1.438,7	363,3	5.937,3	1908
1909	90,6	1.600,0	30,3	25.929,8	1.476,1	368,2	5.781,5	1909
1910	92,3	1.693,6	29,9	28.224,2	1.688,6	377,1	6.417,0	1910

* Данныя о Соединенныхъ Штатахъ относятся къ владѣніямъ ихъ на американскомъ континентѣ, безъ Аляски.

разнымъ явленіямъ, сравненіе которыхъ представляется желательнымъ, нетрудно, при простыхъ средствахъ изображенія этихъ явленій, начертить ихъ такъ, чтобы графическія изображенія были *сравнимы* между собою [1]).

2. Составленіе чертежей съ помощью этихъ простыхъ средствъ *не требуетъ* тѣхъ *сложныхъ вычисленій*, которыя необходимы, когда рѣчь идетъ объ изображеніи цифровыхъ данныхъ мѣрами площади или, въ особенности, мѣрами объема: при пользованіи миллиметровою бумагою, необходимо только простое примѣненіе правилъ 4-хъ ариеметическихъ дѣйствій.

3. Печатное воспроизведеніе такихъ чертежей не представляетъ *никакихъ техническихъ трудностей* ни при типографскомъ, ни при литографскомъ воспроизведеніи.

4. Печатное воспроизведеніе оригиналовъ требуетъ *минимальнаго времени*, такъ что графическое изображеніе цифровыхъ данныхъ можетъ появиться *своевременно*, а не по истеченіи сравнительно долгаго срока, какъ это бываетъ, когда приходится исполнять сложныя, по техническимъ условіямъ, работы по графическимъ изображеніямъ (какъ, напр., многія изъ красочныхъ графическихъ изображеній упомянутаго выше изданія).

5. Графическія изображенія, исполненныя указанными нами средствами, занимаютъ *значительно меньше мѣста*, чѣмъ изображенія, составленныя при помощи другихъ средствъ [2]), что устраняетъ слишкомъ часто, къ сожалѣнію, встрѣчающуюся *ненужную громоздкость* статистическихъ изданій (какъ, напр., упомянутое нами изданіе департамента земледѣлія, представляющее собою тяжелый фоліантъ, неудобный поэтому для пользованія имъ).

Сказаннаго нами и приведенныхъ примѣровъ, намъ думается, достаточно для того, чтобы придти къ заключенію, что исполненіе

---

[1]) Когда рѣчь идетъ о сравненіи явленій, относящихся къ одному и тому же времени, задача эта—элементарна (напомнимъ здѣсь только о комплексахъ полосъ-прямоугольниковъ). Не сложнѣе задача, когда сравненіе касается хода развитія тѣхъ или иныхъ явленій во времени: тутъ, для установленія сравнимости теченія кривыхъ разныхъ чертежей, нужно только принимать во вниманіе соотношенія интерваловъ между ординатами и абсциссами отдѣльныхъ сѣтокъ координатъ.

[2]) Чертежи фиг. VI, VIII, X и XI—точныя фотографическія уменьшенія чертежей изданія „Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи“, но на оригиналѣ чертежи каждой изъ этихъ фигуръ занимаютъ по одной страницѣ in 4° большого формата.

графическихъ изображеній цифровыхъ данныхъ предлагаемыми нами простыми средствами представляетъ большія практическія удобства и является болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ всѣ остальные способы производства той же работы. Примѣненіе такихъ простыхъ средствъ, по нашему убѣжденію, особенно желательно, прежде всего, для школъ, такъ какъ только при пользованіи ими достигается экономія времени, а время—самое дорогое для школы.

Баронъ Н. Торнау.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТЕЧЕСТВЕННОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАГО И МЕДИЦИНСКАГО ХАРАКТЕРА.

I. Существующія производства.

1. *Производство іода* [1]). Профессору Екатеринославскаго горнаго института Л. В. Писаржевскому и старшему лаборанту того же института Н. В. Аверкіеву удалось добыть іодъ изъ водорослей Чернаго моря, залежи которыхъ занимаютъ огромное пространство: при глубинѣ залеганія отъ 6 до 25 саженей это море водорослей имѣетъ до 100 миль въ длину и 70 въ ширину.

Опыты дали блестящіе результаты: въ русскихъ водоросляхъ оказалось іода больше, чѣмъ въ водоросляхъ морей западной Европы, а ихъ огромное количество представляетъ неисчерпаемый источникъ для производства іода.

Добыча іода производилась сначала въ химическихъ лабораторіяхъ горнаго института, подъ личнымъ наблюденіемъ проф. Писаржевскаго и Аверкіева. Съ 1-го апрѣля 1915 г., на средства, отпущенныя Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ, оборудована „Станція по изслѣдованію и добыванію русскаго іода изъ морскихъ водорослей. Въ теченіе апрѣля выработано металлическаго іода около 1 пуда. Станція при полномъ оборудованіи можетъ выработать отъ 4—5 пудовъ іода; количество это можетъ, конечно, впослѣдствіи быть увеличено. Въ настоящее время весь выработанный станціей іодъ направляется въ армію для раненыхъ“.

Въ настоящее время 1 килограммъ іода будетъ обходиться въ 38 — 40 р., тогда какъ цѣна на привозный іодъ возросла до 95—

[1]) См. журналъ „Экономическое возрожденіе Россіи“, ст. „Новыя русскія производства“, № 5, стр. 6—7.

100 руб. Впослѣдствіи, когда обжиганіе и выщелачиваніе водорослей будетъ производиться на мѣстѣ ихъ добыванія — въ Одессѣ, а въ кіевскихъ лабораторіяхъ будетъ производиться послѣдняя стадія— полученіе металлическаго іода, и когда устранятся нѣкоторые другіе недочеты, вызванные войной, цѣна килограмма іода не будетъ превышать 18—20 р. [1]).

2. *Производство хлороформа.* Физико-математическое общество при университетѣ св. Владиміра, подъ предсѣдательствомъ профессора С. Н. Реформатскаго, послѣ удачныхъ опытовъ полученія хлороформа въ лабораторіи, приступило къ оборудованію производства его въ заводскихъ размѣрахъ. Въ концѣ апрѣля текущаго года, въ распоряженіи проф. Реформатскаго было уже около 300 килограммъ чистаго хлороформа, по отзывамъ примѣнявшихъ его врачей, не только ни въ чемъ не уступающаго нѣмецкому, но даже превосходящаго его въ томъ отношеніи, что онъ почти никогда не вызываетъ у больныхъ тошноты.

Кромѣ хлороформа, въ кіевскихъ университетскихъ и политехническихъ лабораторіяхъ были изготовлены: сѣрный эфиръ, аспиринъ, салолъ, уротропинъ, новокаинъ и нѣкоторыя другія лѣкарственныя вещества.

Въ настоящее время въ Кіевѣ учреждается акціонерное общество для выработки химическихъ веществъ, во главѣ съ проф. Реформатскимъ, въ которомъ участвуютъ многіе профессора; собрано около 200 тысячъ рублей, для организаціи дѣла необходимо еще до 300 тысячъ [2]).

3. *Производство гигроскопической ваты.* Въ Одессѣ открыты двѣ фабрики, изготовляющія такую вату. Сырье получаютъ онѣ изъ Баку, гдѣ оказались большіе запасы. Одесская вата, по отзывамъ врачей, ни въ чемъ не отличается отъ той, которой въ теченіе многихъ лѣтъ снабжала насъ Германія [3]).

Въ Харьковѣ гигроскопическая вата вырабатывается при губернской тюрьмѣ: имѣется два сорта, цѣною въ 27 и 30 р. за пудъ.

4. *Производство хирургическаго шелка.* Хирургическій шелкъ ввозился въ Россію изъ Германіи и Англіи, у насъ такого производства не было.

---

[1]) „Эконом. возрожд. Россіи“, № 5.

[2]) Этими свѣдѣніями я обязанъ проф. химіи Кіевскаго университета св. Владиміра К. А. Красускому.

[3]) „Эконом. возрожд. Россіи“, № 3, стр. 15.

Въ сентябрѣ 1914 года на шелко-крутильной и шелко-мотальной фабрикѣ торговаго дома Владиміръ Щенковъ съ сыновьями въ Москвѣ произведенъ былъ рядъ опытовъ выдѣлки такого шелка. Опыты дали благопріятные результаты. Матеріалъ получился весьма хорошаго качества, даже превосходящаго иностранный, кромѣ того и стоимость его значительно ниже, чѣмъ германскаго и англійскаго шелка.

5. *Производство кэтгута.* Профессора Харьковскаго университета Н. П. Тринклеръ и С. В. Коршунъ приступили къ выдѣлкѣ кэтгута. Первыя порціи его, изслѣдованныя какъ бактеріологически, такъ и клинически, дали очень хорошіе результаты.

6. *Добываніе продуктовъ сухой перегонки дерева.* Метиловый спиртъ, уксусная кислота, ацетонъ и т. п. у насъ вырабатывались прежде въ довольно значительныхъ размѣрахъ, кустарнымъ путемъ; въ послѣднее время промыселъ палъ, подъ вліяніемъ удешевленія виннаго спирта, съ одной стороны, и поднятія цѣнъ на дерево—съ другой. Нынѣ производство названныхъ продуктовъ, повидимому, начинаетъ возрождаться: Нижегородскимъ земствомъ недавно оборудованъ химическій заводъ для очистки продуктовъ сухой перегонки, поступающихъ отъ кустарей [1]).

Съ другой стороны, наше акцизное вѣдомство, въ виду ощущаемой на промышленномъ рынкѣ сильной нужды въ древесномъ спиртѣ, предприняло рядъ мѣръ къ болѣе широкому производству его.

Какъ на возможныхъ производителей древеснаго спирта акцизное вѣдомство обратило вниманіе на наши кооперативы, въ виду того, что нѣкоторые изъ нихъ уже давно добываютъ этотъ спиртъ кустарнымъ способомъ.

Для развитія такой промышленности въ болѣе широкомъ масштабѣ, акцизное вѣдомство обратилось къ провинціальнымъ инспекторамъ мелкаго кредита тѣхъ губерній, гдѣ имѣется достаточный лѣсной матеріалъ, съ предложеніемъ объявить всѣмъ мѣстнымъ кооперативнымъ организаціямъ о желательности производства ими древеснаго спирта для нуждъ казны. При этомъ акцизное вѣдомство предлагаетъ объявить кооперативамъ, что для перегонки древеснаго спирта будутъ отпускаться ссуды, въ размѣрѣ 600 руб. на каждый кооперативъ. Акцизное вѣдомство ставитъ на видъ производителямъ, что „перегонка сухимъ способомъ древеснаго спирта, при обезпечен-

---

[1]) „Эконом. возрожд. Россіи“, № 1, стр. 18.

ной поставкѣ его въ казну, *дастъ каждому кооперативу дохода свыше 25%*" [1]).

7. *Добываніе мышьяка.* Мышьякъ въ различныхъ соединеніяхъ встрѣчается въ природѣ довольно часто, но большія его залежи, годныя для эксплуатаціи, крайне рѣдки.

До послѣдняго времени единственныя въ Европѣ эксплуатируемыя въ солидныхъ размѣрахъ залежи мышьяка были извѣстны лишь въ Германіи, именно въ Силезіи, около города Рейхенштейна, гдѣ построенъ и заводъ для выработки мышьяковыхъ продуктовъ. Всѣ мышьяковые продукты до войны привозились въ Россію отсюда и продавались по весьма высокимъ цѣнамъ, препятствовавшимъ широкому примѣненію ихъ во многихъ производствахъ.

Къ счастію, въ послѣднее время, *у насъ въ Закавказьѣ открыты мощныя залежи мышьяковыхъ рудъ, способныхъ удовлетворить не только нашъ, но и весь міровой мышьяковый рынокъ.* Наши руды находятся въ Карсской области, около города Кагызмана. Владѣльцы этихъ рудъ Яковъ Адамовичъ Марковскій и Петръ Ивановичъ Шуровъ произвели развѣдку и обнаружили грандіозныя залежи мышьяковыхъ рудъ—не менѣе десяти милліоновъ пудовъ, считая это количество только надъ дномъ долины, т. е. ту часть залеганія, которую можно разрабатывать горизонтальными штольнями, не прибѣгая еще къ устройству шахтъ. А это только меньшая часть того, что скрыто ниже.

Эти руды по анализамъ лабораторій горнаго института въ Петроградѣ, военнаго управленія въ Тифлисѣ и нѣкоторыхъ другихъ, состоятъ изъ смѣси реальгара (AsS), аурипигмента (As_2S_3) и мышьяковаго колчедана ($AsFes$) съ содержаніемъ металлическаго мышьяка отъ 30% до 60%.

Владѣльцы рудника оборудовали его всѣмъ необходимымъ и добыча руды уже производится.

Мышьякъ находитъ себѣ широкое примѣненіе: въ медицинѣ, при цѣломъ рядѣ болѣзней, въ сельскомъ хозяйствѣ и садоводствѣ, для борьбы съ вредными животными (крысами, сусликами и другими грызунами) и насѣкомыми (саранчей, кобылкой, медвѣдкой), и пр., въ кожевенномъ, стекольномъ производствахъ, для консервированія шкуръ, чучелъ и т. п.

Вода, вытекающая изъ штоленъ Кагызманскаго рудника, содер-

---

[1]) „Экономическое возрожденіе Россіи", № 4, стр. 13.

жить въ своемъ составѣ бѣлый мышьякъ (As_2O_3), въ количествѣ даже нѣсколько превышающемъ воду Левико (въ Австріи) [1]).

8. *Производство лѣкарствъ.* Магистръ фармаціи Александръ Владиміровичъ Бурнашовъ, въ Харьковѣ изготовляетъ цѣлый рядъ фармацевтическихъ препаратовъ, взамѣнъ заграничныхъ, главнымъ образомъ нѣмецкихъ, и между ними нѣсколько патентованныхъ, а именно: Suppositoria haemorrhoidalia Anusol, Baum Bengué, Kalodont, затѣмъ: Urotropin, Ferratin, Ferropyrin, Tannalbin, Tannoform, Collargol, Calcaria carbonica depurrata, восковую и парафиновую бумагу.

9. *Производства химико-аналитической и бактеріологической лабораторіи д-ра С. М. и магистра формаціи Я. М. Зильберъ, въ Харьковѣ.* Лабораторія, въ настоящее время, изготовляетъ: 1) всѣ виды реактивныхъ бумажекъ: лакмусовыя — красную, синюю и нейтральную, куркумовую, Конго, въ коробкахъ, по 100 штукъ, цѣна за коробку 10 коп., 2) растворъ лакмуса, 3) анилиновыя краски для микроскопическихъ изслѣдованій: эозинъ, Ziel Nelsen'овскій карболъ-фуксинъ, Loffler'овскую метиленовую синь, генеціанъ-віолетъ, по Gram'у и др. Краски приготовлены въ видѣ концентрированныхъ спиртовыхъ растворовъ, поступаютъ въ продажу въ стклянкахъ по 50 grm., цѣною отъ 60 до 70 коп. 4) Пиноль, для ваннъ и пульверизацій, въ трубочкахъ, каждая на 1 полную ванну, цѣна за дюжину 1 руб. 80 коп.

10. *Производство предметовъ для оборудованія учебно-вспомогательныхъ и больничныхъ учрежденій.*

1) *Мастерская Оловянникова въ Харьковѣ.* Здѣсь изготовляются исключительно термостаты и автоклавы. Я осматривалъ издѣлія г. Оловянникова въ его мастерской и убѣдился, что по выдѣлкѣ они не уступаютъ заграничнымъ. Термостатами и автоклавами Оловянникова уже пользуются нѣсколько земскихъ больницъ и бактеріологическихъ станцій. Я видѣлъ у него даже почти готовую комнату-термостатъ, заказанную, кажется, Оренбургскимъ земствомъ.

2) Въ томъ же Харьковѣ, университетскій механикъ, бывшій студентъ физико-математическаго факультета, В. Н. Деревянко изготовляетъ, кромѣ термостатовъ и автоклавовъ, цѣлый рядъ другихъ предметовъ лля оборудованія лѣчебныхъ заведеній: хирургическіе столы, стерилизаторы для воды, кипятильники для инструментовъ, перегонные аппараты, ванны и пр. Затѣмъ г. Деревянко изготовляетъ

---

[1]) „Экономич. возрожд. Россіи“, № 9, стр. 6—7.

различные точные физическіе и медицинскіе приборы для учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Объ издѣліяхъ г. Деревянко хорошо знакомые съ ними профессора и врачи отзываются съ большой похвалой.

Я лично осматривалъ мастерскую г. Деревянко и видѣлъ нѣкоторыя изъ его работъ, произведшихъ на меня весьма благопріятное впечатлѣніе.

Въ бесѣдѣ со мной г. Деревянко указалъ на тѣ трудноодолимыя препятствія, которыя мѣшаютъ правильному производству работъ и болѣе широкой постановкѣ дѣла, въ настоящее время, а именно: недостатокъ опытныхъ рабочихъ, трудность полученія нужныхъ матеріаловъ и чрезвычайное ихъ вздорожаніе. Насколько возросла стоимость матеріаловъ, видно изъ слѣдующаго: до войны 1 пудъ красной мѣди стоилъ 18—20 руб., теперь стоитъ 43—45 руб.; 1 пудъ свинца, въ видѣ трубъ, стоилъ 4 руб., теперь — 14 руб., 1 фунтъ олова стоилъ 75 коп., теперь—2 руб. и т. д.

11) *Производствомъ искусственныхъ конечностей, корсетовъ, бандажей и ортопедическихъ аппаратовъ* занимается мастерская И. Бондаренко, преемникъ фирмы Отенсонъ, въ Харьковѣ.

12) *Харьковская фабрика галеновыхъ препаратовъ товарищества „Галеника“* приготовляетъ эти препараты въ значительныхъ размѣрахъ, хотя и работаетъ пока въ довольно тѣсномъ наемномъ помѣщеніи. Въ настоящее время товарищество заканчиваетъ постройкою за городомъ собственную обширную фабрику. Изъ каталога товарищества, изданнаго въ 1914 г., видно, что оно вырабатываетъ болѣе 1.100 различныхъ препаратовъ; съ переходомъ въ новое помѣщеніе производство будетъ значительно расширено.

13) *Мастерская А. К. Любицкаго въ Харьковѣ.* Въ этой мастерской изготовляются картины для волшебныхъ фонарей и учебныя стѣнныя таблицы. Большая коллекція такихъ картинъ по ботаникѣ, зоологіи, сельскому хозяйству, которую я видѣлъ у г. Любицкаго, не оставляетъ желать лучшаго. Очень хороши и толково составлены и его таблицы въ краскахъ, иллюстрирующія нѣкоторыя заразныя болѣзни: туберкулезъ, актиномикозъ, сибирскую язву, сапъ, ящуръ.

II. Производства проектируемыя.

1) *Производство термометровъ,* особенно для измѣренія температуры тѣла и ваннъ.

Недостатокъ медицинскихъ термометровъ, при массѣ открытыхъ

по случаю войны госпиталей, лазаретовъ, транспортовъ, перевозящихъ больныхъ и пр., весьма остро чувствуется повсюду. Цѣны на нихъ поднялись уже въ 5—6 разъ, но и за эти цѣны трудно получить необходимое количество ихъ, особенно въ провинціи. Въ Москвѣ, въ концѣ марта 1915 года, за дюжину не особенно-пригодныхъ максимальныхъ термометровъ фабрики „Sch." (Шмидта) просили 25 — 30 руб., тогда какъ до войны ихъ продавали по 5—6 руб. за дюжину. Да и имѣющіеся у насъ, въ настоящее время, въ продажѣ термометры представляютъ остатки нѣмецкихъ фабрикатовъ, полученные торговцами еще до войны. На долго ли хватитъ этихъ остатковъ—неизвѣстно.

Въ виду изложеннаго безотлагательно необходимо озаботиться устройствомъ у насъ своихъ мастерскихъ для изготовленія термометровъ, а пока организовать доставку ихъ изъ дружественныхъ намъ или изъ нейтральныхъ странъ.

2) *Производство стеколъ для очковъ и химической фарфоровой посуды.* Эти стекла привозились къ намъ тоже, главнымъ образомъ, изъ Германіи, у насъ они, сколько мнѣ извѣстно, не выдѣлывались. Нельзя ли было бы приспособить для выдѣлки ихъ Императорскій стеклянный заводъ въ Петроградѣ, въ которомъ уже производится заготовка стеколъ для биноклей и различныхъ военныхъ оптическихъ приборовъ? Также, можетъ быть, возможно было бы приспособить Императорскій фарфоровый и нѣкоторые другіе заводы для производства химической фарфоровой посуды, выпаривательныхъ чашекъ, тиглей и т. п.

3) *Производство медицинскихъ красокъ.* Примѣняемыя въ медицинской практикѣ краски, необходимыя какъ для различныхъ микроскопическихъ изслѣдованій, такъ и для діагностическихъ и терапевтическихъ цѣлей, мы получали почти исключительно изъ Германіи, какъ это видно уже изъ самыхъ названій красокъ: Anilinblau, Malachitgrün, Bismarkbraun и т. п.

Большинство медицинскихъ красокъ добывается изъ каменноугольной смолы—побочнаго продукта, получаемаго при коксованіи угля.

У насъ въ Россіи этой смолы на коксовыхъ и газовыхъ заводахъ получается до 3.000.000 пудовъ [1]), пропадающихъ совершенно непроизводительно. Между тѣмъ изъ этой смолы можно получать цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ продуктовъ для красочнаго, фармацевтическаго производства и военныхъ цѣлей.

---

[1]) „Экономическое возрожденіе Россіи", № 6—7, стр. 39.

Въ виду важнаго значенія вопроса о красочномъ производствѣ, я позволяю себѣ воспользоваться, для освѣщенія его, статьею А. Штанге: „Къ вопросу о красочномъ производствѣ въ Россіи“ [1]).

При улавливаніи всѣхъ побочныхъ продуктовъ коксованія и дробной разгонкѣ ихъ, говоритъ г. Штанге, получаются три основныхъ матеріала: бензолъ, нафталинъ, антраценъ. Обрабатывая ихъ химически, можно добыть цѣлый рядъ продуктовъ, такъ называемыхъ „полуфабрикатовъ“: анилинъ, диметиланилинъ, нитроанилинъ, хлоръдинитробензолъ, бензидинъ, салициловую кислоту, нафтолы, нафтиламины, антрахинонъ и пр.

Полученіе этихъ полуфабрикатовъ принадлежитъ къ наиболѣе сложнымъ и труднымъ задачамъ химической техники, гдѣ требуются не только основательныя теоретическія познанія, но и большой практическій опытъ.

Изъ перечисленныхъ полуфабрикатовъ, при помощи весьма несложныхъ операцій, получаются краски. Полуфабрикаты можно назвать въ сущности „скрытыми красками“, въ которыхъ красочный характеръ весьма легко проявляется при помощи простыхъ манипуляцій.

Такимъ образомъ, при производствѣ красокъ центръ тяжести лежитъ исключительно въ трудности изготовленія полуфабрикатовъ. Нелишне замѣтить при этомъ, что *такими въ сущности полуфабрикатами являются весьма многія лѣкарственныя вещества, какъ то: антифебринъ, фенацетинъ, салициловая кислота, аспиринъ, антипиринъ, пирамидонъ, салолъ, салипиринъ* и пр.

Около 80% употребляемыхъ въ Россіи анилиновыхъ красокъ (для окраски и печатанія тканей) приготовлялись у насъ въ странѣ, тѣмъ не менѣе красильная промышленность, въ настоящее время, переживаетъ кризисъ, т. е. „красочный голодъ“. Причины этого, непонятнаго для неспеціалистовъ явленія, г. Штанге объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

Въ силу нашего злосчастнаго договора 1906 года съ Германіей, перечисленные выше полуфабрикаты защищались пошлиной въ 4 раза, добываемыя же изъ нихъ краски—въ 21 разъ съ пуда. Вслѣдствіе этого полуфабрикаты у насъ почти совершенно не производились, а выписывались изъ Германіи. Сдѣланную намъ уступку, въ видѣ высокой пошлины на краски, Германія съумѣла также использовать,

---

[1]) „Экономическое возрожденіе Россіи“, № 3, стр. 3—5.

открывъ въ Россіи отдѣленія своихъ фабрикъ, которыя являлись единственными поставщиками красокъ на русскомъ рынкѣ, перерабатывая нѣмецкіе полуфабрикаты, ввозимые по низкой ставкѣ, при помощи простыхъ манипуляцій.

Съ красочнымъ производствомъ связанъ еще одинъ, огромной государственной важности вопросъ—*производство взрывчатыхъ веществъ*, ибо сырье (толуолъ, фенолъ) идетъ на изготовленіе таковыхъ для военныхъ надобностей, и „государство, въ вопросахъ обороны, конечно, не можетъ и не должно находиться въ какой либо зависимости отъ заграницы", говоритъ г. Штанге [1]).

„Наши заводы, продолжаетъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, работали на иностранномъ бензолѣ (оплачиваемомъ очень низкой пошлиной), содержащемъ около 50% толуола, разгоняли таковой, сдавали казнѣ чистый толуолъ, обложенный сравнительно высоко, а бензолъ, въ качествѣ побочнаго продукта, превращали въ анилинъ" [2]).

Для созданія у насъ независимаго, отечественнаго красочнаго производства, по мнѣнію г. Штанге, первѣе всего необходимо обложеніе высокой пошлиной полуфабрикатовъ, тогда явится спросъ на русское сырье, которое сейчасъ пропадаетъ непроизводительно, отчасти сжигается, отчасти уходитъ въ воздухъ. Попутно съ красочной разовьются извѣстные отдѣлы фармацевтической промышленности и производство взрывчатыхъ веществъ.

Чтобы составить себѣ представленіе о той массѣ разнообразныхъ полезныхъ продуктовъ, которые получаются изъ каменноугольной смолы, стоитъ просмотрѣть схему, наглядно рисующую производство главнѣйшихъ изъ этихъ продуктовъ, помѣщенную въ журналѣ „Горнозаводское дѣло", за 1915 годъ, № 8 [3]).

Такихъ продуктовъ въ этой схемѣ помѣщено 119. Среди нихъ мы находимъ: 1) цѣлый рядъ лѣкарственныхъ средствъ (перечислены на стр. 11-ой), 2) дезинфекціонныя средства—карболовую кислоту, креолинъ, крезолъ, лизолъ и др., 3) вкусовыя вещества—сахаринъ, ванилинъ, 4) вещества ароматическія—кумаринъ, искусственный мускусъ, нитробензолъ, эссенцію померанцевыхъ цвѣтовъ и др., 5) огромное количество красокъ различныхъ цвѣтовъ, 6) рядъ веществъ, употребляемыхъ въ фотографическомъ дѣлѣ, и 7) рядъ взрывчатыхъ веществъ, каковы: пикриновая кислота, нитробензолъ, робуритъ и др.

---

[1]) О. с. Стр. 3—5.

[2]) Тамъ же, стр. 3.

[3]) Приложеніе къ ст. „Что даетъ уголь". Стр. 10426.

Въ виду вышеизложеннаго, возникаетъ необходимость неотложнаго устройства у насъ заводовъ для добыванія указанныхъ химическихъ продуктовъ.

Съ особымъ удовольствіемъ можно указать, что необходимость эта начинаетъ уже сознаваться нашими промышленниками. Заводъ т-ва В. К. Феррейнъ въ Москвѣ приступилъ къ добыванію изъ каменноугольной смолы фенола, являющагося исходнымъ пунктомъ для выработки салициловой кислоты и ея многочисленныхъ производныхъ [1]).

4) *Разведеніе лѣкарственныхъ растеній.* Весьма многія лѣкарственныя травы произрастаютъ въ Россіи въ дикомъ видѣ и, несомнѣнно, цѣлый рядъ другихъ можетъ быть культивированъ, благодаря чрезвычайному разнообразію климатическихъ и почвенныхъ условій въ различныхъ областяхъ нашего отечества. А между тѣмъ огромное большинство лѣкарственныхъ растеній выписывалось нами изъ-за границы и преимущественно изъ Германіи.

Ненормальность такого положенія дѣлъ сознавалась у насъ уже давно. Еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія медицинскій департаментъ предписывалъ врачамъ собирать свѣдѣнія о лѣкарственныхъ растеніяхъ и примѣненіи ихъ въ различныхъ болѣзняхъ населеніемъ. Въ послѣдніе годы, покойный проф. Красновъ горячо проводилъ мысль о необходимости созданія у насъ культуры лѣкарственныхъ растеній, намѣтилъ планъ организаціи этого дѣла и положилъ ему починъ устройствомъ спеціальной плантаціи въ Чаквинскомъ имѣніи [2]).

Въ настоящее время министерство земледѣлія и землеустройства принимаетъ мѣры къ широкому распространенію у насъ культуры лѣкарственныхъ растеній. „Имъ собраны данныя о возможности созданія у насъ культуры большинства лѣкарственныхъ растеній для нуждъ отечественной химико-фармацевтической промышленности, въ цѣляхъ освобожденія страны отъ иностранной зависимости“.

Главными районами для разведенія лѣкарственныхъ растеній намѣчены: Закаспійская область, степныя пространства Семипалатинской и Акмолинской областей и Черноморское побережье, отъ Сухума до Батума, съ извѣстнымъ грандіознымъ садомъ, основаннымъ проф. Красновымъ.

Въ декабрѣ 1914 года членами главнаго управленія министерства земледѣлія и землеустройства, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ,

---

1) „Экономическое возрожденіе Россіи“, № 6—7, стр. 39.

2) „Эконом. возрожд. Россіи“, № 2, стр. 18.

были устроены совѣщанія съ мѣстными садоводами, которые изъявили согласіе приступить къ посадкамъ лѣкарственныхъ растеній, подъ условіемъ предоставленія имъ сѣмянъ и подробныхъ указаній по культурѣ растеній.

Главное управленіе дало удовлетворительный отвѣтъ и предложило съ весны приступить къ работамъ [1]).

Но для правильной постановки у насъ культуры лѣкарственныхъ растеній первѣе всего надо было выяснить, какія именно изъ нихъ требуются современной фармацевтической промышленностью и въ какихъ размѣрахъ. Этотъ вопросъ, между прочимъ, обсуждался, повидимому, на совѣщаніяхъ, бывшихъ въ Москвѣ, въ мартѣ 1915 года, подъ предсѣдательствомъ директора департамента земледѣлія Д. Я. Слободчикова, при участіи: инспектора сельскаго хозяйства М. С. Карпова, предсѣдателя общества акклиматизаціи растеній и животныхъ проф. И. А. Каблукова и члена того же общества Э. Ю. Энгеля [2]).

Были ли на эти совѣщанія приглашаемы представители нашей фармацевтической промышленности—единственно компетентные люди въ рѣшеніи даннаго вопроса—мнѣ неизвѣстно.

Но кромѣ тѣхъ мѣръ, которыя уже приняты министерствомъ, для организаціи у насъ культуры медицинскихъ растеній, думается мнѣ, было бы полезно озаботиться распространеніемъ, особенно среди сельскаго населенія, свѣдѣній о нашихъ дикорастущихъ цѣлебныхъ травахъ, ихъ собираніи и храненіи, путемъ изданія общедоступныхъ, по изложенію и цѣнѣ, книжекъ.

Нашъ народъ, какъ извѣстно, твердо вѣруетъ въ цѣлебныя силы травъ и широко примѣняетъ ихъ въ своей домашней медицинѣ. Почти въ каждой деревнѣ существуетъ своя „баба зелейница", занимающаяся собираніемъ цѣлебныхъ травъ и пользующая ими больныхъ, руководясь при этомъ нерѣдко совершенно нелѣпыми указаніями старинныхъ рукописныхъ „травниковъ, цвѣтниковъ, зелейниковъ", благоговѣйно хранимыхъ въ извѣстныхъ семьяхъ, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ.

Та же непоколебимая вѣра въ цѣлебное дѣйствіе травъ существуетъ и въ массѣ городского населенія. Въ большинствѣ провинціальныхъ городовъ и доселѣ имѣются такъ называемыя „травяныя лавки" [3]), продавщицами въ которыхъ являются тѣ же „зе-

---

[1]) „Эконом. возрожд. Россіи", № 2.

[2]) „Эконом. возрожд. Россіи", № 2.

[3]) Въ университетской Казани имѣется даже цѣлый „травяной рядъ".

лсйницы", предлагающія различныя травки, корешки и другія „снадобья" противъ всевозможныхъ болѣзней людей и животныхъ.

Проектированныя книжки могли бы быть полезными руководствами и для учителей народныхъ школъ, при ихъ образовательныхъ прогулкахъ съ учениками въ лѣса и луга, а школьникамъ дали бы не только рядъ весьма полезныхъ свѣдѣній, но и возможность хотя бы небольшого заработка отъ продажи собираемыхъ растеній.

Составленіе такихъ общедоступныхъ книжекъ не представитъ особыхъ затрудненій, въ виду того, что въ русской медицинской и ботанической литературѣ имѣется цѣлый рядъ превосходныхъ работъ о нашихъ дикорастущихъ лѣчебныхъ травахъ, ихъ собираніи и употребленіи.

Кромѣ указанныхъ выше районовъ разведенія лѣкарственныхъ растеній, харьковское товарищество „Галеника", съ осени текущаго года, при своей новой фабрикѣ разбиваетъ обширный участокъ земли для культуры этихъ растеній, чтобы избавиться отъ иностранной зависимости въ своихъ производствахъ.

Затѣмъ Харьковскій ветеринарный институтъ возбудилъ ходатайство передъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи использовать имѣющійся при немъ ботаническій садикъ для культуры лѣкарственныхъ растеній.

5) *Производство русскаго сантонина.*

При обсужденіи вопроса о такъ называемомъ нѣмецкомъ засильѣ и способахъ избавиться отъ него, не слѣдуетъ забывать, что мы сами, до послѣдняго времени, не только не старались препятствовать этому засилью, но нерѣдко даже помогали ему.

Какъ поучительный примѣръ въ доказательство сказаннаго приведу выдержку изъ журнала „Экономическое возрожденіе Россіи" [1].

Давно извѣстно, что у насъ имѣются единственныя въ Европѣ заросли „цитварной полыни", изъ которой добываются цитварное сѣмя и сантонинъ. Заросли эти составляютъ собственность казны и, въ видѣ оброчной статьи, сдаются въ аренду. Арендаторы находили для себя болѣе выгоднымъ не заниматься выработкой сантонина, требующей устройства соотвѣтствующихъ заводовъ, а продавать сырье за границу, главнымъ образомъ въ Германію. Здѣсь изъ него добывался сантонинъ, который и расходился по всему міру, попадая въ большихъ количествахъ и въ Россію.

[1]) № 5, стр. 19—20.

Желая положить предѣлъ этому ненормальному, несомнѣнно, положенію вещей, главное управленіе землеустройства и земледѣлія сочло необходимымъ во вновь выработанныя кондиціи по сдачѣ въ арендное содержаніе оброчной статьи „заросли цитварной полыни“ включить условіе о запрещеніи продавать за границу головки и сѣмена цитварной полыни и вообще всякіе выдѣлываемые изъ нея полупродукты, за исключеніемъ вполнѣ готоваго продукта — натуральнаго сантонина.

Озабочиваясь тѣмъ, чтобы запрещеніе вывоза этого сырья не осталось мертвой буквой и не обходилось бы арендаторами, путемъ продажи его третьимъ лицамъ, какими въ большинствѣ случаевъ явились бы представители иностранныхъ торговыхъ фирмъ, главное управленіе землеустройства и земледѣлія возбуждаетъ нынѣ вопросъ о томъ, чтобы, въ установленномъ порядкѣ, совершенно запретить вывозъ изъ Россіи какъ всякихъ получаемыхъ изъ цитварной полыни полупродуктовъ, такъ и сырья, дабы за границу могъ поступать лишь вполнѣ выдѣланный сантонинъ русскаго происхожденія.

6) *Такъ называемый „виноградный медъ“, его полученіе и употребленіе въ медицинѣ* [1].

Виноградный медъ полученъ былъ впервые профессоромъ Monti въ Туринѣ изъ винограднаго сока. Monti замораживалъ свѣжій сокъ, который при этомъ распадался на двѣ части, одна превращалась въ кусокъ льда, другая сгущалась въ 3—4 раза. Къ этому сгущенному холодомъ соку, для улучшенія вкуса, прибавлялась водная вытяжка изъ виноградныхъ выжимокъ, придававшая ему виннокаменную и дубильную кислоты.

Чтобы сдѣлать такой сокъ стойкимъ, его разливаютъ въ бутылки и слегка пастеризируютъ. При такой обработкѣ въ сокѣ сохраняются всѣ его составныя части, но онъ занимаетъ только $^1/_3$—$^1/_4$ первоначальнаго объема (что значительно удешевляетъ пересылку), имѣетъ не чисто сладкій, но слегка вяжущій, кисловатый вкусъ.

Съ лѣчебными цѣлями этотъ сокъ употребляютъ цѣльнымъ, для утоленія же жажды его разводятъ тройнымъ, четвернымъ количествомъ воды.

Если сгущенный сокъ подвергнуть дальнѣйшему сгущенію при легкомъ подогрѣваніи, въ почти безвоздушномъ пространствѣ, то онъ

---

[1]) Извлеченіе изъ статьи: „Traubensaft als Nahrung und als Heilmittel“, помѣщенной въ № 8 Münchener medicinische Wochenschrift, за 1914 г., стр. 424—25.

теряетъ воду и такимъ образомъ получается *„виноградный медъ“*, который и при доступѣ воздуха сохраняется неограниченно-долгое время.

1 кило меда содержитъ приблизительно 6 кило составныхъ частей винограда. Его можно ѣсть съ хлѣбомъ или употреблять въ видѣ напитка, разводя водой.

Кромѣ того этотъ медъ обладаетъ слѣдующими изумительными свойствами: во 1-хъ, *онъ растворяетъ альбуминъ, казеинъ, фибринъ и смолы*, во 2-хъ, *можетъ замѣнять алкоголь для приготовленія тинктуръ*: ревеня, генціаны, ипекакуаны, осенняго безвременника (Colchicum autumn), кока, пептона, іодистаго желѣза, вермута и т. д.

Медовые растворы мяса, яицъ, молока совершенно прозрачны и могутъ сохраняться неопредѣленно долго, при нагрѣваніи раствора они не выпадаютъ.

Такимъ образомъ эти растворы являются превосходными средствами для поднятія питанія у истощенныхъ людей, такъ какъ при помощи ихъ можно вводить въ организмъ большія количества бѣлковъ, такъ сказать въ полупереваренномъ видѣ.

Въ виду изложеннаго, на открытіе профессора Monti должно быть обращено самое серьезное вниманіе нашихъ виноградарей, фармацевтовъ и врачей.

Необходимо, возможно скорѣе, всесторонне провѣрить его изслѣдованія. У насъ уже довольно давно производится виноградный сокъ, нѣсколькими фирмами въ Крыму и на Кавказѣ, слѣдовательно недостатка въ матеріалѣ для выдѣлки винограднаго меда быть не можетъ, самая выдѣлка, повидимому, не представляетъ особыхъ техническихъ затрудненій, не требуетъ какихъ либо дорогихъ и сложныхъ аппаратовъ.

Если указанія профессора Monti подтвердятся, то виноградному меду у насъ предстоитъ огромная будущность.

III. Павловскій районъ.

Павловскій районъ стальныхъ издѣлій включаетъ въ себѣ часть Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской, и Муромскаго уѣзда, Владимірской губерній. Центрами этого района являются села Павлово и Ворсма съ находящимися въ нихъ фабриками, на которыхъ работаетъ населеніе цѣлаго ряда окрестныхъ селъ и деревень.

До настоящей войны производство здѣсь состояло, главнымъ обра-

зомъ, въ выработкѣ различнаго рода ножей и вилокъ, ножницъ, бритвъ, замковъ.

Съ осени 1914 года нѣкоторыя фабрики приступили къ выдѣлкѣ хирургическихъ инструментовъ и въ настоящее время этимъ производствомъ заняты уже слѣдующія фабрики: 1) фабрика торг. т-ва бр. Первовыхъ, 2) Павловская кустарная артель, 3) фабрика Кондратова, въ с. Павловѣ, 4) фабрика т-ва стальныхъ издѣлій Л. и А. Завьяловыхъ, 5) фабрика производства стальныхъ издѣлій К. М. Битюрина съ с-ми и 6) фабрика хирургическихъ инструментовъ А. Г. Птицына, въ Ворсмѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ фабрикъ—въ с. Павловѣ, Тумботинѣ, дер. Хрѣновѣ и Лаптевѣ, мнѣ удалось осмотрѣть во время производства работъ, свѣдѣнія объ остальныхъ доставлены мнѣ гг. фабрикантами или ихъ уполномоченными.

Въ настоящее время въ Павловскомъ районѣ занято выдѣлкой хирургическихъ инструментовъ болѣе 400 рабочихъ, изготовляющихъ не менѣе 16.500 штукъ въ мѣсяцъ, при чемъ число различныхъ типовъ инструментовъ достигаетъ до 300.

Наиболѣе обширная и оборудованная фабрика бр. Первовыхъ, на которой большинство инструментовъ выдѣлывается штампомъ, на всѣхъ остальныхъ—выдѣлка производится ручнымъ способомъ. Вслѣдствіе этого фабрика Первовыхъ можетъ производить не только большее количество инструментовъ, чѣмъ другія, но и выдѣлывать ихъ съ большей точностью и чистотой.

Пересмотрѣвъ сотни инструментовъ различныхъ фабрикъ, я убѣдился, что, въ большинствѣ случаевъ, выдѣлка ихъ можетъ быть признана вполнѣ удовлетворительной.

Благодаря любезности гг. фабрикантовъ Н. В. Первова, бр. Завьяловыхъ, К. М. Битюрина, доставившихъ мнѣ безвозмездно образцы своихъ издѣлій, я имѣлъ возможность, по прибытіи въ Казань, ознакомить съ ними моихъ товарищей, профессоровъ-хирурговъ: Н. А. Геркена, А. В. Вишневскаго и В. Л. Боголюбова, которые вполнѣ согласились съ моей оцѣнкой и признали, что по своей выдѣлкѣ павловскіе инструменты нисколько не уступаютъ тѣмъ, которыми снабжали насъ различныя нѣмецкія фабрики.

Павловцы хорошо сознаютъ, что это дѣло для нихъ новое, непривычное, что у нихъ нѣтъ свѣдущихъ руководителей, нѣтъ точно установленныхъ образцовъ, „до всего приходится доходить собственнымъ умомъ", работать „на глазокъ".

Тѣмъ изумительнѣе огромная энергія, благодаря которой эти простые „ножевщики и замочники“ сумѣли организовать такое сложное и трудное производство, да вдобавокъ еще въ теченіе какихъ-нибудь 10 мѣсяцевъ.

Кромѣ тѣхъ типовъ, которые уже вырабатываются въ настоящее время, представители фабрикъ бр. Первовыхъ, Завьяловыхъ и Птицына изъявили готовность изготовлять и другіе хирургическіе инструменты, по даннымъ образцамъ, а фабрика бр. Первовыхъ взяла у меня и образцы для двухъ асептическихъ, карманныхъ наборовъ—лѣкарскаго и ушного; кромѣ того эта фабрика, по моему совѣту, приступила къ выработкѣ простыхъ хирургическихъ иголъ: нѣкоторые типы сложныхъ иголъ уже изготовляются Павловскими фабриками.

Такимъ образомъ, острая нужда въ хирургическихъ инструментахъ, возникшая было у насъ вслѣдствіе открытія огромнаго числа новыхъ госпиталей для раненыхъ и больныхъ воиновъ, въ настоящее время можетъ считаться устраненной. Павловскія фабрики не только успѣшно исполняютъ заказы Краснаго Креста, обще-земскаго и общегородского союзовъ, отдѣльныхъ больницъ, врачей, но и снабжаютъ инструментами рядъ торговыхъ фирмъ въ Петроградѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Тифлисѣ и др.

При этомъ считаю не лишнимъ привести слѣдующій любопытный фактъ, сообщенный мнѣ однимъ изъ крупныхъ павловскихъ фабрикантовъ.

Нѣкоторыя изъ указанныхъ фирмъ, торговавшія до войны инструментами нѣмецкаго производства, на которыхъ, по соглашенію съ поставщиками, выставлялись клейма этихъ фирмъ, обратились и къ павловскимъ фабрикантамъ съ предложеніемъ выставлять на заказываемыхъ ими инструментахъ не фабричныя клейма, а клейма заказчиковъ. Къ чести павловцевъ, они рѣшительно отвергли эту постыдную сдѣлку.

Теперь уже можно сказать, что въ дѣлѣ производства хирургическихъ инструментовъ мы освободились отъ нѣмецкаго засилья и, будемъ надѣяться, навсегда.

Къ сожалѣнію, работа павловскихъ фабрикъ значительно тормозится трудностью полученія стали опредѣленныхъ марокъ, никкеля и нѣкоторыхъ другихъ матеріаловъ.

Въ заключеніе я долженъ обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство.

Въ селѣ Павловѣ имѣется промышленное училище, помѣщающееся въ обширномъ двухъ-этажномъ каменномъ зданіи, хорошо оборудованное различными машинами и станками, съ мастерскими, въ которыхъ одновременно могутъ работать до 70-ти учениковъ.

Въ видахъ упроченія и дальнѣйшаго развитія дѣла изготовленія хирургическихъ инструментовъ въ Павловскомъ районѣ, было бы желательно ввести въ училищѣ обученіе тѣмъ отраслямъ ручного труда, которыя требуются при выдѣлкѣ инструментовъ, чтобы подготовлять мастеровъ-спеціалистовъ по различнымъ отдѣламъ этого производства.

IV. Златоустъ.

Казенный заводъ, лѣтъ 30 назадъ, занимался выдѣлкой хирургическихъ инструментовъ, но это дѣло почему-то не пошло и единственнымъ воспоминаніемъ о немъ остались нѣсколько инструментовъ, хранящихся въ арсеналѣ завода [1]).

Возобновить выдѣлку хирургическихъ инструментовъ, по мнѣнію начальника завода г. Першке, вполнѣ возможно, но не ранѣе окончанія войны; въ настоящее время ощущается недостатокъ рабочихъ рукъ, который, впрочемъ, на-дняхъ будетъ отчасти устраненъ присылкой нѣсколькихъ сотъ рабочихъ изъ Риги.

Въ виду затрудненій, испытываемыхъ фабриками Павловскаго района относительно добыванія инструментальной стали, я обратился къ г. Першке съ вопросомъ о томъ: не можетъ ли заводъ снабжать этой сталью павловскихъ фабрикантовъ?

На этотъ вопросъ онъ отвѣтилъ, что заводоуправленіе, вѣроятно, не встрѣтило бы препятствій къ отпуску вполнѣ пригодной для выдѣлки хирургическихъ инструментовъ Мартеновской стали (въ литой болванкѣ или отжимкѣ), въ небольшихъ количествахъ, примѣрно до 100 пудовъ ежемѣсячно.

Кромѣ г. Першке я велъ переговоры относительно выдѣлки хирургическихъ инструментовъ съ болѣе крупными златоустовскими кустарями: Ѳед. Прох. Мироновымъ, Вас. Матв. Сычевымъ и членомъ торгов. тов. „Трудовикъ“ Вас. Матв. Бахаревымъ.

Всѣ они съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ мысли организовать кустарное производство хирургическихъ инструментовъ въ Златоустѣ, но лишь одинъ Ѳ. П. Мироновъ, обладающій оборудован-

---

[1]) Эти остатки были мнѣ показаны, но я рѣшительно не могъ понять, для какихъ собственно хирургическихъ цѣлей они предназначались.

ной необходимыми машинами мастерской, достаточнымъ запасомъ стали, никкеля и др. матеріаловъ, выразилъ намѣреніе приступить къ выдѣлкѣ хирургическихъ инструментовъ при первой возможности. Внимательно разсмотрѣвъ имѣвшіеся у меня иллюстрированные каталоги, онъ, по моему совѣту, рѣшилъ, на первое время, ограничиться выдѣлкой простѣйшихъ и наиболѣе употребительныхъ инструментовъ—ножей и ножницъ и т. п.

Гг. Сычевъ и Бахаревъ сообщили, что они вынуждены были значительно сократить производство, вслѣдствіе трудности полученія стали, недостатка и крайней дороговизны рабочихъ рукъ.

Почти всѣ рабочіе, занимавшіеся кустарнымъ производствомъ, въ настоящее время перешли на казенную фабрику, привлекающую ихъ высокой заработной платой, освобожденіемъ отъ призыва въ войска, безмездной медицинской помощью и др. преимуществами, которыхъ не могутъ предоставить хозяева-кустари.

Въ виду этого, они не находятъ возможнымъ начать теперь такое новое и трудное дѣло, какъ производство хирургическихъ инструментовъ.

Въ заключеніе я долженъ выразить благодарность г. Першке, любезно снабдившаго меня образцами матеріаловъ, употребляемыхъ на заводѣ для шлифованія стальныхъ издѣлій, доведеннаго здѣсь до высокой степени совершенства.

Эти образцы мною будутъ пересланы нѣкоторымъ павловскимъ фабрикантамъ, въ виду возможности замѣны ими такъ назыв. „крокуса“ (примѣняемаго здѣсь для шлифованія инструментовъ), полученіе котораго съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ.

Павловскій „крокусъ“ представляетъ сплавъ „вѣнской извести“ [1]) съ стеариномъ. Известь эта получалась изъ-за границы и пріобрѣталась до войны въ аптекарскихъ магазинахъ по 15—16 коп. фунтъ, въ настоящее время цѣны на эту известь поднялись до 1 р., да и за такую цѣну ее почти невозможно уже достать.

Кромѣ того г. Першке указалъ на возможность посылки мастеровъ-шлифовальщиковъ Павловскаго района на Златоустовскій заводъ, гдѣ имъ охотно будутъ показаны примѣняемые здѣсь пріемы шлифованія.

---

[1]) Составъ ея неизвѣстенъ. Взятые мною образцы будутъ переданы для изслѣдованія спеціалистамъ.

V. Екатеринбургъ.

Въ Екатеринбургѣ я интересовался вопросами о нахожденіи на Уралѣ рудъ, которыя могли бы служить для добыванія ртути, мышьяка и никкеля; оказалось слѣдующее.

1) *Киноварь* находится въ платиновыхъ розсыпяхъ р. Иса, Верхотурскаго у. Пермской губ., въ видѣ сплошныхъ галекъ, различной величины—отъ кедроваго орѣха до кулака.

Гальки эти поступаютъ въ отбросы съ вашгертовъ и ихъ, отъ времени до времени, скупаютъ небольшими партіями мелкіе промышленники, для превращенія въ краску.

При этомъ не лишнее замѣтить, что въ извѣстномъ, точно изслѣдованномъ мѣсторожденіи киновари въ Никитовкѣ Екатеринославской губерніи, она встрѣчается лишь въ видѣ мелкихъ кристалловъ, вкрапленныхъ въ кварцитъ, въ количествахъ не превышающихъ 6%.

Что касается киновари изъ Исинскихъ розсыпей, то она залегаетъ здѣсь въ известнякахъ, хотя коренное мѣсторожденіе ея, повидимому, еще не установлено.

Розсыпи эти были изслѣдованы въ 1904—1906 гг. геологомъ геологическаго комитета Н. К. Высоцкимъ, впервые указавшимъ присутствіе въ нихъ киновари [1]).

2) *Мышьяковый колчеданъ* добывается какъ золотосодержащая руда въ мѣсторожденіяхъ Кочкарской системы Оренбургской губ. Здѣсь онъ имѣется въ большихъ количествахъ въ жильныхъ мѣсторожденіяхъ, а также въ отвалахъ, въ видѣ раздробленныхъ остатковъ послѣ обработки на золото. Эти остатки весьма удобны для полученія мышьяка и содержатъ его до 46%.

3) *Никкель*. Въ послѣднее время въ Сергинско-Уфалейскихъ заводахъ, Екатеринбургскаго у., открыты обширныя залежи, пока еще точно не опредѣленной мелко-землистой, богатой углеродистыми соединеніями руды, содержащей никкель.

Запасы углерода въ рудѣ настолько значительны, что она можетъ горѣть, почему ею и разсчитывали пользоваться какъ горючимъ матеріаломъ, пока въ золѣ, послѣ сжиганія руды, не было открыто содержаніе никкеля. Содержаніе это настолько значительно, что изъ имѣющихся залежей руды, по вычисленіямъ спеціалистовъ, могутъ быть добыты сотни тысячъ пудовъ никкеля.

---

[1]) Труды Геолог. Ком. н. с. вып. 62, 1913 г.

Въ настоящее время мѣстная заводская администрація занята разработкой вопроса о лучшихъ способахъ добыванія никкеля.

Въ виду огромнаго значенія ртути, мышьяка и никкеля для различныхъ научныхъ, врачебныхъ и техническихъ цѣлей, указанныя мѣсторожденія содержащихъ ихъ рудъ необходимо немедленно подвергнуть обстоятельному изслѣдованію и организовать, гдѣ представится возможность, добываніе этихъ матеріаловъ, до войны получавшихся нами изъ-за границы.

Изъ моей бесѣды съ начальникомъ горныхъ заводовъ П. И. Егоровымъ считаю нужнымъ привести слѣдующее.

Онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о выдѣлкѣ хирургическихъ инструментовъ въ Павловскомъ районѣ и, узнавъ о ней впервые отъ меня, былъ изумленъ той быстротой, съ которой удалось организовать это новое, сложное производство.

Когда я сообщилъ ему о затрудненіяхъ, испытываемыхъ Павловскими фабрикантами при добываніи стали, то онъ замѣтилъ, что поставленное ими дѣло заслуживаетъ всяческой поддержки и заявилъ, что Златоустовскій заводъ могъ бы вырабатывать необходимые для выдѣлки инструментовъ типы стали и снабжать Павловскій районъ.

Что касается никкеля, то, по словамъ г. Егорова, кромѣ Сергинско-Уфалейскаго мѣсторожденія, онъ встрѣчается еще въ дачахъ Ревдинскихъ заводовъ, но тамъ добываніе связано повидимому съ значительно большими затрудненіями. Онъ считаетъ поэтому безусловно-необходимымъ безотлагательно организовать добываніе никкеля въ Сергинско-Уфалейскихъ заводахъ и предвѣщаетъ этому дѣлу блестящую будущность.

VI. О русскомъ опіумѣ [1]).

Всѣмъ извѣстно, хотя въ общихъ чертахъ, то огромное значеніе, которое имѣетъ въ медицинской практикѣ опій и добываемые изъ него алкалоиды—морфій, кодеинъ и др.

До войны эти вещества ввозились къ намъ изъ Германіи и въ настоящее время „достигли баснословныхъ цѣнъ, напр. цѣна 1 фунта кодеина дошла до 1200 р.“ (!!).

Между тѣмъ въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ издавна существуетъ значительное производство опія, хотя и неофиціальное и даже преслѣдуемое закономъ.

---

[1]) Матеріалъ заимствованъ изъ статьи: „Промышленное производство опія“, помѣщенной въ газетѣ „Коммерческій Телеграфъ“, № 714, 19 августа 1915 года.

Во многихъ пограничныхъ съ Китаемъ мѣстностяхъ большія площади земли заняты посѣвами мака и населеніе добываетъ изъ него опій, сбываемый контрабандой въ Китай.

Въ случаяхъ, когда мѣстная администрація узнаетъ о такомъ производствѣ, „*продуктъ конфискуется и сжигается*“ (sic!). По приблизительнымъ подсчетамъ „*конфискованнаго опія сжигается ежегодно на сумму свыше 200 тысячъ рублей“(!!)*.

„Подобное положеніе дѣлъ Министерство Торговли и Промышленности признало недопустимымъ, почему и предположено, по соглашенію съ Главнымъ Управленіемъ Землеустройства и Земледѣлія, упорядочить дѣло производства опія, придавъ ему промышленный характеръ“.

„Предполагается создать на мѣстахъ нѣсколько лабораторій, которыя бы показали населенію наиболѣе продуктивный химически-чистый способъ добыванія опія изъ мака и въ то же время, могли бы пріобрѣтать его отъ мѣстныхъ производителей, для выработки изъ него столь необходимыхъ алкалоидовъ“.

Нельзя, конечно, не привѣтствовать эти благія намѣренія министерства, но едва ли можно ожидать осуществленія ихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. А пока, казалось бы, всего проще— скупить имѣющіеся у производителей запасы опія, хотя бы по цѣнамъ нѣсколько высшимъ тѣхъ, за какія онъ сбывается въ Китай, и направить этотъ опій въ существующія уже у насъ лабораторіи.

VII. Стеклянныя и хрустальныя фабрики наслѣдника Ю. С. Нечаева-Мальцева, графа П. Н. Игнатьева.

Три изъ числа этихъ фабрикъ: Гусевская, Курловская и Уршельская, во Владимірской губ., занимаются выдѣлкой стеклянной и фарфоровой посуды для аптекъ, химическихъ, бактеріологическихъ, микроскопическихъ работъ, для музейныхъ цѣлей и пр.

Администраціей заводовъ изданъ рядъ иллюстрированныхъ прейсъкурантовъ, которые можно получить въ главной конторѣ заводовъ, при Гусевской фабрикѣ.

Въ виду того, что для аптечной посуды имѣется спеціальный прейсъ-курантъ, а свѣдѣнія объ остальныхъ интересующихъ насъ издѣліяхъ разсѣяны по различнымъ другимъ прейсъ-курантамъ, я считаю не безполезнымъ привести здѣсь краткое перечисленіе ихъ.

Стеклянная посуда и другіе предметы для химическихъ, бактеріологическихъ и микроскопическихъ изслѣдованій:

Колбы, реторты, воронки, стаканы, цилиндры градуированные и неградуированные, съ притертыми пробками и безъ нихъ, банки и стклянки съ притертыми пробками, Вульфовскія стклянки, спиртовыя лампочки, реактивныя трубки, дроты сквозные и глухіе, ступки хрустальныя, выпаривательныя чашки и ступки фарфоровыя.

Чашки Петри и Коха для культуръ бактерій, часовыя стекла обыкновенныя и парныя съ пришлифованными краями, стекла для микроскопическихъ изслѣдованій предметныя и покровныя, четыреугольныя и круглыя; банки съ притертыми пробками для храненія препаратовъ, стклянки для канадскаго бальзама, клея, колпаки, акваріумы и пр.

Кромѣ того фабрики принимаютъ на себя изготовленіе и всякихъ другихъ стеклянныхъ и хрустальныхъ издѣлій, по даннымъ образцамъ или чертежамъ.

Ник. Высоцкій.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ШВАРЦЪ [1]).

Съ 1884 года начинается учебно-административная дѣятельность А. Н—ча. Сперва онъ былъ инспекторомъ 2-й Московской 4-хклассной прогимназіи (съ 4-го сентября 1884 г. по 22-е октября 1885 г.), потомъ директоромъ 1-й Московской прогимназіи (съ 22-го октября 1885 года по 23-е сентября 1887 года), директоромъ 5-й Московской гимназіи (съ 23-го сентября 1887 года по 5-е іюля 1897 года), директоромъ Константиновскаго межевого института (съ 5-го іюля 1897 года по 14-е февраля 1900 года), попечителемъ Рижскаго учебнаго округа (съ 14-го февраля 1900 года по 30-е мая 1902 года), попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа (съ 30-го мая 1902 года по 6-е сентября 1905 года), попечителемъ Московскаго учебнаго округа (съ 6-го сентября 1905 года по 16-е ноября 1905 года), послѣ чего былъ назначенъ сенаторомъ, затѣмъ—членомъ государственнаго совѣта (съ 6-го декабря 1907 года) и, наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія (съ 1-го января 1908 года по 25-е сентября 1910 года); къ присутствованію въ государственномъ совѣтѣ онъ назначался ежегодно до самой смерти.

Должность попечителя въ Ригѣ была предложена А. Н—чу бывшимъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповымъ, съ которымъ, правда, у него были нѣкоторыя несогласія въ то время, когда А. Н. былъ директоромъ Московской 5-й гимназіи, а Н. П. Боголѣповъ—попечителемъ Московскаго учебнаго округа (на это дѣлаетъ намекъ А. Н. въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 15-го марта 1901 года). Объ этомъ предложеніи А. Н. сообщилъ мнѣ въ письмѣ

---

[1]) *Продолженіе.* См. январьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1916 г.

отъ 29-го января 1900 года слѣдующее: „Попечительство въ Ригѣ мнѣ дѣйствительно предложено, но такъ какъ я свое согласіе на принятіе этого мѣста обусловилъ дарованіемъ мнѣ титула заслуженнаго профессора (ради пенсіи) и назначеніемъ *полной* пенсіи, кою выслуживаю черезъ 1½ мѣсяца, то еще не знаю, удастся ли Боголѣпову добиться выполненія этихъ условій отъ Витте. Если же удастся, то, вѣроятно, къ Пасхѣ я оставлю Москву и переселюсь къ Шмерцамъ“.

Тяжело было А. Н—чу покидать Москву, которую онъ очень любилъ. Въ письмѣ изъ Варшавы отъ 17-го августа 1905 года онъ говоритъ: „Когда Боголѣповъ мнѣ предлагалъ на выборъ Варшаву или Ригу, я очень просилъ его любое изъ этихъ мѣстъ предоставить Исаенкову [1]), а меня назначить *помощникомъ* попечителя, но въ Москву“.

Первое впечатлѣніе отъ Риги и новой должности было мало пріятное для А. Н—ча; по этому поводу онъ писалъ мнѣ 14-го марта 1900 года слѣдующее: „Ну вотъ я и окончательно Рижскій попечитель, т. е. не только прибылъ сюда, но успѣлъ уже вступить въ должность, а сегодня и оповѣстилъ всѣхъ, кого надлежитъ, о семъ обстоятельствѣ. Дѣла, повидимому, немного, но политики хоть отбавляй [2]). — — — Не въ авантажѣ, по прежнему, только русскіе, которыхъ здѣсь *всѣ* терпѣть не могутъ, и помочь этому горю очень не легко. Впрочемъ, посмотримъ, что дальше будетъ. Городъ Рига большой, хорошій, цивилизованный, но жить здѣсь намъ, москвичамъ, не особенно будетъ легко, чуждо все. Надежда одна, что служба здѣсь русскихъ людей цѣнится и что дѣтей не оставятъ безъ куска хлѣба“.

Приблизительно такое же настроеніе проявляется у А. Н—ча въ письмѣ отъ 28-го іюля 1900 года, гдѣ онъ говоритъ: „Отъ всей души благодарю Васъ за память. Всякое письмо изъ Москвы или отъ московскихъ мнѣ доставляетъ большую радость, и отъ Васъ въ особенности. Я хотя и не Deutschenfresser, — — — но, кажется, крѣпко приросъ душой къ средней Россіи и гораздо больше русскій, чѣмъ тѣ, которые здѣсь выказываютъ, по долгу службы, свой неискренній па-

---

[1]) Разумѣется Владиміръ Дмитріевичъ Исаенковъ, бывшій тогда помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа.

[2]) Далѣе идетъ интересное мнѣніе А. Н—ча о нѣмцахъ и латышахъ, котораго не рѣшаюсь опубликовать. Столь же интересныя мнѣнія по поводу политики въ Прибалтійскомъ краѣ высказаны имъ еще въ письмахъ отъ 28-го іюля 1900 года и 22-го декабря 1900 года.

тріотизмъ. Откровенно говоря, съ ними мнѣ довольно *противно жить и служить*".

Впослѣдствіи онъ съ Ригой, повидимому, примирился: по крайней мѣрѣ, въ выше приведенномъ письмѣ, отъ 17-го августа 1905 года, сказавъ о томъ, что Боголѣповъ предложилъ ему на выборъ попечительство въ Ригѣ или въ Варшавѣ, онъ продолжаетъ: „Предпочелъ я мѣсто попроще въ Ригу, гдѣ вообще чувствовалъ себя хорошо и гдѣ нашелъ много истинныхъ друзей, съ которыми и поднесь очень хорошъ".

„Дѣла у меня здѣсь много", пишетъ онъ 22-го декабря 1900 г. „Приходится сражаться съ нѣмцами и съ — — — латышами. — — — Я, положимъ, не такъ воинственно настроенъ, какъ покойный Лавровскій, — — — но ужъ такъ повелось дѣло и не всегда удобно дѣлать уступки. — — — Болѣе всего, однако, возни у меня съ университетомъ и даже не со студентами, а съ профессорами. Духъ кляузы и ябеды здѣсь такъ великъ, что просто не знаю, что дѣлать, и на дняхъ ѣду въ С.-Пб. убѣдительно просить министра принять или дозволить мнѣ принять нѣкоторыя мѣры къ упорядоченію этого высшаго заведенія. Просто сладу нѣтъ.... И еще если бы тягались изъ-за чего либо путнаго, а то всѣ интересы ихъ такъ мелочны, такъ дрянны, что просто не понимаешь, изъ-за чего препираются люди. А бумаги пишутъ не по 3 или 4 страницы, а все по 30 или 50 страницъ, такъ что вникнуть въ эти тетради требуется время, по большей части потерянное совершенно понапрасну. Удивляешься только тому, какъ дряненъ и пустъ можетъ сдѣлаться человѣкъ, тоже называющій себя профессоромъ. Духъ, который въ Москву переносили Т—ій, Ш—ъ, а теперь перенесъ К—въ, есть именно духъ нашей провинціи. Московскіе профессора все-таки менѣе были заражены этимъ духомъ, хотя и среди нихъ, по совѣсти сказать, бывали М—вы и разныя темныя силы на медицинскомъ факультетѣ".

Много вниманія удѣлялъ А. Н. въ Ригѣ на пріисканіе профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній, дѣла которыхъ онъ самъ велъ (письмо 24-го апрѣля 1901 года). По этому поводу онъ писалъ мнѣ 24-го января 1901 г.: „Да и вообще профессоровъ мало. Изъ Юрьева сразу ушло 2 математика, читать некому, и вотъ уже 2 мѣсяца, что я ищу не только докторовъ, но хоть магистровъ, хоть такъ называемыхъ магистрантовъ и, увы, никого не нахожу, а если найду порядочнаго, то знаю, что его тотчасъ же сманятъ въ какой-нибудь политехникумъ".

Но особенно онъ былъ озабоченъ пріисканіемъ преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній и не разъ обращался ко мнѣ съ просьбой искать въ Москвѣ подходящихъ для этого людей. Многими тамошними преподавателями онъ былъ недоволенъ; въ письмахъ своихъ ко мнѣ онъ часто жалуется на плохой составъ преподавательскаго персонала. Такъ, письмо отъ 10-го мая 1900 г. онъ начинаетъ слѣдующими словами: „Обращаюсь къ Вамъ съ покорной просьбой: не знаете ли Вы изъ числа кончающихъ въ нынѣшнемъ году словесниковъ или классиковъ Московскаго университета такихъ, которые бы пожелали занять мѣста въ рижскомъ округѣ? Конечно, желательны были бы люди потолковѣе, но я думаю, что и средніе люди университетскаго образованія все будутъ лучше, нежели ученики Кедровской и Гельбке академіи, которыми почти исключительно наполненъ здѣшній округъ. Особенно важны были бы мнѣ словесники, спеціалисты по русскому языку“. „Что за гуси здѣсь преподаютъ древніе языки“, пишетъ онъ 28-го іюля 1900 г., „даже тошно смотрѣть. Ужасная бѣдность въ людяхъ. Сейчасъ здѣсь нуженъ цѣлый рядъ преподавателей русскаго языка и математики, а кромѣ Лебедева Москва никого не даетъ. Поневолѣ придется обратиться къ Кедрову или Гельбке. Впрочемъ, что жаловаться на людей: это бѣдность повсемѣстная“. Та же жалоба и просьба въ письмѣ 14-го сентября 1900 г.: „Повидимому, давно предвидѣвшійся у насъ кризисъ по части учителей уже наступаетъ. Едва едва раздобылся двумя математиками и заткнулъ двѣ дыры Л—скимъ и Б—номъ (въ низшихъ классахъ), какъ опять требуется классикъ на 24 урока въ хорошій городъ, именно въ Либаву. Куда ни обращался, вездѣ отказъ, а М—ля (вѣдь онъ испиваетъ) боюсь. Не удастся ли Вамъ раздобыть путнаго человѣка или хоть сманить какого-нибудь молодого человѣка изъ прежнихъ выпусковъ, который не имѣетъ достаточнаго числа уроковъ? Еще до зарѣза нуженъ историкъ. Тоже никакъ не найду. Бѣда да и только. Прошу Васъ поэтому, если у Васъ вообще будутъ кандидаты въ учители, не забывайте иногда сообщить мнѣ. И молодому человѣку окажете услугу, и мнѣ“. Та же тема повторяется и въ письмѣ 2-го октября 1900 г.: „Если бы Вы могли составить себѣ понятіе о томъ, кто здѣсь преподаетъ, Вы, безъ сомнѣнія, только ахнули бы. Вотъ уже именно какіе-то уроды съ того свѣта... Особенно плохихъ учителей давалъ Нѣжинскій институтъ, къ воспитанникамъ коего Н. А. Лавровскій, бывшій одно время директоромъ института, чувствовалъ особое расположеніе. Но не лучше и тѣ вос-

питанники Московскаго университета, которые шли сюда. Вообще, дѣло поставлено очень плохо, и улучшить его очень трудно. Нѣтъ людей, и не только нѣтъ филологовъ, но нѣтъ и историковъ, нѣтъ и хорошихъ математиковъ. Очевидно, мы по части учителей стоимъ передъ кризисомъ. Далѣе продолжаться такъ дѣло не можетъ, а что сдѣлаетъ министръ народнаго просвѣщенія, когда министръ финансовъ во всемъ тормозитъ его старанія, во всемъ обрѣзывая его бюджетъ?" Письмо отъ 24-го апрѣля 1901 года опять начинается той же просьбой: „Кончается учебный годъ, рисуется вдали начало будущаго учебнаго семестра и предвидится снова не одна, а нѣсколько вакансій учительскихъ, для замѣщенія которыхъ надо заранѣе высматривать подходящихъ кандидатовъ. Вы знаете мою антипатію къ историко-филологическимъ институтамъ, и я долженъ откровенно сознаться, что какъ ни старался я побѣдить въ себѣ столь недоброе и, какъ мнѣ казалось, несправедливое чувство, но здѣшніе представители этихъ привилегированныхъ заведеній только утвердили меня въ немъ. Университетскіе воспитанники все же лучше, хотя сюда тоже попадаютъ главнымъ образомъ оборыши наши. А ничего, работаютъ и даже не безъ пользы работаютъ. Позволяю себѣ поэтому снова обратиться къ Вамъ за помощью. Кто знаетъ, можетъ быть, Вы и соблазните кого-нибудь. Надобны намъ и классики (человѣка 3), и словесники (ожидаю 2 вакансій), и математики (штуки 3, а то и побольше). Заработокъ для всѣхъ найдется изрядный, ибо, кромѣ штатнаго мѣста, всегда отыскиваются занятія и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ коммерческихъ, которыя, къ слову сказать, являются для насъ особенно опасными конкуррентами, ибо платятъ много лучше. Ихъ здѣсь въ Ригѣ цѣлыхъ два, да одно еще въ Либавѣ, одно съ осени откроется и въ Ревелѣ. Соблазнительно и то, что здѣсь скорѣе можно пройти въ инспекторы человѣку мало-мальски приличному. Будьте благодѣтелемъ, порадѣйте и по поводу математиковъ попросите отъ моего имени Лахтина" [1]. „Вы себѣ даже вообразить не можете, до какой степени чужды въ провинціи учителя умственнымъ интересамъ", добавляетъ онъ въ томъ же письмѣ. „Большое Вамъ спасибо", пишетъ онъ мнѣ 14-го мая 1901 г., „за заботу о пріисканіи мнѣ учителей, особенно по русскому языку. Классики теперь не такъ нужны, потому что Ванновскій, видимо, на

[1]) Разумѣется проф. Московскаго университета математическаго факультета Л. К. Лахтинъ.

самомъ дѣлѣ надѣется быстро сломать классическую школу, и въ виду этого съ назначеніемъ новыхъ преподавателей классическихъ языковъ надо, мнѣ кажется, пріостановиться; не будемъ знать, куда дѣвать и наличныхъ. Если однако очень понадобятся, то думаю взять Ж—на [1]), который, помнится, хоть элементы грамматики не совсѣмъ еще забылъ. С—чъ [1]) ихъ никогда не зналъ. Если можно, позондируйте Ж—на съ этой стороны. Вы удивитесь, конечно, что я сталъ такъ нетребователенъ къ учителямъ древнихъ языковъ, но Вы не можете себѣ представить, кого мы здѣсь имѣемъ. Дошло до того, что одинъ назначенный намъ въ прошломъ году изъ Нѣжинскаго института «классикъ»—фамилія ему *—отказался, пріѣхавъ на мѣсто, преподавать древніе языки *въ 3 классѣ* „за неподготовленностью" и просилъ дать ему уроки русскаго языка, что и пришлось сдѣлать, повернувъ „Россіянина" въ „классика" съ позволенія сказать. Да и вообще по этой части здѣсь слабо, какъ, думается мнѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Я напр. узналъ здѣсь одного преподавателя *старшихъ* классовъ, который чистосердечно признался мнѣ, что никогда доселѣ Горація не читалъ. Во Владимірской гимназіи, гдѣ онъ учился, второе полугодіе 8-го класса Горація не читали за болѣзнью учителя; въ университетѣ (Московскомъ) Гавріилъ Аѳанасьевичъ читалъ Цицерона, Коршъ—элегиковъ, а самъ онъ прочесть Горація не удосужился. Съ тѣхъ поръ прошло 10 лѣтъ, и Горацій по прежнему остался непрочитаннымъ. И вотъ онъ надумался попросить у меня, такъ какъ ему назначенъ 8 классъ, указаній, какъ ему сладить съ приготовленіемъ къ этому писателю. Недурно?!! Да и наши защитники классицизма развѣ читаютъ тѣхъ писателей, которыхъ превозносятъ? Я уже много лѣтъ, когда слушаю такихъ защитниковъ, имѣю обыкновеніе спрашивать, кого собственно изъ древнихъ писателей они читаютъ, и чаще всего вижу сконфуженныя лица, а не отвѣтъ на этотъ вопросъ... Думаю поэтому, что отмѣна классическихъ языковъ вообще въ гимназіяхъ никакого ущерба не принесетъ и что реальныя училища дадутъ у насъ, какъ и за границей, достаточно подготовленныхъ для нашихъ лекцій слушателей. Я боюсь одного: единой школы, которая не дастъ ни классиковъ, ни реалистовъ, а именно такая школа и соблазняетъ нашего генерала".

Какъ видно изъ этихъ выписокъ, А. Н. былъ въ высшей степени

---

[1]) Разумѣются два ученика А. Н—ча и мои, студенты классическаго отдѣленія Московскаго университета.

озабоченъ улучшеніемъ педагогическаго персонала въ своемъ округѣ. Имѣлъ въ виду онъ и другія улучшенія, но тогдашнее министерство ему мѣшало. Въ письмѣ отъ 24-го апрѣля 1901 г. онъ такъ говоритъ объ этомъ: „Задумалъ я было рядъ улучшеній (si dis placet) въ средней школѣ, хотѣлъ руки приложить и къ начальнымъ училищамъ, но въ С.-Пб. этихъ дѣлъ и слушать не хотятъ. Къ тому же хотятъ передѣлать все сверху донизу, такъ что опять приходится выжидать и складывать руки, хотя, казалось бы, складывать ихъ совсѣмъ бы не слѣдовало. Грустно, но дѣлать нечего“.

При такомъ рвеніи А. Н—чу приходилось работать очень много по своимъ служебнымъ обязанностямъ, тѣмъ болѣе, что министерство П. С. Ванновскаго требовало отъ него напряженной работы. „Не могу все еще оправиться отъ парижской передряги“ [1]), пишетъ онъ мнѣ 28-го іюля 1900 г. изъ Бильдерлингсгофа, „да и министерство не дастъ, потому что на дняхъ опять вызвало меня въ Петербургъ на нѣсколько часовъ, чтобы переговорить о дѣлахъ, о которыхъ очень легко можно было бы и списаться, если бы кто либо захотѣлъ утрудить себя написаніемъ письма. Но министерскіе избѣгаютъ всякаго излишняго труда, и пришлось поэтому снова садиться въ вагонъ и въ двое сутокъ сдѣлать свыше 1.000 верстъ. Слава Богу, однако, министръ уѣзжаетъ въ 3-хмѣсячный отпускъ, а, слѣдовательно, и я могу отдохнуть“. „Хотя и числюсь въ отпуску“, пишетъ онъ мнѣ 20-го іюля 1901 г. изъ Зегевольда, „но когда живешь такъ близко отъ управленія — — —, все равно приходится всѣ резолюціи по сколько-нибудь труднымъ вопросамъ, а подчасъ и самыя бумаги писать самому. А министерство теперь у насъ неугомонное. Бумага слѣдуетъ за бумагой, и все по капитальнымъ вопросамъ частью уже совершившейся, частью по предполагаемымъ реформамъ. Очевидно, пока не испакостятъ всѣхъ заведеній, все равно среднихъ, низшихъ или высшихъ, покоя намъ не будетъ“. „Работы болѣе, чѣмъ когда либо“, говоритъ онъ въ письмѣ отъ 24-го окт. 1901 г., „министерство точно бѣлены объѣлось. Спѣшитъ съ реформами, точно его кто гонитъ. Спасибо еще, что большую историческую записку о здѣшнихъ православныхъ школахъ мнѣ удалось написать лѣтомъ (120 стр.), но затѣмъ пришлось: 1) выработать для государственнаго совѣта объяснительную записку къ проекту о здѣшнихъ сельскихъ школахъ;

---

[1]) Разумѣется поѣздка А. Н—ча на Парижскую выставку весною 1900 г., на которую онъ былъ командированъ министерствомъ.

2) составить подробныя соображенія о введеніи здѣсь реформъ, далеко не столь просто примѣняемыхъ здѣсь, какъ во внутреннихъ губерніяхъ; 3) составить обширныя заключенія по поводу пожеланій здѣшняго университета, ветеринарнаго института и Рижскаго политехническаго института, который запросилъ чортъ знаетъ чего; а сейчасъ предстоитъ писать заключеніе по поводу мнѣній попечительскаго и педагогическихъ совѣтовъ о средней школѣ".

Повидимому, въ Рижскомъ округѣ А. Н—ча оцѣнили, какъ и вообще вездѣ и всегда его цѣнили люди дѣльные и работоспособные: ему были устроены при переходѣ его въ Варшаву задушевные проводы. Въ письмѣ отъ 18-го іюля 1902 г. онъ мнѣ сообщилъ слѣдующее: „Рижскій округъ очень трогательно простился со мной и, хотя я наотрѣзъ отказался отъ всякихъ парадныхъ чествованій, но тѣмъ задушевнѣе—ибо проще—вышли проводы. Во всякомъ случаѣ пока родной университетъ я не посрамилъ. Надѣюсь, не посрамлю и въ будущемъ".

Назначеніе въ Варшаву А. Н. получилъ 30-го мая 1902 г. О предстоящемъ переходѣ своемъ туда онъ мнѣ писалъ 11-го апрѣля 1902 года: „Васъ интересуетъ мой переходъ въ Варшаву, о которомъ уже начали даже сообщать газеты. Удовлетворяю Вашему любопытству, поскольку самъ знаю, что будетъ. Послѣ майскихъ (1901) комиссій и моего рѣзкаго похода противъ затѣй В—аго я думалъ, что пѣсенка моя спѣта и меня уберутъ въ совѣтъ министра, если не прямо сгонятъ въ приватъ-доценты. Дѣло однако обошлось. Пробовали учинить кое-какія гадости (къ чести В—аго не онъ, а ***), но я посрамилъ ихъ неожиданно такъ, что В—ій даже попросилъ меня забыть эти пакости. Это было въ сентябрѣ, но съ мая до декабря я не ѣздилъ въ С.-Пб., какъ и вообще избѣгаю ѣздить въ «Орду». Въ декабрѣ, будучи въ С.-Пб., я отъ В—аго узналъ, что Чертковъ [1]) настойчиво требуетъ меня въ Варшаву, но В—ій прямо мнѣ сказалъ, что онъ, В—ій, этого не желаетъ и не допуститъ, ибо считаетъ необходимымъ держать меня въ Ригѣ, каковой постъ, по его мнѣнію, наиболѣе трудный и боевой. «А я», прибавилъ онъ, «Вами особенно доволенъ». Слова эти и вмѣстѣ съ тѣмъ обращеніе со мной В—аго меня очень успокоили и порадовали. Каково же было мое удивленіе, когда 1-го января онъ уже самъ сталъ просить меня ѣхать въ Варшаву. Я вообще держусь того убѣжденія, что на адми-

[1]) Варшавскій генералъ-губернаторъ.

нистративныхъ постахъ нельзя отказываться отъ перемѣщеній. Да и что я могъ возразить? Жалованья больше, квартира столь же хороша, городъ лучше. Къ тому же два обстоятельства заставляли даже желать этой перемѣны: 1) то, что послѣ смерти Ниночки [1]) женѣ и дѣтямъ очень тяжело въ здѣшней квартирѣ, гдѣ все ее напоминаетъ, а 2) Рига, какъ я уже, кажется, писалъ Вамъ, тяжела мнѣ изъ-за моей фамиліи. Это очень непріятная случайность, но она мнѣ доставила много разныхъ непріятностей. Я поэтому очень радовался переходу и съ большимъ удовольствіемъ училъ Зилова, котораго В—ій всѣмъ представлялъ въ качествѣ будущаго Рижскаго попечителя, нашимъ дѣламъ. Однако съ тѣхъ поръ (съ 6-го февраля) ни слуха, ни духа о моемъ назначеніи, а между тѣмъ самъ В—ій, говорятъ, летитъ и къ Пасхѣ ожидается назначеніе Зенгера. Захочетъ ли Зенгеръ такой перемѣны, я рѣшительно не знаю и, если нужно, готовъ остаться и въ Ригѣ, гдѣ я все-таки привыкъ къ дѣламъ, насколько вообще можно привыкнуть къ нимъ среди теперяшняго хаоса и сумятицы. Вотъ Вамъ, что самъ знаю о Варшавѣ. Самъ я, Вы знаете, никогда ни о чемъ не просилъ и о себѣ не напоминаю. Вспомнятъ ли обо мнѣ при ожидающейся смѣнѣ министровъ, или нѣтъ, не знаю, но самъ шаговъ никакихъ не сдѣлаю". Въ письмѣ отъ 26-го мая 1902 г. А. Н. мнѣ сообщилъ, что и новый министръ Г. Э. Зенгеръ желаетъ его отправить въ Варшаву: „Вы знаете, что еще Боголѣповъ вѣрилъ въ мои *дипломатическія* способности. Моя дѣятельность въ Парижѣ и на нѣмецкой окраинѣ убѣдила въ этомъ и В—аго, такъ что, когда въ Царствѣ Польскомъ дѣла пошли скверно (за послѣднее время даже и совсѣмъ плохо), В—ій, а теперь и З. ухватились за меня. Не знаю, удастся ли выполнить мнѣ тамъ всѣ задачи, мнѣ поставленныя,—это очень трудно, ибо въ царствѣ надо еще считаться съ старикомъ Ч.,—но постараюсь сдѣлать, что могу". — — — „Считаю, что въ Варшавѣ придется кончать свои дни: дальше врядъ ли куда погонятъ".

Жизнь въ Варшавѣ сперва понравилась А. Н—чу. Въ письмѣ отъ 18-го іюля 1902 г. онъ говоритъ: „Устроились мы въ Варшавѣ очень хорошо. Откровенно говоря, я никогда не думалъ даже, что по нашему вѣдомству бываютъ мѣста, столь хорошо обставленныя. Я не говорю уже о жалованьѣ, которое на 2 тысячи превосходитъ жалованье Рижскаго попечителя, но напр. здѣсь для меня по штату

[1]) Младшая дочь А. Н—ча, скончавшаяся въ Ригѣ.

полагается 5 человѣкъ прислуги, домъ снабженъ обильно роскошной мебелью, квартиру мою освѣщаютъ, отопляютъ, снабжаютъ и ее и находящійся при ней большой садъ цвѣтами, для меня выписываютъ рядъ журналовъ, газетъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ и т. д. и т. д. Въ общемъ даже должность товарища министра въ матеріальномъ отношеніи обставлена гораздо хуже, и я теперь только понимаю ранѣе непостижимое заявленіе ***—а, что, принявъ постъ товарища министра, онъ сильно прогадалъ: теперь я сообразилъ, что онъ былъ совершенно правъ, и, понятно, при такихъ условіяхъ Варшава, пока меня не выгонятъ, должна быть для меня τερμονὴ πλανῶν, какъ Вы это обозначаете".

Но въ Варшавскомъ округѣ оказались тѣ же непріятныя стороны, какъ и въ Рижскомъ: А. Н. выражается объ этомъ такъ въ письмѣ отъ 24-го ноября 1902 г.: „Что сказать Вамъ о себѣ? Дѣти и жена Варшавой довольны, а, слѣдовательно, доволенъ и я, ибо для меня рѣшительно все равно, гдѣ сидѣть: въ рижскомъ, или варшавскомъ кабинетѣ, разъ уже нельзя сидѣть въ московскомъ. Дѣла здѣсь много, но характеръ дѣла все такой же: тѣ же бумаги, то же невѣжество (страшное невѣжество!) учителей, та же распущенность молодежи, тѣ же сплетни и дрязги, то же представительство, отъ котораго, когда только могу, спасаюсь испытаннымъ остермановскимъ способомъ, та же вражда ко всему русскому со стороны нашихъ подданныхъ и т. д. Но меня все это мало смущаетъ. — — — Довольно затруднительно мое положеніе именно здѣсь собственно благодаря тому, что генералъ-губернаторъ на ножахъ сейчасъ съ нашимъ министромъ, но, авось, и это уляжется, потому что, какъ всегда, замѣшано здѣсь пустое самолюбіе, и, если не ***—а, человѣка до крайности нервнаго, то Ч—а, стараго, разумнаго россіянина, кажется, можно будетъ отклонить отъ совсѣмъ ненужной борьбы. Но особенной сладости отъ этого все-таки нѣтъ".

Въ Варшавскомъ округѣ, какъ и въ Рижскомъ, А. Н. не нашелъ себѣ помощниковъ, какихъ желалъ. На недостаточную подготовленность преподавателей онъ тоже жалуется въ письмахъ не разъ: такъ, кромѣ приведеннаго сейчасъ мѣста, объ этомъ предметѣ онъ говоритъ еще въ письмѣ отъ 2-го ноября 1903 г.: „Что напр. уже сейчасъ выпускаютъ провинціальные университеты и особенно здѣшній Варшавскій, это уму непостижимо. Вѣрьте, не вѣрьте, но смѣю увѣрить Васъ честнымъ словомъ, что иногда стыдно сидѣть на урокѣ: до такой степени врутъ учителя латинскаго и русскаго языковъ.

Особенно добръ былъ, кажется, ***, благо слушатели его «обожали», къ чему онъ, говорятъ, былъ очень чувствителенъ. Ну, и надѣлалъ преподавателей".

Работать по служебнымъ обязанностямъ А. Н—чу приходилось и здѣсь такъ же много, какъ и въ Ригѣ: въ письмѣ отъ 6-го апрѣля 1903 г. онъ говоритъ: „Я съ своей стороны нѣсколько разъ брался за перо, чтобы побесѣдовать съ Вами, но послѣднее время такъ завалило работой министерство, что просто дышать не было времени. Бѣда эти нервные министры! Торопятся, спѣшатъ, сразу шлютъ по десяти и болѣе запросовъ, а все требуютъ, чтобы мы «всемѣрно» (любимое слово ***—а) ускоряли отвѣты. Точно будто не понимаютъ, что надъ инымъ отвѣтомъ надо и задуматься, надо по немъ собрать справки и такъ или иначе формулировать заключеніе, что подчасъ вовсе не дается такъ легко и скоро".

Здѣсь, какъ и въ Рижскомъ округѣ, А. Н. задумалъ реформы, но, какъ и тамъ, не встрѣтилъ поддержки своимъ начинаніямъ. „Я вотъ напримѣръ", пишетъ онъ мнѣ 6-го апрѣля 1903 г., „по дѣламъ здѣшнихъ начальныхъ школъ, совсѣмъ заброшенныхъ прежними попечителями, собиралъ на 6-й недѣлѣ поста съѣздъ начальниковъ учебныхъ дирекцій и инспекторовъ начальныхъ училищъ. Вопросы мои разосланы были за 3 мѣсяца, несмотря на то, что всѣ они касались такихъ сторонъ дѣла, по которымъ этимъ господамъ надо было бы имѣть отвѣты всегда наготовѣ, предупредилъ и о томъ, на какіе вопросы необходимо дать письменные отвѣты, такъ сказать, намекая имъ, что по нимъ надо собрать и статистическій матеріалъ, а, между тѣмъ, посмотрѣли бы Вы, съ какимъ легковѣснымъ багажемъ почти всѣ эти мудрецы прибыли на съѣздъ. Ни дать, ни взять, былые мои семинаристы греко-латинскаго семинарія, которые даже разжеванный и въ ротъ положенный вопросъ никакъ не умѣли проглотить. Вообще, за что ни возьмись, просто поражаешься неумѣньемъ людей русскихъ браться за дѣло, работать и беречь время. А вотъ на словахъ какіе орлы! Да еще къ тому же съ какимъ презрѣніемъ относящіеся къ чужой работѣ. Другіе, видите ли, все мелочами занимаются, и только они призваны рѣшать великіе вопросы"... „Только что вернулся изъ С.-Пб.", пишетъ онъ 25-го іюня 1903 г., „куда ѣздилъ договариваться съ *** касательно затѣянныхъ мною реформъ всего здѣшняго начальнаго образованія, стоящаго здѣсь на вполнѣ незаконныхъ основаніяхъ, какъ, между прочимъ, стоитъ здѣсь и женское среднее воспитаніе, да и многое другое. Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ

С.-Пб., самое печальное. Хаосъ во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ самый невозможный. Что хотятъ сдѣлать изъ нашей средней школы, что сдѣлаютъ изъ университетовъ, никто не знаетъ, и ***, повидимому, менѣе другихъ. Говорятся красивыя рѣчи, слышатся патетическія воззванія, красиво ерошатся волосы, но даже признака дѣла не вижу. Лучшіе департаментскіе чиновники совершенно отчаялись и бѣгутъ изъ департамента цѣлой гурьбой. Даже сторожа махаютъ рукой и жалуются на «каторжную» жизнь». Говорятъ, однако, что такая путаница водворилась теперь не въ одномъ нашемъ министерствѣ, а будто бы во всѣхъ. О другихъ, конечно, судить не могу, но у насъ что-то творится странное. Въ округѣ Варшавскомъ тоже идетъ глухая борьба противъ меня за то, что я кое-что хочу поддержать и требую напр., чтобы за сочиненіе съ 40 орѳографическими ошибками (sic!) ставили не болѣе двойки и ужъ никакъ не 4. Очевидно, Вашъ М-ръ [1]) былъ бы здѣсь наиболѣе желательнымъ попечителемъ, а я, грѣшнымъ дѣломъ, одного директора, который позволилъ себѣ въ оффиціальной бумагѣ выбранить меня, указавъ на «сердечность» двухъ послѣднихъ попечителей, просилъ перевести въ другой округъ, гдѣ эта сердечность понимается въ желательномъ для этого директора смыслѣ. Думаю, однако, что министерство рѣшилось уважить мою просьбу только потому, что сей же директоръ натворилъ еще цѣлый рядъ незаконностей и признанъ ненормальнымъ и невмѣняемымъ. Но все же перевели его тоже на мѣсто директора. Просто уволить не дерзнули, ненормальныхъ людей теперь очень боятся".

Въ Польшѣ А. Н. старался защищать русскіе интересы, и изъ-за этого у него происходили тренія съ лицами, руководившими политикой. Такъ, въ письмѣ отъ 26-го февраля 1904 г. онъ говоритъ: „*** меня не тѣснилъ. Мы разошлись съ нимъ по вопросамъ политики, такъ какъ его поблажки полякамъ и особенно ж-амъ я считалъ несогласными съ русскими интересами, а онъ на нихъ настаивалъ". Въ письмѣ 24-го декабря 1904 г. онъ говоритъ на ту же тему: „ Самъ я пока ничего, но только ужъ очень много непріятностей. Поляки, благодаря ***—у, а теперь и ****—у, размечтались и, конечно, прежде всего направили все свое оружіе противъ школы, которую имъ хотѣлось бы сдѣлать польской. Согласиться съ ихъ требованіями я, конечно, не могу и борюсь, но вотъ поддержки изъ С.-Пб. не вижу. Въ

[1]) Разумѣется одинъ изъ профессоровъ Московскаго университета, нынѣ уже умершій.

январѣ, вѣроятно, поѣду поговорить съ министромъ и, чего добраго, попрошусь наконецъ на покой; вѣдь я, собственно говоря, 36 лѣтъ служу, пора и честь знать. Пусть поработаютъ болѣе молодые и болѣе—податливые". Объ этой поѣздкѣ въ министерство онъ писалъ мнѣ 17-го апрѣля 1905 г. слѣдующее: „Я дважды (въ январѣ и апрѣлѣ) вызываемъ былъ въ С.-Пб. для указанія того, что надлежитъ нашему ***—у говорить по вопросамъ о школѣ въ Царствѣ Польскомъ, оба раза много говорилъ и вообще по школьнымъ дѣламъ и постоянно встрѣчался съ такимъ малодушіемъ, съ такимъ страхомъ передъ совершенно ничтожными людишками, такой нерѣшительностью и, могу сказать, растерянностью, что приходилось только удивляться. А когда я предлагалъ взять отвѣтственность на себя и дѣйствовать на свой страхъ, мнѣ чинили всякія помѣхи или, когда я дѣлалъ что либо не спрашиваясь, парализовали всякое мѣропріятіе совсѣмъ безсмысленными распоряженіями. И уходить не даютъ, хотя я просилъ дважды помѣнять меня съ кѣмъ либо изъ членовъ Совѣта".

Какъ уже изъ этого видно, служить въ Варшавѣ А. Н—чу было тяжело, особенно въ то тревожное время около 1905 года, когда ему кромѣ того приходилось жить подъ угрозами. „Мнѣ", пишетъ онъ 17-го апрѣля 1905 г., „болѣе или менѣе теперь приходится принимать участіе въ злободневныхъ событіяхъ, и притомъ подъ постоянными угрозами: меня поляки очень не долюбливаютъ такъ же, какъ и здѣшніе россіяне, и, главное, за то, что я осмѣливаюсь почитать законъ за законъ. Этого впрочемъ и въ С.-Пб. не прощаютъ".

Какого рода были эти угрозы, видно изъ разсказа С. К., автора статьи объ А. Н—чѣ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1915 г. № 5 [1]). „Здѣсь (въ Варшавѣ) его засыпали гнусными анонимными письмами съ угрозами убить. И тутъ сказался характеръ А. Н.: онъ призвалъ къ себѣ «представителя» варшавскихъ студентовъ и сказалъ ему: «Вотъ когда я принимаю; вотъ когда я иду гулять въ университетскій садъ; вотъ мѣсто, гдѣ я сижу занимаясь. А затѣмъ избавьте меня отъ всей этой гадости». Благородство его духа дѣйствовало даже на его враговъ".

Конечно, все это вмѣстѣ взятое, должно было удручающимъ образомъ дѣйствовать даже на такого сильнаго духомъ человѣка, какъ А. Н. Правда, 24-го ноября 1902 г. онъ писалъ мнѣ: „Но меня все

---

[1]) Этого разсказа я самъ не слыхалъ отъ А. Н.; но С. К., одинъ изъ учениковъ А. Н—ча, говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ это отъ самого А. Н—ча.

это мало смущаетъ. Перефразируя слова матери Гете, могу смѣло сказать: „Nur gegen Unmöglichkeiten kann ich nicht kämpfen, und Unruhe im Gemüthe ist mir ärger als alle Polaken im ganzen Weichselgebiete—die haben mir noch keine einzige schlaflose Nacht gemacht". Но уже и въ концѣ этого письма онъ говоритъ: „Вообще, однако, живу, мыслю, читаю, старческихъ недуговъ еще не испытываю. Чего же мнѣ больше? А что жизнь устраивается не такъ, какъ бы хотѣлось, то что же тутъ сдѣлаешь? Τύχης τὰ θνητῶν πράγματ' οὐκ εὐβουλίας". Съ теченіемъ времени въ его письмахъ все чаще слышится нота недовольства его своей службой и желаніе уйти изъ Варшавы. Дошло до того, что онъ въ 1904 г. подавалъ прошеніе объ отставкѣ, и ему пришлось бы уйти, если бы не произошло крупной перемѣны въ министерствѣ. „Для меня", пишетъ онъ 13-го февраля 1904 года, „уходъ *** болѣе или менѣе пріятенъ, ибо, не уходи онъ, долженъ былъ бы уйти съ своего мѣста я". Въ концѣ своей службы въ Варшавѣ онъ писалъ мнѣ 17-го августа 1905 г.: „хуже [1]) я нигдѣ не чувствовалъ себя, несмотря на матеріальное обезпеченіе".

Наконецъ, исполнилось желаніе А. Н—ча: онъ былъ назначенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа; назначеніе это состоялось 6-го сентября 1905 года. По этому поводу онъ писалъ мнѣ изъ Варшавы 17-го августа 1905 г.: „Я не знаю, говорилъ ли я Вамъ, что всегда стремился въ Москву, но министры всѣ знали, что это самое завѣтное мое желаніе. Когда Боголѣповъ предлагалъ мнѣ на выборъ Варшаву или Ригу, я очень просилъ его любое изъ этихъ мѣстъ предоставить Исаенкову [2]), а меня назначить *помощникомъ* попечителя, но въ Москву. И это понятно. Я человѣкъ небогатый, стремленія къ почестямъ никогда не имѣлъ и, если бы не семья, никогда и не думалъ бы смѣнять профессорскую должность на что бы то ни было. Должность помощника меня бы отлично устроила, и я ея больше всего и желалъ: вторыя роли куда пріятнѣе первыхъ! Но судьба судила иначе. Предпочелъ я мѣсто попроще, въ Ригу, гдѣ вообще чувствовалъ себя хорошо и гдѣ нашелъ много истинныхъ друзей, съ которыми и понынѣ очень хорошъ. Ванновскому, однако, я понадобился въ Варшавѣ, и пришлось ѣхать сюда, хотя хуже я нигдѣ не чувствовалъ себя, несмотря на матеріальное обезпеченіе. Не мудрено поэтому, что я сильно рвался отсюда, и въ январѣ мѣ-

[1]) Т. е., чѣмъ въ Варшавѣ.

[2]) Разумѣется Владиміръ Дмитріевичъ Исаенковъ, тогдашній помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа.

сяцѣ, когда впервые Рахмановъ [1]) предупредилъ меня насчетъ ухода Некрасова [2]), я въ первый разъ въ своей жизни *просилъ* Московскаго мѣста у Глазова [3]). Глазовъ сначала былъ очень изумленъ—я, дѣйствительно, очень много теряю въ матеріальномъ отношеніи—а затѣмъ увѣрилъ меня, что Некрасовъ врядъ ли уйдетъ и т. п. Я считалъ мѣсто для себя потеряннымъ, ибо зналъ, что его домогается — — — **, слышалъ даже, что попечителемъ въ Москву не прочь перейти и *** въ виду того, что одно время его утѣснялъ ****. И вотъ совершенно для меня неожиданно 15-го іюля (въ день именинъ Глазова: онъ такъ и подгонялъ, чтобы, какъ онъ писалъ, въ день своихъ именинъ сдѣлать мнѣ удовольствіе) я получилъ предложеніе перейти, если продолжаю этого хотѣть, въ Москву. Само собою разумѣется, я согласился".

Пріѣхалъ въ Москву А. Н. около 8-го октября 1905 г., въ самое тревожное время. Я съ нимъ тотчасъ же увидался. Несмотря на всѣ печальныя событія, онъ мнѣ сказалъ: „А все-таки я очень радъ, что попалъ въ Москву". Но радость его продолжалась не долго. Я уже не помню, а отчасти и не знаю, всѣхъ подробностей этого безумнаго времени: хотя я не разъ видался и бесѣдовалъ съ А. Н—чемъ за этотъ періодъ, но онъ былъ такъ разстроенъ, что разспрашивать его я не рѣшался. Помню, какъ травили его въ газетахъ (особенно въ Русскихъ Вѣдомостяхъ и Русскомъ Словѣ) за его циркуляръ отъ 19-го октября 1905 г., разосланный директорамъ учебныхъ заведеній, которымъ онъ хотѣлъ воспрепятствовать безпорядкамъ въ учебныхъ заведеніяхъ [4]). Приведу слова С. К., автора статьи объ А. Н—чѣ

---

[1]) Разумѣется Василій Александровичъ Рахмановъ, служившій въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

[2]) Разумѣется Павелъ Алексѣевичъ Некрасовъ, бывшій тогда попечителемъ Московскаго учебнаго округа.

[3]) Разумѣется Владиміръ Гавріиловичъ Глазовъ, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія.

[4]) Въ газетахъ печатали письма родителей учениковъ съ порицаніемъ А. Н—ча. Помню, онъ мнѣ разсказывалъ, какъ одинъ изъ заправилъ Русскихъ Вѣдомостей, его родственникъ (не участвовавшій въ этой травлѣ), говорилъ ему: „у насъ въ редакціи есть много писемъ, написанныхъ въ защиту васъ, но мы ихъ не печатаемъ". Такъ и получалось впечатлѣніе, будто *всѣ* недовольны распоряженіями А. Н—ча. Одинъ разъ я прислалъ ему номеръ Русскаго Слова съ какой-то бранной статьей по его адресу, желая его освѣдомить объ этомъ. На это онъ мнѣ отвѣтилъ письмомъ 25-го октября: „Очень Вамъ благодаренъ за присылку №№ «Русскаго Слова», но я и такъ достаточно читаю ругни и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". Да и №№ другихъ

въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1915 г. № 5, повидимому, лучше меня освѣдомленнаго объ обстоятельствахъ того времени: „Еще не успѣлъ онъ пріѣхать сюда [въ Москву], какъ московскіе «освободители» подняли на него травлю: крѣпкая, непоколебимая мощь А. Н. была не по вкусу этимъ разрушителямъ закона и порядка. Имъ нужно было сломить его, и они воспользовались благородно взятою на себя А. Н. чужою виной, чужою неосмотрительностью и... его затравили. Теперь не время поднимать эту грязь, гдѣ было все, включая до низкаго воровства конфиденціальныхъ документовъ, до клеветы, до злоупотребленія именемъ нынѣ покойнаго Московскаго предводителя дворянства кн. П. Н. Трубецкого. А. Н. ушелъ изъ этой грязи, ушелъ чистымъ и благороднымъ джентльменомъ".

Заслуживалъ ли А. Н. брани за этотъ циркуляръ, предоставляю судить читателямъ и привожу его цѣликомъ:

„Господину Директору гимназіи.

Изъ полученныхъ мною за послѣднее время донесеній о безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго Учебнаго Округа, я, къ крайнему моему сожалѣнію, убѣдился, что начальники нѣкоторыхъ изъ этихъ заведеній, равно какъ и педагогическіе ихъ совѣты, проявили сплошь и рядомъ чрезмѣрную снисходительность, граничившую подчасъ съ попустительствомъ: молодежи не только предоставлена возможность безнаказанно нарушать правила школьной дисциплины и въ стѣнахъ заведенія устраивать недозволенныя сборища, но оставлялись безъ взысканій и производимыя ею на улицахъ безчинства; директора не только выслушивали устныя требованія, никакого отношенія къ школѣ не имѣющія, но принимали незаконныя „петиціи", давали дозволеніе выбирать «делегатовъ», предоставляли мальчикамъ помѣщенія для сходокъ, словомъ сказать съ излишней терпимостью относились къ явленіямъ безусловно недозволеннымъ и недозволительнымъ въ какомъ бы ни было правильно устроенномъ учебномъ заведеніи.

Позволяя себѣ думать, что всѣ такіе случаи забвенія учащими закона и разумныхъ требованій педагогики являются слѣдствіемъ случайной растерянности, обусловленной неожиданностью для нихъ и остротой новѣйшаго школьнаго движенія, и

газетъ мнѣ любезно тотчасъ же сообщаются различными «благожелателями». Къ чему Вамъ увеличивать ихъ число?"

пріостановивъ на нѣкоторое время занятія съ цѣлью дать учащимъ и учащимся время успокоиться, я считаю нужнымъ затѣмъ напомнить и тѣмъ и другимъ, что послѣ возобновленія занятій явленіямъ, хотя бы издалека напоминающимъ вышеупомянутыя, ни подъ какимъ видомъ не должно быть мѣста въ школѣ.

Привлеченіе родителей къ помощи въ данномъ случаѣ (см. предложеніе отъ 7-го марта сего года, за № 342) и обращеніе къ нимъ съ просьбой содѣйствовать успокоенію ихъ дѣтей, которымъ могутъ грозить тяжелыя послѣдствія, по моему мнѣнію, въ настоящее время особенно умѣстно; но если бы не смотря на дружныя усилія Ваши, педагогическаго совѣта ввѣреннаго Вамъ учебнаго заведенія и родителей, ученики возобновили попытки произвести безпорядки и не пожелали безпрекословно подчиниться предъявленнымъ Вами имъ отъ имени педагогическаго совѣта требованіямъ, я предлагаю Вамъ, Милостивый Государь, примѣнительно къ циркуляру отъ 26-го февраля, за № 4155, основанному на постановленіи особаго совѣщанія, образованнаго подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Ермолова, объявить всѣхъ такихъ учениковъ уволенными и въ остальномъ руководствоваться точно также указаніями означеннаго циркуляра. Въ случаяхъ же какого либо грубаго насилія со стороны учащихся я прошу Васъ обращаться ко мнѣ немедленно съ ходатайствомъ о закрытіи ввѣреннаго Вамъ учебнаго заведенія.

Не сомнѣваюсь, однако, что родители, особенно въ настоящее время, окажутъ должное воздѣйствіе на своихъ дѣтей и, взявъ на себя ходатайство о желательныхъ для нихъ улучшеніяхъ учебно-воспитательнаго дѣла, убѣдятъ молодыхъ людей, что въ школѣ, которая не можетъ терпѣть суеты, надлежитъ заниматься однимъ только дѣломъ,—ученьемъ".

Въ должности попечителя Московскаго учебнаго округа А. Н. пробылъ всего 2 мѣсяца съ небольшимъ (по 16-е ноября 1905 г.): министерство нар. просвѣщенія, во главѣ котораго тогда сталъ гр. И. И. Толстой, не только не защитило своего вѣрнаго слугу и не поддержало его вполнѣ законныхъ и цѣлесообразныхъ распоряженій, но напротивъ подало руку его противникамъ, и А. Н. долженъ былъ покинуть свой постъ (его „убрали", какъ онъ выражается въ письмѣ отъ 30-го декабря 1905 г.). Онъ былъ назначенъ сенаторомъ.

Это изгнаніе, конечно, подѣйствовало на А. Н-ча самымъ удручающимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что и „друзья", какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, отъ него отвернулись. Въ письмѣ отъ 28-го февраля 1906 года онъ съ горечью говоритъ: „Въ минуты, когда мнѣ было такъ тяжело, знаете ли Вы, кто изъ всѣхъ моихъ бывшихъ учениковъ, кромѣ Васъ, вспомнилъ объ этомъ и выразилъ мнѣ сочувствіе? Ѳедоръ Самаринъ и Алексѣй Маклаковъ! Кто бы могъ это подумать? Я очень былъ тронутъ.... Все-таки трое".

Значительно ухудшилось и матеріальное положеніе А. Н-ча. Въ письмѣ отъ 30-го декабря 1905 г. онъ говоритъ: „не только дали мнѣ низшее жалованье въ сенатѣ, но не дали, несмотря на формальное обѣщаніе гр. Толстаго, ни копѣйки на переѣздъ". Да и мѣсто въ сенатѣ, при тогдашнемъ общественномъ настроеніи, не было надежно. „Я пока еще въ сенатѣ", пишетъ онъ мнѣ 28-го февраля 1906 г., „хотя уже въ ожиданіи, что и это учрежденіе раскассируютъ: радикальныя газеты по крайней мѣрѣ на этомъ уже настаиваютъ. Если оставятъ профессорскую пенсію, тогда переберусь въ какой либо уѣздный городъ; если же и это обезпеченіе отниметъ революція, придется искать мѣсто учителя какого-нибудь предмета гдѣ-нибудь въ провинціи, такъ что ἐκτὸς ἐλπίδος γνώμης τ' ἐμῆς я, чего добраго, кончу преподаваніемъ французскаго или нѣмецкаго яз., подобно тому, какъ и началъ этимъ свою жизненную карьеру. Но что дѣлать: quod fors feret, feremus aequo animo".

Но, несмотря на это несчастіе, А. Н. сохранилъ свою обычную твердость духа. „Не думайте", пишетъ онъ мнѣ 13-го марта 1906 г., „что я нахожусь въ очень подавленномъ состояніи духа. Я не сознаю за собой ничего дурного, а, слѣдовательно, и не страдаю, твердо держась мнѣнія Симонида, что πάντα τοι καλά, τοῖσί τ' αἰσχρὰ μὴ μέμικται.... И, конечно, πάντων φάρμακα Ζεὺς μόνος ἔχει". Въ письмѣ отъ 5-го іюня 1906 г. онъ говоритъ: „въ общемъ я живу, какъ по нынѣшнимъ временамъ жить можно; живу, однако, впервые ἐμαυτῷ, οὐκ ἄλλοις". Этимъ вынужденнымъ досугомъ при всемъ тревожномъ политическомъ положеніи того времени, А. Н., какъ истинный ученый, воспользовался для научныхъ занятій, которыхъ, впрочемъ, онъ никогда не покидалъ. „Я предпочитаю", пишетъ онъ 1-го апрѣля 1906 года, „почитывать тексты, а весной думаю начать осмотръ новостей Эрмитажа по части антиковъ. Можетъ быть, кое-что позволятъ и издать". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ живо интересуется университетскимъ преподаваніемъ, почти въ каждомъ письмѣ задавая мнѣ вопросы относительно этого. „Прочелъ я",

пишетъ онъ 1-го апрѣля 1906 года, „что съ 10-го апрѣля возобновляются въ университетѣ чтенія. Скажите, пожалуйста, cui bono? Просто потому, что зазорно стало третій семестръ не читать совсѣмъ, или для пользы (?) слушателей? Откровенно говоря, я не понимаю Совѣта. Развѣ будете читать все лѣто?! Но въ это вѣдь не надо вѣрить, не правда ли? Еще: вѣрно ли, что мѣриломъ знанія греческаго языка будутъ служить Ἀπομνημονεύματα? Это собственно и очень мало, и очень много, если, конечно, испытывать серіозно. Отчего не Ἀνάβασις? Это было бы по мнѣ удобнѣе. Діалогъ всегда труднѣе. А кто назначилъ Саллюстія? Я бы и тутъ былъ скорѣе за Цицерона. Рѣшительно я надоѣдаю Вамъ. А все-таки откликнитесь“.

Но недолго торжествовали враги А. Н—ча: 6-го декабря 1907 г. онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Это признаніе его заслугъ послѣ нанесенной ему незаслуженной обиды очень его обрадовало. Въ отвѣтъ на мое поздравленіе съ этимъ назначеніемъ, А. Н. писалъ мнѣ 18-го декабря 1907 г. слѣдующее: „Отъ всей души благодарю Васъ за неизмѣнно доброе участіе и за любезное поздравленіе. Вообще я пересталъ обращать вниманіе на то, что у стоиковъ носитъ названіе τῶν οὐκ ἐφ' ἡμῖν, но въ данномъ случаѣ вниманіе свыше меня очень утѣшило. Постараюсь, по обыкновенію, τὸ δοθὲν ὑποκρίνασθαι πρόσωπον καλῶς· τοῦτο γὰρ ἐμόν ἐστιν, ἐκλέξασθαι δ' αὐτὸ ἄλλου“.

1-го января 1908 г. А. Н. былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ вполнѣ сознавалъ трудность этой должности и занялъ ее въ высшей степени неохотно, почти противъ своей воли (мнѣ это достовѣрно извѣстно). 20-го января 1908 года онъ писалъ мнѣ: „Скверное дѣло возложено на мои плечи. Вы и представить не можете, чего только не надѣлалъ ***. — — —. А расхлебывать приходится мнѣ. Постараюсь сдѣлать, что могу, и надѣюсь, что въ виду моего независимаго образа мыслей меня не долго будутъ мучить, отпустятъ съ миромъ“.

Вступивъ на высшій административный постъ, А. Н. принесъ съ собою ясный умъ, благородство, твердость, полную самостоятельность („независимый образъ мыслей“, какъ онъ самъ выражается), большую работоспособность, замѣчательное знаніе педагогическаго дѣла и точное соблюденіе закона: министромъ-законникомъ называли его даже его политическіе враги. Помимо спеціальной учености, онъ обладалъ и большимъ общимъ образованіемъ: между прочимъ, онъ свободно говорилъ по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, зналъ и по-итальянски. Среднюю и высшую школу онъ зналъ по собственному

опыту, пройдя всѣ ея ступени, начиная со скромной должности преподавателя гимназіи. Такимъ министромъ могла бы гордиться любая страна!...

Главной заботой А. Н—ча на министерскомъ посту было упорядоченіе разныхъ сторонъ школы высшей и средней, расшатанной при его предшественникахъ; на это и была направлена главнымъ образомъ его дѣятельность. „При немъ былъ разработанъ новый университетскій уставъ и представленъ въ законодательныя учрежденія. Былъ внесенъ законопроектъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей среднихъ мужскихъ и женскихъ школъ, составленъ новый уставъ гимназій, переработанъ уставъ женскихъ семинарій, изготовленъ проектъ высшихъ начальныхъ четырехклассныхъ училищъ и обращено особое вниманіе на всеобщее обученіе и широкое развитіе начальнаго просвѣщенія" (Новое Время 7-го января 1915 г. № 13945).

Я коснусь здѣсь вкратцѣ проекта „Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ", „Положенія о гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" и „Положенія о подготовительныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія".

Въ своемъ проектѣ университетскаго устава А. Н. въ общемъ старается использовать опытъ въ примѣненіи устава 1884 года. Его уставъ—не какая либо фантазія, возникшая въ головѣ не знающаго дѣла законодателя; это—необыкновенно стройное зданіе, гдѣ всякая мелочь глубоко обдумана великимъ знатокомъ дѣла, теоретикомъ и практикомъ вмѣстѣ, постоянно опирающимся на опытъ. Не даромъ въ „Объяснительной запискѣ" къ этому проекту безпрестанно встрѣчаются выраженія: „опытъ прошлаго показалъ", „какъ показываетъ опытъ", „какъ показываетъ долгій опытъ западныхъ университетовъ" и т. п. Прежде всего опредѣляется общая цѣль университетовъ—„содѣйствовать развитію наукъ въ Россійскомъ Государствѣ и сообщать лицамъ, надлежаще къ тому подготовленнымъ, какъ общее такъ и спеціальное высшее образованіе и способствовать приготовленію ихъ къ дѣятельности на различныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія, требующихъ научной подготовки". Затѣмъ опредѣляется отношеніе университетовъ къ высшей правительственной власти: министру ввѣряется не только главное начальство надъ университетами, какъ учрежденіями государственными, но и общее ими руководство,—какъ для объединенія дѣятельности всѣхъ университетовъ на почвѣ устава, такъ и, въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ уставомъ, для сообразованія ихъ дѣятельности съ общегосударствен-

ными цѣлями и нуждами, истолкователемъ которыхъ и является министръ. Попечителю присвоиваются главнымъ образомъ функціи контроля и надзора за дѣятельностью университета. Во главѣ университета стоитъ ректоръ, избираемый совѣтомъ университета на 3 года и могущій быть переизбираемымъ; его избраніе считается состоявшимся, если въ пользу кандидата на эту должность подано больше половины голосовъ присутствующихъ членовъ, которыхъ въ засѣданіи должно присутствовать не менѣе $^3/_4$ общаго числа членовъ совѣта; ректоръ утверждается министромъ; въ случаѣ неутвержденія его, совѣтъ избираетъ другое лицо; въ случаѣ неутвержденія и этого лица, министръ своею властью назначаетъ ректора. Ректору ввѣряется завѣдываніе всѣми частями университетскаго управленія; къ числу обязанностей ректора относится также наблюдать за закономѣрностью постановленій совѣта и правленія и, въ случаѣ незаконности ихъ, доводить объ этомъ до свѣдѣнія попечителя. Въ помощь ректору совѣтомъ избирается на тѣхъ же условіяхъ проректоръ. Во главѣ каждаго факультета стоитъ деканъ, избираемый факультетомъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и ректоръ, но на 4 года, съ правомъ переизбранія; онъ такой же носитель власти въ факультетѣ, какъ ректоръ въ университетѣ; онъ также наблюдаетъ за закономѣрностью постановленій факультета и обязанъ, въ случаѣ ихъ незаконности, доводить объ этомъ до свѣдѣнія попечителя черезъ ректора. Онъ также утверждается министромъ, который въ случаѣ неутвержденія второго избраннаго факультетомъ лица, назначаетъ декана своею властью. „Во всемъ, что касается дѣятельности единоличныхъ органовъ университетскаго управленія, проектъ устава задается цѣлью внести больше опредѣленности, точно установляя объемъ власти, свойство обязанностей и характеръ отвѣтственности для каждаго изъ должностныхъ лицъ въ университетѣ. То же начало точнаго опредѣленія предметовъ вѣдомства и строгаго разграниченія предѣловъ дѣятельности каждаго учрежденія полагается проектомъ и въ основу устройства коллегіальныхъ органовъ университетскаго управленія. Такъ, вся внутренняя учено-учебная дѣятельность сосредоточивается въ факультетахъ; совѣту подлежатъ дѣла, касающіяся университета, какъ цѣлаго учрежденія; всѣ хозяйственныя дѣла сосредоточены въ правленіи“ (Объяснительная записка, стр. 29).

„Соединеніе нѣсколькихъ коллегіальныхъ органовъ подъ главенствомъ одного изъ нихъ, какъ показалъ опытъ, ведетъ къ послѣдствіямъ, невыгоднымъ для благосостоянія университета. Подчиненіе

факультетовъ и правленія совѣту, какъ центральному органу университетскаго управленія, съ одной стороны, лишая факультеты и правленіе самостоятельности въ рѣшеніи дѣлъ, подлежащихъ непосредственно ихъ компетенціи, ослабляетъ въ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе отвѣтственности за свою дѣятельность; съ другой стороны, совѣтъ, принимая на себя разрѣшеніе дѣлъ, касающихся всѣхъ сторонъ жизни университета, принужденъ въ большинствѣ случаевъ рѣшать эти дѣла не по существу, за отсутствіемъ въ составѣ его членовъ болѣе компетентныхъ, чѣмъ тѣ же члены факультетовъ и правленія, но по соображеніямъ чисто внѣшняго свойства, обыкновенно—согласно тому или иному настроенію совѣтскаго большинства, нерѣдко притомъ случайнаго" (Объяснит. зап., стр. 29—30). „Именно въ цѣляхъ возвышенія активнаго начала въ дѣятельности университетовъ и усиленія въ ней элемента сознательности и планомѣрности, въ соотвѣтствіи съ основными задачами университета, проектъ и предлагаетъ точное разграниченіе сферъ дѣятельности коллегіальныхъ органовъ университетскаго управленія, предоставляя каждому изъ нихъ въ своей сферѣ проявлять необходимыя иниціативу и самостоятельность и принимать на себя отвѣтственность за свои дѣйствія" (Объяснит. зап., стр. 30). Поэтому „факультетамъ предоставляется право пополнять свой личный составъ независимо отъ совѣта; факультеты избираютъ кандидатовъ на профессорскія и доцентскія должности и представляютъ ихъ на утвержденіе министра" (Объяснит. зап., 30) и вообще „пользуются широкою независимостью во всемъ, что касается ихъ спеціальной дѣятельности" (Об. зап., 31); лишь по вопросамъ общаго научнаго значенія, какъ напримѣръ объ измѣненіяхъ въ составѣ каѳедръ, о дарованіи высшихъ ученыхъ степеней, факультеты „представляютъ свои предположенія и рѣшенія на обсужденіе совѣта", а „по дѣламъ, затрогивающимъ матеріальные интересы университета, факультеты обращаются въ правленіе" (Об. зап., 31). „Совѣтъ является органомъ университета, какъ цѣлаго учрежденія. Поэтому предметомъ вѣдѣнія Совѣта прежде всего служатъ дѣла, имѣющія общее научное значеніе, какъ вопросы объ измѣненіяхъ въ составѣ каѳедръ и объ ученыхъ степеняхъ". „Затѣмъ совѣту принадлежитъ избраніе должностныхъ лицъ, несущихъ обязанности обще-университетскаго характера",—ректора, проректора, секретаря совѣта и его помощниковъ, библіотекаря и его помощниковъ (Об. зап., 31). „Въ отличіе отъ прежнихъ уставовъ проектъ новаго устава членами совѣта предполагаетъ лишь ординарныхъ профессоровъ по слѣдующимъ осно-

ваніямъ. Представлять университетъ какъ цѣлое и быть истинными выразителями его общаго направленія могутъ только члены профессорской коллегіи, вполнѣ уже сложившіеся въ научномъ отношеніи, сжившіеся съ университетомъ и его традиціями, а не молодые, только начинающіе свою дѣятельность профессоры. Кромѣ того, этимъ послѣднимъ надо еще много и долго работать, пока они вполнѣ не овладѣютъ преподаваемымъ ими предметомъ". „Наконецъ, нельзя не считаться также съ тѣмъ обстоятельствомъ, что многолюдный совѣтъ, состоящій изъ лицъ съ крайне разнообразными воззрѣніями и темпераментами, въ дѣйствительности вовсе не служитъ гарантіей обстоятельности, безпристрастія и быстроты рѣшенія дѣлъ" (Об. зап., 32). „Всѣ хозяйственныя и денежныя дѣла университета сосредоточиваются въ правленіи. Въ виду сложности и разнообразія университетскаго хозяйства, составъ правленія усиливается новой должностью «совѣтника по хозяйственной части», назначаемаго властью Министра" (Об. зап., 32).

„Въ устройствѣ учебной части главнѣйшія отличія проекта отъ дѣйствующаго нынѣ устава составляютъ: болѣе широкая организація факультетовъ по составу каѳедръ и количеству преподавателей, измѣненная система факультетскихъ учебныхъ плановъ и новый порядокъ испытаній для оканчивающихъ курсъ университета" (Об. зап., 33). Проектъ „придаетъ особое значеніе тому, чтобы организація преподаванія, по существу единая для всѣхъ университетовъ, отличалась вмѣстѣ съ тѣмъ гибкостью и приспособленностью какъ къ мѣстнымъ нуждамъ, такъ и къ вновь назрѣвающимъ научнымъ потребностямъ" (Об. зап., 34). „Поэтому проектъ не прикрѣпляетъ въ самомъ уставѣ опредѣленное число преподавателей къ каждой каѳедрѣ и къ цѣлому факультету; штатомъ каждаго университета опредѣляется лишь общее число всѣхъ преподавателей, профессоровъ и доцентовъ, для всего университета, сообразно примѣрному распредѣленію ихъ по факультетамъ и каѳедрамъ: но затѣмъ каждый университетъ распредѣляетъ преподавателей согласно дѣйствительнымъ нуждамъ и потребностямъ каждаго факультета и каждой каѳедры". „Въ тѣхъ же цѣляхъ Министру, по ходатайствамъ факультетовъ, предоставляется право, въ предѣлахъ имѣющихся денежныхъ средствъ, штатныхъ и спеціальныхъ, соединять и раздѣлять каѳедры, учреждать новыя, переносить ихъ съ одного факультета на другой" и даже „переводить временно свободные преподавательскіе оклады изъ одного университета въ другой" и „учреждать сверхштатныя профессорскія и доцентскія должности" (Об. зап., 34—35). Что касается системы препода-

ванія и порядка испытаній, то проектъ, въ виду того, что „дѣйствительность не оправдала всѣхъ тѣхъ надеждъ, какія возлагались въ теоріи на предметную систему", сохраняетъ ее, „но вводитъ ее въ опредѣленныя границы" (Об. зап., 36). „Съ одной стороны для того, чтобы избѣжать излишне узкой спеціализаціи учебныхъ плановъ и случайности ихъ возникновенія, съ другой—также въ цѣляхъ обезпеченія общегосударственныхъ интересовъ, общіе учебные планы, одинаковые для всѣхъ университетовъ въ основныхъ своихъ чертахъ, установляются министромъ народнаго просвѣщенія". Разработка этихъ плановъ въ подробностяхъ предоставляется факультетамъ. Факультеты должны также принять мѣры къ упорядоченію студенческихъ занятій: выработать порядокъ слушанія студентами курсовъ, равно какъ и распредѣленіе обязательныхъ практическихъ занятій, связанныхъ съ этими курсами, въ нѣсколькихъ варіантахъ, и притомъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, предоставляя возможность студентамъ избирать по своему усмотрѣнію тотъ или другой варіантъ. „То же самое относится и къ испытаніямъ, порядокъ коихъ и предѣльные сроки установляются факультетами, въ соотвѣтствіи съ порядкомъ курсовъ" (Об. зап., 37). Испытанія должны производиться два раза въ годъ—въ началѣ и концѣ учебнаго года. Срокъ пребыванія въ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ 5—7 лѣтъ, на остальныхъ факультетахъ 4—6 лѣтъ. „Что касается способа производства испытаній учащимся въ университетѣ, то проектъ новаго устава возвращается въ этомъ отношеніи частью къ порядку, существовавшему по уставу 1863 г., т. е. къ экзаменамъ университетскимъ. Научныя испытанія учащимся въ университетахъ должны производить сами университеты, при помощи факультетскихъ комиссій; эти испытанія могутъ и должны удостовѣрять надлежащую научную подготовленность окончившихъ курсъ университета" (Об. зап., 39). „Студентамъ, выдержавшимъ испытанія въ полномъ объемѣ по одному изъ установленныхъ плановъ, выдаются соотвѣтственные дипломы на званіе кандидата или дѣйствительнаго студента, а по медицинскому факультету—на званіе кандидата медицинскихъ наукъ съ отличіемъ (cum eximia laude) и кандидата медицинскихъ наукъ" (Проектъ, ст. 108). „Означенные дипломы даютъ право на соисканіе высшихъ ученыхъ степеней и на занятіе должностей по учебной части въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ". „Никакихъ иныхъ правъ и преимуществъ означенные дипломы не даютъ" (Проектъ, ст. 109). Для лицъ, получившихъ университетскіе дипломы и желаю-

щихъ поступить на государственную службу по какому либо вѣдомству (кромѣ учебныхъ должностей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), должны быть установлены особые государственные экзамены, организуемые примѣнительно къ спеціальнымъ потребностямъ каждаго отдѣльнаго вѣдомства и совершенно отдѣленные отъ университетовъ. Такимъ образомъ, всѣ права и преимущества, нынѣ связанныя съ университетскимъ дипломомъ, новымъ проектомъ отмѣняются. „Университетъ станетъ исключительно разсадникомъ знаній, и, хотя фактически за лицами, окончившими курсъ высшихъ наукъ, останется преимущество передъ лицами, такого образованія не получившими“, но „оно будетъ опираться главнымъ образомъ на начала нравственныя и умственныя. Была, дѣйствительно, пора, когда правительству приходилось искусственно увеличивать число лицъ съ высшимъ образованіемъ, надѣляя ихъ особыми правами и преимуществами, но въ настоящее время, съ подъемомъ образовательныхъ потребностей, нѣтъ основаній думать, чтобы русскіе университеты нуждались въ поддержкѣ такого свойства. Примѣръ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, переполненныхъ учащимися, независимо отъ того, сообщаютъ ли они права или нѣтъ, служитъ ручательствомъ, что въ настоящее время перемѣна въ значеніи дипломовъ не грозитъ и университетамъ уменьшеніемъ числа слушателей“ (Об. зап., 41).

Относительно преподавательскаго персонала въ университетахъ проектъ считаетъ необходимымъ принять рѣшительныя мѣры, чтобы обезопасить университеты отъ оскудѣнія научными силами. „Мѣры эти могутъ быть двоякаго свойства: однѣ — направленныя къ тому, чтобы сдѣлать профессорскую службу болѣе привлекательной, другія—къ тому, чтобы расширить кругъ тѣхъ лицъ, изъ которыхъ пополняется профессорская коллегія. Проектъ новаго устава считаетъ необходимымъ принять мѣры того и другого порядка. Къ первымъ относится улучшеніе матеріальнаго положенія профессоровъ. Съ этою цѣлью увеличивается получаемый ими окладъ содержанія и вводятся сверхъ того двѣ прибавки за выслугу двухъ пятилѣтій. Затѣмъ, чтобы обезпечить болѣе равномѣрное и быстрое повышеніе профессоровъ изъ экстраординарныхъ въ ординарные, счетъ ординатуръ и экстраординатуръ устанавливается не по отдѣльнымъ факультетамъ, а по цѣлому университету“ (Об. зап., 42). Къ этимъ же мѣрамъ относится и право факультетовъ пополнять профессорскую коллегію: „выборное начало въ этомъ случаѣ признается основнымъ правиломъ, назначеніе же властью министра оставляется лишь какъ исключительное

средство для борьбы съ явною партійностью или съ забвеніемъ общегосударственныхъ интересовъ въ средѣ коллегіи“ (Об. зап., 43). Къ мѣрамъ второго рода проектъ относитъ возстановленіе должности штатнаго доцента и расширеніе состава должностныхъ лицъ, состоящихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, какъ то: ассистентовъ, лаборантовъ, хранителей и т. п., вслѣдствіе чего создаются достаточно обезпеченное матеріальное положеніе и благопріятныя условія къ спеціальной подготовкѣ для молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя научнымъ занятіямъ. Но вмѣстѣ съ этимъ проектъ считаетъ необходимымъ принять мѣры къ тому, чтобы каѳедры замѣщались лицами, дѣйствительно достойными въ научномъ отношеніи и работоспособными. Въ силу этихъ соображеній проектомъ „сохраняются обѣ высшія степени магистра и доктора на тѣхъ факультетахъ, гдѣ онѣ полагались раньше, и онѣ же распространяются и на медицинскіе факультеты, гдѣ ихъ не было, при чемъ необходимымъ условіемъ для профессуры проектъ по прежнему ставитъ обладаніе докторскою степенью, а отъ доцентовъ и приватъ-доцентовъ одинаково требуется, по крайней мѣрѣ, степень магистра“ (Об. зап., 43). „Наличность двухъ степеней даетъ больше ручательствъ въ томъ, что лицо, ихъ получившее, дѣйствительно представляетъ изъ себя научную силу“ (Об. зап., 44). „Съ возсозданіемъ должности доцента устраняется необходимость въ принятіи искусственныхъ мѣръ къ развитію приватъ-доцентуры, а посему право быть приватъ-доцентами предоставляется только лицамъ, имѣющимъ ученыя степени, и профессорамъ высшихъ учебныхъ заведеній“; магистранты „это право утрачиваютъ“ (Об. зап., 45). Званіе ординарнаго и экстраординарнаго профессора сохраняется.

Относительно учащихся проектируются слѣдующія мѣры: „Опытъ прошлаго показалъ, что университетамъ не подъ силу воспитательныя задачи по отношенію къ студенчеству: разрѣшить ихъ хотя сколько-нибудь удовлетворительно не удалось ни уставу 1863 г. съ его профессорскими дисциплинарными судами, ни уставу 1884 г. съ его прочно поставленной и широко развитой инспекціей“ (Об. зап., 45—6). Поэтому университетъ „подчиняетъ студентовъ дѣйствію общихъ законовъ, отказываясь съ своей стороны отъ принятія какихъ бы то ни было воспитательныхъ мѣръ и ограждая себя только отъ присутствія въ средѣ слушателей элементовъ явно порочныхъ“ (Об. зап., 47). Для надзора за соблюденіемъ порядка учащимися въ университетскихъ зданіяхъ учреждаются „факультетскіе приставы“.

„Въ случаѣ нарушенія студентами или посторонними слушателями порядка въ университетѣ и неповиновенія распоряженіямъ учебнаго начальства, ректоръ, а за его отсутствіемъ проректоръ, при безуспѣшности сдѣланнаго внушенія, требуетъ немедленно содѣйствія мѣстной полиціи для возстановленія порядка и удаленія виновныхъ и неповинующихся изъ зданія университета“ (Проектъ, ст. 154). „Внѣ зданій университета студенты подлежатъ вѣдѣнію полицейскихъ установленій на общемъ основаніи“ (Проектъ, ст. 155). „Подчиняя студентовъ дѣйствію общихъ законовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они нарушаютъ порядокъ, проектъ вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ вмѣшательство университета и въ тѣхъ случаяхъ, когда студенты хотятъ на общемъ основаніи воспользоваться правами, предоставляемыми общими законами, какъ право образовывать общества и устраивать собранія. Университетъ въ этомъ случаѣ ставитъ лишь одно условіе, чтобы права эти были использованы внѣ стѣнъ университета; въ стѣнахъ же его онъ не можетъ допустить какихъ бы то ни было студенческихъ собраній, кромѣ обычныхъ собраній для слушанія лекцій и для практическихъ занятій. Точно также университетъ не можетъ допускать внутри своихъ стѣнъ дѣятельности какихъ бы то ни было студенческихъ обществъ и организацій, какъ не имѣющихъ прямого отношенія къ учебному дѣлу“ (Об. зап., 48). „Какъ показываетъ долгій опытъ западныхъ университетовъ, студенческія общества и собранія могутъ существовать и внѣ стѣнъ университетовъ и при этомъ съ гораздо большей пользой какъ для университетовъ, такъ и для самихъ учащихся“ (Об. зап., 49). „Наши университеты именно особо настоятельно требуютъ скорѣйшаго установленія этого порядка. Какъ показала дѣйствительность, въ нашихъ университетахъ уже много лѣтъ властно дѣйствуетъ студенческая сходка“. „Пора, наконецъ, прекратить въ университетахъ господство студенческой сходки, пора у политической смуты отнять университеты, которыми она пользуется, какъ своими надежными цитаделями. Пора установить незыблемымъ закономъ, что наши университеты существуютъ только для науки и ученія“ (Об. зап., 50). „Въ студенты университетовъ могутъ быть принимаемы лишь лица, успѣшно окончившія курсъ мужскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія или же получившія отъ таковыхъ гимназій свидѣтельства о выдержаніи испытаній по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса въ полномъ объемѣ“ (Об. зап., 50), такъ какъ подготовка къ университету дается лишь гимназіями, а другія среднія учебныя заведенія, имѣя цѣлью глав-

нымъ образомъ какое-нибудь спеціальное образованіе, не могутъ давать общаго образованія, достаточнаго для университета". „Гонораръ, поступающій со студентовъ въ пользу преподавателей, проектомъ новаго устава отмѣняется" (Об. зап., 51), а плата, вносимая студентами за ученье, поступаетъ частью въ казну, частью въ спеціальныя средства университетовъ; плата эта опредѣляется для столичныхъ университетовъ въ 150 руб. въ годъ, для провинціальныхъ въ 100 руб.

Проектъ „Положенія о гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія", выработанный А. Н—чемъ, такъ же, какъ и проектъ университетскаго устава, основывается на опытѣ прежнихъ лѣтъ и въ частности на наблюденіяхъ самого А. Н—ча. Несмотря на то, что онъ самъ былъ спеціалистомъ по древнимъ языкамъ и твердо вѣрилъ въ высокое гуманитарное значеніе классицизма [1]), онъ, однако, допускалъ гимназію и безъ древнихъ языковъ, полагая, что „гуманитарное образованіе можно дать при помощи изученія новыхъ языковъ, изученія литературъ, исторіи, и этимъ путемъ тоже подготовить умъ юношей къ высшимъ занятіямъ" (Приложеніе къ проекту положенія о гимназіяхъ, стр. 3). Въ виду этого имъ проектируется „объединеніе гимназій и реальныхъ училищъ въ одну общеобразовательную группу *гимназій* съ одинаковой продолжительностью курса (9-тилѣтней, считая и приготовительный), съ общими программами по Закону Божію, логикѣ, русскому языку, французскому языку, исторіи, географіи, математикѣ, физикѣ, началамъ естествовѣдѣнія и рисованія, съ развѣтвленіемъ на 3 вида: 1) съ двумя древними языками, 2) съ латинскимъ и 3) безъ древнихъ языковъ, но съ усиленными программами по новымъ языкамъ, естествовѣдѣнію и рисованію" (Прилож., стр. 14).

„Нельзя ограничиться однимъ какимъ либо видомъ гимназій и лишить науку въ Россіи тѣхъ питательныхъ соковъ, въ которыхъ она такъ нуждается. Нельзя предрѣшить, сколько гимназій того или иного рода должно быть въ Россіи, но необходимо установить нѣкоторое между ними соотношеніе. Тѣ гимназіи, которыя будутъ содержаться *всецѣло* на мѣстныя средства, должны устраиваться сообразно желанію учредителей, но отъ гимназій, въ содержаніи коихъ будетъ принимать участіе государственная казна, должно ожидать удовлетворенія потребностей общегосударственныхъ. Не признавая

---

[1]) См. объ этомъ ниже.

достигающимъ цѣли опредѣленіе числа гимназій того или иного ряда въ отношеніи къ числу всѣхъ существующихъ и открываемыхъ въ Россіи гимназій (процентъ), нельзя не согласиться, однако, съ тѣмъ, что по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ, гдѣ будетъ больше трехъ гимназій, жители должны имѣть возможность выбирать гимназію съ двумя древними или съ латинскимъ или только съ новыми языками, соотвѣтственно способностямъ и наклонностямъ дѣтей" (Прил.. 32).

„Гимназіи могутъ быть учреждаемы въ составѣ шести старшихъ (III—VIII) классовъ. Приготовительный и первые два младшихъ класса гимназіи, открытые отдѣльно отъ гимназіи, составляютъ трехклассное подготовительное училище" (Полож. о гимн., ст. 6, пр. 2). Гимназіи всѣхъ трехъ типовъ даютъ право на поступленіе въ высшее учебное заведеніе; только для поступающихъ на историко-филологическій факультетъ необходимо знаніе хотя бы одного древняго—латинскаго языка. Для связи средней школы съ низшей устанавливается единство программъ въ первыхъ двухъ классахъ гимназій и высшихъ начальныхъ училищъ и организуются трехклассныя подготовительныя училища: такимъ образомъ, „гимназіи входятъ въ систему другихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній: въ 1 классъ шестиклассныхъ и въ 3 восьмиклассныхъ гимназій могутъ поступать прошедшіе первые два класса высшаго начальнаго училища" (Прил., стр. 14) и окончившіе трехклассное подготовительное училище. „Каждый классъ гимназій получаетъ отдѣльнаго класснаго наставника изъ преподавателей, имѣющихъ не болѣе 18 уроковъ и остающихся все классное время въ учебномъ заведеніи" (Прил., стр. 15), вслѣдствіе чего должность помощниковъ классныхъ наставниковъ упраздняется. Обращается серьезное вниманіе на физическое развитіе учащихся. Такъ какъ Россія по своему разнообразію климатическихъ и соединенныхъ съ этимъ условій, по разнородному племенному составу не можетъ ограничиться какимъ либо однимъ учебнымъ планомъ, то необходимо въ извѣстныхъ предѣлахъ допустить разнообразіе, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія дѣлать измѣненія разнаго рода. Для этого желательно было бы, чтобы педагоги разрабатывали вопросы, вызываемые практикой учебныхъ заведеній. Правительство и законодательныя учрежденія будутъ имѣть возможность изъ этихъ трудовъ близко знакомиться съ отдѣльными вопросами. Для этой цѣли было бы полезно ввести, какъ обязательное правило, въ жизнь средней школы съѣзды директоровъ учебныхъ заведеній по округамъ въ опредѣлен-

ные періоды. Въ виду необходимости для государства всякаго рода учрежденій, содѣйствующихъ распространенію спеціальныхъ техническихъ знаній и умѣній, правительство учреждаетъ разныя высшія, среднія и низшія техническія учебныя заведенія. „Но въ основѣ всѣхъ такихъ учрежденій лежатъ общеобразовательные курсы, и чѣмъ лучше организована школа средняя общеобразовательная, тѣмъ лучше и выше школы техническія и университеты и высшія спеціальныя учебныя заведенія. Удовлетворить потребность средняго образованія, въ полномъ ея объемѣ, казна не можетъ въ виду размѣра тѣхъ средствъ, которыя необходимы для этого,—и желательно поддержать иниціативу и привлечь къ близкому участію само общество и отдѣльныхъ членовъ его, знаніе, опытъ и энергія которыхъ въ дѣлѣ устройства учебныхъ заведеній могутъ быть полезны. Казна можетъ принять нѣкоторое участіе послѣдовательнымъ открытіемъ гимназій, содержимыхъ на ея средства или при вспомоществованіи изъ мѣстныхъ источниковъ, но, несомнѣнно, еще съ большей пользой для дѣла она могла бы поддерживать общества и даже отдѣльныхъ лицъ, принимая на свой счетъ только не свыше третьей части штатнаго содержанія гимназіи, что составитъ около 10.000 руб. въ годъ" (Прил., стр. 20). „Категорію гимназій, содержимыхъ на мѣстныя средства, необходимо развить и укрѣпить" (Прил., стр. 21). „Все развитіе средняго образованія въ Россіи въ данное время возможно при условіи постояннаго участія общества; послѣднее должно имѣть при гимназіяхъ своихъ уполномоченныхъ, которые, совмѣстно съ представителями учебнаго начальства, могли бы завѣдывать хозяйственной частью, указывать кандидатовъ на должности начальствующихъ лицъ, давать отзывы о кандидатахъ на должности преподавателей, возбуждать ходатайства по устройству учебной и воспитательной части. Такіе попечительные совѣты могутъ быть полезны и высшему учебному начальству" (Прил., стр. 23).

Но, „предоставляя широкое участіе въ жизни учебнаго заведенія общественнымъ учрежденіямъ, которыя даютъ средства полностью или частью на содержаніе гимназіи, проектъ Положенія, въ то же время, признаетъ необходимымъ, чтобы педагогическій совѣтъ былъ въ должной мѣрѣ самостоятеленъ и независимъ въ своихъ педагогическихъ сужденіяхъ объ учащихся, о пріемахъ обученія и воспитанія ихъ. Вслѣдствіе этого изъ не учителей гимназіи въ составъ педагогическаго совѣта включенъ только почетный попечитель" (Прил., стр. 47). „Присутствіе въ педагогическомъ совѣтѣ лицъ, которыя не несутъ

и не могутъ нести отвѣтственности за рѣшенія его, представляется ненормальнымъ" (Прил., стр. 48). „Педагогическій совѣтъ долженъ быть самостоятеленъ въ своихъ сужденіяхъ, а контроль правительственный и общественный должны осуществляться черезъ установленіе служебной отвѣтственности за неисполненіе требуемаго правительствомъ, — черезъ попечительный совѣтъ, составленный изъ довѣренныхъ отъ общественныхъ учрежденій, и которому предоставляются широкія права надзора и вліянія на жизнь всего учебнаго заведенія, — черезъ педагогическія общества и печать специальную и общую" (Прил., стр. 48).

Проектъ обращаетъ серьезное вниманіе и на женское образованіе. „Нынѣ существующія женскія прогимназіи съ учительскимъ персоналомъ, слабо подготовленнымъ для веденія средней школы, разстраиваютъ систему средняго образованія. Онѣ должны быть замѣнены женскими высшими начальными училищами, дающими законченное образованіе тому классу лицъ женскаго пола, которыя по своимъ умственнымъ способностямъ, культурнымъ привычкамъ, матеріальному положенію не ищутъ средняго, а тѣмъ болѣе высшаго образованія". (Прил., стр. 25). „Женскія же гимназіи ——— должны имѣть въ общемъ одинаковое съ мужскими гимназіями устройство учебной и воспитательной части и руководствоваться однимъ и тѣмъ же Положеніемъ" (Прил., стр. 25). Эти новыя гимназіи проектъ предлагаетъ вводить постепенно: „представляемое Положеніе слѣдуетъ примѣнить къ тѣмъ женскимъ гимназіямъ, которыя должны быть открыты при участіи государственнаго казначейства на первое время въ наиболѣе крупныхъ центрахъ—губернскихъ городахъ" (Прил., стр. 26). „Опытъ цѣлаго ряда женскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ во главѣ стоитъ лицо женскаго пола и является фактической распорядительницей, свидѣтельствуетъ, что женщина можетъ нести всѣ обязанности, возлагаемыя на директора. Если, согласно нынѣ дѣйствующимъ постановленіямъ, въ женскихъ гимназіяхъ назначались особые предсѣдатели педагогическихъ совѣтовъ, то это вызывалось недостаткомъ лицъ женскаго пола съ высшимъ образованіемъ, знакомыхъ съ педагогической и административной практикой въ учебныхъ заведеніяхъ. Нынѣ нѣтъ уже недостатка въ лицахъ женскаго пола съ высшимъ образованіемъ, обладающихъ опытомъ и умѣніемъ. Начальницѣ и преподавательницамъ, которыя обладаютъ тѣмъ же образовательнымъ и педагогическимъ цензомъ, что и мужчины, нѣтъ основанія дѣлать какія либо ограниченія въ отношеніи вознагражденія и пенсіи" (Прил., стр. 26).

„Вопросъ о совмѣстномъ обученіи не введенъ въ Положеніе, но требованіе жизни заставляетъ имѣть его въ виду. Въ иныхъ случаяхъ, когда средствъ у населенія мало, и когда имѣется возможность открыть только одну мужскую гимназію, и населеніе будетъ просить о допущеніи учеництъ въ мужскую гимназію на свободныя вакансіи, быть можетъ, и окажется возможнымъ осуществить ходатайство населенія“ (Прил., стр. 31—32).

Кромѣ такихъ крупныхъ законодательныхъ мѣропріятій, какъ проекты уставовъ, министерская дѣятельность А. Н—ча проявилась въ цѣломъ рядѣ циркуляровъ. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ, имѣющіе принципіальное значеніе.

Сдѣланы измѣненія относительно пріема въ студенты и вольнослушатели университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Такъ, циркуляромъ 16-го мая 1908 г. № 12179 отмѣненъ льготный пріемъ семинаристовъ, окончившихъ полный курсъ 6 классовъ, и распространены на нихъ тѣ условія пріема въ студенты университетовъ, которыя были установлены для окончившихъ курсъ 4 общеобразовательныхъ классовъ, т. е. дополнительныя испытанія по математикѣ, физикѣ и одному изъ новыхъ языковъ. Тѣмъ же циркуляромъ было сдѣлано напоминаніе, что лица женскаго пола ни въ коемъ случаѣ не принимаются въ число постороннихъ слушателей, и лишь по Высочайшему повелѣнію отъ 29-го октября 1908 г. было разрѣшено „допущеннымъ по настоящее время, вслѣдствіе неправильнаго толкованія закона, въ высшія учебныя заведенія, въ качествѣ постороннихъ слушательницъ, лицамъ женскаго пола окончаніе слушанія курса на одинаковыхъ съ посторонними слушателями условіяхъ“ [1]) (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1908 г. № 10 стр. 106 и 1908 г. № 12 стр. 42). По постановленіямъ совѣта министровъ,

[1]) Въ поясненіе этого циркуляра, доставившаго много ненависти А. Н—чу несмотря на его полную законность, приведу слѣдующую выдержку изъ письма А. Н-ча ко мнѣ отъ 30-го августа 1908 года: „Что касается постороннихъ слушательницъ, то откровенно говоря, тутъ и вопроса никакого нѣтъ: наблудили гг. профессора, надули барышень (въ Спб. напр. имъ даже дѣлали „зачеты“ и выдавали экзаменаціонные листы, имѣя въ виду „будущій“ законъ И. И. Толстого, т. е. исходя non de legė lata, sed de lege ferenda),—имъ и поправлять дѣло. И Казанскимъ и Харьковскимъ профессорамъ я уже отвѣчалъ, что, по моему, они или должны устроить переходъ дѣвушекъ на высшіе женскіе курсы, или дочитать имъ то, что *они имъ, а не государство, обѣщали*, въ любомъ помѣщеніи города. Но видно, это имъ не по вкусу. И вотъ почему у Васъ предусмотрительный *** заранѣе позаботился устроить барышень“.

Высочайше утвержденнымъ 16-го сентября 1908 г. и 22-го августа 1909 г., были установлены процентныя нормы для пріема евреевъ въ высшія и среднія учебныя заведенія (*Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1908 г. № 11 стр. 4 и 1909 г. № 11 стр. 3).

Циркуляромъ отъ 2-го марта 1908 г. № 5970 производство переводныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, возстановленное еще циркуляромъ предшествующаго министра отъ 15-го марта 1907 г., было признано безусловно необходимымъ и на будущее время, и были выработаны временныя правила для этихъ испытаній (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1908 г. № 4 стр. 51 и сл.), а потомъ циркуляромъ отъ 12-го февраля 1910 года № 4168 правила эти въ измѣненной формѣ были окончательно утверждены (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1910 г. № 4 стр. 65 и слѣд.).

Въ циркулярѣ отъ 14-го іюля 1908 года № 17085 указывается, что „нѣкоторые университеты, вводя, такъ называемую, предметную систему преподаванія и экзаменовъ, допустили такое дробленіе факультетскихъ предметовъ по спеціальностямъ, при которомъ оканчивающіе курсъ историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ не могутъ получить настолько полнаго научнаго образованія, чтобы занимать должности преподавателей гимназій или реальныхъ училищъ по соотвѣтствующимъ разрядамъ наукъ“. Въ виду этого предписывается опредѣлять на учительскія должности въ среднія учебныя заведенія лишь такихъ лицъ, „которыя представятъ дипломы, свидѣтельствующіе о прохожденіи сими лицами курса и выдержаніи испытаній по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые требуются соотвѣтствующими программами испытательныхъ комиссій, установленными въ 1896 году“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1908 г. № 9 стр. 82).

Циркуляромъ отъ 24-го февраля 1910 года № 5600 точнѣе опредѣляются правила для выдачи диплома первой степени экзаменующимся въ государственныхъ испытательныхъ комиссіяхъ при университетахъ, а именно предписывается выставлять въ дипломѣ отмѣтки по предметамъ полукурсового испытанія отдѣльно отъ отмѣтокъ по предметамъ комиссіоннаго испытанія и присуждать дипломъ первой степени тѣмъ лицамъ, у которыхъ въ каждой изъ этихъ группъ въ отдѣльности болѣе половины отмѣтокъ будетъ „весьма удовлетворительно“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1910 г. № 4 стр. 72).

Въ особомъ журналѣ совѣта министровъ 26-го февраля 1908 г. сказано, что „родительскіе совѣщанія и комитеты, введенные почти

повсемѣстно въ цѣляхъ сближенія семьи со школою, далеко не вездѣ ведутъ къ упорядоченію школьной жизни". „Въ нѣкоторыхъ округахъ дѣятельность родительскихъ совѣщаній и комитетовъ, составъ коихъ совершенно случаенъ, пріобрѣла нежелательное направленіе и служитъ источникомъ безпорядковъ и волненій въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, при которыхъ они образованы". Вслѣдствіе этого „министерствомъ народнаго просвѣщенія указано, что, въ случаѣ нарушенія порядка въ учебныхъ заведеніяхъ, допущеннаго предсѣдателями родительскихъ комитетовъ или ихъ замѣстителями при посѣщеніи ими уроковъ или экзаменовъ или въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ и хозяйственныхъ комитетовъ, директора подлежащихъ учебныхъ заведеній обязаны принимать соотвѣтствующія мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка; въ частности же, имъ предложено не допускать на обсужденіе родительскихъ совѣщаній и комитетовъ вопросовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ компетенціи названныхъ учрежденій". Въ виду этого Высочайше утвержденнымъ 23-го марта 1908 г. положеніемъ совѣта министровъ постановлено: предоставить министру народнаго просвѣщенія право, въ случаѣ обнаруженія въ дѣятельности имѣющихся при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ родительскихъ совѣщаній и комитетовъ какихъ либо нарушеній порядка, несовмѣстныхъ съ правильнымъ ходомъ учебной жизни, закрывать совѣщанія и комитеты, допустившіе подобные безпорядки" (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1908 г. № 6 стр. 59 и слѣд.).

Циркуляромъ отъ 14-го іюля 1908 г. № 17084 предложено начальствамъ высшихъ учебныхъ заведеній не допускать дѣятельности институтовъ студенческаго представительства (факультетскихъ старостъ, факультетскихъ представителей и т. п.), такъ какъ избраніе студентами факультетскихъ старостъ и представителей дѣйствующими узаконеніями и правилами не предусмотрѣно (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1908 г. № 8 стр. 81).

По отношенію къ преподаванію древнихъ языковъ важны два слѣдующіе циркуляра: отъ 4-го февраля 1908 г. № 3045 объ уменьшеніи числа уроковъ по греческому языку до трехъ въ V, VI и VII классахъ гимназій, въ которыхъ греческій языкъ необязателенъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1908 г. № 4 стр. 50); отъ 1-го сентября 1908 г. № 21918, которымъ предоставляется университетамъ право принимать въ студенты историко-филологическаго факультета лицъ, не знающихъ греческаго языка, съ обязательствомъ въ теченіе первыхъ

двухъ семестровъ выдержать соотвѣтствующее испытаніе по этому предмету (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1908 г. № 10 стр. 107).

Изъ событій во время министерства А. Н—ча отмѣтимъ его три выступленія съ рѣчами въ Государственной Думѣ, особенно въ первый годъ его службы 10-го іюня 1908 года [1]).

Но и находясь на высшихъ административныхъ постахъ, А. Н. удѣлялъ время научнымъ занятіямъ классической филологіей. Объ этомъ мнѣ извѣстно изъ его писемъ, на это же указываетъ масса книгъ въ его библіотекѣ, пріобрѣтенныхъ и прочитанныхъ имъ за время его попечительства и министерства; объ этомъ, наконецъ, свидѣтельствуютъ статьи, написанныя имъ за послѣдніе годы, когда онъ уже покинулъ постъ министра и былъ членомъ государственнаго совѣта, въ которомъ онъ тоже много работалъ, особенно по вопросамъ школы. Даже въ послѣднемъ своемъ письмѣ ко мнѣ, написанномъ за двѣ недѣли до смерти, 23-го декабря 1914 года, онъ говоритъ: „Пока живу, работаю, много читаю, готовлюсь къ засѣданіямъ государственнаго совѣта, въ этой сессіи котораго пойдетъ много нашихъ дѣлъ, вообще не лѣнюсь“.

Но ему не суждено было поработать дольше на благо родины, которую онъ горячо любилъ. А какъ много онъ принесъ бы еще пользы своимъ громаднымъ опытомъ и знаніемъ школы, работая въ государственномъ совѣтѣ!

Какъ министръ, А. Н. не пользовался популярностью, несмотря на то, что его мѣропріятія были и разумны и законны; но онъ не умѣлъ и не хотѣлъ приспособляться ко вкусамъ толпы; онъ это вполнѣ сознавалъ: „именно потому такъ я и ненавистенъ, что иду путемъ закона“, писалъ онъ мнѣ 30-го августа 1908 г. [2]). Газеты лѣваго на-

---

[1]) Рѣчь эта напечатана въ стенографическомъ отчетѣ Государственной Думы третьяго созыва, сессія I, засѣданіе 32, столб. 2738—2750.

[2]) Вообще уваженіе къ закону было одной изъ отличительныхъ чертъ А. Н—ча: мнѣніе Платона о томъ, что „законъ долженъ быть господиномъ правителей, а правители должны быть рабами закона“ („Законы“, IV, гл. 7), вошло въ его плоть и кровь. „Мое неукоснительное слѣдованіе по пути закона“, говоритъ онъ, „никогда въ Россіи не встрѣчавшее симпатіи со стороны полуобразованнаго общества, за последнее время вмѣняется намъ, строгимъ почитателямъ закона, чуть ли не въ преступленіе“. Въ этомъ стремленіи къ законности поддерживалъ его человѣкъ, занимавшій тогда очень высокій административный постъ. „Аккомодація къ общественному не мнѣнію, а настроенію“, писалъ онъ ему, „въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія была бы самымъ тривіальнымъ и безплоднымъ оппортунизмомъ. И въ этомъ дѣлѣ надо путь держать по звѣздамъ, а не по блуждающимъ огнямъ!—Повѣрьте, не изъ донкихотства,

правленія его бранили, но А. Н. не обращалъ на это вниманія: „меня вся газетная ругань и травля очень мало смущаетъ", говоритъ онъ въ письмѣ 30-го августа 1908 г. Въ письмахъ отъ 22-го іюня 1909 г. и 31-го августа 1909 г. онъ повторяетъ ту же мысль: „Я впрочемъ пока держусь. Несмотря на совсѣмъ невозможную брань и клевету, которыми меня преслѣдуютъ, несмотря на почти непосильную работу, я еще въ силахъ исполнять свои обязанности". „И Вы, и Л. напрасно думаете, будто я такъ ужъ тревожусь бранью газетъ по моему адресу. Я, наоборотъ, донельзя равнодушенъ къ ней, тѣмъ болѣе, что газетъ вообще читаю очень мало".

Гораздо болѣе огорчала А. Н—ча невозможность привести школу въ порядокъ при тогдашнемъ положеніи вещей. Онъ еще и раньше держался мнѣнія, что „сверху дѣлать можно очень мало; чтобы видѣть успѣхъ, надо стоять у самого дѣла" (письмо изъ Варшавы отъ 26-го декабря 1902 г.). Теперь онъ на практикѣ убѣдился въ этомъ. „И помочь ничѣмъ невозможно", пишетъ онъ 24-го декабря 1909 г., „ибо ничего путнаго — — — не проведешь, а съ существующими правилами, ведущими свое начало отъ 1905 г., и съ разными распоряженіями г-на ***, что же можно сдѣлать? Съѣзжаются напр. сейчасъ ко мнѣ разные предсѣдатели экзаменаціонныхъ комиссій, и разсказы ихъ по истинѣ повергаютъ меня въ отчаяніе. Образовалъ теперь особую университетскую (перманентную) коммиссію для разбора разныхъ университетскихъ дѣлъ. Посмотримъ, чѣмъ можно горю помочь, но думается, что университеты въ ихъ теперешнемъ видѣ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ какіе-то гніющіе трупы".

Неудивительно поэтому, что А. Н. чувствовалъ себя очень утомленнымъ. И непосильная работа, и это сознаніе невозможности что либо сдѣлать, и, наконецъ, болѣзнь сердца, при которой его врачъ ему совѣтовалъ „чаще отдыхать и не волноваться, совѣтъ очень хорошій, но неисполнимый по моей должности" (какъ пишетъ А. Н. 24-го декабря 1909 г.),—все это заставило его желать оставить свою должность. „Очень былъ бы радъ отъ нея отдѣлаться", говоритъ онъ въ томъ же письмѣ отъ 24-го декабря 1909 г., „но, увы, меня не пускаютъ. — — — Очень бы хотѣлось поскорѣе бросить все и скрыться

какъ Вы намекаете, я Васъ поддерживаю и буду поддерживать, а изъ-за убѣжденія, что всякаго человѣка, который въ настоящее время рѣшится повернуть школу на путь законности, изгнать изъ нея всякую нечисть, будутъ гнать и травить и оцѣнять только впослѣдствіи".

въ нѣдрахъ государственнаго совѣта. Пора мнѣ успокоиться: какъ ни какъ, а 62 года. Надо дать мѣсто другимъ". „Я, откровенно говоря, очень усталъ", пишетъ онъ 17-го апрѣля 1910 г. „Передъ самой Пасхой сдалъ въ совѣтъ министровъ положеніе о частныхъ школахъ и теперь переработалъ, такъ сказать, въ основныхъ чертахъ весь XI томъ. При текущихъ дѣлахъ и хлопотахъ—это довольно значительный Stück Arbeit. Въ то, чтобъ изъ этого вышло что либо путное для Россіи, я не вѣрю — стоитъ только вспомнить, что сдѣлала — — — —изъ проекта о начальныхъ училищахъ—но съ меня этого тре-овали, и я постарался facere, quod potui. А затѣмъ мечтаю объ одномъ, поскорѣе провалиться въ нѣдрахъ Государственнаго Совѣта". Въ письмѣ отъ 19-го іюня 1910 г. онъ говоритъ: „Что сказать Вамъ о себѣ? Что я ухожу, это Вы знаете уже, вѣроятно, изъ газетъ. С—нъ долго меня удерживалъ (я прошусь на покой еще съ декабря), сейчасъ немного упирается ***, но принципіально вопросъ рѣшенъ. Причина—плохое здоровье [1]). Хотя я ни одного дня не пропустилъ по службѣ, но съ декабря страдалъ такъ же, какъ въ Варшавѣ, нарушеніемъ компенсаціи въ дѣятельности сердца подъ вліяніемъ склероза аорты. Какъ мнѣ Богъ помогъ выпутаться и на этотъ разъ, не знаю, но, надо думать, спасъ суровый режимъ: 6 мѣсяцевъ на одномъ молокѣ и сухаряхъ, теперь съ очень легкимъ обѣдомъ и все на томъ же молокѣ. Какова должна быть будущая жизнь, поймите изъ слѣдующаго: жары избѣгать, у моря не жить, по горамъ не ходить, вообще не двигаться по возможности, рѣзкихъ движеній во всякомъ случаѣ не дѣлать, не волноваться ни подъ какимъ видомъ, и многоглаголанія избѣгать. Хорошо? Лучше всего при такихъ условіяхъ было бы вернуться въ сенатъ, но я уже сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта; значитъ, тамъ и надо сложить свои кости... Россія, какъ пишутъ «Русскія Вѣдомости», конечно, возликуетъ. Возликуетъ, по показанію «Новаго Времени», давно уже—Въ имени моемъ звукъ чуждый

---

[1]) Среди публики былъ тогда распространенъ слухъ, что А. Н. покидаетъ свой постъ вслѣдствіе несогласія во взглядахъ съ П. А. Столыпинымъ. Это вѣрно, но лишь отчасти. Небольшія разногласія между ними были, но они были причиной лишь второстепенной, лишь ускорившей рѣшеніе А. Н—ча оставить министерство. Но они разстались дружелюбно. Въ сентябрѣ 1911 г., когда П. А. Столыпинъ былъ раненъ Богровымъ въ Кіевѣ, А. Н. писалъ: „Это покушеніе потрясло меня до глубины души. Несмотря на всѣ несогласія, я любилъ его сердечно и мнѣ было очень тяжело при мысли, что въ послѣднее время изъ-за столкновенія въ государств. совѣтѣ, въ которомъ я былъ рѣшительно противъ него, онъ могъ считать меня своимъ противникомъ принципіальнымъ, а, чего добраго, личнымъ. Вотъ почему я тотчасъ же

не взлюбя—преслѣдующаго меня—и С.-Петербургская бюрократія [1]). Какъ и почтенный мой прадѣдъ, я не сумѣлъ угодить никому, такъ какъ позволилъ себѣ смѣть свое сужденіе имѣть [2]). Еще одинъ неудачный министръ, скажете Вы. Вѣрно, хотя я все-таки представилъ схему всего образованія во всей совокупности. Много значило также создать новыя формы дѣятельности вѣдомства при законодательныхъ учрежденіяхъ: одно составленіе смѣтъ и оправдательныхъ къ нимъ документовъ какого потребовало труда, а, пожалуй, и искусства! Безъ хвастовства скажу, что при такихъ условіяхъ мѣсяцъ надо считать за годъ, а я пробылъ на этомъ проклятомъ посту $2^1/_2$ года. Ищутъ теперь новаго министра. До 15-го іюля я останусь, съ 15-го іюля по 1-е сентября мнѣ даютъ отпускъ, а 1-го сентября будетъ назначенъ новый министръ. Пора, я очень усталъ. Могу сказать, какъ Пушкинъ:

Давно, усталый рабъ, задумалъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ

(кажется, такъ; нѣтъ подъ рукой книги)".

Свою дѣятельность онъ опредѣляетъ еще въ письмѣ отъ 5-го іюля 1910 г.: „одно я признаю за собой достоинство, это то, что я,

---

отправилъ ему телеграмму такого содержанія: «До самой глубины потрясенъ ужаснымъ злодѣйствомъ. Храни Васъ Богъ, дорогой П. А.»".

[1]) А. Н. имѣетъ въ виду здѣсь, конечно, то обстоятельство, что „С.-Пб. бюрократія" видѣла въ немъ homінem novum,—человѣка, чуждаго ей по духу. „Моя откровенность", говоритъ А. Н. въ другомъ мѣстѣ, „представлялась имъ, вѣроятно, наивностью, быть можетъ, уловкой, а привычка исходить изъ извѣстныхъ основныхъ положеній—неумѣстнымъ педантизмомъ ученаго. Не даромъ я всегда утверждалъ, что произносимое ***-мъ неизмѣнно съ презрительной усмѣшкой слово „профессоръ" въ устахъ большинства — — — имѣетъ значеніе чуть ли не ругательнаго слова". Между прочимъ, А. Н. уже въ первый день своего пребыванія въ должности министра нанесъ, по незнанію этикета, обиду одному изъ видныхъ сановниковъ: онъ сдѣлалъ ему визитъ въ Новый Годъ и оставилъ визитную карточку, на которой значилось: „Членъ Государственнаго Совѣта". Однако это обидѣло сановника, потому что А. Н., какъ оказалось, долженъ былъ по установленному этикету сдѣлать ему два визита,—какъ членъ государственнаго совѣта и какъ министръ особо.

[2]) О своемъ независимомъ образѣ мыслей, чуждомъ партійности, А. Н. не разъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ, напр. еще въ письмѣ 19-го октября 1910 г. по поводу статьи въ газетѣ „Земщина", гдѣ восхваляется его министерская дѣятельность: „Съ удивленіемъ прочелъ восторженный гимнъ Пуришкевича изъ «Земщины». — — — Удивительно только, что «Земщина» согласилась напечатать его: я вѣдь одинаково не любимъ и правыми, какъ и лѣвыми. Развѣ теперь можно смѣть *свое* сужденіе имѣть?! Тираннія партій и у насъ, какъ и индѣ, посильнѣе тиранніи абсолютизма"... Но, видно, правые сумѣли оцѣнить министра-законника!

положа руку на сердце, могу утверждать всегдашнее у меня стремленіе честно и добросовѣстно, по мѣрѣ силъ и умѣнья, дѣлать свое дѣло, какъ бы мало оно ни было [1]). Если исключить 2 года сенаторства, то 40 лѣтъ я отдалъ просвѣщенію россійскаго юношества. Достаточно longum aevi spatium! Грустно, что за это мало кто скажетъ мнѣ спасибо, но все же есть люди подобные и Вамъ, а я въ этомъ случаѣ вѣрю Гераклиту и εἷς ἐμοὶ μύριοι, ἐὰν ἄριστος ᾖ".

Наконецъ, желаніе А. Н—ча „скрыться въ нѣдрахъ государственнаго совѣта" исполнилось: 25-го сентября 1910 года онъ покинулъ постъ министра и остался лишь членомъ государственнаго совѣта. „Перемѣна въ моей судьбѣ", пишетъ онъ мнѣ 20-го октября 1910 г., „меня не огорчаетъ, а радуетъ". Но и въ государственномъ совѣтѣ А. Н. не оставался празднымъ: и здѣсь его привычка къ труду и желаніе исполнить свой долгъ добросовѣстно заставляли его много работать. Въ некрологѣ А. Н—ча, помѣщенномъ въ „Петроградскихъ Вѣд." 1915 г., № 5, говорится слѣдующее: „Въ бытность членомъ государственнаго совѣта, А. Н. Шварцъ принималъ самое дѣятельное участіе въ занятіяхъ государственнаго совѣта. Онъ состоялъ предсѣдателемъ большинства комиссій, обсуждавшихъ вопросы народнаго образованія. А. Н. Шварцъ избирался также неоднократно и предсѣдателемъ согласительныхъ комиссій по разногласіямъ, возникавшимъ между государственной думой и государственнымъ совѣтомъ, при чемъ не разъ проявилъ благожелательное отношеніе къ думскимъ проектамъ".

О своихъ работахъ въ государственномъ совѣтѣ онъ писалъ мнѣ много разъ. „Что до меня", пишетъ онъ 22-го декабря 1910 г., „то я, слава Богу, теперь—надолго ли, не знаю—избавился отъ своихъ хворей, отдохнулъ, ежедневно много хожу и, хотя усердно готовлюсь къ засѣданіямъ въ государственномъ совѣтѣ, но, слава Богу, какъ безпартійный, не попалъ въ коммиссіи, гдѣ идетъ главная работа, и потому имѣю досугъ, который трачу на освѣженіе своихъ свѣдѣній по филологіи". Но въ скоромъ времени ему пришлось попасть и въ комиссіи государственнаго совѣта. Уже въ письмѣ отъ 14-го іюня 1911 г. онъ мнѣ сообщаетъ: „Я былъ очень занятъ. Цѣлый рядъ моихъ законопроектовъ поступаетъ теперь — — — въ государственный совѣтъ и, такъ какъ я вошелъ въ составъ его коммиссіи по народному образо-

[1]) Въ другомъ мѣстѣ А. Н. говоритъ о себѣ такъ: „Я никогда не дѣлалъ никакого дѣла на половину и присягу понималъ всегда, понимаю и сейчасъ не въ смыслѣ исполненія долга за страхъ, но и за совѣсть".

ванію или, гдѣ не вошелъ, приглашаюсь къ участію въ трудахъ другихъ коммиссій, то мнѣ не мало было хлопотъ. — — — Разъ получаешь жалованье, надо по мѣрѣ силъ дѣлать Государево дѣло и отстаивать по мѣрѣ разумѣнія государственные интересы. Это дѣлать я и стараюсь". „Что до меня", пишетъ онъ 9-го декабря 1911 г., „то я не безъ удовольствія помышляю о праздникахъ. Въ нынѣшнюю сессію дѣла было по горло. При работѣ въ коммиссіяхъ приходится въ государственномъ совѣтѣ сидѣть ежедневно по 5 часовъ, а иногда и по 2 раза въ день, причемъ готовиться приходится по ночамъ. Даже газетъ, а не только книгъ, читать не приходится. Такая интенсивная работа по всякаго рода уставамъ очень утомляетъ, ибо для ума даетъ мало... Жажду почитать и по поводу одной книги пописать о Өукидидѣ". Тѣ же мысли онъ повторяетъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, отъ 24-го декабря 1911 г.: „Я, должно быть, спасаюсь продолжительными ежедневными прогулками, но послѣднее время чувствую себя утомленнымъ. У насъ около 5 недѣль были ежедневныя засѣданія въ государственномъ совѣтѣ и мнѣ приходилось очень много готовиться. Въ концѣ концовъ жизнь съ уставами, законопроектами и т. п. страшно надоѣдаетъ. А между тѣмъ такая же работа предстоитъ собственно мнѣ и на праздникахъ и до конца сессіи. Заняться Өукидидомъ—я Вамъ писалъ, что задумалъ кое-что написать о немъ—придется уже лѣтомъ". Почти то же сообщаетъ онъ и въ письмѣ отъ 23-го марта 1912 г.: „Я эту зиму былъ очень занятъ и до сихъ поръ еще не вижу конца своей законодательной дѣятельности, такъ какъ на Өоминой или слѣдующей за тѣмъ недѣлѣ долженъ буду еще разъ выступать въ роли докладчика и много готовиться. Поэтому грековъ читаю мало и вяло даже слѣжу за литературой". Даже значительная часть лѣта этого года была занята работой, „Вы уже въ своихъ Ессентукахъ", пишетъ онъ мнѣ 17-го іюня 1912 г., „а я все еще чуть ли не ежедневно въ государственномъ совѣтѣ. Не знаю, какъ было раньше, но сейчасъ для работоспособныхъ членовъ государственнаго совѣта работы страшно много. Правда, я никакъ не могу еще примириться, при ничего не дѣланіи, съ полученіемъ зря жалованья, — — — но что дѣлать, привычка. Впрочемъ, и то сказать: большинство законопроектовъ или, лучше сказать, всѣ законопроекты, проходившіе въ нынѣшнемъ году въ государственномъ совѣтѣ, внесены были мной, мной выняньчены и, конечно, меня больше всего и интересовали. Я ихъ и въ государственномъ совѣтѣ старался наилучшимъ образомъ отдѣлать и очистить отъ— — —. Поэтому,

должно быть, и усталъ сверхъ мѣры. Думаю, однако, что если посижу спокойно въ кабинетѣ за дорогими для меня классиками, поменьше буду видѣть людей и меньше буду возиться съ §§ уставовъ, то и отдохну соотвѣтственно".

То же продолжалось и въ 1913 г. Въ письмѣ отъ 14-го апрѣля 1913 г. онъ говоритъ: „1913 годъ мнѣ не въ руку. Все хвораютъ мои жена и дочь, да и у самого сердце опять пошаливаетъ. А дѣла было не мало. Въ коммиссіи, гдѣ на этотъ разъ я былъ предсѣдателемъ (въ государственномъ совѣтѣ это очень хлопотливая обязанность), разсматривался мой законопроектъ о частныхъ училищахъ (все идутъ *мои* законопроекты) и 4 законопроекта по инииціативѣ государственной думы. Возни было очень много, да и всю Пасху буду сидѣть надъ докладами по этимъ вопросамъ. — — — Вы скажете, что вольно же мнѣ безпокоиться, но горбатаго исправитъ только могила". Въ письмѣ отъ 17-го іюня 1913 г. онъ опять говоритъ на ту же тему: „Мы еще засѣдаемъ и все еще возимся съ думскими законопроектами, многіе изъ коихъ — — — именно касаются министерства народнаго просвѣщенія, а, слѣдовательно, и меня. Говорятъ, числу къ 1-му іюля, а, можетъ быть, 10-му насъ распустятъ. Повидимому, 8 мѣсяцевъ работы не особенно много, но для дѣятельности законодательной, какъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, это и не мало. Вниманіе къ §§ и пп. законовъ очень трудно удерживается, а вниманіе это необходимо хотя бы для того, чтобъ представить себѣ послѣдствія каждаго изъ нихъ. Къ тому же мы всѣ и старики, сильно потрепанные прежней службой.... Я по крайней мѣрѣ не дождусь, когда удастся отрѣшиться отъ законовъ и почитать что либо въ своей излюбленной области, за каковымъ занятіемъ я лучше всего отдыхаю". Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 28-го іюня 1913 г. онъ опять говоритъ: „Мы все еще сидимъ, хотя С.-Петербургъ прикидывается Неаполемъ и у насъ сегодня напр. (при вѣтеркѣ впрочемъ) на солнцѣ 36°. по Реомюру, въ тѣни 24; а вчера та же жара была безъ вѣтра, такъ просто не знали, что дѣлать. Говорятъ; распустятъ 3-го или 4-го. Пора! Изъ 200 человѣкъ насъ вѣдь не болѣе 80-ти, такъ что къ концу, какъ и въ думѣ, не будетъ, пожалуй, даже кворума. Вы, конечно, правы и въ томъ, что надо мной все посмѣиваетесь [1]). Что дѣлать, все хочется исполнять свой долгъ: такъ ужъ пріучили меня

[1]) Я впрочемъ никогда не смѣялся надъ А. Н., а лишь жалѣлъ, что онъ такъ много работаетъ, и совѣтовалъ ему беречь себя.

съ юныхъ лѣтъ англичане. Вотъ и донкихотствуешь... А, конечно, людямъ одинъ смѣхъ. Особенно типичный — — —, знаменитый ***, такъ и зоветъ меня «мечтателемъ»".

Конечно, такая тяжелая работа не могла не отразиться дурно на здоровьѣ А. Н—ча. Въ письмѣ отъ 11-го августа 1913 г. онъ говоритъ: „Къ сожалѣнію, нынѣшнимъ лѣтомъ я все какъ-то не могу оправиться отъ зимней усталости. Уже мѣсяцъ и 5 дней прошло со времени, когда я прочелъ послѣдній докладъ этой сессіи, а все еще мозгъ функціонируетъ какъ-то вяло и думать не хочется. Началъ было для Бузескула [1]) разборъ одного мѣста «Политики» Аристотеля, да какъ-то вяло пишется и все не клеится. Для развлеченія читалъ антологію [2]), которой очень увлекся, но и все... Посмотримъ, какова будетъ осень, но вообще и не хочется писать, да, думается, и не для чего. Очевидно, приходитъ настоящая старость и, если еще не вполнѣ я нахожусь ἐπὶ γήραος οὐδῷ, то все же и близко къ нему"....

Такъ наступилъ 1914 годъ, послѣдній годъ жизни А. Н—ча. Несмотря на свои годы и болѣзнь, онъ попрежнему работаетъ. Въ письмѣ отъ 3-го февраля 1914 г. онъ говоритъ: „Вы хотите знать о моемъ житьѣ-бытьѣ. Не знаю только, что сказать о времяпрепровожденіи старика, свыше сорока лѣтъ несшаго тяжкую государственную службу и изъ-за хлѣба насущнаго 30 лѣтъ отправлявшаго 2, а подчасъ 3 должности. Несомнѣнно, если и былъ конь, то изъѣздился... Теперь, по выраженію поэта, приходится все чаще помышлять о часѣ, когда «путникъ лягу на ночлегѣ, въ пристань плаватель войду». Силы, однако, еще есть и, какъ и прежде, служу за совѣсть и изучаю дѣла, спорю, по крайней мѣрѣ въ коммиссіяхъ, и кладу голосъ не по указкѣ лидера (я принадлежу, какъ всегда, къ группѣ *внѣ*-партійныхъ), но, такъ сказать, доходя до всего своимъ умомъ. Въ часы досуга много думаю объ издавна занимавшихъ меня филологическихъ вопросахъ и, вѣроятно, еще написалъ бы, если бы меня куда звали писать. Въ общемъ живу по стариковски и ежедневно славословлю Господа за то, что вижу своими глазами, ходить могу на своихъ ногахъ и могу, какъ думаютъ и мои теперешніе товарищи, разсуждать здраво и самостоятельно. Чего же требовать болѣе? Огор-

---

[1]) Разумѣется проф. Харьковскаго университета В. П. Бузескулъ; для сборника статей въ честь его А. Н. и хотѣлъ написать указанную имъ статью; такъ она и не была написана.

[2]) А. Н. разумѣетъ, конечно, греческую (Палатинскую) антологію.

чаютъ меня—и очень—хворь моихъ: жены и дочери, послѣднее особенно время рѣдко бывающихъ здоровыми, несмотря на постоянныя поѣздки въ Сочи, Ялту и за границу, и въ значительной степени также нестроенія нашей родины".

Даже въ послѣднемъ своемъ письмѣ, написанномъ всего за 2 недѣли до смерти, 23-го декабря 1914 г., А. Н. говоритъ о своихъ работахъ: „Вы спрашиваете обо мнѣ. Что сказать Вамъ? Шалитъ опять сердце и аорта, такъ что ходить почти не приходится, но лѣчусь. Можетъ быть, врачи и помогутъ. Но вѣдь и года мои не маленькіе. Пора и честь знать. Сверстники мои сходятъ въ могилу одинъ за другимъ. Фортунатовъ, Миллеръ, Кулаковскій—всѣ скончались въ одинъ какой-нибудь годъ, а мы всѣ родились въ 48..... Пока живу, работаю, много читаю, готовлюсь къ засѣданіямъ государственнаго совѣта, въ этой сессіи котораго пойдетъ много нашихъ дѣлъ, вообще не лѣнюсь"...

Особенно непріятно дѣйствовала на А. Н—ча партійность въ государственномъ совѣтѣ; я уже приводилъ выдержки изъ его писемъ, гдѣ онъ говоритъ о своей безпартійности; еще можно указать слѣдующее мѣсто: „Глубоко огорчаетъ меня", пишетъ онъ 6-го апрѣля 1911 г., „и та партійность, которая несомнѣнно свила себѣ прочное гнѣздо въ государственномъ совѣтѣ: плодотворная работа почти немыслима". Свое политическое credo онъ излагаетъ въ письмѣ отъ 24-го декабря 1913 г.: упомянувъ здѣсь объ одномъ нашемъ общемъ знакомомъ, который „ужъ очень яркіе цвѣта все выбираетъ: то *ярко*-красный, то *ярко*-черный", онъ продолжаетъ: „Мнѣ, вѣрному исповѣднику Аристотелевой теоріи о серединѣ между крайностями, эти крайности никакъ не могутъ быть по душѣ".

Но, несмотря на свои годы, болѣзни и тяжелую работу, А. Н., по своей любви къ наукѣ, находилъ время не только для чтенія филологической литературы, но даже и для писанія статей: послѣ своего министерства онъ написалъ еще 6 статей. Изъ приведенныхъ выдержекъ изъ его писемъ видно, какъ стремится онъ, окончивъ служебныя дѣла, „почитать что либо въ своей излюбленной области, за каковымъ занятіемъ я лучше всего отдыхаю" (письмо отъ 17-го іюня 1913 г.). Въ письмѣ отъ 22-го декабря 1910 г., сообщая мнѣ о своихъ филологическихъ работахъ, онъ прибавляетъ: „какъ видите, nous revenons toujours à nos premiers amours". Интересно въ этомъ отношеніи еще письмо отъ 24-го декабря 1913 г., гдѣ онъ говоритъ: „Афоризмъ Шопенгауера совершенно вѣренъ: или трудъ, или скука.

Когда я смотрю на — — —, я отъ души ихъ жалѣю. Имъ остается во время слишкомъ обильныхъ у насъ досуговъ или шататься по свѣту, или дни и ночи сидѣть за винтомъ. Зеленая скука ихъ просто гложетъ. И хотя они считаютъ меня отчасти помѣшаннымъ, но, я думаю, они мнѣ все-таки немного завидуютъ, убѣждаясь, что я не знаю скуки и ея послѣдствій, даже не стремлюсь изъ С.-Петербурга и совершенно доволенъ созданнымъ себѣ міромъ, какъ Вы пишете, иллюзій и мечтаній".

Смерть постигла его 5-го января 1915 г. вслѣдствіе припадка грудной жабы, котораго не вынесло его больное сердце. Онъ уже давно страдалъ болѣзнью сердца и давно думалъ о смерти, но относился къ ней вполнѣ стоически; въ письмахъ его ко мнѣ эта нота встрѣчается уже съ 1903 г.: такъ, въ письмѣ изъ Варшавы отъ 24-го декабря 1903 г. онъ говоритъ: „Что до меня, то я пока чувствую себя ничего, но ходить все еще не могу: сейчасъ же начинаются боли въ груди. Обѣщаютъ лѣтомъ окончательно поправить. Будемъ надѣяться—надежду даетъ и Кузьминъ [1],—но, конечно, надо подумывать о естественномъ концѣ: *ὅ τοι χρόνος ὀξὺς ὀδόντας πάντα καταψήχει καὶ τὰ βιαιότατα.* — — — Исполняю, однако, всѣ предписанія врачей, ибо, имѣя семью, очень рисковать не дерзаю. Надоѣдаетъ впрочемъ лѣченье очень сильно и, если бы моя воля, давно бы все бросилъ".

С. Соболевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Разумѣется докторъ Василій Ивановичъ Кузьминъ, бывшій профессоръ медицинскаго факультета Московскаго университета, который въ Москвѣ лѣчилъ А. Н—ча и которому А. Н. очень вѣрилъ.

СПИСКИ

павшихъ въ бояхъ съ непріятелемъ и отличившихся на полѣ брани воспитанниковъ и бывшихъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Убиты или скончались отъ ранъ:

Гимназій: Курской—Евгеній *Кишкинъ*, Василій *Ржевскій* и Валентинъ *Фриммерманъ*; Олонецкой Императора Александра Благословеннаго—Петръ *Вороновъ*; Кисловодской—Георгій *Мeжениновъ*, Анапской—Владиміръ *Филистинскій;* Велико-Устюгской—Григорій *Дудниковъ*; Ставропольской 1-й—Валерій *Корде*; Ростовской на Дону—Петръ *Понятовскій* и Николай *Томасовскій.*

Ейскаго реальнаго училища: Семенъ *Кравченко*, Николай *Мальцевъ*, Иванъ *Воронцовъ*, Петръ *Кваша*, Алексѣй *Яхно* и Александръ *Грозъ.*

Екатеринбургскаго учительскаго института—Иванъ *Шавринъ.*

Удостоились наградъ и отличій:

Гимназій: Курской—Семенъ *Бохановъ*, Александръ *Шумановъ*, Константинъ *Черничинъ*, Павелъ *Крымовъ*, Николай *Кривцовъ*, Дмитрій *Щиголевъ*, Николай *Алексапольскій*, Михаилъ *Скудновъ*, Николай *Скудновъ*, Николай *Пузановъ*, Евгеній *Кишкинъ*, Василій *Ржевскій* и Валентинъ *Фриммерманъ*; Пятигорской—Валеріанъ *Кржыжановскій*; Кисловодской—Георгій *Мeжениновъ;* Одесской 2-й—Михаилъ *Зомотайловъ*; Анапской—Владиміръ *Филистинскій;* Ростовской на Дону—Владиміръ *Потемкинъ*, Валентинъ *Свириденко*, Константинъ *Перишковъ*, Александръ *Корольченко* и Георгій *Панчишка*; Ковенской Графа Платова—Владиміръ *Найденовъ*; Маріампольской—Брониславъ *Амброзевичъ.*

Новочеркасскаго Александровскаго реальнаго училища: Владиславъ *Скалозубовъ* и Константинъ *Межескій.*

Екатеринбургскаго учительскаго института—Иванъ *Шавринъ.*

Владикавказскаго 2-го высшаго начальнаго училища: Михаилъ *Свиридовъ* и Тимоѳей *Каріаевъ.*

АРИСТОФАНЪ И АТТИЧЕСКІЙ РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫКЪ [1]).

IV.

Посмотримъ теперь, какими пріемами пользуется г. Шестаковъ, чтобы доказать „народный“ характеръ разсматриваемыхъ имъ явленій въ языкѣ Аристофана.

Отмѣтимъ, прежде всего, что многія изъ нихъ самъ г. Ш. не рѣшается открыто признать „народными“. Такъ, напр., стр. 72 онъ просто констатируетъ: „Слово ὄνειρος имѣетъ множественное число ὀνείρατα Vesp. 53 [2]).—Слово ὄρνις склоняется даже по тремъ типамъ: и

[1]) *Продолженіе*. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1916 годъ, январь, отд. класс. филол.

[2]) Ὀνείρατα встрѣчается уже у Гомера Od. 20, 87 и у Soph. O. R. 460, ὀνειράτων—у Софокла и Ксенофонта, ὀνείρατα—у Геродота, ὀνείρατι—у Эсхила.—Ὄρνιν читается у Аристофана, по Дунбару, 12 разъ, ὄρνιθα — 2 раза, ὀρνέων — 8 разъ, ὀρνίθων — 22 раза, ὀρνέοις—2 раза, ὄρνισι—10 разъ, ὄρνῖς (acc. plur.)—Av. 717, 1250, 1610, ὄρνιθας—Av. 411, 520, 1084. Относительно позднѣйшихъ писателей ср. *W. Crönert*, Memoria Gr. Hercul. 174.—Изъ косвенныхъ падежей слова υἱός мы имѣемъ у Аристофана υἱόν Nub. 14, 68, 867, 1106, 1148, 1169, 1204, 1208, 1268, 1313, 1435, υἱεῖ Vesp. 134, υἱεῖς Vesp. 569, υἱέων Nub. 1341, υἱέσιν Nub. 1001, 1242. У Гомера встрѣчаются какъ формы υἱοῦ, υἱόν, υἱῶν, υἱοῖσι, такъ и формы υἱέος, υἱέι, υἱέα, υἱέες, υἱέας; ср. *Kühner—Blass*, I, 506. О соотвѣтствующихъ формахъ у позднѣйшихъ писателей ср. *Crönert*, l. l. 175. — Неумѣло и непонятно формулирована замѣтка на той же 73-й страницѣ: „Eccl. 129 Ἀρίφραδες, но Vesp. 1280 Ἀριφράδην, срв. Κλεοφράδην въ надписи около 380 года“. Скудный матерьялъ для нея взятъ у *А. Э. Верта Журн. Мин. Нар. Просв.* т. 256, 111, который отмѣчаетъ, что Kaibel по поводу Κλεοφράδην въ IG. I 538 указываетъ на эти два мѣста у Аристофана. Нужно было сказать, что у Аристофана имена собственныя на—άδης и—ίδης склоняются по второму склоненію (десятки примѣровъ!), за исключеніемъ зват. падежей Ἀρίφραδες Eccl. 129 и Στρεψίαδες Nub. 1206, и что примѣры перехода въ 3-е склоненіе иногда попадаются въ надписяхъ IV—III вв. (*Meisterhans*[2], 93; о болѣе позднихъ писателяхъ ср. *Crönert*, l. l. 34, 161). Этотъ переходъ въ 3-е склоненіе (по

ὄρνιν, и ὀρνέοις Av. 197, и ὀρνίθων ibid. 207... Размѣромъ защищена форма υἱέων Nub. 1341“.

Дѣйствительно, трудно сказать, которыя изъ этихъ формъ являются „народными“. Поэтому вовсе и не слѣдовало о нихъ говорить. То же самое приходится сказать относительно формъ Ἀπόλλω и Ποσειδῶ стр. 69, ἥρως—ἥρωες стр. 70, относительно склоненія собственныхъ именъ на—κλῆς стр. 74 [1]), относительно формъ двойственнаго числа стр. 75 [2]), относительно σχές и σχέ стр. 79 и т. д.; все это

аналогіи именъ въ родѣ Δημάδ-ης, гдѣ δ относится къ основѣ), дѣйствительно, можетъ быть признанъ явленіемъ разговорнаго языка.

[1]) По крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ г. Ш. переписалъ изъ *Верта* (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 256, 110) свое замѣчаніе о собств. именахъ на—κλῆς, оно не имѣетъ отношенія къ вопросу о „народномъ“ характерѣ Аристофановой рѣчи: „Въ надписяхъ V—IV вѣковъ до Р. Х. встрѣчается неслитное Χαρικλέης, но чаще слитныя формы. У Аристофана не слитныя преобладаютъ: Μεγακλέης, Περικλέης, кромѣ, однако, Ἡρακλῆς Ran. 264 (читай 282). 564 (читай 464) пр., Θεμιστοκλῆς Eq. 884“. Прежде всего требуется поправка относительно надписей V—IV вв.: въ нихъ встрѣчается не только Χαρικλέης, но цѣлый рядъ другихъ открытыхъ формъ, Ξενοκλέης, Ἡρακλέης, Προκλέης и т. д.; Мейстергансъ насчитываетъ 13 случаевъ, а *Rabehl*, 28 прибавляетъ къ нимъ еще нѣсколько примѣровъ. Въ defixiones послѣдній кромѣ того насчитываетъ 6 примѣровъ именъ на — κλέης (противъ 17 на — κλῆς). У Аристофана дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ: 4 раза у него встрѣчается Περικλέης (Ach. 530, Eq. 283, Nub. 859, Pac. 606), 3 раза—Σοφοκλέης (Pac. 695, Av. 100, Ran. 787), тоже 3 раза — Ξενοκλέης (Thesm. 169, 440, Ran. 86), 2 раза — Μεγακλέης (Nub. 70, 124), по одному разу—Φιλοκλέης (Thesm. 168) и Ἱεροκλέης (Pac. 1046), 6 разъ—Ἡρακλῆς (Ach. 860, Vesp. 60, Lys. 928, Ran. 282, 464, 581), 1 разъ—Θεμιστοκλῆς (Eq. 884). *Kock* ad Eq. 283 сдѣлалъ наблюденіе, что Аристофанъ употребляетъ форму именит. на—κλῆς только тогда, когда третій отъ конца слогъ даннаго имени представляется долгимъ.—Въ связи съ вопросомъ о народномъ характерѣ Аристофановой рѣчи употребленіе именит. на—κλέης можетъ быть поставлено лишь въ томъ случаѣ, если присоединиться къ мнѣнію Кретшмера: указавъ 11 случаевъ употребленія формъ на—κλέης на аттическихъ вазахъ, *Kretschmer*, Die griech. Vaseninschr. 195 продолжаетъ: „Ohne Zweifel ist die kontrahierte Form die lautgesetzliche,—κλέης ist zu—κλέους neugebildet nach dem Vorbild von Σωκράτης: Σωκράτους“. Съ Кретшмеромъ соглашаются *Schwyzer*, *Neue Jhrb. f. d. kl. Alt.* III (1900), 256 и *Rabehl*, l. l., 28. Если правъ Кретшмеръ, то въ преобладаніи формъ на — κλέης у Аристофана, дѣйствительно, приходится признать вліяніе народнаго языка. Швицеръ называетъ данныя формы прямо „der Volkssprache eigentümlich“.

[2]) Не можемъ не сказать нѣсколько словъ по поводу замѣчанія г. Ш. о двойственномъ числѣ у Аристофана. Отмѣтивъ колебаніе рукописей и издателей относительно формъ σκέλη—σκέλει, πρέσβη—πρεσβῆ, ἔπη—ἔπει, σκεύη—σκεύει, онъ продолжаетъ: „двойственное число имѣется *еще* въ причастной формѣ δείσασα Ran. 565“. Что значитъ подчеркнутое нами *еще*? Неужели г. Ш. серьезно думаетъ, что отмѣченныя имъ формы двойственнаго числа — единственныя у Аристофана? Каждый, кто хоть

не имѣетъ отношенія къ темѣ изслѣдованія и напрасно загромождаетъ книгу. Сюда же относятся разсужденія о correptio attica стр. 51, объ ἄρρην и ἄρσην, θαρρέω и θαρσέω стр. 54. Если и можно установить, что та или иная форма—спеціально аттическая, то это еще не значитъ, что она—народная.

Гораздо чаще г. Ш. въ аподиктическомъ тонѣ признаетъ то или иное явленіе принадлежащимъ „народной рѣчи", не приводя никакихъ доказательствъ. Почти на каждой страницѣ встрѣчаются тому примѣры. Иногда при этомъ дѣлается ссылка на какой-нибудь ученый трудъ, отчего получается впечатлѣніе, будто народный характеръ даннаго явленія тамъ доказанъ. Такъ, напр., стр. 68 мы читаемъ: „Изъ живой рѣчи, сохранившей старую падежную форму, проистекаютъ, *какъ предположено*, такія сложныя имена, какъ Ἰθαιμένης или ἰθαιγενής", причемъ стоитъ ссылка на „Solmsen, Untersuchungen zur griech. Laut-und Verslehre 29". Читатель, конечно, подумаетъ, что Зольмзенъ если не доказалъ, то, по крайней мѣрѣ, предположилъ народное происхожденіе названныхъ словъ. На дѣлѣ, однако, оказывается, что Зольмзенъ только отстаиваетъ правильность формы ἰθαιγενής (обыкновенно пишутъ ἰθαγενής), не говоря ни слова о ея принадлежности „живой рѣчи". Опровергать всѣ эти голословныя утвержденія относительно „народности" разныхъ формъ и оборотовъ—невозможно и излишне: onus probandi тутъ всецѣло лежало на авторѣ. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ полезнымъ немного остановиться на нѣкоторыхъ случаяхъ.

Стр. 81 сл. г. Ш. утверждаетъ, что приращеніе ἠργάζετο Eq. 1221

немного читалъ его комедіи, знаетъ, что для двойственнаго числа въ нихъ встрѣчаются сотни примѣровъ. Стр. 97 г. Ш. пишетъ: „Двойственное число уже выходитъ изъ употребленія въ народной рѣчи Аристофана. Это можно заключить изъ того, что, когда поставлены рядомъ двѣ личныя глагольныя формы, или личная глагольная форма и причастіе другого глагола, оба относящіяся къ двумъ лицамъ, то двойственное число принимаетъ только одна изъ этихъ формъ, тогда какъ другая стоитъ во множественномъ: τί φεύγετ'; οὐ μενεῖτον Pl. 417; κακόν τι μ' εργάσεσθε κοὐκ ἀφήσετον, ibid., 73; δεδράκατον ζητῶντες, ibid., 430". Отмѣченное явленіе встрѣчается у Аристофана чаще (напр., Рас. 414 παρεκλεπτέτην καὶ... παρέτρωγον, Av. 641 εἰσέλθετ'... φράσατον), а также въ трагедіи (Soph. O. C. 1436 μέθεσθε δ' ἤδη χαίρετόν τ'). Но для насъ сомнительно, можно ли его считать признакомъ вымиранія двойственнаго числа. Правда, эволюція языка ведетъ къ постепенному исчезновенію двойственнаго числа, сперва въ глагольныхъ формахъ, затѣмъ и въ формахъ существительнаго; ср. *Kühner—Blass*, I, 362, *Kühner--Gerth*, I, 19. По Герту, въ первыхъ оно исчезаетъ около 360 до Р. Х., во вторыхъ—приблизительно около 320 до Р. Х. Однако, у Аристофана оно сохраняетъ еще полную силу, какъ, немного позже, и у Платона.

(такъ Ravennas, другія рукописи εἰργάζετο) „можно отнести къ воспроизведенію поэтомъ ежедневной народной рѣчи". Но эта самая форма встрѣчается не только у Платона (Gorg. 91[d]), Демосѳена и Гиперида (ихъ г. Ш. считаетъ „писателями, ближайшими къ народу"), но и у Ѳукидида (напр., III, 50), языкъ котораго даже г. Ш. едва ли рѣшится заподозрить въ близости къ народной рѣчи. См. Crönert, Mem. Gr. Herc. 202 sq.

Стр. 101 мы читаемъ: „Особенное примѣненіе даннаго синтаксическаго явленія (т. е. „субстантивизація прилагательнаго") имѣется въ народной рѣчи Аристофана въ такихъ случаяхъ, когда подразумѣвается существительное множественнаго числа и субстантивируемое прилагательное принимаетъ соотвѣтственно то же число. Примѣръ κἀστὶν τὰ πρῶτα τῆς ἐκεῖ μοχθηρίας Ran. 426 [читай: 421]... Съ этимъ сравнивается употребленіе поздняго оратора Ливанія τὰ πρῶτα τῶν στοῶν initia porticuum aedificandarum". Но τὰ πρῶτα въ этомъ смыслѣ, какъ у Аристофана, мы находимъ еще у Геродота VI, 100 τῶν Ἐρετριέων τὰ πρῶτα, IX, 77 Αἰγινητέων τὰ πρῶτα, Eurip. Med. 917 τῆς δὲ γῆς Κορινθίας τὰ πρῶτα, Orest. 1248 τὰ πρῶτα κατὰ Πελασγὸν ἕδος Ἀργείων. Cp. Soph. Phil. 434 Πάτροκλος, ὅς σου πατρὸς ἦν τὰ φίλτατα, Theocr. 15, 142 Ἄργεος ἄκρα, Πελασγοί. Вѣроятно ли, что всѣ эти писатели воспроизводятъ особенность „народной рѣчи"? Thumb, Handbuch d. griech. Dial. 372 отмѣчаетъ какъ разъ пристрастіе Антифонта и Ѳукидида, писателей, довольно далекихъ отъ народной рѣчи, къ „субстантивизаціи прилагательнаго" и усматриваетъ въ немъ вліяніе Горгія, „перваго іонійца, писавшаго по-аттически". Что же касается до „примѣненія множественнаго числа субстантивированнаго прилагательнаго" (въ восклицаніи ἀνδρεῖά γ' ὦ Πόσειδον Ran. 491), въ которомъ г. Ш. также видитъ „особенность народной рѣчи въ комедіи Аристофана" (стр. 98), то Sachtschall, De comicorum Graecorum sermone metro accommodato, 25, доказалъ, что оно часто встрѣчается также у трагиковъ и обусловлено метрическими причинами [1]). У Ѳукидида стоитъ всегда единственное число.

[1]) Sachtschall приводитъ изъ Аристофана βέλτιστα Lys. 34, Ran. 277, Eccl. 1122 (но βέλτιστον Eq. 83, Ran. 322, Plut. 67), κράτιστα Eq. 30 (но κράτιστον Eq. 80, Vesp. 367, Pl. 412, frg. 567), χαλεπά Lys. 142 (но χαλεπόν Vesp. 950, 985, Pac. 819, Lys. 504, Eccl. 180), δεινά Ach. 770, 1079, Eq. 609, Vesp. 1368, Lys. 608, Eccl. 400 (но δεινόν Ach. 352, Eq. 810, 820, 875, 878, Vesp. 26, Av. 27, 1012, Lys. 587, Pl. 329). У трагиковъ онъ указываетъ слѣдующіе примѣры: Aesch. Prom. 216, Soph. Aj. 1126, Trach. 409, 495, Phil. 524, Eurip. Or. 413. Можно прибавить Aj. 887, Trach. 1116, Ant. 576, 677, Phil. 628, 987 и. т. д.

Стр. 146 г. Ш. пишетъ: „Старинное народное происхожденіе такихъ сложныхъ въ языкѣ Аристофана доказывается тѣмъ, что въ составѣ этихъ сложныхъ словъ не одинъ разъ скрываются старѣйшія выходящія позднѣе въ языкѣ изъ употребленія слова и формы. Напримѣръ, сложныя со вторымъ членомъ nomen agentis на—ος часто представляютъ этимологически неоправданное -η- (-α-) въ концѣ перваго слагаемаго, какъ χανηφόρος λαμπαδηφόρος у Аристофана" — тутъ ссылка на „Solmsen, Untersuchungen zur gr. Laut-und Verslehre, 22" [1]). Въ этой тирадѣ указаніе на „старѣйшія, выходящія позднѣе... изъ употребленія... формы" несовсѣмъ вразумительно. Неужели г. Ш. думаетъ, что въ „старѣйшемъ" языкѣ существовали формы въ родѣ χανῆ, λαμπάδη (впрочемъ, сравни, что на стр. 69 говорится о θαλάμη, а также стр. 88 сл.). Вполнѣ удовлетворительное объясненіе этихъ образованій далъ, вслѣдъ за Бругманномъ, цитируемый г. Ш. Зольмзенъ, 34: „weil man in Bildungen wie βουληφόρος, νικηφόρος, αἰθρηγενής, Ἀσιηγενής usw. die Ausgänge — ηφόρος, — ηγενής usw. als Einheiten empfand, übertrug man sie in das Gebiet anderer Stammklassen", т. е. χανηφόρος, λαμπαδηφόρος образованы по аналогіи сложныхъ словъ въ родѣ βουληφόρος, νικηφόρος, гдѣ -η- составляетъ органическую часть перваго слагаемаго. Нѣтъ основанія предполагать, что сила аналогіи дѣйствовала только въ предѣлахъ „народнаго" языка. Напротивъ, Зольмзенъ приводитъ вѣскія соображенія въ пользу предположенія, что подобныя слагаемыя въ широкихъ размѣрахъ первоначально возникли въ іонійскомъ эпосѣ въ силу метрическихъ причинъ; отсюда они перешли въ поэтическій языкъ вообще, а затѣмъ и въ прозу [2]).

Стр. 183 г. Ш. усматриваетъ „особенность народнаго слова" въ томъ, что существительныя муж. и жен. рода, принимая уменьшительное окончаніе—ιον (-ίδιον,—άριον,—ύλλιον,—ίσκιον) становятся средняго рода [3]). Неужели онъ думаетъ, что и въ нѣмецкомъ языкѣ

---

[1]) Solmsen не указываетъ, въ какихъ мѣстахъ Аристофана читаются эти прилагательныя; поэтому нѣтъ такого указанія и у г. Ш. Κανηφόρος встрѣчается Ach. 242, 260, Av. 1551; образованный отъ него глаголъ κανηφορεῖν—Lys. 1194, Eccl. 732; λαμπαδηφόρος имѣется frg. 442 (I, p. 506 K.).

[2]) L. l. 24: „Vom Epos aus ist dann das Recht in metrisch unbequemen Zusammensetzungen dieser Art ο durch η zu ersetzen Gemeingut der Dichtersprache geworden, und gelegentlich haben in späterer Zeit solche Formationen von der Poesie aus ihren Weg auch in die Prosa genommen.

[3]) Другіе уменьшительные суффиксы (— ίσκος, — ίσκη — ίσκον, — υλλος — υλλα) не

уменьшительныя на — chen и — lein, всегда бывающія средняго рода независимо отъ первоначальнаго, основного рода существительнаго,— тоже особенность „народнаго“ языка?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Ш. считаетъ народными такія явленія, которыя, напротивъ, представляютъ собою особенность изысканной рѣчи (ὑποθηλυτέρα διάλεκτος), результатомъ моднаго увлеченія извѣстныхъ круговъ аѳинскаго общества и подвергаются осмѣянію со стороны поэта. Такъ, напр., г. Ш. стр. 173 считаетъ чертою „народной рѣчи Аристофана“ частое употребленіе прилагательныхъ съ окончаніемъ—ικός. Но Peppler, *American Journ. of Philol.* XXXI, 428, убѣдительно доказалъ, что Аристофанъ, нагромождая такія прилагательныя, отчасти имъ самимъ придуманныя, насмѣхался надъ молодыми людьми новомоднаго воспитанія, которые, подражая своимъ учителямъ изъ софистовъ и риторовъ, любили щеголять подобными терминами [1]).

Иногда предполагаемая „народность“ выраженія опровергается тѣмъ, что оно оказывается пародіей трагическаго стиля. Такъ, напр., стр. 115 г. Ш. приводитъ какъ примѣръ „народнаго паратаксиса“ выраженіе σὺν δορὶ σὺν ἀσπίδι, объясняя, что оно „проистекаетъ отъ жаргона военнаго, получившаго столько вліянія на развитіе ранней комедіи“. Оно встрѣчается Vesp. 1081 и Pac. 357, и въ обоихъ мѣ-

---

мѣняютъ рода существительнаго (въ отличіе отъ латинскихъ уменьшительныхъ на—ulus; ср. vasculus, porticulus). Г. Ш., правда, приводитъ стр. 181 σκελίσκος Eccl. 1167 (отъ τὸ σκέλος) и σανδαλίσκος Ran. 405 (отъ τὸ σάνδαλον). Но Eccl. 1167 стоитъ τοῖν σκελίσκοιν, что слѣдуетъ произвести отъ τὸ σκελίσκον, а Ran. 405 вм. τόν τε σανδαλίσκον, по граммат., палеограф. и метрическимъ соображеніямъ, какъ мы доказывали еще въ 1893 году (*Филол. Обозр.* IV, 191), необходимо писать τόδε τὸ σανδαλίσκον. Послѣ (въ 1897 г.) эту самую конъектуру предложилъ *F. Blass* (*Hermes* XXXII, 150).

[1]) Наиболѣе характерныя мѣста:

Eq. 1375 ΔΗΜ. Τὰ μειράκια ταυτὶ λέγω, τἀν τῷ μύρῳ,
ἃ στωμυλεῖται τοιαδὶ καθήμενα·
σοφός γ' ὁ Φαίαξ, δεξιῶς τ' οὐκ ἀπέθανεν.
συνερκτικὸς γάρ ἐστι καὶ περαντικός,
καὶ γνωμοτυπικὸς καὶ σαφὴς καὶ κρουστικὸς
καταληπτικός τ' ἄριστα τοῦ θορυβητικοῦ.
ΑΓΟΡ. οὔκουν καταδακτυλικὸς σὺ τοῦ λαλητικοῦ·

Nub. 1172 νῦν μέν γ' ἰδεῖν εἶ πρῶτον ἐξαρνητικὸς
κἀντιλογικός.

Vesp. 1208 προμάνθανε
ξυμποτικὸς εἶναι καὶ ξυνουσιαστικός.

стахъ схоліастъ удостовѣряетъ, что оно взято Аристофаномъ у трагика Ахея (Achaei frg. 29, Nauck Tragicorum gr. fragm.², p. 753) [1]).

Бываетъ и такъ, что формы, которыя г. Ш. считаетъ народными, оказываются явно придуманными поэтомъ ради комическаго эффекта. Стоитъ, напр., прочесть сцену Eq. 128 слл., чтобы убѣдиться, что слово πώλης, которое г. Ш. стр. 147 приводитъ, какъ „народное", представляетъ собою автосхедіазму комика [2]).

Очень часто народный характеръ тѣхъ или иныхъ формъ, словъ, оборотовъ г. Ш. доказываетъ ихъ употребленіемъ не только у Аристофана, но и у аттическихъ ораторовъ, Платона, даже у Геродота, Эсхила и Гомера. Мы уже отмѣтили недопустимость этого пріема (см. выше стр. 4).

Также мало убѣдительны ссылки на аттицистовъ и антіаттициста (ср. выше стр. 8).

Неудачнымъ приходится признать также и привлеченіе г. Ш. народныхъ сказокъ и пословицъ.

Стр. 71 онъ пишетъ: „особенно показательно въ смыслѣ народности происхожденія неконтрактированной формы (словъ типа κέρας и τέρας) употребленіе послѣдней двумя несомнѣнными памятниками на-

---

[1]) Г. Ш. невѣрно цитируетъ δορί; рукописи имѣютъ δόρει, и это требуется размѣромъ. Форма δόρει свойственна трагедіи (ср. *Kühner-Blass*, Gr. Gr. I, 457; *Speck*, De epicarum etc. form. ap. comicum usu, 36). Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ пародіи трагическихъ выраженій, Аристофанъ употребляетъ форму δορί (Ach. 1188, Lys. 1151, Ran. 1289).

Замѣтимъ кстати, что изъ приводимыхъ г. Ш. стр. 115 примѣровъ „народнаго паратаксиса" (вѣрнѣе: предрасположенія разговорной рѣчи къ асиндетическому соединенію двухъ понятій) слѣдуетъ вычеркнуть κάθησο σῖγα Ach. 59, такъ какъ σῖγα— нарѣчіе. Зато можно прибавить: Ach. 123 и Vesp. 905 σίγα, κάθιζε, Nub. 241 ἄγομαι φέρομαι, Pac. 366 ἀπόλωλας ἐξόλωλας, (ср. perii interii у лат. комиковъ), Ran. 857 ἔλεγχ' ἐλέγχου, 861 δάκνειν δάκνεσθαι.

[2]) Намъ кажется, что г. Ш. слишкомъ свысока относится къ „пресловутому jocus comicus" (стр. 76). То самое слово, αὐτότατος (Plut. 83), по поводу котораго онъ порицаетъ древнихъ и новыхъ грамматиковъ за ихъ „неумѣніе возвести объясняемое явленіе къ дѣйствительнымъ его основаніямъ", скорѣе похоже на нарочитую выдумку комическаго поэта, чѣмъ на явленіе, возникшее въ народномъ языкѣ по „естественной причинѣ". Форма эта встрѣчается уже у Эпихарма, и *von Salis*, De Doriensium ludorum in com. Att. vestigiis, 41 полагаетъ, что Аристофанъ заимствовалъ ее у своего сицилійскаго предшественника. Ipsissimus у Плавта Trin. 987 легко могло быть навѣяно греческимъ образцомъ. Мы придерживаемся сужденія Аполлонія Дискола (De pronom. 64, 11): ἕνεκα γελοίου ἡ κωμῳδία σχήματά τινα ἔπλασεν, ὥστε οὐ κριτήριον τῆς λέξεως τὸ „αὐτότερος", ἐπεὶ καὶ „Δαναώτατος" ὑπερτίθεται παρὰ Ἀριστοφάνει, τῶν κυρίων οὐ συγκρινομένων.

роднаго творчества: народной сказкой и народной пословицей. Остатокъ народной сказки надо видѣть въ .... выраженіи Аристофана Av. 902 о жертвѣ, какъ всего только „бородкѣ да рожкахъ" (γένειόν ἐστι καὶ κέρατα), что представляетъ явное соотвѣтствіе словамъ нашей народной сказкѣ о „рожкахъ да ножкахъ". Г. Ш., конечно, имѣетъ въ виду дѣтскую пѣсенку про козлика. Но предположеніе, что соотвѣтствующая „сказка" существовала въ древней Греціи, и что выраженіе γένειον καὶ κέρατα является остаткомъ этой сказки, слишкомъ смѣло. Г. Ш. продолжаетъ: „Близкую (?) народную пословицу сохранилъ Аристотель, говоря про края, гдѣ олени сбрасываютъ рога, и употребивъ при этомъ тоже неконтрактированное κέρατα". Но Плутархъ (De def. orac. 19, p. 403a), тоже упоминающій объ этой пословицѣ, употребляетъ единственное число τὸ κέρας, и поэтому нельзя съ увѣренностью сказать, что народная форма пословицы имѣла τὰ κέρατα [1]).

Этой самой пословицей пользуется г. Ш. еще стр. 91, доказывая ею, что народный языкъ употреблялъ существительныя на — ος въ женскомъ родѣ и въ томъ случаѣ, когда литературный языкъ предпочиталъ мужескій родъ. См., однако, вѣрное, по нашему мнѣнію, объясненіе этой пословицы у O. Crusius'a, Untersuch. z. d. Mimiamben des Herondas (1892), 73 f.: страна, гдѣ αἱ ἔλαφοι, т. е. самки оленей (не имѣющія роговъ), сбрасываютъ рога,—страна фантастическая, не существующая, параллель страны, гдѣ οἱ μύες τὸν σίδηρον τρώγουσιν.

Мало убѣдительна также параллель изъ народной сказки, приводимая стр. 127: „Явственное народное происхожденіе имѣетъ также эллипсисъ подлежащаго въ выраженіи πόθεν βροτοῦ με προσέβαλ' Pac. 180, съ подразумѣваемымъ ὀσμή. Срв. обычное въ народной сказкѣ „человѣчьимъ духомъ запахло" или „русскимъ духомъ запахло". Въ русскомъ выраженіи, вѣдь, нѣтъ эллипсиса. Впрочемъ, таковаго нѣтъ и въ греческомъ: при глаголахъ πνεῖν, ὄζειν, προσβάλλειν и т. д. обычно ставится genit. partit., ср. Kühner — Gerth, I, 356. Безличную конструкцію мы имѣемъ Ran. 338 ὡς ἡδύ μοι προσέπνευσε χοιρείων κρεῶν, Plut. 1020 ὄζειν τε τῆς χρόας ἔφασκεν ἡδύ μου; то же самое въ русскомъ „пахнетъ", „воняетъ" и т. д., въ нѣмецкомъ es riecht. Относительно смысла см. объясненіе фанъ Гервердена: necesse est putemus, quemad-

---

[1]) Впрочемъ, весь вопросъ о формѣ косвенныхъ падежей словъ τέρας и κέρας является празднымъ съ точки зрѣнія общей темы книги г. Ш. Спеціально народной ни той ни другой назвать нельзя. Можно лишь сказать, что форма безъ τ свойственна іонійскому нарѣчію. Ср. *Kühner-Blass*, I, 423.

modum e nota veterum opinione [1]) homines deorum praesentiam peculiari quodam odore sentiebant, ita ratione inversa deos hominem odore animadvertisse.

Пословицы касается г. Ш. и въ своемъ разсужденіи „φράτορες *или* φράτερες“ стр. 73. Строго говоря, оно, какъ и многое другое въ книгѣ г. Ш., является излишнимъ для вопроса о народныхъ элементахъ въ языкѣ Аристофана: ни та, ни другая форма не есть специфически народная въ отличіе отъ литературной. Но, разъ авторъ поднялъ этотъ вопросъ, онъ долженъ былъ освѣтить его правильно, чего онъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ.

Дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ. Во всѣхъ пяти мѣстахъ, гдѣ встрѣчается это слово (къ приводимымъ г. Ш. мѣстамъ Eq. 255, Av. 765, 1669, Ran. 418 слѣдуетъ прибавить еще frg. 286, I, p. 465 K., изъ схолій къ Ran. 798) рукописи даютъ форму φράτορες. Ш., вслѣдъ за Диндорфомъ и другими, считаетъ необходимымъ возстановить φράτερες, „единственно аттическую“. „За то говорятъ одинаково и аттическія надписи, и народная пословица, и Кратинъ, правда уже у Аѳинея, и Исей, и Демосѳенъ, и наконецъ единогласное показаніе греческихъ грамматиковъ, которые формы съ ο называютъ только іонійскими“. Противъ этихъ доводовъ можно возразить слѣдующее:

1) Аттическія надписи, указанныя Мейстергансомъ, относятся всѣ къ IV вѣку и для V не имѣютъ показательной силы.

2) Къ словамъ „народная пословица“ г. Ш. дѣлаетъ слѣдующую выноску: „напр. διὰ φρατέρων χόων (по нашему «черная кошка пробѣжала»). Blaydes ad Equ. p. 35 [читай: 33], или τρίτος Λεύκων φράτερσι. Pacis hypothesis, cfr. Dénis, La comédie gr. I, 195“. У Блэдса мы читаемъ: Διὰ φρατέρων χόων proverbium apud grammaticum in Montefalc. Bibl. Coisl. p. 608“. Вмѣсто этого правильнѣе было сослаться на Corpus Paroemiogr. Gr. ed. Leutsch et Schneidewin, Diogenian. II, 45: Ἀγόμενος διὰ φρατόρων χύων· ἐπὶ τῶν ὅπου μὴ δεῖ εὑρισκομένων καὶ τιμωρουμένων. Ἐν γὰρ τοῖς φράτορσι χύων εὑρεθεὶς τιμωρεῖται. То же самое у Свиды s. v. Ἀγόμενος. Изъ Коаленовой рукописи эта пословица повторена въ Corp. Par., Appendix I, 97: Διὰ φρατόρων χύων· ἐπὶ τῶν

---

[1]) Ср. слова умирающаго Ипполита, по запаху чувствующаго близость своей покровительницы Артемиды, Eurip. Hipp. 1391 ὦ θεῖον ὀδμῆς πνεῦμα. Промеѳей, чуя приближеніе Океанидъ, говоритъ: τίς ὀδμὰ προσέπτα μ' ἀφεγγής θεόσυτος, Aeschyl. Prom. 115. Ovid Fast. V, 374 (Flora) tenues secessit in aures, mansit odor: posses scire fuisse deam.

ὅπου μὴ δεῖ εὑρισκομένων καὶ διὰ τοῦτο κολαζομένων, παρόσον κύων εὑρεθεὶς ἐν φράτορσιν ἐμαστιγοῦτο. Изъ этого видно, что рукописное преданіе этой пословицы говоритъ, наоборотъ, за форму φράτορες (съ ο) [1]. Мнимая другая пословица τρίτος Λεύκων φράτερσιν основана на забавномъ недоразумѣніи г. Ш. Эта фраза взята изъ hypothesis къ „Миру", гдѣ сообщается, что комикъ Левконъ за комедію Φράτορες получилъ третій призъ: πρῶτος Εὔπολις Κόλαξι, δεύτερος Ἀριστοφάνης Εἰρήνῃ, τρίτος Λεύκων Φράτορσιν. Преданіе рукописей Аристофана и тутъ говоритъ за форму φράτορες. Правда, у Athen. VIII, p. 343a лучшая рукопись А имѣетъ Λεύκων ἐν Φράτερσι; но это можетъ быть приписано неточности Аѳинея.

3) Кратинъ Младшій, поэтъ средней комедіи, быть можетъ, уже употребилъ форму φράτερες, какъ пишетъ лучшая рукопись Аѳинея, сохранившаго отрывокъ изъ его Χείρων XI, p. 460f (fg. 9, II p. 292 K.); но въ томъ же отрывкѣ та же рукопись въ прилагательномъ φρατόριος (эпитетъ Зевса) даетъ форму съ ο (Коккъ вопреки преданію пишетъ съ Бергкомъ φράτριος).

4) Что же касается до Исея и Демосѳена, то г. Ш. хотя бы у цитируемаго имъ Блэдса могъ узнать, что ихъ рукописи колеблются между обѣими формами. Издатели, правда, въ большинствѣ случаевъ предпочитаютъ формы черезъ ε, побуждаемые „единогласнымъ показаніемъ греческихъ грамматиковъ". Но если бы даже доказано было, что писатели IV вѣка всегда употребляли формы съ ε, то и въ такомъ случаѣ мы не имѣли бы права навязывать ихъ Аристофану вопреки авторитету его рукописей.

5) Остается свидѣтельство грамматиковъ. У Евстаѳія (p. 239, 33) мы читаемъ: Αἴλιος δὲ Διονύσιος ἐν τῷ κατ' αὐτὸν ῥητορικῷ λεξικῷ φησι φρατρία, ἣν Ἴωνες πατρίην, καὶ ὅτι φράτορες οἱ τῆς αὐτῆς φρατρίας· οἱ δὲ ἀρχαῖοι φράτεράς φασι διὰ τοῦ ε̄, οὗ, φησίν, ἡ ὀρθὴ φράτηρ. Ἐν ἑτέρῳ ὁμοίῳ λεξικῷ φέρεται, ὅτι φράτηρ Ἀττικοί φασιν, Ἴωνες δὲ διὰ τοῦ ω. Philem. p. 112 Bern. говоритъ: οἱ δὲ ἀρχαῖοι φράτερες διὰ τοῦ ε̄, οὗ, φασιν, εὐθεῖα φράτηρ· φέρεται καὶ ὅτι φράτηρ Ἀττικοί φασιν, Ἴωνες δὲ διὰ τοῦ ω μεγάλου.— Steph. Byz. s. v. φρατρία. Ἐλέγετο δὲ φράτηρ καὶ φράτωρ, ἀλλὰ τὸ μὲν φράτηρ ἀρχαῖον μετὰ τῆς αὐτοῦ κλίσεως, θάτερον δὲ νεώτερον. Спрашивается, кого слѣдуетъ понимать подъ „древними" и „новыми". Аттицисты, давая наставленія, какъ писать чистымъ аттическимъ языкомъ, подъ

---

[1]) Смыслъ пословицы невѣрно переданъ г. Ш. Она значитъ, очевидно: „Не въ свое дѣло не суйся".

νεώτεροι понимаютъ близкихъ имъ по времени писателей позднѣйшаго аттицизма. И дѣйствительно, у писателей, въ родѣ Діона Хрисостома (or. 2, 63), Лукіана (W. Schmid, Atticismus, I, 297), Эліана (ibid. II, 159), мы находимъ формы черезъ ο. Отъ нихъ предостерегаютъ аттицисты, такъ какъ у древнихъ писателей, принимаемыхъ ими за образецъ, т. е. у аттиковъ IV вѣка, они находили формы съ ε. Къ писателямъ V вѣка это никакого отношенія не имѣетъ.

Неправъ поэтому г. Ш., называя φράτερες „старо-аттической формой". Іонійская форма a priori должна считаться болѣе древней, и она-то сохранилась и въ старо-аттическомъ языкѣ. Это понималъ и Блэдсъ, который, принявъ въ текстъ своего изданія конъектуру Диндорфа φράτερες, тѣмъ не менѣе, со свойственной ему непослѣдовательностью, замѣчаетъ: „Dubitari tamen potest, an non revera genuina forma sit φράτωρ, aut saltem an non ambae formae Atticis in usu fuerint... Utique Ionicam formam (φράτωρ) etiam antiquiorem fuisse existimari consentaneum est". Вопросъ рѣшается лингвистическими соображеніями. Первоначально разница между формами на — τωρ и — τηρ зависѣла отъ акцента: δωτήρ, но δώτωρ, πατήρ, но εὐπάτωρ. Если бы слово, соотвѣтствующее древне-инд. bhratra, въ греческомъ языкѣ съ самаго начала имѣло окончаніе — ηρ, то ожидалось бы φρατήρ, а не φράτηρ; а между тѣмъ послѣднее удареніе для этой формы не только единогласно засвидѣтельствовано рукописями, но также защищено дат. падежомъ φράτερσι (въ противномъ случаѣ было бы φρατράσι). Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что φράτηρ является сравнительно позднимъ новообразованіемъ, исконная же форма — φράτωρ. Ср. G. Meyer, Griech. Gram.³, 414; Brugmann-Thumb, 226.

Г. Ш. указываетъ, вслѣдъ за Бергкомъ, еще спеціальную причину, почему у Аристофана Ran. 418 рукописное φράτορας слѣдуетъ измѣнить въ φράτερας: послѣдняя форма, яко-бы, ближе соотвѣтствуетъ слову φραστῆρας (коренные зубы), вмѣсто котораго поэтъ παρ' ὑπόνοιαν подставилъ фраторовъ; именно она „должна стоять... для полноты созвучія и дѣйствительности игры словами". Намъ кажется, что предполагаемое созвучіе слишкомъ мало выигрываетъ отъ замѣны формы φράτορες формою φράτερες, чтобы такимъ путемъ можно было доказать необходимость послѣдней.

Г. Ш. созвучіямъ вообще придаетъ большое значеніе. Между прочимъ, по его мнѣнію, „пособіемъ для возстановленія народнаго

произношенія въ аттическомъ нарѣчіи въ вѣкъ Аристофана представляется свойственная комическому языку игра словами“ (стр. 33). Но дѣлаемыя имъ въ этомъ смыслѣ указанія невсегда являются убѣдительными.

Кто повѣритъ, напр., что въ стихѣ Ach. 437 Εὐριπίδη, ᾿πειδήπερ ἐχαρίσω ταδί двугласный звукъ ει произносился какъ простое ι, дабы получилось „созвучіе и игра словами, съ цѣлью монотоннымъ повтореніемъ звуковъ посмѣяться надъ Еврипидомъ“ (стр. 41)? Кто согласится, что „недвугласное, близкое простому ο произношеніе“ дифтонга ου доказывается „игрой словъ и созвучіями“ Eq. 681 βουλὴν ὁλὴν ὀβολοῦ (стр. 41)? Кто, наконецъ, признаетъ въ шуточномъ выраженіи Ach. 234 βλέπειν Βαλλήναδε—вмѣсто Παλλήναδε, съ намекомъ на βάλλειν [1])—еще намекъ на „много родственныхъ словъ, непристойныхъ по смыслу“, въ родѣ βαλλία, βαλλίζειν (стр. 207)?

Мы, впрочемъ, далеки отъ мысли принципіально отрицать значеніе созвучій и игры словами у Аристофана для вопроса, изслѣдуемаго авторомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ими дѣйствительно подтверждаются и освѣщаются явленія аттической разговорной рѣчи [2]).

Созвучія и игру словами, столь часто встрѣчающіяся у Аристофана, г. Ш. считаетъ элементомъ, перешедшимъ въ языкъ поэта изъ „народной“ рѣчи, и посвящаетъ имъ особую главу своей книги (стр. 247—257). Въ нѣкоторыхъ формулахъ за созвучіемъ, дѣйствительно, можно признать „народное происхожденіе“, т. е. заимствованіе изъ обиходной рѣчи. Таковы обороты ἢν θεὸς θέλῃ (εἰ θεὸς θέλοι) [3]),

[1]) М. А. Георгіевскій недурно переводитъ „смотря на Каменецъ“.

[2]) Такъ напр. диссимиляторное исчезновеніе звука ρ подтверждается игрою словами ὄρθιος и ὄρθριος Av. 489, Eccl. 740 (Шестаковъ, 61). Но ὀρθίας penis сюда не относится, такъ какъ произведено отъ ὀρθός. Откуда, далѣе, г. Ш. взялъ, что Ὀρθαῖος и Ὄρθων „боги-покровители даннаго момента въ супружеской и плотской жизни“? Ὀρθαῖος — имя троянца Il. XIII, 791, Ὄρθων — имя сиракузца Anth. VII, 660. Не имѣлъ ли онъ въ виду демона Ὀρθάνης (Plat. com. 174, 12, I p. 648 K., ср. *Höfer* s. v. у *Roscher*, Mythol. Lex.)? Скорѣе можно было указать на имя миѳологическаго пса Ὄρθρος—Ὄρθος.—О соотвѣтствующихъ явленіяхъ въ лат. языкѣ см. *E. Wölfflin*, Die Dissimilation der littera canina. *Arch. f. lat. Lex.* IV, 1887, 1 ff.

[3]) Кромѣ указанныхъ г. Ш. стр. 247 мѣстъ Plut. 347 и 405 этотъ оборотъ встрѣчается еще Pac. 939 ὅσ᾿ ἂν θεὸς θέλῃ, 1186 ἢν θεὸς θέλῃ, Ran. 533 εἰ θεὸς θέλοι, Plut. 1188 ἢν θεὸς θέλῃ. Объ этой формулѣ у другихъ писателей см. F. Blass въ изданіи Demosthenes neun Philipp. Reden, erkl. von *Rehdantz-Blass*, Grammat. u. lexik. Index s. v. θεός. Что данный оборотъ имѣетъ характеръ именно формулы, доказывается употребленіемъ глагола θέλειν, который по *Rutherford*, New Phrynichus, 416 у Аристофана внѣ этой формулы встрѣчается только въ пародіи трагическихъ

ἄνω (καὶ) κάτω Ach. 21 Nub. 616, Eq. 866, Av. 3, Lys. 709 (ср. лат. sursum deorsum), τὰ ὑπέρτερα νέρτερα τιθέναι Lys. 772, быть можетъ, также τὸ σχῆμα καὶ τὸ λῆμα Ran. 463, πίνειν καὶ βινεῖν Ran. 740, λόχοι καὶ λόφοι Ach. 575 и нѣкоторые другіе. Но гораздо чаще созвучія представляютъ собою плодъ индивидуальнаго творчества поэта, весьма изобрѣтательнаго въ этой области. Когда раненый на войнѣ Ламахъ стонетъ: σκοτοδινιῶ, подгулявшій Дикеополидъ его передразниваетъ σκοτοβινιῶ, Ach. 1219 и 1221. Предлагающему для новооснованнаго птичьяго града государственныя учрежденія Олофиксіевъ Пейстетеръ грозитъ участью Ототиксіевъ (отъ ὀτοτύζειν громко плакать), Av. 1043. Что общаго имѣютъ эти и подобныя шуточныя образованія поэта съ народной рѣчью? — Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ доброй половинѣ указываемыхъ г. Ш. мѣстъ нѣтъ никакого созвучія. Кто найдетъ созвучіе напр., Av. 164 sq. ὅτι πίθησθε; πρῶτα μὲν | μὴ περιπέτεσθε πανταχῇ κεχηνότες въ словахъ πίθησθε и περιπέτεσθε? Или Plut. 135 οὔκουν ὅδ' ἐστὶν αἴτιος, καὶ ῥᾳδίως παύσει' ἄν, εἰ βούλοιτο, ταῦθ' въ словахъ αἴτιος и ῥᾳδίως? Какое „тройное созвучіе" представляетъ Eq. 201 ἀλλᾶντας μᾶλλον ἕλωνται? Г. Ш. слишкомъ довѣрился руководительству чешскаго ученаго Kvičala, Prispěvky k deinam lyrického a tragického bastnictvi řeckého. Этотъ „спеціалистъ вопроса" (стр. 253) и въ этомъ трудѣ и въ своихъ изслѣдованіяхъ о Вергиліи проявляетъ, выражаясь мягко, чрезмѣрное увлеченіе въ отысканіи „созвучій" у греческихъ и латинскихъ поэтовъ [1]).

мѣстъ. Въ другихъ случаяхъ нашъ поэтъ употребляетъ ἐθέλειν, въ согласіи съ аттическими надписями, тоже знающими лишь эту форму глагола. Ср. также *Kühner-Blass*, I, 187. Если наблюденіе Резерфорда правильно, то приходится предполагать, что формула возникла въ такое время, когда аттическое нарѣчіе имѣло еще болѣе близкую связь съ іонійскимъ, о каковомъ фазисѣ въ его развитіи, по мнѣнію Резерфорда (первая глава введенія къ The new Phrynichus, особенно стр. 4 слл.), свидѣтельствуетъ языкъ трагедіи. Или же — и на нашъ взглядъ это представляется болѣе вѣроятнымъ—мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ „крылатымъ словомъ" (т. е. съ выраженіемъ, вошедшимъ въ общій обиходъ) какого-нибудь ямбическаго поэта.

[1]) Болѣе надежный матеріалъ г. Ш. могъ найти у *F. Blass*'а, Demosthenes neun Philippische Reden. erkl. von *Rehdantz-Blass*, Rhetor. u. stilistischer Index s. v. *Alliteration*, гдѣ указано также кое-что изъ литературы по этому вопросу. Ср. еще *E. Wölfflin*, Die alliterierenden Verbindungen der latein. Sprache. *Sitzungsber. d. kgl. bayer. Akademie d. Wissensch.* 1881, отъ 11-го іюня; *его же* статьи въ *Archiv f. lat. Lexicogr.* I, 131, 599; III, 443 sqq; XIII, 41 sqq.; XIV, 515 sqq.— Совершенно пропущены у г. Ш. случаи такъ назыв. парономасіи, получающейся отъ повторенія на близкомъ разстояніи одного и того же слова, напр. Eq. 2 κακῶς— κακόν, 189 и 190 κακὰ κακῶς, Nub. 554 κακὸς κακῶς, Thes. 169 κακὸς κακῶς, Plut.

Приведенные примѣры, какъ намъ кажется, въ достаточной мѣрѣ выясняютъ, что способы, которыми г. Ш. доказываетъ народность разныхъ явленій въ языкѣ Аристофана, далеко не всѣ убѣдительны.

Вообще приходится сказать, что только для весьма немногихъ формъ, словъ и оборотовъ у Аристофана г. Ш. удалось доказать или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать вѣроятнымъ вліяніе народной, т. е. разговорной рѣчи.

V.

Особо разсмотримъ этимологіи г. Ш.

Какъ уже замѣчено выше, этимологическія разсужденія автора принадлежатъ къ самымъ слабымъ частямъ его книги. Это легко подтвердить примѣрами.

Для названія комической фигуры Σαννᾶς г. Ш. стр. 6 повторяетъ болѣе чѣмъ сомнительную этимологію, когда-то предложенную Аренсомъ, исходя изъ словъ Гесихія σαρδανάφαλλος· γελωτοποιός и σαρδαναπαλά· αἰδοῖα (cod. ἀλλοιά), „гдѣ σαρδ = σανδ“. Это коротенькое уравненіе съ наивной простотой рѣшаетъ спорный фонетическій вопросъ, связанный съ миѳологіей и исторіей. На почвѣ греческаго языка это уравненіе абсолютно невозможно, и Аренсъ (въ 1864 г.) допускалъ его, имѣя въ виду, что К. О. Мюллеръ (*Rhein. Mus.* III, 1829, 27 = Kl. Schr. II, 105) историко-миѳологическими соображеніями доказывалъ идентичность лидійскаго бога Sandas и ассирійскаго царя Сарданапала. Противъ мнѣнія Мюллера возражали Э. Мейеръ (*Ztschr. d. deutsch. morgenländ. Ges.* 31, 1877, 740) и другіе; правдоподобнымъ его находитъ Gruppe, Griech. Myth. 496 Anm. 6. Не будемъ вдаваться въ этотъ споръ; допустимъ, что въ малоазіатскихъ именахъ смѣна сочетаній σαρδ и σανδ возможна. Тогда приходилось бы признать, что комическая фигура Σαννᾶς возникла у негреческаго народа Малой Азіи, и надлежало доказать, какимъ путемъ она оттуда попала въ дорійскій народный фарсъ. При этомъ все же возникаетъ еще одно затрудненіе: переходъ сочетанія σανδ въ σανν тоже противорѣчитъ законамъ греческой фонетики; недоказанъ онъ также для негреческихъ языковъ Малой Азіи. Что же касается до глоссы Гесихія, то она,

---

65 κακὸν κακῶς, 418 κακοὺς κακῶς, 879 κακοὺς κακῶς; cp. Demosth. 21, 204 κακὸς κακῶς, Evang. Math. 21, 41 κακοὺς κακῶς („populäre Häufung“, *Blass*, Gramm. d. neutest. Griechisch, 292). Точно также καλὴ καλῶς Ach. 252, Pac. 1330, Eccl. 730, далѣе πολλὰ δὴ'πὶ πολλοῖς Eq. 411, πόλλ' ἐπὶ πολλοῖς Vesp. 1046, πάντ' ἐπὶ πᾶσι Eq. 402; μόνας μόναις Eccl. 448.

очевидно, основана на шуткѣ какого-нибудь комическаго поэта. Подобно тому, какъ названіе народа Τριβαλλοί шуточно ставилось въ связь со словомъ φαλλός (см. O. Crusius, Unters. z. d. Mimiamben des Herond., 123), такъ и имя Σαρδανάπαλλος сближалось съ этимъ самымъ словомъ (ср. Cic. de re publ. III frg. 4 Sardanapallus ille vitiis multo quam *nomine ipso* deformior).

Относительно названія Σαννᾶς (Σαννίων, Σαννυρίων) можно только сказать, что оно происходитъ отъ σαννά· τὸ αἰδοῖον (уменьшительное: σάννιον), слова, этимологически неяснаго. См. вполнѣ убѣдительное изложеніе Θ. Ф. Зѣлинскаго, Quaestiones comicae, 57 [1]).

Названіе другой комической фигуры Μόρυχος г. Ш. стр. 8 производитъ отъ какого-то несуществующаго существительнаго μόρυς. Болѣе пріемлемо объясненіе Θ. Ф. Зѣлинскаго, 38—40: онъ предполагаетъ, что рядомъ съ корнемъ μωρ — (μωρός) существовалъ сокращенный корень μορ —; окончаніе же — υχος, чередующееся съ — ιχος, имѣетъ уменьшительное значеніе.

Μελιττίδης г. Ш. стр. 11 ставитъ опять въ связь съ μέλι, медъ („терминъ... вполнѣ отвѣчаетъ нашему народному Сахаръ Медовичъ"?!), что̀ опровергнуто было Θ. Ф. Зѣлинскимъ, 53. Палеографическія соображенія говорятъ за форму Μελητίδης, которую Θ. Ф. Зѣлинскій производитъ отъ μέλος глупый (ср. ὦ μέλε). Отсюда же βλιτομάμμας (Шестаковъ, стр. 10) и βλάξ (стр. 14).

Совершенно фантастично сопоставленіе μαμμά-κυθ-ος съ κύτος (по G. Meyer, Gr. Gr³. 145=lat. cutis) и Κυθήρα, яко бы происходящими отъ корня κυ-έω (стр. 12). Болѣе правдоподобно производство отъ κεύθ-ω скрываю; μαμμά-κυθ-ος, стало быть, — „скрывающійся на груди матери". Этому не противорѣчитъ объясненіе схоліаста μαμμάκυθοι ἀντὶ τοῦ μαμμόθρεπτοι. См. Θ. Ф. Зѣлинскаго, 58 sqq., отстаивающаго необходимость сохраненія передаваемой въ рукописяхъ дорійской формы μαμμάκουθος, являющейся драгоцѣннымъ указаніемъ на дорійское происхожденіе слова.

Объ Ἀκκώ (стр. 12) см. Θ. Ф. Зѣлинскаго, 44—47, а также статью Крузіуса у Pauly-Wissowa, Realencycl. I, 1171 ff. [2]).

---

[1]) У Зѣлинскаго пропущено важное свидѣтельство Цицерона De orat. II, 251 quid enim potest esse tam ridiculum, quam Sannio est? sed ore, voltu, imitandis moribus, voce, denique corpore ridetur ipso. *Reich*, Der Mimus, I, 599 опять повторяетъ старое производство „a sannis", въ смыслѣ „гримасы"; тутъ правъ г. Ш., утверждая, что это „представляетъ уже вторичное позднѣйшее значеніе".

[2]) Возраженія Крузіуса противъ производства отъ ἀσκός кажутся намъ неубѣди-

Напрасно г. Ш. стр. 13 съ названіемъ комической фигуры Μαριχᾶς сопоставляетъ малоазіатскія имена Μαρόδδης, Μαρολλᾶς, Μάρις, Μαρίων; см. Θ. Ф. Зѣлинскаго, 41 sqq. Некстати также полемика г. Ш. противъ Reich'а, такъ какъ послѣдній лишь ссылается на Зѣлинскаго.

О βάκηλος стр. 14 см. Θ. Ф. Зѣлинскаго, 50 sq.

Μῶμαρ, конечно, ничего общаго не имѣетъ съ глаголами μωμάομαι, μωμαίνω (стр. 15); см. Θ. Ф. Зѣлинскаго, 40 [1]).

Этимологію и значеніе комической фигуры Μύλλος (стр. 20) точнѣе и лучше объяснилъ Θ. Ф. Зѣлинскій, 69—70.—Διάσυρος и Κάγχας должны быть исключены изъ числа фигуръ дорійскаго фарса; на вазѣ Астея, откуда ихъ, на основаніи чтенія К. О. Мюллера, взялъ Θ. Ф. Зѣлинскій (а вслѣдъ за нимъ Romagnoli, которому слѣдуетъ г. Ш. стр. 21) по Heydemann'у (Phlyakendarstellungen. *Jhrb. d. Arch. Instit.* I, 1886, 282) читаются иныя имена [2]).

Слово εἴρων г. Ш. попрежнему производитъ отъ ἐρ-έω спрашиваю, приписывая ему „іонійское происхожденіе". Но Solmsen, Unters. zur griech. Laut-u. Verslehre, 263 ставитъ Ϝέρ-ι̯ων въ связь съ русскимъ „врать".

Неправильно сказано стр. 35: „Гласный ο неударенный опущенъ въ словѣ λουμένης Pax 1139, λούμενος Plut. 658". Эти формы [3]) образованы отъ основы λο-; краткій тематическій гласный сливается съ ο основы. Ср. Rutherford, The new Phryn. 274 sqq. Kühner-Blass, Gr. Gr. II, 478.

Стр. 41 мы читаемъ: „О произношеніи... двугласнаго ει, все болѣе сводящемся къ простому ι, говоритъ также колебаніе въ Av. 1442 между написаніями Διτρέφης и Διειτρέφης, какъ предполагаетъ Kock, тѣмъ болѣе, что ι вообще составляетъ здѣсь еще вопросъ въ виду слабаго положенія передъ muta cum liquida". Слабое положеніе не можетъ оказывать вліянія на написаніе черезъ ι или ει; оно требуетъ

тельными. Еще въ русскихъ народныхъ представленіяхъ мимическаго характера „мѣхоноша" является постоянной комической фигурой.

[1]) Къ указаннымъ у Зѣлинскаго древнимъ свидѣтельствамъ слѣдуетъ прибавить объясненіе Геродіана въ Etym. Magn. s. v. Κάρητος· μῶμαρ σημαίνει τὸν μέγαν. Очевидно, дуракъ Μῶμαρ изображался рослымъ парнемъ (по правилу ἄνους ὁ μακρός) съ чѣмъ вполнѣ гармонируетъ этимологическая форма его имени („интенсивное" удвоеніе).

[2]) Зато слѣдуетъ прибавить несомнѣнный и очень характерный типъ мегарской народной комедіи Μαίσων, о которомъ смотри у *Θ. Ф. Зѣлинскаго*, 63.

[3]) Къ указаннымъ г. Ш. мѣстамъ можно прибавить Vesp. 118 ἀπέλου, Nub. 1044 λοῦσθαι, Av. 1623 λούμενος, Plut. 657 ἐλοῦμεν.

только удлиненія предыдущаго слога, почему прежде и читали Διιτρέφης съ долгимъ ι, какъ въ Гомеровскихъ δἵφιλος, δἵπετής. Далѣе не приходится говорить о колебаніи написанія, такъ какъ всѣ рукописи имѣютъ форму Διιτρέφης черезъ ι.

Но Elmsley ad Med. v. 326 (а не Кокъ; смотри его примѣчаніе къ Av. 789, каковое мѣсто пропущено у г. Ш.), основываясь на vetustissimum marmor, предлагаетъ писать Διειτρέφης. Дѣйствительно, въ аттическихъ надписяхъ V и начала IV вѣка встрѣчается эта форма имени [1]). Ея этимологическое основаніе раскрылъ Solmsen въ *Kuhns Ztschr.* 44, 1911, 161 f., исходя изъ διεϝι-τρέφης кипрской надписи, доказавъ въ то же время, что въ гомеровскихъ формахъ не имѣется простой „metrische Dehnung", какъ предполагали прежде [2]).

Стр. 42 Θουφάνους Eq. 1103, Θούμαντιν ibid. 1266, νουμηνίᾳ Vesp. 96 отмѣчаются какъ особенности Аристофанова языка, сближающія его съ народной рѣчью. Между тѣмъ это общее правило аттическаго діалекта. Сочетаніе εο остается открытымъ только въ двухсложныхъ словахъ: θεός, νέος, δέος, πέος и т. д. Во многосложныхъ словахъ происходитъ сліяніе. Кромѣ указанныхъ г. Ш. мѣстъ ср. еще: Θουκυδίδης Ach. 702, 708, Vesp. 947, Θούφραστος Vesp. 1302, 1314, 1316, νουμηνία Ach. 999, Eq. 43, Nub. 1191, 1195, 1196, Vesp. 171.—Ср. G. Meyer, Gr. Gr³. 211 [3]).

Тамъ же форма δορυξός Pac. 447, 549 (прибавить слѣдуетъ 1260) предполагается происшедшей изъ сліянія гласныхъ, тогда какъ она представляетъ собою новообразованіе изъ слитныхъ косвенныхъ падежей δορυξοῦ, δορυξῷ и т. д. См. G. Meyer l. l. 224.

Тамъ же тѣмъ же сліяніемъ гласныхъ объясняется форма ἱρός. Но теперь эту,—конечно, не народно-аттическую, а эпико-іонійскую [4]) — форму отдѣляютъ отъ ἱερός, предполагая, что она произошла изъ ἴσ-ρό-ς (откуда и лесбосское ἶρος). См. Osthoff, Morphol. Unters. IV, 149 [5]).

---

[1]) *Meisterhans²*, 40, № 328.

[2]) Совершенно недоказательно замѣчаніе г. Ш.: „Скорѣе за ει говорятъ созвучія δεινῶς γέ μου τὸ μειράκιον Διειτρέφης Av. 1442".

[3]) Θεογένης (Vesp. 1183, Pac. 928 etc.), Θεόφιλος, Θεόδοτος и т. д. G. Meyer считаетъ возникшими подъ вліяніемъ простого θεός.

[4]) У Аристофана она встрѣчается только въ лирическихъ (Vesp. 308, Thesm. 1068), трохаическихъ (Eq. 301) и анапестическихъ (Ran. 1525) частяхъ. Ср. *Speck*, De epicarum etc. form. ap. comicum usu, 26.

[5]) Не только разобранные три случая, но и весь матеріалъ, собранный стр. 42 подъ рубрикой *сліяніе гласныхъ внутри слова*, вызываетъ сомнѣніе. Этимологія прилагат. νωδός Ach. 715 = νή + ὀδούς совершенно невозможна; скорѣе можно было бы

Относительно встрѣчающаго въ аттическихъ надписяхъ [1]) μικός (вм. μικρός) г. Ш. стр. 55 сл. колеблется, признать ли въ немъ яко бы дорійскую ассимиляцію звука ρ предыдущему κ, или же выпаденіе этого звука вслѣдствіе диссимиляціи, склоняясь, въ концѣ концовъ, повидимому, къ послѣднему объясненію. Оно совершенно невѣроятно. Г. Ш. пишетъ: „μικός аттическихъ надписей *въ извѣстномъ сосѣдствѣ* могло развиться и внѣ дорійскаго вліянія, на почвѣ аттической рѣчи, въ силу диссимиляціи, расподобленія". Что значатъ подчеркнутыя нами слова, непонятно. Развѣ въ сочетаніяхъ κανᾶ μικά IG. II 818, 18 или οἰνοχόη μικά ibid. 20 „сосѣдство" могло вызвать диссимиляцію? Но и первое объясненіе вызываетъ сомнѣнія. Для „дорійской" ассимиляціи κρ=κκ имѣется только одинъ, при томъ сомнительный, примѣръ; это Μακκός=μακρός. Но для этого названія предложена и другая этимологія; см. Θ. Φ. Зѣлинскаго, Quaest. com. 59 sqq.

G. Meyer, Gr. Gr.² 363, 372 отдѣляетъ μικκός отъ μικρός, предполагая первое происшедшимъ изъ μικϝ-ός, причемъ сравниваетъ встрѣчающееся у грамматиковъ μικύς, далѣе μικύθινον· τὸ μικρόν Hes. и имя собственное Μίκυθος. Съ Мейеромъ согласны Brugmann—Thumb, 66: „μικκός zu μικύς". Какъ относится къ этому μικκός форма μικός съ однимъ κ, не совсѣмъ ясно. По г. Ш. такое „облегченіе и упрощеніе" въ порядкѣ вещей „въ народной фонетикѣ". Онъ ссылается на формы Πύρου вмѣсто Πύρρου и Φυλίδα взамѣнъ Φυλλίδα на табличкахъ проклятія. Но 1) tabulae defixionum писались безграмотными людьми, принадлежавшими къ infima plebs. Но если даже согласиться съ Schwyzer'омъ (см. выше стр. 16) и не видѣть тутъ

сблизить это слово съ νωθής. Pac. 906 θέασ' и Lys. 734 ἐῶ представляютъ собою обычную συνίζησις; Lys. 20 προὐργιαίτερα—такой же красисъ; въ Eq. 428 κρέας, Plut. 790 καταχέω, 391 и 1169 φρέαρ нѣтъ ни того ни другого, а еще менѣе — слиянія гласныхъ. Λάρτιος вм. Λαέρτης Plut. 312 — трагическая форма, ἀρχέλας Eq. 164 — дорійская, θᾶσθε Ach. 770, κρῆς Ach. 795 — мегарскія и какъ таковыя никакого отношенія къ народной аттической рѣчи не имѣютъ. Совершенно непонятно „αἰ изъ ἀεί Ach. 849".

[1]) У Аристофана не встрѣчается форма μικός; есть только μικκός въ рѣчи Бэотійца Ach. 909 и имена собственныя Μίκα Thes. 760 и Μίκων Lys. 679, причемъ по положенію въ стихѣ количество звука ι въ первомъ имени неопредѣленно, во второмъ—краткое. Если г. Ш. тѣмъ не менѣе пишетъ: „Въ *Аристофановскомъ* μικός, какъ въ его же τυννός, видятъ Аристофановскіе доризмы", то онъ невѣрно понялъ *Thumb*'а, Die griech. Sprache im Zeitalter d. Hellenism. 60, на котораго при этомъ ссылается: „Wie wir schon für μικρός eine dorische Form μικός aus den Inschriften kennen lernten, so gebraucht Aristophanes für μικρός ein anderes dorisches Adjectiv τυννός und τυννοῦτος".

простого неумѣнія правильно передать на письмѣ произносимые звуки [1]), то все же эта особенность должна быть отнесена къ говору низшихъ классовъ, къ διάλεκτος ἀνελεύθερος; 2) въ плавныхъ колебанія въ удвоеніи скорѣе допустимы; 3) документы эти относятся къ III вѣку, т. е. ко времени, отстоящему отъ Аристофана на 2 столѣтія. Ср. замѣчаніе Мейстерганса[2], 63: „Gross wird die Unsicherheit in der Gemination seit der römischen Zeit, besonders bei λ, μ, ν, ρ, σ". Г. Ш. продолжаетъ: „Что касается Аристофана, то, судя по схоліасту къ 822 стиху Ахарнянъ, нашъ поэтъ одинаково употреблялъ обѣ формы, и съ двойнымъ и съ ординарнымъ согласнымъ". Но замѣчаніе схоліаста относится лишь къ слову σάκος, σάκκος, которое, будучи иностраннаго происхожденія, въ счетъ не идетъ [2]).—По Г. Мейеру l. l. 363 прим. форма μικός не произошла изъ μικκός, но должна быть непосредственно сопоставлена съ лат. mīca, крошка. Но это слово несомнѣнно заимствовано изъ греческаго, ср. Stowasser, Dunkle Wörter, Wien 1890, 1.—Также нелегко объяснить краткое ι въ собств. имени Μίκων у Аристофана Lys. 679 (то же самое у Өеокрита V 112, откуда и у Вергилія Ecl. VII 30 Mĭcon).— Crönert, Mem. Gr. Hercul. 298, указывающій примѣры употребленія μικκός и μικός также у позднѣйшихъ писателей, отрицаетъ дорійское происхожденіе этихъ формъ, главнымъ образомъ на основаніи ихъ употребленія и у Гиппократа. Вопросъ объ этихъ формахъ у Гиппократа требуетъ болѣе тщательнаго изслѣдованія. Не можемъ, однако, не указать, что въ пользу ихъ дорійскаго происхожденія, на нашъ взглядъ, говоритъ женская форма μικά въ аттической надписи IG. II 818, 20 (οἰνοχόη μικά).

Стр. 56 мы читаемъ: „Еллинистическое καμμύω изъ καταμύω, κάτμύω засвидѣтельствовано уже въ народномъ языкѣ классической Греціи какъ ея комедіей, такъ и нападками на форму аттициста Фри-

---

[1]) Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что по этому поводу пишетъ *Rabehl*, 6: „audacius mihi videtur—ut faciunt nonnulli—neque imperitiam scriptoris nec lapsus calami satis respicere et statim formas adhuc occultas inesse conicere. Consentaneum enim est illas diras saepissime non ea accuratione qua tituli publici conscriptas esse... praesertim cum plurimi qui scribebant tabellas infimorum sint ordinum, quin etiam ne Graeci quidem sed saepe barbari... Accedunt innumerabiles errores scribendi, dittographiae, haplographiae, et omnes eae res quae nobis qui multo excercitatiores hodie sumus saepe accidunt, multo saepius illis accidisse libenter concedas".

[2]) Ср. *Wüst*, Fremdwörter bei Aristophanes. *Blätter f. d. bayer. Gymnasial-Schulwesen*, XLII, 1906, 241 ff.

ниха и обороной ея у антиаттициста“. Г. Ш. выражается слишкомъ неопредѣленно. Дѣло въ томъ, что поэтъ новой комедіи Алексидъ разъ употребилъ эту форму, за что подвергается порицанію со стороны Фриниха (p. 426 Ruth.: κέχρηται τῷ καμμύειν ἠμελημένως ἐσχάτως); антіаттицистъ же просто констатируетъ: καμμύειν οὔ φασι δεῖν λέγειν, ἀλλὰ καταμύειν. Можно ли на основаніи того факта, что Алексидъ однажды употребилъ эту форму, утверждать, что она принадлежитъ народному языку Аттики (общаго „народнаго языка классической Греціи“, какъ замѣчено выше, не существовало)? Можно ли затѣмъ отсюда дѣлать заключенія относительно языка Аристофана? Г. Ш. говоритъ далѣе, что это явленіе „восходитъ въ своемъ происхожденіи къ часто употребляемому Аристофаномъ усѣченію послѣдняго согласнаго (? г. Ш. вѣроятно хотѣлъ сказать: гласнаго) въ предлогѣ при сложеніи съ глаголомъ. Мы видѣли такое усѣченіе не только въ предлогѣ κατά, какъ здѣсь, но и въ παρά, напримѣръ, πάρφαινε Lys. 183. Къ послѣднему примѣру хорошую параллель представляетъ pas-stata оскской надписи, получающееся изъ греческаго παραστάδες черезъ среднюю форму par-stata. Въ конечномъ итогѣ, это объясняется той же быстротою народнаго произношенія, которою объяснимо такъ многое въ Аристофановской фонетикѣ“. Вмѣсто указанія на оскскую параллель [1]), случайно подобранную у Mommsen, Die unterital. Dialekte 180, полезнѣе было бы болѣе тщательно присмотрѣться къ употребленію такихъ „усѣченныхъ“ формъ у самого Аристофана. Не изслѣдовавъ спеціально вопроса, мы можемъ указать слѣдующіе случаи у Аристофана: 1) ἄν=ἀνά: ἀμβᾶτε Ach. 732, ἄντεινον Ach. 766, ἀμπεπαρμένον Ach. 796, ἀμπτάμενος Lys. 106, ἀμβαλώμεθα Lys. 1096, ἀμπάλλοντι Lys. 1310; ἀμπέτομαι Av. 1372, ἀμπάλλετε Ran. 1358; сомнительно ἀμβληχᾶται Vesp. 570; 2) κάτ=κατά: κατθανεῖν Ran. 1477; 3) πάρ=παρά: πάρφαινε Lys. 183 (указано г. Ш.); 4) πότ=ποτί (πρός): ποττάν Ach. 732, 783, 1006, ποττό Ach. 761, Lys. 117, ποττάς Lys. 1264, ποττά Lys. 1253.—Оставляя въ сторонѣ сомнительное въ критическомъ отношеніи ἀμβληχᾶται Vesp. 570 [2]), мы видимъ, что усѣченная форма употребляется только въ рѣчи выводимыхъ поэтомъ не-

---

[1]) Зачѣмъ, впрочемъ, было прибѣгать къ оскскому языку, когда въ греческомъ имѣется форма παστάς вм. παραστάς? См. *Solmsen*, Beiträge z. griech. Wortforsch. I, 2—4.

[2]) Rav. имѣетъ ἄμ' ἄμα βληχᾶται, Venet. ἀποβληχᾶται; Porson хотѣлъ выбросить ἄμ', Kock предлагаетъ ἅμα μηκᾶται, van Leeuwen—ἅμα βρυχᾶται; только Bergk пишетъ ἀμβληχᾶται.

аттиковъ: мегарца въ „Ахарнянахъ“, спартанки Лампито и лакедемонцевъ въ „Лисистратѣ“. Исключенія составляютъ ἀμπάλλετε Ran. 1358, гдѣ пародируется рѣчь Еврипида, κατθανεῖν Ran. 1477, гдѣ также имѣется пародія Еврипида, и ἀμπέτομαι Av. 1372, гдѣ пародируется дорійская лирика [1]). Дѣйствительно, усѣченныя формы предлоговъ свойственны нарѣчіямъ дорійскимъ и эолійскимъ (особенно бэотійскому) [2]). Въ гомеровскомъ языкѣ онѣ представляютъ собою эолизмы [3]), а у трагиковъ онѣ появляются подъ вліяніемъ дорійской лирики и эпоса [4]). Аттическому же нарѣчію, въ особенности языку, близкому народной или разговорной аттической рѣчи, онѣ вполнѣ чужды; см. Kühner-Blass, I, 176—180. Какъ дико звучали усѣченныя формы для уха аттика V вѣка, показываютъ пародіи и насмѣшки Аристофана. Если тѣмъ не менѣе во вторую половину IV вѣка въ аттическихъ надписяхъ попадаются формы κατάδε вм. κατὰ τάδε, κατούς вм. κατὰ τούς, то тутъ, какъ замѣтилъ уже Мейстергансъ, сказывается „Beeinflussung des Attischen durch die Koine“. Послѣ этого ясно, какую цѣну имѣетъ объясненіе г. Ш. этого явленія „той же быстротой народнаго произношенія, которою объяснимо такъ многое въ Аристофановской фонетикѣ“.—Надъ научнымъ объясненіямъ усѣченныхъ формъ предлоговъ за послѣднее время трудилось немало выдающихся лингвистовъ: ср. G. Meyer, Gr. Gr.³ 402; Brugmann-Thumb, 165 и указываемую ими литературу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы имѣемъ диссимиляторный пропускъ слога (κατὰ τάδε=κατάδε etc); въ другихъ можно признать дѣйствіе такъ назыв. Кретшмерова закона (т. е. устраненіе неударяемаго гласнаго послѣ плавнаго или носового звука, если тотъ же гласный стоитъ въ предыдущемъ слогѣ, напр. ἀναβαλώμεθα=ἀμβαλώμεθα, παράφαινε=πάρφαινε) и т. д. Впрочемъ, нѣкоторые лингвисты, какъ Günther, *Indogerm. Forsch.* 20, 37, считаютъ краткія формы κάτ, πάρ и т. д. исконными, формы съ конечнымъ гласнымъ— возникшими по аналогіи.

Среди главы, озаглавленной *Фонетика сосѣднихъ согласныхъ* (стр. 51), мы довольно неожиданно встрѣчаемъ на стр. 58—59 раз-

---

[1]) Нѣкоторые издатели, впрочемъ, пишутъ тутъ ἀναπέτομαι.

[2]) *Thumb*, Handb. d. griech. Dial. 77, 183, 207.

[3]) *Thumb*, 315. По мнѣнію Thumb'a, іонійскій діалектъ не зналъ апокопированныхъ формъ предлоговъ. Встрѣчающіяся у Геродота и у ямбографовъ и элегиковъ исключенія онъ объясняетъ вліяніемъ гомеровскаго языка, стр. 328, 334, 359.

[4]) У Ксенофонта, повидимому, тоже встрѣчаются краткія формы предлоговъ. Но этотъ писатель, какъ извѣстно, вообще уклоняется отъ чистаго аттицизма.

сужденіе о выпаденіи *гласныхъ*. Тутъ мы, между прочимъ, читаемъ: „Съ опущеніемъ гласнаго ο въ неударяемомъ слогѣ мы имѣемъ дѣло въ постоянно встрѣчающихся у Аристофана формахъ πλεῖν, δεῖν, которыя объясняются какъ сокращеніе изъ πλεῖον, δεῖον". Это объясненіе давно устарѣло. Современная грамматика объясняетъ πλεῖν какъ средній родъ слабой формы мужескаго рода *πλεῖς (ср. πλεῖσ-τος и гомеровскія πλέες πλέας); см. G. Meyer, Gr. Gr.[3], 411. Δεῖν же предполагается возникшимъ по аналогіи съ πλεῖν; id. ibid., 78.

Г. Ш. продолжаетъ: „Сравните въ ономатологіи аттическихъ надписей, съ одной стороны, такія формы, какъ Κλεόδημος, а съ другой стороны, Κλείδημος и Κλειγένης". Вмѣсто надписей, г. Ш. могъ сослаться на самого Аристофана: съ одной стороны — Κλεόκριτος Av. 877 и т. д., Κλεομένης Lys. 273, съ другой—Κλειγένης Ran. 703, Κλειδημίδης Ran. 791, Κλεισθένης Ach. 118 и т. д. Предлагаемое же объясненіе опять-таки невѣрно: Κλείδημος произошло не изъ Κλεό-δημος, а изъ ΚλεϜέ-δημος (ср. Μενέ-δημος отъ μένος, Σθενέ-βοια отъ σθένος). См. G. Meyer[3], 211.

Мнимое сокращеніе πλεῖν и δεῖν изъ πλεῖον и δεῖον г. Ш. поясняетъ еще слѣдующей аналогіей: „также на почвѣ латинской народной рѣчи изъ полнаго слова idololatriae получается idolatriae, если это не диссимиляторное опущеніе цѣлаго слога". Конечно, лишь послѣднее объясненіе допустимо, и только такимъ образомъ объясняются также Βλέπυρος вмѣсто *Βλεπέπυρος и гомеровское μεταμώνιος вмѣсто *μετανεμώνιος, гдѣ г. Ш., стр. 57, совершенно напрасно предполагаетъ выпаденіе ε и промежуточныя формы *Βλέππυρος и *μεταμμώνιος. О диссимиляторномъ пропускѣ цѣлаго слога г. Ш. говоритъ только стр. 63, приводя изъ Аристофана одно лишь собственное имя Στρυμόδωρος (вмѣсто *Στρυμονόδωρε), хотя у нашего поэта встрѣчается, конечно, не мало другихъ примѣровъ (σκίμπους Nub. 254, 709 изъ *σκιμπόπους, ἀμφορείδιον Pac. 202 изъ *ἀμφιφορείδιον и т. д.). Объ этомъ явленіи, которое нѣкоторые современные лингвисты предпочитаютъ называть гаплологіей, ср. Brugmann-Thumb, 160 ff. Нѣтъ, впрочемъ, никакого основанія считать его спеціально „народнымъ", такъ какъ оно встрѣчается въ словахъ, постоянно употребляемыхъ въ литературномъ языкѣ.

Противъ предложеннаго Аренсомъ объясненія слова χρεών=χρὴ ὄν выступилъ I. Wackernagel, Vermischte Beiträge zur griech. Sprachkunde, 53 (Basel 1897), называя его „phonetisch unmöglich". Самъ онъ предполагаетъ, что гомеровское ἡ χρεώ со временемъ стало суще-

ствительнымъ средняго рода по аналогіи съ τὸ χρέος, τὸ ὄφελος и т. д., а затѣмъ приняло конечное ν по аналогіи формъ средняго рода τὸ καλόν, κάλλιον, δέον и т. д. Г. Ш. стр. 86 цитируетъ Вакернагеля, но не опровергаетъ ни его возраженія противъ Аренса, ни выставленной имъ новой этимологіи [1]). Тѣмъ не менѣе онъ исходитъ изъ Аренсовой этимологіи и соображеніями, на ней основанными, доказываетъ народность даннаго реченія. При этомъ онъ, кромѣ того, утверждаетъ, что, если большинство случаевъ употребленія χρεών у Аристофана и приходится на лирическія партіи комедіи, тѣмъ не менѣе „и Аристофановскій триметръ, то-есть наиближе воспроизводящій народную рѣчь діалогъ“, представляетъ примѣры этого слова. Ср., однако, наблюденіе фанъ-Гервердена ad Pac. 765 относительно употребленія χρεών у Аристофана: „Vox tragica est, quae paenultimo tantum loco in senario, quia de oraculo agitur tragicam gravitatem imitanti, reperitur“.

Странное фонетическое явленіе открылъ г. Ш., утверждая стр. 208, что демъ Кропидовъ „въ полномъ видѣ“ назывался демомъ Кекропидовъ, причемъ ссылается на Eq. 1045 (читай 1055) [2]). Этимологическому lapsus'у равенъ историческій. Торжественное величаніе аѳинянъ Кекропидами (потомками Кекропа, Κεκροπίδαι) ничего общаго не имѣетъ съ названіемъ дема Кропидовъ (Κρωπίδαι), о которомъ см. Р. X. Лепера въ Realencycl. Pauly-Wissowa, V, 79. О каламбурѣ Аристофана Eq. 79 г. Ш. выражается, впрочемъ, слишкомъ осторожно, говоря, что „страна Клопидовъ представляетъ, *вѣроятно*, димъ Аттики Кропидовъ“. Въ надписи IV—III вѣка встрѣчается форма Κλωπίδαι [3]),

[1]) Вакернагеля г. Ш. по обыкновенію своему цитируетъ опять-таки неточно по существу, говоря, что онъ „склоненъ отрицать“ принадлежность аттическому народному языку описательное выраженіе χρὴ ὄν въ соединеніи χρεών. Но „принадлежность аттическому народному языку“ χρεών отрицаетъ В., а правильность предложенной Аренсомъ этимологіи. Это—разница!

[2]) Намъ уже неоднократно мимоходомъ приходилось исправлять ошибки г. Ш. въ цитатахъ. Онѣ встрѣчаются почти на каждой страницѣ. Къ указаннымъ въ нашемъ текстѣ при случаѣ неточностямъ этого рода можно прибавить, ограничиваясь цитатами изъ одного лишь Аристофана, напр. еще слѣдующія: стр. 44—Ran. 599 вм. 509; стр. 49—Nub. 34 вм. Vesp. 34; стр. 58 прим. 2—Ach. 131 вм. Eq. 131; стр. 70—Av. 1556 вм. 1356; стр. 83—Ach. 385 вм. Av. 385; стр. 85—Ran. 26 вм. 36; стр. 109—Pax. 191 вм. 291; стр. 147—Av. 1380 вм. 1500; стр. 160—Av. 246 вм. 216; стр. 166—Nub. 540 вм. 450, и т. д. Мы не подчеркивали бы этого обстоятельства, если бы самъ г. Ш. не счелъ нужнымъ исправлять фанъ-Гервердена по этому самому поводу, стр. 102, прим. 2.

[3]) *Meisterhans*², 63, 8.

чѣмъ вполнѣ опредѣленно доказывается, что Аристофанъ имѣлъ въ виду именно этотъ демъ. Возможно, что Κλωπίδαι—форма „народная".

Стр. 217 г. Ш. говоритъ: „σαύρα имя растенія, переносно membrum virile, отсюда сложное σαυλοπρωκτιᾶν (съ народной диссимиляціей ρ въ λ передъ другимъ ρ) Vesp. 1173, причемъ близкое выраніе σαῦλα βαίνειν указываетъ Климентъ Александрійскій Paed. III 294 изъ Анакреона fr. 168 Bergk". Что значитъ сложный яко бы изъ σαύρα и πρωκτός глаголъ σαυλοπρωκτιᾶν, г. Ш. не говоритъ. Не объясняетъ онъ также, какова связь между значеніями „имя растенія" и membrum virile. Онъ ссылается на Clemm, Beiträge zur gr. u. lat. Etymologie. *Curtius*, *Studien*, III, 285. Но Clemm говоритъ совершенно иное. По его мнѣнію, основа σαυ-ρ- заключаетъ въ себѣ понятіе подвижности, Begriff der Beweglichkeit: „Zunächst hiess offenbar die Eidechse σαύρα oder σαῦρος von ihrem langen, beweglichen Schwanze. Damit stimmen auch die übrigen Bedeutungen dieser Wörte: σαύρα ist noch der Name einer Pflanze, einer Art Kresse..., dann heisst es membrum virile, σαῦρος aber, wie σαυρῖτις, eine Art Seefisch" [1]). Отъ того же корня σαυ-, но уже съ суффиксомъ не -ρ-, а -λ-, образовано, по Клемму, прилагательное σαῦλος, встрѣчающееся Hom. hymn. Merc. 25 χέλυς... σαῦλα ποσὶν βαίνουσα, Semon. Amorg. 18 Bergk σαῦλα βαίνων, ἵππος ὡς κορωνίης, Anacr. frg. 55 B. σαῦλαι Βασσαρίδες, fr. 168 σαῦλα βαίνειν, а также глаголъ σαυλοῦσθαι Eurip. Cycl. 40. Отъ прилагат. σαῦλος, а не отъ существительнаго σαύρα, образовано σαυλοπρωκτιάω, и никакой „народной диссимиляціи" тутъ не имѣется.

VI.

Указанные нами недостатки [2]) имѣютъ органическій характеръ, касаясь самаго существа работы, и настолько значительны, что ли-

---

[1]) *Solmsen*, Beiträge zur griech. Wortforschung, I, 132 отдѣляетъ σαύρα membrum virile отъ σαύρα ящерица. Первое онъ сопоставляетъ съ σαυρ-ω-τήρ и присваиваетъ ему значеніе „Röhre"; σαύρα, σαῦρος ящерица и онъ ставитъ въ связь съ прилагат. σαῦλος.

[2]) Мы затронули далеко не всѣ слабыя стороны книги г. Ш. Можно было бы еще указать напр. на плохое знакомство автора съ исторіей греческой комедіи. Ср. стр. 27: „начиная съ комедій Менандра, то есть со *средней* комедіи". Комическій поэтъ Λύκις, котораго Аристофанъ Ran. 14 называетъ вмѣстѣ съ Фринихомъ и Амипсіемъ, стр. 196 превратился въ „одного изъ тѣхъ типичныхъ рабовъ, которые постоянно носятъ тяжести въ старой комедіи". Стр. 131 упоминается о комедіи „Гуси" Магнета; г. Ш. ввелъ въ заблужденіе *Reich*, Der Mimus 480, у котораго напечатано: des Magnes ὄρνιθες, ψῆνες и т. д.; г. Ш. прочелъ χῆνες вм. ψῆνες

шаютъ трудъ г. Ш. научнаго значенія. Не являясь плодомъ самостоятельнаго, непосредственнаго изученія Аристофана и другихъ памятниковъ древней литературы, книга г. Ш. мало пригодна и въ смыслѣ простого собранія матеріала. Лишь очень немногія ея части, главнымъ образомъ изъ главы IV (словообразованіе) и главы V (семасіологія), могутъ оказаться полезными для будущаго изслѣдователя народныхъ элементовъ въ рѣчи Аристофана. Намъ приходилось до сихъ поръ почти исключительно отрицать и опровергать. Тѣмъ охотнѣе мы останавливаемся на нѣкоторыхъ страницахъ книги, содержащихъ не лишенныя значенія указанія. Правда, безъ возраженій, исправленій и дополненій и тутъ дѣло не обойдется.

Интересное наблюденіе мы встрѣчаемъ стр. 35: „Опущеніе неудареннаго гласнаго ε по сосѣдству съ плавнымъ согласнымъ λ представлено словомъ πλάτιδι женѣ отъ πελάτις (читай πελᾶτις) въ связи съ πέλας Ach. 132". Мы имѣемъ здѣсь, повидимому, дѣйствительно дѣло съ особенностью аттическаго разговорнаго языка. P. Kretschmer, Die griech. Vaseninschriften, 124 отмѣчаетъ четыре случая написанія ἐποίησν (съ пропускомъ ε) на аттическихъ вазахъ, два случая написанія Ἀθήνηθν, одинъ случай написанія Ἀπλόδωρος (вм. Ἀπολλόδωρος). Изъ этого видно, что разговорная рѣчь аттическихъ низшихъ круговъ имѣла склонность въ сосѣдствѣ съ плавными выбрасывать краткій гласный звукъ. Эта особенность спорадически проявляется и въ формахъ, принятыхъ литературнымъ языкомъ. Такъ объясняется аттическая форма πλέθρον рядомъ въ Гомеровской πέλεθρον, θρίζω у Эсхила Agam. 542 W. вм. θερίζω, στυφλός рядомъ съ στυφελός; ср. также τόνθρυζε у Геронда 8, 8 (рядомъ съ τονθορύζουσαν 6, 7 и τονθορύζει 7, 77). Къ указанному г. Ш. изъ Аристофана примѣру [1]) можно прибавить еще другой, это—Vesp. 572, гдѣ поэтъ играетъ словами ἄρρενος и ἀρνός: εἰ μὲν χαίρεις ἀρνὸς φωνῇ, παιδὸς φωνὴν

(галицы); источникъ нашихъ свѣдѣній о комедіяхъ Магнета, Аристофанъ Eq. 520, ему совершенно неизвѣстенъ. Комическій поэтъ Филетеръ стр. 172 превратился въ „комика Филета", Канѳаръ стр. 131—въ Кантора. Знаніе г. Ш. греческаго языка характеризуется слѣдующими его переводами: стр. 30 и стр. 234 ἔγχελυς — устрица; стр. 73 φράτορες—братья, стр. 137 νυκτερίς—ночная птица, стр. 220—сова; стр. 168 σαίρω — махаю хвостомъ; стр. 209 κόρεις—блохи; стр. 231 κυδώνια—лимоны; стр. 234 ἔρνος—агница и т. д.

[1]) Другой приводимый г. Ш. примѣръ, κεβληπυρις Av. 303 (названіе птицы), является мало убѣдительнымъ. Если и согласиться съ этимологіей κεφαλή+πῦρ, то переходъ φ въ β указываетъ на сѣверо-греческій діалектъ, откуда это слово могло быть заимствовано.

ἐλεήσαις, какъ въ слѣдующемъ стихѣ — разными значеніями слова χοιρίδιον.

Въ связи съ полугласнымъ произношеніемъ λρν, на которомъ основано отмѣченное явленіе, находится противоположное ему—такъ называемая ἀνάπτυξις. Кретшмеръ, 125 сл. приводитъ встрѣчающіяся на аттическихъ вазахъ формы Ἑρεμῆς (вм. Ἑρμῆς), Ἐπίδορομος (вм. Ἐπίδρομος), Τέροπων (вм. Τέρπων), Γορογοῦς (вм. Γοργοῦς). На болѣе позднихъ (III в. до Р. Х.) таблицахъ проклятія мы находимъ форму Ἑριμῆν вм. Ἑρμῆν (Schwyzer, *Jb. f. d. kl. Alt.* III, 1900, 254). Г. Ш. стр. 36 указываетъ изъ Аристофана ἑκατοντορόγυιον Av. 1131 (ἑκατόν+ὀργυιά) и Τελεμησσῆς вм. Τελμησσῆς[1]). Быть можетъ, слѣдуетъ прибавить σκινδάλαμος Nub. 130, Ran. 819 (вм. σκινδαλμός). Примѣры изъ другихъ писателей даетъ G. Meyer, Gr. Gr.[3] 157 — 162 (βαράγχος-βράγχος, Ἀσκαλαπιάδας—Ἀσκλαπιάδας, ἄστερου — ἄστρου, τεροπῆ—τροπῆ, ἀραβύλαι—ἀρβύλαι, τόρονος—τόρνος). Ср. лат. Alcumena, Aesculapius, guminasium, Terebonius (= Trebonius), Militiades (= Miltiades) и т. д.

Любопытное явленіе подмѣчено г. Ш. стр. 85: „несомнѣнной уже особенностью языка Аристофана является описаніе простой глагольной формы посредствомъ соотвѣтствующаго причастія съ изъявительнымъ наклоненіемъ вспомогательнаго глагола“. Къ указаннымъ имъ примѣрамъ можно еще прибавить: λυποῦν ἐστι=λυπεῖ Eccl. 359, ὅστις ἐστὶν ἀμνοκῶν (правда, глаголъ ἀμνοκοέω въ другихъ мѣстахъ не встрѣчается)... καὶ τρέμων τὰ πράγματα Eq. 264, ἦν... χρεὼν (=ἐχρῆν) Eq. 138, χρεὼν ἐστιν (=χρή) Pac. 1029 и особенно часто встрѣчающійся оборотъ ἔστιν ἔχων, Pac. 334 μοὐστ' ἀναγκαίως ἔχον, Ran. 1161 οὐ.. ταὐτ' ἐστ', ἀλλ' ἄριστ' ἔχον, Plut. 371 ἐστὶν... ἑτέρως ἔχον. Но это не есть „особенность языка Аристофана“. Такое описательное выраженіе вмѣсто простого сказуемаго встрѣчается и у другихъ писателей: Aeschyl. Choeph. 238 W. ἔστ' ἀναγκαίως ἔχον, 693 ἦν γὰρ εὐβούλως ἔχων, Eurip. Suppl. 527 ἔστιν οὐ καλῶς ἔχον, Heraclid. 475 ἔστιν..οὐκ ὀρθῶς ἔχον, Hdt. II 125 ἔστι οὕτως ἔχοντα ταῦτα, Xenoph. Hell. I 6, 32 εἴη καλῶς ἔχον, IV 8, 4 ἔστι δ' οὐχ οὕτως ἔχον, Anab. IV 1, 3 ἔστιν οὕτως ἔχον, Plat. legg. IX 876 e ἦν ὀρθότατα ἔχον, Antiph. com. frg. 53, 3 ἐστ' ἀναγκαίως ἔχον, Xenoph Cyrop. VI 2, 24 и Hell. VII 1, 28 ὡς χρεὼν εἴη,

[1]) Это слово г. Ш. пишетъ Τελεμήσσιος, съ примѣчаніемъ: „однако Ribbeck Alazon 16 передаетъ заглавіе комедіи Аристофана какъ Τελμησῆς“. Форма Τελεμησσῆς защищена у Аристофана размѣромъ frg. 534 и 535 (*Kock*, I, 527). Въ надписяхъ встрѣчается Τελεμήσσιοι и Τελμησσεύς (*Kock* ad l. l.). О „приспособленіи къ нарѣчію τῆλε“ нельзя думать, вслѣдствіе разницы въ количественности звука *e*.

Demosth. III 24 ἐστὶ προσῆκον, 26 ἦσαν μένοντες, VI 33 ἔστι ταῦτα... ἐπαυξάνοντα. Тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что тутъ, дѣйствительно, на лицо особенность разговорной рѣчи. Такъ какъ дѣло идетъ о явленіи, основанномъ на общечеловѣческомъ психологическомъ законѣ, то считаемъ возможнымъ сослаться на такъ называемую народную латынь. M. Niedermann, Ueber einige Quellen unserer Kenntniss des späteren Vulgärlateinischen. *Neue Jhrb. f. d. kl. Altert.* XV, 1912, 335 признаетъ „periphrastische Ausdrucksweise“ за „echtvolkstümlich“ и приводитъ разительный матеріалъ изъ обработки mulomedicina Chironis Вегеціемъ. Стремясь къ литературности языка, Вегецій во многихъ случаяхъ замѣнилъ описательныя выраженія своего написаннаго чисто народнымъ языкомъ оригинала болѣе литературными, простыми. Такъ, напр., odium facit онъ передаетъ черезъ fastidit, ruptionem patiatur—черезъ rupta est, habentes rigorem—черезъ rigidas. Знаменательно также частое употребленіе перифрастическихъ формъ глагола въ языкѣ Новаго Завѣта; ср. F. Blass, Gramm. des neutestamentl. Griechisch, Göttingen 1896, 198 сл. (глава „Umschreibende Conjugation“).

Соотвѣтственно съ наблюденіемъ Нидерманна, народными, т. е. взятыми изъ разговорной рѣчи, можно считать еще и другія выраженія Аристофана, представляющія собою сложный, описательный оборотъ вмѣсто простого. Сюда относятся перифразы съ глаголомъ ποιεῖν: ἐπίδηλον ποιεῖν Eq. 38 = δηλοῦν, ὕδωρ ποιεῖν Vesp. 260=ὕειν, ψόφον ποιεῖν Av. 53=ψοφεῖν; ср. ὀπτὸν ποιεῖν=ὀπτᾶν у комика Ефиппа, ἐφθὸν ποιεῖν = ἕψειν у Алексида (Selvers, De med. comoed. sermone, 14), а также многочисленные латинскіе обороты съ facere, нѣмецкіе—съ machen (O. Weise, Charakteristik der lat. Spr.[4] 123), французскіе—съ faire, англійскіе—съ to make. Далѣе у Аристофана встрѣчается перифразы съ глаголомъ ἔχειν: μνείαν ἔχειν Eq. 876 и μνήμην ἔχειν Eccl. 1162=μεμνῆσθαι, ὀργὴν ἔχειν Pac. 659=ὀργίζεσθαι, μομφὴν ἔχειν Pac. 664 = μέμφεσθαι, συγγνώμην ἔχειν Pac. 668 = συγγιγνώσκειν, ὀσμὴν ἔχειν Eccl. 1124=ὄζειν, πληγὰς ἔχειν Nub. 1425=τύπτεσθαι;—съ глаголомъ λαμβάνειν: κέρδος λαβεῖν Ach. 906=κερδᾶναι, πληγὰς λαβεῖν Vesp. 1298, 1325, Pac. 493. Ran. 674, 747, Eccl. 324=πληγῆναι; съ глаголомъ γίγνεσθαι: ὕδωρ γίγνεται Vesp. 265 = ὕει, σειστός γίγνεται Ach. 346 = σείεται, κλαύμαθ' ἡμῖν γίγνεται Ran. 813=κλάομεν. Попытку психологическаго объясненія даетъ O. Weise, l. l. 130: „Aus dem Streben nach Deutlichkeit und Gemeinfasslichkeit fliesst noch eine Mehrzahl anderer Eigentümlichkeiten der Volkssprache. So braucht das Volk gern Umschreibungen und volltönende ...Ausdrücke... Beliebt

waren auch die umschreibenden Wendungen mit dare und facere cum adjectivo statt des einfachen Verbums. Neigung zur Abundanz der Ausdruckes zeigt sich ferner... in der Verbindung des Particip Praesentis mit esse, z. B. amans est statt des blossen Verbs (amat)" — Быть можетъ, извѣстную роль тутъ сыгралъ и незначительный объемъ нѣкоторыхъ словъ. Извѣстно, что по этой причинѣ исчезли изъ позднѣйшаго латинскаго языка и изъ романскихъ такія слова, какъ jus, mus, sus, os, res, ver; по той же причинѣ въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ πλοῖον, πρόβατον, χοῖρος вытѣснили односложныя ναῦς, οἶς, ὗς. Можно думать, что именно поэтому въ разговорной рѣчи простому χρή предпочитали описательное выраженіе χρεὼν ἐστι [1]), незначительному по объему ἔχει—болѣе полное описательное выраженіе ἔχων ἐστί. Впрочемъ, весь вопросъ заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго изслѣдованія.

Особенностью „народнаго" (т. е. разговорнаго) языка г. Ш. стр. 95 сл. правильно считаетъ употребленіе въ единственномъ числѣ повелительныхъ εἰπέ, ἄγε, φέρε въ обращеніяхъ даже ко многимъ, несмотря на то, что слѣдуетъ имя или глаголъ во множественномъ числѣ. Но приводимый имъ матеріалъ нуждается въ дополненіи. Такое употребленіе формулы εἰπέ μοι мы имѣемъ не только Ach. 319, но также Ach. 328 εἰπέ μοι.. ἄνδρες δημόται, Vesp. 403 εἰπέ μοι, τί μέλλομεν, Av. 336 εἰπέ μοι, τί μέλλετε, Pac. 383 εἰπέ μοι, τί πάσχετ', ὦνδρες.—Ἄγε со слѣдующимъ множественнымъ числомъ встрѣчается кромѣ Eq. 634 и Pac. 1115 еще Eq. 1011 ἄγε νυν ὅπως αὐτοὺς ἀναγνώσεσθέ μοι, Pac. 263 ἄγε δή, τί δρῶμεν, 851 ἄγε νῦν ἴωμεν, Av. 685 ἄγε δή... ἄνδρες, Thesm. 947 ἄγε νυν ἡμεῖς παίσωμεν, Ran. 382 ἄγε νυν... κελαδεῖτε, Eccl. 268 ἄγε νυν ἀναστέλλεσθε.—Къ Ran. 1417 φέρε πύθεσθε можно прибавить Vesp. 1516 φέρε.. ξυγχωρήσομεν, Lys. 1096 φέρε τὸ ἔσθος ἀμβαλώμεθα, Thesm. 789 φέρε... τί γαμεῖθ' ἡμᾶς.—Кромѣ εἰπέ, ἄγε, φέρε въ обращеніи ко множеству лицъ употребляется въ единственномъ числѣ еще ἴθι: Pac. 871 ἴθι νυν ἀποδῶμεν, 1207 ἴθι νυν... εἴσιτε, Ran. 1378 ἴθι νυν παρίστασθον.—Не лишено значенія наблюденіе *Warth*'а (De usu pluralium modestiae et maiestatis apud Xenophontem et Aristophanem, 31): „Apud Xenophontem tale exemplum non inveni, sed tamen hic usus in pedestri oratione exstat, cf. Plat. Protag. 311d, εἰπέ μοι, ὦ Σώκρατές τε καὶ Ἱππόκρατες, ὡς τίνι ὄντι τῷ Πρωταγόρᾳ ἐν νῷ ἔχετε

[1]) Не лишено значенія, что въ языкѣ Новаго Завѣта χρή почти совсѣмъ (за исключеніемъ Iacob. 3, 10) отсутствуетъ, *Blass*, l. l. 201, 2.

χρήματα τελεῖν"; прибавимъ изъ того же Платона Euthyd. 283b Εἰπέ μοι.. ὦ Σώκρατές τε καὶ ὑμεῖς οἱ ἄλλοι... πότερον παίζετε, Gorg. 455a ἀλλὰ φέρε δὴ σκεψώμεθα, Prot. 330a φέρε δή.. κοινῇ σκεψώμεθα, Demosth. IV 10 ἢ βούλεσθ', εἰπέ μοι, περιιόντες αὐτῶν πυνθάνεσθαι, VIII 74 εἰπέ μοι, βουλεύεσθε. — Но не только въ этихъ формулахъ, но и въ другихъ случаяхъ повелительное наклоненіе, обращенное къ нѣсколькимъ лицамъ, стоитъ иногда въ единственномъ числѣ: Eccl. 293 sqq: ἀλλ', ὦ Χαριτιμίδη καὶ Σμίκυθε καὶ Δράκης, ἕπου κατεπείγων. Ср. русское простонародное „стой, ребята", „хватай, товарищи" и т. д.

Съ употребленіемъ повелительнаго наклоненія единственнаго числа въ обращеніи ко многимъ г. Ш. вѣрно сравниваетъ такое же употребленіе ὁρᾷς. Но приводимый имъ единственный примѣръ Thesm. (ошибочно напечатано Lys.) 556 ἐπεὶ τόδ' οὐχ εἴρηχ', ὁρᾷς, ὡς... σιφωνίζομεν τὸν οἶνον сомнителенъ: тутъ переодѣтый женщиной Мнесилохъ отвѣчаетъ на возраженіе γυνὴ α̅, и къ ней можетъ относиться обращеніе ὁρᾷς. Съ бо́льшимъ правомъ г. Ш. могъ указать на Thesm. 496 ταῦθ', ὁρᾷς, οὐπώποτ' εἶπεν, гдѣ рѣчь, несомнѣнно, обращена ко всѣмъ собравшимся женщинамъ [1]). Аналогію представляетъ πῶς δοκεῖς (ср. Ш. стр. 113): Ach. 12 πῶς τοῦτ' ἔσεισέ μου δοκεῖς τὴν καρδίαν и Ach. 24 εἶτα δ' ὠστεοῦνται πῶς δοκεῖς; прологъ, въ которомъ стоятъ эти выраженія, обращенъ ко всѣмъ зрителямъ. Сравнить можно также и латинское viden (videsne), ain (aisne), mihi crede въ обращеніи ко многимъ, напр. Catull. 62, 5 слл.: cernitis, innuptae... viden ut perniciter exsiluere?, Liv. X 25, 6 ain tandem? inquit, num castra vallata non habetis?, Priap. 48 quod partem madidam mei videtis... non ros est, mihi crede, nec pruina. Всѣ приведенные примѣры ясно показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ особенностью оживленной разговорной рѣчи.

Упомянувъ объ отрицаніи οὐδὲ γρῦ, г. Ш. продолжаетъ стр. 133: „Это выраженіе принадлежитъ къ тому ряду народныхъ отрицательныхъ формулъ, въ которыхъ понятіе отрицанія усилено присоединеніемъ образа, какъ у Аристофана же οὐδ' ἂν στριβιλικίγξ Ach. 1034, какъ въ drof нѣмецкаго поэта, стоящемъ въ связи съ Tropfen, какъ въ нашемъ „ни капельки" и въ латинскомъ nihil изъ ne hilum". Вмѣсто (заимствованнаго у Clemm'a *Curtius Studien*, III, 215) примѣра изъ древненѣмецкаго Отфрида г. Ш. могъ цитировать ближайшія

---

[1]) Thesm. 490 нѣкоторыя изданія тоже даютъ ὁρᾷς. Но это—конъектура Dawes'a; рукописи тутъ имѣютъ ὁρᾶτ'.

параллели изъ самого Аристофана: Pac. 121 ἀργυρίου μηδὲ ψακάς (=ни капельки), Vesp. 213 οὐκ ἐκοιμήθην ὅσον ὅσον στίλην (schol. ἔστι δὲ ὁ σταλαγμός). О народномъ характерѣ этихъ выраженій ср. O. Weise, Charakteristik der latein. Sprache[4], 131: „Besonders häufig tritt die steigernde Kraft an der Negation hervor. Es ist unglaublich, wieviel Abwechselung hier dem Volke zu Gebot steht, welche Wendungen sich seine blühende Phantasie da zurechtgelegt hat". Вейзе указываетъ на нѣмецкія выраженія: „nicht ein Haar, nicht einen Heller, nicht einen Pfifferling, nicht einen Deut, nicht die Idee, Bohne, Probe, Spur", на французскія: „ne-pas (шагъ), ne-point (punctum), neant (non ens)", на латинскія: „non nauci, flocci, pili, assis, teruncii, hettae" etc. У Аристофана мы встрѣчаемъ еще: οὐδὲ πασπάλην Vesp. 91 (schol. τὸ τῆς κέγχρας ἄλευρον), κἂν ἄχνην Vesp. 92 (schol. τὸ λεπτομερὲς τοῦ στάχυος), οὐδ' ἀχαρῆ Vesp. 541, Av. 1649 (ср. Vesp. 701, Plut. 244), οὐδ ἐρεβίνθου Nub. 1396, οὐδ' ἂν ἰσχάδος μιᾶς Pac. 1223, οὐδὲ φέψαλυξ Lys. 107 (schol. οἷον ζωπύρημα καὶ σπινθήρ), μηδὲ κάρφος Lys. 474 (cf. Herond. I 54, III 66), οὐδὲ φνεί frg. 885 (I p. 588 K., gram.: ἔστι δὲ... μίμημα φωνῆς ὀρνέου). Ср. οὐδὲ κίκκον Strattid. frg. 10 (I p. 714 K.), Plaut. Rud. 580 ciccum non interduim. Изъ русской обиходной рѣчи можно сравнить: „ни черта, ни шиша, ни гроша, ни на волосъ, ни на мизинецъ" и т. д.

Къ особенностямъ разговорной рѣчи, спеціально простонародной, несомнѣнно, принадлежитъ частое употребленіе междометій. Трактующая о нихъ глава (стр. 144—5) вышла, однако, у г. Ш. чрезмѣрно скудной и не даетъ понятія о томъ богатствѣ, которое въ этомъ отношеніи наблюдается у Аристофана. Важно, конечно, не то, что то или иное междометіе употреблено Аристофаномъ — характерно и показательно, что напр. междометіе οἴμοι, о которомъ г. Ш. вовсе не упоминаетъ, читается въ комедіяхъ Аристофана, по подсчету Schinck'a (De interjectionum epiphonematumque vi atque usu apud Aristophanem, 216), 114 разъ, междометіе αἰβοῖ, для котораго г. Ш. даетъ 1 примѣръ, употреблено нашимъ поэтомъ 15 разъ, междометіе ἰού, пропущенное у г. Ш.,—26 разъ, εἶα, для котораго г. Ш. указываетъ одинъ примѣръ,—11 разъ и т. д. „Немножко статистики"—хотя бы на основаніи собраннаго Шинкомъ матеріала—тутъ было бы вполнѣ умѣстно.

Разговорный языкъ всегда отличается гораздо большей свободой въ образованіи сложныхъ словъ, чѣмъ литературный, и г. Ш. хорошо сдѣлалъ, обративъ вниманіе на употребленіе сложныхъ словъ

у Аристофана. Но приводимый имъ на стр. 145—157 матеріалъ плохо сгруппированъ, такъ какъ въ перемѣшку разсматривается то съ формальной, то съ семасіологической точекъ зрѣнія. Далѣе, тутъ допущены крупные промахи. Ср. замѣченное нами выше относительно сложныхъ словъ типа λαμπαδηφόρος. Весьма странно высказываемое стр. 147 мнѣніе, будто τελώνης и προβατοπώλης, βυρσοπώλης etc. сохранили во второй своей части „древнѣйшія, народныя" слова ὤνης (=ὠνητής) и πώλης (=πωλητής). Къ словамъ „съ первымъ слагаемымъ βου-, обозначающимъ все большое и сильное" (βούπαις, βούλιμος), стр. 147 ошибочно отнесены βούλυτος, „время, когда выпрягаютъ воловъ" и βουβωνιάω, а къ словамъ съ усиливающимъ παν- стр. 151 причислено πανοῦργος (собств. „на все способный"). Съ πλουθυγίεια (встрѣчающимся не только Av. 731, но и Vesp. 677, Eq. 1091) на стр. 152 невѣрно сопоставляются ἀνδραγαθία и лат. bonememorius и sevivus. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ такъ называемую копулятивную композицію, для которой въ индійской грамматикѣ существуетъ терминъ dvandva: πλουθυγίεια = πλοῦτος καὶ ὑγίεια (ср. употребительное въ Кіевѣ „пивомедіе", напитокъ, состоящій изъ пива и меда). Въ ἀνδραγαθία же имѣется „аттрибутивная композиція": первое слагаемое опредѣляетъ второе, замѣняя собою родительный падежъ (ср. ναυμαχία=μάχη νεῶν). Латин. bonememorius и sevivus, наконецъ, представляютъ собою свободныя новообразованія, первое—отъ (vir) bonae memoriae, второе—отъ se vivo (fecit). Съ послѣдними примѣрами скорѣе можно было бы сопоставить встрѣчающіяся у Аристофана сложныя θεοισεχθρία Vesp. 418, отъ θεοῖς ἐχθρός (еще ближе стоитъ лат. dictoaudientia, отъ dicto audiens, Rönsch, Itala und Vulgata, 718), καχύποπτος frg. 794 (I p. 576 K.) отъ κακὰ ὑποπτεύων (ὕποπτος), ἀνημιωβολιαῖος Ran. 554, отъ ἀνὰ ἡμιωβόλιον (πωλούμενος) [1]). Ср. еще Διισωτήρια IG. II 1358, отъ (ἱερὰ) Διὶ Σωτῆρι, и нарѣчіе νουνεχόντως, отъ νοῦν ἔχων.—Приводимое стр. 156 изъ Аристофана Thesm. 200 прилагательное κατάπυγος не существуетъ; въ стихѣ καὶ μὴν σύ γ', ὦ κατάπυγον, εὐρύπρωκτος εἶ мы имѣемъ зват. пад. отъ καταπύγων, а Vesp. 687 μειράκιον.. κατάπυγον представляетъ средній родъ того же слова. Но καταπύγων, кажется, предполагаетъ прилагат. κατάπυγος, отъ κατὰ πυγήν (βινούμενος); ср. κατάπρωκτος Eccl. 364. Изъ словъ, представляющихъ „аналогію по образованію", вмѣсто Ἐπίταυρος и т. д., лучше было бы указать встрѣ-

---

[1]) Большинство издателей пишетъ, по конъектурѣ Fritzsche, ἀν' ἡμιωβολιαῖα; van Leeuwen предлагаетъ πάνθ' ἡμιωβολιαῖα.

чающіяся у Аристофана же прилагательныя ἄποικος Lys. 582, отъ ἀπ' οἴκου(ὤν), φροῦδος Ach. 470, Nub. 718 и чаще, отъ πρὸ ὁδοῦ (γιγνόμενος).—Въ этой главѣ, по нашему мнѣнію, слѣдовало также коснуться вопроса о томъ, насколько Аристофанъ, образуя многосложныя composita, въ родѣ σφραγιδονυχαργοκομήτης (Nub. 332), κυμινοπριστοκαρδαμογλύφος (Vesp. 1357) и т. д., шелъ навстрѣчу наклонности разговорной рѣчи (ср. соотвѣтствующія образованія у Плавта и въ Мениипповой сатирѣ).

Мы согласны съ г. Ш. въ томъ, что сравнительно частое употребленіе Аристофаномъ словъ съ извѣстными окончаніями, какъ -αξ, -ων, -ᾶς и т. д., сближаетъ его языкъ съ „народной" рѣчью. Но изложеніе относящихся сюда вопросовъ опять-таки далеко неудовлетворительно. Стр. 157—161 дается перечень словъ на -αξ, „употребленныхъ Аристофаномъ, какъ и нѣсколькими другими ближайшими къ нашему поэту писателями". Большинство этихъ словъ, однако, оказывается взятымъ изъ Гесихія и другихъ грамматиковъ, и неизвѣстно, насколько „близки къ нашему поэту" употребившіе ихъ писатели. Поэтому совершенно необходимо было изъ общаго числа словъ на -αξ выдѣлить тѣ, которыя дѣйствительно имѣются у Аристофана. Другимъ недостаткомъ является то обстоятельство, что далеко не всегда указывается, гдѣ встрѣчаются приводимыя слова. Это объясняется, конечно, манерой г. Ш. брать матеріалъ изъ вторыхъ рукъ, т. е. изъ трудовъ современныхъ ученыхъ, болѣе или менѣе случайно упоминающихъ о данномъ словѣ. Такъ напр. для βλάξ, βῶμαξ, μῶμαξ, φλύαξ онъ цитируетъ Romagnoli, Origini ed elementi, 101, 103, 110, для δαύαξ, κάμαξ, σκύλαξ, σφάξ, χαύναξ — Solmsen, Untersuchungen 107, Beiträge, 122, 21, Unters. 149, для πλούταξ и στόμφαξ— Kühner-Blass, II, 280 и т. д. Добывъ эти сочиненія и справившись въ нихъ, читатель убѣждаетя, что его трудъ пропалъ даромъ: въ нихъ также не указаны источники. Ему приходится путемъ собственныхъ изысканій устанавливать, что напр. βλάξ встрѣчается у Аристофана frg. 443 (I p. 506 K.) и предполагается нарѣчіями βλακικῶς Av. 1323 и κατεβλακευμένως Plut. 325; что βώμαξ (съ долгимъ α) приводится грамматиками (Bekk. Anecd. p. 85, 17, Hesych., Et. M.) въ значеніи уменьшительнаго отъ βωμολόχος, а βῶμαξ (съ краткимъ α)— въ значеніи уменьшительнаго отъ βωμός; что κάμαξ имѣется уже у Гомера Il. 18, 563; что χαύναξ приводится только Гесихіемъ; что πλούταξ читается у Евполида frg. 159, 9 (I p. 301 K.); στύππαξ—у Аристоф. frg. 696 (I p. 562 K.), στόμφαξ—у Аристофана Nub. 1367,

и т. д.—Затѣмъ приходится сказать, что перечень далеко не полонъ; въ немъ отсутствуютъ напр. βάβαξ, δρῶπαξ, θρῖδαξ, θρόναξ, κέρκαξ, κίνδ ξ, κλῶμαξ, κλῶναξ, κόνδαξ, μάσταξ, μύσταξ, λεῖμαξ, πήλαξ, πῖδαξ, πόρταξ, πτ΄ξ, πύνδαξ, ρύαξ, σαῦσαξ, σκίναξ, σπάδαξ, στώαξ, ψίλαξ, ψύλλαξ, а также характерныя уменьшительныя формы именъ собственныхъ, въ родѣ Γύλαξ. Попытка г. Ш. сгруппировать эти слова по ихъ значенію должна быть признана совершенно неудачной. Во главу онъ ставитъ слова дорійскаго происхожденія. „Цѣлый рядъ словъ“, говоритъ онъ, „восходитъ еще къ дорійскому словообразованію“, что̀, по его мнѣнію, „даетъ право съ увѣренностью говорить о старинномъ и народномъ происхожденіи даннаго окончанія“. Неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній г. Ш. считаетъ „дорійское словообразованіе“ болѣе древнимъ, чѣмъ словообразованіе другихъ греческихъ нарѣчій. Правда, нѣкоторыя изъ словъ на -αξ попали въ аттическій языкъ, въ частности въ языкъ аттической комедіи, изъ дорійскаго нарѣчія. Но г. Ш. опять-таки неправъ, считая всѣ слова съ долгимъ -ᾱξ дорійскими по происхожденію. По Бругманну, Grundriss^2, II 1, 914 sq., 495 sq. уже въ праарійскомъ языкѣ существовало два различныхъ суффикса -ακ-, одно съ краткимъ α и палатальнымъ κ (-ᾰκ-), другое съ долгимъ α и велярнымъ κ (-āq-). Отсюда въ греч. языкѣ съ одной стороны αὖλαξ, βῶλαξ, μεῖραξ и т. д., съ другой—νέᾱξ, οἴᾱξ, φλύᾱξ, χλεύᾱξ и т. д. Но, если не ошибаемся, послѣднее окончаніе въ аттическомъ нарѣчіи послѣ согласнаго должно было перейти въ -ηξ. Поэтому слова въ родѣ φένᾱξ (ср. Eq. 634 Σκίταλοι καὶ Φένακες... καὶ Κόβαλοι, гдѣ и въ названіяхъ другихъ демоновъ имѣется дорійская форма), στόμφαξ, π̄λούταξ, χαύναξ, можно считать перешедшими въ аттическую комедію изъ дорійскаго фарса (см. выше стр. 13 прим. 1) и точно также термину военнаго дѣла πόρπᾱξ приписать дорійское происхожденіе.

Кажется, первоначально суффиксъ -ακ- имѣлъ интенсивную, увеличивающую силу [1]): ἵεραξ, отъ ἱερός быстрый, обозначаетъ птицу, очень быстро летающую, коршуна, πλούταξ—очень богатаго человѣка, и т. д.; ср. лат. прилаг. на -ax и русскія существит. рысакъ (лошадь, идущая крупной рысью), русакъ (заяцъ, отличающійся сѣрой окраской, сѣрое деревенское сукно), синякъ (все, имѣющее интенсивно синій цвѣтъ: синее пятно, синій цвѣтокъ, синяя одежда). Затѣмъ суффиксъ -ακ-,

[1]) Ср. *Solmsen*, Unters. 149: Das Suffix—ακ(ο)- drückt aus, dass die vom Grundwort angegebene Eigenschaft dem durch die Weiterbildung bezeichneten Wesen in besonders hohem Mass eigen ist.

обозначая существо, имѣющее какое-нибудь качество въ чрезмѣрной степени, получилъ детеріотивный, уничижительный смыслъ: χαύναξ слишкомъ надутый, σέμναξ слишкомъ важный, στόμφαξ полный кичливости (στόμφος); ср. русск. простакъ, дуракъ, мужакъ (= мужланъ). Отъ уничижительнаго значенія недалеко до уменьшительнаго: νέαξ, μόθαξ, μέλλαξ, μεῖραξ — полупрезрительныя обозначенія молодыхъ людей, βῶμαξ маленькій (плохой) алтарь. Древніе грамматики слишкомъ односторонне выдвигаютъ это значеніе. Сюда примыкаютъ уменьшительныя формы именъ собственныхъ на -αξ. Получивъ уменьшительную силу, нашъ суффиксъ сталъ употребляться въ названіяхъ молодыхъ животныхъ: δέλφαξ поросенокъ, πόρταξ телка, σκύλαξ щенокъ. Въ названіяхъ мѣстностей на -αξ чувствуется первоначальная сила суффикса; они обозначаютъ мѣста, изобилующія чѣмъ-нибудь: λίθαξ каменистое мѣсто (затѣмъ и камень), ἕρμαξ рифъ, βῶλαξ глыба, αὖλαξ борозда, нива; ср. русск. солончакъ, березнякъ. Уменьшительныя образованія часто служатъ для обозначенія орудій или ихъ частей (ср. ручка, ножка); поэтому—οἴαξ руль, μύλαξ жерновъ, πόρπαξ ручка щита; ср. русск. черпакъ, рѣзакъ, тесакъ.—Всѣ перечисленныя значенія, изъ которыхъ многія относятся къ крестьянскому быту, повидимому, въ самомъ дѣлѣ говорятъ въ пользу предположенія, что слова на -αξ имѣютъ по преимуществу простонародный характеръ, и это подтверждается тѣмъ, что они, сравнительно рѣдко встрѣчаясь у другихъ писателей, довольно часто употребляются Аристофаномъ.

Немало возраженій вызываетъ и изложеніе г. Ш. о существительныхъ, образованныхъ при помощи секундарнаго суффикса -ων; но мы ограничиваемся слѣдующими краткими замѣчаніями. Перечень этихъ словъ на стр. 162—169 страдаетъ тѣми же недостаками, какъ и списокъ словъ на -αξ. Между прочимъ, въ него вошло много постороннихъ словъ. Существит. съ секундарнымъ окончаніемъ -ων не имѣютъ ударенія на послѣднемъ слогѣ и сохраняютъ долгое ω въ косвенныхъ падежахъ. Поэтому изъ списка должны быть исключены: ἀλαζών -όνος, ἀλεκτρυών -όνος, βαυβών -ῶνος, βουβών -ῶνος, δαίμων -ονος, ταῶν -ῶνος (другая форма ταώς), τρυγών -όνος. Зато отсутствуютъ многія весьма характерныя слова: ἄβρων (лат. ambro; см. нашу замѣтку въ *Arch. f. latein. Lexicogr.* 10, 1898, 366), δόλων, δόρκων, δράπων, κήλων, κίβδων, λάμπων, μάκρων, μύξων, μυστάκων, πέδων и τριπέδων, πόρδων, σαλάκων, σίφων, σπάδων, τέχνων, τρήρων, φάγων, χάρων и т. д. [1]). Го-

---

[1]) Изъ лат. bambalo и babulo можно заключить о греч. βαβάλων (см. *Arch.*

воря объ этихъ образованіяхъ, не слѣдовало обойти молчаніемъ вопроса о происхожденіи краткихъ формъ именъ собственныхъ, такъ назыв. Kurz- und Kosenamen, изъ которыхъ г. Ш. нѣкоторыя (Βείλων, Κράτων, Ναύσων, Πολέμων, Πλάτων, Σίμων и т. д.) включилъ въ свой списокъ. По извѣстной теоріи Фикка, они всѣ предполагаютъ существованіе сложныхъ двучленныхъ именъ. Но въ новѣйшее время эта теорія встрѣтила возраженія со стороны Бехтеля (см. выше стр. 17) и Зольмзена (Beiträge, 53 сл.). Ср. также Brugmann-Thumb, 163.

Насколько неполны перечни г. Ш., видно также изъ его замѣчанія о—весьма характерныхъ—существительныхъ на -ίας и -ις, стр. 172: „Отдѣльными примѣрами представлены образованія съ окончаніемъ -ίας, μαστιγίας Equ. 1228, съ окончаніемъ -ις, γάστρις, Av. 1604“. Всякій подумаетъ, что это единственные примѣры у Аристофана. Но, не говоря уже о томъ, что μαστιγίας встрѣчается также Lys. 1240, Ran. 501, ὁμομαστιγίας—Ran. 757, у Аристофана имѣются еще ὀρνιθίας Ach. 877, καικίας и συκοφαντίας Eq. 437, κοππατίας Nub. 23, στιγματίας Lys. 331, ληματίας (по весьма правдоподобному предположенію Бентлея; codd. ληματιᾶς) Ran. 494, πυρρίας Ran. 730, ἀνθοσμίας Ran. 1150, τροπίας frg. 213 (I p. 445 K.), σπογγίας frg. 856 (I p. 584: „hominem significare videtur nimis τῶν σπόγγων amantem“; codd. σπογγιάς); сюда же относятся имена собственныя Ἀμυνίας Eq. 570, Παυσίας Nub. 21, Λυσανίας Nub. 1162, Καπνίας Vesp. 151. Изъ словъ на -ις кромѣ γάστρις (читающагося еще Thesm. 816) у Аристофана встрѣчаются στρόφις Nub. 450, γύννις Thesm. 136 и уменьшит. имена собственныя, въ родѣ Δύκις, Ran. 14, Φρῦνις Nub. 971, Χαῖρις Pac. 951. Въ перечнѣ встрѣчающихся у Аристофана глаголовъ на -ιάω, которымъ г. Ш.—кажется, не безъ основанія—приписываетъ „народный“ характеръ (стр. 174), пропущены, напр., κερουτιάω Eq. 1341, κορυβαντιάω Vesp. 8, οὐρητιάω Vesp. 807, σαυλοπρωκτιάω Vesp. 1173. Βουβωνιάω читается не только Vesp. 279, но и Lys. 787, Ran. 1280; χεζητιάω—не только Av. 790, но и Nub. 1387, Ran. 8, Eccl. 313, 345, 368; ὠρακιάω—не только Ran. 481, но и Pac. 702; ὠχριάω не только Nub. 103, но и Pac. 642, Ran. 305.—Βεμβικιάω образовано не „отъ простого βεμβικίζω“, а непосредственно отъ сущ. βέμβιξ; βινητιάω—не „отъ простого βινέω“, а отъ существ. *βινητής; χεζητιάω — не „отъ про-

---

f. lat. Lex. l. l.), изъ лат. blenno (Gloss.)—о греч. βλέννων, изъ seudo (Fulgent. 561)—о греч. ψεύδων.

стого χέζω", а отъ *χεζητής; ср. μαθητιάω отъ μαθητής, σοφιστιάω (Eub. frg. 9) отъ σοφιστής, πνευστιάω (Luc. Tim. 45) отъ *πνευστής.

Къ перечисленнымъ стр. 177 изъ Аристофана глаголамъ на -ίζω можно прибавить (кромѣ общеупотребительныхъ, въ родѣ βαδίζω, νομίζω, οἰκίζω, ὑβρίζω, φροντίζω и т. д.): ἀλωπεκίζω Vesp. 1241, ἀπολογίζω frg. 465 K., ἀπολοπίζω frg. 135, ἀποσκαρίζω frg. 495, ἀποπυτίζω, βακίζω Pac. 1072, βαρβιτίζω frg. 752, δημίζω Vesp. 699, ἐγχυτρίζω Vesp. 289, ἐκπηνίζω Ran. 578, ἐλλιμενίζω frg. 453, καρδαμίζω Thesm. 617, καταβροχθίζω Eq. 357, 826, frg. 236, καταχυτρίζω frg. 793, καυλίζω frg. 404, κιθαρίζω Nub. 1357 и чаще, κιχλίζω Nub. 983, κυαμίζω frg. 582, λεσβίζω Vesp. 1346, λυδίζω Eq. 523, μακαρίζω Vesp. 429 и чаще, μαλθακίζω Nub. 727, μεγαρίζω Ach. 822, μινυρίζω Vesp. 219, Av. 1414, παννυχίζω Nub. 1069, πιθηκίζω Vesp. 1290, πολεμίζω Nub. 419, Pac. 759, Thesm. 807 προφασίζω Lys. 756 πτερυγίζω Eq. 522, Av. 1466, Plut. 575, πυγίζω Thesm. 1120, ραβδίζω Lys. 587, σιτίζω Eq. 716, σιφωνίζω Thesm. 557, σκοροδίζω Eq. 494, Av. 166, σπογγίζω Thesm. 247, σπυρθίζω frg. 857, στρουθίζω frg. 947, συβαρίζω Pac. 434, σχηματίζω Pac. 324, τετραχίζω frg. 870, τίζω frg. 871, φενακίζω Pac. 1087, Plut. 271, 280, χαριεντίζω frg. 166, ψηνίζω Eq. 523.—Суффиксъ -ίζ- сталъ продуктивенъ въ латинскомъ языкѣ, особенно въ рѣчи, близкой къ разговорной; ср. A. Funck, Die verba auf issare und izare. *Arch. f. lat. Lex.* III, 398—442. Продуктивность его продолжалась и въ романскихъ языкахъ; ср. итальян. глаголы на -eggiare, напр. scheggiare = σχίζειν, vaneggiare, signoreggiare и т. д.

Стр. 177—192 г. Ш. подробно говоритъ объ уменьшительныхъ словахъ у Аристофана, чего нельзя не одобрить въ виду пристрастія разговорнаго языка, особенно рѣчи низшихъ классовъ, къ уменьшительнымъ образованіямъ. Но это положеніе слѣдовало подробнѣе развить. Тутъ можно было бы указать, какое широкое распространеніе, по свидѣтельству романскихъ языковъ, а также другихъ источниковъ, имѣли уменьшительныя формы въ такъ называемой народной латыни. Очень часто употребляются онѣ и въ новогреческомъ языкѣ, и весьма вѣроятно, что эта особенность—наслѣдіе древне-греческой народной рѣчи (ср. A. Thumb, Handb. d. griech. Dialekte, 376). Вопросъ этотъ, насколько намъ извѣстно, еще мало изслѣдованъ; но въ матеріалѣ для его рѣшенія нѣтъ недостатка и помимо произведеній Аристофана [1]). Собранный же г. Ш. изъ

---

[1]) Укажемъ, хотя бы на VII рѣчь Діона Хрисостома. Въ ней выводится семья

Аристофана матеріалъ страдаетъ обычной неполнотою. Такъ напр. въ перечнѣ уменьшительныхъ на -ίδιον стр. 179—180 пропущены: καπρίδιον frg. 506, 2, κονίδιον Ach. 542, Pac. 482, 641, λαρκίδιον Ach. 340, λογίδιον Vesp. 64, μαινίδιον frg. 247, μοσχίδιον Ach. 996, οἰκίδιον Nub. 93, πηρίδιον Nub. 923, πρινίδιον Av. 615, προσωπίδιον frg. 264, πυξίδιον frg. 846, πυρίδιον Lys. 1206, σηπίδιον frg. 247, σπινίδιον frg. 387, τεχνίδιον Lys. 889, υἱίδιον Vesp. 1356, χλανισκίδιον Pac. 1002, χοιρίδιον Ach. 806, 819, 830, 834, Vesp. 473, Pac. 374. Къ приводимымъ стр. 181 двумъ примѣрамъ уменьшительныхъ на -ίσκη можно прибавить παιδίσκη Ach. 1148, μαζίσκη Eq. 1166, λεκανίσκη frg. 805. Расположеніе матеріала оставляетъ желать лучшаго; напр. объ окончаніи -ιον говорится послѣ окончанія -ίδιον, хотя послѣднее—лишь спеціальное примѣненіе перваго: возникши въ словахъ, имѣющихъ въ основѣ элементъ -ιδ-, оно получило самостоятельное значеніе, ἀσπίδ-ιον было понято какъ ἀσπ-ίδιον (ср. Brugmann-Thumb, 212; Petersen, Greek Diminutives in -ιον, 212 sqq.). Есть, наконецъ, и другія ошибки—ср. выше стр. 39.

Не удовлетворяетъ насъ и изложеніе объ „уменьшительныхъ глаголахъ" на стр. 192. Перечень ихъ далеко не полонъ. Кромѣ указываемыхъ г. Ш. βδύλλω, ἐξαπατύλλω (не только Ach. 657, но и Eq. 1144), στωμύλλομαι (не только Ran. 1071, но также Ach. 579, Eq. 1376, Pac. 995, Thesm. 461, 1073, στωμύλλω Nub. 1003, Ran. 1310) и ἠβυλλιάω у Аристофана встрѣчаются еще: βρύλλω [1]) Eq. 1126, ὀγκύλλομαι Pac. 465, γογγύλλω Thesm. 56, κοικύλλω Thesm. 852, μιστύλλω frg. 400 (Kock I p. 497), а къ приводимымъ изъ другихъ источниковъ можно прибавить напр. δερμύλλω, καμπύλλω, μύλλω молоть, μύλλω

охотника, живущая въ лѣсной глуши, вдали отъ всякой культуры. Авторъ пожелалъ и рѣчи этихъ простыхъ людей придать простонародный характеръ; и вотъ она уснащена такими характерными уменьшительными, какъ βοίδιον (§ 13), μοσχάριον (§ 47), σιτάριον (§ 48), φασκώλιον (§ 55), χιτώνιον (§ 58), σελήνιον (§ 70), λινάριον (§ 71), οἰνάριον (§ 76).

[1]) Симмахъ въ схоліяхъ ad Eq. 1126 объясняетъ βρύλλων какъ ὑποπίνων ἐκ μιμήσεως τῆς τῶν παίδων φωνῆς, и Kock, соглашаясь съ нимъ, производитъ глаголъ βρύλλω отъ βρῦν (Nub. 1382) „dem Ruf kleiner Kinder, die zu trinken verlangen", толкуя τὸ καθ' ἡμέραν какъ victum quotidianum. Послѣднее объясненіе опровергнуто Блэдсомъ, указывающимъ на τὸ κατ' ἦμαρ у трагиковъ, что значитъ „indies, quotidie". Но и Симмахово производство глагола βρύλλω отъ βρῦν мало вѣроятно. По смыслу требуется синонимъ къ предыдущему ἠλιθιάζω. Мы предлагаемъ произвести βρύλλω отъ основы μελ- (ср. выше стр. 49 βλάξ и βλιτομάμμας). Отъ μελ-ύλλω получилось, съ выпаденіемъ звука ε, *μλύλλω, что должно было дать *βλύλλω, а съ диссимиляціей (ср. ἀργαλέος изъ ἀλγαλέος, *Kühner-Blass*, I, 279, 4)—βρύλλω.

щурить глаза, σκονθύλλω, σκύλλω. Г. Ш. правильно сравниваетъ лат. глаголы на -illare, но тутъ слѣдовало бы указать и принять во вниманіе хорошую статью A. Funck'a, Die verba auf -illare. *Arch. für latein. Lexikogr.* IV, 68—87, 223—246. Не безъ пользы привлечь можно было для сравненія и нѣмецкіе уменьшительные глаголы (въ родѣ lachen—lächeln, spotten—spötteln, zerstücken—zerstückeln) и замѣчанія о нихъ Якова Гримма (Deutsche Grammatik, III, 1831, 688).—Исходной точкой для образованія греческихъ глаголовъ на -υλλω мы считаемъ уменьшительныя формы существительныхъ и прилагательныхъ на -ύλος -ύλη. Отъ μιστύλη [1]) „кусокъ" (мяса) образовано было μιστύλλω (черезъ μιστύλιω) „рвать или рѣзать на куски", отъ ὀγκύλος (уменьшит. форма прилагат. ὄγκος, „немного вздутый")—ὀγκύλλομαι и т. д. Затѣмъ такіе же глаголы стали образовывать отъ существительныхъ, въ которыхъ -υλο- не является уменьшительнымъ суффиксомъ; отъ σκύλον (ср. лат. spolium)—σκύλλω „срывать по кускамъ", отъ μύλη—μύλλω „молоть" (съ понятіемъ измельченія). Наконецъ, получившееся такимъ образомъ окончаніе -υλλω стали приставлять и къ другимъ корнямъ: βδύλλω — βδέω, ἐξαπατύλλω — ἐξαπατάω. Не лишено значенія наблюденіе Гримма, что многіе уменьшительные глаголы выражаютъ повтореніе дѣйствія: „Die ofte Wiederkehr einer Handlung ist gewissermassen eine Zerstückelung und Verkleinerung ihres Begriffes". Интересно также его указаніе на то, что народныя нарѣчія нѣмецкаго языка имѣютъ пристрастіе къ уменьшительнымъ глаголамъ. Съ этимъ вполнѣ согласуется то обстоятельство, что изъ всѣхъ приведенныхъ греческихъ глаголовъ только μιστύλλω и σκύλλω встрѣчаются въ „высокой" литературѣ (первый у Гомера, второй у Эсхила); остальные приходятся на комедію и позднѣйшихъ писателей.

Правильно г. Ш. стр. 215 причисляетъ *„гиперболу и плеоназмъ"* „къ излюбленнымъ украшеніямъ народной рѣчи". Ср. I. Egli, Die Hyperbel in den Komoedien der Plautus und in Ciceros Briefen an Atticus, Progr. Zug, 1892 и 1893, гдѣ, со ссылками, между прочимъ,

---

[1]) Μιστύλη въ значеніи „кусокъ хлѣба" встрѣчается у Аристофана Eq. 1168; отсюда глаголъ μιστυλάομαι Eq. 828, Plut. 627, „ѣсть похлебку, набирал ее въ кусочки хлѣба". Однѣ рукописи даютъ μιστύλη, μιστυλάομαι, другія—μυστίλη, μυστιλάομαι. По Элію Діонисію у Евстаѳія (ср. *Blaydes* ad Plut. l. l.), предпочтенія заслуживаетъ форма μυστίλη; она, вѣроятно, аттическая. Такую „reziproke Fernversetzung" (*Brugmann-Thumb*, 160) мы имѣемъ въ Μιτυλήνη—Μυτιλήνη, πιτύνη— πυτίνη, συβίνη — σιβύνη. Можно также сравнить аттическую форму τάγηνον (Eq. 929) вмѣсто τήγανον.

и на Аристофана, разсматривается данное явленіе, какъ характерная особенность латинской *разговорной* рѣчи. — Къ указаннымъ г. Ш. немногимъ примѣрамъ гиперболическаго употребленія числительныхъ у Аристофана добавимъ слѣдующіе: τρισκακοδαίμων Ach. 1024, Pac. 1211, Thesm. 209, 875, Ran. 19, Eccl. 1098; τρισμακάριος Ach. 400, Nub. 166, Vesp. 1293, Pac. 1332, Av. 1273, 1707; τρισόλβιος Eccl. 1129; τρὶς κακοδαίμων καὶ τετράκις καὶ πεντάκις Pl. 851; τρὶς ἄθλιαι καὶ πεντάκις Pac. 241; δέκα πονηρός Eccl. 178; πλεῖν ἢ δώδεκα Ran. 1129; ἀνὰ τὸ δωδεκαμήχανον Ran. 1327; καὶ δωδεκάκις καὶ μυριάκις Pl. 852; ἑκατὸν σταδίοισιν ἄριστον Nub. 430; οὓς οὐκ ἂν ἄραιντ᾽ οὐδ᾽ ἑκατὸν Αἰγύπτιοι Ran. 1406 (Vesp. 1033, Pac. 756); ἀκήκοας μυριάκις, ἀγὼ βούλομαι Nub. 738; μύριοι=πολλοί Nub. 685, 1041, Vesp. 1010, Av. 231, 1052, 1139, 1305, Lys. 355, Thesm. 475,555, 927, Ran. 90, 143, 677, Pl. 1184.—Изъ гиперболическихъ глаголовъ отмѣтимъ καταχρυσόω = хвалить Eccl. 826 (ср. Nub. 912); πλύνω=ругать Ach. 381 (ср. πλυνὸν ποιεῖν Pl. 1061), ἀπάγχομαι = сердиться Nub. 988 (ср. ἀπάγχει με Vesp. 686, ταῦτα.. ἀγχόνη Ach. 125), πνίγεσθαι въ томъ же значеніи Nub. 1036. Для плеоназма, который, по словамъ Niedermann'а (*N. Jahrb. f. d. kl. Altert.* XV, 1912, 336) „in der volkstümlichen Rede aller Zeiten und Völker üppig wuchert", г. Ш. стр. 217, кромѣ употребленнаго Аристофаномъ нѣсколько разъ εἷς μόνος, приводитъ, въ сущности, только одинъ примѣръ, Plut. 1001 πρὸς ἐπὶ τούτοις (риторическая градація, въ родѣ ἴτ᾽ ἐγκονεῖτε σπεύδετ᾽ Pl. 255, относится сюда столь же мало, какъ Цицероновское abiit excessit evasit erupit). А между тѣмъ у Аристофана есть очень характерные примѣры, напр. διὰ κενῆς ἄλλως Vesp. 929 (ср. Plat. com. frg. 174, 20, I p. 648 K. μάτην... διὰ κενῆς; Dio Chrys. VII § 127 μάτην ἄλλως, Apul. Met. VIII 16 nequiquam frustra), εἰκῇ ῥᾳδίως Ran. 733, πάλιν ἐξ ἀρχῆς или ἐξ ἀρχῆς πάλιν Pac. 997, 1327, Ran. 591, Plut. 221, 866, ἐνθένδ᾽ αὐτόθεν Ach. 116, ἐν δίκῃ... δικαίως Thesm. 830, φαθὶ λέγων frg. 103 K., съ чѣмъ Присціанъ, сохранившій этотъ отрывокъ, сравниваетъ латинскія выраженія loquere dicens и stude properans. Интересныя параллели изъ народной латыни и современнаго французскаго языка указываетъ Нидерманнъ l.l.; объ аналогичныхъ явленіяхъ въ языкѣ Апулея ср. Koziol, Der Stil des Apuleius, 133 ff.—Къ плеоназму можно причислить и такъ называемую двойную градацію прилагательныхъ (μᾶλλον ὀλβιώτερος и т. д.), о которой г. Ш. говоритъ стр. 76 сл.; параллели изъ народной латыни и новыхъ языковъ даетъ Нидерманнъ l. l. 335; см. также указываемую имъ въ прим. 3 литературу.

Удачной кажется намъ мысль, легшая въ основаніе попытки г. Ш. установить вліяніе на языкъ Аристофана „жаргоновъ", т. е. терминологіи отдѣльныхъ соціальныхъ группъ и спеціальныхъ занятій, стр. 226—246. Значительную роль, которую такія „Standessprachen" сыграли въ созданіи нѣмецкаго литературнаго языка, выяснилъ F. Kluge въ приведенномъ выше (стр. 8) изслѣдованіи. То же самое можно констатировать относительно греческаго литературнаго языка. Такъ, напр., общеупотребительный глаголъ καινοτομεῖν — терминъ горнаго дѣла, собственно „рубить новый ходъ въ рудникахъ", κολλᾶν и συγκολλᾶν—терминъ столярнаго мастерства, κροτεῖν и συγκροτεῖν — терминъ кузнечнаго ремесла, и т. д. Многія употребительныя въ литературномъ языкѣ метафоры—такого „жаргоннаго" происхожденія. Но чѣмъ ближе человѣкъ къ природѣ и къ практической дѣятельности, тѣмъ больше употребляетъ онъ такихъ метафоръ. Э. Шредеръ въ своей книгѣ „Vom papiernen Stil" (Weise, 135) говоритъ, впрочемъ, не безъ нѣкотораго преувеличенія: „Der papierne Mensch ahnt nicht, dass der Stallknecht und die Viehmagd in einem Jahre mehr Tropen und Redefiguren anwenden, als er in sämtlichen Literaturwerken der Welt je auffinden wird". Неправъ поэтому г. Ш., утверждая, вслѣдъ за Romagnoli, что обиліе у Аристофана выраженій, взятыхъ изъ крестьянскаго и солдатскаго „жаргоновъ", объясняется историко-литературными причинами,—тѣмъ, что типы крестьянина и солдата занимали значительное мѣсто „въ старомъ народномъ фарсѣ, изъ котораго вышла комедія".

Причина тутъ иная—общая близость Аристофанова языка къ разговорной рѣчи, даже низшихъ классовъ, тамъ, гдѣ выводятся представители послѣднихъ; ср. примѣчаніе Кокка къ Eq. 462: „Kleon bedient sich mit Vorliebe solcher Ausdrücke, die aus der Sprache der Handwerker entnommen und darum dem gemeinen Haufen allgemein verständlich sind".—Весь вопросъ г. Ш-вымъ только намѣченъ. Матеріалъ значительно можетъ быть пополненъ по монографіи H. Blümner'а, Studien zur Geschichte der Metapher im Griechischen. Erstes Heft: Ueber Gleichniss und Metapher in der attischen Komödie, Lpzg. 1891; ср. еще A. Schauenburg, De comparationibus Aristophaneis, Iever 1888; W. Pecz, Beiträge zur vergleichenden Tropik, T. I: Systematische Darstellung der Tropen des Aeschylus, Sophocles und Euripides, Berlin 1886; R. Thomas, Zur histor. Entwickelung der Metapher im Griechischen, Erlangen 1891. Даже соотвѣтствующая глава (le metafore e le immagini) въ извѣстномъ г. Ш. изслѣдованіи Romagnoli (pp. 241—264)

далеко имъ не использована. Впрочемъ, вліяніе „жаргоновъ“ сказывается и внѣ области метафоръ [1]).

Ошибки и недоразумѣнія въ частностяхъ попадаются и въ этой главѣ. Какое, напр., отношеніе къ „аѳинскому садоводству“ (стр. 229) имѣютъ πρῖνοι (дубы) и σφένδαμνοι (клены)? Изъ Ran. 859 σὺ δ' εὐθὺς ὥσπερ πρῖνος ἐμπρησθεὶς βοᾷς видно, что мы тутъ вращаемся въ сферѣ производства древеснаго угля, почему крѣпкіе угольщики-ахарняне и называются γέροντες πρίνινοι,.. σφενδάμνινοι (Ach. 180). Весьма страннымъ образомъ выраженіе ἱμὰς κύνειος, обозначающее выносливость, объясняется какъ πέος (стр. 233). Въ Vesp. 483 ὅταν ξυνήγορος ταὐτὰ ταῦτά σου καταντλῇ г. Ш. видитъ выраженіе „жаргона моряковъ“ (стр. 242), тогда какъ метафора взята изъ дѣятельности баньщика; ср. Plat. de republ. I p. 344[d] ὥσπερ βαλανεὺς ἡμῶν καταντλήσας κατὰ τῶν ὤτων ἀθρόον καὶ πολὺν λόγον. Luc. Demosth. 16 διανοεῖ καταχεῖν μου τῶν ὤτων ὥσπερ βαλανεὺς καταντλήσας τὸν λοιπὸν λόγον. Такая же метафора имѣется Eq. 1091 τοῦ δήμου καταχεῖν ἀρυταίνῃ (выливать изъ шайки) πλουθυγίειαν. Неясно, какъ г. Ш. понимаетъ Eq. 546 παραπέμπειν ἐφ' ἕνδεκα κώπαις, переводя „принимать (?) въ одиннадцать веселъ“; ср. объ этомъ трудномъ для пониманія мѣстѣ K. Zacher, Aristophanesstudien, I, 94 sqq.

VII.

Какъ ни широки поставленныя авторомъ рамки, въ его изслѣдованіе все же, какъ отмѣчено въ началѣ нашей статьи, вошли далеко не всѣ особенности Аристофанова языка, сближающія его съ разговорной, или „народной“, рѣчью.

Намъ уже приходилось указывать, что г. Ш. не удѣлилъ достаточно вниманія психологическому моменту, обусловливающему собою многія особенности разговорнаго языка. Однимъ изъ важнѣйшихъ психологическихъ факторовъ тутъ является оживленіе, непосредственность, нетерпѣніе разговаривающихъ. Рядъ явленій въ языкѣ Аристофанова діалога, вызванныхъ этимъ настроеніемъ бесѣдующихъ,

---

[1]) Позволяемъ себѣ указать хоть одинъ (пропущенный г. Ш.) примѣръ такого рода. Vesp. 815 ὄρνις имѣетъ значеніе „пѣтухъ“, какъ въ новогреческомъ языкѣ; ср. Xenoph. Anab. IV 5, 25, Theocr. 22, 72. Едва ли можно сомнѣваться, что это—терминъ сельскаго быта, „мужицкаго жаргона“; ср. русское „птица“. *Starkie* ad h. l. сравниваетъ новогреч. ἄλογον (животное) = лошадь (встрѣчающсеся, впрочемъ, уже въ IV в. по Р. Х.). Уже у Алкмана, въ одномъ изъ новооткрытыхъ отрывковъ, мы находимъ βοτόν (скотъ, животное) въ значеніи ἵππος (*Wilamowitz*, *Hermes*, 32, 252 Anm.).

остался у г. Ш. неотмѣченнымъ. Эти явленія повторяются въ діалогахъ Платона и въ діалогическихъ частяхъ трагедіи, особенно Еврипида, отношеніе котораго къ аѳинской разговорной рѣчи, кстати сказать, могло бы служить темой интереснаго спеціальнаго изслѣдованія (ср. выше, стр. 10).

Сюда прежде всего относятся нѣкоторые типичные вопросы и восклицанія, встрѣчающіеся въ оживленной бесѣдѣ. Начнемъ съ того случая, когда одинъ изъ собесѣдниковъ, въ видѣ вопроса съ ποῖος, повторяетъ какое-нибудь слово, сказанное партнеромъ. Такого рода вопросы выражаютъ удивленіе, недоумѣніе, возмущеніе. Ach. 61 глашатай возвѣщаетъ о прибытіи мнимыхъ пословъ отъ персидскаго царя: οἱ πρέσβεις οἱ παρὰ βασιλέως. Возмущенный наглымъ обманомъ Дикеополидъ спрашиваетъ: ποίου βασιλέως; „какого тамъ царя?“, т. е. „то, что ты говоришь о царѣ,—вздоръ!“ Ach. 108 вернувшійся изъ Персіи посолъ объясняетъ, что привезенный имъ персидскій лжепосолъ (Псевдартабанъ) обѣщаетъ аѳинянамъ „четверики золота“: ἀχάνας ὅδε γε χρυσίου λέγει. Дикеополидъ опять съ негодованіемъ восклицаетъ: ποίας ἀχάνας; „какіе тамъ четверики!“, т. е. „что за вздоръ!“ Этотъ оборотъ повторяется Ach. 157 ποίων Ὀδομάντων, 761 ποῖα σκόροδα; Eq. 32 ποῖον βρέτας; 162 ποίας κοιλίας; Nub. 367 ποῖος Ζεύς; 1233 ποίους θεούς; 1337 ποίοιν λόγοιν; Vesp. 1202 ποίας χάρακας; 1369 ποίαν αὐλητρίδα; 1378 ποῖος ὄζος; Av. 1233 ποίοις θεοῖς; Lys. 730 ποίων σέων; 922 ποία ψίαθος; 1178 ποίοισιν, ὦ τάν, ξυμμάχοις; Thesm. 874 ποίου Πρωτέως; Ran. 529 ποίοις θεοῖς; Plut. 1046 ποίου χρόνου; У Софокла онъ встрѣчается одинъ лишь разъ, Trach. 427, гдѣ имъ характеризуется простонародный способъ выраженія вѣстника, „персонажа низменнаго, почти комическаго“ (Зѣлинскій): когда Лихасъ говоритъ, что онъ высказалъ лишь догадку (δόκησιν), вѣстникъ его грубовато опровергаетъ: ποίαν δόκησιν; „какую тамъ догадку! ты въ этомъ поклялся.“ А. Наукъ къ данному мѣсту Софокла замѣчаетъ: „Diese bei Aristophanes und Platon sehr gebräuchliche Formel, welche immer einen Beigeschmack von Ironie hat, ist sonst in der Tragödie nicht nachweisbar, passt aber sehr wohl zu dem Charakter des Boten“. Великій знатокъ трагическаго языка выразился, быть можетъ, слишкомъ категорично. Мы можемъ указать другой примѣръ употребленія этой формулы въ трагедіи: Eurip. Hel. 565 Елена, узнавъ своего супруга, восклицаетъ: ὦ χρόνιος ἐλθὼν σῆς δάμαρτος ἐς χέρας, на что не узнавшій ея Менелай рѣзко возражаетъ: ποίας δάμαρτος; μὴ θίγῃς ἐμῶν πέπλων. У Платона этотъ оборотъ встрѣчается довольно часто. Такъ, напр., Gorg. 490[d] Со-

кратъ спрашиваетъ: Ἀλλ' ἴσως ἱματίων; (scil. πλέον δεῖ ἔχειν), на что Калликлъ отвѣчаетъ: Ποίων ἱματίων; „Quas tu vestes mihi narras?" Сократъ продолжаетъ: Ἀλλ' εἰς ὑποδήματα δῆλον ὅτι δεῖ πλεονεκτεῖν и т. д.; Калликлъ же опять возражаетъ: ποῖα ὑποδήματ ; φλυαρεῖς ἔχων. — Charmid. 174ᵃ Ἆρα γε ἦ τὸ πεττευτικόν; Ποῖον, ἦ δ' ὅς, πεττευτικόν; см. далѣе Phileb. 63ᶜ, Theaet. 180ᵇ, Hipp. Maior 285ᵈ, Euthyd. 291ᵃ. — Къ выписанному изъ Хармида мѣсту Heindorf приводитъ параллель изъ Плавта, Trucul. 2, 2, 29 (=v. 283 Leo). Astaphium говоритъ: Mulieres volo convenire vostras, но получаетъ отповѣдь: Quas tu mulieres mihi narras? ubi musca nulla femina est in aedibus.

Близко по смыслу къ разсмотрѣнной формулѣ стоитъ употребленіе ἰδού—нерѣдко съ прибавленіемъ частицы γε—при повтореніи слова, или нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ собесѣдникомъ. „Passim cum ironia ponitur ἰδού, repetito eadem vocabuli forma, qua alter usus", говоритъ van Herwerden ad Pac. 198. Такъ, Eq. 85 одинъ изъ рабовъ (Демосѳенъ) предлагаетъ для поощренія находчивости выпить несмѣшаннаго вина, πιεῖν... ἄκρατον οἶνον ἀγαθοῦ δαίμονος, на что другой иронически возражаетъ: ἰδοὺ γ' ἄκρατον; „вотъ тебѣ и на (или: скажите, пожалуйста): «несмѣшаннаго»!" Eq. 344 Колбасникъ заявляетъ: λέγειν οἷός τε κἀγώ, а Клеонъ съ насмѣшкой ствѣчаетъ: ἰδοὺ λέγειν; „смотрите, пожалуйста: «говорить»!" Другіе примѣры: Eq. 704 ἰδοὺ προεδρίαν, Nub. 818 ἰδού γ' ἰδοὺ Δί' Ὀλύμπιον, 872 ἰδοὺ κρέμαιο, 1469 ἰδού γε Δία πατρῷον, Pac. 198 ἰδοὺ γῆς, Lys. 441 ἰδού γ' ἐπιχεσεῖ, Thesm. 206 ἰδού γε κλέπτειν, Eccl. 133 ἰδοὺ πιεῖν. Иногда слова собесѣдника слегка измѣняются: Lys. 850 Кинесій проситъ Лисистрату вызвать его жену Миррину: ἐκκάλεσόν μοι Μυρρίνην, а Лисистрата въ отвѣтъ: ἰδού, καλέσω' γὼ Μυρρίνην σοι; „скажите, пожалуйста, я должна для тебя вызвать Миррину"! Ran. 1204 Эсхилъ обѣщаетъ доказать плохое построеніе Еврипидовыхъ прологовъ, δείξω δ' αὐτίκα, на что Еврипидъ отвѣчаетъ: ἰδού, σὺ δείξεις; „скажите, ты докажешь!" Ср. еще Eccl. 93 ἰδού γέ σε ξαίνουσαν и 136 ἰδού γέ σοι πίνουσιν.

Приведенные вопросы съ ποῖος и восклицанія съ ἰδού по общему смыслу своему приближаются къ отрицанію. Еще яснѣе отрицательный смыслъ выступаетъ въ вопросахъ съ нарѣчіями мѣста. Въ Lys. 383 женщины, обливъ стариковъ холодной водой, издѣваясь спрашиваютъ съ притворнымъ соболѣзнованіемъ: μῶν θερμὸν ἦν; „ужъ не была ли вода горяча?" Старики отвѣчаютъ: ποῖ θερμόν; „куда тамъ горяча!" т. е. „конечно, не горяча!" Другой примѣръ этого

рѣдкаго въ литературѣ оборота мы находимъ въ одномъ мѣстѣ Платона, которое, однако, обыкновенно невѣрно пишется и объясняется. De rep. 330[a] Сократъ спрашиваетъ Кефала: πότερον δὲ... ὦ Κέφαλε, ὧν κέκτησαι τὰ πλείω παρέλαβες ἢ ἐπεκτήσω, на что тотъ отвѣчаетъ: ποῖ ἐπεκτησάμην, ὦ Σώκρατες, поясняя далѣе, что онъ лишь незначительно пріумножилъ унаслѣдованное отъ отца имущество и радъ будетъ, если оставитъ его сыновьямъ неуменьшеннымъ: ἐγὼ δὲ ἀγαπῶ, ἐὰν μὴ ἐλάττω καταλίπω τουτοισί. Рукописное чтеніе ποῖ издателями измѣняется въ ποῖ', т. е. ποῖα. Но, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, въ вопросахъ съ ποῖος всегда повторяется какое-нибудь существительное изъ словъ собесѣдника, чего въ данномъ случаѣ нѣтъ. Рукописное же ποῖ представляетъ собою полную параллель Аристофановскому ποῖ θερμόν;—Въ другомъ мѣстѣ Аристофана, гдѣ при ποῖ также повторяется выраженіе собесѣдника, нарѣчіе мѣста еще сохраняетъ свое значеніе „куда?", т. е. „зачѣмъ?", „для какой цѣли?" Это — Lys. 191. Калоника для большей торжественности предполагаемой клятвы считаетъ нужнымъ при этомъ заклать λευκὸν ἵππον, на что Лисистрата возражаетъ: ποῖ λευκὸν ἵππον; „на что бѣлую лошадь?" Правда, и тутъ вопросъ по смыслу почти равняется отрицанію [1]).

Значеніе отрицанія имѣетъ далѣе вопросъ πώμαλα Plut. 66: ΠΛ. ὦ τᾶν, ἀπαλλάχθητον ἀπ' ἐμοῦ. ΧΡ. πώμαλα, гдѣ схоліастъ объясняетъ: ἀντὶ τοῦ οὐδαμῶς· ἔστι δὲ ἀττικόν.—Pherecr. Ἄγριοι frg. 9 (I p. 147 K.) A. οὐδ' ἀποπροσωπίζεσθε κυάμοις; B. πώμαλα. Aristoph. frg. 346 (I, p. 483 K.) A. ἣ λοιδορία τις ἔγενεθ' ὑμῖν; B. πώμαλα· οὐδ' εἶπον οὐδέν. Гарпократіонъ, сохранившій этотъ отрывокъ, замѣчаетъ, что πώμαλα въ смыслѣ οὐδαμῶς часто встрѣчается въ древне-аттической комедіи: πολὺ δ' ἐστὶν ἐν τῇ ἀρχαίᾳ κωμῳδίᾳ, свидѣтельство, очень интересное для установленія характера даннаго выраженія. Въ дошедшихъ до насъ комедіяхъ Аристофана и въ фрагментахъ не имѣется другихъ примѣровъ, кромѣ приведенныхъ трехъ. Изъ аттическихъ прозаиковъ этотъ оборотъ употребилъ Лисій, въ отрывкѣ, сохраненномъ Свидою (s. v. πώμαλα): γενναίως γὰρ αἱ γυναῖκες πώμαλα ἔφασαν ὀρχεῖσθαι αὐτάς, примѣръ, замѣчательный въ томъ отношеніи, что тутъ πώμαλα уже не имѣетъ даже формы вопроса, а прямо употреблено въ смыслѣ усиленнаго отрицанія. Далѣе у Демосѳена orat. 19 (De falsa legat.) § 51: οὐχ ἵν' ἐξέλθητε· πώμαλα; οὐ γὰρ ἂν κτλ.—Πῶ представляетъ собою

[1]) Въ такомъ же, приблизительно, смыслѣ понимаетъ Blaydes ποῖ Plut. 1055 ποῖ, τάλαν; объясняя: Hew? what mean you? Но такъ какъ въ отвѣтѣ слѣдуетъ αὐτοῦ, то это объясненіе сомнительно.

дорійскую форму вопросит. мѣстнаго нарѣчія = „откуда?“ (Kühner-Blass, II, 306-c). Какимъ образомъ случилось, что въ аттическій разговорный языкъ проникла эта форма, остается вопросомъ открытымъ.

Гораздо чаще употребляется аттическая форма того же вопросительнаго мѣстоименія въ смыслѣ отрицанія. Vesp. 1144 ***Филоклеонъ*** ἐν Ἐκβατάνοισι γίγνεται κρόκης χόλιξ; ***Бделиклеонъ*** πόθεν, ὦγαθ'; ἀλλὰ τοῦτο τοῖσι βαρβάροις | ὑφαίνεται πολλαῖς δαπάναις, Ran. 1455 *Эсхилъ* τίσι χρῆται, πότερα τοῖς χρηστοῖς; *Діонисъ* πόθεν; μισεῖ κάκιστα, Eccl. 389 ***Блепиръ*** οὐδ' ἄρ' ἂν ἐγὼ λάβοιμι νῦν ἐλθών; ***Хремилъ*** πόθεν; οὐδ' εἰ μὰ Δία τότ' ἦλθες, ὅτε τὸ δεύτερον | ἀλεκτρυὼν ἐφθέγγετο, Eccl. 976 *Старуха* οὗτος, τί κόπτεις; μῶν ἐμὲ ζητεῖς; *Юноша* πόθεν; frg. 655 (I p. 554 K.) σὺ δ' ὁμέστιος θεοῖς; πόθεν; къ каковому мѣсту византійскій грамматикъ Мосхопулъ замѣчаетъ: πόθεν... σημαίνει τὸ οὐδαμῶς [1]). У Еврипида вопросительное πόθεν съ отрицательнымъ значеніемъ нѣсколько разъ встрѣчается въ оживленномъ діалогѣ, Alc. 95 πόθεν; οὐκ αὐχῶ, Androm. 83, El. 657 и т. д., а также въ возбужденномъ монологѣ: Hec. 613 ὡς μὲν ἀξία; ποθέν; Phoen. 1620 ἀλλ' ἔτι νεάζων αὐτὸς εὕροιμ' ἂν βίον; πόθεν; Платонъ также неоднократно употребляетъ πόθεν въ смыслѣ энергичнаго отрицанія: Conv. 172[a] πόθεν, ἦν δ' ἐγώ, ὦ Γλαύκων, Hipp. Maior 285[e] πόθεν, ὦ Σώκρατες; Menex. 235[c], Cratyl. 398[c], Gorg. 471[d]. Въ послѣднихъ трехъ мѣстахъ повторяется употребленная Аристофаномъ Vesp. 1145 фраза πόθεν, ὦγαθέ, которую можно поэтому признать стереотипнымъ оборотомъ аттической разговорной рѣчи. Иногда Платонъ при πόθεν, какъ Аристофанъ при ποῖος и ποῖ (см. выше), повторяетъ сказанное партнеромъ слово: Lys. 208[b] ἔφεν ἄν; πόθεν, ἦ δ' ὅς, ἔφεν. Внѣ діалога, въ мѣстахъ представляющихъ собою возбужденный монологъ, отрицательное πόθεν встрѣчается у Демосѳена or. 18 (De corona) § 47 ἀλλ' οὐκ ἔστι ταῦτα· πόθεν; πολλοῦ γε καὶ δεῖ, ibid., § 52, § 140 и у Эсхина, or. 1 (c. Timocr.) § 109. Аттицисты императорскаго времени, конечно, не преминули воспроизвести эту особенность Платона и Демосѳена: см. W. Schmid, Der Atticismus, I, 133 (Діонъ Хрисостомъ), 286 (Лукіанъ), II, 145 (Элій Аристидъ), IV, 217 (Филостратъ). Для разговорнаго или „народнаго“ характера выраженія отсюда, конечно, ни-

---

[1]) Къ приведеннымъ мѣстамъ слѣдовало бы прибавить еще Vesp. 204, если бы чтеніе фанъ-Левена было внѣ сомнѣнія: *Бделиклеонъ* ἴσως ἄνωθεν μῦς ἔβαλέ σοι; *Ксантій* πόθεν μῦς; οὐ μὰ Δία. Но другіе издатели соединяютъ ποθεν, какъ pron. indefinit., со словами Бделиклеона. — Ach. 1023 на вопросъ πόθεν; слѣдуетъ въ отвѣтъ ἀπὸ Φυλῆς, такъ что этотъ примѣръ сюда не относится.

чего не слѣдуетъ. Больше значенія имѣетъ то обстоятельство, что оно встрѣчается въ языкѣ Новаго Завѣта (Schmid, I, 133).

Каково психологическое основаніе отрицательнаго значенія вопроса πόθεν? Попытку объясненія дѣлаетъ van Leeuwen, перифразируя слѣдующимъ образомъ, ad. Vesp. l. l.: „unde hoc habes, quomodo tandem tibi in mentem venit huius modi quid?“ Съ этимъ едва ли можно согласиться. Πόθεν и πώμαλα получили отрицательное значеніе благодаря близости понятій „откуда?“ и „отчего?“, „зачѣмъ?“ Объ этой близости ср. напр. Nub. 242 πόθεν δ' ὑπόχρεως σαυτὸν ἔλαθες γενόμενος; „отчего ты незамѣтно для себя запутался въ долгахъ?“ Спрашивая о причинѣ факта, мы выражаемъ сомнѣніе въ его существованіи и тѣмъ самымъ отрицаемъ самый фактъ. Ср. Aristoph. frg. 634 (I p. 550 K.) πόθεν ἐγώ σοι συγγενής, ὦ φάρμακε; „съ какой стати я тебѣ родственникъ?“ Такимъ образомъ въ русской простонародной рѣчи вопросъ „зачѣмъ?“ получилъ негативный смыслъ (часто съ повтореніемъ сказаннаго собесѣдникомъ слова), а въ ново-греческомъ языкѣ τίποτες = „зачѣмъ?“ является обычнымъ отрицаніемъ. Ср. еще Kühner-Gerth, II, 164 прим. Изъ области древне-греческаго разговорнаго языка можно указать на такое же употребленіе вопросительнаго τί. Eurip. Alc. 806 Гераклъ спрашиваетъ: δόμων γὰρ ζῶσι τῶνδε δεσπόται; „вѣдь въ живыхъ же хозяева этого дома?“, на что рабъ отвѣчаетъ τί ζῶσιν; „зачѣмъ въ живыхъ?“ Аналогію представляетъ и выше указанное употребленіе вопроса ποῖ, основанное на близости понятій „куда“ и „для чего?, зачѣмъ?“

Во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ сказывается пристрастіе живой, разговорной рѣчи къ вопросамъ. Имъ объясняется также употребленіе вопросит. οὐκοῦν въ аффирмативномъ смыслѣ. Οὐκοῦν собственно значитъ „развѣ не“, „неправда ли?“; но въ разговорномъ языкѣ оно такъ часто примѣнялось, что въ концѣ концовъ получило значеніе „конечно“: Pac. 43 οὐκοῦν ἂν ἤδη τῶν θεατῶν τις λέγοι, собственно: „развѣ не скажетъ кто-нибудь изъ зрителей“=„конечно, кто-нибудь скажетъ“; Plut. 1087 οὐκοῦν τρύγοιπος ταῦτα πάντ' ἰάσεται, „конечно (собств. „неправда ли?“) цѣдилка это все исправитъ“. Ср. Kühner-Gerth, II, 164, гдѣ указывается, что οὐκοῦν вообще не встрѣчается раньше аттическаго періода, и что значеніе „конечно“ изъ вопроса „неправда ли?“ выработалось „durch den täglichen Gebrauch“.

Аналогичнымъ образомъ объясняется употребленіе причастія ἔχων при нѣкоторыхъ глаголахъ: и тутъ мы имѣетъ дѣло съ вопросомъ, благодаря частому употребленію въ разговорной рѣчи потерявшимъ

свою силу. Первоначально ἔχων ставилось съ вопросительнымъ мѣстоименіемъ τί, служившимъ ему прямымъ дополненіемъ. Nub. 131 τί ταῦτ' ἔχων στραγγεύομαι; „что я имѣю (= что со мною), что такъ извиваюсь „(ταῦτα — винит. внутренняго объекта); 509 τί κυπτάζεις ἔχων περὶ τὴν θύραν; Thesm. 852 τί κοικύλλεις ἔχων; Eccl. 853 τί γὰρ ἕστηκ' ἔχων; 1151 τί δῆτα διατρίβεις ἔχων; — Благодаря частому примѣненію этой формулы въ разговорномъ языкѣ, со временемъ стали при глаголахъ, обозначающихъ „говорить глупости", ставить ἔχων и безъ вопросительнаго мѣстоименія: Av. 341 τοῦτο μὲν ληρεῖς ἔχων, Lys. 945 ληρεῖς ἔχων, Ran. 202 οὐ μὴ φλυαρήσεις ἔχων, 512 ληρεῖς ἔχων, 524 οὐ μὴ φλυαρήσεις ἔχων. Очень часто у Платона, напр. Euthyd. 295ᶜ ἔχων φλυαρεῖς, Gorg. 490ᵉ и 497ᵃ ἔχων ληρεῖς. У другихъ писателей V и IV вѣка этотъ оборотъ, кажется, не встрѣчается, чѣмъ подтверждается предположеніе, что онъ представляетъ собою особенность аттической разговорной рѣчи. У Θеокрита 14, 8 мы читаемъ παίσδεις.. ἔχων, у Лукіана Icarom. 24 и Pseudosoph. 2 — παίζεις ἔχων. Относительно происхожденія этого ἔχων изъ τί ἔχων см. Kühner-Gerth, II, 62. Непонятно замѣчаніе W. Schmid'a, Der Atticismus, II, 115: „Instruktiv für die Bedeutung von ἔχων in solchen Verbindungen ist Plat. rei pub. 6 χαίρειν ἔχοντα", такъ какъ тутъ при ἔχοντα изъ предыдущаго необходимо дополнить τὸν ἔρωτα.

Какъ τί ἔχων, въ аттическомъ разговорномъ языкѣ въ смыслѣ „отчего?" употреблялась еще родственная формула τί μαθών. Ach. 826 τί δὴ μαθὼν φαίνεις ἄνευ θρυαλλίδος; Nub. 1506 τί γὰρ μαθόντ' ἐς τοὺς θεοὺς ὑβριζέτην; Vesp. 251 τί δὴ μαθὼν τῷ δακτύλῳ τὴν θρυαλλίδ' ὠθεῖς; Lys. 599 σὺ δὲ δὴ τί μαθὼν οὐκ ἀποθνήσκεις; Plut. 908 ΣΥΚ. τῶν τῆς πόλεώς εἰμ' ἐπιμελητὴς πραγμάτων | καὶ τῶν ἰδίων πάντων. ΔΙΚ. σύ, τί μαθών; Выраженіе это встрѣчается у Платона (Apol. 36ᵇ ὅτι μαθὼν ἐν τῷ βίῳ οὐχ ἡσυχίαν ἦγον, Euthyd. 283ᵉ, 299ᵃ), Исократа (or. 14 [Trapez.] § 26 καίτοι τί μαθόντες.. προσετάττομεν ἀποδοῦναι Σατύρῳ τὸ γραμματεῖον); Демосθена (20 [Leptin.], 127) и очень часто у позднѣйшихъ аттицистовъ, Элія Аристида (Schmid, Der Atticismus, II, 158), Эліана (Schmid, III, 156), Филострата (Schmid, IV, 213).—Лукіанъ же (Schmid, I, 294) вмѣсто τί μαθών употребляется τί παθών, что нерѣдко читается и у остальныхъ названныхъ аттицистовъ (Schmid, ll. ll.). Можно ли и эту формулу отнести къ аттической обиходной рѣчи, представляется сомнительнымъ. Она встрѣчается у Аристофана дважды, но въ тетраметрическихъ частяхъ (Nub. 340 и 402), и возможно, что тутъ сказывается литературная традиція, идущая еще отъ Гомера, Δ 313 и ω

106. Встрѣчается ли формула τί παθών у Платона, мы не знаемъ; Ast не указываетъ ни одного примѣра. Во всякомъ случаѣ, глубоко неправъ былъ Cobet, когда вездѣ вмѣсто рукописнаго τί μαθών хотѣлъ писать τί παθών. Кобету слѣдуетъ Мейнеке въ своемъ текстѣ Аристофана.

Живостью бесѣды, въ которой подчасъ ἡ γλῶττα προτρέχει τῆς διανοίας, объясняется также употребленіе члена при вопросительныхъ мѣстоименіяхъ τίς и ποῖος. Собесѣдникъ нетерпѣливо перебиваетъ говорящаго, чтобы самому дополнить его слова; произнесши опред. членъ, онъ, какъ бы спохватившись, что не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь, ставитъ вопросительное мѣстоименіе: Nub. 748 ΣΤΡ. εἰπὲ δή νύν μοι — — ΣΩ. τὸ τί; Pac. 826 ΟΙΚ. ἴθι νυν, κάτειπέ μοι — — ΤΡΥΓ. τὸ τί; Ran. 40 ΔΙΟΝ. οὐκ ἐνεθυμήθης — — ΞΑΝ. τὸ τί; Plut. 902 ΔΙΚ. ἀπόκριναί μοι — — ΣΥΚ. τὸ τί; Дальнѣйшее развитіе мы имѣемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда собесѣдникъ, уже не перебивая рѣчи другого, требуетъ поясненія какого-нибудь сказаннаго слова: Nub. 775 ΣΩ. ἄγε δή, ταχέως τουτὶ ξυνάρπασον. ΣΤΡ. τὸ τί; Vesp. 818 ΦΙΛ. ἓν ἔτι ποθῶ, τὰ δ' ἄλλ' ἀρέσκει μοι. ΒΔΕΛ. τὸ τί; Pac. 696 ΤΡΥΓ. πάσχει δὲ θαυμαστόν. ΕΡΜ. τὸ τί; Если слово, относительно котораго требуютъ объясненія, стоитъ въ формѣ множественнаго числа, то и членъ передъ τί ставится во множ. числѣ: Pac. 693 ΕΡΜ. ὤ ὤ, οἷα μ' ἐκέλευσεν ἀναπυθέσθαι σου. ΤΡΥΓ. τὰ τί;—Наконецъ, τὸ τί; стало употребляться болѣе свободно въ значеніи „что такъ?“, „почему?“: Av. 1039 ΨΗΦ. νόμους νέους ἥκω παρ' ὑμᾶς δεῦρο πωλήσων. ΠΕΙ. τὸ τί; Ran. 1227 ΔΙΟΝ. ὦ δαιμόνι' ἀνδρῶν, ἀποπρίω τὴν λήκυθον.... ΕΥΡ. τὸ τί; ἐγὼ πρίωμαι τῷδ'; Plut. 1076 ΝΕΑΝ. ἐγὼ περὶ ταύτης οὐ μαχοῦμαί σοι. ΧΡΕΜ. τὸ τί; Недостаточно ясно изложеніе у Kühner-Gerth, I, 625 sq. Важно, что соединеніе τὸ τί встрѣчается только у Аристофана. Уже въ греческомъ словарѣ Пассова (II, 2[5], 1908[a]) поэтому правильно замѣчено: „Diese Ausdrucksweise scheint nur der Umgangssprache angehört zu haben“.

Аналогично объясняется употребленіе члена при ποῖος: собесѣдникъ хочетъ ближе опредѣлить употребленное другимъ слово, но, не будучи въ состояніи это сдѣлать, перебиваетъ начатую рѣчь и прибѣгаетъ къ вопросу. Nub. 1267 кредиторъ проситъ Стрепсіада, чтобы онъ приказалъ сыну возвратить ему τὰ χρήματα... ἄλαβεν, но тотъ переспрашиваетъ: τὰ ποῖα ταῦτα χρήματα; Cp. Ach. 418 τὰ ποῖα τρύχη; 963 ὁ ποῖος οὗτος Λάμαχος; Этотъ оборотъ встрѣчается и у другихъ аттиковъ, часто у Платона (напр. Phaedr. 277[a]), Еврипида (напр. Phoen. 1704), Софокла (Nauck ad Trach. 78), рѣже у Ксенофонта и Демосѳена.

Одинъ разъ онъ читается у Эсхила (Prom. 249). Попадается онъ также у Θеокрита (5,5). Со временемъ соединеніе ὁ ποῖος стало употребляться даже внѣ діалога, напр. Plat. Euthyphr. 12[d] δεῖ δὴ ἡμᾶς ἐξευρεῖν, τὸ ποῖον μέρος ἂν εἴη τοῦ δικαίου τὸ ὅσιον и Dem. 18 (De corona) 64 ἡδέως ἂν ἐροίμην, τῆς ποίας μερίδος γενέσθαι τὴν πόλιν ἐβούλετ' ἄν. Несмотря на употребленіе у трагиковъ, мы считаемъ возможнымъ и этотъ оборотъ отнести къ аттической разговорной рѣчи.

Распространенію формулы τὸ τί вмѣсто простого τί въ значительной мѣрѣ способствовала антипатія обиходнаго языка къ слишкомъ краткимъ, малообъемистымъ словамъ, если на таковыя приходится логическое удареніе; ср. выше стр. 63. Такимъ тщедушнымъ, малокалибернымъ словамъ охотно придается какой-нибудь комплементъ. То же вопросительное τί часто расширяется прибавленіемъ къ нему какого-нибудь существительнаго, въ родѣ χρῆμα, πρᾶγμα, κακόν: Thesm. 270 τί χρῆμα; Nub. 325 τί τὸ χρῆμα; 816 τί χρῆμα πάσχεις; Vesp. 266 τί χρῆμ' ἄρ'... πέπονθεν; 834 τί ποτε τὸ πρᾶγμα; Lys. 23. Eccl. 311 τί τὸ πρᾶγμα; Pac. 44 τὸ δὲ πρᾶγμα τί; Av. 1171, Ran. 658 τί τὸ πρᾶγμα τουτί; Ach. 767, Ran. 438, frg. 125,1 τουτί τί ἦν τὸ πρᾶγμα; Когда предвидится нѣчто неблагопріятное или непріятное, къ вопросит. τί прибавляется κακόν: Pac. 322, Av. 1213 τί τὸ κακόν; Ach. 156 τουτὶ τί ἐστι τὸ κακόν; Vesp. 1136 τουτί τὸ κακὸν τί ἐστιν; Av. 1207 τί ποτ' ἐστὶ τουτὶ τὸ κακόν; Въ трагическомъ діалогѣ также употребляется τί χρῆμα въ смыслѣ простого τί, напр. Aeschyl. Prom. 314, Choeph. 10, 884, Soph. Ai. 288, Ant. 1049 и т. д. Особенно любитъ этотъ оборотъ Еврипидъ, у котораго замѣчается даже дальнѣйшая эволюція въ томъ смыслѣ, что τί χρῆμα въ соединеніи съ глаголомъ получаетъ значеніе „почему?", напр. Alc. 512 τί χρῆμα κουρᾷ τῇδε πενθίμῳ πρέπεις; Hec. 977 τί χρῆμ' ἐπέμψω τὸν ἐμὸν ἐκ δόμων πόδα; Heraclid. 633 τί χρῆμα κεῖσαι; 646, 709 и т. д.

Такъ въ ново-греческомъ разговорномъ языкѣ вмѣсто простого τί, часто спрашиваютъ τί πρᾶγμα, въ итальянскомъ вмѣсто „che?"— „che cosa?"; ср. также русское „что такое?" вмѣсто слишкомъ короткаго „что?"

Замѣтимъ кстати, что тѣ же самыя существительныя πρᾶγμα и χρῆμα служатъ и въ другихъ случаяхъ для образованія болѣе полновѣсныхъ описательныхъ выраженій, замѣняя собою короткія указательныя, неопредѣленныя и т. д. мѣстоименія: Vesp. 799 ὅρα τὸ χρῆμα, Pac. 38 μακρὸν τὸ χρῆμα, Ran. 795 τὸ χρῆμ' ἄρ' ἔσται; Eccl. 148 καὶ γὰρ τὸ χρῆμ' ἐργάζεται, 1164 εἴπερ μέλλομεν τὸ χρῆμα δρᾶν, Lys. 677

ἱππικώτατον γάρ ἐστι χρῆμα κἄποχον γυνή, 660 κἀπιδώσειν μοι δοκεῖ τὸ χρῆμα μᾶλλον· ἀλλ' ἀμυντέον τὸ πρᾶγμ' ὅστις γ' ἐνόρχης ἔστ' ἀνήρ, Eccl. 441 γυναῖκα δ' εἶναι πρᾶγμ' ἔφη νουβυστικόν. Особеннаго вниманія заслуживаетъ описательный оборотъ, въ которомъ χρῆμα съ родительнымъ падежомъ существительнаго указываетъ на большой объемъ, большое число, на силу или значеніе понятія, выражаемаго существительнымъ: Ach. 150 ὅσον τὸ χρῆμα παρνόπων προσέρχεται, Eq. 1219 ὅσον τὸ χρῆμα τοῦ πλακοῦντος ἀπέθετο, Nub. 2 ὦ Ζεῦ βασιλεῦ, τὸ χρῆμα τῶν νύκτων ὅσον ἀπέραντον, Vesp. 933 κλέπτον τὸ χρῆμα τἀνδρός, Lys. 83 ὡς δὴ καλὸν τὸ χρῆμα τιτθίων ἔχεις, 1085 ἀσκητικὸν τὸ χρῆμα τοῦ νοσήματος, Ran. 1278 ὦ Ζεῦ βασιλεῦ, τὸ χρῆμα τῶν κόπων ὅσον, Plut. 894 πολὺ χρῆμα τεμάχων καὶ κρεῶν ὠπτημένων. Правда, этотъ оборотъ встрѣчается нерѣдко и у Геродота: III, 99 πολλόν τι χρῆμα τῶν τέκνων, III, 130 χρῆμα πολλόν τι χρυσοῦ, IV, 81 χρῆμα πολλὸν ἀρδίων, VI, 43 χρῆμα πολλὸν νεῶν, VII, 188 χειμῶνος χρῆμα ἀφόρητον. Но, во-первыхъ, и у Геродота встрѣчаются мѣстами выраженія разговорной рѣчи (ср. примѣчаніе Stein'а къ Hdt. I, 36 „besonders bei H. und Aristophanes häufiger Ausdruck aus der Volkssprache"), а во-вторыхъ, „народность" этого оборота подтверждается его принадлежностью, между прочимъ, охотничьему жаргону: Hdt. I, 36 ὑὸς χρῆμα μέγα, Xen. Cyr. V, 2, 34 ἔλαφος, καλόν τι χρῆμα, Soph. frg. 739 συὸς μέγιστον χρῆμα.

Возвращаясь къ фразеологіи вопросовъ въ діалогѣ Аристофана, укажемъ еще на слѣдующую особенность, встрѣчающуюся, насколько намъ извѣстно, только у него и Платона. Прежде чѣмъ отвѣчать на предложенный вопросъ, собесѣдникъ повторяетъ вопросительное мѣстоименіе или нарѣчіе, но уже не въ прямой, а въ относительной формѣ. Такъ напр. Ach. 595 на вопросъ Ламаха: ἀλλὰ τίς γᾶς εἶ; Дикеополидъ сперва переспрашиваетъ: ὅστις, а затѣмъ уже отвѣчаетъ: πολίτης χρηστός. Ach. 959 ΔΙΚ. τί ἔστι; τί με βωστρεῖς; ΘΕΡ. ὅ τι; ἐκέλευσε Λάμαχος κτλ.; ср. еще Eq. 128, 1073, Nub. 214, 677, 690, 753, 760, Av. 164, Ran. 198, Plut. 139 и т. д. У Платона напр. Euthyphr. 2^b: на вопросъ Евтифрона: ἀλλὰ δὴ τίνα γραφήν σε γράφεται Сократъ отвѣчаетъ: ἥντινα; οὐκ ἀγεννῆ νὴ τὸν Δία. См. Kühner-Gerth, II, 517. Обстоятельность, получающаяся отъ повторенія собесѣдникомъ вопросительнаго мѣстоименія, вполнѣ въ духѣ разговорной рѣчи.

Одною изъ наиболѣе характерныхъ чертъ „народной" рѣчи О. Вейзе (Charakteristik der latein. Sprache[4], 137) считаетъ „die in ihr hervortretende grössere Beteiligung des Herzens am sprachlichen Ausdruck".

Замѣнивъ терминъ „народная рѣчь" терминомъ „разговорная рѣчь", мы, дѣйствительно, можемъ признать, что въ ней чувство говорящаго играетъ бóльшую роль и яснѣе обнаруживается, чѣмъ въ языкѣ литературномъ. Проявленіе задушевности („der Kordialität und der regen Beteiligung des Gemütes an der Rede") нѣмецкій ученый видитъ, между прочимъ, въ частомъ употребленіи т. н. dativi ethici, указывая на пристрастіе къ нему языка Плавтовыхъ комедій. Къ сожалѣнію, употребленіе dativi ethici у Аристофана еще не изслѣдовано. Мы ограничимся указаніемъ на вопросительную формулу ποῦ μοι, въ которой и пропускъ связки является признакомъ принадлежности обиходной рѣчи (см. объ этомъ Шестакова стр. 129). Vesp. 750 сл. старикъ Филоклеонъ пародируетъ выспренный стиль Еврипидовыхъ трагедій: κείνων ἔραμαι, κεῖθι γενοίμαν... σπεῦδ' ὦ ψυχή· ποῦ μοι ψυχή; πάρες ὦ σκιερά. Къ словамъ ποῦ μοι ψυχή van Leeuwen замѣчаетъ: „perridicule copulantur verba cothurnata quaeque socco unice sunt apta; nam illud ποῦ μοι quam sit alienum a tragica dignitate nemo non sentit". Въ томъ же смыслѣ высказывается Starkie (The Wasps of Aristophanes, London 1897, ad l. l.): „The humour of this passage lies in the mixture of vulgar humdrum prose with lyrical extravagance in a way suggestive of the sudden and violent descents in Euripides... ποῦ μοι was a phrase in daily use". Ту же формулу мы имѣемъ далѣе Ran. 979 ποῦ μοι τοδί; и, вѣроятно, Vesp. 903 ποῦ μοὐ (=μοι ὁ, конъектура Диндорфа, рукописи ποῦ δ' οὑ или ποῦ δ' ὁ) διώκων; Она повторяется у Геронда V, 10 Κύδιλλα, κοῦ μοι Πυρρίης; III, 59 Εὐθίης κοῦ μοι; и у Кассія Діона LI, 12 ποῦ μοι, Καῖσαρ, ταῦτά σου τὰ γράμματα; (Crusius Unters. z. d. Mimiamben des Heroudas, 99). Но еще болѣе доказательно для разговорнаго характера этой формулы ея употребленіе въ народной пѣсенкѣ, Bergk Poet. lyr. III p. 662 (carm. popul. frg. 19): ποῦ μοι τὰ ῥόδα, ποῦ μοι τὰ ἴα, ποῦ μοι τὰ καλὰ σέλινα; Рѣдко прибавляется глаголъ ἐστίν: Ach. 129 ἀλλ' Ἀμφίθεός μοι ποῦ'στιν; Eccl. 785 ποῦ μοὔσθ' ἱμάς.

Изъ способовъ, которыми у Аристофана въ діалогѣ выражается приказаніе, упомянемъ о прибавленіи къ повелительному наклоненію (или замѣняющимъ его формамъ) причастія ἀνύσας, часто съ присоединеніемъ къ нему неопред. мѣст. τί: Ach. 571 βοηθησάτω τις ἀνύσας, Eq. 119 σὺ δ' ἔγχεον πιεῖν ἀνύσας τι, Nub. 181, 635, 1253, Vesp. 202, 398, 847, 1158, 1162, 1210, Pac. 275, Lys. 438, 920, Thesm. 255, Ran. 1171, Eccl. 1058, Plut. 229, 349, 648, 974. Въ соединеніи съ conjunct. adhort.: Eq. 71 νῦν οὖν ἀνύσαντε φροντίσωμεν, Pac. 872. Будучи

столь обычнымъ въ діалогѣ Аристофана, этотъ энергичный оборотъ у другихъ писателей не встрѣчается, и уже поэтому мы имѣемъ полное основаніе отнести его къ особенностямъ аттическаго разговорнаго языка [1]). Аналогичнымъ образомъ усиливается приказаніе прибавленіемъ причастія τρέχων: Nub. 1164 ὃν κάλεσον τρέχων ἔνδοθεν ὡς ἐμέ, Pac. 259, Plut. 1103, Av. 991; ср. еще Ach. 828, Nub. 780.

Русскому „за тобою дѣло" соотвѣтствуетъ у Аристофана σὸν ἔργον, съ эллипсисомъ связки: Nub. 1345, 1397, 1494, Av. 862, Thesm. 1208; ср. Pac. 426 ὑμέτερον ἐντεῦθεν ἔργον, 1305 ὑμῶν τὸ λοιπὸν ἔργον. Рѣже безъ эллипсиса: Lys. 315 σὸν δ' ἔστιν ἔργον, 839 σὸν ἔργον εἴη, Thesm. 1172 ἐμὸν ἔργον ἐστὶν καὶ σόν, Ran. 590 νῦν σὸν ἔργον ἐστί.

Изъ обихода аѳинянъ взяты, повидимому, и нѣкоторыя стереотипныя формулы, которыми въ діалогѣ Аристофана собесѣдникъ выражаетъ свое согласіе или одобреніе, напримѣръ: καλῶς λέγεις Ach. 765, Nub. 1289, Av. 1614, Lys. 184, 1182, Ran. 169, 643, Plut. 481, 1092, σὺ κάλλιον λέγεις Lys. 76 (то же Plat. Theaet. 161[b]), ὀρθῶς λέγεις Nub. 679, Ran. 672 (Plat. Lys. 221[d], de rep. I 331[d]), ταῦτα Eq. 111, Vesp. 142, Pac. 275, ταῦτα δή Ach. 815, Vesp. 851, ταῦτα νῦν Vesp. 1008, ἰδού Eq. 121, Nub. 82, 255, 825, Ran. 200, 644, πάνυ μὲν οὖν Plut. 97 (Plat. Euthyd. 7[a], 13[d], Apol. 26[b], Crit. 43[a], Phaedr. 63[b], 65[e], 70[d], 73[e] etc.), κομιδῇ μὲν οὖν Plut. 833, 834, 838. (Plat. Theaet. 155[a], Parm. 158[d], Soph. 221[c] etc.) и т. д. Въ чрезвычайно частой у Аристофана божбѣ τὴ τὸν Ποσειδῶ (Ach. 560, Eq. 366, 899, 1035, 1201, Nub. 83, 665, 724, 1234 etc.) и μὰ τὸν Ποσειδῶ (Eq. 338, 409, 843, Vesp. 163 etc.) тоже можно видѣть черту, характерную для разговорнаго языка аѳинянъ, главные интересы которыхъ сосредоточены были на морѣ. Даже самъ Посидонъ (Av. 1614) клянется собственнымъ своимъ именемъ [2]).

---

[1]) Въ рукописяхъ Аристофана и другихъ аттич. писателей глаголъ ἀνύω (ἀνύτω) всегда пишется со spiritus lenis; но древніе грамматики указываютъ, что у аттиковъ онъ имѣлъ густое придыханіе: Becker, Anecd. p. 14 ἁνύειν δασύνουσιν οἱ ἀττικοί, καὶ δῆλον ἐκ τῆς συναλοιφῆς· καθήνυσαν γάρ (то же самое Moeris p. 179 и Suid. s. v.). По мнѣнію лингвистовъ, густое придыханіе подтверждается санскритскимъ sanō-ti, *Brugmann*, *Kuhns Ztschr*. 24, 257. Ср. также *G. Meyer*, Gr. Gr.³ 326, *Brugmann-Thumb*, 337. Нѣкоторые издатели Аристофана, какъ Герверденъ и Левенъ, вводятъ въ текстъ формы съ густымъ придыханіемъ.

[2]) Замѣтимъ кстати, что, хотя у г. Ш. и есть рубрика *клятвы* (стр. 224 —

Сюда же относятся нѣкоторыя постоянно повторяющіяся обращенія къ собесѣднику, въ родѣ ὦ βέλτιστε, Ach. 929, Eq. 622, Vesp. 387, Plut 631, 1172, (Plat. Euthyd. 4[a], Apol. 24[e], Crit. 48[a], Phaedr. 117[a] etc.); ὦ μέλε Eq. 671, Nub. 1192, 1338, Vesp. 1400, Pac. 259, 884, Av. 1216, 1360, Lys. 157, Thesm. 615, Eccl. 520 (Plat. Theaet. 178[e] etc); ὦγαθέ Ach. 944, Eq. 71, 160, 188, 722 etc. (Plat. Prot. 311[a], 314[d], 339[e] etc.).

Когда собесѣдникъ указываетъ, что какое-нибудь уже ранѣе ему извѣстное обстоятельство благодаря словамъ партнера получило въ его глазахъ новое освѣщеніе, то употребляется формула ταῦτ' ἄρα, по-русски „то-то“: Ach. 90 ταῦτ' ἄρ' ἐφενάκιζες σύ, Eq. 125 ταῦτ' ἄρ' ἐφυλάττου πάλαι, Nub. 318, 335, 353, 394, Pac. 414, 617, Thesm. 649. Принадлежность этого оборота разговорному языку подтверждается его употребленіемъ у Діона Хрисостома въ пассажѣ, воспроизводящемъ простонародную рѣчь (см. выше стр. 70, прим. 1), VII § 74 ταῦτα, εἶπεν, ἄρα ἡ μήτηρ σου ἐγέλα, и у Өеокрита въ оживленномъ діалогѣ, XIV 3 ταῦτ' ἄρα λεπτός (обратить вниманіе на эллипсисъ!).

Приведенные примѣры, собранные нами болѣе или менѣе случайно, безъ систематическаго изслѣдованія, служатъ доказательствомъ, что въ діалогѣ Аристофана имѣется большой запасъ взятыхъ изъ аттической повседневной рѣчи стереотипныхъ формулъ, не нашедшихъ себѣ мѣста въ схемѣ г. Ш.

Но и внѣ діалога нетрудно указать множество явленій того же характера, пропущенныхъ г. Ш.

Взять хотя бы столь важный элементъ разговорнаго языка, какъ пословицы и поговорки. Ими обильно уснащена и „народная рѣчь Аристофана“, но г. Ш. нигдѣ о нихъ не упоминаетъ. Онъ тутъ могъ воспользоваться спеціальнымъ изслѣдованіемъ по этому вопросу: L. Bauck, De proverbiorum aliisque locutionibus ex usu vitae communis petitis apud Aristophanem comicum, Halis Sax. 1881. Матеріалъ, приводимый въ этой диссертаціи, можетъ быть значительно пополненъ, и вопросъ, вообще, требуетъ пересмотра.

Не касается г. Ш. также обширной области анаколуөа, который, хотя нерѣдко попадается и въ литературномъ языкѣ, тѣмъ не менѣе особенно характеренъ для разговорной рѣчи, находя психологическое объясненіе въ живости послѣдней. Мы упомянемъ только о двухъ

---

226), но она чрезмѣрно скудна и поверхностно составлена. Та роль, которую божба, одинъ изъ интереснѣйшихъ ингредіентовъ всякаго простонароднаго разговорнаго языка, играетъ въ „народной рѣчи Аристофана“, остается не выясненной.

видахъ анаколуѳа у Аристофана. Послѣ причастія нерѣдко при глаголѣ ставится κᾆτα или κᾄπειτα, какъ будто предшествовала самостоятельная форма глагола. Exempla huius structurae, quae praeter Aristophanem et Platonem comicum [frg. 23, I p. 606 K. λαβὼν... κᾄπειτα δῆσον αὐτόν] nonnisi apud eos scriptores Atticos inveniri videtur, qui sermonem familiarem sive natura sive consilio sequuntur, ut apud Platonem et Xenophontem, apud nostrum comicum haec sunt: Nub. 408 [ὀπτῶν... κᾆτ' οὐκ ἔσχων], Av. 1455 [καλεσάμενος... κᾆτ' αὖ πέτωμαι], 673 [ἀπολέψαντα... κᾆθ' οὕτως φιλεῖν], Lys. 560 [ἀσπίδ' ἔχων... κᾆτ' ὠνῆται κορακίνους], Eq. 391 [τοιοῦτος ὢν... κᾆτ' ἀνὴρ ἔδοξεν εἶναι], Nub. 623 λαχὼν Ὑπέρβολος... κᾄπειθ'.. ἀφῃρέθη], Av. 534 [τρίψαντες... κᾄπειτα κατεσκέδασαν], A. Brinkmann, De anacoluthi apud Aristophanem usu, Halis Sax. 1882, 69.—Другой видъ анаколуѳа, на который считаемъ полезнымъ обратить вниманіе, это—т. н. nominat. absolutus: Ach. 1165 ἠπιαλῶν γὰρ οἴκαδ' ἐξ ἱππασίας βαδίζων εἶτα κατάξειέ τις αὐτοῦ μεθύων τὴν κεφαλὴν Ὀρέστης, 1182, Vesp. 135, Pac. 1242, Av. 47, Ran. 1437, Plut. 277. Объ этомъ видѣ анаколуѳа у позднѣйшихъ аттицистовъ ср. W. Schmid, Atticismus, I, 250, II, 68, III, 96, IV, 114. Древніе грамматики считаютъ эту конструкцію то аттицизмомъ, то, наоборотъ, солецизмомъ. Schmid, II, 68: „Der Streit... erklärt sich daraus, dass man dieselbe einerseits da und dort in den alten Autoren vorfand und denn gern unter die lumina attischer Rede aufgenommen hätte, andererseits aber auch die niedere Literatur sie kannte (особенно часто она встрѣчается въ „очень вульгарномъ“ Апокалипсисѣ, Schmid, l. l.). Эта конструкція принадлежитъ къ числу тѣхъ καινοτομίαι, которыя допускались нѣкоторыми аттицистами (anonym. apud Spengel, Rh. Gr. I 322, 27) въ виду того, что онѣ сильно дѣйствуютъ на слушателя, κατασείουσι τὰ τοῦ ἀκροατοῦ ὦτα. „Wollte man freilich für einen Atticisten gelten, so war auch hinsichtlich der syntactischen «Neuerungen» Beschränkung geboten: auch der vulgäre Gebrauch musste wenigstens mit einem Beispiel aus den Klassikern belegt werden; dies ist der Standpunkt des Antiatticisten“ (Schmid, III, 347).

Наконецъ, рядъ особенностей аттической разговорной рѣчи у Аристофана остался неотмѣченнымъ въ книгѣ г. Ш. вслѣдствіе того, что онъ не обратилъ вниманія на интересное указаніе Плутарха, Sol. 15: οἱ νεώτεροι τοὺς Ἀθηναίους λέγουσι τὰς τῶν πραγμάτων δυσχερείας ὀνόμασι χρηστοῖς καὶ φιλανθρώποις ἐπικαλύπτοντας ἀστείως ὑποκορίζεσθαι, τὰς μὲν πόρνας ἑταίρας, τοὺς δὲ φόρους συντάξεις, φυλακὰς δὲ τὰς φρουρὰς τῶν πόλεων, οἴκημα δὲ τὸ δεσμωτήριον καλοῦντας. О склонности „народ-

наго“ языка вообще къ евфемистическому способу выраженія ср. O. Weise, l. l. 135 (съ примѣч. 86), о евфемизмахъ въ греческомъ языкѣ—W. Fox, Die Kranzrede des Demosthenes, Lpzg. 1880, 353—357.

Изъ приводимыхъ Плутархомъ выраженій мы у Аристофана встрѣчаемъ лишь ἑταίρα (Pac. 440, Thesm. 346, Plut. 149); но легко указать у него рядъ другихъ евфемизмовъ. Вмѣсто „погибнуть“ Аристофанъ, какъ впрочемъ и другіе писатели, говоритъ со смягчающей неопредѣленностью πάσχειν τι: ἐξ ἀξίου γοῦν τοῦ ξύλου, ἤν τι καὶ πάσχητε, πάσχειν τοῖς σοφοῖς δοκήσετε Ran. 737, ἤν τι πάθω' γώ Vesp. 385; ср. Plat. Menex. 246 εἴ τι πάσχοιεν, Demosth. 4, 12 εἴ τι πάθοι и Rehdantz-Blass, Index s. v. Euphemismus. Вмѣсто ἄπαγε ἐς κόρακας („убирайся къ чорту“) Eq. 1151 сказано ἄπαγ' ἐς μακαρίαν; ср. Plat. Hipp. Maior. 293a βάλλ' ἐς μακαρίαν (Apostol. IV 72 βάλλ' ἐς μακαρίαν· οἷον ἐς Ἅιδου). Умершіе евфемистически называются οἱ πλείονες, Eccl. 1073 γραῦς ἀνεστηκυῖα παρὰ τῶν πλειόνων; cf. Plaut. Trin. 291 ad plures penetravi, Petron. 42 abiit ad plures [1].—Thesm. 64 и Plut. 1187 χαίρειν ἐᾶν употреблено въ смыслѣ „не обращать вниманія, наплевать“ вмѣсто κλάειν κελεύειν. Сюда же относится выше упомянутое выраженіе τί μαθών („numerarim hoc ad euphemismum Atticorum; nam solum si sensum spectas, saepe id reddi potest: cur tam stulte, tam temere etc.“, F. A. Wolf ad Demosth. XX [Leptin.] 127, p. 495, 20) и обращеніе τί πάσχεις Vesp. 1, Av. 1044, Lys. 880, τί πάσχετε Pac. 322, 383. („quae te dementia cepit? quae te intemperiae tenent?“ ...ad eum, quem stulte aut perperam agentem aliquid viderent, Cobet, Misc. Crit. 150). Далѣе—εὐηθικός „добродушный“ = „глупый“: Nub. 1258, Eccl. 521 (ср. франц. bonhomme, подготовленное лат. vir bonus, и нѣм. ein guter Kerl, въ смыслѣ „дуракъ“); „новый“ = „гибельный, ужасный“: δέδοικα μή τι δρᾷ νεώτερον Eccl. 338, καινῇ συμφορᾷ πεπληγμένος Thesm. 179; „иной“ въ томъ же значеніи: οὐκοῦν ἐχεῖν' ἀλλόκοτον Vesp. 47, νόσον.. ἀλλόκοτον.. νοσεῖ Vesp. 71; „иначе“ = „напрасно“: ἄλλως ἄρ' ἐξαπατώμεθα Ach. 114, Eq. 11, Vesp. 85, 929 etc. Ὑποκορισμός представляютъ собою и разныя обозначенія для μόριον γυναικεῖ': μύρτον

---

[1]) Упомянувъ, въ иной связи, о выраженіи οἱ πλείονες, г. Ш. продолжаетъ стр. 212: „въ латинскомъ языкѣ употребляется въ этомъ значеніи выраженіе ad patres, во французскомъ народномъ языкѣ aller à Patras“. Abire ad patres—выраженіе библейское, взятое изъ кн. Быт. 15, 15 и Суд. 2, 10; французское же aller à Patras—основанное на звуковой ассоціаціи искаженіе (т. н. „народная этимологія“) этого выраженія.

Lys. 1004, σῦχον Pac. 1348, βληχῶ Lys. 89; ср. ῥόδον Pherecr. frg. 108, 29 (I p. 175 K.), ῥοδωνιά Cratin. frg. 109, 2 (I p. 48 K.).

Наши бѣглыя замѣчанія, вызванныя книгою г. Шестакова и не претендующія ни на систематичность изложенія, ни на полноту матеріала, все же, надѣемся, въ достаточной мѣрѣ доказываютъ, что вопросъ объ отношеніи языка Аристофановыхъ комедій къ разговорной рѣчи аттиковъ далеко не исчерпанъ, и что дальнѣйшее его изслѣдованіе весьма желательно.

А. Сонни.

---

17. Всѣ выборы производятся закрытой баллотировкой.

18. Предсѣдатель родительскаго комитета пользуется правами почетнаго попечителя учебнаго заведенія.

19. Въ засѣданіяхъ родительскаго комитета принимаютъ участіе на правахъ членовъ начальникъ (начальница и предсѣдатель педагогическаго совѣта), инспекторъ (и. об. инспектора), членъ педагогическаго совѣта, по избранію сего совѣта, а также представители тѣхъ сословныхъ и общественныхъ учрежденій, которые участвуютъ съ правомъ рѣшающаго голоса въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта.

Родительскому комитету предоставляется право приглашать въ свой составъ приходскаго священника, а въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ инославнымъ населеніемъ также и соотвѣтствующее духовное лицо.

20. Въ засѣданія родительскаго комитета могутъ быть приглашаемы, съ вѣдома начальника (начальницы или предсѣдателя педагогическаго совѣта) учебнаго заведенія, свѣдущія лица съ правомъ совѣщательнаго голоса.

21. Предсѣдатель родительскаго комитета присутствуетъ съ правомъ голоса въ педагогическомъ совѣтѣ, въ хозяйственномъ комитетѣ, въ комиссіи о допущеніи къ окончательнымъ испытаніямъ, въ классныхъ комиссіяхъ, а также въ попечительномъ совѣтѣ, гдѣ таковой имѣется.

Въ педагогическихъ совѣтахъ присутствуютъ съ правомъ голоса и товарищи предсѣдателя родительскаго комитета.

22. Предсѣдатель и товарищи предсѣдателя родительскаго комитета, съ вѣдома начальника (предсѣдателя педагогическаго совѣта) учебнаго заведенія, могутъ присутствовать на урокахъ и на экзаменахъ во всѣхъ классахъ, но безъ права дѣлать при этомъ замѣчанія и участвовать въ оцѣнкѣ отвѣтовъ учащихся.

23. Предсѣдатель созываетъ засѣданія родительскаго комитета не менѣе одного раза въ мѣсяцъ въ теченіе учебнаго времени.

24. Предсѣдатель заблаговременно извѣщаетъ директора, инспектора и избраннаго въ родительскій комитетъ члена педагогическаго совѣта о тѣхъ вопросахъ, которые подлежатъ обсужденію въ родительскомъ комитетѣ.

25. Предсѣдатель созываетъ общія собранія родителей, кромѣ упомянутаго въ ст. 3, и предсѣдательствуетъ въ этихъ собраніяхъ.

26. Общія собранія созываются по почину предсѣдателя, равно

какъ по требованію 5-ти членовъ родительскаго комитета или $^1/_{10}$ общаго числа родителей, а также по приглашенію начальника (начальницы или предсѣдателя педагогическаго совѣта) учебнаго заведенія.

27. Собранія поклассныя созываются предсѣдателемъ или, по его порученію, членами родительскаго комитета.

28. Поклассныя собранія, въ случаѣ присутствія на нихъ предсѣдателя комитета, происходятъ подъ его предсѣдательствомъ.

29. Общія и поклассныя собранія, кромѣ общаго собранія, указаннаго въ ст. 3, считаются состоявшимися независимо отъ числа явившихся на нихъ родителей.

30. Товарищи предсѣдателя вступаютъ, по старшинству полученныхъ ими при выборахъ голосовъ, во всѣ права предсѣдателя въ случаѣ его отсутствія или болѣзни.

31. Кандидаты, по старшинству полученныхъ ими при выборахъ голосовъ, заступаютъ мѣсто членовъ родительскаго комитета, въ случаѣ выбытія ихъ изъ состава комитета.

32. Предварительному обязательному обсужденію родительскаго комитета подлежатъ возникающіе въ педагогическомъ совѣтѣ и хозяйственномъ комитетѣ общіе вопросы, касающіеся воспитательной, санитарной и хозяйственной части. Свое заключеніе по симъ вопросамъ родительскій комитетъ сообщаетъ педагогическому совѣту или хозяйственному комитету въ двухнедѣльный срокъ. Правило это не ограничиваетъ правъ комитета на обсужденіе и прочихъ вопросовъ, касающихся учебно-воспитательнаго дѣла.

33. Въ случаяхъ разногласія, возникшаго между педагогическимъ совѣтомъ и родительскимъ комитетомъ въ вопросахъ, подлежащихъ вѣдѣнію родительскаго комитета, предсѣдатель комитета имѣетъ право непосредственнаго сношенія съ Попечителемъ Учебнаго Округа и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

34. Засѣданія родительскаго комитета, общія и поклассныя собранія родителей происходятъ въ помѣщеніи учебнаго заведенія во внѣурочное время, съ вѣдома его начальника (начальницы).

35. Постановленія общаго и поклассныхъ собраній родителей поступаютъ на разсмотрѣніе родительскаго комитета.

36. Постановленія родительскаго комитета, вносимыя предсѣдателемъ комитета на разсмотрѣніе педагогическаго совѣта, обсуждаются имъ въ ближайшемъ засѣданіи.

37. Протоколы родительскаго комитета не подлежатъ опубликованію въ періодической печати.

38. Полномочія лицъ, выбранныхъ въ родительскій комитетъ, продолжаются до новыхъ выборовъ.

39. Родительскіе комитеты, соблюдая дѣйствующія узаконенія и правительственныя распоряженія, могутъ устраивать, съ вѣдома начальника (начальницы или предсѣдателя педагогическаго совѣта) учебнаго заведенія для учащихся онаго лекціи, чтенія, экскурсіи, школьныя дачи, организовывать педагогическую помощь и т. п.

40. Для осуществленія цѣлей, указанныхъ въ ст. 39, родительскимъ комитетамъ предоставляется образовывать спеціальныя средства, пріобрѣтать имущества и заключать договоры.

41. Спеціальныя средства родительскихъ комитетовъ составляются:

1) изъ взносовъ родителей, по постановленію общихъ собраній;

2) изъ добровольныхъ пожертвованій;

3) изъ случайныхъ поступленій.

42. Родительскій комитетъ представляетъ общему собранію (ст. 3) отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ за истекшій учебный годъ, а также денежный отчетъ по приходу и расходу суммъ. Отчетъ представляется за подписью предсѣдателя и двухъ его товарищей.

43. Для большаго согласованія дѣятельности родительскихъ комитетовъ одного города или района образуется совѣтъ предсѣдателей родительскихъ комитетовъ даннаго города или района.

44. Въ засѣданіяхъ совѣта принимаютъ участіе также товарищи предсѣдателей родительскихъ комитетовъ.

45. По вопросамъ, касающимся родительскихъ комитетовъ, совѣтъ имѣетъ право непосредственнаго обращенія къ Попечителю Учебнаго Округа и въ Министерство Народнаго Просвѣщенія.

46. Совѣту предсѣдателей родительскихъ комитетовъ того города, въ которомъ находится управленіе Учебнаго Округа, съ разрѣшенія Попечителя Округа, предоставляется право созыва съѣзда предсѣдателей родительскихъ комитетовъ даннаго округа.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Необходимость установленія надлежащихъ взаимоотношеній семьи и школы вытекаетъ изъ самаго существа учебно-воспитательнаго дѣла: идеальныя задачи школы не могутъ быть осуществлены безъ близкаго знакомства со средой, въ которой живутъ учащіеся, и безъ поддержки и содѣйствія со стороны семьи; съ другой стороны, семья имѣетъ естественное и законное право интересоваться постановкой дѣла въ той школѣ, въ которой учатся ея дѣти. Отъ общенія съ семьей

школа можетъ освѣжиться и ожить, получить недостающій ей нравственный авторитетъ, найти поддержку и помощь со стороны лицъ, до сихъ поръ къ ней равнодушныхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже враждебныхъ, наконецъ, почерпнуть цѣнныя свѣдѣнія объ индивидуальныхъ особенностяхъ учащихся, о вліяніи на нихъ школьныхъ порядковъ и пр. Отъ тѣсной связи со школой выиграетъ и семья: въ ней пробудится живой, а не формальный только, интересъ къ учебно-воспитательному дѣлу; ознакомившись съ цѣлями и средствами воспитанія, со значеніемъ отдѣльныхъ предметовъ, съ принципомъ распредѣленія занятій, съ характеромъ домашнихъ занятій, чтенія, развлеченій, вообще съ требованіями школы изъ первоисточника, а не изъ отрывочныхъ, часто невѣрныхъ, свѣдѣній отъ дѣтей, она можетъ правильнѣе поставить воспитаніе для блага своихъ дѣтей и родины.

Чтобы указанное единеніе семьи и школы было плодотворнымъ, необходимо взаимное довѣріе, уваженіе и признаніе правъ той и другой стороны, необходима организація родителей.

Въ Россіи уже имѣется 10-лѣтній опытъ родительскихъ организацій. Не все въ нихъ шло гладко, не мало было шероховатости и треній. И тѣмъ не менѣе польза ихъ не отрицается: много сдѣлано родителями для школы и въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи (улучшеніе и чистота помѣщеній, врачебный надзоръ, завтраки, спортъ, лѣтнія колоніи, экскурсіи и пр.) и для выясненія разнаго рода вопросовъ учебно-воспитательнаго характера. И въ дальнѣйшемъ, при реформированіи средней школы, можно было бы ждать существенной пользы отъ единенія семьи и школы для физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія молодежи. Но для этого въ существующую организацію родителей должны быть внесены нѣкоторыя поправки.

„Комиссія по выработкѣ предположеній о мѣрахъ установленія надлежащихъ взаимоотношеній семьи и школы“ опредѣлила довольно широкую цѣль родительскихъ организацій при учебныхъ заведеніяхъ— „содѣйствіе школѣ со стороны семьи въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ и въ попеченіи о нуждающихся учащихся“. Сообразно съ этимъ, расширена и компетенція органовъ этихъ организацій — родительскаго собранія и комитета: „всѣ вопросы учебно-воспитательнаго характера“.

Семья, содѣйствуя школѣ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, обратитъ особое вниманіе на развитіе въ учащихся религіознаго чувства

и любви къ родинѣ. Въ этихъ вопросахъ школа нуждается не столько въ инициативѣ со стороны семьи, сколько въ авторитетной поддержкѣ и глубокомъ сочувственномъ отношеніи къ тому, что для школы, правильно поставленной, всегда было важнымъ дѣломъ.

Положенія, выработанныя комиссіей, опредѣляютъ въ законномъ порядкѣ виды родительскихъ организацій (общія собранія родителей, поклассныя собранія родителей, родительскій комитетъ), условія ихъ созыва, порядокъ выборовъ и пр. для того, чтобы по возможности точнѣе опредѣлить права и обязанности этихъ организацій и тѣмъ больше связать ихъ со школой.

Для облегченія этихъ организацій, цѣнныхъ не столь количественно, какъ качественно, предположено уменьшить кворумъ для дѣйствительности выборовъ: $1/4$ общаго числа родителей въ общихъ собраніяхъ, и для выборовъ въ поклассныхъ собраніяхъ ограничиться $1/5$ общаго числа родителей учениковъ даннаго класса, такъ какъ, при общемъ кворумѣ въ $1/4$, кворумъ по отдѣльнымъ классамъ, какъ показалъ опытъ, можетъ и не достигать этой нормы.

Данный кворумъ опредѣляется въ отношеніи лишь родителей, проживающихъ въ мѣстѣ нахожденія учебнаго заведенія.

Въ виду важнаго значенія роли предсѣдателя родительскаго комитета, какъ представителя семьи и ея интересовъ, мнѣній, пожеланій, присутствующаго во всѣхъ существующихъ при школѣ учрежденіяхъ (педагогическій совѣтъ, хозяйственный комитетъ, классныя комиссіи и т. д.), въ проектѣ положенія строго опредѣленъ порядокъ выборовъ на эту должность и установленъ образовательный цензъ.

Кромѣ предсѣдателя родительскаго комитета избираются еще два товарища предсѣдателя, такъ какъ имѣется въ виду средняя общеобразовательная школа съ бифуркаціей.

Наличность же одного замѣстителя предсѣдателя въ нынѣ дѣйствующихъ родительскихъ комитетахъ, какъ показалъ опытъ, оказывается недостаточной.

Комиссія не опредѣлила точно кворума и компетенціи общихъ собраній родителей (кромѣ случаевъ выбора въ родительскій комитетъ) въ виду того, что эти собранія являются лишь органами совѣщательными, результаты дѣятельности которыхъ поступаютъ на разсмотрѣніе родительскаго комитета, и потому нежелательно было бы стѣснять ихъ опредѣленными рамками.

Комиссія обратила также серьезное вниманіе на установленіе равнаго представительства родителей въ педагогическомъ совѣтѣ и педа-

430 →

говъ—въ родительскомъ комитетѣ: въ первомъ присутствуютъ предсѣдатель родительскаго комитета и два его товарища, во второмъ—директоръ, инспекторъ и одинъ преподаватель, по выбору педагогическаго совѣта, всѣ одинаково, съ правомъ голоса.

Кромѣ того Комиссія сочла нужнымъ ввести, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ родительскаго комитета, тѣхъ представителей общественныхъ и сословныхъ учрежденій, которые участвуютъ съ правомъ голоса и въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта.

Комиссія полагаетъ, что участіе этихъ лицъ въ работѣ родительскаго комитета окажется особенно полезной для удовлетворенія многихъ нуждъ школы и учащихся.

Для согласованія дѣятельности родительскихъ комитетовъ одного города или района Комиссія предполагаетъ учрежденіе совѣта предсѣдателей родительскихъ комитетовъ даннаго города или района. Совѣтъ родительскихъ комитетовъ города, въ которомъ сосредоточено управленіе учебнымъ округомъ, могъ бы созывать окружные съѣзды предсѣдателей родительскихъ комитетовъ.

Такіе совѣты и съѣзды могли бы объединять по возможности рѣшенія отдѣльныхъ комитетовъ, намѣчать вопросы, и принимать на себя ходатайства о нуждахъ школы предъ высшимъ начальствомъ.

Но такъ какъ эти учрежденія не являются какими либо высшими инстанціями для отдѣльныхъ родительскихъ комитетовъ, то Комиссія намѣтила ихъ организацію въ самыхъ общихъ чертахъ, не касаясь подробно предметовъ ихъ вѣдѣнія.

XVII.

СПИСОКЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЕЙ, НЕПРЕМѢННЫХЪ ЧЛЕНОВЪ И ЧЛЕНОВЪ КОМИССІЙ.

Русскій языкъ и словесность.

Предсѣдатель директоръ гимназіи Императора Александра I Н. М. Дюковъ, непремѣнные члены по назначенію Министерства: Я. И. Душечкинъ, завѣдывающій 9 мужскимъ городскимъ 4-хъ классным училищемъ, В. Н. Кораблевъ, профессоръ Императорскаго Историко-Филологическаго Института и Женскаго Педагогическаго Института, и Н. К. Пиксановъ, приватъ-доцентъ Императорскаго Петроградскаго Университета, Высшихъ Женскихъ Курсовъ и Педагогическаго Института. Для участія въ работахъ Комиссіи были приглашены слѣдующія лица: Н. С. Державинъ, приватъ-доцентъ Императорскаго Университета, преподаватель Гимназіи Наслѣдника Цесаревича и руководитель Одногодичныхъ курсовъ при Петроградскомъ Учебномъ Округѣ; В. В. Даниловъ, преподаватель Петроградскаго Учительскаго Института и Гимназіи Императора Александра I; Г. М. Князевъ, преподаватель Реальнаго Училища Императора Александра II, Императорскаго Театральнаго Училища и Драматическихъ Курсовъ при Театральномъ Училищѣ; Н. Н. Трубицинъ, приватъ-доцентъ Императорскаго Университета, преподаватель Женскаго Педагогическаго Института, Гимназіи Императора Александра I и Женской Гимназіи Таганцевой.

Логика.

Предсѣдатель Э. Л. Радловъ. Непремѣнный членъ проф. А. И. Введенскій. Члены: проф. И. И. Лапшинъ, А. И. Гребенкинъ, Дм. Муретовъ.

Исторія.

Предсѣдатель Я. Л. Барсковъ. Непремѣнный членъ В. А. Самсоновъ. Члены: И. А. Андреевъ, М. А. Андреяновъ, В. А. Бутенко, Б. Д. Грековъ, А. И. Заозерскій, С. А. Князьковъ, П. П. Лѣтовъ, М. С. Петровъ, М. Д. Приселковъ, А. Е. Прѣсняковъ, О. М. Рындина, К. В. Хилинскій, П. П. Фридолинъ, В. В. Фурсенко, Н. В. Ястребовъ, А. Г. Ярошевскій.

Новые языки.

Предсѣдатель проф. Л. В. Щерба. Члены: А. А. Ларондъ, Е. А. Леве, Э. Э. Лямбекъ, В. К. Петрова, А. О. Савицкій, Р. А. Теттенборнъ, К. Ф. Тіандеръ, В. Ф. Шишмаревъ, Е. А. Штейнъ, А. А. Экерманъ.

Древніе языки.

Предсѣдатель проф. А. І. Малеинъ. Непремѣнные члены: А. А. Брокъ, С. В. Лавровъ и С. А. Цыбульскій. Члены: С. А. Жебелевъ, Г. Г. Зоргенфрей, Ѳ. А. Лютеръ, С. В. Мирошниковъ, К. А. Тюлеліевъ, П. Н. Черняевъ.

Географія.

Предсѣдатель А. П. Нечаевъ. Непремѣнные члены: Я. И. Рудневъ и Н. А. Запанковъ. Члены: Н. Ф. Арепьевъ, Н. Н. Агровъ, С. П. Бобинъ, прив.-доц. А. А. Борзовъ (Москва), проф. П. И. Броуновъ, прив.-доц. Ф. К. Волковъ, В. А. Гавриловъ, А. В. Гербачъ, В. Н. Головинъ, А. А. Ешевскій, И. Г. Жидэ, Л. Н. Звѣринцевъ, Г. И. Ивановъ, Я. И. Ковальскій, А. А. Колянковскій, д-ръ геогр. Э. Ф. Лесгафтъ, прив.-доц., д-ръ геогр. Е. С. Марковъ, В. А. Немировъ, А. П. Орловъ, В. М. Поповъ, И. П. Поддубный, А. Ф. Селивановъ, М. И. Селищенскій (Москва), В. П. Семеновъ Тянъ-Шанскій, прив.-доц. В. В. Степановъ, Д. Г. Стариковъ, М. В. Усковъ, прив.-доц. П. П. Фридолинъ, Я. И. Хлапонинъ, В. И. Христіансенъ, А. В. Чеботаревъ, Е. И. Чижовъ, П. А. Шафрановъ, Г. Г. Шенбергъ, А. А. Яковлевъ и А. Л. Ященко.

Физика, химія и космографія.

Комиссія по выработкѣ программъ по физикѣ, химіи и космографія, бывшая подъ предсѣдательствомъ проф. С. И. Созонова, соотвѣтственно троякой задачѣ, передъ ней стоявшей, раздѣлилась на три подкомиссіи: 1) по физикѣ, 2) по химіи, 3) по космографіи.

Въ составъ подкомиссіи по физикѣ вошли слѣд. лица: А. П. Афанасьевъ, К. К. Баумгартъ, П. А. Знаменскій, П. М. Іозефовичъ, Н. В. Кашинъ, С. И. Созоновъ, Н. Н. Соковнинъ, Б. Г. Тидеманъ, Н. А. Томилинъ, А. Ѳ. Чистовъ, А. Б. Ферингеръ, А. В. Цингеръ.

Въ составъ подкомиссіи по химіи вошли слѣд. лица: И. И. Полянскій, Н. Н. Соковнинъ, С. И. Созоновъ, Б. Г. Тидеманъ.

Въ составъ подкомиссіи по космографіи вошли слѣд. лица: В. В. Ахматовъ, А. П. Афанасьевъ, А. М. Гижицкій, П. М. Іозефовичъ,

В. А. Кондратьевъ, А. В. Некрасовъ, П. И. Савкевичъ, С. И. Созоновъ, Н. Н. Соковнинъ, Б. И. Умновъ.

Математика.

Предсѣдатель проф. К. А. Поссе. Члены: Д. А. Граве, П. М. Іозефовичъ, В. А. Кондратьевъ, К. Ѳ. Лебединцевъ, В. М. Меліоранскій, В. Е. Синильщиковъ, Д. М. Синцовъ, Е. А. Холодовскій, Д. П. Цинзерлингъ, И. Н. Шафрановскій.

Естествовѣдѣніе.

Предсѣдатель проф. В. В. Половцевъ. Члены: Г. Н. Бочъ, А. Ф. Винтергальтеръ, И. И. Полянскій, Б. Е. Райковъ, С. М. Розановъ, С. И. Созоновъ, Ф. Ф. Четыркинъ, А. Ф. Чистовъ, К. П. Ягодовскій, С. А. Яковлевъ.

Рисованіе.

Предсѣдатель комиссіи: А. Н. Смирновъ, преподаватель рисованія реальнаго отдѣленія училища при ев.-лют. церкви св. Анны, ред.-изд. художественно-педагогическаго журнала „Искусство и Жизнь", Предсѣдатель Русскаго Художественно-Промышленнаго Общества. Члены комиссіи: А. К. Воскресенскій, преподаватель рисованія Царскосельскаго реальнаго училища, Предсѣдатель Общества Учителей Рисованія въ Петроградѣ. И. Е. Евсѣевъ, Предсѣдатель Общества Преподавателей Графическихъ Искусствъ въ Москвѣ. Т. К. Котырло, преподаватель Петровскаго Коммерческаго училища въ Петроградѣ, бывшій руководитель педагогическими курсами при Академіи Художествъ. В. И. Бейеръ, преподаватель методики рисованія и исторіи искусствъ въ Ксеніинскомъ Институтѣ. К. М. Лѣпиловъ, преподаватель рисованія 2-го кадетскаго корпуса. В. А. Саглинъ, преподаватель гимназіи и реальнаго училища Г. К. Штемберга. П. С. Янковскій, преподаватель русскаго языка, примѣнявшій въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ на урокахъ объяснительнаго, художественно-воспитательнаго чтенія, на урокахъ грамматики и круговыхъ чтеніяхъ по русскому языку въ приготовительныхъ классахъ средней школы иллюстративное рисованіе, лѣпку и вырѣзываніе, а также на урокахъ ариѳметики, географіи и исторіи въ начальной школѣ.

Эстетическое воспитаніе.

Предсѣдатель С. О. Цыбульскій, завѣдывающій мужской гимназіей при Римско-католической церкви. Непремѣнный членъ А. А. Брокъ,

директоръ гимназіи. Приглашенныя предсѣдателемъ лица: О. Ф. Вальдгауеръ, прив.-доц. унив., хранит. Императорскаго Эрмитажа. С. С. Высоцкій, преподаватель системы Далькроза (школы князя Волконскаго). А. А. Васильевъ, проф. университета. В. А. Головань, преподаватель учебн. заведеній. А. Г. Готлибъ, директоръ гимназіи. Я. И. Душечкинъ, преподаватель и завѣдующій город. учил. Г. Г. Зоргенфрей, директоръ гимназіи. Графъ В. П. Зубовъ, дирек. Института Исторіи Искусствъ. В. А. Крачковскій, преподаватель гимназіи. Е. К. Карловичъ, преподавательница выразительнаго чтенія. С. В. Лавровъ, директоръ гимназіи. А. А. Мухинъ, директоръ гимназіи (временно). I. I. Морели-Головня, преподаватель пѣнія. Н. И. Приваловъ, инжен., музыкальный дѣятель и композиторъ. Л. А. Саккети, профессоръ консерваторіи. А. Н. Смирновъ, предсѣдатель комиссіи по рисованію. В. И. Срезневскій, предсѣдатель комиссіи по физическому воспитанію (временно). И. Н. Сѣдыхъ, преподаватель пѣнія (гимназіи). Б. В. Фармаковскій, профессоръ университета, членъ Императорской Археологической Комиссіи. Я. И. Хлапонинъ, преподаватель гимназіи (временно).

Физическое воспитаніе.

Предсѣдатель В. И. Срезневскій, членъ учебнаго комитета при Вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи.

Врачи, спеціалисты по вопросамъ физическаго образованія: профессоръ С. I. Залѣскій, профессоръ, П. Г. Мезерницкій, докторъ, В. В. Гориневскій.

Педагоги: директоръ гимназіи Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Г. Г. Зоргенфрей, директоръ Царскосельскаго Императора Николая II Реальнаго училища, Э. П. Цытовичъ, директоръ гимназіи Императора Александра I въ Псковѣ, А. Г. Готлибъ.

Представители направленій въ гимнастикѣ: *сокольской*: сенаторъ Н. А. Султанъ Крымъ-Гирей, преподаватель 10-й гимназіи С. Ѳ. Скробанскій; *шведской*: преподаватель Николаевской Кавалерійской Школы поручикъ К. Э. Эймелеусъ-Эймя; *нѣмецкой*: Н. А. Янсонъ; *по атлетикѣ*: Предсѣдатель Всероссійскаго Союза тяжелой атлетики, Директоръ Гимнастическаго Института при Обществѣ тѣлеснаго развитія „Богатырь“ и Директоръ Врачебно-гимнастическихъ курсовъ „Культура тѣла“ Л. А. Чаплинскій; *по русскому скауту*: Предсѣдатель Общества содѣйствія молодымъ развѣдчикамъ Вице-адмиралъ И. Ф. Бостремъ, секретарь того же Общества Я. Н. Репнинскій; *по*

ручному труду: Предсѣдатель курсовъ ручного труда для учителей и учительницъ, К. Ю. Цируль, И. К. Карелль, Инспекторъ высшаго начальнаго Владимірскаго училища И. Я. Циркуленко, преподаватель ручного труда въ Тенишевскомъ училищѣ Г. К. Соломинъ; А. Г. Судаковъ; *по подвижнымъ играмъ* и физическимъ упражненіямъ дѣтскихъ группъ: руководитель занятіями гимнастическаго кружка для содѣйствія физическому развитію юношества В. В. Соколовскій.

Секретаремъ комиссіи приглашенъ чиновникъ Министерства Народнаго Просвѣщенія извѣстный своими литературными трудами по физическому воспитанію Д. П. Кузьменко.

О мѣрахъ къ установленію надлежащихъ взаимоотношеній семьи и школы.

Предсѣдатель: И. Н. Шафрановскій. Члены: П. Н. Вереха, А. А. Вороновъ, В. А. Гердъ, В. Н. Ипатьевъ, Н. С. Карцовъ, И. Д. Лавровъ, П. Г. Мокіевскій, С. А. Острогорскій, о. А. І. Положинцевъ, М. Н. Стоюнина, Ѳ. А. Траншель, Н. П. Урсинъ, Г. К. Штембергъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

(Къ страницѣ 300).

Ботаника.

IV классъ (2 ч. + 1 часъ практ. зан.).

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Курсъ ботаники IV класса имѣетъ назначеніемъ дать дальнѣйшее углубленіе свѣдѣній, полученныхъ во второмъ классѣ. Откладывая болѣе глубокое изученіе физіологическихъ явленій до VII класса, когда познанія учениковъ по физикѣ и химіи позволятъ подойти къ этимъ явленіямъ болѣе серьезно, въ IV кл. должны быть разсмотрѣны слѣд. вопросы:

I. Клѣточное строеніе растеній, о которомъ ничего не говорилось въ курсѣ природовѣдѣнія.

II. Размноженіе растеній, какъ безполое, такъ и половое.

III. Дальнѣйшее ознакомленіе съ растеніями въ естественныхъ условіяхъ, а также съ сообществами, при чемъ необходимо нѣсколько остановиться и на значеніи растеній для человѣка (растенія на службѣ человѣка).

IV. Понятіе о классификаціи и систематикѣ растеній.

V. Сводка и обобщеніе тѣхъ біологическихъ свѣдѣній о связи между растеніемъ и окружающей средой, которыя были получены учащимися въ теченіе курса.

И здѣсь, какъ и въ курсѣ второго класса, все вниманіе преподавателя должно быть направлено на то, чтобы ученики изучали самыя явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, а не слова учителя или книжки. Поэтому при изученіи, напр., клѣтки и тканей наобходимо пользоваться микроскопомъ; при изученіи растительныхъ сообществъ и отдѣльныхъ представителей необходимы экскурсіи не только весной, но и осенью и зимой.

Именно на экскурсіяхъ ученики должны присматриваться къ многообразію растительныхъ формъ, подмѣчать различіе условій, среди которыхъ живутъ типичныя формы и, наконецъ, запасаться матеріаломъ и впечатлѣніями для классной обработки собраннаго.

По мѣрѣ того, какъ такимъ образомъ накопляется матеріалъ, необходимо водворить въ немъ порядокъ, выяснивъ ученикамъ элемен-

тарные пріемы группировки (классификаціи) всякаго вообще матеріала, а въ частности растительныхъ формъ. Понятно, что при этомъ не можетъ быть и рѣчи о „системѣ растительнаго царства"; но послѣ того какъ было разсмотрѣно достаточное количество растеній, учащіеся безъ труда, конечно, усвоятъ существо такихъ дѣленій и группъ, какъ сѣменныя и споровыя; двудольныя, однодольныя и голосѣмянныя; папоротники, мхи, водоросли, грибы. Съ другой стороны, въ такихъ семействахъ, какъ лютиковыя, розоцвѣтныя, мотыльковыя, злаки и т. п., ученики легко научатся различать по нѣсколько родовъ и видовъ.

Что касается споровыхъ растеній, то количество разсмотрѣнныхъ представителей должно быть очень невелико; о какой бы то ни было систематикѣ ихъ не можетъ быть и рѣчи; но за то необходимо остановиться на ихъ біологическомъ значеніи: роль, напр., планктона въ экономіи жизни водъ можетъ быть выяснена учащимся съ чрезвычайной легкостью и представитъ большой интересъ (см., напр., стр. 103—108 въ „Основахъ общей методики естествознанія" В. Половцова). Точно такъ же нельзя пройти молчаніемъ дѣятельность бактерій, играющихъ такую видную роль въ жизни не только человѣка, но и всей природы.

Растительныя сообщества должны быть не столько предметомъ класснаго преподаванія, сколько должны быть восприняты и „прочувствованы" учениками непосредственно на экскурсіяхъ. Не видѣвшему лѣса, луга, болота и т. д. ихъ не опишешь такъ, чтобы у слушающаго создалось правильное представленіе. Между тѣмъ въ образовательномъ отношеніи важно не столько знать систематическій составъ (конечно, въ самыхъ элементарныхъ чертахъ) напр., лѣса, сколько испытать тѣ разнообразныя переживанія, которыя связываются съ посѣщеніемъ лѣса въ разное время года: безъ этого останутся мертвымъ звукомъ многія художественныя произведенія, посвященныя описанію природы, которыя въ значительномъ количествѣ изучаются въ школѣ.

Общія черты состава обществъ, условія взаимодѣйствія физико-химическихъ факторовъ, животнаго и растительнаго міровъ лучше всего выяснять на мѣстѣ, лишь повторяя и такимъ образомъ закрѣпляя наблюденное на классныхъ урокахъ, слѣдующихъ непосредственно за экскурсіей. Прекраснымъ пособіемъ въ этомъ отношеніи можетъ служить „Опытъ программы природовѣдѣнія по общежитіямъ природы" проф. Д. Кайгородова. Было бы вполнѣ достаточно выбравъ два, три общежитія, нѣсколько разъ посѣтить ихъ съ послѣдующимъ обсужденіемъ полученныхъ матеріаловъ и впечатлѣній на урокахъ.

Наконецъ, чрезвычайно важно въ образовательномъ отношеніи, чтобы ученики и помимо классныхъ занятій продолжали свое ознакомленіе съ окружающей природой,—въ нашемъ случаѣ съ флорой. Съ этой цѣлью необходимо организовать ихъ самостоятельныя лѣтнія занятія, состоящія въ опредѣленіи растеній, въ наблюденіяхъ надъ ихъ біологическими особенностями, въ уходѣ за домашними, садовыми или огородными растеніями, въ созданіи разумныхъ коллекцій и т. д. Вообще школа должна положить начало продолжительному интересу къ природѣ и любви къ ея самостоятельному изученію и изслѣдованію.

Практическія занятія должны быть посвящены слѣдующимъ вопросамъ:

I. Занятія съ микроскопомъ съ цѣлью ознакомленія съ внутреннимъ строеніемъ растеній. Во многихъ случаяхъ можно самимъ ученикамъ предоставлять приготовленіе препаратовъ, въ другихъ же случаяхъ придется давать для разсмотрѣнія приготовленные заранѣе.

II. Разсмотрѣніе подъ микроскопомъ тѣхъ организмовъ и ихъ частей, о которыхъ рѣчь идетъ въ курсѣ.

III. Опредѣленіе растеній съ цѣлью ознакомить учениковъ съ соотвѣтственными пріемами и такимъ образомъ дать имъ возможность самостоятельно заняться лѣтомъ ознакомленіемъ съ мѣстной флорой.

IV. Выращиваніе и уходъ за растеніями, проращиваніе картофеля, луковицъ, корневищъ, полученіе сѣянцевъ и т. п.

Экскурсіи должны быть произведены:

Осенью: въ плодовый садъ, въ цвѣтникъ (цвѣтоводство), въ лѣсъ или другія избранныя для изученія общежитія.

Зимой: въ оранжереи (комнатное цвѣтоводство), въ лѣсъ или другія общежитія.

Весной: въ огородъ и на парники, въ лѣсъ, на лугъ, на поля и т. п.

Предлагаемая ниже программа отнюдь не предопредѣляетъ ни порядка прохожденія ея отдѣловъ, ни выбора матеріала; напротивъ, учителю предоставляется въ этомъ отношеніи полная свобода въ зависимости отъ общихъ условій, въ которыхъ ведется преподаваніе. Экскурсіи, напр., возможность осуществленія которыхъ зависитъ отъ многихъ условій и даже въ значительной мѣрѣ отъ погоды, неизбѣжно будутъ вносить измѣненія въ порядокъ прохожденія, такъ какъ именно на нихъ добывается весьма цѣнный матеріалъ для курса IV класса. Точно также условія мѣстности, въ которыхъ находится учебное заведеніе, должны отозваться на подборѣ матеріала для

изученія. Вообще, ниже приводимая программа имѣетъ главной цѣлью указать лишь на общую идею, которая должна лежать въ основѣ преподаванія, но въ то же время даетъ преподавателю широкій просторъ въ осуществленіи этой идеи.

ПРОГРАММА ПО БОТАНИКѢ.

IV классъ (2 ч. + 1 ч. практическихъ занятій).

I. Клѣточное строеніе растеній.

Клѣтка, ея строеніе и размноженіе. Главнѣйшія ткани. Ростъ растеній; въ связи съ послѣднимъ—явленія движенія у растеній.

II. Размноженіе растеній.

Безполое размноженіе: дрожжи, плѣсень (какъ примѣръ размноженія спорами), клубни, корневища, луковицы, черенки, отводки, прививки.

Половое размноженіе: одна—двѣ водоросли (спирогира, эдогоній), папоротникъ, высшее цвѣтковое растеніе.

III. Дальнѣйшее изученіе растительнаго міра.

1. Образъ жизни и развитіе нѣсколькихъ грибовъ (шляпные грибы, ржавчинники, плѣсени и т. п.).

2. Бактеріи. Образъ жизни и значеніе для человѣка и въ природѣ.

3. Образъ жизни и развитіе 2—3 представителей зеленыхъ водорослей (протококкъ, вошерія, хара и т. п.).

Понятіе о планктонѣ и его значеніи.

4. Мохъ и хвощъ. Образъ жизни и развитіе.

5. Изученіе 2—3 растительныхъ сообществъ и попутное ознакомленіе съ нѣсколькими родами и видами цвѣтковыхъ растеній изъ наиболѣе распространенныхъ и характерныхъ для данной мѣстности.

6. Растенія на службѣ человѣка: знакомство съ нѣсколькими представителями культурныхъ растеній.

IV. Понятіе о классификаціи.

Понятіе о видѣ, родѣ, семействѣ. Понятіе объ искусственной и естественной системахъ.

V. Взаимоотношеніе растеній и общихъ условій существованія.

Зависимость растеній отъ тепла, свѣта, почвы, атмосферныхъ дѣятелей. Различные типы приспособленій.

Жизненная конкуренція.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Докладная записка И. Д. Карелль

О ПРЕПОДАВАНИИ РУЧНОГО ТРУДА ВЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ,

переработанная по указаніямъ подкомиссіи по ручному труду, съ замѣчаніями К. Ю. Цируля, Г. К. Соломина, В. В. Лермантова и Е. С. Дедюлиной.

I. ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

Руководящія указанія.

При организаціи занятій ручнымъ трудомъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нужно исходить изъ слѣдующихъ основныхъ положеній:

1. *Обученіе ручному труду имѣетъ цѣлью пополнить пробѣлъ обычнаго обученія, направленнаго исключительно къ увеличенію работоспособности въ области умственнаго труда* и не сообщающаго никакихъ умѣній пользоваться своими руками для надобностей жизни.

Лишь очень немногіе способны *къ самостоятельному мышленію* въ такой высокой степени, что оно становится примѣнимымъ къ надобностямъ жизни, хотя бы въ смыслѣ открытія новыхъ истинъ; большинство выучивается лишь разсуждать по готовымъ формуламъ, на основаніи прецедентовъ. Проф. Армстронгъ, предсѣдатель отдѣла педагогіи, на послѣднемъ засѣданіи „Британской Ассоціаціи“, въ сентябрѣ 1914 года, считалъ, что ихъ не больше одного на тысячу учащихся. Онъ даже осмѣлился утверждать, что главная ошибка современной педагогіи состоитъ въ стремленіи сдѣлать изъ всѣхъ учениковъ интеллигентныхъ людей, тогда какъ по своимъ прирожденнымъ способностямъ большинство изъ нихъ способно работать лишь по указанному шаблону, какъ работу ручную, такъ и письменную, считаемую за интеллигентный трудъ лишь по недоразумѣнію.

Введеніе же ручного труда въ школу увеличиваетъ общность общеобразовательнаго курса. Многіе, отъ природы способные къ одному ручному труду, которыхъ теперь школа выбрасываетъ за непригодностью, тогда будутъ уже подготовлены къ дальнѣйшему изученію того, на что они пригодны. Переходъ отъ интеллигентнаго труда къ ручному не будетъ уже для нихъ позоромъ, такъ какъ они привыкнутъ въ школѣ считать оба вида труда равноправными. И станетъ

наша школа дѣлать то, что теперь намъ нужно *для освобожденія отъ нѣмецкаго засилья*, а именно: *станетъ готовить и намъ интеллигентныхъ работниковъ*, которыми наши враги и теперь уже такъ богаты и сильны. Кромѣ того, нашему юношеству недостаетъ вообще выдержки въ трудѣ: большинство способно лишь къ „подвигамъ", т. е. къ усиленной, но кратковременной работѣ подъ вліяніемъ достаточно побудительной причины. Обученіе ручному труду, если при этомъ каждая работа будетъ доводиться до конца и войдетъ въ привычку доводить исполненіе до возможнаго совершенства, будетъ этимъ самымъ пріучать къ выдержкѣ въ трудѣ. Привычка же эта отразится благотворно и на всей будущей дѣятельности подрастающаго поколѣнія и придастъ ему качество, необходимое для успѣха въ предстоящей борьбѣ за полное освобожденіе нашей родины отъ зависимости по отношенію къ иноземной промышленности. Классное изученіе предметовъ не можетъ пріучать къ такой выдержкѣ въ работѣ: успѣшное окончаніе каждой отдѣльной работы не выражается такимъ нагляднымъ, конкретнымъ результатомъ, а ограничивается больше только одобреніемъ учителя, которое достигается часто болѣе легкими и обходными путями. При исполненіи какой-нибудь вещи приходится иногда долго и внимательно дѣлать довольно однообразную и даже скучную работу, чтобы получить въ концѣ концовъ желаемый результатъ; такой же характеръ имѣютъ и обыденныя житейскія занятія людей. Приготовленіе же уроковъ и сидѣніе въ классѣ вовсе не подготовляютъ учениковъ къ такого рода работѣ.

Важное значеніе ручного труда для подъема развитія подрастающихъ поколѣній на широкой основѣ технической и техническо-художественной подготовки давно признано уже и во Франціи, Англіи и Америкѣ; и тѣмъ болѣе оно должно быть выдвигаемо нами въ настоящій моментъ, гдѣ мы стоимъ какъ разъ наканунѣ великаго развитія промышленной и экономической жизни въ Россіи.

Вообще же нужно сказать, что ручной трудъ, введенный въ систему воспитанія и образованія, улучшитъ эту послѣднюю существеннымъ образомъ, внося бо́льшую полноту и гармонію всѣхъ элементовъ воспитанія и обученія. Воспитатель и учитель, обучая ручному труду, войдутъ естественно въ болѣе тѣсныя и близкія отношенія со своими учениками, пріобрѣтутъ болѣе довѣрія и, слѣдовательно, также больше воспитательнаго вліянія на нихъ. Постоянное же и интенсивное наблюденіе предметовъ конкретныхъ, ихъ отношеній, различныхъ формъ и свойствъ матеріаловъ, вноситъ усиленную наглядность во всю си-

стему обученія и создаетъ болѣе тѣсную связь между отдѣльными предметами курса, какъ-то: между ручнымъ трудомъ и геометріей, черченіемъ, рисованіемъ, ариѳметикой и физикой и др.

Въ настоящее время практика обученія ручному труду уже тѣсно связала между собою всѣ названные предметы и этимъ отчасти освобождаетъ себѣ мѣсто и выгадываетъ время въ школѣ и ея программахъ: дѣлаются попытки связать уроки ручного труда съ уроками черченія и пропедевтическаго курса геометріи и вводятся лабораторные методы въ начальные курсы другихъ предметовъ.

Дѣти съ первыхъ дней своего существованія усиленно учатся пользоваться своими членами и органами чувствъ, а человѣкъ выше животныхъ въ этомъ отношеніи тѣмъ, что увеличиваетъ свою работоспособность умѣньемъ пользоваться разными орудіями труда. Многіе педагоги-психологи даже утверждаютъ, что *развитіе моторно-мышечныхъ способностей идетъ впереди развитія способности мышленія* и служитъ главнымъ стимуломъ для ихъ дальнѣйшаго развитія въ раннемъ дѣтствѣ: *надобность что либо сдѣлать заставляетъ думать, какъ это сдѣлать.*

2. Наблюденіе и практика показываютъ, да и педагоги-психологи подтверждаютъ, что непосредственный интересъ къ всевозможнымъ ручнымъ занятіямъ у учениковъ общеобразовательной школы продолжается приблизительно до 15—16 лѣтъ, т. е. до 4—5 класса среднихъ учебныхъ заведеній, послѣ чего у большинства учащихся вырабатываются опредѣленныя склонности, или къ чисто умственнымъ занятіямъ (напр., къ болѣе серьезному научному чтенію, къ занятіямъ искусствами и т. д.), или къ спеціализаціи въ области профессіонально-техническихъ занятій и къ другимъ видамъ моторно-мышечной дѣятельности. На этомъ основаніи *ручной трудъ въ средней школѣ долженъ носить двоякій характеръ:*

А. Для первыхъ пяти классовъ (и приготовительныхъ, гдѣ они есть) онъ долженъ состоять изъ ручныхъ занятій чисто *общеобразовательнаго* значенія, для использованія природнаго стремленія дѣтей этого возраста къ ручному творчеству въ цѣляхъ ихъ же воспитанія, каковыя занятія подъ терминомъ педагогическій ручной трудъ существуютъ и въ русской практикѣ уже 30 лѣтъ, а въ скандинавскихъ странахъ еще больше.

Среди приблизительно $1^1/_2$ тысячъ школъ нашего отечества, гдѣ уже введенъ ручной трудъ, имѣется не мало и среднихъ учебныхъ заведеній. Ручной трудъ получилъ право гражданства во всѣхъ ка-

детскихъ корпусахъ, заведенъ въ большинствѣ коммерческихъ училищъ, гдѣ онъ введенъ по инициативѣ самихъ учрежденій, также какъ и въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

Очень своевременно вспомнить въ настоящее время и о томъ, что уже при покойномъ Министрѣ Народнаго Просвѣщенія генералѣ Ванновскомъ комиссія по преобразованію средней школы включила ручной трудъ, на ряду съ гимнастикой и военными упражненіями, въ программу всѣхъ классовъ, кромѣ послѣдняго, отводя въ первыхъ трехъ классахъ на это по 4 часа въ недѣлю, а въ остальныхъ—по два часа.

Б. Въ двухъ старшихъ классахъ средней школы, въ шестомъ и седьмомъ, занятія по ручному труду должны носить болѣе *спеціальный* характеръ: или только изготовленіе наглядныхъ учебныхъ пособій—для иллюстраціи и углубленія своихъ же занятій по физикѣ, математикѣ и др. (о чемъ подробнѣе ниже), или, кромѣ того, еще чисто ремесленная спеціализація для тѣхъ, кто въ первыхъ четырехъ классахъ проявляли исключительный интересъ и способности къ ручному труду и открыли въ себѣ призваніе къ тому или другому виду ручныхъ занятій, но не пожелали перейти въ ремесленно-техническія учебныя заведенія.

> *Примѣчаніе.* Въ первыхъ пяти классахъ (и приготовительныхъ, гдѣ они есть) ручной трудъ долженъ быть обязательнымъ предметомъ не только для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, но и для всѣхъ учениковъ въ нихъ, въ послѣднихъ же двухъ классахъ можетъ быть необязательнымъ для учениковъ, однако, съ возможностью организаціи занятій для всѣхъ желающихъ.

3. *Съ самаго начала нужно отказаться отъ мысли подготовить учениковъ въ общеобразовательной школѣ къ тому или другому ремеслу, какъ профессіи, обезпечивающей имъ заработокъ.*

Фактическая невозможность достиженія такой подготовки выясняется изъ слѣдующаго. На разныхъ фабрикахъ и заводахъ и въ ремесленно-техническихъ мастерскихъ легче всего устраиваются и больше другихъ зарабатываютъ чисто физическимъ трудомъ лица не изъ окончившихъ ремесленно-техническія училища, а рабочіе изъ бывшихъ ремесленныхъ учениковъ частныхъ мастерскихъ. Объясняется это тѣмъ, что послѣдніе, поступивъ къ хозяину-ремесленнику „въ ученіе“ въ 13—14 лѣтнемъ возрастѣ и произведенные въ подмастерья черезъ 3—5 лѣтъ, проработали по своей спеціальности всего не менѣе 5000 часовъ, между тѣмъ какъ окончившіе ремесленно-техническія

училища (часто съ нѣсколькими ремеслами) изучали каждую свою спеціальность никакъ не болѣе трехъ лѣтъ, да и то на ряду съ теоретическими занятіями въ классахъ, посвящая изученію одного ремесла въ общей сложности самое большее 2000 часовъ, и являются, такимъ образомъ, гораздо менѣе подготовленными практически, чѣмъ рабочіе изъ частныхъ мастерскихъ. Благодаря своей лучшей теоретической подготовкѣ, первые, однако, получаютъ лучшія мѣста и занимаютъ болѣе привилегированныя должности въ тѣхъ же мастерскихъ, но конкурировать съ рабочими второй категоріи въ навыкахъ работы и ловкости рукъ они, конечно, не могутъ. Что же касается ручного труда въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, то здѣсь имѣется возможность предоставить этому предмету *не болѣе 2—3 часовъ въ недѣлю*, что составляетъ за всѣ 5—6 лѣтъ первой ступени (вмѣстѣ съ приготовительными классами) всего на всего около 500 часовъ. Претендовать на достиженіе какой либо подготовленности въ профессіональномъ отношеніи при такомъ количествѣ часовъ, конечно, не приходится, тѣмъ болѣе, что общеобразовательная точка зрѣнія на ручныя занятія не можетъ ограничиваться пріемами работы только изъ одного какого-нибудь ремесла, а старается использовать по возможности основные элементы изъ разныхъ ремеслъ, для усвоенія только *общихъ ручныхъ навыковъ*, полезныхъ въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніи. Къ тому же, возрастъ учениковъ низшей ступени средней школы является недостаточнымъ для профессіонально-ремесленныхъ занятій: только къ концу этой ступени наступаетъ возрастный срокъ (14 лѣтъ), дозволенный нашимъ законодательствомъ для поступленія въ ремесленные ученики. Для воспитательныхъ же занятій ручнымъ трудомъ, какъ мы видѣли, возрастъ начальнаго обученія не только возможенъ, но даже наиболѣе желателенъ.

Чему же можно научиться на урокахъ ручного труда въ средней школѣ за такое короткое время? Можно научиться исполнять любую работу въ качественномъ отношеніи нисколько не хуже работника-профессіонала, конечно въ предѣлахъ избраннаго вида работы и въ объемѣ проходимой программы. Разница будетъ только въ количественномъ отношеніи. Для успѣха работы требуется прежде всего знаніе свойствъ матеріаловъ и инструментовъ, знаніе пріемовъ или умѣніе, и, наконецъ, нѣкоторая усидчивость. Виртуозность же во владѣніи навыками и техникой въ работѣ вовсе не требуется, она даже вредна, такъ какъ приводитъ къ механичности работы и притупляюще вліяетъ на интеллектъ. Дѣтей интересуютъ ручныя занятія постольку, по-

скольку они являются для нихъ творческой умственной работой. При повторности же однихъ и тѣхъ же пріемовъ, гдѣ работа творческая переходитъ въ механическую, у дѣтей какъ бы инстинктивно теряется къ ней интересъ. Этимъ обстоятельствомъ и слѣдуетъ руководиться при составленіи программы ручного труда для общеобразовательной школы: *нужно все время комбинировать новые пріемы съ уже пройденными*, чтобы, съ одной стороны, поддержать интересъ у учениковъ новизной работы и частой смѣной разнообразныхъ пріемовъ, а, съ другой стороны, задерживать ихъ стремительность впередъ для лучшаго усвоенія навыка или умѣнія въ выполненіи даннаго пріема, не доводя, однако, учащагося до безсознательнаго и автоматическаго или машинальнаго исполненія пріема; при этомъ приходится иногда тѣ же пріемы преподносить ученикамъ въ новой комбинаціи, т. е. на другомъ издѣліи, чтобы сохранить интересъ хотя бы только *видимой* ихъ новизной, для лучшаго повторенія уже пройденнаго.

Руководящимъ же соображеніемъ при составленіи программы долженъ быть не вопросъ: *чему онъ научится въ смыслѣ техническомъ?* а другой: *какъ вліяютъ на его развитіе тѣ или другія работы?*

Занятія по педагогическому ручному труду отличаются отъ чисто ремесленной работы еще тѣмъ, что въ послѣдней допускается, изъ экономическихъ соображеній, и даже поощряется, раздѣленіе труда между разными рабочими одной и той же мастерской, такъ какъ однообразіе пріемовъ лучше всего содѣйствуетъ быстротѣ исполненія ихъ, не заботясь о томъ, что человѣкъ здѣсь вполнѣ уподобляется машинѣ и въ физическомъ и въ духовномъ отношеніи. На урокахъ же ручного труда каждый ученикъ выполняетъ по возможности всю свою работу самъ сначала до конца, при чемъ предметы изготовленія должны быть небольшихъ размѣровъ, и при томъ наиболѣе упрощенными пріемами и съ помощью самыхъ общедоступныхъ инструментовъ и приспособленій, избѣгая всякихъ сложныхъ машинъ и сложныхъ механизмовъ, такъ какъ только такимъ образомъ онъ пріучается къ самостоятельности, къ самодѣятельности и приспособляемости въ разныхъ случайностяхъ жизни. Только такими занятіями вырабатываются общая ручная ловкость, техническая сообразительность, глазомѣръ, сила воли и характеръ.

Откинувъ совершенно экономическій элементъ по отношенію къ работамъ учениковъ на урокахъ ручного труда, нужно идти далѣе и признать, что къ издѣліямъ учениковъ вовсе непримѣнима рыночная расцѣнка ихъ стоимости; къ нимъ скорѣе подходитъ та мѣрка,

по какой художникъ оцѣниваетъ свое произведенiе или дѣятель свободной профессiи получаетъ свой гонораръ. Этимъ и объясняется, почему ученики наиболѣе дорожатъ тѣми изъ своихъ работъ, на которыя ими было болѣе всего положено труда, терпѣнiя и собственной инициативы. Отсюда вытекаетъ, что работы учениковъ не должны ни продаваться, ни отниматься у учениковъ, такъ какъ это равносильно покушенiю и на чужую собственность, и на авторское право.

Что же касается тѣхъ изъ учениковъ старшихъ классовъ, которые, успѣшно прошедши систематическiй курсъ ручного труда въ младшихъ классахъ, будутъ специализироваться въ одномъ изъ избранныхъ ими ремеслъ, то и они *въ профессiональномъ отношенiи далеко не пойдутъ*, потому что:

во 1-хъ, въ наши дни почти не осталось ремесла, которое не примѣняло бы тѣхъ или другихъ машинъ по своей специальности; такимъ образомъ полная профессiональная специализацiя и подготовка возможны только въ мастерскихъ же, или при соотвѣтственныхъ промышленныхъ и ремесленно-техническихъ училищахъ;

во 2-хъ, оставаясь доканчивать курсъ въ среднемъ учебномъ заведенiи, вмѣсто того, чтобы изъ V класса переходить въ какое-нибудь изъ только что упомянутыхъ специальныхъ заведенiй, ученикъ-любитель тѣмъ самымъ самъ отказывается дѣлаться профессiоналомъ въ своемъ ремеслѣ, отложивъ свою специализацiю до высшаго учебнаго заведенiя; но и въ этомъ случаѣ ему большую услугу окажутъ прiобрѣтенныя знанiя и навыки, хотя бы только ручные и любительскiе, а не профессiональные: будущему хирургу для производства операцiй весьма важно имѣть вѣрный глазъ, вѣрную и ловкую руку, такъ же какъ они необходимы для точныхъ опытовъ и наблюденiй физику и химику, инженеру-технику и строителю.

4. *Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ долженъ преслѣдовать только воспитательныя и общеобразовательныя цѣли*, такъ какъ объектомъ для руководителя является здѣсь исключительно самъ ученикъ и развитiе его физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ. При ремесленномъ же обученiи на первый планъ выступаетъ не самъ ученикъ, какъ человѣкъ, а его профессiональная тренировка. Поэтому преподаванiе ручного труда должно быть подчинено всѣмъ требованiямъ педагогики, преподавателемъ долженъ быть педагогъ, а не ремесленникъ. Въ школу могутъ быть допущены только такiя ручныя занятiя, которыя интересуютъ дѣтей и удовлетворяютъ ихъ прирожденному стремленiю къ дѣятельности и твор-

честву, даютъ имъ общіе ручные навыки и могутъ дать практически-полезный результатъ, пріучаютъ къ порядку, точности и аккуратности, допускаютъ соблюденіе чистоты и опрятности, отвѣчаютъ физическимъ силамъ и способностямъ дѣтей, содѣйствуютъ до извѣстной степени эстетическому развитію (т. е. глазомѣра, чувства формъ и изящества), укрѣпляютъ физическія силы, содѣйствуютъ равномѣрному развитію организма и имѣютъ способность къ методическому расположенію при изученіи ихъ. Кромѣ всего того, ручной трудъ долженъ будить въ дѣтяхъ охоту, любовь и уваженіе къ физическому труду вообще, пріучить ихъ къ самодѣятельности, внимательности, настойчивости, прилежанію и выдержкѣ.

На ряду съ перечисленными *формальными* элементами развитія, непремѣнно будутъ достигаться попутно и важныя для будущей жизни и дѣятельности учениковъ *практическія* цѣли: 1) мы научимъ ихъ проворно употреблять разнообразные инструменты, 2) дадимъ имъ практическое знакомство съ начальными пріемами ремеслъ и подготовимъ вообще лучше къ профессіональнымъ занятіямъ и 3) пріучимъ къ добросовѣстности и порядочности въ работѣ. Съ того возраста, когда подростки перестаютъ играть, свое свободное время они часто не знаютъ, чѣмъ занять, и привыкаютъ къ праздности, ищутъ развлеченій, большею частью нездоровыхъ. Пріохотившіеся же къ ручному труду будутъ заниматься имъ свободное время дома, и времени этого имъ будетъ не хватать для выполненія всѣхъ своихъ фантазій.

Въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ въ качествѣ ручного труда вводились въ школу работы выпиловочныя, картонажныя, корзиночныя, кузнечныя, рѣзныя по дереву, слесарныя, столярныя, токарныя, переплетныя и другія. Каждое изъ этихъ ремеслъ, взятое въ отдѣльности, обладаетъ и положительными и отрицательными качествами въ педагогическомъ отношеніи и при томъ въ разной степени, что заставляетъ избѣгать ихъ *въ цѣломъ* и брать отъ разныхъ изъ нихъ только самое цѣнное, какъ это особенно сильно выдвинуто въ наиболѣе разработанныхъ программахъ русскихъ школъ. Наиболѣе цѣлесообразнымъ въ учебныхъ цѣляхъ оказалась группировка пріемовъ работы по матеріаламъ обработки, и такимъ образомъ всѣ занятія педагогическимъ ручнымъ трудомъ подраздѣляются на:

I. Работы изъ шнурковъ, прутиковъ, лучинокъ, песку, глины и пластелина.

II. Работы изъ бумаги и папки (картонажно-переплетныя).

III. Работы по дереву (столярныя, выпиловочныя, ложкарныя, рѣзныя и токарныя).

IV. Работы по металлу (жестяницкія, слесарно-кузнечныя).

V. Обработка стекла, пробки и проч. матеріаловъ.

Приведенная здѣсь группировка занятій по матеріаламъ намѣчаетъ ихъ естественную послѣдовательность по трудности обработки и тѣмъ самымъ рѣшительно подчеркиваетъ педагогическій характеръ ихъ. Изъ всѣхъ матеріаловъ дерево оказывается наиболѣе благодарнымъ для учебныхъ цѣлей и для физическаго развитія и ему должно быть отведено преимущественное положеніе при педагогическихъ ручныхъ занятіяхъ.

V. Въ заключеніе руководящей части моего доклада не могу не привести содержанія одного исключительнаго интереса для даннаго момента указанія, полученнаго мною, уже послѣ засѣданія нашей подкомиссіи, отъ профессора Владиміра Владиміровича Лермантова, который, прочитавъ мой докладъ, предлагаетъ его дополнить слѣдующимъ:

Въ майскомъ нумерѣ „The School World“ 1915 года помѣщена редакціонная статья: „Ручной Трудъ въ средней школѣ“, содержащая выписки изъ только что вышедшаго циркуляра № 831 англійскаго „Департамента Воспитанія“ (Board of Education) и его обсужденіе. Для насъ особенно интересны въ данный моментъ эти офиціально высказанные взгляды англійскихъ педагоговъ:

„Департаментъ полагаетъ, что всѣ мальчики, въ теченіе нѣкотораго періода ихъ курса въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, *должны получать систематическое преподаваніе ручного труда*; оно должно по правиламъ продолжаться по крайней мѣрѣ до четырнадцатилѣтняго возраста, а во многихъ школахъ съ пользою можетъ быть продолжено и до шестнадцатилѣтняго возраста. Во всѣхъ школахъ ученикамъ должна быть предоставлена возможность продолжать по собственному желанію обученіе ручному труду до самаго окончанія курса, *а для нѣкоторыхъ учениковъ оно можетъ даже быть сдѣлано спеціальнымъ предметомъ изученія.*

Мастерскія. Хорошо устроенная и оборудованная мастерская существенно необходима. Почти всякая большая комната можетъ для нея годиться, но чѣмъ ближе обстановка подходитъ къ обстановкѣ настоящей мастерской, тѣмъ лучше. Все устройство должно быть какъ можно проще. Верстаки должны быть прочны и разной высоты. Должны быть точило, кранъ, раковина водопровода и печка для на-

грѣванія паяльниковъ. Должны быть средства и для работъ по металлу. Во всѣхъ случаяхъ, при мастерской должна быть маленькая библіотека справочныхъ книгъ по ремеслу.

Курсы преподаванія. (А) *Начальная школа.* Для дѣтей моложе двѣнадцати лѣтъ выборъ предлагаемыхъ работъ долженъ быть обильный; обыкновенно онъ бываетъ скудный и совершенно недостаточный.

Упражненія должны быть простыя и разнообразныя. Они становятся безполезными, если слишкомъ систематичны, такъ какъ интересъ къ работѣ у дѣтей быстро пропадаетъ при монотонномъ повтореніи. Первыя работы желательно мотивировать надобностями преподаванія другихъ предметовъ (или самихъ учениковъ), но слѣдуетъ остерегаться чрезмѣрнаго использованія ручной работы учениковъ для иллюстрированія преподаванія другихъ предметовъ.

Слѣдуетъ всячески стараться *пробудить изобрѣтательность самихъ учениковъ при выборѣ ими работъ*, но учитель долженъ направлять эти работы и наблюдать, чтобы ученики не принимались за непосильныя для нихъ работы и *всякую доводили до конца*, съ доступной степенью аккуратности. Къ юношескимъ годамъ каждый мальчикъ долженъ достичь умѣнья обращаться съ обычными инструментами, преимущественно столярными.

(В) *средній возрастъ въ школѣ.* Долженъ существовать опредѣленный курсъ ручного труда для возраста отъ 12 лѣтъ по крайней мѣрѣ до 14, не менѣе 2-хъ часовъ въ недѣлю.

Дерево должно быть главнымъ предметомъ обработки въ этотъ періодъ обученія, но не слѣдуетъ этимъ ограничиваться, а вводить также приготовленіе предметовъ изъ металла.

Курсъ долженъ основываться на систематической послѣдовательности пріемовъ работы. Какъ правило, каждая новая работа должна представлять новую трудность исполненія, напримѣръ, употребленіе новаго инструмента, или новый способъ употребленія уже знакомаго инструмента. Опредѣленныя указанія, какъ пользоваться каждымъ инструментомъ, и указанія на свойства употребляемыхъ матеріаловъ всегда необходимы. При каждомъ новомъ пріемѣ работы надо давать толковыя объясненія, сопровождаемыя исполненіемъ работы передъ учениками.

Надо обращать вниманіе не только на основы пріемовъ и методовъ работы, но и на хорошее ея исполненіе. Всегда надо требовать степень аккуратности исполненія, соотвѣтствующую матеріалу и подготовкѣ ученика. По мѣрѣ возрастанія опытности учениковъ слѣдуетъ

требовать все лучшаго и лучшаго исполненія, сообразуясь съ продолжительностью времени, потраченнаго на обученіе работѣ.

Однако, въ началѣ курса не слѣдуетъ требовать слишкомъ аккуратнаго исполненія.

Въ курсъ обработки дерева должны войти простѣйшіе „замки", или соединенія, употребляемыя столярами. Болѣе сложные и трудно исполнимые неумѣстны.

Выборъ изготовляемыхъ предметовъ долженъ, конечно, обусловливаться надобностями жизненной обстановки учениковъ.

Въ училищахъ, гдѣ нельзя продолжать обученіе ручному труду болѣе двухъ лѣтъ, надо стараться, чтобы оно было закончено, и, насколько возможно, могло бы быть полезно ученикамъ въ ихъ практической жизни. Мальчиковъ, показывающихъ особые успѣхи, слѣдуетъ всячески поощрять къ болѣе основательному изученію. Тамъ, гдѣ курсъ продолжается и на третій годъ, слѣдуетъ вводить систематическій курсъ работъ по металлу. Его можно начинать съ обработки жести, а обработку желѣза вводить позднѣе.

Выгодно начинать съ работъ изъ листового металла и орнаментовъ изъ согнутыхъ полосокъ желѣза, обращая меньше вниманія на работы, требующія „натягиванія" и ковки листового металла. Если есть возможность устроить кузнечный горнъ, слѣдуетъ ввести и упражненія въ легкихъ поковкахъ. Тамъ, гдѣ возможно устроить отдѣльную мастерскую, слѣдуетъ вводить болѣе полный курсъ обработки металла. Не слѣдуетъ заставлять учениковъ выпиливать кубики, чтобы выучиться владѣть напилкомъ. Нарѣзываніе винтовъ, сверленіе дырокъ и склепываніе надо вводить съ начала курса. Простѣйшія кузнечныя работы—отягиваніе, осаживаніе и сварка—полезны и занятны и подъ силу ученикамъ 15—16 лѣтъ. Надо и здѣсь стараться возбудить изобрѣтательность къ дѣлу учениковъ. На третій годъ можно вводить изготовленіе многихъ научныхъ приборовъ вмѣсто нарочно придуманныхъ упражненій въ употребленіи инструментовъ. Въ тѣхъ училищахъ, гдѣ обученіе ручному труду продолжается пять или шесть лѣтъ, можно достигнуть очень значительнаго искусства въ обработкѣ дерева и металла и употреблять классное время на выработку довольно сложныхъ предметовъ художественнаго или прикладного характера. Часто бываетъ очень полезно изготовлять сообща, работою нѣсколькихъ учениковъ, предметы болѣе сложные.

Примѣненіе машинъ и содержаніе инструментовъ въ исправности. Выучиться пользоваться ручными инструментами составляетъ главную

цѣль обученія ручному труду. Слишкомъ много вводить машинъ и механическихъ приспособленій не желательно, но вводить слѣдуетъ лишь общеупотребительные типы. Въ теченіе всего курса необходимо настаивать, чтобы ученики сами приводили въ порядокъ инструменты и умѣли ихъ точить.

Черченіе. Черченіе должно быть связано съ работами по дереву и металлу, и учениковъ надо научить дѣлать чертежи по масштабу и работать по ихъ указаніямъ. Изученіе изометрической проекціи иногда бываетъ полезно, но большею частью остается безъ примѣненій. Когда ученики выучатся, какъ приниматься за составленіе чертежей, умѣньемъ этимъ надо пользоваться, какъ это дѣлаютъ искусные ремесленники. Напримѣръ, если надо сколотить упаковочный ящикъ, столяръ не станетъ дѣлать чертежа, а запишетъ только размѣры. Если ему надо сдѣлать рядъ полокъ для книгъ въ данную комнату, онъ ограничится наброскомъ на бумагѣ съ обозначеніемъ размѣровъ и разстояній; по хорошему же чертежу онъ станетъ работать лишь тогда, если ему закажутъ или модель для машинной отливки, или тщательной работы шкафъ, или тому подобное.

Ученикъ и мастерская. Обученіе ручному труду на старшей ступени не слѣдуетъ вести, какъ обособленный предметъ программы, но связывать его съ науками о природѣ, математикой, географіей и изящными искусствами: въ мастерской ручного труда ученикъ долженъ имѣть возможность осуществлять разныя конструктивныя идеи, внушаемыя ему изученіемъ другихъ предметовъ или надобностями домашней жизни. Заурядный мальчикъ полонъ конструктивнаго любопытства; стоитъ лишь его къ этому разумно поощрять, и онъ удивительно многому научится, даже будучи предоставленъ самому себѣ въ мастерской“.

На этомъ кончается официальная часть англійской цитаты. Далѣе—редакторъ „School World“ оспариваетъ взглядъ, высказанный въ послѣднемъ параграфѣ объ излишней обособленности ручного труда, какъ отдѣльной дисциплины. „Не преподаваніе ручного труда должно искать связи съ другими предметами, а обратно. Идеальный курсъ ручного труда представляетъ изъ себя комбинацію изученія свойствъ предметовъ природы и художества съ гимнастическими упражненіями тѣла. Въ немъ размышленіе и дѣйствіе связаны кореннымъ образомъ, такъ какъ *необходимость подумать вытекаетъ изъ акта работы.* При изученіи математики въ нашихъ лабораторіяхъ наоборотъ—*случаи примѣненія научныхъ умозаключеній и фактовъ подобраны искус-*

ственно. Такой работѣ недостаетъ конкретности, присущей изслѣдованіямъ, вызваннымъ надобностью рѣшить задачу реальной необходимости. Поэтому, преподаваніе ручного труда служитъ дополненіемъ классному преподаванію, и учителямъ другихъ предметовъ слѣдуетъ не упускать случаевъ указывать на примѣненіе ихъ ученій къ ручному труду".

Самъ В. В. Лермантовъ со своей стороны полагаетъ, что „слѣдуетъ ввести въ программу школы починку платья, обуви, кухонной посуды и мебели. Эти умѣнья очень цѣнятся родителями учениковъ и могутъ приносить много пользы имъ самимъ. Портняжное и сапожное мастерства—занятія слишкомъ сидячія и поэтому не годятся для педагогическаго ручного труда, но это не исключаетъ возможности затратить немного времени, чтобы научить, какъ пришить пуговицу, заштопать разорванное мѣсто или поставить заплату на сапогъ. Разная же починка въ области пріемовъ работъ по картонажу, дереву и металлу еще легче вводима въ обиходъ школы".

Противъ взгляда В. В. Лермантова и наша подкомиссія въ принципѣ ничего не имѣетъ и даже полагаетъ, что, при правильной постановкѣ ручного труда въ школѣ, ученики сами будутъ это дѣлать, безъ особыхъ указаній учителя, въ особенности, если вводить элементы рукодѣлія въ уроки ручного труда уже на младшей ступени обученія начальной школы, что кое-гдѣ уже и практикуется: въ здѣшнихъ школахъ Техническаго общества намъ приходилось видѣть, какъ на урокахъ рукодѣлія занимаются на ряду съ дѣвочками и мальчики, а на урокахъ ручного труда отъ мальчиковъ не отстаютъ и дѣвочки.

Параллельно съ этимъ нельзя не затронуть хотя вкратцѣ вопроса о томъ, возможно ли ручной трудъ въ средней школѣ распространить и на женскія гимназіи.

На этотъ вопросъ теперь можно отвѣтить уже вполнѣ положительно: въ женскомъ отдѣленіи учительской школы Петроградскаго губернскаго земства уже седьмой годъ занимаются ручнымъ трудомъ одинаково съ учениками и ученицы, въ возрастѣ среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Относительно только что приведеннаго извлеченія изъ англійскаго источника не могу не отмѣтить еще, что оно почти во всемъ поразительно сходится съ взглядами настоящаго моего доклада, какъ въ части, изложенной выше, такъ и въ послѣдующей ниже, являясь ихъ лучшимъ подтвержденіемъ. Все это даетъ мнѣ право и смѣлость ду-

мать, что мы стоимъ на правильномъ пути въ нашихъ пожеланіяхъ и въ нашей работѣ.

Учебный планъ.

Переходя далѣе къ изложенію учебнаго плана ручного труда по классамъ, нужно сказать, что *суть программы состоитъ не въ издѣліяхъ или такъ называемыхъ моделяхъ, а въ самыхъ пріемахъ работы и въ ихъ послѣдовательности.* Предметы же изготовленія, на которыхъ эти пріемы получаютъ примѣненіе, имѣютъ второстепенное и служебное значеніе и могутъ (и должны) быть измѣняемы сообразно мѣстнымъ условіямъ, силамъ и интересамъ дѣтей и должны быть различны для школъ деревенскихъ, городскихъ и для дѣтей достаточныхъ классовъ населенія, и разные для дѣвочекъ и мальчиковъ, гдѣ обученіе ведется совмѣстно.

Построеніе программы педагогическаго ручного труда на основѣ послѣдовательности пріемовъ имѣетъ еще то преимущество, что допускаетъ, съ одной стороны, концентрическое расположеніе всего изучаемаго матеріала, а съ другой стороны, даетъ учителю возможность заниматься одновременно съ учениками разной подготовки. *Первымъ концентромъ* занятій по ручному труду будутъ занятія въ начальной школѣ, или въ приготовительныхъ классахъ, гдѣ они имѣются. Новѣйшей программой ручного труда для этого концентра является „Примѣрная программа“ К. Ю. Цируля, напечатанная въ журналѣ „Трудовое Воспитаніе“ № 4 за 1914 г. *Вторымъ концентромъ* является курсъ первыхъ трехъ классовъ проектируемой средней школы, каковые классы должны соотвѣтствовать курсу высшихъ начальныхъ училищъ. Имѣя *въ основѣ программы послѣдовательность пріемовъ, гдѣ каждой группѣ пріемовъ соотвѣтствуетъ рядъ предметовъ изготовленія разной трудности*, учитель имѣетъ возможность занять одновременно со всѣми и тѣхъ учениковъ, которые до гимназіи вовсе не занимались ручнымъ трудомъ, предлагая послѣднимъ болѣе легкія задачи на тѣ же пріемы Для трехъ классовъ этого 2-го концентра наиболѣе подходящими являются работы картонажно-переплетныя въ первомъ классѣ и работы по дереву во второмъ и третьемъ классахъ.

Третій концентръ занятій по ручному труду обнимаетъ *старшіе* 4 класса новой средней школы. Начинается онъ систематическими занятіями по металлу въ IV и V классахъ, переходя въ VI и VII

классахъ въ необязательное изготовленіе учебныхъ пособій, или въ спеціализацію въ занятіяхъ ручнымъ трудомъ на основаніи усвоеннаго въ предыдущихъ классахъ, сообразно съ индивидуальными наклонностями учащихся и согласно съ мѣстными условіями.

Занятія ручнымъ трудомъ въ старшемъ возрастѣ особенно цѣнны для *воспитанія уваженія къ физическому труду* вообще: продолжая работать за станкомъ и въ юношескомъ возрастѣ, молодые люди видятъ, что ручной трудъ не составляетъ только забаву для дѣтскаго возраста, но является серьезнымъ дѣломъ и для взрослыхъ. Наша школа, по завѣту Аристотеля, учитъ всему „украшающему жизнь", избѣгая все имѣющее ремесленный характеръ. Онъ былъ правъ, потому что училъ, какъ воспитывать „свободнаго юношу греческаго", во времена, когда ремесла были „удѣломъ рабовъ". Въ настоящее же время намъ нужны интеллигентные работники; учась ручному труду въ школѣ, наравнѣ съ „предметами", ученикъ невольно отвыкаетъ отъ привычки считать ремесленниковъ ниже себя.

Первый концентръ. Начальная школа

(*отъ 6 до 10-лѣтняго возраста*).

Этотъ возрастъ приходится цѣликомъ въ тѣ года, когда, согласно докладу д-ра В. В. Гориневскаго, нѣтъ еще полнаго затвердѣнія костей въ пальцахъ и когда, поэтому, работы по ручному труду должны ограничиваться только упражненіями для развитія гибкости и быстроты пальцевъ, безъ всякихъ трудныхъ движеній, требующихъ усиленнаго мышечнаго напряженія.

Вслѣдствіе сказаннаго, самыми подходящими для этого возраста являются слѣдующіе виды ручныхъ занятій:

Завязываніе узловъ и петель изъ не толстыхъ веревокъ. Простѣйшія *упражненія въ плетеніи* рѣшетокъ, мѣшечковъ и корзиночекъ изъ тесемокъ, соломы, лыка и пеньки. *Витье шнурковъ* изъ льна и мочалы. *Упражненія иглою*, совмѣстно для мальчиковъ и дѣвочекъ шитье и вязанье, починка и штопка бѣлья и платья.

Рѣзаніе ножомъ изъ прутиковъ и лучинокъ для складыванія изъ нихъ буквъ и цифръ, съ травленіемъ ихъ въ разные цвѣта. Изготовленіе изъ тонкихъ дощечекъ, съ помощью пилы-ножовки, шила, напилка и молотка, окружающихъ предметовъ въ маломъ, игрушечномъ видѣ: столикъ, домикъ, скамеечка и т. д.

Разрѣзываніе бумаги ножницами на полоски *для различныхъ переплетеній* изъ нихъ. *Складываніе и сгибаніе* изъ бумаги игрушекъ: стрѣлы, пѣтушки, мельницы и т. д. Вырѣзываніе симметричныхъ узоровъ, растеній, животныхъ и разныхъ предметовъ. Составленіе и *наклеиваніе* бордюровъ изъ нарѣзанныхъ бумажекъ въ видѣ квадратиковъ, полосокъ и кружковъ разной формы. Дорисовываніе узоровъ цвѣтными карандашами. Постепенное пріученіе къ сочетаніямъ цвѣтовъ съ помощью разныхъ комбинацій изъ цвѣтной бумаги.

Простѣйшая лѣпка изъ глины и пластелина. Выясненіе основныхъ геометрическихъ понятій съ помощью складыванія и сгибанія бумаги: прямая линія, уголъ, вершина, квадратъ, прямоугольникъ, треугольникъ и т. д. Изготовленіе предметовъ (мѣшечекъ, конвертъ, ярлычекъ), производныхъ изъ означенныхъ фигуръ. Постепенное ознакомленіе съ размѣрами, наброскомъ и чертежомъ.

Простѣйшія картонажныя работы (склеиваніе елочныхъ украшеній, геометрическихъ тѣлъ, тетрадочекъ и др.) и дальнѣйшее развитіе игрушечныхъ работъ изъ дерева. Французы дополняютъ этотъ пропедевтическій курсъ ручного труда еще легкими работами изъ проволоки и изъ листового металла.

Весь этотъ элементарный концентръ занятій по ручному труду не носитъ характера систематическаго изученія обработки того или другого матеріала, а проникнутъ исключительно желаніемъ соотвѣтствовать дѣтскому интересу и возрасту и служить ему пріятнымъ развлеченіемъ, преслѣдуя въ то же время развитіе пальцевъ и глаза, а попутно съ этимъ и настойчивости, усидчивости и внимательности. Подробное распредѣленіе этихъ занятій по классамъ приведено въ упомянутой выше „Примѣрной программѣ“ К. Ю. Цируля.

Второй концентръ обнимаетъ 1, 2 и 3 классы средней школы.

(11, 12 и 13-лѣтній возрасты).

Такъ какъ болѣе трудныя работы за станками (столярнымъ верстакомъ, токарнымъ станкомъ и слесарными тисками) возможны, на основаніи біологическихъ данныхъ, нормально только съ 12 лѣтъ, то вполнѣ естественнымъ является начинать ручной трудъ въ первомъ классѣ съ систематическаго курса картонажно-переплетныхъ работъ. Чтобы этотъ курсъ являлся дѣйствительно переходнымъ отъ занятій, такъ сказать, дѣтскихъ къ занятіямъ по серьезному ручному труду, слѣдуетъ повести дѣло такъ, чтобы при сравнительно легкомъ для

обработки матеріалѣ, чувствовалось уже вполнѣ систематическое изученіе техники ручной обработки данныхъ матеріаловъ. Иначе сказать, программа должна быть построена на основѣ техническихъ трудностей съ одной стороны, а съ другой стороны, всякая работа должна исполняться здѣсь по точному техническому чертежу и по строго опредѣленнымъ размѣрамъ. Это послѣднее обстоятельство въ особенности придаетъ серьезный характеръ этимъ занятіямъ съ самаго начала средней школы, каковой характеръ долженъ быть соблюденъ и въ дальнѣйшихъ классахъ.

Техническая же послѣдовательность обработки картона и папки (курсъ I класса) идетъ, постепенно осложняясь, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Изготовленіе и оклейка предметовъ плоскихъ, т. е. изъ одного куска. Соединеніе неподвижное, подъ угломъ (коробочки). Коробочки прямоугольныя и многоугольныя, безъ крышекъ и съ крышками, съемными и откидными. Кругомъ закрытыя коробки (геометрическія тѣла). Цилиндрическія и коническія тѣла. Наклеиваніе на холстъ географическихъ картъ. Способы переплетенія книгъ.

Чтобы эта чисто техническая послѣдовательность не казалась слишкомъ сухою и скучною для учениковъ, нужно, чтобы они продѣлывали не чистыя упражненія, какъ это принято въ курсахъ ремесленныхъ, а упражнялись бы на практически-полезныхъ издѣліяхъ, взятыхъ изъ домашняго обихода, а еще лучше, изъ школьной жизни.

Перечисленныя работы изъ области картонажно - переплетныхъ занятій, производимыя стоя, а не сидя, даютъ достаточно движенія не только мускуламъ рукъ и пальцевъ, но и всего тѣла. Главное же ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что они, съ одной стороны, даютъ много матеріала для развитія глазъ, знакомя со множествомъ точныхъ формъ, съ началами графической грамотности и элементами изящнаго и художественнаго, а съ другой стороны, обогащаютъ массой практически полезныхъ навыковъ и пріемовъ для примѣненія къ дѣлу и дома и въ школѣ, что особенно ярко видно ниже изъ программы учебныхъ пособій для VI и VII классовъ.

Подробный перечень необходимыхъ пріемовъ и возможныхъ издѣлій изъ картона и папки приведенъ ниже, въ спеціальной части, съ выдѣленіемъ того, что при двухъ часахъ въ недѣлю предполагается къ прохожденію только въ будущемъ, когда ручной трудъ будетъ введенъ повсюду и въ начальную школу, и ученики будутъ поступать въ среднюю школу уже съ подготовкой по ручному труду.

Въ случаѣ же пониженія пріемнаго возраста и необходимости растянуть переходную ступень ручныхъ занятій на два года (чтобы, какъ было сказано выше, не допускать учениковъ къ работѣ за станками ранѣе достиженія ими 12-лѣтняго возраста) можно курсъ картонажно - переплетныхъ занятій удлинить не только введеніемъ упомянутой выдѣленной части и разныхъ новыхъ параллельныхъ задачъ на тѣ же пріемы, но и расширеніемъ курса начальной ступени, въ особенности отдѣловъ лѣпки и плетенія, каковые отдѣлы, однако, въ виду ихъ сидячаго характера, слѣдуетъ непремѣнно вести въ перемежку съ другими работами этого курса.

Занятія во II и III классахъ уже состоятъ изъ работъ по дереву, за столярнымъ верстакомъ, за токарнымъ станкомъ и за рѣзчицкимъ столомъ.

Техническая послѣдовательность обработки здѣсь слѣдующая: *пиленіе*, какъ средство отрѣзать кусокъ матеріала для дальнѣйшей его обработки. Потомъ рубка или тесаніе *топоромъ*, рѣзаніе *ножомъ*, съ разными его разновидностями, *строганіе* разными рубанками, при чемъ различаются по трудности строганія *брусковъ* и строганія *досокъ;* далѣе пиленіе и строганіе по кривой линіи *поворотной пилой* и криволинейными *стругами*; попутно употребляются необходимыя *размѣрочныя*, *провѣрочныя* и *сверлильныя* приспособленія и примѣняются разные способы отдѣлки, чистки и *шлифовки*, *лакировки* и *полировки*. Наконецъ обширный отдѣлъ всевозможныхъ *соединеній*, *на гвоздяхъ*, *на винтахъ*, *на клею* и *на шипахъ* или разныхъ „замковъ". Все вышеприведенное разнообразится и украшается работами *токарными*, *рѣзчицкими* и по выжиганію.

При отсутствіи въ данной мѣстности столярныхъ матеріаловъ можно, конечно, допустить и другіе виды занятій, хотя бы и корзиноплетеніе, или производство издѣлій изъ бамбука, каковыя уже и примѣняются въ причерноморскихъ губерніяхъ; но все же это является только паліативомъ, такъ какъ преимущественное значеніе столярныхъ пріемовъ въ дѣлѣ педагогическаго ручного труда не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, особенно послѣ вполнѣ научной разработки этого вопроса и подробной оцѣнки всѣхъ столярныхъ пріемовъ со стороны ихъ физіологическаго, психологическаго и практическаго значенія датскимъ педагогомъ А. Миккельсеномъ въ его „Методикѣ ручного труда по датской системѣ".

Вполнѣ одобрены были всѣ вышеприведенные пріемы съ медицинской точки зрѣнія и проф. И. Г. Мезерницкимъ, передъ которымъ

мною были они на дняхъ продемонстрированы, при чемъ профессоръ нашелъ нужнымъ замѣтить, чтобы пиленіе въ размахъ допускалось не ранѣе 14-лѣтняго возраста, чтобы строганію на концѣ подвергались только тонкія доски и чтобы рѣзаніе толстой папки вовсе избѣгалось до 11-лѣтняго возраста.

Подробную программу по классамъ см. ниже, въ спеціальной части доклада.

Третій концентръ ручного труда предназначается собственно для средней школы, т. е. для старшихъ четырехъ классовъ ея, куда будутъ непосредственно допускаться ученики, окончившіе высшія начальныя училища. Въ виду возможной весьма разнообразной подготовки по ручному труду у учениковъ будущаго четвертаго класса средней школы удобнѣе всего начинать въ этомъ классѣ занятія съ того вида работы, который всѣмъ ученикамъ на этой ступени менѣе всего пока знакомъ, а именно *съ работъ по металлу*. Противопоказаніемъ противъ этихъ работъ до сихъ поръ служила сравнительная дороговизна оборудованія и видимая неопрятность ихъ, но эти недостатки ихъ вполнѣ покрываются громаднымъ значеніемъ этихъ работъ для подготовки къ поднятію нашей промышленной и художественно-технической жизни вообще, и для надобностей спеціализаціи въ высшей технической школѣ въ частности. Да и дороговизна ихъ, при такомъ маломъ времени, какъ два часа въ недѣлю въ продолженіе только двухъ лѣтъ, является весьма преувеличенной; для воспитанія же уваженія у нашихъ бѣлоручекъ къ труду и трудящимся вообще этого рода грязнаго вида работы оказываются прямо-таки незамѣнимыми.

Техническая послѣдовательность обработки металловъ (курсъ IV и V классовъ) вкратцѣ слѣдующая:

Рѣзаніе разной толщины *проволоки*, *жести*, *полосового* и *листового* металла *зубиломъ*, *ножницами* и *ножовкой*. Разные способы *сгибанія*, *размѣтки*, *сверленія* и *опиловки*. *Нарѣзка винтовъ и гаекъ*. Холодная и горячая *ковка; закалка*. Разные *виды соединеній* металловъ, *на заклепкахъ*, *спайка*, *сварка*, *въ фалецъ* и *шарниромъ*. *Чистка*, *луженіе*, *шлифовка* и *полировка*. *Вытяжка* молоткомъ и *токарно-давильные* пріемы. Металлопластика.

Болѣе подробная программа по классамъ приведена ниже, въ спеціальной части доклада.

Работы для VI и VII классовъ.

Начиная съ шестого класса, систематическіе уроки ручного труда прекращаются, но въ связи съ прохожденіемъ курсовъ геометріи, алгебры, физики, химіи и другихъ предметовъ, требующихъ и допускающихъ внѣшнюю наглядность, ученики и въ дальнѣйшемъ привлекаются къ ручному труду по изготовленію учебныхъ пособій и приборовъ по указаннымъ предметамъ, для большаго углубленія, уясненія и лучшаго запечатлѣнія въ себѣ теоретическихъ положеній ихъ.

Послѣ пройденнаго курса ручного труда по картонажу, дереву и металлу ученики уже вполнѣ подготовлены къ самостоятельному изготовленію слѣдующихъ предметовъ (въ такомъ видѣ, какъ они описаны въ руководствахъ д-ра Гетце, Раймонда, Фишера и др.).

1. По папкѣ: Группа коробочекъ для минераловъ для выясненія формулы $(a + b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$. Шаръ и султанъ (изъ полосокъ папиросной бумаги) для опытовъ по электричеству. Приборъ для доказательства равенства вертикальныхъ угловъ. Томатропъ прямоугольный. Свистульки съ мажорнымъ и минорнымъ трезвучіемъ. Волчокъ для демонстраціи смѣшенія цвѣтовъ (Ньютоновъ кругъ). Томатропъ круглый. Вращающаяся надъ лампой змѣйка. Кубъ для иллюстраціи 3-хъ протяжен. пространства. Кубическій дециметръ. Доказательство трехъ случаевъ равновѣсія. Комнатный телефонъ. Два цилиндрическихъ литра разной высоты и радіусовъ основанія. Доказательство теоремы Пиѳагора. Спектры изъ семи и 12-ти цвѣтовъ. Иррадіація. Нахожденіе центра тяжести. Случаи равновѣсія. Доказательство суммы угловъ треугольника. Дѣленіе куба на три равно-великихъ пирамиды. Кубъ изъ шести равныхъ пирамидъ. Свѣтовое эхо или параллельныя зеркала. Ящикъ для полученія дымовыхъ или вихревыхъ колецъ. Иллюстрація равенства угловъ паденія и отраженія. Двойной конусъ, катящійся вверхъ по наклонной плоскости. Разборный кубъ для доказательства формулы. $(a + b)^3 = a^3 + 3a^2b + 3ab^2 + b^2$. Камера-клара. Воздушный прессъ (для доказательства упругости воздуха). Додекаэдръ. Пеналъ-хлопушка. Калейдоскопъ. Рупоръ. Центробѣжный жолобъ. Камера-обскура. Икосаэдръ изъ 20 пирамидъ (трехгранныхъ).

2. По дереву. Модель вѣсовъ съ коромысломъ. Изолирующая скамеечка на стеклянныхъ стаканчикахъ. Штативъ съ блоками. Ватерпасъ съ отвѣсомъ. Маятникъ Галилея (съ задержками). Фигуры для

нахожденія центра тяжести: неправильный треугольникъ, пятиугольникъ. Прессъ для сушки растеній. Линейное расширеніе металловъ отъ нагрѣванія. Расправилка для сушки бабочекъ. Простой и двойной рычагъ. Приборъ для демонстраціи соотвѣтственныхъ, одностороннихъ и накрестлежащихъ угловъ при параллельныхъ линіяхъ. Приборъ для опытовъ съ маятникомъ. Полиспастъ на блокахъ. Штативъ для ретортъ. Складной четырехугольникъ изъ четырехъ треугольниковъ. Вычисленіе поверхности многоугольника. Преломленіе свѣтового луча. Воротъ. Складной кубическій метръ изъ 12 палокъ и 8 кубиковъ.

3. *По металлу.* Проволочный квадратъ съ ручкой и колечкомъ (для демонстраціи поверхностнаго натяженія). Такой же проволочный кубъ. Два проволочныхъ кольца (одно съ ручкой и колечкомъ, другое съ тремя ножками, въ видѣ таганчика), тоже для поверхностнаго натяженія. Два проволочныхъ замыкателя (или штепселя) разной формы. Проволочный штативъ, раздвижной на разную высоту. Зажимъ для резиновыхъ трубокъ. Зажимъ съ винтомъ. Держатель для лупы. Проволочная подставка для пробирокъ. Изготовленіе таганчика, треугольника и тигеля для показанія сфероидальнаго состоянія воды. Франклиново колесо. Обручъ для центробѣжнаго сфероида. Кубическій дециметръ изъ оцинкованной жести. Спиртовая лампочка изъ чернильницы. Жестяной пульверизаторъ для поливанія цвѣтовъ. Корабельная (кардановская) лампа. Сегнерсво колесо изъ жести. Маятникъ для разряженія тока. Приборъ устойчиваго равновѣсія. Подсвѣчникъ для сферическихъ зеркалъ. Клеммы для соединенія электрическаго тока, разной формы. Гальваноскопъ. Электрическій звонокъ (колокольчики). Десятичные вѣсы. Электрическій звонокъ. Модель электромотора.

4. *Изъ смѣшанныхъ матеріаловъ, со включеніемъ стекла, пробки и друг.* Аппаратъ для выясненія законовъ механической работы. Аппаратъ устойчивости. Электрическая пляска (шариковъ). Волшебная перспектива (телефотъ). Приборъ параллелограмма силъ. Наклонная плоскость. Разрѣзъ парового цилиндра. Спиртовая лампа съ нѣсколькими горѣлками. Упрощенный компасъ. Аппаратъ соотношенія разстоянія и тяжести (дифференціальные ролики). Элементъ Гренэ. Электрофоръ. Лейденская банка. Электрическая иллюминація. Приборъ для индуктивныхъ зарядовъ. Электроскопъ. Приборъ со стрѣлками наклоненія и склоненія. Зеркала подъ угломъ. Приборъ для стереометріи. Волшебный бокалъ. Фонтанъ. Сифонъ. Воздушный насосъ. Отвѣсъ. Вѣсы рычажные. Вѣсы для писемъ. Пружинные вѣсы. Приборъ для ускоренія вращательнаго движенія. Сегнерово колесо (изъ

стекла и пробки). Ватерпасъ съ жидкостью. Насосы (всасывающій и нагнетательный) изъ стекла и пробки. Пульверизаторъ, стеклянный. Приборъ для уясненія теплопроводности. Паровой цилиндръ. Гигроскопы. Франклинова доска. Разрядникъ. Громоотводъ. Молнія изъ облака. Электрическая батарея. Вольтовъ столбъ. Нагрѣваніе воды электрическимъ токомъ. Электрическая лампочка. Простой электромагнитъ. Подкововидный электромагнитъ. Приборъ для разложенія воды. Аппаратъ для гальванопластики. Телеграфный аппаратъ. Монохордъ. Фотометръ. Пантографъ. Лучковое сверло.

Примѣчаніе 1. Изготовленіе учебныхъ пособій нужно вводить по возможности уже и въ младшихъ классахъ, если это является понятнымъ и полезнымъ для учениковъ по прохожденію соотвѣтственныхъ классныхъ предметовъ.

Примѣчаніе 2. Обработка стекла и пробки систематически на урокахъ ручного труда не проходится, такъ какъ съ этимъ ученики знакомятся на практическихъ занятіяхъ по естествовѣдѣнію и физикѣ. Въ крайнемъ же случаѣ пріемы эти могутъ быть проходимы и на урокахъ ручного труда уже въ младшихъ классахъ, но при иниціативѣ со стороны уроковъ естествовѣдѣнія, ибо на этой ступени эти занятія плохо вяжутся съ другими курсами ручного труда.

О программахъ для ремесленной спеціализаціи.

Ничего еще не было сказано о программѣ занятій для учениковъ—любителей, желающихъ усовершенствоваться въ избранномъ ими ремеслѣ. Послѣ 5—6 лѣтней усердной работы педагогическимъ ручнымъ трудомъ такой любитель-работникъ вполнѣ подготовленъ къ тому, чтобы самому разбираться въ спеціальныхъ руководствахъ любого изъ видовъ ручныхъ занятій, по которымъ онъ самъ найдетъ, чего ему не хватаетъ и въ чемъ ему надо еще усовершенствоваться, тѣмъ болѣе, что и преподаватель ручного труда всегда къ его услугамъ; такимъ образомъ, предписываніе какой либо программы любителямъ изъ учениковъ старшихъ классовъ нужно считать нежелательнымъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВСЕЙ ОБЩЕЙ ЧАСТИ ДОКЛАДА.

Примѣчаніе 1. Для успѣшности занятій по ручному труду съ одной стороны и для сбереженія расходовъ по оборудованію съ другой, желательно веденіе занятій не полными классами

одновременно, а группами, какъ при практическихъ занятіяхъ по естествовѣдѣнію и физикѣ, при чемъ на одного учителя приходилось бы не болѣе 20—25 человѣкъ за разъ, т. е. половина класса.

Такое групповое распредѣленіе даетъ возможность совмѣстить уроки ручного труда съ упомянутыми практическими занятіями въ одинъ и тотъ же часъ въ разныхъ помѣщеніяхъ.

Примѣчаніе 2. Трудъ учителя ручного труда долженъ быть оплачиваемъ не ниже, чѣмъ уроки по другимъ учебнымъ предметамъ, съ предоставленіемъ одинаковыхъ служебныхъ и пенсіонныхъ правъ съ преподавателями другихъ предметовъ, тѣмъ болѣе, что для преподаванія ручного труда требуется, кромѣ общепедагогической, еще спеціально—техническая подготовка. Да и самое веденіе занятій требуетъ неменьшаго напряженія силъ преподавателя, чѣмъ при обычномъ классномъ преподаваніи другихъ предметовъ. Неопредѣленность оплаты этого предмета и необезпеченность его вообще и является причиною того, что у насъ пока очень мало лицъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, готовящихся къ преподаванію ручного труда.

Примѣчаніе 3. Дальнѣйшія пожеланія наши въ сферѣ лучшей постановки дѣла ручного труда въ нашихъ школахъ сводятся, во 1-хъ, къ необходимости устройства спеціальнаго „Института ручного труда", для подготовки преподавателей, каковая функція въ настоящее время выполняется кратковременными лѣтними учительскими курсами ручного труда, и, во 2-хъ,—учрежденіе спеціальной инспекціи ручного труда, для наблюденія за правильной постановкой этого предмета въ школахъ.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

1. Подробныя программы.

Примѣчаніе. Звѣздочками (*) снабжены части программъ, предполагаемыя къ прохожденію при 2-хъ часахъ въ недѣлю съ учениками, *не изучавшими ручного труда* до поступленія въ первый классъ. Части же программъ безъ звѣздочекъ („желательные") могутъ быть пройдены только съ учениками, изучавшими ручной трудъ 4 года въ начальной школѣ.

При смѣшанномъ же составѣ класса (т. е. съ различной подготовкой) необходимо держаться первой программы (со звѣздоч-

ками), задавая болѣе успѣвающимъ ученикамъ болѣе трудные предметы изготовленія на ту же группу пріемовъ.

Первый классъ (2 ч. въ недѣлю).

Работы картонажно-переплетныя (10—12 лѣтн. возр.):

Необходимые пріемы или упражненія (проходимые всѣ подъ рядъ).	*Возможные предметы изготовленія* (для выбора по одному изъ каждой группы).
* 1. *Построеніе и вырѣзываніе прямоугольника* (съ помощью угольника, сантиметровой линейки и ножа) изъ бумаги, картона и папки разныхъ сортовъ.	1. Квадратный дециметръ. Библіотечная карточка. Ярлыкъ для надписи.
* 2. *Способы оклеиванія прямоугольныхъ кусковъ.* Употребленіе клейстера и клея. Пробиваніе отверстій и укрѣпленіе въ нихъ пистоновъ и вѣшалочекъ.	2. Наклейка на картонъ расписанія уроковъ; табель-календаря; картинки; небольшой географической карты.
* 3. *Подвижное соединеніе кусковъ на тесемкахъ.* Отдѣльная оклейка угловъ.	3. Волшебная книжка. Альбомчикъ для открытыхъ писемъ. Обложки для гербарія.
* 4. *Подвижное соединеніе папокъ корешкомъ.* Способы изготовленія кармановъ для переплетовъ.	4. Переплетчикъ для „вѣчной“ записной книжки. Папка для ношенія тетрадей и книгъ (книгоноска). Обложки для храненія картинъ.
* 5. *Брошюровка и сшиваніе тетрадки.* Переплетное сшиваніе на тесемкахъ.	5. Тетрадки для „вѣчной“ записной книжки. Переплетеніе нѣсколькихъ тетрадокъ въ одну.
* 6. *Неподвижное соединеніе папокъ подъ прямымъ угломъ.* Построеніе и вырѣзываніе развертки для ящичка безъ крышки. Способы скрѣпленія угловъ. Оклейка коробочекъ внутри и снаружи.	6. Коробочки для минераловъ. Кубическій литръ. Коробочка съ надѣвающейся крышкой.
* 7. Построеніе и вырѣзываніе развертокъ для *геометрическихъ тѣлъ.* Потайное соединеніе кру-	7. Кубическій дециметръ. Копилка съ двойнымъ дномъ и внутреннимъ предохранителемъ. При-

гомъ закрытыхъ ящичковъ и геометрическихъ тѣлъ.

зма. Пирамида. Тетраэдръ. Октаэдръ. Фонарикъ.

* 8. *Косоугольное неподвижное соединеніе папокъ.* Построеніе и вырѣзываніе развертки съ многоугольнымъ основаніемъ.

8. Квадратная или шести—(или 8-ми)-угольная тарелка для визитныхъ карточекъ. Граненый стаканчикъ для карандашей и ручекъ съ перьями.

* 9. *Изготовленіе тѣлъ съ кривыми поверхностями.* Обкантовка коленкоромъ.

9. Кольцо для салфетки. Круглый пеналъ. Калейдоскопъ. Баулъ для храненія картъ и чертежей. Абажуръ для лампы. Цилиндръ. Конусъ.

* 10. *Переплетъ книги безъ спеціальныхъ инструментовъ* (простѣйшій).

Желательные:

11. *Ящички съ двойными стѣнками.*

11. Коробокъ для перьевъ. Призматическій пеналъ. Футляръ двойной для молитвенника.

12. *Подвижное соединеніе на шарнирѣ.*

12. Футляръ для альбома. Коробка съ откидной крышкой.

13. *Оклейка сложнаго контура и внутреннихъ входящихъ угловъ.*

13. Настольная рамочка для фотографическихъ карточекъ.

Примѣчанія.

1. Въ рубрикѣ „пріемы“ здѣсь и ниже показана только послѣдовательность *новыхъ пріемовъ и инструментовъ*, между тѣмъ, какъ на ряду съ ними продолжается и примѣненіе уже пройденныхъ, поскольку они требуются для изготовленія очередныхъ предметовъ задачъ.

2. Послѣдовательность программы опредѣляется только *главными пріемами* (первые въ каждой группѣ), между тѣмъ, какъ вспомогательные пріемы сгруппированы около главныхъ только въ зависимости отъ предметовъ изготовленія данной группы. Съ перемѣной этихъ предметовъ можетъ мѣняться и порядокъ вспомогательныхъ пріемовъ; главные же пріемы, какъ расположенные по возрастающей трудности, не могутъ быть переставляемы.

3. Какъ явствуетъ изъ приведенной программы для перваго класса.

здѣсь предполагается изготовить въ продолженіе одного года 10—15 предметовъ изъ приведеннаго выше перечня ихъ, по одному издѣлію на каждую группу пріемовъ.

Необходимость имѣть въ докладѣ перечень названій предметовъ изготовленія въ видѣ такого голаго списка названій оспаривалась однимъ членомъ подкомиссіи, при чемъ имъ справедливо было указано на то, что преподавателю ручного труда нужно имѣть полное представленіе о формѣ, размѣрахъ, матеріалѣ и другихъ деталяхъ этихъ предметовъ, чтобы ихъ можно было предложить ученикамъ въ видѣ задачъ по ручному труду. При этомъ предлагалось или снабдить всѣ названія предметовъ указанными данными, или замѣнить голыя названія ссылками на страницы и нумерацію тѣхъ спеціальныхъ руководствъ, откуда эти работы взяты. Другими же членами подкомиссіи указывалось, что въ докладѣ нужно сохранить одни названія издѣлій, хотя бы только для того, чтобы можно было имѣть общее представленіе о характерѣ изготовляемыхъ учениками предметовъ; подробности же о нихъ нужны только спеціалистамъ преподавателямъ, да и то только начинающимъ; болѣе опытные руководители не стѣсняются измѣнять размѣры и форму издѣлій по своему усмотрѣнію или даже вводить совершенно новые предметы, привлекая къ этому и самихъ учениковъ.

Второй классъ

(12—13-лѣтній возрастъ).

Работы по дереву (2 часа въ недѣлю).

Необходимые пріемы или упражненія (проходимые всѣ подъ рядъ).

* 1. *Работы изъ готовыхъ* (чищенныхъ) *дощечекъ*: пиленіе и строганіе на донцѣ (ножовкой и фуганкомъ), сверленіе дырочекъ (дрелью), выпиловка криволинейныхъ контуровъ (лобзикомъ), отдѣлка ихъ (напильникомъ) и чистка (шкуркой). Чеканье звѣздочекъ. Украшенія посредствомъ окраски и гвоздиковъ.

Возможные предметы изготовленія (по одному на выборъ изъ каждой группы).

1. Ярлычекъ для ключей или для растеній. Линейка. Волчокъ. Треугольникъ. Мотушка для шнурковъ и нитокъ. Козлы для ножа и вилки. Палитра. Рамочка.

* 2. *Пиленіе* (въ верстакѣ) *прямолинейное, по чертѣ* (широкой лучковой пилой) вдоль, поперекъ и наискось слоевъ дерева. Соединеніе дощечекъ на гвоздикахъ (шило, молотокъ). Вытаскиваніе гвоздей (клещи).

2. Рѣшетка-подставка подъ горячее (изъ пиленыхъ планочекъ). Скамеечка подъ ноги (тоже). Скворешница. Ящичекъ для коллекціи минераловъ. Ящикъ для растеній. Подставка-рѣшетка для вытиранія ногъ.

* 3. *Рѣзаніе (ножомъ)* продольное, наклонное и поперечное (по отношенію къ слоямъ дерева). Провѣрка граней подъ линейку и подъ угольникъ (столярный). Вырѣзываніе квадратной призмы и превращеніе ея въ восьмигранную и цилиндръ. Заостреніе и отдѣлка концовъ (въ формѣ пирамиды, конуса, шарового сегмента). Отдѣлка кромокъ (подъ угольникъ; прикругленіе съ ребрами и безъ оныхъ). Пріемы лакированія.

3. Колышекъ для растеній. Вставочка для пера (или карандаша). Ножъ для разрѣзыванія бумаги (листорѣзъ). Рѣшетка къ цвѣтку. Стека для лѣпки. Зажимъ для реактивовъ. Муха-пропеллеръ.

* 4. *Обстрагиваніе брусковъ* (шерхебелемъ и рубанкомъ) въ верстакѣ. Размѣтка ресмусомъ. Соединеніе на винтахъ (употребленіе коловорота, зенковки, отвертки). Пиленіе въ размахъ (только показать). Выстрагиваніе (шлифтикомъ) формы съ круглымъ и овальнымъ сѣченіемъ и „на конусъ“. Чистка стеколъ и циклей. Сниманіе фасокъ на фуганкѣ. Строганіе въ притыкъ или въ упоръ. Употребленіе драчевыхъ и шлифныхъ напильниковъ.

4. Рукоятка для молотка. Квадратная линейка. Расправилка для насѣкомыхъ. Классная указка. Скамеечка подъ цвѣты. Палка гимнастическая. Вѣха землемѣрная. Пюпитръ для чтенія. Пантографъ. Коромысло для модели вѣсовъ. Вѣшалка для сушки пробирокъ.

* 5. *Строганіе досокъ.* Провѣрка плоскости подъ линейку (простую и параллельную). Строганіе по торцу на донцѣ и въ верстакѣ. Сверленіе отверстій центровыми и

5. Вѣшалка съ металлическими (готовыми) крючками. Подрѣзная или переплетная доска. Кухонная доска. Доска подъ хлѣбъ. Классная линейка. Классный треуголь-

винтовыми перками (въ коловоротѣ). Сострагиванiе фасокъ.

никъ. Упаковочный ящикъ. Штативъ-подставка для пробирокъ. Рейка для вѣшанiя инструментовъ. Дощечка-скала для термометра.

Желательные:

6. *Криволинейное пиленiе* (поворотной пилой и на ножномъ лобзикѣ) и *строганiе* (скобелемъ и амер. стругомъ и шлифтикомъ-горбачемъ).

6. Вѣшалка для платья. Транспортиръ классный. Палка для игры въ хоккей. Блоки. Веселка для тѣста. Лапта для игры въ мячъ. Топорище.

7. *Выстрагиванiе тонкихъ дощечекъ.* Нанесенiе рисунковъ растворомъ марганцево-кислаго калiя и выжиганiемъ (выжигательный аппаратъ).

7. Шпадели. Чертежный треугольникъ. Рейсшина. Рамочка.

Примѣчанiе. Изъ приведеннаго противъ каждой группы прiемовъ ряда издѣлiй выбирается для исполненiя только одно или два, рѣдко болѣе, смотря по успѣшности усвоенiя прiемовъ, но отнюдь не всѣ подъ рядъ. Самая легкая изъ моделей данной группы исполняется обыкновенно самимъ учителемъ передъ всѣмъ классомъ, остальныя распредѣляются между отдѣльными учениками, сообразно ихъ силамъ и трудности вещей-задачъ. Такимъ образомъ можно ограничиться въ этомъ классѣ пятью предметами, если не понадобится дать кому-нибудь изъ учениковъ параллельную работу, для лучшаго усвоенiя прiемовъ очередной группы.

Третiй классъ

(13—14-лѣтнiй возрастъ).

Желательные:

Прiемы.	*Предметы.*
* 1. *Долбежные и ложкарные прiемы* (полукруглая стамеска; ложечный ножъ, цикля). Простѣйшая мозаика.	1. Солонка. Лодочка для карандашей. Ложка. Совокъ. Лодочка съ проклейками.
* 2. *Прiемы по рѣзьбѣ* (Чекан-	2. Вѣшалка для ключей. Рѣз-

ка грунта, надколы, гравировка, плоская и геометрическая рѣзьба). Отдѣлка подъ воскъ.	ная рамочка. Доска подъ чернильницу. Прессбюваръ.
* 3. *Соединеніе бруска и доски въ шипъ.* Шипъ круглый и квадратный. Вгонка клина.	3. Штативы для лабораторіи. Скамейка на сквозныхъ ножкахъ.
* 4. *Тавровое соединеніе досокъ.* Наградъ односторонній и двойной (наградная ножевка, грундгобель).	4. Полочка на кронштейнахъ. Сапожная служба.
* 5. *Рамочное соединеніе брусковъ*, сквозное (долото) и на усъ (стусло).	5. Наугольникъ. Малка. Циркуль классный. Прессъ для гербарія. Багетная рама.
6. *Соединеніе досокъ на ящичныхъ шипахъ* сквозныхъ (ножевка, малка, стамезка). Врѣзка петель и замочка.	6. Палочка для лампы. Ящикъ для гвоздей. Ящикъ для ножей и вилокъ. Шкатулка.
7. *Крестовидное соединеніе брусковъ* въ накладку (въ полдерева).	7. Крестъ подъ елку. Подставка подъ кадку. Козлы къ верстаку. Ватерпасъ плотничный. Рамка для картины.
8. *Соединеніе (сплачиваніе) досокъ въ ширину и толщину.* Фуговка. Соединеніе кромками: 1) на деревянныхъ шпенькахъ (шкантахъ) и 2) на клею. Фанеровка. Полированіе.	8. Квадратный футъ. Пюпитръ. Параллельная линейка. Чертежная доска. Крышка для ведра. Склейный рубанокъ. Шахматная доска (фанерованная). Фанерованная шкатулка.
9. *Ящичное соединеніе на шипахъ въ потайку*, въ полупотемокъ и на косыхъ.	9. Ларецъ. Ящикъ съ наклонными стѣнками.
10. *Токарные пріемы:*	10. Токарныя издѣлія:
а) точеніе между центрами (полукруглая и косая стамезки),	а) Пестикъ. Вѣшалка съ колками. Скалка для тѣста.
б) точеніе въ патронѣ (крючекъ, проходники, скребки),	б) Ручки для напилка и стамезки. Грибокъ. Валекъ. Солонка. Прессбюваръ.
в) точеніе въ планшайбѣ.	в) Подставка для часовъ. Подставка подъ чернильницу. Тарелка.

Четвертый классъ.

(14-15 лѣтній возрастъ).

Работы по металлу (2 часа въ недѣлю).

Пятый классъ.

(15-16 лѣтній возрастъ).

Продолженіе работъ по металлу (2 часа въ недѣлю).

Желательные:

Необходимые пріемы или упражненія (проходимы всѣ подъ рядъ):	*Возможные предметы изготовленія* (по одному на выборъ изъ каждой группы):
* 1. *Сгибаніе проволоки:* тонкой (круглогубцы) и толстой (обжимка, ручникъ).	1. Булавка-застежка. Крючекъ для бумагъ. Графилка слесарная.
* 2. *Рубка листового и полосового металла* (зубило, крейцмейсель), *пробиваніе* (бородокъ), *размѣтка* (корнеръ); *пиленіе* (ножовка, напильники), *сгибаніе и сверленіе* его.	2. Угольнички. Лопатка (садовая и для углей).
* 3. *Соединеніе на заклепкахъ.*	3. Кольцо. Обручъ. Подставка для утюга.
4. *Закаливаніе стального конца.*	4. Шило. Кернъ. Бородокъ. Зубило.
5. *Ковка и оттягиваніе желѣза.*	5. Костыль. Кочерга. Ручка для дверей. Щипцы.
* 6. *Нарѣзка винта отъ руки.*	6. Крючекъ для лампы.
* 7. *Шарнирное соединеніе.*	7. Петли для дверей. Плашки для паянія.
* 8. *Сгибаніе жести, пайка оловомъ.*	8. Коробка съ крышкой. Пеналъ.
* 9. *Соединеніе фальцъ. Загибаніе въ край проволоки.*	9. Самоварная труба. Терка.
* 10. *Нарѣзка винта и гайки (метчикъ).*	10. Крючекъ для лампы. Болтъ съ гайкой.

* *11. Пайка мѣдью.*	11. Кольцо. Проволочная модель для рисованія.
* *12. Обработка и закалка стали.*	12. Сверло. Зубило.
* *13. Вычисленіе объема. Развертываніе поверхностей предметовъ. Пригонка частей. Ручка.*	13. Кружка въ $^1/_2$ литра. Воронка. Баклага. Ведро. Чайникъ. Лейка. Ванночка.
14. Луженіе оловомъ.	14. Кастрюлька.
15. Обработка и шлифовка чугуна.	15. Утюгъ. Пресспапье.
16. Обработка и пайка цинка.	16. Ботанизирка.
17. Вытяжка и полировка мѣди.	17. Совокъ.
18. Токарно-давильные пріемы.	18. Печатка. Ручка для ножа. Пепельница.

II. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА МЕТОДИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА.

Въ самомъ веденіи занятій по ручному труду въ школѣ нужно различать два момента: предварительное объясненіе въ классѣ и практическія занятія въ мастерской или лабораторіи ручного труда. Предварительное объясненіе является сообщеніемъ новыхъ знаній ученикамъ о томъ, отъ чего зависитъ успѣхъ работы; здѣсь учитель даетъ имъ свѣдѣнія о свойствахъ матеріаловъ и инструментовъ, такъ какъ отъ знанія этихъ свойствъ главнымъ образомъ и зависитъ весь успѣхъ дальнѣйшихъ занятій. Объяснительные уроки эти могутъ устраиваться и въ помѣщеніи для практическихъ занятій, т. е. въ самой мастерской, но тогда должны быть устроены при рабочихъ столахъ и верстакахъ приспособленія для сидѣнія, чтобы ученики могли удобнѣе записывать и зачерчивать объясненія учителя. Объяснительные уроки должны непремѣнно даваться отдѣльно отъ рабочихъ часовъ, такъ какъ практика показала, что кратковременныя объясненія передъ каждымъ практическимъ урокомъ, и при томъ въ самой мастерской, не приводятъ къ цѣли: вниманіе учениковъ очень разсѣивается и мыслями о предстоящей работѣ, и особенностью практической обстановки помѣщенія, и необходимостью стоять на ногахъ и т. д., что заставляетъ и учителя торопиться изложеніемъ, и все объясненіе сводится почти къ нулю. При устройствѣ объяснительныхъ уроковъ въ обычной классной комнатѣ необходимо имѣть на возвы-

шенномъ мѣстѣ, недалеко отъ классной доски, столъ или верстакъ (съ необходимыми инструментами), который въ обычное время можетъ служить и учительской каѳедрой. Здѣсь учитель демонстрируетъ передъ всѣмъ классомъ то или другое свойство обрабатываемаго матеріала или очередного инструмента, тутъ же показывая пріемы работы. Часто приходится выяснять отдѣльныя свойства матеріаловъ при помощи особыхъ опытовъ, напримѣръ коробленіе папки отъ неравномѣрной оклейки ея съ двухъ сторонъ, или различная степень усыханія дерева въ разныхъ направленіяхъ и т. д.

Каждый новый пріемъ работы долженъ быть повторенъ и воспроизведенъ учениками потомъ въ мастерской-лабораторіи ручного труда, при чемъ болѣе трудные пріемы иногда продѣлываются сначала въ видѣ чистыхъ упражненій на небольшомъ кускѣ матеріала, безъ примѣненія къ какому-нибудь практически полезному издѣлію (или такъ называемой модели); легкіе же пріемы воспроизводятся и повторяются не отдѣльно, а въ связи съ другими въ ближайшемъ предметѣ изготовленія. Все то, что сообщается учителемъ для свѣдѣнія всему классу, или предлагается, какъ заданіе, конспектируется и вычерчивается имъ на классной доскѣ и заносится учениками въ ихъ рабочія тетради въ видѣ черновыхъ записей и набросковъ отъ руки, со снабженіемъ послѣднихъ точными размѣрами въ метрической системѣ, вмѣстѣ съ замѣтками о необходимыхъ сортахъ матеріала и послѣдовательности пріемовъ работы. Къ слѣдующему уроку все записанное должно быть учениками переписано начисто, съ вычерчиваніемъ набросковъ по масштабу или даже въ перспективѣ, съ расположеніемъ всего матеріала въ такомъ видѣ: 1) Чертежъ (или еще и рисунокъ) предполагаемой работы (или чистаго упражненія, или простѣйшей изъ моделей. 2) Необходимые инструменты. 3) Наименованіе и количество матеріаловъ. 4) Ходъ работы или порядокъ пріемовъ. При этомъ всѣ *новые* матеріалы, инструменты и пріемы, встрѣчающіеся впервые, подчеркиваются или отмѣчаются особо.

На такого рода предварительныя общія объясненія съ демонстраціями не слѣдуетъ жалѣть времени, особенно на первыхъ порахъ (каждый отдѣльный объяснительный урокъ обнимаетъ одну группу пріемовъ, т. е. одинъ главный пріемъ съ относящимися къ нему вспомогательными), такъ какъ въ прямой зависимости отъ усвоенія этихъ сообщеній и объясненій находится успѣшность послѣдующихъ практическихъ занятій. Послѣднія происходятъ рѣдко всѣмъ классомъ одновременно, чаще группами, смотря по средствамъ даннаго

учебнаго заведенія, т. е. на сколько человѣкъ можетъ быть оборудована мастерская для практическихъ занятій по ручному труду; наиболѣе желательны группы не болѣе половины всего количества учениковъ въ классѣ.

Ученики работаютъ въ мастерской вполнѣ самостоятельно, слѣдуя замѣткамъ и наброскамъ своей рабочей тетради. Задача же учителя сводится здѣсь главнымъ образомъ къ контролированію того, насколько всѣ ученики поняли предварительное объясненіе, и къ наблюденію за тѣмъ, чтобы работа производилась всегда вѣрными и острыми инструментами, чтобы при работахъ соблюдалось точное выполненіе размѣровъ, аккуратное и чистое исполненіе пріемовъ, при гигіенически-правильныхъ позахъ и движеніяхъ во время работы. Приходится иногда и за практическими занятіями призывать весь классъ или всю группу работающихъ къ вниманію и выслушиванію того или другого дополнительнаго разъясненія, но лучше по возможности избѣгать такихъ экстренныхъ объясненій, такъ какъ вниманіе учениковъ цѣликомъ поглощено въ это время текущей работой, и они, если съ трудомъ и оторвались отъ своего дѣла и повидимому слушаютъ, то все же очень плохо внимаютъ и понимаютъ, и объясненіе не приводитъ къ цѣли. На этомъ же основаніи всѣ предварительныя бесѣды лучше устраивать на отдѣльныхъ урокахъ при обычной классной обстановкѣ и условіяхъ, наиболѣе способствующихъ вниманію учениковъ.

На каждый новый пріемъ работы (вѣрнѣе, группу ихъ) у учителя долженъ быть наготовѣ рядъ вещей-задачъ различной трудности, въ видѣ мелкихъ предметовъ изъ домашняго или, еще лучше, изъ школьнаго обихода.

Изъ этихъ предметовъ обычно самая простая исполняется вмѣстѣ съ учителемъ всѣмъ классомъ сообща, а остальные распредѣляются между учениками, при чемъ наиболѣе успѣвающіе получаютъ самые сложные. На первыхъ порахъ вещи показываются въ натурѣ, а впослѣдствіи только въ чертежахъ и рисункахъ, при чемъ ученики должны научиться не только снимать чертежъ съ предмета, но и читать готовый чертежъ и воспроизводить издѣліе по нему. Существованіе готовыхъ изданій альбомовъ или стѣнныхъ таблицъ съ чертежами и рисунками издѣлій значительно сокращаетъ время черченія набросковъ, но слѣдуетъ поощрять и самостоятельное сочиненіе учениками чертежей для своихъ издѣлій, конечно, съ одобренія учителя и съ соблюденіемъ должныхъ художественныхъ или эстетическихъ требованій. *Желательно вообще, чтобы уроки ручного труда велись,*

если не непосредственно учителями рисованія, то по крайней мѣрѣ при ближайшемъ ихъ участіи и содѣйствіи.

На практическихъ урокахъ ручного труда разные ученики хотя и изготовляютъ различныя модели, но работаютъ всѣ всегда въ предѣлахъ одной группы пріемовъ. При переходѣ къ предварительному объясненію новой группы пріемовъ учитель долженъ сообразаться съ уровнемъ учениковъ средней успѣшности, а не самыхъ слабыхъ и не наиболѣе сильныхъ. Послѣднимъ предлагаются, въ случаѣ ранняго окончанія ими своихъ моделей, или сдѣлать на нихъ какое нибудь украшающее дополненіе или осложненіе, или исполнить еще новую модель изъ той же группы, или, наконецъ, на нихъ возлагаются почетныя обязанности по завѣдыванію разными отдѣлами оборудованія и обстановки мастерской: инструментовъ, матеріаловъ, готовыхъ и неготовыхъ издѣлій. Слабѣйшимъ же ученикамъ учителю приходится и помогать и выдавать имъ нѣкоторыя части издѣлія готовыми, или предоставлять имъ кончать работу дома или во внѣурочное время самостоятельно, или даже оставлять ее пока неоконченной, чтобы не задерживать весь классъ, считая, что данная вещь была для него непосильно трудна и что, выслушавъ и усвоивъ предварительное объясненіе учителя, ученикъ, даже слабый, получилъ уже самое главное изъ того, что могли ему дать учитель и уроки ручного труда.

Въ рукахъ учителя ручного труда имѣется еще *могучее воспитательное средство въ видѣ возможности заставлять учениковъ самихъ слѣдить за порядкомъ на своемъ рабочемъ столѣ и шкафахъ* для инструментовъ, матеріаловъ и моделей, и тѣмъ самымъ корректировать большое упущеніе въ домашнемъ воспитаніи, гдѣ сердобольные родители весьма часто возлагаютъ на прислугу заботу о порядкѣ въ дѣтской, между тѣмъ, какъ дѣти сами могли бы это сдѣлать съ большою для себя пользою. Въ классѣ ручного труда ученики прежде всего имѣютъ свои строго опредѣленныя, номерованныя мѣста, съ инструментами подъ тѣми же номерами; ученики сами въ началѣ урока берутъ, а въ концѣ урока кладутъ все нужное въ надлежащемъ порядкѣ и въ извѣстное мѣсто, сами же должны убирать мусоръ и стружки со станковъ и верстаковъ и, по возможности, даже съ пола. Для пріученія къ соблюденію экономіи, ученики должны расходовать матеріалы бережно, отрѣзывая куски только строго опредѣленныхъ размѣровъ и не иначе, какъ по предварительно прочерченнымъ линіямъ.

Въ заключеніе остается сказать еще относительно уроковъ изгото-

вленія учебныхъ пособій и ремесленныхъ занятій въ старшихъ классахъ, что опредѣленные часы для этихъ уроковъ должны быть отведены, съ обязательнымъ присутствіемъ на нихъ преподавателя ручного труда, но что роль послѣдняго на нихъ является, благодаря достаточной подготовкѣ и самостоятельности учениковъ на этой ступени, уже только чисто консультативною.

III. РАЗМѢРЫ ПОМѢЩЕНІЯ, СТОИМОСТЬ ОБОРУДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛОВЪ.

Желательное и достаточное *помѣщеніе для класса ручного труда по картонажу занимаетъ около 15 квадратныхъ саженей,* считая при этомъ и мѣсто для шкафовъ для храненія матеріаловъ, инструментовъ и готовыхъ издѣлій.

Стоимость оборудованія класса по картонажу выражается въ слѣдующихъ суммахъ:

на	10	учениковъ	около	90	рублей.
»	15	»	»	130	»
»	20	»	»	160	»

Мебель, шкафы и прочее *дополнительное оборудованіе*—около 150 р.

Въ докладѣ моемъ первоначально были приведены подробные списки всѣхъ необходимыхъ инструментовъ, руководствъ и пособій по ручному труду, подкомиссія же предложила ограничиться общими итогами, считая детальныя смѣты необходимыми только для спеціалистовъ.

Средняя стоимость матеріаловъ, расходуемыхъ въ теченіе года для занятій въ первомъ классѣ, опредѣляется въ три рубля на каждаго ученика.

Размѣръ помѣщенія для класса ручного труда *по дереву*—18 квадратныхъ саженъ. Комната при немъ для храненія матеріаловъ—4 квадр. сажени.

Стоимость оборудованія (инструменты и верстаки):

на	5	учениковъ	около	190	рублей.
»	10	»	»	390	»
»	15	»	»	540	»
»	20	»	»	650	»

Токарный станокъ съ инструментами около 150 руб. *Дополнительное оборудованіе* (мебель, столы, шкафы)—200 р. Средняя *стоимость матеріаловъ* по четыре руб. въ годъ на каждаго ученика.

Площадь пола для класса ручного труда *по металлу*—15 квадратныхъ саженей.

Стоимость оборудованія:

на	5 учениковъ	около	190	рублей.
»	10 »	»	380	»
»	15 »	»	530	»
»	20 »	»	650	»

Дополнительное оборудованіе (шкафы, мебель)—150 рублей.

Средняя *стоимость матеріаловъ* по пяти руб. въ годъ на каждаго ученика.

Всего потребуется:

1. *Помѣщенія* для всѣхъ классовъ ручного труда (считая площадь пола) около 52 кв. саженей.

2. *Единовременныхъ затратъ:* на оборудованіе инструментами и станками:

на группу	въ	10 чел.	около	860	руб.
»	»	15 »	»	1200	»
»	»	20 »	»	1600	»

на дополнительное оборудованіе (мебель, шкафы, столы) около 500 руб.

3. *Ежегодныхъ затратъ:* на матеріалы, при 40 человѣкахъ въ каждомъ классѣ около 1000 руб., на оплату труда учителя ручного труда за 28 недѣльныхъ часовъ около 1800 рублей.

Недостатокъ отдѣльнаго помѣщенія для работъ по дереву и металлу является часто причиною къ отказу отъ введенія этихъ видовъ ручного труда вовсе. Существуютъ, однако, способы устройства занятій по дереву и въ обычныхъ классныхъ комнатахъ, о чемъ подробнѣе изложено въ моей статьѣ „Упрощенные верстаки“ въ журналѣ „Трудовое Воспитаніе“ №№ 1 и 2 за 1914 годъ.

IV. РУКОВОДСТВА И ПОСОБІЯ.

1. *Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ.* Педагогическое значеніе и польза ручного труда, его исторія, современное развитіе и состояніе, практическая постановка и литература. Въ книгѣ 4 портрета и 19 табл. рисунковъ и чертежей. Составилъ К. Ю. Цируль.

2. *Бумажное царство.* Пособіе при веденіи „предметныхъ уроковъ“. *Вырѣзываніе изъ цвѣтной бумаги.* Составила Ю. И. Фаусекъ. Выпускъ 1, 12 цвѣтныхъ таблицъ (18 уроковъ), съ текстомъ по веденію уроковъ.

3. *Систематическій курсъ ручного труда.* Отд. 1. *Работы изъ бумаги. Руководство по свободному вырѣзыванію изъ цвѣтной бумаги.* 18 таблицъ въ краскахъ, съ объяснительнымъ текстомъ, сост. пре-

подавательницей ручного труда на Петроградскихъ Фребелевскихъ курсахъ Еленой Дедюлиной. Указанныя таблицы удостоены на Всероссійской выставкѣ гигіены (Птр. 1913 г.) малой золотой медали.

4. *Работы изъ бумаги* (дѣтскія игры въ трудѣ и забавахъ). Сост. Г. Гирке и А. Давидсонъ, перев. Н. А. Кирпичниковой, съ рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. М. 1913 г.

5. Züricher Führer durch die Knabenhandarbeit. Ausführliche Anleitung zur Erteilung des Unterrichts in Kartonage, Hobelbankarbeiten, Eisenarbeiten, Modellieren und Schnitzen. Vollständig neubearbeitete Auflage. На страницахъ 15—32 находятся чертежи небольшого курса работъ изъ бумаги и картона, а на стр. 71—86—послѣдовательный рядъ *лѣпныхъ* работъ, годныхъ для начальной ступени.

Руководствами для работъ изъ папки могутъ быть указаны:

1. *Нормальный курсъ обученія картонажнымъ и папочнымъ работамъ.* Съ 252 рисунками. Составилъ докторъ Пабстъ. Перевелъ съ нѣмецкаго П. Маврикіевъ.

То же руководство, изданное въ Лейпцигѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, съ образцами цвѣтныхъ бумагъ.

2. *Наглядное пособіе для преподаванія ручного труда.* Составили М. Веревкина, Л. Зинченко и М. Росолимо. Отдѣлъ 1, *папочныя работы.* Выпуски I и II по 10 таблицъ, съ рисунками въ краскахъ.

3. *„Давайте работать“.* С. А. Порѣцкій. 1 часть, работы папочныя и переплетныя.

Пособія для переплетныхъ работъ.

Симоновъ, Л. М.—Переплетное мастерство и искусство украшенія переплета. Художественные стили, чистка, исправленіе и храненіе книгъ, 183 рисунка въ текстѣ и 12 таблицъ.

Федоровъ, П. А. — Переплетчикъ любитель. Практическое руководство для любителей и ремесленниковъ, 10-е изд. 104 страницы съ 75 рисунками.

Руководства для начальныхъ работъ по дереву.

1. Начальный курсъ ручного труда. Руководство для обученія дѣтей младшаго и средняго возраста работамъ изъ дерева въ школѣ и семьѣ. 58 основныхъ задачъ и 60 задачъ параллельныхъ, съ объяснительнымъ текстомъ, рабочими чертежами и рисунками (44 таблицы въ краскахъ). Составилъ К. Ю. Цируль.

2. К. Бедринскій и С. Селецкій. Атласъ ручного труда по работамъ изъ дерева (Для начальныхъ школъ).

3. Саломонъ, О., б. директоръ семинаріи для учителей ручного труда. Столярный ручной трудъ. Краткое руководство къ педагогической постановкѣ работъ изъ дерева въ общеобразовательной школѣ и въ семьѣ. Перев. К. Соломина. Съ 104 рисунками и таблицами.

4. Фоссъ, Фр. Какъ самому окрашивать и протравлять дерево въ декадентскіе и прочіе цвѣта. Перев. съ нѣм., 90 стр.

5. Практическій курсъ токарнаго искусства по дереву, кости и т. п. Составл. М. Нетыкса. Изд. 3. 434 стр. съ 10 табл.

Руководства для выжиганія и рѣзьбы по дереву.

1. Забранскій и Нетыкса. Руководство выжиганія по дереву, кожѣ и тканямъ. 144 стр., съ рис. и табл. М.

2. Подробное руководство къ выжиганію. Сост. Г. С. Серебряковъ. Птр.

3. Узоры плоской (геометрической) рѣзьбы. Руководство. Сост. М. Шмидель. Перевелъ и дополнилъ для русскихъ школъ П. И. Ульпе. Птр.

Книги художественныя, съ рисунками, мотивами для выжиганія, разрисовки и раскраски, при занятіяхъ ручнымъ трудомъ по бумагѣ, папкѣ и дереву. Изданія Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ.

Народныя сказки съ рисунками И. А. Вилибина.

1. Сказка объ Иванѣ Царевичѣ.
2. „ о Царевнѣ Лягушкѣ.
3. „ Перышко-Финиста.
4. „ Василиса Прекрасная.
5. „ Марья Моревна.
6. „ о Золотомъ Пѣтушкѣ.
7. „ о Царѣ Салтанѣ.

Руководства для работъ по металламъ.

1. Изданіе отдѣленія промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Систематическое руководство по ручному труду: I. Курсъ начальныхъ работъ изъ металла. II. Курсъ дополнительныхъ работъ изъ металла. Составилъ К. Ю. Цируль. (48 таблицъ въ 5 красхахъ). Птр.

2. Технологія металловъ. Руководство для техническихъ и ре-

месленныхъ училищъ. Съ атласомъ изъ 59-ти табл. Составилъ Г. Ю. Гессе. Птр.

3. Руководство для изученія слесарно-токарнаго дѣла и главнѣйшихъ отраслей его. Составилъ А. П. Петерсъ. Съ 1176 рисунками.

4. Кузнечное дѣло. Руководство для техническихъ и ремесленныхъ училищъ и для практиковъ. Сост. Л. И. Бэконъ. Перевелъ съ англійскаго В. Тыжковъ, подъ редакціей и съ дополненіями В. В. Лермантова. 98 страницъ, съ 171 рисункомъ. Птр.

5. Слесарно-кузнечное ремесло. Руководство для начинающихъ слесарей и кузнецовъ. Составилъ Н. Ивановъ. 123 страницы. Москва.

6. Паяніе, луженіе и окрашиваніе разныхъ металловъ въ различные цвѣта. Пособіе для ремесленниковъ, кустарей и ремесленныхъ школъ. Составилъ Б. П. Скворцовъ. М.

Дополнительная литература для преподающихъ педагогическій ручной трудъ.

1. *Пропедевтика ручного труда.* Изученіе свойствъ матеріаловъ и инструментовъ, какъ условіе успѣха всякой работы. Три части: работы по картонажу, дереву и металлу. Сост. проф. В. В. Лермантовъ. Петроградъ, 1915 г.

2. Къ XXV-лѣтію введенія педагогическаго ручного труда въ русскую школу. Памятная записка о введеніи и преподаваніи ручного труда въ Петроградскомъ Учительскомъ Институтѣ. 17/X 1884 г.— 17/X 1909 г. Составилъ К. Цируль, бывшій преподаватель Петроградскаго Учительскаго Института и руководитель учительскихъ курсовъ. Приложенія: 1. Статистическія свѣдѣнія о распространеніи ручного труда въ Россіи. II. Статистическія свѣдѣнія о ручномъ трудѣ въ иностранныхъ школахъ. III. Постановленія III-го Съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, касающіяся ручного труда. IV. Уставъ „Россійскаго Общества Педагогическаго ручного труда.

3. Основы гигіены школьнаго ручного труда. Пособіе для инспекторовъ, наставниковъ, преподавателей ручного труда и наблюдающихъ за правильнымъ примѣненіемъ его въ общеобразовательной школѣ. Съ 41 рисункомъ въ текстѣ. Составилъ М. И. Гошкевичъ. Херсонъ, 1905 г.

4. Педагогическій ручной трудъ по Датской системѣ. Указанія для начинающихъ учителей, по сочиненіямъ А. Миккельсена. Составилъ И. К. Карелль. Съ приложеніемъ програмы курса, II таблицъ чертежей, 14 снимковъ работъ и обстановки класса. Петроградъ.

5. Что читать по ручному труду. Списокъ книгъ, пособій и руководствъ (на русскомъ и иностранныхъ языкахъ) по преподаванію педагогическаго ручного труда. Составилъ Е. К. Соломинъ. Петроградъ.

6. Опытъ руководящихъ правилъ для классовъ ручного труда. Пособіе для завѣдывающихъ училищами, преподавателей, воспитанниковъ учительскихъ институтовъ и семинарій и курсистовъ ручного труда. Составилъ Н. А. Хитьковъ, 1913 г.

7. Трудовое воспитаніе. Журналъ Россійскаго Общества педагогическаго ручного труда. Отвѣтственный редакторъ К. Ю. Цируль. Издается съ 1914 года.

V. РАЗНЫЯ СПРАВКИ.

1. *Курсы ручного труда* для подготовки учителей и учительницъ устраиваются ежегодно лѣтомъ въ Петроградѣ Россійскимъ Обществомъ педагогическаго ручного труда. За подробными свѣдѣніями о нихъ обращаться на имя Правленія Общества: Васильевскій Островъ, 6 линія, д. 15, Ларинская гимназія.

Кромѣ этихъ, лѣтніе учительскіе курсы ручного труда устраиваются еще при нѣкоторыхъ учительскихъ институтахъ, при Петроградскомъ, Московскомъ, Казанскомъ и Тифлисскомъ.

2. Наиболѣе полно оборудованные классы ручного труда имѣются при Петроградскомъ и Московскомъ Учительскихъ Институтахъ При первомъ изъ нихъ находится наиболѣе богатая библіотека ручного труда на разныхъ языкахъ.

3. Главнымъ поставщикомъ инструментовъ, станковъ, матеріаловъ, руководствъ и прочаго оборудованія для классовъ ручного труда издавна является инструментальный магазинъ Н. П. Григорьевскаго (Петроградъ, Вас. Остр., Андреевскій рынокъ, 9), безплатно высылающій *подробныя смѣты оборудованія на 1, 5, 10, 15 и 20 учениковъ* и указатели технической и педагогической литературы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IV. Новые языки.

V. Древніе языки.

VI. Географія.

VII. Физика.

VIII. Химія.

IX. Космографія.

X. Математика.

II ступень. *Новогуманитарное отдѣленіе.*

XI. Естествознаніе.

Содержаніе

НОВОЙ СЕРІИ ЧАСТИ LXI

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(январь и февраль 1916 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именные Высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату.

Высочайшія повелѣнія.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Стран.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗДАНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССІИ.

Петроградъ, Надеждинская ул., 27.

I. Названія изданій расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

II. Курсивомъ напечатаны названія изданій, которыя выйдутъ въ текущемъ году.

III. Всѣ изданія Комиссіи, кромѣ отмѣченныхъ звѣздочкой, покупающимъ лично продаются съ уступкою: **въ 20% въ Петроградѣ**, въ складѣ Комиссіи, и 2) **въ 15% въ Москвѣ**, д. гр. С. Д. Шереметева (Воздвиженка, 8) и въ Московск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

IV. Иногороднимъ лицамъ и учрежденіямъ съ заказами слѣдуетъ обращаться **исключительно** въ Петроградъ, въ складъ Комиссіи; они не пользуются уступкою, но зато Комиссія пересылку изданій принимаетъ на свой счетъ.

V. Изданія Комиссіи наложеннымъ платежомъ не высылаются; лица и учрежденія, выписывающія книги, благоволятъ **одновременно съ заказомъ** высылать въ Комиссію ихъ стоимость наличными деньгами.

VI. При отправленіи изданій за границу пересылка относится на счетъ покупателя.

VII. Въ складѣ Комиссіи продаются покупающимъ лично (но не высылаются иногороднимъ) также изданія Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Акты на иностранныхъ языкахъ, относящ. къ Россіи (т. II) и Дополненія къ нимъ—по 2 р. за томъ.

Акты, относящ. къ исторіи Западной Россіи (т. V)—2 р.

Акты, относящ. къ исторіи Южной и Западной Россіи, тт. *I, *IV, V—XV—по 2 р. за томъ.

Акты юридическаго быта (изд. Н. В. Калачова): тт. *I, II, *III — по 2 р. за томъ (при покупкѣ I или III т. обязательно покупается и II); Указатель къ нимъ—1 р. 25 к.

Великія Макарьевскія Минеи Четіи. Напечат. гражданскимъ шрифтомъ: мѣс. Сентябрь: выпускъ *II (дни 14—24)—3 р., в. III (25—30)—4 р., Указатель къ I—III вв.—50 к.; мѣс. Октябрь: в. *IV (1—3), в. V (4—18) и в. VI (19—31)—по 3 р. за вып. (при покупкѣ в. IV обязательно покупаются также вв. V и VI); мѣс. Ноябрь: в. VII (дни 1—12) съ Приложеніемъ (греч. текстъ Катихизиса Феодора Студита) и в. VIII (13—15)—по 5 р. за вып., Приложеніе къ в. VII (отдѣльно)—1 р. Напечат. церковнымъ шрифтомъ: мѣс.

Ноябрь: в. IX тетр. 1 (16), т. 2 (16—17) и т. 3 (17—22)—по 2 р. за тетр.; мѣс. Декабрь; в. X (дни 1—5), в. XI (6—17) и в. XII (18—23)—по 4 р. за вып., в. XIII т. 1 (24) и т. 2 (24—31) и в. XIV т. 1 (31) и *т. 2* (*31*)—по 2 р. за тетр.; мѣс. Январь: тетр. 1 (дни 1—6) и т. 2 (6—11)—по 2 р. за тетр.; мѣс. Апрѣль: тетр. 1 (дни 1—8), т. 2 (8—21)—по 2 р. за тетр., т. **3 (22—30)**—3 р.

Дневникъ Люблинскаго Сейма—3 р.

Документы Западно-Русскаго края (съ 3 картами)—2 р.

Документы по дѣлу патр. Никона—2 р.

Дополненія къ Актамъ Историческимъ: тт. *V, VI, *VIII, IX—XII—по 2 р. за томъ; Указатель къ первымъ 10-ти том. Дополненій—1 р. 50 к.

Дополненія къ Актамъ на иностр. языкахъ, относ. къ Россіи. См. Акты на иностр. яз., относ. къ Рос.

Житіе св. Стефана Пермскаго—80 к.

Записки Гейденштейна о Московской войнѣ—1 р. 50 к.

Записки гетмана Жолкевскаго о Московской войнѣ—1 р. 50 к.

Котошихинъ. См. О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича.

*Кунгурскіе акты XVII в. (1668—1669 гг.)—1 р. 50 к.

Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи: выпускъ *I (1860—1861 гг.), в. II (1862—1863) и в. *III (1864)—по 50 к. за вып.; в. *VI (1871—1875)—1 р.; в. *VII (1876—1877) и в. VIII (1878—1881)—по 1 р. 50 к. за вып.; в. IX (1882—1884)—3 р.; в. X (1885—1887)—50 к.; в. *XI (1888—1894)—3 р.; в. *XII (1895—1899) и в. XIII (1900)—по 2 р. за вып.; в. XIV (1901) и в. XV (1902)—по 1 р. за вып.; в. XVI (1903)—3 р.; в. XVII (1904)—2 р. 50 к.; в. XVIII (1905)—1 р.; в. XIX (1906)—2 р.; в. XXI (1908)—по 2 р. 50 к. за вып.; в. XXII (1909) и в. XXIII (1910)—по 2 р. за вып.; в. XXIV (1911)—3 р.; в. XXV (1912), в. XXVI (1913) и **в. XXVII (1914)**—по 2 р. за вып.; *в. XXVIII (1915)*—3 р.

*Новгородская лѣтопись (1-ая, по Синодальн. харат. списку)—3 р.; *То же (изд. фототип.)—4 р.

Новгородскія лѣтописи (2-ая и 3-ья)—3 р.

Новгородскія писцовыя книги: тт. III—V—по 2 р. за томъ, т. VI—3 р.; **Указатель къ нимъ**—2 р.

*Описаніе рукописей Археографической Комиссіи—1 р. 50 к.

О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, сочин. Котошихина—1 р. 50 к.

Памятники Сибирской исторіи XVIII в., кн. I и II—по 2 р. за кн.

Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря—2 р.

Письма іезуитовъ о Россіи—1 р. 50 к.

Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврент. списку (изд. учебн.)—1 р.

Подробный каталогъ изданій Императорской Археографическ. Комиссіи (1836—1912 гг.), изд. 5-е—50 к.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей: **Новгородская 4-ая лѣтопись (т. IV, ч. I, изд. 2-ое)**, Никоновская лѣтопись (тт. *XI, XII, XIII ч. 1, XIII ч. 2), Новый Лѣтописецъ (т. XIV ч. 1), Лѣтопись Авраамки (т. XVI), Западно-русскія лѣтописи (т. XVII), Симеоновская лѣтопись (т. XVIII), Исторія о Казанскомъ царствѣ (т. XIX), Львовская лѣтопись (тт. XX ч. 1, XX ч. 2), Книга Степенная (тт. XXI ч. 1, XXI ч. 2)—по 2 р. за томъ; Хронографъ:

т. XXII ч. 1—3 р., т. XXII ч. 2—2 р.; Ермолинская лѣтопись (т. XXIII)—2 р. Указатель къ первымъ 8-ми тт. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп.: отд. I (личныя имена) — 4 р.; то же отдѣльно: вып. 2 (в—г) и в. 3 (г—і) — по 50 к., т. II (к—ѳ) — 2 р. 50 к.; отд. II (географическія имена) — 3 р. *Указатель къ IX—XIV тт., содержащимъ Никоновскую лѣтопись (т. XIV ч. 2)*—2 р.

Посольство Кунраада фанъ-Кленка съ царямъ Алексѣю Михайловичу и Ѳедору Алексѣевичу—3 р.

Протоколы засѣданій Археографической Комиссіи: вып. *I (1835 — 1840), в. *II (1841—1849) и в. III (1850—1868)—по 1 р. за вып.

Псковская Судная Грамота (съ прилож. полнаго текста, изданнаго фототип.)—2 р.; То же (изд. учебн., съ 1 табл. снимка)—40 к.

Путешествіе Новгородскаго архіеп. Антонія въ Царьградъ—75 к.

*Пятидесятилѣтіе Археографической Комиссіи—20 к.

Расходная книга Патріаршаго приказа кушаньямъ, подававшимся патр. Адріану—1 р. 50 к.

Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ: тт. I, III и IV—по 3 р. за томъ; т. II—2 р.

Русская Историческая Библіотека: Сборный томъ (*II), Уставъ церковныхъ обрядовъ Московск. Успенск. собора и Описи его (т. *III)—по 2 р. за томъ; Памятники древне-рус. канонич. права (ч. I, изд. 2-ое—т. VI), Памятники полемич. литерат. въ Зап. Руси (кн. 2—т. *VII съ Приложеніемъ—указателемъ и кн. 3—т. XIX)—по 3 р. за томъ; Приложеніе къ т. VII (отдѣльно)—50 к.; Сборный томъ (*VIII), Записныя книги Московск. Стола (т. *XI)—по 2 р. 50 к.; Акты Холмогорской и Устюжской епархій (кн. 1—т. *XII, кн. 2—т. *XIV и кн. 3—т. XXV)—по 2 р. за томъ; Памятники древн. письменности, относящ. къ Смутному времени (т. XIII, изд. 2-ое)—3 р.; Сборный томъ (XV)—2 р. 50 к.; Акты Копенгагенскаго Архива (т. XVI)—2 р.; Сборный томъ (XVII)—3 р.; Донскія Дѣла (кн. 1—т. XVIII, кн. 2—т. XXIV, кн. 3—т. XXVI, кн. 4—т. XXIX, *кн. 5—т. XXXIV*) — по 2 р. за томъ; Литовская Метрика (книги Судныхъ Дѣлъ—т. XX, кн. Записей—т. XXVII, кн. Публичныхъ Дѣлъ—т. XXX, **Пописы — т. XXXIII**) — по 3 р. за томъ; Дѣла Тайнаго Приказа; кн. 1 и 3 (тт. XXI и XXIII)—по 3 р. за томъ, кн. 2 (т. XXII)—2 р. 50 к.; Приходо-расходныя книги Московскихъ приказовъ (кн. 1—т. XXVIII), Сочиненія кн. А. М. Курбскаго (кн. 1, сочиненія оригинальныя и переписка—т. XXXI) **и Собраніе актовъ Строева (кн. 1—т. XXXII)**—по 2 р. за томъ.

*Русско-Ливонскіе акты—2 р.

*Сборникъ актовъ, относящ. до рода дворянъ Люткиныхъ—50 к.

Сборникъ князя Хилкова—2 р. 50 к.

Сибирскія лѣтописи—3 р.

Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи: т. *I—2 р., т. II—1 р. 50 к.

Сказанія о князьяхъ и царяхъ земли Русской—10 к.

Списки воеводъ—2 р.

*Списки іерарховъ—3 р. 50 к.

Указатель именъ личныхъ, упоминаемыхъ въ Дворцовыхъ Разрядахъ—1 р.

Указатель къ Акт. юридич. быта. См. Акты юридич. быта.

*Указатель къ Актамъ Юридическимъ—50 к.

Указатель къ Новгор. писц. книгамъ. См. Новгор. писц. кн.

Указатель къ первымъ 10 тт. Дополн. къ Акт. Историч. См. Дополн. къ Акт. Ист.

Указатель къ первымъ 8 тт. Полн. Собр. Рус. Лѣт. См. Полн. Собр. Рус. Лѣт.

Указатель къ IX—XIV тт. Полн. Собр. Рус. Лѣт. См. Полн. Собр. Рус. Лѣт.

Уставъ св. в. кн. Владиміра о церковныхъ судахъ и о десятинахъ—40 к.

Что желательно для Русской исторіи—50 к.

Отдѣльные оттиски изъ изданій: Временникъ Ивана Тимоѳеева (Р. И. Б., т. XIII)—40 к.; Житіе св. Николая Чудоворца (Минеи Четіи)—1 р.; Житіе препод. Иринарха (Р. И. Б., т. XIII)—25 к.; Иное сказаніе (тоже)—25 к.; *Историко-юридическіе акты XVI и XVII вв., съ прилож. 7 акт. (Лѣт. зан., в. IX)—20 к.; *Историческое изслѣдованіе о Западной Россіи (предисл. къ Документамъ Зап.-Русскаго края)—75 к.; Исторія о вел. кн. Московскомъ, сочин. кн. А. М. Курбскаго (Р. И. Б., т. XXXI)—30 к.; *Катихизисъ Ѳеодора Студита—греч. текстъ (Минеи Четіи, Прилож. къ в. VII)—1 р.; Новая повѣсть (Р. И. Б., т. XIII)—15 к.; Описаніе рукописей Казанскаго университета (Лѣт. зан., в. VII)—1 р. 50 к.; **Переписка кн. А. М. Курбскаго съ ц. Іоанномъ Грознымъ** (Р. И. Б., т. XXXI)—60 к.; Письма кн. А. М. Курбскаго къ разнымъ лицамъ (тоже)—20 к.; Повѣсть кн. Катырева-Ростовскаго (Р. И. Б., т. XIII)—25 к.; Повѣсть о Владимірской иконѣ Божіей Матери (П. С. Р. Л., т. XI)—20 к.; Сказаніе Авраамія Палицына (Р. И. Б., т. XIII)—75 к.; Статьи о Смутѣ (тоже)—25 к.; Устава на волоки (Р. И. Б., т. XXX)—25 коп.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

Редакторъ **Э. Л. Радловъ**.

(Вышла 1-го февраля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра (тел. 83—17). Иногородніе могутъ подписываться въ почтовыхъ отдѣленіяхъ или вносить деньги въ мѣстныя казначейства (въ § 22, ст. 14 государственныхъ доходовъ) при заявленіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ квитанція, полученная изъ казначейства, высылается въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ Петроградѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу — **16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей,** за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую. **Полные экземпляры** имѣются за 1876, 1882, 1887, 1902 — 1909, 1911—1913 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „**Журналѣ**" съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5 — 6 листовъ „**Извѣстія по народному образованію**" съ приложеніемъ „**Справочной книги по низшему образованію**". „**Извѣстія**" воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „**Журнала**", но „**Справочная книга**" составляетъ совершенно отдѣльное отъ „**Журнала**" изданіе. Цѣна „**Извѣстій**" составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу — 4 р.

За прежніе годы „**Извѣстія**" имѣются за 1904 — 1909, 1911 — 1914 гг.